This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

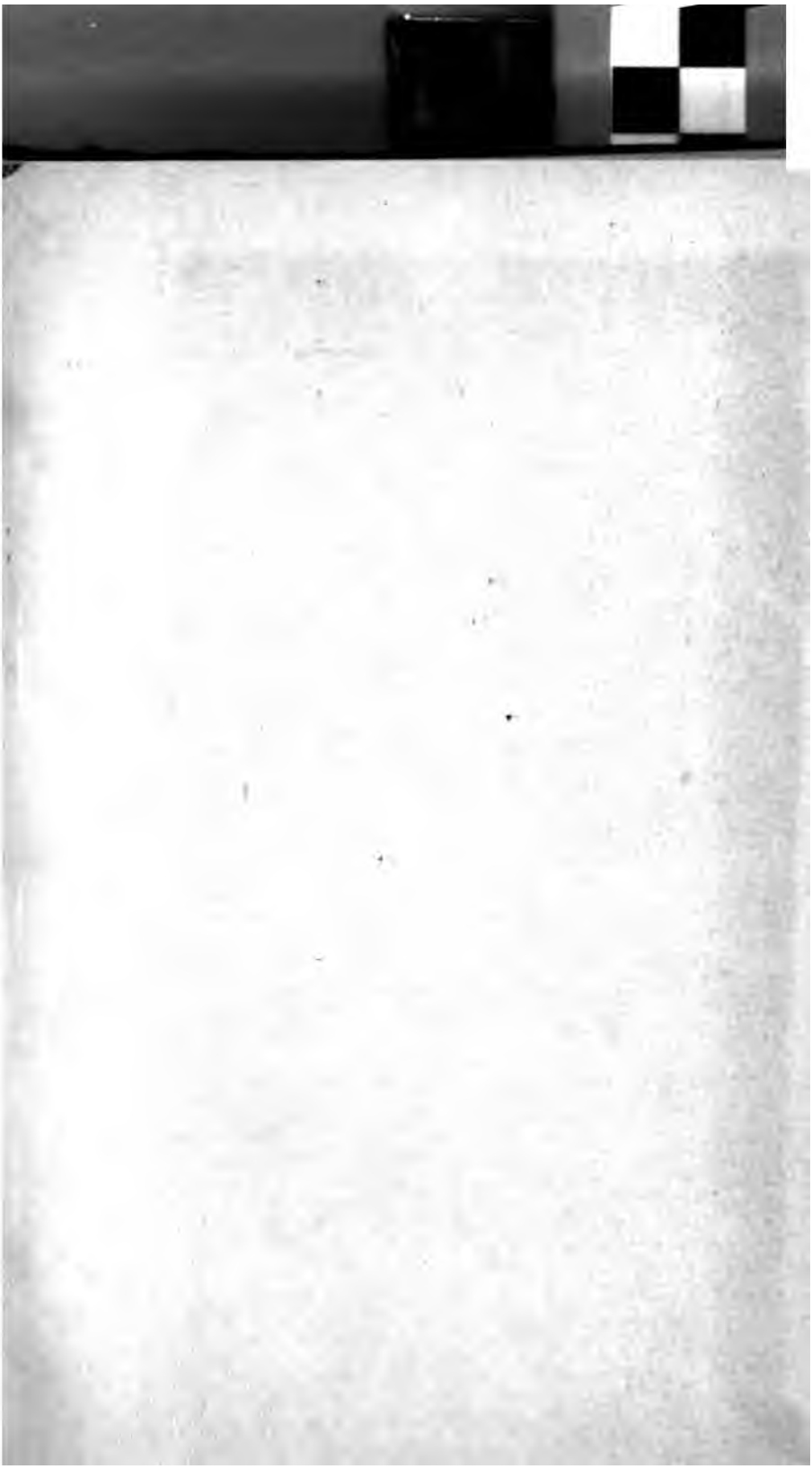
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,100,254

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ

1887

МАРТЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ДѢТИ СОЛНЦЕВЫХЪ. Изъ дневника институтки двадцатыхъ годовъ. Гл. XI—XII. В. (Автора повѣсти *Отчего.*)

II. ВЪ ДАЛЬНИХЪ ВОДАХЪ И СТРАНАХЪ. Гл. XXVIII. **В. В. Крестовскаго.**

III. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ. Окончаніе. **И. В. Цвѣтаева.**

IV. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СИБИРСКАГО ОХОТНИКА. **А. А. Черкасова.**

V. ГРАЖДАНСКОЕ ЧИНОПРОИЗВОДСТВО ВЪ РОССІИ. Историческій очеркъ. **В. А. Евреинова.**

VI. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА. **Д. В.**

VII. СКВОЗЬ ОГОНЬ СТРАСТИ. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IV. **Д. М. Позняка.**

VIII. НОВАЯ КНИГА О РУССКОЙ АРМІИ. **И. В.**

IX. О ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССІИ. **Н. А. Новосельскаго.**

X. АПОЛЛОНУ НИКОЛАЕВИЧУ МАЙКОВУ. Стихотвореніе. **К. Р.**

XI. СТИХОТВОРЕНІЯ: I. Е. И. В. Великому Князю Константину Константиновичу. — II. Графу А. А. Голенищеву-Кутузову.—III. „Мысль поэтическая—нѣтъ!“—IV. „О море! Нѣчто есть слышнѣй тебя, сильнѣй“. — V. „Скорбитъ душа твоя...“—VI. Олимпійскія игры. — VII. Жанна д'Аркъ.—VIII. Мертвая зыбь.—IX. „Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ святыни“. — X. Изъ Аполлодора Гностика. — XI. „Окончекъ трудъ—ужь онъ мнѣ трудъ постылый“. **А. Н. Майкова.**

XII. БИБЛІОГРАФІЯ. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.

XIII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Возобновленіе злоумышленныхъ попытокъ въ Россіи. — II. Болгарія и Европа.—III. Князь Бисмаркъ и Франція.—IV. Военныя силы Германіи.—V. Нейтралитетъ Бельгіи.—VI. Къ чему ведетъ повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ.—VII. Насмѣшка кредитнаго рубля надъ игроками.

XIV. АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ФЕХНЕРЪ. **Д. В. Цвѣтаева.**

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

БУХГОЛЬЦЫ ВЪ ИТАЛІИ. **Юліуса Штинде.** Переводъ съ нѣмецкаго.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

155

ТОМЪ СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1887

AT
V. 12

ДѢТИ СОЛНЦЕВЫХЪ*

Изъ дневника институтки двадцатыхъ годовъ.

XI.

Послѣ грозы которая такъ неожиданно пронеслась надъ воспитанницами въ описанную ночь и, разразившись надъ четвертымъ классомъ, задѣла больнѣе всѣхъ Варю Солнцеву, погода не прояснилась и на слѣдующій день. Воспитанницы проснулись и встали съ тѣмъ болѣзненнымъ ощущеніемъ которое испытывается почти всѣми людьми, во всѣ возрасты, послѣ какой-нибудь катастрофы, дурнаго поступка или при ожиданіи несчастія. Классныя дамы, пепиньерки, и болѣе всѣхъ Бунина, которая въ душѣ не могла не сознавать что поступила не совсѣмъ такъ какъ бы слѣдовало, хотя конечно она никому не созналась бы въ этомъ, тоже не были свободны отъ этого чувства. Маленькія одѣвались въ небывалой тишинѣ. Онѣ не упрекали Варю, виновницу случившагося, хотя перспектива оставаться въ воскресенье безъ родныхъ заставляла не одно маленькое сердце болѣзненно сжиматься. Напротивъ, онѣ какъ будто изъ чувства деликатности не

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1 и 2.

дѣлали намека на вчерашнее происшествіе. Бунина въ это утро проснулась не въ духѣ и тоже была особенно молчалива. Она не покрикивала, какъ обыкновенно, то на одну, то на другую изъ воспитанницъ, а съ нахмуреннымъ, недовольнымъ лицомъ особенно тщательно занималась своимъ туалетомъ.

Во всѣхъ прочихъ дортуарахъ, напротивъ, воспитанницы громко обсуждали вчерашнее происшествіе и со всѣхъ сторонъ слышались порицанія поведенія Буниной, которая слишкомъ рѣзко отвѣтила на вопросъ начальницы о поведеніи дѣвочки если и проказившей то лишь въ отношеніи къ ней, Буниной, и вовсе смолчала когда начальница спросила Варю какъ могла она не сказать о своей шалости при видѣ общаго переполоха, хотя и знала что достаточно было нѣсколькихъ словъ ея чтобъ избавить дѣвочку отъ позорнаго наказанія и отлично понимала что Варя молчитъ не по капризу, а просто не можетъ выговорить слова отъ волненія. Когда къ ней начали приставать, то-есть упрекать ее, она съ досадой отвѣчала: „Я сказала только то что на самомъ дѣлѣ есть, а не объяснила того о чемъ меня не спрашивали, потому что не хотѣла. Кто можетъ меня заставить? У ней есть свой языкъ. Да и есть изъ чего такъ много толковать! Велика вежность—Солнцеву выпороли! Ее уже давнымъ-давно слѣдовало. По моему, признаюсь, можно пожалѣть объ одномъ только, что ей мало попало.“

Елена Антоновна, которая при наказаніи не присутствовала, а выслушала подробный разсказъ обо всемъ случившемся отъ Буниной и въ то время когда была еще встревожена ушибомъ Леночки, только покачала головой и произнесла: „по-дѣломъ, по-дѣломъ. Могла ли я этого ожидать? Что за чертенокъ эта дѣвочка! Сколько бѣдъ надѣлала!“

Въ классы шли въ этотъ день всѣ воспитанницы особенно тихо, въ особенномъ порядкѣ и особенно чинно и спокойно разсаживались по мѣстамъ. Елена Антоновна шла предъ своимъ классомъ серіозная, грустная и ни съ кѣмъ изъ дѣтей не говорила ни послѣ молитвы, ни предъ началомъ урока.

Воспитанница, научившая Варю легкому способу отдѣлаться отъ наказанія, была тоже особенно не въ духѣ. Она, по приходѣ въ классъ, сѣла на свое мѣсто и, не заговоривъ ни съ кѣмъ, стала внимательно перелистывать какую-то тетрадь. Такъ сидѣла она нѣсколько минутъ, потомъ вдругъ подняла голову и не обращаясь ни къ кому особенно, сказала:

— Какъ обидно что самыя лучшія намѣренія, самыя искреннія желанія сдѣлать добро, принести пользу, иногда приносятъ только вредъ.

Нѣсколько воспитанницъ, занятыхъ также какъ и она своимъ дѣломъ, молча, вопросительно посмотрѣли на нее.

— Да... вѣдь бѣда-то съ этою маленькою случилась только по моей винѣ.

— Вотъ еще!... пустяки... сказала одна изъ ея сосѣдокъ.

— Не совсѣмъ пустяки. Еслибъ я не научила ее встать такъ рано, ничего бы не было. Она не сыграла бы комедіи съ Глашенькой утромъ, и вечеромъ не было бы трагедіи.

На это она не получила никакого отвѣта и, облокотившись локтями о крышку люлитра и положивъ въ руку голову, опять принялась за перелистываньe.

Въ этотъ же день, за обѣдомъ, она, смотря однимъ глазомъ въ сторону классной дамы, шептала что-то урывками горничной которая обыкновенно занималась исполненіемъ секретныхъ порученій воспитанницъ, покупала и передавала имъ очень искусно шоколатъ, пряничные обрѣзки, — любимое лакомство воспитанницъ,—маковники, даже мороженыя яблоки, и за послѣднимъ блюдомъ незамѣтно сунула ей что-то въ руки.

Во время утреннихъ уроковъ въ классѣ у маленькихъ не было пелиньерки. Онѣ сидѣли уже за обѣденнымъ столомъ, когда вошла Бунина и заняла свое мѣсто. Дѣти переглянулись. Лицо пелиньерки показалось имъ очень страннымъ, вѣки ея гораздо краснѣе обыкновеннаго и носъ какъ-то толще, а послѣ обѣда разнесся слухъ что Бунину требовала къ себѣ начальница и задала ей такую головомойку которой та никогда не забудетъ. Говорили что ее переведутъ въ другой классъ, такъ какъ она не умѣетъ обращаться съ маленькими. Нашлись и такія догадливыя которыя сообщали за вѣрное что ее и вовсе удалятъ изъ заведенія.

На вечерней рекреаціи Варя, помѣнявшись своей ларой, шла рядомъ съ Таней Гроневою. Она опустила глаза и, перебирая пальцами крученую бахрому своего платка, говорила съ ней о чемъ-то очень серіозно и тихо.

— Ты на меня сердишься, дѣвочка? вдругъ услышала она звучный голосъ взрослой дѣвочки которая, нагнувшись къ ней, положила ей въ руки палочку шоколату и порядочный пакетъ изъ сѣрой бумаги, свернутый конусомъ.

— За что? Что это? спросила Варя, удивленно взглянувъ на свертокъ и потомъ на говорившую.

— За то что моя наука не въ прокъ тебѣ пошла. Бѣдная дѣвочка! сказала дѣвушка ласково, и нагнувшись, поцѣловала Варю въ лобъ.

Варѣ вдругъ стало ужасно жаль себя, она опустила глаза, и слезы часто-часто закапали на сѣрую бумагу пакета, который она держала въ рукахъ.

— Не плачь, дѣточка! Кто же зналъ что ты такая шалунья! А это, дай я тебѣ въ карманъ высыплю, прибавила дѣвушка, и взявъ изъ рукъ Вари пакетъ она развернула его и, пріоткрывъ ея карманъ, опрокинула туда все что было въ бумагѣ, а потомъ оправивъ ей передникъ, еще разъ поцѣловала и сказала,—ну что за бѣда, въ самомъ дѣлѣ! Всѣмъ дѣтямъ доставалось когда они были маленькія. Еслибы ты была большая дѣвочка, ну, хоть бы десяти лѣтъ,—тогда другое дѣло, конечно; и потомъ вѣдь всѣ знаютъ что гадкаго ты ничего не сдѣлала, а что ты бѣдовая, у-у-у какая!—это и всѣ знаютъ и ты лучше всѣхъ. Вѣдь разсуди такъ, по совѣсти, безпристрастно: можно было тебя за такую шалость по головкѣ погладить?

— Я и не прошу, сказала Варя, вскинувъ на нее глазами.

— Еще бы! сказала дѣвушка смѣясь.—Вѣдь вотъ ты какая! Тебѣ обидно что такъ случилось, а каково Якушиной, Леночкѣ, которая вывихнула себѣ руку и теперь должна три недѣли въ лазаретѣ сидѣть? Посмотрѣла бы тоже на Вареньку, еще твою любимицу, у ней все лицо разбито, синякъ на лбу, огромная ссадина на подбородкѣ, показаться никуда нельзя, все по твоей милости.... А онѣ не плачутъ. Что же дѣлать если такъ случилось.

— Что жъ? сказала Варя.—Еслибъ я разбила себѣ лицо и вывихнула руку, я бы тоже не плакала, а то....

— Ну что: а то?.... Все пустяки! И то пустяки что ты бы не плакала. Я не поручусь за себя самою что не заплакала бы. Будь ты молодцемъ!... Что хмуришься?... Все пройдетъ, до свадьбы заживетъ. Кушай шоколатъ—отличный! А пряники—свѣжіе, какъ подумаешь о нихъ только, слюнки текутъ....

Варя подняла на дѣвушку глаза и улыбнулась.

Дѣвушка кивнула ей ласково головой и отошла успокоенная.

Катя въ этотъ день встала рано утромъ, до звонка. Она всю ночь не могла уснуть. Происшествіе съ Варей, какъ

кошмаръ, не давало ей покоя. Какъ ей помочь? Что сдѣлать чтобъ избавить ее отъ бѣды? „Я ничего не могу, не умѣю какъ-то взяться," думала она съ отчаяніемъ. „Не сумѣла даже заступиться за нее тамъ гдѣ бы можно было. Вѣдь это такое несчастіе, такое страшное несчастіе!... Если мама объ этомъ узнаетъ, это ее убьетъ.... Варя говоритъ что она не останется здѣсь, что она будетъ просить Александру Семеновну взять ее.... Да и какъ ей оставаться.... послѣ этого!...

Думая это, Катя торопливо одѣвалась. Чрезъ пять минутъ послѣ звонка, она уже совсѣмъ одѣтая, вошла въ младшій дортуаръ. Варя спала спокойнымъ сномъ. Бунина одѣвалась у своей постели. Увидѣвъ вошедшую въ дортуаръ Катю, она отвернулась и сдѣлала видъ что не замѣтила ея прихода.

Катя подошла къ постели сестры и разбудила ее. Варя послушно встала, дала себя одѣть и, взявъ книгу, сѣла на табуретку у своей постели и стала повторять урокъ который надо было сдать первымъ въ этотъ день.

На первой рекреаціи Катя все время ходила съ сестрой. Ей было такъ тяжело на сердцѣ что она, видя несчастное лицо Вари и понимая что она должна была чувствовать, старалась все время говорить съ ней о постороннихъ вещахъ. За уроками потомъ она думала и передумывала чѣмъ бы по крайней мѣрѣ развлечь, если не утѣшить ее. Наконецъ, предъ вечернею рекреаціей, она послѣпно перерыла свой люпитръ и отобрала нѣсколько бездѣлушекъ которыми Варя любила играть когда приходила къ ней, и положила ихъ себѣ въ карманъ. Стоя въ ряду съ ломтемъ хлѣба, она ходила и не могла дождаться, когда наконецъ хлѣбъ будетъ съѣденъ и разрѣшатъ прогулку. Какъ нарочно, на этотъ разъ хлѣбу конца не было.

Когда наконецъ классныя дамы одна за другой произнесли „promenez vous!" Катя прямо, рискуя получить выговоръ, пошла къ маленькому классу. Но ее остановила классная дама и велѣла ей отнести на верхъ въ свою комнату кипу тетрадей перевязанныхъ тесемкой. Катя исполнила порученіе и вернулась въ залу бѣгомъ. Еще издали она увидѣла что Варя ходитъ не съ Нютой, какъ обыкновенно, а съ Таней Гроневой, и что обѣ дѣвочки весело о чемъ-то болтаютъ. Въ ту минуту какъ она подошла къ нимъ, Варя смѣялась такъ отъ души что не замѣтила ея приближенія. Катя не вѣрила своимъ глазамъ и ушамъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

155

ТОМЪ СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1887

AD
V. 19

ДѢТИ СОЛНЦЕВЫХЪ*

Изъ дневника институтки двадцатыхъ годовъ.

XI.

Послѣ грозы которая такъ неожиданно пронеслась надъ воспитанницами въ описанную ночь и, разразившись надъ четвертымъ классомъ, задѣла больнѣе всѣхъ Варю Солнцеву, погода не прояснилась и на слѣдующій день. Воспитанницы проснулись и встали съ тѣмъ болѣзненнымъ ощущеніемъ которое испытывается почти всѣми людьми, во всѣ возрасты, послѣ какой-нибудь катастрофы, дурнаго поступка или при ожиданіи несчастія. Классныя дамы, лелиньерки, и болѣе всѣхъ Бунина, которая въ душѣ не могла не сознавать что поступила не совсѣмъ такъ какъ бы слѣдовало, хотя конечно она никому не созналась бы въ этомъ, тоже не были свободны отъ этого чувства. Маленькія одѣвались въ небывалой тишинѣ. Онѣ не упрекали Варю, виновницу случившагося, хотя перспектива оставаться въ воскресенье безъ родныхъ заставляла не одно маленькое сердце болѣзненно сжиматься. Напротивъ, онѣ какъ будто изъ чувства деликатности не

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1 и 2.

дѣлали намека на вчерашнее происшествіе. Бунина въ это утро проснулась не въ духѣ и тоже была особенно молчалива. Она не покрикивала, какъ обыкновенно, то на одну, то на другую изъ воспитанницъ, а съ нахмуреннымъ, недовольнымъ лицомъ особенно тщательно занималась своимъ туалетомъ.

Во всѣхъ прочихъ дортуарахъ, напротивъ, воспитанницы громко обсуждали вчерашнее происшествіе и со всѣхъ сторонъ слышались порицанія поведенія Буниной, которая слишкомъ рѣзко отвѣтила на вопросъ начальницы о поведеніи дѣвочки если и показавшей то лишь въ отношеніи къ ней, Буниной, и вовсе смолчала когда начальница спросила Варю какъ могла она не сказать о своей шалости при видѣ общаго переполоха, хотя и знала что достаточно было нѣсколькихъ словъ ея чтобъ избавить дѣвочку отъ позорнаго наказанія и отлично понимала что Варя молчитъ не по капризу, а просто не можетъ выговорить слова отъ волненія. Когда къ ней начали приставать, то-есть упрекать ее, она съ досадой отвѣчала: „Я сказала только то что на самомъ дѣлѣ есть, а не объясняла того о чемъ меня не спрашивали, потому что не хотѣла. Кто можетъ меня заставить? У ней есть свой языкъ. Да и есть изъ чего такъ много толковать! Велика вежность—Солнцеву вылороли! Ее уже давнымъ-давно слѣдовало. По моему, признаюсь, можно пожалѣть объ одномъ только, что ей мало попало.“

Елена Антоновна, которая при наказаніи не присутствовала, а выслушала подробный разказъ обо всемъ случившемся отъ Буниной и въ то время когда была еще встревожена ушибомъ Леночки, только покачала головой и произнесла: „по-дѣломъ, по-дѣломъ. Могла ли я этого ожидать? Что за чертенокъ эта дѣвочка! Сколько бѣдъ надѣлала!“

Въ классы шли въ этотъ день всѣ воспитанницы особенно тихо, въ особенномъ порядкѣ и особенно чинно и спокойно разсаживались по мѣстамъ. Елена Антоновна шла предъ своимъ классомъ серіозная, грустная и ни съ кѣмъ изъ дѣтей не говорила ни послѣ молитвы, ни предъ началомъ урока.

Воспитанница, научившая Варю легкому способу отдѣлаться отъ наказанія, была тоже особенно не въ духѣ. Она, по приходѣ въ классъ, сѣла на свое мѣсто и, не заговоривъ ни съ кѣмъ, стала внимательно перелистывать какую-то тетрадь. Такъ сидѣла она нѣсколько минутъ, потомъ вдругъ подняла голову и не обращаясь ни къ кому особенно, сказала:

— Какъ обидно что самыя лучшія намѣренія, самыя искреннія желанія сдѣлать добро, принести пользу, иногда приносятъ только вредъ.

Нѣсколько воспитанницъ, занятыхъ также какъ и она своимъ дѣломъ, молча, вопросительно посмотрѣли на нее.

— Да... вѣдь бѣда-то съ этою маленькою случилась только по моей винѣ.

— Вотъ еще!... пустяки... сказала одна изъ ея сосѣдокъ.

— Не совсѣмъ пустяки. Еслибъ я не научила ее встать такъ рано, ничего бы не было. Она не сыграла бы комедіи съ Глашенькой утромъ, и вечеромъ не было бы трагедіи.

На это она не получила никакого отвѣта и, опершись локтями о крышку люлитра и положивъ въ руку голову, опять принялась за перелистыванье.

Въ этотъ же день, за обѣдомъ, она, смотря однимъ глазомъ въ сторону классной дамы, шептала что-то урывками горничной которая обыкновенно занималась исполненіемъ секретныхъ порученій воспитанницъ, покупала и передавала имъ очень искусно шоколатъ, пряничные обрѣзки, — любимое лакомство воспитанницъ,—маковники, даже мороженыя яблоки, и за послѣднимъ блюдомъ незамѣтно сунула ей что-то въ руки.

Во время утреннихъ уроковъ въ классѣ у маленькихъ не было лейпиферки. Онѣ сидѣли уже за обѣденнымъ столомъ, когда вошла Бунина и заняла свое мѣсто. Дѣти переглянулись. Лицо лейпиферки показалось имъ очень страннымъ, вѣки ея гораздо красивѣе обыкновеннаго и носъ какъ-то толще, а послѣ обѣда разнесся слухъ что Бунину требовала къ себѣ начальница и задала ей такую головомойку которой та никогда не забудетъ. Говорили что ее переведутъ въ другой классъ, такъ какъ она не умѣетъ обращаться съ маленькими. Нашлись и такія догадливыя которыя сообщали за вѣрное что ее и вовсе удалятъ изъ заведенія.

На вечерней рекреаціи Варя, помѣнявшись своей ларой, шла рядомъ съ Таней Гроневою. Она опустила глаза и, перебирая пальцами крученую бахрому своего платка, говорила съ ней о чемъ-то очень серіозно и тихо.

— Ты на меня сердишься, дѣвочка? вдругъ услышала она звучный голосъ взрослой дѣвочки которая, нагнувшись къ ней, положила ей въ руки палочку шоколату и порядочный пакетъ изъ сѣрой бумаги, свернутый конусомъ.

— За что? Что это? спросила Варя, удивленно взглянувъ на свертокъ и потомъ на говорившую.

— За то что моя наука не въ прокъ тебѣ пошла. Бѣдная дѣвочка! сказала дѣвушка ласково, и нагнувшись, поцѣловала Варю въ лобъ.

Варѣ вдругъ стало ужасно жаль себя, она опустила глазъ, и слезы часто-часто закапали на сѣрую бумагу пакета, который она держала въ рукахъ.

— Не плачь, дѣточка! Кто же зналъ что ты такая шалунья! А это, дай я тебѣ въ карманъ высыплю, прибавила дѣвушка, и взявъ изъ рукъ Вари пакетъ она развернула его и, пріоткрывъ ея карманъ, опрокинула туда все что было въ бумагѣ, а потомъ оправивъ ей передникъ, еще разъ поцѣловала и сказала,—ну что за бѣда, въ самомъ дѣлѣ! Всѣмъ дѣтямъ доставалось когда они были маленькія. Еслибы ты была большая дѣвочка, ну, хоть бы десяти лѣтъ,—тогда другое дѣло, конечно; и потомъ вѣдь всѣ знаютъ что гадкаго ты ничего не сдѣлала, а что ты бѣдовая, у-у-у какая!—это и всѣ знаютъ и ты лучше всѣхъ. Вѣдь разсуди такъ, по совѣсти, безпристрастно: можно было тебя за такую шалость по головкѣ погладить?

— Я и не прошу, сказала Варя, вскинувъ на нее глазами.

— Еще бы! сказала дѣвушка смѣясь.—Вѣдь вотъ ты какая! Тебѣ обидно что такъ случилось, а каково Якушиной, Леночкѣ, которая вывихнула себѣ руку и теперь должна три недѣли въ лазаретѣ сидѣть? Посмотрѣла бы тоже на Вареньку, еще твою любимицу, у ней все лицо разбито, сипякъ на лбу, огромная ссадина на подбородкѣ, показаться никуда нельзя, все по твоей милости.... А онѣ не плачутъ. Что же дѣлать если такъ случилось.

— Что жъ? сказала Варя.—Еслибъ я разбила себѣ лицо и вывихнула руку, я бы тоже не плакала, а то....

— Ну что: а то?.... Все пустяки! И то пустяки что ты бы не плакала. Я не поручусь за себя самою что не заплакала бы. Будь ты молодцемъ!... Что хмуришься?... Все пройдетъ, до свадьбы заживетъ. Кушай шоколатъ—отличный! А пряники—свѣжіе, какъ подумаешь о нихъ только, слюнки текутъ....

Варя подняла на дѣвушку глаза и улыбнулась.

Дѣвушка кивнула ей ласково головой и отошла успокоенная.

Катя въ этотъ день встала рано утромъ, до звонка. Она всю ночь не могла уснуть. Происшествіе съ Варей, какъ

кошмаръ, не давало ей покоя. Какъ ей помочь? Что сдѣлать чтобъ избавить ее отъ бѣды? „Я ничего не могу, не умѣю какъ-то взяться,“ думала она съ отчаяніемъ. „Не сумѣла даже заступиться за нее тамъ гдѣ бы можно было. Вѣдь это такое несчастіе, такое страшное несчастіе!... Если мама объ этомъ узнаетъ, это ее убьетъ.... Варя говоритъ что она не останется здѣсь, что она будетъ просить Александру Семеновну взять ее.... Да и какъ ей оставаться.... послѣ этого!...

Думая это, Катя торопливо одѣвалась. Чрезъ пять минутъ послѣ звонка, она уже совсѣмъ одѣтая, вошла въ младшій дортуаръ. Варя спала спокойнымъ сномъ. Бунина одѣвалась у своей постели. Увидѣвъ вошедшую въ дортуаръ Катю, она отвернулась и сдѣлала видъ что не замѣтила ея прихода.

Катя подошла къ постели сестры и разбудила ее. Варя послушно встала, дала себя одѣть и, взявъ книгу, сѣла на табуретку у своей постели и стала повторять урокъ который надо было сдать первымъ въ этотъ день.

На первой рекреаціи Катя все время ходила съ сестрой. Ей было такъ тяжело на сердцѣ что она, видя несчастное лицо Вари и понимая что она должна была чувствовать, старалась все время говорить съ ней о посторонннихъ вещахъ. За уроками потомъ она думала и передумывала чѣмъ бы по крайней мѣрѣ развлечь, если не утѣшить ее. Наконецъ, предъ вечернею рекреаціей, она послѣпно перерыла свой люлитръ и отобрала нѣсколько бездѣлушекъ которыми Варя любила играть когда приходила къ ней, и положила ихъ себѣ въ карманъ. Стоя въ ряду съ ломтемъ хлѣба, она ходила и не могла дождаться, когда наконецъ хлѣбъ будетъ съѣденъ и разрѣшатъ прогулку. Какъ нарочно, на этотъ разъ хлѣбу конца не было.

Когда наконецъ классныя дамы одна за другой произнесли „promenez vous!“ Катя прямо, рискуя получить выговоръ, пошла къ маленькому классу. Но ее остановила классная дама и велѣла ей отнести на верхъ въ свою комнату кипу тетрадей перевязанныхъ тесемкой. Катя исполнила порученіе и вернулась въ залу бѣгомъ. Еще издали она увидѣла что Варя ходитъ не съ Нютой, какъ обыкновенно, а съ Таней Гроневой, и что обѣ дѣвочки весело о чемъ-то болтаютъ. Въ ту минуту какъ она подошла къ нимъ, Варя смѣялась такъ отъ души что не замѣтила ея приближенія. Катя не вѣрила своимъ глазамъ и ушамъ.

— Ва-аря! сказала она не то съ укоризной, не то съ удивленіемъ.

Варя подняла глаза на сестру, сконфузилась, но тотчасъ же оправилась и, взглянувъ ей прямо въ лицо, спросила вызывающимъ тономъ: „что?“

— Что? ты чего вдругъ такъ развеселилась? спросила Катя тихо.

— Не все же плакать! отвѣчала Варя, тряхнувъ головой.— Да и не о чемъ, ло правдѣ... Развѣ человѣкъ виноватъ если его вдругъ, ни съ того, ни съ сего, бѣшеная собака укуситъ?

И Варя тотчасъ же, en bonne enfant, заговорила очень живо:

— Знаешь? Таня говоритъ что она, то-есть не она Таня, а Бунина, пояснила Варя сквозь смѣхъ,—на собаку ни капельки не похожа, потому что собака животное благородное, а что она бѣшеная жаба; а ее спрашиваю, гдѣ она видѣла бѣшеную жабу, а она разказываетъ всякія глупости...

Катя молча шла рядомъ съ сестрой и, казалось, не слушала ея болтовни...

— Я тебѣ принесла... впрочемъ потомъ, сказала она.

— Хорошо, лучше потомъ, сказала Варя, прижимаясь къ Танѣ Гроневой и шепча ей что-то на ухо.

Катя сдѣлала еще нѣсколько шаговъ, потомъ, проставшись какъ-то сконфуженно съ маленькою сестрой, отошла къ своему классу. „Что это съ ней?“ думала она. „И какъ это она вдругъ... смѣется какъ ни въ чемъ не бывало... Конечно, для нея, собственно, это лучше, но... вѣдь надо не имѣть стыда... Она ужь большая, понимаетъ... И еще утромъ... какъ ей... Можетъ-быть, она нарочно, чтобы скрыть, или... она видитъ что меня это такъ мучитъ. Такъ было страшно за нее... а ей ничего... смѣется.“ И Катя не знала—радоваться ей или огорчаться происшедшею въ сестрѣ перемѣной.

Прошла недѣля, другая, и все было забыто. О послѣдней исторіи и помину не было. Все пошло по старому, только Варя за послѣдніе дни такъ сдружилась съ Таней Гроневой и Зоей Горошаниной что ни на кого болѣе не обращала вниманія, и три дѣвочки почти не разставались. Онѣ помогали другъ другу во всемъ: дѣлились гостинцами, перьями, линевали другъ другу тетради, во время рекреаціи вмѣстѣ гуляли, ло вечерамъ вмѣстѣ готовили уроки и спрашивали ихъ другъ у друга. Въ особенности Таня пришлась Варѣ по душѣ; Зою Горошанину она тоже полюбила какъ друга.

Да Бунина, послѣ полученнаго отъ начальницы и инспектрисы внушенія, стала совсѣмъ другою. Она мало покрикивала; особенно ласково обращалась съ нѣкоторыми изъ воспитанницъ; безо всякаго вниманія, равнодушно, смотрѣла на другихъ и съ полнымъ пренебреженіемъ относилась къ Варѣ Солнцевой. Если случалось что голосъ Вари раздавался немножко громче чѣмъ бы слѣдовало, она говорила громко, на весь классъ:

— Нюта, dites à la sainte *N'y-touche* qu'elle n'est pas au marché! При этомъ она, скорчивъ губы на сторону, старалась придать своему лицу самое презрительное выраженіе.

Уже нѣсколько дней сряду стояла ясная, морозная погода. Снѣгъ въ саду и на дворѣ лежалъ такой чистый, бѣлый, блестящій. Средняя аллея въ саду была такъ хорошо расчищена и посыпана пескомъ, мостки были уже насланы. Все такъ и манило на прогулку, и воспитанницы съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія выйти подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Mesdames, сегодня насъ поведутъ гулять! сказалъ кто-то за столомъ старшихъ.

Менѣе чѣмъ черезъ минуту извѣстіе это облетѣло всѣ столы. „Гулять! гулять! вотъ прелесть-то! слава Богу!“ слышалось отовсюду.

— Правда что насъ поведутъ? спрашивали у классныхъ дамъ и пелиньерокъ не особенно довѣрчивыя, и получивъ подтвержденіе, присоединяли свои возгласы къ громкимъ возгласамъ радовавшихся.

Воспитанницы слѣпили съ обѣдомъ, а послѣ обѣда всѣ шли особенно торопливо и никто не обращалъ вниманія на то что линія, обыкновенно прямая, какъ по ниточкѣ тянущаяся, на этотъ разъ изгибалась самыми затѣйливыми зигзагами.

—По нумерамъ, по нумерамъ подходить? Не толпиться! Пятнадцатый нумеръ! кто пятнадцатый? Да поторопитесь немножко! А вы куда? не услѣете что ли? слышится въ одномъ концѣ, у одного изъ длинныхъ ясеневыхъ шкафовъ.

— Кто кашляетъ—остается! кричитъ классная дама, отмахиваясь отъ нѣсколькихъ дѣвочекъ осаждающихъ ее.—Нѣтъ, нѣтъ, и ты не идешь! Какъ сиролъ принимать, ты кашляешь; а гулять идти, нѣтъ. Прошу покорно, безъ отговорокъ. И ты тоже и не проси, остаешься, остаешься! Mesdesmoiselles, обращается она къ пелиньеркамъ,—одна изъ васъ должна остаться съ больными.

Воспитанницы суетятся какъ пчелы въ ульѣ. Здѣсь имъ раздаютъ салопы, тамъ шалочки, галоши. Онѣ одѣваются, помогаютъ менѣе ловкимъ одѣваться, и чрезъ четверть часа всѣ, по классамъ, чинно, парами, уже выходятъ съ маленькаго подъѣзда во дворъ, оттуда по мосткамъ на садовую площадку и по аллеѣ,—опять на площадку, опять по аллеѣ, идутъ скоро-скоро, точно бѣгутъ.

Черезъ полчаса, освѣженныя, разрумяненныя, веселыя, воспитанницы возвращаются въ комнаты, живо сбрасываютъ у шкафовъ свои байковые салопы, тотчасъ же убираемые и развѣшиваемые дортуарными горничными въ шкафы по нумерамъ, сдаютъ шалочки и галоши и вбѣгаютъ въ залу, принося съ собою запахъ холода и свѣжести. Въ этотъ день нѣтъ чинной прогулки.

— Двигайтесь, двигайтесь, Mesdames! Маленькія, бѣгать! согрѣваться! покрикиваютъ дамы.

Въ залѣ происходитъ что-то необычайное. Говоръ, крикъ, шумъ, смѣхъ, взвизгиванья. Маленькія догоняютъ другъ друга, среднія толчатся на одномъ мѣстѣ, дѣлая видъ что тоже бѣгаютъ, старшіе ходятъ очень быстро по-двое и по-трое взадъ и впередъ.

Въ одномъ углу собралась кучка любопытныхъ. Всѣ онѣ обступили кого-то, и каждую секунду раздаются громкія восклицанія.

— Ахъ, душка! Прелесть! Смотрите, вотъ эти бутоны! А незабудочки! живыя! сорвать хочется! Нѣтъ, вотъ это смотри!

— Глашенька! Ангелъ! Вотъ золотыя руки! Сколько времени вы это вышивали? спрашиваетъ вдругъ кто-то.

— Два года, отвѣчаетъ самодовольно дѣвушка, держа за два конца работу, которая вызываетъ восторгъ всѣхъ собравшихся.

— Два года и ни единаго пятнышка, ни пылинки... Удивительно!

— Удивительно! передразниваетъ дѣвушка, придерживающая два другіе конца.—Нѣтъ ничего удивительнаго. Глашенька берегла ее больше чѣмъ себя!

И обѣ дѣвушки, тщательно накладывая большіе листы тонкой, мягкой бумаги, аккуратно складываютъ работу, стараясь пригнать какъ можно вѣрнѣе углы.

— А бахрома, посмотрите что за чудо! Я никакъ не ожидала чтобы такъ хорошо вышло. Эти звѣздочки въ сѣткѣ

какъ артистически сработаны! Безъ лести, чудо! И сколько терпѣнья! Египетская работа!

Глашенька Бунина съ гордостью посматриваетъ на восхищенную толпу.

— Что тутъ такое? Mesdames, на что вы смотрите? спрашиваетъ подошедшая Вѣра Сергѣевна.

— Бунина кончила свой платокъ. Восхитительно! Чудо Прелесть! затараторили со всѣхъ концовъ.

— Глашенька, похвастайте, душа моя.

Бунина, дѣлая видъ что съ неохотой исполняетъ просьбу запоздавшей зрительницы, развертываетъ и раскладываетъ платокъ.

Опять *ахи, охи*. Восторгамъ нѣтъ конца. Вѣра Сергѣевна тоже щедро расточаетъ похвалы.

Насладившись еще разъ своимъ успѣхомъ, Бунина наконецъ рѣшительно свертываетъ платокъ, переложивъ каждое мѣстечко бумагой, расправляетъ бахрому, прячетъ платокъ въ чехолъ, тщательно завязываетъ цѣлымъ десяткомъ тесемочекъ и тогда уже укладываетъ въ рабочую корзиночку, стоящую на скамейкѣ у окна.

Черезъ нѣсколько минутъ громкій звонъ, и вслѣдъ за нимъ покрикиванье и похлопыванье въ ладоши даютъ знать объ окончаніи рекреаціи.

— En classes, Mesdames, en classes! Dépêchez-vous! раздаются со всѣхъ сторонъ громкіе возгласы, покрывающіе на секунду дѣтскіе голоса.

Разбѣгавшіяся дѣти останавливаются. Смѣхъ и крики прекращаются. Воспитанницы, обтягивая передники, съѣхавшія на сторону пелеринки, живо подсовывая подъ рукава свалившіеся рукавчики и оправляя волосы, бѣгутъ къ своимъ мѣстамъ. Нѣкоторыя въ перегонку бросаются въ уголъ залы, гдѣ уже толпятся и тѣснятся ранѣе прибѣжавшія, и роются въ кучкѣ сваленныхъ вмѣстѣ на скамейкѣ книгъ, платковъ, начатыхъ вязаньемъ чулокъ съ большими клубками нитокъ, и отыскиваютъ принадлежащія имъ вещи.

Въ пять минутъ все въ порядкѣ, всѣ на мѣстахъ, хотя многія стоятъ съ раскраснѣвшимися лицами, блестящими глазами и учащеннымъ дыханіемъ.

Проходя съ классомъ мимо скамейки на которой стоитъ рабочая корзиночка, Бунина машинально, не глядя, протягиваетъ свою руку, берется за ручки корзиночки, поднимаетъ

ее, и вдругъ глаза ея останавливаются, расширяются, лицо изображаетъ удивленіе. Она быстрымъ движеніемъ руки откидываетъ крышку—корзиночка пуста.

— Какъ это неделикатно! неприлично! Кто это? говоритъ она въ слухъ.—Взять такъ, не спросясь. Еще измнутъ, запачкаютъ! Противныя!

Она ведетъ свой классъ какъ-то особенно крѣпко стуая ногами и потряхивая корпусомъ, лицо ея дышетъ досадой, зеленовато-сѣрые на выкатѣ глаза, расширенныя ноздри и учащенное дыханіе ясно говорятъ объ ея раздраженіи. Проходя по классамъ старшихъ, она ищетъ глазами не попадется ли ей нарушительница приличія и ея спокойствія, но нигдѣ ничего не видитъ. „Кто бы это былъ?“ думаетъ она. „Задамъ же я ей! Безсовѣстная!“

— Préparez vos cahiers! Нюта, voici la clef! Mets tout en ordre! говоритъ она, послѣшно выходя изъ класса.

Досада на того кто взялъ ея работу, и страхъ что пожалуй теперь, именно теперь, когда она въ такомъ крайнемъ случаѣ оставила дѣтей, зайдетъ въ классъ Mme Адлеръ и ей достанется, борются въ ней.

— Ужь отдѣлаю же я ее! говоритъ она про себя.—Mesdames, кто взялъ мою работу? спрашиваетъ она не то сердитымъ, не то взволнованнымъ голосомъ, входя въ ближайшій къ ея классу классъ и окидывая взоромъ всѣхъ сидящихъ на скамейкахъ воспитанницъ.

Воспитанницы переглядываются удивленно и въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: „мы не брали“; но въ классѣ слышится только пронесшееся съ одного конца на другой „у-у-у.“

Бунина бѣжитъ въ слѣдующій классъ, отвѣтъ тотъ же. Щеки ея блѣднѣютъ, глаза наполняются слезами, губы дрожатъ. Въ послѣднемъ классѣ ей отвѣчаютъ то же.

Она на минуту останавливается, берется руками за лобъ какъ бы для того чтобы собраться съ мыслями... Въ эту минуту отворяется дверь, воспитанницы приподнимаются со своихъ мѣстъ, дѣлаютъ реверансы и садятся.

Бунина слышитъ движеніе, видитъ что воспитанницы поднимаются со своихъ мѣстъ, дѣлаютъ реверансъ и опять садятся, она приходитъ въ себя, поднимаетъ голову, учитель уже сидитъ у каѳедры. Нагнувъ голову и запустивъ въ длинные, черные волосы всѣ пять пальцевъ одной руки, онъ другою намѣчаетъ что-то карандашемъ въ открытомъ передъ нимъ

журналѣ. Она испуганно взглядываетъ въ сторону и, увидѣвъ пристально смотрящую на нее классную даму, подходитъ къ ней.

— Марья Григорьевна! говоритъ она съ растереннымъ видомъ.—У меня кто-то унесъ мою работу, мой платокъ....

— Plus tard, ma chère, plus tard, la leçon commence, отвѣчаетъ классная дама, не слушая ее и отстраняя ее отъ себя рукой.

Бунина вспоминаетъ что у маленькихъ тоже учитель и урокъ тоже могъ начаться. Она торопливо выходитъ изъ класса, входитъ въ другой и, по мѣрѣ того какъ она, переходя изъ одной комнаты въ другую, видитъ что урокъ начался вездѣ, сердце ея сжимается отъ безпокойства. Страхъ что Mme Адлеръ въ ея классѣ, видитъ ея отсутствіе, удивляется ему и не спуститъ ей его, именно ей, потому что она все еще сердится на нее за исторію съ Солнцевой, этою противною Солнцевой, вытѣсняетъ всѣ остальныя мысли. Въ безпокойствѣ она еще прибавляетъ шагъ и останавливается на одну секунду предъ дверью маленькаго класса, быстро крестится и, чуть шевеля губами, произноситъ: „Господи п о милуй, Господи помилуй!..“

Въ классѣ уже сидѣлъ священникъ. Молитва была прочтена, и одна изъ дѣвочекъ, стоя на своемъ мѣстѣ, бойко отвѣчала на память выученный урокъ. Священникъ, проводя по бородѣ рукой, мѣрно поднималъ и опускалъ голову, не спуская глазъ съ отвѣчавшей ему дѣвочки.

Бунина тихонько добралась до своего мѣста, сѣла на стулъ у окна и по привычкѣ окинула глазами всѣхъ дѣтей отъ первой до послѣдней скамейки. Все было въ порядкѣ и главное „*она* не была“. „Слава Богу!“ подумала Бунина, и вздохнула съ облегченіемъ.

„Но гдѣ же онъ могъ дѣваться? Кто его взялъ?“ тотчасъ подумала она и стала припоминать, кто былъ возлѣ нея когда она укладывала платокъ въ корзинку. „Не спрашивалъ ли у меня кто еще прежде, вчера можетъ-быть, позволенія взять и показать его кому-нибудь? Нѣтъ, навѣрное никто“, рѣшила она. „Сунутъ въ люлитръ, отвратительныя, противныя, закапаютъ еще чернилами... Если только онѣ его испортятъ сколько-нибудь, я пойду прямо къ maman ложалуюсь.

Бунина не слышала урока, который казался ей особенно скученъ и особенно продолжителенъ въ этотъ день. Она не

могла бы повторить ни одного слова сказаннаго священникомъ, точно также какъ не могла бы сказать кого священникъ вызывалъ и кто какъ отвѣчалъ.

Къ слѣдующему уроку пришла Елена Антоновна.

Бунина встрѣтила ее при входѣ въ классъ, на порогѣ, и почему-то вдругъ въ душѣ ея мелькнула надежда. „Это Елена Антоновна взяла его когда шла къ себѣ, вѣрно кому-нибудь изъ зашедшихъ знакомыхъ показать".

— Елена Антоновна, мой платокъ у васъ? спросила она живо.

— Какой платокъ?

Елена Антоновна съ удивленіемъ посмотрѣла на Бунину.

У Буниной, какъ говорится, упало сердце.

— Моя работа... мой платокъ... я вамъ показывала его предъ гуляньемъ, потомъ всѣмъ показывала.

— Нѣтъ, ma chère, я его не брала, отвѣтила Елена Антоновна.

— Позвольте мнѣ выйти... разспросить... пока... между уроками... Это ужасно!.. заговорила дѣвушка, мѣняясь все болѣе и болѣе въ лицѣ.

— Mesdames! сказала она, отворивъ дверь въ ближайшій классъ,—ради Бога. Что за шутки! Отдайте мнѣ мою работу.

Классная дама, занятая чѣмъ-то у шкафа, обернулась, съ удивленіемъ и неудовольствіемъ посмотрѣла на нее, и собралась было сдѣлать ей выговоръ за несвоевременное появленіе, но увидѣвъ ея мѣловое лицо, безпокойно бѣгавшіе глаза и блѣдныя, дрожащія губы, обернулась къ классу и серіозно сказала:

— Mesdemoiselles, если кто-нибудь изъ васъ выдумалъ такую шутку, прошу немедленно прекратить ее. Слышите?

— Мы не брали. Мы не думали брать. Мы ужь сказали что не брали! загудѣло по классу.

Классная дама повернула голову въ сторону Буниной, ея ужь не было...

Испуганная, растерянная, съ отчаяніемъ въ лицѣ и въ голосѣ, она обѣгала всѣ классы и, получивъ вездѣ увѣреніе въ томъ что платка ея никто не бралъ, потеряла голову и не думая ни о томъ что она дѣлаетъ, ни о послѣдствіяхъ какія можетъ имѣть ея поступокъ, бросилась въ комнаты начальницы.

Какъ разъ въ это время въ пріемную изъ комнатъ начальницы выходила Mme Адлеръ. Она несла въ рукахъ большую

кипу переплетенныхъ книгъ. При видѣ испуганной, растерянной лепиньерки она остановилась.

— Qu'y a t'il, ma chère? спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— On m'a volé mon ouvrage, le châle que je préparais pour la comtesse P—e. Il a été là, au salon. Je l'ai montré déjà achevé. Elles l'ont toutes vu, admiré. Bon Dieu Sauveur! Deux ans d'ouvrage... et parti comme ça d'un coup... Sans trâce. Je veux implorer maman, говорила не ломая себя отъ волненія дѣвушка.

— Quelle folie, ma chère! сказала вдругъ строго Mme Адлеръ.—И какъ могла вамъ прійти подобная мысль въ голову? Безпокоить maman изъ-за вашей работы! Вѣдь это дерзость... неслыханная!.. дерзость которая не имѣетъ названія. Чему же вы учились здѣсь столько лѣтъ если не научились даже вести себя прилично?

Mme Адлеръ положила книги на столъ, подошла къ Буниной и продолжала.

— Какая вы послѣ этого наставница, подумайте. Вы должны подавать дѣтямъ примѣръ, а вы ведете себя хуже послѣдней изъ нихъ: я вамъ отвѣчаю что ни одна изъ воспитанницъ не рѣшилась бы на такую смѣлость.

Бунина стояла какъ громомъ пораженная.

Mme Адлеръ замѣтила ея испугъ и, представивъ себѣ ея отчаянное за минуту до того лицо, сообразила что такъ, ни съ того ни съ сего, дѣвушка столько лѣтъ пробывшая въ заведеніи и оставленная лепиньеркой за хорошее поведеніе, не могла поступить безъ особенно уважительной причины.

— Успокойтесь, прибавила она уже ласковѣе.—Подите вылейте воды и приходите сейчасъ же сюда. Я васъ жду.

Немного успокоенная тѣмъ что Mme Адлеръ не оставитъ дѣла безъ вниманія, Бунина скоро вернулась и разсказала со всѣми подробностями какъ что было. Mme Адлеръ внимательно выслушала ее.

— Вы навѣрное ломаите что никто не просилъ у васъ посмотрѣть работу и вы никому не обѣщали дать ее для того чтобы показать кому-нибудь; можетъ-быть это было не сегодня, а гораздо прежде?

— Навѣрное никто не просилъ, никому не давала. Я голсвой могу отвѣтить, сказала убѣдительно Бунина.

— Кто складывалъ съ вами платокъ?

— Оленчка Ботановская.

— Не положила ли она его куда-нибудь въ другое мѣсто, а не въ корзинку, какъ вамъ кажется?

Неясный лучъ надежды опять блеснулъ въ душѣ Буниной.

— Гдѣ теперь Ботановская? спросила Mme Адлеръ.

— Она сегодня свободна и вѣрно работаетъ на верху.

— Бѣгите наверхъ, узнайте, и возвращайтесь сюда съ отвѣтомъ. Я васъ жду.

— Господи! Еслибы только онъ былъ у нея! Да и то, кажется, не я, а она клала его въ корзинку... впрочемъ... Если даже она вынула и унесла его зачѣмъ-нибудь, Богъ съ ней! Только бы ужь онъ нашелся, думала Бунина, проходя скорымъ шагомъ по корридорамъ и взбѣгая на лѣстницы.

Ботановская удивилась не менѣе самой Буниной на первыхъ порахъ и поспѣшила увѣрить Глашеньку что никогда бы и не подумала взять чужую вещь не спросивъ на то позволенія.

Бунина вернулась и улавшимъ голосомъ передала инспектрисѣ слова Ботановской.

Выслушавъ отвѣтъ, Mme Адлеръ призадумалась.

— Хорошо, сказала она.—Идите теперь. Я подумаю... Я займусь этимъ, добавила она.

Когда кончился послѣдній урокъ, дѣти по обыкновенію убрали книги и тетради и собирались уже становиться въ пары чтобъ идти въ залъ, какъ пришло распоряженіе чтобы всѣ классы оставались на мѣстахъ.

— A vos places! A vos places! крикнула Елена Антоновна своимъ.

Удивленныя дѣвочки остановились и, не понимая въ чемъ дѣло, въ нерѣшимости посматривали на Елену Антоновну.

— Retournez à vos places! vite! подтвердила она серіозно.

Дѣвочки заняли свои мѣста и, жалуясь другъ другу на голодъ и на утомленіе, стали толковать о причинѣ сдѣланнаго распоряженія, и скоро большинствомъ голосовъ рѣшили что пріѣхалъ вѣрно кто-нибудь изъ высокихъ посѣтителей.

— Похоже, нечего сказать! произнесла съ насмѣшкой одна изъ болѣе догадливыхъ. — Въ самое время! Красивъ теперь порядокъ! Такъ бы и позволили... кто стоитъ, кто сидитъ, всѣ растрепанныя...

Не успѣла она договорить какъ въ комнату вошла Mme Адлеръ и остановилась предъ классомъ, въ трехъ шагахъ отъ первой скамейки.

Всѣ встали и сдѣлали обычный поклонъ.

— Дѣти, сказала Mme Адлеръ, пристально всматриваясь въ лица дѣтей,—не видалъ ли кто изъ васъ работу mademoiselle Буниной?

Дѣвочки, переглядываясь, заговорили что-то очень быстро и всѣ вмѣстѣ.

Mme Адлеръ вслушалась въ ихъ отвѣтъ и поняла что онѣ говорятъ: „Я, я, и мы, всѣ, много разъ прежде и сегодня...“

— Я не то васъ спрашиваю. Mlle Бунина сегодня послѣ гулянья, въ залѣ, во время рекреаціи, показывала свою работу, потомъ положила ее въ рабочую корзинку, а тамъ чрезъ нѣсколько минутъ ея не оказалось. Не видѣлъ ли кто-нибудь изъ васъ, кто вынулъ работу или подходилъ къ корзинкѣ?

— Я не видѣла, я не видѣла! заговорили опять всѣ разомъ, оглядываясь другъ на друга.

— Знали ли вы что Mlle Бунина уже съ четырехъ часовъ ищетъ свою работу? Спрашивала она васъ, не спрятали ли вы ее?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! былъ единодушный отвѣтъ.

— Изъ васъ кто-нибудь не трогалъ ли, не переложилъ ли ее въ другое мѣсто?

— Я не трогала, и я, и я не трогала! загудѣло въ отвѣтъ.

— Становитесь въ пары. Не берите ничего съ собою, ни книгъ, ни платковъ, ничего. Выходите не торопясь, скомандовала Mme Адлеръ.

Дѣвочки стали выходить изъ скамеекъ и становиться въ пары. Mme Адлеръ смотрѣла въ лицо каждой изъ нихъ. Однѣ шли съ любопытствомъ, вопросительно смотря на нее; другія совсѣмъ равнодушно; третьи, болѣе нервныя, конфузясь и краснѣя; нѣкоторыя весело... Но всѣ шли настолько спокойно что заподозрить которую-нибудь изъ нихъ въ томъ что она изъ шалости спрятала платокъ не было возможности.

Когда всѣ воспитанницы были уведены въ залу, въ классахъ, въ коридорахъ, въ спальняхъ, во всѣхъ шкафахъ, на и подъ шкафами, вездѣ гдѣ только есть малѣйшая возможность положить что-нибудь, все было осмотрѣно, обыскано,— платка нигдѣ не нашли. Залы, садъ, лѣстницы и всѣ углы были осмотрѣны ранѣе.

— Это не дѣтская шалость, это воровство, стали говорить многія.

— Но кто могъ его взять? спрашивали другія.—Въ залу

никто не входилъ, ни одинъ изъ служителей, не было ни одной горничной, ни одного посторонняго лица. Гдѣ искать?

Искали вездѣ и искали тщательно, но все напрасно. Платокъ исчезъ волшебствомъ.

Бунина заливалась слезами. Смотря на нее, нѣкоторыя изъ маленькихъ, ея обожательницы, тоже плакали; остальныя въ классѣ дѣти были какъ-то сконфужены. Варя была особенно оживлена. Глаза ея горѣли, щеки пылали румянцемъ, уши были красны. Когда послѣ вечерней молитвы воспитанницы становились въ пары, къ Танѣ Громовой, серіозно стоявшей на своемъ мѣстѣ, подкралась сзади Варя и, закрывъ ей своими руками глаза, шепнула что-то на ухо, потомъ чмокнула ее сначала въ одну щеку, потомъ въ другую и, взявъ ее за плечи, стала подпрыгивать на одномъ мѣстѣ и смѣясь шептать ей что-то на ухо.

— Солнцева, чему радуетесь? спросилъ кто-то изъ дѣвочекъ съ неудовольствіемъ; а Вѣрочка прибавила съ укоризной, какъ бы въ сторону:—И ей не стыдно, у Mlle Буниной такое горе, а она точно безчувственная, точно не понимаетъ!

— Она радовалась когда меня сѣкли! сказала вдругъ особенно громко Варя, подавъ голову и смотря на подругъ большими, блестящими, злыми глазами.—Она говорила тогда: „жаль только что мало!“ Ну и я радуюсь теперь, и буду радоваться если она себѣ ногу сломаетъ, да! неожиданно закончила она.

Дѣвочки молча, испуганно, посмотрѣли на нее, потомъ перевели глаза на Бунину, которая продолжала неутѣшно плакать, и на Елену Антоновну, которая стояла въ двухъ шагахъ отъ Солнцевой, и ждали что онѣ на это скажутъ, но ни та, ни другая не обернулись.

Въ дортуарахъ потомъ только и разговору было что о „чудномъ“ платкѣ и его таинственномъ исчезновеніи. Классныя дамы, пепиньерки, взрослыя воспитанницы, дѣти, всѣ собирались въ кучки, судили, рядили, высказывали свои предположенія, расходились и опять собирались; но всѣ разговоры ни къ чему не приводили, ничего не разъясняли, кромѣ того что платокъ былъ такъ чудно-хорошъ, такъ дорого стоилъ, такъ много было потрачено на него времени, и вдругъ въ то время когда онъ былъ готовъ, когда мечты, которыя Бунина лелѣяла чуть не съ перваго года поступленія своего въ заведеніе, могли наконецъ осуществиться, и прекрасная

работа могла быть поднесена черезъ двѣ недѣли въ праздникъ Рождества Христова графинѣ П—й, благодѣтельницѣ, воспитавшей Глашеньку... онъ исчезъ.

Вѣра Сергѣевна, принявшая особенно близко это дѣло къ сердцу, и Елена Антоновна долго совѣщались и остановились на одномъ: если это воспитанницы, то не иначе какъ тѣ съ которыми Будина имѣетъ дѣло, то-есть ея классъ, и потому надо искать только въ ея классѣ и между дѣтьми которыя имѣютъ на Будину за что-нибудь „злобу“.

— Знаете, сказала наконецъ Вѣра Сергѣевна,—я думаю есть только одно вѣрное средство: попросить Марину Ѳедоровну взяться за это дѣло. Она сумѣетъ и доискаться, и дознаться, и догадаться, если нужно, и до сознанія довести...

— Да, но вѣдь я съ ней ужь давно въ холодныхъ отношеніяхъ, и мнѣ обращаться къ ней съ просьбой неудобно.

— О, душечка, могу васъ увѣрить, она ужь давно обо всемъ забыла.

— Ей и помнить было нечего, сказала нахмурясь Елена Антоновна.—Чего же ей еще! Меня тогда чуть не на колѣнахъ заставили у нея прощенія просить. Помните тогда какъ она задумала въ отставку выходить.

— Ну и зачѣмъ вспоминать, право! Все это такъ давно было. И опять нельзя же оставить бѣдную Глашеньку такъ... Она въ такомъ отчаяніи, и по истинѣ—есть изъ-за чего. Столько труда! Столько траты, и вдругъ все въ трубу вылетѣло.

— Вы бы меня очень обязали, дорогая Вѣра Сергѣевна, сказала заискивающимъ голосомъ Елена Антоновна,—еслибы взяли это на себя. Вамъ вѣдь гораздо легче просить ее, вы тутъ сторона, а мнѣ, понимаете...

Вѣра Сергѣевна поморщилась, но менѣе нежели черезъ минуту сказала рѣшительно: „Идемте по крайней мѣрѣ вмѣстѣ“, и не давая Еленѣ Антоновнѣ времени отказаться, она обняла ее рукой за талію и повела черезъ дортуары.

Подойдя къ двери Марины Ѳедоровны, Вѣра Сергѣевна постучала и, получивъ приглашеніе войти, отворила дверь.

Марина Ѳедоровна приподняла голову отъ стола на которомъ что-то кроила, и посмотрѣла на вошедшихъ. Узнавъ посѣтительницъ, она выпрямилась, сняла съ пальцевъ большія ножницы, расправила руку и, поглаживая натертые ножницами пальцы, пошла на встрѣчу гостямъ.

— Всегда за работой! сказала лѣнивымъ голосомъ и очень любезно Вѣра Сергѣевна.

Дамы поздоровались и тотчасъ же приступили къ разказу о любопытной и необъяснимой пропажѣ, потомъ изложили свои затрудненія, подозрѣнія, и кончили тѣмъ что усердно просили Марину Ѳедоровну принять участіе въ дѣлѣ надъ которымъ всѣ, съ четырехъ часовъ, безъ пользы ломаютъ себѣ головы.

— Хорошо, сказала Марина Ѳедоровна,—я бы хотѣла только прежде всего знать какое основаніе имѣете вы, Елена Антоновна, предполагать что сдѣлали это именно ваши.

— То что сдѣлать этого больше некому, сказала Вѣра Сергѣевна.

— Гм! сказала Марина Ѳедоровна,—положимъ что это еще не основаніе.

— Что же, вы думаете, весь классъ принималъ участіе въ этой шалости?

— О, нѣтъ, только нѣкоторыя, конечно! сказала Елена Антоновна.

— Можете вы указать, кто именно, то-есть кого вы можете подозрѣвать?

— Я лично? сказала Елена Антоновна.—Признаюсь, я, по совѣсти, не вѣрю даже возможности участія дѣтей въ этой исторіи. Но всѣ говорятъ, вотъ и Вѣра Сергѣевна...

— А сама Бунина что говоритъ, то-есть какъ она думаетъ?

— Она... думаетъ, кажется, то же что и Вѣра Сергѣевна, и многія другія, отвѣчала нерѣшительно Елена Антоновна.

— Не позвать ли намъ Бунину? поспѣшила предложить Вѣра Сергѣевна, вставая.

— И прекрасно! сказала Марина Ѳедоровна, заинтересованная дѣломъ.

— Скажите, Елена Антоновна, кто же изъ вашихъ на столько сорви-голова что ее можно подозрѣвать въ такой скверной,—Марина Ѳедоровна пріостановилась, — продѣлкѣ, продолжала она,—потому что шалостью это назвать нельзя.

— Да кто, право?... Самыя дурныя дѣвочки въ классѣ, самыя дерзкія.... это... маленькая Солнцева, Иличъ, Далимова... Гронева, порядочный сорванецъ, да вотъ и всѣ кажется.

— Кромѣ Солнцевой я никого изъ нихъ не знаю, сказала Марина Ѳедоровна.

— Ка-акъ? Иличъ, это такая высокая блондинка, голубоглазая, такая скромница на видъ и самая негодная дѣвчонка.

Ей десять лѣтъ, а всѣ даютъ ей по меньшей мѣрѣ двѣнадцать, пояснила Елена Антоновна,—а Гронева—черноглазый бѣсенокъ, вы не могли ее не замѣтить. Далимова—маленькая Калмычка, отличается невозможною вспыльчивостью и чистымъ, звонкимъ какъ колокольчикъ голосомъ.

Марина Ѳедоровна слушала, не перебивая, и когда Елена Антоновна кончила свое объясненіе, она продолжала молчать.

Вѣра Сергѣевна вернулась съ Буниной, которую она ввела подъ руку:

— Садитесь, ma chère, сказала Марина Ѳедоровна, кивнувъ слегка головой на реверансъ Буниной.—Я слышала о вашемъ горѣ...

При послѣднихъ словахъ Марины Ѳедоровны по лицу Буниной полились градомъ слезы.

— Не надо плакать, продолжала Марина Ѳедоровна серіозно и покачавъ головой.—Вѣдь слезами дѣлу ни сколько не поможете. Надо быть благоразумною, хладнокровно все обсудить, поискать... Если ваша работа найдется, незачѣмъ было глаза портить, а не найдется, чего я думаю не можетъ быть, опять-таки зачѣмъ къ потерѣ, и безъ того чувствительной, терять или ослаблять глаза и прибавлять головную боль. Работу вашу очень жаль, слова нѣтъ. Она дѣйствительно превосходная, рисунокъ придуманъ мастерски и съ большимъ вкусомъ; лучшаго, въ этомъ родѣ, я нигдѣ ничего не встрѣчала. Но еще болѣе жаль что подобный случай могъ произойти здѣсь, у насъ... Постарайтесь теперь хорошенько припомнить какъ вы принесли вашу работу, кому въ какое время показывали, кто былъ близко когда вы клали работу въ корзинку, какъ вы хватились, какъ замѣтили что работы нѣтъ на мѣстѣ. Только не волнуйтесь и не увлекайтесь...

Бунина отвѣчала съ мельчайшими подробностями на всѣ вопросы Марины Ѳедоровны, которая слушала ее, положивъ локоть правой руки на ладонь лѣвой, приложивъ палецъ къ губамъ и смотря ей въ лицо.

— Вы хорошо помните что никого изъ вашихъ не было близко когда вы ставили корзиночку на скамейку?

— Никого, я отлично помню.

— А потомъ, гдѣ были вы все остальное время?

— Я до самаго звонка стояла у портрета, у рѣшетки то-есть, поправилась Бунина.

— Слѣдовательно все время вы могли имѣть корзинку въ виду?

— Да, но я не смотрѣла на нее все время. Я не знала. Я не могла ожидать, сказала Бунина съ дрожаніемъ въ голосѣ.

— Ну, понятно, перебила ее Mlle Милькѣева.—И вы не замѣтили чтобъ у скамейки собирались дѣти гурьбой, или подбѣгали и отбѣгали отъ нея?

— Нѣтъ, не могу приломать.

— Почему же вы думаете что вашу работу спрятали воспитанницы именно вашего класса, а не другихъ, и не кто-нибудь другой помимо дѣтей?

— Потому что больше некому, отвѣчала Бунина такъ же какъ отвѣтили до нея обѣ классныя дамы.—У меня въ домѣ нѣтъ ни одного врага.

— Какъ же вы думаете, то-есть какъ вамъ кажется, въ какое время и какъ онѣ могли это сдѣлать?

— Этого я тоже не могу сказать. Ума не приложу, сказала Бунина, подымая плечи и изумленно глядя въ глаза Марины Ѳедоровны.

— Если допустить что это дѣти, кого изъ нихъ вы можете подозрѣвать?

Бунина смѣшалась и молчала.

— Вѣдь не весь же классъ замѣшанъ въ этомъ?

— О, нѣтъ! за многихъ я ручаюсь.

— Назовите тѣхъ за которыхъ вы не поручитесь.

— Иличъ меня терпѣть не можетъ, сказала запинаясь Бунина.—Солнцева... Гронева, которая въ послѣднее время особенно сдружилась съ Солнцевой...

— Гм! сказала только Mlle Милькѣева и замолчала, соображая что-то.

— Собственно заправилой, насколько я понимаю, по вашему Солнцева? продолжала она, смотря въ глаза Буниной.

Бунина потупилась на секунду, но вдругъ рѣшительно подняла голову.

— Да, сказала она съ раздраженіемъ,—потому что она все время радовалась, прыгала, а послѣ молитвы, громко, предъ цѣлымъ классомъ объявила что она радуется и будетъ еще болѣе радоваться когда я себѣ ногу сломаю.

Бунина раскраснѣлась и опустила глаза наполнившіеся слезами.

— Желаю, искренно желаю чтобы маленькая Солнцева не была причастна этому дѣлу, сказала серіозно Марина Ѳедоровна.—Желаю этого для васъ, душа моя... Какой страшный

грѣхъ взяли бы вы себѣ на душу еслибы своимъ нетерпѣніемъ, или лучше сказать неумѣньемъ обращаться съ дѣтьми, сумѣли до такой степени развить дурные инстинкты маленькаго и такого прекраснаго по натурѣ существа, и въ какое короткое время!

— Такъ вы тоже думаете что это дѣло ея рукъ? спросила Елена Антоновна.

— Помилуй Богъ! сказала живо Марина Ѳедоровна.—Было бы слишкомъ жаль. Дѣвочка съ такими хорошими задатками, продолжала она какъ бы въ раздумьи.—Какой у нея открытый, прямой взглядъ! какая, казалось, теплая душа!.. Она чрезъ мѣру впечатлительна, правда, а эти натуры всегда опасны. Изъ нихъ выходятъ прекрасные люди при счастливыхъ условіяхъ, при неблагопріятныхъ же... Ну, не дай Богъ. Посмотримъ... Вы теперь идите въ дортуаръ, не оставляйте ихъ одѣхъ, сказала она.—Мой совѣтъ, обратилась она къ Еленѣ Антоновнѣ,—оставить все пока такъ...

— Что̀ вы, Марина Ѳедоровна! Оставить такъ? вступилась горячо Вѣра Сергѣевна. — Напротивъ, надо теперь же, сейчасъ, пока слѣды не остыли, а то спрячутъ концы въ воду и искать нечего будетъ, а вѣдь это не шутка! Еслибы вы, дорогая Марина Ѳедоровна, только захотѣли взять это на себя!.. Дѣти такъ вѣрятъ что вы все видите, все знаете. Стоитъ вамъ только пройти въ дортуаръ, вызвать этихъ mauvais sujets, приструнить ихъ хорошенько и сказать что вы сами видѣли какъ одна изъ нихъ несла что-то крадучись. Вѣрьте, они сами другъ друга выдадутъ...

— То-есть какъ же? По вашему я должна лойти къ дѣтямъ и лгать имъ.

— Что̀ жь? Знаете, иногда ложь во спасеніе, а въ такомъ дѣлѣ церемониться, право, нечего. Всякое средство хорошо, когда надо узнать истину.

— Нѣтъ, Вѣра Сергѣевна, извините. Чтобы пользоваться довѣріемъ дѣтей, не надо никогда, ни въ какомъ случаѣ лгать. Если они хоть разъ не только лоймаютъ васъ во лжи, но лишь усомнятся въ истинѣ вашихъ словъ, все потеряно. Не разчитывайте тогда ни на ваше вліяніе, ни на ихъ правдивость; такой примѣръ особенно заразителенъ, вѣрьте мнѣ, а потому позвольте ужь мнѣ добиться истины такъ какъ я это найду удобнымъ. Я прошу только, оставьте все пока такъ какъ есть.

— Когда же вы думаете добиться признанія? спросила недовольнымъ тономъ Вѣра Сергѣевна.

— Признанія еще не отъ кого добиться, сказала Марина Ѳедоровна, взглянувъ на Вѣру Сергѣевну,—прежде надо еще убѣдиться есть ли основаніе подозрѣвать. Если чѣмъ-нибудь обнаружится чья-нибудь виновность или только участіе, тогда мы и возьмемся за дѣло.

— Убѣдиться! протянула Вѣра Сергѣевна.—Долга лѣсная. Пока мы будемъ убѣждаться, онѣ успѣютъ все припрятать.

— Если есть что прятать, то теперь, когда за ними въ десять глазъ смотрятъ, вѣрьте, онѣ ничего не спрячутъ. Оставьте ихъ только въ покоѣ. Пусть онѣ даже и не подозрѣваютъ что вы слѣдите за ними. Что если имъ и въ голову подобная гадость не приходила? Подумайте, за что ихъ оскорблять!..

— Кому-нибудь да пришла же она, сказала съ досадой Вѣра Сергѣевна.—Вѣдь не самъ онъ ушелъ.

Вѣра Сергѣевна посмотрѣла на Елену Антоновну и нетерпѣливо пожала плечами.

— Право, Марина Ѳедоровна, лучше покончить теперь же. Вѣрнѣе дѣло, попыталась она еще разъ сказать.

— Какъ знаете, сказала Марина Ѳедоровна, разведя руками.—Я только свое мнѣніе высказываю.

— Незачѣмъ было и ходить къ ней. Я заранѣе знала что этимъ кончится, сказала Елена Антоновна по выходѣ изъ комнаты Марины Ѳедоровны.—Она всегдашняя заступница всякой дряни. А тутъ еще, гдѣ дѣло касается Глашеньки, которую она ненавидитъ, нечего было и ожидать.

— Да, странныя воззрѣнія! замѣтила Вѣра Сергѣевна съ пренебреженіемъ.—Онѣ будутъ дѣлать гадости, а вы съ ними церемоньтесь, не смѣйте ихъ подозрѣніемъ оскорбить.

Такъ, высказывая другъ другу неудовольствіе на Марину Ѳедоровну, Елена Антоновна и Вѣра Сергѣевна пришли въ младшій дортуаръ. Дѣти были уже раздѣты. Нѣкоторыя успѣли умыться и ложились спать, другія умывались, третьи съ полотенцами, зубными щетками, порошкомъ и мыломъ въ рукахъ, выжидали очереди столпившись у двери въ умывальную. Варя и Таня Гронева, стоя рядомъ возлѣ умывальника, плескали другъ въ друга водой и смѣялись.

— Солнцева! сказала Елена Антоновна, входя въ умывальную.—Поди сюда.

— Сейчасъ, я лицо умываю, отвѣчала Варя и стала торопливо плескать водой себѣ въ лицо.

Таня нагнулась къ ней и шепнула ей что-то на ухо.

Варя, набравши въ ротъ воды, закивала утвердительно головой, и отходя отъ умывальника обернулась къ Танѣ и сказала:—Знаю, сдѣлай милость не безпокойся.

— О чемъ не безпокойся? подхватила Вѣра Сергѣевна, стоявшая у двери, рядомъ съ Еленой Антоновной.—Солнцева отвѣчай!

Варя замялась и, утирая полотенцемъ лицо, оглянулась на свою подругу.

— Я ей говорю что у ней всѣ волосы на лбу мокры, чтобъ она вытерла, а она говоритъ, сама знаю, не безпокойся, отвѣтила бойко Таня за Варю.

— Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ, сказала Елена Антоновна, строго посмотрѣвъ на Таню.—Тебя спрашивали? Солнцева, подойди сюда, скорѣе.

Варя подошла и остановилась передъ Mme Якуниной.

Елена Антоновна опустила глаза на стоявшую предъ нею дѣвочку со свѣжимъ, еще влажнымъ лицомъ и прилипшими на лбу и вискахъ темными волосами, и подумала: „нѣтъ, не она.“

— Не знаешь ли ты, кто взялъ работу Mlle Буниной? спросила она прямо.

— Не знаю! отвѣтила Варя, тряхнувъ головой и смотря ей въ лицо.

— Ce n'est pas celle-là. J'en suis sûre, сказала Елена Антоновна въ сторону Вѣры Сергѣевны, стараясь говорить очень тихо.

Варя скорѣе поняла нежели услышала ея слова. Глаза ея сверкнули веселымъ.

— Послушай, Солнцева, сказала, нагибаясь къ ней, Вѣра Сергѣевна,—что̀ несла ты подъ платкомъ сегодня, послѣ гулянья?

— Когда я несла? гдѣ? спросила Варя, нахмуривъ брови.

— Гдѣ? ты сама знаешь. Я тебя видѣла. Не запирайся! сказала Вѣра Сергѣевна, пристально смотря на Варю.—Лучше теперь сознайся, хуже вѣдь будетъ.

— Это не правда! Вы меня не могли видѣть! Я никуда не ходила.

— Я тебя видѣла вотъ съ этою дѣвочкой, сказала Вѣра Сергѣевна, показавъ рукой на Таню.—Которая-то изъ васъ несла что-то подъ платкомъ.

совершенно простой, обыкновенный день. Не проходила Mme Адлеръ съ веселымъ, озабоченнымъ видомъ по классамъ, не посылались къ ней лучшія по поведенію и ученію изъ каждаго класса дѣвочки, которыя и въ этомъ году, въ глубинѣ сердецъ своихъ, твердо надѣялись что вотъ-вотъ имъ скажетъ ихъ классная дама: „Montez vite pour changer les tabliers, les pélerines et les manches, vous allez chez maman.“ Въ маленькихъ классахъ не твердили дѣти поздравительныхъ стиховъ, не переписывали ихъ дрожащими руками на большихъ листахъ почтовой бумаги съ вычурными гирляндами изъ цвѣтовъ и амуровъ. Не было покрикиванья лелиньерокъ: „ну, куда вытянула, ахъ Господи! Испортишь только! Развѣ не видишь, гдѣ намѣчено? Кругѣе, да кругѣе, тебѣ говорятъ! Нажми, отпусти!“ которыя такъ страшны и такъ пріятны въ одно время. Не было ничего праздничнаго въ этотъ годъ, кромѣ всенощной, отъ которой воспитанницъ провели прямо въ столовую къ перловому сулу и ячной кашѣ, „самому противному“, по мнѣнію большей части воспитанницъ, „ужину“.

— Будутъ пускать родителей? спрашивали, озадаченныя необыкновенною будничностью обстановки, воспитанницы.

— Еще бы! Какъ всегда, конечно; классовъ не будетъ, и два дня будутъ родителей принимать, вѣдь вы не наказаны, отвѣчали классныя дамы.

И дѣйствительно, родителей какъ всегда принимали съ двѣнадцати до двухъ часовъ, но все было какъ-то не радостно, не празднично, во всемъ чувствовалось стѣсненіе, и родители, вмѣсто ожидавшихся восторговъ, цѣлаго короба разказовъ, смѣха и анекдотовъ, выслушивали разказанную шепотомъ, съ оглядкой на сосѣдокъ и на проходившую дежурную даму, грустную повѣсть о томъ что maman недовольна всѣми классами и не показывается вовсе, а Mme Адлеръ съ послѣдней исторіи ни съ кѣмъ не говоритъ; что въ этомъ году „кажется“ не будетъ ни елки, ничего, ничего, потому что этотъ годъ какъ нарочно въ каждомъ классѣ была какая-нибудь „исторія“. Начинались разказы объ „этихъ исторіяхъ“ со всѣми подробностями. Родители выслушивали всѣ и уходили тоже огорченные огорченіемъ своихъ дѣтей.

— Когда мы въ Новый Годъ будемъ поздравлять maman, рѣшили старшія,—надо непремѣнно просить чтобъ она простила и забыла все.

И стали воспитанницы ждать Новаго Года.

Рождественская недѣля тянулась безъ конца.

— Ужь, право, хоть бы классы скорѣе, говорили воспитанницы, не зная чѣмъ бы занять себя, какъ бы развлечься.

Наканунѣ Новаго Года, однако, всѣ пріободрились и съ утра ждали чего-то, какой-то перемѣны. Во всѣхъ классахъ много разсуждали о томъ что надо будетъ сказать и какъ отвѣтить на такой-то вопросъ maman или на такое-то замѣчаніе Mme Адлеръ. Наступилъ вечеръ, раздался звонокъ къ ужину, Mme Адлеръ не показывалась. Всѣ повѣсили головы.

Въ Новый Годъ роздали какъ всегда и новыя платья, и тонкіе праздничные передники. Воспитанницы одѣлись, поздравили своихъ дамъ, пошли на молитву, оттуда по классамъ.

— Въ которомъ же часу мы будемъ поздравлять maman? спрашивали воспитанницы дамъ.

Дамы пожимали плечами и выражали лицами недоумѣніе.

Пошли къ обѣду. Обѣдъ былъ праздничный, давали и огурцы соленые къ говядинѣ, и пирожки съ вареньемъ, но не было легкости сердца, и обѣдъ прошелъ въ такой тишинѣ, какъ рѣдко проходили будничные.

Въ два часа послѣ пріема родителей, воспитанницы стали въ безпокойствѣ громко разсуждать о томъ что „нельзя же такъ оставаться, надо что-нибудь сдѣлать чтобъ увидѣть maman". Начались слезы, сначала чуть слышное посмаркиванье, потомъ все громче, громче, наконецъ всхлипыванья.

Въ четвертомъ часу въ старшій классъ вошла Mme Адлеръ. Ее встрѣтили рыданіями и горячими просьбами заступиться за нихъ предъ maman.

Mme Адлеръ выслушала ихъ просьбу, потомъ поздравила ихъ съ Новымъ Годомъ и пожелала чтобы все непріятное прошлое прошло навсегда и никогда болѣе не повторялось, а на просьбы ихъ отвѣчала:

— Старайтесь вести себя такъ чтобъ я имѣла право просить за васъ, теперь же это невозможно. Если цѣлый мѣсяцъ не будетъ наказанныхъ, я вамъ обѣщаю что начальница сама объявитъ вамъ свое прощеніе.

Потомъ Mme Адлеръ обошла всѣ классы, объяснила каждому его провинности, говорила что начальница огорчена не менѣе самихъ воспитанницъ и обѣщала просить maman о прощеніи если воспитанницы обѣщаютъ что впередъ онѣ будутъ вести себя такъ какъ подобаетъ.

— Смотрите за шалуньями сами, говорила она въ маленькихъ классахъ.

Пожеланіе Мте Адлеръ исполнилось: послѣ бурнаго, полнаго неожиданностями времени, настало полнѣйшее затишье, и къ первому февраля всѣ единицы въ поведеніи обратились въ двойки; нѣкоторыя воспитанницы даже надѣялись что у нихъ къ первому марта будутъ красоваться тройки и начинали мечтать о голубой кокардѣ. Къ такимъ счастливицамъ принадлежала и Зоя Горошанина. Варя и Таня лока и не мечтали о такомъ счастіи. Штрафованныхъ не было. Варю Бунина оставила въ покоѣ, и Варя, со своей стороны, стала смотрѣть на лелиньерку безо всякой злобы.

Дружба Вари съ ея новыми подругами, несмотря на различіе характеровъ и подсмѣиванье подругъ, продолжалась и крѣпла. Дѣвочки были неразлучны. Таня и Зоя смотрѣли на Варю съ подобострастіемъ и въ то же время съ нѣкоторымъ покровительствомъ. Онѣ не разъ принимали ея легкія провинности на себя.

Время между тѣмъ шло. Наступила Масляница... Воспитанницы получили прощеніе, и потому лиkованію не было конца. Всѣ языки развязались. Вездѣ слышался опять веселый, откровенный смѣхъ, шутки, бѣготня, точно тяжелый больной выздоровѣлъ и нѣтъ уже надобности ходить на цилочкахъ и говорить шелотомъ.

— Mesdemoiselles, кто ожидаетъ родственниковъ сегодня? Кто идетъ въ залу? Пора, собирайтесь, собирайтесь; мы сейчасъ идемъ, говорила Марина Ѳедоровна, проходя по шумнымъ классамъ въ воскресенье на Масляной недѣлѣ. Въ своемъ классѣ она остановилась и громко сказала: — Дѣти, надѣюсь что мы по примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ этомъ году займемся немного работой.

По классу пронесся веселый, утвердительный отвѣтъ.

— Отлично, только мы не богаты матеріаломъ. У кого изъ васъ будутъ сегодня родители, попросите чтобъ они прислали намъ старенькихъ, негодныхъ дома, дѣтскихъ вещей, стараго бѣлья, какихъ-нибудь шерстяныхъ остатковъ или старенькихъ, теплыхъ, совсѣмъ не нужныхъ имъ вещей. На первые дни у насъ еще будетъ дѣла. Тѣхъ изъ васъ кто пожелаетъ работать, милости просимъ ко мнѣ въ комнату, каждый вечеръ, послѣ уроковъ, конечно послѣ того какъ вы приготовите все что̀ вамъ нужно къ слѣдующему дню. Ну,

скорѣе, скорѣе, идемъ. Вы вѣдь знаете, для чего намъ нужны эти вещи? спросила она, обернувшись къ классу.

Единодушное „да-а-а-а“ было ей отвѣтомъ.

На слѣдующій день, вечеромъ, въ комнатѣ Марины Ѳедоровны шла жаркая работа. Нѣсколько молоденькихъ головокъ, нагнувшись надъ столомъ, внимательно накладывали вырѣзанныя изъ бумаги выкройки на чисто вымытые куски холста, канифаса и бумазеи и осторожно вырѣзали разныя маленькія вещи. Нѣсколько другихъ, сидя у другаго стола, послѣшно что-то распарывали. Третьи, низко наклонивъ головы, усердно сметывали какіе-то маленькіе клочки. Марина Ѳедоровна сама тоже работала. Она переходила отъ однѣхъ къ другимъ. У стола она брала сложенныя столками скроенныя вещи, осматривала каждую вещь, обрѣзала неровности, подбирала отдѣльныя части вмѣстѣ и, сложивъ каждую собранную вещь, передавала на другой столъ, объясняя что̀ куда надо приметать. Всѣ были заняты, и праздныхъ разговоровъ не было. То и дѣло раздавалось только: „Марина Ѳедоровна, что̀ дѣлать? рукавъ не выходитъ, тутъ дыра. Здѣсь одна сторона длиннѣе, Марина Ѳедоровна, можно пустить немножко короче? Марина Ѳедоровна, тутъ ло выкройкѣ никакъ не выходитъ!“

Марина Ѳедоровна подходила, поворачивала выкройку, прилаживала, и рукавъ выходилъ безъ дыры, и стороны дѣлались ровны, и длина находилась должная.

— Подумать, подумать надо, сообразить, говорила она весело, похлопывая недогадливую работницу по плечу.

За четверть часа до звонка къ ужину, Марина Ѳедоровна заторопила дѣтей складывать работу.

— Мнѣ только два стежка, умоляла одна барышня, не отрываясь отъ работы.

— Одну минуту. Я сейчасъ, убѣждала другая, торопливо дометывая.

— Вотъ-вотъ эту сторонку только, говорила третья, дорѣзывая послѣшно.

— Маршъ, маршъ, чтобы за вами остановки не было! Надо чтобы къ хорошему дѣлу не примѣшивалось ни малѣйшей досады или непріятности кому-нибудь. Вернетесь отъ ужина и уберете. Я ничего не трону, слышите, бросайте теперь такъ, говорила Марина Ѳедоровна, свертывая и ломогая то одной, то другой складывать работу.

Такъ первые дни Великаго Поста торопливо шла кройка, прилаживанье, наметка, и только къ концу второй недѣли принялись за шитье. Въ первый же вечеръ, когда всѣ работницы тихо, чинно и усердно занялись тачаньемъ, сшиваньемъ и залашиваньемъ, Марина Ѳедоровна, тоже работавшая наровнѣ съ воспитанницами, стала разказывать имъ грустныя исторіи тѣхъ дѣтей для которыхъ всѣ онѣ теперь такъ охотно трудились.

— Это мы дадимъ дѣткамъ Егора, нашего столяра, говорила она.—Онъ очень хорошій человѣкъ, работящій, усердный; только бьется, бѣднякъ, со своими ребятами. Жена его умерла въ прошломъ году и оставила ему пять человѣкъ. Старшей дѣвочкѣ всего шесть лѣтъ, а младшему теперь около года. При матери ребятишки были такіе чистенькіе, сытые, а теперь всѣ въ лохмотьяхъ, блѣдные, голодные на видъ, хотя онъ каждую заработанную копѣйку тратитъ на нихъ. „И понять не могу, сударыня,“ говоритъ мнѣ на дняхъ какъ-то, „при покойницѣ моей денегъ куда меньше выходило, а любо было на все посмотрѣть. Придетъ домой съ работы и поѣшь вкусно, и отдохнешь, чистота вездѣ; на ребятъ взглянешь, сердце радуется, а теперь, голова кругомъ идетъ. Все кажется имъ дѣлаешь не хуже какъ у другихъ людей, а они точно ницціе, а дома... и не смотрѣлъ бы.“ Говоритъ онъ это такимъ дрожащимъ голосомъ, чуть не плачетъ, а трое старшихъ жмутся къ нему, ласкаютъ его; даже трехлѣтняя, худая, встрепанная дѣвочка, рожицы отъ грязи не видать, и та точно понимаетъ, тоже обнимаетъ колѣно отца, прикладываетъ къ нему свое личико, гладитъ его ислачканными ручонками. „Что за жизнь! говоритъ Егоръ, руки бы на себя наложилъ съ тоски, а какъ обступятъ вотъ такъ-то и ласкаются, такъ кажется и въ невѣсть какую кабалу для нихъ пошелъ бы.“—А вотъ это какъ разъ придется одному моему новому знакомцу, маленькому мальчику. На дняхъ ходила я въ Гостиный Дворъ. Не далеко отъ Невскаго, мнѣ пришлось проходить какимъ-то переулкомъ. Только-что я завернула туда, вижу предъ собой маленькаго человѣчка, лѣтъ четырехъ, очень легко, очень грязно одѣтаго, безъ шапки, со встрепанными, свалявшимися, бѣлокурыми волосами. Мальчикъ шелъ, скоро-скоро перебирая своими ножонками въ стоптанныхъ, рваныхъ башмакахъ, надѣтыхъ

на босыя ноги. Вдругъ изъ воротъ дома съ противоположной стороны улицы выбѣжали три большіе мальчика. Одинъ съ разбѣгу ударилъ маленькаго въ лицо, другой свалилъ его съ ногъ, и всѣ трое принялись его тормошить, крича что-то. На счастіе мальчика какая-то женщина, сидѣвшая у воротъ дома, громко крикнула: „вотъ я васъ, озорники! Опять на маленькихъ нападать! Постой я къ буточнику сведу!“ Мальчики мигомъ разбѣжались, а маленькій остался на тротуарѣ и отчаянно кричалъ. Его подняли. По лицу его текла кровь, но нельзя было разобрать что онъ расшибъ себѣ. Кромѣ большихъ сѣрыхъ глазъ и длинныхъ рѣсницъ ничего нельзя было различить. Онъ кричалъ и размазывалъ грязными ручонками слезы и кровь по старой грязи. „Кто ты? Кто? Откуда?“ спрашиваю. „Гдѣ твоя мама?“ Молчитъ. Завела я его въ аптеку, недалеко было, попросила тамъ воды, умыла бѣднягу; несмотря на его сопротивленіе, вытерли ему рожицу и руки, примочили разбитый носъ, залѣпили англійскимъ пластыремъ ссадину на подборокѣ, дали кусокъ ячменнаго сахару и отпустили. Побѣжалъ мальчуганъ, оглядывается испуганно по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ его враговъ большихъ мальчиковъ и, дойдя до одного дома, пропадаетъ. Я пошла дальше. Часа черезъ три, возвращаясь домой и проходя мимо дома въ который скрылся мальчикъ, я случайно взглянула въ открытое окно подвальнаго этажа и увидѣла почти пустую комнату съ потемнѣвшими стѣнами, у окна почернѣвшій отъ времени и грязи столъ, на немъ обрѣзки кожи, дратва, молотокъ, шило, какія-то банки, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола скамейка, на ней сидитъ небритый человѣкъ лѣтъ тридцати, чистенько одѣтый, но такой худобы что нельзя смотрѣть на него безъ жалости. Человѣкъ этотъ сидѣлъ, опустивъ голову, одною рукой онъ обнималъ стоявшаго въ колѣнахъ его маленькаго мальчика, другою гладилъ его голову. Мальчикъ былъ мой новый знакомецъ. Я заслонила имъ свѣтъ, и они оба, въ одно время, подняли на меня глаза. На худомъ, желтомъ лицѣ рабочаго остановились двѣ слезы, а по блѣденькому, еще чистому послѣ мытья въ аптекѣ личику мальчика слезы текли одна за другой, и онъ подбиралъ ихъ кончикомъ языка. Я спросила рабочаго—не батюшкинъ ли онъ. Онъ приподнялъ глаза, утеръ рукой слезу, посмотрѣлъ на меня, бережно отставилъ отъ себя маленькаго мальчика и подошелъ къ столу. Я спросила, можетъ ли онъ взяться сшить

мнѣ нѣсколько паръ дѣтскихъ башмаковъ къ празднику. Онъ просилъ меня войти въ комнату или „мастерскую“, какъ онъ ее громко назвалъ, я вошла; онъ показалъ мнѣ свою работу и сказалъ цѣну. Пока я съ нимъ говорила, мальчуганъ все время прятался за отца, выглядывалъ испуганно изъ-за него и дергалъ его за фартукъ. Тотъ дѣлалъ видъ что не замѣчаетъ этого. Наконецъ мальчикъ шепнулъ: „тятя!“ Отецъ нагнулся и чуть слышно произнесъ: „что тебѣ?“—„Тятя, она.“ Когда я увидѣла что мальчикъ меня узналъ, я заговорила съ нимъ, но онъ опять спрятался за отца и молчалъ. Я спросила башмачника за что большіе мальчики избили его сына. По лицу его пробѣжала тѣнь. Онъ нахмурился какъ бы отъ физической боли и, не глядя на меня, сказалъ: „такой ужь онъ Богомъ обиженный. Мать его умерла, скоро годъ будетъ. При ней ему было хорошо. Любила она его и какъ любила! наряжала его; выведетъ бывало на улицу въ будни, точно въ праздникъ Господень; ни пятнышка на немъ, чистенькій, радостный, а теперь“... Онъ махнулъ рукой. „Озорники и потѣшаются надъ нимъ, проходу не даютъ. Онъ отъ нихъ хоронится, а они бьютъ его“... А вотъ это вашей прошлогодней знакомкѣ, маленькой Ниськѣ, продолжала Марина Ѳедоровна, держа въ рукѣ кофточку,—кто хочетъ шить ее? спросила она улыбаясь.— Ниська ужь ходитъ. Я ее видѣла недавно, такая хорошенькая, чистенькая. Мать ее оправилась, отецъ вышелъ изъ больницы и поступаетъ на старое мѣсто. Скоро, Богъ дастъ, и сама мать будетъ въ состояніи обшивать свою дѣвочку, а теперь еще мы къ Свѣтлому празднику пріодѣнемъ ее. Мать этой дѣвочки говоритъ мнѣ: „Каждый день, сударыня, какъ одѣваю свою Ниську, прошу Господа чтобъ Онъ благословилъ тѣ ручки которыя одѣли ее.“

Дѣвочки слушали Марину Ѳедоровну, и каждая изъ нихъ выбирала своего protégé, и каждая старалась достать что-нибудь еще въ пользу своего любимца. Многія приносили каждую недѣлю часть полученнаго изъ дома гостинца, говоря: „леденцы не портятся, изюмъ тоже, пряники немножко зачерствѣютъ, но это ничего, все же вкусно...“

Рабочая корзина, въ которую складывались готовыя вещи, наполнялась съ каждымъ днемъ. На пятой недѣлѣ поста она была уже полна, на шестой—полна черезъ край.

Въ Вербное воскресенье, когда дѣвочки собирались идти въ

комнату Марины Ѳедоровны чтобы заняться окончаніемъ начатыхъ работъ, она сказала имъ:

— Сегодня, дѣти, мы не работаемъ. Завтра вы начинаете говѣть. Вамъ надо немного заняться собой, провѣрить себя, припомнить какъ провели вы этотъ годъ, что имѣете на душѣ, посчитаться съ собой, словомъ, совѣтую вамъ взять ваши дневники и просмотрѣть ихъ. Тѣ что попѣнились писать въ теченіе года, а также которыя не писали и въ прежніе годы, пусть попробуютъ записать хоть въ общихъ чертахъ все пережитое ими. Это тоже будетъ не безъ пользы.

Воспитанницы что-то зашептали. Послышались недовольные голоса.

— Чего вы хотите? я не понимаю! Говорите громко, сказала Марина Ѳедоровна.

— Я не могу писать, Марина Ѳедоровна, право. Пробовала нѣсколько разъ, такая чушь выходитъ что читать совѣстно, сказала полная, красивая дѣвочка, Ина Гуровичъ.

— Жаль, мой другъ. Ты вообще не отличаешься умѣньемъ выражать свои мысли, даже письма домой, кажется, не безъ помощи чьей-нибудь пишешь. Тебѣ бы это было очень полезно, хоть бы для практики.

— Еслибы было что записывать! сказала другая дѣвочка.

— Неужто такъ-таки совсѣмъ нечего? сказала съ сомнѣніемъ, но ласково Марина Ѳедоровна.

— Право, Марина Ѳедоровна, нечего, поторопилась сказать Ина Гуровичъ.—Ужь такъ хорошо знаешь все что есть и что завтра будетъ что записывать какъ-то не охота.

— Это твое дѣло, то-есть вообще ваше, поправилась Марина Ѳедоровна, обращаясь къ классу,—я вѣдь и не настаиваю, а только совѣтую вамъ записывать ваши впечатлѣнія, зная по собственному опыту какое огромное удовольствіе, даже умиленіе, испытываетъ человѣкъ, когда въ послѣдствіи, чрезъ много лѣтъ, просматривая свой дневникъ, можетъ прослѣдить всю свою жизнь съ дѣтства, можетъ видѣть шагъ за шагомъ какъ развивались его духовныя силы; какъ возникали и мало-по-малу рушились его надежды, сомнѣнія; какъ иногда событія, наполнявшія его душу отчаяніемъ, съ теченіемъ времени обращались въ его пользу и давали ему счастіе: какъ другія напротивъ, и именно тѣ которыя охватывали его душу восторгомъ, въ которыхъ онъ видѣлъ свое

счастіе, отъ которыхъ ожидалъ невѣсть какихъ радостей обращались на его погибель или горе; можемъ ясно увидѣть какъ всѣ его разчеты, соображенія, самые обдуманные планы не привели ни къ чему, или къ совершенно противоположному тому чего желалъ, къ чему стремился, и какъ все въ жизни подготовляло и вело его къ тому пути который назначенъ ему волею Вышняго. Какъ жаль что у меня не достаетъ краснорѣчія, нѣтъ умѣнья убѣдить васъ въ томъ что вы лишаете себя и большаго удовольствія въ старости, и большой пользы въ молодые годы. Еслибы вы стали только записывать ваши впечатлѣнія и лоскулки, вы бы незамѣтно привыкли и обдумывать ихъ, и строже судить себя. А сколько разъ въ жизни вы нашли бы въ вашихъ дневникахъ и утѣшеніе и поводъ къ задушевному смѣху.

— Можетъ-быть у васъ, Марина Ѳедоровна, было о чемъ писать, а у насъ право не о чемъ, сказала одна изъ дѣвочекъ жалобнымъ голосомъ.

Марина Ѳедоровна улыбнулась.

— У меня было не болѣе впечатлѣній чѣмъ у васъ въ ваши годы, могу васъ увѣрить, а въ будущемъ весьма вѣроятно жизнь многихъ изъ васъ сложится такъ что ихъ у васъ будетъ и гораздо болѣе нежели у меня. Есть же вѣдь и между вами такія которыя находятъ что̀ вписывать въ свои дневники.

Ина Гуровичъ вынула изъ конторки толстую тетрадь въ красномъ картонномъ переплетѣ, открыла ее и сказала:

— Марина Ѳедоровна, увѣряю васъ что я нѣсколько разъ принималась писать, но какъ прочту написанное, руки отнимаются и на долго пропадаетъ охота писать. Можетъ-быть я ужь совсѣмъ глупа, глупѣе всѣхъ въ классѣ. Вотъ посудите сами, я вамъ прочту.

— Страница первая, начала дѣвочка, — фамиліи, фамиліи, кто гдѣ сидитъ, гдѣ лежитъ... очень интересно.

Она перевернула нѣсколько страницъ.

— Страница шестая. „Вызвалъ меня сегодня Нейдорфъ, заставилъ писать на доскѣ фразы на выученныя слова. Онъ говорилъ по-русски, я писала по-нѣмецки. Все было хорото. Только онъ сказалъ: „собака бѣжала и лаяла“. Я смѣшала Hund съ Huhn и написала: Der Huhn lief und bellte. Онъ прочелъ, засмѣялся и сказалъ: „Ich möchte gern einen Huhn bellen höhren“. Потомъ поправилъ ошибки въ двухъ

глаголахъ въ первой фразѣ и поставилъ тройку. Когда я сѣла на мѣсто, Ирецкая стала приставать ко мнѣ и спрашивать какъ лѣтухи поютъ. Я разсердилась. Она нагнулась и опять спросила. Я толкнула ее локтемъ и сказала „отстань“. Локоть попалъ ей въ глазъ. Она разревѣлась и сказала Mlle Мильквевой и всѣмъ, будто я разозлилась, толкнула ее и сказала „вотъ такъ“. Выходитъ что Ирецкая страшная ягунья и дрянь.“

— Ну что же. Это ты когда писала?

— Четыре года тому назадъ, въ маленькомъ еще. Да и потомъ все такія же прелести, сказала дѣвочка, смѣясь.

— Ну ужь въ четырнадцать лѣтъ ты не такъ напишешь, а для маленькой и то ничего. Что же, съ тѣхъ поръ измѣнила ты мнѣніе объ Ирецкой? спросила Марина Ѳедоровна, улыбаясь.

Всѣ засмѣялись.

— Однако я васъ оставлю теперь, а вы оставите шутки и серіозно подумаете о завтрашнемъ днѣ. Вы уже не маленькія, сказала Марина Ѳедоровна и вышла изъ класса, но чрезъ минуту она вернулась съ книгой, сѣла у стола, раскрыла ее и стала читать, не поднимая головы.

Въ другихъ классахъ было тоже не менѣе оживлено. Всѣ готовились и готовили подарки къ празднику своимъ родителямъ, родственникамъ, обожаемымъ предметамъ и другъ другу. Одни вышивали шелками, бисеромъ, стеклярусомъ и шерстью сувениры по бумажной канвѣ; другія разматывали шелкъ, серебряныя и золотыя нитки; третьи подбирали и складывали пустыя скорлупки грецкихъ орѣховъ парами, потомъ положивъ по двѣ или по три горошенки внутрь каждой пары заклеивали скорлупки воскомъ, завертывали ихъ плотно хлопчатою бумагой, выравнивали, стараясь придать форму правильнаго шара, обматывали аккуратно нитками и передавали записнымъ искусницамъ, которыя, подобравъ общими силами и не безъ споровъ тѣни шелковъ, начинали отдѣлку. Шары въ ихъ рукахъ скоро преображались въ красивые, пестрые, разноцвѣтные мячики. Разнообразіе рисунковъ и тѣней на этихъ мячикахъ было замѣчательное. Были и клѣтчатые, и полосатые, и треугольниками, и звѣздочками, были одноцвѣтные, подобранные въ тѣнь, и въ два-три цвѣта, были и всѣхъ цвѣтовъ радуги. Каждый оконченный мячикъ переходилъ изъ рукъ въ руки и вызывалъ восторгъ, критику и подражаніе. Тѣ изъ барышень которыя не умѣли сами работать

смотрѣли изъ-за плеча работавшихъ или стояли предъ ними на колѣнахъ. Онѣ обыкновенно были на посылкахъ у первыхъ. Принеси то, сдѣлай это, обрѣжь, спроси, принеси, отнеси! только и слышалась команда. Готовые мячики разныхъ рукодѣльницъ складывались очень часто и очень бережно вмѣстѣ, сравнивались, вызывали споры и восклицанія. Въ классѣ Марины Ѳедоровны были тоже три-четыре искусницы, которыя уже съ Великаго Поста были завалены просьбами подругъ, приготовленными въ черновѣ шарами и свертками размотаннаго шелка и мишуры.

Вечеромъ, по приходѣ въ дортуаръ, Марина Ѳедоровна позвала къ себѣ въ комнату одну изъ воспитанницъ, потомъ другую, третью, по одиночкѣ, и подолгу говорила съ каждою изъ нихъ глазъ на глазъ. Одни выходили отъ нея заплаканныя, другія смущенныя или спокойныя, но всѣ въ бодромъ, смягченномъ настроеніи. Одной изъ барышень Марина Ѳедоровна напоминала какую-нибудь забытую ею провинность, другую убѣждала извиниться предъ кѣмъ-нибудь обиженномъ ею; третью, упорно стоявшую на своемъ, уговаривала примириться съ подругой, съ которою она разсорилась и нѣсколько мѣсяцевъ не разговаривала.

— А ты еще молишься каждый день и просишь Господа отпустить твои прегрѣшенія какъ ты отпускаешь обидѣвшимъ тебя, говорила она. — Неужто ты не думаешь о томъ что говоришь и такъ только, какъ попугай, повторяешь заученныя слова. Вѣрно такъ, а то ты не могла бы столько времени сохранять злобу противъ Любочки Орловской, и изъ-за какихъ пустяковъ еще. Вспомни слова Христа, которыя батюшка не безъ умысла заставилъ тебя читать въ классѣ. „Если ты принесешь къ жертвеннику даръ свой и тамъ вспомнишь что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой передъ жертвенникомъ и пойди прежде примирись съ братомъ твоимъ и тогда прійди принеси даръ твой“. Подумай только, можешь ли ты удостоиться принятія Св. Таинъ если отъ души не примиришься съ твоимъ бывшимъ другомъ...

Катю тоже позвала къ себѣ Марина Ѳедоровна. Катя торопливо вошла.

— Другъ мой, начала Марина Ѳедоровна,—скажи откровенно, не приходило ли тебѣ когда-нибудь въ голову что сестра твоя не совсѣмъ чужда исчезновенія работы Буланой.

Катя замялась, покраснѣла и ничего не отвѣтила.

— Я почти увѣрена что это дѣло рукъ маленькихъ шалуній, между которыми сестра твоя занимаетъ не послѣднюю роль. Поговори съ ней теперь когда она готовится къ исповѣди и принятію Св. Таинъ, когда душа ея не можетъ не размягчиться. Не пугай ее, не заставляй сознаться тебѣ, этого не нужно, но убѣди ее, заставь понять что это большой грѣхъ и пусть она отъ всей души покается въ немъ. Если она теперь не сознаетъ, не пойметъ своего поступка, если въ ней не пробудится совѣсть, если она не почувствуетъ стыда и сожалѣнія что такъ поступила, изъ нея со временемъ можетъ выйти очень дурная женщина. Столько хитрости, столько скрытности и характера въ маленькомъ существѣ! Страшно за ея будущее. Постарайся, душа моя, лаской и убѣжденіемъ на нее подѣйствовать. Дай Богъ тебѣ успѣть въ этомъ. Говори съ ней люба, безъ досады, не теряй терпѣнія, не стращай, старайся затронуть ея совѣсть, подѣйствовать на ея добрыя чувства...

Въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ, во всемъ домѣ съ утра царила тишина, спокойствіе и общее молитвенное настроеніе. Всѣ фортеліано были закрыты и заперты ключами, дѣти не бѣгали, а ходили чинно. Нигдѣ не было громкихъ разговоровъ. Въ церковь собирались въ полнѣйшей тишинѣ. Изъ церкви шли въ классы молча. Въ классахъ, сидя близко другъ къ другу, голова съ головой, по четыре и по пяти человѣкъ, обнявшись руками за тальи или положивъ руки на плечи одна другой, воспитанницы читали Евангеліе. Средняя читала вслухъ, остальныя слушали, слѣдя глазами по книгѣ. Въ маленькихъ классахъ Евангеліе читала вслухъ пепиньерка или которая-нибудь изъ немногихъ дѣвочекъ отличавшихся умѣньемъ читать по славянски. Послѣ обѣда, въ теченіе всей недѣли позволялось на рекреаціи не ходить парами по заламъ, а можно было ходить свободно, съ кѣмъ угодно, или сидѣть. Бо́льшая часть дѣтей средняго и маленькихъ классовъ, съ молитвенниками въ рукахъ, повторяли или учили передъ-причастную молитву. Старшія ходили по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, о чемъ-то тихо разсуждая.

Въ два часа воспитанницы сидѣли по классамъ. Въ эти дни всѣмъ предоставлялось право избирать занятіе по желанію, но никому, даже изъ самыхъ маленькихъ, не приходило

въ голову вынимать изъ люлитровъ свои игрушки. Дѣти или хмурясь и морщась, вытягивали на слицахъ неровныя летли своихъ давно начатыхъ подвязокъ, или чертили буквы и цифры на грифельныхъ доскахъ. Никто не позволялъ себѣ ни смѣха, ни споровъ, ни пустыхъ разговоровъ. Вездѣ было тихо, спокойно. По временамъ только, когда гдѣ-то отворялась дверь, въ классъ доносилось отдаленное церковное пѣніе и замирающіе, чуть слышные, звуки скрипки.

Вотъ кто-то отворилъ эту дверь и вдругъ, какъ бы вырвавшись на свободу, ясно послышались два-три слова молитвы.

— Это *Чертогъ Твой вижду, Спасе мой*, сказала вполголоса которая-то изъ взрослыхъ.

Всѣ стали прислушиваться.

— Теперь *Нынѣ силы небесныя*...

И такъ сидѣвшія въ классахъ долго прислушивались къ слѣвкѣ или уроку пѣнія своихъ подругъ, обладавшихъ голосами.

Послѣ раздачи хлѣба, въ четыре часа, воспитанницы опять разошлись по залѣ и сидѣли или стояли группами. Варя, смирная и спокойная какъ и другія, сидѣла на скамейкѣ съ полудюжиной подругъ своего класса и слушала, какъ одна изъ нихъ разказывала остальнымъ о прошлогоднемъ говѣніи.

— И какъ Нина плакала! говорила она.—Представьте себѣ, ей два года сряду пришлось подходить къ чашѣ въ то время когда поютъ слова „яко Іуда“.

— Еще бы не плакать! замѣтилъ кто-то изъ сидѣвшихъ на скамейкѣ.

— Да, это страшно, сказала другая дѣвочка, вздохнувъ.— Мнѣ, слава Богу, этого никогда не приходилось.

— Варя, походимъ вмѣстѣ, если ты не устала, сказала Катя, подойдя къ группѣ дѣтей.

— Походимъ, я очень рада, сказала Варя, вставая. Она взяла сестру подъ руку и онѣ пошли по залѣ.

— Вы что дѣлали сегодня утромъ? спросила Катя.

— Читали Евангеліе, потомъ я, тамъ, переписывала. Мнѣ нужно было.

— Урокъ? спросила Катя.

— Нѣтъ, письмо которое ты велѣла мамѣ написать.

— Кончила?

— Нѣтъ еще. Завтра кончу.

— Да, а какъ ты теперь съ Буниной, я все хочу спросить, вдругъ сказала Катя.

— Ничего, теперь она шелковая.

— Я думаю, тебѣ все же жаль теперь что съ ней тогда такая бѣда случилась. Бѣдная, она и теперь какъ вспомнитъ о немъ, все плачетъ. И правда, она истратила все что у нея было, все до послѣдней колѣечки и вдругъ такое горе.

— А она сама зачѣмъ другимъ горе дѣлала? сказала Варя.

— Ей дѣлали горе вы и она вамъ его дѣлала, только не такое же. Она говоритъ что для нея все пропало съ этимъ платкомъ. Я думаю что еслибъ у тебя вдругъ пропалъ твой альбомъ, какъ бы тебѣ было жаль его.

— Онъ не можетъ пропасть; никто не смѣетъ его тронуть.

— А развѣ ея платокъ смѣлъ кто-нибудь тронуть! Ты еще не трудилась надъ своимъ альбомомъ; онъ тебѣ такъ достался и ты не тратила на него ни колѣйки, а она копила-копила для него свое жалованье, каждую минутку свободную работала, болѣе двухъ лѣтъ сидѣла надъ нимъ, и для чего? для того чтобъ онъ пропалъ.

— Что же, сама виновата, сказала Варя, разведя руками.— Теперь ужь еслибы даже и захотѣла,—ничего нельзя сдѣлать.

— Да... А какой ужасный грѣхъ такъ сдѣлать какъ сдѣлали съ ней! Помнишь, папа сказалъ тогда, въ послѣдній вечеръ, что нѣкоторые люди живутъ на несчастіе другихъ, помнишь? Онъ еще говорилъ что молится чтобы Господь избавилъ всѣхъ насъ отъ этого. А Бунина говоритъ что эта пропажа сдѣлаетъ ее несчастною на всю жизнь.

— Вотъ еще, пустяки!

— Нѣтъ, не пустяки. Всѣ говорятъ что она все жалованье, все время отдавала, чтобы чѣмъ-нибудь отблагодарить графиню П—у, которая платила за ея воспитаніе. Вѣдь у нея отецъ давно умеръ; она сирота, какъ и мы, а мама ея очень-очень бѣдная и больная. Она такъ радовалась что отвезетъ графинѣ этотъ платокъ. Графиня приметъ ее, поговоритъ съ нею и можетъ-быть возьметъ ее къ себѣ или дастъ хорошее мѣсто къ кому-нибудь изъ своихъ... А теперь все пропало.

— Сама виновата! повторила Варя.—Не придирайся, ничего бы не было.

— Въ середу мы будемъ исповѣдываться, Варя. Ты знаешь, надо непремѣнно во всѣхъ, во всѣхъ грѣхахъ покаяться, ничего не скрыть чтобы Богъ простилъ. А ты знаешь еще что за грѣхи дѣтей, пока они не выросли, Богъ наказываетъ родителей. Мама безъ того бѣдная, Александра Семеновна

говоритъ—„мученица“, и еще за наши грѣхи будетъ терпѣть, сказала Катя, посмотрѣвъ на сестру глазами полными слёзъ.

— Я и покаюсь во всѣхъ грѣхахъ, сказала Варя рѣшительно.—Вѣдь батюшка не смѣетъ никому разказывать о томъ что̀ ему говорятъ на исповѣди.

— Конечно, не можетъ и не станетъ. Такъ ты, Варя, хорошенько все приломни, ничего не забудь, всякую обиду кому-нибудь, всякій обманъ, даже невольный, всякую хитрость, всякій грѣхъ свой приломни, покайся и помолись чтобы Господь не наказалъ за тебя маму. Богъ все проститъ, какой бы страшный грѣхъ ни сдѣлалъ человѣкъ, если только онъ сознаетъ свой грѣхъ и отъ всей души покается въ немъ.

— Я все и приломню, сказала Варя, не совсѣмъ смѣло посмотрѣвъ въ глаза сестры.

Катя обняла сестру, поцѣловала ее и сказала:

— Все, все скажи. Богъ все проститъ, и тогда такъ легко будетъ на душѣ.

Дѣвочки ходили вмѣстѣ до звонка и говорили о покойномъ отцѣ и послѣднемъ Свѣтломъ праздникѣ при немъ, о матери и Левѣ, котораго Александра Семеновна обѣщала привезти на праздникахъ.

— Я думаю, твой мячикъ хоть и красивѣе, пожалуй, но мой, сказала Варя,—ярко красный съ серебромъ и эти клѣточки такія хорошенькія, онъ ему больше понравится, вотъ увидишь....

Въ среду передъ всенощной, Елена Антоновна стояла со своимъ классомъ въ церкви. Нѣкоторыя изъ дѣтей молились, стоя на колѣняхъ предъ образами. Однѣ дѣвочки, бывшія на очереди, стояли рядомъ съ Еленой Антоновною, въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ священникъ исповѣдывалъ, и съ замирающими сердцами, чуть шевеля губами, смотрѣли на образъ. Тѣ очередь которыхъ была еще далека, сидѣли въ нѣкоторомъ отдѣленіи, на полу по стѣнѣ. Изъ-за ширмъ вышла раскраснѣвшаяся дѣвочка, и въ волненіи, не глядя по сторонамъ, направилась къ образу Богоматери; стоявшая подлѣ Елены Антоновны, крестясь, пошла за ширмы. Елена Антоновна обернулась и поманила одну изъ стоявшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Дѣвочка подошла къ ней и, подявъ глаза на образъ, стала креститься мелкимъ крестомъ.

— Теперь тебѣ, зашептали нѣсколько дѣвочекъ Варѣ, которая уже стояла въ группѣ ближайшихъ очередныхъ.

Варя втянула полною грудью воздухъ и стала оправляться.

— Варенька! Варя! шепнула Зоя Горошанина, обнимая Варю за талью.—Помни! Не будь Іудой. Ты клялась.

Варя нервно осмотрѣлась, нахмурилась и ничего не сказала.

— Я тебѣ говорю, ты можешь болтать что̀ хочешь о своихъ собственныхъ грѣхахъ, запретить это тебѣ никто не можетъ, но этого—она покачала головой—ты не имѣешь права. И потомъ, ты всегда можешь покаяться и послѣ. Мало ли кто что̀ можетъ забыть. Вспомнишь послѣ исповѣди, ну, какъ выйдешь и подойди къ образу, помолись и покайся. Все равно.... Я всегда такъ, да и многія....

Варя посмотрѣла на нее.

— Покаялись еще разъ, Варя, а то....

— Ахъ, Господи! сказала съ досадой Варя. — Говорятъ вамъ, знаю!

И рванувшись впередъ, она высвободилась изъ рукъ Зои и отошла отъ нея....

Въ четвергъ воспитанницы, гладенькія, чистенькія, бѣленькія, въ новыхъ платьяхъ, тонкихъ кембриковыхъ фартучкахъ, пелеринкахъ и манжетахъ, многія съ кокардами на плечѣ и всѣ какъ будто обновленныя, всѣ радостныя, входили послѣ обѣдни и поздравленія начальницы (которая объявила имъ что теперь все старое забыто, такъ какъ онѣ поведеніемъ своимъ доказали какъ имъ больно все случившееся; что она со своей стороны увѣрена что воспитанницы поняли какъ дурно, какъ неприлично вели себя, и что никогда болѣе ничего подобнаго не повторится) въ столовую, гдѣ въ этотъ день такъ вкусно пахло горячимъ краснымъ виномъ и свѣжими сдобными булочками. И чай, и булочки, и запахъ въ столовой и внутреннее состояніе каждой изъ дѣвочекъ, и все кругомъ было такъ хорошо что счастіе и радость свѣтились на всѣхъ лицахъ, дѣлая хорошенькими даже самыхъ некрасивыхъ.

Послѣ чая воспитанницъ повели въ дортуары отдыхать. Мало кто дѣйствительно отдыхалъ. Бо́льшая часть воспитанницъ, сидя на постеляхъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, работали или смотрѣли на работавшихъ, которыя послѣпно обматывали шелкомъ неоконченные еще мячики и скоро-скоро переставляли съ одного мѣста на другое булавочки, придерживавшія шелкъ. Другія щипали шелкъ и пестрые, шелковые лоскутки, третьи кончали souvenir'ы, которые

должны были быть окончены *непремѣнно* къ субботѣ вечеру. Четвертыя суетились, завертывали куриныя яйца въ нацарапанный разноцвѣтный шелкъ, и съ озабоченнымъ видомъ, набравъ нѣсколько обернутыхъ поверхъ шелка тряпочками и крѣпко обмотанныхъ нитками яицъ, торопливо несли ихъ въ комнаты своихъ классныхъ дамъ. Чрезъ нѣсколько минутъ получивъ ихъ обратно, уже сваренными, отъ горничныхъ дѣвушекъ, онѣ приносили ихъ въ дортуаръ и, усѣвшись предъ табуретками на корточкахъ, смѣясь, морщась и лодувая на пальцы, разматывали нитки, развертывали яйца и вскрикивали.

— Соня, твое! Смотри, полосками, чудо! А твое, сумбуръ, Лида, я говорила мурогое выйдетъ. Ахъ! твое, Аня, полнуло; какъ жаль! а было такое хорошенькое, смотрите ложалуста...

Катя тотчасъ же по приходѣ въ дортуаръ побѣжала къ сестрѣ и, поздравляя ее, спросила:

— Ты все сказала батюшкѣ вчера, все какъ обѣщала?

— Все, отвѣтила коротко Варя, не глядя на сестру.

— Нѣтъ, не все, Варя! Господи, какъ ты мало любишь маму! вдругъ воскликнула она, и постоявъ съ минуту молча, вышла изъ дортуара.

Варя не остановила ее, и проводивъ ее глазами до двери, махнула рукой, втянула грудью воздухъ, подошла къ своей постели и стала оправлять ее.

Въ дортуарѣ маленькихъ, приведенныхъ послѣднею осенью, самая маленькая изъ дѣвочекъ, курчавая блондиночка, съ волосами пепельнаго цвѣта, большими голубыми глазами и длинными рѣсницами, поднявъ голову на пелиньерку, предъ которою стояла, отвѣчала громко и отчетливо:

Je viens au nom de toutes
Vous exprimer nos voeux и т. д.

Другая дѣвочка, постарше, черненькая, съ живыми, веселыми глазами, стояла возлѣ нея съ листкомъ бумаги въ рукахъ.

— Хорото, если не растеряешься, будетъ прекрасно, только послѣднія слова говори съ бо́льшимъ чувствомъ. Пелиньерка продекламировала послѣднія строки.

Дѣвочки повторили, стараясь подражать ей.

— Теперь отойдите дальше.

Дѣвочки отошли.

— Подходите спокойно, плавно. Да не дергайся, Зина. Что̀ за манеры! Отойдите еще разъ. Ну, подходите.

Дѣвочки стали подходить, конфузясь. Шагахъ въ четырехъ отъ пелиньерки онѣ присѣли.

— Ниже, ниже, и не такъ скоро подымайтесь, помните же!.. смотрите въ глаза!

Дѣти, глядя ей въ глаза, остановились на секунду. Маленькая блондиночка вышла впередъ и протянула руку съ листкомъ, свернутымъ трубочкой.

— Стань на мое мѣсто, сказала пелиньерка.

Дѣвочка стала. Пелиньерка отошла отъ нея на нѣсколько шаговъ, потомъ повернулась, подошла, сдѣлала реверансъ и вдругъ быстро вытянула руку предъ самымъ лицомъ дѣвочки. Дѣвочка, не ожидавшая этого, вздрогнула и отшатнулась.

— Красиво? Вѣдь такъ ты maman испугаешь, сказала пелиньерка.

Маленькая дѣвочка покраснѣла и надула губки, другая весело засмѣялась.

— Не дуй губки! сказала пелиньерка и, взявъ въ обѣ руки лицо дѣвочки, она поцѣловала ее въ губы.—Ты такъ хорошо говоришь стихи что если только ты прилично подойдешь—отлично будетъ....

Въ субботу шла уже другаго рода суетня. Мячики и сувениры были окончены, стихи въ младшихъ классахъ прекрасно переписаны на кружевныхъ или разрисованныхъ бумажкахъ и, уже свернутые трубочками и перевязанные шелковыми лентами, кокетливо завязанными бантиками, лежали на чистыхъ листахъ бумаги подъ замками въ классныхъ шкафахъ. Работа старшихъ воспитанницъ, вышитая гладью утренняя кофта, приготовленная къ поднесенію начальницѣ, красовалась въ шкафу выпускныхъ, наколотая на свѣтло-лиловую бумагу и перевязанная свѣтло-лиловыми лентами. Эту кофту работали всѣ воспитанницы, и каждая, даже не искусная, сдѣлала хоть одинъ листокъ, потому что быть исключенной отъ участія въ этой работѣ было бы величайшимъ оскорбленіемъ.

Отъ швейцара то и дѣло приносили корзинки разной величины со вложенными между веревочекъ полосками бумажекъ съ четко написанными на нихъ фамиліями. Вносили эти коробки и корзинки по нѣскольку заразъ и клали на столѣ возлѣ комнаты классной дамы. Всѣ головы поворачивались въ нетерпѣливомъ ожиданіи въ ту сторону. Дама выходила по временамъ изъ своей комнаты и читала громко фамиліи

написанныя на бумажкахъ. Вызванныя воспитанницы, раскраснѣвшись отъ удовольствія, подходили къ столу, брали присланную имъ отъ родителей или родственниковъ корзинку и, подойдя къ своей постели, живо развязывали ее. Кулечъ съ воткнутымъ по серединѣ бумажнымъ цвѣткомъ, нѣсколько окрашенныхъ сандаломъ яицъ, одно, два и болѣе сахарныхъ яицъ разной величины и красоты, были непремѣнно въ каждой корзинкѣ. Въ нѣкоторыхъ затѣмъ были конфеты съ картинками и безъ картинокъ, апельсины, пастила, леденцы, шоколатныя фигурки, ликерные пастушки въ большихъ круглыхъ шлялахъ и пастушки въ голубыхъ курткахъ и желтыхъ жилетахъ, подражаніе фруктамъ, овощамъ и разнымъ играмъ: картамъ, домино, кеглямъ и другимъ, подражанія сдѣланныя изъ сахара и муки съ калеей ликера въ серединѣ, и прочія сласти.

Къ вечеру почти всѣ воспитанницы, большія и маленькія, получили посылки отъ своихъ родителей; только круглыя сироты, да тѣ воспитанницы у которыхъ не было родителей и родственниковъ въ Петербургѣ, не получили ничего.

Въ дортуарѣ Марины Ѳедоровны, кромѣ подарковъ и сластей, дѣвочки хлопотали вокругъ стола, на который горничная то и дѣло клала по штучкѣ проглаженныя ею и сложенныя дѣтскія рубашечки, кофточки, юбочки, платьица, нагруднички и прочую мелочь. Воспитанницы заботливо просматривали все, чтобы не перепутать вещей, складывали ихъ стопками, аккуратно перевязывали, надписывали имена дѣтей которымъ назначались вещи, и укладывали въ корзинку.

Предъ ужиномъ все было готово, уложено, устроено, приготовлено и нѣсколько разъ пересмотрѣно. Присланныя корзинки, за исключеніемъ нѣсколькихъ вынутыхъ вещей, необходимыхъ для обмѣна подарками, опять увязанныя со вложенными между веревками надписями фамилій, были составлены въ отведенные классными дамами углы для склада гостинцевъ, и всѣ воспитанницы, со слокойными сердцами, въ особенно дружественномъ настроеніи, ожидали звонка къ ужину, который оставался въ этотъ день обыкновенно нетронутымъ.

Послѣ ужина, когда воспитанницы вернулись въ дортуары, на каждой постели уже лежало новое платье, чистое бѣлье, тонкій кембриковый передникъ, пелеринка и рукавчики. Въ комнатахъ казалось свѣтло, на душѣ было весело.

Старшія, для примѣра младшимъ, стали торопливо укладываться въ постели. Младшія, которыя отлично знали что старшія ихъ обманываютъ и ложатся только на два часа, не слѣдовали ихъ примѣру, а напротивъ, возились и суетились какъ никогда. Многія изъ нихъ получили разрѣшеніе, только разъ въ году даваемое, завить локоны на первые два дня праздника. Эти маленькія кокетки стояли цѣлою гурьбой вокругъ трехъ взрослыхъ барышень, извѣстныхъ своимъ куаферскимъ искусствомъ. Три маленькія дѣвочки, волосы которыхъ отросли не болѣе какъ на два вершка отъ корней, сидѣли у стола, краснѣя, морщась и взвизгивая. Куаферки, съ гребнями въ рукахъ, стаканами воды съ одной стороны подъ рукой и сложенными и свернутыми изъ бумаги палочками по другой сторонѣ, усердно накручивали смоченныя прядки волосъ своихъ папіотокъ на эти бумажки.

— Ахъ, Господи! вскрикивала вдругъ одна изъ дѣвочекъ, крѣпко потирая ладонью високъ.

— Даже въ глазахъ кисло стало, говорила чрезъ минуту другая, покраснѣвъ и вытирая рукой затуманившіеся отъ набѣжавшихъ слезъ глаза.

— Душечка, вы ихъ съ коретками вырвете! взвизгивала, вскочивъ на ноги, третья, схватываясь руками за голову и замирая на минуту.

— Pour être belle, il faut souffrir! говорили на это серіознымъ голосомъ, улыбаясь глазами, куаферки, и добровольныя мученицы успокоивались, опять садились передъ ними и чрезъ минуту опять вскакивали съ новыми восклицаніями.

— Смотри, сли осторожнѣе чтобы бумажки не распустились, сказала мучительница, отпуская одну изъ дѣвочекъ.

— Какое тутъ спать! сказала на это очень серіозно одна изъ завитыхъ уже дѣвочекъ.—Я попробовала положить голову на подушку, въ головѣ точно гвозди вбиты. Ни на затылокъ, ни на виски не ляжетъ, развѣ только на лицѣ полежать немножко можно и то вотъ эти переднія въ лобъ вливаются.

Завиванье продолжалось почти до заутрени, такъ что куаферкамъ, простоявшимъ три съ половиной часа на ногахъ, умываться, причесываться и одѣваться усердно помогали уже одѣтыя подруги.

Безъ четверти въ двѣнадцать воспитанницы двухъ старшихъ классовъ, лучшія воспитанницы среднихъ и лѣвчія съ

лепиньерками, классными дамами, всѣ, радостныя, счастливыя, шли по освѣщеннымъ коридорамъ и лѣстницамъ въ церковь.

Чрезъ два часа окѣ, отстоявъ торжественную службу, вернулись въ дортуары. Маленькія какъ ни крѣпились всѣ уже спали. Нѣкоторыя изъ нихъ лежали, уткнувшись носами въ подушки и поддерживали лбы кулаками. Къ тремъ часамъ всѣ и взрослыя спокойно спали съ пріятнымъ сознаніемъ что на слѣдующій день вставать не въ шесть, какъ всегда, а въ восемь.

Въ восемь часовъ снова закипѣла жизнь ключомъ. Обниманья, цѣлованья, поздравленія, благодарности со всѣхъ сторонъ. Перебѣгали изъ одной спальной въ другую. Разговѣнье въ столовой. Обмѣнъ куличами и сластями, присланными отъ родственниковъ. Общее поздравленіе начальницы, поздравленія въ стихахъ, подвесеніе работы. Пріемъ родителей, опять сласти, подарки и радости. Головы шли кругомъ. Но Свѣтлый Праздникъ прошелъ какъ пріятный сонъ, начались уроки. Незамѣтно подошли экзамены, выпускъ, слезы радости и слезы разставанья.

Бунина тоже, какъ было рѣшено начальствомъ, зимою готовилась тоже къ выпуску и со стѣсненнымъ сердцемъ думала о неизвѣстномъ будущемъ.

— Меня просятъ рекомендовать хорошую воспитательницу къ двумъ дѣтямъ дѣвочкамъ, сказала въ одномъ изъ совѣтовъ Марина Ѳедоровна Милькѣева, развертывая и передавая инспектрисѣ полученное ею письмо.—Я такъ порадовалась сегодня, сказала она съ сіяющимъ лицомъ, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ.—Мнѣ пишетъ графиня З—ая что сестра ея такъ довольна нашею Мальтовою что и она непремѣнно хочетъ имѣть гувернантку изъ нашего института и надѣется что мы дадимъ ей и ея дѣтямъ такого же друга, какого имѣетъ ея сестра въ милой Маничкѣ. Это ея слова буквально. Условія прекрасныя и содержаніе большое, добавила она.

— Вотъ и прекрасно! Уже два требованія въ извѣстные, хорошіе дома, сказала съ удовольствіемъ Mme Адлеръ.—Еслибы намъ еще два!

Въ тотъ же вечеръ, въ комнату Марины Ѳедоровны вошла Бунина и, сильно волнуясь, стала просить чтобъ она рекомендовала ее графинѣ З—ой.

— Рекомендовать васъ, сказала Марина Ѳедоровна,—вы сами знаете, я не могу. Мое крайнее убѣжденіе что вы не

должны были оставаться здѣсь лелиньеркой, какъ же я могу рекомендовать васъ кому-нибудь къ дѣтямъ. Нѣтъ, душа моя. Да скажите, отчего хотите вы непремѣнно идти въ гувернантки? какая вы воспитательница, подумайте! Не дѣлайте этого, повѣрьте мнѣ, ma chère, вы не имѣете ни одного изъ качествъ необходимыхъ воспитательницѣ: у васъ нѣтъ ни любви къ дѣтямъ, ни снисхожденія къ нимъ, ни безпристрастія, ни терпѣнія, безъ котораго воспитаніе немыслимо. Вы не умѣете спуститься до ихъ понятій, не умѣете принимать къ сердцу ихъ маленькіе интересы, радоваться ихъ радостямъ, не умѣете и утѣшать ихъ въ ихъ горестяхъ. Вы допускаете себя даже до того что считаетесь съ маленькими дѣтьми, принимаете ихъ дѣтскія, часто дурныя, конечно, выходки за личныя оскорбленія и мстите имъ или „отплачиваете“ какъ равнымъ себѣ. Увѣряю васъ, вы никогда не будете воспитательницей въ томъ смыслѣ какъ должно понимать эту обязанность. У васъ нѣтъ того чутья которое помогло бы вамъ понимать духовное состояніе ребенка и научило бы васъ отличать ребенка чуткаго до болѣзненности, съ которымъ надо разчитывать каждое слово, отъ того съ которымъ необходимо допустить строгость, даже наказаніе. Не обладая этимъ чутьемъ, сохрани васъ Богъ браться за воспитаніе. Вѣрьте мнѣ, вы будете только плодить зло. Не въ упрекъ вамъ скажу, вы своимъ неумѣньемъ обращаться, неумѣньемъ понимать дѣтей и полнѣйшимъ отсутствіемъ той теплоты, той любви которая необходима въ дѣлѣ воспитанія, погубили можетъ-быть навсегда Солнцеву, изъ которой могла выйти прекрасная дѣвочка; это мое глубокое убѣжденіе. Если изъ нея выйдетъ дурная женщина, виноваты будете вы, и это будетъ на вашей совѣсти. Да впрочемъ, у васъ въ классѣ и кромѣ Солнцевой есть нѣсколько дѣвочекъ положительно озлобленныхъ противъ васъ. Солнцева только откровеннѣе другихъ, то-есть, пока менѣе ихъ испорчена. Къ сожалѣнію, безнаказанность перваго проступка, я говорю о вашемъ платкѣ, пояснила Марина Ѳедоровна,—пагубно подѣйствовала на нее; дала ей какую-то смѣлость и эту ужасную effronterie...

— Марина Ѳедоровна, увѣряю васъ, вы напрасно думаете будто я не люблю дѣтей, перебила Марину Ѳедоровну Бунина.—Напротивъ; потомъ, вѣдь это такъ различно, цѣлая масса дѣтей или двое. Съ цѣлымъ классомъ поневолѣ иногда терпѣніе потеряешь.

должны будутъ отвѣчать вамъ отказомъ. Постарайтесь примириться со всѣмъ и полюбить ту скромную обстановку въ которой вамъ приведется жить, и радуйтесь той радости которую доставите родителямъ вашимъ возвращеніемъ и вашею любовью. Вѣрьте что какая бы судьба ни ждала васъ, какое бы положеніе вы ни заняли въ свѣтѣ и въ семьѣ, вы всегда будете въ состояніи принести много пользы, облегченія и утѣшенія близкимъ вашимъ, не закрывайте только сердецъ своихъ и не отворачивайтесь отъ тѣхъ кто встрѣтивъ васъ на пути, потребуетъ вашей помощи, вашего участія.

Воспитанницы, тѣсно обступивъ Марину Ѳедоровну, слушали ее, не перебивая.

Марина Ѳедоровна подозвала къ сеѣ Катю Солнцеву и еще трехъ дѣвушекъ.

— Вы, дѣти, сказала она замѣтно растроганнымъ голосомъ,—вы пойдете въ чужіе дома. Пусть эта книга,—она подала каждой изъ нихъ Евангеліе,—будетъ вамъ и совѣтомъ, и утѣшеніемъ, и поддержкой въ теченіе всей вашей жизни. Вамъ придется слышать и видѣть много дурнаго, много чужаго горя и неправды, и семейныхъ неурядицъ. Старайтесь и молите Господа чтобы ваше присутствіе въ домѣ не поселило и не увеличило разладъ, а принесло спокойствіе сколько это будетъ отъ васъ зависѣть. Дѣтей, вамъ порученныхъ, отдаляйте ото всего что̀ можетъ сколько-нибудь подорвать ихъ довѣріе и уваженіе къ родителямъ. Никогда не указывайте имъ на слабыя стороны отца, матери, дѣда или бабушки, напротивъ, развивайте въ нихъ любовь къ нимъ, къ семьѣ и ко всему живущему. Вамъ придется услышать многое чего вы не должны были бы слышать: къ сожалѣнію, во многихъ, хорошихъ даже домахъ, какъ-то забываютъ что гувернантка молода и въ житейскомъ опытѣ совсѣмъ дитя. Ее не щадятъ. Въ ея присутствіи, часто не стѣсняясь, говорятъ то чего не сказали бы даже при своихъ молодыхъ, замужнихъ дочеряхъ; не смущайтесь этимъ, что̀ же дѣлать... Но съ самаго начала поставьте себя такъ чтобы къ вамъ, несмотря на вашу молодость, относились съ уваженіемъ. Ничто такъ не подрываетъ довѣрія дѣтей къ гувернанткѣ какъ шутовское отношеніе къ ней ихъ отца, шуточки и подсмѣиванья ихъ близкихъ. А какъ вести дѣтей, какъ обращаться съ ними, вамъ подскажутъ ваши сердца. Мы столько разъ объ этомъ уже говорили что я не стану повторять. Побольше

любви, побольше снисхожденія и участія къ нимъ и безусловная во всемъ справедливость. Если когда-нибудь, кому-нибудь изъ васъ, продолжала Марина Ѳедоровна, понадобится дружескій совѣтъ, участіе и помощь, обращайтесь сюда къ намъ, ко мнѣ. Вѣрьте что довѣріе ваше будетъ наградой за мою любовь къ вамъ.

Марина Ѳедоровна говорила, а по ея всегда спокойному, серіозному лицу текли крупныя слезы.

— Да благословитъ и охранитъ васъ всѣхъ Господь, окончила она.

Воспитанницы бросились къ ней и наперерывъ стали обнимать и цѣловать ее. Многія цѣловали ея руки, всѣ плакали.

— Катюша Солнцева, мы съ тобой теперь потрудимся вмѣстѣ, сказала Марина Ѳедоровна, стараясь побороть волненіе и говорить весело. — Надѣюсь... нѣтъ, увѣрена что ты будешь мнѣ хорошею помощницей. Ты остаешься пепиньеркой...

Воспитанницы уѣзжали, обливаясь слезами, и въ то же время радостно обнимали своихъ родителей. Катя, окончившая курсъ съ золотою медалью, осталась пепиньеркой въ классѣ Марины Ѳедоровны. Марина Ѳедоровна не ошиблась, сказавъ что Катя будетъ ей хорошею помощницей. Маленькія дѣти, поступавшія въ классъ, сразу полюбили свою пепиньерку и стали смотрѣть на нее съ нѣкоторымъ страхомъ и вмѣстѣ съ довѣріемъ. Онѣ слушались ее и были съ ней откровенны. Катя, со своей стороны, полюбила дѣтей, не позволяла имъ никакихъ вольностей, но сама устраивала ихъ игры, помогала имъ въ урокахъ, объясняла имъ то что̀ казалось имъ непонятнымъ, разказывала и читала имъ въ свободное время разныя исторіи изъ дѣтской жизни и совершенно предалась своему классу. Домой Катя ѣздила разъ въ мѣсяцъ, на нѣсколько часовъ. Дѣти терпѣть не могли этихъ дней и каждый разъ упрашивали ее не ѣхать, но она ждала этихъ дней всегда съ нетерпѣніемъ. Пріѣздъ ее къ Талызинымъ былъ праздникомъ для Анны Францевны, которая какъ будто оживала въ эти дни, не могла наглядѣться на дочь, не могла наслушаться ее и нѣсколько дней потомъ скучала и нигдѣ не находила себѣ мѣста,—и большимъ удовольствіемъ для добрыхъ стариковъ. Лева, замѣчательно красивый десятилѣтній мальчикъ, съ курчавыми свѣтлыми волосами и глубокими, бархатными черными глазами всегда встрѣчалъ сестру на улицѣ, иногда

даже уходилъ далеко отъ дома и, встрѣтивъ ее на полдорогѣ, доѣзжалъ съ ней до дома и провожалъ ее, рыдая какъ маленькая, балованая дѣвочка...

Катя была фавориткой Александры Семеновны, Варя—Андрея Петровича.

— А моя-то красавица, все хорошѣетъ! говаривалъ не разъ Андрей Петровичъ про Варю, возвратившись изъ института. Что̀ за глаза—огонь! Какіе волосы, зубы! Какъ засмѣется, такъ самому весело станетъ и все бы слушалъ и смотрѣлъ на нее.

— Варя хороша, говорила на это Александра Семеновна,—но я не сравню ея красоты со спокойною красотой Кати, въ каждой чертѣ ея столько благородства, столько породы, если можно такъ выразиться. Я такъ люблю смотрѣть въ ея глубокіе, спокойные глаза, видѣть ея улыбку, которая каждый разъ какъ будто освѣтитъ все ея лицо, да и потомъ цвѣтъ лица Вари никогда не сравнится съ нѣжнымъ, чуднымъ цвѣтомъ лица Кати, ея бѣлизной. А ростъ, походка...

— Я вѣдь и не говорю ничего про Катю. Она королева, соглашался Андрей Петровичъ,—но Варя...

— Варя своимъ постояннымъ движеніемъ, суетней, громкимъ голосомъ и смѣхомъ, признаюсь, перебивала мужа Александра Семеновна,—какъ-то раздражительно дѣйствуетъ на меня, тогда какъ спокойная, живая, разговорчивая, веселая Катя только успокоиваетъ. Вотъ ее дѣйствительно все бы слушалъ, она такъ прекрасно умѣетъ разказывать.

Наконецъ окончила свое образованіе и Варя, оставившая по себѣ ламять нѣсколькимъ поколѣніямъ воспитанницъ. Про нее долго ходили всевозможные разказы. Говорили что она принимала участіе во всѣхъ шалостяхъ большихъ и маленькихъ воспитанницъ, что она никогда никому не отказывала въ услугѣ и помощи словомъ и дѣломъ, что она была вожакомъ въ самыхъ смѣлыхъ, рискованныхъ предпріятіяхъ и что несмотря на то ее всѣ любили, хотя и называли „сорвиголова“.

Александра Семеновна и Андрей Петровичъ Талызины и слышать не хотѣли чтобы Катя и Варя поступили на мѣста. Когда въ первый разъ зашла рѣчь о близкомъ выходѣ сестеръ изъ института, и Марина Ѳедоровна высказала свое предположеніе на счетъ мѣста для Кати, старушка обидѣлась.

— Развѣ у нихъ нѣтъ дома? спросила она, строго посмотрѣвъ на Марину Ѳедоровну.

— Есть, отвѣчала Марина Ѳедоровна.—Вашъ домъ имъ домъ родной, это онѣ знаютъ, но на вашихъ рукахъ ихъ мать и братъ, и столько лѣтъ вы заботились о нихъ самихъ что теперь ихъ черед лозаботиться о томъ чтобы покоить васъ и облегчить ваши заботы.

— Напрасно вы такъ думаете, намъ отъ нихъ нѣтъ никакого безпокойства, сказала Александра Семеновна серіозно.— Анна Францовна имѣетъ свою маленькую пенсію и никакихъ требованій. Ее какъ будто и въ домѣ нѣтъ. Лева—славный, спокойный мальчикъ. Онъ насъ забавляетъ, а эти дѣвочки будутъ моими помощницами. Мы, Богъ дастъ, и пристроимъ ихъ.

— Да, но если онѣ не пристроятся, не могутъ же онѣ всегда оставаться у васъ.

— Отчего же? спросила Александра Семеновна съ удивленіемъ.

Марина Ѳедоровна не тотчасъ отвѣчала. Александра Семеновна, выждавъ минуту, продолжала:

— Я и не говорю навсегда, пусть онѣ вернутся къ намъ на годъ, на два, отдохнутъ, повеселятся, людей посмотрятъ, и себя покажутъ, а тамъ, если моимъ планамъ не суждено осуществиться, будетъ время подумать...

— Я бы думала, напротивъ, Александра Семеновна. Если имъ надо когда-нибудь поступать на мѣсто, то лучше теперь нежели послѣ. Теперь и пристроить ихъ легче, и имъ легче отъ дѣла прямо къ дѣлу. Дома онѣ познакомятся съ удовольствіями. У нихъ явятся новые интересы, и тогда разстаться со свободой имъ будетъ гораздо труднѣе...

Александра Семеновна только покачала головой.

— Душа моя, говорила Марина Ѳедоровна въ тотъ же вечеръ Катѣ,—Андрей Петровичъ не вѣченъ. Ну, представь себѣ, что если его не станетъ и Александра Семеновна очутится почти въ такомъ же положеніи какъ твоя мама. Кто о ней тогда позаботится? кто успокоитъ ее? кто доставитъ ей возможность жить, сравнительно, конечно, съ тѣми же удобствами какъ теперь? Кто воспитаетъ тогда вашего маленькаго брата? Что вы станете тогда дѣлать? Я бы думала, тебѣ надо поговорить хорошенько съ Андреемъ Петровичемъ и Александрой Семеновной и убѣдить ихъ въ необходимости поступить тебѣ на мѣсто. Случай который представляется тебѣ теперь можетъ никогда болѣе не повториться. Вадимовы,

о которыхъ я говорю, люди съ огромными средствами и предлагаютъ гувернанткѣ большое содержаніе. Они много путешествуютъ. Лѣтомъ переѣзжаютъ изъ одного имѣнія въ другое, такъ что тебѣ удалось бы побывать и на сѣверѣ и на югѣ, а на зиму они ѣдутъ за границу, въ Италію. Вѣдь такое счастіе не всякому дается. Они живутъ открыто, принимаютъ цвѣтъ общества. Подумай, сколько новаго ты увидишь и услышишь, сколько впечатлѣній получишь. И какъ это было бы полезно тебѣ! У нихъ одна дочь, дѣвочка тринадцати лѣтъ...

Въ первое затѣмъ посѣщеніе Талызиныхъ Катя долго говорила съ матерью, потомъ вошла въ комнату Александры Семеновны.

— Александра Семеновна, сказала она,—благословите меня поступить на мѣсто. Вадимовы предлагаютъ три тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями въ годъ. Вѣдь это капиталъ! Я могу заработать для мамы три тысячи рублей. Подумайте, можно ли отказаться отъ этого?

— По моему, тебѣ бы гораздо лучше отдохнуть сперва немного. Поживи хотя годъ съ нами, съ матерью, которая не нагляднтся на тебя, и тогда, съ Богомъ, поступай на мѣсто если мы тебѣ надоѣли, сказала съ неудовольствіемъ Александра Семеновна.

— Дорогая моя, сказала Катя, обнимая и цѣлуя старушку,— надоѣли! вы сами знаете что это неправда. Не надоѣли, а я... я могу зарабатывать и присылать мамѣ три тысячи каждый годъ. Я слѣпа и вижу теперь это счастіе. Тридцать новенькихъ сторублевыхъ бумажекъ каждый годъ, и еще мнѣ останется пятьсотъ рублей. Чего-чего только я не накуплю всѣмъ на нихъ за границей. Разрѣшите, чтобъ я со спокойнымъ сердцемъ могла сказать Маринѣ Ѳедоровнѣ что съ благодарностію принимаю мѣсто, о которомъ она хлопотала для меня. Мама уже благословила меня.

— Это Марина Ѳедоровна все мутитъ, сказала съ досадой Александра Семеновна.—Стыдно ей! У ней совсѣмъ жалости нѣтъ къ дѣтямъ!

Однако, послѣ долгихъ толковъ было рѣшено, съ общаго согласія, что Катя можетъ принять предложеніе Mlle Мильквевой.

Шестнадцатаго іюня, вечеромъ, Марина Ѳедоровна стояла въ своей комнатѣ передъ новымъ, открытымъ чемоданомъ. У чемодана стояла на колѣнахъ Катя.

— На дорогу, на дорогу отложи еще ло одной, чтобы не пришлось открывать чемоданъ до мѣста, говорила Марина Ѳедоровна.

— Я ужъ отложила ло три всего, отвѣчала Катя, подымая на Марину Ѳедоровну свое прелестное лицо.—Довольно, право.

— Эту фланель возьми также въ мѣшокъ, продолжала Марина Ѳедоровна, нагибаясь и вытаскивая изъ чемодана только-что положенный Катей кусокъ бѣлой фланели.—Вдругъ, сохрани Богъ, простудишься, горло заболитъ. И коробочку туда же, это лилерменты. Корсета, смотри, не снимай. Въ корсетѣ гораздо легче ѣхать. Новенькій спрячь, а этотъ надѣнь. Бѣлое платье дай сюда, и лоясъ тоже. Положимъ все тутъ, сверху, чтобы было лодъ рукой, какъ пріѣдешь.

Марина Ѳедоровна подавала вещи, Катя сама все укладывала.

— Не такъ! сомнешь. Вотъ смотри, если ты положишь такимъ образомъ, никогда не сомнется, говорила Марина Ѳедоровна, перевертывая и переглядывая то одну, то другую вещь.

Когда все было уложено въ чемоданъ, Марина Ѳедоровна уложила собственноручно отложенныя на дорогу вещи въ ковровый мѣшокъ.

— Гребни, мыло, щетки вотъ тутъ, мой другъ. Смотри, чтобы не искать потомъ. А вотъ здѣсь капли, горчица, тряпочки, англійскій пластырь. Одеколону забыли купить, эка досада! Вотъ я тебѣ уложу эту стклянку, ничего что немножко не полная. Марина Ѳедоровна взяла со своего комода длинную, узенькую стклянку. Мало ли что̀ можетъ случиться. А шпильки и ножницы забыли? Ахъ ты голова!

Марина Ѳедоровна похлопала Катю по плечу.

— Теперь, душа моя, ложись, надо къ завтрему силъ набраться, сказала она наконецъ, особенно ласково глядя на раскраснѣвшуюся отъ частаго нагибанія дѣвушку.

Катя простилась и вышла, но не скоро ей удалось лечь. На своемъ комодѣ она нашла цѣлую кипу альбомовъ и нѣсколько записокъ въ которыхъ ее умоляли написать что-нибудь на память. Дѣлать было нечего, надо было написать въ каждый альбомъ хотя по нѣсколько строкъ. Надъ этою работой она просидѣла болѣе часа. Она писала, то улыбаясь, то серіозно, то откинувъ голову на спинку стула и положивъ

потряхивались, подымая и наклоняя головы, погромыхивали бубенчиками. Ямщикъ, сидя бокомъ и опустивъ вожжи, равнодушно смотрѣлъ предъ собой и по временамъ только покрикивалъ: „ну-у ты! тпрууу!“

Лакей вернулся, сказалъ что-то, просунувъ голову въ тарантасъ. Чрезъ минуту показалась оттуда голова въ темномъ платочкѣ, подвязанномъ у подбородка по челцу съ бѣлыми оборками, потомъ двѣ морщинистыя руки, крѣпко ухватившіяся за стѣнки экипажа, потомъ согнутая спина въ темной куцавейкѣ и наконецъ вся Авдотья Егоровна, бывшая няня, а послѣдніе годы ключница въ домѣ Павла Михайловича Вадимова...

Въ восемь почти часовъ съ лѣстницы сошли заплаканные Катя, Анна Францевна, старички Талызины, Варя, Лёва, Маріша и вся прислуга Талызиныхъ, обвѣшанная разными коробками и свертками. Катя не помнила какъ съ ней прощались, какъ ее посадили въ тарантасъ, что ей говорили и что она говорила. Она помнила и чувствовала только чьи-то горячія слезы на своихъ щекахъ, чьи-то крѣпкіе поцѣлуи на рукахъ и страшную усталость во всемъ тѣлѣ. Она не помнила какъ отъѣхалъ тарантасъ отъ подъѣзда, не помнила ничего, сидѣла и смотрѣла на улицы, на дома, на народъ, снующій взадъ и впередъ и съ любопытствомъ оглядывавшійся на дорожный экипажъ, въ которомъ она сидѣла, смотрѣла на незнакомую старушку которая умащивала и устанавливала коробки, корзинки, корзиночки, свертки и ящички которые надавали Катѣ на дорогу.

— Такъ-то лучше будетъ, говорила старушка себѣ подъ носъ,—здѣсь не ломѣшаетъ и держаться будетъ прямо!

А тарантасъ поворачивалъ изъ улицы въ улицу, потомъ долго ѣхалъ все прямо и наконецъ вдругъ остановился.

Старичекъ лакей соскочилъ съ козелъ и слѣшнымъ, дробнымъ шагомъ подошелъ къ низенькому, каменному, окрашенному желтою краской, строенію. Оттуда вышелъ какой-то военный высокаго роста, въ каскѣ и въ полной формѣ, подошелъ близко къ тарантасу, заглянулъ въ него, чрезъ нѣсколько секундъ кто-то какъ будто тряхнулъ экипажъ сзади, потомъ военный, пройдя предъ лошадьми, вошелъ обратно въ дверь низенькаго строенія; чрезъ минуту послышались голоса, вышелъ старикъ лакей, застегивая свою сумку и поправляя ремень на плечѣ.

— Ну, съ Богомъ!

Онъ перекрестился, взялся рукой за козлы, вскочилъ на нихъ, сѣлъ. Тарантасъ потрясся отъ его тяжести. Лошади оправились, чуя дорогу, бубенчики громыхнули отрывисто.

— Трогай, съ Богомъ! повторилъ старикъ, оборачиваясь на городъ и крестясь.

Поднялся шлагбаумъ, тарантасъ двинулся, слегка покачиваясь, проѣхалъ нѣсколько шаговъ... Ямщикъ собралъ вожжи, оправился, тряхнулъ головой. „Э-э-эхъ!“ раздался на далекое пространство его лихой окрикъ, лошади дружно подхватили...

— Благослови Господи! прошептала старушка.

Сердце Кати болѣзненно сжалось. „Что я сдѣлала? Зачѣмъ, зачѣмъ не осталась дома? Зачѣмъ не послушалась Александру Семеновну? Господи, помоги!“ думала она.

Лошади бѣжали все тише и тише. Бубенчики громыхали все тише и тише и наконецъ замерли совсѣмъ.

— Уснула голубушка! сказала старушка.—Благослови тебя Богъ!

В.

(Авторъ повѣсти *Отчего.*)

ВЪ ДАЛЬНИХЪ ВОДАХЪ И СТРАНАХЪ*

XXVIII. Среди высоkолоставленныхъ.

Tookio лодъ снѣгомъ.—Въ гостяхъ у морскаго министра. — Государственный kанцлеръ Самджio и вице-kанцлеръ Ивakура. — Инзецу-Kioky, учрежденіе для заготовленія государственныхъ бумагъ.—Дайгakko Игakубу, медицинская академія и клиническій госпиталь. — Одержимая духомъ *кицне*. — Наka-дори, улица старыхъ вещей.— Японскій фарфоръ старыхъ фабрикъ—Томано-яма или Новая Сатцума. — Kвakуба, постоянная выставka и базаръ kустарныхъ и мануфakтурныхъ издѣлій.—Наша аудіенція у микадо во дворцѣ Готó. —Микадо и его наружность. — Визитъ высшихъ чиновъ японскаго флота и арміи на нашу эскадру.—Посѣщеніе нашей эскадры императорскими принцами.—Обѣдъ въ Русскомъ посольствѣ. — Наружность императорскихъ принцессъ и ихъ особенный „придворный" kостюмъ.—Нѣчто о реформахъ правительства и kонсерватизмѣ японскихъ женщинъ.—Исторически знаменитыя женщины Японіи.—Поэтесса Ононо-Комачъ.—Семейное и общественное положеніе японской женщины.—Торжественное открытіе всеяпонской выставки произведеній искусствъ и промышленности.—Русскій праздникъ 19 февраля на Йокогамскомъ рейдѣ. — Пріѣздъ короля Гавайскаго и дантистъ Гуликъ.—Наружность короля Калакаua I.—Прощальные визиты.—Мы уходимъ изъ Йокогамы.

7 января.

На утро мы проснулись съ неожиданнымъ сюрпризомъ: всѣ kрыши, улицы и сады Tookio очутились лодъ снѣгомъ; навалило его за ночь больше чѣмъ на четверть. Даже странно kакъ-то видѣть всѣ эти зеленѣющіе лавры, пальмы, померанцы и деревья kамелій, уже начинающія разцвѣтать, на почвѣ покрытой снѣжною пеленой, лодъ большими пушистыми хлопьями

* *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 5, 9, 10, 12 1885 и 1, 2, 3, 6, 7, 10 и 11 1886.

снѣга, тяжело насѣвшаго на ихъ темнозеленыя вѣтви, на лунцовые цвѣты и бутоны камелій и на вѣерно-лапчатые листы латаній. Оригинальная картина тропической флоры подъ снѣгомъ представляется воображенію сѣвернаго жителя чѣмъ-то сказочнымъ, поражающимъ своими контрастами. Нынче снѣгъ выпалъ здѣсь очень рано сравнительно съ прошлымъ годомъ, когда онъ въ первый разъ пошелъ только 3 марта. Но за то и навалило же его тогда, какъ сказываютъ намъ, сразу чуть не на полъаршина. Эта внезапная зима явилась для японскихъ ребятишекъ источникомъ новыхъ забавъ и радостей. По всѣмъ дворамъ и на менѣе людныхъ улицахъ они гурьбами играютъ въ снѣжки, устраиваютъ между собою веселыя сраженія и бамбардировки, накатываютъ изъ снѣга огромные шары или лѣпятъ бабу.

Къ семи часамъ вечера О. Р. Штакельбергъ со штабомъ и командирами русскихъ судовъ отправился на званый обѣдъ къ бывшему морскому министру, вице-адмиралу Кавамура. Живетъ Кавамура далеко, на окраинѣ южныхъ кварталовъ, почти за городомъ. Небольшой домъ его, отстроенный и убранный по-европейски, стоитъ на горѣ, и ведетъ къ нему длинная аллея, освѣщенная на сей разъ двумя рядами красныхъ бумажныхъ фонарей. Во время стола игралъ на дворѣ военно-морской японскій оркестръ, который, между прочимъ, очень недурно исполнилъ *Арагонскую хоту* Глинки и вполнѣ хорошо русскій народный гимнъ при провозглашеніи хозяиномъ тоста за здоровье Государя Императора. Изъ дамъ присутствовали за столомъ только хозяйка дома и ея дочь, дѣвочка лѣтъ десяти. Гостей изъ Японцевъ было всего только три человѣка: государственный канцлеръ Санджіо, вице-канцлеръ Ивакура-Тотоми (оба во фракахъ) и генералъ Сайго. Съ послѣднимъ мы уже знакомы; о первыхъ же двухъ необходимо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ оба они играли выдающіяся политическія роли во время реставраціоннаго переворота 1868 года и продолжаютъ играть ихъ по сіе время.

Санджіо—худощавый, или точнѣе, какъ говорятъ Поляки, „щуплый“, болѣзненнаго вида и невысокаго роста человѣкъ, съ лицомъ по которому никакъ нельзя опредѣлить—молодъ онъ или старъ. Впрочемъ, говорятъ, ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ. По происхожденію, онъ принадлежитъ къ *кунгайямъ*, то-есть къ числу древнѣйшихъ фамилій кіотской аристократіи, а вліяніе фамиліи Санджіо на среду знатнѣйшихъ и родовитѣйшихъ

вельможъ всегда было однимъ изъ самыхъ сильныхъ. Это-то обстоятельство очень много способствовало тому что значительная часть *дайміо* согласилась мирно подчиниться новымъ порядкамъ, послѣ того какъ Санджіо, первоначально изъ первыхъ признать переворотъ, былъ поставленъ императоромъ во главѣ новаго правительства. Такимъ образомъ, главную силу въ нынѣшнемъ его положеніи даетъ ему его блестящее родовитое имя; самъ же по себѣ онъ кажется очень скромнымъ, тихимъ и безобиднымъ человѣкомъ.

За то Ивакура-Тотоми—человѣкъ совсѣмъ иного закала. По рожденію, онъ тоже принадлежитъ къ *кунгайямъ*. Теперь ему пятьдесятъ шесть лѣтъ отъ роду. Для Японца, онъ выше чѣмъ средняго роста, широкоплечъ и вообще сложенъ плотно съ нѣкоторою наклонностію къ тучности. Гладко бритое лицо его нѣсколько обрюзгло; глаза изъ-подъ лѣниво прислущенныхъ вѣкъ смотрятъ очень вглядчиво, полны ума и спокойной энергіи. При какомъ-либо интересномъ разговорѣ, взоръ его вдругъ оживляется и въ немъ мелькаетъ порой нѣчто насмѣшливое, ироническое. Въ 1868 году Ивакурѣ было сорокъ четыре года, и замѣчательно что до той рѣшительной эпохи онъ жилъ въ Кіото очень скромно, почти въ полной безвѣстности. Революція въ пользу микадо сразу выдвинула его на первый планъ; онъ сталъ ея душой, ея разумомъ и всецѣло овладѣлъ ею съ перваго же шага. Съ тѣхъ поръ ни кто иной какъ собственно Ивакура заправляетъ всѣми дѣлами Японіи. По внѣшности, онъ довольствуется второстепенною ролью вице-канцлера или товарища Санджіо, но инціатива всегда принадлежитъ ему, и какъ человѣкъ неуклоннаго характера, онъ проводитъ свои предначертанія и мѣропріятія съ безпощадною логическою послѣдовательностію, нерѣдко даже чисто теоретическаго свойства, прикрывая самыя радикальныя реформы историческими ссылками на японскую старину,—въ древности, молъ, у насъ уже было это самое, и мы де не сочиняемъ ничего новаго, а только возстановляемъ старое, позабытое, или отмѣненное когда-то узурпаторами *сёгунами*. Трудно сказать что̀ будетъ впередъ и чѣмъ все кончится, но до сихъ поръ такая система пока удается. Ивакура человѣкъ очень наблюдательный и весьма даровитый. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ совершилъ большое путешествіе по Европѣ и посѣтилъ всѣ ея главнѣйшія

столицы, нарочно ставъ для этого во главѣ чрезвычайнаго посольства. Въ результатѣ его поѣздки явилось большое сочиненіе, въ нѣсколькихъ томахъ, со многочисленными рисунками, гдѣ Ивакура, какъ говорятъ, не безъ юмора излагаетъ всѣ свои европейскія впечатлѣнія и дѣлаетъ очень много мѣткихъ замѣчаній и характеристикъ, обнаруживающихъ въ немъ далеко не дюжинный умъ государственнаго человѣка и тонкое пониманіе вещей и отношеній. Вмѣстѣ съ европейскимъ костюмомъ и прической, онъ усвоилъ себѣ вполнѣ европейскія манеры и держитъ себя совершенно просто, съ виду даже добродушно, а говоритъ отрывисто, опредѣленно отчеканенными, большею частію короткими фразами, въ чемъ быть-можетъ невольно сказывается его энергическій и твердый характеръ.

Что до генерала Сайго, то къ сказанному о немъ прежде могу лишь прибавить что этотъ человѣкъ съ каждымъ разомъ кажется намъ все симпатичнѣе.

Послѣ обѣда хозяева пригласили насъ спуститься по внутренней лѣстницѣ въ нижній этажъ, на домашнюю половину. Тамъ, въ одной изъ комнатъ, была устроена небольшая сцена съ занавѣсью, декорированная на заднемъ планѣ роскошными ширмами, расписанными акварелью по темно-золотому фону. Насъ усадили въ мягкія, покойныя кресла и на эластическіе диваны, причемъ гостямъ были предложены гаванскія сигары и мартиникскіе ликеры. Вскорѣ на домашней сценѣ появились въ богатыхъ театральныхъ костюмахъ маленькая дочь хозяина и одна изъ ея сверстницъ. Обѣ онѣ исполнили классическій танецъ или, вѣрнѣе, дѣлую балетно-пантомимную сцену, сопровождавшуюся аккомпаниментомъ *самсина* и пѣніемъ изъ-за боковой ширмы какой-то пѣвицы, которая по японскому обыкновенію разсказывала речитативомъ, въ пѣвучихъ стихахъ, эполею того что происходитъ на сценѣ.

Около десяти часовъ вечера мы простились съ нашими любезными хозяевами. Былъ ясный вечеръ съ легкимъ морозцемъ въ недвижномъ воздухѣ, и полная луна осеребряла деревья и крыши покрытыя девственно чистымъ снѣгомъ.

8е января.

Снѣгъ все еще держится, хотя свѣтитъ яркое солнце и погода очень мягкая. Тепло, ни малѣйшаго вѣтра. На плацу, въ снѣгу, какая-то пѣхотная рота занята ученіемъ,

практикуетъ разсылной строй и движеніе впередъ двумя перекатными цѣпями.

Въ часъ дня мы поѣхали осматривать Инзецу-Кіоку, государственную бумажную фабрику, соединенную съ обширнымъ учрежденіемъ для заготовленія государственныхъ бумагъ вообще и кредитныхъ билетовъ въ особенности. Все это учрежденіе устроено лично почтеннымъ тестемъ генерала Сайго, который въ качествѣ директора встрѣтилъ насъ въ пріемной своей канцеляріи.

Зданіе этого учрежденія занимаетъ огромный кварталъ. Я не возьму на себя труда перечислять все что тутъ помѣщается, уломаю только главнѣйшія части. Такъ, кромѣ собственно бумажной фабрики, приспособленной къ выдѣлкѣ многоразличныхъ сортовъ сего фабриката, здѣсь находятся обширныя типографія, литографское заведеніе, граверная, рисовальная, химическая лабораторія, фотографія, механическія мастерскія, словолитня, линовочная, переплетная, обойная и даже почему-то мыльная фабрика. Во всемъ учрежденіи работаютъ 1.066 человѣкъ, изъ коихъ 350 женщинъ. Всѣ рабочіе получаютъ сверхъ жалованья еще и довольствіе отъ казны, и для нихъ особо устроена громадная столовая зала. Для дѣтей ихъ тутъ же имѣются двѣ прекрасныя школы, мужская и женская. Дѣтскій фабричный трудъ хотя и не допускается, но подросткамъ обоего пола дозволено въ особо назначенные часы, внѣ классныхъ занятій, присутствовать въ мастерскихъ, гдѣ мастера обязательно показываютъ и объясняютъ имъ ходъ дѣла и гдѣ они исподволь могутъ приглядываться къ характеру и способамъ работы, готовясь такимъ образомъ въ послѣдствіи занять мѣсто рабочихъ въ учрежденіи по той или другой спеціальности. Замѣчательно что всѣ машины этого учрежденія сдѣланы въ самой Японіи, и что въ составѣ его мастеровъ и рабочихъ теперь нѣтъ ни одного иностранца. Это явленіе мнѣ приходится отмѣчать уже вторично говоря о правительственныхъ техническихъ учрежденіяхъ; что Японцы по справедливости могутъ имъ гордиться, это я вполнѣ понимаю, особенно когда для контраста не безъ горечи вспомнишь что у насъ въ Петербургѣ вся Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, существующая кажется болѣе полустолѣтія, до сихъ поръ еще систематически переполнена германскими рабочими и работницами до такой степени что знающему и способному русскому человѣку между ними почти нѣтъ мѣста...

Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ работаютъ исключительно женщины. Такъ, напримѣръ, по отдѣлу заготовленія кредитныхъ денежныхъ знаковъ, вся счетная, штамповая, сортировальная и упаковочная части находятся въ рукахъ женщинъ. Счетчицы считаютъ, точно живыя машинки, быстро и споровисто, безъ малѣйшей ошибки, отбирая по пяти бумажекъ за разъ, а штамповщицы работаютъ, кажись, еще быстрѣе. У работницъ есть своего рода форменная одежда: всѣ онѣ въ бѣлыхъ халатахъ, а ихъ старшины (тоже женщины) и начальницы отдѣленій—въ синихъ суконныхъ кофтахъ и юпкахъ. Послѣднія носятъ на груди еще особые знаки отличія, въ видѣ бронзовыхъ медалей; работники же и работницы отличаются, по классамъ, извѣстнымъ количествомъ красныхъ нарукавныхъ нашивокъ.

Въ числѣ прочаго, намъ показали разницу между японскими ассигнаціями заказанными въ Германіи и такими же точно сдѣланными у себя дома. По внѣшности, ни тѣ, ни другія рѣшительно ничѣмъ не различались; но первыя, будучи олущены въ щелочный растворъ, тотчасъ теряютъ всѣ свои краски; вторыя же выдерживаютъ такое испытаніе безукоризненно. Поэтому бумажки германской работы пришлось изъять изъ употребленія, хотя заказъ ихъ стоилъ немалыхъ денегъ. Правительство поступило въ данномъ случаѣ тѣмъ основательнѣе что въ странѣ, какъ сказываютъ, почти вслѣдъ за выпускомъ этихъ бумажекъ, появились откуда-то фальшивыя кредитки. Оставайся онѣ въ обращеніи, это для разныхъ гешефтмахеровъ было бы отличнымъ поводомъ наполнять японскій денежный рынокъ фальшивыми знаками, тайно привозимыми изъ-за границы. Но въ предвидѣніи такой возможности Японцы догадались изобрѣсти для распознаванія ихъ особый химическій безцвѣтный растворъ: стóитъ лишь погрузить въ него стеклянную палочку и провести ею по бумажкѣ черту,—на фальшивой, все равно какъ и на нѣмецкой, получается блѣдный, едва замѣтный слѣдъ; на дѣйствительной же онъ имѣетъ сильную окраску чернильнаго цвѣта.

Что касается выдѣлки разныхъ сортовъ бумаги, то въ этомъ искусствѣ Японцы совершенно самостоятельно достигли высокой степени совершенства, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ почетныхъ отзывовъ и медалей полученныхъ ими на промышленныхъ выставкахъ всего міра, гдѣ только

появлялись ихъ издѣлія этого рода. Бумага въ Инзецу-Кіоку фабрикуется изъ лыка и волокна нѣкоторыхъ, принадлежащихъ исключительно японской флорѣ, деревьевъ и растеній. На видъ она атласисто-гладка и блеститъ какъ полированная слоновая кость, отличаясь въ то же время нѣсколько перламутровымъ отсвѣтомъ. А что до прочности, то она положительно прочнѣе пергамена и почти неразрываема. Масса идущая на выдѣлку такой бумаги подвергается предварительно самой тщательной очисткѣ и обрабатывается такъ чтобы представляла собою совершенно однообразное тѣсто, безъ малѣйшихъ комковъ, волоконъ и соринокъ. Толщина такой бумаги весьма разнообразна: намъ показывали множество образцовъ, начиная отъ толстѣйшихъ, въ родѣ бристольскаго картона, и до тончайшихъ, совершенно воздушныхъ листковъ необыкновенной нѣжности. Эти-то качества и дѣлаютъ здѣшнюю бумагу пригодною для всевозможныхъ родовъ печатанія, литографскихъ, калькографскихъ и прочихъ работъ, требующихъ наиболѣе тонкаго воспроизведенія рисунка. По ея плотности и замѣчательной гибкости, она равно годится для роскошнѣйшихъ типографскихъ изданій, альбомовъ, кредитныхъ бумажекъ, патентовъ и грамотъ, географическихъ картъ и плановъ, словомъ, для всякаго употребленія, гдѣ лишь требуется бумага наибольшей прочности. Превосходны также papier-torchon, для рисованія кистью, и особые сорта бумаги имѣющіе видъ шелковой матеріи, извѣстной подъ названіемъ crêpe de Chine, и видъ суровой холщевой пряжи, изъ которыхъ на этой же фабрикѣ дѣлаются разнаго рода и величины платки, салфетки и скатерти необычайной плотности, всегда разрисованныя водянистою акварелью и легкою тушью или сепіей въ японско-эскизномъ жанрѣ. Изъ обоевъ поразительно хороши, по красотѣ и замѣчательной прочности, сорта въ родѣ peau de chagrin и тисненой узорами кожи съ темноцвѣтными рисунками по темнобронзовому и темнозолотому фону. На видъ они не отличаются отъ лучшихъ тисненыхъ кожъ средневѣковой Европы и вполнѣ годятся не только для стѣнъ, но и для обивки мебели. Притомъ всѣ эти издѣлія замѣчательно дешевы въ сравненіи съ подобными же европейскими.

Вся-администрація Инзецу-Кіоку состоитъ изъ ста пятидесяти чиновниковъ, считая въ томъ числѣ старшихъ мастеровъ и художниковъ, такъ какъ они тоже числятся на государственной службѣ. Устройство всего этого учрежденія хотя

и стоило правительству значительныхъ расходовъ, но затраченныя на него суммы уже сполна возвращены самимъ учрежденіемъ государственному казначейству, и теперь Инзецу-Кіоку поддерживаетъ себя въ полномъ порядкѣ исключительно правительственными и частными заказами и сбытомъ своихъ „вспомогательныхъ“ произведеній, каковы обои, бумага, скатерти, мыло и т. п. За покрытіемъ всѣхъ своихъ ежегодныхъ расходовъ, оно приноситъ правительству даже нѣкоторый дивидендъ.

10 января.

Сегодня мы посѣтили клиническій госпиталь Токійской медицинской академіи, японское названіе коей—*Tookio Дайгакко Игакубу*. Расположенъ этотъ госпиталь близь парка Уэно, въ прекрасной мѣстности, откуда открывается красивый видъ на озеро Синабазуно-ике. Устройство госпиталя совершенно европейское, а потому распространяться о немъ нечего. Студенты и фельдшерицы (для послѣднихъ тутъ же учреждена особая школа) обучаются въ клиническихъ палатахъ практикѣ своего дѣла, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ профессоровъ, между которыми есть и нѣсколько Японцевъ. Директоръ госпиталя Dr. Бельцъ показалъ намъ въ женскомъ отдѣленіи душевно-больныхъ преинтересную паціентку страдающую своего рода кликушествомъ. Она увѣряетъ что чувствуетъ внутри себя *кицне*, то-есть лисицу, въ которой олицетворяется „служебный“ духъ, состоящій при святомъ Инари. Чтобы понять такое странное помѣшательство, надо вспомнить что *кицне*, какъ я говорилъ уже раньше, является въ народныхъ миѳологическихъ повѣріяхъ иногда священною, а иногда шуточною, или же дьявольскою личностью, и что она обладаетъ способностію дѣлаться оборотнемъ. Эме Эмберъ, между прочимъ, приводитъ на этотъ счетъ одно лѣтописное сказаніе, повѣствующее что когда царствовавшій въ 1150 году микадо принужденъ былъ, вслѣдствіе горькой необходимости, отпустить свою фаворитку чтобы спасти финансы имперіи отъ совершеннаго разоренія, эта прекрасная дама выскочила изъ его покоевъ въ видѣ бѣлой лисицы, украшенной шестью хвостами, на подобіе вѣера. Въ окрестностяхъ Оджи-Инари, вдали на болотѣ, видѣется большое, одинокое дерево, вокругъ котораго, по народному повѣрью, ежегодно празднуется шабашъ лисицъ, и когда онѣ бѣгутъ туда, предъ каждою изъ нихъ несется блуждающій огонекъ. По

окончаніи шабаша, лисица можетъ опять обернуться во что угодно, и чаще всего въ женщину. Такимъ образомъ, вы видите что тутъ есть нѣчто общее съ нашими старыми знакомками, европейскими и русскими вѣдьмами. По мнѣнію Японцевъ, *кицне* вмѣшивается или можетъ вмѣшиваться рѣшительно во все: удача, случай, хорошее или дурное, счастье или несчастье,—все это зависитъ отъ вліянія *кицне*, отъ ея капризa, благоволенія или мстительности. Теперь понятна идея лежащая въ основаніи маніи показанной намъ паціентки. Это сильно худощавая, пожилая особа, почти старушка. Въ спокойномъ состояніи она тиха, говоритъ немного и нѣсколько вяло, но совершенно логично; взглядъ ея глазъ ясенъ и осмысленъ, какъ у нормальнаго человѣка, выраженіе лица спокойное и кроткое, словомъ, ничто, повидимому, не указываетъ что вы имѣете дѣло съ умоломѣшаннымъ субъектомъ. Но когда на нее что называется „находитъ", картина совершенно измѣняется. Физически она остается такъ же спокойна, въ томъ самомъ положеніи какъ захватило ее напіе, обыкновенно сидя или лежа, но лицо ея мгновенно измѣняется; оно какъ-то темнѣетъ, принимая синеватые и землистые оттѣнки, а глаза какъ бы изнутри загораются глубокимъ тревожнымъ огнемъ; но это не огонь безумія, потому что взглядъ ея не бѣгаетъ, не мечется лихорадочно во всѣ стороны, а остается упорно сосредоточеннымъ въ какой-нибудь одной точкѣ, и въ немъ тогда чуть замѣтно легкое, какъ бы электрическое трепетанье. Въ такія минуты становится непріятно, тяжело смотрѣть въ глаза этой женщины, которая тотчасъ же вслѣдъ за первыми симптомами начинаетъ говорить чрезвычайно быстро и какъ-то текуче, точно читая по книгѣ. Говоритъ она долго, безъ перерыва, безъ малѣйшей запинки и передышки, и, странное дѣло! звукъ ея голоса при этомъ совершенно измѣняется: онъ дѣлается рокочуще глухъ и какъ-то утробенъ, какъ у чревовѣщателя, словомъ, это совсѣмъ чужой голосъ, не имѣющій ничего общаго съ естественнымъ голосомъ больной, когда она въ нормальномъ состояніи. Намъ было интересно знать что говоритъ она въ это время. Оказалось что разное, какъ случится, но больше все угрожаетъ кому-то, проклинаетъ и пророчествуетъ; вообще, складъ ея мысли въ эти моменты пріобрѣтаетъ мрачно возвышенный полетъ и, такъ-сказать, демоническое настроеніе. И вотъ что замѣчательно: будучи

вообще не словоохотлива и выражаясь, соотвѣтственно своему происхожденію, простонароднымъ языкомъ, она во время припадка получаетъ вдругъ даръ какого-то особеннаго краснорѣчія, не похожаго на ея обыкновенный языкъ ни по силѣ выраженій, ни по характеру оборотовъ рѣчи. Она становится очень словообильна и сыплетъ словами какъ бисеромъ. Приближеніе припадка она обыкновенно чувствуетъ за нѣсколько секундъ, но конецъ его приходитъ внезапно, точно онъ обрывается, и тогда больная сейчасъ же начинаетъ говорить своимъ обыкновеннымъ языкомъ и голосомъ. Она только чувствуетъ послѣ этого утомленіе и жалуется что *кицне* ужасно ее измучилъ, проситъ избавить ее отъ него какимъ бы то ни было образомъ, говоритъ что она ощущаетъ его у себя внутри и показываетъ мѣсто гдѣ онъ сидитъ, именно подъ ложечкой. „Вотъ опять хочетъ начать... Вотъ-вотъ сейчасъ начинаетъ!.. О, какое несчастіе!“ восклицаетъ она слабымъ, угнетеннымъ голосомъ, и вслѣдъ затѣмъ всѣ явленія припадка начинаются снова. Иногда это повтореніе бываетъ слабѣе, иногда сильнѣе; по временамъ приступы напія повторяются по нѣсколько разъ въ сутки, въ иную же пору ограничиваются однимъ разомъ, и тогда больная говоритъ что *кицне* сжалился надъ нею и рѣшилъ дать ей на сегодня отдыхъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ состояніе ея духа нѣсколько просвѣтляется, она чувствуетъ себя здоровою и проситъ даже дать ей что-нибудь поработать. Нравственныя причины ея болѣзни совершенно неизвѣстны, такъ какъ въ семейной жизни этой женщины не было никакихъ особенныхъ обстоятельствъ которыя могли бы повліять на нее; но болѣзнь очень упорна и до сихъ поръ не поддается никакому допускаемому современною наукой способу лѣченія.

11 января.

Сегодня отправились мы съ М. Н. Струве въ *Нака-дори*, что̀ въ переводѣ значитъ *улица старья* или *старыхъ вещей*. Она находится въ торговыхъ кварталахъ восточной части Сото-Сиро и вся сплошь занята разнокалиберными лавочками bric-à-brac, начиная съ торгующихъ всякимъ хламомъ и ломомъ, никому и ни для чего не годнымъ, до такихъ гдѣ можно найти истинныя драгоцѣнности японской старины и перлы японскаго искусства. Тѣ и другія лавочки, на первый взглядъ, мало отличаются другъ отъ друга по внѣшности, но сто́итъ пройтись разъ-другой по Нака-дори и присмотрѣться

къ нимъ внимательнѣе чтобы понять или, вѣрнѣе, почувствовать гдѣ находится своего рода кладъ для любителя. Иногда какое-нибудь сокровище этого рода случайно скрывается и въ самой невзрачной лавчонкѣ, затерявшись между хламомъ или, частицей, выглядывая изъ-за него на свѣтъ Божій; но чтобы найти его тамъ, нужны именно своего рода глаза и глазъ, извѣстная сноровка и привычка къ обыкновенной обстановкѣ подобнаго рода лавчонокъ. а это, кромѣ артистическаго чутья, дается только опытомъ. Но у меня уже есть на этотъ счетъ хорошая школа. Марья Николаевна Струве обладаетъ одною изъ разнообразнѣйшихъ и, можно сказать, лучшихъ въ мірѣ частныхъ коллекцій старыхъ японскихъ бронзъ и фарфора, такъ что знакомясь изо дня въ день съ предметами этой коллекціи, пріобрѣтаешь съ наглядки, не говоря уже объ изощреніи вкуса къ истинно хорошему, еще и опытное знакомство съ лучшими и характернѣйшими образцами японскаго искусства, получаешь возможность сравнивать ихъ между собою, изучать особенности ихъ стилей, сноровку распознавать и отличать по нѣкоторымъ признакамъ произведенія одного мастера или фабрики отъ другихъ и т. д. Я помню какъ при первыхъ шагахъ моихъ въ Японіи я накидывался зря на все что казалось мнѣ истинно японскимъ, оригинальнымъ, замѣчательнымъ, и стремился безъ толку пріобрѣтать и то, и другое, и третье, и какъ А. П. Новосильскій предостерегалъ и удерживалъ меня, говоря что все это дрянь, pacotille, „рывокъ“, и что въ послѣдствіи, когда познакомлюсь съ „настоящими“ вещами, я пожалѣю о деньгахъ истраченныхъ на подобныя покупки и выброшу ихъ за бортъ. Онъ былъ совершенно правъ, и я хорошо сдѣлалъ что послушался его въ то время. У японскаго торговца „рѣдкостями и древностями“ почти всегда есть въ лавчонкѣ два помѣщенія—одно для обыкновеннаго покупателя, другое для знатока и любителя. Первое всегда на показъ у всѣхъ: это передняя часть, то что называется собственно лавкой; второе же либо въ задней комнаткѣ, либо наверху, на антресоли, или во второмъ этажѣ. Въ первомъ собирается всякая-всячина, все что попадаетъ къ нему въ руки по случаю: во второмъ—дѣйствительно цѣнныя вещи по своей ли рѣдкости, или по искусству и достоинствамъ артистическаго исполненія. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, японскій купецъ поступаетъ совсѣмъ обратно европейскому: онъ не выставляетъ лучшее

на показъ, а тщательно прячетъ его. Японскій купецъ очень сообразителенъ и чутокъ насчетъ покупателя. Онъ сразу видитъ какого сорта этотъ покупатель—смыслящій или ровно ничего не понимающій въ дѣлѣ, видитъ чего собственно ищетъ покупатель и что ему нравится, а сообразуясь съ этимъ, подсовываетъ его вниманію и подходящія вещи. Съ перваго раза онъ рѣдко когда пригласитъ незнакомаго покупателя наверхъ или въ заднюю комнату, развѣ ужь замѣтитъ что покупатель знатокъ,—ну тогда ему и честь, и мѣсто, и чашка чаю въ видѣ угощенія. Съ профаномъ же онъ будетъ очень вѣжливо и любезно торговаться въ передней лавочкѣ и выхвалять ему всякій „рынокъ“ и лакотиль. Послѣ двухъ-трехъ посѣщеній, у васъ уже завязывается съ купцомъ такъ-сказать личное знакомство; онъ очень радушно встрѣчаетъ васъ какъ знакомаго, предлагаетъ *кизеру* и *о-ча-жиппонъ* (трубку и чай), освѣдомляется о вашемъ здоровьѣ и благополучіи, а затѣмъ ставитъ предъ вами тѣ вещи какія вы торговали, но не купили у него въ прошлый разъ,—дескать, полюбуйся еще и соблазнись наконецъ. Онъ не такъ уменъ какъ Китаецъ, и если вы предлагаете ему мало-мальски подходящую цѣну, онъ тотчасъ же разочтетъ въ умѣ или сдѣлаетъ на бумажкѣ надлежащую выкладку чтобы не промахнуться себѣ въ убытокъ, послѣ чего тутъ же съ удовольствіемъ соглашается,—и вещь ваша. Если же согласиться нельзя, то послѣ такой ариѳметической выкладки онъ честно объявляетъ вамъ свою послѣднюю, крайнюю цѣну, и тогда уже ваше дѣло купить или нѣтъ, но отъ дальнѣйшаго торга съ вами онъ отказывается, выказывая вамъ при этомъ всѣ внѣшніе знаки деликатнѣйшей вѣжливости, какъ бы извиняясь что и радъ бы молъ душевно, да никакъ невозможно. Еще одна замѣчательная черта купеческой честности: вамъ, напримѣръ, нравится эта фарфоровая ваза, вы ее осматриваете и не замѣчаете въ ней рѣшительно никакихъ недостатковъ; вы хотите пріобрѣсть ее и спрашиваете цѣну; японскій купецъ, прежде чѣмъ назначить послѣднюю, объявляетъ вамъ что эта вещь съ изъяномъ, что она склеена (а надо замѣтить что Японцы удивительные мастера насчетъ слайки бронзъ и склейки фарфора, и нуженъ очень опытный глазъ чтобы замѣтить въ вещи сразу то или другое), а потому де и цѣна ей такая-то, обыкновенно значительно ниже того что стоитъ такая же вещь цѣльная. Онъ легко могъ бы воспользоваться вашею неопыт-

ностью или довѣрчивостью и ловадуть васъ, продавъ склеенный фарфоръ за цѣльный, и не объяви онъ самъ объ этомъ заранѣе, вы можетъ-быть никогда бы и не догадались что въ вашей покулкѣ есть какой-либо изъянъ; но японскій купецъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаетъ этого: онъ слишкомъ добросовѣстенъ и слишкомъ дорожитъ своею репутаціей. А это черта такая что если онъ прямо объявляетъ вамъ свою крайнюю цѣну, вы можете вѣрить ему безусловно.

Знакомаго или не совсѣмъ безвкуснаго покупателя, послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, купецъ приглашаетъ наконецъ въ заднюю комнатку, обѣщая не безъ нѣкоторой таинственности показать „вещь на знатока“, „истинную рѣдкость“, причемъ разкажетъ вамъ и исторію этой вещи, ея происхожденіе, имя мастера и то кому она принадлежала, и какимъ образомъ попала къ нему въ лавку. Судя по его тону, вы нерѣдко ожидаете при этомъ увидѣть что-нибудь грандіозное, поразительное, роскошно блестящее, а онъ вдругъ осторожно вынимаетъ изъ ящичка и бережно развертываетъ предъ вами изъ желтой серпянки и нѣсколькихъ бумажекъ какую-нибудь маленькую лаковую коробочку, ящку или чашечку. Но эти вещицы въ своемъ родѣ дѣйствительно верхъ совершенства и по исполненію, и по достоинству матеріала; лакъ этой коробочки, напримѣръ, знаменитый древній лакъ, на который не дѣйствуетъ ни вода, ни огонь и секретъ котораго, какъ увѣряютъ, нынѣ уже потерянъ; эта чашечка не болѣе, не менѣе какъ древняя *сатцума*, артистическое произведеніе старой Сатцумской фабрики, не существующей уже, какъ говорятъ, около двухсотъ пятидесяти лѣтъ, и цѣнность чашечки тѣмъ значительнѣе что секретъ композиціи фарфоровой массы древней *сатцумы* теперь уже неизвѣстенъ. Чтобы показать вамъ разницу между старою и новою *сатцумой*, купецъ поставитъ предъ вами какое-нибудь изящное произведеніе послѣдней,— смотрите и сравнивайте. И тутъ, если въ васъ есть артистическое и архаическое чутье, вы воочію *почувствуете* разницу между тою и другою, хотя послѣдняя стремится подражать стилю первой и въ своемъ родѣ тоже прекрасна. Часто бываетъ такъ что Японецъ цѣнитъ въ вещи то что̀ для Европейца безразлично, и они въ такомъ случаѣ почти не понимаютъ другъ друга. Въ этомъ древнемъ лакѣ, напримѣръ, кромѣ художественнаго исполненія вещицы, Японецъ цѣнитъ именно то что на него ни вода, ни огонь не дѣйствуютъ,

а Европеецъ говоритъ что это мнѣ все равно, потому что ни жечь его, ни лить килаткомъ на него я не стану, и по мнѣ, молъ, новѣйшія вещи Томайя гораздо эффектнѣе для этажерки. Такого сужденія совершенно достаточно чтобъ Японецъ призналъ своего европейскаго любителя за круглаго невѣжду и ложалѣлъ бы въ душѣ что металъ предъ нимъ бисеръ.

Въ лавкѣ, куда мы заѣхали съ М. Н. Струве, обрадованный хозяинъ встрѣтилъ ее со всѣми знаками удвоеннаго почтенія: и какъ супругу россійскаго посланника, и какъ истиннаго знатока и цѣнителя и старую свою любительницу. Здѣсь я имѣлъ случай полюбоваться на превосходные старые образцы нѣсколькихъ знаменитыхъ фарфоровыхъ фабрикъ, каковы: Сатцума, Имари, Канга-Кудани, а также на разныя kiotskia и tookiiskia издѣлія. Я не стану вдаваться въ особенныя подробности характера и рисунка всѣхъ этихъ фарфоровъ, коими отличаются произведенія одной фабрики отъ другой, такъ какъ это потребовало бы цѣлой спеціальной монографіи; ограничусь лишь указаніемъ на наиболѣе существенныя ихъ черты и отличія.

Древняя Сатцума отличается, волервыхъ, легкостью вѣса своей фарфоровой массы, сравнительно съ фарфорами другихъ старинныхъ и новыхъ фабрикъ; вовторыхъ, она всегда имѣетъ одинъ и тотъ же основной, ничѣмъ не подцвѣченный, естественный ея желтовато-бѣлый цвѣтъ оттѣнка crême, который служилъ и фономъ для живописной росписи. Глазурь ея большею частію истрескана, но трещинки эти не подѣльныя; онѣ образовались сами, естественнымъ путемъ, отъ времени и покрываютъ всю вещь мелкою неправильною сѣткой,—признакъ, по которому всѣ подобныя вещи у европейскихъ знатоковъ носятъ общее, присвоенное имъ названіе *craquelée*. Живопись и орнаментъ древней Сатцумы всегда болѣе или менѣе представляетъ миніатюру и вообще отличается тонкимъ и легкимъ штрихомъ даже и въ крупныхъ рисункахъ. Въ особенности хорошъ и совершенно своеобразенъ орнаментъ поясковъ и бордюровъ, представляющій сочетаніе либо мелкокудрявыхъ завитковъ и вылупкыхъ точекъ, либо точекъ и угольчатыхъ арабесокъ (черточками). Контуры сатцумскаго орнамента всегда выводятся бѣднымъ, но не тусклымъ золотомъ съ умѣреннымъ аккомпаниментомъ кармина, темной киновари, селіи, бирюзово-голубой и зеленой

краски, блѣдныхъ же колеровъ. Въ иллюминованіи фигурокъ участвуютъ тѣ же краски и блѣдное золото, коимъ проходятся одежды и нѣкоторые предметы. Иногда рисунокъ сопровождается тамъ и самъ неправильною вереницей мелкихъ золотыхъ плоскихъ точекъ въ воздухѣ, какъ бы въ видѣ тучекъ или снѣжинокъ; такія же точки употребляются и для изображенія осыпающихся лепестковъ сливы и проч. Рисунокъ по большей части носитъ эскизный характеръ, и сюжетами его обыкновенно служатъ цвѣты, дѣти въ своихъ играхъ и забавахъ, духи-покровители Японіи и божки семейнаго счастія, или ихъ атрибуты, въ родѣ журавля, черепахи и проч., иногда святые отшельники буддійскаго культа съ золотыми нимбами вокругъ головы, составленными изъ нѣсколькихъ тѣсныхъ рядовъ мелкихъ, выпуклыхъ точекъ, иногда птицы и рыбы. Въ нѣкоторыхъ вещахъ живопись соединяется съ горельефною скульптурой. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ вазахъ дѣлается снаружи какъ бы дупло или глубокая яма, осѣненная по краю изваянною вѣтвью цвѣтущей сливы или букетомъ какихъ-либо цвѣтовъ, и въ ней помѣщается гнѣздышко съ нѣсколькими яичками и птичкой-самкой, а надъ нимъ — вспорхнувшій или уцѣлившійся за вѣтку самецъ съ какою-нибудь мушкой въ клювѣ. На донцѣ одной чашки я видѣлъ скалы и сидящаго подъ ними длиннобородаго пустынника. Въ моей сатцумской коллекціи есть двѣ старыя вазы, изъ которыхъ на одной изображенъ *Фьютенъ*, духъ бурь и вѣтровъ, а на другой *Райденъ*, духъ грозы и грома, низвергающіе на землю вихри, градъ и молніи. Одинъ держитъ на плечахъ мѣшокъ наполненный вѣтрами, другой перебрасываетъ семь окружающихъ его тамбуриновъ: оба они несутся на фонѣ темныхъ тучъ, въ которыхъ мятутся золотыя капли дождя, града и листья оторванные отъ вѣтокъ. Фантастическія, сильнымъ рельефомъ изваянныя фигуры и вся окружающая ихъ сумятица стихійныхъ силъ исполнены замѣчательной выразительности, силы, напряженнаго движенія. Всѣ вообще скульптуры древней Сатцумы раскрашены, но подборъ колеровъ на нихъ никогда не бываетъ ярокъ; напротивъ, онъ нѣсколько блѣденъ и всегда очень мягокъ, и гармониченъ въ общемъ, такъ что кажется будто сатцумскія краски имѣютъ нѣсколько выцвѣтшій характеръ, и это придаетъ имъ особенную прелесть.

Фарфоръ *Имари* уже гораздо тяжеловѣснѣе Сатцумы, но масса его обладаетъ большими достоинствами; она очень

глотна и отличается своею ровностію и совершенною бѣлизной, въ изломѣ имѣетъ видъ рафинированнаго сахара высокаго сорта. Благодаря такимъ качествамъ массы, вещи этой фабрики отличаются наибольшею прочностію и болѣе крупными размѣрами; это преимущественно блюда, миски, цилиндрическія длинныя вазы съ раструбомъ и лузатыя вазы-кубышки съ полусферическими крышками, форма коихъ заимствована отъ Китая. Раскраска Имари болѣе груба или такъ сказать реальна, кисть широкая, быстрая; сюжетъ ея—преимущественно фантастическія сочетанія цвѣтовъ и листьевъ, не стѣсняясь особенно точнымъ воспроизведеніемъ натуры, иногда драконы, иногда эмблематическая птица *фоо* и сосновыя вѣтви; рисунокъ вообще спѣшный, безъ особенной отдѣлки. Отличительный характеръ раскраски Имари это сочетаніе на бѣломъ фонѣ двухъ основныхъ цвѣтовъ: синяго и темно-краснаго, сургучнаго, къ которымъ присоединяется мѣстами въ отдѣлкѣ грязновато-тусклое золото (желто-мѣднаго оттѣнка); иногда допускается кое-гдѣ и зеленый цвѣтъ, какъ напримѣръ, въ бамбукахъ и сосновыхъ вѣткахъ и даже немного въ орнаментѣ, но рѣдко.

Фарфоръ *Канга-Кудани* такихъ же достоинствъ какъ Имари, но тоньше и лотому фабрика эта занимается также и болѣе мелкими вещами, каковы разнокалиберные чашечки, блюдца и флаконы. Въ послѣднее время съ успѣхомъ стали тамъ выдѣлывать и европейскіе сервизы, отличающіеся наибольшею тонкостію фарфора. Вещей особенно крупныхъ размѣровъ эта фабрика вообще не работаетъ; ея блюда и вазы по большей части менѣе средней величины, то-есть первыя около 13—15 дюймовъ въ полеречникѣ, а вторыя около 24 дюймовъ въ охватѣ и 14—15 дюймовъ вышины. Основной тонъ раскраски сургучно-красный, по которому пускается частый какъ бы сѣтчатый узоръ изъ мелкихъ развѣтвляющихся кудрявыхъ завитковъ съ горошинками, наведенный яркимъ полированнымъ золотомъ. Въ болѣе простыхъ вещахъ и завитковый узоръ, и бордюрный орнаментъ, и самый рисунокъ выводятся по бѣлому, иногда по желтоватому фону одною и тою же сургучно-красною краской изрѣдка бликуемой кое-гдѣ тонкими золотыми штришками; но часто дѣло обходится и вовсе безъ золота. Сюжетами для рисунка служатъ цвѣты, мѣстные пейзажи, люди (порознь и въ группахъ) и разныя житейскія сцены, преимущественно изъ сельскаго быта. Рисунокъ Канга-Кудани

всегда болѣе или менѣе эскизенъ, безъ особенной выписки и безъ законченности. Характеръ кисти смѣшанный: то черезчуръ уже тонкій, волосковый, то грубоватый, но смѣлый. Есть цѣлый отдѣлъ произведеній старой Канга-Кудани, къ которому относится всякая утварь, гдѣ неизмѣнно повторяются въ рисункѣ два одни и тѣ же сюжета на тему принесенія новогодникъ поздравленій и на тему собора буддійскихъ мудрецовъ, разбирающихъ свитки закона. Рисунокъ этотъ охватываетъ собою вѣнцомъ борта блюдъ и тарелокъ и опоясываетъ главную толщу вазъ, флаконовъ, чайниковъ и чашекъ. Въ первомъ сюжетѣ онъ состоитъ изъ непрерывнаго ряда тѣсно сгруппированныхъ людей (исключительно мущинъ) разныхъ сословій, начиная съ *дайміо* и ученыхъ *бонзовъ* и кончая рыбаками и простонародными странниками-богомольцами съ Фузи-ямы. Всѣ они изображаются въ зимнихъ праздничныхъ одеждахъ и въ почтительныхъ позахъ привѣтствуя или другъ друга или *сёгуна*; одни подносятъ ему сословыя вѣтви, другіе—вѣтвь распустившейся сливы, третьи углублены въ совмѣстное съ друзьями чтеніе поздравительныхъ виршей на длинныхъ лентахъ бумаги и въ разбираніе надписей визитныхъ карточекъ; но всѣ вообще по возможности кутаютъ свои руки въ толстые ватные рукава широкихъ киримоновъ, въ раскраскѣ коихъ допускается нѣкоторое разнообразіе колеровъ, а именно: черный (тушь), желтый, свѣтло-синій и свѣтло-зеленый. Во второмъ сюжетѣ тоже исключительно мущины, болѣе китайскаго чѣмъ японскаго типа, въ длинныхъ, широкихъ одеждахъ. Они представляютъ собою также непрерывный рядъ стоящихъ и тѣсно сгруппированныхъ людей, погруженныхъ въ изслѣдованіе длинныхъ, ходящихъ у нихъ по рукамъ, свиткокъ закона; лица и позы представляются въ разнообразныхъ положеніяхъ: en face, и въ профиль, и тыломъ, но больше все согнувшись надъ рукописями. Замѣчательно что оба эти сюжета изображаются не иначе какъ на золотомъ (блестящемъ или матовомъ) фонѣ, что на первый взглядъ придаетъ всему рисунку какъ будто нѣсколько византійскій характеръ. Старинныя произведенія Канга-Кудани, въ особенности съ этимъ рисункомъ, очень цѣнятся японскими знатоками.

Есть и еще одинъ сортъ фарфора *Кудани*—преимущественно блюда и тарелки. Основный тонъ его массы желтоватый, оттѣнка crême. Плато разбивается кривыми и ломаными линіями на нѣсколько отдѣленій, изъ коихъ каждое служитъ рамкой для отдѣльнаго рисунка. Одни изъ отдѣленій имѣютъ очертанія

овала или круга (медальйономъ), другіе—раслущеннаго вѣера, третьи—параллелограма или треугольника, а въ общемъ все это представляется какъ бы отдѣльными, въ безпорядкѣ набросанными одна на другую картинками. Просвѣты между ними всегда заполняются совершенно такъ же какъ и въ *Канга* густымъ сургучно-краснымъ фономъ съ лущеными по немъ такими же точно золотыми завитками; въ рисункахъ же фонъ остается естественный, crême. Сюжетами рисунковъ служатъ цвѣты и плоды (розы, астры, земляника, гранаты) и птицы, преимущественно лѣтухи, иногда женскія фигурки въ житейскихъ сценахъ, въ особенности изъ прежней придворной жизни. И надо замѣтить что за исключеніемъ извѣстной условной и такъ-сказать традиціонно-японской манеры въ изображеніи женскихъ лицъ, рисунокъ этого сорта *Кудани* во всемъ остальномъ что̀ касается цвѣтовъ и птицъ стремится съ точностію копировать природу. Контуры рисунка очень тщательно и подробно выведены тонкими чертами густою тушью и вообще каждый рисунокъ всегда отличается полною законченностію въ предѣлахъ своей рамки. Наружныя стѣнки блюдъ и мисокъ расписываются обыкновенно гирляндами изъ виноградныхъ листьевъ и гроздій. Въ раскраскѣ рисунковъ допускаются наиболѣе разнообразные и смѣшанные цвѣта: густой карминъ, бѣло-розовый, голубой и свѣтло-синій, темно и свѣтло-желтый, зеленый разныхъ оттѣнковъ, селія, бѣлила и тушь. При этомъ краски прозрачныя всегда накладываются такъ чтобъ изъ-подъ нихъ совершенно ясно сквозили черты контура, а на непрозрачныхъ контуръ вторично начерты-вается золотомъ которому большая роль отводится также въ мелкомъ штрихованіи лѣтушьихъ перьевъ. Облака и тучки тоже наводятся золотомъ. Для бордюровъ и для фона въ нѣ-которыхъ медальйонахъ меньшей величины употребляется золотой матъ, а на штриховку контуровъ блестящее золото. Несмотря на нѣкоторую пестроту, рисунокъ не дѣлаетъ на глазъ кричащаго впечатлѣнія, потому что въ немъ все-таки преобладаютъ скромные колера и темные оттѣнки; въ общемъ онъ очень соразмѣренъ, а основной тонъ crême въ особенности сообщаетъ ему умѣряющую тепловатую мягкость.

Кромѣ перечисленныхъ главныхъ родовъ японскаго фар-фора, представляющихъ собой какъ бы школы этого произ-водства, выработавшія каждая свой особый стиль и строго слѣдующія извѣстнымъ традиціямъ, существуетъ въ странѣ еще множество разныхъ фарфоровыхъ фабрикъ, между

которыми наибольшею извѣстностію пользуются Кіото, Овари и Новая Сатцума, или собственно Тамоноама въ городѣ Кагосима. * Послѣдняя стремится, и не безъ успѣха, подражать во внѣшности своему древнему прототилу, но у художниковъ миніатюристовъ нѣтъ уже той чистоты и скрупулезности въ усидчивой отдѣлкѣ мельчайшихъ деталей орнамента; вещи работаются болѣе спѣшно, на продажу, да и потерянный секретъ фарфора уже не можетъ быть возстановленъ. Впрочемъ, кагосимскія издѣлія не рѣдко обываются плохимъ знатокамъ за „настоящую“ древнюю Сатцуму.

13 января.

Сегодня мы почти цѣлый день провели въ *Кванкубѣ*. Такъ называется постоянная выставка или базаръ устроенный городомъ по иниціативѣ правительства въ участкѣ Дайміо-Коодзи (центральный округъ Сото), для чего былъ устуленъ цѣлый кварталъ, принадлежавшій до переворота 1868 года одному изъ феодаловъ. Кванкуба, это цѣлый лабиринтъ деревянныхъ зданій, залъ, крытыхъ свѣтлыхъ галлерей и переходовъ, гдѣ сосредоточены по отдѣламъ всевозможныя произведенія мѣстной кустарной и мануфактурной промышленности, перечислить которыя нѣтъ никакой возможности, кромѣ какъ въ длинномъ каталогѣ. Тутъ чего хочешь, то и просишь. Тутъ все есть, рѣшительно все что требуется въ обиходѣ японской жизни, за исключеніемъ лишь съѣстныхъ продуктовъ, если они не въ консервахъ. Вы находите здѣсь и предметы роскоши, и предметы первой необходимости, пищу для ума и образованія, пищу для развлеченія и комфорта, инструменты и пособія для всевозможныхъ работъ, искусствъ и ремеслъ. Тутъ и мебель, и утварь, ткани и одежда, книги, табакъ, цвѣты, духи и пр. и пр. Но замѣчательно вотъ что: допускаются въ Кванкубу издѣлія не иначе какъ премированныя, получившія медали и почетные отзывы на разныхъ конкурсахъ и мѣстныхъ провинціальныхъ выставкахъ, такъ что превосходныя качества всѣхъ этихъ произведеній вполнѣ гарантированы,—покупайте смѣло, вы не рискуете ошибиться или быть обманутымъ. Кромѣ того, еще величайшее удобство въ томъ что здѣсь вамъ совсѣмъ не надо торговаться; каждой вещи назначена своя цѣна, утвержденная административнымъ комитетомъ Кванкубы. Здѣсь всегда что-называется неотлучная труба народа, одни покупаютъ, другіе глазѣютъ и

* Главный городъ провинціи Сатцума, на островѣ Кію-сію.

прогуливаются. Да и какъ не поглазѣть если на каждомъ шагу вы встрѣчаете прелестныя, красивыя вещи! Поневолѣ соблазнишься и купишь чего даже и не думалъ, тѣмъ болѣе что все это стоитъ такіе пустяки, сравнительно съ европейскими цѣнами.

21 января.

Вчера барону О. Р. Штакельбергу, какъ временно командующему эскадрой Восточнаго Океана, было сообщено офиціальнымъ путемъ желаніе его величества микадо принять его сегодня, 21 января, въ парадной аудіенціи, съ командирами русскихъ судовъ находящихся на Йокогамскомъ рейдѣ и чинами его штаба. Поэтому къ двумъ часамъ дня во дворецъ Гото собрались: нашъ посланникъ К. В. Струве съ секретаремъ посольства барономъ Розеномъ и драгоманомъ г. Малендой; контръ-адмиралъ баронъ Штакельбергъ; командиры судовъ, капитаны 1го ранга: Назимовъ 1й (фрегатъ *Мининъ*), Тыртовъ (фрегатъ *Князь Пожарскій*), капитанъ-лейтенанты: Назимовъ 2й (капперъ *Крейсеръ*) и Алексѣевъ (крейсеръ *Африка*); по одному старшему лейтенанту съ судовъ *Мининъ*, *Князь Пожарскій* и *Африка*; лица штаба командующаго эскадрой: флагъ-капитанъ, капитанъ 1го ранга Новосильскій, секретарь штабъ-ротмистръ Крестовскій и флагъ-офицеры, мичманы: Наумовъ и Перелешинъ. Къ этому же времени съѣхались во дворецъ высшіе чины двора и министерства иностранныхъ дѣлъ, назначенные присутствовать при церемоніи.

Въ два съ четвертью часа дня присутствующіе были приглашены въ аудіенцъ-залу. Это обширная комната, съ трехъ сторонъ коей идутъ стекольчатыя раздвижныя стѣны, за которыми видны стекольчатыя же галлереи, украшенныя большими японскими вазами съ букетами яркихъ камелій и иныхъ цвѣтовъ свойственныхъ этому времени года. Полъ аудіенцъ-залы сплошь затянутъ мягкимъ ковромъ, а у задней стѣны, въ особой нишѣ, виситъ акварельная картина, и подъ нею, на роскошномъ рѣзномъ столикѣ, помѣщается массивная группа журавлей въ натуральную величину, сдѣланная изъ серебра и золота. Нѣсколько отступя отъ задней стѣны, посреди залы, стояло высокое кресло, обтянутое лиловою шелковою матеріей съ затканными по ней серебряными астрами.

Войдя въ аудіенцъ-залу, мы уже застали тамъ микадо, одѣтаго въ генеральскій японскій мундиръ, съ форменною *кепи* въ лѣвой рукѣ. Императоръ стоялъ впереди лиловаго

кресла, а два принца императорскаго дома помѣщались нѣсколько впереди микадо, по обѣ стороны отъ его величества, лицомъ другъ къ другу. На видъ государю Японіи около тридцати лѣтъ; онъ нѣсколько выше средняго роста и сложенъ стройно; лицо блѣдное, небольшіе черные усы, волосы носитъ по-европейски, по-военному; выраженіе лица, соотвѣтственно требованіямъ мѣстнаго придворнаго этикета, совершенно безстрастное, неопредѣленное. Имя его Мудугито, но въ народѣ, равно какъ и при дворѣ, не принято называть государя собственнымъ именемъ, которое становится достояніемъ исторіи лишь послѣ его смерти; при жизни же государя титулуютъ однимъ лишь словомъ *микадо*, что̀ значитъ, досточтимый.

Приблизясь на подобающее разстояніе къ императору, баронъ Штакельбергъ отдалъ почтительный поклонъ и произнесъ слѣдующія слова:

— Я счастливъ что, имѣя случай представиться нынѣ вашему величеству, могу снова выразить благодарность за гостепріимство оказываемое русскимъ военнымъ судамъ сосѣднею съ нами Японіей, къ которой русскіе моряки издавна питали и всегда питаютъ дружбу и уваженіе. Генералъ-адъютантъ Лесовскій, какъ только состояніе здоровья ему дозволитъ, разчитываетъ прибыть сюда чтобы лично представиться вашему величеству и также выразить чувства признательности за гостепріимство вашей страны, оказываемое нашему флоту.

Эта рѣчь была тотчасъ же на словахъ переведена придворнымъ переводчикомъ его величеству. Выслушавъ ее съ видимою благосклонностію, императоръ Японіи очень тихимъ голосомъ произнесъ свой отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, тутъ же переданныхъ барону Штакельбергу чрезъ посредство того же переводчика:

— Я очень доволенъ видѣть васъ здѣсь. Надѣюсь что вы, адмиралъ, офицеры и судовыя команды находитесь въ добромъ здравіи. Я буду радъ принять адмирала Лесовскаго если состояніе его здоровья позволитъ ему сюда прибыть послѣ совершеннаго его излѣченія.

Этими словами аудіенція была окончена. Откланявшись его величеству, адмиралъ со свитой возвратился въ пріемную комнату, гдѣ всѣмъ тотчасъ же былъ предложенъ чай, послѣ чего всѣ разъѣхались въ исходѣ третьяго часа.

29 января.

Сегодня, въ полдень, нашу эскадру на Йокогамскомъ рейдѣ посѣтили высшіе чины японскаго флота и арміи: морской министръ, вице-адмиралъ Еномото; бывшій министръ того же вѣдомства, нынѣ членъ верховнаго совѣта, вице-адмиралъ Кавамура; военный министръ, генералъ-лейтенантъ Ямагата; начальникъ главнаго штаба, генералъ-лейтенантъ Ояма; члены верховнаго совѣта, бывшіе министры—военный, генералъ-лейтенантъ Сайго, и публичныхъ работъ, генералъ-лейтенантъ Ямада, генералъ-лейтенанты Міура и Тани, изъ коихъ послѣдній пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность на крайнемъ Востокѣ тѣмъ что доблестно выдержалъ въ 1877 году тѣсную девятимѣсячную осаду въ крѣпости Кумамото со стороны инсургентовъ, приверженцевъ стараго порядка, чему обязанъ своимъ спасеніемъ нынѣшній государственный строй Японіи, и наконецъ, вице-адмиралъ Накамута, главный командиръ Йокогамскаго порта. Этихъ почетныхъ посѣтителей сопровождали: адъютантъ военнаго министра, артиллеріи капитанъ Гуцъ-Номіа, и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Ицикава, оба наши хорошіе знакомцы, служившіе въ данномъ случаѣ переводчиками.

Русскіе военные катера, ожидавшіе нашихъ почтенныхъ гостей у портовой пристани, перевезли ихъ сперва на броненосный фрегатъ *Князь Пожарскій*, гдѣ были показаны имъ общая тревога и все судно, въ полномъ его устройствѣ; затѣмъ они переправились на *Минин*, гдѣ смотрѣли артиллерійское ученье и также сдѣлали осмотръ всего судна и крюйтъ-камеры. Удаленіе ихъ съ обоихъ броненосцевъ сопровождалось положеннымъ по уставу артиллерійскимъ салютомъ. По осмотрѣ *Минина*, наши гости переѣхали на флагманское судно, крейсеръ *Африку*, гдѣ были встрѣчены почетнымъ карауломъ и звуками японскаго національнаго гимна. За роскошнымъ завтракомъ, который былъ данъ барономъ Штакельбергомъ, нашъ хозяинъ-адмиралъ предложилъ первый тостъ за здоровье его величества микадо, сопровождавшійся опять же японскимъ гимномъ. Отвѣтный тостъ за Государя Императора былъ предложенъ генералъ-лейтенантомъ Ямагата, военнымъ министромъ. Далѣе слѣдовали тосты за японскую армію и флотъ въ лицѣ нашихъ гостей, представителей вооруженныхъ силъ Японіи, и отвѣтный—за хозяина, присутствующихъ русскихъ

моряковъ, русскій флотъ и армію и наконецъ за дружбу и доброе сосѣдство Японіи и Россіи.

Послѣ завтрака гости вышли на верхнюю палубу, причемъ миноносный паровой катеръ съ *Африки*, подъ командой лейтенанта Тарасова, произвелъ минное ученье со взрывомъ двухъ учебныхъ минъ, а на клиперѣ *Крейсеръ* по сигналу сдѣлано парусное ученье, отличавшееся замѣчательною быстротой, расторопностію и порядкомъ. Всѣ вообще ученія на всѣхъ судахъ были произведены, можно сказать, образцово. На верхней палубѣ *Африки* наши гости съ особеннымъ вниманіемъ осматривали механизмъ десантнаго (оно же и горное) орудія системы Барановскаго, послѣ чего, въ половинѣ пятаго часа дня, простились съ барономъ Штакельбергомъ и русскими офицерами. Отъѣздъ ихъ сопровождался народнымъ японскимъ гимномъ и артиллерійскимъ салютомъ.

Здѣшняя иностранная печать, особенно ревниво и подозрительно слѣдящая за отношеніями между членами Японскаго правительства и представителями нашей дипломатіи и флота и ставящая имъ что-называется всякое лыко въ строку, конечно, не преминетъ и изъ этого простаго дружескаго посѣщенія сдѣлать свои „глубокомысленныя“ умозаключенія, отличающіяся впрочемъ не столько знаніемъ дѣла сколько слѣпымъ недоброжелательствомъ къ Россіи.

30 января.

Сильный вѣтеръ. На рейдѣ буря. Въ шестомъ часу вечера вспыхнулъ въ Токіо большой пожаръ. Сгорѣло слишкомъ 8.000 домовъ.

3 февраля.

Принцы императорскаго Японскаго дома оказали сегодня очень любезное вниманіе судамъ нашей эскадры. Выѣхавъ изъ Токіо съ утреннимъ девятичасовымъ поѣздомъ, они черезъ часъ прибыли въ Іокогаму и въ открытыхъ экипажахъ проѣхали во дворъ военнаго порта, гдѣ у пристани ихъ уже ожидали наши красивые катера, устланные коврами и дорогими покрывалами на сидѣньяхъ. Императорскихъ принцевъ было пятеро: Арисугава-но-міа, бывшій главнокомандующій императорскою арміей во время сатцумскаго возстанія въ 1877 году, затѣмъ президентъ *Генроина* (сената), а нынѣ, въ званіи фельдмаршала, занимающій должность *са-дай-дзина*, то-есть перваго вице-канцлера имперіи; Хигаси-Фусими-но-міа, генералъ-лейтенантъ, бывшій начальникъ стрѣлковыхъ и гимнасти-

ческихъ школъ арміи, а нынѣ главный инспекторъ этихъ отдѣловъ образованія въ войскахъ; Катасиракава-но-міа, подполковникъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Германіи для военнаго образованія и владѣющій нѣмецкимъ языкомъ; Фусими-но-міа, капитанъ, и Ямасина-но-міа, кадетъ морскаго училища. Всѣ они приходятся двоюродными братьями императору, у котораго родныхъ братьевъ нѣтъ. Ихъ высочествъ сопровождали: нашъ посланникъ К. В. Струве, морской министръ Еномото, министръ иностранныхъ дѣлъ Инойе, товарищъ министра двора Суга, начальникъ Йокогамскаго порта Накамута, дежурный адъютантъ фельдмаршала и драгоманъ Ицикава, а изъ Русскихъ, кромѣ посланника, секретарь посольства баронъ Розенъ, драгоманъ Маленда и я.

Въ три четверти одиннадцатаго часа утра императорскіе принцы прибыли на фрегатъ *Князь Пожарскій*, гдѣ были встрѣчены начальствующимъ эскадрой, контръ-адмираломъ баровомъ Штакельбергомъ, флагъ-капитаномъ А. П. Новосильскимъ и командиромъ фрегата П. П. Тыртовымъ. Офицеры, гардемарины, кондукторы и команда судна были выстроены на верхней палубѣ. Пройдя въ нижнюю палубу гдѣ помѣщается батарея, ихъ высочества пожелали видѣть артиллерійское ученье. Тотчасъ же была ударена тревога, и чрезъ 2¼ минуты массивныя орудія фрегата были уже вполнѣ готовы къ бою. Сдѣлано было нѣсколько поворотовъ батареи подъ значительными углами для стрѣльбы въ разныхъ направленіяхъ, мѣнялась наводка, показанъ былъ пріемъ пальбы залпами, и все это производилось быстро, отчетливо, въ полномъ порядкѣ, какъ и слѣдовало впрочемъ ожидать отъ такой молодецкой команды. Послѣ кратковременнаго отдыха въ помѣщеніи командира судна, принцы отправились на фрегатъ *Минин*. Когда катера отвалили отъ борта на должное разстояніе, на гротъ-мачтѣ *Князя Пожарскаго* былъ поднятъ японскій флагъ, а люди посланные по реямъ троекратно прокричали *ура*, послѣ чего былъ отданъ салютъ двадцатью однимъ выстрѣломъ.

На *Минин* командиръ судна, капитанъ 1го ранга Назимовъ 1й, показалъ высокимъ посѣтителямъ все внутреннее устройство фрегата, послѣ чего на верхней палубѣ было произведено крюйтъ-камерное ученье. Отъѣздъ принцевъ съ фрегата сопровождался отданіемъ тѣхъ же почестей что и на *Князѣ Пожарскомъ*.

На крейсерѣ *Адзума*, куда высокіе гости прибыли въ лодкѣ, ихъ встрѣтилъ нашъ флотскій оркестръ звуками японскаго національнаго гимна, и затѣмъ командиръ судна показалъ на верхней палубѣ всѣ минныя приспособленія и объяснилъ способъ выбрасыванья посредствомъ сжатаго воздуха уайтхедовскихъ минъ изъ особо приспособленныхъ трубокъ. Взрывъ боевой мины, произведенный съ парового катера *Саратога*, былъ очень удаченъ и доставилъ гостямъ великолѣпное зрѣлище, когда водяной столбъ поднялся на значительную высоту, въ видѣ гигантскаго фонтана, и съ грохочущимъ шумомъ низвергся въ волны. На *Адзумѣ* баронъ Штакельбергъ предложилъ гостямъ завтракъ, къ которому были приглашены и командиры нашихъ судовъ. Послѣ обычныхъ тостовъ за микадо и Государя Императора, хозяинъ, предложивъ тостъ за своихъ высокихъ гостей, высказалъ что русскіе моряки исполнены признательности къ правительству и народу Японіи за все доброе вниманіе и истинно дружеское гостепріимство какое Русскіе встрѣчали въ этой странѣ какъ въ прежніе годы, такъ и въ настоящихъ обстоятельствахъ. Принцъ Арисугава въ отвѣтъ на это выразилъ что Японія цѣнитъ дружеское расположеніе къ ней Россіи, и что поэтому остается только желать чтобъ и на будущія времена узы дружбы между этими странами скрѣплялись ко взаимному благополучію обоихъ народовъ.

Въ началѣ третьяго часа дня ихъ высочества простились съ барономъ Штакельбергомъ и русскими моряками, и наши катера, при обычной въ такихъ случаяхъ церемоніи, отвезли ихъ къ портовой пристани.

14 февраля.

Въ семь часовъ вечера императорскіе принцы: Арисугава, Хигаси-Фусими, Катасиракава и Фусими съ ихъ супругами обѣдали у нашего посланника. Къ столу были приглашены: морской министръ Еномото съ супругой, супруга министра иностранныхъ дѣлъ, гжа Иноуе съ дочерью, и г. Сузуки, бывшій секретарь японской миссіи въ Лондонѣ, говорящій по-англійски, а изъ Русскихъ, кромѣ членовъ посольства, баронъ Штакельбергъ, Новосильскій, командиры судовъ и я. Обѣдъ этотъ, впрочемъ, не отличался строго офиціальнымъ характеромъ, въ томъ смыслѣ что не было предлагаемо никакихъ офиціальныхъ тостовъ. Супруги принцевъ были одѣты въ придворные японскіе костюмы, которыхъ роскошь

и яркіе цвѣта очень усиливали эффектъ красиво сервированнаго стола. Въ особенности замѣчательна ихъ офиціально придворная прическа: это — высоко приподнятое широкое бандо, уходящее за уши и обрамляющее собою лобъ и обѣ стороны лица. Нѣчто подобное, но только въ уменьшенныхъ размѣрахъ, носили дамы въ Европѣ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія. У иныхъ изъ придворныхъ дамъ эта куафюра заканчивается узломъ кос на затылкѣ, у другихъ же варіируется тѣмъ что будучи на затылкѣ перехвачена какою-то узорчатою перевязкой, свободно падаетъ на спину распущенными, волнистыми волосами. У Японокъ вообще волосы можно назвать роскошными, и нельзя сказать чтобъ эта пышная прическа была не къ лицу придворнымъ дамамъ. Нижній костюмъ ихъ состоитъ изъ очень широкихъ шальваръ шелковой матеріи лунсоваго цвѣта; ступни обѣихъ ногъ продѣваются въ особыя отверстія плотно охватывающія щиколотки; пышныя складки падаютъ съ таліи до полу, совершенно прикрывая собою всю обувь и даже ея носки, а длинные концы шальваръ волочатся сзади по землѣ, что̀ на взглядъ представляетъ подобіе нашихъ юпокъ со шлейфами; но въ общемъ, стоитъ ли придворная дама на мѣстѣ, идетъ ли плавно переступая невидимыми ножками, вамъ кажется что она и то и другое дѣлаетъ на колѣняхъ,— таковъ именно эффектъ этого своеобразнаго нижняго костюма, который, какъ говорятъ, для того и предназначенъ чтобы производить подобное впечатлѣніе. Объясненіе въ томъ что придворныя дамы удостоенныя чести являться предъ лицомъ микадо должны показывать видъ будто приближаются къ нему на колѣняхъ. Это требованіе стародавняго этикета, существующее безъ малѣйшихъ измѣненій со дня его установленія еще въ глубокой древности. Такимъ образомъ, и самый костюмъ придворныхъ дамъ составляетъ точнѣйшее воспроизведеніе кіотской моды, пережившей, быть-можетъ, цѣлое тысячелѣтіе. Верхній костюмъ ихъ изъ драгоцѣнныхъ парчевыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ и очень изящнаго рисунка кроенъ въ родѣ короткополаго кафтана, по колѣно, съ широкими рукавами извѣстными у насъ подъ именемъ греческихъ. Грудь и отчасти шея прикрываются бортами легкихъ шелковыхъ кисейныхъ сорочекъ (родъ халатика), и борты эти очень изящно расшиты тонкими узорами. Широкій и пышный придворный костюмъ не имѣетъ, за исключеніемъ

кимоно-сорочки, ничего общаго съ костюмами горожанокъ, у которыхъ верхніе кимоны очень изящно обрисовываютъ женскія формы, и горожанки, надо отдать имъ справедливость, умѣютъ съ большимъ, хотя и чисто японскимъ „шикомъ“ (простите это выраженіе!) носить свои платья, которыя отнюдь не мѣшаютъ проявленію природной граціи Японокъ, ни въ ихъ походкѣ, ни въ манерахъ; вамъ кажется только будто онѣ нѣсколько гнутся корпусомъ впередъ, но это не портитъ рисунка ихъ фигурокъ, и обусловливается болѣе всего роскошнымъ турнюромъ изъ большаго и широкаго банта, въ какой съ особеннымъ искусствомъ завязывается сзади на таліи ихъ поясъ (*оби*). Должно замѣтить что туалетъ женщинъ высшаго сословія не только обозначаетъ ихъ званіе и положеніе въ свѣтѣ, но узорами и вышивками на платьяхъ, а равно и цвѣтомъ матеріи долженъ совпадать со временемъ года, погодой и флорой различныхъ мѣсяцевъ. Таково требованіе національной моды. Въ прежніе, сравнительно еще весьма недавніе годы, этикетъ требовалъ чтобы придворныя дамы начисто сбривали себѣ брови и замѣняли ихъ двумя короткими и толстыми мазками китайской туши на лбу, пальца на три надъ глазами; но теперь эта стародавняя мода совершенно оставлена, благодаря чему естественная красота видѣнныхъ нами принцессъ конечно выиграла весьма много. Въ городскомъ японскомъ костюмѣ присутствовала за обѣдомъ одна только гжа Еномото, а въ европейскихъ платьяхъ—обѣ гжи Иноуе. Въ этомъ отношеніи, онѣ первыя изъ Японокъ являются въ своей странѣ нововводительницами европейской моды. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданъ былъ императорскій указъ повелѣвавшій всѣмъ вообще носить европейское платье и за одно уже уничтожавшій ремесло женскихъ куаферовъ, на томъ де основаніи что каждая женщина должна сама убирать себѣ волосы. Гражданскіе чиновники и вообще служащіе на жалованьи отъ правительства, конечно, должны были безусловно подчиниться этому повелѣнію; но со стороны женщинъ оно встрѣтило хотя и пассивную, тѣмъ не менѣе упорную и едва ли одолимую оппозицію: онѣ остались вѣрны своему національному костюму. Единственная уступка европеизму, какая была сдѣлана дамами высшаго общества, состояла лишь въ томъ что онѣ рѣшились замѣнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ свои *сокки* и *зори* французскими туфлями и американскими ботинками;

ныя даже употребляютъ теперь парижскія перчатки, но и только. Что же до куаферовъ, то уничтоженіе ихъ отнюдь не повліяло на измѣненіе характера женской прически: дамы стали только пользоваться для этого услугами женщинъ-спеціалистокъ, которыя хотя и не держатъ куаферныхъ заведеній, но ходятъ изъ дома въ домъ по знакомымъ кліенткамъ и не имѣютъ нока причинъ жаловаться на недостатокъ или убыточность своей практики. Простой народъ и большинство горожанъ точно также не подчинились радикальному указу, и правительство кажется догадалось что дѣйствовать въ этомъ случаѣ насильственными мѣрами не слѣдуетъ, а лучше предоставить разрѣшеніе вопроса самому времени. И дѣйствительно, говорятъ что европейскій костюмъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ въ городской средѣ все большее и большее число добровольныхъ сторонниковъ.

Съ реформою мужскихъ прическъ дѣло у правительства шло гораздо ладнѣе, потому что европейская прическа не только несравненно удобнѣе, но и не требуетъ для себя столько времени и стараній и теперь остаются вѣрны традиціоннымъ *мекго* только старики, да поселяне. Тутъ не помогли дѣлу старины даже и женскіе протесты въ его пользу. Самюэль Мосманъ разказываетъ по этому поводу въ своей книгѣ *The Land of the Rising Sun* (Страна Восходящаго Солнца) объ одной Японкѣ, мужъ которой послѣ долгаго отсутствія по дѣламъ явился къ ней въ новой прическѣ; она сначала смѣялась, потомъ стала сердиться и браниться за это нововведеніе и наконецъ поклялась бросить мужа если онъ не вернется къ *мекго*. Тотъ остался непреклоненъ, и она пошла къ своему брату, въ надеждѣ вызвать въ немъ своими жалобами сочувствіе къ себѣ и думая что авось-либо хоть ему удастся повліять на мужа; но увы!—и въ братѣ увидѣла она ту же самую перемѣну; пошла къ старику дядѣ, и этотъ подчинился новой модѣ! Бѣдняжка бросилась во храмъ, гдѣ принялъ ее бонза, сохранившій еще по старому обычаю бритую голову, но и онъ, повздыхавъ вмѣстѣ съ нею и убоясь исторіи съ мужемъ, убѣдилъ бѣглянку возвратиться домой съ миромъ. Женщины здѣсь, очевидно, консервативнѣе мущинъ и ихъ костюмъ, выработанный тысячелѣтнимъ опытомъ и климатическими условіями, самъ по себѣ такъ удобенъ и такъ красиво имъ носится что я совершенно понимаю почему онѣ не желаютъ съ нимъ разставаться. Но...

какъ ни какъ, а вскорѣ, кажись, придется принести эту жертву международному Молоху европейской „цивилизаціи“, по крайней мѣрѣ дамамъ высшаго общества. Здѣсь уже поговариваютъ будто сама *kuzaku* (микадесса) намѣрена покончить съ традиціонною прической и надѣть туалетъ отъ Ворта, причемъ будетъ де возвѣщено особымъ указомъ что впредь ко двору будутъ допускаться дамы только въ европейскихъ костюмахъ. * Правительству во что бы то ни стало хочется оевропеить японскую женщину, и это до извѣстной степени понятно если оно видитъ въ женскомъ элементѣ своей страны одинъ изъ сильныхъ оплотовъ тѣхъ консервативныхъ началъ съ которыми само непрестанно борется. Съ этою цѣлью не только японскимъ посланникамъ при европейскихъ дворахъ было приказано взять съ собой и своихъ женъ, но и отправлено въ Америку изъ хорошихъ семей нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, отъ пятнадцати до восьмилѣтняго возраста, подъ вѣрнымъ надзоромъ одной пожилой женщины. По этому поводу былъ даже изданъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ особый указъ, гдѣ говорится что недостатокъ образованности происходитъ у Японцевъ отъ ихъ отчужденности отъ другихъ народовъ. „Вслѣдствіе этого, говоритъ микадо, всѣ наши женщины отстали въ своемъ развитіи. Воспитаніе дѣтей идетъ рука объ руку съ воспитаніемъ матерей и составляетъ предметъ первой важности. Поэтому я не препятствую нашимъ посланникамъ брать съ собой женъ, дочерей, сестеръ, которыя въ чужихъ земляхъ узнаютъ много полезнаго и познакомятся съ правильною системой воспитанія дѣтей. Если вы всѣ займетесь этимъ вопросомъ и вооружитесь терпѣніемъ и постоянствомъ, то намъ будетъ легко двигаться впередъ по пути цивилизаціи, положить основаніе могуществу и благосостоянію и идти наравнѣ съ другими народами. Послѣдуйте нашему желанію, сдѣлайте все возможное и помогите намъ достичь корня нашихъ недуговъ.“ Указъ этотъ былъ принятъ почти всѣми японскими женщинами какъ незаслуженная обида или, по меньшей мѣрѣ, несправедливость. Если имъ недостаетъ „развитія“ въ европейскомъ смыслѣ, то уже никакъ нельзя упрекнуть ихъ въ недостаткѣ образованности въ смыслѣ японскомъ: каждая изъ нихъ прекрасно знаетъ свѣтскую литературу и поэзію,

* Эта мѣра уже обнародована осенью 1886 года.

миѳологію и исторію своей страны, каждая владѣетъ искусствомъ живописи или музыки, декламаціи или хореографіи, а нерѣдко и всѣми вмѣстѣ. Въ свое оправданіе онѣ ссылаются на исторію Японіи, которая знаетъ не одну знаменитую женщину; въ ней говорится о восьми императрицахъ прославившихся мудрымъ и долгимъ царствованіемъ и о многихъ микадессахъ стоявшихъ по характеру отнюдь не ниже своихъ доблестныхъ супруговъ. Онѣ указываютъ на императрицу Цингу (201 г. по Р. Х.), мудрую законодательницу и насадительницу просвѣщенія, которая, снарядивъ цѣлый флотъ, переплыла Японское море и сама, во главѣ отборныхъ войскъ, покорила Корею; онѣ говорятъ что нерѣдко и простыя Японки отличались храбростію и героизмомъ въ защитѣ своихъ очаговъ и крѣпостей отъ непріятеля, а между замѣчательными поэтами прошлаго и новаго времени выставляютъ многихъ японскихъ Сафо извѣстныхъ своимъ талантомъ, въ особенности знаменитую Оно-но-Комачъ. * Еще менѣе

* Объ этой послѣдней поэтессѣ Эме Эмберъ передаетъ, по японскимъ источникамъ, очень трогательную исторію. Это была благорожденная дѣвушка, жившая при дворѣ въ Кіото, которая довела страсть къ поэзіи до высокаго героизма. Красавица Оно-но-Комачъ изображается всегда на колѣняхъ предъ умывальникомъ, надъ кото смываетъ написанное ею. Она не знала другой страсти кромѣ обрабатыванія и усовершенствованія стиля. Прославляемая за свой талантъ, но беззащитная противъ зависти и противъ злобы фатовъ которыхъ искательство отвергла, она впала въ немилость при дворѣ и дошла до крайней бѣдности, до полной нищеты. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ окрестностяхъ Кіото встрѣчали бродившую изъ деревни въ деревню одинокую женщину, босую, опиравшуюся на странническій посохъ, съ корзинкой въ лѣвой рукѣ, гдѣ связка рукописей прикрывала скудное дневное пропитаніе. Пряди сѣдыхъ волосъ выбивались изъ-подъ широкой соломенной шляпы, защищавшей отъ солнца худое и морщинистое лицо. Когда несчастная старуха садилась на порогѣ сосѣднихъ храмовъ, дѣти толпами сбѣгались къ ней, привлекаемыя ея кроткою улыбкой и блескомъ глазъ. Она учила ихъ стихамъ, въ которыхъ прославлялось величіе природы, и невольно приковывала ихъ вниманіе къ красотамъ Божьяго міра. Порой подходилъ къ ней съ уваженіемъ какой-нибудь ученый монахъ и просилъ позволенія снять копію съ того или другаго изъ поэтическихъ произведеній, которыя безпріютная горемыка носила въ корзинкѣ. Въ Японіи и по настоящее время свято хранится память объ Оно-но-Комачъ, этой необыкновенной женщинѣ, вдохновенной

справедливымъ считаютъ онѣ упрекъ въ неумѣніи правильно воспитывать дѣтей, и я думаю что въ этомъ отношеніи онѣ совершенно правы. Высокопреданныя своему супружескому долгу, японскія матери давали до сихъ поръ странѣ сыновъ исполненныхъ рыцарской чести и честности, людей съ высокоразвитымъ чувствомъ національности и патріотизма, людей воспитанныхъ въ благоговѣйномъ почтеніи къ памяти предковъ, въ вѣрности своему слову и долгу и въ то же время неприхотливыхъ, простодушныхъ, трудолюбивыхъ. Ну, а что будутъ давать матери и жены прошедшія курсъ „развитія“ въ международной школѣ европейской и американской „цивилизаціи“—это еще вопросъ... До сихъ поръ извѣстно только что Японка, какъ высшаго, такъ и средняго круга, отлично управляетъ домомъ, сама или съ помощью двухъ-трехъ служанокъ; живетъ уединенно, почти никогда не выходитъ безъ мужа, развѣ только къ близкимъ своимъ роднымъ, и, не мудрствуя лукаво, прекрасно ведетъ воспитаніе дѣтей. Дѣвушки всѣхъ сословій посѣщаютъ школу и рано пріучаются къ тишинѣ и порядку, а дома учатся хозяйству, шитью и инымъ полезнымъ рукодѣліямъ, и ни одна изъ нихъ до сихъ поръ на судьбу свою не жаловалась. Законъ японскій считаетъ женщину по происхожденію „равною“ мущинѣ и вполнѣ правоспособною; доказательство: восемь женщинъ сидѣли на императорскомъ престолѣ и самостоятельно правили государствомъ. По закону, жена повинуется мужу *во всемъ что хорошо и справедливо*, но не находится у него въ подчиненіи, не раба его. Китайскій обычай многоженства хотя и былъ допущенъ, но никогда не прививался въ Японіи, кромѣ какъ у *дайміо* (да и то далеко не у всѣхъ) и при дворѣ микадо, гдѣ въ силу этикета императору полагалось имѣть двѣнадцать побочныхъ женъ; но теперь и этого уже нѣтъ. Обыкновенный же смертный, въ силу установившагося стараго обычая, могъ безазорно ввести къ себѣ въ домъ вторую жену въ томъ только случаѣ если первая оказывалась окончательно неплодною, да и это дѣлалось не иначе какъ съ ея собственнаго согласія. А теперь вдругъ въ Токіо появились дамскіе журналы, гдѣ редакторши кладутъ въ основу своей

дѣвѣ, строгой къ самой себѣ и скромной во дни богатства, кроткой, терпѣливой и горячо преданной идеалу до преклонной старости и среди самыхъ жестокихъ испытаній судьбы. Это самая популярная фигура въ поэтическомъ пантеонѣ древней имперіи микадо.

программы требованіе конституціи и женской эманципаціи. Это, безъ сомнѣнія, первый фруктъ заморскаго „развитія“ вынесеннаго ими изъ пребыванія въ Америкѣ.

Однако я слишкомъ уклонился въ сторону отъ нашего обѣда, и потому возвращаюсь къ первоначальной темѣ. Наши моряки присутствовали въ форменныхъ вицъ-мундирахъ, при орденахъ, а на посланникѣ была надѣта подъ фракомъ лента *Восходящаго Солнца*. Звѣзда этого ордена, одного изъ самыхъ красивыхъ, сіяла и на груди барона Штакельберга. Принцы были одѣты въ военные костюмы (французскаго образца гусарки чернаго цвѣта съ чернымъ сутажемъ), за исключеніемъ принца Арисугава, который присутствовалъ во фракѣ. Особое вниманіе высокихъ гостей останавливалось на множествѣ красивыхъ и разнообразныхъ японскихъ фарфоровыхъ блюдъ, которыми очень эффектно украшены стѣны столовой залы нашего посольства. Коллекція дѣйствительно замѣчательная и рѣдкая, которую удалось собрать супругѣ нашего посланника. Послѣ обѣда, принцессы съ особеннымъ удовольствіемъ осматривали замѣчательную коллекцію древнихъ японскихъ бронзъ, тоже собранную Маріей Николаевной, о чемъ я упоминалъ уже раньше, и одна изъ нихъ выразилась что эта коллекція единственная во всей Японіи по достоинству, разнообразію и количеству собранныхъ въ ней экземпляровъ, а принцъ Катасиракава замѣтилъ при этомъ что по тѣмъ образцамъ которые доходятъ въ Европу индустріальнымъ путемъ и наводняютъ собою магазины Парижа, Лондона и другихъ европейскихъ столицъ далеко еще нельзя составить себѣ полнаго представленія объ истинномъ японскомъ искусствѣ. Въ Европу идутъ почти исключительно новѣйшія издѣлія и притомъ издѣлія приноровленныя къ европейскому вкусу и представленію о Японіи; истинныя же сокровища японскаго искусства въ Европѣ почти неизвѣстны, и надо ложить въ Японіи чтобы научиться понимать и цѣнить ихъ по достоинству. Замѣчаніе совершенно вѣрное, въ чемъ я успѣлъ уже отчасти убѣдиться и на собственномъ опытѣ.

17 февраля.

Сегодня, въ девять часовъ утра, въ присутствіи императора Японіи, открыта въ паркѣ Уэно выставка произведеній японской промышленности, мануфактуры и искусствъ. Предсѣдатель комитета по устройству выставки—

принцъ Катасиракава. День былъ ласмурный. Часто переладавшій дождь смѣнялся непріятною изморозью, и это много ломѣшало торжеству открытія. По дорогѣ ko главному входу выставки были разставлены войска въ полной парадной формѣ, для встрѣчи императора и придания торжеству бо́льшаго блеска. Вмѣсто залы, на одной изъ площадокъ былъ построенъ большой павильйонъ подъ парусиновымъ тентомъ съ лиловыми полами и подзорами на подхватахъ. Въ этомъ павильйонѣ были устроены съ двухъ сторонъ ложи и нѣсколько рядовъ скамеекъ для почетной публики и экспонентовъ. По серединѣ возвышалась покрытая коврами эстрада и на ней столъ и императорское кресло. При торжествѣ присутствовали весь дипломатическій корпусъ, европейскія дамы и наши моряки. Но увы! дамы не могли щегольнуть своими туалетами, такъ какъ должны были кутаться отъ холода и сырости въ теплыя накидки, шали и шубки, а лосинѣлые мущины въ мундирахъ и фракахъ дрожали какъ въ лихорадкѣ, отогрѣвая дыханіемъ закоченѣвшіе пальцы и рискуя на пронзительномъ сквозномъ вѣтрѣ схватить себѣ жестокую простуду. Хорошо что микадо не замедлилъ своимъ прибытіемъ и что самая церемонія открытія была не особенно продолжительна. Церемонія эта состояла въ томъ что чуть только пронесся сдержанный, шелотливый гулъ голосовъ, передававшихъ изъ устъ въ уста о прибытіи микадо, какъ вдругъ раздались какіе-то странные завывающіе и свистящіе звуки, которые напоминали и громкій вой вѣтра въ трубѣ, и тонкій скрилъ несмазанной двери. На лицахъ большинства Европейцевъ выразилось полное недоумѣніе—откуда это и что̀ могло бы значить, а одинъ, стоявшій рядомъ съ нами, веселый Французъ - путешественникъ выразилъ даже шутливую догадку: ужь не сегунальная ли оппозиція устроила экспромптомъ кошачій концертъ? Но оказалось что это *кагура*, священная синтоская музыка, состоящая изъ флейтъ и флажолетовъ, коей „небесные звуки“, въ силу традиціоннаго установленія, всегда привѣтствуютъ торжественное появленіе Тенно̀. * Съ появленіемъ императора въ павильйонѣ, всѣ почтительно встали съ мѣстъ, обнаживъ головы, и *кагура* смолкла. Микадо взошелъ на эстраду и сѣлъ за столъ. Тогда

* *Тенно̀*—божественный. Титулъ этотъ придается императору, какъ первосвященнику древняго культа Ками.

на середину залы выступилъ государственный канцлеръ Сандзіо и прочелъ императорскій указъ объ открытіи выставки. На смѣну ему вышелъ принцъ Катасиракава, въ полной генеральской формѣ, и обратясь къ микадо, высказалъ ему привѣтствіе и благодарность отъ лица Японскаго народа, экспонентовъ и коммиссіи за то высокое покровительство національной промышленности, торговлѣ и искусствамъ, которое такъ наглядно выразилось въ осуществленіи этой первой всеяпонской выставки. Послѣ этой рѣчи, принцъ прочелъ краткій отчетъ о выставкѣ, стоимости ея устройства, предварительныхъ работахъ и пр., и этимъ актомъ церемоніальная часть торжества была закончена. На газонѣ раздались звуки военнаго оркестра, смѣшавшіеся съ шумомъ только-что пущенныхъ фонтановъ, — и микадо отправился обозрѣвать выставку въ сопровожденіи членовъ ея комитета, императорскихъ принцевъ, министровъ, дипломатовъ въ залитыхъ золотомъ мундирахъ и цѣлой вереницы дамъ, почетныхъ гостей и экспонентовъ.

Выставка занимаетъ обширную площадь, въ видѣ продолговатаго четырехъугольника, на которомъ, среди цвѣтниковъ и газоновъ, расположено болѣе тридцати большихъ и малыхъ павильоновъ, гдѣ сосредоточены по отдѣламъ всѣ отрасли японской промышленности, перечислять которыя было бы слишкомъ долго и безполезно, такъ какъ не имѣя въ виду посвящать имъ спеціальной монографіи, мнѣ пришлось бы ограничиться сухою номенклатурой. Скажу только одно что въ общемъ эта выставка поражаетъ европейскаго наблюдателя совершенно оригинальными чертами японскаго творческаго генія, который вырабатывалъ и прокладывалъ совершенно самостоятельные пріемы и пути для своего развитія. Нѣтъ сомнѣнія что это геній въ высшей степени практическій, утилитарный, но въ то же время всегда и во всемъ изящный. Даже на свои заимствованія отъ Европы онъ умѣетъ налагать печать японской индивидуальности, перерабатывать и примѣнять ихъ къ своимъ потребностямъ и вкусамъ. Это геній весьма переимчивый, но переимчивый по своему, онъ всегда старается пересоздать, никогда не копируетъ рабски, и въ этомъ невольно и ярко сказывается черта самостоятельности народнаго японскаго характера, обѣщающая ему широкую и блестящую будущность.

Въ центральномъ каменномъ зданіи красивой европейской архитектуры сосредоточены всѣ отдѣлы изящныхъ искусствъ,

къ которымъ отнесены также роскошныя произведенія фарфоровыхъ и фаянсовымъ фабрикъ и нѣкоторыя лаковыя вещи. Въ отдѣлѣ живописи выставлено нѣсколько пастелей и масляныхъ работъ учениковъ и учениць школы живописи, исполненныхъ въ европейскомъ стилѣ и европейскими пріемами. Между ними есть нѣсколько хорошенькихъ мѣстныхъ сценъ и пейзажей, но въ особенности замѣчателенъ одинъ портретъ японской дѣвушки въ полный ростъ и въ натуральную величину, написанный съ чисто французскимъ „шикомъ", смѣлыми и бойкими мазками, и отличающійся необыкновенно пріятнымъ и мягкимъ тономъ. Мнѣ кажется что опыты подобнаго рода обѣщаютъ со временемъ дать міру совершенно самостоятельную школу японской живописи на общеустановившихся, такъ сказать цивилизованныхъ началахъ этого искусства. Скульптура обѣщаетъ еще болѣе. До сихъ поръ она шла въ Японіи совсѣмъ въ другомъ направленіи чѣмъ древне-эллинская, изъ которой преемственно вытекла современно-европейская. У насъ исключительное вниманіе обращено на формы человѣческаго тѣла, и только новѣйшіе скульпторы стали иногда увлекаться отклоненіями отъ традиціоннаго идеала, доводя до изумительнаго совершенства аксессуары, преимущественно въ покровахъ, гдѣ нерѣдко вы встрѣчаете газъ, батистъ, кружева, бархатъ и шелкъ, изваянные такъ что не будь это мраморъ, то коммиссія жюри на какой-нибудь выставкѣ іонскихъ, валансіенскихъ и прочихъ мануфактурныхъ издѣлій, конечно, увѣнчала бы подобное производство большою золотою медалью. Но направляя свое искусство на воспроизведеніе формъ человѣческаго тѣла и его современныхъ покрововъ, западные и наши скульпторы, за весьма немногими исключеніями, оставляютъ безъ вниманія весь остальной міръ животнаго и растительнаго царства, да едва ли даже и сумѣютъ воспроизвести его какъ слѣдуетъ. У Японцевъ же это дѣло шло совсѣмъ наоборотъ. Въ изображеніи формъ человѣческаго тѣла, внѣ извѣстной условности чисто религіозныхъ изваяній, желая придать фигурѣ и выраженію лица болѣе экспрессивности, ихъ старые художники нерѣдко доводили напряженность лозъ и мускуловъ до утрировки, такъ что вмѣсто лозы являлись иногда чуть не корчи, вмѣсто улыбки гримаса. Такъ было у нихъ въ скульптурномъ и рѣзномъ искусствѣ, такъ остается еще и до нашихъ дней для извѣстныхъ ролей въ сценической гримировкѣ и отчасти въ лубочной и вывѣсочной живописи, когда она изображаетъ какія-

нибудь театральныя сцены. Но за то въ изображеніяхъ рельефомъ предметовъ міра животнаго и растительнаго, въ особенности птицъ, амфибій и насѣкомыхъ, у Японцевъ нѣтъ соперниковъ. Такъ ужь у нихъ сложилось и въ такомъ направленіи пошло и развивалось это искусство, вызываемое потребностями украшенія храмовъ, дворцовъ, замковъ, бронзы и фарфора. Но въ настоящее время, подъ вліяніемъ европейскихъ классическихъ образцовъ, японская скульптура выбирается на новую дорогу. На выставкѣ есть нѣсколько такихъ работъ изъ гипса и терракотты, которыя могли бы украсить собою любой европейскій академическій салонъ. Въ особенности хорошъ по безукоризненности своей техники и повороту головы одинъ терракоттовый бюстъ молодой Японки. То же самое и въ отношеніи бронзы. Въ одной изъ смежныхъ залъ находится, напримѣръ, большая бронзовая группа въ двѣ фигуры, изображающая какой-то, къ сожалѣнію, не извѣстный мнѣ историческій эпизодъ: представитель побѣжденнаго народа подноситъ воину-побѣдителю державу (изъ большаго горнаго хрусталя); дѣйствіе происходитъ во время сильной бури, и художнику удалось чрезвычайно живо изобразить складки одеждъ, которыя треплетъ порывистый вѣтеръ. Выраженіе лицъ и характеръ позъ выдержаны въ совершенствѣ. Въ подобныхъ образцахъ скульптуры сказывается замѣтный шагъ впередъ: въ нихъ сохранилось все что̀ составляло традиціи старой школы, то-есть экспрессія и сила, но утрировка уже исчезла, уступая мѣсто чувству мѣры и естественности. Какъ о куріозномъ образцѣ миніатюрной рѣзьбы изъ дерева, слѣдуетъ упомянуть объ одной вещицѣ, пріобрѣтенной съ выставки барономъ О. Р. Штакельбергомъ. Вещица эта представляетъ собою вѣточку рисовыхъ колосьевъ въ натуральную величину. Каждое зерно имѣетъ двѣ раскрывающіяся на шарнирахъ створки, служитъ кіотикомъ, въ которомъ помѣщается особый божокъ буддійскаго пантеона. Разсматривать этихъ божковъ надо не иначе какъ въ лупу чтобъ увидѣть всѣ ихъ подробности и оцѣнить скрупулезность работы и трудолюбіе ея исполнителя.

Назябшись и проголодавшись, но за то насмотрѣвшись вдоволь на достопримѣчательности Всеяпонской выставки, добрались мы наконецъ по грязи и подъ дождемъ до нашихъ оставленныхъ въ паркѣ дженерикшей и покатили въ длинный путь по безконечнымъ прямымъ улицамъ восвояси.

19 февраля.

День восшествія на престолъ Государя Императора наша морская семья въ Йокогамѣ отпраздновала молебствіемъ на судахъ. Съ утра, въ честь нашего праздника, не только русскія, но и всѣ иностранныя суда разцвѣтились множествомъ флаговъ, а ровно въ полдень со всѣхъ морскихъ и береговыхъ батарей загремѣли выстрѣлы торжественнаго салюта. Всѣ суда окутались пороховымъ дымомъ, такъ что легко можно было вообразить себѣ морское сраженіе. Затѣмъ была у насъ гонка гребныхъ судовъ, на призы, собранные по подпискѣ офицеровъ, а вечеромъ на русскихъ военныхъ судахъ зажглась блестящая иллюминація съ примѣненіемъ электрическаго освѣщенія. Играла музыка, пѣли хоры матросскихъ пѣсенниковъ, и хотя погода была пасмурная, но на рейдѣ мелькало много *фуне* съ любопытными, преимущественно японскими, пассажирами. Въ особенности сочувственно отнеслись къ нашему празднику офицеры французскаго военнаго корвета.

20 февраля.

Сегодня на Йокогамскомъ рейдѣ и въ самой Йокогамѣ опять праздникъ, да не только въ Йокогамѣ, а и въ Токіо всѣ дома, по крайней мѣрѣ на главныхъ улицахъ, разукрасились флагами. Пошелъ узнать, что за причина такого торжества. Оказывается, Гавайскій король пріѣхалъ, король Калакауа I. Йокогамскій дантистъ Гуликъ, бывшій у него когда-то первымъ министромъ, встрѣчалъ его на токійскомъ дебаркадерѣ, въ своемъ отставномъ министерскомъ мундирѣ съ плюмажемъ, а затѣмъ ѣхалъ въ дженерикшѣ впереди его кареты, и въ заключеніе говорилъ ему въ киркѣ привѣтственное слово.

24 февраля.

Большой парадъ войскъ въ честь короля Калакауа. Присутствовалъ самъ микадо. При этомъ королю были представлены всѣ чины дипломатическаго корпуса. Самый парадъ ничѣмъ не отличался отъ предшедшаго, уже описаннаго мною; все шло какъ слѣдуетъ, и даже лошади въ горной батареѣ подъ вторымъ орудіемъ, по обыкновенію, стали бить и разносить фронтъ. „Каждый разъ на эфтомъ самомъ мѣстѣ!“ невольно вспомнились мнѣ при этомъ слова одного изъ типичныхъ разказовъ И. Ѳ. Горбунова. Новаго было

тутъ развѣ одинъ дантистъ Гуликъ, необыкновенно довольный своею ролью „близкаго къ королю человѣка“ и своимъ лакомъ, который однако все-жь таки не могъ перещеголять „накольщицкой шлялы“ Американскаго консула.

Король Калакауа, на видъ, человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ или около того, средняго роста и хорошаго сложенія. Лицо бронзово-смуглое, борода, усы и волосы на головѣ совершенно черные и курчавые; большіе выразительно-добрые глаза, привѣтливая улыбка; костюмъ военный, черный мундиръ съ золотыми французскими эполетами, на груди звѣзда гавайскаго ордена. Въ общемъ, наружность и манеры его производятъ довольно симпатичное впечатлѣніе. Говорятъ что бесѣдуя на дняхъ съ микадо, онъ горячо и убѣдительно доказывалъ ему необходимость для Японіи принятія христіанства, какъ скоро она уже безповоротно рѣшилась выступить на путь европейской цивилизаціи.

27 февраля.

Вчера я простился съ Токіо и съ семействомъ К. В. Струве, отъ всей души поблагодаривъ его за то радушное гостепріимство и доброе расположеніе которыми пользовался столько времени въ домѣ русскаго посольства. Вчера пріѣзжали на *Африку* проститься съ барономъ Штакельбергомъ и офицерами адмиралы Еномото, Кавамура и Накамута и посланники германскій и австрійскій, а сегодня съ тою же цѣлью посѣтилъ насъ К. В. Струве съ барономъ Розеномъ и А. А. Пеликанъ, нашъ іокогамскій консулъ. Завтра утромъ уходимъ; да оно пожалуй и хорошо, потому что здѣсь уже третьи сутки идетъ непрерывный холодный дождь, и зарядилъ онъ, кажется, надолго...

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ *

IV.

Поминовеніе усопшихъ.

Девятидневный трауръ и соединенныя съ нимъ требованія по отношенію къ родственникамъ и наслѣдникамъ умершаго.—Жертвы Манамъ и поминальная трапеза въ девятый день: спеціальныя блюда поминальнаго стола.—Публичные поминальные обѣды и раздача спортулъ (visceratio).—Гладіаторскія игры и ихъ исторія.—Особые дни ежегодныхъ семейныхъ поминовеній. — Праздникъ Маковъ (dies parentales, parentalia).—Праздникъ родственнаго согласія (caristia).—Различныя условія траура мущинъ и женщинъ; трауръ вдовъ.—Внѣшніе признаки траура.—Апоѳеозъ умершихъ императоровъ и членовъ ихъ семействъ.

Поминовеніе покойниковъ у Римлянъ начиналось, какъ мы видѣли, уже на кладбищѣ въ самый день погребенія или сожженія. Затѣмъ слѣдовалъ девятидневный трауръ (novemdial, novemdialia, novemdiales feriae). ** Какъ время посвященное печали, доказательствомъ чего служили темныя одежды родственниковъ ***, эти дни считались неудобными для обсужденія

---

* См. *Русск. Вѣст.* № 1.

** Augustin. *Quaest. in Genesim*, 172 (p. 315. ed. Antwerpiae 1.700) Paul. Festi p. 176 Müll.

*** Dio Cass. LXIX 10.

и рѣшенія имущественныхъ вопросовъ о наслѣдствѣ; родственники умершаго не могли быть позваны въ судъ ни по какому дѣлу. Такъ по крайней мѣрѣ говорится объ этомъ въ позднѣйшемъ римскомъ законодательствѣ. *

Въ девятый день приносилась жертва (novemdiale sacrificium) Манамъ покойника на кладбищѣ ** и устраивался поминальный обѣдъ (cena novemdialis) ***. Но темное траурное платье предъ обѣдомъ замѣнялось платьемъ обычнаго цвѣта. Оттого появленіе въ траурѣ за этимъ столомъ считалось бы непростительнымъ нарушеніемъ этикета. Цицеронъ сильно упрекалъ Ватинія за то что тотъ разъ позволилъ себѣ на поминальную трапезу, устроенную римскимъ преторомъ Арріемъ, явиться въ траурной тогѣ (toga pulla) и въ ней остаться въ теченіе всего стола. Ораторъ называетъ такой поступокъ безсмысленнымъ, противнымъ отечественнымъ обычаямъ, безпримѣрнымъ. †

Въ этотъ же день могли происходить игры, которыя иногда давались въ честь умершаго, какъ показываетъ ихъ названіе „Игры 9 дня“ (ludi novemdiales). †*

Что же мы знаемъ о жертвахъ Манамъ, о поминальныхъ обѣдахъ и только-что названныхъ играхъ? Поминовеніе умершихъ состояло у Римлянъ прежде всего изъ жертвоприношеній (inferiae); †** они начинало поминовеніе, они предшествовали всѣмъ священнодѣйствіямъ этого рода. На фамильныхъ кладбищахъ обыкновенно имѣлись для означенной цѣли постоянные жертвенники; въ дни поминовенія они украшались зеленью и вѣнками изъ цвѣтовъ и такимъ образомъ принимали праздничный видъ. †*** Тамъ гдѣ не было постояннаго алтаря, жертвенникъ могъ воздвигаться каждый разъ по мѣрѣ надобности; весьма часто при этомъ употреблялись

* Iustinian. *Novella* CXV, 5. 1.

** Porphyr. *ad Horat. Epod.* 17, 48.

*** Tac. *Ann.* VI, 5.

† Cic. *in Vatin.* 12, 30.

†* Serv. *ad Aen.* V, 64. Не вѣроятнымъ считается сообщеніе въ этомъ мѣстѣ Сервія о томъ что Римляне на восьмой день умершихъ сожигали и на девятый ставили прахъ ихъ въ усыпальницу. Ср. Marquardt ук. соч. стр. 380.

†** Paul. Festi p. 112. Serv. *ad Aen.* X, 519. Sueton. *Calig.* 3.

†*** Sil. Ital. XVI, 310. Нерѣдко упоминаніе объ этихъ жертвенникахъ въ надписяхъ. Ср. Wilmanns указ. соч. №№ 582; 2.514.

и простыя каменныя плиты, получавшія въ такомъ случаѣ техническое названіе mensae. * Здѣсь закалались животныя; ** кровь ихъ собиралась въ чаши и служила для возліянія въ честь Мановъ: возліяніе кровью у древнихъ считалось особенно пріятною жертвой душамъ покойниковъ. *** Но чаще при этомъ уломинаются возліянія водой, которая на сакральномъ языкѣ въ данномъ случаѣ носила особое имя arferia или adferial, † виномъ, и притомъ въ чистомъ видѣ (merum) †*, и молокомъ; †** въ большомъ употребленіи были благовонія, служившія для окропленія, куренія и возліяній, и цвѣты; †*** послѣдними посылали могилу, изъ нихъ дѣлали вѣнки. †† Изъ цвѣтовъ уломинаются лиліи и лунцовые цвѣты (purpurei flores), ††* но чаще всего розы. Украшеніе могилы розами считалось особенно пріятнымъ для покойниковъ. Убирая цвѣтами родныя кладбища, Римляне нерѣдко заживо заботились о томъ чтобъ ихъ собственныя усыпальницы украшались ежегодно цвѣтами. Съ этою цѣлію они оставляли особыя суммы денегъ на покупку цвѣтовъ для своихъ могилъ. ††** Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ было въ обычаѣ приносить на кладбище вѣнки или повязки изъ шерсти (vittae laneae). ††***

Въ поминальныхъ обѣдахъ Римлянъ мы должны отличать собственно два стола: одинъ предназначавшійся для самихъ покойниковъ, а другой для родственниковъ и друзей, справлявшихъ поминовеніе. Такіе двоякіе обѣды устраивались и во время похоронъ и послѣ, въ разные „родительскіе“ дни. При погребеніи тѣла въ землѣ, яства и вино предназначавшіяся умершему не только клались въ могилу, но и сожигались въ особомъ помѣщеніи, на кухнѣ (culina); ††† при

---

* См. Fest. p. 156 и слѣд. Ovid. *Metam.* VIII, 480.

** Tac. *Ann.* III, 2; *Hist.* II, 95.

*** Serv. *ad Aen.* III, 66 и слѣд.

† Paul. Festi p. 11. Gloss. Philoxeni.

†* Fest. p. 262. Ср. Verg. *Aen.* V, 77.

†** Verg. l. c.; III, 66.

†*** Propert. IV 15, 23. Кромѣ свидѣтельствъ писателей, часты упоминанія о цвѣтахъ въ надписяхъ. См. Wilmanns *Exempl.* стр. 695.

†† Plin. *N. H.* XXI, 11. Ср. Verg. *Copa* 35 и слѣд. Tibull. II, 4, 48. Ovid. *Trist.* III 3, 81 и слѣд.

††* Verg. *Aen.* VI, 883 и слѣд.

††** Wilmanns l. c.

††*** Varr. *L. L.* VII 24.

††† Paul. Festi p. 65.

обрядѣ сожженія, лица и литье сгорали на кострѣ. * Въ „родительскіе“ дни кушанья приносились къ могиламъ покойниковъ и здѣсь оставлялись въ увѣренности что ими пользуются умершіе. ** Блюдъ предназначенныхъ для Мановъ нельзя было ни отвѣдывать, ни брать съ собою, не совершая тѣмъ страшнаго преступленія противъ религіи. Уносить яства съ могилы или съ костра считалось верхомъ безнравственности. Отсюда выраженія „таскать изъ пламени пищу“ (ex flamma petere cibum), „красть обѣдъ съ костра“ (rapere de rogo cenam) служатъ для обозначенія самаго низкаго промысла, самаго безнравственнаго поступка. Названіе „гробокрадъ“ (bustirapus) было эпитетомъ отчаяннаго вора и самаго презрѣннаго негодяя. ***

Поминальнымъ столамъ свойственны были особыя яства. Древніе авторы называютъ здѣсь бобы, сельдерей, чечевицу, лица, соль и т. д. Особенно печальнымъ значеніемъ пользовались бобы (faba). Фламинъ Юпитера, который вообще долженъ былъ держаться дальше отъ покойника и всего погребальнаго ритуала, не могъ не только ѣсть бобовъ, но и касаться ихъ, не могъ даже произносить ихъ названія, такъ какъ это растеніе было принадлежностью мертвецовъ. Бобы бросались маскамъ Лемурій, ихъ употребляли въ жертвахъ Манамъ; въ ихъ цвѣтахъ древніе видѣли присутствіе буквъ которыми обозначается слово „печаль“ (luctus). Имъ приписывалась способность притуплять чувство и наводить безсонницу. Пиѳагоръ запрещалъ употребленіе бобовъ въ пищу на томъ основаніи что въ нихъ живутъ души умершихъ. Но потому-то самому блюдо изъ бобовъ играетъ важную роль въ похо-

---

* См. выше гл. III; ср. Verg. *Aen.* VI, 224 и слѣд. Tertullian. *Resurrect. carnis* I, 1.

** Augustin. *Confess.* VI, 2; *de Moribus Eccles.* 34;—*contra Faustum* XX, 21 и др. *Serm. de Sanct.* 15, 2 (по счету старинной вульгаты)= 190, 2 Append ad T. V p. 225 (ed. Antwerpiae 1700).

*** Plaut. *Pseudol.* 361. Terent. *Eunuch.* 490. Catull. LIX. Болѣе отдаленный смыслъ имѣетъ злоумышленство Тибулла одной безнравственной женщинѣ (lena) въ I 5, 53 и слѣд., да и то если принять слово ossa за кости оставленныхъ на могилахъ яствъ, а не кости животныхъ съѣденныхъ волками, о которыхъ здѣсь говорится. Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду ошибочнаго, какъ намъ кажется, толкованія этого мѣста у г. Фогеля *P. Terenti Afri Eunuchus* (Кіевъ 1884) стр. 222.

ронныхъ и поминальныхъ столахъ*. Сельдерей (apium) также считался поминальнымъ блюдомъ и употреблялся здѣсь въ силу преданія что этотъ овощь родился изъ крови человѣка убитаго собственными братьями. Кровавое происхожденіе было причиной того что употребленіе его въ обычномъ столѣ было запрещено, хотя этотъ овощь и пользовался хорошею славой какъ лѣкарство. ** Присутствіе чечевицы (lens) яицъ, хлѣба, соли также видно въ занимающихъ насъ жертвоприношеніяхъ и обѣдахъ ***.

Доселѣ мы говорили о частномъ поминовеніи умершихъ, совершавшемся въ кругу семьи, родственниковъ и друзей. Но у знатныхъ и богатыхъ Римлянъ, кромѣ того, было обыкновеніе давать поминальные обѣды всему народу или какой-либо части его. Тогда на форумѣ и въ другихъ мѣстахъ ставили триклиніи и накрывали ихъ съ возможною роскошью; сюда сносились въ изобиліи съѣстные припасы,— мясо, хлѣбъ, вино и пр. Не имѣя возможности сервировать множество столовъ собственными средствами, родственники умершаго просили помочь имъ въ томъ своихъ близкихъ. † Примѣры такого рода угощеній идутъ еще изъ временъ республики. Для доказательства укажемъ на публичный поминальный обѣдъ данный племянникомъ Сципіона Африканскаго Квинтомъ Максимомъ. †* пиръ на устроенный по случаю

* Plin. *N. H.* XVIII, 118 и слѣд. Paul. Festi p. 87.

** Plin *N. H.* XX, 113. Arnobius *contra Gentes* V, 19.

*** Plutarch. *Crass.* 19. Juvenal. V, 84. Ср Catull. LIX, который впрочемъ говоритъ здѣсь о хлѣбѣ погребальнаго костра.

† Такъ судомъ по нижеуказываемому примѣру Квинта Фабія Максима Аллоброгика (конс. 633 отъ осн. Рима=121 до Р. Х.), который, давая поминальный пиръ народу, просилъ своихъ родственниковъ снабдить его триклиніями со всѣмъ ихъ убранствомъ. Данный примѣръ служитъ доказательствомъ и того, какъ требовательна была римская публика въ отношеніи сервировки столовъ этого рода. Одинъ изъ родственниковъ консула Квинтъ Эній Туберонъ, стоикъ по убѣжденіямъ и врагъ роскоши, прислалъ весьма простой триклиній съ такимъ же убранствомъ и посудой. Народъ нашелъ его слишкомъ ординарнымъ, козлиныя шкурки софъ (lecti) неприличными и посуду изъ самосской глины слишкомъ бѣдною, остался всѣмъ этимъ недоволенъ и потому, когда онъ искалъ преторства, провалилъ его. Cic. *pro Murena* 36, 75. Valer. Max. VII 5. 1.

†* Cic. ibidem.

похоронъ Суллы его сыномъ Фаустомъ, который вмѣстѣ съ гладіаторскими играми предоставилъ въ безплатное пользованіе народа публичныя бани и даровое масло для натиранія; * таково же было угощеніе Римлянъ Юліемъ Цезаремъ въ память его дочери ** и пр. Родственники умершаго дѣлали это и по своей волѣ, но не рѣдко и вслѣдствіе духовнаго завѣщанія покойниковъ. Изъ Горація *** мы знаемъ объ одномъ скупцѣ Стаберіи, завѣщавшемъ своимъ наслѣдникамъ вырѣзать на его надгробномъ памятникѣ сумму оставленнаго имъ имущества, вмѣстѣ съ распоряженіемъ, если того они не сдѣлаютъ, дать народу большія гладіаторскія игры (съ двумя стами бойцовъ) и роскошный пиръ по заказу извѣстнаго въ тогдашнемъ Римѣ расточителя Аррія. Обычай публичныхъ угощеній не былъ исключительною особенностію Рима; то же самое обыкновеніе встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Высшій магистратъ,дуумвиръ горсда Синуэссы Аврунки (въ Кампаніи) устраиваетъ по случаю смерти своего отца, для всѣхъ гражданъ и сородичей, между прочимъ, торжественный столъ. Этотъ примѣръ изъ времени реслубліки. †

Но трудность сервировки большаго количества столовъ и другія невыгоды устройства публичныхъ угощеній выработали обыкновеніе посылать и раздавать куски мяса, которое потомъ приготовлялось и съѣдалось получавшими ихъ. Этотъ обычай, носившій названіе visceratio, засвидѣтельствованъ много разъ въ литературѣ и надписяхъ: Маркъ Флавій (въ 426 году римск. лѣточисл.=328 до Р. Хр.) разсылаетъ Римлянамъ порціи мяса по случаю похоронъ своей матери; Титъ Фламиній (578=176 г.) дѣлаетъ то же по смерти своего отца †* и т. д. Случалось нерѣдко что поминальныя празднества продолжались по нѣсколько дней, и тогда въ разные дни имѣли здѣсь мѣсто и висцерація, и пиръ въ собственномъ смыслѣ (recta mensa), какъ, между прочимъ, встрѣчаемъ въ примѣрѣ Т. Фламинія и др. †** Въ вѣкъ имперіи вмѣсто

---

* Dio Cass. XXXVII 51.

** Sueton. *Caes.* 26.

*** Horat. *Sat.* II, 3, 84 и слѣд.

† Wilmanns *Exempl. inscr. Lat.* № 2.037.

†* Liv. VIII, 22; XLI, 28.

†** Ср. также разказъ Т. Ливія XXXIX 46 о поминовеніи Публія Лициція Красса, верховнаго понтифика, происходившемъ въ 569=183 году.

частей мяса разсылаются деньги со спеціальнымъ назначеніемъ ихъ для покупки съѣстныхъ припасовъ къ поминальному столу. Латинская надпись,* найденная на мѣстѣ древнихъ Габій и относящаяся къ 163 году по Р. Хр., говоритъ намъ объ одномъ торговцѣ шелкомъ, который въ день освященія надгробнаго памятника надъ его дочерью роздалъ по пяти денаріевъ гражданамъ перваго класса, по два гражданамъ втораго, по одному денарію лавковладѣльцамъ помѣщавшимся внутри городской стѣны и, сверхъ всего, внесъ въ городскую кассу 100.000 сестерцій, для того чтобы на проценты съ этой суммы ежегодно въ день рожденія его дочери предлагался публичный поминальный столъ для гражданъ двухъ первыхъ классовъ. Другія надписи ** неоднократно свидѣтельствуютъ о вкладахъ различныхъ денежныхъ капиталовъ съ завѣщаніемъ устраивать въ опредѣленные дни года, вмѣстѣ съ прочими формами поминовенія, также обѣды или раздачу съѣстныхъ припасовъ присутствующимъ, или то и другое вмѣстѣ.

Подобно Грекамъ, и Римляне давали въ честь своихъ умершихъ *игры*. Это были ludi funebres, отличавшіеся однако тою особенностію отъ греческихъ что здѣсь главную роль играли гладіаторы (munus gladiatorium). Уже римскіе ученые утверждали что этотъ родъ почтенія памяти умершихъ замѣнилъ собою человѣческія жертвы, существовавшія въ древнѣйшія времена. *** Какъ мы видѣли выше, у Римлянъ при похоронахъ знатныхъ иногда убивали плѣнниковъ и рабовъ, въ увѣренности что кровью ихъ насыщаются Маны какъ пріятною для себя жертвой. Позднѣе варварство этого обыкновенія должно было возмутить нравственное чувство, и мѣсто этихъ жертвъ заняли состязанія гладіаторовъ † или бустуаріевъ (bustuarii), какъ они назывались по имени bustum, могилы, могильной насыпи, кургана. †*

Первое извѣстіе объ этихъ играхъ относится къ 490 году отъ основанія Рима (264 до Р. Хр.), когда, въ консульство Аллія Клавдія и Марка Фульвія, два брата Маркъ Юній

* Wilmanns *Exemp. inscr. Lat.* № 307.

** Idem. №№ 308, 313, 315, 1.828 и пр.

*** Serv. *ad Aen.* X, 519.

† Tertullian. *de Spectaculis* 12. Ср. Serv. *ad Aen.* l. c.

†* Именемъ bustum обозначалась спеціально могила въ которой лежалъ прахъ покойника сожженнаго въ томъ же самомъ мѣстѣ. Paul. Festi p. 32. Serv. *ad Verg. Aen.* XI, 201.

Брутъ и Децимъ Юній Брутъ дали игры въ память своего отца. По счету Римлянъ эти игры были первыми; * послѣ это вошло въ обычай, который постепенно расширялъ какъ размѣры игръ такъ и издержки сопряженныя съ ними. Первыя игры были очень скромны: состязались предъ зрителями только три пары или шесть гладіаторовъ. ** Спустя двадцать пять лѣтъ на похоронныхъ играхъ Марка Эмилія Лепида сыновья его выставили 44 человѣка которые занимали зрителей въ теченіе трехъ дней; *** позднѣе цифра гладіаторовъ растетъ болѣе и болѣе: въ играхъ принимаютъ участіе 50, 74, 120 † и т. д. человѣкъ; Цезарь на похоронныхъ играхъ въ честь своего отца выставилъ 320 паръ гладіаторовъ, площадь форума служившую ареной велѣлъ усыпать серебрянымъ пескомъ и, кромѣ того, обтянуть парусиной для защиты отъ солнца Священную улицу, дороги ведущія на форумъ и всходъ къ Капитолію †*. Сначала игры устраивались въ память лицъ исправлявшихъ высшія государственныя должности и прославившихся своими дѣяніями на пользу отечества; позднѣе это распространилось и на частныхъ людей, не только мущинъ, но послѣ Юлія Цезаря, устроившаго игры по своей дочери, †** и на женщинъ. Явился обычай оставлять въ духовномъ завѣщаніи суммы на устройство поминальныхъ игръ †*** не только при погребеніи, но и ежегодно или въ два года разъ. †† Уже въ началѣ императорскаго періода гладіаторскія игры этого рода сдѣлались до того любимымъ развлеченіемъ толпы что бывали случаи насильнаго вымогательства такихъ зрѣлищъ у наслѣдниковъ

---

* Liv. *Epit.* 16. Valer. Max. II, 4. 17.

** Ausonius стр. 130, ст. 36 и слѣд. по изд. 1883 (*Monum. Germ. hist. Auct. antiquiss.* V, ч. 2).

*** Liv. XXIII. 30.

† Idem. XXXI, 50; XLI, 28; XXXIX, 46. Указанія древнихъ авторовъ на гладіаторскія игры поминальнаго свойства многочисленны.

†* Plutarch. *Caes.* 5. Sueton. *Caes.* 10. Ovid. *Ars. Amand.* I, 164. Plin. *N. H.* XXXIII, 53; XIX, 23. Плиній одинъ ясно говоритъ что эти игры устроены были Цезаремъ въ память по отцѣ. У другихъ авторовъ о нихъ упоминается только по случаю эдильства Цезаря.

†** Sueton. *Caes.* 26. Dio Cass. XLII, 22.

†*** Cic. *in Vatin.* 15, 37; *pro Sulla* 19, 54. Horat. *Sat.* II, 3, 84 и слѣд. Dig. XXX, 49, § 4.

†† Dig. XXXIII, 1, 6; 2, 16; XXXIII, 1, 21, § 3.

состоятельнаго покойника. Такъ разъ, въ правленіе Тиберія, при похоронахъ одного *примипилярія*, чернь въ городѣ Поленціи (въ сѣверной Италіи) загородила дорогу погребальной процессіи и не раньше пустила ее съ форума чѣмъ наслѣдники выплатили извѣстную сумму на гладіаторскія игры.* Ближайшій родственникъ покойника, дававшій игры, назывался dominus funeris, и даже будучи частнымъ человѣкомъ, на этотъ разъ надѣвалъ тогу-претексту, имѣлъ ликторовъ и офиціальнаго служителя (accensus).** Онъ предсѣдалъ во время игръ, онъ открывалъ, прерывалъ и закрывалъ ихъ. Для наблюденія за порядкомъ существовалъ, кромѣ того, особый распорядитель (dissignator), отличіемъ коего служила вѣтвь фиговаго дерева, имѣвшаго у Римлянъ траурное значеніе.***

Въ императорское время, на игры этого характера, въ знакъ траура, публика собиралась не въ тогахъ, но въ темныхъ пенулахъ; † хозяинъ и распорядитель игръ имѣлъ тогу также темнаго цвѣта. †* Присутствіе покойника считалось при этомъ несомнѣннымъ, оттого ему ставили особое кресло и иногда сажали на него изображеніе въ видѣ манекена или статуи. †** Игры въ честь умершихъ устраивались сначала вѣроятно въ девятый день послѣ погребенія, какъ можно судить по названію ихъ „играми девятаго дня“ (ludi novemdiales); †*** позднѣе онѣ давались и въ другіе сроки.

Въ девятый день кончался трауръ по покойникѣ. †† Другихъ дней, въ родѣ нашихъ двадцатаго и сороковаго дня, у Римлянъ не было.

Но за то было въ году нѣсколько дней которые посвящались семейному поминовенію умершихъ. Поминки устраивались въ день рожденія, смерти или погребенія, или въ другіе ясно обозначенные сроки.†** Временемъ семейнаго поклоненія

---

* Sueton. *Tib.* 37.

** Cic. *de Legibus* II, 24, 61.

*** Donatus *ad Terent. Adelph.* I, 2, 7. Horat. *Epist.* I, 7, 5 и слѣд. *Epod.* 16, 46. Dig. III, 2, 4, § 1.

† Lamprid. *Commod.* 16. Dio Cass. LXXII, 21; ср. LV, 8.

†* Paul. Festi p. 236; ср. Festi p. 237.

†** Dio Cass. LIII, 32; LXXIV, 4.

†*** Serv. *ad Aen.* V, 64.

†† Cic. *in Vatin.* 12, 30.

†* Wilmanns *Exempl. inscr. Lat.* №№ 307, 308, 313, 315 и др. № 883, 2 стрк. 33 и слѣд. Verg. *Aen.* V 58 и слѣд.

покойникамъ считался и праздникъ розъ (rosaria, rosalia, dies rosationis), справлявшійся въ однихъ мѣстахъ въ маѣ, въ другихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ: * розами украшались тогда могилы, розы дѣлили между собою родственники собиравшіеся къ могиламъ для жертвоприношеній и общаго фамильнаго обѣда. ** Указанными здѣсь сроками, впрочемъ, далеко не исчерпывается вопросъ о времени частнаго поминовенія покойниковъ въ Римѣ. Какъ дѣло личное, нисколько не зависѣвшее отъ государства, оно отличалось большимъ разнообразіемъ. Согласно волѣ умершаго, родственники и отлущенники сходились на могилу иногда по четыре раза въ годъ, а иногда и по шести разъ. *** Одно изъ духовныхъ завѣщаній, вырѣзанныхъ на камнѣ, ясно опредѣляетъ чтобы поминальныя жертвы совершались ежегодно въ день рожденія покойника, въ праздники розъ и фіалокъ (dies violae) и въ праздникъ Паренталій, † итакъ четырежды въ годъ, и это примѣръ не единственный. †* Поминовеніе имѣло различныя формы и состояло изъ разнообразныхъ приношеній Манамъ (inferiae): дѣлали возліянія водой, виномъ, теплымъ молокомъ, масломъ, медомъ; закалали вблизи могилъ жертвенныхъ животныхъ, и именно черной шерсти овецъ, свиней и воловъ, и ихъ кровью поливали могилы, вѣруя что такая жертва особенно угодна покойникамъ. †** Приносили для нихъ различныя яства и клали ихъ на могилу. †*** Нечего говорить о куреніяхъ ладаномъ, объ украшеніи могилъ цвѣтами, вѣнками и зеленью или о возженіи лампадъ на нихъ. Жертвы сопровождались семейнымъ пиромъ, который совершался на самыхъ кладбищахъ. ††

Кромѣ дней семейнаго поминовенія усопшихъ, были у Римлянъ особые „родительскіе“ дни въ году, обязательные для

---

* Mommsen *Berichte der sächs. Gesellschaft. Philol. Hist. Cl.* 1850, стр. 67.

** Plin. *N. H.* XXI, 11. Ср. Marini *gli Atti de'fratelli Arvali* стр. 580 и слѣд.

*** Dig. XL, 4. 44.

† Marini ук. соч. стр. 639.

†* Ср. Wilmanns указ. кн. № 313.

†** Изъ надписей весьма характерно въ этомъ отношеніи постановленіе жителей города Пизы: Wilmanns ук. кн. № 883. Ср. Paul. Festi p. 11; 262. Serv. *ad Verg. Aen.* III, 66. Arnobius VII, 20.

†*** Augustin. *Serm. XV de Sanctis* и въ другихъ мѣстахъ указанныхъ выше. Tertullian. *Resurrect. carnis* 1. 1.

†† Cic. *pro Flacco* 38, 95.

всѣхъ и каждаго. Этотъ государственный праздникъ мертвыхъ имѣлъ свое опредѣленное время, былъ вписанъ въ календарь и носилъ имя dies parentales или parentalia. Онъ продолжался девять дней (съ 13 по 21 число февраля). * Въ знакъ траура высшіе государственные чины тогда снимали съ себя отличія ихъ власти и являлись предъ народомъ въ простой одеждѣ, безъ инсигній; всѣ храмы оставались запертыми; какъ время почитанія Мановъ и подземныхъ боговъ, эти дни считались неблагопріятными для заключенія браковъ, и конечно ни одинъ набожный Римлянинъ не женился и ни одна набожная Римлянка не выходила замужъ въ эту пору. Преданіе относило учрежденіе этого праздника усолшихъ къ Энею, который ежегодно совершалъ поминовеніе по своемъ умершемъ отцѣ. По ученію Нумы, немногаго для себя требуютъ при этомъ Маны: вѣнковъ, хлѣбныхъ зеренъ, маленькой и простой солонки съ солью, хлѣба съ виномъ и фіалокъ, несвязанныхъ въ пучекъ. Глиняный горшокъ наполненный всѣмъ этимъ и украшенный вѣнкомъ долженъ быть поставленъ посреди дороги съ особою приспособленною къ тому молитвою. Разъ во время продолжительной войны забытъ былъ этотъ благочестивый обычай, и страшная моровая язва посѣтила Римъ; тѣни умершихъ вставали по ночамъ изъ могилъ, толпами носились онѣ съ плачемъ и завываніями по всѣмъ улицамъ города и его окрестностямъ, и до тѣхъ поръ своимъ рыданіемъ и стонами наводили ужасъ на оставшихся въ живыхъ, пока не принесены были жертвы Манамъ и подземнымъ богамъ, и такимъ образомъ они не получили должнаго удовлетворенія. Язва прекратилась, исчезло и полчище страшныхъ привидѣній.

Послѣдній день этого праздника покойниковъ или 21 февраля назывался особымъ именемъ—Фералій (feralia). Въ простомъ народѣ онъ соединялся съ воспоминаніями о матери Ларовъ, Маніи, Мутѣ или Тацитѣ. Къ ней обращались тогда съ различными суевѣрными обрядами и заклинаніями съ цѣлью

---

* Ovid. *Fasti* II, 548. Lydus *de Mens.* IV, 24. Лишь нѣкоторыми фамиліями этотъ праздникъ справлялся въ декабрѣ, что должно считать только исключеніемъ изъ общаго правила. Cic. *de Legibus* II, 21, 54. Plutarch. *Quaest. Rom.* 34. О празднованіи Паренталій и ниже упоминаемыхъ Фералій см. Ovid. *Fast* II, 531 и слѣд. Ср. Varr. *L. L.* VI, 13. Paul. Festi p. 85. Macrob. I, 4, 14. Dionys. II, 40.

получить отъ нея защиту противъ наговоровъ и дурнаго глаза. Овидій изображаетъ намъ одну старуху совершающую въ кругу любопытныхъ дѣвушекъ одну изъ такихъ церемоній въ указанный день. Тремя пальцами беретъ она три щелотки ладона и кладетъ ихъ подъ порогъ въ дыру прогрызенную мышами; потомъ съ заклинаніями наматываетъ нити на черное веретено и беретъ себѣ въ ротъ семь черныхъ бобовъ, вращая ихъ тамъ по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ, беретъ она голову рыбы мены; обмазавъ ее смолой и проколовъ мѣдною иглой, она зашиваетъ ей ротъ и затѣмъ сушитъ ее на огнѣ, окропляя послѣдній виномъ. Остатокъ вина она выливаетъ вмѣстѣ съ дѣвушками, и ольяавѣвъ увѣряетъ ихъ что послѣ такого обряда нечего бояться ни злаго глаза, ни враждебнаго наговора. *

За траурными днями Парентaлій и Фералій, 22 февраля, слѣдовалъ праздникъ Родственнаго Согласія (caristia или cara cognatio), сопровождавшійся обѣдами и взаимными подарками всѣхъ членовъ семьи. Это былъ день когда родственники слѣтшли для общаго свиданія, и за веселымъ пиромъ, устраивавшимся на складчину, вспоминали своихъ предковъ въ лѣсахъ и разказахъ; здѣсь же сглаживались распри и раздоры, если таковые возникали прежде между членами семьи. При этомъ приносили жертвы Ларамъ и добрымъ геніямъ рода, безъ содѣйствія которыхъ считалось невозможнымъ продолженіе потомства. Праздникъ заканчивался вечеромъ, когда послѣ возліянія виномъ всѣ собравшіеся расходились по домамъ со взаимными привѣтствіями и пожеланіями благополучія другъ другу и любезному отечеству. **

Относительно траура мущинъ по своимъ близкимъ, въ римскомъ законодательствѣ не было одного обязательнаго постановленія; здѣсь очевидно предоставлена была полная свобода каждому; всякій поступалъ въ этомъ случаѣ согласно природнымъ наклонностямъ. *** Оттого бывали весьма частые примѣры что отцы, похоронивъ дѣтей, умершихъ уже молодыми людьми, прямо съ кладбища возвращались въ сенатъ или въ другое

* Ovid. *Fast.* II, 571 и слѣд.

** Ovid. *Fast.* II, 617 и слѣд. Val. Max. II, 1, 8.

*** Отсутствіе закона не исключало, конечно, самаго траура на практикѣ. Ср. Catull. LXIV, 397 и слѣд., гдѣ говорится что только нечестивое чувство можетъ уклоняться отъ печали по утратѣ близкихъ; или Capitolin. *Antonin. Pius* 10.

государственное учрежденіе и принимались за работу. * Никакимъ обязательнымъ трауромъ не связывался мужъ потерявшій жену; онъ могъ жениться когда хотѣлъ. ** Иначе смотрѣлъ римскій законъ здѣсь на женщину. Вдова съ самыхъ древнихъ временъ обязывалась десятимѣсячнымъ трауромъ, въ теченіе коего она обыкновенно не должна была выходить за другаго мужа. *** Установленіе этого срока относилось къ миѳическому Ромулу; позднѣе въ законодательствѣ и въ обычной практикѣ этотъ терминъ не былъ сокращаемъ безъ особой нужды. † Но во второй половинѣ IV вѣка по Р. Хр. при императорахъ Валентиніанѣ, Граціанѣ и Ѳеодосіи, прибавлены для траура вдовъ еще два мѣсяца, такъ что онѣ, безъ особаго разрѣшенія, не могли вступать въ бракъ въ теченіе цѣлаго года. †*

Что касается траура по другимъ членамъ семьи, то въ различныя эпохи хотя и существовали различныя постановленія, но едва ли они строго исполнялись на практикѣ, какъ можно судить по неоднократной смѣнѣ однихъ постановленій другими. По обычному праву древнѣйшаго Рима, носящему имя Нумы, по дѣтямъ моложе трехъ лѣтъ не полагалось никакого траура, по дѣтямъ старшаго возраста назначался трауръ, который числомъ мѣсяцевъ равнялся числу прожитыхъ лѣтъ покойника, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ чтобъ онъ не превышалъ десяти мѣсяцевъ. †** Позднѣе произошло здѣсь видоизмѣненіе въ томъ смыслѣ что сыновья умершіе старше десяти лѣтъ, равно какъ и родители, оплакивались въ теченіе цѣлаго года, дѣти младшаго возраста въ теченіе одного мѣсяца, родственники пяти ближайшихъ степеней въ теченіе восьми мѣсяцевъ. †*** Но слишкомъ точная регламентація вѣроятно

---

* Seneca *Epist.* XVI, 4, 6.

** Idem *Epist.* VII, 1, 13.

*** Ovid. *Fast.* I 35 и слѣд.; III 133. Ср. Cic. *pro Cluent.* 12. Plutarch. *Numa* 12; *Anton.* 31. Senec. *Consol. ad Helviam* 16, 1.

† Оттого-то Цицеронъ въ только-что приведенномъ примѣрѣ упрекаетъ вдову Гн. Магія, которая, будучи къ тому же беременною, вышла замужъ за племянника по мужу Оппіаника на пятомъ мѣсяцѣ. Обходъ закона совершался однако не разъ. Такъ Антоній женился на Октавіи, вдовѣ Марцелла, ранѣе указаннаго срока, испросивъ на то разрѣшеніе сената. Plutarch. *Anton.* 31.

†* Cod. Theod. I, 3, S. Cod. Iustin. V 9, 2.

†** Plutarch. *Numa* 12.

†*** Iul. Paul. *Sent.* I, 22, 13.

была стѣснительна, какъ это видно изъ того что въ изложеніи знаменитаго юриста III вѣкѣ по Р. Хр. Ульпіана († 228) весь вопросъ о траурѣ по родителямъ, дѣтямъ и прочимъ родственникамъ съ отцовской и материнской стороны предоставляется уже личному усмотрѣнію каждаго (secundum pietatis rationem et animi sui patientiam prout quisque voluerit). * Законъ очевидно зорко слѣдилъ лишь за вдовами, которыя своимъ выходомъ замужъ въ состояніи беременности отъ прежняго брака должны были бы производить смѣшеніе родовъ въ кровномъ отношеніи или ту ломѣсь крови (perturbatio sanguinis), которая у Римлянъ запрещалась религіей, нравами и законами. **

Какіе же были внѣшніе признаки римскаго траура? Въ эти дни запрещалось употребленіе лунцовыхъ матерій въ одеждѣ и золотыхъ украшеній. Обычай требовалъ чтобы лица носящія трауръ оставались у себя въ домѣ, уклонялись отъ званыхъ обѣдовъ и вообще избѣгали веселыхъ собраній. *** Въ случаѣ горькихъ утратъ иногда не зажигали даже огня на домашнемъ очагѣ. †

Таковы были формы частнаго, семейнаго траура. Во дни же публичной, всеобщей печали, каковые слѣдовали за смертью великихъ государственныхъ мужей, а въ императорское время за кончиной любимыхъ императоровъ и членовъ ихъ семействъ, объявлялось прекращеніе суда, населеніе держалось болѣе по домамъ, и форумъ пустѣлъ; надѣвались темныя одежды. Консулы снимали золотой перстень, въ сенатѣ садились на обыкновенное кресло претора или трибуновъ, а не на высокое предсѣдательское мѣсто, присвоенное ихъ званію. †* Прекращеніе судебныхъ дѣлъ тогда возвѣщалось или сенатскимъ рѣшеніемъ, или эдиктомъ высшихъ магистратовъ, а иногда, по волѣ народа, оно наступало раньше чѣмъ приняты были къ тому мѣры со стороны властей. Такой случай указываетъ намъ Тацитъ въ своихъ *Анналахъ*, описывая глубокое горе поразившее Римлянъ при вѣсти о неожиданной смерти

---

* Dig. III, 2, 23.

** Dig. III 2, 11 § 1.

*** Liv. XXXIV, 7. Dionys. V, 48. Tac. *Annal.* III, 2. Plin. *Epist.* IX. 13. Iul. Paul. *Sent.* I, 21, 14. Herodian. IV, 3 и мн. друг. мѣста древнихъ писателей.

† Juvenal. III, 214 и примѣч. къ этому схоліаста.

†* Dio Cass. LVI, 31.

Германика, когда „безъ эдикта властей, безъ опредѣленія сената, народъ покинулъ судилища и заперъ дома, повсюду воцарилось молчаніе и слышны были лишь вздохи". *

Высшая степень почтенія усопшему выражалась въ апоѳеозѣ покойника, въ воздаяніи ему божескихъ почестей. Это consecratio Римлянъ или ἀποθέωσις Грековъ. Въ римской жизни мы встрѣчаемъ два рода такого обоготворенія умершихъ: одинъ изъ нихъ принадлежитъ частному или семейному культу, другой имѣлъ общегосударственное значеніе и былъ обязателенъ для всякаго. Частная апоѳеоза заключалась въ томъ что божескія почести воздавались умершему только въ кругу семейномъ: дѣтьми родителямъ, родителями дѣтямъ, женой мужу и пр. ** При этомъ дѣлалась статуя умершаго на подобіе того или другаго бога или богини, напримѣръ, бога Либера, Юноны, Венеры и пр. *** Не что иное какъ примѣръ частной апоѳеозы представляетъ и культъ Ларовъ, въ которомъ обоготворялся умершій глава семейства и былъ почитаемъ своимъ потомствомъ какъ покровитель. † И такъ какъ Римское государство основано было по образцу семьи, то представитель власти по смерти дѣлался Ларомъ государства. Слѣдуетъ однако замѣтить что обычай государственной апоѳеозы явился у Римлянъ сравнительно поздно; боготворенія удостоивались только императоры и члены ихъ семействъ чтобы не упоминать о Ромулѣ, котораго Римляне чтили подъ именемъ сабинскаго бога Квирина (Quirinus). Въ историческое время первымъ апоѳеозу, по опредѣленію сената, получилъ Юлій Цезарь вскорѣ по своей смерти. Правительственное рѣшеніе, которымъ онъ внесенъ былъ въ сонмъ римскихъ боговъ, въ глазахъ суевѣрнаго народа подтвердилось особымъ знаменіемъ. Во время игръ въ честь Венеры Родительницы (Venus Genetrix), обѣщанныхъ Цезаремъ и устроенныхъ Октавіаномъ, появилась въ 11 часу дня (по римскому счисленію=6 час. пополудни нашего) на сѣверной сторонѣ

* Tac. *Ann.* I, 82. Описаніе общаго траура по поводу ужасовъ гражданскихъ войнъ см. Lucan. II, 16 и слѣд.

** Plutarch. *Quaes. Rom.* 14. Lactant. I, 15. Apul. *Metam.* VIII, 7.

*** См. объ этомъ Uhden *F. A. Wolf's Mus. d. Alterthumswiss.* 1 стр. 540 и слѣд.

† Marquardt *Röm. Sacralwesen* (Marquardt u. Mommsen *Handb. d. röm. Alterth.* T. VI) стр. 119 и слѣд., гдѣ указана спеціальная литература вопроса о Ларахъ.

небесная комета (sidus crinitum) и затѣмъ ярко свѣтила въ теченіе нѣсколькихъ ночей. Появленіе ея народъ объяснилъ какъ доказательство что душа Цезаря принята теперь въ число безсмертныхъ боговъ. Послѣ этого, когда на форумѣ поставлена была ему статуя, то изображеніе звѣзды было помѣщено на ея головѣ. * Эту же звѣзду встрѣчаемъ на нѣсколькихъ монетахъ съ изображеніемъ Юлія Цезаря или храма построеннаго въ честь его: въ первомъ случаѣ звѣзда помѣщается надъ его головой, во второмъ на фронтонѣ храма. **

Этотъ примѣръ настолько пришелся по вкусу Римлянамъ что консекрація или апоѳеоза императоровъ, императрицъ и другихъ членовъ ихъ семействъ послѣ практиковалась много разъ. Прежде всего этой чести удостоенъ былъ Августъ, который не мало долженъ былъ положить усилій противъ стремленія къ обоготворенію его еще при жизни. Уступивъ ходатайствамъ провинціаловъ и дозволивъ построеніе нѣсколькихъ храмовъ и жертвенниковъ, равно какъ учрежденіе жрецовъ во имя богини Ромы (Roma) и свое собственное, онъ не допускалъ этой апоѳеозы въ Римѣ, хотя, съ другой стороны, и не могъ воспрепятствовать проявленію лести въ частномъ семейномъ культѣ, гдѣ въ домашнихъ молельняхъ и часовняхъ воздвигались ему жертвенники. *** Но чему онъ противился при жизни, то воздать ему послѣшили сенатъ и народъ послѣ его смерти. Сенатъ, которому и въ послѣдствіи обыкновенно принадлежало право наименованія новыхъ божествъ изъ среды императоровъ и ихъ фамилій †, опредѣлилъ апоѳеозу Августу и утвердилъ церемоніалъ обыкновенно соблюдавшійся и позднѣе при подобныхъ случаяхъ. Тѣло Августа было закаючено

---

* Plin. *N. H.* II, 93 и слѣд. Ср. Plutarch. *Caes.* 69. Sueton. *Caes.* 88. Dio Cass. XLV, 7.

** Cohen *Descr. hist. des monn. frappées sous l'empire romain.* 2 édit. 1880, T. I, стр. 14, № 33; стр. 76, № 89. Серебряная монета съ изображеніемъ храма и звѣздою въ его фронтонѣ существуетъ въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ. См. А. Подшиваловъ, *Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи: Нумизматическій Кабинетъ.* Москва. 1886. Вып. II, стр. 40, № 11.

*** Horat. *Epist.* II, 1, 15 и слѣд. Sueton. *Aug.* 52.

† Tertullian *Apol.* 5. Ср. Eckel *Doctr. Numm.* VIII стр. 464. Перечень императоровъ, императрицъ и другихъ членовъ императорскаго дома получившихъ божескія почести, см. у Marquardt *Sacralwes.*, стр. 446 и слѣд.

во гробѣ, который потомъ покрытъ былъ пурпурнымъ [illegible] кровомъ и поставленъ на ложе изъ слоновой кости и золота. Поверхъ гроба помѣщена была восковая фигура Августа, представлявшая его живымъ, въ одеждѣ и инсигніяхъ тріумфатора. На Марсовомъ полѣ выстроенъ былъ огромный костеръ въ нѣсколько этажей поднимавшихся пирамидально и украшенъ былъ тканями, гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, статуями раздѣленными посредствомъ колоннъ. Гробъ поставили въ верхнемъ этажѣ этой пирамиды и окружили жрецами. Затѣмъ совершенъ былъ военный парадъ вокругъ костра (decursio), причемъ въ эволюціяхъ принимали участіе всадники и солдаты. Центуріоны приблизились послѣ того къ костру и зажгли его. Огонь запылалъ, поддерживаемый сухими ароматическими листьями и растеніями какими обыкновенно наполняли костеръ, и поднимался отъ основанія къ вершинѣ. Во время горѣнія вылетѣлъ изъ костра орелъ какъ бы унося съ собой душу императора на небо *. Эта церемонія съ орломъ совершалась постоянно, при всякой апоѳеозѣ умершихъ. Оттого-то эта птица не разъ изображается въ данномъ положеніи и въ памятникахъ римскаго искусства и на монетахъ; о ней говоритъ въ III столѣтіи по Р. Хр. и Геродіанъ, дающій подробное описаніе апоѳеозы императоровъ у Римлянъ **.

Обоготворенное лицо называлось послѣ этого divus или diva; изображеніе его на монетахъ отличалось сначала лучевиднымъ вѣнцомъ***, а позднѣе нимбомъ; его маска болѣе не выносилась въ числѣ imagines maiorum въ похоронныхъ процессіяхъ рода; † его статуя въ извѣстные моменты являлась вмѣстѣ съ божескими изображеніями †*. Наконецъ учреждался въ честь его государственный культъ съ храмами, часовнями, играми и жрецами †**. Лесть и сервилизмъ сената и народа здѣсь нашли для себя наиболѣе характерное выраженіе, нисколько не стѣсняясь

* Dio Cass. LVI, 34 и слѣд.; ср. LXXXI, 5.

** Herodian. IV 2 и слѣд.

*** Eckel *Doctr. Numm.* VI стр. 125 и слѣд.

† Dio Cass. LVI, 34. 46.

†* Borghesi, *Oeuvres* II стр. 100.

†** Говоримъ здѣсь объ этомъ вопросѣ въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ. Подробнѣе см. Schöpflin *de Apotheosi sive consecrationis imperatorum Romanorum.* Argentorati 1730. Preller *Römische Mythol.* 3 Aufl. II стр. 425 и слѣд. G. Boissier у Daremberg et Saglio *Dictionn. des antiquités Grecques et Romaines* стр. 323 и слѣд.

осмѣяніемъ со стороны людей науки и здраваго смысла. Извѣстна, напримѣръ, сатира Сенеки на апоѳеозу императора Клавдія, гдѣ философъ ѣдко смѣется надъ тѣмъ какъ хромая (non passibus aequis) взобрался Клавдій на небо и утвердился бы тамъ еслибъ Августъ не напомнилъ богамъ о его злодѣйствахъ, о его страсти къ убійствамъ и тѣмъ не склонилъ Юпитера и другихъ небожителей низвергнуть его въ адъ. Извѣстны также колкіе стихи Лукана, утверждающаго что назначеніе апоѳеозы Цезарямъ должно считаться способомъ наказанія боговъ за то что они допустили разрушеніе реслубліки. *

V.

Римскія кладбища.

Погребеніе въ домахъ и внутри города Рима въ древнѣйшую пору.—Запрещеніе на этотъ счетъ закона XII таблицъ.—Исключенія изъ общаго правила.—Кладбища по большимъ дорогамъ, ведшимъ изъ Рима.—Устройство и украшеніе усыпальницъ.—Фамильныя кладбища съ ихъ постройками и землей.—Различные типы римскихъ усыпальницъ съ архитектурной стороны.—Римскіе мавзолеи.—Колумбаріи и ихъ устройство.—Кладбища бѣдняковъ.—Памятники не содержавшіе въ себѣ праха покойниковъ (cenotaphia).—Священное значеніе усыпальницъ.—Способы оскорбленія святости ихъ.

Въ предшествующемъ изложеніи мы не касались вопроса о томъ гдѣ, въ какихъ мѣстахъ Римляне хоронили своихъ умершихъ. Вопросъ о кладбищахъ имѣетъ свое значеніе, и потому не можетъ быть обойденъ молчаніемъ въ очеркѣ посвященномъ погребальному культу Римлянъ.

Въ древнѣйшую эпоху Рима существовалъ обычай погребать покойниковъ не только внутри города, но и въ домѣ, на землѣ принадлежавшей ему **. Такой порядокъ могъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ пока населеніе Рима было незначительно. Съ теченіемъ времени религіозныя основанія и гигіеническія условія должны были потребовать вынесенія умершихъ за городъ. Мы видѣли что смертью, по

* Senecae *Ludus de morte Claudii*, 1—10. Lucanus VII, 455 и слѣд. Ср. Juvenal. VI, 619 и слѣд.

** Serv. *ad Aen.* V, 64; VI, 152; XI, 204. Dionys. III, 1. Ср. Isidor. *Orig.* XIV, 11.

воззрѣніямъ Римлянъ, осквернялось все приходящее съ нею въ соприкосновеніе; что представители религіи, какъ верховный понтификъ, фламинъ Юпитера, не могли не только касаться покойника, но и видѣть его; о фламинѣ говорится что онъ не могъ ступать ногой на могилу; статуи боговъ занавѣшивались чтобы не видѣть покойниковъ; участники погребенія не могли приносить жертвъ не подвергнувъ себя очистительнымъ обрядамъ; встрѣча съ похоронною процессіей лишала тедшаго во храмъ права входить туда и совершать въ этотъ разъ жертвоприношенія. * Уже миѳическій Нума, по преданію, былъ похороненъ въ Яникульскомъ холмѣ, за чертой стараго города. ** Въ законѣ XII таблицъ было прямое постановленіе чтобы внутри города не погребали въ землѣ и не сожигали умершихъ. *** Исключенія изъ этого правила составляли весталки, † коихъ всегда хоронили въ самомъ Римѣ, и нѣкоторыя лица и фамиліи которымъ закономъ дарована была подобная привилегія въ воздаяніе ихъ особыхъ заслугъ предъ отечествомъ (virtutis causa). Таковы были, между прочимъ, два рода Валеріевъ и Фабриціевъ, имѣвшіе наслѣдственное право погребенія на самомъ форумѣ,—право которымъ потомки не хотѣли однако пользоваться въ дѣйствительности. †* Вообще же честь погребенія даже на Марсовомъ полѣ присуждалась рѣдко и по особому закону (lex) сената: †** такъ здѣсь были похоронены Сулла, консулы Гирцій и Панса, †*** погибшіе въ битвѣ съ войскомъ Марка Антонія при Мутинѣ (нынѣ Модена) въ 711 году римскаго лѣтоисчисленія (43 до Р. Х.) и нѣкоторые другіе; замѣчательно что изо всѣхъ римскихъ императоровъ одинъ Траянъ похороненъ былъ внутри

---

* A. Gell. *N. A.* X, 15, 23. Senec. *ad Martiam de Consolat.* 15, 3. Tac. *Ann.* I, 62. Dio Cass. LIV, 28 (но объясненіе его стоитъ одинокo); LVI, 31; LX, 13. Serv. *ad Verg. Aen.* XI, 2.

** Plutarch. *Numa* 22. Ср. Becker *Topogr. d. Stadt. Rom.* стр. 656.

*** Cic. *De Legibus* II, 23, 58. Это постановленіе имѣло силу и позднѣе въ римскихъ колоніяхъ, гдѣ также мѣсто погребенія должно было находиться внѣ города. См. *Ephem. Epigraphica* III стр. 94; 110.

† Serv. *ad Verg. Aen.* XI, 206.

†* Cic. *ibidem.* Plutarch. *Poblic.* 23; *Quaest. Rom.* 79. Dionys. V, 48. *Corp. inscr. Lat.* I, p. 285.

†** Mommsen *Corp. inscr. Lat.* p. 186 ad № 635.

†*** Liv. *Epit.* 90; 119. Plutarch. *Sulla* 38. Appian. *B. C.* 1.

города. * Но должно-быть уклоненія отъ требованія закона на практикѣ случались не разъ и здѣсь, какъ можно судить по тому что запрещеніе хоронить въ городѣ повторялось подъ различными формами и въ разныя времена не только реслубликанской, но и императорской эпохи. **

Когда вышло узаконеніе выносить покойниковъ за городъ, людей зажиточныхъ хоронили въ ихъ подгородныхъ помѣстьяхъ, *** но болѣе обычнымъ мѣстомъ погребенія стали большія дороги, шедшія изъ Рима по всѣмъ направленіямъ. Здѣсь по обѣимъ сторонамъ ихъ и доселѣ встрѣчаются остатки надгробныхъ памятниковъ и разныхъ строеній въ изобиліи нѣкогда украшавшихъ эти кладбища. Наибольшею славой по численности и красотѣ своихъ гробницъ пользовалась знаменитая Аппіева дорога (via Appia), эта „царица большихъ дорогъ“ (longarum regina viarum), какъ называетъ ее римскій поэтъ, † носящая и до сихъ поръ имя своего строителя, цензора Аппія Клавдія Слѣпаго, †* который провелъ ее (442 года=312 до Р. Х.) отъ Рима до Капуи, откуда она позднѣе была продолжена въ юго-восточномъ направленіи вплоть до Брундузія (нынѣ Brindisi). Выложенная изъ широкихъ и большихъ кусковъ камня, доставленнаго албанскими горами, она подъ Римомъ сохраняется и доселѣ. Усѣянная здѣсь остатками разрушенныхъ временемъ гробницъ, эта дорога и понынѣ представляетъ зрителямъ, изящный и въ своихъ остаткахъ, надгробный памятникъ Цециліи Метеллы, жены тріумвира Красса, хорошо извѣстный всѣмъ кто хотя разъ бывалъ въ этой сторонѣ Римской Кампаньи. †** По этой дорогѣ имѣли, между прочимъ, свои усыпальницы знаменитые Сципіоны и Метеллы; здѣсь похороненъ былъ Помпоній Аттикъ, другъ Цицерона и образованнѣйшій человѣкъ своего времени; здѣсь были гробницы

---

* Eutropius VIII, 5.

** Serv. *ad Aen.* XI, 204. Dig. XLVII, 12, 3, § 5. Cod. Theod. IX, 17, 16. Cod. Iustin. III, 44, 12.

*** Liv. VI, 36. Ср. Martial. X, 43. Capitolin. *Anton. Pius* 5.

† Statius *Silv.* II, 2, 12.

†* Liv. IX, 29.

†** Фотографическія изображенія его вмѣстѣ съ другими важнѣйшими руинами древняго Рима распространены по всему цивилизованному міру. См. также Piranesi *Antichità Rom.* III, таб. 51, Reber, *die Ruinen Roms* стр. 556, по 2 изд.

императоровъ Септимія Севера и Галліена * и т. д. Ближайшая къ Аппіевой дорогѣ, такъ-называемая Латинская дорога (via Latina) также усѣяна была римскими могилами, изъ которыхъ иныя уцѣлѣли и до сихъ поръ. Такъ одна изъ могилъ знакомитъ насъ не только съ устройствомъ различныхъ помѣщеній, но и сохраняетъ доселѣ превосходныя лѣпныя изображенія которыми былъ украшенъ потолокъ и карнизы подземныхъ комнатъ **. При этой дорогѣ изъ императоровъ былъ похороненъ Домиціанъ ***. Другія дороги по сторонамъ коихъ тянулись кладбища Римлянъ, были на востокѣ via Tiburtina, Praenestina, Labicana, изъ нихъ двѣ первыя назывались по имени городовъ Tibur (нынѣ Tivoli) и Praeneste (нынѣ Palestrina), находившихся въ Сабинскихъ горахъ. На сѣверъ шли: via Flaminia, выстроенная Гаемъ Фламиніемъ, цензоромъ 534 года; здѣсь не вдалекѣ отъ дороги находился, между прочимъ, великолѣпный мавзолей императора Августа, здѣсь открыта была въ прошломъ столѣтіи высѣченная въ скалѣ усыпальница рода Назоніевъ, познакомившая, между прочимъ, ученый міръ съ тѣмъ какою живописью украшались гробницы Римлянъ †; via Salaria и Nomentana, обогатившія археологическую литературу многими новыми данными въ позднѣйшее время. †* На западъ via Aurelia и юго-западъ via Ostiensis и Laurentina. Перечисленныя здѣсь мѣста были конечно не единственными, гдѣ Римляне хоронили своихъ умершихъ. Риму подражали въ устройствѣ кладбищъ и другіе города, также имѣвшіе своихъ покойниковъ по дорогамъ, за воротами стѣнъ, какъ то

---

* Cic. *Tusc.* I, 7, 13. Nepot. *Attic.* 22. Spartian. *Geta* 7. Aurel. Vict. *Epit.* 40, 3. Ср. Plin. *N. H.* XXIX, 9.

** *Monumenti inediti d. Inst. Arch.* VI, таб. 49—51; *Annali dell' Inst. Arch.* 1861 стр. 348 и слѣд.

*** Sueton. *Domit.* 17. Въ самомъ началѣ между Аппіевою и Латинскою дорогой найдено нѣсколько важнѣйшихъ колумбаріевъ. А по дорогамъ лежащимъ на востокъ отъ Рима въ новѣйшее время открыто цѣлое колумбарное кладбище.

† Bartoli *Picturae antiquae cryptarum Romanarum et sepulcri Nasonum*, Roma 1738.

†* О позднѣйшихъ находкахъ см. римскія изданія *Notizie degli scavi di antichità, Bullett della commiss. Arch. municipale*, а равно—*Bulletino.* Нѣмецк. Археол. Инст. за три послѣдніе года.

между многимъ другимъ доказывается наглядным примѣромъ Помпей *.

Можетъ-быть спросятъ, почему Римляне избирали для своихъ усыпальницъ придорожныя мѣста, которыя свойственнымъ имъ движеніемъ и шумомъ такъ мало соотвѣтствовали характеру могилъ. Сначала причиной того было конечно исканіе мѣста наиболѣе близкаго къ городскимъ стѣнамъ, а такими мѣстами и были дороги; позднѣе явилось убѣжденіе ** что помѣщеніемъ надгробнаго памятника при большой дорогѣ лучше сохраняется память въ потомствѣ объ умершемъ: оттого-то столь часты въ надписяхъ трогательные призывы къ путнику остановиться и прочесть имя похороненнаго лица и помянуть его. Воззванія эти и въ стихахъ, и въ прозѣ.

Adulescens, tametsi properas, te hoc saxum rogat,
Ut se adspicias, deinde quod scriptum est legas:
Hic sunt poetae Pacuvi Marci sita
Ossa. Hoc volebam nescius ne esses. Vale.
Хотя ты, юность, спѣшишь, но камень этотъ проситъ
Тебя свой взоръ оборотить и, что написано, прочесть:
Пакувій Маркъ поэтъ здѣсь погребенъ.
Хотѣлось мнѣ чтобъ зналъ ты это. Ну, прощай!

Такъ, между прочимъ, взывала эпитафія именитаго римскаго поэта, по преданію имъ самимъ сочиненная. ***

Объ устройствѣ и украшеніи своихъ усыпальницъ Римляне особенно заботились. Представляя себѣ загробную жизнь продолженіемъ настоящей, только въ лучшемъ и болѣе счастливомъ видѣ, они считали что формы ея соотвѣтственны прежнему существованію и потому придавали могиламъ часто видъ дома со всею его обстановкой. Сюда они сносили для покойниковъ мебель и разставляли ее иногда слѣдуя въ этомъ буквѣ духовныхъ завѣщаній; † деньги, одежды, пищу,

* См. Overbeck *Pompeji* стр. 369 и слѣд. по. 4 изд. Недавно открыто тамъ новое кладбище по другой дорогѣ. Раскопки въ этой новой улицѣ могилъ производятся въ настоящее врема.

** Varro *L. L.* VI 45. Ср. Gromat. Vet. p. 271 Lachm.

*** A. Gell. N. A. I, 24. Пакувій род. ок. 534, ум. ок. 622 г. города или 220—132 до Р. Хр.

† Wilmanns *Exempl. inscr. Lat.* № 315, гдѣ указывается подробно, какая мебель, въ какомъ количествѣ и гдѣ должна быть разставлена, а равно изъ какого матеріала она должна быть сдѣлана, какое необходимо для гробницы остальное убранство и пр. Ср. Kiessling *Anecdota Basileensia.* Basel. 1853. Hübner *Annali dell' Inst. Arch.* 1864 стр. 200 и слѣд.

всякую посуду для стола, а равно и аттрибуты званія и любимыя вещи умершаго: съ воиномъ клали его оружіе; со врачемъ, ремесленникомъ и художникомъ ихъ инструменты, съ земледѣльцемъ его орудіе—плугъ, съ дѣтьми ихъ игрушки, съ женщинами иглы и туалетныя принадлежности: зеркала, гребенки, шпильки, различные флакончики, шкатулочки и т. д. Мы уже имѣли случай упоминать что стѣны могилъ украшались живописью и лѣпными изображеніями. Какъ богаты были могилы Римлянъ всяческими предметами повседневной жизни, можно судить по тому что многочисленные образцы этого рода, разсѣянные теперь по государственнымъ и частнымъ музеямъ и археологическимъ коллекціямъ всего міра, добыты главнымъ образомъ изъ могилъ *.

Домашнею утварью предназначенною для покойниковъ пользовались родственники въ извѣстные „родительскіе“ дни, когда лампы и канделябры зажигались, въ курильницахъ горѣлъ ѳиміамъ, когда приносились жертвы и устраивались затѣмъ поминальные обѣды.

Фамильныя усыпальницы родовъ знатныхъ, богатыхъ и многочисленныхъ иногда занимали значительные участки земли съ полями, огородами и садами **, и въ этомъ случаѣ онѣ имѣли видъ какъ бы кладбищенскихъ помѣстій. Здѣсь, кромѣ памятниковъ и помѣщеній предназначенныхъ для покойниковъ, выстраивалось нѣсколько другихъ зданій, служившихъ различнымъ цѣлямъ: въ одномъ собирались родственники и друзья во дни поминовенія для стола (triclinium), другое служило мѣстомъ отдохновенія и имѣло видъ бесѣдки или лавильйона (triclia); въ третьемъ производились сожженія

* О разнообразіи и многочисленности предметовъ повседневной жизни находимыхъ въ могилахъ см. Raoul-Rochette *Mémoires de l' Acad. des Inscriptions* T. XIII стр. 529 и слѣд., чтобы не говорить о другихъ трудахъ касающихся отдѣльныхъ могилъ. Превосходный мемуаръ Рауль-Рошетта, несмотря на то что напечатанъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, остается наиболѣе полнымъ въ этомъ отношеніи. Нечего говорить какъ былъ бы желателенъ новый спеціальный обзоръ этого вопроса по даннымъ археологическихъ раскопокъ послѣдняго полустолѣтія на почвѣ римскаго міра.

** Иногда усыпальницы помѣщались въ садахъ или надгробные памятники окружались небольшими садиками, и тогда у Римлянъ они назывались греческимъ словомъ cepotaphium (κηποτάφιον). Wilmanns *Exempl. inscr. Lat.* № 240. Orelli-Henzen №№ 4.514 и слѣд. 63—59. Goens *de Cepotaphiis.* Traiecti ad Rhenum 1763.

труловъ (ustrinum или ustrina); въ четвертомъ помѣщался сторожъ съ его семьей (taberna); нечего прибавлять что тутъ ставился жертвенникъ и вырывался колодезь. Сады и поля, кромѣ цвѣтовъ для могилъ покойниковъ, доставляли плоды, вино и овощи; доходы получаемые отсюда шли на содержаніе усыпальницы и уплату сторожамъ (tutela sepulcri). * Послѣдніе были обыкновенно отпущенниками того же рода; они обязаны были содержать въ порядкѣ ввѣренное имъ кладбище и блюсти землю, произведеніями коей они же сами обыкновенно пользовались. ** Естественно что такіе могильные участки отдѣлялись одинъ отъ другаго изгородью, заборомъ (maceria)*** или когда такой не было, то по угламъ земли принадлежащей памятнику ставили пограничные столбы (termini, cippi) съ надписями, въ которыхъ обозначалось кто былъ хозяиномъ этого огороженнаго пространства и сколько футовъ занимало оно. †

Бо́льшая часть сказаннаго выше объ устройствѣ гробницъ и прилегавшихъ къ нимъ участковъ земли относится только къ усыпальницамъ богатыхъ и зажиточныхъ фамилій. Роды менѣе обезпеченные конечно владѣли кладбищами скромныхъ размѣровъ и меньшаго убранства. Большинство же населенія хоронили прямо въ землю, причемъ о существованіи гроба или урны съ прахомъ говорили на томъ мѣстѣ только небольшой столбикъ (cippus, columella) или каменная плита (mensa) съ обычною надписью.

Разсматривая римскія гробницы и надгробные памятники сохранившіеся до нашего времени, можно подмѣтить въ нихъ нѣсколько типовъ. †*

---

* Wilmanns указ. кн. № 315 и Rudorff *Zeitschrift f. gesch. Rechtswiss.* T. XII, стр. 372 слѣд. См. также Uhden *F. A. Wolf's Museum d. Alterthumswiss.* I стр. 534 и слѣд.

** Объ этой custodia sepulcri, кромѣ только-что упомянутой статьи Рудорффа, см. Orelli-Henzen № 7.321 и Borghesi *Oeuvres* VI, стр. 441.

*** См. Wilmanns № 240; 279. Другія болѣе рѣдкія названія этой загородки въ надписяхъ: maceries, macereola, murus.

† Ibid. №№ 188 и примѣч. къ этой надписи; 189, 190 и др.

†* Говоримъ объ этомъ лишь вкратцѣ, не имѣя ни возможности, ни намѣренія представить очеркъ типовъ могильныхъ построекъ въ ихъ исторической послѣдовательности, которая конечно была и здѣсь. И здѣсь формы простыя и болѣе легкія для исполненія предшествовали сложнымъ и болѣе труднымъ.

Одинъ изъ нихъ представляютъ гробницы высѣченныя или вырытыя въ землѣ. На фамильныхъ кладбищахъ онѣ имѣли видъ комнатъ соединенныхъ между собою дверями и корридорами. Въ рыхломъ грунтѣ эти подземелья выкладывались изъ камня, обводились штукатуркой, и имѣли обыкновенно сводчатый потолокъ. Въ скалистой почвѣ не требовалось для нихъ ни особыхъ стѣнъ, ни сводовъ; высѣкалъ помѣщенія всякій по своему желанію, придавая имъ форму сводовъ или прямаго потолка. Планъ и убранство усыпальницъ такого рода отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ, завися исключительно отъ воли хозяевъ. Однѣ изъ нихъ представляли неопредѣленный лабиринтъ, съ корридорами и комнатами: такова, напримѣръ, была усыпальница Сципіоновъ, состоявшая изъ узкихъ ходовъ и разновидныхъ покоевъ, высѣченныхъ въ скалистой почвѣ. * Другія имѣли видъ небольшихъ комнатъ съ нишами для усопшихъ и лавками по стѣнамъ, предназначенными для храненія урнъ и т. д. Подземелья высѣкались или строились независимо отъ уровня почвы: тамъ гдѣ вблизи находились горы, эти пологеи вырубались въ горахъ; гдѣ была ровная поверхность, тамъ врывались въ глубь почвы, и въ подземелья спускались покатыми ходами и лѣстницами.

Постройки указаннаго типа имѣли одну цѣль — храненіе останковъ покойника, имѣли только значеніе могилъ. Другой разрядъ усыпальницъ составляютъ постройки на поверхности земли, обыкновенно сложенныя изъ камня и имѣвшія своимъ назначеніемъ служить въ одно и то же время и усыпальницей, и надгробнымъ памятникомъ. Архитектурныя формы такихъ памятниковъ весьма разнообразны. Здѣсь мы встрѣчаемъ и усѣченные конусы покоющіеся на прочныхъ квадратныхъ постаментахъ, съ помѣщеніями для храненія покойниковъ: таковъ напримѣръ памятникъ извѣстный подъ именемъ гробницы Виргилія въ Неаполѣ и состоящій изъ квадратнаго фундамента и усѣченнаго конуса **, или памятникъ близь Альбано, носящій имя гробницы Горацієвъ и Куріацієвъ и представляющій пять такихъ конусовъ, изъ

* Visconti *Opere varie*, Milano, 1827, I, стр. 1 и слѣд. Nibby *Roma nell'anno 1838*, II табл. 22 a. Reber *die Ruinen Roms.* 2e Aufl. стр. 455 и слѣд.

** Hirt *Geschichte d. Baukunst* XXX 11.

коихъ наибольшій находится въ срединѣ, а четыре меньшіе по угламъ квадратнаго постамента, выложеннаго изъ плитъ.* Здѣсь имѣются и круглыя зданія, въ родѣ памятника Цециліи Метеллы (28 метровъ въ діаметрѣ) также покоющагося на большомъ, изъ плитъ выложенномъ квадратѣ (30 метровъ въ длину и ширину), и подобія египетскихъ пирамидъ, какъ сохранившаяся въ Римѣ до нашихъ дней гробница Гая Цестія (37 метровъ въ вышину), построенная наслѣдниками его при Августѣ**.

Новый разрядъ гробницъ этого класса представляютъ постройки въ видѣ храмовъ со внутреннимъ покоемъ (cella)***, иногда и съ нѣсколькими второстепенными покоями для храненія останковъ умершихъ, а равно памятники-гробницы въ видѣ жертвенниковъ.

Что касается надгробныхъ памятниковъ въ тѣсномъ смыслѣ, то формы ихъ также были весьма различны, начиная отъ плиты, круглаго или квадратнаго столба, гермы, и кончая жертвенниками и храмовидными постройками. Чтобъ убѣдиться въ этомъ разнообразіи, стóитъ взглянуть на изображенія улицы гробницъ въ Помпеяхъ †.

Если не по архитектурному типу, то по своимъ размѣрамъ, въ ряду сооруженій въ честь покойниковъ, особо стоятъ римскіе мавзолеи, носящіе имена двухъ римскихъ императоровъ. Размѣры ихъ были колоссальны. Первый изъ нихъ былъ сооруженъ Августомъ для себя и своихъ потомковъ. Онъ состоялъ, какъ и памятникъ Цециліи Метеллы, изъ четвероугольнаго фундамента, огромнаго круглаго зданія и холма насыпаннаго сверху. Внизу этого памятника сдѣланы были помѣщенія для покойниковъ. Остатки его существуютъ до сихъ поръ, служа лѣтомъ для театральныхъ представленій, зимой манежемъ для конскихъ скачекъ. Этотъ памят-

* *Monumenti Inediti dell' Inst. Arch.* Т. II таба. 39.

** Falconierii *de Piramide C. Cestii Epulonis* (Graevii *Thesaur. Ant. Rom.* Т. IV стр. 1.461 и слѣд.). Reber *Die Ruinen Roms.* 2 Aufl. стр. 540 и слѣд.

*** Такова была гробница Гая Публиція Бибула, найденная въ сѣверномъ углу Капитолія, при началѣ Фламиніевой дороги. Canina *Architett Rom.* 212. Всѣ вышеозначенные памятники въ уменьшенномъ масштабѣ см. у Guhl и Koner указ. соч. стр. 485 и слѣд. по 5 изд. (1882).

† Overbeck *Pompeji.*, 4 изд., стр. 396 и слѣд.

никъ исполнялъ свое назначеніе въ теченіе цѣлаго столѣтія, принимая въ себя остатки императоровъ и ихъ семействъ. Недостатокъ мѣста для погребенія ихъ въ будущемъ *, а равно и желаніе увѣковѣчить подобнымъ же сооруженіемъ свое имя заставило императора Адріана выстроить для себя и своихъ потомковъ новый мавзолей, который притомъ значительно превосходилъ своими размѣрами памятникъ Августа. Мѣсто для него было избрано не вдалекѣ отъ этого послѣдняго, но по ту сторону Тибра, рядомъ съ мостомъ Элія (pons Aelius, нынѣ ponte S. Angelo). Это было также огромное круглое зданіе поставленное на высокой квадратной базѣ **, украшенное крытыми галереями со множествомъ колоннъ и скульптурныхъ изображеній. Внутренность монумента заключала въ себѣ корридоры и всѣ другія помѣщенія приспособленныя для храненія праха умершихъ. Уже при нашествіи Готовъ на Римъ подъ водительствомъ Витигеса (537—38 годовъ) это колоссальное сооруженіе служило крѣпостью. *** Заключившійся здѣсь отрядъ Римлянъ, за неимѣніемъ другаго матеріала, разбивалъ большія мраморныя статуи, бывшія украшеніемъ мавзолея, въ куски и бросалъ ими въ осаждавшихъ враговъ. Значенія крѣпости не теряло это зданіе и при нападеніи Готовъ на Римъ въ 549 году подъ водительствомъ Тотилы; ею служило оно въ Средніе Вѣка; его сохраняетъ оно и въ новое время до сего дня. Это—Castello S. Angelo, гдѣ однако уже нѣтъ ни лѫросскаго мрамора которымъ былъ обшитъ весь цилиндръ съ наружной стороны, ни внѣшнихъ галлерей, ни другихъ архитектоническихъ украшеній, какъ равно совершенно снята вся верхняя часть вѣнчавшая зданіе. Часть колоннъ стоявшихъ нѣкогда на галлереяхъ преданіе указываетъ въ базиликѣ Св. Павла (S. Paolo fuori le mura). †

Говоря объ усыпальницахъ Римлянъ, мы до сихъ поръ не упоминали объ особомъ типѣ ихъ, который служилъ для отпущенниковъ и рабовъ богатыхъ фамилій, а также для людей свободнорожденныхъ, но не имѣвшихъ средствъ пріобрѣсти

* Уже для императора Траяна не оказалось мѣста въ Мавзолеѣ Августа, вслѣдствіе чего его прахъ помѣщенъ былъ подъ тріумфальною колонной на форумѣ его имени (forum Trajani).

** И нынѣ цилиндрическая часть этого монумента, несмотря на потерю мраморной обшивки, имѣетъ 67 метровъ въ поперечникѣ; высота ея 22 метра.

*** Подробное описаніе осады см. у Procopius *Bell. Goth.* I, 22.

† Reber *die Ruinen Roms.*, 2е изд., стр. 299 и слѣд.

отдѣльнаго мѣста для своего погребенія. Это были такъ-называемые *columbaria*. Существовали у Римлянъ, наконецъ, родовыя мѣста, гдѣ хоронили бѣдняковъ и рабовъ низшаго разряда, не нашедшихъ себѣ доли ни въ фамильныхъ кладбищахъ своихъ господъ, ни въ колумбаріяхъ. Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ и другихъ.

Колумбаріи, какъ форма кладбища предназначавшаяся для возможно бо́льшаго числа покойниковъ, явилась у Римлянъ позднѣе усыпальницъ другихъ типовъ. И на это были свои причины. По религіознымъ понятіямъ римской древности, гробница должна была служить лишь тому покойнику который похороненъ въ ней; внесеніе сюда чужаго праха нарушило бы святость этого мѣста *. Но населеніе Рима быстро возрастало, поэтому не только исчезла возможность хоронить умершихъ въ стѣнахъ города, какъ то было сначала, но земли скоро стало бы оказываться недостаточно и по окреснымъ дорогамъ и цѣны на нее достигли бы невозможной дороговизны еслибы старое воззрѣніе на могилу оставалось безъ перемѣны. Вопросъ о сбереженіи мѣста и объ устройствѣ болѣе дешевыхъ усыпальницъ такимъ образомъ долженъ былъ возникнуть самъ собою. Первою уступкой этой необходимости была общность гробницы для лицъ стоявшихъ въ кровномъ или близкомъ родствѣ съ покойникомъ. Въ одной и той же усыпальницѣ кладутся мужъ и жена, ихъ дѣти, внучата и т. д. Эта семейная и наслѣдственная могила (sepulcrum patrium, sepulcrum avitum) со временемъ переходитъ въ родовую (sepulcrum gentilicium, sepulcrum gentile) въ которой ставятъ прахъ лицъ считающихся потомками одного родоначальника и носящихъ одно общее родовое имя. ** Но такъ какъ кромѣ родственниковъ въ близкомъ

* Этимъ объясняются нерѣдкія запрещенія надгробныхъ надписей вносить въ могилу прахъ другихъ лицъ, хотя бы наслѣдниковъ покойника. См. для примѣра Wilmanns указ. кн. №№ 279, 280 и примѣчаніе къ послѣдней надписи.

** Ср Cic. *de Officiis* I, 17, 55; *de Legibus* II, 22, 55; *Topica* 6, 29. Древній примѣръ родовой усыпальницы видимъ въ Тускулумѣ въ гробницѣ Furiorum. *Corp. Inscr. Lat.* I №№ 65—72 и объясненіе къ нимъ Ritschl, *Opuscula* IV стр. 257 и слѣд. Родовыя усыпальницы удерживаются до императорскаго времени, какъ видно изъ цитатъ sepulcrum gentilicium Quinctiliorum (Vellei Paterc. II, 119, 6), gentile Domitiorum monumentum (Sueton. *Nero* 50), sepulcrum Lutatiae gentis (Valer. Max. IX 2, 1) и др.

отношеніи къ римской семьѣ стояли еще и отпущенники, то патроны обыкновенно даютъ мѣсто въ своихъ семейныхъ усыпальницахъ и имъ: оттого-то столь часты упоминанія въ надгробныхъ надписяхъ объ отпущенникахъ, отпущенницахъ и ихъ потомствѣ. Формула „такой-то устроилъ гробницу для себя, жены, дѣтей, отпущенниковъ и отпущенницъ съ потомками“ (libertis libertabusque posterisque eorum) читается въ тысячахъ примѣровъ на всемъ пространствѣ Римской имперіи. *

Возрастаніе народонаселенія и увеличеніе числа отпущенниковъ и рабовъ въ Римѣ, подъ конецъ республикн и особенно позднѣе, сдѣлали и эту форму фамильныхъ гробницъ (sepulcra familiaria **) недостаточною: отпущенники, не говоря уже о рабахъ, не могли теперь разчитывать на мѣсто въ гробницахъ патроновъ. Сюда попадали лишь немногіе избранные, ближе стоявшіе къ нимъ. Остальные вынуждены были сами заботиться объ устройствѣ собственныхъ усыпальницъ на свой счетъ. А такъ какъ это были большею частію люди недостаточные, то у нихъ должна была возникнуть мысль о пріобрѣтеніи участка земли и устройствѣ могилы въ складчину. Само собою разумѣется что къ этому пріему ассоціаціи прибѣгали не одни отпущенники и рабы, но и люди свободнорожденные, матеріальныя средства которыхъ были ограниченны. *** Общеніе по устройству гробницы росло у Римлянъ постепенно. Сначала похоронная ассоціація составлялась изъ двухъ лицъ †, которыя на общія издержки вели постройку усыпальницы и потомъ дѣлили ее поровну (pro parte dimidia, ex partibus aequis), каждый для себя и своихъ потомковъ. Общая могила посвящается Манамъ компаніоновъ, dis Manibus communibus, какъ иногда читается въ надписяхъ. Устройство такихъ усыпальницъ входитъ

---

* Слѣдуетъ замѣтить что отпущенникъ не имѣлъ никакого юридическаго права на родовую усыпальницу, если патронъ не поставилъ его въ числѣ наслѣдниковъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи. См. Dig. XI, 7, 6.

** Опредѣленіе этого термина см. Dig. XI, 7, 5.

*** О такой ассоціаціи по устройству усыпальницъ ср. для примѣра Wilmanns указ. соч. №№ 211, 258, 318 и др.

† Примѣръ такого первоначальнаго общества см. въ надписи приведенной въ ниже цитуемой книгѣ проф. Помяловскаго, стр. 76.

затѣмъ въ большее и большее употребленіе и въ складчинѣ съ этою цѣлію участвуютъ 3, 4, 5 и болѣе лицъ. *

Наилучшею формой усыпальницъ для людей недостаточныхъ явились *колумбаріи* (columbaria), которые въ императорскую пору были не только весьма распространены въ Римѣ, но встрѣчаются и далеко за предѣлами Италіи. **

Такъ называются въ наукѣ римскихъ древностей зданія, стѣны которыхъ были испещрены извнутри нишами. Ниши имѣли форму полукруглаго свода или арки, походили на голубятни Римлянъ *** и потому назывались одинаково съ послѣд-

* Складчину трехъ лицъ выстроившихъ общую гробницу для себя и своихъ см., между прочимъ, у Wilmanns указ. соч. № 211. Большее количество общниковъ см. въ № 258.

** Вопросъ о колумбаріяхъ Рима въ нашей ученой литературѣ превосходно разработанъ на основаніи эпиграфическихъ данныхъ и личнаго знакомства съ самими памятниками проф. И. В. Помяловскимъ въ его докторской диссертаціи *Эпиграфическіе этюды*. II. Спб. 1873. Колумбаріи открытые послѣ появленія этого сочиненія описаны италіанскими учеными Бриціо, Ланчани, Гатти, труды которыхъ указываются ниже. См. также *Corp. inscr. Lat.* VI, стр. 877 и слѣд. Въ виду труда г. Помяловскаго считаемъ нужнымъ здѣсь ограничиться указаніемъ лишь самаго главнаго.

*** Голуби по своей чрезвычайной плодовитости составляли выгодную статью въ хозяйствѣ и потому разведеніе ихъ у Римлянъ было въ большомъ обыкновеніи. Зная крайне боязливый характеръ и привычку этой птицы свивать гнѣзда на возвышенныхъ мѣстахъ, они ставили для дикихъ голубей въ поляхъ высокія башни (turres) съ нарочито приспособленными помѣщеніями для нихъ. Клѣтки или ниши расположенныя рядами разчитаны были каждая на пару голубей. При каждомъ такомъ помѣщеніи было свое особое, круглое или на подобіе арки отверстіе или окошечко для входа и выхода. Башни иногда принимали большіе размѣры, такъ что могли служить для 5.000 птицъ. Римскіе писатели по сельскому хозяйству, Варронъ, Колумелла и Палладій, даютъ точныя и подробныя указанія о содержаніи голубей и объ устройствѣ особыхъ помѣщеній для нихъ. Голубятни ставились не только въ деревняхъ, но и въ городахъ на крышахъ домовъ. Ниши такихъ построекъ (обыкновенно оштукатуренныхъ и выбѣленныхъ) назывались columbaria, какъ все зданіе съ такими помѣщеніями—columbarium. Позднѣе Римляне перенесли это же имя на тѣ ниши которыя выкладывались рядами въ стѣнахъ особо устроенныхъ усыпальницъ и служили для храненія урнъ съ прахомъ и которыя по своей внѣшней формѣ совершенно походили на columbaria голубятенъ. О голубяхъ и уходѣ за ними см. Varro *de R. Rust.* III, 7. Columella VIII, 8. Palladius I, 24.

ними словомъ columbaria, каковое имя въ новыхъ языкахъ перешло и на самыя зданія. * Онѣ располагались по стѣнамъ обыкновенно правильными рядами, каждая изъ нихъ на своемъ плоскомъ днѣ имѣла обыкновенно по два(и лишь весьма рѣдко по четыре) воронкообразныя углубленія, служившія помѣщеніемъ для глиняныхъ урнъ съ прахомъ покойника (ollae или urnae). Принадлежность ниши и праха обозначалась большею частію мраморною дощечкой съ надписью (titulus), прибитой или снизу или сверху.

Архитектоническая форма колумбаріевъ не отличается особымъ разнообразіемъ. Обыкновенно это было четырехъугольное и весьма рѣдко круглое зданіе, нижняя часть котораго вырубалась или выкладывалась въ землѣ, верхняя строилась изъ кирпичей и камней. Спускались въ него по лѣстницѣ, весьма часто составлявшей только выступъ стѣны и являвшейся такимъ образомъ органическою частію зданія **. Иногда для укрѣпленія крыши колумбарія и для выигрыша мѣста, посреди этой комнаты ставили прочный пилонъ; стѣны его покрывались такими же голубцами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ выкладывались здѣсь и ниши бо́льшихъ размѣровъ (такъ назыв. aediculae) ***. Съ тою же цѣлію сбереженія мѣста выводили по стѣнамъ стуленьку или невысокую лавку (podium) которая должна была служить также для помѣщенія урнъ съ останками умершихъ. Урны въ этомъ случаѣ ставились и прямо на ровную поверхность, и въ ниши боковой стороны podium'a †. Есть несомнѣнныя доказательства и

---

* Orelli №№ 4.513, 4.544 и др. или *Corp. inscr. Lat.* VI, №№ 8.122; 8.125; 8.126; 8.128 и др. Всѣ эти и подобные примѣры говорятъ за употребленіе термина columbarium какъ названія ниши, но не цѣлаго зданія. Ошибочны поэтому показанія Марквардта *(das Privatleb d. Römer*, стр. 359 въ 1мъ изд.) и Гастона Буассье (Daremberg et Saglio *Dictionn. d. antiqu.* стр. 1, 334), будто этимъ именемъ называлось уже въ латинскихъ надписяхъ и самое зданіе.

** Образецъ такой лѣстницы сохраняется доселѣ между прочимъ въ одномъ изъ колумбаріевъ Vigna Codini на Via Appia въ Римѣ.

*** Рисунокъ такого пилона см. между прочимъ у проф. Покровскаго ук. соч. стр. 131 и Daremberg et Saglio *Dictionn. d. antiqu.* Стр. 1, 337.

† См. Henzen *Annali dell' Inst.* 1856 стр. 9—*Corp. inscr. Lat.* VI р. 908; 926. Campana *Di due sepolcri Romani del secolo di Augusto...* Roma 1840 стр. 43 и слѣд.

того что ниши для урнъ выкладывались и по наружнымъ сторонамъ стѣнъ зданія (superficies) * Но эта форма рѣдкая и вызывалась лишь крайнею экономіей хозяевъ колумбарія, желавшихъ воспользоваться своею стройкой съ наибольшею выгодой.

Стѣны колумбаріевъ изнутри обыкновенно штукатурились, раскрашивались и расписывались орнаментомъ; пользованіе верхними рядами голубцовъ было возможно при помощи деревянныхъ галлерей, но не простыхъ лѣстницъ, которыя будучи приставляемы къ стѣнамъ неминуемо должны были бы портить и ниши и урны. ** Въ болѣе изящныхъ колумбаріяхъ полъ выстилался мозаикой; большія ниши (aedicolae) въ центральныхъ пилонахъ и въ стѣнахъ украшались лучшею живописью, рѣшетками, бюстами и статуями покойниковъ; урны ставились въ видѣ красивыхъ вазъ. Различіе орнаментировки замѣчается и въ обыкновенныхъ голубцахъ; болѣе состоятельные владѣльцы старались украшать ихъ сообразно своимъ средствамъ и вкусамъ,*** бѣдные же довольствовались самымъ простымъ ихъ видомъ и дешевыми горшками изъ глины. Кромѣ всего этого, въ нѣкоторыхъ колумбаріяхъ существовало еще помѣщеніе подъ поломъ: туда спускали саркофаги съ тѣлами лицъ не подвергавшихся погребальному сожженію; тамъ же вырывались колодцеобразныя углубленія (такъ-называемые puticuli) для бѣдняковъ и рабовъ которыхъ не хотѣли хоронить ни путемъ сожженія, ни закалываніемъ въ отдѣльную могилу. †

---

* Надписи служащія доказательствомъ этого факта см. у Помаловскаго стр. 275.

** Hencen. *Annali dell'Inst. Arch.* 1856, стр. 18 слѣд. *Corp. inscr. Lat.* VI, p. 941.

*** Этимъ объясняется различіе фронтоновъ нишъ и принадлежащихъ имъ украшеній въ колумбаріяхъ описанномъ и нарисованномъ Кампаной въ соч. *Di due sepolcri Romani del secolo di Augusto* и пр Roma 1840, стр. 5 слѣд. табл. I—VIII.

† Колумбаріи служили для храненія урнъ съ прахомъ лицъ похороненныхъ посредствомъ сожженія. Саркофаги, находимые въ колумбаріяхъ, внесены были туда въ позднѣйшія эпохи, какъ доказывается то археологическими данными. Ср. Hülsen u. Mau у Марквардта указ. соч. стр. 371 по 2 изд. Интересно будетъ узнать, какой эпохѣ принадлежатъ саркофаги колумбаріевъ только-что открытыхъ по via Salaria подъ Римомъ. См. Gatti въ *Notizie degli scavi di Antichità.* 1885 стр. 328 и слѣд.

Снаружи надъ входною дверью, а если было нѣсколько дверей, то надъ главнымъ входомъ прикрѣплялась мраморная доска съ обозначеніемъ кому принадлежалъ колумбарій, кто былъ его хозяиномъ. Какъ своего рода вывѣска, такая надпись отличалась значительными размѣрами; для большей рельефности иногда вдѣлывались въ мраморную доску буквы изъ металла. *

Мы описали выше типъ колумбарія наиболѣе простаго. Но этотъ образецъ былъ не единственный. Иные изъ нихъ строились въ два и даже въ три этажа съ нѣсколькими отдѣльными покоями въ каждомъ; ** другіе представляли галлерею окружавшую со всѣхъ четырехъ сторонъ квадратное или вообще четвероугольное помѣщеніе, служившее той же цѣли храненія урнъ, бюстовъ и статуй и также имѣвшее болѣе одного этажа. ***

Все сказанное нами раньше о различныхъ постройкахъ принадлежавшихъ фамильнымъ кладбищамъ, какъ трикліній для поминальныхъ пиршествъ, мѣсто для сожиганія труповъ (ustrina, ustrinum), жилье для раба или отпущенника сторожившаго памятникъ (taberna), лавильйонъ или бесѣдка (triclia), колодезь (puteus)—все это приложимо и къ колумбаріямъ. Эти зданія должны были находиться на землѣ принадлежащей колумбарію и огороженной обыкновенно заборомъ (maceria, maceries) изъ кирпича или камней. На этомъ участкѣ также разводился садъ (hortus, hortulus), виноградникъ (vinea), огородъ (pomarium и viridiarium) съ тѣми же цѣлями какъ и въ другихъ фамильныхъ кладбищахъ. †

---

* Такъ напримѣръ была сдѣлана эта надпись въ колумбаріи отпущенниковъ и рабовъ Ливіи и дома Цезарей.

** Кромѣ колумбарія названнаго въ предыдущемъ примѣчаніи, верхніе этажи найдены въ другихъ римскихъ колумбаріяхъ. См. Brizio: *Pitture e sepolcri scoperti sull'Esquilino?.. all'anno* 1875; Roma 1876, стр. 49, 129 и др. *Corp. inscr. Lat.* VI, p. 987, 994 и др.

*** Образцы такого устройства колумбаріевъ найдены въ новѣйшее время на Эсквилинѣ вблизи дорогъ Пренестинской, Тибуртинской и Лабиканской, именно въ колумбаріи рода Статиліевъ и другаго сложной конструкціи колумбарія смежнаго съ нимъ. Brizio указ. соч. стр. 49 и слѣд., и соотвѣтств. таблицы. *Corp. inscr. Lat.* VI, pp. 981 и слѣд. 994 и слѣд. 1.018.

† Но какъ родовыя и фамильныя кладбища далеко не всѣ имѣли достаточно мѣста для этихъ построекъ, такъ и колумбаріи иногда скучивались въ одной мѣстности и плотно прилегали одинъ къ

Теперь намъ слѣдуетъ отвѣтить на вопросы, когда начались постройки колумбаріевъ, кто строилъ ихъ и какой былъ способъ пользованія ими?

Когда впервые появились въ Римѣ колумбаріи мы съ точностью опредѣлить не можемъ, какъ равно остается загадочнымъ вопросъ о томъ, можно ли считать ихъ изобрѣтеніемъ самихъ Римлянъ. То обстоятельство что нишевидныя углубленія, расположенныя рядами, встрѣчаются въ скалахъ близь этрусскихъ городовъ и фактъ нахожденія въ такихъ нишахъ неподалеку отъ города Вей исключительно этрусскихъ предметовъ заставляютъ нѣкоторыхъ ученыхъ предполагать заимствованіе этой формы кладбищъ Римлянами у Этрусковъ. * Но если требуетъ тщательнаго изслѣдованія вопросъ о происхожденіи римскихъ колумбаріевъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію фактъ что эта форма усыпальницъ нигдѣ не нашла себѣ такого примѣненія, какъ въ Римѣ. Далеко не всѣ колумбаріи намъ извѣстны: иные безвозвратно разрушены временемъ и безпощаднымъ людскимъ невѣжествомъ; другіе хранятся еще подъ слоемъ земли, ожидая своей очереди стать достояніемъ археологической науки, какъ это доказывается находками совершающимися на нашихъ глазахъ въ самые послѣдніе дни. ** Но и колумбаріи уже разрытые и описанные своею численностью показываютъ что въ два первые вѣка имперіи устройство колумбаріевъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. По образцу Рима колумбарныя постройки возводились и въ другихъ мѣстахъ Италіи, и

другому. См. для краткости планъ цѣлаго кладбища колумбаріевъ въ *Corp. Inscr. Lat.* VI p. 982 или въ выше указанн. соч. проф. Бруціо. Такою же скученностію отличался повидимому и недавно найденный рядъ маленькихъ колумбаріевъ по via Salaria.

* Gaston Boissier у Daremberg и Saglio *Dictionn. des antiqu. Grecques et Romaines* стр. 1334. Ср. Abeken *Mittelitalien* стр. 258. Dennis *Cities and cimiteries of Etruria.* 2 изд. 1878 I стр. 16; 26; 484; 501; II стр. 13. Раннее разграбленіе этихъ колумбаріевъ лишаетъ однако возможности говорить о нихъ опредѣленно. Досель въ этихъ нишахъ не найдено ни одной надписи. Оригинальную черту ихъ сравнительно съ loculi римскихъ колумбаріевъ составляетъ то что они меньше по своимъ размѣрамъ и могли вмѣщать только по одной урнѣ, а не по двѣ какъ римскіе.

** См. отчетъ проф. Гатти въ *Notizie degli scavi di antichità* 1886 стр. 328 и слѣд.

даже далеко за ея предѣлами, какъ напримѣръ на Рейнѣ близь Кельна; * но это явленія сравнительно рѣдкія, спорадическія, вызванныя подражаніемъ Риму.

Кто же строилъ колумбаріи? Сначала такія постройки возникали вѣроятно по мысли богатыхъ родовъ и фамилій, которые не могли болѣе класть въ своихъ гробницахъ многочисленныхъ отпущенниковъ и рабовъ.

То же дѣлаютъ Цезари, у которыхъ этого люда было еще болѣе. Самый древній доселѣ извѣстный колумбарій относится къ послѣднему времени реслубліки и носитъ имя рода Статиліевъ; этой лорѣ принадлежитъ и колумбарное кладбище только-что открытое на via Salaria. ** Никто конечно не станетъ считать эти случайно сдѣлавшіеся доступными намъ колумбаріи первыми по времени основанія, хотя съ другой стороны и трудно предположить чтобы Римляне рано прибѣгли къ постройкамъ этого рода. Нужда въ нихъ появилась только съ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ населенія, а это случилось въ Римѣ послѣ Пуническихъ войнъ и войнъ съ Востокомъ. Къ разрядъ колумбаріевъ, принадлежавшихъ отпущенникамъ и рабамъ отдѣльныхъ родовъ и фамилій, относятся памятники Волузіевъ, Цециліевъ, Карвиліевъ, Юніевъ Силановъ и мн. др. *** Изъ колумбаріевъ императорской фамиліи должна быть указана обширная усыпальница этого разряда отпущенниковъ и рабовъ Ливіи, жены Августа, и дома Цезарей, † и

---

* *Jahrb. des Vereins von Alterthumsfr. im Rheinlande*, I, taf. V, VI.

** Brizio *Pitture e sepolcri scoperti sull'Esquilino nell'anno* 1875. Roma 1876. *Notizie degli scavi di antichità*. Roma 1876 стр. 9 и слѣд. 1877 стр. 314. 1886 стр. 328 и слѣд. Lanciani *Bullet. della commissione Archeol. municipale di Roma*. 1875, стр. 151 и слѣд. Табл. II, III. *Corp. inscr. Latin.* VI, 2 ч. стр. 994 и слѣд.

*** См. *Corp. inscr. Lat.* VI 2 ч. стр. 1043 и слѣд. 1053 и слѣд. 1065 и слѣд. 1066 и слѣд.

† Gori *Monumentum sive Columbarium libertorum et servorum Liviae Augustae et Caesarum Romae detectum in Via Appia*. Florentiae 1727 (ср. также *Thesaurus* Poleni III стр. 50 и слѣд.). Bianchini *Camera ed iscrizioni sepolcrali de'liberti, servi ed ufficiali della casa di Augusto*... Roma 1727. Gezzi *Camere sepolcrali de'liberti e liberte di Livia Augusta ed altri Cesari*. Roma 1731. Рисунокъ и планъ кромѣ того см. у Piranesi *Antichità Rom.* III, табл. 22 и слѣд. Canina *Monumenti dell'Inst. Archeol.* V табл. 57. Колумбарій былъ ограбленъ вслѣдъ за его открытіемъ; бо́льшая часть надписей въ Ватиканѣ. Ср. *Corp. inscr. Latin.* VI, 2 ч. стр. 877 и слѣд.

колумбарій отпущенниковъ и рабовъ дѣтей Нерона Друза. * Тамъ гдѣ патроны и хозяева не брали на себя всѣхъ издержекъ такія постройки могли воздвигаться отпущенниками и рабами на собственныя средства. Что люди этого рода составляли коллегіи и устраивали себѣ усыпальницы въ складчину, фактъ не подлежащій никакому сомнѣнію.

А такъ какъ колумбаріи, при возможности помѣщать большое количество погребальныхъ урнъ, представляли типъ кладбища наиболѣе дешеваго, то не удивительно что отпущенники и рабы предпочтительно избираютъ эту форму общихъ усыпальницъ. Далѣе колумбаріи могли выстраиваться или покупаться по частямъ у другихъ различными духовными и свѣтскими корпораціями, которыя согласно своимъ статутамъ должны были имѣть общія мѣста погребенія. **

Здѣсь мы должны припомнить что въ Римѣ существовали особыя общества, заботою которыхъ было честное погребеніе своихъ сочленовъ. Это были такъ-называемыя въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ *погребальныя коллегіи* (collegia funeraticia). *** Членомъ ихъ могъ быть всякій—и свободнорожденный, и отпущенникъ, и рабъ,—исправно вносившій установленную ежемѣсячную плату (menstrua stips). Взносы составляли казну общества (arca), которая шла не только на устройство и исправное содержаніе памятника, но и на похоронныя издержки (funeraticium), въ опредѣленномъ размѣрѣ выплачивавшіяся наслѣднику умершаго. Члены коллегіи дѣлились на декуріи, каждая со своимъ декуріономъ во главѣ; при обществѣ состоялъ жрецъ (sacerdos), казначей (quaestor или иногда во мн. quaestores), секретарь (scriba), разсыльный (viator). Но главнымъ должностнымъ лицомъ былъ квинквеннал (magister quinquennalis или просто quinquennalis), избиравшійся коллегіей, какъ это

---

* *Corp. inscr. Latin.* VI, 2 ч. стр. 899 и слѣд.

** Ср. Wilmanns, №№ 318—332.

*** См. Mommsen *de Collegiis et sodaliciis Romanorum*, Kiliae 1843. Существенно важное сказано у насъ г. Помяловскимъ, указ. соч. 87 и слѣд., и Ю. А. Кулаковскимъ, *Коллегіи въ древнемъ Римѣ.*, Кіевъ 1882, стр. 44 и слѣд., который вопросу о погребальныхъ обществахъ посвятилъ особую главу. Термину collegium funeraticium соотвѣтствуетъ collegium salutare (ср. *Corp. inscr. Lat.* VI, ч. 2 № 10.251) или просто collegium (№№ 10.255; 10.262; 10.263 и т. д.). Иногда въ надписяхъ читается collegium magnum (№№ 10.252; 10.253; 10.254 и примѣч. къ этимъ надписямъ).

видно изъ названія, на пятилѣтній срокъ. * Онъ былъ не только гражданскимъ, но и духовнымъ главою общества; на его обязанности лежало принесеніе, въ извѣстные торжественные дни, молебствій отъ имени коллегіи; какъ начальникъ, онъ созывалъ коллегію и въ качествѣ предсѣдателя руководилъ собраніемъ въ его совѣщаніяхъ. Само собою разумѣется что ни одно важное дѣло касавшееся коллегіи не рѣшалось безъ его участія. Другими видными должностными лицами въ этихъ коллегіяхъ были кураторы (curatores), ** на обязанности коихъ лежала постройка памятниковъ и содержаніе ихъ въ исправности, а равно наблюденіе за тѣмъ, кому сколько ниш и въ какомъ мѣстѣ принадлежало въ колумбаріи. При такихъ погребальныхъ коллегіяхъ состоятъ въ роли покровителей и вкладчиковъ и съ именемъ патроновъ (patroni) лица помогавшія имъ или своимъ вліяніемъ въ официальныхъ сферахъ, или богатыми вкладами денегъ или землей.

Колумбарій выстроенный на средства общества принадлежалъ послѣ всѣмъ его членамъ безъ исключенія. Каждый вкладчикъ получалъ извѣстное количество ниш посредствомъ жребія (ex sortitione), послѣ чего онѣ становились его собственностью, которую онъ отмѣчалъ надписью на стуккѣ или на особой дощечкѣ (tessella) и потомъ могъ дарить, продавать или оставлять по духовному завѣщанію. Въ колумбаріи было нѣсколько мѣстъ считавшихся особенно почетными, таковы были, между прочими, ниши нижнихъ рядовъ, какъ наиболѣе видныя, легко доступныя и удобныя для совершенія церемоній погребальнаго культа: ихъ община присуждала лицамъ принесшимъ коллегіи особую пользу, присуждала за особыя заслуги. ***

Погребальныя коллегіи обыкновенно избирали себѣ боговъ покровителей, Эскулапа, Гигію, Геркулеса, Юпитера, Semo Sancus, Діану, Сильвана, Ларовъ—послѣднимъ въ этомъ случаѣ, какъ и Юпитеру, иногда придается эпитетъ Salutaris, и др. †

* Иногда квинквенналь за свои заслуги избирался пожизненно и въ этомъ случаѣ назывался quinquennalis perpetuus, непремѣннымъ квинквенналомъ. Надписи о квинквенналахъ см. *Corp. inscr. Latin.* VI, 2 ч. №№ 10.301 и слѣд.

** См. *Corp. inscr. Latin.* VI, 2 ч. №№ 10.324 и др.

*** Wilmanns №№ 333, 334. Orelli-Henzen № 7372.

† *Corp. inscr Lat.* VI, №№ 10, 234 (Wilmanns № 322); 307 и 339; 444 и 459; 567; 631 и 632, Ср. Wilm. № 319.

Имъ воздвигали храмы и въ честь ихъ справлялись особые праздники.

Съ этими коллегіями нельзя смѣшивать колумбарныхъ акціонерныхъ компаній, * которыя составлялись съ коммерческими цѣлями для постройки колумбарныхъ зданій и продажи тамъ мѣстъ всѣмъ желающимъ. Не всякій принадлежалъ къ какому-нибудь обществу которое заботилось о честномъ погребеніи своихъ членовъ; гораздо было больше людей которые, не имѣя возможности хоронить своихъ близкихъ въ собственной усыпальницѣ и стоя внѣ погребальныхъ ассоціацій, должны были покупать себѣ нужное количество мѣстъ въ колумбаріяхъ. Этой потребности и удовлетворяли колумбарныя компаніи, состоявшія изъ капиталистовъ, затрачивавшихъ свои деньги на устройство и снабженіе всѣмъ необходимымъ кладбищъ этого рода. Такія общества назывались societates, члены ихъ—socii. Во главѣ ассоціаціи стоялъ кураторъ или даже можетъ-быть нѣсколько кураторовъ. Они вели дѣла общества, собирали съ сочленовъ взносы, выстраивали колумбаріи и потомъ вмѣстѣ съ квинквеналомъ дѣлили лаи между акціонерами. Стройка подвергалась сначала ревизіи всѣхъ членовъ и поступала въ оборотъ только послѣ формальнаго одобренія съ ихъ стороны и послѣ освященія ея. Какъ мѣсто послѣдняго покоя умершихъ, колумбарій посвящался общимъ Манамъ всѣхъ чей прахъ будетъ покоиться въ этомъ зданіи. Въ своемъ внутреннемъ устройствѣ эти компаніи походили на погребальныя коллегіи: то же дѣленіе членовъ на декуріи съ выборнымъ декуріономъ въ каждой изъ нихъ, тѣ же должностныя лица—жрецъ (sacerdos), казначей (quaestor), секретарь (scriba) и т. д. Компанія имѣла ежемѣсячныя собранія (conventus), въ предсѣдательствѣ куратора, имя котораго при этомъ заносилось въ протоколы засѣданія на ряду съ именами консуловъ.

Число акціонеровъ въ разныхъ компаніяхъ было различно **, и лаи въ построенныхъ колумбаріяхъ опредѣлялись суммой

---

* Помяловскій указ. соч. стр. 105 и слѣд.

** Одинъ изъ колумбаріевъ выстроенъ былъ тридцатью шестью лицами, какъ значится въ надписи сохранившей намъ и годъ построенія, обозначенный именами консуловъ Децима Лелія и Гая Антистія, что равняется 748 году города или 6 до Р. Хр. *Corp. inscr. Lat.* VI, 2 ч., № 11.034.

внесеннаго капитала. Весь колумбарій обыкновенно дѣлился по жребію на равныя части. Какая была наименьшая единица, мы не знаемъ; но есть указаніе что лайщикъ владѣлъ всего одною нишей съ двумя урнами. * Едва ли стóитъ прибавлять что это былъ наиболѣе бѣдный вкладчикъ. Обыкновенно же въ виду выгодности предпріятія лайщики заботились о возможно большемъ надѣлѣ въ колумбаріи: такъ напримѣръ въ одной надписи говорится о 68 урнахъ принадлежащихъ одному лицу. ** Паи полученные при жеребьеваніи или, что̀ случалось рѣже и при особыхъ обстоятельствахъ, по опредѣленію совѣта декуріоновъ, поступали потомъ въ неограниченную собственность вкладчика. А такъ какъ цѣлію этихъ колумбарныхъ построекъ было наиболѣе выгодное помѣщеніе капитала, то естественно что полученныя въ надѣлъ мѣста потомъ продавались нуждающимся лицамъ съ возможною пользой. Куливтій являлся полнымъ собственникомъ ниши и урнъ и могъ по своему желанію и вкусу украшать ихъ. Украшенія состояли въ постройкѣ особыхъ фронтоновъ къ нишамъ, обыкновенно при этомъ расписывавшимся красками и живописью; въ постановкѣ, вмѣсто глиняныхъ урнъ, мраморныхъ и стеклянныхъ вазъ; въ помѣщеніи бюстовъ покойниковъ, въ прикрѣпленіи постоянныхъ лампадъ и т. п. Такія пристройки отличаются конечно разнообразіемъ въ своихъ размѣрахъ и формахъ. ***

Колумбаріи служили мѣстомъ погребенія людямъ не обладавшимъ средствами для покупки себѣ отдѣльной усыпальницы. Но въ Римѣ была огромная масса бѣдняковъ, которой недоступны были и эти дешевыя гробницы и которая умирала не оставивъ никакихъ средствъ на погребеніе. Для такихъ людей существовали въ ближайшихъ окрестностях Рима † общественныя мѣста принимавшія покойниковъ безплатно. Хоронили тамъ между прочимъ въ большихъ колодцеобразныхъ ямахъ, причемъ одинъ трупъ просто накладывался на другой и предоставлялся здѣсь тлѣнію. Могилы этого

---

* Помяловскій указ. соч. стр. 222.

** Тамъ же стр. 118.

*** См. Campana *Di due sepolcri Romani del secolo di Augusto*. Roma 1840. Рисунокъ изъ труда Кампаны повторенъ у Daremberg и Saglio *Dictionn.* стр. 1337.

† Frontin. ap. Lachm. *Gromat. Vet.* p. 55, 8. Ср. p. 21, 15; 86, 9.

рода, носившія названіе puticuli *, въ недавнее время найдены въ Римѣ и своими размѣрами доказываютъ что онѣ разчитаны были на возможно большее количество труповъ. По формѣ это были четыреугольныя ямы около 4 метровъ въ длину и около 5 въ ширину; глубина ихъ при отсутствіи настилки каменныхъ половъ хотя и не можетъ быть опредѣлена съ точностію, но мы должны предполагать ее значительною, если такія общія могилы предназначались служить вмѣстилищемъ большаго числа труповъ **. Даровыя кладбища для бѣдныхъ находились на Эсквилинскомъ холмѣ, на такъ-называемомъ campus Esquilinus, который служилъ этой цѣли до Августа. Гигіеническія условія заставили тогда отодвинуть черту такого кладбища далѣе отъ города ***, причемъ самое поле превращено было въ паркъ. Преданіе называетъ здѣсь реформаторомъ Мецената, который повидимому первый началъ засаживать эту мѣстность деревьями и разводить тамъ сады †. Примѣру его затѣмъ слѣдовали другіе, какъ можно судить по позднѣйшимъ названіямъ различныхъ садовъ, здѣсь находившихся, напримѣръ horti Pallantini (сады Палласа, отпущенника императора Клавдія), horti Spei veteris и пр. †*.

Грустную конечно картину на этомъ плебейскомъ кладбищѣ представляли колодцеобразныя ямы съ своими многочисленными трупами, наваленными одинъ на другой; но зрѣлище дѣлалось еще ужаснѣе, если мы вспомнимъ что тѣла преступниковъ понесшихъ смертную казнь не удостоивались въ древнемъ Римѣ внесенія даже въ эти ямы, а бросались прямо на землю и оставались здѣсь на съѣденіе псамъ, хищнымъ звѣрямъ и птицамъ †**. Лишеніе погребенія у Римлянъ считалось наиболѣе страшнымъ наказаніемъ.

---

* Varro *L. L.* V, 25. Paul. Festi p. 216 (ср. Fest. p. 217). Comment, Cruquianus *ad Horat. Sat.* I, 8, 11.

** *Bull. della Commiss. Archeol. municip. di Roma* III, стр. 43.

*** Porphyrio *ad Horat.* I, 8, 14. Ср. Tac. *Annal.* II, 32; X, 60. Sueton. *Claud.* 25, откуда видно что мѣста казни преступниковъ въ императорское время находились за Эсквилинскими воротами.

† Porphyrio *ad Horat. Sat.* I, 8, 7 и Comment. Cruquianus *ad Horat. Sat.* I, 8.

†* Frontin. *de Aquis* I, 20; II 68. Lamprid. *Heliohab.* 13. Ср. *Bullet. della Comiss. Archeol. municip. di Roma* II, стр. 55 и слѣд.

†** Horat. *Epod.* 5, 99; *Sat.* I, 8, 17. Ср Dionys. XX, 16.

Разсмотрѣнныя выше гробницы служили для храненія останковъ покойниковъ, а поставленные надъ ними памятники увѣковѣчивали имена тѣхъ кто погребенъ былъ подъ ними. Но наряду съ этими были у Римлянъ памятники не заключавшіе въ себѣ праха покойниковъ и стоявшіе не надъ могилами ихъ. Это были „пустые надгробные памятники“ (cenotaphia) которые иногда сооружались или потому что покойникъ похороненъ въ другомъ мѣстѣ, или потому что неизвѣстно мѣсто его погребенія, какъ это напримѣръ бываетъ съ павшими на войнѣ. Примѣромъ кенотафія перваго рода служитъ памятникъ воздвигнутый въ Галліи императору Александру Северу, тѣло котораго привезено въ Римъ и тамъ похоронено *. Памятникъ втораго рода представляетъ курганъ насыпанный Германикомъ въ честь легіоновъ Вара, павшихъ въ битвѣ съ Арминіемъ **.

Гробницы и поставленные надъ ними памятники имѣли для Римлянъ священное значеніе. Понятіе святости въ латинскомъ языкѣ выражалось словами sacrum, sanctum, sacrosanctum и religiosum. Sacrum было все принадлежавшее богамъ, какъ храмъ, жертвенникъ и вся церковная утварь; *** значеніе sacrum получало также все, по опредѣленію государства, освященное понтификами посредствомъ обряда consecratio. Sanctum, по понятіямъ древнихъ, было то что, не принадлежа ни богамъ ни людямъ, законнымъ опредѣленіемъ (sanctio) объявлялось неприкосновеннымъ: † таковы были стѣны Рима, муниципій и колоній, которыхъ нельзя было переступать, ни употреблять для построекъ, ни портить; †* таковы были всѣ законы, нарушеніе которыхъ влекло за собою наперед опредѣленное наказаніе (leges sanctae, sanctae leges), †** Если нарушеніе наказывалось смертью, то лицо и вещь находившіяся подъ охраной этого закона назывались sacrosanctus,

* Lamprid. *Alexander Sever.* 63. Памятникъ этого рода также воздвигнутъ былъ римскимъ войскомъ въ Галліи близъ Рейна Друзу въ видѣ почетнаго кургана, tumulus honorarius, какъ называетъ его Светоній (*Claud.* 1).

** Tac. *Annal.* I, 61.

*** Macrobius III, 3. 2; Fest. p. 321.

† Dig. I. 8, 9, 3.

†* Fest. p. 278, 284. Cic. *de D. N.* III, 40, 94, Dig. I, 8, 9, 11.

†** См. Macrobius III. 3, 6. Serv. *da Aen.* VIII. 382. Dig. I, 8, 9 § 3; XLVIII. 19. 41.

sacrosancta (tribuni sacrosancti; foedus sacrosanctum; possesio sacrosancta). * Religiosum называлось то что по собственной природѣ было защищено отъ недостойнаго отношенія. Оттого въ dies religiosus преторъ не творилъ суда, жрецы не приносили жертвъ, частное лицо не совершало никакого важнаго дѣла; оттого locus religiosus не могъ быть употребляемъ для жилья, на него нельзя было вступать безъ особеннаго чувства благоговѣнія; иногда такое мѣсто огораживалось и чрезъ то объявлялось недоступнымъ. **

Къ числу loca religiosa принадлежали, между прочимъ, могилы и поставленные надъ ними памятники. Священное значеніе ихъ опредѣляется и связью съ богами Манами. *** Въ силу этого всякое враждебное дѣйствіе по отношенію къ кладбищу считалось большимъ преступленіемъ за которое, смотря по обстоятельствамъ, слѣдовали въ законодательствѣ имперіи смертная казнь, ссылка, работа въ рудникахъ, отсѣченіе рукъ, конфискація имущества и лишеніе правъ состоянія, денежная пеня и предоставленіе божескому наказанію. Святости кладбищъ нанесилось безчестіе когда кто-либо намѣренно разрушалъ памятникъ и лишалъ его украшенія. Одинаковую вину совершалъ бравшій камни и все остальное принадлежащее гробницѣ съ тѣмъ чтобы воспользоваться этимъ какъ строительнымъ матеріаломъ для своихъ личныхъ цѣлей. Считалось преступленіемъ, если кто злонамѣренно завладѣвалъ чужою усыпальницей съ цѣлію поселенія на этомъ мѣстѣ. Оскорбленіемъ святости жилища Мановъ было и самовольное внесеніе въ чужое кладбище посторонняго покойника. † Если противорелигіозный характеръ имѣли поступки отно-

* Liv. III, 55. Cic. *p. Balbo* 14, 32. Cic. *in Catil.* II 8, 18 и др.

** Fest. p. 278, 289. Gaius II, 2, 6 слѣд. Gell. IV, 9. Dig. XI, 7, 2.

*** Fest. p. 278, 289. Cic. *de Legibus* II, 22, 55. Gaius II, 4. Dig. X, 7, 2 начало и § 5, XI, 8, 1 § 7.

† Различные виды оскорбленія святости Мановъ и нарушенія права усыпальницъ весьма часто предупреждаются надписями: Wilmanns yk. kn. стр. 692 и слѣд. Не могъ конечно быть обойденъ этотъ вопросъ и римскими юристами и законодательствомъ. Pauli *Sent.* I, 22, 4 и слѣд. Cod. Theod. IX, 17. Cod. Iustin. IX, 19. Dig. XLVII, 12, подъ общимъ заглавіемъ: De sepulchro violato. Ср. Dig. XI, 7, 8. См. Ferrini *De Iure sepulcr. apud Romanos.* Bononiae 1883. Fayout *Du Ius sepulcri.* Paris. 1884. Daniel-Lacombe *Le Droit funéraire à Rome.* Paris. 1886.

сившіеся къ могиламъ и надгробнымъ памятникамъ, то тѣмъ большее осквернение святыни наносилъ тотъ кто касался праха покойниковъ, вынималъ его изъ могилы, а равно раскалывалъ ихъ съ цѣлью похищенія оттуда одежд съ умершаго, денегъ и цѣнныхъ украшеній положенныхъ съ нимъ. Нечего прибавлять что и законъ и общественное мнѣніе казнили тѣхъ колдуновъ и чародѣевъ которые разрывали могилы, отрѣзывали у покойниковъ частички тѣла или уносили съ собою прахъ изъ урнъ чтобы потомъ пользоваться этимъ въ своей презрѣнной практикѣ. * Нельзя было также переносить прахъ покойниковъ, безъ нужды, изъ одной гробницы въ другую.

VI.

Надгробныя надписи Римлянъ.

Въ предшедшемъ очеркѣ мы не разъ касались надгробныхъ надписей и черпали изъ нихъ такія указанія которыя или подтверждали свидѣтельства древнихъ авторовъ, или дополняли исторію римскаго погребальнаго культа новыми данными. Значеніе надписей этого класса такъ велико что изученіе римской древности въ области религіи, частнаго и общественнаго быта и права невозможно въ настоящее время безъ внимательнаго отношенія къ многообразнымъ фактамъ представляемымъ этою литературой камней, уцѣлѣвшихъ для новаго міра отъ римскихъ гробницъ всякаго рода и наименованія. Заключимъ нашъ очеркъ нѣсколькими общими замѣчаніями объ этихъ надписяхъ. **

Надгробные камни разсѣяны были въ несмѣтномъ количествѣ по всему міру, куда только заходило римское оружіе и

---

* Tac. *Annal.* II, 69. Quintilian. *Declam.* XV. Apuleius *Metam.* II, 20; III, 17 и др. писатели.

** Wilmanns указ. соч. стр. 49 и слѣд. 678 и слѣд., Indices къ Corp. inscr. Lat. I стр. 645 и слѣд. II стр. 774 и слѣд. V стр. 1.208 и слѣд. IV стр. 338 и слѣд. VIII стр. 1111 и слѣд. IX стр. 804 и слѣд. X стр. 1176 и слѣд. Hübner въ Iwan Müller's *Hadbuch d. klass. Alterthumswiss.* 1886. I стр. 527 и слѣд. Cagnat *Cours élementaire d'Epigraphie Latine.* Paris 1886, стр. 139 и слѣд. Въ виду болѣе спеціальнаго характера этого вопроса, мы выдѣлили нижеслѣдующее изложеніе въ особую главу.

римская колонизація. Несмотря на разрушительную силу времени и людскаго варварства, еще и нынѣ Англія, Бельгія, Франція, Испанія, западная и южная Германія, Швейцарія, Австрія, при-Дунайскія земли и различныя области Турціи и Греціи представляютъ огромное количество сохранившихся до нашего времени надписей Римлянъ. Нечего говорить объ Италіи, доселѣ служащей неисчерпаемымъ рудникомъ этого рода. Далѣе, надгробные камни идутъ изъ сѣверной Африки, съ острововъ Средиземнаго моря и изъ передней Азіи. Въ общей сложности надгробныя надписи изданныя доселѣ достигаютъ до ста тысячъ, и это число увеличивается съ каждымъ днемъ новыми находками и дополненіями.*

---

* Въ пятидесятыхъ годахъ Берлинская Академія Наукъ выработала планъ полнаго изданія всѣхъ древнихъ латинскихъ надписей и потомъ болѣе тридцати лѣтъ съ удивительною настойчивостью приводила его въ исполненіе. Результатомъ этой энергіи явился *Corpus inscriptionum Latinarum*, завершающійся на нашихъ дняхъ. Это колоссальное изданіе служитъ памятникомъ не только великой настойчивости нѣмецкихъ филологовъ, заставлявшей ихъ столько времени терпѣливо идти къ разъ поставленной цѣли, но и глубокой ихъ эрудиціи. Безъ этого изданія, стоившаго Берлинской Академіи Наукъ столькихъ научныхъ экспедицій, невозможна теперь никакая серіозная работа по римской исторіи и римской филологіи вообще. Во главѣ дѣла собиранія копій съ надписей путемъ личнаго знакомства съ памятниками и изданія ихъ въ свѣтъ стояли Моммзенъ, Генценъ и Гюбнеръ, къ которымъ послѣ присоединились младшіе ихъ товарищи Цангемейстеръ, Гиршфельдъ, Бормannъ и др. По первоначальному плану, первенствующимъ лицомъ вмѣстѣ съ Моммзеномъ и Генценомъ долженъ былъ стоять и покойный Ричль, котораго лишь случайное обстоятельство заставило устраниться отъ этого дѣла послѣ появленія его знаменитыхъ *Priscae latinitatis Monumenta Epigraphica*.

Весь *Corpus* разчитанъ на 14 томовъ; эпиграфическій матеріалъ расположенъ въ немъ слѣдующимъ образомъ:

Vol. I. Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Ed. Th. Mommsen. 1863.

Tabulae Lithographae. Priscae latinitatis Monumenta Epigraphica. Ed. Fr. Ritschelius. 1862.

Vol. II. Inscriptiones Hispaniae Latinae. Ed. E. Huebner. 1869.

Vol. III. Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae. Ed. Th. Mommsen. 1873. *Pars prior*: inscriptiones Aegypti et Asiae, inscriptiones provinciarum Europae Graecarum, inscriptionum

Разсматривая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, мы замѣчаемъ что размѣры ихъ мало-по-малу растутъ съ теченіемъ времени. Въ высшей степени краткія въ древнѣйшемъ періодѣ, онѣ потомъ разрастаются до весьма подробнаго перечня заслугъ покойника и такимъ образомъ превращаются въ хвалебное ему свидѣтельство. Не мало надписей этого рода начертано въ стихотворной формѣ различныхъ размѣровъ, и эти примѣры начинаются для насъ въ концѣ V ст. Рима. Такое прогрессивное измѣненіе объема и характера

Illyrici, partes I—V comprehendens. *Pars posterior*: inscriptionum Illyrici, partes VI, VII, res gestas divi Augusti, edictum Diocletiani de pretiis rerum, privilegia militum veteranorumque, instrumenta Dacica comprehendens.

Vol. IV. Inscriptiones parietariae Pompeianae, Herculanenses, Stabianae. Ed. K. Zangemeister. 1871.

Vol. V. Inscriptiones Galliae Cisalpinae Latinae. Ed. Th. Mommsen. *Pars prior*: inscriptiones regionis Italiae decimae comprehendens. 1872. *Pars posterior*: inscriptiones regionum Italiae undecimae et nonae comprehendens. 1873.

Vol. VI. Inscriptiones urbis Romae Latinae. Collegerunt G. Henzen et J. B. de Rossi. *Pars prima*. Ed. E. Bormann et G. G. Henzen. 1876. *Pars secunda*. Ed. E. Bormann, G. Henzen, Chr. Hülsen. 1882. *Pars tertia*. Ed. тѣже. 1886. *Pars quinta*. Inscriptiones falsae urbi Romae attributae. Ed. тѣже. 1885. *Pars sexta*. Inscriptiones instrumenti domestici urbis Romae Latinae. Ed. H. Dressel. 1886. Остальныя части печатаются.

Vol. VII. Inscriptiones Britanniae. Ed. E. Hübner. 1873.

Vol. VIII. Inscriptiones Africae Latinae. Collegit G. Wilmanns. 1881. *Pars prior*: inscriptiones Africae proconsularis et Numidiae comprehendens. *Pars posterior*: inscriptiones Mauretaniarum comprehendens.

Vol. IX. Inscriptiones Calabriae, Apuliae, Samnii, Sabinorum, Piceni Latinae. Ed. Th. Mommsen. 1883.

Vol. X. Inscriptiones Bruttiorum, Lucaniae, Campaniae, Siciliae, Sardiniae Latinae. Ed. Th. Mommsen. 1883. *Pars prior*: inscriptiones Bruttiorum, Lucaniae, Campaniae comprehendens. *Pars posterior*: inscriptiones Siciliae et Sardiniae comprehendens.

Vol. XI. Inscriptiones Aemiliae, Umbriae, Etruriae Latinae. Ed. Eugenius Bormann.

Vol. XII. Inscriptiones Galliae Narbonensis Latinae. Ed. Otto Hirschfeld.

Vol. XIII. Inscriptiones trium Galliarum et duarum Germaniarum Latinae. Ed. Otto Girschfeld et K. Zangemeister.

Vol. XIV. Inscriptiones Latii antiqui Latinae. Ed. Herm. Dessau.

Послѣдніе четыре тома печатаются.

надписей совершалось постепенно и мало-по-малу, хотя по имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи матеріалу и трудно прослѣдить этотъ путь. Но еще въ V и VI вѣкахъ римскаго лѣточисленія или III и II столѣтіяхъ до Р. Хр. эпитафія представляетъ еще голое имя умершаго лица.

C. TVRPLEIO. C. F.
т.-е. Caius Turpleius Cai filius Гай Турплей сынъ Гая.
Q. FOVRIO. A. F.
т.-е. Quintus Furius Auli filius Квинтъ Фурій сынъ Авла.
C. FOVR
т.-е. Caius Furius Гай Фурій.
CN. FOVRIO
т.-е. Cnaeus Furius Гней Фурій.
L. ANICI. V. F.
т.-е. Lucius Anicius Vibii filius Луцій Аниціи сынъ Вибія.
M. APTRONIO. M. F
т.-е. Marcus Aptronius Marci filius Маркъ Антроній сынъ Марка.
C. AVILIOS
т.-е. Caius Avilius Гай Авилій

—вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ краткихъ надгробій, найденныхъ на мѣстѣ древнихъ городовъ Тускулума и Пренесте и принадлежащихъ указанной эпохѣ. * При нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ, какъ мы видимъ, нѣтъ даже обычнаго отчества. И столь краткія надписи не составляютъ какого-либо одиночнаго или исключительнаго явленія. Тождественные примѣры изъ слѣдующаго (VII) столѣтія города читаются на надгробныхъ камняхъ не только Рима ** и Лаціума, *** но и въ Этруріи, † Умбріи, Пиценской области, †* Самніумѣ; †** они не

* *Corp. inscr. Lat.* I, №№ 65—72; 74—165 Addend. № 1.501 a—д. Ephem. Epigr. I №№ 25—131. Wilmanns yk. соч. №№ 152, 153. См. тождественные по краткости примѣры этого періода принадлежащіе самому Риму въ *Annali dell'Instituto archeol.* 1879 стр. 253 и слѣд. 1880 стр. 265 и слѣд.

** *Corp. inscr. Lat.* I, №№ 1.011; 1030; 1.036; 1.048; 1.054; 1.066 и др. VI, 2 ч. №№ 11. 012; 11.023; 12.197 и т. д.

*** *Corp. inscr. Lat.* I, №№ 1.127; 1.128.

† *Ibid.* №№ 1.346; 1.349; 1.348; 1.360 и др.

†* *Corp. inscr. Lat.* I, №№ 1.414—1.417; 1.420; 1.423; 1.427. XI, №№ 872; 874 (см. цитату на послѣдній томъ у Hübner указ. соч. стр. 528).

†** *Corp. inscr. Lat.* IX №№ 2.310, 2.802, 3.827, 4.251 и др.

чужды также надписямъ Цизальпинской и Трансальпинской Галліи * и Испаніи. ** Собственное имя стоитъ при этомъ обыкновенно въ именительномъ падежѣ; форма родительнаго падежа является рѣже, сначала въ женскихъ именахъ *** и позднѣе, именно съ VII столѣтія, въ мужскихъ. †

Изъ этого первоначальнаго ядра постепенно развиваются всѣ обширныя эпитафіи послѣдующаго времени. Такъ въ надписи ставится званіе умершаго лица, получаетъ здѣсь мѣсто и обозначеніе государственныхъ должностей пройденныхъ покойникомъ. Въ концѣ надписи начинаютъ появляться выраженія обозначающія кончину или мѣсто погребенія (obiit, heic situs est, heic cubat), день смерти или внесенія праха въ усыпальницу. Въ эпитафію входитъ также указаніе возраста покойника, размѣровъ гробницы и много другихъ частностей. Съ вѣка Августа эпитафія превращается въ посвященіе Манамъ, имя которыхъ въ республиканскихъ надгробныхъ надписяхъ читается лишь весьма рѣдко. †* Съ этого времени обыкновенно надпись начинается словами: Manibus, Dis Manibus, Dis Manibus sacrum или, въ послѣдствіи, гораздо чаще простыми сокращеніями: D. M. или D. M. sacrum, D. M. S. Вмѣсто этой обычной и повсюду распространенной формулы стоятъ иногда аналогическія и позднѣе появившіяся въ употребленіи выраженія: Diis Inferis, Dis Manibus et Genio, Dis Manibus et memoriae, Dis Manibus et memoriae aeternae, Dis Manibus perpetuae securitati, Dis Manibus et quieti aeternae и т. л., причемъ въ наибольшей части примѣровъ боги Маны обозначаются сокращенно. Рѣдко стоитъ это посвященіе не въ началѣ надписи и еще рѣже встрѣчаемъ опущеніе имени Мановъ. †**

Вслѣдъ за этими формулами ставится имя умершаго лица съ упоминаніемъ (или безъ него) его происхожденія, трибы,

---

* *Corp. inscr. Lat.* V №№ 2.316—2.372, 3.900 и др. XII №№ 1.038, 1.714 (заимствуемъ цитату у Hübner указ. соч. стр. 527).

** *Corp. inscr. Lat.* II №№ 1.586—1593, 3.294.

*** *Corp. inscr. Lat.* I №№ 109, 122, 147, 157 *Ephem. Epigr.* I №№ 49, 119, 125.

† *Corp. inscr. Lat.* VI №№ 8.216, 8.245, 8.313 и др.

†* *Corp. inscr. Lat.* I № 1.410; V №№ 2.915, 7.747; VI 13. 534.

†** Ср. Wilmanns. указ. соч. стр. 681, гдѣ можно видѣть имена и другихъ божествъ, которымъ посвящались надгробной надписи.

коей принадлежалъ онъ, его званія или должностей которыя онъ несъ въ Римѣ, муниципіяхъ и провинціяхъ. Это имя стоитъ обыкновенно въ именительномъ или родительномъ падежахъ и рѣже въ дательномъ. Въ первомъ случаѣ онъ составляетъ подлежащее къ слѣдующему далѣе глаголу vixit или situs est и под. Во второмъ онъ зависитъ отъ Dis Manibus; форма дательнаго падежа употребляется въ надписяхъ имѣющихъ какъ бы видъ почетныхъ эпитафій. За именемъ слѣдуетъ часто обозначеніе возраста словами annorum и цифрою, выраженіями vixit annis или рѣже annos (чаще только въ сокращеніи съ соотвѣтственнымъ числомъ). Не рѣдко при этомъ обозначаются мѣсяцы и даже дни и часы—послѣднее особенно въ надгробныхъ надписяхъ дѣтей. Обычная формула vixit annis иногда замѣняется сходными по значенію defunctus annorum, obitus annorum (число); abcessit, decessit, abreptus est, debitum naturae reddidit annos natus (слѣдуетъ число), annos agens (число), annum agens (число). На эпитафіяхъ солдатъ отмѣчается обыкновенно количество прослуженныхъ лѣтъ: stipendiorum (число), aerum (число); militavit annis (число).

За возрастомъ иногда ломѣщается опредѣленіе рода смерти, особенно если онъ необычный, какъ напримѣръ гибель во время пожара (incendio oppressus periit), паденіе черепицы съ кровли дома на голову (tegula prolapsa peremptus), гибель отъ разъяреннаго вола (a tauro deceptus) и пр. Впрочемъ, такія частности встрѣчаются лишь на могилахъ лицъ простаго званія, не имѣвшихъ за собою никакихъ заслугъ, никакихъ отличій, не исправлявшихъ государственныхъ должностей.

Воззваніе къ Манамъ, имя покойника, обозначеніе возраста въ которомъ послѣдовала смерть, составляютъ существенную часть надгробной надписи. Но кромѣ этого здѣсь встрѣчаемъ много другихъ второстепенныхъ чертъ.

1. Таковы указанія что умершій покоится въ той самой могилѣ гдѣ читается надпись: hic iacet (H. I.); hic situs est (H. S. E.); hic cubat (H. C.); hic ossa sunt (H. O. S.); ossa hic sita sunt (O. H. S. S.); hic quiescit (H. Q.); hic adquiescit; hic sepultus (H. S.); hic situs, sepultus est (H. S. S. E.); hic crematus est и пр. *

2. Таковы привѣтствія и пожеланія умершему спокойнаго сна или того чтобы земля не давила его своимъ тяжелымъ

* Wilmanns стр. 52, 729 и слѣд.

покровомъ и пр.: ossa tua bene quiescant (O. T. B. Q.); sit tibi terra levis (S. T. T. L.); opto, volo: sit tibi terra levis (O. S. T. T. L. или V. S. T. T. L.); bonis bene (B. B.) и др. *

3. Обращенія покойника къ прохожимъ и всѣмъ кто прочтетъ надпись и вспомнитъ о немъ: te rogo praeteriens dicas: sit tibi terra levis; tu quis legis valeas; bene valeat is qui hunc titulum perlegit meum. Иногда такія привѣтствія имѣютъ видъ разговора между прошедшимъ къ могилѣ и покойникомъ; такъ первый говоритъ: sit tibi terra levis, на это ему отвѣчаетъ умершій: es, bibe, lude, veni; или have Thais; на это— dii tibi bene faciant; или salve, have, съ одной и vale, vale viator, съ другой стороны. **

4. Указанія различныхъ обстоятельствъ относящихся къ сооруженію усыпальницы или надгробнаго памятника. Если постройка произведена на общественный счетъ и по опредѣленію властей, то пишется publice или publice decreto decurionum, или ex decreto decurionum и др. *** Если затрачивались при этомъ частныя средства, то отмѣчали словами: beneficio, ex auctoritate, ex donatione, testamento (такого-то) и пр. Здѣсь получали мѣсто указанія насчетъ покупки мѣста: locus emptus ex denariis (число), empto loco, насчетъ дара: locus adsignatus a patrono и пр. Къ этой же категоріи должны быть отнесены поименованіе лицъ завѣдывавшихъ устройствомъ: cura, arbitrio, arbitratu (такого-то), curante или curam agente (такимъ-то) и др. Иногда въ концѣ надписи помѣщались и самое опредѣленіе декуріоновъ или распоряженія духовнаго завѣщанія, относящіяся до могилы. †

5. Въ надгробныхъ надписяхъ весьма часто отмѣчается количество земли принадлежащее усыпальницѣ, выражаемое обыкновенно въ футахъ въ ширину по дорогѣ и въ длину по направленію къ полю; въ ширину: in fronte pedes или in frontem pedes (число); въ длину: in agro pedes или in agrum pedes (число); ср. in fronte latum pedes (число), in agro longum pedes (число); huic monumento terra cedit in fronte pedes (число), in agro pedes (число) и др., причемъ обозначенія ширины и длины пишутся обыкновенно въ сокращеніяхъ. (IN. FRONT.

* Wilmanns стр. 57, 692 и слѣд.

** Wilmanns стр. 56; ср. 692 и слѣд.

*** Wilmanns №№ 294 и слѣд.

† Wilmanns №№ 226. 281, 285 и др.

IN. FR. IN. F. I. F. P. и IN. AGR. IN. AG. IN. A. I. A. P. и др.) *

6. Въ надписяхъ надгробныхъ памятниковъ поставленныхъ родственниками, наслѣдниками и друзьями обыкновенно обозначаются имя строителя и его отношенія къ покойнику: pater, pater infelicissimus, parentes desolati, heres ex parte bonorum и др.; или въ видѣ дополненія къ имени умершаго: patri optimo или carissimo; viro honesto; marito optimo amico, coniugi bene merenti (или bene de se merenti, bene de se merito), coniugi carissimo, uxori optimae, coniugi или uxori sanctissimae, filiae dulcissimae; fratri piissimo, patrono indulgentissimo или optimo, или incomparabili и пр. Родственные мотивы выражаются иногда цѣлыми фразами: напр. въ надписи жены *мужу*: cum quo vixit annis (число) sine ulla animi laesione; въ надписи мужа *женѣ*: qui cum ea vixit annis (число) sine querela или de qua nihil queror nisi quod mortua est; въ надписи родителей *сыну*: qui parentes suos, miseros senes, in luctu reliquit. Здѣсь же часто получаютъ мѣсто болѣе краткія выраженія, какъ memoriae или honoris или pietatis causa (или gratia, ergo); pro castitate, pro meritis; ob memoriam custodiendam atque propagandam, ob eximiam castitatem fidemque, ob merita и др. **

7. Надгробныя надписи нерѣдко заключаютъ въ себѣ распоряженія касательно пользованія усыпальницей. Если строитель не желаетъ чтобъ она переходила по наслѣдству родственникамъ, то обыкновенно пишется hoc monumentum heredem non sequetur (въ сокращеніяхъ H. M. H. N. S); или huius monumenti ius heredem non sequitur, neque intra maceriam humari quemquam licet; или съ обозначеніемъ денежной пени за нарушеніе: si quis aliud corpus super posuerit, det fisco denariorum (число) milia и т. д.

8. Предписанія касаются не только права пользованія гробницей, но также иныхъ нарушеній цѣльности и святости ихъ: noli violare; ni violato; rogo te viator monumento huic nil male feceris; huic monumento dolus malus abesto (въ сокращеніяхъ H. M. D. M. A). Иногда Римляне при избирательной агитаціи писали имена своихъ кандидатовъ даже *на надгробныхъ*

* Wilmanns указ. кн. стр. 58 и слѣд. Вообще о сокращеніяхъ въ надписяхъ см. стр. 710 и слѣд.

** Ср. Wilmanns указ. кн. стр. 982 и слѣд.

памятникахъ, и вотъ поэтому случаю встрѣчаемъ просьбу въ надписи не дѣлать этого: ita candidatus fiat honoratus tuus... scriptor si hic non scripseris (Wilm. № 272 и примѣч.). Сами за себя говорятъ предостереженія: ne quis hic urina faciat (Id. № 273) или hospes, ad hunc tumulum ne meias (Orelli № 4.781) и др. въ этомъ родѣ.

9. Въ томъ случаѣ когда гробница была устроена для нѣсколькихъ лицъ, на памятникѣ идетъ перечисленіе покойниковъ въ порядкѣ ихъ возраста, причемъ лицо ставящее памятникъ обозначается или въ началѣ, или въ концѣ, то-есть *такой-то построилъ такимъ-то*... или наоборотъ *такимъ-то и такимъ-то такой-то построилъ*. При перечисленіи замѣчается (хотя конечно далеко не всегда) извѣстная послѣдовательность: мужъ и жена стоятъ раньше дѣтей, сыновья раньше дочерей, имя патрона ставится даже раньше имени мужа; имя мужа раньше брата и сестры.

Въ надписяхъ помѣщались имена не только лицъ похороненныхъ, но и тѣхъ кто долженъ быть погребенъ въ той же гробницѣ послѣ. Для отличія въ этомъ случаѣ ставится часто знакъ V, то-есть vivus, viva или vivit, подлѣ именъ живыхъ и Θ, то-есть obitus, obita или obiit, знакъ для именъ лицъ умершихъ.* Обычаемъ приготовлять усыпальницы заранѣе для нѣсколькихъ человѣкъ и перечислять ихъ въ нарочитой надписи объясняется и тотъ нерѣдкій фактъ что послѣ нѣкоторыхъ именъ не обозначено число прожитыхъ лѣтъ, хотя и оставлено для того особое мѣсто, напримѣръ Q. AFINIVS. FORTVNATVS. P. V. A. Послѣднія три сокращенія значатъ pius vixit annos или annis, причемъ число лѣтъ не показано. Отсутствіе цифры послѣ A получаетъ свое объясненіе въ простой небрежности со стороны наслѣдниковъ** или близкихъ лицъ къ покойнику.

У Римлянъ былъ весьма распространенъ обычай заранѣе приготовлять гробницу для себя и своего семейства и ближайшихъ лицъ. Лица сооружавшія памятникъ надъ такою

---

* О такомъ значеніи Θ латинскихъ надписей см. Hübner *Exempla scripturae Epigraph.* Berl. 1885 стр. LXXIII; *Römische Epigr.* I стр. 529 (въ вышецитованномъ изданіи Iw. Müller'a). Примѣры употребленія V весьма часты, знакъ Θ см. у Wilmanns указ. кн. №№ 158, 475, 1.549, 1.701, 2.614 и др.

** Wilmanns № 171 и примѣч. Ср. №№ 2.471, 2.588, 2.650.

общею усыпальницей заставляли вырѣзать имена всѣхъ тѣхъ кто долженъ быть похороненъ въ этомъ мѣстѣ. Формула этихъ надписей нерѣдко получаетъ такой видъ: D. M. *такой-то* vivus или vivo sibi fecit. Затѣмъ слѣдуетъ перечень всѣхъ членовъ семейства съ указаніемъ возраста лицъ умершихъ, причемъ упоминаніе объ отпущенникахъ и отпущенницахъ съ ихъ потомствомъ обыкновенно занимаетъ послѣднее мѣсто (libertis libertabusque posterisque eorum).

Вотъ существенныя черты которыя мы считали возможнымъ указать для характеристики надгробныхъ надписей Римлянъ. Разбросанныя на огромномъ пространствѣ, онѣ естественно отличаются въ разныхъ странахъ своими особенностями, но перечисленіе ихъ не входитъ въ задачу нашей краткой замѣтки по данному вопросу латинской эпиграфики.

И. ЦВѢТАЕВЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СИБИРСКАГО ОХОТНИКА*

Дубровинъ.

Служа въ Нерчинскомъ краѣ, въ округѣ Карійскихъ золотыхъ промысловъ, я познакомился съ купцомъ Кириловымъ, который въ то время жилъ по сосѣдству въ упраздненномъ Шилкинскомъ сереброплавильномъ заводѣ, имѣлъ свой домъ, лавочку и торговалъ разными разностями, начиная съ дегтя и кончая помадой.

Мѣстная интеллигенція прозвала его „типомъ". И дѣйствительно, это былъ типъ, да еще такой своеобразный къ которому трудно подобрать подходящій дубликатъ. Сибиряки такихъ людей зовутъ *самородками*.

Кириловъ былъ смуглый брюнетъ, средняго роста, широковатъ въ плечахъ и вообще костистъ; съ перваго взгляда чуялось что человѣкъ этотъ какъ будто не принадлежитъ къ общему типу зажирѣвшихъ купцовъ, но чѣмъ-то отдѣляется и отъ мѣщанскаго сословія. Одѣвался онъ тоже какъ-то по своему—не то по-русски, не то по-нѣмецки, и снизу отъ него несло дегтемъ, а сверху либо пачулями, либо Дунаевскою помадой. Говорилъ онъ не торопясь, дребезжащимъ басомъ, въ нотахъ котораго во время душевныхъ волненій проскакивалъ то звонкій фальцетъ, то перекатистое гудѣніе самыхъ толстыхъ струнъ контробаса. Ходилъ онъ тихо, нѣсколько

* См. *Русск. Вѣст.* 1886 года № 1.

въ развалку, и немного присѣдалъ въ колѣняхъ. Всѣ его движенія были точно разчитаны такъ чтобы лишній разъ не повернуться. Складъ рѣчи ровенъ, обдуманъ, — лишняго не услышишь, какъ и не увидишь на его серіозномъ лицѣ ничего не выражающей, пустоцвѣтной улыбки слащавыхъ людей. А между тѣмъ, надо было послушать этого остроумнаго человѣка, когда онъ разговорится по душѣ и когда изъ него польется такая своеобразная рѣчь что невольно хотѣлось бы записывать,—что ни слово, то и рубль. Тутъ и глаза его, и улыбка бывало такъ своеобразно освѣтятъ всю физіономію что невольно залюбуешься имъ.

Кириловъ былъ охотникъ тоже по-своему: то цѣлый годъ не возьметъ въ руки ружья, то зарядитъ такъ что шляется за промысломъ чуть не каждый день.

Охотничье оружіе его составляли неизвѣстной работы старинный одностволъный дробовикъ и гроздевая винтовка, едва ли не временъ Ермака Тимоѳеевича.

Бывало спросишь его: — Что же это вы ходите съ такою стариной и не заведете себѣ чего-нибудь новенькаго, хорошенькаго?

— А зачѣмъ же мнѣ новенькое-съ, коли старое хорошо. Вотъ еслибъ Агличане знали что у Кирилова въ Сибири есть такое оружіе которое бьетъ безъ промаха, навѣрное пріѣхали бы въ Шилку (заводъ) посмотрѣть на диковину.

И точно, какъ дробовикъ, такъ и винтовка его били умопомрачительно. Сколько разъ я просилъ его дать мнѣ выстрѣлить изъ нихъ хоть по цѣли, но всегда получалъ такой отвѣтъ:

— Зачѣмъ же-съ? Вѣдь я вашими хорошими ружьями не люболытствую; ваши дорогія, на аглицкой мази поустроены, а мои простые—деготкомъ полахиваютъ.

— Такъ вѣдь я ихъ не испорчу, Семенъ Трифонычъ!

— Знаю что не испортите, только мнѣ тятенька не велѣлъ; а вотъ промышлять поѣдемте, если желаете.

Пришлось и поохотиться съ нимъ. Разъ ѣздили за утками и за гусями, а два раза промышляли въ горахъ за косулями.

Вотъ тутъ-то мнѣ и довелось видѣть диковинный бой этихъ самолововъ. Еслибъ я не видалъ этого своими глазами, никому бы другому не повѣрилъ. Кириловъ нерѣдко билъ гусей изъ своего дробовика простою „самодѣлкой“ (дробью своего приготовленія) *сажень на сорокъ* и билъ такъ что пораженная

лтица никогда не трепыхалась, а какъ хватитъ, такъ точно она и жива никогда не бывала—словно громомъ пришиблена. Косуль же на высокихъ горахъ Кириловъ доставалъ изъ винтовки саженъ за полтораста, и звѣрь либо тотчасъ падалъ мертвымъ, либо ложился подранкомъ и не уходилъ съ мѣста.

Такого хладнокровія, какъ у Кирилова на охотѣ, я никогда не встрѣчалъ; а его терпѣнію нельзя было не удивляться. Онъ по цѣлымъ часамъ скрадывалъ, напримѣръ, гусей или косуль и никогда, по крайней чѣрѣ при мнѣ, не лугалъ ихъ; причемъ, конечно, помогала ему дальнобойность его самопаловъ. За то онъ отнюдь не позволялъ себѣ скрадывать дичь въ тѣхъ случаяхъ когда приходилось идти на авось. Положимъ что это прямой разчетъ каждаго хладнокровнаго охотника, но какъ утерпѣть и не попробовать хотя бъ и на авось?..

— А зачѣмъ же-съ и время терять? говаривалъ онъ.

Но часто случалось и такъ что по моему мнѣнію нечего было и думать чтобы скрасть дичь; а Кириловъ сообразитъ мѣстность, попроситъ тебя остаться на извѣстной точкѣ, на виду у дичи, а самъ пойдетъ или полозетъ скрадывать, и глядишь его трудъ увѣнчается успѣхомъ. Это не что иное, какъ знаніе характера дичи и умѣнье сообразить въ данную минуту и направленіе вѣтра, и мѣстныя условія. Словомъ, нельзя было не учиться у него особой смекалкѣ, терпѣнію и завидному хладнокровію...

Однажды, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, мнѣ довелось ѣхать изъ города Нерчинска, чрезъ большое Бянкинское село, въ Нерчинскій заводъ. Надо замѣтить что станція изъ села Бянкина довольно большая,—не менѣе тридцати съ чѣмъ-то верстъ,—и на дорогѣ приходится переѣзжать высокій и лѣсистый хребетъ, гдѣ на длинномъ подъемѣ нерѣдко бывали въ мое время ужасные грабежи и проѣзжающихъ, и почтъ, случались неоднократно и убійства. Этотъ лѣсистый кряжъ горъ носитъ и донынѣ названіе Борщевскаго хребта, а въ обыкновенномъ разговорѣ зовется просто *Борщевкой*.

Поднимаясь длиннымъ тянигусомъ въ гору, на многихъ крутизнахъ ямщики по необходимости везутъ шагомъ, и вотъ въ этихъ-то пунктахъ чаще всего и бываютъ несчастія или, точнѣе сказать, наладенія. Зная впередъ о предстоящемъ долгомъ пути, я приготовился было спать, но колотившая дорога такъ била мой тарантасъ что я никакъ не могъ уснуть и меня частенько перебрасывало изъ одного угла въ другой.

— Ну и дорожка! сказалъ я, закуривая папиросу.

— Бѣда, баринъ, чистое убойство, никакъ нельзя и днемъ тутъ поторопиться, а не только ночью; еще хорошо хоть мѣсяцъ-то свѣтитъ, проговорилъ обернувшійся ко мнѣ ямщикъ, досталъ изъ лазухи трубку, набилъ тютюномъ и попросилъ у меня огонька.

— У тебя, ваше благородіе, есть съ собой оборона? спросилъ онъ.

— Есть и ружье, и револьверъ; а что?

— Да вишь, баринъ, мѣсто-то здѣсь страховитое; сколько разъ и на моей памяти поталивали...

— Да, здѣсь это не долго, дѣйствительно мѣсто самое удобное для разбоя—и концовъ не найдутъ.

— А вотъ, баринъ, поѣдемъ черезъ мостикъ, ручеекъ такой вылазъ изъ хребта, такъ тутъ такая штука случилась!... Года два тому назадъ пріѣхалъ къ намъ въ Банкино купецъ Кириловъ изъ Шилкинскаго завода, такой несуразный, Семеномъ Трифонычемъ зовутъ.

— Ну, ну, знаю я его; черномазый, басомъ говоритъ.

— Вотъ, вотъ, онъ самый и есть!

— Ну такъ что же?

— Да, вишь, пріѣхалъ онъ къ ночи и требуетъ лошадей, а въ ту пору по этимъ мѣстамъ разбойничалъ злодѣй Дубровинъ, что съ каторги бѣжалъ, и сколько онъ грѣха понадѣлалъ, сколько народа побилъ и ограбилъ, а поймать никакъ его не могли. Не разъ доводилось увидать варнака проклятаго, вотъ и побѣгутъ на коняхъ, а онъ, окаянный, увернется въ лѣсъ, только и видѣли; да такъ затянется что и найти не могутъ; поищутъ, поищутъ, да съ тѣмъ же и домой пріѣдутъ.

— А вѣдь я и его зналъ, онъ при мнѣ и въ каторгѣ былъ; такой большой, толстый мужикъ, красивый. Содержался на Средне-Карійскомъ промыслѣ, оттуда и бѣжалъ весною.

— М-мъ! ну, баринъ, большой-то онъ большой, а каковъ на обличье—не знаю, потому видѣлъ я его ночью.

— Ну хорошо, такъ что же Кириловъ-то?

— Да что, требуетъ коней, да и шабашъ! Ужь сколько отговаривали его и смотритель, и мы, ямщики, молъ нельзя ѣхать, ваше почтеніе, боязно! — „А чего, говоритъ, бояться? этакъ всякаго бѣглаго въ Сибири трусить, такъ и ѣздить не слѣдуетъ, сиди себѣ дома“. Какъ мы ни бились, уговорить

не могли, заладилъ одно: запрягай, да запрягай—ну и запрягли; а очередь-то моя была, мнѣ и довелось его везти въ самую полночь; по счастью моему, хоть ночь-то свѣтлая была,—вотъ какъ сегодня...

— Что жь онъ въ своемъ тарантасѣ ѣхалъ или въ почтовомъ?

— Какое въ своемъ—нѣтъ; а вотъ въ такомъ же почтовомъ, какъ и этотъ. Напился на станціи чаю, закусилъ, да и собрался. Сталъ я перетаскивать вещи его, и вижу что у него никакой обороны нѣтъ, а потому пооласился самъ, да и прихватилъ подъ сидѣнье топоръ, такъ на всякій, молъ, случай.

— Такъ неужто и пистолета съ нимъ не было?

— Какъ есть ничего, одинъ чемоданишко, потникъ, да двѣ перовыя подушки. Я какъ отъѣхалъ верстъ десять, оглянулся, а онъ спитъ, какъ убитый, только храпитъ, да мычитъ съ просонья. Сначала-то я думалъ что онъ пьяный; а чего! говорятъ онъ и вина-то совсѣмъ не пилъ. Вотъ я ѣду, да и поглядываю во всѣ стороны—и такъ мнѣ стало что-то жутко; оборотился я, да и давай будить этого кулца: тыкалъ, тыкалъ кнутовищемъ и едва его добылъ—такъ крѣпко уснулъ. „Ты, говоритъ, что, дуракъ этакой, уснуть не даешь"?—„Да ты, молъ, не спи, ваше почтеніе! тутъ мѣсто худое, обороны у тебя нѣтъ, а смотри чтобы чего-нибудь не случилось?"—„Ну, а что можетъ случиться? ты, говоритъ, я вижу хуже бабы! точно тебя зудъ забираетъ, уснуть не даешь". Только онъ это проговорилъ,—смотрю, а у самаго мостика стоитъ человѣкъ, да такой матеріаціи, и машетъ дубиной. Я хотѣлъ проскочить мимо, понуждаю коней, а онъ, оказанный, сталъ посредь дороги, да какъ закричитъ: „стой!" Ну, баринъ, такъ я тутъ испугался что у меня вожжи вывалились изъ рукъ, сердце захолонуло, въ глазахъ потемнѣло, и я ту же минуту остановилъ лошадей, соскочилъ съ козелъ, да и убѣжалъ за кусты.

„— Куды ты, баба яицицкая!" кричитъ это мнѣ Кириловъ, а я притаился, да и сижу за кустомъ, просто онѣмѣлъ! Такъ испугался что никогда со мной ничего такого не случалось. Вотъ и слышу опять:

„— Кто ѣдетъ?

„— А тебѣ что за дѣло? таково спокойно и не торопясь говоритъ Кириловъ, привсталъ съ мѣста и замоталъ вожжи за дужку бесѣдки, а въ это время разбойникъ-то и подошелъ къ самому тарантасу; ну, баринъ, тутъ у меня сердце точно

точно перехватило: вотъ, молъ, сейчасъ лопыснетъ его ножомъ, куда я тогда дѣнусь?

„— Какъ что̀ за дѣло? Да ты знаешь кто я? грозно таково говоритъ душегубецъ-то.

„— И знать не хочу, да и не спрашиваю кто ты, отвѣтилъ Кириловъ.

„— Я, говоритъ, Дубровинъ!

„— Эка штука что ты Дубровинъ! А я кулецъ Кириловъ, Семенъ Трифонычъ.

„Засмѣялся разбойникъ:—кулецъ Кириловъ, да еще Семенъ Трифонычъ, велика птица!

„— А ты что̀ за синица! такъ знаешь ловко передразнилъ въ свою очередь кулецъ этого самаго разбойника.

„— Ну, коли кулецъ, такъ значитъ и деньги есть?

„— Есть, да не про твою честь! Самъ добывалъ какъ тебя не знавалъ, вотъ что̀!

„— Да ты что̀, господинъ кулецъ, алтынный рубецъ, шутишь что-ли?

„— Я-то, братъ, не шучу, а вотъ ты такъ лѣзешь одинъ на двоихъ и не знаешь того что я тебя давно бы могъ застрѣлить какъ собаку, да видишь, не хочу этого, понялъ?

„— А ты, говоритъ, господинъ кулецъ, не понялъ того что я бы тебя давно ужь на ножъ посадилъ коли бъ ты мнѣ по душѣ не пришелся.

— Ну, это еще кто кого... А ты бы попросилъ по чести, если что̀ нужно, вотъ я бы тебѣ и далъ, а то кричишь: „Стой! Кто ѣдетъ?“ да еще бахвалишься и рѣчи ведешь непристойныя, думаешь испугать. Нѣтъ, голубчикъ, я не изъ трусовъ, а вотъ коли я тебѣ по душѣ, такъ брось ножъ, да и побратаемся честнымъ манеромъ; вотъ если ты осилишь, то я тебѣ и отдамъ что̀ у меня есть.... А то ты на залуги берешь, думаешь что я струшу!...

„— И смѣшной же ты, Семенъ Трифонычъ! еще вперные такого вижу; ну-ка выходи, да давай брататься, коль охота пришла.

„— А вотъ постой! говоритъ спокойно Кириловъ,—дай прираздѣться.

„— Раздѣнься, раздѣнься! А мнѣ такъ и этакъ ладно, говоритъ Дубровинъ, а самъ такъ и хохочетъ.

„Вотъ думаю, баринъ, гдѣ бѣда-то пришла: вѣрно сѣдокъ-то у меня съ перепугу рехнулся; не знаю что̀ мнѣ и

дѣлать: то-ли бѣжать, то-ли Богу молиться, а самъ такъ и трасусь.

— Однако, братъ, все это ты врешь! сказалъ я ямщику.

— А вотъ, баринъ, убей меня Господь на семъ мѣстѣ если я тебѣ соврялъ хоть въ единомъ словѣ! проговорилъ ямщикъ, снялъ шапку и перекрестился.—Коли ты Кириллова знаешь, такъ спроси его самъ про это дѣло, вотъ и увѣришься. Такъ вотъ вишь, ваше благородіе, Кириловъ-то вылѣзъ изъ ловозки, встряхнулъ этакъ плечами, да и говоритъ:—„Ну, давай, Дубровинъ, лобратуемся!

„Взялись они въ охалку и стали ходить,—вотъ и такъ, вотъ и этакъ,—но другъ друга уронить не могутъ. А у меня сердце замираетъ, самого потягивать стало—такъ бы кажется и ломогъ Кириллову, да боюсь и лошевелиться; только трасусь отъ зарвости, да гляжу что будетъ, а при лунномъ-то сіяніи мнѣ все и видно что у нихъ дѣется. Вотъ слышу который-то изъ нихъ пыхтитъ, а который—не знаю, различить не могу, то-ли Дубровинъ, то-ли Кириловъ.

„— Нутка бей подъ ногу! говоритъ кулецъ.

„— А, братъ, нѣтъ! изловить хочешь, ну-ка ты вотъ ударь! отвѣчаетъ разбойникъ, а самъ все перебираетъ за опояску.

„Вотъ они значитъ ходили-ходили, ничего другъ съ другомъ подѣлать не могутъ; и подъ ногу ужь бились, а все ничего, только гудитъ какъ ударитъ...

„А тутъ я и слышу, Дубровинъ говоритъ громко таково:

„— Ну, братъ, Семенъ Трифонычъ, сконфузилъ ты меня такъ что хоть въ землю готовъ провалиться; никому я и въ каторгѣ не поддавался, а тебя осилить не могу, давай разойдемся!

„— Ну что жь, давай! а то ложалуй еще походимъ, и мнѣ не охота поддаться.

„— Нѣтъ, братъ, довольно! я ужь пристялъ маленько, да и путь мнѣ далекій, а ты—ничего, да и въ тарантасѣ поѣдешь...

„— Я, говоритъ, ничего; хоть и еще столько же, вотъ вспотѣлъ немного, это отъ того что давно уже не барывался; а ты вотъ не хвастай! сказалъ Кириловъ, отошелъ отъ Дубровина и сѣлъ на пристулъ у ловозки, а Дубровинъ сначала походилъ, помахалъ руками и присѣлъ на дорогѣ на травку.

„Ну, думаю, теперь что у нихъ будетъ? Вотъ смотрю, Дубровинъ снялъ съ себя крестъ, да и говоритъ:

„— Хоть ты и осрамилъ меня, Семенъ Трифонычъ, а пришелся мнѣ по душѣ, вѣкъ тебя не забуду и будемъ мы съ тобой крестовые братья... Давай ломѣняемся съ груди крестами, согласенъ? Не обидь и не гнушайся тѣмъ что съ Дубровина!

„— Давай, братъ, давай! и Господь не гнушался разбойникомъ, а мнѣ и подавно.

„Тутъ Кириловъ растегнулся, снялъ съ себя крестъ, поцѣловалъ и отдалъ Дубровину, а тотъ принялъ отъ него и отдалъ свой. Значитъ, тутъ же и размѣнялись, поцѣловались и оба, надѣвая, перекрестились.

„— Дай Богъ чтобъ этотъ самый мой крестъ напомнилъ тебѣ, Дубровинъ, что Спаситель простилъ, яко Богъ, покаявшагося на крестѣ и распятаго съ Нимъ разбойника, говоритъ ему Кириловъ...

— А ты грамотный? перебилъ я разсказчика.

— Грамотный, баринъ, только не шибко, сказалъ мнѣ мужикъ:—а что?

— Да такъ, я это вижу, потому и спросилъ; а ты продолжай что дальше у нихъ было.

— Да что, ваше благородіе, было? Дубровинъ выслушалъ этого купца, да и говоритъ: „Охъ, нѣтъ! Семенъ Трифонычъ, мнѣ не будетъ прощенія и на томъ свѣтѣ, а Спасителя тутъ нѣтъ чтобы сейчасъ покаяться, да и умереть тутъ же.

„— Слушай-ка, братъ Дубровинъ, говоритъ ему на это купецъ,—Спаситель вездѣ и все это слышитъ, если твое раскаяніе идетъ отъ сердца; а ты брось-ка свои разбои, явись въ управленіе и покайся во всемъ что ты творилъ. Вѣдь повинную голову и мечъ не сѣчетъ, а земной нашъ Богъ, Государь Александръ II, милостивъ.

„— Вѣрно ты говоришь, Семенъ Трифонычъ, еслибы такъ оно было; но вѣдь до царя далеко, а судить-то меня станетъ не онъ. Нѣтъ не пойду, а стану пробираться домой, тамъ у меня и жена, и ребенокъ остались, жалко!

„— Ну, коли такъ, ступай съ Богомъ, и вотъ тебѣ отъ меня на дорогу.

„Тутъ Кириловъ вынулъ какую-то бумажку и подалъ Дубровину, но вѣдь онъ, баринъ, не взялъ, а отдалъ ее назадъ, да и говоритъ:

„— Нѣтъ, Семенъ Трифонычъ, не возьму я съ тебя ни единой копѣйки, а буду помнить до конца своей жизни. А вотъ,

если есть у тебя водка, то дай хоть стаканчикъ, чтобы душу согрѣть отъ братней подачки.

„— Нѣтъ, говоритъ, водки у меня нѣту, а вотъ коньякъ есть, его я беру на всякій случай.

„— Ну, все едино, давай хоть этого зелья.

„Тутъ Кириловъ всталъ, сходилъ въ сакъ-валяжъ, досталъ бутылку, откупорилъ, налилъ во что-то и подалъ; а потомъ досталъ подорожниковъ и всѣ сколько ихъ было вытряхнулъ Дубровину въ талку.

„— А ты, крестовый братецъ, говоритъ Дубровинъ,—испей сначала самъ, а потомъ ужь и мнѣ подай. Вотъ такъ, будь здоровъ и счастливъ!

„Потомъ, значитъ, выпилъ и Дубровинъ, и только-что сталъ закусывать, на хребтѣ зазвякали колокольчики.

„— Ѣдетъ кто-то! надо разставаться! сказалъ Дубровинъ.

„— А что за бѣда? Кому какое дѣло съ кѣмъ я стою! только вотъ ямщика-то нѣтъ, это неловко. Такъ давай, братъ, простимся и стулай съ Богомъ!

„Тутъ, баринъ, они оба поклонились другъ дружкѣ въ ноги и поцѣловались.

„— Я вѣдь не тебя карауливъ, а долженъ былъ ѣхать кабачный ловѣренный, да видно не судьба, пришлось съ тобой познакомиться, промолвилъ Дубровинъ.

„— Это воля Господня! сказалъ купецъ, — Онъ тебя отъ грѣха избавилъ.

„— Пожалуй что и такъ! А ты, говоритъ, вотъ что, Семенъ Трифонычъ, исполни мою послѣднюю просьбу и дай слово что исполнишь...

„— Хорошо, исполню, коли могу.

„— Сдѣлай такую милость, не сказывай никому что мы съ тобой видѣлись, побратались и крестами помѣнялись— поколь мы живы; а какъ услышишь что Дубровинъ померъ, ну тогда воля твоя! Только дай обѣщаніе отслужить по мнѣ панафиду и помянуть раба такого-то,“ а имя-то, баринъ, я и не досыталъ.

„— Хорошо, все это я, говоритъ, исполню, если только самъ переживу тебя; вотъ какъ бы ямщикъ не выдалъ!

„— Нѣтъ, онъ съ перепугу-то убѣжалъ въ лѣсъ, а либо на станцію; но вѣдь ты его догонишь, и какъ увидишь, сдѣлай такъ чтобъ и онъ не болталъ, а я сегодня же уйду отсюда и никого трогать не стану — вотъ тебѣ на это рука

живаго Дубровина. Прощай же, говоритъ, Семенъ Трифонычъ, и не поминай лихомъ, а я тебя вѣкъ не забуду... Вонъ, ѣдутъ!... Прощай!...

„Тутъ, баринъ, я видѣлъ какъ Дубровинъ взялъ свой мѣшокъ, ножъ, дубину, снялъ шапку, поклонился Кирилову, поцѣловался и почти бѣгомъ скрылся съ дороги въ лѣсъ. Маленько погодя и я подошелъ къ ловозкѣ.

„— Кто тутъ? спрашиваетъ Кириловъ.

„— Да я, ваше почтеніе, ямщикъ.

„— А, это ты! а я думалъ что ты съ перепугу-то убѣжалъ на станцію.

„— Нѣтъ, я все время сидѣлъ вонъ за этимъ кустомъ.

„— Такъ ты, братъ, значитъ все видѣлъ и слышалъ?

„— Какъ не слыхать, вѣдь близко! Только сначала - то я шибко испужался, а потомъ ничего, обтерпѣлся.

„— Ну ладно, Господь сохранилъ насъ всѣхъ. А вотъ если ты все видѣлъ и слышалъ, то будь другъ и дай мнѣ честное слово что ты никому ничего не скажешь, а я подарю тебѣ за это пятитку. Хорошо?

„— Хорошо, молъ, Семенъ Трифонычъ! Изволь, буду молчать, а съ меня довольно и того что наглядѣлся какіе люди бываютъ на свѣтѣ...“

— Ну постой, голубчикъ! А какъ же ты не держишь своего слова и разказываешь мнѣ про все это дѣло? сказалъ я ямщику.

— Теперь, баринъ, ничего; потому что Дубровина уже нѣтъ на свѣтѣ; онъ вѣдь, говорятъ, на Карѣ (Карійскіе золотые промысалы) на этихъ же годахъ умеръ на каторгѣ“...

Тутъ я вспомнилъ что дѣйствительно Дубровина гдѣ-то поймали, привели *оборотнемъ* (обратно) въ каторгу и судили еще въ то время когда я служилъ на Верхне-Карійскомъ золотомъ промыслѣ.

Возвратившись изъ Нерчинскаго завода, я нарочно побывалъ въ Шилкинскомъ и видѣлъ Кирилова; а затѣмъ вскорѣ же собрался съ нимъ на охоту на козьи „соланки“, въ окрестностяхъ Шилкинскаго завода. Кириловъ и тутъ поступилъ не такъ какъ обыкновенно дѣлаютъ промышленники: онъ взялъ съ собой не винтовку, а свой знаменитый дробовикъ и зарядилъ его жеребьями.

Мы усѣлись въ разныя засадки (сидьбы), и лишь только стало смеркаться, ко мнѣ тихо подошелъ большой козелъ;

но я, бoясь испугать, не допустилъ его до солянки, а потому и выстрѣлилъ изъ винтовки саженъ за пятьдесятъ. Пуля попала въ шею, сломала позвонки и животное тутъ же сунулось мертвымъ. Довольный успѣхомъ, я завернулся въ крестьянскую шинель, притнулся въ уголокъ сидьбы и сталъ задремывать. Было уже довольно поздно, и ночная тьма окутывала всю окрестность, какъ вдругъ меня разбудилъ ужасный гулъ кириловскаго самопала. Долго громогласное эхо ходило по всей нагорной тайгѣ и, замирая постепенно, наконецъ смолкло, а затѣмъ наступила такая тишина что я снова какъ-то невольно предался всесильному сну, и только предъ солновсходомъ меня разбудилъ Кириловъ.

— Хорошъ охотникъ! сказалъ онъ смѣясь.

— А что?

— Да я подходилъ къ вашей солянкѣ, а отъ нея ускакала козлуха; значитъ, сударь, прослали.

— Прослалъ, батюшка, прослалъ, каюсь; а вы кого это такъ хватили что вся тайга ходенемъ заходила?

— Матку убилъ, да такъ ловко что тутъ же и растянулась.

— Далеко стрѣляли?

— Нѣтъ, саженъ за восемь; и теперь тамъ лежитъ.

— А вѣдь вы совершенно правы что на солянки берете дробовикъ, потому что вблизи онъ жеребьями дѣйствуетъ лучше пули и цѣлить ночью несравненно удобнѣе.

— А вы этого и не знали?

— То-то не зналъ.

— А вы кого стрѣляли?

— Гурана (козла).

— Убили?

— Убилъ.

— Ну и слава Богу! такъ давайте стащимъ его на мѣсто, да и станемте чай пить, а то я что-то замерзъ маленько.

Мы взяли козла и отправились къ табору, а затѣмъ туда же принесли и козлуху.

За чаемъ я разказалъ Кирилову о своей поѣздкѣ чрезъ Борщевскій хребетъ и просилъ его подтвердить все что я слышалъ отъ ямщика.

Долго онъ не сознавался въ этой исторіи, но когда я сказалъ ему что теперь уже нечего скрывать этотъ случай, потому что Дубровина нѣтъ въ живыхъ, а я все знаю, Семенъ Трифонычъ, прослушавъ очень внимательно мой

разказъ со словъ ямщика, подтвердилъ все это и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кое-что исправилъ и нѣсколько добавилъ.

Кириловъ тутъ же взялъ съ меня слово что я не стану говорить, а тѣмъ болѣе объ этомъ писать по крайней мѣрѣ лѣтъ десять. Слово я исполнилъ, и вотъ только теперь пришлось разказать этотъ не совсѣмъ заурядный случай.

Вскорѣ Семенъ Трифонычъ скончался почти неожиданно, и я слышалъ будто бы его послѣдняя земная просьба состояла въ томъ чтобъ его непремѣнно похоронили съ тѣмъ крестомъ котораго онъ ни на минуту не снималъ со своей груди. Крестъ этотъ онъ мнѣ показывалъ секретно отъ своихъ въ тотъ день когда я былъ у него въ послѣдній разъ, послѣ описанной охоты. Это большой мѣдный крестъ, очень грубой работы съ вычеканеннымъ Распятіемъ. Тогда Кириловъ носилъ его еще на томъ самомъ „гайтанѣ“ на которомъ онъ былъ и на груди разбойника.

Смерть.

Съ 1859 года по 1861 я былъ управителемъ *Алгачинской* горной дистанціи Нерчинскаго края. Въ мое вѣдѣніе входили собственно *Алгачинскій рудникъ*, въ селеніи котораго находилось главное управленіе дистанціей и гдѣ жилъ главный управляющій, то-есть въ то время я, и знаменитый въ свое время *Акатуевскій* рудникъ, исторически прославившійся по содержанію въ его казематахъ тяжкихъ преступниковъ и политическихъ ссыльныхъ.

Эти рудники и самыя ихъ селенія по просту назывались сокращенно *Алгачи* и *Акатуй*. Послѣдній находился въ тридцати пяти верстахъ отъ Алгачей, въ шестнадцати отъ Александровскаго завода и былъ расположенъ въ очень угрюмой, горно-лѣсистой мѣстности. Рудникъ этотъ во всей широкой каторгѣ не пользовался доброю славой, а напротивъ, носилъ на себѣ особую печать мрачнаго заточенія, которой боялась вся клейменая братія. Не даромъ посидѣвшихъ въ казематахъ этого рудника называли *Акатуевцами*, и этотъ терминъ былъ такъ многозначителенъ что

сразу давалъ общее понятіе о той личности которая удостоилась такой клички.

Совсѣмъ другое представлялъ рудникъ Алгачинскій, расположенный хотя и въ горахъ, но уже выходящихъ изъ сумрачныхъ лѣсовъ Дауріи и прилегающихъ къ границамъ открытой степной мѣстности. Въ большомъ селеніи Алгачей мирно ютились семьи довольно зажиточныхъ горнорабочихъ, и только встарь были небольшія тюрьмы, гдѣ содержались болѣе или менѣе *легкіе* преступники. Въ мое же управленіе тутъ казематовъ уже не было и только развалившіеся ихъ фундаменты напоминали о томъ что вотъ, молъ, тѣ мѣста гдѣ бывали огороженныя палями тюрьмы и гдѣ клейменые люди несли свой тяжкій крестъ, побрякивая желѣзными кандалами.

Алгачи расположены между довольно высокими безлѣсными горами и широко раскинулись по двумъ долинамъ орошаемымъ небольшою горною рѣченкой и маловоднымъ ключикомъ. Съ юга прилегаютъ широкія степи, а съ запада, сѣвера и востока подходятъ лѣсистые кряжи горъ, которые далеко уходятъ въ предѣлы Дауріи и въ нѣкоторыхъ пунктахъ принимаютъ характеръ сибирской тайги, гдѣ водятся дикія козы и всегдашніе жители такихъ вертеповъ—медвѣди.

Когда-то бывали въ этомъ районѣ изюбры, сохатые (лоси) и аргали (горные бараны); но въ мое время ихъ уже тутъ не встрѣчалось, и только въ памяти старожиловъ оставались преданія о томъ что ихъ отцы и дѣды не рѣдко убивали этихъ звѣрей чуть не за огородами. Бродя по лѣсамъ прилегающимъ къ Алгачинскому руднику, я нѣсколько разъ находилъ черепа, кости и рога этихъ животныхъ, но уже иструхшіе,поросшіе мхомъ и ясно говорившіе о томъ что эти представители сибирской фауны жили здѣсь давно.

Но и въ описываемое мною время на долю охотниковъ оставалось все-таки не мало дичи разнаго сорта: въ окрестностяхъ Алгачей было множество зайцевъ, толуевъ (Lepus tolaia), каменныхъ рябчиковъ (сѣрыхъ куропатокъ), тетеревей, лисицъ, волковъ, горностаевъ, хорьковъ (колонковъ) и громадное количество тарбагановъ (байбаковъ, породы сурковъ); въ степяхъ, кромѣ того, встрѣчались степныя куры (дрохвы), журавли, и по рѣчкамъ разныя породы утокъ, стаи

пролетныхъ гусей, а въ окрестныхъ горахъ дикія козы. Въ лѣсахъ попадались рябчики, глухари (рѣдко) и водились дикія котики, рыси и медвѣди.

Было надъ чѣмъ отвести душу, такъ что я, проживъ въ Алгачахъ три года, вдоволь натѣшился охотой и есть чѣмъ вспомянуть мнѣ прожитое время, какъ охотнику. Полагаю что такихъ удобныхъ мѣстъ для охоты немного по всей Руси православной. Надо замѣтить что, перечисляя мѣстную фауну, я не упомянулъ о бекасахъ, куликахъ, перепелкахъ, кроншнепахъ и мелкихъ звѣркахъ, которые нерѣдко попадали подъ выстрѣлы и пополняли пробѣлы иногда неудавшейся охоты за болѣе цѣнною дичью.

Въ самомъ Алгачинскомъ селеніи моими хорошими товарищами по охотѣ были мой деньщикъ Михайло Кузнецовъ, братъ моей жены Прокопій Ивановъ Кругловъ и сослуживецъ оберъ-штейгеръ Алексѣй Ефимовичъ Соловьевъ, а изъ близлежащаго казачьяго селенія Маякѣчуръ — kasaki Григорій Ловчаковъ, Степанъ Первушинъ и Елифанъ Шваловъ; всѣ трое настоящіе промышленники и удалые звѣровщики, особенно первый, котораго по его удачѣ называли просто Гришкой и нерѣдко величали „*горѣлымъ*“, что на мѣстномъ туземномъ діалектѣ означаетъ первостатейнаго охотника, великолѣпнаго винтовочника и безстрашнаго звѣровщика.

Живя въ такомъ охотничьемъ гнѣздѣ, я полевалъ чуть не каждый день, и только ненастная погода или служба задерживали меня дома. Чаще всего я отправлялся на охоту съ Михайлой и съ Соловьевымъ, и почти не было случая чтобы мы возвращались съ охоты съ пустыми руками, несмотря на то что нерѣдко ходили въ ближайшихъ окрестностяхъ и отлучались на короткое время.

Однажды, взобравшись на окружающія долину горы, мы долго преслѣдовали хитраго толуя, который жилъ почти постоянно на одномъ мѣстѣ и уже нѣсколько разъ оставлялъ насъ съ носомъ, но въ этотъ разъ какъ-то прозѣвалъ и былъ срѣзанъ мною на очень большомъ разстояніи. Празднуя эту побѣду, мы усѣлись на вершинѣ безлѣсной горы, вытащили изъ кармана небольшую фляжку, выпили по рюмочкѣ, закусили ватрушками, закурили и тихо разсуждали о разныхъ разностяхъ; разговоръ незамѣтно перешелъ на рудникъ, и Соловьевъ, какъ истый любитель горнаго дѣла, говорилъ

что ему крайне хотѣлось бы побывать въ заброшенныхъ стариками работахъ рудника чтобы полюбоваться богатствомъ серебристыхъ рудъ и познакомиться съ прежнимъ веденіемъ горныхъ работъ, но что онъ одинъ боится и не смѣетъ этого сдѣлать безъ моего дозволенія. Этотъ интересный разговоръ задержалъ насъ совершенно незамѣтно на горѣ довольно долгое время, и мы досидѣли до того что начало смеркаться.

Посмотрѣвъ подъ гору, я вдругъ увидалъ что по долинѣ лади, между небольшими кустиками, громадный волчище гонитъ во всю свою прыть сѣраго толуя. Сначала, растерявшійся заяцъ, вѣроятно застигнутый врасплохъ, бѣжалъ не больно и чуть не попался въ лапы сѣрому куму, но потомъ вдругъ наддалъ и пошелъ такъ улепетывать что только снѣжная пыль струйкой вилась позади его, а кумачекъ видимо отставалъ. Поперекъ бѣга животныхъ, „въ сугонь“, какъ говорятъ Сибиряки, тянулась полевая поскотина, отдѣлявшая кусты и сѣнокосный лугъ отъ выгона.

Мы не спускали глазъ и любовались, дѣлая разныя предположенія о финалѣ этой охоты.

— Охъ, однако, у поскотины-то онъ его сцапаетъ! сказалъ Соловьевъ.

— Не знаю, врядъ-ли, потому что волкъ много отсталъ и толуй успѣетъ увернуться.

Странное дѣло! какъ я ни жалѣлъ спасающагося зайца, но въ этомъ случаѣ мнѣ хотѣлось чтобъ охота звѣря увѣнчалась успѣхомъ. Надо было видѣть всю смекалку и хитрость волка, когда онъ, несясь во всю прыть, выгадывалъ разстояніе, бралъ на перерѣзъ и перескакивалъ черезъ небольшіе кусты, мѣшавшіе его прямому направленію.

Мы уже молча вливались глазами въ эту живую картину и слѣдили за каждымъ моментомъ гона. Но вотъ толуй, какъ по землѣ летящая птичка, скоро достигъ поскотины, моментально проскочилъ между жердями городьбы, сверкнулъ налѣво за кусты и полетѣлъ къ нашей горѣ, а сѣрый кумъ, добѣжавъ до того мѣста гдѣ проскочилъ заяцъ, вдругъ остановился и понуро посмотрѣлъ подъ жердь поскотины, какъ бы прячась отъ насмѣшливаго глаза.

— Что взялъ? гаркнулъ Соловьевъ и невольно захлопалъ въ ладони.

— Ухъ! у-ухъ! закричалъ и я въ догонку не солоно хлѣбавшему волку; онъ, услыхавъ наши возгласы, сначала остановился, посмотрѣлъ прямо на насъ съ такою ужимкой какъ будто послалъ намъ сто чертей за нашу насмѣшку, и затѣмъ, еще болѣе пригнувшись, побѣжалъ вдоль городьбы.

Пока мы слускались съ горы, прошли кусты и выбрались на дорогу, совсѣмъ уже смерклось; но мы, зная всѣ своротки, не торопились, подвигались къ дому потихоньку и всю дорогу толковали о томъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ пробраться въ старыя работы рудника и осмотрѣть ихъ рудныя богатства.

— А ты вотъ что сдѣлай, Ефимычъ, приготовь все необходимое къ этому походу и потолкуй со стариками которые прежде работали въ рудникѣ и ломали работы.

— Хорошо; я ужь объ этомъ думалъ и, признаться, говорилъ съ нѣкоторыми стариками.

— Ну, что же они толкуютъ?

— А то и толкуютъ что теперь въ верхніе горизонты не пролазть, ихъ завалило; а нижніе затоплены водой.

— Да это, братъ, и мы съ тобой знаемъ, а ты вотъ разыщи-ка старые планы и посмотри расположеніе проработокъ чтобы была возможность хоть сколько-нибудь ориентироваться при осмотрѣ.

— Хорошо, я посмотрю въ архивѣ чертежи и поспрошу старика штейгера Терентьева, нѣтъ ли у него какихъ-нибудь плановъ.

Вспомнивъ старика Терентьева, не могу не остановиться на этой замѣчательной личности. Въ мое время, этотъ дѣдушка насчитывалъ себѣ около ста трехъ лѣтъ и не разъ говорилъ что онъ служилъ „вѣрой и правдой двумъ царицамъ и четыремъ императорамъ“. Въ 1860 году Терентьевъ былъ еще настолько бодръ что бойко ходилъ и исполнялъ почти всѣ домашнія работы. Онъ очень любилъ меня и часто захаживалъ ко мнѣ „побалагурить“, какъ онъ выражался.

Бывало подойдетъ къ моему дому дѣдушка, а я увижу его въ окно, возьму да и спрячусь куда-нибудь за дверь, за шкафъ, либо улягусь на кровать и закроюсь съ головой одѣяломъ. Вотъ онъ взойдетъ въ комнату, помолится на образа, постучитъ костылемъ и, не видя меня, кричитъ:

— Бари-инъ! ты гдѣ-ѣ?

Я молчу.

— Э-эй, бари-инъ! ты гдѣ? куда захоронился? Постой, я те найду, лучеглазаго!

И пойдетъ старикъ искать по комнатамъ, заглядывая во всѣ углы и ощупывая висящее платье, такъ какъ былъ уже слабоватъ зрѣніемъ. За то какъ онъ, бывало, радовался, какъ найдетъ меня и уцѣпится костлявыми пальцами!

Достойно замѣчанія и то что совсѣмъ пожелтѣвшій дѣдушка Терентьевъ, при такой глубокой старости, сохранилъ всѣ зубы и ослабѣлъ только зрѣніемъ, а ходилъ и даже бѣгалъ еще такъ что однажды я, при всей своей прыти, не могъ убѣжать отъ него „взадпятки“, подзадоривъ его „сбѣгать въ бѣги“, съ тѣмъ условіемъ что онъ долженъ бѣжать обыкновеннымъ порядкомъ, а я задомъ напередъ. Видя предъ собой надувающагося старика, съ костылемъ въ рукахъ, съ развѣвающеюся пожелтѣвшею бородой, и одолѣваемый смѣхомъ, я не могъ выиграть съ него пари на разстояніи пятидесяти саженъ... Да, завидная старость, при такомъ здоровьѣ, силѣ и сохранившейся памяти!..

Общая молва свидѣтельствовала что въ свое время Терентьевъ былъ порядочнымъ „осилкомъ“, и самъ онъ разказывалъ что ему разъ довелось задавить однѣми руками матераго волка, который бросился на него, ломавъ въ капканъ обѣими передними ногами.

Терентьевъ неоднократно говаривалъ мнѣ про свою молодость и передавалъ что въ прежніе годы парни до двадцати лѣтъ ходили лѣтомъ въ длинныхъ пролускныхъ рубахахъ, босикомъ и не носили шароваръ.

— Я, баринъ, до двадцати пяти лѣтъ не зналъ какія такія женщины, а бывало съ дѣвушками же вмѣстѣ купаюсь на рѣчкѣ, да дурю какъ ребенокъ; посажу какую-нибудь, ужь почитай невѣсту, на закорки, да и тащу ее въ воду, и она ничего, только визжитъ, да хохочетъ... А нынѣ что? Другаго отъ земли не видно, а ужь туда же. Я до пятидесяти лѣтъ не зналъ вкуса водки и губъ не мочилъ, а теперь чего? Погляди-ка на молодяжниковъ—одинъ срамъ! тьфу! И говорить-то грѣшно о нихъ, право такъ! Однако скоро міру конецъ и все это передъ антихристомъ!..

Проживя въ Алгачахъ три зимы, я никогда не видалъ Терентьева въ шубѣ. Онъ и въ это время года ходилъ въ одной крестьянской шинели и только въ большіе морозы надѣвалъ сверху другой зипунъ. Бывало скажетъ ему что вѣдь онъ можетъ простудиться...

— Нѣтъ, не „простыну“, баринъ! Вѣдь тепло еще, а шубато дѣтямъ годится.

А какое тепло, другой разъ градусовъ около сорока и на его слинѣ по зилуну сядетъ толстый бѣлый куржакъ (иней), а самъ старикъ поалѣетъ словно красный самоваръ и отъ него валитъ паръ отъ усиленной ходьбы по морозу.

Однажды съ Терентьевымъ произошелъ довольно курiозный случай. Находясь на коронной службѣ, онъ былъ старшимъ штейгеромъ и управлялъ рудникомъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, пріѣхалъ горный начальникъ всего Нерчинскаго края, полковникъ Родственный. Осмотрѣвъ рудникъ, онъ пошелъ въ обогатительную фабрику, но замѣтя въ ней разсохшіеся штосгерды, остался недоволенъ и налетѣлъ на Терентьева; тотъ, какъ нижній чинъ, долго вѣжливо оправдывался и называлъ его *полковникомъ* и *вашимъ высокоблагородіемъ*, а когда начальникъ не принялъ въ резонъ оправданій и обругалъ его старымъ дуракомъ, то взбѣленился и Терентьевъ, отскочилъ отъ него, замахалъ руками и почти закричалъ на своего грознаго начальника:

— Что ты, что ты, пучеглазый! да развѣ они эки были съ первоначала? Вѣдь ты видишь что засуха стоитъ, а фабрика не дѣйствуетъ, вотъ и разсохлись! И тебя разсушитъ, такъ замочить можно. Пучеглазый, такъ пучеглазый и есть!...

Родственный, выслушавъ эту тираду, сначала разсердился и велѣлъ Терентьева посадить подъ арестъ, полагая что старикъ выпилъ; но узнавъ что слово „пучеглазый“ составляетъ поговорку старика, безъ которой онъ не Терентьевъ, приказалъ тотчасъ же освободить его и долго смѣялся, разказывая какъ его въ Алгачахъ распекъ чудакъ штейгеръ.

Старикъ Терентьевъ ужасно не любилъ когда къ нему приставали школяры съ этимъ эпизодомъ и всегда ругался, а то такъ и костылемъ щелкнетъ не на шутку.

Въ 1862 году Терентьевъ скончался въ самую Пасху, легъ отдохнуть на „лѣвушку“ и тихо уснулъ на вѣки...

Послѣ нашего разговора съ Соловьевымъ о попыткѣ осмотрѣть старыя работы рудника, прошло не менѣе двухъ мѣсяцевъ; зима стояла въ полномъ разгарѣ. Вотъ, однажды, долго прозанимавшись вечеромъ, я не захотѣлъ ужинать и, отпустивъ Михайлу, улегся спать.

Странный мнѣ приснился сонъ.

Рано утромъ будто пришелъ я въ обширную рудничную *свѣтлицу*, въ которой всѣ люди готовились къ раскомандировкѣ по работамъ. Самое зданіе свѣтлицы состояло какъ бы изъ громаднаго манежа, освѣщеннаго по длиннымъ стѣнамъ большими окнами; въ одной изъ короткихъ стѣнъ были входныя двери, а въ другой такой же стѣнѣ помѣщались тоже двери, но уже выходныя и надъ ними возвышался довольно большой балконъ огороженный крѣпкими перилами. Балконъ устроенъ будто бы для того чтобы на него всходили заправители рудника и оттуда, видя всѣхъ людей, дѣлали перекличку и распредѣленіе рабочихъ. Въ короткой стѣнѣ, надъ всходными дверями помѣщенъ образъ, предъ нимъ горитъ лампада; а вдоль длинныхъ стѣнъ, подъ окнами, устроено проласть верстаковъ, на которыхъ должна сортироваться малодѣтками руда.

Войдя въ эту свѣтлицу, я встрѣтилъ оберъ-штейгера Соловьева, помощника управляющаго округомъ, капитана Ивана Алексѣевича Комарова, и управляющаго округомъ, Юлія Ивановича Эйхвальда, который поздоровавшись со мной пригласилъ и меня на балконъ. Всѣ четверо вошли мы на это возвышеніе, и предъ моими глазами открылась довольно эффектная картина: масса народа всѣхъ возрастовъ кишѣла по всей свѣтлицѣ, и несмотря на то, во входныя двери, приходившіяся противъ нашего балкона, еще постоянно входили люди, крестились на образъ и смѣшивались съ толпой. Смутный гулъ доносился до уха отъ массы говорящаго люда и мѣшалъ намъ разговаривать.

Первымъ съ праваго бока на балконѣ стоялъ Эйхвальдъ, вторымъ Комаровъ, потомъ я и затѣмъ Соловьевъ, который держалъ списки рабочихъ и чертежи рудника. Всѣ мы четверо облокотились на перилы балкона и ждали какъ бы перекличку.

И вдругъ я вижу что во входныя двери, прячась за народомъ, вошла Смерть, точь-въ-точь въ такомъ видѣ какъ принято изображать ее на картинахъ—одинъ скелетъ съ длинною косой на плечѣ. Замѣтивъ ее, я тотчасъ подтолкнулъ Соловьева и спросилъ: „видишь?“ Онъ отвѣтилъ мнѣ: „вижу!“ Но Комаровъ и Эйхвальдъ стояли попрежнему и ничего не говорили. Я не спускалъ глазъ съ появившейся гостьи и все время слѣдилъ за нею, а потому ясно видѣлъ какъ она согнувшись юркнула въ народъ и стала бойко пробираться у самой длинной стѣны, по лѣвому боку отъ входныхъ дверей.

Голова скелета была обращена къ окнамъ, а костлявыя руки перебирались по стѣнѣ и несмотря на гамъ народа до меня четко доносились ужасно непріятные звуки, происходившіе отъ постукиванія пальцевъ о стѣну.

Но вотъ я вижу что смерть пробѣгаетъ всю длинную стѣну, никого не трогаетъ и заворачиваетъ къ намъ. Я не утерпѣлъ и послѣшно сказалъ Комарову и Эйхвальду: „Смотрите, смотрите! берегитесь!“—„Ничего!“ отвѣчаютъ они оба и не мѣняютъ позы. Въ это время Смерть, добѣжавъ до балкона, вдругъ сдѣлалась громаднаго роста и сравнялась съ нами. Я усиленно наблюдаю за ея движеніемъ, но видя что она спокойно минуетъ ближе къ ней стоящихъ, также не мѣняю своего положенія. Вдругъ въ ея глазныхъ впадинахъ сверкнули какъ бы змѣиные глазки, и вытянувъ костлявыя руки, она бросилась на меня, но я успѣлъ моментально увернуться отскочивъ назадъ,—пальцы ея хватили меня только по груди, сорвались и брякнули другъ о друга. Только что я оломнился, съ ужасомъ вижу что Смерть точно также бросилась на Соловьева, но и тотъ успѣлъ увернуться...

Послѣ этой неудачи, Смерть вдругъ сдѣлалась опять обыкновеннаго роста, какъ бы пристыженно согнулась и юркнула въ народъ; а затѣмъ торопливо побѣжала тѣмъ же порядкомъ вдоль правой стѣны длинной свѣтлицы, и я видѣлъ, какъ она выскочила въ тѣ же входныя двери.

Народъ точно не замѣтилъ ея появленія и не обращалъ на нее никакого вниманія. Но Комаровъ и Эйхвальдъ спросили: „Съ чего это она хотѣла изловить васъ?“—„Не знаю!“ сказалъ я, а Соловьевъ отвѣтилъ: „ловила, да не поймала!..“

Тутъ я проснулся. Въ комнатѣ было совершенно темно, такъ что я съ трудомъ нашелъ спички и зажегъ свѣчку. Въ это время подошелъ ко мнѣ мой знаменитый Танкредъ и сталъ меня лизать. Я посмотрѣлъ на часы—было ровно три часа ночи. Положивъ съ собою вѣрнаго пса, я перекрестился и скоро снова заснулъ.

Утромъ, напившись чаю, я только что сталъ прочитывать разныя служебныя документы, какъ явился Соловьевъ съ кипой чертежей рудника и просилъ меня разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ съ нимъ.

Долго провозившись за этою работой, мы порѣшили на томъ что сегодня же, послѣ обѣда, поѣдемъ на рудникъ и по

возможности осмотримъ старыя работы, пользуясь свѣжимъ впечатлѣніемъ только что провѣренныхъ рудничныхъ плановъ.

— А знаешь ли, Ефимычъ, какой забавный сонъ видѣлъ я сегодня?

— А что? развѣ что-нибудь особенное? спросилъ онъ.

— Да, братъ, такая штука приснилась что и въ умъ никогда ничего подобнаго не приходило.

И я тутъ же разсказалъ Соловьеву мое сновидѣніе со всѣми мельчайшими подробностями.

— Странный сонъ! сказалъ онъ и, взявъ шапку, отправился домой, чтобы подготовиться къ путешествію.

Въ назначенный часъ я съѣхался съ Соловьевымъ на дорогѣ, и мы вмѣстѣ направились къ руднику который находился въ двухъ верстахъ отъ Алгачинскаго селенія. Пріѣхавъ къ капитальной *шахтѣ* *, мы оставили верховыхъ лошадей подъ навѣсомъ, зажгли *бленды* **, перекрестились и спустились по деревяннымъ лѣстницамъ (стремянкамъ) въ рудникъ.

Имѣя въ виду путешествіе по старымъ работамъ, мы съ Соловьевымъ одѣлись въ самое старое платье, подпоясались кушаками и обулись въ мягкіе козьи унты, которые имѣютъ мягкую подошву и шьются безъ каблуковъ. Въ карманахъ у насъ имѣлись запасные стеариновые огарки и спички, а за поясами торчали горныя *кирочки* (металлическіе крѣпкіе молотки, у которыхъ одинъ конецъ пирамидально острый; ручки короткія). Но запасаясь съ такою предусмотрительностью, мы сдѣлали величайшую глупость, непростительный промахъ: желая посѣтить старыя работы, съ цѣлью пройденныя прадѣдами, никому изъ рудничныхъ надсмотрщиковъ не сказали объ этомъ намѣреніи. Словомъ, поступили не только необдуманно, но какъ неразумные школьники, не сознающіе того что дѣлаютъ. Случись съ нами какое-нибудь несчастіе, никто бы не зналъ гдѣ мы находимся, въ какомъ лабиринтѣ подземныхъ проработокъ погибаемъ.

---

* *Шахта*—проработка въ видѣ колодца, но гораздо бо́льшихъ размѣровъ, идущая съ поверхности и соединяющаяся со внутренними рудничными проработками. По ней поднимается на поверхность руда и ею по особому отдѣленію (форъ-шахтѣ) спускаются и поднимаются люди.

** *Блента*—жестяной или желѣзный рудничный фонарь, безъ стекла, въ которомъ зажигается сальная свѣча или лампочка. Блента носится на груди и привѣшивается къ платью крючкомъ.

Очутившись въ рудникѣ, мы скоро добрались до старыхъ, такъ-называемыхъ *Чевкинскихъ* работъ. Названіе этихъ работъ, въ честь знаменитаго Чевкина, въ Алгачинскомъ рудникѣ имѣетъ историческое значеніе. Дѣло въ томъ что, когда Чевкинъ, состоя такъ-сказать шефомъ горнаго міра, имѣвшаго въ то время государственное значеніе, былъ въ Нерчинскомъ краѣ и высмотрѣлъ всѣ уголки горнозаводской промышленности, онъ обратилъ особое вниманіе на ту часть Алгачинскаго рудника гдѣ очень богатыя серебристыя руды выходили своими залежами къ поверхности. Какъ умный человѣкъ, онъ хорошо понималъ человѣческую слабость ко всякому богатству и зналъ что жадность эта перепилитъ благоразуміе ближайшихъ горныхъ дѣятелей, что они прежде всего возьмутъ эти богатства и тѣмъ испортятъ весь рудникъ, т.-е. обнажатъ его къ поверхности мѣсторожденія, причемъ всѣ атмосферныя хляби проберутся въ рудникъ и затопятъ его нижніе горизонты. Въ силу этого соображенія Чевкинъ приказалъ загородить эти богатства крѣпью, а единственный къ нимъ доступъ—двери залечаталъ своею именною печатью, съ тѣмъ чтобы никто и пальцемъ не смѣлъ трогать этихъ сокровищъ природы.

Сначала, это заповѣдное приказаніе свято исполнялось мѣстнымъ управленіемъ, но потомъ, по отдаленности края и за перемѣною Чевкинымъ службы, рудничные дѣятели нашли возможнымъ незамѣтно обойти „китайскую стѣнку“, особою лазейкой пробрались къ замурованнымъ богатствамъ, пожились въ этомъ ларчикѣ чѣмъ имъ хотѣлось, законопатили пролазную норку и свято сохранили Чевкинскую дверь и его именную печать!.. Въ мое время эти, уже историческіе, памятники были еще цѣлы и хранились въ рудникѣ какъ святыня, напоминающая о мудромъ управителѣ.

Вотъ въ эту-то самую лазейку намъ и хотѣлось пробраться чтобы воочію посмотрѣть чудовищные остатки выкраденнаго богатства. Какъ горные духи пролѣзли мы кверху по замаскированной лазейкѣ и скоро очутились въ заколдованномъ мірѣ руднаго ларчика. Надо быть любителемъ горнаго дѣла чтобы понять то очарованіе какое ощущали мы въ тотъ мигъ когда наши стеариновыя свѣчи освѣтили ту массу серебристыхъ рудъ которая, блеста міріадами зеркальныхъ поверхностей, явилась предъ нашими глазами, рѣшительно во всѣхъ уголкахъ заброшенной проработки. Это

было что-то фантастическое, сказочное, и мы положительно осовѣли, не знали куда смотрѣть, чѣмъ любоваться, какіе образцы рудъ класть въ свои карманы. Громадныя глыбы блистающихъ рудъ, въ нѣсколько сотъ пудовъ, висѣли надъ нашими головами, или уже оторванныя отъ потолка, лежали подъ нашими ногами...

Понимая всю опасность нашего путешествія по такимъ выработкамъ, мы разговаривали шепотомъ, двигались тихо и шагъ за шагомъ переступали все далѣе и далѣе, сохраняя возможную тишину чтобы не нарушить равновѣсіе воздуха и не поколебать связи въ висѣвшихъ надъ нами хотъ и богатыхъ, но ужасныхъ тяжестяхъ. Пробравшись до конца выработки, мы хотѣли спуститься въ другую лазейку, которая снизу была открыта, но, увы! оказалось что ее сверху завалило оторвавшеюся рудой. Пришлось волей-не-волей возвращаться тѣмъ же путемъ, снова восхищаться висящею со всѣхъ сторонъ рудой и вмѣстѣ съ тѣмъ замирать сердцемъ и духомъ, вполнѣ понимая еще бо́льшую опасность, такъ какъ мелкіе каменьки уже то и дѣло начинали сыпаться сверху и съ боковъ старой выработки. Мы невольно шептали молитвы и творили крестное знаменіе: только милосердіе Создателя могло сохранить насъ отъ повсюду висѣвшей надъ нами смерти... Благополучно добравшись до путеводной лазейки, мы тихо спустились ею до безопаснаго мѣста, вздохнули свободно и мысленно благодарили Господа за свое спасеніе.

Казалось бы, довольно хорошій урокъ получили мы; но нѣтъ, мы этимъ не удовольствовались и порѣшили сходить въ старыя Васильевскія работы. Пробравшись до нихъ разными, уже забитыми ходами, мы очутились на самомъ нижнемъ горизонтѣ и вступили на гладкую поверхность льда который покрывалъ по одной ватеръ-линіи всю нижнюю часть рудника и окончательно преграждалъ путь къ дальнѣйшему осмотру нижнихъ горизонтовъ въ старыхъ работахъ.

Намъ представилась возможность изслѣдовать одинъ „низлежащій“ *штрекъ* * Васильевскихъ работъ, и мы смѣло отправились этою выработкой по льду. Сначала мы шли во весь ростъ, потомъ пришлось согнуться, затѣмъ идти на

---

* *Штрекъ*—горизонтальная выработка, корридоръ въ рудникѣ, который сообщается со внутренними проработками, но не выходитъ на дневную поверхность.

колѣнахъ и наконецъ ползти, чтобы добраться до рудная *забоя* *. Тутъ воздухъ былъ такъ плохъ что наши свѣчи едва горѣли и худо освѣщали нашъ, какъ бы змѣиный путь.

Пробравшись ползкомъ къ забою, мы осмотрѣли рудную жилу, набили изъ нея кирочками образцовъ, положили ихъ въ опорожненные карманы, кой-какъ повернулись лежа на животѣ въ тѣсной выработкѣ и поползли обратно. Но выбравшись до того мѣста, гдѣ уже можно было идти на колѣнахъ, Соловьевъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ подолбить ледъ кирочкой. Лишь только онъ ударилъ раза два или три острымъ концомъ молотка подъ своими колѣнками по льду, какъ на гладкой поверхности образовалась небольшая сквозная лунка (дырка), изъ которой моментально засвистѣлъ такой удушливый воздухъ что намъ едва не захватило дыханіе, и мы во всю прыть заковыляли къ выходу, а вставъ на ноги, почти бѣгомъ выскочили изъ этой проработки.

Не понимаю, какое затменіе охватило наши головы: мы и тутъ еще не догадались по чему и надъ чѣмъ мы ходимъ. А судьбѣ угодно было допустить насъ къ новой попыткѣ.

Выйдя изъ Васильевскаго штрека, мы задумали побывать и въ Васильевскомъ *гезенгѣ* **. Прибывъ туда, мы кой-какъ спустились по четыремъ уцѣлѣвшимъ, но крайне ветхимъ и поломаннымъ лѣстницамъ на двѣнадцать саженъ глубины и дошли опять до льда. Не имѣя возможности спуститься ниже, мы вышли на него и на двѣнадцати или пятнадцати квадратныхъ аршинахъ ледяной поверхности стали разгуливать какъ дома,—бить кирочками изъ боковой рудной жилы образцы, разсматривать ихъ при свѣчкѣ и собирать въ карманы.

Надо замѣтить что въ Васильевскомъ гезенгѣ спускныя лѣстницы находились съ одного бока и по обыкновенію отдѣлялись бревенчатою стѣнкой отъ самаго колодца проработки, по которому когда-то ходили на воротѣ бадьи съ водой и спускался „лѣсъ“ (бревна) для крѣпленія горныхъ выработокъ.

Набравъ достаточное количество образцовъ руды, я полезъ къ лѣстницѣ и сталъ звать Соловьева чтобы покончить

---

* *Забой*—конецъ, лобъ проработки штрека, почва шахты, гдѣ и работаютъ люди дальше, если нужно подвигать работу внутрь горы.

** *Гезенгъ*—углубленіе, колодезь, вертикальная или наклонная проработка, наподобіе шахты, внутри рудника, соединяющая горизонтальныя галереи рудника на разныхъ высотахъ между собою, но не выходящая на дневную поверхность, какъ шахта.

осмотръ и поскорѣй убираться во свояси, такъ какъ самъ порядочно усталъ, а свѣчи наши догорали въ блендахъ. Но любознательный Ефимычъ все еще ковырялъ рудную жилу на противуположномъ концѣ отъ меня (черезъ пять или шесть аршинъ) и просилъ подождать. При этомъ, мнѣ, какъ и Соловьеву въ штрекѣ, пришла глупая мысль и здѣсь подолбить ледъ кирочкой.

Не долго думая, я сталъ на колѣнки, откинулъ полы одежды и ударилъ по льду острымъ концомъ кирочки, отчего тотчасъ образовалась лунка; я ударилъ другой разъ, но тутъ часть ледяной корки провалилась, кирочка вырвалась у меня изъ рукъ и, улавъ въ отверстіе, полетѣла въ преисподнюю... До моего уха донеслись ужасные звуки паденія инструмента на громадную глубину... Ту-ту-ту-ту-ту... шлёпъ! слышали мы оба и, поняв въ чемъ дѣло, онѣмѣли на мѣстѣ, я на колѣнкахъ надъ провалившеюся частью льда, а Соловьевъ на другомъ концѣ по длинѣ гезенга около рудной жилы... Опомнясь, я откинулся назадъ и моментально схватясь рукой за лѣстницу, перекрестился и невольно подумалъ: „я спасенъ! а что будетъ съ Соловьевымъ?“ Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу... Что мнѣ было дѣлать? что предпринять чтобы спасти Соловьева? Вылѣзать изъ гезенга и бѣжать по рудничку за людьми немыслимо! Соловьевъ въ это время можетъ десять разъ провалиться въ бездну и десять разъ умереть, пока я приведу рабочихъ. Я живо сообразилъ все положеніе несчастнаго и сказалъ:

— Ефимычъ, стой на мѣстѣ и Бога ради не шевелись.

Тутъ надо замѣтить что Алексѣй Ефимовичъ Соловьевъ— мущина очень высокаго роста, но щедушный и тонкій. Онъ ломаленьку раздвинулъ свои длинныя ноги и стулками почти хватилъ тѣхъ „узговъ“, гдѣ ледъ прикасался къ длиннымъ бокамъ колодца (гезенга) и слѣдовательно былъ крѣпче чѣмъ на серединѣ, на вѣсу, при надорванной уже связи ледяной поверхности вслѣдствіе ударовъ моей кирочки. Ефимычъ стоялъ ко мнѣ спиной и былъ блѣденъ какъ полотно.

— Распоясься и брось свой кушакъ ко мнѣ, сказалъ я.

Онъ тихонько снялъ съ себя крученый бумажный кушакъ, смялъ его въ комокъ и бросилъ наотмашь ко мнѣ. Я поймалъ его „олоняку“, связалъ „мунгальскимъ“ * узломъ со своимъ

* „Мунгальскій“ узелъ вяжется по привычкѣ моментально и никакъ не развяжется.

шелковымъ кушакомъ и одинъ конецъ послѣдняго крѣпко привязалъ къ лѣстницѣ, а другой конецъ его кушака бросилъ ему на плечо.

— Завяжись подъ мышками и тихонько иди около самой стѣнки лежачаго * бока, скомандовалъ я.

Ефимычъ молча завязалъ около себя кушакъ и, едва переступая, сталъ подвигаться ко мнѣ, къ лѣстницѣ, стараясь идти ногами около самой стѣнки по ледяной коркѣ; а я въ это время выбиралъ кушакъ и заматывалъ за выдающуюся ступеньку лѣстницы. Надо было видѣть весь ужасъ Соловьева, который отражался на его лицѣ при этомъ движеніи: его жизнь висѣла на волоскѣ....

Никогда не забуду я той минуты когда Ефимычъ, благополучно добравшись до лѣстницы, судорожно схватился за ея тетиву и замеръ на ней отъ радости....

— Ну, Ефимычъ, поблагодаримъ Господа за то что Онъ спасъ и тебя, и меня отъ такой ужасной смерти.

— Да! сказалъ онъ сквозь слёзы и бросился въ мои объятія.

Мы поцѣловались и ото всего сердца помолились, уцѣпившись оба за ветхую лѣсенку....

Дѣло въ томъ что когда-то весь рудникъ до этого горизонта былъ затопленъ водой, которая, вслѣдствіе суровости климата и низкой температуры въ рудникѣ, замерзла сверху ледяною коркой не болѣе какъ на полвершка; а затѣмъ въ неизвѣстный періодъ времени, при отводѣ водъ съ поверхности „горы“ (надъ рудникомъ), ушла, просочилась сквозь поры и выработки, а частію была выкачена, такъ что только небольшое количество ея осталась на самомъ низу рудничныхъ выработокъ. Такимъ образомъ осталась лишь ледяная полувершковая корка и, примерзнувъ къ стѣнкамъ проработокъ, висѣла въ полномъ смыслѣ этого слова надъ страшными глубинами, наполненными испорченнымъ воздухомъ, и надъ оставшеюся глубоко въ выработкахъ водой.

Вотъ по этой-то ледяной коркѣ мы и ходили въ Васильевскомъ штрекѣ и толкались, отбивая камушки, въ Васильевскомъ гезенгѣ (колодцѣ), надъ двадцати-двухъ-саженною глубиной до конца работъ, а можетъ-быть и надъ стоячею рудничною

* Гезенгъ этотъ нѣсколько наклоненъ (не вертикальный); въ такихъ проработкахъ наклонная плоскость носитъ названіе „лежачаго“ бока, а противуположная сторона „висячаго“ бока.

водой... Страхъ беретъ и теперь, какъ вообразишь это ужасное положеніе!...

Кое-какъ выбравшись изъ Васильевскаго гезенга, мы еще разъ помолились и отправились въ ту часть рудника гдѣ производились въ то время работы. При входѣ въ Крещенскій штрекъ, намъ попалася унтеръ-штейгеръ (нарядчикъ) Алабышевъ, который, по нашимъ лошадямъ у коновязи, догадался что мы въ рудникѣ, но не зналъ гдѣ мы находимся, а потому бѣгалъ какъ угорѣлый по рудничному лабиринту и разыскивалъ насъ. Видя его отчаянное выраженіе лица и боясь чтобъ онъ, по рудничному суевѣрію, не принялъ насъ за „хозяевъ“ (нечистый рудника) или гномовъ, и не испугался, я первый подалъ свой голосъ и спросилъ:

— Ну что, Алабышевъ, ты вѣрно насъ разыскиваешь?

— Точно такъ, ваше благородіе; въ рудникѣ неблагополучно! заговорилъ онъ, трясясь отъ волненія.

— Что? что такое случилось?

— Да Чевкинскія старыя работы всѣ обвалились и такъ грохнули что вся „гора“ (рудникъ) дрогнула!...

Ефимычъ и я, услыша эту вѣсть, невольно сняли шапки и перекрестились. Это упали тѣ самыя выработки гдѣ мы, какой-нибудь часъ тому назадъ, ходили и любовались волшебнымъ рудничнымъ богатствомъ.

— Вотъ, Александръ Александровичъ, вѣрно онъ-то нашъ въ руку! Вотъ гдѣ была наша смерть, и ловила, да не поймала; Господь трижды сохранилъ насъ сегодня, сказалъ съ разстановкой Соловьевъ.

— Велика милость Господня, и впередъ намъ наука!..

Акатуй.

Я уже сказалъ выше что Акатуевскій рудникъ лежитъ въ горно-лѣсистой мѣстности. Лѣса и горы окружающіе угрюмые казематы этого рудника не изобилуютъ тѣми звѣрями которые такъ дороги для сибирскаго промышленника: изюбровъ и сохатыхъ тамъ почти вовсе нѣтъ, а встрѣчаются только косули да изрѣдка медвѣди. Я приписываю это тому что Акатуевское полѣсье вышло клиномъ и не соединяется съ общимъ лѣсистымъ хребтомъ-становикомъ. Его окружаютъ такія мѣстности которыя болѣе или менѣе заселены и

принимаютъ характеръ стелей. Вотъ почему въ окрестностяхъ Акатуевскаго помѣстья живетъ пропасть сибирскихъ сурковъ, тарбагановъ, которые отличаются отъ сосѣдней своей братіи величиной и болѣе темною шерстью, почему и цѣнятся дороже скулщиками лушпины.

Да проститъ мнѣ читатель-охотникъ если я, не уломиная о болѣе или менѣе извѣстныхъ звѣряхъ Акатуевскаго лолѣсья, скажу нѣсколько словъ о звѣряхъ водящихся въ самомъ Акатуевскомъ рудникѣ, въ его казематахъ, гдѣ содержались такіе субъекты которыхъ нельзя обойти молчаніемъ. Правда, ихъ было немного, но дѣло не въ количествѣ.

Тутъ содержались три тяжкіе преступника—Гаськовъ, Романовъ и Артамоновъ. Всѣ трое сидѣли *на цѣпяхъ*, каждый порознь, въ особыхъ одиночныхъ помѣщеніяхъ. Конечно, здѣсь не мѣсто приводить ихъ біографіи, но все же я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о Гаськовѣ.

Человѣкъ этотъ пришелъ на каторгу за убійство задолго до моего прибытія въ Сибирь и по своимъ „заслугамъ“ былъ сразу помѣщенъ въ Акатуевскій острогъ. Перенеся ужасныя тѣлесныя наказанія того времени, онъ остался совершенно здоровъ и обладалъ почти невѣроятною силой. Сперва Гаськовъ содержался въ тюрьмѣ наравнѣ съ прочими товарищами и ходилъ на работы въ рудникъ, но потомъ, выдержавъ срокъ тюремнаго заключенія и въ силу Высочайшаго манифеста былъ освобожденъ и перечисленъ въ команду „вольныхъ ссыльныхъ“, которые жили уже не въ казематѣ, а на волѣ и только обязательно ходили на рудничныя работы.

Но какъ глупому сыну не въ помощь богатство, такъ разбойнику въ душѣ—не въ прокъ свобода. Гаськовъ, отдохнувъ подъ мирною кровлей свободнаго селянина, не выдержалъ,—вспомнилъ былое, вырѣзалъ цѣлую семью какого-то зажиточнаго рабочаго, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и снова посаженъ въ острогъ, но уже не прежнимъ порядкомъ, а въ одиночное заключеніе и *на цѣпь*, на двѣнадцать лѣтъ.

Въ 1856 году, гостя въ Акатуѣ, у своего товарища, К. Г. Рѣзанова, я въ первый разъ видѣлъ Гаськова, уже седьмой годъ сидѣвшаго на цѣпи. Тутъ же я видѣлъ и Романова съ Артамоновымъ, которые были сняты съ цѣпей и „прикованы къ тачкамъ“, что тогда считалось уже нѣкоторою льготой и дозволяло преступнику выходить съ товарищами на работу...

Бесѣдуя съ Рѣзановымъ, я слышалъ отъ него множество разказовъ о чудовищной силѣ геркулеса Гаськова. Онъ разказывалъ мнѣ что когда этотъ звѣрь содержался „просто“ въ тюрьмѣ и ходилъ на работу, то управителю не разъ приходила блажь подурачиться и онъ, обращаясь къ преступнику, говорилъ:

— А что, Гаськовъ, хочешь отдохнуть?

— Какъ не хотѣть, ваше благородіе!

— А вотъ вытащи руками бадью изъ шахты и стулай отдыхать.

— Слушаю-съ, благодаримъ покорно.

И геркулесъ Гаськовъ тотчасъ становился ногами на деревянный обрубъ рудничной шахты, бралъ рудолодъемную цѣпь въ руки и въ нѣсколько минутъ поднималъ нагруженную рудой бадью на поверхность, съ двадцатисаженной глубины шахты. Стоявшіе на воротѣ товарищи его только успѣвали навертывать пустую цѣпь на подъемный валъ и удивлялись неломѣрной силѣ собрата, потому что нагруженная рудничная бадья обыкновенно вѣсила не менѣе *двадцати* * пудовъ. Выходило такъ что Гаськовъ, выбирая цѣпь съ грузомъ, въ извѣстный моментъ удерживалъ и приподнималъ, на извѣстное разстояніе взмаха, двадцати пудовую тяжесть одной рукой. А сколько такихъ моментовъ ручнаго размаха приходилось на долю Гаськова, пока бадья выходила на поверхность, изъ двадцатисаженной рудничной шахты?...

За такую штуку Гаськовъ пользовался льготнымъ „отдыхомъ“, то-есть его подъ конвоемъ отводили въ казематъ, и онъ на этотъ день увольнялся отъ рудничной работы.

Гаськовъ былъ средняго роста, но его плечи, грудь, руки и ноги были такихъ размѣровъ что человѣкъ этотъ невольно бросался въ глаза. Мнѣ хотѣлось узнать кто онъ такой и откуда родомъ. Гаськовъ объявилъ мнѣ что онъ уроженецъ одной изъ приволжскихъ губерній, былъ дворовымъ какого-то (не помню) богатаго помѣщика, у котораго и состоялъ сначала въ кучерахъ, а потомъ былъ переведенъ „въ охоту“ и „пожалованъ“ главнымъ доѣзжачимъ.

— За что же ты, Гаськовъ, пошелъ на каторгу? спросилъ я его.

---

* Вѣсъ пустой бадьи обыкновенно считался въ 6—7 пудовъ, нагрузка руды въ 15 пудовъ. На воротъ ставилось 6—8 человѣкъ.

— Эхъ, ваше благородіе, что̀ поминать старое! много ужь, значитъ, большихъ грѣховъ наколилось; вотъ и продолилъ всю Сибирь, да и полалъ въ Акатуй, горой его раздуй, въ самый пупъ всей злосчастной каторги, сказалъ онъ уклончиво.

— Ну да ты, Гаськовъ, не стѣснайся, я вѣдь не слѣдователь.

— За обиду убилъ... обидчика своего... глухо проговорилъ онъ,—а больше не спрашивай, баринъ, не скажу. А долрежь этого я, баринъ, былъ какъ красная дѣвка...

— Ну, хорошо, а когда тебя вылустили здѣсь изъ острога, зачѣмъ же ты снова сдѣлалъ такой большой грѣхъ?

— Не могъ утерпѣть, баринъ. Да что̀, ты вѣдь не повѣришь, если я скажу тебѣ правду...

— Отчего же ты думаешь что я не повѣрю? Неужели ты полагаешь что я не пойму тебя, какъ братъ по человѣческому подобію, если не по образу Божію, отъ котораго ты можетъ-быть и отрекся?...

— Ну, коли такъ, ваше благородіе, коли ты назвался мнѣ братомъ, сказалъ онъ сквозь слезы,—такъ послушай что̀ я тебѣ скажу. Поймешь ли ты что Гаськову послѣ перваго убійства приходилъ такой часъ что убить человѣка было въ особое удовольствіе? Когда приходилось бороться, этого я не любилъ, а вотъ какъ просить о пощадѣ, молить тебя какъ Бога, дрожитъ, падаетъ на колѣни, хватается за ноги, а глаза горятъ страхомъ, вотъ тутъ-то мнѣ бывало и любо. А какъ стану давить или колоть, то вѣришь ли, баринъ, что самые эти стоны, бой ногъ и рукъ, вздрагиванье тѣла и все значитъ такое что̀ бываетъ предъ насильною смертью, просто бы не наслушался, не нагладѣлся бы, забывалъ тогда все на свѣтѣ; мнѣ все казалось что я душу своего перваго обидчика... словно выше этого счастія и земля ничего для меня не родила!... А вотъ какъ убью и увижу что не дышитъ, ну тогда станетъ таково жалко что и сказать не умѣю, такъ бы вотъ кажется сквозь землю и провалился!... То-ли меня мать прокляла въ своей утробѣ, то-ли нечистый во мнѣ, Богъ знаетъ!... а говорю тебѣ правду: хошь вѣрь, хошь не вѣрь... Вѣдь ужь кажется всѣ истязанія перенесъ на своей шкурѣ и самъ ничему не радъ, а придетъ такой часъ—такъ бы вотъ и рѣзалъ, такъ бы вотъ и душилъ человѣка за обиду, что̀ подѣлаешь! И пусть бы корысть какая мучила, такъ нѣтъ, а какая-то злоба антихриста навалится на душу и тутъ ужь ничего не поймешь что̀ дѣлаешь...

— Ну, будетъ, Гаськовъ! Не хочу вывѣдывать твоей обиды, а думаю что если ты станешь молиться и просить чистосердечно Господа, то Онъ поможетъ тебѣ и уврачуетъ твою душу...

— Да вотъ ужь седьмой годъ изо дня въ день молюся Ему, баринъ, перебилъ меня Гаськовъ,—и все Евангеліе теперь почитай наизусть знаю, да все еще чувствую что не совсѣмъ я исправился, хоть и вижу что мнѣ легче и сны безпокоить не стали; а то вѣдь бѣда: одно время чуть было не рехнулся, такъ тяжко приходилось.

— Ну, вотъ видишь, Гаськовъ! Значитъ и твою молитву Господь слышитъ, а придетъ время...

— Нѣтъ, баринъ, перебилъ онъ опять,—какое ужь мнѣ время! вѣрно я тутъ и погибну какъ дворная собака.

— Кто знаетъ, на все воля Господня, молись!

— Спасибо тебѣ, баринъ, за это, сказалъ онъ, грохнулъ цѣлью, сѣлъ на свою нару и закрылся руками.

— А что, Гаськовъ, еслибъ опять ты очутился на волѣ, неужели и теперь принялся бы за то же? спросилъ подошедшій въ это время Рѣзановъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, чувствую по душѣ что я бы теперь скорѣе полыснулъ себя чѣмъ другаго...

Мы простились, и я съ Рѣзановымъ уѣхалъ домой. Онъ говорилъ мнѣ что Гаськовъ и прежде былъ и теперь лучшій изо всѣхъ преступниковъ по заключенію въ казематѣ; никогда онъ не слыхалъ отъ него никакой грубости, ни одной жалобы.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого посѣщенія Акатуевской тюрьмы я узналъ что всѣ три вышеупомянутые преступника, согласно Высочайшему манифесту при коронованіи императора Александра II, были выпущены изъ тюрьмы и жили на волѣ.

Про Артамонова я не слыхалъ ничего. Гаськовъ жилъ сначала тутъ же въ Акатуѣ, а потомъ поселился въ какой-то деревнѣ и велъ себя хорошо, промышляя охотой. Что же касается старика Романова, то онъ пріютился въ Нерчинскомъ заводѣ, попался по какому-то дѣлу, но былъ оставленъ въ подозрѣніи и находился подъ полицейскимъ присмотромъ.

Въ 1860 году мнѣ случилось снова встрѣтиться съ К. Г. Рѣзановымъ и слово за слово пришлось вспомнить геркулеса Гаськова, а именно меня интересовало какъ живетъ этотъ человѣкъ на волѣ. Старый корпусный товарищъ говорилъ мнѣ что Гаськовъ совершенно остепенился и живетъ въ какой-то деревнѣ, работая крестьянскія колеса и промышляя звѣря.

Тутъ онъ, между прочимъ, передалъ мнѣ эпизодъ освобожденія Гаськова изъ одиночнаго тюремнаго заключенія. Получивъ указъ, Рѣзановъ спряталъ бумагу въ боковой карманъ и отправился въ казематъ. Войдя въ камеру одиночнаго заключенія, онъ нарочно постарался сдѣлать такъ чтобы содержавшійся въ ней преступникъ не догадался о цѣли его прихода; поздоровавшись съ арестантомъ, сѣлъ на нару, закурилъ папиросу и повелъ издалека рѣчь о томъ что ожидается Высочайшій манифестъ, а потому есть надежда что и ему будетъ милость и вѣроятно смягченіе его тяжелой участи. Гаськовъ радовался и крестился, слыша изъ устъ смотрителя о возможной милости.

— Да, говорилъ онъ,—еслибы Господь сподобилъ меня дожить еще на свободѣ, я бы замолилъ себѣ прощеніе у Царя Небеснаго.

— А что, Гаськовъ, вдругъ я бы тебѣ сказалъ сейчасъ: ну, вырви цѣпь изъ стѣны и стулай на волю, ты свободенъ!

— Эхъ, ваше благородіе, устарѣлъ я маленько, а все бы еще попробовалъ при такомъ разѣ.

— Ну, такъ вотъ что, Гаськовъ, разъ этотъ пришелъ, а царская милость велика, покажи свою силу и освободи себя самъ.

— Ей Богу? спросилъ тотъ поблѣднѣвъ.

— Валяй! вотъ и указъ за пазухой.

— Ну, такъ поберегись же, ваше благородіе!

И Гаськовъ отойдя отъ стѣны шага на два, взялъ въ руки цѣпь, замоталъ ее на кулакъ, крякнулъ и такъ рванулъ съ маху что пятивершковый заершеный пробой вылетѣлъ изъ стѣны и вмѣстѣ съ цѣпью перелетѣлъ черезъ его голову.

— Ну, молодецъ! спасибо! теперь молись Богу и иди за мной! сказалъ ему Рѣзановъ.

Гаськовъ положилъ три земные поклона, вытащилъ изъ-за рубахи мѣдный крестъ, поцѣловалъ и пошелъ; а выйдя на крыльцо, вѣроятно отъ душевнаго волненія и свѣжаго воздуха, побѣднѣлъ, закачался и упалъ въ обморокъ. Такъ что бывалаго доѣзжачаго едва отлили холодною водой...

А. ЧЕРКАСОВЪ.

ГРАЖДАНСКОЕ ЧИНОПРОИЗВОДСТВО ВЪ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ упраздненіи у насъ гражданскаго чиноироизводства, созданнаго *табелью о рангахъ* 1722 года. Вопросъ этотъ не новъ; онъ возникалъ неоднократно въ теченіе нынѣшняго столѣтія, въ той или иной формѣ, при каждомъ царствованіи, при императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II; но каждый разъ получалъ отрицательное разрѣшеніе, причемъ поборниками чиноироизводства являлись государственные люди отличавшіеся высокимъ умомъ, обширнымъ образованіемъ и которыхъ нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ statu quo. Мы говоримъ о бывшемъ министрѣ Народнаго Просвѣщенія, графѣ С. С. Уваровѣ, мнѣніе котораго, по этому предмету, приводимъ въ заключеніи статьи.

Въ видахъ болѣе правильнаго разрѣшенія вопроса, какъ матеріалъ можетъ послужить предлагаемая статья, представляющая историческій очеркъ гражданскаго чиноироизводства въ Россіи. Статья эта, по своему содержанію, распадается на два существенные отдѣла: вопервыхъ, о чиноироизводствѣ въ Московскомъ государствѣ, и вовторыхъ, о чиноироизводствѣ со временъ Петра Великаго. *

* Главнѣйшими источниками и пособіями служили автору статьи историческіе труды Карамзина и Соловьева, лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права профессора Сергѣевича; О

I.

Награжденіе лицъ извѣстнымъ званіемъ, чиномъ, велось издавна въ Россіи, и получило полное развитіе въ періодъ Московскаго государства, преимущественно съ Іоанна III. Не подлежитъ сомнѣнію что чины первоначально совпадали съ должностями, но потомъ чинъ получилъ самостоятельное значеніе и жаловался нерѣдко помимо занятія той или другой должности, * причемъ, однако, при награжденіи чиномъ, обращалось постоянно вниманіе и на занимаемую должность, и болѣе высокій чинъ не давался лицу занимавшему не соотвѣтственную, по тогдашнимъ понятіямъ, значенію чина должность. Съ другой стороны, полученіе извѣстной должности не давало еще права на извѣстный чинъ, который нужно было заслужить. Въ этомъ отношеніи не дѣлалось исключенія по отношенію даже къ лицамъ занимавшимъ высшія придворныя должности. Такъ напримѣръ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1628 году, *дворецкій* (высшая придворная должность), князь А. М. Львовъ, пожалованъ въ *окольничіи* (такъ писалось въ старину это слово) только чрезъ шесть лѣтъ (въ 1634 году), въ бояре; *кравчій* С. Л. Стрешневъ пожалованъ въ 1646 году въ окольничіе; *постельничій* И. М. Онучковъ пожалованъ въ 1647 году въ думные дворяне. Увольненіе отъ должности не лишало чина, который сохранялся попрежнему. Вообще, увольненія отъ должностей придворныхъ были рѣдки, за

старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи (изд. 1784 года); *Историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи* (Древ. Росс. Вивл. часть XX изд. 2—1791 года); *Обозрѣніе древнихъ русскихъ придворныхъ чиновъ* (*Отеч. Зап.* изд. Свинынымъ, 1824 года, сентябрь); *Послужной списокъ* старинныхъ бояръ и дворецкихъ, окольничихъ и нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ съ 6970 по 7184 (съ 1462 по 1676). *Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія* (часть I и II и Древ. Росс. Вивл. ч. XX: въ послѣдней находится продолженіе послужныхъ списковъ чиновъ оканчивающійся царствованіемъ Іоанна и Петра Алексѣевичей), *Полное Собраніе законовъ* и *Архивныя* дѣла, преимущественно Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

* Изслѣдованіями Бѣляева и Сергѣевича вполнѣ подтверждено существованіе въ до-Петровской Россіи *чиновъ* какъ особыхъ знаковъ отличія.

исключеніемъ времени Іоанна IV; но и при немъ сохранялось прежнее правило. Такъ напримѣръ, бояре занимавшіе придворныя должности: въ 1547 году *конюшій* князь М. В. Глинскій и *дворецкій* И. И. Хабаровъ, въ 1564 году, *оружничій* Л. Г. Салтыковъ, въ 1575 году, *дворецкій* Н. Ю. Романовъ, *отставлены* были въ означенное время (отъ должностей), но и въ послѣдующіе годы, до смерти своей, значились (*писаны*) въ послужныхъ спискахъ въ боярахъ. Государственныя заслуги выдвигали на высшія степени людей неродовитыхъ (Басмановъ при Борисѣ Годуновѣ, Мининъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ). Другой случай выдвигавшій худороднаго человѣка былъ бракъ царя, причемъ родители и ближайшіе родственники царицы награждались обыкновенно высшими чинами (выдвигались, *выносились* по свойству, по *кикѣ*—названіе происходившее отъ головнаго убора замужней женщины).

Въ Московской Руси крѣпко держался родовой союзъ, причемъ понятіе объ единствѣ рода, какъ бы онъ ни былъ великъ и развѣтвленъ, сохранялось въ силѣ. Старшіе члены рода (*старые родители*) наблюдали за поведеніемъ младшаго, хотя и совершеннолѣтняго и находившагося уже на государственной службѣ, и правительство, раздѣлявшее общій взглядъ относительно крѣпости родоваго быта, взыскивало на старшихъ членахъ рода за поведеніе младшаго. При такой крѣпости родоваго союза, при отвѣтственности всѣхъ членовъ рода другъ за друга, лицо было немыслимо безъ рода; возвышалось на службѣ лицо—возвышался цѣлый родъ; съ пониженіемъ одного члена рода—понижался цѣлый родъ; если же старшій въ родѣ лишался чести, то и весь родъ лишался чести, становился *захудалымъ*. * Отсюда понятно

---

* Этимъ воззрѣніемъ объясняется, между прочимъ, и то обстоятельство что при Іоаннѣ IV, бояре и другіе чины подвергшіеся казни, но не за государственныя преступленія и государственную измѣну, отмѣчались въ спискахъ вмѣсто казненъ, словомъ *выбылъ*, дабы не пало безчестія на ихъ родъ. Такъ *выбыли*: въ 1564 году бояре Хилковъ и Морозовъ; въ 1566 году боярин князь Горбатой и окольничій Головинъ; въ 1567 году бояре князь Ростонскій, князь Куракинъ-Булгаковъ; въ 1571 году князь Серебряной, окольничій Колычевъ, кравчій Басмановъ Ѳедоръ; въ 1572 году боярин князь Черкаскій, казначей Курцовъ; въ 1573 году бояре Морозовъ, князь Воротынскій, князь Одоевскій; въ 1575 году бояре Куракинъ и Бутурлинъ, окольничіи Зайцовъ, Собакинъ, Тулуповъ и пр.

лочему человѣкъ высшаго чина, занимавшій высшую должность, еслибъ и желалъ, не могъ служить подъ начальствомъ лица которое моложе его по чину или прежней должности; иначе онъ поступился бы честью цѣлаго рода, далъ бы другимъ родамъ право *запъзжать*, *утягивать* у его рода честь, право занимать высшую должность, единственно потому что онъ или одинъ изъ его членовъ сидѣлъ въ должности низшей противъ должности члена другаго рода. Естественнымъ послѣдствіемъ сего было *мѣстничество*, проявлявшееся не только при занятіи должностей и при повышеніи въ чинахъ, но и въ частныхъ отношеніяхъ, и притомъ не только среди мущинъ, но и среди лицъ женскаго пола. По примѣру служилыхъ родовъ, мѣстничество охватило и прочіе общественные слои; объ охранѣ отъ поруганія чести, потому что тотъ или иной членъ рода занималъ должность, имѣлъ чинъ выше противъ того съ кѣмъ его *верстали*, *развели* (сдѣлали равнымъ),—*людишки*, *холопишки* постоянно били челомъ царю. * Много вреда причиняло мѣстничество, много *кручины* доставляло оно великому государю, который нерѣдко подвергалъ ослушниковъ великой опалѣ и слишкомъ притязательныхъ били кнутомъ. Впрочемъ, дабы ускорить наказаніе и другимъ было бы неповадно заниматься такимъ дѣломъ, съ челобитчиками расправа бывала и болѣе короткая. Такъ въ 1617 году Левонтьевъ сталъ бить челомъ на князя Гагарина, и думный дьякъ отвѣчалъ ему пощечиной; въ 1620 году попробовалъ и Чихачевъ бить челомъ на князя Шаховскаго; бояре приговорили челобитчика бить кнутомъ, но думный дьякъ Томило-Луговской сказалъ боярамъ: „Долго этого ждать“, да взявши палку, сталъ бить Чихачева по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ И. Н. Романовъ другою палкою билъ его по спинѣ и по ногамъ, и оба приговаривали: „не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру.“ Дабы устранить происходившее отъ мѣстничества зло, царь объявлялъ нерѣдко въ важныхъ случаяхъ, во время походовъ, при бракосочетаніи и при пріемахъ при дворѣ, „быть безъ мѣстъ“ и наконецъ 12 января 1682 года „разрушающее любовь мѣстни-

* Слово *холопъ* при Петрѣ I въ 1702 годъ было замѣнено словомъ *рабъ;* указомъ 19 февраля 1786 года, Екатерина II воспретила употреблять выраженіе *бить челомъ* и называться *рабомъ* и ввела слово *вѣрноподданный*.

чество", отъ коего „велись лакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радость, а между самими богопротивное дѣло— великія продолжительныя вражды",—было уничтожено, и тогда же разрядныя книги сожжены, „чтобы злоба совершенно погибла и впредь не ломиналась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ." „И отъ сего времени", повелѣваетъ государь, „боярамъ и окольничимъ и думнымъ, и ближнимъ, и всякихъ чиновъ людямъ въ Москвѣ въ приказахъ и у расправныхъ и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ и всегда у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься." Несмотря однако на уничтоженіе мѣстничества, на порученіе высшихъ должностей людямъ новымъ, худороднымъ, прежнее начало сохранялось и въ послѣдствіи, и родовитые люди, при удобномъ случаѣ, считали своею обязанностью отстаивать родовую честь, считаться мѣстами. Отъ слѣдующаго же, за уничтоженіемъ мѣстничества, 1683 года дошли до насъ двѣ челобитныя, поданныя одна 11 января, а другая 25 февраля, двумя стрѣлецкими полковниками, которые опредѣлены были въ сіи должности въ Стремянной стрѣлецкій полкъ, считавшійся главнымъ и доказавшій, во время смутъ, преданность правительству. Какъ образецъ взгляда тогдашняго времени, приводимъ одну изъ челобитныхъ дословно:

„Царемъ государемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ бьетъ челомъ холопъ вашъ Микитка Даниловъ сынъ Глѣбовъ. Въ прошломъ, государи, во 190 году (1682) по вашему великихъ государей указу, въ смутное время взятъ я холопъ вашъ по неволѣ въ полковники къ Стремянному полку, а предъ государи, 190 году, отъ выѣзда прародителя моего, сродники мои, Глѣбова, въ такомъ чину не бывали, а по вашему государской милости были сродники мои въ послѣхъ и въ рындахъ и въ полковыхъ воеводахъ и въ вашихъ великихъ государей именныхъ посылкахъ и въ вашихъ великихъ государей походѣхъ, у вашихъ государскихъ знаменъ воеводами и въ ясельничихъ; и нынѣ сродники мои по вашей великихъ государей милости въ думныхъ дворянѣхъ и въ комнатѣ, а братья мои меньшіе нынѣ воеводами въ вашихъ великихъ государей государскихъ городѣхъ. Милосердые

государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы! пожалуйте меня, холопа своего, за крови и за смерти и за многія службы сродниковъ моихъ и за мои холопа вашего службишки, велите, государи, челобитье мое записать, чтобъ, государи, нынѣшняя моя полковничья служба мнѣ холопу вашему и дѣтишкамъ моимъ и сродникамъ, впредь отъ иныхъ родовъ была не въ улрекъ и не въ укоризну и съ моею ровною братьею не въ случай. Цари государи „смилуйтесь!“ На этой челобитной *помѣта* думнаго дьяка Ѳед. Леонт. Шакловитаго:

„191 году, января во 11 день, государи пожаловали, велѣли о томъ челобитье его записать и того чину, въ которой онъ взятъ, впредь никому въ улрекъ и въ укоризну ставить и тѣмъ его никому никогда безчестить не велѣли. Указъ о томъ учинить въ разрядѣ дьяку Василію Григорьевичу Семенову съ товарищи.“ Подобная же резолюція (25 февраля) послѣдовала и по другой челобитной, поданной Акиѳомъ Даниловымъ.

Въ этихъ челобитныхъ высказался русскій человѣкъ до-Петровскаго времени. Но челобитныя эти имѣютъ еще и иное значеніе. Не говоря уже о томъ въ какомъ презрѣніи было стрѣлецкое войско, тѣ же челобитныя указываютъ что и само правительство не отрѣшилось еще окончательно отъ прежнихъ началъ и признавало совершенно естественнымъ и даже законнымъ, съ упраздненіемъ мѣстничества и уничтоженіемъ разрядныхъ книгъ, замѣщать должности соображаясь съ родовыми условіями.

Отъ этого общаго взгляда на взаимныя отношенія служащихъ, разъясняющаго древнее чинопроизводство, переходя къ сему послѣднему, слѣдуетъ замѣтить что собственно чиновъ въ Московской Руси было весьма ограниченное число, причемъ самое награжденіе ими производилось съ особою осмотрительностью и далеко не въ широкихъ размѣрахъ, дабы щедрою раздачею чиновъ не умалялось значеніе самой царской милости. Къ этому присоединялось еще и другое соображеніе. Лица выдвинутыя изъ общаго уровня подданныхъ, поставленныя, такъ сказать, передовыми людьми, должны были обладать для поддержанія своего достоинства и извѣстнымъ матеріальнымъ достаткомъ. Этимъ послѣднимъ воззрѣніемъ объясняется что лица награждавшіяся чинами,

въ случаѣ своей бѣдности,—о которой впрочемъ едва ли не каждый въ то время заявлялъ, хотя бъ и обладалъ достаткомъ,—получали особое ежегодное пособіе, жалованье, которое соразмѣрялось съ важностью чина. А какъ въ Московскомъ государствѣ все опредѣлялось по бывшимъ примѣрамъ, по старинѣ, то, съ теченіемъ времени, каждому чину присвоенъ былъ особый окладъ жалованья.

Чиновъ въ Московскомъ государствѣ было всего пять, а именно: 1) бояринъ, 2) окольничій, 3) думный дворянинъ, 4) стольникъ и 5) стряпчій.

При производствѣ въ чины, въ началѣ не соблюдалось строгой постепенности, да ее и не могло быть какъ не было и самой чиновной лѣстницы. Но съ теченіемъ времени, съ подчиненіемъ удѣльныхъ князей единому Московскому великому князю, съ постепеннымъ отрѣшеніемъ самого государя отъ взгляда на себя какъ на вождя дружины или вотчинника,—словомъ, съ возвышеніемъ государственныхъ началъ, входившихъ въ силу во всемъ государственномъ устройствѣ и управленіи, и на самомъ чинопроизводствѣ должно было отразиться вліяніе новаго взгляда. Въ XVII вѣкѣ, и въ особенности со второй половины сего столѣтія, уже видно стремленіе ввести при производствѣ въ чины извѣстную систему, производить въ чины, избѣгая скачковъ, черезъ чины низшіе и, что особенно важно, производство въ чины допускать преимущественно за заслуги. Но рядомъ съ этимъ началомъ, проявлявшимся еще какъ бы урывками и далеко не окрѣпшимъ, сохранялся, какъ и во всемъ управленіи, и прежній взглядъ родовой. Поэтому хотя правительство и ставило за правило производить въ чины начиная съ низшаго, но изъ этого правила дѣлались исключенія въ широкихъ размѣрахъ. Впрочемъ, нужно при этомъ замѣтить что если при пожалованіи въ чины государь сообразовался съ родовитостью пожалованнаго, то съ другой стороны всякія попытки со стороны родовичей подчинить своимъ счетамъ не только назначеніе на мѣста, но и повышеніе въ чинахъ, постоянно были устраняемы. Такъ уже при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, когда князь Ѳедоръ Лыковъ билъ челомъ о пожалованіи его изъ окольничихъ въ бояре на томъ лишь основаніи что меньшій его братъ, князь Борисъ Лыковъ, состоялъ въ боярахъ и потому ему, какъ старшему, позорно быть въ окольничьихъ, государь челобитья

его не послушалъ, велѣлъ ему быть въ окольничьихъ. Гораздо строже относился къ подобнымъ попыткамъ преемникъ Михаила, царь Алексѣй Михайловичъ, прекратившій однимъ примѣромъ всякую охоту къ дальнѣйшимъ по этому предмету притязаніямъ. Случай былъ слѣдующій: Головинъ, пожалованный въ окольничьи, билъ челомъ что окольничьихъ *въ его пору* нѣтъ и что отецъ его при царѣ Михаилѣ былъ въ боярахъ. За это челобитье Головинъ лишенъ чина и былъ посланъ въ тюрьму съ объявленіемъ при этомъ: „тебѣ страднику ни въ какой чести не бывать“, причемъ Головинъ присужденъ былъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ Сибирь, но отъ сего наказанія государемъ помилованъ. И, дѣйствительно, если кто и могъ еще отказываться отъ занятія той или иной должности, съ коею сопряжены извѣстныя обязанности, то отказаться отъ царской особой милости, рѣдко вообще жалуемой, было уже такого рода ослушаніемъ которое какъ бы наносило поруху государеву имени, государевой чести.

Переходимъ затѣмъ къ разсмотрѣнію значенія самыхъ чиновъ и остановимся прежде всего на высшемъ изъ нихъ, боярскомъ. Наименованіе *боринъ* производятъ отъ разныхъ словъ. Въ церковныхъ книгахъ, а иногда и въ актахъ гражданскихъ, боринъ именуется *бояриномъ*, что̀ дало поводъ производить это слово отъ глагола *болю*, будто бы указывающаго на человѣка „о несчастіяхъ отечества крайне *соболѣзнующаго* или всякія *боли* и труды къ правленію государства, съ усердіемъ прилагающаго.“ Историкъ Татищевъ слово *боринъ* производитъ отъ финскаго слова и толкуетъ его въ значеніи *умной головы*, *мудраго человѣка*. Наконецъ Карамзинъ не сомнѣвается что слово боринъ происходитъ отъ *боя* и въ началѣ знаменовало воина отличной храбрости, а послѣ обратилось въ санъ. * Но отъ какого бы слова ни происходило названіе боринъ, несомнѣнно только то что бояре появляются уже съ перваго періода русской исторіи (византійскія лѣто-

* *Срезневскій* въ сочиненіи: *Мысли объ исторіи русскаго языка*, говоритъ что слово боринъ славянское и его можно производить или отъ слова *бой*, съ суффиксомъ *арь* (писарь, лѣкарь), *боярь*, *бояринъ*, то-есть воитель; или оно принадлежитъ отъ корня *боль*, *болій*, *боляръ*, *бояринъ*, что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ иностранному слову *грандъ*.

лиси подъ 764 годъ упоминаютъ уже о боярахъ у Славянъ болгарскихъ) и занимаютъ первое мѣсто послѣ князя. Нерѣдко впрочемъ слову *бояре* придается обширное значеніе и подъ ними разумѣлись вообще высшіе царскіе слуги; боярами же иногда назывались и старшіе члены горожанъ въ отличіе отъ другихъ горожанъ молодшихъ. Это первенствующее значеніе въ Сѣверо-Восточной Руси бояре сохраняютъ до уничтоженія самаго боярства, тогда какъ въ юго-западной Руси бояре съ теченіемъ времени низводятся на низшія степени службы. Причины подобнаго различія кроются въ самой государственной жизни, въ значеніи верховной власти въ той и другой половинѣ Руси. Въ то время когда Московскіе князья утверждаются въ странѣ и дѣлаются ея полновластными, самодержавными хозяевами, а населеніе называетъ себя „людьми великаго князя“, — юго-западная часть Руси все болѣе и болѣе раздробляется, верховный правитель ея теряетъ почти всякое значеніе, а болѣе знатные люди, магнаты, паны, до того усиливаются что король сохраняетъ почти только номинальную власть, являясь безсильнымъ вождемъ своей могучей дружины, которая заводитъ свои дворы, своихъ бояръ, своихъ слугъ. При такомъ положеніи, бояре, какъ слуги, теряли свое значеніе и все ниже и ниже опускались, не имѣя притомъ и опоры въ землѣ, которою они не надѣлялись; и хотя названіе боярина и удерживалось, но съ развитіемъ (со временъ Казиміра III) польскаго шляхетскаго права они были уже не болѣе какъ заурядными королевскими и панскими слугами, мало отличавшимися отъ хлоповъ, даже ставшими ниже мѣщанъ, которые по нѣкоторымъ своимъ должностямъ пользовались шляхетскими правами и въ качествѣ землевладѣльцевъ участвовали, до извѣстной степени, даже въ сеймовыхъ собраніяхъ, которыя для западно-южныхъ бояръ были совершенно недоступны.

Бояре, въ Московскомъ государствѣ, какъ сказано выше, были первыми, старшими слугами государя и исполняли важнѣйшія должности какъ гражданскія, такъ и военныя. Съ боярами царь рѣшалъ всѣ важныя дѣла, съ ними происходило *сидѣнье великаго государя о дѣлахъ*, а если дѣла не такъ важны, или по какимъ-либо обстоятельствамъ государь не могъ лично присутствовать при совѣщаніи, то приказывалось рѣшать ихъ боярамъ безъ себя, приказывалось *сидѣть* имъ о какомъ-нибудь дѣлѣ. А такъ какъ бояре сидѣли во

дворцѣ, то отсюда и выраженіе: „взносить дѣла съ боярами *вверхъ*“. Если государь отлучался изъ Москвы хотя на короткое время и даже въ ближайшія отъ столицы мѣста, то нѣкоторые бояре, по царскому указу, дневали и ночевали въ государевыхъ палатахъ и завѣдывали Москвой, что̀ называлось *вѣдать Москву*. Хотя царь совѣтовался съ боярами, но мнѣнія ихъ, приговоры, вовсе не были обязательны для государя. Въ извѣстномъ же выраженіи: *государь указалъ и бояре приговорили*, указывается лишь на самый ходъ совѣщаній. Царь приказывалъ своимъ совѣтникамъ „помысля дать къ дѣлу способъ“; совѣтники даютъ способы и составляется приговоръ съ указаннымъ выраженіемъ. Если же придавать этому выраженію важное какое-либо значеніе,—что̀ было бы совершенно несогласно ни съ исторіей, ни съ народнымъ воззрѣніемъ, ни со взглядомъ государя на верховную власть,—то надобно было бы придать важное значеніе и другому, употреблявшемуся въ старину, въ актахъ, выраженію: „по указу великаго государя и по *приказу дьяковъ*“ (сдѣлано то-то).

Къ слову боринъ присоединялись иногда слова: *ближній*, *комнатный*, но подобное прибавленіе не означало ни особаго чина, ни особой должности, а служило лишь знакомъ, въ первомъ случаѣ особой милости царя къ боярину, а во второмъ что такой-то боринъ призывался въ царскіе покои, преимущественно въ качествѣ дядьки къ малолѣтнимъ царскимъ дѣтямъ. Но косвенно тѣ и другіе бояре имѣли несомнѣнно особое значеніе: съ ними царь совѣтовался о дѣлахъ помимо думы; на нихъ же возлагались болѣе важныя и требующія тайны порученія. Бояре имѣли особыя внѣшнія отличія. Такъ платье ихъ вышивалось золотомъ, унизывалось жемчугами и драгоцѣнными камнями; бояре носили шубы собольи, на головѣ высокія черныя *горлатныя* шапки, такъ названныя потому что опушка на нихъ дѣлалась изъ горлъ, душекъ черныхъ лисицъ; во время проѣздовъ по городу, боярина сопровождало значительное число *вершниковъ* и еще больше пѣшихъ *знакомцевъ* (бѣдныхъ дворянъ, жившихъ у бояръ на хлѣбахъ), ударявшихъ для свободнаго проѣзда боярина въ небольшіе ручные бубны и принимавшихъ его подъ руки изъ экипажа или съ лошади. Для поддержанія своего достоинства многіе бояре получали жалованье, обыкновенный окладъ коего былъ отъ четырехсотъ до пятисотъ рублей. Окладъ этотъ за особыя заслуги увеличивался, доходя съ небольшимъ до тысячи

рублей. Въ 1686 году, для заключенія вѣчнаго мира съ Польшей, прибавлено каждому боярину жалованья по сту рублей, а князю В. В. Голицыну, „за оное мирное постановленіе, которое больше было дѣйствіе его старанія,“ сверхъ рядовой сторублевой придачи пожаловано 250 рублей, да ему же за первый Крымскій походъ 1687 года еще 250 рублей; затѣмъ боярамъ участвовавшимъ во второмъ Крымскомъ походѣ 1689 года учинена придача: иным 100 рублей, иным 150 рублей, а иным 250 рублей; наконецъ, бывшимъ съ государемъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ во второмъ Троицкомъ походѣ 1689 года сдѣлана придача по 300 рублей. Кромѣ того, бояре, какъ и прочіе служащіе, обязанные поставлять во время войны извѣстное число рекрутъ, получали особый надѣлъ изъ казенныхъ земель, помѣстье, размѣръ котораго соотвѣтствовалъ положенію лица въ служебной іерархіи. По Уложенію 1649 года, бояре получали въ *Московскомъ уѣздѣ* по 200 четвертей. (Улож. Ал. Мих. Гл. XVI, ст. 1.)

Мы уже говорили что въ бояре жаловались лица принадлежавшія къ самымъ родовитымъ, *честнымъ* фамиліямъ. Но, уже со временъ Михаила Ѳедоровича, при которомъ такъ строго стремились поддерживать прежній до-смутный порядокъ, нѣкоторыя лица не принадлежащія къ древнимъ знаменитымъ родамъ жаловались въ бояре. Царь Алексѣй Михайловичъ шелъ уже далѣе. Такъ дьякъ А. Л. Ордынъ-Нащокинъ дѣлается воеводой знатнаго города Пскова и доводится до боярства. Но еще разительнѣе примѣръ представляетъ Матвѣевъ. Дьячій сынъ, голова въ стрѣлецкомъ войскѣ, гдѣ служить даже въ болѣе высокомъ званіи считалось безчестіемъ и для самаго неродовитаго дворянина, Матвѣевъ приближается къ царю, постепенно повышается въ чинахъ, получаетъ послѣдовательно чины думнаго дворянина, окольничаго и наконецъ въ 1675 году достигаетъ высшаго, боярскаго чина и становится во главѣ высшаго государственнаго учрежденія. Замѣчательно что подобныя назначенія вовсе не возбуждали особеннаго неудовольствія среди родовитыхъ людей, и если мы видимъ со стороны ихъ попытки унизить Ордынъ-Нащокина, то это происходило единственно благодаря его неломѣрно дурному, завосчивому характеру, тогда какъ Матвѣевъ, при своей обходительности, пользовался уваженіемъ и расположеніемъ родовитыхъ людей, охотно совѣтовавшихся съ нимъ; далъ же Матвѣевъ, какъ извѣ-

ство, вслѣдствіе лишь семейной борьбы, послѣ смерти Алексѣя Михайловича, между дѣтьми первой жены царя и семьей второй его жены, Наталіи Кириловны Нарышкиной.

Второю степенью, по важности, послѣ боярскаго, былъ чинъ *окольничаго* *. О происхожденіи этого слова также было много толковано. По мнѣнію Татищева, слово это происходитъ отъ *околичности*, такъ какъ окольничимъ поручались въ смотрѣніе *окольности* (границы) и судъ пограничный. Академикъ Миллеръ производитъ слово *окольничій* отъ *околичности дорогъ*, ибо, говоритъ Миллеръ, первая должность окольничаго состояла въ томъ чтобы въ государевы дальніе походы напередъ ѣхать, наблюдать лути, чтобы вездѣ по дорогѣ и *около дороги* было чисто, смирно и безопасно, чтобы мосты исправить, дворы занимать, подводы заготовить и на станахъ всѣ надобности въ готовности держать. Наконецъ, есть еще мнѣніе что окольничій происходитъ отъ слова *околичность* въ смыслѣ обязанности, дѣла. Такъ въ уставѣ (временъ царя Ѳеодора Алексѣевича) о степеняхъ, относительно должности „боярина и двороваго воеводы", между прочимъ, говорится что онъ „долженъ остерегать о *всякихъ воинскихъ околичностяхъ*, сирѣчь смѣту ратемъ и устроеніе и пріуготовленіе оружія". На этомъ основаніи дѣлается выводъ что окольничіе получили свое названіе отъ порученія имъ какихъ-либо особыхъ опредѣленныхъ обязанностей, въ противоположность общимъ обязанностямъ другихъ чиновниковъ.

Прежде всего, нѣтъ положительныхъ указаній чтобъ окольничимъ поручалось исключительно смотрѣніе за *окольностями* (границами) или дорогами, а если и дѣлались такія порученія, то это вовсе не было общимъ правиломъ. Что касается предположенія о происхожденіи слова окольничій отъ *околичности*, въ смыслѣ извѣстной обязанности, то достаточно лишь взглянуть на списки степеней разныхъ чиновъ чтобъ убѣдиться въ томъ что каждой должности присвоивались извѣстныя опредѣленныя обязанности, въ большинствѣ случаевъ совершенно *отличныя* отъ обязанностей по инымъ должностямъ. Гораздо вѣроятнѣе предположеніе Карамзина что слово окольничій

---

* *Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*, Калачева, книга II, половина I, отд. VII, окольничій. (Стр. 137—153).

происходитъ отъ слова *около* и означало нахожденіе его *около* царя. И дѣйствительно, окольничіе составляли первоначально ближайшаго человѣка при государѣ, которому государь особенно вѣрилъ и поручалъ ему разныя дѣла, требовавшія особеннаго царскаго довѣрія. Указанія *Судебниковъ* Іоанна III и Іоанна IV на окольничихъ какъ на органы судопроизводства важутся съ этимъ предположеніемъ, такъ какъ именно наблюденіе за правильностью, справедливостью суда государи всегда считали первымъ своимъ долгомъ, а на кого же въ этомъ случаѣ и возможно было болѣе положиться какъ не на лицъ близко стоящихъ къ государю, близко извѣстныхъ ему? Потому-то окольничимъ поручалось разсмотрѣніе и всѣхъ приносимыхъ на имя государя жалобъ на неправильность, пристрастіе судей и вообще должностныхъ лицъ. Царь Іоаннъ IV, жалуя Адашева въ окольничіе, сказалъ ему: „Алексіе, вручаю тебѣ челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ и надзирати ихъ съ разсмотрѣніемъ, вся испытно разсмотряши и къ намъ истину приносити, бояся суда Божія". Въ первый разъ въ актахъ упоминается объ окольничихъ подъ 1341 годомъ. Въ этомъ году названіе окольничій встрѣчается въ договорной грамотѣ Великаго Князя Симеона Гордаго съ братьями, при имени одного изъ свидѣтелей. Отсюда можно только заключить что окольничіе были уже извѣстны прежде означеннаго времени. На близкія отношенія государя къ окольничему указываетъ множество актовъ. Такъ во время царскаго обѣденнаго вѣнчальнаго стола, окольничій имѣлъ особое близъ государя мѣсто (окольничій столъ);* при поѣздкахъ государя окольничій занималъ мѣсто съ правой стороны экипажа, тогда какъ бояре обыкновенно ѣхали позади экипажа; окольничіе ѣздили по Россіи чтобы видѣть всѣхъ дѣвицъ какія могли быть представлены государю для выбора царской невѣсты; они же разслѣдовали, по жалобамъ, злоупотребленія намѣстниковъ и воеводъ при отъѣздѣ государя изъ Москвы; окольничіе, вмѣстѣ съ боярами, вѣдали Москву; на нихъ же возлагалось отправленіе дѣлъ посольскихъ за границей; они же принимали во дворцѣ пріѣзжавшихъ въ Россію иностранныхъ пословъ и т. п. Наконецъ, окольничіе участвовали обыкновенно при

* *Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія*, ч. II, *Свадьба В. К. Василія Ивановича всея Руси*, стр. 89.

сидѣніяхъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ. Словомъ, не было порученія болѣе или менѣе важнаго которое не давалось бы окольничимъ, не было и такого дѣла (особенно тайнаго) которое не возлагалось бы на окольничаго и по которому не совѣтовался бы государь обыкновенно съ окольничимъ. Это дало основаніе Герберштейну (пріѣзжавшему въ Россію при Василіи Ивановичѣ) называть въ своемъ сочиненіи окольничаго „верховнымъ совѣтникомъ (supremus consiliarius), который всегда находится подлѣ великаго князя".

Мы уже сказали что окольничіе были особенно приближенными къ государю лицами. Поэтому при назначеніи въ настоящую должность государи не придерживались родовыхъ началъ и жаловали симъ званіемъ и лицъ изъ захудалыхъ родовъ, нерѣдко не отличавшихся даже и особенными ранѣе сего оказанными заслугами. Такъ Алексѣй Адашевъ взятъ былъ „отъ ницихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей", какъ указывалъ ему на это самъ царь. Въ послѣдствіи однако окольничій какъ должность совершенно исчезаетъ, и является чиномъ, который жаловался за личныя заслуги или за заслуги предковъ. Такъ уже при Іоаннѣ IV Грозномъ многіе жаловались въ окольничіе, не имѣя опредѣленныхъ обязанностей. При преемникахъ его окольничій все болѣе и болѣе становился почетнымъ званіемъ, чиномъ, вслѣдствіе чего и число окольничихъ, въ прежнее время весьма ограниченное (при вступленіи на престолъ Іоанна IV всего одинъ) все болѣе увеличивалось и въ 1692 году ихъ уже было 61 человѣкъ. Окольничіе занимали второе мѣсто послѣ бояръ; подобно боярамъ, нѣкоторые окольничіе носили званіе *ближнихъ* и *комнатныхъ* съ тѣмъ же значеніемъ какое подобныя наименованія имѣли и у бояръ. Жалованья окольничіе получали отъ трехсотъ до пятисотъ семидесяти рублей въ годъ. Къ этому жалованью сдѣланы были окольничимъ слѣдующія прибавки: при объявленіи царевича Ѳеодора Алексѣевича насаѣдникомъ престола (1 сентября 1674 года) нѣкоторымъ изъ нихъ прибавлено по 70 рублей, за Троицкую службу 1682 года по 70 руб., для заключенія вѣчнаго мира съ Польшей по 70 руб. и за Троицкую Петру I службу 1689 года по 270 руб. Въ помѣстье выдавалось окольничимъ въ Московскомъ уѣздѣ по 150 четвертей на человѣка.

Третій чинъ—*думные дворяне жившіе въ Думѣ.* * Въ этотъ

* По мнѣнію историка С. М. Соловьева, слово *Дума* въ старину не

Алексѣя Михайловича къ собранному въ 1653 году, въ походъ противъ Польши, войску. Царь приказываетъ думному дьяку стать предъ собой и сказать войску: „*стольники, стряпчіе*, дворяне московскіе и жильцы“ и т. д. (Соловьева *Ист. Росс.* т. X изд. 1877, стр. 311). Наиболѣе же наглядным доказательствомъ можетъ служить бывшее 24 ноября 1681 года совѣщаніе между правительствомъ и выборными. Рѣчь шла о *ратномъ уставѣ* и для обсужденія этого дѣла были призваны правительствомъ къ выраженію своего мнѣнія выборные „отъ *стольниковъ*, генераловъ, полковниковъ рейтарскихъ и пѣхотныхъ, *стряпчихъ*, дворянъ, жильцовъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ.“ При царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и въ правленіе царевны Софіи многіе полковники регулярныхъ полковъ и стрѣлецкаго войска жаловались въ стольники. Какъ постоянное званіе, а не временное, чины эти, подобно прочимъ, писались всегда прежде должности лица занимавшаго извѣстную должность. Дворянами числились всѣ состоявшіе въ придворныхъ должностяхъ на царской службѣ. Изъ актовъ мы видимъ что даже простые истопники (отличавшіеся отъ *истопничихъ*, имѣвшихъ надъ первыми надзоръ) числились дворянами. * Мы имѣемъ положительныя удостовѣренія что въ числѣ стольниковъ и стряпчихъ было много лицъ принадлежавшихъ по рожденію къ низшимъ общественнымъ сословіямъ и производившихся притомъ въ эти чины безо всякихъ даже выдающихся заслугъ. На это обстоятельство было обращено въ послѣднее время особенное вниманіе, и при учрежденіи въ 1682 году Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи предложено было производить на будущее время „въ государскіе чины: въ *стольники, стряпчіе* и др. изъ лицъ *непринадлежащихъ къ благороднымъ* только тѣхъ которыя окончатъ академическое образованіе („научатся свободнымъ ученіямъ“) или явятъ на *войнѣ* и въ другихъ государственныхъ дѣлахъ заслуги“. **

---

* *Древ. Рос. Вивл.*, XX, стр. 229. Одинъ изъ потомковъ истопника-дворянина, сосланнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Сибирь, носившихъ, по званію отца, въ послѣдствіи фамилію *Истопниковыхъ*, бывъ начальникомъ казеннаго китайскаго каравана, вывезъ изъ Китая большой драгоцѣнный камень („лалъ“), который потомъ сталъ украшеніемъ Императорской короны.

** *Древн. Рус. Вивл.* (изд. 2), т. VI, 397—420; Соловьева *Исторія*

На различіе между должностью и чиномъ указываетъ и наименованіе стольниковъ и стряпчихъ однихъ *комнатными*, а другихъ *площадными*, такъ названными потому что они не имѣли *права* входа не только во внутреніе царскіе покои, но даже и быть въ *передней*, а должны были, въ ожиданіи видѣть пресвѣтлыя царскія очи, находиться на *крыльчной* дворцовой *площадкѣ*.* Изъ списковъ времени правленія царевны Софіи Алексѣевны видно что *комнатныхъ* стольниковъ было, между прочимъ, у царя Іоанна Алексѣевича 74, у царя Петра Алексѣевича 69 и у царицы Евдокіи 20. Затѣмъ показано стольниковъ, служившихъ въ полковникахъ и въ начальныхъ людяхъ 138 и удостоенныхъ въ стольники изъ смоленской шляхты 59 и, наконецъ, стольниковъ, *безъ приложенія комнатъ* 2.724. Стряпчіе *комнатные* назывались *стряпчими съ платьемъ*, стряпчими *съ ключемъ*.

Между стольниками и стряпчими было значительное различіе. Первый чинъ считался несравненно выше и важнѣе втораго. Стольники могли занимать должности даже воеводъ, тогда какъ стряпчіе до такихъ должностей никогда не доходили и занимали должности какъ въ войскѣ, такъ и по гражданской службѣ малозначительныя. Средній окладъ жалованья стольникамъ составлялъ 50 рублей, хотя нѣкоторымъ такой окладъ доходилъ съ небольшимъ до 200 руб., самый же меньшій окладъ жалованья ограничивался пятнадцатью руб. въ годъ. Къ стольничьему окладу сдѣланы были, для нѣкоторыхъ, прибавки, а именно, при объявленіи царевича Ѳедора Алексѣевича наслѣдникомъ престола, прибавлено стольникамъ денегъ по двѣнадцати руб.; при двухъ походахъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь въ 1682 и 1689 годахъ, тѣмъ

Россіи. Т. XIII (изд. 1879 г.), стр. 305; Сергѣя Смирнова: *Исторія Московской Славяно-Греко-Латин. Акад.* (Москва 1855 г.), стр. 14.

* Передняя имѣла важное преимущество предъ крыльцомъ. Такъ одинъ *зсмлецъ* (къ которымъ относились лица принадлежащія *къ дворянству*, но совершенно еще безчиновныя, не имѣвшія и опредѣленной должности, но обязанныя служить въ войскѣ), бьетъ челомъ государю „пожалуй меня, холопа своего, для великаго чудотворца Алексѣя митрополита и для многолѣтняго здоровья сына своего царевича, за мое службишко и терпѣнье вели, государь, мнѣ быть при своей царской свѣтлости въ *передней*, а родители мои (родственники) пожалованы въ переднюю. (Приказн. дѣла Московск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, годъ 1660.)

стольникамъ которые слѣдовали съ дворомъ, деньгами по семи и по десяти руб., и въ 1686 году для учиненія вѣчнаго мира съ Польшею деньгами по двадцати пяти руб. въ годъ. Кромѣ того, стольники надѣлялись и помѣстьями. Стряпчіе получали жалованья несравненно меньше стольничаго, но по помѣстнымъ окладамъ близко подходили къ стольникамъ; многіе же стряпчіе произведенные въ сей чинъ не за военныя заслуги, а за гражданскія, какъ приказные, вовсе не получали жалованья и кормились отъ приказныхъ дѣлъ, сообразно съ порученною имъ должностью.

Высшимъ сословіемъ, открывавшимъ доступъ къ занятію высшихъ должностей, было сословіе *московскихъ дворянъ*. Принадлежащіе къ этому сословію пользовались большими правами; они имѣли доступъ ко двору, куда въ праздничные дни и при церемоніяхъ, напримѣръ при аудіенціяхъ посольскихъ, являлись въ богатомъ, по тогдашнему выраженію, въ *свѣтломъ платьѣ*; имъ же открытъ былъ доступъ къ занятію видныхъ должностей и даже воеводъ, хотя бы они и не имѣли никакого чина. Такъ *московскіе дворяне*, князь Б. Г. Вяземскій и князь Б. И. Вяземскій, были воеводами, первый въ 1634 году въ Переяславлѣ Рязанскомъ, а второй въ 1656 году Верхососенскомъ. Изъ московскихъ же дворянъ назначались въ придворныя должности, преимущественно въ стольники, и затѣмъ награждались высшими государственными чинами, причемъ нѣкоторые изъ знатныхъ родовъ производились изъ стольниковъ прямо въ бояре, минуя чины думнаго дворянина и даже окольничаго. Нѣкоторые московскіе дворяне именовались еще *комнатными*, названными такъ потому что имъ, по царской милости, открытъ былъ входъ въ государевы комнаты. Кромѣ московскихъ дворянъ были еще *дворяне городовые*, но эти послѣдніе далеко не пользовались тѣмъ значеніемъ какое имѣли московскіе дворяне; состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи того начальника города и уѣзда гдѣ имѣли помѣстья, причемъ начальникъ могъ ихъ наряжать на всякія службы, по своему усмотрѣнію. Этимъ объясняется стремленіе лицъ родовитыхъ, взысканныхъ особою царскою милостью и имѣвшихъ даже значительные чины, лично пріобрѣтенные, попасть въ московскіе дворяне. Такъ, между прочими изъ городовыхъ дворянъ пожалованы въ дворяне московскіе, *вписаны въ спискахъ московскій*: въ 1650 году князь Н. Ѳ. Вяземскій, а въ 1678 году февраля

въ 15 день Великій Государь Царь Θеодоръ Алексѣевичъ пожаловалъ, велѣлъ быть по московскому списку князю Θ. В. Елецкому; въ 1687 году тунгузскій князь Нерчинскаго уѣзда *Катанъ*, а по записи Павелъ Петровъ сынъ *Гантимуровъ*, въ бытность свою въ Москвѣ, пожалованъ былъ въ московскіе дворяне. Въ 1668 году князь Ю. М. Солнцевъ изъ государевыхъ *стряпчихъ*, да князь С. В. Клобуковъ - Масальскій, изъ государевыхъ *стольниковъ*, пожалованы въ московскіе дворяне. При такомъ важномъ значеніи московскихъ дворянъ, провинившіеся изъ нихъ, впадавшіе въ опалу, переписывались иногда въ городовые дворяне, что̀ называлось *записать по городу*. Что московскіе дворяне составляли сословіе, а не чинъ, подтвержденіемъ тому служитъ то обстоятельство что это званіе переходило къ потомству и дѣти московскаго дворянина безъ особаго пожалованія именовались уже московскими дворянами.

Наконецъ, кромѣ дворянъ были еще особыя званія *дѣтей боярскихъ* и *жильцовъ*. Что касается перваго званія, то хотя первоначально оно и соотвѣтствовало своему названію и дѣтьми боярскими, такъ-сказать лицами, начинавшими царскую службу, были дѣйствительно дѣти знатныхъ родовъ, но съ теченіемъ времени въ XVII столѣтіи подъ дѣтьми боярскими разумѣлось не что̀ иное какъ рядовое войско, куда поступали лица получавшія незначительный земельный надѣлъ и обязанныя при призывѣ явиться на конѣ съ извѣстнымъ вооруженіемъ *. Изъ нихъ образовывались *десятни*, подъ которыми разумѣлось не десять человѣкъ, а всѣ дѣти боярскія извѣстнаго города; надъ десятнями были *головы*, назначавшіеся уже изъ *нечиновныхъ дворянъ* или изъ *стольниковъ*.

Относительно *жильцовъ* слѣдуетъ замѣтить что названіе

* Такъ по росписаніямъ между прочимъ значится: Ивашко Оксеновъ сынъ Максимовъ, на меринѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ; Павликъ Никитинъ, сынъ Уваровъ, въ панцырѣ, въ шеломѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ, конь простъ; Янька Матвѣевъ, сынъ Крупенинъ, на меринѣ, въ тегиляѣ, въ толстомъ саадакѣ, въ саблѣ; Иванъ Верещагинъ, сынъ Морозовъ, на конѣ, въ доспѣхахъ, въ шапкѣ желѣзной, въ саадакѣ, въ саблѣ и пр. Дѣти боярскіе набирались изъ свободныхъ вообще сословій; поэтому въ числѣ ихъ встрѣчаемъ *попова* сына; въ 1650 году, какъ видно изъ указа 1651 года, многіе казаки и стрѣльцы *поверстаны въ дѣти* боярскіе.

это дано имъ потому что дворяне обязаны были являться въ Москву на службу, *живали* въ Москвѣ и по установленной очереди являлись для охраны дворца, причемъ имъ отводилось тамъ особое помѣщеніе, называвшееся *жилецкою подъ клѣтью*. Съ этого званія и начиналась собственно для дворянъ царская служба, причемъ жильцамъ поручались иногда и другія мелкія дѣла. Въ жильцы поступали какъ московскіе дворяне, такъ и городовые, и за свою службу производились не рѣдко въ чины, а не принадлежащіе къ московскому дворянству приписывались къ сему послѣднему; при этомъ употреблялось выраженіе: пожалованъ изъ *житья* во дворяне, стряпчіе. Въ послѣдствіи жильцы предназначались, подобно однодворцамъ, исключительно къ военной службѣ. Имъ также велись особые жилецкіе списки, по которымъ они и призывались на военную службу. Съ учрежденіемъ регулярной арміи прекращенъ былъ съ 1701 года наборъ жильцовъ, но жилецкое званіе удерживалось до 1711 года, когда оно было окончательно отмѣнено.

Заключая настоящій отдѣлъ, нельзя не прійти къ тому выводу что на производствѣ въ чины какъ и на всемъ вообще государственномъ управленіи первоначально отражался родовой бытъ. Чѣмъ знатнѣе, важнѣе было лицо по происхожденію, тѣмъ высшую должность оно занимало, тѣмъ скорѣе достигало оно и высшихъ почестей, высшихъ чиновъ, нерѣдко даже обходя чины низшіе. Князь Д. М. Пожарскій, спаситель отечества, становится, по мѣстничеству, все-таки ниже не только извѣстнаго, по тогдашнимъ смутамъ, тушинскаго боярина князя Трубецкаго, но ниже даже *сына* еще болѣе извѣстнаго и тушинца и открытаго врага отечества, Михаила Салтыкова, и сыну этого-то человѣка Пожарскій по мѣстническимъ счетамъ выдается головой.

Съ теченіемъ однако времени верховная власть все болѣе и болѣе отрѣшается отъ прежнихъ взглядовъ; при повышеніи лицъ все болѣе выступаютъ личныя качества повышаемыхъ, помимо рода, и въ самомъ чинопроизводствѣ видны слѣды правильной системы: было установлено весьма ограниченное число самыхъ чиновъ, награждали ими въ видѣ особаго знака царской милости, а не за простое прохожденіе службы извѣстнымъ числомъ лѣтъ. Извѣстно какимъ уваженіемъ пользовались со стороны общества лица чиновныя. Но рядомъ съ этими новыми началами сохраняются еще и старые взгляды, причемъ

попытки къ измѣненію прежде господствовавшей системы производятся какъ-то нерѣшительно, неувѣренно, робкими шагами; не доставало твердой руки которая очистила бы окончательно намѣченный уже ясно новый путь. Является Петръ I, и по своей дикой натурѣ, не знающей покоя и остановки, совершаетъ крутой переворотъ во всей государственной жизни, охватившій и древне-русское чинопроизводство.

II.

Первоначально Петръ Великій при производствѣ въ чины слѣдовалъ системѣ своихъ предшественниковъ, причемъ бывали случаи что чины жаловались не исключительно за личныя заслуги, но и во вниманіе къ службѣ родственниковъ. Такъ по именному царскому указу двинскій воевода, въ 1698 году стольникъ, А. А. Матвѣевъ, *за службу отца* его, боярина А. С. Матвѣева, пожалованъ въ окольничіе. * Съ отдѣленіемъ гражданскихъ должностей отъ военныхъ, прежніе чины стали жаловаться только лицамъ занимавшимъ гражданскія должности, и это продолжалось до введенія табели о рангахъ 1722 года. Такъ мы видимъ что въ 1711 году, въ бытность царя въ Эльбингѣ, пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе А. А. Юшковъ; въ числѣ лицъ подписавшихъ приговоръ о смертной казни царевичу Алексѣю встрѣчаемъ подписи *бояръ* Алексѣя Салтыкова и Петра Бутурлина. Со введеніемъ табели о рангахъ древніе чины отмѣнены, однако нѣкоторые изъ пожалованныхъ въ такіе чины до того времени удерживали прежнія званія; по крайней мѣрѣ извѣстно что князь И. Ю. Трубецкой носилъ до своей смерти, въ 1750 году, званіе боярина. Переходимъ къ самой *табели*.

Мысль объ измѣненіи дѣйствовавшей системы чинопроизводства возникла у Петра Великаго одновременно съ примѣненіемъ къ Россіи западно-европейскихъ правительственныхъ учрежденій. Заимствуя для Россіи, вмѣстѣ съ послѣдними, и самыя названія какъ учрежденій такъ и входящихъ въ оныя должностей, преобразователь не могъ при

* *Лѣтописецъ Двинской.* (*Опытъ Труд. Вольн. Росс. Собр.*, ч. I, изд. 1774 года, стр. 176.)

этомъ не обратить вниманія и на существовавшее тамъ особое, установленное закономъ, соотношеніе между разными должностями не только одного и того же вѣдомства, но и другихъ вѣдомствъ, съ присвоеніемъ каждой должности извѣстнаго *ранга* съ извѣстными правами. Зародившаяся мысль выразилась первоначально, какъ это обыкновенно случается, въ частныхъ распоряженіяхъ. Сперва эти распоряженія касались отдѣльныхъ случаевъ, преимущественно при пріемахъ при Дворѣ, при общественныхъ собраніяхъ и при особыхъ торжественныхъ случаяхъ въ частномъ быту (крестинахъ, бракосочетаніи). Въ 1712 году эти распоряженія распространяются на все дворянство, по отношенію собственно къ военному сословію. Этимъ указомъ (л. 23) повелѣно: сказать всему шляхетству чтобы каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ, какой бы фамиліи ни былъ, почесть и первое мѣсто (если самъ не имѣлъ военнаго чина) давалъ каждому оберъ-офицеру. Это постановленіе ясно уже указывало на желаніе законодателя установить на этомъ началѣ, въ видѣ общей мѣры, *ранги* по всѣмъ вѣдомствамъ. На сей конецъ собраны были дѣйствовавшія по этому предмету въ то время законоположенія въ Швеціи, Франціи Пруссіи, Даніи, Англіи, а также въ Польскомъ королевствѣ и Венеціанской республикѣ. Изъ этихъ законоположеній, переведенныхъ на русскій языкъ, въ основаніе проектированной для Россіи табели о рангахъ приняты постановленія первыхъ пяти державъ: въ самой же системѣ приняты во вниманіе преимущественно постановленія датскія и прусскія, какъ наиболѣе опредѣленныя и обнимавшія предметъ во всей его совокупности, тогда какъ подобнаго систематическаго изложенія въ Швеціи, Франціи и Англіи не было.

Изъ *датскихъ* законоположеній приняты въ соображеніе постановленія изданныя 11 февраля 1699 года и 11 февраля 1717 года. По обоимъ этимъ постановленіямъ всѣ должности подраздѣлены на девять ранговъ (разрядовъ), но каждый изъ этихъ ранговъ подраздѣляется еще на нѣсколько отдѣльныхъ степеней, должностей, причемъ показаны особо и женскіе ранги, которыхъ было 23 *.

* Эти 9 разрядовъ подраздѣлялись на слѣдующія степени: *по положенію 1699 года*: I разр.—14, II—16, III—6, IV—12, V—10, VI—8, VII—9, VIII—13, IX—15; *по положенію 1717 года* I разр.—16, II—16, III—9, IV—11, V—9, VI—12, VII—9, VIII—15, IX—13.

Изъ *прусскихъ* законовъ приняты въ соображеніе также два постановленія, изданныя первое въ 1705 году и второе въ 1713 году. Въ первомъ указѣ, при которомъ приложено расписаніе должностей по классамъ, изъяснено что оно издано „для упрежденія всякихъ помѣшательствъ и ссоръ о степени между (королевскихъ) служителей, причемъ (служащіе) должны быть почитаемы не по какимъ-либо расположеніямъ, но токмо по чинамъ которыхъ они имѣютъ достоинство". Приложенное къ этому указу расписаніе отличается чрезмѣрнымъ обиліемъ должностей, до 130 названій; перечислены въ извѣстной градаціи всѣ должности начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, причемъ вошли въ общее расписаніе и всѣ военные чины и духовные. Расписаніе 1713 года значительно сокращено противъ предшедшаго; туда не вошли многія мелкія канцелярскія должности, а равно должности и чины духовные, и самое расписаніе имѣетъ уже только 47 наименованій. Всѣ собранные матеріалы препровождены были въ Кабинетъ 13 декабря 1719 года. Изъ этихъ матеріаловъ составлены были подробный сводъ и сравнительная таблица правительственныхъ должностей и чиновъ, французскихъ, датскихъ, шведскихъ и русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, были также составлены: *показаніе древнихъ россійскихъ чиновъ гражданскихъ и придворныхъ съ изъясненіемъ каждаго* и перечень всѣхъ вновь учрежденныхъ должностей, и закипѣла работа. Сначала приступлено было къ переименованію московскихъ придворныхъ должностей въ соотвѣтствующія иностранныя. Затѣмъ началось проектированіе *табели о рангахъ*. Такъ какъ въ то время изъ воинскихъ чиновъ наибольшее число было по *сухопутнымъ войскамъ*, именно 13, то примѣнительно къ сему и всѣ должности по общему гражданскому вѣдомству и по придворному раздѣлены на 13 разрядовъ, причемъ каждый разрядъ заключалъ въ себѣ нѣсколько должностей. Вѣроятно, цифра 13 признавалась неудобною, такъ что самая табель явилась уже съ 14 разрядами; но изъ этихъ разрядовъ къ XI разряду отнесена только одна должность и то лишь по морскому вѣдомству, именно корабельныхъ секретарей, взамѣнъ чего въ послѣднемъ XIV разрядѣ ни чина, ни должности по морскому вѣдомству вовсе не показано, такъ что въ дѣйствительности сохранялись тѣ же 13 ранговъ. Кто же составилъ *табель о рангахъ*? Историкъ

Соловьевъ говоритъ что въ *январѣ 1722 года* двое сенаторовъ, Головкинъ и Брюсъ, и двое генералъ-майоровъ, Матюшкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, *сочинили* (курсивъ у автора) табель о рангахъ. * Но если принять лишь во вниманіе что табель была *окончена значительно ранѣе* указаннаго Соловьевымъ времени, то ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ его мнѣніемъ. Есть другое и болѣе вѣроятное предположеніе что первоначальное начертаніе табели, въ самомъ впрочемъ краткомъ и неполномъ видѣ, принадлежитъ перу графа Остермана. Но кто бы ни былъ составителемъ проекта табели о рангахъ, несомнѣнно однако что въ составленіи этой табели непосредственное дѣятельное участіе принималъ лично Петръ Великій. Въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго имѣются первые проекты по этому предмету, собственноручно писанные Петромъ. Но и по составленіи табели и переписки проекта, табель исправлялась и дополнялась имъ также собственноручно. ** Почти одновременно съ табелью о рангахъ составлялись и особые пункты для руководства при введеніи табели. И въ сочиненіи этихъ пунктовъ видны также непосредственныя указанія государя, причемъ нѣкоторые пункты писаны собственноручно же великимъ преобразователемъ. Составленная затѣмъ табель о рангахъ была подписана Петромъ въ Петербургѣ *1 февраля 1721 года* съ такимъ примѣчаніемъ: „Сіе не публиковать и не печатать до сентября мѣсяца, дабы еще осмотрѣться, ежели что перемѣнить, прибавить или убавить, о чемъ надлежитъ въ Сенатѣ, во время сей отсрочки думать: такъ ли быть всѣмъ чинамъ или которые перемѣнить и какъ? И свое мнѣніе къ сентябрю изготовить, а особливо о тѣхъ чинахъ которые отъ ранга генералъ-майора и ниже; также и о ихъ жалованьѣ, кому какое надлежитъ, противъ ли ранга служивыхъ, которые съ кѣмъ въ одномъ классѣ или меньше, такожъ свое мнѣніе на листѣ изготовить.“ Въ Сенатѣ табель о рангахъ разсматривалась съ формальной лишь стороны; дѣлалось сравненіе проектированныхъ рангов должностей съ соотвѣтственными

* Соловьева, *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, т. XVIII, изд. третье 1884, стр. 139.

** Пекарскаго—*Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ*, т. II, стр. 564—67.

рангами таковыхъ должностей въ иностранныхъ государствахъ, и на основаніи этого сравненія полагалось повысить ту или иную должность въ рангѣ. А въ заключеніе Сенатъ ходатайствовалъ о томъ чтобъ и лицамъ сохранявшимъ прежнія званія и чины опредѣлить, по ихъ животъ, противъ другихъ ранги, „ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ вице-губернаторы, въ воеводы (всѣ сіи должности не вошли въ ранги), и ежели ранги имъ будутъ неопредѣлены, то отъ *подчиненныхъ* имъ *будетъ не безъ противностей*". Это послѣднее ходатайство весьма знаменательно, ибо указываетъ *взгляды* птенцовъ Петра на прежній государственный строй.

По разсмотрѣніи этого сенатскаго мнѣнія, нѣкоторыя изъ предположеній Сената приняты были во вниманіе, многія же оставлены безъ уваженія, въ томъ числѣ и ходатайство о присвоеніи древнимъ чинамъ извѣстнаго ранга; и затѣмъ, по исправленіи табели, послѣдовало въ Преображенскомъ, *24 января 1722 года*, Высочайшее утвержденіе за собственноручною подписью императора: „*табель о рангахъ всѣхъ чиновъ воинскихъ, статскихъ и придворныхъ которые въ которомъ классѣ чины; и которые въ одномъ классѣ, тѣ имѣютъ по старшинству времени вступленія въ чинъ между собою, однакожъ воинскіе выше прочихъ, хотябъ и старые кто въ томъ классѣ пожалованъ былъ*" и „*ко учрежденной вышеобъявленной табели рангов прилагаются сіи пункты, какимъ образомъ со оными рангами каждому поступать надлежитъ*".

При расположеніи разныхъ должностей по рангамъ, принята была въ соображеніе преимущественно датская система, а въ изложеніи *пунктовъ* слѣдовали законоположеніямъ какъ датскимъ, такъ въ особенности прусскимъ. Соотвѣтственно симъ законоположеніямъ и *по пунктамъ*, установлялось строгое почитаніе высшаго ранга низшимъ, а „кто выше ранга будетъ себѣ почести требовать, или самъ возьметъ выше даннаго ему ранга", тотъ подвергался за каждый случай вычету двухмѣсячнаго жалованья, а со служащаго безъ жалованья берется такой штрафъ „какъ жалованье тѣхъ чиновъ которые съ нимъ равнаго ранга и дѣйствительно жалованье получаютъ; равный же штрафъ и тому слѣдуетъ кто кому *ниже* своего ранга мѣсто уступитъ, чего

надлежало фискаламъ прилежно смотрѣть, дабы тѣмъ охоту подать къ службѣ и онымъ честь, а не нахалямъ и тунеядцамъ получать." Этотъ штрафъ распространялся и на женщинъ, подведенныхъ также подъ ранги соотвѣтственно занимаемой ими придворной должности, а буде таковой не имѣютъ, то по рангамъ присвоеннымъ ихъ мужьямъ и отцамъ. Почитаніе лицъ по рангамъ, не касаясь лишь нѣкоторыхъ „*оказій*, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся или въ публичныхъ асамблеяхъ" (о которыхъ особенно заботился Петръ), распространялось на остальныя публичныя оказіи. Такъ, кромѣ дворцовыхъ церемоній и при аудіенціи пословъ, такое почитаніе должно было быть выражаемо при торжественныхъ столахъ, въ чиновныхъ съѣздахъ, при бракахъ, при крещеніяхъ, погребеніяхъ и даже въ церквахъ при службѣ Божіей * (п. 3 лунк.). Каждому рангу присвоивалася также и извѣстный костюмъ, упряжь и одежда для прислуги, и хотя о семъ лишь *милостиво* напоминалось, ** тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ заключительныхъ словъ *пунктовъ*, всѣ по онымъ должны были поступать и штрафованія и *всякаго наказанія остерегаться*.

Подобныя правила о почитаніи по рангамъ существовали, какъ выше указано, въ Даніи и въ особенности въ Пруссіи, но тамъ извѣстныя почести и даже титулы присвоены были извѣстной должности, такъ что съ оставленіемъ ея лица не пользовались уже такими почестями, а тѣмъ менѣе высшими правами состоянія противъ тѣхъ какія они до того имѣли,

---

* Противъ первоначальнаго проекта о распространеніи чинопочитанія и при богослуженіи, Сенатъ, между прочимъ, указывалъ на затрудненія съ которыми сопряжено было бы такое правило, причемъ по малому размѣру храмовъ въ особенности въ Петербургѣ и скопленію народа, и невинный (занявшій мѣсто въ храмѣ выше или ниже против ранга) могъ бы пострадать; но это мнѣніе не было принято во вниманіе Петромъ.

** „Понеже такожде знатность и достоинство чина какой особы часто тѣмъ умаляется, когда убогъ и прочій поступокъ тѣмъ не сходствуетъ, якоже насолротивъ того многіе разоряются, когда они въ уборѣ выше чина своего и имѣнія поступаютъ; того ради напоминаемъ мы милостиво чтобы каждый такой нарядъ, экипажъ и либирею имѣлъ какъ чинъ и характеръ его требуетъ" (§ 19 лунк. къ таб. о ранг.).

за исключеніемъ случаевъ когда эти права были особенно пожалованы королемъ. Совершенно обратно поступилъ Петръ Великій. Желая возвысить гражданское вѣдомство, а съ другой стороны предоставить преимущества только тѣмъ лицамъ (не взирая на права ихъ состоянія) которыя оказали лично сами (а не предки ихъ) заслуги предъ престоломъ и отечествомъ (§ 8 лук.), Петръ предоставляетъ лицамъ по занимаемой или *занимавшейся* ими должности (за немногими лишь исключеніями) извѣстныя права состоянія, если эти лица до того высшихъ правъ не имѣли, съ распространеніемъ таковыхъ правъ и на ихъ потомство. Но подобное соединеніе особыхъ преимуществъ съ должностью представляло на первыхъ же порахъ большія неудобства. Извѣстная та строгая и вполнѣ необходимая при повышеніи постепенность которая соблюдается въ военной службѣ, и чѣмъ войско малочисленнѣе, тѣмъ труднѣе повышеніе въ чинахъ, а слѣдовательно тѣмъ труднѣе достигать и высшихъ ранговыхъ почестей и высшихъ правъ состоянія. Между тѣмъ, по значительному количеству гражданскихъ должностей, а вслѣдствіе сего и болѣе частаго открытія вакансій, и по самому характеру этихъ самыхъ должностей, которыя требуютъ извѣстныхъ познаній и способностей, люди даровитые могли быстро подвигаться по іерархической служебной лѣстницѣ и, начавъ одновременно службу съ поступившими въ войска, должны были повышаться въ рангахъ и пользоваться особенными преимуществами несравненно скорѣе чѣмъ ихъ военные сверстники и даже скорѣе прослужившихъ значительно долѣе ихъ въ войскахъ. Подобное явленіе не могло входить въ намѣренія Петра, ставившаго военную службу во всѣхъ отношеніяхъ выше гражданской, а между тѣмъ бывали случаи, когда становилось необходимымъ давать повышеніе въ должностяхъ и лицамъ мало еще служившимъ. При этомъ естественно возникалъ вопросъ какъ поступать съ подобными лицами, слѣдуетъ ли давать имъ преимущества присвоенныя рангу должности? Въ пунктахъ къ табели находимъ положительное разрѣшеніе этого вопроса. Было бы „оскорбительно (говорится въ § 13 пун.) воинскимъ людямъ, которые во многія лѣта и какою жестокою службою (чинъ) получили, а увидятъ безъ заслуги себѣ равнаго или выше; того ради кто въ который рангъ и возведенъ будетъ, то ему рангъ заслуживать

лѣтами, какъ слѣдуетъ“.... Изъ этого постановленія вытекали два слѣдующія новыя правила по гражданской службѣ: *первое*, что для повышенія въ должности должны быть установлены особенные сроки выслуги, и *второе* (весьма важное) что не всегда по должности слѣдовало предоставлять и всѣ права присвоенныя ея рангу и такимъ образомъ *рангъ* какъ бы отдѣлялся отъ должности. Что касается перваго правила, то оно вполнѣ было согласно со всѣми распоряженіями Петра и съ духомъ самаго законоположенія; напротивъ, второе вовсе не соотвѣтствовало видамъ императора. Признавая что „нужда необходимая“ потребовала *временно* предоставить высшія должности (чины) *нѣкоторымъ дворянамъ* не удовлетворявшимъ законнымъ требованіямъ отъ занимающихъ такія должности, а вмѣстѣ и принятія вышеупомянутой противъ такихъ лицъ мѣры (лишеніе ихъ права пользоваться ранговыми преимуществами, по должности присвоенными), Петръ постановляетъ слѣдующія правила: занятіе должностей въ строгой постепенности, начиная съ самой низшей, причемъ назначать въ должности непремѣнно изъ служащихъ того же учрежденія гдѣ открылась вакансія („дабы впредь на вакансіи не со стороны хватать“); а чтобы не было недостатка въ подготовленныхъ къ занятію должности лицахъ, предписывается имѣть въ каждой коллегіи извѣстное число молодыхъ людей изъ *дворянъ* (коллегіи юнкеровъ) получившихъ спеціальное научное образованіе (въ учрежденной при Сенатѣ школѣ). Эти-то лица, по пріобрѣтеніи практическихъ свѣдѣній въ дѣлопроизводствѣ, и предназначались на открывающіяся вакансіи, а въ послѣдствіи имъ только однимъ открывался доступъ и къ самымъ высшимъ должностямъ („кромѣ сего лути никто въ высшій градусъ и до министерскаго чина произведенъ быть не можетъ“). *

Возвышая гражданскую службу посредствомъ табели о рангахъ, Петръ, въ видахъ вящаго поощренія къ службѣ и дабы еще болѣе вкоренить нравственный элементъ въ служащихъ, не отказался и отъ принятой въ Московскомъ государствѣ системы награжденія служащихъ особенными знаками отличія, особенными званіями. Въ числѣ этихъ отличій, спеціально присвоенныхъ служащимъ по гражданскимъ управленіямъ,

* *Полное Собраніе Законовъ*. № 3.534.

было и награжденіе ихъ *гражданскими чинами.* * Такихъ чиновъ установлено было Петромъ весьма немного; такъ, первоначально явились только два гражданскіе чина, заимствованные изъ Датскаго и Прусскаго королевствъ, именно чины дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и тайнаго совѣтника, въ послѣдствіи же указомъ 7 мая 1724 года къ этимъ чинамъ присоединены еще два чина, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и статскаго сосѣтника. Награжденіе *чинами* Петръ Великій считалъ за особую, высшую царскую милость, оказываемую служащимъ по гражданскому вѣдомству лишь за выдающіяся заслуги престолу и отечеству. При такомъ взглядѣ Петръ награждалъ чинами очень рѣдко и преимущественно занимавшихъ высшія должности, дающія дѣйствительную возможность оказывать заслуги достойныя особаго царскаго вниманія. Могли быть оказаны подобныя заслуги и не занимавшими высшихъ должностей, но въ такомъ случаѣ сама заслуга выдвигала подобное лицо изъ общаго уровня на высшее положеніе, высшее мѣсто. Согласно такому воззрѣнію, учрежденнымъ Петромъ чинамъ должны были быть предоставлены и особенныя отличія, и притомъ отличія весьма значительныя, какъ выражающія знакъ особаго царскаго вниманія, и мы видимъ что чинамъ даются по табели высшіе ранги, а именно: дѣйствительному тайному совѣтнику II, тайному совѣтнику—первая IV, а потомъ III; затѣмъ чинамъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и статскаго совѣтника, учрежденнымъ по изданіи уже табели о рангахъ въ 1724 году, „учинены“ ранги первому IV, а послѣднему V. Историкъ Соловьевъ, указывая что табель о рангахъ составляетъ, по отношенію къ гражданскому вѣдомству, лишь подведеніе должностей подъ разряды или классы, упоминаетъ о *чинѣ* дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и находитъ что это не былъ чинъ въ нашемъ значеніи слова, но что дѣйствительные тайные совѣтники на самомъ дѣлѣ были членами *тайнаго совѣта*, собиравшагося обыкновенно для обсужденія важныхъ, преимущественно иностран-

* До Петра Великаго не было полнаго отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ, а потому и самые чины, какъ *званія*, не имѣли строгаго подраздѣленія чиновъ гражданскихъ и чиновъ военныхъ и носили одинаковыя названія.

ныхъ дѣлъ. При этомъ историкъ ссылается на разсказы современниковъ что когда Петръ хотѣлъ возвести въ дѣйствительные тайные совѣтники графа Брюса, то послѣдній самъ отказался отъ этой чести, поставивъ на видъ что хотя онъ и вѣрный подданный, но иновѣрецъ. * Противъ этого предположенія достаточно замѣтить что тайный совѣтъ не былъ офиціально утвержденъ и признанъ, почему и самая должность не могла стать гласною и войти въ табель о рангахъ; но если и допустить означенное предположеніе, то откуда же затѣмъ явились, кромѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, еще особые тайные совѣтники и какое было различіе между тою и другою должностями? Не касаясь чиновъ послѣдующихъ, учрежденныхъ послѣ изданія табели и подраздѣленныхъ, по примѣру тайныхъ совѣтниковъ, также на два разряда, на дѣйствительныхъ и просто статскихъ совѣтниковъ и къ которымъ еще менѣе можетъ относиться предположеніе Соловьева,—такъ какъ самаго наименованія государственный совѣтъ въ числѣ учрежденій при Петрѣ Великомъ, какъ тайныхъ, такъ и офиціально признанныхъ, вовсе не существовало,—и обратясь вновь къ самой табели, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, что къ III рангу отнесены кавалеры ордена Св. Андрея Первозваннаго, а ужь этотъ орденъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ должностямъ. **

Изъ вышеизложеннаго видно что табелью о рангахъ подведены подъ извѣстные классы четыре собственно категоріи служебныхъ отличій, а именно: вопервыхъ, чины военные; вовторыхъ, гражданскія *** должности (по общегражданской службѣ, придворной, военнаго и морскаго вѣдомства); втретьихъ, чины гражданскіе, и вчетвертыхъ, ордена; и всѣ эти

---

* Соловьевъ: *Исторія Россіи*, т. XVIII (изд. 3), стр. 139—140.

** Въ постановленіи Сената разсматривавшаго проектъ табели о рангахъ говорится что кавалерамъ „ордена Андрея Первозваннаго данъ означенный рангъ примѣнительно къ рангу датскаго ордена Слонова."

*** До введенія табели о рангахъ Петръ жаловалъ уже чинами дѣйствительнаго и тайнаго совѣтника. Такъ Паткуль при пріемѣ въ русскую службу награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника. Торжествуя Полтавскую побѣду, Петръ, въ числѣ разныхъ наградъ государственнымъ дѣятелямъ, между прочимъ пожаловалъ князя Г. Долгорукова чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и боярина И. Мусина-Пушкина—чиномъ тайнаго совѣтника.

категоріи, по приложеннымъ къ табели о рангахъ „пунктамъ", носятъ одно общее наименованіе *чина*; но терминъ „чинъ" въ Московскомъ государствѣ и при Петрѣ Великомъ имѣлъ еще и иное значеніе, кромѣ того въ какомъ его стали понимать въ послѣдующее время. Въ Московскомъ государствѣ всѣ разряды лицъ нестихъ какія-либо повинности, обязанности, по отношенію къ государству, назывались „чинами", то-есть сословіями. Въ этомъ смыслѣ и крестьяне составляли „чинъ".* Въ этомъ же смыслѣ и всѣ должности по государственному управленію, какъ налагавшія на занимавшихъ ихъ особенныя повинности, назывались также „чинами".** Съ другой же стороны, и удостоившіеся особенныхъ знаковъ вниманія царя, получившіе почетныя наименованія, чины, не освобождались отъ царской службы и несли также тяготу, повинность, должность, продолжавшуюся всю жизнь до изнеможенія силъ. Вся же разница между чиновными и нечиновными служилыми людьми заключалась въ томъ что первые сохраняли жалованное имъ званіе и по оставленіи порученной имъ должности, тогда какъ остальные служилые люди по оставленіи должности именовались лишь по тѣмъ разрядамъ служилыхъ людей къ которымъ они по происхожденію принадлежали и на которые налагались также извѣстныя государственныя повинности. Но и эти категоріи служилыхъ нечиновныхъ людей, по тѣмъ же причинамъ, именовались также чинами. Этимъ объясняется и то обстоятельство что въ представленную Петру, по его повелѣнію, вѣдомость „древнихъ россійскихъ *чиновъ* съ изъясненіемъ каждаго" чина (прилож. № 1) вошли не одни собственно чины, но и разныя должности и разные разряды служилыхъ людей. По тѣмъ же самымъ причинамъ приходилось, по установившемуся обычаю, относить къ совершенно разнымъ чинамъ (въ значеніи почетнаго званія) одинаковыя обязанности (для бояръ и окольничихъ), а съ другой стороны, соединяя, въ силу одинаковости названій, и чинъ и должность

---

* Сергѣевичъ, *Исторія русскаго права* (лекціи читанныя въ Петербургскомъ Университетѣ).

** Наименованіе должности чиномъ сохранялось въ общественномъ сознаніи спустя много лѣтъ послѣ смерти Петра I. Такъ графъ М. И. Воронцовъ, во всеподданнѣйшемъ прошеніи, поданномъ 28 іюня 1762 года, ходатайствуя объ увольненіи его отъ должности канцлера, употребляетъ выраженіе: объ увольненіи меня отъ настоящаго чина.

въ общее наименованіе, присвоивать имъ обязанности весьма мало имѣющія между собою общаго. Несмотря на такое широкое значеніе чина, между всѣми служилыми людьми установлена была особая градація соединенная съ извѣстными внѣшними отличіями оказаніемъ почтенія низшимъ чиномъ высшему. Каждому чину въ значеніи почетнаго званія, каждой должности, каждому разряду служащихъ указано было особенное мѣсто и опредѣлено было взаимное между ними отношеніе. Но такое соотношеніе степеней ихъ не было опредѣлено строго юридически закономъ, а основывалось исключительно на бывшихъ примѣрахъ, на старинѣ, ускользавшей иногда изъ общественнаго сознанія и требовавшей (для разрѣшенія возникавшихъ дѣлъ) наведенія справокъ о подобныхъ случаяхъ въ архивныхъ дѣлахъ приказовъ. Табель о рангахъ, заимствованная по своей внѣшней системѣ и наименованію разныхъ чиновъ и должностей изъ иностранныхъ образцовъ, по своему содержанію и основной мысли не отличалась рѣзко отъ системы московской, вслѣдствіе чего и наименованію чина, въ его обширномъ смыслѣ, придавалось то же самое значеніе какое чинъ имѣлъ и въ прежнее время. Затѣмъ существенное отличіе Петровскаго законодательнаго акта отъ московской системы заключалось въ томъ что табелью о рангахъ каждому разряду служащихъ, по отношенію къ другимъ разрядамъ, придано было извѣстное значеніе, дано мѣсто на основаніи уже точныхъ, установленныхъ закономъ, положительныхъ правилъ, съ большею лишь строгостью чинопочитанія и съ распространеніемъ послѣдняго на большее число случаевъ сравнительно съ московскими порядками.

Табель о рангахъ разсмотрѣна нами съ особенною подробностью въ виду того что этотъ актъ преобразовательной дѣятельности Петра служитъ, какъ выше замѣчено, основаніемъ всей дѣйствующей и нынѣ системы гражданскаго чинопроизводства, причемъ отъ извѣстнаго взгляда на эту табель въ ту или иную эпоху зависѣло и извѣстное направленіе по чинопроизводству. Переходимъ къ послѣдующимъ правительственнымъ распоряженіямъ и предначертаніямъ по настоящему предмету.

Установленная Петромъ I система, выражаемая табелью о рангахъ, не долго держалась въ строгой своей силѣ. Уже при Петрѣ I начались отступленія отъ нея, а въ послѣдующее время такія отступленія стали такъ значительны что положенныя

табелью основанія къ прохожденію чиновъ и должностей какъ бы не существовали. Въ должности назначались, безъ соображенія съ предшедшею службой, причемъ нѣкоторыя лица, при повышеніи, обходили нѣсколько ранговъ низшихъ должностей. Подобное явленіе встрѣчалось однако не въ одномъ гражданскомъ вѣдомствѣ, оно приняло обширные размѣры и въ службѣ военной, гдѣ скачки въ повышеніяхъ были особенно велики и не оправдывались при этомъ никакими заслугами. Эти явленія не могли не обратить на себя особеннаго вниманія дочери и строгой послѣдовательницы реформъ Петра, имлератрицы Елисаветы Петровны, которая, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, 15 февраля 1742 года, подтверждаетъ установленный Петромъ порядокъ, повелѣвая „какъ въ военной сухолутной и морской, такъ и въ штатскихъ службахъ обрѣтающихся, впредь производить въ чины по старшинству и заслугамъ, а не по старшинству никого не производить". Въ послѣдствіи, 13 января 1753 года, вновь подтвержденъ этотъ порядокъ. но при этомъ дѣлается уже уступка и законному требованію поощренія лицъ оказавшихъ особенныя заслуги по службѣ; однако повышеніе такихъ лицъ обставляется особенными предосторожностями, состоящими въ томъ что и оказавшія „знатныя" заслуги лица не могутъ быть повышаемы, помимо старшихъ ихъ по службѣ или должности, непосредственно начальствомъ (каковое право предоставлялось начальникамъ при повышеніи въ низшихъ военныхъ чинахъ), и что о такихъ лицахъ должно быть представляемо на Высочайшее усмотрѣніе, съ объясненіемъ притомъ „кто старше ихъ въ командахъ находится". Оба указа касаются преимущественно военной службы, и потому упоминаніе въ указахъ о чинѣ по отношенію къ сей службѣ вполнѣ понятно. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ что̀ разумѣлось подъ чиномъ по гражданскимъ вѣдомствамъ. Если принять во вниманіе что гражданскія должности уравнены по рангамъ съ чинами военными во всѣхъ служебныхъ преимуществахъ, вслѣдствіе чего и самое повышеніе въ должностяхъ подведено подъ одинаковыя правила съ производствомъ въ военные чины, то едва ли не слѣдуетъ прійти къ заключенію что въ данномъ случаѣ, подъ производствомъ въ чины по гражданскому вѣдомству, слѣдовало разумѣть повышеніе въ должностяхъ. Но не подлежитъ также сомнѣнію и то что съ теченіемъ времени, съ появленіемъ новыхъ учреж-

деній, съ новыми должностями и съ упраздненіемъ нѣкоторыхъ петровскихъ учрежденій и должностей, табель теряла уже отчасти свое значеніе; приходилось если не вновь создавать ее, то во всякомъ случаѣ существенно измѣнять и дополнять, и это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ что нельзя же лицъ занимавшихъ должности въ табели не показанныя лишать извѣстныхъ преимуществъ, извѣстнаго ранга. Но лишь Сенатъ могъ опредѣлить, какой рангъ должно предоставить извѣстной должности или, слѣдуя характеру законоположенія, „лицу занимающему извѣстную должность“, такъ какъ съ поступленіемъ на должность, получившій оную пріобрѣталъ и такія права (состоянія) которыя переходили и къ его потомству. Послѣдствіемъ сего было совершенно несогласное съ видами Петра, но вполнѣ естественное, вызывавшееся необходимостью явленіе, состоявшее въ томъ что всякое лицо вмѣстѣ *съ утвержденіемъ въ должности, утверждалось* Сенатомъ и *въ* извѣстномъ соотвѣтственномъ *рангѣ*. Такимъ образомъ, ранги, выражавшіе лишь іерархическія степени прежнихъ должностей, дѣлаются особеннымъ отличіемъ, почетнымъ званіемъ, чиномъ, подраздѣленнымъ, какъ и табель, на 14 классовъ. Подобному превращенію рангов въ чины много способствовало также и то обстоятельство что учрежденные Петромъ Великимъ чины, въ тѣсномъ ихъ смыслѣ, жаловались постоянно, начиная съ Петра и при всѣхъ его преемникахъ, причемъ нерѣдко при занятіи одной и той же самой должности лица получали не одинъ, но и слѣдующій высшій чинъ, а между тѣмъ каждому такому чину присвоенъ былъ табелью также опредѣленный классъ. Все это вело къ тому что понятіе о чинѣ, въ его обширномъ московскомъ значеніи, все болѣе и болѣе сглаживалось и въ общественномъ сознаніи чинъ пріобрѣталъ уже иное, самое тѣсное значеніе, подъ которымъ онъ разумѣется и въ настоящее время. Отъ такого общественнаго понятія о чинѣ оставался одинъ шагъ къ тому чтобъ и законъ призналъ самостоятельное значеніе „табельнаго“ ранга, какъ чина. И это совершено при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Сначала въ видѣ частной мѣры, а потомъ, въ 1767 году, какъ общее правило, установлено было отдѣльное отъ должности производство въ чины за выслуги чрезъ семь лѣтъ, причемъ тѣ которые не могли поступить по новымъ чинамъ на „порожнія“ мѣста, должны были оставаться въ прежнихъ

мѣстахъ (должностяхъ) и съ прежнимъ жалованьемъ, какое получали до того времени. Еще замѣчательнѣе указъ коимъ 16 декабря 1790 года установлялась, кромѣ награжденія чиномъ за *отличіе*, и простая *выслуга* и, кромѣ того, перечислены самые низшіе (до восьмаго класса) чины, названія которыхъ передѣланы изъ показанныхъ въ табели должностей. Эти чины, считая съ низшаго класса, суть: регистраторы (коллежскіе, сенатскіе), губернскіе секретари (секретари „въ губерніяхъ"), коллежскіе секретари (секретари „въ коллегіяхъ"), титулярные совѣтники и коллежскіе ассессоры (ассессоры „въ коллегіяхъ"). Въ эти чины могли быть производимы при соблюденіи строгой постепенности за обыкновенную выслугу чрезъ каждые три года, и только по отношенію къ производству въ чинъ VIII класса, дававшій (по § 11 приложенныхъ къ табели пунктовъ) права дворянства, установлено для лицъ не принадлежащихъ къ сему сословію болѣе продолжительное время выслуги, а именно 12 лѣтъ. При Павлѣ I послѣдовало 9 декабря 1799 года установленіе сроковъ выслуги и на высшіе чины до V класса включительно, и поименованы чины которымъ приданы слѣдующія названія въ порядкѣ постепенности: надворнаго совѣтника, коллежскаго совѣтника и наконецъ, введеннаго Петромъ, дѣйствительно какъ чинъ, статскаго совѣтника*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отмѣну постановленія 1790 года, установлено важное ограниченіе, состоявшее въ томъ что предоставлять къ награжденію

* Замѣчательно что бо́льшая часть созданныхъ чиновъ заимствована изъ *существовавшихъ* въ то время должностей и учрежденій, именно изъ коллегій, такъ что занимавшій въ этомъ учрежденіи должность, положимъ, секретаря (коллегіи) могъ по чину именоваться высшею должностью по тому же учрежденію, а именно титулярнымъ совѣтникомъ, должностью въ которую назначались лица по равнымъ учрежденіямъ, преимущественно въ коллегіи требовавшія научныхъ или практическихъ познаній по опредѣленной отрасли. Въ числѣ ассессоровъ коллегіи могъ быть по чину и надворный совѣтникъ—*должность* присвоенная совѣтникамъ надворныхъ судовъ и поставленная по табели въ одинаковомъ рангѣ съ ассессорами коллегіи, но двумя рангами ниже совѣтниковъ коллегіи. Интересно было бы прослѣдить всю переписку по поводу обращенія извѣстныхъ должностей въ чины по указамъ 1790 и 1799 годовъ, но, къ сожалѣнію, такой переписки по составленію сихъ указовъ въ архивахъ нами не отыскано.

за *отличіе* разрѣшено только по болѣе высшимъ чинамъ, начиная съ VIII класса. Впрочемъ, это послѣднее правило вскорѣ потеряло силу и въ послѣдствіи не возобновлялось.

Такимъ образомъ установилась окончательно опредѣленная градація чиновъ, съ точнымъ наименованіемъ ихъ до V класса включительно. Этимъ чинамъ присвоены также разряды, классы, примѣнительно къ установленнымъ табелью о рангахъ соотвѣтственнымъ должностямъ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, регистраторы произведенные въ сей чинъ изъ служащихъ по канцеляріи Сената считались (съ наименованіемъ *сенатскими* регистраторами) какъ и по табели въ XIII классѣ, а прочіе съ наименованіемъ коллежскими, отнесены какъ и по табели къ XIV классу; затѣмъ тѣ и другіе регистраторы производились въ слѣдующій чинъ—губернскаго секретаря, числившійся также примѣнительно къ табели въ XII классѣ. Между тѣмъ бывали нерѣдко случаи что лица носившія военный чинъ, отнесенный по табели къ XIII классу (напримѣръ, подпоручикъ арміи), по выходѣ въ отставку поступали въ гражданскую службу, безъ права именоваться прежнимъ военнымъ чиномъ (отставнымъ) и должны были переименовываться въ гражданскіе чины. Для такихъ исключительно лицъ установленъ былъ особый чинъ *провинціальнаго* секретаря, заимствованный также изъ табели должностей (секретарь „въ провинціяхъ“) и отнесенный, какъ и по табели, къ XIII классу. Что касается затѣмъ высшихъ чиновъ, то наименованія ихъ (дѣйствительнаго статскаго совѣтника, тайнаго совѣтника и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника) и ранги, классы, удержаны тѣ же какіе установлены были императоромъ Петромъ Великимъ.

Постановленія императрицы Екатерины II и Павла I дѣйствуютъ въ основныхъ своихъ началахъ, до настоящаго времени. Существенное отличіе настоящей системы отъ прежней, какъ московской такъ и установленной Петромъ Великимъ, есть то что въ новой системѣ число чиновъ весьма велико, а именно 11 вмѣсто 5—4 (если же присоединить еще и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника I класса, то число гражданскихъ чиновъ составитъ уже 12), и кромѣ того чинъ получилъ двойственный характеръ: съ одной стороны, чинъ, въ силу выслуги на оный, являлся въ сущности не наградою (по производству до IV класса), но правомъ (котораго служащій могъ требовать если только

не находился подъ слѣдствіемъ или не былъ опороченъ судомъ) и получался по разсмотрѣніи этихъ *правъ* въ Сенатѣ; съ другой стороны, чинъ пожалованный *за отличіе* становился особою наградой, царскою милостью.

Нужно замѣтить что установленные Екатериной и Павломъ I сроки производства въ чины за выслугу и за отличіе не были вполнѣ усвоены правительственными учрежденіями, и Сенатъ, слѣдуя прежнему порядку, при опредѣленіи чиновниковъ къ должностямъ, тѣхъ изъ нихъ которые не имѣли чиновъ соотвѣтственныхъ классу къ коему *причислена* должность производилъ и въ подлежащій чинъ, и это продолжалось до 1808 года, когда (указомъ 2 іюня) повелѣно было: „впредь ни въ какомъ случаѣ Сенату самому собою не производить никого въ чины прежде *выслуги узаконенныхъ лѣтъ.*“ Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено было правило о томъ чтобъ о награжденіи чинами за особыя отличія было представляемо на Высочайшее усмотрѣніе.

Не перечисляя всѣхъ законоположеній о чинопроизводствѣ, остановимся лишь на тѣхъ которыя имѣли вліяніе на самую систему чиновъ; въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего остановиться на изданномъ въ слѣдующемъ же 1809 году указѣ о производствѣ въ чины *коллежскаго ассесора* и *статскаго совѣтника*. Поводомъ къ изданію этого закона послужило одно особенно уважительное обстоятельство.

Въ началѣ царствованія Александра I, по учрежденіи въ 1802 году Министерства Народнаго Просвѣщенія, было обнародовано (24 января 1803 года), подъ названіемъ *Общихъ правилъ народнаго просвѣщенія*, нѣчто въ родѣ программы для будущихъ дѣйствій по этой части. Правилами этими постановлялось чтобы чрезъ пять лѣтъ со времени вновь указаннаго тогда учрежденія училищъ въ каждомъ округѣ, болѣе никто не былъ опредѣляемъ къ должностямъ требующимъ юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ заведеніи. Составители этого правила основывали его на томъ предположеніи что съ открытіемъ университетовъ, гимназій и другихъ училищъ, всѣ свободныя состоянія, особенно же дворянство, поспѣшатъ воспользоваться новыми способами къ образованію ихъ дѣтей. На дѣлѣ вышло иначе. Число учащихся въ новооткрытыхъ заведеніяхъ отнюдь не соотвѣтствовало издержкамъ употребленнымъ на ихъ устройство, и дворянство даже менѣе другихъ сословій

поставивъ ее въ дѣлѣ, а не въ названіи". Но рядомъ съ симъ положено было производство въ чины по всѣмъ вѣдомствамъ прекратить; сказано: „*чины* въ гражданскомъ порядкѣ имѣютъ означать единственно степень въ тѣхъ мѣстахъ и должностяхъ которая присвоена таковымъ особымъ расписаніемъ и съ опредѣленіемъ въ должность присвоивается и соотвѣтственный должности чинъ". Что касается самаго расписанія, то туда, по примѣру табели о рангахъ, вошли всѣ существовавшіе (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія) чины военные и должности общегражданскія и придворныя, и всѣ они, примѣнительно уже къ указамъ 1790 и 1799 годовъ, подраздѣлены, вмѣсто четырнадцати, какъ это значится по табели, только на 12 степеней. Относительно самыхъ степеней или чиновъ общегражданскихъ слѣдуетъ также замѣтить что I степень, а также начиная съ VI степени и до низшей названы просто *чинами* извѣстной степени (чинъ I *степени*, чинъ VI, VII и т. д.); но степени II, III, IV и V независимо отъ нумераціи носятъ еще наименованія установленныя Петромъ Великимъ: „чинъ II степени *или* дѣйствительные тайные совѣтники, чинъ III степени *или* тайные совѣтники, чинъ IV степени *или* дѣйствительные статскіе совѣтники и чинъ V степени *или* статскіе совѣтники. Что касается комитета *по пересмотру указа 1809 года* * и составленія *новыхъ* правилъ объ экзаменахъ, то этотъ комитетъ постановилъ „сохранить табель о рангахъ императора Петра I въ ея неприкосновенности" и соотвѣтственно сему всѣ существовавшія гражданскія должности пріурочить къ четырнадцатиклассной системѣ. Самыя должности подраздѣлены, по отношенію къ научнымъ познаніямъ которыхъ надлежало требовать отъ кандидатовъ на занятіе оныхъ, на четыре разряда, причемъ самое производство въ чины связано съ извѣстнымъ разрядомъ должности. Къ *первому* разряду отне-

* Комитетъ этотъ, состоявшій первоначально изъ министровъ Народнаго Просвѣщенія, Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ и Государственнаго контролера, выработавъ проектъ, представилъ свои соображенія въ Государственный Совѣтъ, который призналъ нужнымъ установить общія основанія по этому предмету. Для составленія на указанныхъ основаніяхъ проекта образованъ былъ новый комитетъ изъ министра Финансовъ, графа Канкрина, и членовъ Государственнаго Совѣта, князя Салтыкова и графа Потоцкаго. Сущность составленнаго этимъ послѣднимъ комитетомъ проекта и излагается здѣсь.

сены должности требующія разныхъ познаній и умственныхъ соображеній. Разрядъ этотъ подраздѣленъ на три части: правительственную (административную), судебную и дипломатическую. Для занятія должностей по *первому* разряду требуются весьма обширныя научныя познанія, какъ общія для всѣхъ отраслей этого разряда такъ и частныя, спеціальныя для каждой изъ указанныхъ трехъ частей. Только обладающіе установленными познаніями чиновники могутъ занимать должности этого разряда. Ко *второму* разряду отнесена собственно *учебная* часть, заключающая въ себѣ должности требующія познаній въ особыхъ высшихъ наукахъ. Сюда причислены академіи наукъ, художествъ и медико-хирургическая, университеты и другія высшія учебныя заведенія, части медицинская, горная и соляная. Къ *третьему* разряду отнесены должности требующія только *нѣкоторыхъ* спеціальныхъ научныхъ и практическихъ познаній. Къ нимъ причислены межевая часть, лѣсная, сельскохозяйственная, художественная (архитекторы и медальеры), банковая, счетная и контрольная. Наконецъ, *четвертый* разрядъ заключалъ въ себѣ должности для которыхъ требуется простой навыкъ или нѣкоторыя, лишь самыя ограниченныя научныя свѣдѣнія. Къ этому разряду причислены должности: чертежныя, архивныя, исполнительныя, полицейскія, почтовыя, таможенныя, по части надзора и хозяйства при разныхъ заведеніяхъ, а равно должности при типографіяхъ, литографіяхъ и другихъ техническихъ заведеніяхъ и вообще по части производства разныхъ фабрикъ. Установивъ такимъ образомъ разряды должностей, комитетъ по пересмотру указа 1809 года поставилъ производство въ чины въ зависимость отъ указанныхъ разрядовъ, и согласно сему чиновники послѣднихъ двухъ разрядовъ были ограничены въ награжденіи высшими чинами; такъ чиновники *третьяго* разряда могли быть производимы въ чины только до VI класса включительно (коллежскаго совѣтника), а лицъ занимающихъ должности *четвертаго* разряда предполагалось производить только до чина титулярнаго совѣтника. *

* Тогдашній государственный контролеръ баронъ Кампенгаузенъ возставалъ противъ чрезмѣрнаго увлеченія предоставлять высшія должности лицамъ исключительно научно-образованнымъ и указывая на вредныя послѣдствія отъ полуучености, приводилъ выраженіе короля Прусскаго Фридриха II: Si je voulais bien punir une des mes provinces, je la ferais gouverner par un savant.

Проекты обоихъ комитетовъ по составленію законовъ о состояніяхъ и пересмотру указа 1809 года не удостоились Высочайшаго утвержденія императоромъ Николаемъ I, но въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ предположеній комитета были постепенно приводимы въ исполненіе, *за исключеніемъ прекращенія производства въ гражданскіе чины.*

Важнѣйшія изъ послѣдующихъ постановленій, послѣдовавшихъ при императорѣ Николаѣ I, суть *положеніе* 25 іюня 1834 года *о порядкѣ производства въ чины по гражданской службѣ* и Высочайше утвержденныя 28 ноября 1844 года *дополнительныя правила къ уставу о гражданской службѣ.* Первымъ изъ сихъ законоположеній окончательно отмѣненъ указъ 6 августа 1809 года; производство въ чины согласовано попрежнему съ занятіемъ соотвѣтственнаго класса должностей (подраздѣленныхъ на 14 разрядовъ или классовъ), съ допущеніемъ награжденія чиномъ лишь одною степенью выше того класса въ которомъ числится занимаемая чиновникомъ должность; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы возвысить уровень образованія, принята была система *награжденія чинами* за успѣхи въ наукахъ и, согласно сему, самые сроки выслуги въ чины сообразованы съ разрядомъ учебнаго заведенія (высшаго, средняго, низшаго) въ которомъ воспитывался чиновникъ. Первый разрядъ давалъ права на болѣе сокращенные сроки полученія чиновъ чѣмъ второй разрядъ, который имѣлъ преимущество предъ третьимъ разрядомъ. Сверхъ того, всѣ вообще чиновники не окончившіе курса наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были стѣснены въ томъ еще отношеніи что никто изъ нихъ не могъ быть произведенъ въ чинъ VIII класса иначе какъ при занятіи должности сему чину соотвѣтствующей или высшей. Постановленіемъ 28 ноября 1844 года еще болѣе стѣснены права лицъ принадлежащихъ къ низшему разряду по воспитанію. Въ силу этого постановленія, лица не окончившія курса въ уѣздныхъ или высшихъ училищахъ и не выдержавшія научнаго испытанія по особой программѣ могли быть производимы въ *первый* классный чинъ лишь по прослуженіи продолжительныхъ сроковъ (отъ 4 до 12 лѣтъ), смотря по происхожденію. Какъ ни скромны были принятыя мѣры, онѣ принесли несомнѣнную пользу возвышеніемъ образовательнаго уровня чиновниковъ. Этому много способствовало, между прочимъ, и то обстоятельство что установленныя означенными положеніями правила неуклонно

проводились безо всякаго послабленія, не допуская никакихъ изъятій. Что касается собственно чиноироизводства, то нельзя сказать чтобы не было попытокъ обойти законъ относительно награжденія чинами болѣе чѣмъ одною степенью выше класса присвоеннаго занимаемой должности, причемъ въ основаніе ходатайствъ приводились обыкновенно особо выдающіяся заслуги чиновника, а также и трудность замѣщенія извѣстной должности, въ случаѣ выхода въ отставку, или вообще оставленія таковой должности усердымъ и полезнымъ чиновникомъ. Но по поводу представленія одного изъ начальниковъ отдѣленія, отнесенныхъ по должности къ VI классу, къ награжденію чиномъ IV класса, послѣдовало, 26 марта 1844 года, Высочайшее повелѣніе чтобы на будущее время не было дѣлаемо представленій о повышеніи чиномъ четвертаго класса такихъ чиновниковъ коихъ должности, по общему расписанію, состоятъ въ VI классѣ. „Для устраненія же могущихъ встрѣтиться иногда препятствій къ успѣшному замѣщенію должности начальника отдѣленія лицами вполнѣ къ тому способными, достойными и пріобрѣтшими уже въ необходимой степени опытность въ дѣлопроизводствѣ, государь императоръ изволилъ находить полезнымъ чтобы къ занятію подобныхъ должностей благовременно были приготовляемы, по распоряженію начальства, способнѣйшіе изъ состоящихъ по службѣ чиновниковъ". Хотя Высочайшее повелѣніе касалось только одной должности, но по своему характеру относилось ко всѣмъ вообще гражданскимъ должностямъ, и извѣстно что установленное въ 1834 году правило о непроизводствѣ въ чины болѣе чѣмъ однимъ классомъ высшіе противъ класса занимаемой должности, за все царствованіе императора Николая I сохранялось въ полной силѣ.

Хотя, какъ мы сказали, составъ служащихъ по гражданскимъ вѣдомствамъ и улучшился, но вообще былъ далеко еще не удовлетворителенъ и не соотвѣтствовалъ требованіямъ службы. На такое положеніе чиновничества обращено было особое вниманіе императоромъ Николаемъ Павловичемъ, причемъ образованы были два комитета, одинъ въ 1846 году, для пересмотра устава о гражданской службѣ, и другой, въ 1850 году, для разсмотрѣнія собственно постановленій объ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, который имѣлъ коснуться и вопроса о требованіи научныхъ свѣдѣній отъ лицъ поступающихъ на службу и на должность.

Первый изъ этихъ комитетовъ, по примѣру бывшаго такого же комитета о которомъ сказано выше, полагалъ классы соединить нераздѣльно съ должностями, причемъ всѣ преимущества присвоенныя чинамъ (которыя отмѣнялись бы)присвоить классамъ должностей. Противъ этого предположенія энергично возставалъ бывшій министръ Народнаго Просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ, подавшій на Высочайшее благоусмотрѣніе особую записку, которая по высотѣ государственныхъ воззрѣній заслуживаетъ особаго вниманія. Подлинникомъ текстомъ этой записки мы заканчиваемъ нашу статью.

Предположенія комитета 1846 года не были приведены въ исполненіе. Что касается комитета 1850 года, то хотя онъ не отрицалъ всей пользы установленія правилъ чтобы никто не былъ принимаемъ на службу безъ предварительнаго удостовѣренія въ познаніяхъ, нужныхъ для того рода службы кому кто хочетъ посвятить себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ затрудненія въ примѣненіи такого правила и полагалъ ограничиться аттестатами учебныхъ заведеній, каковые документы могутъ, по мнѣнію комитета, служить достаточнымъ ручательствомъ какъ въ познаніяхъ такъ и въ прилежаніи и привычкѣ къ труду.

Въ минувшее царствованіе послѣдовала важная мѣра по чинопроизводству. Какъ выше указано, по положенію 25 іюня 1834 года, производство въ чины сообразовалось со степенью полученнаго служащими научнаго образованія и чѣмъ выше къ разряду учебнаго заведенія къ которому принадлежитъ служащій, тѣмъ болѣе сокращается срокъ на производство въ высшіе чины. Исходя изъ того начала что награжденія повышеніемъ въ чинахъ, также какъ и всѣ прочія по службѣ *награды*, должны быть даруемы только за труды понесенные на самой службѣ, безъ принятія въ уваженіе какихъ-либо обстоятельствъ сей службѣ предшествовавшихъ, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 9 декабря 1856 года установлены одинаковые для всѣхъ безъ различія чиновниковъ сроки производства въ чины, но при этомъ сохранены прежнія правила объ утвержденіи при поступленіи на службу въ томъ классномъ чинѣ на который служащему даетъ право его ученая степень, званіе или аттестатъ заведенія гдѣ онъ обучался.

Относительно правъ состоянія, сопряженныхъ съ гражданскими чинами, послѣдовало также измѣненіе. Мы уже

уломинали что ло силѣ § 11 приложенныхъ къ табели о рангахъ лунктахъ „всѣ служители россійскіе или чужестранные, которые осьми первыхъ рангов находятся или дѣйствительно были, имѣютъ оныхъ законные дѣти и потомки въ вѣчныя времена, лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равнолочтены быть, хотя бы они и низкой породы были и прежде отъ короноваиныхъ главъ никогда въ дворянское достоинство производимы или гербомъ снабжены не были". Это постановленіе оставалось въ силѣ до манифеста 11 іюня 1845 года, по коему присвоены по гражданскимъ чинамъ слѣдующія права состоянія достигшимъ XIV класса—личное почетное гражданство; при производствѣ въ IX классъ, личное дворянство, и только дослужившіеся до чина V класса пріобрѣтали потомственное дворянство. Это послѣднее постановленіе, по указу состоявшемуся также 9 декабря 1856 года, измѣнено въ томъ смыслѣ что еще болѣе затруднено пріобрѣтеніе потомственнаго дворянства лицамъ не имѣющимъ такового и предоставлено оное только лицамъ получившимъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника или соотвѣтствующій чинъ IV класса.

Что касается возникшаго вновь предположенія, не слѣдуетъ ли преобразовать всю настоящую систему чиновъ гражданскихъ, соединивъ ихъ неразрывно съ должностями и вслѣдствіе того отмѣнить, на будущее время, всякое отдѣльное отъ мѣстъ и должностей производство, то комитетъ 1856 года, для предварительнаго разсмотрѣнія этого вопроса, пришелъ, по существу, къ тѣмъ же заключеніямъ которыя были высказаны прежнимъ комитетомъ, а именно что было бы желательно совершенно отмѣнить производство въ гражданскіе чины отдѣльно отъ должностей, учредивъ порядокъ службы гражданской на иныхъ основаніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако комитетъ 1856 года сомнѣвался относительно своевременности и даже возможности осуществленія этой реформы впредь до назначенія чиновникамъ удовлетворительныхъ окладовъ соразмѣренныхъ какъ съ значеніемъ каждаго изъ нихъ на службѣ, такъ и съ положеніемъ его въ обществѣ. Благодаря такому заключенію комитета, возникшее предположеніе объ упраздненіи гражданскаго чиноироизводства не было приведено въ исполненіе; а въ послѣдствіи и самыя мысль объ этомъ была при императорѣ же Александрѣ II оставлена, что, между прочимъ, видно изъ нижеслѣдующаго.

Горячимъ противникомъ нынѣшняго гражданскаго чиноиропзводства явился бывшій главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи графъ Корфъ, который внесъ въ Совѣтъ Министровъ, по частному случаю, записку объ отмѣнѣ на будущее время производства канцелярскихъ служителей въ классные чины и о награжденіи ихъ за извѣстный срокъ службы званіемъ личныхъ почетныхъ гражданъ. Въ подтвержденіе этой мысли приведены были нижеслѣдующія соображенія:

Несообразность и неблагопріятное дѣйствіе нашей системы гражданскихъ чиновъ уже давно обращаютъ на себя общее вниманіе, и въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ неоднократно былъ возбужденъ вопросъ о коренномъ ея преобразованіи. По единогласному признанію, вредное вліяніе чиновъ состоитъ особенно въ томъ что они образуютъ изъ служащихъ какую-то отдѣльную, разобщенную съ прочимъ населеніемъ, касту, которая живетъ своею особенною жизнью, считаетъ себя выше остальнаго общества и на которую общество также смотритъ какъ на что-то чуждое и почти враждебное. Среди этой касты постоянно питается и поддерживается чувство самаго ложнаго честолюбія, жажда къ повышеніямъ и внѣшнимъ отличіямъ, заглушающія естественное въ человѣкѣ стремленіе трудами своими обезпечить и устраивать свой матеріальный бытъ, а оттого десятки тысячъ людей отвлекаются отъ здравой и полезной дѣятельности соотвѣтствующей ихъ воспитанію и талантамъ, и искусственно привлекаются къ занятіямъ для которыхъ не имѣютъ ни нужныхъ способностей, ни подготовки и которыми не могутъ принести настоящей пользы ни себѣ, ни обществу. Внимательно всматриваясь въ эти свойства и послѣдствія телерешней чиновной системы, нельзя не согласиться что они всего болѣе составляютъ принадлежность именно низшихъ ступеней нашей іерархической лѣстницы, преимущественно же тѣхъ которыя обнимаютъ собою многочисленный и по истинѣ несчастный классъ приказныхъ или канцелярскихъ служителей. Человѣкъ который могъ бы съ успѣхомъ заняться любимымъ ремесломъ или промысломъ, поступаетъ въ казенную службу и бѣдствуетъ на ней десятки лѣтъ единственно потому что эта служба ставитъ его на искусственныя ходули въ обществѣ и ласкаетъ его воображеніе обманчивою картиной иногда отдаленныхъ, но все-таки возможныхъ повышеній

и отличій. Однажды предавшись этому влеченію, однажды надѣвъ вицемундиръ, онъ съ трудомъ снимаетъ его и рѣшится сѣсть за рабочій инструментъ или прилавокъ; рѣдко рѣшатся на то и сынъ и внукъ его, и такимъ образомъ расплодаются цѣлыя поколѣнія самой несчастной породы *мишихъ во фракѣ*. Законодательство давно озабочивалось такимъ положеніемъ вещей и, не считая еще возможнымъ полное преобразованіе системы чиновъ, системы тѣсно связанной со всѣмъ порядкомъ прохожденія у насъ гражданской службы и многими другими подробностями общественной жизни, старалось по крайней мѣрѣ низшій разрядъ служащихъ, такъ-называемыхъ канцелярскихъ служителей, какъ можно менѣе вводить въ кругъ чиновниковъ. Къ этой цѣли былъ направленъ законъ 1844 года, опредѣлявшій чтобы канцелярскіе служители третьяго разряда получали чинъ не прежде какъ чрезъ 16 лѣтъ, а за первыя 8 лѣтъ службы награждались бы почетнымъ гражданствомъ. Къ сожалѣнію, въ послѣдствіи стало допускаться много частныхъ отъ сего отступленій и затѣмъ возникло предположеніе о сокращеніи срока выслуги означенныхъ лицъ на чинъ до десяти лѣтъ. По мнѣнію графа Корфа, издать такое постановленіе значило бы сдѣлать рѣшительный шагъ назадъ, почти прямо противъ желаній правительства, къ осуществленію коихъ оно постоянно, хотя до сихъ поръ, можетъ-быть не довольно строго и не всегда успѣшно стремилось. Въ числѣ дѣйствующихъ учрежденій приходится иногда болѣе или менѣе долгое время терпѣть такія коихъ вредъ всѣми сознается, но законъ новый никогда не долженъ закрѣплять, развивать и усиливать существующее зло. Посему, если дальнѣйшее сохраненіе въ силѣ нынѣшнихъ постановленій о канцелярскихъ служителяхъ неудобно, то измѣненіе ихъ можетъ послѣдовать лишь въ духѣ того устройства къ которому имѣется въ виду окончательно привести этотъ классъ людей. Взглядъ правительства по этому предмету ясно высказался въ учрежденіи, за послѣднее время, во многихъ вѣдомствахъ должностей канцелярскихъ служителей по найму. Если порядокъ этотъ не можетъ безотлагательно быть сдѣланъ общимъ, то отмѣна всякаго права означенныхъ лицъ на чинопроизводство за выслугу опредѣленнаго числа лѣтъ и награжденіе ихъ только званіемъ личнаго почетнаго гражданина были бы довольно важнымъ шагомъ въ такомъ направленіи.

Съ преобразованіемъ системы податей и рекрутской повинности и уничтоженіемъ преимуществъ коими въ этомъ отношеніи пользуются у насъ высшія сословія, умноженіе числа личныхъ почетныхъ гражданъ не можетъ имѣть неудобствъ. Между тѣмъ званіе это было бы нѣкоторою приманкой, но совершенно другаго рода чѣмъ производство въ чины: писцы и приказные мало-по-малу выдѣлятся изъ круга бюрократіи и сблизятся съ тѣми классами населенія къ которымъ по рожденію или воспитанію должны принадлежать, рѣзкость ихъ положенія сгладится, канцелярская служба не будетъ облекать ихъ исключительнымъ характеромъ, и переходъ къ другимъ занятіямъ и промысламъ сдѣлается для нихъ естественнѣе и легче.

По выслушаніи этой записки въ Совѣтѣ Министровъ, императоръ Александръ II, не убѣдясь въ необходимости такой перемѣны и находя что самыя предварительныя о семъ сношенія съ министерствами могли бы только возбудить тревогу въ умахъ многочисленнаго класса, не изволилъ изъявить на предположеніе графа Корфа Высочайшаго соизволенія (6 февраля 1864 года). *

Въ заключеніе статьи приводимъ вышеупомянутую записку графа Уварова которая раскрываетъ истинное государственное значеніе дѣйствующей въ Россіи системы чиновъ.

„Система чиновъ, исходящая изъ табели о рангахъ Петра I, обращалась въ укоризну и насмѣшку не только иностранцами писавшими о Россіи, но и многими изъ Русскихъ, не постигавшихъ смысла сего учрежденія.

„Между тѣмъ никакая иная мѣра, никакое иное государственное постановленіе не свидѣтельствуетъ столь явно о глубокомъ разумѣ великаго преобразователя Россіи, кому обязаны потомственные вѣнценосцы новою силой, небывалою въ рукахъ другихъ государей и составляющею твердую опору ихъ власти.

„И по истинѣ, отбросивъ все то что съ перваго взгляда можетъ въ учрежденіи чиновъ казаться страннымъ и несоотвѣтствующимъ нынѣшнимъ понятіямъ, мы убѣдимся въ высокомъ значеніи этого законоположенія, давшаго самодержавію орудіе столь могущественное что доколѣ оно останется въ

* II Отд. Собств. Его Импер. Вел. Канц. дѣло начавшееся 19 апрѣля 1862 года (№ 85).

никакой Геркулесъ и никакая Сильфда не осмѣлились бы показаться въ люди. Но я нахожу въ высшей степени экстравагантнымъ поступкомъ со стороны женщины нашего вѣка, и тѣмъ болѣе со стороны сестры императора, приказать изобразить себя совершенно раздѣтою, какъ будто ей нечѣмъ прикрыть свою наготу, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она могла съ головы до ногъ увѣшать себя брилліантами, алмазами и всякими другими драгоцѣнными каменьями, еслибы только того пожелала. Но должно-быть у нихъ ужь это такъ въ роду: онъ стоитъ такимъ въ Миланѣ, а она точно въ такомъ же видѣ находится въ Римѣ. Мой Карлъ былъ вполнѣ согласенъ со мною, между тѣмъ какъ дядя Фрицъ назвалъ наши взгляды филистерскими. Но я твердо убѣждена въ томъ что еслибъ я, родная, кровная сестра его, вздумала велѣть изобразить себя въ такомъ видѣ изъ мрамора или гипса и затѣмъ приказала бы свою статую выставить на показъ, такъ онъ же бы первый подалъ изъ-за этого ужаснѣйшую исторію.

Объ остальныхъ статуяхъ я не стану распространяться, потому что еслибъ я вздумала говорить обо всѣхъ изваяніяхъ которыя видѣли въ Римѣ и его окрестностяхъ, то мнѣ бы до скончанія вѣка не завершить моего повѣствованія. На каждомъ шагу въ Римѣ можно судить о томъ какъ высоко въ древнія времена цѣнили ваятелей и какъ усердно старались о томъ чтобы какъ можно великолѣпнѣе украсить городъ произведеніями ихъ творческой дѣятельности.

Какъ бы мнѣ хотѣлось чтобъ эти безподобные мраморные фонтаны, окруженные самыми чудными статуями, были у насъ въ Берлинѣ! Положимъ, и у насъ есть свои водолодъемы и напрасно станешь искать въ Италіи нѣчто въ родѣ нашего Самсуси, но тѣмъ не менѣе наша столица — городъ молодой и ей, какъ и молодой женщинѣ, никакое украшеніе не было бы излишнимъ. Какъ было бы прелестно еслибы нашему Шиллеру, точно также какъ и его другу Гёте, отвели бы тихій, укромный уголокъ въ Тиргартенѣ! Затѣмъ можно было бы уничтожить нелѣпыя группы кустовъ предъ зданіемъ театра и вмѣсто нихъ устроить фонтанъ, окруженный мраморными статуями. А у насъ между тѣмъ и обелискъ на Потсдамской площади до сихъ поръ еще не поставленъ! Иностранцы каждый годъ везутъ въ Римъ цѣлые милліоны денегъ, это цѣлый капиталъ который, обращенный въ акціи искусствъ, приноситъ Италіянцамъ неимовѣрно высокіе

проценты. А зачѣмъ поѣдутъ иностранцы къ намъ въ Берлинъ и станутъ въ немъ жить цѣлыми недѣлями, когда у насъ нѣтъ ровно никакихъ достопримѣчательностей? Кататься по городской желѣзной дорогѣ всякому очень скоро надоѣстъ, а что касается канализаціи города, то это вещь далеко не особенно интересная. Между тѣмъ я убѣждена что вѣдь и у насъ нѣтъ недостатка въ ваятеляхъ, живописцахъ и вообще разныхъ художникахъ.

Мы заѣхали въ гостиницу *Oriente* и нашли тамъ письмо отъ дочерей. Онѣ обѣ совершенно здоровы и веселы, новостей у нихъ въ Берлинѣ никакихъ не было, кромѣ того что вышло распоряженіе о томъ чтобы залирали собакъ, да еще на Цвѣточной улицѣ появилась какая-то таинственная женщина которая вырываетъ у маленькихъ дѣвочекъ изъ ушей серьги. Для меня въ Римѣ это разумѣется было совершенно безразлично. Далѣе дочери мои жаловались на то что мое первое письмо слишкомъ мудрено и учено написано, такъ что онѣ не все въ немъ поняли. Я тутъ же рѣшила впредь излагать имъ свои мысли болѣе понятнымъ для нихъ образомъ.

Мы уже собирались уходить изъ гостиницы *Oriente*, какъ вдругъ услыхали знакомый голосъ:

— Господи! фрау Бухгольцъ, да неужели же это вы?

И вслѣдъ затѣмъ мы увидали сходившихъ съ лѣстницы супруговъ Клибишъ. Свиданье наше было очень радостное, потому что въ путешествіи пріятно увидаться даже и съ мало знакомыми людьми.

Фрау Клибишъ спросила насъ, не желаемъ ли мы послушать знаменитое *Miserere* которое вполнѣ какъ слѣдуетъ исполняется единственно только Римѣ. Въ Сикстинской капеллѣ уже не совершается теперь богослуженія, а потому ради Англичанъ *Miserere* ежедневно исполняется въ залѣ въ видѣ концерта, который начинается въ четыре часа пополудни.

— Если эта вещь такъ знаменита, то намъ непремѣнно слѣдуетъ ее послушать, сказала я.

— О, да! это самое знаменитое произведеніе въ музыкѣ! воскликнула фрау Клибишъ.—Мой мужъ всему предпочитаетъ оперетку, но чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, и онъ сегодня идетъ вмѣстѣ со мною слушать *Miserere*. Не правда ли Гинаерихъ?

— Еще бы! вѣдь *Miserere* пользуется всемірною извѣстностью, Генріета! съ легкимъ вздохомъ отвѣчалъ г. Клибишъ.

Обсудивъ и рѣшивъ этотъ вопросъ окончательно, мы снова сѣли въ коляску и поѣхали въ соборъ Св. Петра. Хотя меня нѣсколько и удручала мысль о томъ что Клибиши заняли дешевый нумеръ въ гостиницѣ *Oriente*, адресъ которой я же сама и сообщила имъ, тогда какъ намъ пришлось поселиться въ отелѣ, гдѣ комнаты отдавались по самымъ возвышеннымъ цѣнамъ, но тѣмъ не менѣе я не испытывала ни малѣйшаго чувства досады на Генріету, а еще напротивъ была ей признательна за то что она отнеслась къ намъ съ большимъ вниманіемъ и предложила намъ вмѣстѣ съ ними отправиться слушать *Miserere*.

По дорогѣ намъ пришлось проѣзжать мостъ Ангеловъ, мраморныя фигуры которыхъ сильно обросли какимъ-то чернымъ мохомъ и вслѣдствіе этого сдѣлались совсѣмъ лестрыми: у однихъ торсъ бѣлый, а руки совсѣмъ черныя, и т. д. Но въ Римѣ въ общей сложности болѣе шестидесяти тысячъ всякихъ статуй, а потому и не удивительно что здѣсь не достаетъ времени на то чтобъ ихъ чистить, какъ это дѣлается у насъ въ Берлинѣ. У насъ на чистку статуй что стоятъ на Дворцовомъ мосту употребляютъ около полугода. Еслибы въ Римѣ вздумали слѣдовать нашему примѣру, то къ тому времени какъ послѣднія статуи попадали бы подъ щетку, первыя ужь успѣли бы снова обрости мохомъ. Занятіе это было бы столь же безполезно и безплодно, какъ еслибъ у насъ кто-нибудь вздумалъ бы осенью подбирать на *Unter den Linden* каждый упавшій съ дерева листикъ.

Гробница Адріана,—нынѣ крѣпость, называемая замкомъ Св. Ангела. Посреди этого громаднаго зданія находится маленькая усыпальница въ которой нѣкогда покоился прахъ Адріана, но впослѣдствіи его оттуда вынули и выбросили вонъ. Кто знаетъ что станется со временемъ съ нашими костями, если люди рѣшились такъ безцеремонно поступить съ прахомъ Адріана? Мнѣ довольно часто случалось видать бюсты этого императора, который, какъ видно, очень любилъ служить моделью для ваятелей; почти въ каждомъ музеѣ можно встрѣтить по крайней мѣрѣ полдюжины Адріановыхъ мраморныхъ изображеній. „Бѣдняга“, подумала я, „когда ты былъ императоромъ всѣ трепетали предъ тобою, а послѣ твоей смерти прахъ твой развѣяли по вѣтру; будемъ надѣяться что на томъ свѣтѣ душа твоя нашла себѣ успокоеніе“.

Затѣмъ мы проѣхали площадью Св. Петра, гдѣ видѣли знаменитую колоннаду по которой могутъ ѣхать три экипажа въ рядъ и которая стоила всего только три съ половиной милліона марокъ. Посреди площади стоитъ обелискъ, а по обѣ его стороны и день и ночь бьютъ два фонтана, струи которыхъ высоко взвиваются къ верху и словно прозрачною сѣтью покрываютъ мраморную мозаику площади.

Прежде обелискъ этотъ стоялъ въ циркѣ Калигулы, гдѣ давалъ свои мимическія представленія Неронъ. Обелискъ этотъ нѣкогда освѣщался пламенемъ горящихъ живыхъ факеловъ, то есть христіанъ обернутыхъ въ горючія ткани. Факелы эти зажигались для того чтобы при спускавшихся на землю сумеркахъ Неронъ могъ лучше видѣть какъ лютые псы терзаютъ зашитыхъ въ звѣриныя шкуры сестеръ и братьевъ тѣхъ же горящихъ факеловъ.

Гдѣ нѣкогда происходили эти ужасы, теперь гордо возвышается соборъ Св. Петра, самый огромный храмъ во всемъ мірѣ.

Мы вышли изъ экипажа и стали подниматься по широкимъ ступенямъ лаперти. Съ каждымъ новымъ шагомъ столбы у входа во храмъ все росли и росли у меня въ глазахъ. Притворъ собора оказался необъятно великъ, каковъ же долженъ быть самый храмъ? Сердце у меня забилось тревожнымъ ожиданіемъ...

Но вотъ мы вошли, я сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и остановилась въ какомъ-то разочарованіи: я ожидала увидѣть нѣчто несравненно болѣе грандіозное.

Само собой однако разумѣется что меня не могло не поразить великолѣпіе мраморныхъ стѣнъ собора, позолота купола, ослѣпительная бѣлизна статуй. Вдали я замѣтила какіе-то огоньки, и мнѣ показалось что это горятъ тоненькія восковыя свѣчки, вставленныя въ небольшой золотой вѣнчикъ... Но гдѣ же колоссальные размѣры храма?

Карлъ скорѣй меня прошелъ впередъ и направился къ одной изъ колоннъ справа, возлѣ которой стоялъ маленькій мраморный ангелъ, державшій въ рукахъ раковину со святою водой. Но когда Карлъ совершенно близко подошелъ къ статуѣ, то я вдругъ увидала какимъ крошкой кажется мой Карлъ и какъ гигантски огромна фигура ангела, который сперва показался мнѣ такимъ маленькимъ. И вдругъ въ глазахъ у меня храмъ началъ все болѣе и болѣе расши-

раться и увеличиваться, а я сама начала какъ будто уменьшаться. У меня захватило дыханіе, мнѣ сдѣлалось жутко, и я вдругъ разрыдалась.

Карлъ подошелъ ко мнѣ и подалъ мнѣ руку, но прошло много времени прежде чѣмъ я успокоилась вполнѣ какъ слѣдуетъ.

Когда я нѣсколько оправилась отъ охватившаго меня волненія, мы начали осматривать весь храмъ вообще и каждый находившійся въ немъ предметъ въ отдѣльности. Я старалась держаться поближе къ дядѣ Фрицу, который то и дѣло смотрѣлъ въ свой *Бедекеръ* и затѣмъ объяснялъ намъ чѣмъ тотъ или другой предметъ привлекаетъ на себя вниманіе цѣнителей искусства.

— Ну что же говоритъ твой *Бедекеръ* о соборѣ Св. Петра вообще? спросила я.

— Посмотримъ, отвѣчалъ дядя Фрицъ и затѣмъ прочелъ: „Внѣшній видъ собора Св. Петра положительно заслуживаетъ строгаго порицанія, а внутренность его, несмотря на свои несообразности и фальшивый блескъ, производитъ на душу зрителя потрясающее впечатлѣніе. Точка."

Вотъ какъ! по его мнѣнію все это фальшивый блескъ, недурно! Итакъ, мраморныя стѣны, великолѣпнѣе которыхъ и представить себѣ ничего невозможно, изящныя статуи, которыя несмотря на свою колоссальность такъ гармонируютъ съ общими размѣрами храма, эта восхитительная отдѣлка, все это не болѣе какъ фальшивый блескъ?! Желала бы я посмотрѣть истинный, настоящій блескъ, если этотъ называется фальшивымъ!

— Да, жаль, сказалъ дядя Фрицъ,—что такое множество архитекторовъ, старыхъ мастеровъ и ваятелей не сумѣли угодить ученымъ цѣнителямъ искусства. Еслибъ они только могли предчувствовать какіе отзывы о нихъ будутъ напечатаны въ путеводителяхъ, такъ они бы навѣрное или приложили болѣе старанія въ исполненіи своей работы, или...

— Что *или*? нетерпѣливо перебила я его.

— Или постарались бы стать въ хорошія отношенія съ критиками своего времени, пріобрѣли бы ихъ дружбу и вообще всѣмъ бы своимъ существомъ прониклись убѣжденіемъ что критики по своей учености составляютъ все, а толпа ничто, потому что она ровно ничего не смыслитъ въ произведеніяхъ искусства...

— Надѣюсь что ты не причисляешь меня къ этой толпѣ? проговорила я.

— Я выражаюсь символически, Вильгельмина, потому что говорю о давно прошедшихъ временахъ. Что же касается нашего вѣка, то само собою разумѣется что ничего подобнаго теперь уже случиться не можетъ; теперь мы всюду видимъ только справедливость, отсутствіе зависти, нелицепріятіе, знаніе, пониманіе и умѣнье оцѣнивать вещи по ихъ достоинству; теперь ужь трудно встрѣтить, какъ въ тѣ времена, злобу, зависть или коварство. Теперь каждый человѣкъ развитъ настолько что вполнѣ понимаетъ что глупость есть даръ которымъ злоупотреблять не слѣдуетъ.

— Ты правъ! Будущія поколѣнія воздадутъ должное нашему идеально-гуманному времени.

— Еще бы, разумѣется, отвѣчалъ дядя Фрицъ. *

То что̀ я приняла за золотой вѣнчикъ, оказалось безчисленнымъ множествомъ золотыхъ ламладъ, которыми въ память Св. апостола Петра увѣшаны золотыя вѣтви осѣняющія его гробницу. Надъ нею поднимается самый куполъ собора, который такъ страшно высокъ что снизу даже и приблизительно невозможно опредѣлить его высоту.

У бронзовой статуи Св. апостола Петра, которую мы здѣсь видѣли, большой палецъ на ногѣ почти совершенно стертъ отъ постояннаго прикладыванія къ нему богомольцевъ. Видѣли мы здѣсь также и огромный органъ на колесахъ, который передвигается съ мѣста на мѣсто смотря по тому, гдѣ совершается церковное богослуженіе.

---

* Будемъ надѣяться что будущія поколѣнія воздадутъ должное и Дюбуа Реймону, который въ своей ректорской рѣчи (1882 года) серіозно говоритъ о томъ что Фаусту слѣдовало жениться на Гретхенъ, узаконить своего ребенка и затѣмъ заняться изобрѣтеніемъ электрической машины и воздушнаго насоса. Будемъ также надѣяться и на то что будущія поколѣнія не оставятъ безъ вниманія такихъ лицъ какъ критикъ *Магдебургской Газеты*, который въ нумерѣ отъ 12 апрѣля 1882 года говоритъ обращаясь къ своимъ читателямъ: „Только запаситесь доброю долею терпѣнія и интересный актеръ поможетъ вамъ безъ особенной скуки осилить всѣ пять безконечно растянутыхъ актовъ Шиллеровыхъ *Разбойниковъ*, несмотря на то что всѣ характеры въ піесѣ натянуты, неестественны, ходульны, что между ними не видишь ни одного живаго лица“ и т. д. *Прим. изд.*

Да что говорить, въ этомъ соборѣ рѣшительно все въ высшей степени замѣчательно и интересно. На его крышѣ, напримѣръ, живетъ цѣлая колонія сторожей и рабочихъ, у которыхъ тамъ есть и сады, и козы, и всякія другія домашнія животныя. Живется этимъ людямъ здѣсь хорошо и спокойно, имъ нечего опасаться какой-либо бѣды, потому что надъ головой у нихъ растилается вѣчно лазурный сводъ неба, а подъ ногами у нихъ находится храмъ храмовъ. Куполъ его такъ высокъ что отъ него постоянно падаетъ на площадь тѣнь, но если желаешь оставаться въ этой прохладной тѣни, то все время необходимо передвигать свой стулъ по мѣрѣ того, какъ передвигается солнце.

Прежде чѣмъ уйти изъ собора, я осмотрѣла еще исповѣдальни, гдѣ исповѣдуютъ на языкахъ всего міра; это цѣлый рядъ маленькихъ будочекъ какъ разъ возлѣ среднихъ дверей храма: дядя Фрицъ указалъ намъ на цвѣтную мраморную плиту на которой нѣкогда короновались германскіе императоры.

— Теперь это уже лишнее, глубокомысленно замѣтилъ мой Карлъ.—Кто самъ сумѣлъ обратить свое маленькое королевство въ громадную могущественную имперію, тому нѣтъ никакой надобности получать корону изъ рукъ другаго лица.

Я бы дорого дала чтобы намъ теперь можно было позавтракать у Фрица Тэлфера или Рудольфа Дрессела, но разумѣется намъ пришлось удовлетворить свой аппетитъ мѣстною италіанскою кухней. Дядя Фрицъ потребовалъ бутылку *Asti spumante*, какъ здѣсь называютъ мѣстное шампанское. Лучшаго нельзя и требовать отъ вина въ двѣ марки за бутылку, но разумѣется къ этому шампанскому намъ даже и льду не подали.

Въ большихъ отеляхъ здѣсь ѣдятъ очень недурно, но намъ, бѣднымъ Нѣмцамъ, приходится платить втридорога за свое вино за *table d'hote'омъ* въ противоположность принадлежащимъ къ обществу трезвости Американцамъ, которые ничего не пьютъ за общимъ столомъ, но за то весьма изрядно напиваются у себя въ комнатѣ. Въ послѣдствіи мы весьма часто отправлялись обѣдать въ Геніо, къ Кородатти и Мортео и всегда оставались довольны ихъ столомъ. Кромѣ того, у Мортео на Корсо есть вѣнское пиво; правда, его подаютъ въ крохотныхъ стаканчикахъ и берутъ за него очень дорого, но за то оно и вкусно и холодно.

Какъ и было между нами условлено, мы заѣхали за Клибишами и затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправились слушать *Miserere*. Зала была биткомъ набита Англичанами, преимущественно же Англичанками въ глубокомъ, разумѣется, траурѣ. Всѣ эти дамы восторженно закатывали глаза и повидимому упивались раздававшимися звуками музыки. Что до меня, то я пришла въ самое отвратительное настроеніе духа и въ ушахъ у меня поднялся невыносимый звонъ и трескъ, потому что отъ этой знаменитой музыки получаетъ впечатлѣніе, какъ будто поютъ четыре хора заразъ и при томъ все разное. Трудно даже рѣшить что̀ слышишь, лѣніе ли человѣческихъ голосовъ или душу раздирающее мурлыканье кошекъ. Дядя Фрицъ не далѣе какъ минутъ чрезъ десять послѣ начала концерта сдѣлалъ видъ что у него идетъ носомъ кровь и какъ угорѣлый выскочилъ вонъ изъ залы. Англичане же и Англичанки повидимому были на верху блаженства отъ этого восхитительнаго исполненія знаменитаго *Miserere*.

Даже наша музыкантша, фрау Клибишъ, заявила что она ожидала несравненно бо́льшаго и что *Miserere* далеко не такая чудная вещь какъ она воображала себѣ. Г. Клибишъ былъ страшно не въ духѣ и страшно ворчалъ по поводу того что изъ-за такой невозможной дискотни вышелъ изъ своего отеля. Я со своей стороны съ несравненно бо́льшимъ удовольствіемъ послушала бы какой-нибудь изъ нашихъ торжественныхъ церковныхъ гимновъ, а фрау Клибишъ на это сказала что по всей Италіи не сыщешь ни одного такого кружка хороваго лѣнія какихъ у насъ въ Берлинѣ множество. И она совершенно права! Когда намъ случается отправиться за городъ вмѣстѣ съ нѣсколькими членами какого-нибудь кружка хороваго лѣнія, то просто душою умилишься, слушая какъ они чудно поютъ. Чего сто́итъ одна ихъ торжественная лоза! Дирижеръ подаетъ тонъ; многіе блѣднѣютъ отъ внутренняго волненія... и вотъ начинается лѣніе, да какое лѣніе!...

Если же не имѣется налицо членовъ кружка хороваго лѣнія, такъ мы бываемъ довольны и тѣмъ что мущины наши начнутъ пѣть: „Кто тебя, прекрасный лѣсъ, насадилъ тамъ на вершинахъ?“ или тамъ еще что-нибудь въ родѣ этого. Правда, однако, что начать-то они начнутъ, но рѣдко доведутъ свое лѣніе до конца; впрочемъ и это не бѣда, довольно и того что видишь желаніе сдѣлать обществу пріятное. Да и какъ бы

могли они доводить свое пѣніе до конца, когда съ ними нѣтъ ни текста, ни нотъ. Мнѣ кажется что въ виду этого обстоятельства въ Германіи слѣдовало бы самыя излюбленныя обществомъ пѣсни печатать въ подкладкахъ шаляъ, тогда бы и не могло случаться такихъ непріятныхъ перерывовъ въ пѣніи во время загородныхъ лѣтнихъ прогулокъ.

Что же касается *Miserere*, то я предпочла бы ему прослушать самую простенькую и даже недоконченную нѣмецкую мелодію. При одномъ воспоминаніи объ этой ужасной музыкѣ у меня точно кошки лапами скребутъ по спинѣ!

Между прочимъ меня чрезвычайно поразили необыкновенно высокіе голоса нѣкоторыхъ лѣвчихъ, да и фрау-Клибишъ это тоже замѣтила. Дядя Фрицъ объяснилъ намъ что съ давнихъ поръ папскіе лѣвчіе еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ даютъ клятвенный обѣтъ безбрачія и благодаря этому у нихъ сохраняется высокій тонъ голоса. Фрау Клибишъ, узнавъ это, высказала свое чувство удовольствія по поводу того что ея Гиннерихъ не сдѣлался папскимъ лѣвчимъ *Miserere*, потому что въ подобномъ случаѣ она никогда не могла бы выйти за него замужъ.

Я спросила ее, нравится ли ей вообще музыка въ Италіи. Она же отвѣтила мнѣ что ей приходилось здѣсь слышать только мелодіи изъ разныхъ оперъ, что по всей вѣроятности здѣшніе лѣвцы никогда бы не могли справиться съ произведеніями Брамса, Іенсена, Науберта и Гофмана и что она со своей стороны твердо убѣждена въ томъ что Италіянцамъ никогда не удастся составить такого великолѣпнаго хора, каковъ нашъ хоръ Берлинскаго собора.

— По моему, сказала я,—въ италіянскихъ церквахъ молитвенное пѣнье отличается слишкомъ веселымъ напѣвомъ. Но кто знаетъ? можетъ-быть Италіянцы и склонны сосредоточиваться именно во время исполненія веселыхъ вальсовъ и полекъ.

Дядя Фрицъ замѣтилъ на это что слѣдуетъ всякому предоставлять полную свободу слѣдовать своимъ собственнымъ вкусамъ и склонностямъ и вслѣдъ за тѣмъ обратился къ г. Клибишу съ вопросомъ, не играетъ ли онъ въ карты.

— Еще бы! отвѣтилъ тотъ.

И разумѣется, ненавистныя мнѣ карты тотчасъ вполнѣ завладѣли нашими кавалерами. Хорошо еще что фрау Клибишъ вовремя увезла своего Гиннериха домой, а то они были

бы готовы вплоть до утра проиграть въ карты. Ложась въ этотъ вечеръ спать, я дала себѣ клятвенное обѣщаніе показать нашимъ игрокамъ, гдѣ мѣсто для картъ въ такой чудной странѣ какъ Италія.

Неаполитанскій заливъ.

Почему фрау Кальбитъ не можетъ слышать музыкальныхъ піесъ счетомъ въ шесть восьмыхъ и почему она не выноситъ запаха лимоновъ.—Абруццкія горы.—Печальное положеніе не пользующихся извѣстностью артистовъ. — Разбойники. — Общее равенство предъ солнцемъ.—Нѣмецкій храмъ науки.—*Santa Lucia.* — Почему фрау Бухгольцъ не желала долго оставаться въ Музеѣ.—Почему ни одинъ Неаполитанецъ не помѣняется своимъ положеніемъ съ берлинскимъ банкиромъ.—Неаполь издали.—Помпеи и Шпандау.—Мухи и капуцины.—Почему фрау Бухгольцъ сочла своимъ долгомъ сдѣлать книксенъ предъ рыбой.—Почему нечистоствовалъ Везувій.—Капри.—Почему въ Амальфи пользуются особеннымъ уваженіемъ дыры въ книгѣ гдѣ записываются иностранцы.—Addio mia bella Napoli.

И вотъ мы покатили въ Неаполь.

Кальбиши поѣхали вмѣстѣ съ нами; онъ ради карточной игры, а она ради того чтобы не разставаться со мною, такъ какъ женщина моихъ лѣтъ всегда можетъ подать полезный совѣтъ молодой неопытной женщинѣ которая впервые пускается въ далекое путешествіе.

Я спросила ее, остались ли они довольны своимъ пребываніемъ на озерѣ Гарда.

— Можно было бы желать и болѣе пріятнаго времяпрепровожденія, отвѣчала она.

— Видѣли ли вы тамъ лимонныя и апельсинныя деревья? продолжала я ее спрашивать.

— Къ сожалѣнію, да.

— Почему же къ сожалѣнію?

— Ахъ, милая фрау Бухгольцъ, чего только намъ не пришлось перенести пока мы тамъ находились! Гиперихъ успокоился не прежде того какъ мы сѣли на пароходъ. На озерѣ начиналось волненье, которое затѣмъ съ минуты на минуту стало все усиливаться... Ахъ, мнѣ дѣлается страшно при одномъ воспоминаніи объ этой ужасной поѣздкѣ на пароходѣ. Онъ качался изъ стороны въ сторону въ тактъ счета шесть восьмыхъ рондо Гиллера.

— И вы себя почувствовали дурно?

— Сначала еще не очень, я вѣдь привыкла къ счету въ музыкѣ, но мнѣ уже начинало становиться нѣсколько не по себѣ. Мой Гиннерихъ, замѣтивъ мое состояніе, очень разогорчился и старался всевозможными подкрѣпительными напитками освѣжить меня и поддержать мои падающія силы. Онъ приносилъ мнѣ все что̀ бы ему кто ни посовѣтовалъ, и кофе, и зельтерскую воду, и въ заключеніе вздумалъ дать мнѣ съѣсть слѣпый лимонъ съ кожей, который, какъ ему сказали, долженъ былъ превосходно на меня подѣйствовать...

— И что̀ же, лимонъ вамъ помогъ?

— Чтобъ откусить кусокъ его мнѣ пришлось открыть ротъ, вотъ это-то и было моею погибелью. Въ одну минуту и мое новое бархатное платье, и Гиннерихово свѣтлое лѣтнее пальто были окончательно испорчены. У меня еще достало настолько силы чтобы замѣтить и сообразить это печальное обстоятельство. Затѣмъ у меня потемнѣло въ глазахъ, и я уже ничего болѣе не сознавала кромѣ счета шесть осьмыхъ, который неистово раздавался у меня въ ушахъ и словно молотомъ стучалъ мнѣ въ голову. Ужь послѣ, изъ разказа Гиннериха, я узнала о томъ что при помощи какого-то матроса онъ перетащилъ меня въ каюту, гдѣ я все время и пролежала какъ пластъ. Мой Гиннерихъ былъ въ полномъ отчаяніи и то и дѣло горестно восклицалъ: „Я убилъ свою жену, я убійца моей дорогой Генріеты! И зачѣмъ только я привелъ ее на этотъ злополучный пароходъ! О, какъ я жестоко раскаиваюсь въ своей несчастной страсти къ водѣ и катанью на пароходѣ!“ Когда уже потомъ мы были на сушѣ, онъ долженъ былъ все это до мельчайшихъ подробностей разказывать мнѣ сотни разъ. Я зажимала ему ротъ поцѣлуемъ и говорила: „Ахъ, бѣдный мой милый Гиннерихъ, какъ ты за меня страдалъ! сумѣю ли я вознаградить тебя за твою любовь и нѣжность ко мнѣ?“— „Полно, полно“, отвѣчалъ онъ лаская меня,—„это я долженъ всѣми силами стараться успокоивать тебя, услаждать тебѣ жизнь. А что касается новаго испорченнаго бархатнаго платья, то я куплю тебѣ новое во стократъ лучше прежняго, это также вѣрно, какъ меня зовутъ Гиннерихъ Калибитъ!“ Но всего ужаснѣе то что съ тѣхъ поръ я не могу слышать музыкальныхъ піесъ со счетомъ шесть восьмыхъ и не выношу запаха лимоновъ... со мною тотчасъ же снова начинается морская болѣзнь...

— Это дѣйствительно ужасно! сказала я.—А скажите, вы были въ Миланѣ?

— Да.

— И разумѣется видѣли Миланскій соборъ?

— Только съ наружной его стороны.

— А голаго Наполеона видѣли?

— Нѣтъ.

— Такъ что же вы видѣли въ Миланѣ?

— Ахъ, милая фрау Бухгольцъ, я чувствовала себя такъ плохо что почти не выходила изъ комнаты. Гинверихъ ни на минуту не отходилъ отъ меня. А изъ Милана мы проѣхали въ Болонью.

— Что же тамъ замѣчательнаго?

— Очень хорошій отель и двѣ падающія башни.

— Двѣ падающія башни! Ну ужь въ Болонью-то я ни въ какомъ случаѣ не поѣду, довольно съ меня и того что мы видѣли одну падающую башню. Карлъ, взгляни-ка въ окно, не видно ли Везувія?

— Сейчасъ, дитя мое... г. Клибишъ, вамъ ходить.

— Гинверихъ, мой ангелъ, посмотри что это за горы видны вонъ тамъ налѣво?

— Сію секунду, Генріета... Еще разъ и еще разъ козыряю!

— Продолжайте, г. Клибишъ! сказалъ мой Карлъ.

— Фрицъ, *Бедекеръ* у тебя, посмотри въ него что это за горы виднѣются вонъ тамъ!

— Сію минуту, Вильгельмина!—Осталось ты этакій, ну кто же такъ играетъ!

— Что же дѣлать? Спасовалъ

— Вамъ сдавать, г. Клибишъ.

— Мнѣ бы надо было ходить въ десятку козырей, ужь тогда бы вамъ никакъ не отвертѣться, сказалъ г. Клибишъ и сталъ тасовать карты.

— Все равно, у меня оставался на рукахъ король самъ третей.

— Мы желаемъ знать какъ называются эти горы! рѣзко крикнула я.

Пока г. Клибишъ тасовалъ, дядя Фрицъ посмотрѣлъ въ своего *Бедекера*.

— Это Абруццкія горы! проговорилъ онъ.

Мы обѣ съ фрау Клибишъ невольно вздрогнули. Мы находимся такъ близко отъ Абруццкихъ горъ .гдѣ, какъ извѣстно,

жизнь человѣческая считается ни во что̀, и вдругъ въ такое опасное время наши законные защитники и покровители какъ ни въ чемъ не бывало дуются въ карты. Для большей безопасности мы поспѣшили поднять окошко.

— Карлъ! воскликнула я,—неужели ты вовсе не помышляешь о томъ что мы со всѣхъ сторонъ окружены разбойниками?

— Вашъ супругъ самъ преспокойно обираетъ насъ, онъ видимо здѣсь какъ у себя дома, пошутилъ г. Калибитъ.

Никогда въ жизни я еще не сердилась до такой степени на этого бѣлобрысаго недоросля, потому что я ненавижу когда кто-либо позволяетъ себѣ острить надъ моимъ мужемъ. А супруга этого урода тѣмъ временемъ вытирала платочкомъ падавшія изъ ея глазъ слезы.

— Гинверихъ меня совсѣмъ разлюбилъ, хныкала она,— вотъ ужь прошло больше часа, а онъ даже ни разу не поцѣловалъ меня.

— Успѣете еще нацѣловаться въ гостиницѣ! ядовито замѣтила я ей.

Она укоризненно посмотрѣла на меня и затѣмъ сквозь слезы проговорила:

— О, еслибы вы знали какъ я люблю Гинверихъ! Что̀ бы со мной было безъ него? Я была бы жалкая піанистка которой приходится существовать на грошевые уроки и зависѣть отъ малѣйшаго каприза публики. А что̀ такое концерты никому неизвѣстныхъ артистовъ? Одинъ только луфъ! Случается иногда что насъ приглашаютъ играть на вечерахъ въ частныхъ богатыхъ домахъ и разумѣется, чѣмъ это бываетъ чаще, тѣмъ это для насъ пріятнѣе. И вотъ эти-то богачи и берутъ у насъ иногда десятокъ другой лишнихъ билетовъ на нашъ концертъ, но сами они въ него не ѣдутъ, а раздаютъ билеты своимъ бѣднымъ родственникамъ или даже просто отдаютъ ихъ своей прислугѣ. Разумѣется, никогда не достигнешь славы и извѣстности, играя передъ такого рода публикой. Что же касается денежной выгоды отъ концерта, то приходится радоваться если за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, наемъ помѣщенія, освѣщеніе, афиши и вознагражденіе участвовавшимъ въ концертѣ товарищамъ-артистамъ, отъ него останется какихъ-нибудь двадцать марокъ. Вы не знаете обратной стороны кажущагося блеска который окружаетъ артиста! Вы и понятія не можете имѣть о томъ, какъ трудно

подвизаться на этомъ поприщѣ, потому что въ наше время отъ артистовъ требуютъ свыше силъ человѣческихъ. Ахъ, какъ я скоро поняла что мнѣ никогда не удастся попасть въ разрядъ любимцевъ публики! Мои мечты о славѣ разлетѣлись очень скоро, дѣйствительность разсѣяла всѣ мои иллюзіи! А между тѣмъ нужда приковала меня къ роялю; несмотря на свою ужасную нищету, я должна была въ приличномъ видѣ являться передъ публикой, которая цѣнитъ больше артиста по платью чѣмъ по его музыкальному исполненію. Сколько разъ приходилось мнѣ выворачивать свои жалкія тряпки и ухитряться приводить въ возможный видъ всякія старыя кружева. Мой Гиннерихъ вырвалъ меня изъ этихъ тяжкихъ, сдѣлавшихся мнѣ ненавистными, оковъ и, если онъ разлюбитъ меня, то я рѣшусь на все, я наложу на себя руки.

— Милая фрау Клибишъ, сказала я,—разумѣется наружность обманчива: вашъ Гиннерихъ вовсе не въ моемъ вкусѣ и влюбиться въ него я не была бы въ состояніи, но тѣмъ не менѣе поступокъ его относительно васъ заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія.

— Ахъ, еслибы вы только знали его душу! восторженно воскликнула Генріета.

Я разсудила что волненіе это всего лучше успокоить хорошимъ глоткомъ вина. Муцины хлебнули изъ фляжки и затѣмъ передали ее намъ.

Въ ту самую минуту какъ фрау Клибишъ подносила фляжку къ губамъ, вдругъ что-то неожиданно стукнуло въ окно и въ ту же секунду мы увидали вымазанное сажей лицо.

— Разбойники! закричала фрау Клибишъ и выронила фляжку изъ рукъ.

Муцины побросали карты и быстро вскочили со своихъ мѣстъ. Но весь этотъ переполохъ оказался даромъ,—воображаемый разбойникъ былъ ни кто иной какъ закопченый каменноугольнымъ дымомъ артельщикъ, притедшій сказать намъ что скоро будетъ Неаполь. Вѣроятно онъ разчитывалъ получить съ насъ на чай, но мы ничего ему не дали за то что онъ насъ всѣхъ такъ сильно перепугалъ.

Я еще не вполнѣ уяснила себѣ что собственно представляютъ собою эти постоянные на-чаи. Не есть ли это своего рода разбой, но въ болѣе мягкой формѣ? Въ самомъ дѣлѣ, если берешь себѣ нумеръ въ гостинницѣ, то вполнѣ понятно что не разчитываешь на то чтобы самому мести свою

комнату, оправлять себѣ постель, чистить сапоги, и ходить на кухню за своимъ кофе и завтракомъ? А между тѣмъ только что соберешься уѣзжать изъ гостиницы, какъ къ тебѣ является вся прислуга и требуетъ съ тебя на чай, какъ будто исполненіе всѣхъ этихъ мелкихъ услугъ вовсе не входило въ ея обязанности.

Ну какъ же назвать это?

Мнѣ кажется что попросту сказать: это *аббруццовщина*.

Скажите, неужели правильно заискивать у прислуги отелей разными на-чаями? Разумно ли покупать себѣ деньгами благосклонность привратниковъ и лакеевъ? Аристократично ли пріобрѣтать расположеніе горничной выразительнымъ пожатіемъ руки съ презрѣннымъ металломъ? Ни въ какомъ случаѣ, даже несмотря и на то что дядя Францъ держится въ этомъ отношеніи совершенно другаго воззрѣнія чѣмъ я. По его мнѣнію, прислуга исполняетъ все несравненно лучше и выказываетъ несравненно больше усердія когда ей платишь отдѣльно за всѣ ея услуги. Но съ какой же стати платить за все отдѣльно, когда въ каждой гостиницѣ полагается плата за нумеръ вмѣстѣ съ прислугой. Это чистѣйшая нелѣпость. Для меня совершенно безразлично если какая-нибудь обезьяна во фракѣ, или съ тряпочкой въ видѣ кружева на головѣ, окажетъ мнѣ предпочтеніе и будетъ прислуживать мнѣ съ бо́льшимъ усердіемъ нежели другимъ постояльцамъ гостиницы. Англичане и Американцы не привыкли у себя дома раздавать на-чаи, да и здѣсь также никому не даютъ ни полушки, а между тѣмъ несмотря на это, а можетъ-быть именно вслѣдствіе этого, къ нимъ всюду относятся съ самою изысканною вѣжливостью и предупредительностью, имъ всегда даютъ и лучшіе нумера въ гостиницахъ, и лучшія мѣста за *table d'hote*'омъ, и прислуга передъ ними бываетъ готова разорваться на части.

Этимъ постояннымъ даваньемъ на чай мы сами обложили себя податью которая по-истинѣ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ. Какой-нибудь молодой человѣкъ который не держитъ дома стола и обѣдаетъ въ ресторанѣ, а вечеромъ льетъ еще тамъ и ливо, долженъ непремѣнно въ день издержать по крайней мѣрѣ десять пфенниговъ на чай прислугѣ, если онъ не желаетъ чтобы г. кельнеръ относился къ нему небрежно и свысока. Въ общемъ въ годъ это составитъ сумму въ шестьдесятъ марокъ. А еслибы государство ради какихъ-нибудь

важныхъ цѣлей вздумало обложить его налогомъ въ тѣ же шестьдесятъ марокъ, такъ онъ просто бы изъ себя вышелъ, всѣ бы газеты подняли страшный шумъ, а въ рейхстагѣ всѣ спорили бы чуть не до драки. Точно также какую бы кислую рожу скорчилъ этотъ молодой человѣкъ и какъ сталъ бы жаловаться на свою горькую участь еслибъ у него попросили шестьдесятъ марокъ на вспомоществованіе бѣднымъ. Ну, скажите, можно ли придумать что-либо нелѣпѣе этого?

Что же касается Италіи, то здѣсь еще дороже чѣмъ гдѣ-либо обходятся эти глупые на-чаи, такъ какъ здѣсь и безъ того приходится за все платить контрибуцію, — и за искусство, и за природу, и за воздухъ которымъ дышишь, и за землю на которую ступаешь ногой!

По условіямъ своего географическаго положенія, Италія настоящій земной рай и она была бы еще болѣе райскою страной еслибы не эти безобразные возмутительные постоянные на-чаи.

Мущины кончили свою несносную партію въ карты, мы съ фрау Клибишъ собрали свои ложитки и всѣ стали готовиться къ выходу изъ вагона. Г. Клибишъ подалъ пустую фляжку и взялъ ее съ собою для того чтобы на свой счетъ снова наполнить ее коньякомъ; этотъ тактичный съ его стороны поступокъ до нѣкоторой степени примирилъ меня съ нимъ. Г. Шпаннбейну никогда бы ничего подобнаго не могло придти въ голову, потому что господа художники привыкли и выпить и даже закусить на даровщинку.

Мы проѣзжали засѣянными нивами, которыя впрочемъ несравненно болѣе походятъ на прекрасные сады. Онѣ обсажены плодовыми деревьями, между которыми вьются гирлянды виноградныхъ лозъ. Ѣхали мы также и мимо огородовъ, гдѣ роскошная зелень всякихъ овощей невольно поражаетъ Сѣверянина. Капуста, артишоки, тыквы, огурцы, салатъ, бобы, горохъ, словомъ, всѣ овощи здѣсь такъ великолѣпны точно ихъ спеціально готовятъ на выставку для полученія за нихъ первыхъ премій. Гряды всѣ аккуратно прибраны точно тщательно накрытый обѣденный столъ, а бороздки между ними до того прямы словно всѣ онѣ проведены по линейкѣ. Живыя изгороди подстрижены, тамъ и самъ виднѣются апельсинныя и лимонныя деревья, а также и кусты японскаго кизила, маленькія желтенькія ягодки котораго были бы еще вкуснѣе еслибы въ нихъ не было крупныхъ твердыхъ косточекъ. Сорныхъ травъ нигдѣ и слѣда не видно.

рукахъ властителей, едва ли что-либо можетъ поколебать самодержавную власть въ ея основаніяхъ.

„Не останавливаясь на мертвой буквѣ, на готическихъ формахъ сопровождающихъ *положеніе о чинахъ*, для всякаго безпристрастнаго наблюдателя поразительны духъ и послѣдствіе этой великой государственной мѣры въ прямомъ, хотя сокровенномъ ея значеніи.

„Въ гражданской жизни всѣхъ европейскихъ народовъ отличіе опредѣляется и достигается или *родомъ*, или *богатствомъ*, или *дарованіемъ*. Тамъ подъ всѣми формами правительствъ только эти три пути ведутъ къ высшимъ слоямъ общества, или лучше сказать они-то и составляютъ сей высшій слой. Но какъ пріобрѣтаются отличія въ Россіи и что вкоренилось такъ глубоко въ общемъ сознаніи неисчислимаго большинства?

„Извѣстно что у насъ, независимо отъ рода, отъ богатства и даже отъ дарованій, *гражданское значеніе* всѣхъ и каждаго зависитъ отъ степени, которая опредѣляется по усмотрѣнію высшей власти, и что безъ этой степени никто не пользуется вполнѣ выгодами предоставляемыми или знатностью рода, или огромнымъ состояніемъ, или даже дарами ума и талантами. При такомъ положеніи потомокъ Пожарскаго и потомокъ Минина должны наравнѣ искать благоволенія правительства, заслуживать офицерскій чинъ. Графъ Шереметевъ вступая во владѣніе обширнымъ помѣстьемъ, обязанъ прежде воздать правительству по мѣрѣ силъ дань личною службой. Карамзинъ оставался бы скромнымъ писателемъ еслибы взоръ Монаршій не поставилъ его въ общественномъ мнѣніи на равную степень съ вельможами.

„Что жь укрѣпило въ теченіе 120 лѣтъ въ общемъ мнѣніи учрежденіе Петра I и отчего Россія, не взирая на возгласы нѣкоторыхъ легкомысленныхъ и не дальновидныхъ, такъ пристрастилась къ этому порядку что измѣненіе его считала бы не пріобрѣтеніемъ, а ущербомъ?

„Россія не пристрастилась, какъ иные думаютъ, ни къ титуламъ, съ нѣмецкаго довольно неудачно переведеннымъ, ни къ званіямъ льстящимъ самолюбію, но потерявшимъ большую часть ихъ приманки: причина желанія чиновъ лежитъ глубже. Россія любитъ въ табели о рангахъ торжественное выраженіе начала славянскимъ народамъ драгоцѣннаго—*равенства предъ закономъ*, дорожитъ знаменіемъ мысли что

каждый въ свою очередь можетъ проложить себѣ путь къ высшимъ достоинствамъ службы. Сынъ знатнаго вельможи или богатѣйшаго откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имѣетъ въ законахъ оной никакого другаго преимущества, кромѣ преимущества постояннаго *увздія*, и оно можетъ быть у него благородно оспариваемо сыномъ бѣднаго и неизвѣстнаго заслугами отца.

„Итакъ, съ одной стороны, Россія смотритъ на *табель о рангахъ* не какъ на игрушку мелкаго ребяческаго тщеславія, а какъ на залогъ одного изъ важнѣйшихъ своихъ началъ въ быту народномъ; съ другой, правительство держитъ въ своихъ рукахъ орудіе какъ будто общимъ согласіемъ ему предоставляемое, орудіе, по силѣ котораго къ политическому смыслу самодержавія прибавляется еще и нравственное достоинство.

„Законоположеніе о чинахъ можетъ измѣниться двумя способами: совершеннымъ *уничтоженіемъ* онаго или *ограниченіемъ*. Замѣчательно что одинъ изъ записныхъ недоброжелателей существующаго порядка въ Россіи, Николай Тургеневъ, въ сочиненіи своемъ о Россіи, говоритъ что едва ли возможно будетъ побудить правительство отказаться вполнѣ отъ этого учрежденія, и что на первый случай можно довольствоваться *ограниченіемъ*, состоящимъ въ томъ чтобы чины были предоставляемы однимъ *служебнымъ мѣстамъ*. Ясно что несоразмѣрность сихъ послѣднихъ съ первыми должна, мало-по-малу, положить конецъ самому учрежденію и ввести новый порядокъ службы, новый порядокъ гражданскаго быта въ Россіи. Разсмотримъ послѣдствія такого измѣненія.

„Первое дѣйствіе не только совершеннаго уничтоженія, но и одного ограниченія закона о чинахъ, произведетъ въ общемъ мнѣніи несомнительное потрясеніе, отчасти похожее на смятеніе, и дастъ поводъ къ толкамъ и предположеніямъ о дальнѣйшихъ мнимыхъ видахъ правительства. Этотъ сильный ударъ поразитъ множество предубѣжденій, скажемъ: предразсудковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возбудитъ множество тайныхъ надеждъ и мечтаній. Въ Россіи умъ слишкомъ дѣятеленъ, слишкомъ смѣтливъ и не можетъ оставаться долго подъ бременемъ слѣпаго оцѣпенѣнія; въ скоромъ времени, умы воспрянутъ къ новымъ соображеніямъ, проникнувъ въ изгибы всѣхъ могущихъ быть слѣдствій и найдутъ себѣ пути болѣе или менѣе благонамѣренные къ цѣли вдали открываемой.

„Въ Россіи трудно дѣлать рѣшительный выводъ касательно общаго мнѣнія, потому что оно лишено возможности открыто высказываться и обнаруживаться. При всемъ томъ, кто пристально и вблизи наблюдаетъ за его ходомъ, тому послѣдствія новаго положенія о службѣ представляются въ чертахъ самыхъ опредѣленныхъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ подобнаго переворота былъ бы переворотъ въ понятіяхъ о службѣ, которыя и безъ того мало-по-малу подвергаются измѣненію.

„Мысль, общая за полвѣка, что каждый русскій подданный *должент служить престолу*, мысль которая благоговѣйно руководитъ цѣлыми поколѣніями,—съ уничтоженіемъ табели о рангахъ несомнѣнно ослабѣетъ. Можетъ-быть на первый случай останется привычка посвящать нѣсколько лѣтъ юношеской жизни государственной службѣ; но когда счастливый случай не откроетъ желаемаго поприща, когда при маломъ числѣ *мѣстъ* встрѣтится безнадежность получить выгодное для честолюбія назначеніе, когда число неслужащихъ или переставшихъ служить будетъ ежедневно возрастать, тогда едва ли молодой человѣкъ рѣшится долго оставаться въ такомъ сомнительномъ служебномъ положеніи. Безъ сомнѣнія, кто имѣетъ наслѣдственное достояніе, тотъ выйдетъ въ отставку, потому что для него служба потеряетъ всю нравственную силу, нравственное могущественное привлеченіе. Въ то же время быстро образуется новый разрядъ людей съ особенными понятіями, съ особенными предразсудками и мечтами, менѣе привязанныхъ къ правительству, а болѣе занятыхъ собственными выгодами. Рѣшительно можно наперед сказать что общія между ними начала произведутъ и новый духъ общій, частію *помѣстной*, частію *денежной*, аристократіи, если только можно этимъ именемъ назвать преимущество какое даютъ помѣстья и деньги, независимо отъ знатности породы или личныхъ заслугъ.

„Такимъ образомъ, государственная служба вся перейдетъ въ руки такъ-называемыхъ *чиновниковъ*, составляющихъ уже у насъ многочисленное *сословіе людей безъ прошедшаго и будущаго*, имѣющихъ свое особое направленіе и совершенно похожихъ на классъ *пролетаріевъ*, единственныхъ въ Россіи представителей неизлѣчимой язвы нынѣшняго европейскаго образованія. Въ скоромъ времени этотъ классъ, при уклоненіи отъ служенія престолу высшаго и незрѣлости низшаго, возникнетъ съ непреоборимою силою и тѣмъ ознаменуется переходъ

политической дѣятельности въ руки *средняго* класса, что въ прочихъ европейскихъ государствахъ называется *Tiers-Etat* или *Bourgeoisie.*

„Кромѣ сего важнаго обстоятельства нельзя не остановиться на мысли: чѣмъ правительство замѣнитъ приманку чиновъ и, еслибъ успѣло найти какую-либо иную мѣру, что оно выиграетъ отъ новаго порядка вещей и понятій?

„Очевидно что по разрушеніи мысли, столь мудро и искусно къ Россіи приложенной великимъ ея преобразователемъ, остается въ виду одно лишь замѣнительное средство: *умноженіе денежныхъ окладовъ.* Но и этого мало. Человѣку врождена еще нравственная потребность, которую также нужно будетъ удовлетворять: потребность возвышенія. Съ одной стороны, какую неисчерпаемую руду слѣдовало бы вновь открыть чтобъ удовольствовать требованія, неудержимо возрастать долженствующія? Съ другой стороны, не родятся ли новыя покушенія къ пріобрѣтенію, вмѣсто чиновъ, славы, власти, чего на Западѣ съ такою алчностью добиваются. Разумѣется, никакихъ сокровищъ не будетъ достаточно для замѣны чиновъ новыми окладами. Не подлежитъ также сомнѣнію что давши однажды такое направленіе государственной службѣ, правительство не въ состояніи будетъ остановить потокъ произвольнаго самовознагражденія. Что жъ касается до послѣдствій властолюбія, разрушительныхъ и ужасныхъ въ нашихъ глазахъ, объ этомъ нельзя и думать безъ страха за будущее Россіи. Единственная преграда всему этому находится доселѣ въ *идеѣ о службѣ;* по уничтоженіи этой идеи, корыстныя и властолюбивыя наклонности, обыкновенно довольныя однимъ настоящимъ, незнающія ни прошедшаго, ни будущаго, будутъ въ полномъ смыслѣ двигателями новаго порядка служенія и единственнымъ мѣриломъ новой служебной іерархіи.

„Въ разсужденіи пользы какой можетъ правительство ожидать отъ такого передома, изо всего вышесказаннаго съ достовѣрностію слѣдуетъ заключить что посягательство на глубокомысленное учрежденіе Петра I не представляетъ ничего другаго кромѣ жертвы и добровольнаго уничтоженія сильнѣйшаго орудія высшей власти; съ этимъ уничтоженіемъ ясно сопряженъ нѣкоторый ущербъ и самой власти. Нетерпѣливость съ какою юное поколѣніе ожидаетъ этой мѣры указываетъ достаточно сколь она способна къ возрожденію всякой

основательной и опасной мечты. Теперь каждый юноша воображаетъ что это сближеніе съ настоящими европейскими понятіями откроетъ ему новое обширное поприще, и что освободившись отъ тягостнаго, болѣе или менѣе медленнаго ига чиноправства, онъ шагнетъ на высшія мѣста и займетъ важнѣйшія должности въ государствѣ. Конечно, это во всякомъ случаѣ останется мечтой, но мечты этого рода предвѣщаютъ опасное волненіе въ умахъ. А какое время болѣе настоящаго доказываетъ необходимость удерживать всякое тревожное движеніе и оставаться на незыблемыхъ началахъ своего роднаго быта, тысячелѣтіемъ скрѣпленнаго и вѣрой освященнаго.

„Вопросъ коего лишь главнѣйшія черты изложены въ этой краткой запискѣ есть вопросъ первой важности, стоящій нынѣ наряду съ коренными вопросами отъ которыхъ зависитъ будущность Россіи, ея долголѣтіе и благоденствіе. Не трудно было бы, распространивъ объемъ этой записки, подкрѣпить выводы прямыми доказательствами взятыми изъ существа нашего государственнаго права и отечественной исторіи, но и краткаго указанія едва ли не достаточно чтобъ обратить на этотъ столько же важный, сколько и сложный вопросъ вниманіе каждаго благомыслящаго, одушевленнаго чувствомъ своихъ обязанностей къ Государю и Отечеству.“

В. ЕВРЕИНОВЪ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* была напечатана статья Н. Я. Данилевскаго „О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источникахъ государственныхъ доходовъ“. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, а другіе вопросы, лишь бѣгло затронутые Данилевскимъ, были независимо отъ того подробно разработаны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Вѣстникѣ*. Но, къ сожалѣнію, бо́льшая часть положеній Данилевскаго не только не осуществились, но даже не находятся еще и на пути къ своему исполненію. За то въ эти пять лѣтъ испробовано и оказалось негоднымъ на практикѣ многое что̀ почти всѣми считалось желательнымъ; сто́итъ сличить нынѣшнія пренія по экономическимъ вопросамъ, хотя бы въ разныхъ сельскохозяйственныхъ и ученыхъ обществахъ, съ тѣмъ что̀ происходило шесть-семь лѣтъ назадъ, чтобъ убѣдиться что мнѣнія значительно измѣнились, что здравый смыслъ съ каждымъ днемъ все болѣе входитъ въ свои права; того что̀ недавно самоувѣренно проповѣдывалось не захотятъ теперь и слушать и уже во всякомъ случаѣ не оставятъ безъ полновѣсныхъ возраженій.

Но покойному Н. Я. Данилевскому не приходилось бы и теперь мѣнять свои мнѣнія; напротивъ, пять лѣтъ, которыя истекли съ тѣхъ поръ какъ напечатана его статья, еще болѣе доказываютъ что онъ правъ. Теперь надо надѣяться что прошло время, вмѣсто неудачныхъ доктринерскихъ рецептовъ, прибѣгнутъ къ правильному лѣченію, и въ этомъ случаѣ программу Данилевскаго невольно придется поставить во главу угла, а потому и представляется своевременнымъ освѣжить, такъ-сказать, фактическій матеріалъ тѣмъ что накопилось за пять лѣтъ. Мы поставили себѣ это цѣлію настоящаго труда, первымъ отдѣломъ коего будутъ табакъ и водка въ непосредственномъ завѣдываніи казны. Затѣмъ мы перейдемъ къ пересмотру мѣръ предложенныхъ для подъема разныхъ отраслей русскаго производства, и закончимъ указаніемъ правильной экономической политики на окраинахъ. Мы не расходимся съ Данилевскимъ ни въ чемъ существенномъ, но вполнѣ сознаемъ практическую необходимость дополненія его труда, въ надеждѣ что намъ, хотя въ слабой мѣрѣ, удастся полоснуть тотъ пробѣлъ который оставили въ русскомъ обществѣ его смерть и предшествовавшее ей нѣкоторое утомленіе. Такъ напримѣръ, стоящій нынѣ на очереди вопросъ о табачной монополіи былъ едва затронутъ Данилевскимъ, причемъ онъ остановился преимущественно на опасныхъ, по его мнѣнію, сторонахъ этого дѣла; но въ настоящее время имѣется гораздо болѣе обширный матеріалъ для его правильнаго разрѣшенія, согласнаго съ основною мыслію столь ясно выраженною Данилевскимъ въ его общихъ разсужденіяхъ о преимуществѣ косвенныхъ налоговъ предъ прямыми*. Очевидно что суть дѣла заключается здѣсь, какъ и при

---

* Напомнимъ ихъ читателю:

„Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Норвегіи (гдѣ мнѣ случилось провести тогда около года) всѣ государственные доходы получались исключительно отъ таможенныхъ пошлинъ, и никакихъ прямыхъ налоговъ не было.

„Самый существенный недостатокъ прямыхъ налоговъ тотъ что они никогда не могутъ быть распредѣлены пропорціонально дѣйствительнымъ средствамъ плательщиковъ, и всегда считаются ими за тяжелое бремя. Первое есть недостатокъ экономическій; второе, такъ сказать, недостатокъ психическій. Они не могутъ быть пропорціональны и уравнительны, потому что, за небольшимъ исключеніемъ

обложеніи водки, въ охраненіи интересовъ казны, производителей и потребителей. Даниловскій въ 1882 году не могъ, конечно, оцѣнить всѣ послѣдствія тогда только-что утвержденныхъ, но не приведенныхъ еще въ дѣйствіе правилъ табачнаго акциза, которыя ввели худшій видъ откупа, отдавъ производителей и потребителей табака въ полное распоряженіе нѣсколькихъ табачныхъ фабрикантовъ; эти счастливцы, ничего не платя казнѣ, пріобрѣли исключительное право покупки всего производимаго табака и продажи даже махорки. Понятно, какое широкое поле для притѣсненія плантаторовъ, съ одной стороны, и для продажи подмѣшанной махорки, съ другой,

---

лицъ получающихъ опредѣленное жалованье или опредѣленный доходъ съ бумагъ приносящихъ проценты, доходы всѣхъ прочихъ лицъ: землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ, ремесленниковъ, занимающихся свободными профессіями, мѣняются съ года на годъ въ самыхъ значительныхъ размѣрахъ, въ зависимости отъ урожаевъ, цѣнъ на продукты, хода промышленности, торговли и разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Вычисленіе средней доходности очень мало помогаетъ дѣлу, потому что эта средняя доходность есть въ сущности отвлеченная величина, съ которою рѣдко кто сообразуется. Въ хорошій, удачный годъ хозяева уплачиваютъ долги, вообще поправляются въ дѣлахъ, и конечно не откладываютъ на налоги которые придется уплачивать съ трудомъ въ годъ менѣе доходный или совершенно убыточный. Еще важнѣе другое обстоятельство: если и можно опредѣлить получаемый доходъ, то какъ опредѣлить расходъ? Два человѣка получающіе, положимъ, по пяти тысячъ дохода, но изъ которыхъ одинъ холостой или бездѣтный, а другой обремененъ большимъ семействомъ, долженъ содержать престарѣлыхъ родителей и сиротъ родственниковъ, находятся въ совершенно различныхъ имущественныхъ положеніяхъ. Дѣйствительное различіе въ средствахъ лицъ получающихъ одинаковый доходъ можетъ такимъ образомъ равняться разницѣ существующей между лицами получающими доходъ вдвое и втрое большій или меньшій.

„Цѣль которую я имѣлъ въ виду при этомъ разсужденіи о прямыхъ и косвенныхъ податяхъ состоитъ въ томъ чтобы показать что на благоразумномъ и цѣлесообразномъ установленіи косвенныхъ податей должны быть основаны всѣ старанія къ улучшенію русскихъ финансовъ.

„Улучшеніе нашихъ финансовъ именно путемъ хорошей системы косвенныхъ налоговъ вполнѣ достижимо, и достижимо въ непродолжительномъ времени."

открыли имъ новыя правила. Мы вполнѣ сознаемъ значеніе тѣхъ трудностей казенной фабрикаціи на которыя указываетъ Даниловскій, но полагаемъ что всякія подобныя затрудненія далеко не принадлежатъ къ числу неодолимыхъ, и что оказавшееся по плечу Румыніи не превыситъ вѣроятно и нашихъ силъ.

I.

Общее значеніе косвенныхъ налоговъ и законность усиленнаго обложенія спирта и табака.—Настоящее положеніе табачнаго дѣла; записка князя Голицына.—Фактически существуетъ откупъ.—Фальсификаціи.—Предположенія Грейга о монополіи и статья Янжула.—Другія возраженія противъ монополіи и общія основанія правильнаго устройства дѣла въ Россіи.—Казенное завѣдываніе самый рѣзкій антитезисъ откупа.—Недостатки акцизной системы.—Необходимость при введеніи монополіи устроить казенные дворы-казначейства въ нѣсколькихъ мѣстахъ уѣзда.—Безакціе.—Слѣдуетъ ли его опасаться.—Нѣсколько цифровыхъ данныхъ и общій очеркъ устройства дѣла табачной монополіи.

Читатель не ожидаетъ отъ насъ чтобы мы стали здѣсь распространяться о теоретическихъ и практическихъ преимуществахъ косвенныхъ налоговъ надъ прямыми. Хотя и доселѣ существуютъ и даже встрѣчаются въ печати мнѣнія отстаивающія безнадежную въ основаніи тему о преимуществѣ прямыхъ налоговъ, о необходимости полнаго упраздненія косвенныхъ, но всѣ подобныя разсужденія достаточно осуждены не только неумолимою практикой, но и самою теоріей, которая впрочемъ въ такихъ „наукахъ“ какъ политическая экономія и финансы далеко не всегда можетъ руководить практику, и въ лицѣ своихъ болѣе талантливыхъ и чуткихъ представителей стремится подъискать теоретическое основаніе для объясненія явленія, или факта не рѣдко твердо усвоеннаго практикой и служащаго уже основаніемъ къ финансовымъ мѣрамъ.

Можно замѣтить нѣсколько теченій въ спорѣ о преимуществѣ косвенныхъ или прямыхъ налоговъ, но несмотря на то что большинство теоретиковъ было всегда на сторонѣ прямыхъ налоговъ, косвенные постоянно брали верхъ, а въ

послѣднее время дождались наконецъ и своего теоретическаго оправданія. Вѣское слово по этому предмету было сказано Н. Я. Даниловскимъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и повторено въ примѣчаніи. Но мы приведемъ еще мнѣнія другихъ экономистовъ, несомнѣнно правовѣрныхъ. Еще во *Французско-политико-экономическомъ лексиконѣ* (1853 годъ) мы находимъ такого рода отзывъ объ этомъ предметѣ: „Удобство ихъ заключается въ томъ что они поступаютъ гораздо легче прямыхъ, уплачиваются населеніемъ ничтожными, незамѣтными долями. Вреднымъ безусловно слѣдуетъ признать лишь обложеніе предметовъ первой необходимости (соль, хлѣбъ), во чѣмъ болѣе косвенное обложеніе касается такихъ предметовъ потребленія отъ которыхъ обыватель можетъ вполнѣ или частію отказаться, тѣмъ болѣе дѣйствительное обложеніе ими соотвѣтствуетъ силамъ плательщика. Въ крайнемъ же своемъ развитіи косвенные налоги могутъ дорости даже до обложенія одной роскоши, вовсе не касаясь необходимаго. Еслибы можно было обложить косвенными налогами всѣ издержки каждой семьи, то это было бы равносильно самому правильному подоходному обложенію. Но здѣсь существуетъ практическій предѣлъ; чрезмѣрно увеличивать число предметовъ обложенныхъ косвенными налогами нельзя уже потому что по нѣкоторымъ корчемство было бы столь сильно, а издержки взиманія столь велики, что преслѣдуя теоретическую справедливость, мы совершили бы практически несообразность.“ Во всякомъ случаѣ, косвенные налоги имѣютъ то громадное преимущество передъ прямыми что они каждымъ вносятся добровольно, не требуютъ экзекуціонныхъ мѣръ и соразмѣряются съ дѣйствительнымъ потребленіемъ, а не съ произвольными въ большей или меньшей мѣрѣ исчисленіями доходовъ плательщика.

Чтобъ успокоить нѣсколько сомнѣнія добросовѣстныхъ сторонниковъ подоходнаго обложенія, особенно въ Россіи, мы должны напомнить что способы опредѣленія дохода сводятся въ существѣ къ двумъ пріемамъ: 1) фискальное управленіе довольствуется простымъ или присяжнымъ показаніемъ самого плательщика, подвергая его болѣе или менѣе строгой повѣркѣ чрезъ своихъ чиновниковъ, или 2) доходы исчисляются по общимъ нормамъ, при произвольномъ распредѣленіи на

разряды по мѣрѣ зажиточности. Понятно что оба эти способа при нашихъ условіяхъ, то-есть при отсутствіи добросовѣстныхъ показаній и толковаго чиновничества, одинаково приводили бы къ очень неудовлетворительнымъ результатамъ, съ которыми сторонники подоходнаго обложенія могутъ теперь легко ознакомиться на всѣхъ безобразіяхъ происходящихъ въ нашихъ податныхъ присутствіяхъ. Имъ предстоитъ, какъ извѣстно, разверстать сравнительно незначительный трехпроцентный сборъ съ торговли и промышленности, составляющій едва ли одну сотую долю нашего бюджета. Но и это исполняется такъ что возбуждаетъ справедливое неудовольствіе населенія.

Гораздо существеннѣе другая сторона податнаго дѣла. Еще можно было разумно распространяться о преимуществахъ прямаго обложенія предъ косвеннымъ пока было основаніе, подобно Миллю, надѣяться освободить отъ обложенія ту долю дохода каждаго лица которая составляетъ необходимыя средства скромнаго существованія.

Лёруа Больё и другіе теперь справедливо замѣчаютъ что если всѣ участвуютъ въ поголовномъ голосованіи, то никто не долженъ быть изъятъ и отъ несенія государственныхъ тяготъ. Съ другой стороны, весьма затруднительно опредѣлить грань между тѣми хозяйствами которыя имѣютъ избытокъ и тѣми которыя съ трудомъ добываютъ необходимое. Напротивъ, гораздо легче именно путемъ косвенныхъ налоговъ, особенно на табакъ, спиртъ и биржевые обороты, облагать въ каждомъ хозяйствѣ, такъ-сказать, только избытки, предоставляя волѣ плательщика увеличивать или уменьшать долю своего участія въ государственныхъ тяготахъ, уменьшая въ послѣднемъ случаѣ потребленіе того что̀ не составляетъ предмета первой необходимости. Очевидно что этимъ путемъ гораздо легче дойти до правильнаго обложенія всѣхъ избытковъ, не касаясь доли доходовъ дѣйствительно необходимой для поддержки существованія. Кастовыя различія съ каждымъ годомъ становятся все менѣе чувствительными. Нуждающіяся семьи встрѣчаются во всѣхъ классахъ, но на ряду съ этимъ нѣтъ почти ни одной семьи гдѣ не тратилось бы довольно много на ломанутые предметы (табакъ и вино), и система обложенія сдерживающая потребленіе въ этомъ направленіи будетъ во всякомъ случаѣ

имѣть благодѣтельныя послѣдствія, какъ потому что этимъ способомъ наполняются государственныя кассы, такъ и еще болѣе вслѣдствіе воздѣйствія такой податной системы на усиленіе производительныхъ расходовъ или стремленія населенія усилить производительность своего труда дабы имѣть возможность удовлетворить и ломанутымъ, менѣе настоятельнымъ своимъ потребностямъ.

Эти соображенія имѣютъ очень вѣское значеніе вездѣ, но всего менѣе могутъ быть забываемы въ странѣ гдѣ сбереженіе далеко не составляетъ всеобщей добродѣтели и еще не вошло въ нравы населенія. Недоборъ доходовъ въ подобной странѣ, непокрытые дефициты, равно какъ и покрытіе ихъ займами, ставятъ очень трудныя задачи ближайшему будущему, нисколько не облегчая настоящаго положенія.

Никто не усомнится въ томъ что Россія находится именно въ подобномъ положеніи, а потому налоги на спиртъ и табакъ сами собой выдвигаются здѣсь на первую очередь. Мы сторонники казенной продажи какъ способа извлеченія дохода съ того и другаго предмета; но относительно перваго мы уже имѣли случай достаточно высказаться въ особой статьѣ; гораздо существеннѣе уяснить тотъ же вопросъ относительно табака. Здѣсь монополія, одна допускающая безопасно высокое обложеніе, особенно желательна потому что налогъ ляжетъ на тѣ части населенія которыя преимущественно воспользовались желѣзными дорогами и развитіемъ городской жизни. Потребленіе табака у насъ быстро возрастаетъ, но исключая сектантовъ которые вовсе не потребляютъ его, не трудно замѣтить что табакъ всего усиленнѣе потребляется въ городахъ, всего менѣе въ отдаленныхъ сельскихъ мѣстностяхъ; затѣмъ Сѣверъ потребляетъ его гораздо менѣе благодатнаго Юга. Наконецъ, если относительно спирта въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ-быть трудно провести черту между правильнымъ потребленіемъ, поддерживающимъ производительныя силы, и удовлетвореніемъ порочной склонности, подрывающей организмъ, то относительно табака можно смѣло сказать что болѣе $^{9}/_{10}$ его потребленія не имѣетъ никакого полезнаго значенія. Поэтому, если монополія и высокая цѣна табака дѣйствительно способны убавить его потребленіе или по крайней мѣрѣ сдержать дальнѣйшее развитіе таковаго, то этотъ результатъ во всѣхъ отношеніяхъ желателенъ, и нѣтъ причины его опасаться.

Еще страннѣе всѣ страхи касательно табаководства и стѣсненія заграничнаго вывоза. Мы не имѣемъ въ виду подробныхъ проектовъ табачной монополіи въ Россіи, но не подлежитъ сомнѣнію что очень не трудно устроить дѣло такимъ образомъ чтобы при монополіи было не болѣе существующаго нынѣ стѣсненія для производства. Здѣсь, какъ и во многихъ областяхъ, неизбѣжные повидимому недостатки акцизной системы облегчаютъ введеніе монополіи, при которой производителю будетъ, во всякомъ случаѣ, легче чѣмъ нынѣ. Неустройство дѣла въ настоящее время прекрасно выражено въ заключеніи записки князя Голицына, положенія котораго мы и приводимъ дословно.

„Главною причиной замѣчаемаго упадка означеннаго производства слѣдуетъ признать ненормальную обстановку торговли листовымъ табакомъ, возникшую вслѣдъ за введеніемъ правилъ 1882 года. Упомянутыя правила привели къ цѣлому ряду неблагопріятныхъ для табачной культуры послѣдствій, сущность которыхъ представляется въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„1) Уставъ 1882 года, прекратившій вольную продажу всѣхъ сортовъ листоваго табаку, въ томъ числѣ и низшихъ, и установившій обязательный ихъ пропускъ чрезъ фабрики до поступленія въ раздробительную продажу, сосредоточилъ торговлю табакомъ въ рукахъ незначительнаго числа фабрикантовъ, вслѣдствіе чего послѣдніе получили господствующее положеніе на табачномъ рынкѣ и сдѣлались монополистами.

„2) Имѣя возможность искусственно понижать цѣны на табакъ, фабриканты поставили оптовыхъ торговцевъ въ полную отъ себя зависимость, въ виду чего положеніе содержателей оптовыхъ складовъ листоваго табаку сдѣлалось критическимъ.

„3) Ненормальная обстановка табачной торговли имѣла послѣдствіемъ значительное паденіе цѣнъ на листовой табакъ.

„4) Въ нѣкоторыхъ районахъ уставъ 1882 года, не будучи согласованъ съ мѣстными условіями рынка, поставилъ табаководовъ въ безвыходное положеніе; за неимѣніемъ законнаго сбыта, установилась тайная, безакцизная торговля листовымъ табакомъ, а мѣстами плантаторы стали разводить табакъ исключительно для собственнаго потребленія.

„5) Обложеніе всѣхъ низшихъ туземныхъ табаковъ единаковымъ акцизнымъ сборомъ различно повліяло на табачное производство. Въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ табакъ, вслѣдствіе почвенныхъ условій, получается недоброкачественный, вышеуказанная уравнительная мѣра значительно стѣснила табачную торговлю и неблагопріятно отразилась на табачной культурѣ.

„6) Со времени введенія новаго устава, качество табачныхъ издѣлій замѣтно ухудшилось. Въ настоящее время, табакъ носящій въ торговлѣ названіе „ланской махорки“ покупается фабрикантами въ уменьшенномъ количествѣ, цѣны на него значительно понизились, и вмѣстѣ съ тѣмъ сократилось число крупныхъ владѣльческихъ плантацій.

„7) Введенныя новымъ уставомъ формальности и излишекъ регламентаціи значительно стѣснили табачныхъ плантаторовъ и складчиковъ.

„8) Уставъ о табачномъ сборѣ во многихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ почти исключительно было распространено употребленіе листоваго табака, какъ предмета первой необходимости, лишилъ населеніе возможности пріобрѣтать таковой Въ розничной торговлѣ цѣны на табакъ значительно увеличились, притомъ несоразмѣрно вновь установленному акцизу.“

Исходъ слѣдуетъ искать въ такомъ устройствѣ табачной монополіи которое представляло бы всевозможныя облегченія для вывоза табака. Нечего при этомъ бояться излишняго стѣсненія плантаторовъ; слѣдуетъ лишь прочно поставить тотъ руководящій принципъ что воздѣлываніе табака допускается повсемѣстно гдѣ плантаторы примутъ на себя расходы необходимые для того чтобъ обезпечить казнѣ поступленіе въ казенные склады всего безъ изъятія собраннаго табака. Понятно что казна будетъ принимать на продажу отъ каждаго плантатора лишь то количество какое причитается по разверсткѣ сообразно съ требованіями рынка для внутренняго потребленія. Остальное количество можетъ быть свободно вывезено за границу, или употреблено, подъ надлежащимъ наблюденіемъ, для техническихъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ, введеніе табачной монополіи отнюдь не исключаетъ принятія тѣхъ поощрительныхъ мѣръ которыя перечислены въ запискѣ князя Голицина и состоятъ въ

слѣдующемъ: „Распространеніе среди плантаторовъ большихъ свѣдѣній о правильномъ табаководствѣ; подготовка спеціалистовъ - руководителей; учрежденіе, въ главныхъ табаководственныхъ центрахъ, образцовыхъ станцій для практическихъ опытовъ надъ разными сортами табака; наконецъ, при безденежьѣ большинства хозяевъ, открытіе послѣднимъ кредита въ видѣ ссудъ подъ залогъ плантаторскаго табака."

Въ недавнее время обнаружилось что всѣ остатки старыхъ рогожъ въ адмиралтействѣ скупались табачными фабрикантами, причемъ особенно одинъ изъ нихъ, довольно извѣстный, находилъ что подмочѣлая рогожа является самымъ лучшимъ суррогатомъ табака. Пока была дозволена продажа листовой махорки, табаководы сохраняли въ сущности непосредственныя отношенія къ потребителямъ, и самые низкіе сорта табака все-таки продолжали быть чистымъ табакомъ, и производитель былъ свободенъ въ отысканіи мѣста сбыта для своего производства. Ничего подобнаго нѣтъ теперь; съ 1882 года монополія существуетъ фактически, но только не приноситъ ни какой пользы казнѣ. Табаководы отданы со связанными руками нѣсколькимъ табачнымъ фабрикантамъ, которымъ они обязательно должны продать свой товаръ. Съ другой стороны, ничто не побуждаетъ фабриканта давать потребителю только чистый табакъ. Напротивъ, обязательная продажа махорки въ бумажныхъ картузахъ открыла широкую возможность вкладывать туда вмѣстѣ съ табакомъ крошеныя рогожи и всякій иной суррогатъ. Стѣсненіе нашего табаководства, какъ послѣдствіе правилъ 1882 года, главнымъ образомъ тѣмъ и вызывается что фабрикантамъ нѣтъ надобности ограничиваться однимъ табакомъ, какъ скоро является возможность сбывать подъ названіемъ табака большое количество другихъ, болѣе дешевыхъ предметовъ въ видѣ примѣси, нерѣдко даже, по словамъ табачныхъ фабрикантовъ, соотвѣтствующей вкусу покупателей.

Впрочемъ, въ настоящее время фабриканты напрасно указываютъ на подобный извращенный вкусъ. Напротивъ, русскій потребитель несомнѣнно привыкъ курить чистый табакъ, а суррогаты навязываются ему благодаря несчастной дѣйствующей системѣ, которая имѣетъ много общаго съ

литейными правилами. Будучи крайне невыгодна для производителя и потребителя, она составляетъ истинный кладъ для посредника и даетъ ничтожный доходъ казнѣ.

Едва ли можно найти болѣе подходящій предметъ для серіознаго обложенія чѣмъ табакъ. Здѣсь нѣтъ надобности разбирать, слѣдуетъ ли его относить къ предметамъ прямо вреднымъ; признавая его только безполезнымъ, мы конечно въ правѣ высказаться за монополію, обезпечивающую казнѣ весьма серіозный доходъ, а потребителю, во всякомъ случаѣ, чистый товаръ.

Мы уже достаточно говорили о томъ что монополія не представляетъ никакой невыгоды для табаководства, но слѣдуетъ указать еще одно очень существенное различіе. Государственный интересъ можетъ, очевидно, заставить насъ заботиться объ увеличеніи вывоза табака. Все что намъ будетъ за него заплачено представитъ очевидную выгоду въ нашихъ международныхъ разчетахъ, а потому опасенія за нашъ вывозъ заслуживаютъ серіознаго вниманія. Но мы уже говорили что монополія отнюдь не стѣсняетъ вывоза и можемъ подтвердить это примѣромъ Австріи, гдѣ, несмотря на монополію, видимъ значительный вывозъ табака, составляющій даже предметъ государственнаго дохода.

При очень слабомъ обложеніи, мысль о введеніи въ Россіи табачной монополіи была въ ходу еще при министрѣ С. А. Грейгѣ. Въ виду ея не могли остаться безучастными постоянные либеральные защитники нашихъ дефицитовъ; противъ мысли о казенной монополіи былъ начатъ походъ, и главнымъ застрѣльщикомъ выступилъ, на страницахъ *Слова*, профессоръ Янжулъ. Статья его имѣла несомнѣнный успѣхъ. Она сбила съ толку многихъ серіозныхъ людей, и мысль о табачной монополіи была признана окончательно потопленною; для этого не потребовалось большаго труда. Статья г. Янжула есть не болѣе какъ извлеченіе изъ книги г. Рагозина, приправленное восклицаніями о вредѣ монополіи, въ которыхъ подъ этимъ ненавистнымъ именемъ соединены самые разнообразные предметы проклятій, не имѣющіе ничего общаго ни между собою, ни съ казеннымъ завѣдываніемъ табачными доходами.

Сведемъ къ немногимъ положеніямъ возраженія г. Янжула противъ табачной монополіи.

1) Во главѣ угла, конечно, стоитъ то что налогъ уплачивается бѣднѣйшими жителями, и что необходимое преобразованіе нашей податной системы состоитъ въ томъ чтобъ облагать достаточные классы, снимая налогъ съ бѣдныхъ.

Но неумолимая дѣйствительность уже произнесла приговоръ надъ этимъ тезисомъ почтеннаго профессора, составлявшимъ, впрочемъ, общее мѣсто всѣхъ петербургскихъ коммиссій за послѣднія два десятилѣтія. Всѣ попытки въ этомъ направленіи привели лишь къ громадному увеличенію дефицита и къ созданію такихъ сборовъ при собираніи которыхъ приходится тратить почти половину самаго сбора на содержаніе либеральныхъ чиновниковъ.

2) Монополія является сносною лишь тамъ гдѣ она введена лѣтъ двѣсти тому назадъ и народъ уже успѣлъ къ ней привыкнуть. Введеніе же монополіи вновь требуетъ громадныхъ затратъ съ очень сомнительною надеждой на прибыль.

3) Монополія вызываетъ такія стѣсненія табаководства, такое вмѣшательство чиновника въ одну изъ областей сельско-хозяйственной дѣятельности, доходящее до счета листьевъ на грядахъ, что она рѣшительно немыслима при нашемъ плохомъ чиновничествѣ и погубитъ табаководство безо всякой выгоды для доходовъ казны.

Самый лучшій отвѣтъ на эти два послѣднія положенія мы услыхали отъ лица командированнаго для изученія этого дѣла. Онъ поѣхалъ въ свою командировку вполнѣ убѣжденнымъ доводами г. Янжула, а увидалъ между прочимъ слѣдующее:

Румынія, по пространству и населенію не превышающая двухъ русскихъ губерній, получаетъ отъ табачной монополіи свыше 32 милліоновъ франковъ валоваго дохода и болѣе 20 милліоновъ чистаго. Это немногимъ разнится отъ того что̀ получаетъ вся Россія. Въ Румыніи не только нѣтъ двухсотлѣтней практики или особенно способнаго чиновничества, но всѣ отзывы сходятся къ тому что румынскіе чиновники гораздо хуже нашихъ. Дѣйствующая же система казенной продажи введена всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ откупа, оказавшагося, какъ въ Италіи и Турціи, никуда не годнымъ.

Румынскій законъ о табачной монополіи весьма не сложенъ. Каждый плантаторъ желающій въ слѣдующемъ году засѣвать табакъ извѣщаетъ объ этомъ мѣстную коммиссію. Засѣвы для иностраннаго вывоза допускаются безусловно, причемъ плантаторъ обязанъ только весь урожай доставить въ опредѣленное мѣсто, гдѣ онъ находится подъ наблюденіемъ казеннаго управленія впредь до его вывоза. Размѣръ посѣвовъ для внутренняго потребленія опредѣляется сообразно потребности казеннаго управленія, причемъ избытокъ урожая можетъ поступать на удовлетвореніе нуждъ слѣдующихъ лѣтъ. Цѣны на табакъ опредѣляются смѣшанными коммиссіями, въ составѣ коихъ находятся представители казеннаго управленія, мѣстной администраціи и самихъ плантаторовъ; тѣ же коммиссіи окончательно разрѣшаютъ споры по пріемкѣ табака. Никакого стѣсненія плантаторовъ, а уже тѣмъ менѣе счета листьевъ на грядахъ не требуется. Вся суть дѣла казенной продажи табака заключается именно въ томъ что всякая продажа, всякій переходъ табака изъ рукъ въ руки строго воспрещается, если они совершаются помимо казеннаго управленія. Плантаторъ можетъ курить свой собственный табакъ, но всякое храненіе частнымъ лицомъ табака не имѣющаго несомнѣнныхъ доказательствъ что онъ пріобрѣтенъ въ казенной лавкѣ, подвергается строгому преслѣдованію.

Приходится съ грустью отмѣтить ту существенную разницу не въ нашу пользу что румынскіе суды относятся къ дѣламъ казеннаго интереса серіознѣе чѣмъ наши.

Итакъ, даже одна Румынія можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ неосновательности доводовъ г. Янжула, остановившихъ однако у насъ введеніе табачной монополіи въ 1879 году. Излишка производства для внутренняго потребленія не бываетъ, потому что казенное управленіе въ правѣ ограничить посѣвы каждаго плантатора предувѣдомивъ его о томъ за шесть мѣсяцевъ до посѣва.

Мѣстный изслѣдователь вынесъ въ общемъ самое утѣшительное впечатлѣніе о всемъ ходѣ дѣла. То же самое, повидимому, слѣдуетъ сказать относительно Австріи, Франціи и Италіи. Нигдѣ плантаторы не находятся въ болѣе неудовлетворительномъ положеніи чѣмъ у насъ, гдѣ они отданы въ руки откупщиковъ.

Итакъ изъ аргументовъ г. Янжула намъ осталось разобрать лишь тотъ, будто и косвенные налоги должны впредь

накладываться въ Россіи такъ чтобъ они касались однихъ достаточныхъ, высшихъ классовъ, оставляя совершенно въ сторонѣ массу народа. Разбирая этотъ доводъ, мы имѣемъ теперь предъ собою шестилѣтнее управленіе финансами непрерывно стремившееся къ осуществленію идеала г. Янжула. Мы конечно ничего не имѣемъ противъ самаго высокаго обложенія предметовъ роскоши, но думаемъ что нужно коренное незнаніе Россіи для того чтобъ ожидать серіозныхъ финансовыхъ результатовъ отъ подобныхъ налоговъ; такъ-называемые достаточные классы у насъ столь немногочисленны что всѣ попытки усилить обложеніе ихъ могутъ, пожалуй, имѣть значеніе въ видахъ абсолютной справедливости, но собственно въ финансовомъ смыслѣ всегда будутъ ничтожны. Мы подробнѣе коснемся этого вопроса въ другой части настоящей статьи, но считаемъ полезнымъ привести здѣсь еще одинъ доводъ защитниковъ расходныхъ финансовыхъ мѣръ, которыя, какъ надо надѣяться, отошли нынѣ въ безвозвратное прошлое. Весной 1886 года, въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ состоялся докладъ объ отмѣнѣ подушной подати, напоминавшій многіе доклады того же характера. Въ числѣ присутствовавшихъ замѣтно было много представителей Министерства Финансовъ, а весь докладъ былъ не что иное какъ хвалебный гимнъ послѣдней мѣрѣ министра — немедленному уничтоженію всей подушной подати въ Европейской Россіи, съ крайне недостаточною замѣной ея. Единственнымъ недостаткомъ принятой мѣры выставлялось то что часть слагаемой подушной подати предполагалось пополнить девятою копѣйкой на градусъ спирта, то-есть „взять съ того же народа“. Во время преній лишь маѣнія одного или двоихъ изъ говорившихъ явились диссонансомъ въ общемъ хорѣ восхваленія финансовой администраціи, но здѣсь-то и случилось нѣчто достойное вниманія.

Докладчику было указано что точка зрѣнія на которой Министерство Финансовъ стояло въ 1882 году, повидимому, болѣе соотвѣтствовала достоинству власти; тогда предположено было отмѣнить сполна подушную подать въ теченіе восьми лѣтъ, слагая ежегодно по равной части и начиная съ наиболѣе обремененныхъ плательщиковъ. Не понятно почему потребовалось, послѣ того какъ это разумное предположеніе

уже три года приводилось въ исполненіе, сдѣлать скачекъ, сразу освободивъ отъ подушной подати и болѣе состоятельныхъ плательщиковъ, и увеличивъ такимъ образомъ дефицитъ, все возрастающій въ государственныхъ росписяхъ послѣднихъ лѣтъ. На это докладчикъ отвѣтилъ что, по его мнѣнію, эта поспѣшность достаточно объясняется опасеніемъ того что при постепенности не удалось бы привести любимую мысль въ исполненіе; надобно было сдѣлать дѣло пока власть находилась еще въ тѣхъ же рукахъ. „Теперь уже раздаются отдѣльные голоса за возстановленіе подушной подати, за будущее ручаться нельзя; нужно умѣть пользоваться настоящимъ.“ И дѣйствительно сумѣли воспользоваться; успѣли натворить многое что̀ не скоро забудетъ Россія.

О возстановленіи подушной подати никто серіозно не думалъ; но съ другой стороны, при всякомъ предположеніи о подоходномъ обложеніи въ Россіи никто, кромѣ людей страдающихъ крайнею тенденціозностью, не рѣшится оставить въ сторонѣ личный трудъ. Доходъ получаемый отъ него долженъ, очевидно, подлежать обложенію на одинаковыхъ съ прочими доходами основаніяхъ, и въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на авторитетъ Ю. Ѳ. Самарина, который разрабатывалъ въ Московскомъ земствѣ проектъ разряднаго налога имѣвшій замѣнить подушную подать.

Считая всѣ аргументы противъ казенной продажи табака устраненными, добавимъ лишь нѣсколько словъ о томъ какъ отозвалось казенное хозяйство на плантаторахъ въ странахъ * гдѣ существуетъ казенная продажа и которыя по всѣмъ прочимъ условіямъ всего ближе подходятъ къ намъ. Поставщиками являются главнымъ образомъ мелкіе плантаторы, то-есть люди сами воздѣлывающіе свой табакъ; крупные собственники извлекаютъ отъ воздѣлыванія табака лишь косвенныя выгоды, отдавая свою землю въ аренду мѣстнымъ плантаторамъ, или привлекая для той же цѣли особыхъ поселенцевъ, которые занимаются этимъ дѣломъ на свой страхъ и рискъ. Особенно въ Австріи казенному монопольному управленію вполнѣ удалось совершенно устранить кулаковъ которые прижимали плантаторовъ въ прежнее время.

* Австрія и Румынія.

Потребность въ кредитѣ для воздѣлывателей табака вполнѣ удовлетворяется самимъ монопольнымъ управленіемъ, которое выдаетъ довольно значительные авансы, удерживаемые при сдачѣ табака. Мы намѣренно не касались здѣсь подробностей устройства табачной монополіи, такъ какъ для насъ было гораздо важнѣе установить лишь самый принципъ казенной продажи. Отмѣтимъ странную судьбу той же мысли относительно водки и табака у насъ. Съ 1881 года *Московскія Вѣдомости*, потомъ нѣкоторыя губернскія коммиссіи, усиленно настаивали на возможности и удобствѣ введенія казенной продажи вина. Мысль эта, однако, не находила отклика въ офиціальной средѣ. Въ правительственной коммиссіи съ 1883 года пишущій эти строки вошелъ въ составъ очень незначительнаго меньшинства признававшаго необходимость казенной продажи вина. Все это сильно измѣнилось съ 1885 года, когда князь Бисмаркъ внесъ свой проектъ монополіи на спиртъ въ Германскій рейхстагъ. Тогда рѣшено было приступить къ опыту казенной продажи въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и для этого стали собирать свѣдѣнія въ двухъ губерніяхъ—Орловской и Ковенской; нынѣ эти свѣдѣнія собраны и разрабатываются, но въ это время нѣмецкое народное представительство отвергло проектъ германскаго канцлера *, а вслѣдствіе этого, повидимому, ослабѣло желаніе ввести ее и у насъ; несмотря на благопріятные для казенной монополіи отзывы обоихъ акцизныхъ управленій въ тѣхъ губерніяхъ гдѣ собирались свѣдѣнія, дѣло настолько считалось отброшеннымъ или, по крайней мѣрѣ, отложеннымъ въ долгій ящикъ что бывшій министръ Финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ къ росписи текущаго года призналъ возможнымъ представить нелѣпою самую мысль о казенной продажѣ вина. При подобномъ взглядѣ является не понятнымъ какимъ образомъ и зачѣмъ собирались свѣдѣнія, если впередъ было рѣшено что дѣло устроено быть не можетъ, даже несмотря на благопріятный результатъ изслѣдованія.

Но еще страннѣе отзывъ о табачной монополіи. Здѣсь тотъ же офиціальный документъ заявляетъ что увеличеніе казеннаго дохода путемъ монополіи возможно, но что этотъ

* Подробности см. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1886 года, въ статьѣ *Казенная продажа вина*.

результатъ отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать: „при высокомъ акцизѣ съ хлѣбнаго вина, у насъ нельзя извлечь изъ табачной монополіи не только такого дохода, какъ во Франціи (около *сто двадцати милліоновъ кредитныхъ*), но и несравненно меньшаго“. Авторитетъ, которымъ бывшій министръ пользуется какъ экономистъ, придало его словамъ преувеличенное значеніе; не трудно замѣтить что слова этого вселодаваѣйшаго доклада произвели впечатлѣніе, и многіе почему-то считаютъ что литейная монополія окончательно невозможна, а табачная представляетъ де во всякомъ случаѣ лишь шансы на незначительный успѣхъ. Но приведенное выше разсужденіе, очевидно, ошибочно. Доходы съ табака и водки вовсе не находятся въ томъ соотношеніи какое приписываетъ имъ Н. Х. Бунге; это одинаково доказывается какъ наблюденіемъ за каждымъ частнымъ хозяйствомъ, такъ и сличеніемъ цифръ потребленія разныхъ странъ обложенныхъ въ большей или меньшей мѣрѣ косвенными налогами. Единственный разумный смыслъ какой можетъ быть приданъ приведенному выше разсужденію состоитъ въ томъ что при той мѣрѣ экономическаго разстройства до которой нынѣ доведена Россія, послѣ крайне неудачнаго управленія финансами и трехлѣтняго безучастнаго отношенія къ кризису, очень вѣроятно что поступленіе всѣхъ налоговъ будетъ крайне неудовлетворительно. Понятно что фабрики стоящія безъ работы, сельскохозяйственныя предпріятія получающія убытки вмѣсто барышей, не могутъ платить исправно, и при исчисленіи всѣхъ результатовъ предположенныхъ нынѣ мѣръ нужно вводить очень крупную поправку на то что медики называютъ истощеніемъ организма и что у насъ несомнѣнно проявляется въ видѣ общаго ослабленія платежныхъ силъ. Но не нужно забывать что въ этомъ отношеніи всѣ другіе налоги, помимо обложенія спирта и табака, представляютъ гораздо бо́льшую опасность. Затрудненія во взносѣ прямыхъ налоговъ ведутъ къ остановкѣ производства, къ насильственнымъ продажамъ и пр. Ничего подобнаго нѣтъ при налогахъ косвенныхъ. Здѣсь ослабленіе платежныхъ силъ можетъ привести лишь ко временному уменьшенію потребленія, которое, однако, въ Россіи относительно табака довольно велико. Статистическое разслѣдованіе подобныхъ фактовъ ясно доказываетъ что привычка имѣетъ громадную силу, и что потребленіе никогда

сразу убавиться не можетъ. Количество потребляемыхъ высшихъ сортовъ табака * у насъ такъ незначительно, а потребители столь вліятельны, что можно рекомендовать будущему монопольному управленію удовлетворить по возможности ихъ вкусовымъ требованіямъ дабы не рисковать успѣхомъ всей операціи, но серіознаго финансоваго значенія эти сорта никогда имѣть не будутъ, и центръ тяжести налога останется все-таки въ махоркѣ и въ низшихъ и среднихъ сортахъ остальнаго табака. Монопольное управленіе обезлечитъ народу чистый продуктъ, избавитъ его отъ „благодѣтельной“ свободы которою широко воспользовались табачные фабриканты—свободы продавать гнилую рогожу вмѣсто табака. Но именно при подобномъ условіи нѣтъ никакого основанія ожидать уменьшенія потребленія, а высокое обложеніе спирта отнюдь не препятствуетъ тому чтобы соотвѣтственное поступленіе съ табака шло преимущественно въ казенный карманъ, не растеряваясь, какъ нынѣ, по рукамъ разныхъ посредниковъ. Въ настоящее время невозможно исчислить точно увеличеніе казеннаго дохода отъ введенія табачной монополіи, да въ этомъ нѣтъ и надобности. Лучшая сторона казеннаго завѣдыванія косвенными налогами въ томъ и заключается что все извлекаемое изъ народа поступаетъ въ казенный карманъ, а народъ получаетъ предметы потребленія въ чистомъ видѣ, безъ вредныхъ примѣсей. Мы знаемъ что казенное завѣдываніе дастъ возможность значительно поднять обложеніе не опасаясь корчемства, но и при существующемъ размѣрѣ налога, то-есть по крайней мѣрѣ безъ поднятія цѣны для потребителя, доходъ казны значительно возрастетъ, именно вслѣдствіе упорядоченія торговли, устраненія лишнихъ посредниковъ. Въ странахъ гдѣ введена монопольная продажа табака, потребности потребителя удовлетворяются, а торговыя издержки не превышаютъ 5 или 8%, то-есть за скидку въ такомъ размѣрѣ всегда находятся охотники содержать казенныя табачныя лавки, а казенныя управленія имѣютъ возможность изъ многихъ желающихъ выбирать наиболѣе надежныхъ и еще вознаграждать такимъ образомъ заслуги

* Разумѣются папиросы въ рубль за сотню и выше табакъ не ниже 3 р. за фунтъ.

раненыхъ, старыхъ военныхъ и другихъ. Между тѣмъ, стоитъ проѣхать по улицѣ любаго нашего большаго города чтобъ убѣдиться что торговля нашими табачными издѣліами поставлена далеко не правильно: во первыхъ, самое число лавокъ значительно превышаетъ потребность, во вторыхъ, безпрестанно встрѣчаются объявленія о розничной продажѣ на 10—20, даже на 30% ниже прейсъ-куранта. Все это вмѣстѣ указываетъ что табачная торговля идетъ нынѣ неправильно, занимаетъ гораздо болѣе рукъ чѣмъ требуется, а въ общемъ выводѣ масса дармоѣдовъ, путемъ повторяющихся несостоятельностей, поглощаетъ значительную долю выбираемыхъ съ народа за табакъ денегъ.

Россія изо всѣхъ государствъ міра получаетъ въ настоящее время наибольшій доходъ отъ спирта, но отсюда не слѣдуетъ чтобъ она вынуждена была ограничиваться нынѣшнимъ очень низкимъ доходомъ отъ табака. Напротивъ, опасаясь самыхъ вредныхъ послѣдствій отъ замѣчаемаго нынѣ ослабленія платежныхъ силъ, тѣмъ энергичнѣе слѣдуетъ изыскивать новые безопасные источники дохода и одновременно дѣлать все возможное для оживленія внутреннихъ оборотовъ, для чего, понятно, всего нужнѣе устраненіе безработицы. У населенія всегда достанетъ денегъ и на водку, и на табакъ, но для этого всего нужнѣе чтобы было гдѣ ихъ заработать. Питейный и табачный доходы легко могутъ падать одновременно вслѣдствіе полнаго истощенія платежныхъ силъ, но иной причинной зависимости между ними нѣтъ, и слабое обложеніе табаку, при неправильномъ устройствѣ дѣла, стѣсненіи плантаторовъ и снабженіи потребителя порченою махоркой, нисколько не обезпечиваетъ правильныхъ поступленій питейнаго дохода.

Докладъ бывшаго министра къ текущей росписи можетъ служить блестящимъ доказательствомъ того насколько еще распространены относительно косвенныхъ налоговъ самые странные предразсудки не только въ дѣловой, но даже въ такъ-называемой ученой средѣ. Говорятъ, напримѣръ, что нельзя преслѣдовать одновременно двѣ цѣли: охраненіе народной нравственности и увеличеніе казеннаго дохода. Мы уже достаточно разъяснили этотъ предметъ въ статьѣ *Казенная продажа вина* * и пришли къ тому выводу что оба интереса

* См. *Русск. Вѣстн.* 1886 года, №№ 4 и 6.

не только не находятся въ естественномъ антагонизмѣ, но напротивъ не могутъ быть удовлетворены одинъ безъ другаго. Дѣйствуя въ пользу одного, неминуемо достигаютъ при казенной продажѣ и другаго. * Но теперь предъявляется и другое возраженіе: говорятъ что новыя правила потому и не удались что стремились къ этимъ двумъ взаимно исключающимъ другъ друга цѣлямъ.

Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія слѣдуетъ сказать что неудача новыхъ правилъ, притомъ значительно искаженныхъ противъ первоначальнаго проекта, тѣмъ и объясняется что они, сохраняя корыстныя стремленія цѣловальника, задались при этомъ неразрѣшимою задачей отыскать цѣловальника ведущаго дѣла за свой собственный счетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ интересами нравственности.

Всеподданнѣйшій докладъ доказываетъ что казна не можетъ пользоваться доходами истекающими изъ злоупотребленій. Признавая вполнѣ справедливость этого положенія, слѣдуетъ однако добавить что при откупахъ нѣкоторые изъ выдающихся откупщиковъ справедливо говорили что они сняли не откупъ, а право на злоупотребленія. Всякій откупъ всегда заключаетъ въ себѣ этотъ элементъ, а потому откупа вызываютъ справедливо всеобщую ненависть; возвратъ къ нимъ былъ бы несчастіемъ, и надо надѣяться что намъ не предстоитъ впредь подобное экономическое и нравственное бѣдствіе. Съ другой стороны, акцизная система пригодна и возможна лишь при слабомъ обложеніи предмета потребленія, пока размѣры этого обложенія не переходятъ извѣстнаго предѣла, который не можетъ быть установленъ теоретически, но легко опредѣляется практикой; затѣмъ, при извѣстномъ размѣрѣ налога, корчемство настолько усиливается что наступаетъ моментъ когда доходы казны, несмотря на усиленное обложеніе, все падаютъ, и честные производители оказываются въ невыносимомъ положеніи, такъ какъ они вынуждены работать въ убытокъ, а всѣ барыши достаются исключительно нарушителямъ акцизныхъ постановленій.

---

* Казенная продажа, имѣющая въ виду интересы фиска, полезнѣе всякой иной системы отзывается на интересахъ нравственности, такъ какъ совершенно устраняетъ частный интересъ отъ спаиванія.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ здравая хозяйственная политика требуетъ введенія монополіи, которая одна можетъ возстановить правильный ходъ дѣла, то-есть поддержать производителей, увеличить казенный доходъ и достигнуть всего этого средствами вполнѣ сообразными съ интересами народной нравственности.

Нѣтъ сомнѣнія что казенная продажа вина и табака тоже можетъ быть устроена дурно, также можетъ служить источникомъ злоупотребленій, но никто еще не доказалъ чтобъ эти злоупотребленія были неизбѣжны или, точнѣе, что размѣръ ихъ долженъ быть настолько великъ что они поглотятъ всѣ неминуемо проистекающія изъ подобнаго устройства дѣла выгоды. Напротивъ, если, вмѣсто общихъ сужденій изложенныхъ по этому предмету во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. Бунге, вставить точныя цифры, то мы получимъ доказательства совершенно противуположнаго тому что утверждаетъ бывшій министръ. Уменьшеніе доходовъ, о коемъ онъ упоминаетъ, произошло уже при графѣ Канкринѣ, который былъ, какъ извѣстно, противникомъ казенной продажи вина. Другими словами, злоупотребленія усилились когда ослабѣлъ надзоръ, когда дѣло находилось въ рукахъ людей не вѣрившихъ въ его будущность. Но мы уже указали что даже уменьшенный доходъ отъ казенной продажи былъ все-таки значительно выше откупнаго который его замѣнилъ. Наконецъ, г. Бунге напрасно умолчалъ о другомъ, гораздо болѣе близкомъ къ нашему времени, опытѣ казенной продажи вина въ землѣ Войска Донскаго съ 1858 по 1862 годъ. Удачные результаты его удостоились въ свое время Высочайшаго вниманія, но дѣло, къ сожалѣнію, не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, такъ какъ и въ Войскѣ Донскомъ была введена общая акцизная система. Въ минуту введенія акцизной системы, она быть-можетъ и была цѣлесообразною, такъ какъ она избавила насъ отъ откупныхъ злоупотребленій и не потребовала для этого никакихъ пожертвованій казначейства, какъ это сдѣлала въ свое время одобряемая бывшимъ министромъ литейная реформа графа Канкрина. Статистики злоупотребленій не существуетъ, а потому и трудно составить себѣ точное понятіе о томъ когда злоупотребленія были больше: въ то ли время когда при графѣ Гурьевѣ, по словамъ противниковъ казенной продажи, губерна-

торы просились въ вице-губернаторы, которые завѣдывали казенною продажей вина, или въ послѣдующій сорокалѣтній періодъ, когда губернаторы, вмѣстѣ съ остальною мѣстною администраціей, состояли на жалованіи у откупщиковъ.

Откупъ и акцизъ имѣютъ между собой гораздо болѣе общаго чѣмъ каждый изъ нихъ съ казеннымъ завѣдываніемъ косвенными налогами. При откупѣ, какъ и при акцизѣ, казна признаетъ себя какъ бы неспособною собственноручно взимать доходъ, и уже исходя изъ этой неспособности принимаются самыя разнообразныя комбинаціи; чистый откупъ существуетъ нынѣ въ однѣхъ восточныхъ странахъ; у насъ онъ держался лишь до сороковыхъ годовъ. Акцизно-откупное коммиссіонерство Кокорева не было уже чистымъ откупомъ; казна не передавала уже своихъ правъ всецѣло частному лицу за опредѣленную плату, а становилась такъ-сказать лишь участникомъ въ его барышахъ, отводила ему широкое мѣсто, потому что частное лицо считается всегда способнымъ найти деньги и тамъ гдѣ казна уже не найдетъ ихъ. Но здѣсь до чистаго акциза мы имѣемъ дѣло съ безконечнымъ количествомъ оттѣнковъ, которые однако всѣ болѣе или менѣе сохраняютъ откупной характеръ, такъ какъ, благодаря препятствіямъ неизбѣжнымъ при надзорѣ за предметами обложенными высокимъ акцизомъ, создается привилегированное положеніе торговцевъ этими предметами, находящихся внѣ условій обыкновенной конкурренціи. Поэтому здѣсь слагаются спеціальныя условія способствующія образованію фактическихъ откуповъ, отличающихся отъ чистыхъ откуповъ лишь тѣмъ что они ничего не платятъ казнѣ, но за то весьма охотно платятъ вездѣ гдѣ это нужно чтобы сохранить за собой фактическую монополію.

Наша продолжительная практика по акцизному дѣлу даетъ тому достаточное число примѣровъ. Напомнимъ хотя порядки винной торговли въ Пермской и Самарской губерніяхъ, или нынѣшнюю постановку торговли табакомъ. Отсылаемъ къ даваемымъ приведеннымъ въ другихъ мѣстахъ настоящей статьи, къ отчетамъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ и къ запискѣ князя Голицына чтобъ убѣдить сомнѣвающихся въ томъ что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ откуломъ чистѣйшей воды, съ тою лишь разницей что казна ничего не взимаетъ съ откупщиковъ, оставляя имъ тѣмъ болѣе широкую

возможность подкулать всѣхъ и вся и прочно обставлять свое дѣло. Дополнимъ сказанное еще нѣкоторыми фактами изъ нашей личной практики. Тамъ гдѣ водворился подобный дѣйствительный откулъ, все крестьянское управленіе состоитъ на жалованьи у монополистовъ; изъ судебной практики извѣстны, напримѣръ, слѣдующіе случаи: Вновь назначенный урядникъ отправляется къ цѣловальнику и находитъ страннымъ что онъ одинъ остается безъ жалованья и отпуска водки натурой. Цѣловальникъ его успокоиваетъ, говоря что конечно и его не забудутъ, что только нужно подать заявленіе въ контору (монополиста); урядникъ говоритъ что не знаетъ какъ подать таковое, и получаетъ въ видѣ образца заявленія другихъ должностныхъ лицъ въ волости. Затѣмъ, желая отличиться, урядникъ представляетъ при рапортѣ начальству всѣ эти заявленія съ резолюціями конторы о выдачѣ мѣсячины. Возбуждается судебное дѣло, которое кончается оправданіемъ, но даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ яркую картину существующаго разврата. Какъ мало эти фактическіе откупщики разборчивы въ подборѣ своего личнаго состава, видно изъ слѣдующихъ двухъ случаевъ. Въ одномъ изъ оптовыхъ складовъ монополиста (здѣсь вся операція была основана на разсыпаніи вина и выпускѣ низкопробнаго) подвальный сталъ дѣйствовать слишкомъ беззастѣнчиво, наживалъ не по чину и не умѣлъ ладить съ завѣдующимъ складомъ. Послѣ долгой переписки съ конторой, его наконецъ смѣнили, но когда онъ самъ поѣхалъ въ контору и внесъ на текущій счетъ свои восемь тысячъ рублей, начальство смилостивилось, и его тотчасъ назначили на высшую должность. Другой случай: въ Саратовскомъ окружномъ судѣ одинъ изъ монополистовъ преслѣдовалъ служащаго учинившаго растрату въ нѣсколько тысячъ рублей. Дѣло было начато въ гражданскомъ порядкѣ, но отвѣтчикъ предъявилъ такіе неудобные документы что дѣло закончилось въ первой же инстанціи неявкою истца.

Такія и подобныя имъ картинки нравовъ встрѣчались въ изобиліи еще до дѣйствія новыхъ питейныхъ правилъ 1885 года, но въ тѣ времена была одна сравнительно хорошая сторона, которая исчезла нынѣ. Монополисты, разъ забравъ извѣстное количество по долгосрочнымъ договорамъ, чувствовали подъ собой твердую почву и не нуждались ни въ какомъ воздѣйствіи на

земство или другое мѣстное начальство. Потому мы и видимъ что до 1885 года питейные царьки держались вдалекѣ отъ общественныхъ дѣлъ, старались остаться незамѣченными. Питейныя правила 1885 года рѣзко измѣнили это положеніе дѣлъ. Привлеченіе мѣстнаго элемента въ питейное присутствіе заставило разжившихся питейныхъ царьковъ показать всю свою силу на выборахъ. Уровень земскихъ гласныхъ значительно понизился; мѣстное управленіе, въ томъ видѣ какъ оно существуетъ нынѣ, становится въ большей части уѣздовъ покорнымъ слугою питейныхъ царьковъ. Выборы судей и непремѣнныхъ членовъ нерѣдко зависятъ отъ ихъ доброй воли, и трудно предсказать до какой степени разврата и униженія будутъ доведены наши уѣзды если помощью казенной продажи вина не будетъ положенъ предѣлъ этому произвольному и невыгодному для казны откупу.

Повторяемъ, уважающее себя государство столь же мало можетъ отказаться отъ своихъ верховныхъ непосредственныхъ правъ по взиманію прямыхъ налоговъ какъ и намѣренно или по недосмотру допустить между собою и народомъ посредника въ дѣлѣ взиманія косвенныхъ налоговъ. Казенное завѣдываніе представляется настоятельною необходимостью именно относительно продажи такихъ сильно обложенныхъ предметовъ (табакъ, водка) навязываніе коихъ населенію отнюдь нельзя допускать. При такой постановкѣ вопроса очевидно что бо́льшая часть недостатковъ казеннаго хозяйства способны принести здѣсь не вредъ, а пользу. Если теперь казенная продажа гербовыхъ и почтовыхъ марокъ имѣетъ лишь тотъ недостатокъ что населенію бываетъ трудно получить необходимое, частью вслѣдствіе недостаточнаго числа мѣстъ продажи, а также и потому что казенный продавецъ охотно сокращаетъ обязательные часы занятій, то все это становится почти добродѣтелью относительно водки, а для табака въ достаточной мѣрѣ устраняется тѣмъ что продавецъ самъ заинтересованъ количествомъ продажи.

Во всякомъ случаѣ казенное завѣдываніе продажей водки и табака представляетъ безусловно самую совершенную, а въ сущности и единственно возможную, форму устройства этой части государственныхъ доходовъ. Возвращеніе при графѣ Канкринѣ отъ казенной продажи вина къ откупамъ есть, конечно, самая мрачная страница его управленія. Мотивы

которые приведены имъ, „желаніе дать средства поправить упадшія состоянія, удовлетворить желанію публики, дать обращеніе капиталамъ“, всего лучше свидѣтельствуютъ что даже у такого выдающагося человѣка не нашлось болѣе уважительныхъ причинъ для подобной мѣры. На разстояніи шестидесяти лѣтъ трудно судить въ какой степени это печальное рѣшеніе было вызвано необходимостью, но теперь уже мы конечно въ правѣ сказать что подобной необходимости встрѣтиться не можетъ, что казенное управленіе должно справиться съ задачей гораздо менѣе сложною чѣмъ многія другія которыя ставятся современному государству и успѣшно разрѣшаются имъ. Казенное завѣдываніе табакомъ ведется издавна во Франціи и Австріи; дѣйствующій въ Англіи порядокъ очень близокъ къ монополіи. Несмотря на частыя смѣны партій и частію правительствъ во всѣхъ этихъ странахъ, мы видимъ что казенное управленіе оставалось незыблемымъ при всевозможныхъ режимахъ. Предположеній о сдачѣ на откупъ даже и не возникало, точно также какъ и никто изъ финансистовъ этихъ странъ не думалъ о возвратѣ къ свободной продажѣ табака. Напротивъ, казенное управленіе въ послѣдніе годы съ успѣхомъ замѣнило откупъ въ Румыніи и Италіи. Доходы казны при этомъ значительно возросли, и откупъ считается справедливо на вѣки осужденною формой взиманія косвеннаго налога. Въ заключеніе приведемъ еще одно соображеніе пріобрѣтающее съ каждымъ днемъ все большій вѣсъ. Возможное въ двадцатыхъ годахъ, возстановленіе откуповъ у насъ едва ли оказалось бы теперь болѣе достижимымъ чѣмъ возстановленіе крѣпостнаго права. Проекты казенной табачной и литейной монополіи серіозно обсуждались въ послѣдніе годы во многихъ европейскихъ странахъ; въ Швейцаріи литейная монополія нынѣ вводится. Но едва ли какая-либо европейская страна въ которой введена всеобщая воинская повинность рѣшится ввести литейный откупъ. Неминуемыя при этомъ крупныя злоупотребленія откупщиковъ будутъ настолько ненавистны народу что неизбѣжно приведутъ къ безпорядкамъ, которые не легко будетъ усмирить. Несомнѣнно притомъ что самые доходы казны настолько пострадаютъ отъ этого порядка что отъ него невольно придется отказаться.

Разумные экономисты, напримѣръ Лёруа Больйё, доказываютъ что размѣръ обложенія и способъ взиманія опредѣляются

практикой такимъ образомъ что слѣдуетъ признать ошибочнымъ тотъ способъ обложенія который даетъ меньшій противъ прежняго доходъ, несмотря на увеличеніе обложенія податной единицы (напримѣръ градуса спирта). Подобный случай мы имѣемъ теперь: несмотря на увеличеніе обложенія съ 8 на 9 к. съ градуса спирта, поступающій доходъ не только не увеличился, какъ бы слѣдовало, милліоновъ на двадцать пять, а напротивъ уменьшился. Впрочемъ, для того чтобъ убѣдиться въ этомъ не было надобности ожидать печальнаго опыта съ девятою копѣйкой: стоило сопоставить свѣдѣнія о поступленіи питейнаго акциза съ самаго начала дѣйствующей системы чтобы признать что она страдаетъ существенными недостатками. Поступающій при восьми копѣйкахъ съ градуса доходъ отъ акциза соотвѣтствуетъ меньшему оплаченному количеству спирта чѣмъ то какое мы встрѣчаемъ въ первое трехлѣтіе по уничтоженіи откуповъ при акцизѣ въ 4 и 5 копѣекъ съ градуса. Между тѣмъ, населеніе увеличилось болѣе чѣмъ на 30%; акцизный доходъ получается нынѣ также съ Царства Польскаго и Туркестанскаго края, и дѣйствительное потребленіе вовсе не уменьшилось. Все это вмѣстѣ взятое ясно доказываетъ что въ дѣйствующей акцизной системѣ есть крупные недостатки и что увеличеніемъ размѣра обложенія, при сохраненіи самой системы, нѣтъ возможности поднять государственный доходъ. Правда, бывшій министръ какъ бы предвидитъ возможность увеличенія питейнаго дохода, но для исполненія своего предсказанія указываетъ необходимость такого условія которое едва ли будетъ имѣть мѣсто по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ: онъ утверждаетъ что доходъ съ питей легко можетъ возрасти на двадцать, сорокъ милліоновъ если поднимутся цѣны на хлѣбъ. Мы знаемъ что по условіямъ всемірнаго рынка подобнаго подъема ожидать нельзя, а потому, если стоять на безнадежной точкѣ зрѣнія послужившей основаніемъ приведеннаго мнѣнія министра, пришлось бы отказаться отъ увеличенія питейнаго дохода и признать вмѣстѣ съ тѣмъ что всѣ злоупотребленія цѣловальниковъ въ ущербъ казнѣ и потребителямъ составляютъ неизбѣжное, роковое явленіе, которому мы обязаны подчиняться съ безусловною покорностью, какъ неотвратимой судьбѣ. Но разбирая подробнѣе доводы въ пользу такой покорности, мы легко убѣдимся что они въ той же мѣрѣ относятся и къ табачной монополіи, а потому еслибъ они были вѣрны, то Франція,

напримѣръ, не могла бы получать столь значительнаго дохода отъ продажи табака, такъ какъ монопольное управленіе также вынуждено и нанимать помѣщенія, и оплачивать услуги продавцовъ. Всѣ разсужденія о тяжести предстоящихъ расходовъ вызываются въ значительной мѣрѣ глубокимъ незнаніемъ условій нашего сельскаго быта. Не трудно доктринеру проектировать устройство казенной продажи вина или табаку въ столицахъ, или даже и въ другихъ городахъ... Все нужное здѣсь понятно нашимъ городскимъ ученымъ, да наконецъ и ближе подходитъ къ знакомымъ имъ западно-европейскимъ условіямъ. Но какъ постулить съ необъятными пространствами внѣгородскихъ поселеній? Здѣсь однако живетъ $^{9}/_{10}$ всего населенія; здѣсь исконный центръ тяжести всей Россіи. Возможно ли на такихъ большихъ пространствахъ, да еще при предполагаемомъ безлюдіи, устроить правильное управленіе и контроль, предупредить злоупотребленія?

Мы думаемъ что вполнѣ возможно; для этого нужно только сообразоваться съ силами и потребностями страны, и не загромождая разныхъ спеціальныхъ инспекцій и мѣстныхъ органовъ, помнить основное положеніе деревенской торговли по сравненію съ городскою. Въ городѣ почти всякій предметъ нужно искать въ спеціальной, опредѣленной лавкѣ; въ деревнѣ, напротивъ, никакая лавка не можетъ существовать торгуя только немногими предметами. Здѣсь неизбѣжно чай продается на ряду съ салогами, и лавка вынуждена удовлетворять самымъ разнообразнымъ требованіямъ своихъ кліентовъ. Потому, обращаясь къ устройству казенной продажи вина и табака на мѣстахъ, слѣдуетъ прежде всего при устройствѣ казенныхъ складовъ избѣгнуть всякой лишней спеціализаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить и другимъ нуждамъ мѣстныхъ жителей, остающимся доселѣ въ области благоожеланій. Такъ, многія наши сельскія мѣстности тяготятся не столько тяжестью налоговъ сколько затруднительностью ихъ взноса въ отдаленное казначейство, что нерѣдко способствуетъ растратамъ и вызываетъ потерю времени и расходы. Волостныя правленія давно обратились въ мѣстныя казначейства, остающіяся однако внѣ всякаго дѣйствительнаго надзора. Каждый домохозяинъ долженъ вносить деньги сборщику. Податныхъ книжекъ почти нигдѣ нѣтъ, а потому для каждаго крестьянина очень затруднительно провѣрить

правильность обращенныхъ къ нему требованій. Сборщики или сами отвозятъ деньги въ казначейство, или сдаютъ ихъ въ волостномъ правленіи. Какъ бы то ни было, деньги должны еще быть свезены въ казначейство, и здѣсь-то всего чаще случаются, подъ вліяніемъ городскаго разгула, растраты, за которыя приходится отвѣчать сельскому обществу, вынуждаемому къ двойной уплатѣ, то-есть къ новому взносу того что̀ разъ уже уплачено, но не дошло до казначейства. На основаніи этихъ коренныхъ началъ, подробности устройства будущихъ казенныхъ винныхъ и табачныхъ дворовъ въ уѣздахъ представляются приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

При самомъ устройствѣ этихъ казенныхъ дворовъ слѣдуетъ возложить на завѣдующихъ ими нѣкоторыя обязанности по пріему и храненію суммъ. Пересылку казенныхъ денегъ въ уѣздное казначейство придется организовать тѣмъ или инымъ способомъ; поэтому желательно дать возможность воспользоваться этими удобствами и всѣмъ мѣстнымъ жителямъ. Затѣмъ, полезно устроить здѣсь сберегательную кассу, пріемъ почтовой и телеграфной корреспонденціи и продажу марокъ и гербовой бумаги. Земскія почты, въ тѣхъ немногихъ уѣздахъ гдѣ онѣ правильно устроены, оказываютъ населенію большую услугу. Но, къ сожалѣнію, эти случаи очень рѣдки, въ значительномъ большинствѣ уѣздовъ почтъ нѣтъ или онѣ устроены плохо. Если внутри уѣзда проходитъ казенный трактъ, то на станціяхъ устраивается пріемъ корреспонденціи, оказывающій значительную услугу мѣстному населенію. Понятно что если представится возможность повсемѣстно открыть почтовыя отдѣленія, то это будетъ очень полезно и гораздо болѣе облегчитъ почтовыя сношенія чѣмъ всякія пониженія цѣны марокъ. Но это все подробности дѣла, на которыхъ нѣтъ надобности теперь останавливаться. Гораздо существеннѣе выяснить главныя задачи будущихъ казенныхъ дворовъ, какъ мы предлагаемъ назвать мѣстныя казначейства расположенныя въ деревняхъ и служащія складами вина и табака. Какъ мы подробнѣе изъяснили въ другомъ мѣстѣ (см. статью *Казенная продажа вина*), для успѣха всей операціи необходимо опредѣлить изъ валоваго поступленія нѣкоторыя отчисленія въ пользу мѣстныхъ сборовъ. Это лучшій способъ заинтересовать мѣстныхъ людей въ надзорѣ и

оградиться этимъ путемъ отъ злоупотребленій, которыя могли бы стать обычными.

Если принять умѣренный разчетъ, на основаніи котораго валовой доходъ отъ питейной монополіи достигаетъ четырехъ сотъ милліоновъ, а отъ табачной до ста милліоновъ, то очевидно что это крупное дѣло способно вынести необходимый расходъ. Уѣздъ слишкомъ большая единица для того чтобы сосредоточивать въ немъ все оптовое дѣло и весь надзоръ за отдѣльными мѣстами продажи. Мѣстныя казначейства (казенные дворы), о которыхъ мы говорили, станутъ понемногу средоточіемъ денежныхъ оборотовъ своей округи, такъ какъ срочные платежи денежныхъ повинностей и объ крупныя казенныя продажи составляютъ по существу главный денежный оборотъ въ каждой сельской мѣстности. Нужно предоставить самой жизни ввести дальнѣйшія необходимыя дополненія въ эти предположенія. Весьма вѣроятно что въ томъ или иномъ видѣ сюда же станутся и банковыя операціи вызываемыя мѣстными потребностями. Открытіе сберегательныхъ кассъ должно быть непремѣнно допущено. Но по всѣмъ вѣроятіямъ можно будетъ идти и далѣе, допустивъ открытіе текущихъ счетовъ и товарныхъ ссудъ за счетъ Государственнаго Банка, въ тѣхъ случаяхъ когда на мѣстѣ существуютъ удобные склады гдѣ могутъ быть помѣщены и застрахованы сельскія произведенія.

Завѣдующіе казенными дворами во многихъ мѣстахъ могутъ быть назначаемы изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, то-есть лицъ представляющихъ достаточныя матеріальныя и нравственныя гарантіи въ цѣлости ввѣряемаго имъ имущества и правильномъ веденіи ими дѣла. Сверхъ того, на каждомъ подобномъ дворѣ потребуется бухгалтеръ, писарь, казначей - артельщикъ. На рукахъ послѣдняго должно храниться все имущество и ежедневная выручка денегъ.

Продавцы водки и табака въ предѣлахъ округа каждаго изъ казенныхъ дворовъ должны являться къ завѣдующему по мѣрѣ надобности, но не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, и представлять выручку вмѣстѣ со своими книгами для учета. По провѣркѣ имъ отпускается вновь товаръ и возвращаются книги. Завѣдующій дворомъ возможно чаще объѣзжаетъ всѣ мѣста продажи, производя внезапныя ревизіи товара и

выручки и удостовѣряясь всѣми доступными способами въ исполненіи продавцами ихъ законныхъ обязанностей.

Весь расходъ на содержаніе казеннаго двора не долженъ превышать трехъ, четырехъ тысячъ. Каждое мѣсто продажи не должно обходиться дороже пятисотъ рублей въ годъ. При этомъ слѣдуетъ принять за правило что опредѣленное жалованье полагается лишь за продажу водки. Относительно всѣхъ другихъ операцій (табака, марки, почта и пр.) полезно опредѣлять вознагражденіе въ процентномъ отношеніи къ совершеннымъ продажамъ.

Есть ли основаніе опасаться что то безлюдіе на которое у насъ постоянно жалуются помѣшаетъ правильному замѣщенію уломанутыхъ должностей? Полагаемъ что опасенія излишни и напомнимъ что акцизный надзоръ былъ долгое время наполненъ исключительно честными людьми. Еще рельефнѣе выступаетъ чрезмѣрность нашихъ опасеній въ виду того факта что Румынія, гдѣ составъ чиновниковъ (такъ-называемой интеллигенціи) конечно гораздо ниже нашего, сумѣла однако въ послѣдніе годы ввести табачную монополію и не жалуется при этомъ на безлюдіе, а извлекаетъ доходъ превышающій два рубля на жителя.

Относительно низшихъ служащихъ, кажется, возникаетъ у насъ менѣе сомнѣній; мы уже достаточно коснулись этого предмета въ прежней статьѣ и вполнѣ увѣрены что при правильной комбинаціи артели и отдѣльныхъ лицъ, надежность которыхъ подтверждалась бы какъ прежнею службой такъ и залогами, задача представится вполнѣ исполнимою. Что же касается завѣдующихъ казенными дворами, то не подлежитъ сомнѣнію что далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ удастся замѣстить эти должности надежными мѣстными дворянами. Но этотъ недостатокъ можно будетъ легко пополнить прибѣгнувъ, между прочимъ, къ приглашенію лицъ получающихъ пенсіи отъ такихъ вѣдомствъ гдѣ срокъ службы сокращенный (удѣлъ, учебное вѣдомство и проч.). Очень нерѣдко можно встрѣтить подобныхъ пенсіонеровъ которые еще сохранили достаточно силъ для того чтобы справиться съ несложною по существу обязанностію завѣдующаго.

Безлюдіе, какъ и неспособность правительства справиться съ тою или иною задачей является однимъ изъ аргументовъ которыми всего чаще злоупотребляютъ. Прежде чѣмъ признать его серіознымъ нужно имѣть доказательство что

людей не только искали, но умѣли ставить въ такія условія при которыхъ исполненіе долга и серіозная работа выгоднѣе противоположнаго образа дѣйствій. Но такъ ли стоитъ дѣло у насъ? Мы въ правѣ утверждать противоположное: въ немногихъ случаяхъ когда серіозно и умѣло предъявляли запросъ на людей, они находились (акцизное управленіе, крестьянское дѣло, военно-полицейское управленіе Царства Польскаго). Еще въ началѣ прошлаго царствованія одинъ изъ русскихъ государственныхъ людей утверждалъ что люди есть, но что ихъ не слѣдуетъ искать въ средѣ обивающихъ пороги придворнаго міра. Съ тѣхъ поръ мы пережили четверть вѣка имѣющую несомнѣнно историческое значеніе. Послѣ блестящаго начала, это время вообще обмануло даже самыя скромныя ожиданія, а въ своемъ концѣ заклеймено офиціально названіемъ періода хищеній. Едва ли есть основаніе утверждать чтобы пригодныхъ людей стало менѣе противъ прежняго, но не подлежитъ никакому сомнѣнію что начиная съ семидесятыхъ годовъ во главѣ многихъ преимущественно казенныхъ дѣлъ оказались хищники или по крайней мѣрѣ люди неспособные ломѣшать ихъ операціямъ. Понятно что долгое господство подобнаго порядка должно было оказать извѣстное разлагающее дѣйствіе особенно на ту среду въ которой слѣдуетъ искать людей. Можно безошибочно сказать что теперь труднѣе будетъ найти ихъ чѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Для успѣха въ этомъ отношеніи необходима серіозная работа въ нашей офиціальной средѣ, серіозное оздоровленіе ея и преимущественно выметаніе лѣстницы съ верху, которое одно способно вызвать необходимое для успѣха дѣла одушевленіе. Здѣсь одинаково нужно избѣгнуть двухъ крайностей. Нѣтъ никакой надобности копаться въ частной жизни отдѣльныхъ дѣятелей: безусловно вредно устранять людей отъ занятія даже высокихъ постовъ только на томъ основаніи что ходятъ какіе-то неопредѣленные слухи о ихъ дѣятельности не имѣвшей ничего общаго съ казенною службой; но, съ другой стороны, конечно нельзя говорить серіозно о какой-то новой эрѣ, о борьбѣ съ хищеніемъ когда остаются на мѣстахъ крупные хищники, тлетворная дѣятельность которыхъ не прерывалась въ теченіе двухъ десятилѣтій, и которые могутъ являться рѣшителями и совѣтниками относительно мѣръ какія слѣдуетъ

принять для прекращенія хищеній. Очевидно что такіе находящіеся у всѣхъ на глазахъ примѣры не могутъ оставаться безъ растлѣвающаго дѣйствія. Люди легко убѣждаются что борьба съ хищеніемъ составляетъ въ сущности декорацію, что напротивъ для дѣйствительнаго успѣха нужно умѣть ладить съ хищниками которые сохранили свою крѣпкую организацію и отлично умѣютъ и подвигать своихъ и толить тѣхъ кто имъ мѣшаетъ. Очевидно что до тѣхъ поръ пока подобныя хищническія организаціи продолжаютъ существовать, трудно даже и говорить серіозно объ устройствѣ новаго честнаго управленія. Всегда попадетъ хотя немного хищнической закваски, которой будетъ достаточно чтобы въ короткое время перебродилъ весь личный составъ.

Эта сторона дѣла весьма существенная, но не меньшее значеніе имѣетъ и самый способъ замѣщенія. Во всѣхъ случаяхъ удачнаго подбора людей, о которыхъ мы упоминали выше, были приняты не тѣ способы дѣйствія какіе обыкновенно практикуется. Начальство не довольствовалось тѣмъ чтобы назначать лицъ которыя сами о томъ просятъ или представляютъ *настойчивыя* рекомендаціи сильныхъ людей; напротивъ, оно давало себѣ трудъ искать надлежащихъ людей на мѣста, а не подыскивало мѣста для людей, въ видѣ кормленія. Какъ различны бываютъ результаты при томъ или иномъ способѣ дѣйствія, всего лучше видно на контингентѣ служащихъ какой получается изъ офицеровъ армейскихъ полковъ. Отсюда набрано было около половины коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Царство Польское и все военно-полицейское управленіе: и здѣсь и тамъ не могли нахвалиться офицерами, которые вездѣ оказались дѣятельны, полезны и честны. Но тѣ же полки ставятъ членовъ въ интендантскія пріемныя коммиссіи, и наблюденіе за одною провинціальною пріемною коммиссіей въ теченіе двѣнадцати лѣтъ привело насъ къ печальному выводу, что несмотря на частыя смѣны офицеровъ, не было ни въ одномъ случаѣ добросовѣстнаго исполненія обязанности: напротивъ, всѣ охотно брали обычную мзду съ каждаго принятаго предмета. Не трудно постигнуть причину почему оказывается столь рѣзкая разница между честностью офицеровъ тѣхъ же полковъ при требованіи на разныя должности.

Въ то время о которомъ мы говоримъ, на интендантство смотрѣли какъ на мѣсто гдѣ обязательно крадутъ, а потому и офицеры посылались такіе которымъ нужно было поправить свои обстоятельства. Напротивъ, когда, по требованію Н. А. Милютина или Ѳ. Ѳ. Трелова, изъ полковъ посылали офицеровъ для занятія должностей имѣвшихъ государственное, патріотическое значеніе, наше войско умѣло остаться на высотѣ своего призванія, поставить именно то что̀ требовалось. Этотъ примѣръ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при замѣщеніи нашихъ будущихъ должностей по управленію косвенными налогами.

Въ 1878 году табакъ разводился въ Россіи на 125.541 отдѣльныхъ плантаціяхъ, всего было засѣяно табакомъ 48.091 десятинъ, съ которыхъ собрано 3.203.563 пудовъ сыраго табака. Размѣры табаководства во всей Россіи (кромѣ Восточной Сибири, гдѣ не существуетъ правильной культуры табака) за послѣднее пятилѣтіе видны изъ слѣдующихъ цифръ:

	Число плантацій.	Засѣяно десят.	Всего собрано пудовъ сыраго табака.
1882.....	151.507	39.298	2.933.947
1883.....	161.107	51.524	3.749.125
1884.....	154.980	41.785	2.309.241
1885.	199,515	58.017	3.302.559 *

Въ Черниговской губерніи сосредоточено 47,4% всего числа табачныхъ плантацій, около трети площади всѣхъ табачныхъ посѣвовъ и снято въ 1886 году 36,7% сбора табака во всей Россіи; второе мѣсто занимаетъ Полтавская губернія, далѣе слѣдуютъ: Бессарабская, Таврическая, Самарская, Тамбовская и Подольская губерніи. Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ или областяхъ Россіи посѣвы табака занимаютъ менѣе тысячи десятинъ въ каждой. Изъ общаго количества собраннаго въ 1885 году табака, на долю махорки, бакуна и другихъ низшихъ сортовъ приходится около 73%. Высшихъ сортовъ табака было собрано 866.000 пудовъ или 27% всего сбора. Послѣдніе, въ свою очередь, дѣлятся на табаки турецкіе и американскіе, причемъ первыхъ было собрано 64%, а вторыхъ 36% всего количества производимыхъ въ

* Въ № 64 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1887 годъ число плантацій въ 1886 году показано 176.623. Засѣяно десятинъ 55.283. Всего собрано сыраго табака 3.414.399 пудовъ.

Европейской Россіи табаковъ высшаго сорта. Эти сорта разводимаго въ Россіи табака отличаются довольно высокимъ качествомъ.

Распредѣленіе губерній по размѣрамъ выдѣлки курительнаго табака остается за послѣдніе годы почти неизмѣннымъ. Первое мѣсто занимаютъ южныя фабрики, преимущественно ростовскія и одесскія, гдѣ выдѣлывается около 40% всего курительнаго табака; затѣмъ слѣдуютъ петербургскія фабрики, кіевскія и малороссійскія. Выдѣлка сигаръ по преимуществу въ Лифляндской губерніи—27½% всего количества выдѣлки; въ Привислинскихъ губерніяхъ—22%; на петербургскихъ фабрикахъ выдѣлывается около 20%. Папиросъ выдѣлывается болѣе всего на петербургскихъ фабрикахъ, 60% всего количества выдѣланныхъ въ Россіи. Первое мѣсто по выдѣлкѣ махорки занимаетъ Ярославская губернія—около 18% всего количества, затѣмъ слѣдуютъ губерніи Тамбовская и Полтавская. Всѣхъ мѣстъ гдѣ производилась въ 1885 году торговля табачными издѣліями числилось 271.684. Сравнительно съ 1884 годомъ, число табачныхъ магазиновъ и лавочекъ уменьшилось въ 1885 году на 2.030; считалось ихъ 108.562 противъ 110.592 въ 1884 году; за то весьма увеличилось число мѣстъ разливочной продажи питей—трактировъ, ресторановъ, гостиницъ, взявшихъ патенты на раскурочную продажу табачныхъ издѣлій.

Въ общемъ, потребленіе табака въ Россіи распространено слабѣе нежели у многихъ другихъ народовъ. Въ Голландіи, по новѣйшимъ разчетамъ (за 1882 годъ), каждымъ жителемъ потребляется ежегодно 6,9 фунтовъ табака въ разныхъ видахъ, въ Бельгіи—5 ф., въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—4,8 ф., въ Австро-Венгріи—4,6 ф., въ Германіи—4,5 ф., въ Россіи до 2,4 ф.; Французы и Италіанцы курятъ меньше нашего: во Франціи приходится на жителя 2,2 фунта табака, въ Италіи всего 1,7 фунта, въ Англіи—1,6 фунта.

Обращаясь къ общему очерку желательнаго устройства табачной монополіи, прежде всего слѣдуетъ установить общій принципъ что казна должна держать въ своихъ рукахъ все необходимое для контроля дѣла и главнымъ образомъ переходъ изготовленнаго товара въ руки населенія. Съ другой стороны, частная предпріимчивость должна удержать всю ту часть производства земледѣльческаго и фабричнаго, гдѣ съ пользой для дѣла можетъ проявиться выгода личной инициативы въ смыслѣ стараательнаго ухода за плантаціями или

удешевленія производства и удовлетворенія вкусамъ потребителей.

Особенно желательно устраненіе: а) фальсификаціи, б) лишняго посредничества и в) злоупотребленій. Развитіе первыхъ двухъ вредныхъ явленій всѣмъ извѣстно; теперь содержится цѣлая армія продавцевъ (по словамъ записки фабриканта Сатчи Мангуби, 255 тыс. человѣкъ), торговля идетъ крайне неправильно. Несмотря на громадную уступку продавцамъ (до 30%), это не избавляетъ табачныхъ фабрикантовъ отъ необходимости кредитовать мало состоятельныхъ лицъ и терпѣть убытки при ихъ банкротствѣ. Казна имѣетъ полную возможность устроить продажу одинаково удовлетворяющую потребителя при торговыхъ расходахъ не превышающихъ 5—8% и освобождающихъ для дѣйствительно производительныхъ занятій цѣлую армію лицъ тратящихъ нынѣ свои силы на совершенно безплодное, никому не нужное дѣло. Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ относительно размѣровъ фальсификаціи табака, но есть свѣдѣнія которыя непререкаемо доказываютъ что она играетъ большую роль въ современной фабрикаціи, и что размѣры ея быстро растутъ. Со введенія устава 1882 года подопрѣлыя рогожи усердно скупаются табачными фабрикантами, употребляются для подмѣси въ картузы махорки, и при этомъ нѣкоторые изъ производителей подобнаго товара увѣряютъ даже что они такимъ путемъ удовлетворяютъ вкусу потребителей. Трудно также составить себѣ точное понятіе о размѣрѣ злоупотребленій, но значительность ихъ конечно не можетъ подлежать спору, такъ какъ любой домъ, каждыя казармы являются ежедневными свидѣтелями этихъ злоупотребленій.

Самое правильное и удобное устройство табачной монополіи представляется примѣрно въ слѣдующемъ видѣ: воздѣлываніе табака дозволяется повсемѣстно, причемъ, однако, плантаторы обязаны нести расходы на содержаніе чиновниковъ надзора и самыхъ складовъ гдѣ будетъ храниться табакъ. Обязанность надзора и отвѣтственность плантаторовъ ограничиваются тѣмъ чтобы весь произведенный табакъ былъ сложенъ въ казенные склады.

Вывозъ табака за границу остается совершенно свободнымъ, и принимаются лишь предупредительныя мѣры противъ корчемства. Затѣмъ остается безъ измѣненія и то правило въ силу котораго табакъ для внутренняго потребленія

можетъ быть продаваемъ исключительно фабрикантамъ, которые при этомъ обязываются уплатить казнѣ пошлину въ размѣрѣ извѣстнаго процента съ цѣнности покупаемаго табака. Правильное опредѣленіе цѣны сдѣлки гарантируется тѣмъ что монопольное управленіе предоставляетъ себѣ право оставить за собою табакъ по той цѣнѣ по какой состоялась предварительная сдѣлка между плантаторомъ и фабрикантомъ. Предоставляя подобное же право и другимъ фабрикантамъ, необходимо, въ огражденіе серіозности совершаемыхъ сдѣлокъ, допускать сдачу табака не первому фабриканту, а всякому кто надбавитъ противъ его цѣны не менѣе 5%. Таковъ порядокъ частной продажи; весьма полезно было бы допустить, по желанію плантаторовъ, и аукціонную продажу отдѣльныхъ партій табака. Указанный здѣсь нѣсколько сложный порядокъ частной продажи введенъ для того чтобъ отнять у покупателей возможность сводить на нѣтъ аукціонную продажу, какъ это, напримѣръ, было въ Харьковѣ, гдѣ продавцы вынуждены были соглашаться на невыгодныя частныя сдѣлки послѣ того какъ на аукціонъ никто не явился. Въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло касается товара подлежащаго сильному обложенію, казна можетъ и должна оградить производителей отъ скупщиковъ производящихъ операціи подобныя тѣмъ отъ которыхъ плантаторы страдаютъ со времени устава 1882 года. Положеніе особенно обострилось нынѣ, когда, вслѣдствіе слуховъ о монополіи, лучшіе сорты табака не находятъ ни покупателей, ни кредита. Фабрикація табака можетъ быть устроена смѣшаннымъ образомъ: наряду съ устройствомъ фабрикъ казной, бо́льшая или меньшая доля всей потребности можетъ удовлетворяться подрядами частныхъ фабрикантовъ.

При введеніи казеннаго управленія, нужно будетъ вознаградить всѣхъ владѣльцевъ закрываемыхъ фабрикъ по матеріальной стоимости ихъ имущества переходящаго въ руки казны. Но вознагражденія не должны получать фабриканты: а) исполняющіе подряды монопольнаго управленія; б) желающіе продолжать фабрикацію на свой страхъ и рискъ, но съ продажей издѣлій чрезъ казенныя лавки. Понятно что въ числѣ послѣднихъ будутъ самыя извѣстныя фирмы. Разчетъ съ ними дѣлается казеннымъ управленіемъ четыре раза въ годъ, сообразно поступившимъ свѣдѣніямъ о дѣйствительномъ количествѣ проданныхъ казенными лавками издѣлій каждаго фабриканта. Разчеты составленные на основаніи

вышеизложеннаго доказываютъ что чистый доходъ казны въ 50 милл. будетъ легко достигнутъ при полномъ контролированіи дѣла, невозможности злоупотребленій, сохраненіи качества и цѣны высшихъ сортовъ табаку и значительномъ пониженіи цѣны уплачиваемой потребителемъ за махорку. При такомъ устройствѣ, силою вещей, фабрикація махорки сосредочится въ рукахъ казны, что и желательно; но относительно всѣхъ остальныхъ сортовъ очень вѣроятно что частное производство возьметъ верхъ, сохранится въ частныхъ рукахъ. Въ этомъ отношеніи нужно предоставить надлежащій просторъ для дѣятельности будущаго монопольнаго управленія, принять всѣ мѣры для устраненія корчемства, но при этомъ и оградить плантаторовъ отъ монополіи фабрикантовъ. Дозволяя сохраненіе лишь немногихъ фабрикъ внѣ казенныхъ складовъ, именно въ виду крайней простоты фабрикаціи табака, надлежало бы разрѣшить всѣмъ плантаторамъ, складывающимъ свой табакъ на уломанутыхъ казенныхъ дворахъ, перерабатывать его на тѣхъ же дворахъ, съ тѣмъ однако чтобы на продажу онъ поступалъ не иначе какъ чрезъ казенныя лавки.

Во всякомъ случаѣ примѣръ табачной монополіи въ Румыніи доказываетъ что даже при очень неудачномъ составѣ такъ-называемой интеллигенціи изъ которой набираются чиновники завѣдующіе дѣломъ, казенное управленіе можетъ быть поставлено правильно; но теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь слѣдуетъ помнить что всякая ошибка легко можетъ быть роковою и что дѣло всего легче можетъ быть искривлено въ самомъ началѣ: рѣшиться на устройство казеннаго управленія водкой и табакомъ можно лишь когда есть полная увѣренность что дѣло можно довести до конца, что никакимъ судамъ или газетамъ, никакому фальшивому общественному мнѣнію, воодушевляемому своекорыстными или разрушительными цѣлями, не удастся сбить правительство съ правильнаго пути на который твердо рѣшено вступить.

Внѣ этого пути выхода изъ дефицита нѣтъ. Это лучше всего засвидѣтельствовалъ самъ Н. Х. Бунге, закончивъ свое шестилѣтнее управленіе докладомъ въ которомъ прямо заявляется что искать новыхъ налоговъ нечего, что въ настоящее время введеніе ихъ было бы пагубно. Но дефицитъ въ мирное время еще пагубнѣе, и при плохомъ экономическомъ положеніи нѣтъ иного способа покончить съ этимъ неестественнымъ состояніемъ какъ обложивъ тѣ именно

предметы которые, при монополіи, всего легче выдерживаютъ высокій налогъ.

Приведенныя выше цифровыя данныя заимствованы изъ офиціальнаго источника, но мы знаемъ что это не гарантируетъ ихъ вѣрности: записка князя Голицына, на которую мы ссылались, указываетъ на многія ошибки которыя въ значительной мѣрѣ подрываютъ понятіе о надежности этихъ данныхъ для рѣшенія по нимъ серіознаго вопроса. Но во всякомъ случаѣ теперь есть время и для основательнаго собранія данныхъ, и для правильной разработки вопроса. Изъ правительственнаго сообщенія видно что монополія не будетъ введена ранѣе января 1889 года. Остается пожелать чтобы дѣло было поведено съ надлежащею энергіей и основательностію, памятуя что лишніе 30—35 милліоновъ казеннаго дохода будутъ получены въ этомъ случаѣ съ гораздо меньшимъ обремененіемъ населенія чѣмъ при всякомъ иномъ налогѣ.

Д. В.

СКВОЗЬ ОГОНЬ СТРАСТИ*

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Посвящается баронесс Екатерин Кириллов Остенъ-Сакенъ, рожденной Зыбиной.

Не сотвори себѣ кумира.

I.

Ольга Сергѣевна, поддавшись убѣжденіямъ Поли, отважилась послѣ полудня выбраться изъ комнатъ на широкій балконъ-террасу, откуда открывалась дивная панорама окрестностей. Казенная дача правителя края возвышалась на крутомъ берегу Межигорки, верстахъ въ пяти отъ города, какъ разъ напротивъ сосновой рощи, за которою пріютилась дача Ладожскаго. Называлась она почему-то „плантаціей", хотя достовѣрно никто не зналъ происхожденія такого страннаго прозвища. Предполагали что оно сохранилось съ тѣхъ поръ какъ одинъ изъ владѣльцевъ, большой чудакъ, вздумалъ разводить здѣсь виноградныя насажденія, которыя не устояли противъ отечественныхъ морозовъ. Какъ бы то ни было, несмотря на свое прозаически-утилитарное

* См. *Русс. Вѣстн.* №№ 1 и 2.

прозваніе, этотъ неизвѣстный уголокъ, не оплаченный восторгами туристовъ и не отмѣченный ни въ одномъ изъ тысячи существующихъ „гидовъ“, совмѣщалъ въ своей уединенной прелести всѣ условія способныя вдохновить художника, усладить мечтателя и давать благодатный покой скромному любителю природы. Искусство и трудъ человѣка по счастію не испортили вычурными затѣями своеобразной прелести „плантаціи“ заброшенной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ при предмѣстникѣ Баратынцева, семья котораго проводила лѣто въ деревнѣ, такъ что дача, предоставляемая разнымъ „приближеннымъ“, поддерживалась ровно настолько чтобы не пришла въ окончательный упадокъ.

Ольга Сергѣевна сидѣла въ высокомъ садовомъ креслѣ, покрытомъ стеганымъ тюфякомъ. Несмотря на чудный сентябрьскій день, одинъ изъ тѣхъ яркихъ дней „бабьяго лѣта“ когда вся природа воскресаетъ въ ликующемъ блескѣ, словно пышная красавица, поръшившая затмить своихъ юныхъ сверстницъ, Баратынцева зябко куталась въ горностаевую душегрѣйку. Почти отвѣсные лучи солнца, заливавшаго террасу потокомъ веселаго свѣта, казалось не могли проникнуть ее своею живительною теплотой. Поглощенный ядъ, за десять мѣсяцевъ, успѣлъ совершить надъ нею свою страшную, разрушительную работу. Она уже не старалась бороться съ охватывавшею ее все болѣе тоскливою апатіей и усиливала пріемы гибельнаго наркотика, по мѣрѣ того какъ воспріимчивость насыщеннаго организма притуплялась. Пышныя еще годъ тому назадъ очертанія ея бюста безслѣдно пропали, растаяли подъ наступившею худобой, черныя тѣни и морщины лица выступали явственнѣе сквозь слой косметиковъ. Уронивъ на колѣна полосу шерстянаго вязанья, назначенную для новаго одѣянія, собственноручно изготовляемаго для обожаемаго супруга, она безучастно смотрѣла въ даль тусклымъ, ничего не выражавшимъ взоромъ. А между тѣмъ окружавшая ее картина способна была вызвать свѣтлое настроеніе. Отъ самыхъ перилъ широкой террасы, высившейся надъ обрывомъ, вплоть до берега рѣки, сверкавшей сплошною сталью, разстилалось кудрявое море роскошной листвы, переливавшейся яркими бликами красныхъ и золотистыхъ пятенъ. Дружно обнявшіяся вершины старыхъ кленовъ, дубовъ и орѣшника, скрывая отъ глазъ проложенныя по кручѣ дорожки, казались непроходимою чащей, исполненною тайнъ.

На противуположномъ, отлогомъ берегу, за песчаною отмелью, виднѣлась темная сосновая роща, задумчиво заглядывавшая въ свѣтлыя струи, словно угрюмый старикъ, задремавшій подъ ласкою молодой красавицы. Оттуда вѣяло живительнымъ ароматомъ вѣковой хвои, доносимымъ теплыми налетами южнаго вѣтра. Вправо, блестящая дуга рѣки, сверкнувъ на прощаніе ослѣпительною рябью, исчезала въ сизомъ туманѣ, между лѣсистыхъ холмовъ и обрывовъ. Торжественная тишина стояла въ воздухѣ. Только капризный полетъ залозданыхъ мотыльковъ или плавное движеніе бѣлыхъ паутинокъ тревожили по временамъ дѣвственную лазурь ликующаго неба.

Ольга Сергѣевна не примѣчала задумчивой прелести этого чуднаго утра. Мысль ея была далека ото всего окружавшаго. Вотъ уже четвертый мѣсяцъ какъ она находилась въ разлукѣ съ Петромъ Петровичемъ. За восемнадцать лѣтъ ихъ сожительства это былъ первый случай столь продолжительнаго разставанія. Онъ уѣхалъ еще въ концѣ мая подъ предлогомъ настоятельно рекомендованнаго Шёнбейномъ шестинедѣльнаго лѣчебнаго курса въ Карлсбадѣ, съ торжественнымъ обѣщаніемъ вернуться во что бы то ни стало ко дню ея ангела, 11 іюля, но вотъ и сентябрь близился къ концу, а его не только что не было, но даже не имѣлось и положительныхъ свѣдѣній о времени возвращенія. Послѣднее полученное отъ него письмо, изъ окрестностей Монтрё, принесло лишь новое разочарованіе. Онъ оправдывалъ свое затянувшееся сверхъ мѣры пребываніе въ чужихъ краяхъ органическимъ разстройствомъ, будто бъ усмотрѣннымъ знаменитыми консультантами и требующимъ продолжительнаго лѣченія во избѣжаніе серіозныхъ осложненій въ будущемъ. Теперь онъ проходитъ курсъ лѣченія виноградомъ, послѣ котораго намѣренъ заглянуть на недѣльку, другую въ Парижъ, отдохнуть, а затѣмъ, смотря по тому что скажутъ тамошніе врачи, вернется домой или проѣдетъ покулаться въ Біаррицъ.

Ольгу Сергѣевну волновали не опасности угрожавшія здоровью мужа, въ которыя она вовсе не вѣрила, такъ какъ Петръ Петровичъ уѣхалъ въ вожделѣнномъ здравіи и ни на какіе недуги никогда до того не жаловался, а его наивныя ухищренія и старанія оправдывать предъ нею всякими неправдоподобными предлогами настоящую цѣль своего пребыванія за границей. Ее ужасно оскорбляла мысль что онъ способенъ признавать ее настолько глупою и легковѣрною, словно она

давно не знала что вся цѣль настоящей поѣздки заключалась въ желаніи пробыть нѣсколько мѣсяцевъ на полной свободѣ вмѣстѣ съ „нахальною негодницей“. Графиня Вельбольская еще съ начала весны заявила въ обществѣ о своемъ намѣреніи посвятить лѣтніе мѣсяцы возстановленію своихъ будто бы разстроенныхъ нервовъ, слерва во Франценсбадѣ, а затѣмъ гдѣ-нибудь на морскихъ куланьяхъ. Хотя отъѣздъ ея изъ Межигорска и послѣдовалъ нѣсколькими днями ранѣе отъѣзда Петра Петровича, но для Ольги Сергѣевны не оставалось сомнѣнія въ томъ что влюбленная чета разлучалась только ради приличія и „для отвода глазъ“, съ тѣмъ чтобы вновь соединиться въ первомъ удобномъ пунктѣ, не далѣе Берлина, по всей вѣроятности. Послѣднее время отношенія Баратынцева къ графинѣ стали настолько явны и общеизвѣстны: что отрицать ихъ вполнѣ предъ женой ему становилось какъ-то неловко. C'est le secret de polichinelle, возражала она на всѣ его попытки убаюкать ея ревность неправдоподобными объясненіями. Впрочемъ, предъ несомнѣнною очевидностію фактовъ, въ ней самой совершился неожиданный переворотъ. Сознавъ свое безсиліе вырвать слезами и угрозами Петра Петровича у своей соперницы, Ольга Сергѣевна, изъ опасенія совершенно его утратить, стала съ отчаяніемъ цѣпляться за тѣ крупинки нѣжности которыя онъ изъ жалости, а иногда и по разчету ей удѣлялъ, питаясь какъ бѣдный Лазарь этими ничтожными крохами отъ роскошной трапезы его новой любви. Какъ ни тверда была ея первоначальная рѣшимость: гордо отстаивать свои права на привязанность мужа, не отступая даже въ крайнемъ случаѣ предъ общественнымъ скандаломъ, малѣйшая его ласка или вниманіе парализовали ея волю, вызывали въ сердцѣ притоки старой нѣжности и самоложертвованія. Не находя силъ для ненависти и мести, еще менѣе для гордаго, спокойнаго презрѣнія, она съ каждымъ днемъ, сама того не замѣчая, шла на новыя, унизительныя уступки, облегчая свое горе малодушными сѣтованіями и жалобами или обрѣтая искусственный покой въ наркотическомъ опьяненіи. Петръ Петровичъ все это понялъ и беззастѣнчиво сталъ эксплуатировать ея сердечную дряблость, самъ не подозрѣвая подчасъ всей жестокости своихъ требованій. Благодаря хитрымъ уловкамъ ему удалось на самыхъ первыхъ порахъ предупредить открытый скандалъ, который неминуемо бы воспослѣдовалъ

вздумай Ольга Сергѣевна, какъ она нерѣдко грозила въ минуты озлобленія, закрыть графинѣ двери своей гостиной. Не довольствуясь этою первою побѣдой, онъ, расширяя подъ давленіемъ Соси свои требованія, добился отъ несчастной женщины даже наружнаго такъ-сказать узаконенія своихъ отношеній съ Вельбольскою. Поборовъ отвращеніе и стыдъ, Ольга Сергѣевна, устулая его настояніямъ, не только продолжала поддерживать знакомство съ графиней, но при случаѣ силилась выказывать предъ обществомъ особое расположеніе и любезность къ завѣдомой любовницѣ своего мужа. Всѣ подобнаго рода требованія онъ неизмѣнно мотивировалъ чуть ли не государственными соображеніями, необходимостью де положить предѣлъ сплетнямъ и кознямъ людей неблагонамѣренныхъ, задавшихся цѣлію подорвать его положеніе и кредитъ въ петербургскихъ сферахъ.

— Хорошо, хорошо, останавливала его Ольга Сергѣевна, начинавшая уже цѣнить по достоинству значеніе подобныхъ аргументовъ,—какихъ жертвъ, какихъ униженій еще нужно для твоего счастія и спокойствія, говори, я все исполню, все вынесу, только о разводѣ и не думай: пока жива, не соглашусь; а умру, вѣнчайтесь на моей могилѣ.

Онъ и не помышлялъ о такомъ рѣшительномъ исходѣ, довольствуясь до времени тѣми удобствами какія обезпечивала ему философская покладливость графа Михаила Павловича и раболѣпная привязанность жены. Отъѣздъ за границу состоялся подъ невидимымъ тяготѣніемъ ловкой графини. Послѣ трехъ лѣтъ проведенныхъ почти безвыѣздно въ Межигорскѣ, ею овладѣло непреодолимое желаніе окунуться въ манящія волны шумной, роскошной, безпечной жизни, вырваться хотя на время изъ тѣсныхъ рамокъ провинціальнаго прозябанія. Къ тому же, она не переставала нуждаться въ деньгахъ на удовлетвореніе своихъ возраставшихъ съ каждымъ днемъ элегантныхъ потребностей, которыя графъ Михаилъ Павловичъ никакъ не хотѣлъ принять во вниманіе. Обращаться прямо къ услугамъ Баратынцева было крайне неудобно въ виду принятой на первыхъ порахъ по отношеніи къ нему возвышенной роли. Онъ былъ идеалистъ стараго закала, мечтавшій, не взирая на свои пятьдесятъ лѣтъ, о „чувствѣ ради чувства“. Бросая непроизводительно сотни рублей на выписываніе для нея свѣжихъ букетовъ прямо изъ Ниццы, которые,

несмотря на подогрѣваемые ящики, прибывали въ Межигорскъ полуголыми вѣниками, Петръ Петровичъ способенъ былъ охладѣть при одномъ намекѣ на позаимствованіе. Вельбольская сразу поняла его щелепетальную, брезгливую барскую натуру, искавшую наслажденія подобно тому какъ любитель ищетъ рѣдкаго экземпляра альпійской флоры. Никакія опасности и трудности не въ состояніи укротить желаній страстнаго ботаника, но поставьте тотъ же самый цвѣтокъ за стекла теплицы, сдѣлайте доступнымъ, и вся прелесть безслѣдно исчезнетъ. Въ силу такихъ соображеній, предусмотрительная графиня, хотя подчасъ и скрѣпя сердце, презрительно отклоняла неоднократныя попытки влюбленнаго генерала прійти на помощь ея денежнымъ затрудненіямъ. Она очень хорошо знала что не останется въ накладѣ когда подойдетъ удобный случай. Встрѣча за границей, внѣ условій будничной жизни, встрѣча какъ бы случайная, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣло подготовленная, показалась ей вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія желаемаго. Свободный отъ служебныхъ и домашнихъ заботъ, Баратынцевъ отдается ей всецѣло и, разумѣется, не отступитъ ни предъ какими издержками лишь бы усладить существованіе обожаемой женщины, рѣшившейся за нимъ слѣдовать. Съ этою цѣлью еще зимою Шёнбейну было внушено чтобъ онъ половчѣе сообщилъ кому слѣдовало о нервномъ разстройствѣ своей паціентки, требующемъ лѣченія водами и купаніями. Тайными причинами недуга при этомъ, разумѣется, надо было выставить нравственныя страданія: глубокое чувство, борьбу разсудка и воли, порождающую внутренній разладъ, недовольство жизнью, словомъ, весь репертуаръ „мученицы страсти“. Честолюбивый эскулапъ весьма искусно исполнилъ возложенное на него порученіе. Встревоженному Петру Петровичу стоило не малыхъ трудовъ убѣдить графиню поберечь „хотя бы ради его, свои дорогіе дни“, то-есть согласиться на совмѣстную поѣздку въ чужіе края. Наконецъ, всѣ возраженія ея объ опасностяхъ огласки, семейномъ долгѣ, непосильныхъ издержкахъ были имъ побѣждены. Соси, послѣ долгихъ колебаній, снизошла къ его мольбамъ, и вотъ съ тѣхъ поръ они уплывались своимъ ликующимъ счастіемъ подъ свѣтлымъ небомъ благодатныхъ странъ.

Не взирая на врожденное отвращеніе ко всякимъ передвиженіямъ, Ольга Сергѣевна, подчиняясь, какъ всегда,

желаніямъ мужа, переселилась съ дочерьми на дачу на время его отсутствія. Сознаніе что она покинута, забыта, не нужна, съ каждымъ днемъ ложилось все болѣе и болѣе тяжелымъ гнетомъ на сердце бѣдной женщины. Свѣтившаяся еще надежда вернуть покорностію и уступками прежнюю нѣжность Петра Петровича блѣднѣла и меркла при каждомъ изъ его рѣдкихъ писемъ. Отъ нихъ такъ и вѣяло сушью и холодомъ докучнаго долга. Ни теплаго слова, ни нѣжнаго воспоминанія не проскальзывало въ убійственномъ однообразіи этихъ вымученныхъ необходимостью строкъ, заключавшихъ по большей части лишь краткій перечень самыхъ заурядныхъ событій, банальныя пожеланія спокойствія и здоровья. Ольга Сергѣевна сперва сильно возмущалась этою новою, необычною формой отношеній къ ней ея Питера, горячилась, осыпая его упреками, не рѣдко повторяя ненавистное имя счастливой соперницы, съ приправой, разумѣется, самыхъ нелестныхъ эпитетовъ, но убѣдившись въ безполезности своихъ выходокъ, на которыя Петръ Петровичъ не отзывался, съ отчаяніемъ вновь искала забвенія и покоя въ своемъ страшномъ, неизмѣнномъ утѣшителѣ. Цѣлые часы проводила она въ блаженномъ оцѣпенѣніи, вкушая губительное наслажденіе неземнымъ спокойствіемъ, созерцая дорогой образъ отсутствующаго, вызываемый галлюцинаціей. Когда же затихавшее дѣйствіе яда отбрасывало ее вновь, усталую и разбитую, въ омутъ дѣйствительности, она не находила болѣе силъ для ожесточенія и злобы. Однѣ безмолвныя слезы отчаянія выражали протестъ ея ослабѣвшей души.

Недовольное рычаніе Шарика, сладко дремавшаго у ея ногъ на разогрѣтомъ асфальтѣ террасы, вывело Ольгу Сергѣевну изъ тяжелаго раздумья. На одной изъ дорожекъ выступавшихъ изъ зеленой чащи обрыва, показалась стройная фигура Дарьи Николаевны Ладожской, которая медленно шла въ гору, опираясь на высокій зонтикъ.

— Вотъ пріятная новость, проговорила она со своею обворожительною улыбкой, дѣлая почтительный полуреверансъ предъ старшею ея годами Ольгой Сергѣевной,—вы отлично сдѣлали воспользовавшись этимъ дивнымъ утромъ чтобы посидѣть на воздухѣ; какая благодать, точно Ментона или Ницца! право, я не ожидала что Межигорскъ одаренъ такимъ мягкимъ климатомъ.

— Вы со своей дачи?

— Да, я перебралась на лодочкѣ и прошла низомъ, вовсе не ожидая попасть такъ безцеремонно, безъ доклада.

— Вы знаете, я вамъ всегда очень рада, милая Дарья Николаевна, вы одна только и навѣщаете меня въ этой трущобѣ, вздохнула Ольга Сергѣевна,—межигорская публика отъ меня совершенно отшатнулась съ тѣхъ поръ какъ Питеръ связался съ этой кокоткой.... Свиньи!

Она достала изъ золотаго портъ-сигара, украшеннаго монограммой изъ рубиновъ и сафировъ, тоненькую папироску Maryland-doux и, откинувшись на стеганую покрышку креселъ, задумчиво стала выпускать тонкія струйки дыма, еще плотнѣе укутываясь въ свою душегрѣйку.

— Всѣмъ извѣстно что вы чувствовали себя не совсѣмъ хорошо за послѣднее время, отозвалась Ладожская, невольно испытывавшая чувство глубокой жалости къ этой покинутой женщинѣ,—и опасенія потревожить васъ по всей вѣроятности удерживаютъ многихъ. Впрочемъ вы, полагаю, и сами скоро переберетесь въ городъ?

— Право, не знаю, Питеръ не сдѣлалъ еще никакихъ распоряженій.... А вы, неужели цѣлую зиму думаете провести на дачѣ?

— По всей вѣроятности. Домъ оказался такъ уютенъ и теплъ что лучшаго не надо. Къ тому же, для Юрія весьма удобна близость казармъ и манежа.

— Вы пропадете съ тоски, моя дорогая; тутъ мало кто держитъ собственныхъ лошадей, и вы рискуете бо́льшую часть времени оставаться въ полномъ одиночествѣ.

— О, это меня менѣе всего пугаетъ, улыбнулась Долли,—я имѣю намѣренія много принимать, а нѣсколько интимныхъ людей всегда сумѣютъ найти дорогу, тѣмъ болѣе что въ случаѣ надобности у насъ найдется достаточное количество экипажей.

Давно вы видѣлись съ Варягиными? Княгинѣ стыдно забывать....

Я уже дня четыре какъ не была въ городѣ и все подумала Лину, которая давно собиралась навѣстить насъ, но вѣроятно что-нибудь удержало: у нея бѣдняжки не мало забыто цѣлый домъ на ея рукахъ. Подчасъ я, право, дивлюсь ея пѣнію и кротости. Вѣдь она съ утра до ночи заботится о другихъ: моетъ, чиститъ, учитъ, обшиваетъ и никогда

ни слова упрека или горечи, а между тѣмъ судьба не къ тому ее готовила.

— Что же она не выходитъ замужъ?

— Да за кого же? Pour se marier il faut être deux, улыбнулась Дарья Николаевна.

— А Нахимцевъ, ея вѣчный обожатель? Княгиня, кажется, очень желаетъ этой партіи, хотя я и не вижу въ ней ничего особеннаго: un homme sans nom и, кажется, не съ большими средствами.

— Василій Петровичъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, убѣжденно возразила Ладожская,—и Лина по всей вѣроятности не задумалась бы довѣрить ему свою судьбу еслибы могла отвѣчать на его чувство въ той мѣрѣ какъ оно заслуживаетъ.

— Но если она не любитъ, то зачѣмъ же водить за носъ, lui tenir le bec dans l'eau. Какъ хотите, милая, это не честно. Вѣдь онъ, говорятъ, отказался отъ прекраснаго мѣста только для того чтобы не разстаться съ нею; наконецъ чѣмъ-нибудь да должно же это кончиться.

— Сколько мнѣ извѣстно, Василій Петровичъ оставилъ службу вовсе не ради Лины, а потому что его достоинство и заслуги были затронуты какою-то неблаговидною интригой въ которой онъ не принималъ ровно никакого участія. Онъ все лѣто пробылъ въ чужихъ краяхъ и вернулся всего недѣли двѣ. Къ сожалѣнію, Лина, кажется, не измѣнила своего рѣшенія, такъ какъ я слышала отъ тетушки что Нахимцевъ въ скоромъ времени собирается окончательно проститься съ Межигорскомъ чтобы поселиться въ деревнѣ, въ одной изъ приволжскихъ губерній. Очень можетъ быть что эта разлука послужитъ ему въ пользу, и Лина одумавшись пойметъ наконецъ отъ какого глубокаго, искренняго, живаго чувства она отвернулась, и ко одному изъ странныхъ противорѣчій свойственныхъ ея подвижной натурѣ, полюбитъ столь же горячо какъ сама любима.

— Женится, тогда все скоро пройдетъ, грустно усмѣхнулась Баратынцева.

— Не думаю, Василій Петровичъ не изъ числа тѣхъ людей для которыхъ чувство забава или праздная прихоть. Я довольно хорошо его знаю и могу сказать что за послѣднія пять лѣтъ привязанность его къ Линѣ, несмотря на неудачи,

ничуть не ослабѣла, а скорѣе усилилась. Пять лѣтъ, вѣдь это не мало времени въ жизни еще не стараго человѣка.

— Ахъ, милая, пока мы молоды и хороши, такъ легко вѣрится въ прочность и неизмѣнность вызываемыхъ нами чувствъ, но увы! приходитъ пора когда остается лишь горько раскаяваться въ этихъ заблужденіяхъ; дай Богъ чтобы для васъ она настала какъ можно позднѣе...

Слезы навернулись у нея въ глазахъ.

— Мнѣ кажется что въ подобныхъ случаяхъ, робко замѣтила Дарья Николаевна, — слѣдуетъ искать утѣшенія въ сознаніи исполненнаго долга, съ твердымъ убѣжденіемъ что ниспосланныя испытанія способствуютъ нашему нравственному очищенію и возрожденію.

— Все это легче говорить нежели исполнять, нѣсколько оживляясь возразила Ольга Сергѣевна,—если вся жизнь, всѣ помыслы, все будущее воплотились для васъ въ человѣкѣ котораго вы любили, и вы вдругъ видите, послѣ цѣлаго ряда счастливыхъ годовъ, что этотъ человѣкъ, сдѣлавшійся для васъ вторымъ Богомъ, смѣется надъ вашими завѣтными чувствами, толчетъ въ грязь все что для васъ было свято, бросаетъ васъ чтобы слѣдовать за первою безстыжею проходимкою, что тогда остается? Поскорѣй убраться со свѣта какимъ бы то ни было образомъ, проклиная его ослѣпленіе и свое чувство!

— Не лучше ли жить чтобы прощать и любить? тихо замѣтила Долли.

— Прощать... да я только это и дѣлаю, потому что, несмотря на все, не могу перестать любить его... Но простить той что разрушила мое счастіе, похитила привязанность мужа, выкинула всѣ терзанія среди которыхъ, мнѣ кажется, я скоро лишусь разсудка, нѣтъ силъ... въ послѣдній часъ я проклану ее какъ уже давно проклинаю. Одно опасеніе повредить Питеру не позволяло мнѣ до сихъ поръ высказать предъ всѣми этой гнусной твари: кто она такая!

Дарьѣ Николаевнѣ становилось неловко. Она молчала, не считая себя въ правѣ вызывать репликою продолженіе слишкомъ интимныхъ, какъ ей казалось, изліяній Баратынцевой. Сближеніе ея съ Ольгой Сергѣевной было весьма недавняго происхожденія. Вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ деревни и водворенія въ Межигорскѣ, изъ разказовъ бѣдняковъ, неоднократно обращавшихся къ ней за

пособіями, Долли убѣдилась въ плачевномъ состояніи общественной благотворительности официально руководимой „Обществомъ посильной помощи". Основанное за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ по иниціативѣ жены одного изъ мѣстныхъ правителей, женщины одаренной большою энергіей и еще большею любовью къ ближнему, это благотворительное общество въ неумѣлыхъ рукахъ Ольги Сергѣевны совершенно уклонилось отъ своихъ первоначальныхъ цѣлей и наконецъ грозило расплыться вслѣдствіе общаго равнодушія, недостаточности средствъ и несоотвѣтственнаго направленія дѣла. Князь Торжковскій, исправлявшій номинально должность секретаря Общества, менѣе чѣмъ кто-либо способенъ былъ поправить ухудшавшіяся со дня на день обстоятельства. Честолюбивый *crevé* придерживался, въ дѣлѣ благотворительности, самъ того не подозрѣвая, остроумнаго скептицизма Вольтера, утверждавшаго что самая лучшая благотворительность: не мѣшать голодному умереть съ голода. Дарья Николаевна порѣшила употребить всѣ усилія дабы спасти доброе дѣло отъ окончательнаго крушенія. Познакомившись съ Баратынцевой, она предложила ей свои услуги для возстановленія порядка, какъ относительно строгаго контроля при назначеніи пособій, такъ и пріуроченія самыхъ пособій къ извѣстной, разумной формѣ, болѣе производительной и цѣлесообразной нежели простыя подачки. Для начала требовалось освѣжить личный составъ „дамъ-посѣтительницъ" нѣсколькими молодыми, энергическими женщинами, способными взяться горячо за тяжелую обязанность заглядывать на чердаки и въ подвалы, собирать необходимыя свѣдѣнія не чрезъ посредство околоточныхъ и надзирателей, а личнымъ соприкосновеніемъ со всѣми ужасами нищеты и страданія. Ладожская лока ручалась за себя и за Лину, не отчаиваясь въ ближайшемъ будущемъ привлечь къ той же дѣятельности и нѣкоторыхъ „полковыхъ дамъ" изъ числа бездѣтныхъ, какъ болѣе свободныхъ. Кромѣ непосредственнаго, личнаго участія, Дарья Николаевна приняла на себя заботы и значительную часть издержекъ по устройству дешевой столовой и ночлежнаго дома, которыхъ до сихъ поръ не могли завести за недостаткомъ средствъ, а главное, энергическаго почина. Ольга Сергѣевна съ радостью предоставила молодой женщинѣ полную свободу дѣйствій. Постоянныя нареканія Петра Петровича по поводу слишкомъ вялаго отношенія къ обязанностямъ

налагаемымъ общественнымъ положеніемъ, давно ее тяготили. Разстаться съ москами, ѣздить и суетиться, толковать „съ разными уродами“, разсматривать какіе-то отчеты, соображать—такой муки она не въ силахъ была принять даже въ угоду своему Питеру. Дарья Николаевна, при такихъ условіяхъ, являлась ей своего рода Провидѣніемъ. Принимая на себя всѣ труды и заботы, Ладожская оставляла ей несложную обязанность санкціонировать достигнутые результаты, успѣшность которыхъ межигорское общество, конечно, приписывало бы главнымъ образомъ все-таки Баратынцевой. Послѣ сказаннаго, нѣтъ ничего удивительнаго если всегда и всѣми недовольная супруга межигорскаго повелителя отнеслась особенно благосклонно къ своей новой знакомой. Помимо всего, Долли, принадлежавшая по рожденію къ высшей знати, обставленная блескомъ огромнаго состоянія, выдѣлялась изъ губернской среды какъ явленіе совершенно случайное и исключительное. Ольга Сергѣевна охотно признавала въ ней женщину „своего круга“, забывая что ея собственная жизнь со времени выхода изъ родительскаго дома, въ силу сложившихся обстоятельствъ, протекла „внѣ всякаго круга.“

Что касается Дарьи Николаевны, то она не безъ нѣкотораго усилія надъ собою сдѣлала первые шаги для сближенія съ Баратынцевой. Все слышанное Ладожскою о надменности, себялюбіи и озлобленіи этой женщины, инстинктивно отъ нея отталкивало. Ея прошлое такъ противорѣчило тѣмъ нравственнымъ началамъ которыя, по понятіямъ Долли, составляли завѣтный кодексъ женскихъ обязанностей! Превозмочь эти чувства ей помогло не только желаніе принести посильную помощь межигорскимъ несчастливцамъ, но и христіанская надежда облегчить страданія больной, надломленной души. Незатѣйливый романъ Петра Петровича съ графинею Вельбольскою уже успѣлъ сдѣлаться общимъ достояніемъ, и хотя все происходившее казалось Дарьѣ Николаевнѣ справедливымъ возмездіемъ за поправный нѣкогда Ольгою Сергѣевною супружескій и материнскій долгъ, тѣмъ не менѣе мученія покинутой женщины не могли не встрѣтить отклика въ ея чуткомъ сердцѣ. Послѣ первой же встрѣчи она убѣдилась что многое изъ слышаннаго преувеличено. Ольга Сергѣевна, несмотря на свои рѣзкія выходки и злословіе, явилась ей жалкимъ, безпомощнымъ

существомъ, совершенно утратившимъ сознаніе своего достоинства, подъ гнетомъ неосмысленнаго чувства. Неумѣстная откровенность съ которою Ольга Сергѣевна стала посвящать ее, безо всякой повидимому надобности, въ свою интимную жизнь, жалуясь на легкомысліе мужа и осыпая бранью Вельбольскую, сначала оскорбила нравственную чистоту Дарьи Николаевны; но мало-по-малу она пріучилась видѣть въ этихъ странныхъ выходкахъ невольный протестъ слабой души, ищущей облегченія въ чужомъ состраданіи. Немного времени потребовалось Дарьѣ Николаевнѣ для того чтобъ убѣдиться что свѣтъ истинной вѣры никогда не заглядывалъ въ обуреваемую земною страстью душу Ольга Сергѣевны, и она задалась мыслью пробудить въ ней желаніе и потребность прибѣгнуть за утѣшеніемъ къ Тому, Кто одинъ всесиленъ утолять людскія печали. Враждебная навязчивому прозелитизму фанатиковъ, проникнутая смиреннымъ убѣжденіемъ въ ничтожествѣ своихъ личныхъ силъ, но твердая непоколебимою вѣрою во всемогущество добра, Дарья разсчитывала оживить понемногу очерствѣвшее сердце Ольги Сергѣевны пробужденіемъ въ немъ состраданія и участія къ бѣдствіямъ ближняго. Сосѣдство дачи Ладожскихъ съ „плантаціей“ облегчало ей возможность почти ежедневно посѣщать забытую всѣми Баратынцеву, которая въ своемъ одиночествѣ скоро такъ пристрастилась къ молодой женщинѣ что почти не могла обходиться безъ ея общества.

— А я къ вамъ отчасти и по дѣлу, заговорила Дарья Николаевна, когда ея собесѣдница повидимому настолько успокоилась что могла удѣлить свое вниманіе посторонним предметамъ.

— Насчетъ столовой?

— Нѣтъ, съ этой стороны все идетъ благополучно, и можно надѣяться что съ 1 октября она откроетъ свои дѣйствія; мнѣ хотѣлось попросить вашего содѣйствія для устройства судьбы одного несчастнаго. Этотъ молодой человѣкъ, на котораго я напала совершенно случайно при одномъ изъ объѣздовъ, недѣли двѣ тому назадъ пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ надеждѣ пріискать себѣ занятія, захворалъ и пролежалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ больницѣ. Онъ повидимому получилъ нѣкоторое образованіе и, насколько я могла понять изъ его довольно сбивчивыхъ объясненій,

сдѣлалася жертвой какой-то служебной или семейной интриги, повидимому сильно повліявшей на его впечатлительный темпераментъ. Все это со временемъ можно будетъ разъяснить и провѣрить болѣе точными справками, но пока самое важное, не допустить его умереть съ голода. Хозяйка подвала, гдѣ онъ занималъ темный, сырой уголъ, сообщила мнѣ что онъ по выпускѣ изъ больницы попробовалъ заниматься лодеицикомъ на работахъ по новой набережной, но послѣ трехъ дней силы ему измѣнили. Я тотчасъ же распорядилась о переводѣ его въ болѣе соотвѣтственное помѣщеніе, поручила надзору врача, и теперь онъ видимо оправляется, но крайне тяготится посторонней помощью. Происходитъ ли это отъ болѣзненно развитаго самолюбія или благодаря сознанію собственнаго достоинства, пока еще опредѣлить не могу. „Пріищите мнѣ занятіе, я еще могу трудиться“, вотъ что онъ постоянно твердитъ съ тѣхъ поръ какъ началъ оправляться. Вы знаете, я еще очень мало ознакомилась со здѣшнимъ обществомъ, въ особенности чиновнымъ, и потому прошу васъ принять этого юношу подъ свое покровительство и заинтересовать въ его участи кого-либо изъ начальствующихъ лицъ.

— Ахъ, милая, возразила Баратынцева,—вѣдь это ужасно сложно: какъ я стану просить этихъ „уродовъ“ за совершенно неизвѣстнаго человѣка!.. Потомъ вдругъ еще окажется что онъ какой-нибудь нигилистъ, ихъ нынче говорятъ такъ много вездѣ развелось; нѣтъ ужь, ради Бога, отъ этого меня увольте; лучше назначить ему пособіе изъ суммъ „Посильной полушки“ и выхлопотать даровой билетъ въ Петербургъ.

— Все это будетъ не то чего онъ проситъ; притомъ же, какъ я вамъ сказала, онъ чрезвычайно гордъ и не намѣренъ вовсе возвращаться въ столицу. Я, конечно, не смѣю требовать чтобы вы утруждали себя поѣздкою въ городъ, но полагаю что нѣсколькихъ словъ о вашемъ желаніи пристроить этого молодаго человѣка будетъ, по всей вѣроятности, вполнѣ достаточно для устройства его участи.

— Я право не знаю къ кому обратиться, колебалась Ольга Сергѣевна,—чего онъ хочетъ?

— Онъ упоминалъ что-то объ акцизномъ вѣдомствѣ.

— Это, кажется, по части кабаковъ... кто бишь здѣсь этимъ завѣдуетъ?.. да, Песошкинъ, кажется; ну, писать я ему не стану, а просто пошлю Торжковскаго. А какъ зовутъ вашего protégé?

— Востряковымъ.

— Какъ? переспросила Ольга Сергѣевна, бѣдняя подъ своимъ косметикомъ.

— Востряковымъ, кажется что такъ; впрочемъ, вотъ тутъ у меня нарочно записано, засуетилась Дарья Николаевна, доставая изъ кожаной сумочки, пристегнутой къ поясу, записную книжечку.—Совершенно вѣрно: „Григорій Степановичъ Востряковъ, изъ дворянъ, желалъ бы получить должность по акцизному вѣдомству или занятія по письменной части", прочла она съ разстановкой.

— Хорошо, едва внятно проговорила Баратынцева,—оставьте мнѣ эту замѣтку, я похлопочу, но только за успѣхъ не ручаюсь: всѣ эти мѣста нынче весьма трудно даются... Лучше было бы убѣдить этого молодаго человѣка поискать въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, здѣсь столько желающихъ, а чтобы помочь ему выбраться, я охотно присоединяюсь къ вашему доброму дѣлу... насколько могу...

Она подавила одну изъ луговокъ электрическаго звонка, проведеннаго къ перилламъ террасы.

— Достаньте тамъ, въ шкатулкѣ съ брилліантами, сто рублей и принесите ихъ сюда, приказала Ольга Сергѣевна появившейся Полѣ.—Передайте это, прошу васъ, вашему protégé, добавила она минуту спустя, вручая деньги Ладожской,—только съ условіемъ не произносить моего имени. Правая рука не должна знать что̀ даетъ лѣвая, такъ вѣдь кажется сказано въ заповѣдяхъ... мы должны свято имъ слѣдовать... Да посовѣтуйте ему лучше поскорѣе отсюда уѣзжать... въ случаѣ если мнѣ не удастся его пристроить, добавила она, примѣчая недоумѣніе появившееся на лицѣ Долли.—Впрочемъ, я прикажу Торжковскому заѣхать къ вамъ прямо отъ Песочкина чтобы сообщить о результатѣ „демаршей".

— Какъ вы добры, проговорила Ладожская, пріятно озадаченная ея щедростью и послѣшностью прійти на помощь несчастному юношѣ.

— Вы меня весьма заинтересовали участью этого молодаго человѣка; бываютъ случаи когда грѣшно не помочь, оправдывалась Баратынцева.

Едва удалилась Ладожская, Ольга Сергѣевна вновь прикоснулась къ звонку. Появившемуся на этотъ разъ дворецкому былъ отданъ строжайшій приказъ отнюдь не впускать къ ней какихъ-либо „просителей" или „бѣдныхъ", но неизмѣнно

направлять таковыхъ въ Дарьѣ Николаевнѣ Ладожской, съ разъясненіемъ что генеральша де больна и все завѣдываніе благотворительными дѣлами передала ломянутой особѣ. „Вы потрудитесь объяснить это толкомъ всѣмъ служащимъ въ домѣ“, присовокупила Ольга Сергѣевна, „со строжайшимъ запрещеніемъ принимать отъ неизвѣстныхъ лицъ какія-либо прошенія или письма на мое имя. Мнѣ необходимъ совершенный покой, и потому предупреждаю что отступленіе въ чемъ-либо отъ точнаго исполненія настоящихъ приказаній будетъ равносильно нежеланію оставаться въ домѣ.“ Никогда еще она не была столь категорична въ своихъ требованіяхъ. Старый мажордомъ, посѣдѣвшій среди барскихъ причудъ, по обыкновенію почтительно отчеканилъ свое неизмѣнное „слушаю-съ“.

Оставшись наконецъ одна, Ольга Сергѣевна еще долго не могла успокоиться. Мысли, одна другой тревожнѣе, давили ея мозгъ. Внезапное появленіе сына въ Межигорскѣ представлялось ей неразрѣшимою загадкой. Онъ очевидно воспользовался отсутствіемъ Петра Петровича для того чтобъ явиться и эксплуатировать ее, надѣясь на безнаказанность. Одно лишь противорѣчило такому предположенію — молчаніе Гриши, не заявлявшаго ни лично, ни письменно о своемъ желаніи съ нею свидѣться въ теченіе своего, какъ пояснила Долли, уже довольно продолжительнаго пребыванія въ Межигорскѣ. Впрочемъ, подъ этою сдержанностью могла скрываться намѣренная хитрость, или коварство, какіе-либо непонятные ей разсчеты. Онъ не сегодня, завтра появится и предъявитъ ей свои требованія. Какого рода будутъ эти требованія, она не могла себѣ уяснить. Хорошо еще если можно будетъ отдѣлаться деньгами. Петръ Петровичъ отъѣзжая оставилъ ей около двухъ тысячъ на непредвидѣнные расходы. Она отдастъ ему все, а если окажется мало, можно будетъ поручить Полѣ заложить или продать что-нибудь изъ брилліантовъ, лишь бы онъ только поскорѣй выбрался изъ Межигорска, навсегда отказался отъ мысли поселиться тутъ, въ двухъ шагахъ отъ нея, словно живой призракъ прошлаго,—того прошлаго которое, несмотря на всѣ усилія, никогда не могло совершенно изгладиться изъ ея памяти и возникало теперь, двадцать лѣтъ спустя, чтобы тревожить и смущать ее во имя какого-то непонятнаго права. „Онъ непремѣнно долженъ отсюда убраться до пріѣзда Питера,

иначе тотъ можетъ придраться къ этому предлогу чтобы совершенно меня бросить для своей кокотки," мысленно разсуждала Баратынцева.

Появившійся слуга принесъ на серебряномъ подносикѣ нѣсколько утреннихъ газетъ, доставленныхъ съ нарочнымъ изъ города. Между ними находился и послѣдній нумеръ *Figaro*, пользовавшагося по стародавней привычкѣ особеннымъ благоволеніемъ Ольги Сергѣевны, которая не признавала отечественной печати.

— Прикажите передать князю Торжковскому что я сегодня ожидаю его къ обѣду, непремѣнно, распорядилась она.

Отпустивъ слугу, Ольга Сергѣевна поспѣшно сорвала обертку съ Вильмессановскаго дѣтища, чая отыскать на его столбцахъ временное развлеченіе отъ своихъ невеселыхъ думъ. Не удостоивъ вниманіемъ передовой статьи, трактовавшей о какой-то политической злобѣ дня, она слѣпила перейти къ отдѣлу новостей и скандалезной хроники „Tout Paris", составлявшему для нея главную приманку газеты. Взоръ ея какъ нарочно прочелъ собственную фамилію рядомъ съ ненавистнымъ именемъ Вельбольской. Передавая сенсаціонныя новости послѣднихъ Лоншанскихъ скачекъ, модный хроникеръ останавливался съ нѣкоторыми подробностями на недавно прибывшемъ въ „столицу міра" блестящемъ русскомъ сановникѣ: „Général Prince de Baratintzew, si français de coeur et d'esprit" и его неизмѣнной спутницѣ „la gracieuse comtesse Welbolska", новой звѣздѣ восходящей надъ элегантнымъ міромъ. Далѣе слѣдовало описаніе необычайнаго туалета „звѣзды", внушеннаго ею самою неподражаемому маэстро. Ольга Сергѣевна не въ силахъ была продолжать чтеніе; газета выпала у нея изъ рукъ, и крупныя слезы навернулись на рѣсницахъ. Сколь ни тверды были и до того ея догадки, но подъ ними все-таки таился хотя призракъ надежды. „Кто знаетъ," думалось ей порою, „можетъ-быть на волѣ она скорѣй успѣетъ ему опостылѣть, и удовлетворивъ до сыта свою прихоть, онъ снова вернется ко мнѣ еще болѣе любящимъ и преданнымъ." И вотъ вмѣсто всего этого, пришедшій изъ далека клочекъ печатной бумаги развертывалъ предъ нею яркую картину „ихъ" торжествующаго счастія, словно приглашая цѣлый свѣтъ полюбоваться его ликованіемъ. Эти туалеты отъ Ворта, она сама переносила ихъ десятки и знала во что они обходятся. Питеръ такъ щедръ когда любитъ; она,

жадная, оберетъ его до нитки: онъ вѣдь такъ добръ! Но все это пустяки, ничтожество въ сравненіи съ его дорогою привязанностью, лишь бы ее возвратить опять... но, нѣтъ, „она“ его не выпуститъ такъ легко: онъ богатъ и увлеченъ ею до самозабвенія!..

И въ сознаніи своего безсилія, въ желаніи утолить невыносимую боль щемившую сердце, она почти съ блаженствомъ приломила что имѣетъ тутъ же, подъ рукою, все что̀ нужно чтобы найти временный покой забвенія. Подкожный спринцъ Праватца и пузырекъ съ растворомъ морфія всегда находились въ ея рабочей карзинѣ. Высвободивъ изъ душегрѣйки лѣвую руку, Ольга Сергѣевна поспѣшно разстегнула рукавъ своего вигоневаго халата и съ усвоенною ловкостью ввела остріе иглы въ мякоть тѣла, испещреннаго въ этомъ мѣстѣ струпиками и ранками отъ безчисленныхъ проколовъ. Минутъ пять спустя голова ея безсильно откинулась на шелковый валикъ, привѣшенный къ покатой спинкѣ кресель, черты лица растянулись въ блаженномъ спокойствіи, и только, отчетливо выступавшія на солнцѣ, струйки смытаго слезами косметика изобличали слѣдъ пережитой душевной тревоги.

II.

Почти въ то самое время какъ Дарья Николаевна перебиралась черезъ Межигорку, на обратномъ пути изъ „плантаціи“, на противуположномъ берегу въ рощѣ примыкавшей къ дачѣ Ладожскихъ, въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, задумчиво прохаживалась княжна Лина. Тревожная тѣнь пробѣгала порой по ея красивому, выразительному лицу; она останавливалась, всматриваясь чрезъ густыя заросли по направленію чащи. Среди царившаго кругомъ безмолвія только слышалось паденіе сухаго листа, или юркое движеніе испуганной ящерицы, расположившейся понѣжиться на солнечномъ пригекѣ. Въ эти часы, даже и въ лѣтнюю пору, за исключеніемъ праздничныхъ дней, роща оставалась совершенно пустынною. Немногочисленные дачники успѣли уже поразъѣхаться, напуганные предшествовавшими ненастными днями, и развѣ только случайный любитель уединенія или влюбленная чета могли потревожить задумчивый покой старой рощи.

— Наконецъ-то! печально усмѣхнулась княжна, примѣтивъ издалека мелькнувшій между деревьями бѣлый китель Ладожскаго.

Онъ не торопясь приближался къ ней своею молодцоватою, нѣсколько развалистою походкой, съ сигарой въ зубахъ, румяный и свѣжій какъ только-что умытый, здоровый ребенокъ. Довольство счастливаго, безмятежнаго существованія, тихій отблескъ удовлетворенныхъ желаній читались въ спокойномъ, ровномъ взглядѣ его красивыхъ, словно улыбавшихся глазъ. „Какъ онъ безмятеженъ, какъ счастливъ въ своемъ неуязвимомъ самодовольствѣ, какъ ничтожны и смѣшны должны казаться ему мои страданія и самая любовь!“... мелькнуло въ мысляхъ княжны, безсознательно залюбовавшейся имъ изъ своей зеленой засады.

— Виноватъ, простите, проговорилъ онъ съ изысканно почтительнымъ поклономъ, приблизившись къ ней, — полковой адъютантъ пріѣхалъ по дѣлу въ то самое время какъ я выходилъ изъ дома. Не принять было невозможно, и какъ ни торопился, а все-таки пришлось замѣшкаться.

— Мнѣ было необходимо переговорить съ вами, Юрій Дмитріевичъ, начала послѣ небольшой паузы княжна,—и не имѣя никакой возможности пріискать удобный для того случай у себя дома, я рѣшилась назначить вамъ это, можетъ-быть нѣсколько странное, свиданіе. Извините, если оно въ чемъ-либо нарушило обычный порядокъ вашихъ занятій.

— Напротивъ, я вполнѣ осчастливленъ такимъ признакомъ вашего довѣрія, свидѣтельствующимъ повидимому что вы рѣшились отступить отъ странной суровости послѣдняго времени, которая тѣмъ болѣе меня огорчала и, не скрою, изумляла что вы сами дали мнѣ право надѣяться на совсѣмъ иное...

— На что же именно вы надѣялись? холодно спросила княжна.

— Какой странный вопросъ! не смущаясь улыбнулся Ладожскій.

Глаза Лины сверкнули мрачнымъ огнемъ, но она подавила подступившее негодованіе.

— Вы сами знаете, спокойно возражала она, — какія препятствія намъ пришлось бы осиливать. Я долго и много объ этомъ думала въ послѣднее время. Долги, положимъ, какъ вы не разъ и сами подтверждали, совершенно равнодушна къ вамъ и, по всей вѣроятности, безъ особыхъ затрудненій согласится

на разводъ; но, помимо этого обстоятельства, значительно облегчающаго всю тяжесть нашей нравственной отвѣтственности предъ нею, предстоитъ не мало другихъ осложненій и хлопотъ, способныхъ быть-можетъ охладить ваше чувство ко мнѣ. Мнѣніе свѣта, родни, безъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ въ первое время сложится не въ нашу пользу. Васъ станутъ обвинять въ легкомысліи, меня—въ разчетливомъ кокетствѣ и пожалуй даже въ полномъ отсутствіи правилъ. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ, мы должны будемъ совершенно удалиться отъ свѣта, уединиться въ деревнѣ; ваша военная карьера, вступившая наконецъ послѣ столькихъ усилій въ правильную колею, неизбѣжно затормозится, можетъ-быть даже совершенно остановится. Скажите, вамъ не будетъ нисколько жаль всего этого?

Тревожное изумленіе выступило на лицѣ Юрія Дмитріевича: онъ повидимому вовсе не разчитывалъ на подобное вступленіе.

— Да, разводъ... проговорилъ онъ какъ-то безсознательно,— это дѣло, безъ сомнѣнія, весьма сложное, почти невозможное.. Я уже зондировалъ по этому поводу Долли, ея религіозныя вѣрованія кажется будутъ непреодолимымъ препятствіемъ... Во всякомъ случаѣ, теперь неудобно настаивать: кончина дяди Мстиславскаго...

— Приноситъ вамъ громкій титулъ вмѣстѣ съ новымъ, весьма солиднымъ состояніемъ, договорила княжна,—причина конечно весьма уважительная!

— О, нѣтъ, вы не такъ меня поняли, поправился Юрій Дмитріевичъ,—я имѣлъ въ виду только нравственное состояніе Долли: она очень любила старика и не на шутку опечалена его кончиной, c'est une âme d'élite; что же до титула и состоянія, то вы понимаете, je suis trop bien né чтобы гоняться за первымъ и слишкомъ богатъ чтобы заботиться о послѣднемъ.

— Однако и то, и другое не лишнее, особенно когда приходитъ само собою, замѣтила Лина,—такимъ образомъ вы сами начинаете убѣждаться что весь складъ обстоятельствъ противится нашему союзу, и дальнѣйшіе помыслы о немъ были бы непростительнымъ ребячествомъ; я это сознала и пришла къ заключенію что въ видахъ обоюднаго спокойствія и безопасности, надо положить рѣшительный конецъ

нашимъ прежнимъ и впредь неумѣстнымъ отношеніямъ; надѣюсь, вы облегчите мнѣ эту не легкую задачу?

— Но въ чемъ же и какимъ способомъ?

— Я вамъ сейчасъ это объясню, продолжала княжна,— полумѣры немыслимы: наши близкія родственныя и семейныя отношенія настолько упрочены и общеизвѣстны что не только разрывать ихъ окончательно, безъ яваго, понятнаго повода, но даже и ослаблять было бы равносильно скандалу. Толковъ и сплетенъ въ такомъ случаѣ не оберется, не говоря о необходимости оправдываться предъ своими, непосвященными въ наши тайны. Пріѣздъ Долли можетъ подать поводъ къ еще болѣе частому общенію. Мама безъ нея жить не можетъ, сама Долли попрежнему расположена ко мнѣ, и я не имѣю никакихъ основаній не отвѣчать на ея дружеское чувство. Все это, конечно, вы сами отлично понимаете и сознаете, и мнѣ нѣтъ надобности развертывать предъ вами подробную картину ежеминутной лжи, фальши и притворства, среди которыхъ намъ придется бороться противъ самихъ себя. Не знаю какъ для васъ, но для меня подобный разладъ между внѣшними условіями жизни и самою ея сутью былъ бы хуже смерти. Первые опыты убѣдили меня въ невозможности продолжать далѣе; я когда-нибудь, помимо всякихъ усилій разсудка и воли, все разкажу Долли или выдамъ передъ всѣми свое чувство и разрушу ваше домашнее спокойствіе безо всякой пользы для своего собственнаго. Необходимо разсѣчь этотъ узелъ чтобъ онъ не затянулъ насъ въ мертвую петлю, вотъ о чемъ я была намѣрена переговорить здѣсь съ вами.

— Я ровно ничего не понимаю: потрудитесь выяснить вашу мысль, произнесъ Ладожскій.

— Оставаться вмѣстѣ, въ одномъ городѣ, для насъ болѣе немыслимо. Одинъ изъ насъ необходимо долженъ уѣхать, удалиться, словомъ исчезнуть для другаго, и не на короткое время, а до той поры пока мы сами не измѣнимся настолько что возможность новой встрѣчи станетъ для насъ совершенно безразличною. Я пришла васъ спросить: кому изъ насъ предстоитъ исполнять этотъ тяжелый, но неизбѣжный долгъ?

Юрій Дмитріевичъ, покорно слѣдовавшій рядомъ съ нею по тропинкѣ, въ изумленіи остановился и вопросительно поглядѣлъ въ лицо своей спутницы, какъ бы стараясь прочесть на немъ непонятный ему смыслъ ея страннаго вопроса.

— Мнѣ кажется, вы видите вещи черезчуръ уже въ трагическомъ свѣтѣ, отозвался онъ наконецъ, послѣ минутнаго раздумья, съ едва сдержанною усмѣшкой,—пріѣздъ жены ничѣмъ не можетъ нарушить нашихъ прежнихъ добрыхъ отношеній. Долли такъ простодушна что и не догадывалась о прошломъ которымъ я не счелъ нужнымъ съ нею дѣлиться, и такъ чиста что не способна подозрѣвать дурное даже тамъ гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, тогда какъ между нами кажется пока...

— Ничего не произошло, по вашему мнѣнію, остановила его княжна,—не такъ ли? Но сознайтесь что если вамъ не удалось низвести меня до этого, то, конечно, не за недостаткомъ стараній. Вамъ недостаточно было сознаніе живучести моего чувства послѣ вашего обмана и пятилѣтняго счастія съ другою, и вы задались мыслію подчеркнуть ваше торжество, услышавъ отъ меня самой подтвержденіе моей преступной, безразсудной слабости. Мнѣ не пристало хвалиться передъ вами стойкостію, и потому я готова сознаться что только случайный возвратъ разсудка уберегъ меня. А вы... вы разочаровались и не задаваясь даже трудомъ прикрывать благовиднымъ предлогомъ своего внезапнаго отступленія, мирно вернулись къ будничной жизни, нѣсколько раздосадованные неудачнымъ исходомъ своей невинной шутки!..

— Вы несправедливы, Лина, возразилъ Юрій Дмитріевичъ съ напускнымъ достоинствомъ,—я дѣйствительно отступилъ когда понялъ что идти болѣе некуда и что я могу лишь безвозвратно погубить васъ тѣмъ чувствомъ, сдерживать которое я былъ больше не властенъ. Не вы ли сами укоряли меня въ легкомысліи и эгоизмѣ каждый разъ когда я предлагалъ посвятить вамъ безраздѣльно свое существованіе и указывали на Долли какъ на лучшій даръ ниспосланный мнѣ небомъ? Теперь вы ставите мнѣ въ вину что, подчиняясь вашимъ собственнымъ велѣніямъ, я попробовалъ вернуться въ колею. Я не мальчикъ, Лина, не влюбленный пажъ, способный исчерпывать всю прелесть чувства сочувственными взглядами и рукопожатіями любимой женщины; я любилъ и люблю васъ безъ оговорокъ, всѣмъ существомъ моимъ. Взгляните на меня, могу ли я любить иначе, и не смѣшонъ ли я былъ въ вашихъ собственныхъ глазахъ въ нарядѣ платоническаго вздыхателя?

Княжна слушала, задумчиво опустивъ голову, и знакомый, лодкулающій звукъ его голоса закрадывался ей въ душу подобно сладкому напѣву.

— Я не обманывалъ васъ, Лина, не рисовался передъ вами, продолжалъ онъ, ободренный ея безмолвнымъ смущеніемъ,—я говорилъ: берите меня, каковъ я есть, со всѣми моими недостатками и слабостями! Когда же сердце убѣдило меня что безъ васъ счастіе немыслимо, я ни минуты не задумался предъ призраками долга и условныхъ приличій. Они казались мнѣ такъ ничтожны, такъ безконечно малы сравнительно съ тѣмъ чувствомъ которое жило во мнѣ что о какихъ-либо жертвахъ не могло быть и рѣчи. Самое это слово какъ-то странно для меня, видѣвшаго въ чувствѣ олицетвореніе возможнаго на землѣ блаженства. Не вы ли сами поколебали эту вѣру?...

Рѣчь его лилась горячимъ потокомъ, между тѣмъ какъ покорный, ласкающій взглядъ уставленныхъ на княжну глубокихъ карихъ глазъ словно отражалъ плѣнительные образы того необъятнаго счастія о которомъ онъ говорилъ. Онъ незамѣтно овладѣлъ ея руками и крѣпко сжималъ ихъ въ своей могучей десницѣ, стараясь незамѣтно привлечь ее къ себѣ.

— Вы не повѣрили въ меня, Лина, и можетъ-быть имѣли свои основанія, но вы были не правы. Я принадлежу къ числу натуръ готовыхъ переломать цѣлый міръ подъ налетомъ искренняго, глубокаго увлеченія, но неспособныхъ пробираться долгими, окольными путями къ невѣрной цѣли, какъ бы заманчива она ни была. Я не Нахимцевъ— не вздыхатель, не мечтатель; для меня самая жизнь слишкомъ веселый праздникъ, чтобъ омрачать его измышленными страданіями; словомъ, сознаюсь откровенно, я сибаритъ, эпикуреецъ, но „баринъ“ прежде всего, привыкшій расплачиваться наличными и не торгуясь, когда его достоинство и честь заинтересованы въ игрѣ. Не знаю какія цѣли вы во мнѣ заподозрѣли, но я скоро и самъ убѣдился что, раздѣляя ловидимому мое чувство, вы относились къ нему съ недовѣріемъ, и это недовѣріе при каждой новой встрѣчѣ все болѣе и болѣе расширяло въ непроходимую пропасть ничтожную черточку, словно раздѣлившую насъ послѣ злосчастнаго эпизода съ *Османомъ*. Какихъ же новыхъ доказательствъ вамъ еще нужно чтобъ увѣровать въ мою преданность, разсѣять ваши сомнѣнія? развода съ Долли? но вѣдь вы сами его отвергали и, къ тому же, сознаюсь вамъ

откровенно что если такое предположеніе всегда представлялось мнѣ вполнѣ послѣдовательнымъ и неизбѣжнымъ какъ эпилогъ нашего взаимнаго чувства, то для пролога оно никуда не годно, такъ какъ въ самомъ началѣ подорвало бы всю поэтическую сторону нашихъ отношеній, низводя ихъ до степени какого-то разсчитаннаго, холоднаго компромисса.

Лина тихимъ, но энергическимъ усиліемъ высвободила свои руки изъ его рукъ.

— Довольно, сказала она,—никакихъ доказательствъ, никакихъ жертвъ я отъ васъ не требовала и не требую. Къ чему онѣ мнѣ? развѣ свидѣтельство прошлаго не достаточно краснорѣчиво? Вы очень искусно умѣете подыскивать доводы въ подкрѣпленіе своихъ нравственныхъ понятій, рядить въ яркую мишуру своеволіе и распущенность своихъ капризовъ. Охотно вѣрю что въ данную минуту вы искреннѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ повидимому сами не сознаете страшной правды звучащей въ каждомъ вашемъ словѣ. Я не виню васъ; вы не можете быть инымъ. Вы искали въ чувствѣ легкихъ утѣхъ и не способны были понять что для другихъ оно можетъ имѣть нѣсколько иное значеніе. Я разгадала это съ той минуты какъ вы измѣнились и охладѣли ко мнѣ послѣ неудачи. Я поняла, къ сожалѣнію слишкомъ поздно, что расточаю золото въ замѣнъ ничего не стоящихъ побрякушекъ, но — и этого я не могу себѣ простить — переставъ уважать васъ, я не нашла силы забыть... Я не помышляла и не хотѣла разводить васъ съ женою, и ваши постоянныя инсинуаціи по этому поводу не могли не оскорбить моей справедливой гордости. Какое мнѣ было дѣло до вашихъ отношеній и чувствъ къ другой женщинѣ, разъ вы сознали что принадлежите мнѣ одной! Вы ошиблись, сбились съ пути, увлеклись призраками, увѣряли вы,—ваше дѣло было развѣдаться съ прошлымъ, какъ указывали вамъ долгъ и совѣсть. Въ области чувства, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, встрѣчаются обстоятельства съ которыми женщина способна примириться, самоложертвованія и компромиссы которые она молча приметъ какъ величайшій даръ безпредѣльной преданности, но все это утрачиваетъ всякую цѣну переходя изъ сферы дѣйствія въ область праздныхъ предположеній и разглагольствованій. Простое чувство душевной деликатности, не говоря уже о тяжести нравственной отвѣтственности, претитъ каждому честному человѣку насильственно вторгаться въ чужую жизнь, заманивать обѣщаніемъ счастія, не всегда

зависящаго отъ вашей личной воли и стараній. Вы сейчасъ говорили что привыкли расплачиваться за свои ошибки и увлеченія; докажите мнѣ это, и я вновь вамъ повѣрю—уѣзжайте отсюда.

— Куда? зачѣмъ? спросилъ онъ въ совершенномъ изумленіи.

— Почемъ я знаю, повела она плечами,—въ Петербургъ или другое мѣсто, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! Вамъ вѣдь это не трудно исполнить—вы богаты и, по всей вѣроятности, разлука съ Межигорскомъ не причинитъ вамъ особыхъ затрудненій и неудобствъ.

— Но я, какъ вамъ извѣстно, Лина, привязанъ здѣсь службою, протестовалъ Юрій Дмитріевичъ,—хлопотать о переводѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ назначенія будетъ крайне неловко; мнѣ несомнѣнно откажутъ, и подобное ходатайство можетъ лишь безполезно компрометтировать мою дальнѣйшую служебную карьеру.

— Развѣ вы ею дорожите болѣе чѣмъ свою честью?

— Честь моя, смѣю васъ увѣрить, не подвержена ни малѣйшей опасности.

— Ну, если ужъ вы и этого не понимаете, я сама избавлю васъ отъ этого печальнаго крушенія. Вы подали мнѣ прекрасный примѣръ быстраго увлеченія сердечныхъ недуговъ, пять лѣтъ тому назадъ; какъ ни трудно—попробую ему послѣдовать... Прощайте!

Она кивнула ему головой и тихо повернула на одну изъ тропинокъ выходившихъ къ опушкѣ.

— Лина, одно только слово, остановилъ онъ ее умоляющимъ, исполненнымъ нѣжности голосомъ,—выслушайте меня хладнокровно прежде нежели мы сдѣлаемся опять совершенно чуждыми другъ другу...

— Что вы еще можете мнѣ сказать? спросила княжна останавливаясь.

— Я люблю васъ, Лина, поймите это, а вы—простите избитость моего сравненія—какъ ребенокъ, игравшій съ огнемъ, испугались перваго ничтожнаго обжога. Теперь вы требуете, повидимому, вполнѣ серіозно чтобъ я уѣхалъ изъ Межигорска, но ради чего же, скажите на милость?! Неужто вы чистосердечно разчитываете что перемѣна мѣста будетъ всесильною панацеей противъ живучести чувства. Но вѣдь мы кажется прожили болѣе пяти лѣтъ въ разлукѣ, по разнымъ концамъ земли, и что же вышло въ результатѣ?

Я силенъ, Лина, и способенъ вынести всякое испытаніе, но можете ли вы поручиться что въ мое отсутствіе ваше чувство не разгорится еще болѣе, и что вы не явитесь сами нѣсколько мѣсяцевъ спустя повторять мнѣ тѣ увѣренія которыя я сегодня повергаю къ вашимъ ногамъ? Истинное чувство, истинная привязанность, Лина, не обставляются никакими условіями потому что они живутъ самопожертвованіемъ. „Любить“ и „вѣрить“, это такія однородныя, неразрывно связанныя понятія что умалить предѣлы одного невозможно безъ ущерба для другаго. Между нами, повторяю еще разъ, нѣтъ никакихъ преградъ кромѣ вашего тревожнаго самолюбія и недовѣрчивости. Отбросьте ихъ какъ докучливые, неумѣстные тормозы, и чувство откроетъ вамъ цѣлый міръ невѣдомаго, неисчерпаемаго блаженства; довѣрьтесь ему, довѣрьтесь мнѣ, готовому купить васъ цѣною собственной жизни...

— Вы только смѣшны, перебила его вся побѣдившая Лина,—совѣтую вамъ избѣгать неудачныхъ повтореній когда будете ухаживать за горничными вашей жены.

И не удостоивая его даже взглядомъ, она спокойно повернула обратно и скоро исчезла въ извилинахъ тропы.

— Благодарю, не ожидалъ, пробормоталъ нѣсколько сконфуженный полковникъ, провожая ее глазами,—конечно, все это смѣшно когда заранѣе извѣстно окончаніе: ей не уйти отъ меня, какъ ни старайся она подыматься на ходули возвышеннаго чувства. Говоря по правдѣ, всѣ эти романтическія выходки нѣсколько начинаютъ отзываться старою дѣвой, хотя и не лишены нѣкоторой своеобразной прелести; впрочемъ, со временемъ можно будетъ все это передѣлать. Лишь бы она только не вздумала проболтаться въ самомъ дѣлѣ Долли или своей матушкѣ; la chose deviendrait moins drôle! Впрочемъ, это невѣроятно, какой ей можетъ быть въ томъ разчетъ... Во всякомъ случаѣ не будемъ торопить событій; patience et longueur de temps font plus que force et courage, заключилъ онъ мысленно любимымъ изреченіемъ одного изъ своихъ гувернеровъ.

И вполнѣ довольный собою, предвкушая уже сладость хотя трудной, но неизбѣжной побѣды, Юрій Дмитріевичъ, закуривъ новую сигару, спустился берегомъ рѣки по направленію къ своей дачѣ.

Княжна Лина между тѣмъ неторопливо возвращалась въ

городъ вдоль одной изъ тѣнистыхъ боковыхъ аллей проложенныхъ по сторонамъ широкой дороги Екатерининскихъ временъ. Не взирая на чувство негодованія, ей вдругъ стало легко, словно какая-то докучная тяжесть свалилась съ плечъ. Счеты съ прошлымъ были окончательно подведены, и ей предстояло лишь исполнить тяжелое рѣшеніе, надуманное въ долгіе дни душевной тревоги. Какъ ни безотрадно казалось ей намѣченное будущее, все жь оно менѣе смущало княжну чѣмъ нравственная разладица послѣднихъ пережитыхъ мѣсяцевъ. Она слишкомъ трезво и недовѣрчиво относилась къ жизни чтобы долго убаюкивать себя неосуществимыми бреднями. Мимолетная вѣра въ Ладожскаго, вспыхнувшая было въ ней, подъ всесогрѣвающимъ сіяніемъ проснувшейся страсти, скоро ломеркла предъ свидѣтельствомъ разсудка. Сквозь восторженныя признанія и безумныя клятвы влюбленнаго красавца порою невольно просвѣчивалъ его холодный, самодовольный эгоизмъ. Всякій намекъ на будущее, всякая попытка княжны перенести въ область возможной дѣйствительности то чувство о которомъ онъ не переставалъ твердить какъ о высшемъ и единственномъ интересѣ бытія исчезали безслѣдно въ громѣ его трескучаго фразерства. Тяжелое сознаніе чего-то недомолвленнаго, неискреннаго, „дѣланнаго“ стало все глубже закрадываться въ ея сердце, по мѣрѣ того какъ Юрій Дмитріевичъ напрягалъ свои старанія чтобы привести ее къ желанной жертвѣ. Пьедесталъ богини, на который онъ ее возносилъ, исходя изъ вычитаннаго гдѣ-то афоризма что лесть всесильна надъ женскимъ сердцемъ,—не столько тѣшилъ самолюбіе Лины, сколько оскорблялъ ея гордость и чувство.

Объятая такими думами, княжна, сама не примѣчая, прошла довольно многолюдную часть города и повернула въ одну изъ тихихъ улицъ недавней расланировки, только еще начинавшихъ обстраиваться. Тутъ она внезапно остановилась и съ нѣкоторымъ изумленіемъ огляделась кругомъ. Новый каменный домъ, краснваго стиля, привлекъ ея вниманіе.

— Здѣсь, проговорила она, словно очнувшись отъ докучнаго сна,—къ чему откладывать?

Рѣшеніе намѣченное въ долгіе часы тяжелаго раздумья безсознательно привело ее сюда.

У подъѣзда Нахимцева силы внезапно ей измѣнили. Она судорожно ухватилась за мѣдную скобку дверей, не чувствуя

силы сразу прижать фарфоровую луговку звонка. Безотчетное чувство стыдливой робости удерживало ее у этого порога, за которымъ между тѣмъ, она знала, встрѣтятъ ее уваженіе и преданность способныя на всякое самоложертвованіе. Принимать, теперь, послѣ всего происшедшаго, еще болѣе удалившаго ее отъ Василія Петровича, хотя бы даже безмолвное выраженіе этихъ чувствъ, этой „вѣры въ нее," казалось ей недостойнымъ обманомъ, а вымолвить чистосердечно всю правду не станетъ силы. Она именно затѣмъ и пришла сюда чтобъ искать спасенія отъ этой несносной „правды", предпочитая въ гордомъ негодованіи казниться ею до конца дней, нежели дѣлиться съ людьми своимъ униженіемъ.

Стукъ приближавшагося экипажа заставилъ ее очнуться. Кто-либо изъ знакомыхъ могъ примѣтить ее у этихъ дверей и разгласить по городу о необъяснимомъ посѣщеніи неженатаго мущины. Пойдутъ безконечные толки и пересуды, дойдетъ до семьи, прійдется сказать правду или изыскивать неправдоподобныя объясненія.

Лина позвонила.

— Дома Василій Петровичъ? спросила она, невольно краснѣя стараго камердинера, повидимому нѣсколько озадаченнаго ея появленіемъ.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, отвѣчалъ тотъ, почтительно пропуская ее впередъ въ распахнутыя двери.

— Доложите Василію Петровичу что мнѣ необходимо повидаться съ нимъ на минуту, по дѣлу, проговорила она нѣсколько рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ.

Камердинеръ провелъ ее въ просторный кабинетъ и послѣшно удалился. Несмотря на чувство неизъяснимой тревоги, путавшей ея мысли, княжна не могла не примѣтить осязательныхъ признаковъ приготовленія къ отъѣзду. Книжные шкафы, наполовину опорожненные; пробѣлы на стѣнахъ отъ снятыхъ картинъ и портретовъ; кипы разбросанной газетной бумаги, вся неуютная безпорядочность покидаемаго гнѣзда.

Василій Петровичъ, провозившійся цѣлое утро съ укладкой библіотеки, едва окончилъ запоздавшій туалетъ когда слуга возвѣстилъ ему о прибытіи княжны.

„Несчастіе въ домѣ," была его первая мысль, и вслѣдъ за охватившимъ его испугомъ, невольно, свѣтлою полосой ворвалось въ душу отрадное сознаніе о томъ что Лина неусомнилась въ его преданности, „повѣрила въ него", иначе онъ

не могъ объяснить себѣ ея появленія. Черезъ пять минутъ онъ былъ подлѣ нея, весь проникнутый какою-то торжественною готовностью совершить самые трудные подвиги, преодолѣть небывалыя препятствія.

— Я къ вамъ по очень важному и совершенно личному дѣлу... рѣшительно проговорила Лина, какъ только онъ вошелъ въ кабинетъ, притворивъ за собою двери.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, княжна, отвѣчалъ онъ, не менѣе ея смущенный, и мысленно укорилъ себя за этотъ отвѣтъ, казавшійся ему почему-то слишкомъ банальнымъ по отношенію къ ней.

— Мнѣ необходимо нужны пятьсотъ рублей... для чего именно—сказать не могу и полагаю что оно для васъ безразлично... Вотъ я и пришла васъ спросить: можете ли вы мнѣ ихъ дать?

Мысли ея путались, каждое произносимое слово жгло языкъ, градинки едва примѣтной испарины выступили на матовой поверхности лба.

— Разумѣется... сію же минуту... подтвердилъ онъ, совершенно убитый ничтожествомъ требуемой ею услуги въ сравненіи съ тѣми подвигами преданности которые начертались въ его воображеніи. „Неужто стоило являться самой за такою бездѣлицей, словно нельзя было прислать записку съ лакеемъ,“ упрекнулъ онъ мысленно Лину подъ гнетомъ наступившаго разочарованія.

— Только я должна васъ предупредить, немилосердно продолжала она,—что возвращеніе этой суммы послѣдуетъ не скоро и по всей вѣроятности малыми частями, такъ что очень можетъ быть пройдетъ года два-три прежде нежели мы совершенно разчитаемся.

— Это будетъ совершенно зависѣть отъ вашего усмотрѣнія, замѣтилъ Нахимцевъ подходящимъ, любезно-дѣловымъ тономъ изъ опасенія ее оскорбить,—и прошу васъ убѣдительно руководиться только вашимъ личнымъ удобствомъ: я, какъ одинокій, настолько ограничевъ въ своихъ потребностяхъ что всегда имѣю возможность располагать нѣкоторыми свободными деньгами, и въ случаѣ еслибъ этихъ пятисотъ рублей оказалось недостаточно... надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ вашемъ дружескомъ довѣріи...

— Благодарствуйте, остановила его Лина,—а заранѣе точно разчитала крайніе предѣлы своей состоятельности и, какъ видите, не задумалась обратиться къ вамъ.

Она попробовала улыбнуться. Василій Петровичъ тревожно всматривался въ ея поблѣднѣвшее, нѣсколько усталое лицо, стараясь разгадать волновавшее ее чувство. Еще никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты домашнихъ затрудненій и безденежья, которыя не всегда оставались для него тайной, Варагины не обращались къ нему за помощью, несмотря на весьма прозрачные намеки съ его стороны о готовности и желаніи имъ служить. Нужно было какое-либо необычайное, выдающееся изъ ряда событіе чтобы побудить гордую, закаленную въ лишеніяхъ княжну Лину поступиться своими завѣтными убѣжденіями и явиться къ нему съ подобною просьбой. Она сама лично едва ли могла нуждаться въ деньгахъ, и если настаивала именно въ этомъ смыслѣ, то, конечно, изъ великодушнаго побужденія охранить достоинство старика-отца, доведшаго семью до нужды своею безалаберностію. Среди такихъ размышленій болѣе всего смущало Нахимцева предположеніе что просимая княжной сравнительно ничтожная сумма окажется недостаточною чтобы выручить, хотя бы даже временно, Варагиныхъ изъ тисковъ тяжелой нужды и не вознаградитъ ту тяжелую жертву которую она теперь приносила. Убѣдить Лину принять болѣе серіозную помощь было трудно. Всякое настояніе въ этомъ смыслѣ могло ей показаться назойливымъ, нескромнымъ, пожалуй даже оскорбительнымъ. Весь складъ ихъ предшествующихъ отношеній претилъ ему въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо выступать изъ роли преданнаго, но благоразумнаго друга, отзывчиваго по мѣрѣ и въ предѣлахъ того насколько желали пользоваться его услугами. Тѣмъ не менѣе онъ отважился еще на послѣднее усиліе...

— У меня совершенно случайно находится подъ рукой небольшая сумма... тысячи двѣ, проговорилъ онъ краснѣя и заикаясь,—эти деньги въ настоящее время мнѣ вовсе не нужны, и если по размышленіи вы бы нашли...

— Василій Петровичъ, перебила его княжна,—мы кажется не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Я уже вамъ сказала что просимая сумма мнѣ необходима для меня самой, причемъ и не скрыла отъ васъ съ какими затрудненіями будетъ сопряжено возвращеніе ея въ будущемъ. Если вы не вѣрите искренности моихъ словъ, значитъ я не въ правѣ воспользоваться услугой, основаніемъ которой можетъ являться только одно довѣріе, такъ какъ иныхъ гарантій я, къ

сожалѣнію, представить не могу. Еще разъ благодарю васъ за добрую готовность мнѣ помочь... я, впрочемъ, ни минуты въ ней не сомнѣвалась... Прощайте!

Она тихо направилась къ дверямъ.

— Княжна, простите меня, бросился онъ къ ней объятый безпредѣльною нѣжностію,—я вовсе не думалъ, не могъ васъ оскорбить, вы вѣдь сами это знаете!

Лина повернулась. Онъ стоялъ предъ ней покорный и смущенный, съ подавленными слезами въ пристально устремленномъ на нее взорѣ, хранившимъ еще слѣдъ безмолвнаго упрека.

— Виновата я, произнесла она дрогнувшимъ голосомъ, протягивая ему руку,—простите!

Онъ побоялся что не выдержитъ и поспѣшилъ удалиться подъ предлогомъ разыскать ключъ отъ несгараемаго шкафчика.

— Благодарю васъ, сказала Лина принимая поданные имъ пятьсотъ рублей,—вы сами не подозрѣваете великаго значенія оказываемой услуги: эти деньги спасутъ доброе имя женщины и спокойствіе честной семьи.

— Тѣмъ глубже остается мнѣ сожалѣть что вы не признаете возможнымъ пріобщить меня въ болѣе серіозныхъ размѣрахъ къ вашему доброму дѣлу, отвѣчалъ онъ, предполагая на этотъ разъ что рѣчь идетъ объ облегченіи какого-либо посторонняго, случайно разысканнаго ею бѣдствія,—деньги тѣмъ только и хороши что позволяютъ иногда дѣйствительно придти на помощь чужому страданію.

Ей невольно припомнилось иное, далеко не схожее заключеніе о всемогущемъ значеніи денегъ какъ орудія для подчиненія людей велѣніямъ своихъ прихотей и капризовъ, слышанное ею не разъ отъ человѣка котораго она и страстно любила и глубоко презирала.

„А счастіе было такъ возможно, такъ близко!..“ невольно повторила она мысленно, и нѣжное умиленіе, послѣ долгихъ дней страданій, упрековъ и злобы, внезапно охватывало все ея существо, подобно сладкой истомѣ выздоровленія. Она сознала что не гордость и не злоба способны дать ей силы для предстоящей тяжелой борьбы съ жизнію, а именно „это другое“ уцѣлѣвшее еще въ глубинѣ души.

— Вы конечно не поставите мнѣ въ укоръ еслибы случилось что смерть лишитъ меня возможности исполнить свое обязательство; въ подобномъ случаѣ, говорю откровенно, деньги ваши безвозвратно пропадутъ.

— Вы разстроены, княжна, проговорилъ Василій Петровичъ, стараясь утаить свое изумленіе: латетическая нотка звучавшая въ ея словахъ такъ мало соотвѣтствовала обычной простотѣ и трезвости ея рѣчи,—къ чему такія мрачныя предположенія! Будемъ надѣяться что мы еще не разъ встрѣтимся въ жизни, и мнѣ доведется порадоваться вида васъ наконецъ вполнѣ спокойною и счастливою... Я еще не уѣзжаю... мы увидимся.

— Да, конечно, подтвердила она крѣпко сжимая его руку,—мы увидимся только не сегодня и не завтра: я буду занята... Прощайте!..

Голосъ ея надломился. Онъ безсознательно задерживалъ ея руку въ своей рукѣ, словно не рѣшаясь выпустить ее за этотъ порогъ, гдѣ они снова станутъ чужими другъ другу. Весь пылъ могучаго, исключительнаго, почти дѣвственнаго чувства, проснулся въ его душѣ, готовый сбросить несносный гнетъ вычурной условности, но воспоминаніе о только-что оказанной услугѣ сдержало налетѣвшій порывъ. Почтительно поцѣловавъ протянутую руку, онъ молча проводилъ ее до подъѣзда.

III.

Дарья Николаевна, недѣлю спустя послѣ своего пріѣзда, все поняла, обо всемъ догадалась. Еще минувшею зимой, во время своей тяжелой болѣзни, заставившей ее непредвидѣнно воспользоваться около шести недѣль гостепріимствомъ Варягиныхъ, она подмѣтила признаки глубокаго чувства таившагося въ сердцѣ княжны. Повѣсть прошлаго не была ей совершенно чужда, какъ увѣрялъ Юрій Дмитріевичъ, и она сознавала себя съ прискорбіемъ невольною виновницей неудавшагося существованія своей кузины, ее неосуществившихся надеждъ. Скорбя о печальномъ ослѣпленіи Лины, застилавшемъ ей возможность дѣйствительнаго, несомнѣннаго счастія съ безгранично преданнымъ и любящимъ ее человѣкомъ, она почитала тогда себя не въ правѣ разоблачать предъ нею нравственное ничтожество Юрія Дмитріевича, еще менѣе предостерегать ее противъ его обычнаго селадонства. Чувство деликатности, какъ по отношенію къ человѣку имя котораго она носила, такъ и къ самой княжнѣ, повелѣвало ей сторониться отъ всякаго вмѣшательства. Она разчитывала

что здравый смыслъ и нравственные устои Лины въ концѣ концовъ восторжествуютъ надъ увлеченіемъ и что волыхнувшая страсть погаснетъ предъ пошлостью того человѣка который способенъ былъ ее раздуть. Вышло совершенно иначе: Дарья Николаевна скоро убѣдилась въ томъ изъ первыхъ своихъ наблюденій по манерѣ и тону своего мужа въ обращеніи съ княжной, по его случайнымъ, умышленно небрежнымъ разговорамъ о ней. Она достаточно изучила измѣнчивую, разчетливо-сухую натуру Юрія Дмитріевича чтобы не ошибаться въ оцѣнкѣ его чувства къ кузинѣ. Капризъ миновалъ подъ вліяніемъ неудачи, и онъ повидимому только и помышлялъ какъ бы расплатиться за него возможно дешевле.

Гораздо труднѣе было проникнуть въ душевный міръ Лины чтобъ убѣдиться, насколько глубокъ и неизгладимъ былъ слѣдъ оставленный тамъ обманомъ и разочарованіемъ. А между тѣмъ такую попытку Дарья Николаевна считала не только дѣломъ дружбы, но и долгомъ совѣсти. Случайное совпаденіе обстоятельствъ осуждало ее можетъ-быть вторично, помимо всякаго участія личной воли, сдѣлаться помѣхой въ достиженіи Линою ея призрачнаго счастія. Ладожская ни на минуту не обманывалась относительно значенія и причинъ демонстративной нѣжности Юрія Дмитріевича и видѣла ихъ послѣдовательную связь съ кончиною князя Мстиславскаго. Съ первыхъ же минутъ свиданія онъ заговорилъ объ этомъ титулѣ, составлявшемъ излюбленный предметъ его давнишнихъ вожделѣній, ради котораго онъ способенъ былъ легкомысленно пожертвовать не только мимолетнымъ капризомъ, но и болѣе серіознымъ чувствомъ. Оставаясь совершенно равнодушною къ мужу, сумѣвшему оскорбить всѣ ея лучшіе и законные женскіе инстинкты, Дарья Николаевна однако никогда не помышляла до сей поры о возможности развода, несмотря на всю легкость съ которою совершались кругомъ ея подобныя сдѣлки. Воспитанная въ правилахъ смиренія и строго христіанской нравственности, она смотрѣла на выпавшую ей долю съ немымъ человѣкомъ какъ на тяжелое предопредѣленіе, и безропотно принимая свой крестъ, считала разводъ дѣломъ грѣховнымъ, несогласнымъ съ ученіемъ церкви и благопристойностью. Она спокойно отреклась отъ помысловъ о личномъ счастіи съ той самой поры какъ Провидѣнію было угодно лишить ея единственной связи способной примирить ее съ недочетами брачной жизни,

и казалось схоронила въ преждевременной могилѣ своей Маниты всѣ свѣтлые инстинкты души, кромѣ безпредѣльной вѣры въ благость Творца и горячаго служенія на пользу ближняго.

Было и еще одно существо котораго участь не могла оставаться для нея безразличною—то былъ Нахимцевъ. Въ правѣ ли она способствовать своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ крушенію его завѣтныхъ надеждъ и упованій? Сердце Лины, испытанное горемъ и обманомъ, могло оцѣнить его преданность, сознать источникъ истиннаго, прочнаго счастія и обратиться къ нему.

Такого рода сомнѣнія долго боролись въ мысляхъ и сердцѣ Дарьи Николаевны прежде чѣмъ она окончательно порѣшила переговорить съ кузиной. Лина подъ предлогомъ домашнихъ хлопотъ и занятій видимо уклонялась отъ частыхъ посѣщеній дачи. Поглощенная своими думами, Ладожская со дня на день откладывала поѣздку въ городъ, пока наконецъ не пришла къ окончательному убѣжденію что откровенное объясненіе съ княжною одно способно опредѣлить послѣдующія событія.

Побывавъ въ соборѣ и подкрѣпивъ свою рѣшимость усердною молитвой, Дарья Николаевна, взглянувъ на часы, сообразила что удобное время для свиданія съ Линой еще не настало. Было только одиннадцать, а княжна, какъ она знала, до самаго завтрака, то-есть до полудня, была занята уроками младшихъ сестеръ и другими многочисленными домашними хлопотами. Признавая совершенно неудобнымъ возбуждать предстоявшій разговоръ съ Линой въ ея собственномъ домѣ, гдѣ ежеминутное появленіе какого-либо изъ членовъ семьи могло помѣшать объясненіямъ и выдать посторонними слѣды ихъ тайны, Дарья Николаевна разчитывала, подъ предлогомъ временнаго одиночества, увезти съ собою княжну на дачу до слѣдующаго дня. Юрій Дмитріевичъ весьма кстати отлучился дня на три въ одинъ изъ эскадроновъ своего полка, расположенный въ верстахъ пятнадцати отъ города, для служебныхъ занятій, такъ что княжнѣ не представлялось повидимому основаній отказаться отъ ея гостепріимства. Возвращаться обратно домой чтобы затѣмъ немного спустя вновь ѣхать въ городъ не стоило труда, и въ добавокъ было бы утомительно для лошадей. Дарья Николаевна предпочла воспользоваться остающимся свободнымъ часомъ для посѣщенія

нѣсколькихъ бѣдняковъ, заявившихъ въ послѣднее время ходатайства о вспомоществованіи. Кстати, ей также нужно было навѣстить и Вострякова. Она до сихъ поръ еще не вручила ему ста рублей полученныхъ отъ щедротъ Ольги Сергѣевны, все надѣясь соединить съ этимъ случайнымъ даромъ болѣе цѣнное для него приношеніе въ видѣ какой-нибудь должности, которая дала бы ему возможность честнаго, трудоваго существованія. Безотрадный отвѣтъ сообщенный наканунѣ княземъ Торжковскимъ, явившимся по порученію Баратынцевой извѣстить Дарью Николаевну о безуспѣшности своего ходатайства предъ управляющимъ акцизными сборами, ставилъ ее въ печальную необходимость не оставлять молодаго человѣка долѣе подъ вліяніемъ призрачныхъ надеждъ. Деньги Ольги Сергѣевны могли оказать ему теперь существенную пользу при направленіи своихъ поисковъ въ другую, можетъ-быть болѣе благопріятную, мѣстность. Она вѣроятно не безъ основаній такъ настаивала на необходимости его отъѣзда, убѣдившись можетъ-быть изъ предшедшихъ опытовъ въ трудности пристроить на казенную службу никому невѣдомаго бѣдняка, при массѣ болѣе благонадежныхъ соискателей.

Востряковъ оказался дома. При появленіи Дарьи Николаевны онъ торопливо отодвинулъ въ сторону какія-то бумаги, и выпрямившись у стола, небрежнымъ движеніемъ головы откинулъ назадъ свои длинные, прямые, жидковатые волосы. Это былъ высокій, худощавый юноша, лѣтъ девятнадцати, хотя на видъ и казался гораздо старше. Впалая грудь и сутуловатость стана портили общее очертаніе его фигуры, не лишенной нѣкотораго природнаго изящества. Одѣтъ онъ былъ въ старое лѣтнее пальто, очевидно случайно пріобрѣтенное, и миткалевую рубаху, русскаго покроя, украшенную безвкусною фабричною вышивкой.

— Не рано ли за работу, Григорій Стелановичъ? привѣтствовала его Дарья Николаевна, подмѣтившая движеніе молодаго человѣка, который повидимому желалъ утаить отъ нея слѣды своихъ занятій,—ваши силы еще далеко не окрѣпли и всякая неосторожность можетъ, по мнѣнію врача, замедлить ихъ возстановленіе. Какъ вы чувствовали себя за это время? Я все откладывала свое посѣщеніе въ надеждѣ привести вамъ добрую вѣсточку.

— Вы право слишкомъ добры, утруждая себя забираться на этотъ чердакъ, желчно улыбнулся Востряковъ,—и еслибъ я не

былъ убѣжденъ въ томъ что для извѣстнаго сорта дамъ благотворительность входитъ въ обязательную программу дневныхъ забавъ, то охотно просилъ бы васъ впредь не стѣсняться.

Дарья Николаевна съ удивленіемъ на него посмотрѣла. Еще и раньше, на первыхъ порахъ знакомства, онъ подчасъ непріятно озадачивалъ ее какимъ-то „дѣланнымъ“, напускнымъ озлобленіемъ, но съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ ея примиряющаго воздѣйствія, подобнаго рода выходки стали повторяться несравненно рѣже. Ей стало неловко, словно она сама была причастна къ тому горю которое зашевелилось у него на сердцѣ. Мысль что вмѣсто давно чаемой существенной помощи ей придется сейчасъ можетъ-быть оскорбить его денежною подачкой, невольно ее страшила. Дерзкія слова юноши произвели на нея совершенно не то дѣйствіе какого по всей вѣроятности онъ самъ отъ нихъ ожидалъ. Ей стало безконечно жаль этой на самомъ разцвѣтѣ выбившейся изъ колеи жизни, и она скорбѣла о своемъ безсиліи зажечь въ его больной душѣ свѣточъ смиренія и вѣры, способный придать силы и твердость въ борьбѣ.

Присѣвъ на деревянный табуретъ, она остановила на насмѣшливо вызывающемъ лицѣ Вострякова свѣтлый, покойный взглядъ своихъ бархатныхъ глазъ и мягко проговорила:—Вы говорите то чего не думаете, Григорій Степановичъ, но дѣло не въ этомъ. Къ крайнему прискорбію, несмотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось пока устроить для васъ что-либо существенное, но вотъ маленькое пособіе... не отъ меня, слѣшила добавить она, примѣтивъ нетерпѣливое движеніе юноши,—которое позволитъ вамъ нѣкоторое время спокойно выжидать событій, если вы заблагоразсудите оставаться въ Межигорскѣ.

Съ этими словами она скромно положила на столикъ у изголовія постели сторублевую ассигнацію.

— Спрячьте эти деньги, глухо произнесъ онъ блѣднѣя,—я уже вамъ сказалъ что не намѣренъ долѣе оставаться на вашемъ иждивеніи. Вы и безъ того достаточно потратили на мое лѣченіе; впрочемъ, это была ваша воля — мнѣ было совершенно безразлично околѣть и въ больницѣ—а теперь я могу работать. Если не можете пріискать мнѣ должности, то я самъ какъ-нибудь постараюсь, а до тѣхъ поръ перебьюсь; благо хозяйка вѣритъ, нужно полагать ради изящныхъ знакомствъ.

Дарья Николаевна, въ виду болѣзненной щепетильности

Вострякова, сумѣла облечь свои благодѣянія въ возможно легкую для его самолюбія форму, и онъ чистосердечно былъ убѣжденъ въ томъ что исключительно обязанъ своимъ настоящимъ благосостояніемъ довѣрію къ нему квартирной хозяйки.

— Увѣряю васъ что эти деньги не мои, повторила Ладожская,—если не вѣрите, я готова подтвердить свои слова клятвой.

Востряковъ удивленно на нее посмотрѣлъ:—Кто же тотъ щедрый благодѣтель котораго я обязанъ благодарить за столь крупную подачку—вашъ супругъ по всей вѣроятности?

— Мой мужъ, простите за откровенность, даже не знаетъ о вашемъ существованіи, замѣтила Дарья Николаевна, желая разрѣшить мучившее его сомнѣніе,—благодарить вамъ никого не придется, но если эти деньги способны будутъ выручить васъ изъ бѣды, то помолитесь за душевный покой страждущей Ольги. Вотъ все что я могу вамъ сказать, не нарушая даннаго обѣщанія.

— Ольги! воскликнулъ Востряковъ, словно ужаленный,—Такъ эта подачка отъ нея?

Дарья Николаевна съ испугомъ глядѣла на его позеленѣвшее, искаженное злобой лицо, стараясь угадать непонятную причину этого внезапнаго волненія, вызваннаго однимъ простымъ именемъ.

— Вы ошибаетесь, попробовала она его успокоить,—эти деньги переданы мнѣ весьма почтенною особой, съ которою едва ли вы имѣли случай встрѣчаться въ жизни.

— Да, вы правы, проговорилъ онъ словно съ усиліемъ,—мы дѣйствительно съ нею не встрѣчались въ жизни, что однако не мѣшаетъ намъ имѣть кое-какіе счеты!.. Я беру эти деньги, добавилъ онъ, захватывая со стола билетъ и судорожно его комкая,—чтобы лично имѣть честь вручить ихъ обратно Ольгѣ Сергѣевнѣ Баратынцевой, супругѣ здѣшняго повелителя, и клянусь что ни ея лакеи, ни прихвостни не помѣшаютъ мнѣ теперь проникнуть въ ея завѣтные чертоги. Расписки, надѣюсь, не потребуете?...

Онъ разразился дикимъ, спазматическимъ хохотомъ, отъ котораго Дарьѣ Николаевнѣ невольно стало холодно и жутко на сердцѣ. Какая-то страшная, постыдная тайна слышалась ей въ нечеловѣческихъ звукахъ вылетавшихъ изъ его надорванной груди, и ей казалось что вотъ-вотъ эта тайна сейчасъ сорвется съ его поблѣднѣвшихъ губъ и обдастъ ее своею жгучею дѣйствительностью.

— Ради Бога, успокойтесь, твердила она почти безсознательно,—ваши силы еще такъ слабы что всякое волненіе можетъ быть гибельнымъ.

Но онъ повидимому былъ уже не въ силахъ справиться съ расходившимися нервами.

— Скажите вы ей это, продолжалъ онъ, преодолѣвая подступавшій комокъ и раздражаясь все болѣе потокомъ собственной рѣчи,—причемъ можете пожалуй добавить что пока она нѣжилась въ шелкахъ и бархатѣ подъ померанцами и миртами своей Плантаціи, ея сынъ валялся въ больницѣ для чернорабочихъ и по всей вѣроятности, для ващаго ея спокойствія, околѣлъ бы уже давно въ сыромъ подвалѣ не прійди вамъ странная фантазія спасать его отъ голоднаго тифа...

— Вы сынъ Ольги Сергѣевны?!...

— Единственный, законнѣйшій, или точнѣе, единственный законный, сострилъ Востряковъ, видимо довольный ошеломляющимъ эффектомъ своего признанія,—такъ какъ былъ прижитъ отъ законнаго супруга, авантажъ которымъ не пользуются мои высоколоставленныя сестрицы, дочки здѣшняго краеправителя.

Дарья Николаевна была окончательно сражена. Все слышанное представлялось ей до того несообразнымъ съ незыблемыми законами начертанными самою природой въ сердцахъ людей что она готова была отнести слова Вострякова ко внезапному рецидиву болѣзни, помутившему разсудокъ молодаго человѣка, еслибы не приломила непонятнаго волненія обнаруженнаго Ольгой Сергѣевной при послѣднемъ свиданіи, когда зашла рѣчь о водвореніи Вострякова въ Межигорскѣ. Прошлое Баратынцевой не было для нея совершенною тайной, но она не подозрѣвала о существованіи этого заброшеннаго сына отъ перваго брака. Еще менѣе могла уложиться въ понятіяхъ молодой женщины возможность полнаго равнодушія матери къ участи своего ребенка, будь даже этотъ ребенокъ обставленъ всѣми благами бытія. Нѣтъ, размышляла она, Вострякову по всей вѣроятности не досказалъ ей послѣдняго слова. Жестокое равнодушіе матери при столь тяжелыхъ обстоятельствахъ если и не оправдывалось, то все-таки должно было имѣть свое начало въ какихъ-либо возмутительныхъ, недостойныхъ дѣяніяхъ съ его стороны. Онъ очевидно дурной, погибшій человѣкъ, недо-

стойный заботы и участія; но прежде нежели отвернуться отъ него, не обязана ли она, Долли, выяснить его намѣренія и разчеты, дабы предупредить тѣ неблаговидные, можетъ-быть даже преступные замыслы для осуществленія коихъ онъ по всей вѣроятности прибылъ въ Межигорскъ?

— Вы ошибаетесь относительно чувствъ Ольги Сергѣевны, замѣтила она. — Она по всей вѣроятности ничего не подозрѣвала о вашемъ печальномъ положеніи, и я имѣю основанія думать что даже самое пребываніе ваше здѣсь для нея пока тайна. Развѣ вы заявляли ей о своемъ пріѣздѣ?

— Болѣзнь захватила меня на первыхъ же дняхъ, а по выходѣ изъ больницы я настолько былъ слабъ что не въ силахъ былъ предпринять отдаленной прогулки въ Плантацію. Только третьяго дня я рѣшился туда отправиться, заявить ей о моемъ существованіи, и меня прогнали какъ бродягу.

— Ольга Сергѣевна послѣднее время очень слаба и ведетъ въ отсутствіи мужа весьма уединенный образъ жизни; очень можетъ быть что прислуга не доложила ей вашей фамиліи, и она отклонила пріемъ полагая что имѣетъ дѣло съ заурядным просителемъ.

— А какъ же объяснить въ такомъ случаѣ присланную мнѣ чрезъ ваше посредство подачку? усмѣхнулся Востряковъ.

— Эти деньги уже нѣсколько дней находились у меня, пояснила Ладожская,—но я промедлила передачею въ надеждѣ сообщить вамъ болѣе утѣшительныя извѣстія по поводу должности которой вы домогались.

— И вы можете дать слово что не называли меня въ своемъ разговорѣ съ нею?

— Нѣтъ, напротивъ, кажется что называла, смутилась Дарья Николаевна, неспособная солгать даже и для благой цѣли,—но это ничего еще не доказываетъ: Ольга Сергѣевна могла недослышать, наконецъ нерѣдко встрѣчаются однофамильцы ничего не имѣющіе между собою общаго.

— Изъ чего слѣдуетъ, тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ заключилъ Востряковъ,—что Mme Баратынцева великодушно раздаетъ по вашему предстательству сторублевые билеты всѣмъ интереснымъ молодымъ людямъ—это не мѣшаетъ распубликовать для всеобщаго свѣдѣнія: охотниковъ по всей вѣроятности найдется не мало!

Дарья Николаевна замѣтила что вступила на ложный путь.

Подобно всѣмъ высокочестнымъ натурамъ она не умѣла хитрить и выдерживать несвойственныя роли.

— Ну, положимъ, рѣшительно заговорила она, словно почувствовавъ себя наконецъ свободною,—что матушкѣ вашей было извѣстно ваше пребываніе здѣсь, развѣ это предположеніе даетъ вамъ право предъявлять къ ней какія-либо требованія, помимо ея собственнаго желанія прійти вамъ на помощь! Мнѣ совершенно неизвѣстны ваши прежнія отношенія къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, но позволяю себѣ думать, если только это не дѣло случая, что она имѣетъ серіозныя причины избѣгать свиданія которое можетъ-быть лишь безполезно бы растравило какія-нибудь старыя раны. Ваша собственная совѣсть лучше всего можетъ вамъ подсказать основательность подобнаго подположенія.

— Предполагайте что хотите, какъ-то устало проговорилъ Востряковъ,—какое мнѣ до того дѣло!

Возбужденіе его казалось совершенно улеглось и уступило мѣсто тупому равнодушію. Опустившись на стулъ, онъ молча уставился на кончики своихъ некрасивыхъ, столтанныхъ салогъ.

— Что же вы думаете предпринять? спросила послѣ нѣкотораго молчанія Дарья Николаевна.

— Что предпринять, повторилъ онъ словно въ раздумьи,—да ничего особеннаго: являюсь съ покорнѣйшею просьбой озаботиться приготовленіемъ моихъ аллартаментовъ въ Плантаціи, а затѣмъ и въ Межигорскомъ дворцѣ, такъ какъ не вижу никакихъ основаній трелаться долѣе по чердакамъ и подваламъ, да по правдѣ и не нахожу въ томъ особенной прелести.

— Но вѣдь это немыслимо, горячо возражала Дарья Николаевна,—Ольга Сергѣевна не можетъ помимо воли своего мужа насильно включить васъ въ свою новую семью, гдѣ вы конечно и сами не пожелаете явиться иначе какъ на правахъ полноправнаго члена.

— Полагаю что не иначе и, кажется, имѣю къ тому нѣкоторыя законныя основанія, усмѣхнулся Востряковъ.

— Дѣло не въ нихъ, а въ нравственномъ началѣ, убѣдительно продолжала Ладожская, рѣшившаяся во что бы ни стало пробудить въ немъ сознаніе собственнаго достоинства и тѣмъ оградить спокойствіе Ольги Сергѣевны отъ угрожавшихъ ему тяжелыхъ усложненій,—конечно, никакія событія не въ силахъ разорвать той живой связи которая соединяетъ васъ съ вашею матерью; но въ правѣ ли вы требовать тѣхъ

же чувствъ отъ ея мужа, постороннаго вамъ человѣка, или отъ сестеръ, хотя и не чуждыхъ вамъ по крови, но до сихъ поръ можетъ-быть не вѣдавшихъ о вашемъ существованіи? А вѣдь безъ совокупности всѣхъ этихъ привязанностей, безъ искреннихъ сердечныхъ отношеній которыя можетъ установить только время, семейная жизнь станетъ невыносимою и вы сами не замедлите скоро убѣдиться въ совершенной невозможности продолжать существованіе среди безконечной фальши. Вотъ приблизительно что̀ ожидаетъ васъ въ случаѣ если заблагоразсудите, пользуясь своимъ правомъ, вступить помимо общаго желанія въ семейство вашей матушки. О тяжести положенія Ольги Сергѣевны вамъ не трудно составить себѣ понятіе: она сдѣлается мученицей въ борьбѣ между своимъ долгомъ по отношенію къ вамъ и не менѣе священными обязанностями къ мужу и дочерямъ...

— Очень можетъ быть, небрежно замѣтилъ Востряковъ,— но для устраненія всѣхъ исчисленныхъ вами неудобствъ есть весьма не хитрый способъ которымъ госпожа Баратынцева легко можетъ воспользоваться.

— Какой же?

— Обезпечить мнѣ средства къ приличному существованію, о чемъ, между прочимъ, ни она, ни супругъ ея никогда не помышляли.

— Развѣ вы когда-нибудь обращались къ нимъ съ подобною просьбой?

— Да, обращался, не къ „нимъ“, а къ „ней“, моей матери, такъ какъ у генерала Баратынцева просить ничего не намѣренъ, и обращался въ такую минуту когда нѣсколько сотъ рублей могли опредѣлить всю мою будущность. Это было минувшею осенью; я только-что перешелъ на послѣдній курсъ и разчитывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ, по окончаніи лагеря, быть выпущеннымъ въ гвардію, послѣ чего конечно требовались нѣкоторыя средства, хотя бы на экипировку и первоначальное обзаведеніе. Я очень хорошо понималъ что не могу разчитывать на многое и потому намѣревался избрать одинъ изъ самыхъ недорогихъ полковъ, лишь бы только отбыть въ строю время необходимое для полученія права поступить въ Академію; но вмѣсто чаемой поддержки мнѣ бросили чрезъ посредство управителя одну жалкую подачку, въ родѣ той которою и теперь желаютъ отъ меня отдѣлаться, съ приличнымъ наставленіемъ по поводу якобы нескромности моихъ притязаній.

— Такъ что вы принуждены были оставить службу? робко спросила Дарья Николаевна, начинавшая уже сожалѣть о послѣшности своихъ невыгодныхъ заключеній насчетъ нравственныхъ качествъ юноши, можетъ-быть только озлобленнаго неудачами и несправедливостью близкихъ.

— Я и не пробовалъ ее начинать, зная навѣрное что путнаго ничего не выйдетъ, и предпочелъ лучше быть выгнаннымъ изъ училища нежели всю жизнь тянуть лямку по захолустьямъ въ какомъ-нибудь лѣхотномъ полку, такъ какъ для поступленія въ кавалерію опять-таки требовались средства.

— И что же вы сдѣлали? невольно вырвалось у Дарьи Николаевны, заинтересованной его разказомъ.

— Ничего особеннаго, продолжалъ Востряковъ, откашливаясь,—побился объ закладъ съ нѣкоторыми товарищами что продѣлаю не хуже любаго наѣздника скачку за оленемъ, которая изображалась въ видѣ новинки въ циркѣ Гинне, ну и въ первое же воскресенье исполнилъ свое намѣреніе.

— Какимъ образомъ?

— Да очень просто: взяли лошадь у барьера, и какъ только закончилось представленіе, я отправился на конюшню и, получивъ за двадцать пять рублей требуемую лошадь, продѣлалъ нѣсколько разъ подъ рядъ всѣ эволюціи по аренѣ и подмосткамъ взадъ и впередъ. Публика еще не успѣла вполнѣ разойтись, такъ что весьма многіе были свидѣтелями моего подвига, въ томъ числѣ нѣсколько высшихъ военныхъ чиновъ, нашедшихъ оный разумѣется не вполнѣ совмѣстимымъ съ достоинствомъ носимаго мною мундира. Дошло до начальства, и я былъ исключенъ за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска.

— Но скажите, какая же цѣль руководила вами при совершеніи такого безразсуднаго поступка, сбившаго васъ съ пути на которомъ повидимому все предвѣщало вамъ отрадную будущность, такъ какъ изо всего слышаннаго я прихожу къ заключенію что вы твердо намѣревались проложить себѣ дорогу трудомъ? неужели случайное горе или разочарованіе способны были убить въ васъ вѣру въ добро, въ свои собственныя силы? неужели кругомъ васъ не было ни одной свѣтлой привязанности, ни одного преданнаго существа, способныхъ поддержать въ минуту колебанія и сомнѣній?

— Нѣтъ, я всѣмъ былъ совершенно чужой. Кое-какіе родные по отцу, люди недостаточные, интересовались мною

весьма мало, да я никогда и не имѣлъ съ ними близкихъ отношеній. Они при всякомъ удобномъ случаѣ, подъ предлогомъ участія, худо отзывались о моей матери, и хотя я совершенно ея не зналъ, но ихъ укоры не могли не оскорблять моего самолюбія...

— Конечно, радостно перебила Дарья Николаевна, — вы безсознательно ее любили...

— Ошибаетесь, холодно возразилъ Востряковъ.—Откуда могла взяться во мнѣ любовь къ женщинѣ бросившей меня какъ щенка и затѣмъ цѣлыя почти двадцать лѣтъ не поинтересовавшейся узнать о моемъ существованіи? Нѣтъ, на такія идеальныя чувства я не способенъ и заѣхалъ сюда вовсе не съ цѣлію расплываться въ нѣжностяхъ. Мнѣ вѣдь тоже хочется жить по-людски, и вотъ я рѣшился, отбросивъ химеры, начать пресловутую „борьбу за существованіе“. Вѣдь глупо же въ самомъ дѣлѣ щеголять безъ сапогъ и въ миткалевой рубахѣ, когда мамаша проживаетъ десятки тысячъ и кушаетъ на серебрѣ!

— У Ольги Сергѣевны, какъ я знаю, нѣтъ ничего своего: все состояніе принадлежитъ Петру Петровичу.

— Не все ли равно, вѣдь для него же она бросила законнаго мужа и сына, такъ пускай онъ и помогаетъ ей расплачиваться за старые грѣхи.

— И вы согласитесь предъявлять ей требованія, станете оцѣнивать и обращать себѣ въ пользу грѣхъ родной матери! съ негодованіемъ воскликнула Дарья Николаевна;—полноте, вы не способны на такую низость, для этого нужно отказаться отъ стыда и совѣсти.

— Допустите что я ихъ утратилъ.

— Нѣтъ, не могу допустить, если только все что мнѣ извѣстно, чему я была свидѣтельницей за послѣднее время, не искусная комедія смыслъ которой мнѣ остался непонятенъ. Вы три мѣсяца боролись съ самыми ужасными лишеніями: лежали въ больницѣ, ходили на непривычную тяжелую работу, глушились всякою посторонней помощью, добиваясь только возможности честнаго труда, и вдругъ, въ противуположность такому избытку самоотверженія и мужества, хищное желаніе наживы, легкаго наслажденія, безцѣльное озлобленіе противъ несчастной женщины, отреченіе отъ всякаго достоинства... Нѣтъ, Григорій Стелановичъ, тутъ что-то да не такъ, и я не могу вамъ вѣрить.

Онъ печально усмѣхнулся и пристально вглядывался въ ея прелестное лицо, оживленное волненіемъ.

— Вы вѣрующая, проговорилъ онъ наконецъ,—слѣдовательно можете допускать возможность чудесъ.

Дарья Николаевна не поняла загадочнаго смысла этихъ словъ и отнесла ихъ къ иронiи.

— Богъ ниспосылаетъ чудеса лишь для блага людей, а не на ихъ погибель, возразила она,—и я горячо возблагодарю Его если мои ничтожныя усилія смогутъ призвать опять въ вашу душу то спокойствіе и свѣтъ правды которые повидимому готовы ее покинуть.

Востряковъ угрюмо молчалъ, но рѣзкая складка, обозначившаяся на его болѣзненно-матовомъ лбѣ, изобличала происходившую въ немъ борьбу.

— Я не желала бы уйти отсюда, Григорій Степановичъ, безъ твердой увѣренности что еще не разъ пожму вашу руку, руку честнаго человѣка, настаивала Дарья Николаевна.

— Будь по вашему, вымолвилъ онъ рѣшительно, словно отгоняя докучливый призракъ и, доставъ изъ кармана скомканную ассигнацію, добавилъ:—потрудитесь вручить обратно эти деньги по принадлежности и успокойте госпожу Баратынцеву насчетъ полнѣйшей безопасности отъ моихъ дальнѣйшихъ посѣщеній. Если мнѣ не удастся пристроиться здѣсь, я прибѣгну къ вашей помощи для снабженія меня необходимою суммой на билетъ третьяго класса до К..., когда-нибудь можетъ Богъ дастъ и сочтемся, а пока мнѣ ничего не нужно: хозяйка по счастію вѣритъ въ долгъ.

Голосъ его дрогнулъ, онъ отвернулся и началъ крутить папиросу, желая скрыть свое волненіе.

Дарьѣ Николаевнѣ самой становилось не подъ силу. Ей хотѣлось въ порывѣ умиленія притянуть къ себѣ эту гордую голову, согрѣть братскимъ поцѣлуемъ это измученное, наболѣвшее сердце, но врожденная сдержанность и женственная стыдливость осилили первое движеніе великодушнаго сердца, и она только крѣпко пожала тонкую, худую руку молодаго человѣка.

— Мы пріищемъ вамъ дѣло, Григорій Степановичъ, Ольга Сергѣевна сумѣетъ понять и оцѣнить по достоинству ваше благородное рѣшеніе, какъ вы сами сумѣете забыть и простить прошлое. Уполномочьте меня переговорить съ ней откровенно.

— Не требуйте невозможнаго, отозвался Востряковъ съ

усталою усмѣшкой,—я отъ этой женщины теперь ничего не могу принять не утративъ окончательно уваженія къ самому себѣ. Не денегъ, не покровительства ея пріѣхалъ я добиваться... о, нѣтъ!... но мнѣ хотѣлось видѣть какъ она станетъ блѣднѣть и дрожать, среди своего счастія и величія, подъ взглядомъ оборванца сына для котораго въ теченіе двадцати лѣтъ не сумѣла, вопреки закону природы, отыскать въ своемъ сухомъ, ислорченномъ сердцѣ, не говорю уже материнскаго, но даже человѣческаго чувства. Я хотѣлъ превратиться въ ту ѣдкую каплю горечи которая до конца дней стала бы отравлять ея счастіе, въ отмстку за мою безвозвратно испорченную, поруганную жизнь; вы спасли ее своимъ заступничествомъ: будь по вашему!

— Несчастный, торжественно произнесла Дарья Николаевна, которой лицо внезапно освѣтилось словно неземнымъ спокойствіемъ,—вы хотѣли карать, забывая что карать можетъ лишь одинъ Богъ, который въ своей благости милуетъ грѣшника. Покайтесь и да очистится сердце ваше! Не злобу и ненависть, а слово любви и утѣшенія должны вы привести вашей несчастной, какъ вы, покинутой матери.

Востряковъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Да, она несчастлива, потому что возлюбила человѣка паче Бога, сотворила себѣ кумиръ и стала рабою своего грѣха, отъ котораго приметъ самую смерть: Баратынцевъ ее больше не любитъ, онъ въ настоящее время странствуетъ по чужимъ краямъ съ другою недостойною женщиной, и она это знаетъ.

— Воздается по дѣламъ, проговорилъ онъ, невольно подчиняясь ея тону.

— Не намъ судить, строго заключила Дарья Николаевна.

IV.

У Варягиныхъ завтракали. Когда Дарья Николаевна вошла въ знакомую читателю столовую, вся семья была въ сборѣ вокругъ длиннаго стола. Княгиня съ неутомимымъ усердіемъ накладывала полныя тарелки тыквенною кашей, до которой мальчики были большіе охотники, между тѣмъ какъ семнадцатилѣтняя княжна Тата, воплощенный Грёзъ, разчетливо распредѣляла остатки вчерашняго жаркаго. Такой необычный порядокъ сразу обратилъ вниманіе Ладожской, хорошо знакомой съ домашними обычаями.

— Я не вижу Лины, спросила она тетку после первых привѣтствій.

— Развѣ она не пріѣхала съ тобой?

— Нѣтъ, мы не встрѣчались.

— Ты стало-быть раньше отпустила ее отъ себя?.. А что Юрій вернулся?

— Лина ко мнѣ сегодня не заѣзжала, пояснила Дарья Николаевна.

— Ma chère, entendons nous, добродушно улыбнулась княгиня,—вѣдь Лина еще въ пятницу вечеромъ отправилась къ тебѣ; надѣюсь, ее не похитили, и ты возвратишь мнѣ ее въ цѣлости.

— Лина уже почти недѣлю ко мнѣ не заглядывала, отвѣчала Дарья Николаевна, — но вы предугадали мои намѣренія, тетя; я дѣйствительно явилась съ цѣлію у васъ ее похитить дня на два, въ надеждѣ что она сама не откажется раздѣлить мое одиночество, такъ какъ Юрій рано утромъ уѣхалъ въ четвертый эскадронъ.

— Послушай, Долли, шутки въ сторону, заговорила княгиня, бѣдняѣя отъ спокойнаго, правдиваго тона племянницы,— гдѣ же въ самомъ дѣлѣ Лина?

Княжны испуганно переглянулись, а мальчики съ любопытствомъ подняли носы отъ своихъ тарелокъ. Одинъ старый князь, нѣсколько туговатый на ухо и къ тому же углубившійся въ операцію крошенія на микроскопическія частички кусочка сыра которымъ намѣревался приправить приготовленныя для него яйца въ смятку, продолжалъ оставаться невозмутимымъ.

— Я вамъ не шутя повторяю, тетя, что мы около недѣли съ ней не видѣлись.

— Mais c'est à perdre la raison, заволновалась княгиня,— третьяго дня вечеромъ Лина намъ объявила что отправляется погостить у тебя на дачѣ, такъ какъ Юрій уѣзжаетъ и ты просила ее провести нѣсколько дней съ тобою, обѣщая прислать экипажъ, но по всей вѣроятности забыла, въ виду чего, не желая откладывать своего намѣренія, она поѣхала на извощикѣ, захвативъ съ собою небольшой чемоданчикъ и дорожный мѣшокъ. Mon Dieu! lui serait'il donc arrivé malheur!

— Voyons, qu'est ce qui est arrivé? pourquoi tout ce vacarme? очнулся и князь, пріостанавливая свое занятіе.

Но княгинѣ было не до него. Въ надеждѣ услышать отъ племянницы какія-либо разъясненія относительно исповат-

наго исчезновенія дочери, она продолжала настаивать на подробностяхъ отъѣзда Лины на дачу.

— Ты вѣдь очень хорошо понимаешь что ей не къ кому было болѣе отправиться на столь продолжительное время, да и наконецъ въ случаѣ перемѣны намѣреній она непремѣнно бы меня извѣстила.

— Вы навѣдывались въ Плантаціи? пришло на мысль Дарьѣ Николаевнѣ.

— Нѣтъ, слохватилась княгиня,—но я не думаю чтобы Лина могла тамъ засидѣться, даже въ случаѣ еслибъ и вздумала заѣхать.

Общаго тревожнаго настроенія не раздѣлялъ лишь старый князь, утверждавшій что все разъяснится само собою и очень просто, такъ какъ on n'etait pas en Calabre и окрестности Межигорска не Абруццы.

— Захотѣлось прокатиться, ну и уѣхала, поясняетъ онъ успокоительно,—а вы ужь готовы создать не вѣсть какой романъ!

Его оптимистическія предположенія однако не оправдались. Порѣшено было въ интимномъ совѣтѣ двухъ женщинъ временно воздержаться отъ какихъ-либо заявленій, способныхъ возбудить непріятную и безцѣльную огласку. Дарья Николаевна приняла на себя поѣздку въ Плантацію, гдѣ появленіе ея какъ обычной посѣтительницы было заурядянымъ явленіемъ, неспособнымъ возбудить подозрѣній, между тѣмъ какъ княгиня подъ какимъ-либо подходящимъ предлогомъ должна была постараться при помощи стараго слуги разыскать извощика отвозившаго княжну въ тотъ вечеръ послѣ котораго она уже не появлялась домой, дабы разузнать отъ него что возможно. Мальчикамъ было вмѣнено въ строжайшую обязанность воздерживаться ото всякихъ разговоровъ съ посторонними о случившемся, впредь до разъясненія. Вечеромъ княгиня условилась пріѣхать къ племянницѣ для взаимнаго обмѣна добытыхъ свѣдѣній, а если представится возможность, то и для дальнѣйшихъ поисковъ.

Но вечеръ не принесъ ничего утѣшительнаго, и собранныя свѣдѣнія лишь еще болѣе затемнили и безъ того загадочное исчезновеніе княжны. Ольга Сергѣевна оказалась погруженною въ глубокую спячку подъ дѣйствіемъ наркотика, такъ что Дарьѣ Николаевнѣ не удалось съ нею повидаться; но изъ осторожныхъ разспросовъ, вызванной ею подъ предлогомъ какого-то порученія, Поли она успѣла убѣдиться что княжна не только не гостила, но и

не появлялась въ Плантаціи. Свѣдѣнія княгини Варягиной имѣли болѣе положительный характеръ; извощикъ отвозившій княжну оказался знакомымъ прислугѣ и на предложенный вопросъ: не вручала ли ему княжна для передачи домой какой-либо записки или карточки, пояснилъ что по прибытіи на станцію Межигорско-Дворѣченской желѣзной дороги княжна разсчитала и отпустила его безо всякаго порученія. Никакихъ сколько-нибудь подходящихъ объясненій, способныхъ освѣтить направленіе и цѣль внезапно предпринятой дочерью таинственной поѣздки княгиня не въ силахъ была подыскать. Измученная въ концѣ сомнѣніями и тревогою дня, она настаивала теперь на безотлагательной необходимости немедленнаго обращенія къ содѣйствію властей.

— Подождите, тетя, послѣ долгаго размышленія возразила Дарья Николаевна,—это крайнее средство никогда отъ насъ не уйдетъ, но въ настоящее время оно по моему мнѣнію или преждевременно, или нѣсколько запоздало. Припомните что Лина уѣхала уже третьи сутки, такъ что остановить ее на пути совершенно немыслимо. Она могла съ тѣхъ поръ давно прибыть къ мѣсту назначенія, могла перемѣнить нѣсколько дорогъ, свернуть въ сторону съ любой изъ промежуточныхъ станцій, пересѣсть на пароходъ и такъ далѣе. Допускать мысль о несчастномъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній: осматривая ея гардеробъ, вы сами замѣтили что Лина заласлась кое-какими вещами и бѣльемъ, очевидно указывающими на намѣреніе довольно продолжительнаго отсутствія. Для двухдневнаго пребыванія на дачѣ такая запасливость оказалась бы по малой мѣрѣ излишнею, и свидѣтельство отвозившаго ее извощика не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно ея отъѣзда. Лина безъ особенно серіозныхъ мотивовъ никогда не рѣшилась бы безъ вашего вѣдома и согласія отлучиться изъ города, даже въ недальнюю поѣздку: она слишкомъ серіозна и положительна чтобы допустить возможность легкомысленнаго увлеченія какимъ-либо фантастическимъ, внезапнымъ капризомъ; слѣдовательно отъѣздъ ея есть результатъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Соображая все это, невольно приходится размыслить: не повредимъ ли мы ей самой неизбѣжною оглаской, сопряженною съ формальными розысками. Если вы признаете непремѣнно необходимымъ тотчасъ же обратиться къ посторонней помощи, то не лучше ли прежде попытаться найти ее въ человѣкѣ, преданность и скромность коего выше

всякихъ сомнѣній; онъ можетъ-быть скорѣе насъ сумѣетъ подыскать ключъ загадки и укажетъ практическій способъ дѣйствія.

— Ты говоришь о своемъ мужѣ?

— Я говорю о Нахимцевѣ, невольно смутилась Дарья Николаевна,—Юрій едва ли намъ можетъ быть полезенъ въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ нѣкоторыхъ возраженій княгиня одобрила такую мысль.

— Напиши ему что онъ намъ очень нуженъ, sans pourtant rien préciser, по всей вѣроятности онъ теперь дома и не замедлитъ явиться.

— Я прикажу заложить коляску; что же касается записки, то вы потрудитесь сами ему написать. Мои отношенія съ Василіемъ Петровичемъ, къ сожалѣнію, такъ не близки что я не считаю себя въ правѣ требовать отъ него своимъ именемъ какой-либо услуги.

— Да вѣдь онъ твой старый знакомый.

— Онъ зналъ меня еще дѣвушкой, я цѣлые три мѣсяца почти ежедневно встрѣчалась съ нимъ въ *** когда гостила тамъ съ покойною матушкой у тети Идельсдорфъ, гдѣ онъ считался своимъ человѣкомъ. Это было въ тотъ самый годъ когда я познакомилась съ Юріемъ. Минувшею осенью мы совершенно неожиданно столкнулись здѣсь, у васъ, послѣ слишкомъ пятилѣтней разлуки, и я искренно радовалась возможности установить болѣе близкія отношенія съ человѣкомъ который мнѣ всегда былъ весьма симпатиченъ, но къ сожалѣнію со времени своего возвращенія изъ-за границы онъ старательно отклонялъ всякаго рода устныя и письменныя приглашенія, такъ что я съ грустію отказалась отъ надежды заманить его къ себѣ.

— Il ne faut pas lui en vouloir, снисходительно замѣтила княгиня,—онъ совершенно удалился отъ здѣшняго общества послѣ всей этой гадкой интриги, разсорившей его съ Баратынцевымъ.

— Я слишкомъ убѣждена въ чувствахъ справедливости Василія Петровича чтобы допустить съ его стороны возможность логоловнаго обвиненія, тѣмъ болѣе что въ то время когда вся эта исторія разыгрывалась, мы съ мужемъ даже еще и не подозрѣвали что судьба перенесетъ насъ въ Межигорскъ.

— Et puis les peines de coeur, поправилась княгиня съ

глубокимъ вздохомъ,—ты вѣдь знаешь о его давнишней, неизмѣнной привязанности къ Линѣ...

— Конечно, перебила Дарья Николаевна, подвигая теткѣ бюваръ и чернильницу,—иначе я не смѣла бы и предлагать вамъ обратиться къ его совѣтамъ.

Спустя три четверти часа Нахимцевъ сидѣлъ въ гостиной Дарьи Николаевны. Выслушавъ внимательно повѣствованіе княгини о непонятномъ исчезновеніи Лины, онъ, противъ ожиданія Ладожской, не обнаружилъ ни изумленія, ни особой тревоги. По его мнѣнію, самый отъѣздъ княжны устранялъ всякія опасенія малодушной попытки покончить съ жизнью. Опредѣлить въ точности обстоятельства побудившія ее удалиться отъ близкихъ онъ де конечно не можетъ, не имѣя никакихъ данныхъ объ интимной жизни княжны и ея душевномъ состояніи за послѣднее время, но насколько можетъ заключать изъ общаго склада ея характера, столь крайнее рѣшеніе могло послѣдовать лишь подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго аффекта.

— Тутъ кроется или самоложертвованіе, или глубоко оскорбленная гордость возвышенной, знающей себѣ цѣну души; ищите на этой почвѣ: вамъ, какъ ближайшей свидѣтельницѣ повседневной жизни княжны, легче уловить каждый выдающійся признакъ, заключилъ онъ свои выводы,—моя роль болѣе скромная, хотя можетъ-быть и не менѣе сложная: помогать вамъ въ розыскахъ княжны, лишь только вы придете къ какому-либо заключенію относительно ихъ направленія.

Спокойная, убѣжденная рѣчь Василія Петровича, послѣдовательность его выводовъ и ясность заключеній нѣсколько ободрили княгиню. Она мало-по-малу укрѣплялась въ сознаніи что Лина осталась жива и невредима, можетъ быть даже вскорѣ будетъ ей возвращена, но руководящія данныя требуемыя Нахимцевымъ приводили ее въ совершенный тупикъ. Бѣдная княгиня не отличалась тонкою наблюдательностію, и притомъ княжна Лина уже такъ давно освоилась съ полнѣйшею самостоятельностью что требовать отъ нея какихъ-либо отчетовъ матери никогда не приходило въ голову. Самоотверженіе, оскорбленная гордость возвышенной души, про которыя уломянулъ Василій Петровичъ, всѣ эти необычайные термины звучали для нея какъ-то странно и неловятно въ примѣненіи къ мирной прозѣ давно сложившейся въ опредѣленныя формы домашней жизни. „Lina n'était jamais

romanesque", размышляла она, усиливаясь разобраться въ хаосѣ своихъ мыслей, „да и съ кѣмъ тутъ возможно предположить романъ: Юрій—женатый и родственникъ, притомъ отношенія къ нему Лины были всегда слишкомъ откровенны чтобы допустить возможность чувства, не говоря уже о томъ qu'il était un homme bien né—слѣдовательно джентльменъ не способный безцѣльно увлечь дѣвушку своего круга; развѣ что самъ онъ, Нахимцевъ..." Но тутъ княгиня спохватилась что забрела слишкомъ далеко въ своихъ предположеніяхъ и уже ровно ничего не могла подыскать сколько-нибудь подходящаго.

Въ головѣ ея неясно шевелилось воспоминаніе о какомъ-то лабиринтѣ, изъ котораго древній герой, Тезей или Персей — она хорошо не помнила, никакъ не выбрался бы на свѣтъ Божій безъ спасительной Аріадниной нити, и княгинѣ казалось что она внезапно попала въ этотъ самый лабиринтъ и потеряла пресловутый клубокъ, такъ что никогда не сможетъ выбраться изъ потемокъ.

— Лина все лѣто, сколько я припоминаю, была совершенно спокойна, можно даже сказать, оживленнѣе обыкновеннаго, заговорила наконецъ неувѣренно княгиня,— я рѣшительно ничего не замѣчала въ ней особеннаго; впрочемъ, твой мужъ, добродушно обратилась она къ Дарьѣ Николаевнѣ,—ближе чѣмъ кто-либо можетъ подтвердить основательность моихъ наблюденій: они почти всѣ вечера проводили вмѣстѣ въ кавалькадахъ и прогулкахъ за городомъ.

Нервная судорга пробѣжала по лицу Василія Петровича; онъ слегка поблѣднѣлъ, между тѣмъ какъ яркая краска выступила на лицѣ Дарьи Николаевны.

— Юрій не наблюдателенъ, прервала она налетѣвшее неловкое молчаніе,—и намъ кажется будетъ удобнѣе обходиться безъ его помощи. Не то чтобъ я не довѣряла его скромности и преданности, спѣшила она поправиться,—но чѣмъ менѣе будетъ посвященныхъ, тѣмъ крѣпче останется ваша тайна.

— Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, замѣтилъ Нахимцевъ;—кромѣ личныхъ чувствъ любви и преданности, побуждающихъ насъ напрягать всѣ возможныя усилія къ разысканію княжны, мы должны остерегаться нанести необдуманнымъ образомъ дѣйствій ущербъ ея собственнымъ, безъ сомнѣнія весьма серіознымъ, интересамъ и разчетамъ. Если Александра Павловна отважилась на столь тяжелый исходъ, то конечно не безъ вѣскихъ къ тому основаній.

„Какъ онъ ее любитъ: не можетъ повидимому допустить мысли о какомъ-либо пятнышкѣ въ своемъ солнцѣ!“ подумала Дарья Николаевна.—Я то же самое говорила тетушкѣ предъ вашимъ прибытіемъ, добавила она вслухъ.

Княгиня, утомленная тревогами, стала собираться въ обратный путь.

— Подвезти васъ? предложила она Нахимцеву.

— Весьма благодаренъ, я предпочитаю вернуться пѣшкомъ, отвѣтилъ онъ, встрѣтивъ многозначительный взглядъ хозяйки дома, приглашавшій его остаться.

При разставаніи порѣшили общимъ совѣтомъ всемѣрно охранять тайну загадочнаго исчезновенія княжны, внезапный отъѣздъ которой условились объяснять опасною болѣзнью близкой пріятельницы, одной изъ дочерей леди Фицъ-Роджерсъ, будто бы заявившей настоятельное желаніе имѣть подлѣ себя преданную подругу на все время предписанной врачами поѣздки въ Сицилію, благо тамъ навѣрное ни у кого не разыщется знакомыхъ. Порядокъ и направленіе розысковъ долженъ былъ окончательно установить Василій Петровичъ, потребовавшій нѣсколько дней для необходимыхъ соображеній.

— Вѣрьте въ него, онъ такъ ее любитъ, шепнула Дарья Николаевна, прощаясь съ теткой.

Проводивъ княгиню и вернувшись въ небольшой кабинетъ-гостиную, гдѣ ожидалъ ее Нахимцевъ, Ладожская нашла Василія Петровича повидимому совершенно спокойнымъ; только взглядъ его свѣтился лихорадочнымъ блескомъ, обличавшимъ душевную тревогу.

— Присядьте, Василій Петровичъ, намъ еще кое о чемъ придется перетолковать, пригласила Ладожская, примѣтивъ его выжидательную позу.

— Вамъ что-нибудь извѣстно по поводу отъѣзда княжны, спросилъ онъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ,—какія внезапныя усложненія могли побудить ее оставить родительскій домъ, скрыться бѣгствомъ? потому что вѣдь это бѣгство, не такъ ли? сама княгиня повидимому примиряется съ этимъ предположеніемъ?

— Я почти ежедневно видѣлась съ Линой, за исключеніемъ послѣдней недѣли, отвѣчала она, — и никакой ощутительной перемѣны не примѣчала. Поводовъ къ изліяніямъ не представлялось, да и насколько я знаю Лину, она до нихъ не охотница. Это натура цѣльная, замкнутая, странное сочетаніе

ангельской доброты съ сатанинскою гордостію. Она способна скорѣе разбиться о препятствія нежели лопти избитою тропой; въ ней все своеобразно, измѣнчиво, все въ движеніи, словно клокочущая лава. Вотъ какъ я ее понимаю. Что̀ касается тайныхъ мотивовъ ея странной рѣшимости, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе; тутъ кроется по всей вѣроятности и самоотверженіе, и оскорбленная гордость, съ примѣсью пожалуй разочарованія и презрѣнія.

— Въ чемъ же и къ кому? спросилъ онъ недоумѣвая.

— Если возьмемъ за исходную точку чувство, спокойно продолжала Дарья Николаевна,—то возможно допустить что какъ то, такъ и другое явились его послѣдствіемъ.

— Вы стало-быть предполагаете что княжна полюбила человѣка недостойнаго, и рѣшилась побороть свое чувство въ добровольной разлукѣ? Но въ такомъ случаѣ къ чему это загадочное бѣгство?

— Василій Петровичъ, поспѣшила заключить Дарья Николаевна, опасавшаяся оскорбить его полною искренностью,—въ области предположеній, конечно, все возможно, даже самое неправдоподобное, но едва ли они облегчатъ намъ достиженіе желанной цѣли. Строго говоря, мы съ вами, „вѣруя въ Лину“, не должны допытываться ея тайны — пускай она остается при ней какъ она повидимому того желаетъ. Наша задача, насколько я понимаю, клонится къ тому чтобъ уберечь и спасти Лину, если еще представляется возможность, отъ нея самой, возвратить спокойствіе почтенной семьѣ. Въ этихъ предѣлахъ я почту за счастіе быть вамъ помощницей и слугою. Располагайте мною какъ и когда хотите, если думаете что я способна принести вамъ пользу; я всею душой предана Линѣ и явлюсь по первому зову.

— Вы правы какъ всегда; благодарю за урокъ который вполнѣ заслужилъ своимъ маловѣріемъ, проговорилъ онъ, почтительно наклоняясь,—не вмѣните въ вину эту невольную оплошность.

— Это вовсе не урокъ, Василій Петровичъ, ласково проговорила Дарья Наколаевна,—я думала вашими собственными мыслями, тѣми мыслями которыми только и можетъ жить истинное, высокое чувство.

Онъ горячо ложалъ ея руку въ порывѣ безпредѣльной признательности.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Д. ПОЗНЯКЪ.

НОВАЯ КНИГА О РУССКОЙ АРМІИ

Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Выпускъ первый. *Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію* (1756—1757 года). Генеральнаго штаба полковника Масловскаго. Москва. 1886.

Данный историческій трудъ предпринятъ авторомъ, помимо научныхъ интересовъ, и въ виду требованій на военно-историческія изслѣдованія предъявленныя самою жизнью. Въ военныхъ училищахъ введенъ курсъ русской военной исторіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней, прохожденіе коего имѣетъ своею задачей „раскрыть предъ будущими офицерами русской арміи, въ живыхъ, увлекательныхъ образахъ, оказанныя услуги сею арміей, приводившею въ исполненіе предначертанія ея Вѣнценосныхъ Вождей; изученіемъ образцовыхъ примѣровъ способствовать развитію въ обучающихся стойкости характера, самоотверженія, храбрости, настойчивости въ стремленіи къ достиженію разъ поставленной цѣли. Наконецъ, систематическое прохожденіе курса военной исторіи признано необходимымъ „какъ потому что офицеру русской арміи слѣдуетъ знать его прожитое прошлое, такъ и потому что столь необходимая для воина любовь къ военной службѣ болѣе всего укрѣпляется и развивается въ учащихся изъ ясно и правильно сознаннаго значенія великихъ заслугъ арміи на пользу ея отечества и почетнаго званія воина". Не можетъ быть сомнѣнія что столь важныя цѣли преподаванія могутъ быть достигнуты только въ томъ случаѣ если исторія отечественныхъ войнъ будетъ разработана съ должною полнотой, чего до сихъ поръ мы еще не видимъ.

Въ особенности это справедливо относительно войнъ веденныхъ Россіей въ XVIII столѣтіи. Обстоятельно изслѣдованы только выдающіяся изъ операцій русскихъ войскъ и тѣ изъ образцовъ искусства великихъ полководцевъ XVIII вѣка которые черезчуръ рѣзко бросались въ глаза.

Въ настоящее время возникаетъ совершенно особый отдѣлъ военно-исторической литературы—исторія полковъ. Важное воспитательное значеніе трудовъ подобнаго рода несомнѣнно; но чтобъ исторіи полковъ отвѣчали такому своему назначенію, въ основу ихъ долженъ быть положенъ строго критически провѣренный матеріалъ который могутъ дать только спеціальныя военноисторическія изслѣдованія. Наконецъ, исторіи отечественныхъ войнъ должно быть отведено видное мѣсто и въ вопросѣ о самообразованіи офицеровъ.

Изъ числа войнъ веденныхъ Россіей въ XVIII столѣтіи, война съ великимъ полководцемъ прошлаго вѣка — Фридрихомъ Великимъ—должна занимать первенствующее мѣсто. Мы въ правѣ ожидать что исторія этой войны представляетъ хорошій воспитательный матеріалъ. Между тѣмъ, если вѣрить общему отзыву историковъ судившихъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну, то періодъ ея есть скорѣе отрицательно поучительный. Въ самомъ дѣлѣ, чему могутъ научиться въ положительномъ смыслѣ воспитанники военныхъ училищъ и офицеры если выводы историковъ сводятся къ тому что „русская армія, забывъ уроки Вѣнценоснаго учителя, возвратилась къ преданіямъ старины, стропилась на манеръ побѣждаемыхъ Турокъ“; что „прежняя строгая, даже суровая дисциплина уступила мѣсто азіятской необузданности“; что побѣды надъ Фридрихомъ „одержаны были какъ бы невзначай“. Что̀ должны отмѣтить, на основаніи тѣхъ же выводовъ историковъ, составители полковыхъ хроникъ, какъ не полный упадокъ внутренняго порядка въ рядахъ ихъ однополчанъ, грѣша при этомъ тою несообразностію что такая деморализованная армія одерживала побѣды надъ войсками, предводимыми великимъ полководцемъ?

Взгляды на дѣйствія русской арміи въ Семилѣтнюю войну, подобные сейчасъ приведенному, мы встрѣчаемъ какъ въ военной литературѣ, такъ и въ трудахъ по политической исторіи Россіи. Всѣ писатели занимавшіеся исторіей Семилѣтней

войны согласны въ своихъ выводахъ, характеризующихъ нашу армію и ея главнокомандующихъ съ возможно худшей стороны. Такъ Соловьевъ въ XXIV томѣ *Исторіи Россіи* (стр. 414), обобщая причины нашихъ стратегическихъ неудачъ въ Семилѣтнюю войну, говоритъ: „тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній; война производилась первобытнымъ способомъ: войско входило въ непріятельскую землю, дралось со встрѣтившимся непріятелемъ и осенью уходило назадъ".

Семевскій посвятилъ исторіи Семилѣтней войны рядъ статей подъ заглавіемъ: *Противники Фридриха Великаго. Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ.* Въ этихъ статьяхъ авторъ собственно разсматриваетъ вопросы касающіеся внутренней политики Россіи за періодъ съ 1756 по 1763 годъ; военныхъ же дѣйствій Русско-Прусской войны онъ касается лишь настолько насколько нужно разъяснить причины вызвавшія отступленіе Апраксина. Въ этомъ случаѣ г. Семевскій повторяетъ ошибку другихъ историковъ, объяснявшихъ причину отступленія Апраксина тѣмъ что онъ получилъ отъ канцлера Бестужева извѣстіе о болѣзни императрицы. Связь же между полученіемъ этого извѣстія и отступленіемъ Апраксина г. Семевскій объясняетъ тѣмъ что Бестужевъ питалъ дерзкій замыселъ устранить отъ престола Петра и возвести на престолъ малютку Павла подъ регентствомъ его матери; для осуществленія этого замысла онъ вступилъ въ сдѣлку съ главнокомандующимъ Апраксинымъ. Такимъ образомъ, г. Семевскій объясняетъ отступленіе русской арміи измѣной Апраксина. Но такъ какъ рѣшеніе объ отступленіи было принято на военномъ совѣтѣ, то историкъ обвиняетъ всѣхъ совѣтниковъ Апраксина въ недостаткѣ гражданскаго мужества. По его мнѣнію, члены совѣта, боясь силы главнокомандующаго, не смѣли заявить свое мнѣніе, совѣтывали то что было угодно Апраксину и противно интересамъ и чести арміи.

Кромѣ названныхъ нами статей, г. Семевскій заявилъ свой взглядъ на дѣйствія русской арміи въ Семилѣтнюю войну изданіемъ записокъ А. Т. Болотова. Въ предисловіи къ этимъ запискамъ, наполненнымъ обвиненіями противъ начальствовавшихъ лицъ арміи и нареканіями на поведеніе войскъ, г. Семевскій называетъ записки однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній нашей исторической литературы, автора же ихъ считаетъ представителемъ лучшихъ русскихъ людей прошлаго

столѣтія, человѣкомъ проникнутымъ любовью къ правдѣ и дорогому отечеству.

Впрочемъ, подобный приговоръ писателей занимающихся политическою исторіей Россіи не удивителенъ, если и военно-историческіе изслѣдователи свидѣтельствуютъ то же самое, только еще въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ. Глиноецкій, напримѣръ, въ своемъ сочиненіи: *Исторія русскаго генеральнаго штаба*, говоритъ: „военныя дѣйствія, какъ извѣстно, велись въ теченіе почти всей Семилѣтней войны съ изумительнымъ безпорядкомъ, при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ здравыхъ понятій о военномъ дѣлѣ".

Такимъ образомъ, наиболѣе авторитетные историки произнесли роковой приговоръ о внутреннемъ порядкѣ въ русской арміи во время Семилѣтней войны, о способностяхъ главнокомандующихъ, о состояніи военнаго искусства въ царствованіе Елисаветы.

Между тѣмъ, критическій разборъ трудовъ историковъ трактовавшихъ объ участіи русской арміи въ Семилѣтней войнѣ даетъ много данныхъ заподозрить правильность установившагося взгляда на русскую армію въ Семилѣтнюю войну. Прежде всего, мы для изученія Русско-Прусской войны 1756—1763 годовъ имѣемъ только массу необработанныхъ архивныхъ матеріаловъ. Казалось бы что при этихъ условіяхъ исторія не имѣетъ данныхъ для общихъ, а тѣмъ болѣе для крайнихъ приговоровъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну; на самомъ же дѣлѣ въ уломянутыхъ трудахъ мы встрѣчаемъ только самые рѣшительные готовые выводы. Выводы эти по большей части не подкрѣпляются ссылкой на документы; напротивъ, документы первостепенной важности или совсѣмъ не затронуты, или изъ этихъ документовъ взяты отрывочныя выдержки, безо всякой оцѣнки съ военно-исторической точки зрѣнія. Такое отношеніе къ документамъ вызвало грубыя ошибки, которыхъ не чуждъ даже профессоръ Соловьевъ.

Записки очевидца А. Т. Болотова признаны всѣми историками, за исключеніемъ Соловьева, за цѣнный источникъ для очерка дѣйствія нашихъ войскъ въ Пруссіи. Значеніе записокъ очевидца обусловливается, во-первыхъ, нравственными достоинствами автора, которому приходится вѣрить на слово, во-вторыхъ, компетентностью автора въ вопросахъ военнаго дѣла и, въ-третьихъ, положеніемъ автора

въ арміи, которое даетъ возможность судить, насколько авторъ былъ освѣдомленъ относительно всего происходившаго. Записки А. Т. Болотова до сихъ поръ не были подвергнуты критическому разсмотрѣнію съ точки зрѣнія указанныхъ требованій, которыя должны быть предъявлены къ запискамъ очевидца военно-историческихъ событій. Писатели придававшіе такое значеніе запискамъ А. Т. Болотова, говоритъ полковникъ Масловскій, какъ бы рады были что реальные выводы Болотова освобождали ихъ отъ сложной работы критическаго анализа фактовъ.

Наконецъ, бросается глаза некомпетентность историковъ въ вопросахъ военной исторіи. Послѣдняя имѣетъ рядъ своихъ пріемовъ для рѣшенія вопросовъ военнаго дѣла. Этими пріемами историки писавшіе о Русско-Прусской войнѣ 1756—1763 годовъ или совсѣмъ не пользуются, или пользуются не умѣло.

Вотъ главныя основанія которыя побудили полковника Масловскаго обратиться къ изученію архивныхъ матеріаловъ дабы по нимъ воспроизвести факты касающіеся участія русской арміи въ Семилѣтней войнѣ, и тѣмъ нѣсколько поштатнуть направильно сложившійся взглядъ на дѣйствія русскихъ войскъ въ эту войну. Какъ видно изъ приложеннаго къ разсматриваемому сочиненію перечня дѣлъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба, Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ (Московскаго), Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба, авторомъ изучена масса документовъ относящихся въ Семилѣтней войнѣ. Результатомъ этого изученія явился разсматриваемый трудъ, посвященный походу Апраксина въ Восточную Пруссію и составляющій первый выпускъ обширнаго изслѣдованія *Русская армія въ Семилѣтнюю войну*. По признанію самого автора, масса документовъ съ которыми ему пришлось ознакомиться, чтобы возстановить факты въ ихъ настоящемъ видѣ, сильно затрудняла работу. Мы, со своей стороны, замѣтимъ что черезъ это возрасло и достоинство его труда. Серіозное сочиненіе полковника Масловскаго рисуетъ состояніе военнаго искусства въ Россіи въ эпоху Семилѣтней войны совершенно въ иномъ свѣтѣ чѣмъ оно представлялось до сихъ поръ. Мы надѣемся что появленіе этого сочиненія, всецѣло основаннаго на архивныхъ документахъ, пріостановитъ распространеніе общеизвѣстныхъ, недостаточно обоснованныхъ выводовъ прежнихъ изслѣдователей.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ трудъ полковника Масловскаго, какъ спеціальное изслѣдованіе, не найдетъ себѣ обширнаго круга читателей. Поэтому, въ интересахъ распространенія данныхъ добытыхъ этимъ изслѣдованіемъ, мы изложимъ походъ Апраксина въ Восточную Пруссію въ томъ видѣ какъ онъ вытекаетъ изъ изслѣдованія полковника Масловскаго.

Вполнѣ справедливо разсуждая что для надлежащей оцѣнки дѣйствій нашей арміи въ Семилѣтнюю Войну необходимо разсмотрѣть, насколько подготовила почву для операцій войскъ дипломатія, насколько она облегчила задачу главнокомандующаго, авторъ предпосылаетъ описанію похода Апраксина главу содержащую очеркъ политической обстановки предшествовавшей объявленію войны. Уже во время Войны за Австрійское наслѣдство, направленіе русской политики выяснилось какъ враждебное Фридриху II. Руководители нашей политики сознавали опасность для интересовъ Россіи отъ возрастающаго могущества Пруссіи и ставили своею цѣлью ослабленіе этого могущества. Но для достиженія этой государственной цѣли былъ избранъ ложный путь. Политика канцлера Бестужева имѣла одну важную особенность: онъ считалъ возможнымъ осуществить государственныя цѣли Россіи успѣхами другихъ армій враждебныхъ Пруссіи. Поэтому для ослабленія Пруссіи онъ считалъ достаточнымъ заключеніе союза съ Англіей, которой Россія за военное вознагражденіе обязывалась помогать тридцатью-сорока тысячами войска въ случаѣ нападенія Фридриха II на Англію. Усыпленная такимъ направленіемъ политики, Военная коллегія, ожидавшая только экспедиціи вспомогательнаго отряда, не принимала никакихъ мѣръ на случай войны съ первою арміей того времени. Русскія войска были разбросаны по всей Имперіи и совершенно неукомплектованы. 1 февраля 1756 года трактатъ съ Англіей былъ ратификованъ, а 4 числа въ Петербургѣ узнали о заключенномъ Англіей и Пруссіей Вестминстерскомъ трактатѣ, которымъ разбивались всѣ предположенія Бестужева. Теперь за ошибку канцлера должна была расплачиваться русская армія. Были приняты мѣры для приведенія ея въ порядокъ, но новыя ошибки канцлера не дали возможности арміи изготовиться. Первою такою ошибкой мы должны признать предоставленіе права завѣдывать дѣлами и управлять дѣйствіями арміи Конференціи учрежденной по проекту

Бестужева въ 1756 году. Дѣятельность этой Конференціи такъ тѣсно связана съ ходомъ военныхъ дѣйствій что мы посвятимъ нѣсколько словъ этому учрежденію. Канцлеръ находилъ что всѣ вопросы сопряженные съ управленіемъ и операціями арміи въ 55.000 человѣкъ могутъ быть удовлетворительно разрѣшены только коммиссіей подъ личнымъ руководствомъ императрицы. Эта же коммиссія должна была вѣдать и вопросы внѣшней политики и направлять сообразно съ положеніемъ ихъ дѣйствія арміи. Для объединенія дѣлъ „политики и войны“ и была учреждена Конференція, которая приняла на себя веденіе стратегическихъ операцій. Главнокомандующій былъ всецѣло подчиненъ Конференціи. Вредныя послѣдствія такого подчиненія главнокомандующаго учрежденію вѣдавшему дѣла издалека неисчислимы.

Когда англо-русскій союзъ не состоялся, Россія заключила союзный договоръ съ Австріей, которымъ оба государства обязывались вести наступательную войну противъ Фридриха II. Этимъ договоромъ и мѣрами принятыми Конференціей для приведенія арміи въ порядокъ въ значительной степени исправлялись промахи Бестужева. Другая ошибка Бестужева, которая губительно отозвалась на боевой готовности нашей арміи, состояла въ излишнемъ подчиненіи австрійской дипломатіи. Когда Австрія, не довѣряя Россіи, заявила въ концѣ мая 1756 года что она этимъ лѣтомъ не можетъ начать войны и потребовала прекращенія военныхъ приготовленій, Конференція распорядилась прекратить приготовленія въ самое удобное для того время. 2 сентября въ Петербургѣ было получено извѣстіе о начатіи Фридрихомъ II военныхъ дѣйствій противъ Австріи, а 5 октября главнокомандующему Апраксину дано было повелѣніе двинуться къ прусскимъ границамъ. Такимъ образомъ неподготовленная армія оказалась лицомъ къ лицу съ первою арміей того времени, предводимою великимъ полководцемъ. Ясно что дѣятельность дипломатіи не только не облегчила задачу арміи и главнокомандующаго, но напротивъ, затруднила положеніе первой тѣмъ что лишила ее возможности своевременно приготовиться къ войнѣ, а положеніе главнокомандующаго—тѣмъ что связала ему руки, подчинивъ его Конференціи.

Въ половинѣ сентября 1756 года Апраксинъ принялъ командованіе арміей при слѣдующей неблагопріятной обстановкѣ. Противъ сорока тысячъ, коими располагалъ въ Восточной

Пруссіи Фридрихъ II, Апраксинъ могъ выставить только 25тысячный корпусъ Лопухина, безъ полевой артиллеріи и безо всякихъ средствъ которыя обезпечивали бы довольствіе войскъ при наступательныхъ операціяхъ къ Нѣману. Военно-статистическихъ свѣдѣній о Литвѣ, Польшѣ и Пруссіи не было; денегъ въ распоряженіи главнокомандующаго всего было 500.000. 5 октября Апраксину дана была инструкція Конференціи обязывавшая его двинуться къ предѣламъ Пруссіи. Эта инструкція хорошо характеризуетъ распоряженія Конференціи. Руководясь ею, русской арміи слѣдовало бы въ одно и то же время и идти, и стоять на мѣстѣ, и брать крѣпости, и не отдаляться отъ границы; одно только строго опредѣлено: обо всемъ рапортовать и ждать наставительныхъ указовъ отъ Конференціи. Не успѣлъ еще главнокомандующій прибыть къ арміи, какъ новыми рескриптами Конференція предписала ему открыть немедленно кампанію въ виду извѣстій о намѣреніи Фридриха II занять Курляндію. Апраксинъ, имѣя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи прусской арміи и сознавая гибельныя послѣдствія зимняго похода съ несформированною арміей, съ полнымъ самоотверженіемъ воспротивился требованію Конференціи.

Только къ концу января 1757 года военный совѣтъ выработалъ основныя черты плана кампаніи. Въ виду неуспѣшнаго хода заготовленія запасовъ въ Литвѣ, а также весенней распутицы, рѣшено было вступить въ Пруссію только въ маѣ и начать операціи, ближайшею цѣлью которыхъ было занятіе Кенигсберга. Для облегченія этой задачи другой отрядъ, подъ начальствомъ Фермора, долженъ былъ одновременно со вступленіемъ главныхъ силъ въ Пруссію приступить къ осадѣ Мемеля. Этотъ планъ кампаніи дополнялся слѣдующимъ планомъ довольствія войскъ, который распадался на четыре хозяйственныя операціи: 1) устройство магазиновъ на Двинѣ и по верхнему теченію Двѣпра; 2) устройство проходныхъ магазиновъ при слѣдованіи войскъ отъ Двины и Двѣпра къ Нѣману; 3) устройство магазиновъ по Нѣману и его притокамъ; 4) довольствіе войскъ при концентрическомъ наступленіи отъ Нѣмана къ Кенигсбергу.

Веденіе военныхъ дѣйствій въ Восточной Пруссіи Фридрихъ II всецѣло предоставилъ фельдмаршалу Левальду, давъ ему инструкцію дѣйствовать оборонительно. Въ концѣ апрѣля 1757 года Левальдъ съ 40.000 войска расположился между

Тильзитомъ, Инстербургомъ и Норденбургомъ, имѣя главныя силы у Инстербурга. Въ это время главныя силы арміи Апраксина еще только сосредоточивались на линіи Западной Двины. Въ концѣ апрѣля колонна русскихъ войскъ заняла Ковно, гдѣ назначенъ былъ общій сборный пунктъ арміи. Апраксинъ избралъ путь на Ковно вмѣсто кратчайшаго пути на Тильзитъ-Кенигсбергъ, руководясь необходимостью сосредоточить армію, разбросанную по теченію Западной Двины и въ верховьяхъ Днѣпра, неудобствомъ мѣстности восточнѣе Куришъ-гафа и возможностью довольствовать войска заготовленными въ Литвѣ запасами. Въ теченіе всей зимы 1756—57 года довольствіе арміи было вполнѣ обезпечено, такъ что первая изъ указанныхъ хозяйственныхъ операцій была исполнена вполнѣ удовлетворительно. Въ началѣ іюня главныя силы русской арміи заняли Ковно, а въ концѣ этого мѣсяца войска вспомогательнаго отряда заняли Мемель. Во время слѣдованія къ Ковно войска не встрѣчали недостатка въ довольствіи. Но съ прибытіемъ въ Ковно обнаружилась ошибочность разчетовъ на которыхъ былъ основанъ планъ дальнѣйшаго довольствія по сосредоточеніи войскъ на Нѣманѣ. Прежде всего, въ магазинахъ на правой сторонѣ Нѣмана запасы не могли быть собраны въ назначенномъ количествѣ по недостатку ихъ въ краѣ. Вовторыхъ, при операціяхъ на Кенигсбергъ имѣли въ виду пользоваться въ самой широкой степени рѣчными линіями для подвоза запасовъ. Но сначала сплавъ затруднялся недостаткомъ судовъ на правыхъ притокахъ Нѣмана, а затѣмъ, послѣ спаденія водъ, и совсѣмъ прекратился по мелководью. Неуспѣшность заготовленія запасовъ начала обнаруживаться еще въ мартѣ 1757, и въ виду этого планъ кампаніи былъ дополненъ тѣмъ что ревельской эскадрѣ предписана была блокада Пилау и рѣшено было воспользоваться Куришъ-гафомъ для сплава запасовъ въ Кенигсбергъ. Для этой цѣли назначена была особая эскадра Синявина. Если такимъ образомъ третья хозяйственная операція была не вполнѣ исполнена, то осуществить четвеотую оказалось рѣшительно невозможнымъ. По прибытіи въ Ковно главнокомандующій распорядился устроить для довольствія войскъ по пути ихъ слѣдованія до прусскихъ границъ на лѣвомъ берегу Нѣмана проходные магазины, пополняя ихъ запасами съ подрядовъ. Но подрядчики не доставили въ назначенные пункты ни одного зерна, и потому пришлось

подвозить запасы за арміей изъ Ковно и Гродно на подводахъ. Въ половинѣ іюня главныя силы русской арміи переправились черезъ Нѣманъ у Ковно и пошли къ Инстербургу, гдѣ были расположены главныя силы Левальда. Фермору предписано было какъ можно скорѣе занять Тильзитъ, оставивъ въ Мемелѣ отрядъ, который предназначался для посадки на суда. Этотъ отрядъ имѣлъ своимъ назначеніемъ занять Лабіау и такимъ образомъ сдѣлать Куришъ-гафъ доступнымъ для доставки запасовъ. Изъ конницы пришедшей съ верховьевъ Днѣпра и сосредоточенной въ Гродно былъ образованъ летучій отрядъ подъ начальствомъ генерала Сибильскаго; этотъ отрядъ имѣлъ своимъ назначеніемъ дѣйствовать въ тылу арміи Левальда чтобы безпокоить постоянно непріятеля и заставить его раздѣлить свои силы. Въ случаѣ же отступленія Левальда изъ Пруссіи, отрядъ Сибильскаго долженъ былъ не допускать его переправы черезъ Вислу. Такой планъ дѣйствій принятый Апраксинымъ ставилъ армію Левальда въ крайне невыгодное положеніе по отношенію къ его сообщеніямъ какъ съ Вислою, такъ и съ Кенигсбергомъ. Левальдъ началъ сильно безпокоиться за свои сообщенія, за Лабіау, за возможность занятія Русскими Кенигсберга. Поэтому онъ рѣшился оставить Инстербургъ и отступить къ Велау, гдѣ и сосредоточилъ свою армію къ половинѣ іюля. Между тѣмъ 20 іюля Фермором былъ занятъ Тильзитъ, а 21 іюля главныя силы Апраксина перешли границу и вступили въ предѣлы Пруссіи. Вскорѣ былъ занятъ и Инстербургъ, гдѣ армія Апраксина соединилась со вспомогательнымъ отрядомъ Фермора. Сюда же прибылъ и отрядъ Сибильскаго, которому по не вполнѣ выяснившимся причинамъ пришлось отказаться отъ исполненія указанныхъ ему операцій.

По мѣрѣ движенія арміи къ Велау подвозъ запасовъ становился все болѣе затруднительнымъ. Поэтому рѣшено было отказаться отъ доставки запасовъ изъ Ковно и Гродно, а устроить магазины въ Тильзитѣ, куда запасы могли быть сплавляемы изъ Мемеля по Нѣману. Этою перемѣной путь для подвоза къ арміи запасовъ интендантскими транспортами уменьшался вдвое, втрое. Но несмотря на то что сплавъ запасовъ по Нѣману былъ порученъ знаменитому въ послѣдствіи Суворову, запасы „по неспособности рѣки“ не могли быть доставлены изъ Мемеля въ Тильзитъ и пришлось снова

съ великими трудностями доставлять ихъ изъ Ковно. Надежда на установленіе сообщенія по Куришъ-гафу также не осуществилась, частію по мелководію залива для нашихъ судовъ, частію по тому что берега его были заняты войсками и вооруженными жителями. Армія была обезпечена провіантомъ только до 1 сентября; запасы же сѣна и овса окончательно истощились.

Между тѣмъ Левальдъ сильно укрѣпилъ занятыя имъ позиціи у Велау и разчитывалъ заставить нашу армію атаковать этотъ рядъ позицій. При такихъ условіяхъ Апраксинъ рѣшилъ перемѣнить операціонную линію и движеніемъ къ Алленбургу обойти непріятеля. Это движеніе русской арміи угрожало сообщеніямъ Левальда съ Кенигсбергомъ, обязывало его покинуть укрѣпленныя позиціи и принять бой при невыгодныхъ для прусской арміи условіяхъ. Кромѣ того, новое направленіе операціонной линіи гораздо болѣе обезпечивало русскую армію фуражомъ, крайній недостатокъ коего грозилъ полнымъ разстройствомъ конницы. Когда обходъ былъ обнаруженъ, Левальдъ, вполнѣ вѣрно оцѣнившій обстановку, тотчасъ же рѣшился оставить рядъ укрѣпленныхъ позицій и атаковать Русскихъ. 17 августа прусская армія расположилась верстахъ въ семи-восьми отъ нашихъ войскъ за лѣсомъ, а 18го Левальдъ произвелъ усиленную рекогносцировку съ цѣлью узнать расположеніе русскихъ войскъ. На основаніи добытыхъ данныхъ было рѣшено 12 августа съ разсвѣтомъ атаковать нашу армію. Между тѣмъ, въ нашей главной квартирѣ не подозрѣвали присутствія за лѣсомъ всѣхъ силъ Левальда, а потому наша армія готовилась 12 числа продолжать наступленіе на Алленбургъ. Всѣ войска были раздѣлены на двѣ колонны, которыя должны были слѣдовать по двумъ рядомъ лежащимъ дорогамъ. Въ составъ правой колонны входила дивизія Фермора и половина дивизіи Броуна; въ составъ второй—дивизія Лопухина и остальная часть дивизіи Броуна. 19 августа, въ то время когда обѣ колонны готовились къ походу, прусская армія неожиданно атаковала Русскихъ. Русскія войска должны были выстраиваться подъ огнемъ непріятеля, причемъ между дивизіей Лопухина и Фермора образовался перерывъ, который не ускользнулъ отъ вниманія Левальда. Съ цѣлью прорвать центръ нашихъ войскъ онъ направилъ сюда главныя силы, которыя охватили правый флангъ дивизіи Лопухина. Послѣ упорнаго сопротивленія

войска праваго фланга стали въ безпорядкѣ отступать въ находившійся позади ихъ лѣсъ. Въ дополненіе къ этому смертельная рана и плѣнъ генерала Лопухина грозили разстройствомъ всей его дивизіи. Въ это время находившійся позади лѣса резервъ, неизвѣстно по чьему приказанію, пробрался черезъ лѣсъ и ударилъ во флангъ прусскихъ войскъ, обошедшихъ правый флангъ дивизіи Лопухина. Произошла жаркая схватка, окончившаяся безпорядочнымъ бѣгствомъ прусскихъ войскъ. Въ это время и дивизія Фермора отразила нападеніе направленныхъ противъ нея силъ. Вотъ самые существенные моменты Гросъ-Егерсдорфскаго боя. Разбитая прусская армія отступила почти безъ преслѣдованія къ Таплау. Русская же армія послѣ Гроссъ-Егерсдорфскаго боя заняла Алленбургъ, который и былъ конечнымъ пунктомъ наступательныхъ операцій Апраксина. Положеніе побѣдителей было очень затруднительно. Это сознавалъ прусскій главнокомандующій, а потому, укрѣпившись на новой позиціи и пополнивъ потери, спокойно готовился къ рѣшительному бою. Наканунѣ Гросъ-Егерсдорфскаго боя прибылъ къ русской арміи послѣдній транспортъ, который обезпечивалъ продовольствіе арміи до 8 сентября. Овса же и сѣна совсѣмъ не было, отчего конскій составъ арміи совсѣмъ разстроился. Апраксину предстояло выбирать одно изъ двухъ: атаковать непріятеля на новой позиціи и въ лучшемъ случаѣ по занятіи Кенигсберга остаться безъ хлѣба, или отступить. Замѣтимъ что шансовъ на побѣду теперь было меньше, такъ какъ непріятель успѣлъ оправиться отъ пораженія, русская же армія была ослаблена походомъ и недостаткомъ фуража. Эту дилемму Апраксинъ и предложилъ на рѣшеніе военнаго совѣта 27 августа. Военный совѣтъ рѣшилъ отступить къ Тильзиту и, обезпечивъ себя довольствіемъ, снова начать наступленіе въ ту же осень, занять Лабіау и тѣмъ обезпечить подвозъ запасовъ моремъ. Это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, и 12 сентября наша армія вступила въ Тильзитъ, а на другой день въ окрестностяхъ его появились и прусскія войска. Но остаться и оборонять Тильзитъ было невозможно опять-таки по недостатку продовольствія, такъ какъ сплавъ изъ Мемеля былъ невозможенъ „по неспособности рѣки“, а сплавъ сверху былъ опасенъ по близости непріятеля. Апраксинъ отступилъ на Мемель, и въ началѣ октября армія расположилась на зимнихъ квартирахъ въ Курляндіи,

по Балтійскому побережью. Этимъ отступленіемъ главнокомандующій исполнялъ свою священную обязанность сохранить армію и дать ей возможность оправиться.

Но отступленіе арміи не соотвѣтствовало намѣреніямъ нашей дипломатіи. Бестужевъ поторопился дать обѣщаніе союзнымъ державамъ что армія Апраксина, запасшись въ Тильзитѣ провіантомъ, снова перейдетъ въ наступленіе. Естественно что разъ союзнымъ дворамъ было дано столь торжественное и опредѣленное обѣщаніе, Бестужеву ничего не оставалось болѣе какъ требовать во что бы то ни стало перехода нашей арміи въ наступленіе. Въ такомъ смыслѣ и посланъ былъ главнокомандующему рескриптъ Конференціи, который обсуждался на военномъ совѣтѣ въ то время когда конница была уже распущена, а армія, бросивъ массу повозокъ и часть имущества, подходила къ Мемелю. Къ великой чести русскаго генералитета и главнокомандующаго, интересы арміи и успѣхъ операцій для нихъ былъ дороже всего. Военный совѣтъ категорически отвѣтилъ что предписываемаго сдѣлать невозможно, а главнокомандующій со своей стороны доносилъ что исполненіе предписанія Конференціи будетъ гибельно для арміи. Но въ глазахъ Конференціи подобные аргументы были не уважительны. Новымъ рескриптомъ за подписью самой императрицы предписано было занять Пруссію и атаковать Левальда. По обсужденіи этого рескрипта военный совѣтъ постановилъ что исполнить предписаннаго невозможно, не рискуя гибелью арміи отъ голода и непріятеля; къ этому заявленію генералы присовокупили что въ случаѣ повелѣнія императрицы они готовы засвидѣтельствовать эту невозможность „положеніемъ своего живота“, и заявили глубокую скорбь по поводу недовѣрія къ нимъ монарха. При такихъ условіяхъ, очевидно, обѣщанія данныя дипломатіей союзнымъ дворамъ не могли быть исполнены. Чтобы выйти изъ неловкаго положенія и хотя нѣсколько удовлетворить союзниковъ, рѣшено было отнять у Апраксина командываніе арміей, передавъ его Фермору. Затѣмъ Апраксинъ былъ преданъ суду, состоя подъ коимъ онъ и умеръ въ ту минуту когда (говорятъ) ему имѣли въ виду объявить оправданіе. Вотъ въ какомъ свѣтѣ является исторія похода Апраксина, изложенная на основаніи архивныхъ данныхъ. Разсмотрѣніе всѣхъ операцій съ начала до конца похода показываетъ что главною причиной стратегической неудачи Русскихъ былъ

недостатокъ продовольствія, зависѣвшій отъ неправильной организаціи подвозовъ за арміей отъ Нѣмана. Главнокомандующій принялъ всѣ мѣры для подвоза запасовъ съ Нѣмана интендантскими транспортами и не упускалъ случая заподряжать припасы на лѣвомъ берегу Нѣмана. Если ему это не удалось, винить его за это нельзя. Если и въ настоящее время организація сбора запасовъ и порядокъ устройства общеармейскаго обоза изъ обывательскихъ подводъ остаются новостью, вопросомъ почти совсѣмъ не затронутымъ, то, конечно, военная исторія не можетъ упрекать Апраксина и его штабъ. Возстановленіе обстановки въ которой находился главнокомандующій само собою устраняетъ обвиненіе Апраксина въ измѣнѣ и снимаетъ съ него наименованіе „бездарности". Неизвѣстно, какъ бы поступилъ въ данномъ случаѣ геній, но несомнѣнно что Апраксинъ сдѣлалъ все что̀ возможно было для обыкновеннаго смертнаго въ подобно́мъ положеніи. Равнымъ образомъ возстановленіе всѣхъ фактовъ похода Апраксина по архивнымъ документамъ снимаетъ и съ арміи тѣ нареканія которыя она будто бы заслужила своимъ поведеніемъ. Вообще мы думаемъ что изслѣдованіемъ полковника Масловскаго снимается съ похода Апраксина тяжкій приговоръ историковъ, тяготѣвшій надъ нимъ до сихъ поръ, и этотъ походъ найдетъ себѣ мѣсто въ ряду не безславныхъ, какъ прежде, а почетныхъ операцій русской арміи.

Е. В.

О ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССІИ

Нѣдра Россіи изобилуютъ золотомъ; оно находится у насъ и въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ, и въ розсыпяхъ на Уралѣ, въ Алтайскихъ горахъ, на Кавказѣ, въ Туркестанскомъ краѣ, также въ Лапландіи и въ Тиманскихъ горахъ. Между тѣмъ Россія страдаетъ отъ недостатка золота; для открытія размѣна кредитныхъ билетовъ ей необходимо пополнить металлическій фондъ и имѣть твердую опору въ энергическомъ развитіи отечественнаго золотаго промысла. Но наши законы касающіеся этой промышленности не опредѣляютъ достаточно строгой охраны, а слѣдовательно и не установляютъ надлежащаго наблюденія за интересами государства, не обусловливаютъ достаточно правильнаго хода золотопромышленнаго дѣла и не возлагаютъ цѣлесообразныхъ обязанностей ни на золотопромышленниковъ, ни на контролирующихъ ихъ дѣйствія чиновниковъ: короче, у насъ допущена хищническая разработка пріисковъ.

Правительство уклонилось отъ собственной разработки розсыпей, увлеченное существовавшимъ въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ общимъ стремленіемъ передачи казенныхъ работъ въ частныя руки; въ число этихъ работъ попали и золотые казенные пріиски, несмотря на то что они

отличались сравнительно громадною доходностью. Между тѣмъ, при суровости климата и отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, число частныхъ лицъ серіозно занимающихся добываніемъ золота очень ограничено сравнительно съ тѣмъ которое, при извѣстныхъ мѣрахъ, могло бы быть привлечено къ такому выгодному промыслу какова у насъ добываніе золота промывкой золотоносныхъ лесковъ. Вотъ почему изъ золотыхъ пріисковъ, уже заявленныхъ предпринимателями, весьма многіе не разрабатываются, а для систематическихъ развѣдокъ новыхъ мѣсторожденій золота, даже въ мѣстахъ обѣщающихъ обильную добычу, появляется очень мало людей со средствами.

Во всемъ этомъ не трудно убѣдиться по тѣмъ даннымъ которыя, послѣ всесторонняго изученія вопроса спеціалистами горнаго дѣла, опубликованы въ *Горномъ Журналѣ* и въ отдѣльно изданныхъ трудахъ инженеровъ Боголюбскаго, Карлинскаго, Ковригина, Полетики и Кашменскаго, S*, Каллена и др. Не желая быть голословными, приводимъ здѣсь выписки.

а) Изъ статьи *Горнаго Журнала* за 1880 годъ, подъ заглавіемъ „О податяхъ съ золотаго промысла“, S*:

Стр. 6. „Капитальныхъ поисковъ въ Якутской области еще не было; *всѣ тамошнія открытія залежей золота были только счастливыми случайностями*, а отнюдь не систематическими и долговременными изысканіями. Для поисковъ въ Якутской области золота есть много тяжелыхъ условій, вслѣдствіе которыхъ капиталисты обѣгаютъ этотъ край, посылая поиски въ другія мѣстности, имѣющія относительно легкія условія разработки розсыпей и требующія для открытія въ нихъ золота несравненно меньшаго времени и меньшей затраты капитала, хотя притомъ, нужно сказать, къ сожалѣнію упускаютъ изъ виду что такого гигантскаго богатства какое встрѣчается въ розсыпяхъ Якутской области еще нигдѣ не встрѣчалось. Къ тому же наши капиталисты еще не знаютъ что поиски золота въ Якутской области какъ скоро они при знаніи и при достаточныхъ средствахъ, поведутся систематически, непрерывно и правильно, всегда увѣнчаются успѣхами, чего относительно нѣкоторыхъ другихъ системъ съ такою положительностію утверждать нельзя.“

Стр. 9. „Теперь мы нерѣдко встрѣчаемъ что богатый золотопромышленникъ, владѣющій, напримѣръ, тридцатью

пріисками, работаетъ одинъ и много два пріиска; изъ остальныхъ 28 знаетъ, да и то не подробно и не безъ ошибки, еще одинъ и много два пріиска; объ остальныхъ же онъ и не думаетъ."

Стр. 13. „Часто весь золотопромышленный узелъ лопадаетъ въ одной рукѣ, которыя, разрабатывая только два пріиска, остальные 15—30 пріисковъ не только оставляютъ безъ разработки, но даже безъ развѣдки цѣлые десятки лѣтъ; между тѣмъ въ такихъ пріискахъ бываютъ нерѣдко скрыты значительныя количества золота, остающагося на долгія времена мертвымъ капиталомъ, что особенно чувствительно для настоящаго времени, когда въ золотѣ такъ сильно нуждается Россія."

б) Изъ сочиненій Боголюбскаго *Золото, его запасы и добыча 1877 года:*

Стр. 52. „О нахожденіи золота въ Гороблагодатскомъ округѣ за послѣднее время, *когда онъ сталъ разрабатываться частными лицами*, нѣтъ никакихъ свѣдѣній: гдѣ, кто и какъ работаетъ, неизвѣстно. Между тѣмъ Гороблагодатскій округъ, изобилующій разнообразными рудами и металлами, заслуживаетъ подробнаго изученія его минеральныхъ богатствъ. Положеніе округа среди многихъ казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ заводовъ даетъ возможность снабжать его всѣми необходимыми инструментами и машинами дешевле чѣмъ Богословскій округъ, который лежитъ вдали отъ дѣйствующихъ заводовъ и не имѣетъ хорошихъ путей сообщенія."

Стр. 61. „Вообще говоря, добыча золота въ Уральскихъ округахъ была для государства чрезвычайно прибыльною. Золотые пріиски доставляли золото съ выгодой почти на 142%. Въ ряду статей государственнаго бюджета за прежніе годы, доходъ съ Уральскихъ розсыпей является весьма значительнымъ, когда *золото добывалось съ прибылью* больше чѣмъ *рубль на рубль*. Послѣ этого, конечно, никто не усомнится въ пользѣ разработки казной золотыхъ пріисковъ, имѣющей цѣлью реализацію государственныхъ кредитныхъ бумагъ золотомъ изъ розсыпей и рудниковъ.

„Меньшую производительность золота на частныхъ пріискахъ можно объяснить только неломѣрнымъ развитіемъ *старательскихъ* работъ. Многіе обѣднѣвшіе владѣльцы заводовъ и золотопромышленники, не имѣя возможности сами разрабатывать золото въ своихъ розсыпяхъ, отдавали ихъ въ

аренду съ платой полудно, или прямо покупали золото золотниками."

Стр. 128. „Промывка на большихъ приборахъ, напримѣръ, на чашахъ и особенно на бочкахъ, выгоднѣе всѣхъ остальныхъ машинъ, которыя почти всѣ требуютъ *вдвое* болѣе прислуги для протирки лесковъ и уборки хвостовъ, эфеля и гальки."

Стр. 130. „По добычѣ лесковъ и золота Амурскій округъ стоитъ выше всѣхъ: съ 1868 года пріиски Верхне-Амурской Компаніи являются образцовыми, по порядку и благоустройству въ нихъ поддерживаемымъ, для всѣхъ пріисковъ. Принявъ 38½ куб. саж. лесковъ добываемыхъ въ Амурскомъ округѣ за норму промывки одного рабочаго, мы увидимъ какую громадную недоработку въ добычѣ золота представляютъ всѣ остальные округа Россійской Имперіи. Дѣйствительно, хотя въ Амурскомъ округѣ отношеніе торфовъ къ пескамъ 1:1, но за то здѣсь климатъ допускаетъ промывку только въ теченіе 100—120 дней, тогда какъ въ другихъ пріискахъ, хотя толщина торфовъ въ 1½ или два раза больше толщины лесковъ, но промывка тамъ можетъ идти въ теченіе 150—180 дней въ году. Эти условія взаимно уравниваются, слѣдовательно остаются *неумѣлость* или *недостатокъ капитала* препятствующіе вести промывку золота правильно, на хорошихъ машинахъ и въ большемъ видѣ. Средняя добыча лесковъ на одного рабочаго во всѣхъ округахъ Имперіи равняется 15,05 куб. саж., при средней промывкѣ лесковъ 1.000.000 куб. саж.; если же добыча лесковъ въ Россіи повсюду достигала бы до 38½ куб. саж. на одного рабочаго, то можно было бы выработать болѣе 2.500.000 куб. саж. и, при нынѣшнемъ содержаніи золота, добывать 5.000 пуд., а при вдвое меньшемъ— 2.500 пуд. Слѣдовательно, недоработка лесковъ и золота составляетъ 60% возможной выработки золота въ Россіи при нынѣшнихъ условіяхъ."

Стр. 131. „Можно навѣрное сказать что *при промывкѣ теряется золотой пыли ровно столько же сколько добывается золота*: поэтому въ Россіи на 67.112½ * пудовъ шлихового золота унесено въ Сѣверный и Восточный Океаны столько же золотой пыли."

---

* Авторъ говоритъ о количествѣ золота добытаго по 1887 годъ.

в) Изъ *Доклада П. С. Кашленскаго Обществу для Содѣйствія Русской Торговлѣ и Промышленности:*

Стр. 7. „Мы видимъ что изъ открытыхъ казной 2.313 золотыхъ пріисковъ, 1.315, то-есть *болѣе половины, не разрабатываются,* или иначе, они признаются недостаточно выгодными къ разработкѣ мѣстными золотопромышленниками, *при* ихъ *разъединенныхъ*, разрозненныхъ, *незначительныхъ капиталахъ.* Несомнѣнно что послѣдняя причина является самою существенною и дѣйствительною. Изъ данныхъ Горнаго Департамента мы видимъ, напримѣръ, что въ Олекминскомъ округѣ средняя цифра вырабатываемаго золота на разрабатывающихся пріискахъ составляетъ 3 зол. 14$^{3}/_{4}$ долей, и несмотря на это, *изъ 326 пріисковъ разрабатываются всего 48, а 278 не разрабатываются; три золотника 14$^{3}/_{4}$* долей золота на 100 пудовъ песку средняя цифра при которой промышленникъ въ силахъ со своими средствами добывать золото. Или въ Амурскомъ округѣ, гдѣ изъ 48 пріисковъ 37 не разрабатываются, средняя составляетъ 1 золотникъ 23$^{3}/_{4}$ доли. Намъ положительно извѣстно что въ Амурской области и на Олекмѣ есть розсыпи содержащія *отъ 1 до 1$^{1}/_{2}$ золотн.* во 100 пуд. песку, и не разрабатываются, считаясь бѣдными. *На Уралѣ и въ Западной Сибири рѣдкая долина не содержитъ въ себѣ отъ 10 до 15 долей золота во 100 пуд. песку.*

„*Въ Америкѣ* и *Австраліи* золотодобывательныя компаніи *находятъ* возможнымъ организовать добываніе и *выгодно разрабатывать, совершенно въ другихъ, отдаленныхъ мѣстностяхъ, розсыпи съ содержаніемъ 6 долей во 100 пудахъ песка.* Прибавьте къ этому что цѣнность поденнаго труда въ Америкѣ низшая 3$^{1}/_{2}$ доллара, то-есть 4 р. 50 к., тогда какъ у насъ она едва ли достигаетъ до 2 руб. *, и мы не въ силахъ разрабатывать розсыпи съ содержаніемъ отъ 100 до 150 долей золота. Въ Америкѣ и Австраліи дѣло это является совершенно свободнымъ, вызывая, какъ и всякая промышленность, свободную конкурренцію, результатомъ которой явились *чрезвычайныя техническія усовершенствованія въ способахъ добыванія; образовались громадныя капитальныя компаніи, не считающія рискомъ затратить десятки милліоновъ на устройство удобныхъ сообщеній и всевозможныхъ техническихъ приспособленій.*

* Въ настоящее время произошло всеобщее повышеніе цѣнъ на рабочія руки какъ въ Сибири, такъ и въ Америкѣ.

Существуютъ компаніи не только для добыванія золота, но и побочныя, имѣющія посредствующія для золотопромышленности цѣли, напримѣръ: доставленіе воды на пріиски, изготовленіе нужныхъ приборовъ и машинъ, доставленіе на пріиски жизненныхъ припасовъ и проч."

г) Изъ сочиненія *Горнозаводская промышленность Россіи въ 1882 году*, Л. А. Карпинскаго 1го:

Стр. 11. „Медленное развитіе нашей золотопромышленности зависитъ главнѣйше отъ того что *разработка ведется по большей части самыми первобытными способами* при весьма маломъ употребленіи механическихъ приспособленій."

д) Изъ сочиненія Г. Н. Китаева *Механика золотого дѣла*:

1) *О положеніи золотопромышленнаго дѣла на Уралѣ* (стр. 5):

„Цѣль—возможно большее полученіе золота, а слѣдовательно и возможно бо́льшая промывка песковъ, съ наименьшею затратой труда—должна была бы стоять на первомъ планѣ. Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Отсутствіе удобныхъ способовъ перевозки песковъ; отсутствіе хорошихъ приборовъ; полнѣйшее незнакомство съ машино-орудіями и неумѣніе обращаться съ ними; вотъ все что̀ рельефно выступаетъ на всѣхъ промыслахъ, хотя эти послѣдніе—ближайшіе сосѣди самыхъ большихъ заводовъ Урала."

2) *О золотоносности Урала и стоимости рабочихъ рукъ* (стр. 8):

„На Уралѣ, не говоря уже о Сибири, мы имѣемъ колоссальные запасы золота, которые тянутся почти непрерывною полосой съ самаго сѣвера и теряются въ южныхъ приуральскихъ степяхъ. Большинство уральскихъ золотоносныхъ пластовъ, крайне бѣдныхъ своимъ содержаніемъ, не даютъ возможности эксплуатировать ихъ съ выгодой. Но понятіе о бѣдности, какъ извѣстно, понятіе относительное. На Уралѣ за минимумъ содержанія принимаютъ 15 долей во 100 пуд. Въ Сибири оно доходитъ до золотника и даже двухъ, тогда какъ въ Америкѣ и Австраліи находятъ выгоднымъ работать съ шестью долями, несмотря на то что плата рабочимъ доходитъ тамъ до нѣсколькихъ долларовъ въ день. Мы, конечно, не будемъ сравнивать глухія тайги Сибири, гдѣ содержаніе годоваго рабочаго обходится иногда въ 1.500 р.; ограничимся Ураломъ, гдѣ оно понижается до 30 к. въ день, и конечно мы поражаемся этимъ сравненіемъ."

3) *О механической промывкѣ и старательскихъ работахъ* (стр. 8):

„Механическая промывка имѣетъ еще большее значеніе въ другомъ отношеніи: она вытѣснитъ *кустарную* эксплуатацію золота, неизбѣжную при ручномъ трудѣ. Послѣдній, извѣстный подъ именемъ старательскихъ работъ, *настоящее зло* золотого дѣла, пріобрѣтающее значеніе государственнаго вопроса, потому что, благодаря этимъ работамъ, мы зарываемъ тройное количество золота противъ того которое добываемъ."

4) *Объ отношеніи нашихъ заводовъ къ золотымъ пріискамъ* (стр. 6):

„Отношеніе нашихъ заводовъ къ золотымъ пріискамъ заслуживаетъ вниманія. Имѣя, въ большинствѣ случаевъ, средства для снабженія промысловъ необходимыми машинами, они ограничиваются доставкой несложныхъ отливокъ и сортоваго желѣза. Всѣ же паровыя машины, локомобили, насосы, тянутся къ намъ изъ-за границы, оплаченные двойною цѣной, благодаря нашему низкому курсу. Сами же золотопромышленники, незнакомые съ механическимъ дѣломъ, заказываютъ и покупаютъ нужные имъ механизмы наугадъ гдѣ придется. Ясно что при подобныхъ условіяхъ примѣненіе новыхъ приборовъ и механизмовъ дѣйствительно соотвѣтствующихъ цѣли невозможно."

е) Изъ книги *Способы добычи и статистика золота и серебра*, соч. Артура Фиддса, переведенной съ англійскаго В. Ковригинымъ и дополненной, въ отношеніи русскихъ промысловъ, И. Полетикой:

О гидравлическомъ способѣ разработки золотоносныхъ песковъ:

Стр. 158. „На отводѣ пріиска „Евпика" въ періодъ десяти дней обрабатывается около 36.500 куб. ярдовъ, причемъ расходы слѣдующіе:

На воду	1.000	доллар.
„ работу	173	„
„ прочіе расходы	100	„
	1.273	доллар.

Стр. 159. „Профессоръ Соллиманъ замѣчаетъ: въ гидравлическомъ процессѣ человѣкъ побѣдилъ дѣятелей природы, употребляя ихъ для своей собственной пользы и заставляя ее отдавать сокровища хранящіяся въ золотоносныхъ пескахъ помощію тѣхъ же самыхъ силъ которыя она употребляла для ихъ распредѣленія."

Стр. 186 и 187. „Для полученія 25 фунт. золота въ отводѣ „Еврика“ въ Калифорніи расходуется 1.273 долл. или 1.700 руб.“

Въ Енисейскомъ округѣ, на пріискахъ Рождественскомъ и Успенскомъ, на полученіе 25 фунт. золота изъ пріисковъ съ содержаніемъ болѣе богатымъ (въ десять разъ) расходуется 5.173 р. 75 к., какъ о томъ свидѣтельствуетъ Н. В. Латкинъ.

Стр. 187. „Въ Калифорніи и Австраліи употребляется огромное количество ртути, тогда какъ въ Сибири ея вовсе почти не употребляется въ настоящее время (1868 годъ).“

Въ этомъ же сочиненіи сдѣлано сравненіе гидравлическаго способа на отводѣ пріиска „Еврика“ съ производствомъ на пріискѣ Гавриловскомъ.

Стр. 183, 184 и 185. „Теперь мы съ большею увѣренностью можемъ сказать что въ Россіи едва ли найдется хоть одна розсыпь на которой примѣненіе этого процесса было бы возможно. Въ отводѣ „Еврика“ толщина розсыпи равна 135 фут. или 19 саж. 2 фут., слѣдовательно превосходитъ въ шесть или восемь разъ обыкновенную толщину русскихъ розсыпей со всѣми покрывающими ихъ торфами; работа производится четырьмя рукавами, выбрасывающими 208 галлоновъ или около 406,5 фут. воды въ секунду подъ напоромъ во 140 ф. Въ теченіе десяти сутокъ, при безпрерывномъ дѣйствіи днемъ и ночью, обрабатывалось 36.500 куб. ярд. или около 2.885 куб. саж. розсыпи.“ *

„Для сравненія возьмемъ дѣйствіе шестибочечной машины на Гавриловскомъ пріискѣ, усчитанное К. Кулибинымъ въ статьѣ напечатанной въ *Горномъ Журналѣ* 1865 года, № 10: на дѣйствіе этой машины употребляется 7 куб. фут. воды въ секунду, слѣдовательно *въ 57 разъ* менѣе нежели въ отводѣ „Еврика“. Общая высота паденія воды 26,5 фут., стало-быть слишкомъ въ пять разъ менѣе чѣмъ въ упомянутомъ отводѣ. Машина обрабатываетъ въ 12часовую смѣну 190 тысячъ пудовъ или 158 куб. саж., то-есть не много большее количество въ сравненіи съ гидравлическимъ процессомъ въ одно время. Такое успѣшное дѣйствіе машины достигается употребленіемъ въ работы очень большаго числа людей и лошадей, между тѣмъ какъ въ отводѣ „Еврика“ наибольшую часть расходовъ составляетъ плата за воду, вся же работа исполняется очень небольшимъ числомъ рабочихъ. По ничтожности расходовъ, большой толщинѣ и выгодному положенію

* Что на 12 часовъ работы составляетъ $\frac{2885}{10 \frac{1}{2}}$ 144,5 куб. саж.

розсыпи въ этомъ отводѣ представляется возможнымъ мыть съ выгодой, почти не вѣроятною, пески очень бѣднаго содержанія." *

Къ сожалѣнію, мы должны сказать что взглядъ переводчика и его сотрудника, основанный на приведенныхъ разчетахъ, повидимому принятъ и усвоенъ тѣми кто, занимаясь золотымъ дѣломъ въ Россіи, имѣли случай познакомиться съ этимъ взглядомъ, такъ какъ и до сихъ поръ обыкновенно его придерживаются, признавая авторитетнымъ и основаннымъ на точныхъ данныхъ; а между тѣмъ этотъ взглядъ *совершенно неправиленъ*, ибо при разчетахъ послужившихъ ему основаніемъ не была замѣчена грубая ошибка: 208 галлоновъ переведены въ $406^1/_2$ куб. фут., и поэтому сдѣланъ выводъ что шестибочечная машина на Гавриловскихъ пріискахъ, для достиженія того же результата который доставляетъ на промыслѣ „Еврика" гидравлическій процессъ, требуетъ воды въ 57 разъ болѣе, тогда какъ въ дѣйствительности 208 галлоновъ составляютъ лишь 77 ведеръ или 33 куб. фут., вслѣдствіе чего количество воды для гидравлическаго способа нужно всего только въ $4^5/_7$ раза болѣе противъ употребляемаго въ бочечныхъ машинахъ на Гавриловскомъ пріискѣ для достиженія тѣхъ же результатовъ. Но при этомъ значительно *уменьшается то громадное число рабочихъ* которое требуется на нашихъ пріискахъ при нынѣ принятомъ способѣ разработки золотыхъ промысловъ, *а уменьшеніе расходовъ на рабочихъ значительно превышаетъ затраты соединенныя съ гидравлическимъ способомъ промывки золотосодержащихъ песковъ.*

Нельзя не сожалѣть что такая ошибка была сдѣлана и что она послужила къ установленію на 16 лѣтъ невыгоднаго мнѣнія о гидравлическомъ способѣ, примѣняемомъ съ громаднымъ успѣхомъ какъ въ Америкѣ такъ и въ Австраліи. Мнѣніе это до того у насъ укоренилось что еще въ 1880 году, въ *Справочной книгѣ для горныхъ инженеровъ*, на стр. 509, профессоръ Дорошенко, игнорируя этотъ способъ, говоритъ: „Мы не упоминаемъ о гидравлическомъ американскомъ способѣ, ибо онъ у насъ не употребляется, и едва ли ему предстоитъ у насъ хорошая будущность."

Въ первый разъ въ Россіи заговорилъ о гидравлическомъ способѣ капитанъ линейныхъ войскъ Восточной Сибири

* Всего отъ $5._{77}$ до $19._{70}$ долей во ста пудахъ.

Чоусовъ, но наши авторитеты затормозили дѣло. Въ настоящее время на одномъ пріискѣ, принадлежащемъ кабинету Его Императорскаго Величества, инженеромъ Шостаковъ вводится этотъ способъ; вѣроятно противъ него и теперь будутъ говорить, но надо надѣяться что истина восторжествуетъ.

Скажемъ отъ себя что гидравлическій способъ разработки потребуетъ отъ техниковъ большой сообразительности и изученія мѣстностей, объединенія средствъ предпринимателей, а не разрозненности, такъ какъ придется дѣлать расходы на общіе акведуки. Способъ этотъ требуетъ также правильнаго распредѣленія воды по пріискамъ, но вѣдь все это легко достигается и вознаградится, такъ какъ при возможности дешево разрабатывть убогіе пласты представится возможность сосредоточить работы, вмѣсто того разброса ихъ который является въ настоящее время при погонѣ за мѣсторожденіями съ богатымъ содержаніемъ. Въ настоящее время *наше золотопромышленное дѣло есть кочевое, но настала пора сдѣлать его осѣдлымъ.*

Изо всего изложеннаго оказывается что нѣкоторыми техническими улучшеніями на нашихъ промыслахъ можно увеличить производительную работу людей въ $2^1/_2$ раза, и можно удвоить добычу золота изъ того же количества песковъ помощію нѣкотораго усложненія процессовъ. Введеніемъ же въ употребленіе американскаго гидравлическаго способа разработки самыхъ пріисковъ можно достигнуть разработки песковъ бѣднаго содержанія (6 долей во 100 лудахъ) въ мѣстахъ вблизи заводовъ и имѣющихъ удобные пути сообщенія, причемъ *пудъ золота*, по стоимости добычи, обойдется *въ четыре раза дешевле сравнительно съ нынѣшнею стоимостью его на пріискахъ содержащихъ золота въ десять разъ больше противъ упомянутыхъ (100 долей во 100 пуд.).*

Прошелъ уже годъ какъ я изложилъ мои взгляды и соображенія о золотопромышленномъ дѣлѣ въ запискѣ которая официальнымъ путемъ препровождена въ Горный Департаментъ, но учрежденіе это, повидимому, не обратило на нее должнаго вниманія. Между тѣмъ въ декабрѣ прошлаго года печать огласила слѣдующее:

Въ *Новомъ Времени*, телеграмма изъ Нерчинска, отъ 16 декабря, сообщила: „Производились опыты разработки золота американскимъ гидравлическимъ способомъ, который сокращеніемъ числа рабочихъ можетъ оживить мелкіе пріиски.“

Въ *Горномъ Журналѣ*, 1886 года, № 12, помѣщено письмо П. Першина, въ которомъ между прочимъ говорится:

„Въ концѣ сентября я присутствовалъ на гидравлическихъ опытахъ по американской системѣ, примѣняемыхъ здѣсь для промывки золота на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ инженеромъ Шостакомъ. При способахъ промывки которые обыкновенно практикуются у насъ въ Сибири, чтобы промыть въ сутки, положимъ, 60 куб. саж. песковъ, требуется болѣе ста человѣкъ рабочихъ, десятка полтора служащихъ или надзирателей, самое меньшее полсотни лошадей съ полною упряжью и пр. При гидравлическомъ же американскомъ способѣ для промывки 50 куб. саж. песковъ нужны четыре человѣка рабочихъ и не нужно ни одной лошади; словомъ, когда уже всѣ гидравлическія сооруженія—плотины, каналы, трубы, брызгалы, элеваторы—проведены, то во всю операцію или золотопромывальный періодъ, при самой добычѣ золота, какъ сказано, ежедневно нужны только четыре рабочихъ, да пять-шесть, много до десяти рабочихъ-плотниковъ и мастеровыхъ для перекладки трубъ, передвиженія элеватора и шлюза, всего достаточно 15 человѣкъ. На всякой почти золотоносной розсыпи есть покрыша изъ пустыхъ наносовъ, или, какъ называютъ на золотопромышленномъ языкѣ, торфовъ; но этотъ торфъ снимается дѣйствіемъ тѣхъ же брызгалъ и элеваторовъ, слѣдовательно нѣтъ опасенія что золото вмѣстѣ съ торфами увезутъ въ отвалъ. Почва, или постель розсыпи, тоже не остается съ золотомъ, такъ какъ при этомъ способѣ достаточно пяти долей во 100 пудахъ породы чтобъ оправдать расходы по эксплуатаціи: что свыше этого содержанія, то уже составитъ чистый барышъ. Устройство плотинъ для спуска воды и водопроводныя канавы составятъ главный расходъ гидравлическаго способа; единовременная затрата будетъ отъ 15 тыс. до 50 тыс. руб.; трубы, прилагаемыя обыкновенно по склону горы, носовки, элеваторы и шлюзы будутъ стоить не болѣе 3—5 тыс. руб., да плюсъ содержаніе 15 человѣкъ рабочихъ,—весь расходъ на выработку, въ полтораста рабочихъ лѣтнихъ дней, семи съ половиною милліоновъ пудовъ песковъ или 7.500 куб. саж. Но единовременная затрата на гидравлическія сооруженія не должна падать цѣликомъ на первый годъ работъ, а распредѣлится на всѣ послѣдующіе, слѣдовательно стоимость на данную выработку песковъ сократится противъ нынѣшняго по

меньшей мѣрѣ въ десять разъ. Приломнимъ только то что золотопромышленнику не придется дѣлать авансовыхъ затратъ по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на наемъ массы рабочихъ, на покупку лошадей, сбруи, инструментовъ, припасовъ и фуража, и съ тѣмъ вмѣстѣ содержать на пріискѣ громадное хозяйство со скотными и конными дворами, кузницами и разными цехами поѣдающими массу денегъ. Надо ожидать что *гидравлическій способъ* добычи золота *произведетъ переворотъ въ золотомъ промыслѣ и получитъ въ Сибири самое широкое примѣненіе; пріиски втунѣ лежащіе по невыгодности къ работамъ и совершенно брошенные изъ прежде работавшихся будутъ эксплуатироваться.*“

Все приведенное доказываетъ что въ золотопромышленномъ дѣлѣ мы, Русскіе, отстали отъ нашихъ конкуррентовъ: Американцевъ, Австралійцевъ и Ново-Зеландцевъ, болѣе чѣмъ на дѣятельность тридцати лѣтъ, и что пора намъ съ энергіей приняться за это дѣло, пересмотрѣть существующіе въ отношеніи его законы и дать ему надлежащее направленіе. Если наше правительство рѣшится установить разработку золотыхъ пріисковъ средствами казны, на раціональныхъ началахъ, то съ увѣренностью можно сказать что оно будетъ имѣть прямую выгоду отъ этого дѣла, умѣренно опредѣляемую * во 100% стоимости добытаго золота, такъ что, при добычѣ въ 10 тысячъ пудовъ дѣло, будетъ приносить правительству до $62\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей ежегоднаго дохода. Вотъ откуда въ ближайшемъ будущемъ правительство получитъ собственныя металлическія средства какъ для возстановленія металлическаго денежнаго обращенія, такъ и на благодѣянія дешеваго кредита, столь необходимаго въ особенности для сельской промышленности, а затѣмъ и на погашеніе долговъ государства.

Еслибы по какимъ-либо причинамъ правительство не рѣшилось производить разработку золотыхъ розсыпей на счетъ казны и пожелало бы сдавать работы по эксплуатаціи пріисковъ частнымъ лицамъ дабы получать условленную часть добываемаго ими золота не затрачивая на это своего капитала, то оно первоначально *должно подробно изучить мѣста нахожденія золота.* Для этого слѣдуетъ предпринять: систематическія развѣдочныя работы въ золотоносныхъ округахъ,

* Казенныя разработки пріисковъ и въ прежнее время приносили до 142%, какъ объяснено выше.

вблизи населенныхъ мѣстъ и существующихъ удобныхъ путей сообщеній и не предпринимать поисковъ въ мѣстахъ трущобныхъ, до которыхъ наши потомки дойдутъ при средствахъ и знаніяхъ болѣе обширныхъ и въ силу естественнаго закона постепеннаго движенія отъ центра къ окраинамъ, который мы въ настоящее время насилуемъ. По всестороннемъ изученіи мѣсторожденій золота, слѣдуетъ составить детальныя описанія пріисковъ, выработать общій планъ хода золотопромышленнаго дѣла для достиженія его конечной цѣли, составить проекты работъ и точныя смѣты съ примѣненіемъ новѣйшихъ способовъ разработки розсыпей и коренныхъ мѣсторожденій, напримѣръ гидравлическаго способа разработки розсыпей и т. п. Затѣмъ, публикуя всѣ такимъ образомъ выработанныя данныя, привлечь къ промышленности дѣятельность частныхъ лицъ и компаній на условіяхъ спеціально составленныхъ для каждаго мѣсторожденія, подъ строгимъ наблюденіемъ высшихъ мѣстныхъ органовъ правительства, а именно генералъ-губернаторовъ, за исполненіемъ концессіонныхъ договоровъ и правильностью веденія работъ.

Все это необходимо сдѣлать дабы покончить съ нынѣшнею системой раздачи пріисковъ которая есть не что иное какъ расхищеніе государственной собственности, и дабы поставить золотопромышленность на новый раціональный путь.

Въ отношеніи же существующей уже промышленности слѣдуетъ пересмотрѣть нынѣ дѣйствующій уставъ съ цѣлью: 1) отмѣнить статьи стѣсняющія ея раціональный ходъ; 2) создать надлежащіе порядки установленіемъ законовъ обусловливающихъ пользованіе водой, дорогами и пр. (для общественныхъ цѣлей); 3) установить болѣе раціональное взиманіе податей, и 4) ускорить старательскія работы. Независимо отъ сего, правительству слѣдуетъ поддержать существующую золотопромышленность: 1) вспособленіемъ кредитомъ; 2) облегченіемъ продажи ассигновокъ въ мѣстахъ ближайшихъ къ промысламъ; 3) улучшеніемъ путей сообщеній, и 4) практическимъ подготовленіемъ свѣдущихъ руководителей дѣла.

Для достиженія послѣдней цѣли необходимы *многочисленныя*, а не *единичныя* командировки нашихъ горныхъ инженеровъ въ Америку, Австралію и Новую Зеландію для практическаго изученія употребляемыхъ тамъ способовъ разработки розсыпей и коренныхъ мѣсторожденій.

Н. НОВОСЕЛЬСКІЙ.

АПОЛЛОНУ НИКОЛАЕВИЧУ МАЙКОВУ

Опять твое раздалось пѣнье,
Опять звучитъ мнѣ пѣснь твоя!
Къ ней, очаровавъ, въ восхищеньи
Опять прислушиваюсь я.

Забыта вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призывъ...
И, словно крылья расправляя,
Въ мигъ встрепенувшись и оживъ,

Душа и просится и рвется
Въ тѣ неземныя высоты
Откуда голосъ твой несется,
Туда, откуда манишь ты.

О, пой намъ, пой не умолкая
Съ той высоты, чтобъ и опять
Я въ этой дивной пѣснѣ рая
Могъ вдохновенье почерпать!

К. Р.

С.-Петербургъ, 23 февраля 1837.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Е. И. В. Великому Князю Константину Константиновичу.

Зачѣмъ смущать меня лодъ старость!
Ужь на покой я собрался —
Убралъ поля, срубилъ лѣса,
И если новая гдѣ зарость
Отъ старыхъ тянется корней,—
То это — бѣдные побѣги,
Въ которыхъ нѣтъ ужь — прежнихъ дней
Ни величавости, ни нѣги...
Даль безграничная кругомъ,
И, прежде крытое листвою,
Одно лишь небо надо мною
Въ безмолвномъ торжествѣ своемъ...
И вотъ — нежданно, къ нелюдиму,
Вашъ стихъ является ко мнѣ,—
И дразнитъ стараго, какъ въ зиму
Воспоминанье о веснѣ...

II.

Графу А. А. Голенищеву-Кутузову.

Стиховъ мнѣ дайте, графъ, стиховъ,
Нетлѣнныхъ образовъ и вѣчныхъ,
Въ волшебствѣ звуковъ и цвѣтовъ
И горизонтовъ безконечныхъ!
Чтобъ, взволновавъ, мнѣ дали миръ,

Чтобъ я и плакалъ, и смѣялся,
И вмѣстѣ — старый ювелиръ —
Ихъ обработкой любовался...
Да! ювелиръ ужь этотъ старъ —
Рука дрожитъ — но во мгновенье
Готовъ въ немъ вспыхнуть прежній жаръ
На молодое вдохновенье!

III.

Мысль поэтическая — нѣтъ! —
Въ душѣ мелькнувъ, не угасаетъ!
Ждетъ вдохновенья много лѣтъ,
И — вспыхнувъ вдругъ — какъ бы въ отвѣтъ
Призыву свыше — воскресаетъ...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть-можетъ, въ сердцѣ рана —
И не одна — чтобы облечь
Мысль эту въ образъ и извлечь
Изъ первобытнаго тумана...

IV.

О море! Нѣчто есть слышнѣй тебя, сильнѣй
И глубже, можетъ-быть... Да, скорбь души моей
Желала и ждала тебя — и вотъ я нынѣ
Одинъ — въ наполненной тобой однимъ пустынѣ...
Ты — въ гнѣвѣ... Вся душа моя потрясена,
Хоть въ тайномъ ужасѣ есть сладкое томленье,
Чего-то новаго призывъ и откровенье...
Вотъ — темной полосой лазурная волна,
Потряхивая тамъ и сямъ жемчужнымъ гребнемъ,
Идетъ — и на берегъ, блестя и грохоча,
Летитъ и — рушится, и съ камнями и щебнемъ
Назадъ сливается, ужь злобно рокоча,
Сверкая космами быстро бѣгущей лѣны...
И слѣдомъ — новая — и нѣтъ конца ихъ смѣны,
И непрерывенъ блескъ, и непрерывенъ шумъ...

Гляжу и слушаю — и оглушенъ мой умъ,
Безсильный мысль связать, почти не сознавая,
Теряясь въ шуму, и въ блескѣ замирая...

О, еслибы и ты, о сердце! ты могло
Дать выбить грохоту тѣхъ волнъ свое-то горе,
Все что внутри тебя такъ стонетъ тяжело,
Предъ чѣмъ, какъ ни ликуй на всемъ своемъ просторѣ,—
Безсильно и само грохочущее море!...

V.

Скорбитъ душа твоя. Изъ дня—
Изъ солнечнаго дня — улалъ
Ты прямо въ ночь, и, все кляня,
За смертный взялся ужь фіалъ...

Нѣтъ! погоди!... Въ ту тьму вглядись:
Вонъ — огонекъ блеснулъ... звѣзда...
Другая... третья... вонъ — зажглись
Ужь міріады... Никогда

Ты не видалъ ихъ?... Но постой.
Онѣ блѣднѣть начнутъ — и тѣнь
Пойдетъ рѣдѣть — и надъ тобой
Внезапно развернется день—

Имъ, осіянный, разомъ ты,
Уже измѣривъ бездну золъ,
Рванешься въ горни высоты,
Какъ солнца жаждавшій орелъ!

VI.

Олимпійскія игры.

Все готово. Музикійскій
Данъ сигналъ... сердца дрожатъ....
По аренѣ олимпійской
Колесницъ помчался рядъ....
Трепеща народъ и боги
Смотрятъ сдерживая крикъ....

Шибче, кони быстроногія!
Шибче!.. близко... страшный мигъ!
Главкъ... Эвмолпъ... опережаютъ...
Не смотри на отсталыхъ!
Эти... близко... подъѣзжаютъ...
Ну—который же изъ нихъ?
„Главкъ" кричатъ... и вонъ онъ, гордый,
Шагомъ ѣдетъ взять трофей,
И въ лыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.

VII.

Жанна д'Аркъ.

(Отрывокъ)

Бой кипѣлъ... Она скакала
На конѣ, на ворономъ —
Гордо поднято забрало —
Съ орифламмой и копьемъ —
И вездѣ, гдѣ чуть опасно —
Ужь звенитъ, на страхъ врагамъ,
Этотъ звонкій, этотъ ясный
Женскій голосъ по рядамъ...

VIII.

Мертвая зыбь.

Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумитъ.
Волны, какъ рать уходящая съ боя, не могутъ утихнуть,
И въ безпорядкѣ бѣгутъ, обгоняя другъ друга,
Хвастаясь другъ передъ другомъ трофеями битвы:
Клочьями синяго неба,
Золотомъ и серебромъ отступающихъ тучъ,
Алой зари лоскутами.

IX.

Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ святыни
Въ нашъ бренный образъ облекать,
И вымысломъ небесъ пустыни,
Какъ бѣдный міръ нашъ, населять?

Зачѣмъ давать цвѣта и звуки
Чертамъ духовной красоты?
Зачѣмъ картины вѣчной муки
И рая пышные цвѣты?

Затѣмъ что смертный подымаетъ
Тогда лишь взоры къ небесамъ,
Когда тамъ радуга сіяетъ
Его восторженнымъ очамъ...

X.

Изъ Аполлодора Гностика.

Выше, выше въ поднебесной
Возлетай, о мой орелъ,
Чтобы міръ земной и тѣсный
Весь изъ глазъ твоихъ ушелъ!

Возносися въ тѣ селенья,
Гдѣ, какъ сляція мечты,
Первообразы творенья
Въ красотѣ ихъ чистоты,—

Въ свѣтлый міръ, гдѣ пребыванье
Душъ какъ создалъ ихъ Господь,
Душъ не вѣдавшихъ изгнанья
Въ человѣческую плоть!...

XI.

Окончевъ трудъ — ужь онъ мнѣ трудъ постылый.
Какъ будто кто все шепчетъ: погоди!
Твой главный трудъ — еще онъ впереди,
Къ нему еще ты только копишь силы!
Онъ облачкомъ чуть свѣтитъ заревымъ,
И всѣ затмитъ, всѣ радости былыя—
Онъ впереди — Святой Ерусалимъ,
То все была — еще Антіохія!

А. МАЙКОВЪ.

БИБЛІОГРАФІЯ

Книги вышедшія въ свѣтъ за послѣдній мѣсяцъ.

Въ С.-Петербургѣ:

Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году. Составилъ Л. М. Чичаговъ. Изданіе второе. Печатано съ Высочайшаго разрѣшенія. XXV + 518 стр. 8 д. л.

Внѣшняя политика Императора Николая I. Введеніе въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны. С. С. Татищева. XVIII + 639 стр. 8 д. л.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754 — 1796). Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко. Изданіе третье, дополненное. 474 стр. 8 д. л.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ пятьдесятъ восьмой. XXII + 591 стр. 8 д. л.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ пятьдесятъ четвертый. *Герцогъ Арманъ-Эммануилъ Ришелье.* Документы и бумаги о его жизни и дѣятельности 1766—1822 годовъ. Изданы подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова. XXX + 669 стр. 8 д. л.

Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. В. Потто. Томъ III. *Персидская война 1826—1828 годовъ.* Выпускъ 3й, стр. 343—520. 8 д. л.

Краткій очеркъ Забайкалья отъ древнѣйшихъ временъ до 1762 года. Составилъ В. К. Андріевичъ. XII + 237 стр. 8 д. л.

Народная поэзія. Историческіе очерки ординарнаго академика Ѳ. И. Буслаева. VI + 501 стр. 8 д. л.

Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки. Двѣ статьи профессора Н. Я. Аристова (съ портретомъ Н. В. Гоголя). 148 стр. 8 д. л.

Елевзинскія мистеріи. Изслѣдованіе Н. И. Новосадскаго. 181 стр. 8 д. л.

Сочиненія Пушкина. Т. I. 386 стр. 8 д. л.

Сочиненія А. С. Пушкина. Томъ I. Поэмы и сказки. Изданіе А. С. Суворина, второе исправленное и дополненное. XXXVIII—494 стр. 12 д. л.

Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Пушкина. Изданіе В. Лепехина. 254 стр. 8 д. л.

Сочиненія Всеволода Сергѣевича Соловьева. Томъ четвертый. 424 + 30 + 74 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій П. В. Жадовскаго. Томъ I. Стихотворенія. 320 + VII стр. 8 д. л.

Нильскій крокодилъ. Повѣсть Д. Л. Мордовцева. 220 стр. 8 д. л.

Н. Лиховскій-Трофимовъ. *Брызги моря житейскаго.* Повѣсти, разсказы и эскизы. 228 стр. 8 д. л.

Урокъ мужьямъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе. И. Н. Измайлова. 16 стр. 8 д. л.

Разсвѣтъ въ сумракѣ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Князя Н. П. Урусова. 123 стр. 8 д. л.

О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Т. Филиппова. 32 стр. 12 д. л.

Темы, расположенія и матеріалы для сочиненій въ старшихъ классахъ. Составилъ. И. Гавриловъ. Изданіе второе. IV + 168 стр. 8 д. л.

Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ Н. Раевскимъ. Пятое исправленное изданіе. IV + 165 стр. 8 д. л.

Гравтъ Алленъ. *Чарлзъ Дарвинъ.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Энгельгардта. Съ приложеніемъ статьи Чарлза Дарвина объ инстинктѣ. IV + 327 стр. 8 д. л.

Обзоръ млекопитающихъ животныхъ долины рѣки Малки. К. Н. Россикова. 97 стр. 8 д. л.

Волга какъ путь сообщенія. Съ 11 листами чертежей. Составилъ профессоръ Н. А. Богуславскій 1й. III + 186 + 82 стр. 8 д. л.

Сборникъ грузовыхъ поверстныхъ указателей русскихъ желѣзныхъ дорогъ, составленный по порученію XXIV общаго съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ И. Ф. Загурскимъ. Въ 4 частяхъ. 4 д. л.

Отчетъ по изслѣдованію крахмальныхъ и паточныхъ заводовъ въ Россіи и за границей. К. К. Вебера. 120 стр. 8 д. л.

Лекціи исторіи римскаго права. Приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета В. В. Ефимова. II семестръ. Внѣшняя исторія. 330 стр. 8 д. л.

Отчетъ по военно-морской судной части за 1887 годъ. 116 стр. 8 д. л.

Наставленіе о понтонной службѣ. Составлено особою коммиссіей, учрежденною при Главномъ Инженерномъ Управленіи. Часть первая. XV + 437 + 58 листовъ чертежей. Часть вторая. V + 307 + 10 листовъ чертежей. Изданіе второе.

Изслѣдованіе совокупныхъ дѣйствій арміи и флота. Атака и оборона. Лейтенанта Легу. Часть I. Съ чертежами въ текстѣ. 128 стр. 8 д. л.

Dr. Carl Werner. *Массажъ, его техника, примѣненіе и дѣйствіе.* Переводъ съ 7го нѣмецкаго изданія Dr. Вазилинскаго. Съ 11 рисунками въ текстѣ. 55 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о вліяніи массажа на количество легочно-кожныхъ потерь. Диссертація на степень доктора медицины Ивана Стабровскаго. 69 стр. 8 д. л.

Воздухъ корабельныхъ трюмовъ съ гигіенической точки зрѣнія. Диссертація на степень доктора медицины А. Я. Добротворскаго. 68 стр. 8 д. л.

Къ этіологіи и клинической бактеріологіи брюшнаго тифа. Диссертація на степень доктора медицины, врача Вильчура. IV + 147 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Новооткрытый фрагментъ изъ мнимаго первоевангелія. Къ вопросу о происхожденіи и взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій. Митрофана Муретова. 40 стр. 8 д. л.

Царствованіе Византійскаго императора Никифора Фоки въ церковно-историческомъ отношеніи. А. Лебедева. 60 стр. 8 д. л.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ пятьдесятъ седьмой. XXIV + 575 стр. 8 д. л.

П. А. Лавровъ. *Петръ II Петровичъ Негошъ, владыка Черноворскій и его литературная дѣятельность.* X + 416 стр. 8 д. л.

Письма о причинахъ низложенія Баттенберга. Капитана Бендерева. 40 стр. 12 д. л.

Записки объ ученыхъ трудахъ Е. В. Барсова. Составилъ Дм. Цвѣтаевъ. 40 стр. 8 д. л.

Николай Христофоровичъ Кетчеръ. Воспоминанія А. В. Станкевича. 15 стр. 8 д. л.

Въ память Сергѣя Алексѣевича Усова. (Статьи по поводу его кончины.) 23 стр. 12 д. л.

Рѣчи, читанныя на засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 15 ноября 1886 года, посвященномъ памяти дѣйств. члена Сергѣя Алексѣевича Усова. 29 стр. 4 д. л.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго Университета за 1885 годъ. 8 д. л.

Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. X. 8 д. л.

Византійское искусство. Сочиненіе Бойе. Переводъ А. Каово. 72 стр. 12 д. л.

Взглядъ Эмерсона на поэзію. Переводъ съ англійскаго Г. О. Лишиной. 32 стр. 8 д. л.

Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Изд. подъ редакціей Мальцева.

Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Изданіе И. Д. Сытина.

Капитанская дочка. Соч. А. С. Пушкина. Изданіе И. Д. Сытина и К°. 215 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Общеевропейская политика. Статьи разнаго содержанія. Томъ седьмой. X + 861 стр. 8 д. л.

Н. Гоголь. *Вій.* Народное изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмой братьевъ Салаевыхъ. 63 стр. 8 д. л.

А. Д. Мясоѣдовъ. *Безъ заглавія.* Картины современныхъ нравовъ, 296 стр. 8 д. л,

Дѣло (отжитое время). Драма въ 5 дѣйствіяхъ А. Сухово-Кобылина. Изданіе второе. 78 стр. 8 д. л.

Обольстительница. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. К. П. Нотгафта. 122 стр. 8 д. л.

Звѣзда Севильи. Драма Лопе-де-Вега Карпіо. Съ испанскаго передѣлана для сцены С. А. Юрьевымъ. 156 стр. 8 д. л.

Гарольдъ. Драматическая опера. Либретто Петра Вейнберга. 120 стр. 8 д. л.

Кавказъ по сочиненіямъ Пушкина и Лермонтова. Составилъ Е. Воскресенскій.

Греческая этимологія по Кэги. Составилъ И. Страховъ, преподаватель Лицея Цесаревича Николая. IV + 148 стр. 8 д. л.

Новая метода для самоизученія латинскаго языка. Составилъ Кохъ. 152 стр. 8 д. л.

К. А. Литвиненко. *Записки по грамматикѣ русскаго языка.* IV + 207 стр. 8 д. л.

Страничка изъ методики элементарной грамматики роднаго языка. Составилъ Владиміръ Шереметевскій. 78 стр. 8 д. л.

Элементарная алгебра. Курсъ систематическій въ 2хъ частяхъ. Н. Н. Маракуева, преподавателя математики. 454 стр. 8 д. л.

Юрій Випперъ. *Учебникъ физики.* Курсъ гимназическій съ 324 политипажами. 2е изданіе дополненное. 214 стр. 8 д. л.

Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній. Древняя исторія. Переводъ съ нѣмецкаго. Десятое изданіе. 276 стр. 8 д. л.

Основанія организаціи тарифнаго дѣла на желѣзныхъ дорогахъ. 243 стр. 8 д. л.

Къ исторіи Рязанско-Козловской желѣзной дороги. 170 стр. 8 д. л.

Руководство для поисковъ. *Справочная книжка для путешественника или поискателя золота и другихъ металловъ и цѣнныхъ минераловъ.* И. В. Андерсона. Переводъ съ англійскаго. XIII + 186 стр. 8 д. л.

В. П. Мининъ. *Ортохроматическое или изохроматическое фотографированіе и его отношеніе къ спектральнымъ изслѣдованіямъ.* Съ чертежами въ текстѣ и спектральною таблицей. 87 стр. 8 д. л.

Труды восьмаго губернскаго съѣзда врачей Московскаго земства. VIII + 146 + 398 стр. 8 д. л.

О зависимости вкусовыхъ ощущеній отъ территорій вкусоваго органа и температуры вкусовыхъ веществъ. Экспериментальное изслѣдованіе Г. А. Шрейберъ. Диссертація на степень доктора медицины. 131 стр. 8 д. л.

Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ корней. Составилъ Н. Дубровскій. 533 стр. 8 д. л.

—

Въ Кіевѣ:

Дневникъ генеральнаго хорунжаго Николая Ханенка 1727—1753 годовъ. Изданіе редакціи *Кіевской старины.* XV + 524 + 12 стр. 8 д. л.

Сборникъ статей по классической древности. Изданіе Кіевскаго отдѣленія Общества Классической Филологіи и Педагогики. Выпускъ 3й. 268 стр. 8 д. л.

Культъ Весты въ древнемъ Римѣ. Ивана Турцевича. Выпускъ первый. 112 стр. 8 д. л.

Учебникъ всеобщей исторіи. Новая исторія. Составилъ Ю. Функе. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. 261 + III стр. 8 д. л.

Аналитическая геометрія двухъ и трехъ измѣреній. Сочиненіе М. Е. Ващенко-Захарченко. XXXVI+723 стр. 8 д. л.

Морфологія остеогенеза. Систематическій очеркъ исторіи развитія и роста костей человѣка. Съ 76 рисунками и 2 таблицами. В. А. Беца. XXVIII+256 стр. 8 д. л.

Сборникъ узаконеній по нотаріальной части со всѣми позднѣйшими измѣненіями и дополненіями, заключающій въ себѣ тексты всѣхъ законовъ на которые сдѣланы ссылки, съ разъясненіемъ по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената, съ приложеніями: извлеченій узаконеній изъ Уставовъ о состояніи, торговаго и гербоваго, установленныхъ закономъ провѣтовъ, образцовъ и формъ договоровъ и актовъ. Настольная книга для гг. мировыхъ судей, нотаріусовъ и всѣхъ лицъ совершающихъ акты. Составилъ по официальнымъ источникамъ В. И. Выдринъ, нотаріусъ Кіевскаго (б. Воронежскаго) окружнаго суда. Изданіе второе. 561 + IX стр. 8 д. л.

—

Въ Казани:

Прозаическія стихотворенія К. И. Свѣтлова-Стояна. II + 157 стр. 8 д. л.

Изнанка общественныхъ нравовъ. С. А. Гисси. 32 стр. 12 д. л.

Каталогъ коллекціи бабочекъ Александра Михайловича Бутлерова, пожертвованный имъ зоологическому кабинету Казанскаго университета. 25 стр. 8 д. л.

О причинахъ заразныхъ болѣзней. Н. Высоцкаго. 30 стр. 12 д. л.

—

Въ Харьковѣ:

Prof. Max Müller. *Религія, какъ предметъ сравнительнаго изученія.* Лекціи проф. Макса Мюллера. Перев. А. М. Гилевича. II + 138 стр. 8 д. л.

Самоучитель гальванопластики. Руководство для желающихъ практически изучить гальванопластику безъ помощи учителя.

Съ 13 рисунками въ текстѣ. Мѣдь, никкель, серебро и золото. Составилъ Д. Крыжановскій. II+59+III стр. 8 д. л.

—

Во Владимірѣ-на-Клязмѣ:

Двадцатипятилѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности Ивана Александровича Гольмстена. Описаніе съ приложеніями составлено подъ редакціей Н. С. Стромилова. 65 стр. 4 д. л.

—

Въ Смоленскѣ:

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Смоленской губерніи. Т. III. *Гжатскій уѣздъ.* Изданіе Смоленскаго губернскаго земства. 101+62+439+35 стр. 8 д. л.

—

Въ Вяткѣ:

Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Томъ II. Уржумскій уѣздъ. 4 д. л.

—

Въ Оренбургѣ:

Великая русская азіятская желѣзная дорога къ Восточному ему. 16 стр. 8 д. л.

—

Въ Воронежѣ:

Практическое руководство по примѣненію постановленій устава о гербовомъ сборѣ. Составилъ В. А. Черницкій. 240+116+II стр. 8 д. л.

—

Въ Полтавѣ:

Полтавскій адресъ-календарь на 1887 годъ. Составленъ подъ редакціей Д. А. Троцинскаго. 285+11 стр. 8 д. л.

—

Въ Екатеринославѣ:

Екатеринославское блуканіе (1777—1791). Александра Егорова.

—

Въ Новочеркаскѣ:

Казачій сборникъ. Выпускъ первый. 104+86 стр. 8 д. л.

—

Въ Ростовѣ-на-Дону:

Краткія замѣтки о главнѣйшихъ событіяхъ Русской исторіи. А. Бужинскаго. Часть I. 249+II стр. 8 д. л.

—

Въ Вильнѣ:

Справочная книжка французскихъ неправильныхъ глаголовъ. Составилъ Л. А. К. Изданіе второе, исправленное. 92 стр. 12 д. л.

—

Въ Глуховѣ:

Общее ученіе о воспитаніи. Учебный текстъ для употребленія въ заведеніяхъ приготовляющихъ учителей и учительницъ. Dr Линднера, профессора Пражскаго университета. Съ пятаго изданія переводъ А. Бѣлявскаго. V+167 стр. 8 д. л.

Общее ученіе объ обученіи. Учебный текстъ для употребленія въ заведеніяхъ приготовляющихъ учителей и учительницъ, составленный Dr Линднеромъ. Переводъ А. Бѣлявскаго. IV+110 стр. 8 д. л.

—

Въ Яранскѣ:

Путешествіе надзирателя Яранскаго духовнаго училища, Г. Г. Гусева, совершенное въ іюлѣ 1885 года. 50 стр. 12 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

I.

Возобновленіе злоумышленныхъ попытокъ въ Россіи.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, 4 марта, напечатано:

„1 марта, на Невскомъ Проспектѣ, около 11 часовъ утра, задержано трое студентовъ Петербургскаго университета, при коихъ по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили что они принадлежатъ къ тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотрѣ ихъ экспертомъ, оказались заряженными динамитомъ и свинцовыми пулями начиненными стрихниномъ".

Моск. Вѣд. № 63, 4 марта.

Все въ Россіи спокойно. Какъ никогда не было въ нашемъ народѣ, такъ нѣтъ и теперь ничего похожаго на то что зовется революціонными элементами; у насъ нѣтъ ни пролетаріата, ни рабочаго вопроса, ни претендентовъ, ни организованныхъ политическихъ партій домогающихся власти. У насъ не было революціонныхъ элементовъ, но была на Россію накинута революціонная сѣть. Революціонныхъ элементовъ не было, но была искусственная фабрикація ихъ. Они фабриковались не изъ народа, но, напротивъ, посредствомъ разобщенія съ народомъ, съ его жизнію, съ его духомъ, съ его исторіей,—

фабрiковались изъ дѣтей, изъ учащейся молодежи, которую злоумышленная пропаганда уловляла въ свои сѣти. При прежнемъ состоянiи нашей школы, при крайнемъ упадкѣ дѣла воспитанiя и ученiя, фабрикацiя эта была дѣломъ легкимъ; былъ наработанъ многочисленный контингентъ обезумленныхъ, нафанатизованныхъ молодыхъ людей, которые были разсажены по клѣткамъ невѣдомой имъ организацiи и которымъ всякiй возвратъ въ Божiй мiръ былъ отрѣзанъ. Эти погибшiе люди натравлялись невѣдомою рукой, для невѣдомой имъ цѣли, на преступныя покушенiя и злодѣйства. Ошибочная политика, которой держалось правительство, недоразумѣнiя и смуты ею порожденныя способствовали развитiю зла. Еслибы наша школа оставалась въ прежнемъ положенiи и если бы правительство продолжало идти тѣмъ же путемъ, нѣтъ предѣла бѣдствiй какiя пришлось бы испытать нашему отечеству. Мы были на краю бездны. Но надъ Россiей бодрствуетъ Божiй Промыслъ который попускаетъ удары намъ въ наученiе и во спасенiе, но чудесно предотвращаетъ удары погибельные. Дѣла наши поправились, школа наша вышла изъ тѣхъ ложныхъ условiй которыя не воспитывали, но губили юныя силы. Многое сдѣлано, многое дѣлается, и хотя еще болѣе остается сдѣлать, но мы могли успокоиться въ увѣренности что почва для вражескаго обмана отнята, что сѣть, которою онъ опутывалъ насъ, разорвана. Нельзя сказать чтобы вовсе перевелись люди порожденные столь долговременною смутой, люди которымъ нѣтъ возврата. Многiе изъ нихъ уже посѣдѣли, но ихъ еще не мало. Они еще продолжаютъ свою дѣятельность, примыкая ко всѣмъ революцiоннымъ смутамъ въ чужихъ краяхъ, участвуя въ нихъ, руководя ими. Они бродятъ и внутри Россiи, не отставая отъ своего ремесла, но при условiяхъ далеко не прежнихъ. Для оживленiя ихъ дѣятельности въ Россiи нужны какiе-либо новые особые стимулы.

Въ настоящее время все внутри Россiи спокойно, все идетъ къ водворенiю порядка, къ усиленiю власти, къ огражденiю законныхъ правъ и свободы, къ обезпеченiю правильнаго и плодотворнаго прогресса. Нигдѣ во внутреннихъ дѣлахъ никакой опасности; все направляется тихо, но ровно и твердо, на путь указуемый здравымъ смысломъ, все болѣе и болѣе входящимъ въ силу разумѣнiемъ истинныхъ народныхъ потребностей и дѣйствительныхъ интересовъ страны. Но если

все спокойно въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, то можно ли сказать что все спокойно въ нашихъ внѣшнихъ, въ нашихъ иностранныхъ дѣлахъ? Наши фальшивые революціонные элементы, не находясь ни въ какой связи съ народомъ, ни съ однимъ изъ его классовъ, ни съ какимъ изъ его интересовъ, служатъ дѣлу ему противному и враждебному. Они ищутъ только смуты, имъ нужно только разрушеніе, и стóитъ только поддать имъ жару, чтобъ они принялись за свою работу, кто во чтò горазды...

Въ настоящее время обостряется кризисъ въ Европѣ, происходятъ перемѣщенія силъ, перемѣны фронта. Употребляются неимовѣрныя усилія, прибѣгается ко всѣмъ возможнымъ махинаціямъ, хитростямъ и обманамъ, дѣлаются громадныя вооруженія, изыскиваются и изготовляются сколь можно болѣе дѣйствительныя орудія разрушенія. А развѣ возбужденіе всякой внутренней смуты не есть орудіе разрушенія? Вражда, какъ между людьми, такъ и между государствами, при неразборчивости въ средствахъ, не всегда ограничивается открытымъ боемъ; война, а особенно въ наше время, ведется не однѣми вооруженными арміями, и не только штыкомъ и порохомъ, съ помощію разныхъ новоизобрѣтаемыхъ разрушительныхъ снарядовъ, но и всѣмъ чтò можетъ ослабить противника, разстроить, парализовать его. Современная политика не ограничивается простыми и открытыми средствами; она прибѣгаетъ ко всякимъ изворотамъ и пользуется всякими слабостями и недочетами противника. Политика въ наше время у ловкихъ людей превращается въ нѣкотораго рода психологію.

Въ Россіи не было и помину, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, о какихъ-либо смутахъ напоминающихъ кровавый призракъ революціи, который за шесть лѣтъ предъ симъ носился надъ Россіей. Но, сколько мы знаемъ слѣдя за дѣлами, именно съ того времени какъ въ Европѣ пошли толки о войнѣ, о союзахъ и нейтралитетахъ, именно съ того времени какъ возникло опасеніе что Россія не захочетъ долѣе оставаться въ распоряженіи чужихъ державъ и захочетъ имѣть свою политику, соотвѣтствующую ея достоинству и ея собственнымъ интересамъ,—начали появляться у насъ дурные признаки, стали замѣчаться такъ-называемые самообразовательные кружки, въ которые привлекаются молодые люди сначала для литературнаго препровожденія времени, для чтенія извѣстныхъ писателей, причемъ мало-по-малу прочитываются и подпольныя

изданія, которыя наконецъ и становятся главнымъ предметомъ занятій, разсужденій и толковъ. Тутъ-то и улавливаются наиболѣе податливые птенцы, замыкаются въ клѣтку, разобщаются туманомъ революціонныхъ идей съ окружающимъ міромъ, подчиняются тайной командѣ, должнымъ образомъ терроризуются, и потомъ становятся слѣпыми орудіями для безумныхъ дѣлъ, для гнусныхъ злодѣяній. До послѣдняго времени появлявшіеся признаки дурной пропаганды не имѣли повидимому тревожнаго характера; съ конца же минувшаго года началъ обостряться европейскій кризисъ, и чѣмъ онъ болѣе обострялся, тѣмъ болѣе повидимому поддавалось жару людямъ смуты въ нѣкоторыхъ странахъ. Эти нѣкоторыя страны суть Россія и Франція. Въ этой послѣдней есть масса революціонныхъ элементовъ. Тамъ нечего фабриковать ихъ искусственно, тамъ требуется только расшевеливать и поджигать готовый запасъ горючихъ веществъ. Но за исключеніемъ немногихъ окостенѣвшихъ въ своемъ безуміи фанатиковъ, въ родѣ Феликса Піа, никто изъ вождей французскаго радикализма теперь не дозволяетъ себѣ возбуждать революціонныя страсти и смуты въ странѣ. Всѣ партіи сливаются въ одномъ общемъ національномъ дѣлѣ. Тамъ, подъ вліяніемъ патріотическаго духа, овладѣвшаго страной, какъ бы совершается обновленіе націи, быть-можетъ спасительное и плодотворное для ея будущаго. Но вотъ, въ одно время съ телеграммой изъ Петербурга объ арестѣ злоумышленниковъ, получаемъ мы свѣдѣнія изъ Парижа объ оживленіи анархизма во Франціи, и кѣмъ же? нашими милыми соотечественниками. Извѣстный Кропоткинъ переселился изъ Женевы въ Парижъ со своимъ органомъ *le Révolté* и вступилъ въ союзъ со знакомою намъ кликой *Земля и Воля*, при соучастіи пресловутой Луизы Мишель. Изъ Женевы изданіе Кропоткина не пропускалось во Францію, какъ заграничное; Кропоткинъ, пользуясь радикальною конституціей, открылъ теперь свое изданіе въ самомъ Парижѣ, проповѣдуя съ Луизою Мишель и съ нашими нигилистами просто-напросто „droit au vol“, ругаясь надъ патріотизмомъ, распространяя идеи измѣны, братаясь съ германскими соціалистами, организуя кружки изъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ, собирая ихъ на митинги во имя грабежа и угрожая въ случаѣ войны провозгласить коммуну въ Парижѣ.“ Теперь спрашивается, кому служатъ эти condottieri? Кто ихъ поджигаетъ?

Is fecit cui prodest.

Моск. Вѣд. № 64, 5 марта.

Всѣмъ извѣстно значеніе листка, выходящаго въ Вѣнѣ подъ титуломъ *Политической Корреспонденціи, Politische Correspondenz.* Это receptaculum сообщеній отъ разныхъ правительствъ, въ видѣ газетныхъ листовъ. Въ такомъ смыслѣ было принято всѣми и произвело впечатлѣніе письмо изъ Петербурга отъ 13 февраля н. ст., появившееся въ этомъ листкѣ (см. *Моск. Вѣд.* № 43), о томъ положеніи какое, при данныхъ обстоятельствахъ, предполагаетъ принять Россія и объ ея отношеніяхъ къ Германіи и Франціи.

На этихъ дняхъ появилось въ томъ же листкѣ высоко офиціозное, отъ „особеннаго корреспондента", письмо изъ Берлина, передающее воззрѣнія тамошнихъ руководящихъ сферъ. Въ Берлинѣ недовольны подозрительностью русской печати по отношенію къ берлинской политикѣ. „Особый корреспондентъ" предостерегаетъ Россію, грозя ей большими невзгодами. Ее де разорятъ на ея валютѣ, и русскія населенія на себѣ почувствуютъ весь вредъ *панславистскихъ* тенденцій ея печати. Это первое предостереженіе. А если оно не подѣйствуетъ? „Если общественное мнѣніе Россіи," продолжаетъ *особенный корреспондентъ*, „не образумитъ печати,—ну такъ не замедлятъ „послѣдствія которыя *дадутъ себя знать Россіи самымъ для „нея прискорбнымъ образомъ.*" Чѣмъ же грозитъ Россіи берлинскій политикъ? Революціонными и *антидинастическими* смутами...

Письмо это датировано изъ Берлина, отъ 11 марта новаго стиля, то-есть отъ 28 февраля нашего стиля, именно наканунѣ того случая о которомъ извѣстилъ *Правительственный Вѣстникъ.* Въ Россіи для всѣхъ этотъ случай явился неожиданностію; въ берлинскихъ руководящихъ сферахъ, какъ видите, нѣчто подобное ожидалось.

А теперь, post factum, канцлерскія газеты прямо заявляютъ что развитіе русскаго народнаго чувства, des russischen Nationalgefühls, ведетъ къ революціи. Отсюда мораль: Россія, дабы уберечь себя отъ революціи, должна отречься отъ національнаго чувства, какъ вреднаго и революціоннаго, и отдать себя въ распоряженіе германскаго канцлера.

Итакъ, во первыхъ, нѣчто подобное случаю 1 марта предусматривалось въ Берлинѣ, и, во вторыхъ, случай этотъ служитъ теперь пригоднымъ аргументомъ для вразумленія Россіи.

Моск. Вѣд. № 65, 6 марта.

Въ Берлинѣ мало того что ожидали наступленія какихъ-то чрезвычайныхъ событій въ Россіи, какъ доказываетъ приведенное нами вчера офиціозное письмо, появившееся наканунѣ въ *Politische Correspondenze*—тамъ уже были готовы къ истолкованію того что имѣло случиться. Въ прошлый понедѣльникъ, Европа не имѣла еще достовѣрныхъ свѣдѣній о случившемся; лишь газета *Standard* въ Лондонѣ получила какую-то неясную телеграмму объ арестахъ въ Петербургѣ. Телеграмма эта съ лихорадочною послѣшностію передана именно въ Берлинъ. Даже въ Вѣнѣ газеты, вышедшія во вторникъ утромъ, ничего не знали о случившемся въ Петербургѣ. Только проживающій тамъ корреспондентъ *Times* въ понедѣльникъ телеграфировалъ что революцію въ Россіи замышляетъ „крупное землевладѣніе“. И это сообщеніе тотчасъ же стало извѣстнымъ въ Берлинѣ, гдѣ вышедшія на слѣдующее утро газеты полны сужденій о новомъ событіи.

Во главѣ нумера газеты *Post*, уже во вторникъ утромъ появилась статья подъ громкимъ титуломъ: *Das Attentat in St.-Petersburg*. Воинствующій канцлерскій органъ характеризуетъ революціонныя партіи въ Россіи. Таковыхъ оказывается три. Одна, это такъ-называемые *нигилисты*; они относятся къ прошедшему времени; ихъ дѣятельность завершилась 1 марта 1881 года. Теперь ихъ нѣтъ, жестокая репрессія ихъ истребила. Что это была за партія? Какіе это были люди? Они прибѣгали къ разрушительнымъ средствамъ, но въ основѣ своей это были премилые люди.

„Они требовали отъ правительства фантастической реформы которая перенесла бы высшую власть на избираемое народомъ собраніе, долженствовавшее возвести новое зданіе русскаго государственнаго устройства. Этотъ проектъ противорѣчилъ условіямъ дѣйствительности; но процессъ заговорщиковъ доказалъ что они стали преступниками не по злой волѣ, а вслѣдствіе глубокаго оскорбленія ихъ нравственнаго чувства при видѣ порядковъ встрѣчающихся въ управленіи такого обширнаго государства, не смягчаемыхъ противовѣсомъ автономныхъ, народныхъ элементовъ.“

Какъ вамъ покажется эта характеристика нигилистовъ въ почтенномъ берлинскомъ органѣ который усердно служитъ политикѣ канцлера?

Протекло де шесть лѣтъ; явились новые заговорщики; они удержали „жестокій методъ разрушенія“ къ которому прибѣгали нигилисты, но они имѣютъ де другой характеръ. Эти партіи суть: волервыхъ, *декабристы*, вовторыхъ, *панслависты*. Декабристы идутъ отъ 14 декабря 1825 года. „Заговоры „послѣднихъ шести лѣтъ“, свидѣтельствуетъ *Post*, „исходили „не отъ нигилистовъ, а отъ декабристовъ. Зоркіе наблюдатели „обращаютъ вниманіе еще на одну особенность: нынѣшніе „декабристы не ожидаютъ ничего отъ переходнаго состоянія „называемаго анархіей, а разчитываютъ на то переходное „состояніе которое создается войной. Ихъ покушенія должны „доказать господствующему режиму что только война и по„бѣда въ состояніи возвратить ему исчезающее вліяніе. Де„кабристы разчитываютъ что во всякомъ случаѣ самодержавіе „потерпитъ непоправимое потрясеніе коль скоро его дове„дутъ до войны. Если русскія войска потерпятъ пораженіе, „династія будетъ вынуждена, отстранивъ прежнихъ совѣтни„ковъ, привлечь къ себѣ народъ свободными учрежденіями. „Если же Россія побѣдитъ, то задачи ея возрастутъ, побѣда „будетъ считаться только временнымъ успѣхомъ и о сохра„неніи нынѣшняго режима опять-таки нельзя будетъ и ду„мать... Таковъ разчетъ современныхъ декабристовъ и, стран„нымъ образомъ, они сходятся въ этомъ случаѣ со своими „противниками, съ такъ-называемыми *панславистами*. Разли„чіе состоитъ только въ томъ что панслависты съ увѣрен„ностью ожидаютъ побѣдъ которыя укрѣпятъ ихъ систему, „тогда какъ *декабристы* совершенно другаго мнѣнія о спо„собности Россіи вести большую войну. Какъ бы тамъ ни „было, покушенія декабристовъ служатъ лучшимъ подспорьемъ „для цѣлей панславистовъ, желающихъ добиться войны какъ „можно скорѣе.“

„Какой же путь изберетъ Россія въ виду новыхъ революціонныхъ покушеній?“ спрашиваетъ берлинскій политикъ. „Будетъ ли она непоколебимо продолжать телерешнюю си„стему, или же вступитъ на путь внутреннихъ реформъ? Но „въ послѣднемъ случаѣ, этого скрыть нельзя, панслависты „помѣняются ролями съ декабристами (то-есть пойдутъ на „заговоры съ разрывными снарядами), такъ какъ всякая дѣй„ствительная реформа должна начаться мѣрами, которыя „уничтожили бы нынѣшнихъ утилизаторовъ господствующей „системы, панславистовъ, а съ ними и бо́льшую часть запра„вителей въ дворянствѣ, въ войскѣ и въ администраціи.“

Замѣтьте топорное искусство съ какимъ до умопомраченія смѣшиваются *нигилисты*, новоизобрѣтенные *декабристы* и такъ-называемые *панслависты* подъ которыми канцлерская политика разумѣетъ всѣхъ по-русски мыслящихъ въ Россіи людей, въ сущности всѣ сословія ея народа. Декабристы разнятся отъ нигилистовъ только тѣмъ что послѣдніе хотѣли чрезъ анархію достигнуть своихъ цѣлей, а декабристы для достиженія тѣхъ же цѣлей тщатся своими заговорами возбудить войну. Панслависты же, имѣя свои цѣли и собственно только желая утвердиться во власти, также стремятся возбудить войну, и потому въ сущности солидарны съ декабристами, пользуются ихъ заговорами и сами, въ случаѣ неудачи, готовы продолжать дѣятельность нигилистовъ и декабристовъ. Для вящаго куріоза слѣдуетъ упомянуть что во главѣ послѣдней партіи, готовящей динамитные снаряды, канцлерскій органъ ставитъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Всѣ эти нелѣпости не заслуживали бы вниманія если бъ онѣ не отличались изумительнымъ нахальствомъ своей тенденціозности, и не служили бы къ изобличенію политики которая не отступаетъ ни предъ чѣмъ когда, въ горячую минуту, понадобится сбить кого-нибудь съ толку. Интересно замѣтить также ту лихорадочную торопливость съ какою берлинскіе политики употребляютъ въ дѣло все для вразумленія Россіи что ей, при данныхъ обстоятельствахъ, невозможно и помышлять о самостоятельности въ своихъ международныхъ дѣлахъ. „Россіи должно прежде всего заботиться", поучаетъ насъ *Національная Газета*, „о политикѣ успокоенія какъ внутри, такъ и внѣ... Безпрерывное возбужденіе въ Россіи интересовъ національныхъ, экономическихъ и религіозныхъ, вотъ въ чемъ заключается система г. Каткова. Эта система нанесла Россіи уже не мало вреда, и опасность ея все болѣе должна выступать наружу."

II.

Болгарія и Европа.

Моск. Вѣд. № 59. 28 февраля.

Идетъ рѣчь о болгарскихъ регентахъ и ихъ правительствѣ. Но кто по истинѣ регенты Болгаріи? Мы не ошибемся если скажемъ что истинные регенты этой злополучной страны,

это агенты великихъ державъ. Все что̀ ни дѣлается тамъ, лежитъ на ихъ отвѣтственности или, вѣрнѣе, на отвѣтственности представляемыхъ ими правительствъ. Возможно ли допустить чтобы люди носящіе титулъ болгарскихъ регентовъ и министровъ, люди, въ своемъ ничтожествѣ исчезающіе для вмѣненія, могли дѣйствовать такъ смѣло, твердо и рѣшительно, безъ вѣдома могущественныхъ державъ, въ вѣдѣніи которыхъ Болгарія находится, и которыя въ ней имѣютъ свои глаза и уши? Отвѣтственность тяжко пала бы на эти державы и въ томъ случаѣ еслибъ онѣ только допускали и терпѣли все то что̀ тамъ творится,—и чѣмъ болѣе та или другая изъ нихъ любитъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, макіавельствовать и будоражить міръ своимъ властолюбіемъ, тѣмъ непонятнѣе было бы ея бездѣйствіе въ Болгаріи, при условіяхъ въ какихъ эта малая подначальная страна теперь находится. Полустительство со стороны державъ было бы дѣломъ совершенно непонятнымъ еслибъ онѣ всего творящагося на ихъ глазахъ не одобряли. Ихъ полустительство, напротивъ, понятно если все происходящее предъ ихъ глазами согласуется съ ихъ видами. Но мы были бы еще далеки отъ истины еслибъ остановились на мнѣніи что сильные земли составляютъ въ данномъ случаѣ только публику, собравшуюся на пріятный спектакль. Сильные земли не публика, а творцы спектакля, его двигатели, его закулисные распорядители. Все дѣлается по почину нѣкоторыхъ изъ нихъ, при корыстномъ или слабодушномъ потворствѣ другихъ. Это не догадка, не соображеніе, не заключеніе: это фактъ. Офиціальные документы свидѣтельствуютъ о распорядительномъ участіи агентовъ державъ въ болгарскихъ смутахъ. Англійская *Синяя Книга* далеко не открываетъ всего что̀ происходило за кулисами; но достаточно и того что̀ она даетъ дабы имѣть доказательства неопровержимыя предъ самымъ формальнымъ судомъ. Англійское правительство дѣйствовало frankly and openly. Оно, въ лицѣ своихъ агентовъ, которые вѣрно и неутомимо служили ему, само выступало на сцену; но другимъ было неудобно выставляться, и подъ другими мы разумѣемъ главнымъ образомъ духъ одержащій сосѣднюю намъ страну, когда-то столь мирную, искавшую истины и нравственныхъ идеаловъ, а нынѣ слѣпо ринувшуюся на путь властолюбія, коварства и хищеній. Кто въ этихъ лютыхъ, педантически безпощадныхъ, фельдфебельски неукоснительныхъ казняхъ въ

Рущукѣ, не признаётъ того духа который въ семидесятомъ году разстрѣливалъ во Франціи не только вольныхъ стрѣлковъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, но по круговой порукѣ, не разбирая виновныхъ, чуть не цѣлыя селенія за сорвавшійся выстрѣлъ. Виновныхъ? въ чемъ виновныхъ? Въ томъ единственно что не могли сдержать сердца, что не остались благоразумно бездушными при видѣ бѣдствій своей родины, что увлеклись порывомъ столь естественнымъ въ своемъ источникѣ, столь человѣческимъ, столь благороднымъ... Кто не признаётъ въ этихъ казняхъ, повторимъ, нѣмецкой и галицкой работы, лишь съ примѣсью болгарской дикости, которая въ своемъ усердіи загрязнила ее? Тѣмъ хуже что на растерзаніе псовъ были преданы люди еще менѣе повинные чѣмъ французскіе поселяне и франтирёры, люди въ своей странѣ безспорно лучшіе, люди поднявшіеся съ протестомъ противъ несомнѣнно незаконной власти, предательски увлекающей народъ на погибельный путь. Какая же то ожесточенная, подавляющая всякое человѣческое чувство политика, которая могла не говоримъ уже потребовать, но даже потерпѣть безпощадное избіеніе людей подобныхъ Зеленогорову, Панову, наконецъ Узунову, тому Узунову который въ Сербо-Болгарскую войну такъ доблестно отстаивалъ Видинскую крѣпость? Какіе бы ни были негодяи и изверги регенты и ихъ министры, посаженные принцемъ Баттенбергомъ, не могли бы они такъ несомнительно, sans phrase, безъ колебаній, расправиться съ людьми подобнаго значенія. Въ нихъ все-таки сказалось бы если не чувство, то мнѣніе болгарское. Нѣтъ, во всемъ этомъ дѣлѣ видно чужое, холодное, непреклонное рѣшеніе, которое ни людей, ни побужденій не разбираетъ. Да наконецъ, возможно ли было бы объяснить себѣ иначе ту радость, то ликующее сочувствіе, тѣ рукоплесканія, которыми сопровождались рущукскія казни въ центрахъ европейской цивилизаціи? Съ какимъ притворнымъ или искреннимъ негодованіемъ, и въ Лондонѣ и въ Берлинѣ, отнеслись къ двумъ-тремъ неодобрительнымъ словамъ, притворно или искренне сказаннымъ въ газетѣ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ?

Нѣтъ сомнѣнія что видамъ берлинской политики всего противнѣе было бы освобожденіе Болгаріи ея собственными силами изъ плѣна въ которомъ ее держатъ. Освобожденіе Болгаріи русскимъ оружіемъ было бы не такъ противно, въ.

видахъ этой политики, какъ ея возвращеніе собственными силами подъ сѣнь Россіи. Это разстраивало всѣ планы политики которая подкапывается подъ самыя основы русскаго значенія на Востокѣ; она готова оказывать Россіи нѣкоторыя поблажки, давать нѣкоторое удовлетвореніе ея честолюбію, дѣлать нѣкоторыя поверхностныя уступки ея дипломатіи и помогать фальшивымъ сдѣлкамъ которыя не только не поднимутъ, но глубже уронятъ ее на Востокѣ, ослабятъ ея положеніе въ Европѣ и поколеблютъ ея вѣру въ себя, безъ которой нельзя обойтись ни во внутреннихъ, ни въ международныхъ дѣлахъ. Весь смыслъ обмана состоитъ въ томъ чтобы представить весь Болгарскій народъ пламенѣющимъ ненавистью къ Россіи и видящимъ свое счастіе въ отчужденіи отъ нея, а ее хищнымъ звѣремъ ищущимъ поглотить свою жертву. Сколько разъ и самъ руководитель германской политики, и его органы, съ лукавою грубостію заявляли что Германія вовсе не призвана заботиться о счастіи Болгарскаго народа, что у нея есть свои интересы, по необходимости понуждающіе ее къ нѣкоторой поблажкѣ притязаніямъ Россіи, причемъ всякому предоставлялось разумѣть что притязанія Россіи противны истинному счастію Болгаріи. Это должно было служить наукой и тѣмъ и другимъ, и Болгарамъ и Россіи: Болгарамъ чтобъ они сколько могутъ запирались для Россіи; а Россіи, чтобъ она въ своей жадности довольствовалась тѣмъ что удѣлитъ, насилуя де свое чувство, добрый союзникъ. Посмотрите, какъ теперь, послѣ рущукскаго торжества, разсылается эта политика въ любезностяхъ, а весьма вѣроятно и въ предложеніяхъ услугъ для поправленія нашихъ дѣлъ въ Болгаріи, надѣясь попрежнему захватить Россію въ свои сѣти.

Напрасно думаютъ и свои и чужіе что Россія покинула Болгарію, что она, какъ говорится, махнула рукой на Востокъ. Нѣтъ, народности Востока, въ какомъ бы положеніи и подъ какимъ бы правительствомъ ни находились онѣ, не покинуты ею. Она не можетъ ихъ покинуть, не отрекаясь отъ самой себя. Весьма естественный порывъ сердца побуждалъ бы насъ тотчасъ же броситься прямо въ тѣ мѣста гдѣ творятся дѣла вражды; но и въ добромъ приходится сдерживать нетерпѣніе. Весьма естественно скорбѣть что голосъ Россіи не раздается слышимо для всѣхъ, что онъ не остановилъ лютой расправы которая совершалась надъ людьми виновными только въ вѣрности ей, что ея подданные и люди ей преданные въ

Болгаріи находятся подъ охраной правительства, которому противно добровольное движеніе среди Болгарскаго (какъ и Сербскаго) народа въ пользу Россіи, и что мы не были избавлены по крайней мѣрѣ отъ доброй услуги г. Тильмана, который предъявилъ болгарскимъ регентамъ русское требованіе о выдачѣ русскихъ подданныхъ Узунова и Панова, послѣ того какъ они уже были разстрѣляны. Но какъ бы ни было это прискорбно, слѣдуетъ помнить что когда нужно хлестнуть, то хлещутъ по рукѣ, а не по лапкѣ.

Моск. Вѣд. № 69, 10 марта.

Правительство проявляется въ актахъ обязательнаго свойства, а не въ разсужденіяхъ и мнѣніяхъ. Оно даетъ законы, оно дѣлаетъ распоряженія, а правительственныхъ мнѣній мы не знаемъ. Лица которымъ ввѣряются правительственныя дѣла могутъ имѣть свои мнѣнія, и хорошо если ихъ мнѣнія согласуются съ долгомъ ихъ службы, худо если нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, чьи бы то ни было и какія бы то ни были мнѣнія, пока они мнѣнія, обязательнаго значенія не имѣютъ и чѣмъ-либо правительственнымъ считаться не могутъ.

Если-бы кто изъ министровъ высказалъ мнѣніе что Россія въ своихъ домашнихъ дѣлахъ должна сообразоваться со взглядами иностранныхъ правительствъ, то такое мнѣніе свидѣтельствовало бы только объ оригинальномъ образѣ мыслей министра, но чѣмъ-либо правительственнымъ конечно признано быть не могло бы.

Въ концѣ 1885 года, во время обсужденія новыхъ питейныхъ правилъ, въ офиціальной газетѣ появился рядъ статей подъ титуломъ „Отъ Министерства Финансовъ". Мнѣнія которыя въ нихъ высказывались не выдерживали критики. Въ возникшей полемикѣ была раскрыта ихъ несостоятельность и невѣрность ихъ показаній. Можно ли было признать эти статейки правительственными, какъ онѣ себя титуловали? Мы относились къ нимъ какъ къ произведенію пера кого-либо изъ усердныхъ чиновниковъ Министерства Финансовъ, и только сожалѣли что имя правительства такъ странно ломыкается.

За статьями финансоваго вѣдомства послѣдовали статьи отъ дипломатическаго вѣдомства. 3 декабря минувшаго года въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось сообщеніе объ отношеніяхъ Россіи къ Германіи, изъ коего русская

лубликa, а затѣмъ и весь міръ, имѣли узнать что съ Германіей „Россія связана многочисленными жизненными инте„ресами, благодаря которымъ отношенія между обѣими „державами упрочились и уже неоднократно выдерживали „испытаніе". Авторъ забылъ при этомъ что Германія, въ ея нынѣшнемъ видѣ, есть созданіе вчерашняго дня и не имѣетъ ничего общаго съ тою мирною двуглавою федераціей самостоятельныхъ государствъ какая дотолѣ существовала въ Европѣ подъ именемъ Германіи. Никакими опытами не доказано и ни изъ чего не видно чтобы жизненные интересы нынѣшней Германіи были связаны съ таковыми Россіи. Интересы той политики которая управляетъ нынѣшнею Германіей требуютъ, напротивъ, отреченія Россіи отъ ея жизненныхъ интересовъ и отъ ея самостоятельности, потому что только при этомъ условіи Германія можетъ обезпечивать свою диктатуру въ Европѣ и довершать свои, всѣмъ очевидные, планы на Западѣ и Востокѣ. Эта политика успѣла уловить Россію въ такъ-называемый „тройственный союзъ", котораго срокъ истекаетъ въ нынѣшнемъ году. Авторъ дипломатическаго сообщенія заявлялъ что этотъ союзъ продлится еще на долгіе годы. Успокоивая насъ тѣмъ что Германія „будетъ *продолжать воздерживаться* ото всякихъ дѣйствій могущихъ затронуть какъ достоинство Россіи, такъ и интересы создавшіеся вслѣдствіе историческихъ отношеній нашихъ къ нашимъ восточнымъ единовѣрцамъ", авторъ свидѣтельствовалъ предъ цѣлымъ міромъ что правительство Россіи „твердо намѣрено попрежнему относиться *съ должнымъ вниманіемъ къ собственно германскимъ интересамъ*". Авторъ возложилъ такимъ образомъ на Россію обязательство на долгіе годы гарантировать *собственно германскіе интересы*, то-есть такіе которые не могутъ быть связаны съ русскими, и за то только что Германія *будетъ воздерживаться* отъ открыто враждебныхъ противъ Россіи дѣйствій и дозволитъ намъ по крайней мѣрѣ издали интересоваться судьбой нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ. И это въ то время когда рука Германіи заносилась надъ единственною державой которая могла бы оказывать ей противовѣсъ на западѣ Европы, надъ Франціей, начинавшею входить въ силу! Гарантируя Германіи полную свободу дѣйствій и неприкосновенность Франкфуртскаго трактата, авторъ ничѣмъ не гарантируетъ однако что Германія, расправившись съ Франціей, вдругъ вздумаетъ *не продолжать*

воздерживаться (увы, она и теперь не очень воздерживается!) Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Сокрушивъ или замиривъ изолированную Францію, Германія, по всему вѣроятію, болѣе не будетъ нуждаться въ добрыхъ услугахъ Россіи, которая очутится одна предъ всеевропейскою коалиціей, куда принуждена была бы войти и Франція.

Это дипломатическое сообщеніе поразило всѣхъ. Мы знаемъ изъ самаго достовѣрнаго источника что оно удивило даже берлинскія правящія сферы какъ преждевременная и излишняя откровенность. Мы были убѣждены что чье бы мнѣніе ни высказывалось въ этой статейкѣ, она узурпированно присвоила себѣ именованіе „правительственнаго“. Мы были убѣждены, и остаемся при этомъ убѣжденіи, что правительство въ высшемъ и истинномъ смыслѣ этого слова, какъ понимаютъ его въ Россіи, идетъ другимъ путемъ, который открывается все яснѣе и яснѣе, идетъ не къ порабощенію, а къ свободѣ дѣйствій Русскаго Царя, какъ вѣрнѣйшему залогу всеобщаго умиротворенія и спокойствія. Но въ то критическое время мы избѣгали возбуждать полемику по столь щекотливому вопросу, и предпочли *замолчать*, *todtschweigen* злополучную статью. Послѣ того прошло слишкомъ три мѣсяца; событія шли быстро, шли изобличительно, наставительно. Никакого сомнѣнія не оставалось въ истинныхъ видахъ Императорскаго правительства. Само дипломатическое вѣдомство уже принялось диктовать офиціозныя корреспонденціи, возвѣщавшія о политикѣ Императорскаго правительства въ смыслѣ противоположномъ тому что ему приписывалось въ сообщеніи 3 декабря. И вотъ теперь снова появилось писанное, тѣмъ же или такимъ же перомъ, какъ и 3 декабря, „правительственное сообщеніе“. Оно касается германскихъ консуловъ Болгаріи, къ которымъ якобы недостойно и злословно относилась русская печать вмѣсто благодарности которой де они заслуживаютъ со стороны Россіи. Авторъ дипломатической статьи не щадитъ выраженій, вовсе не дипломатическихъ, по адресу русской печати. Вотъ текстъ этого краткаго заявленія:

Вслѣдствіе появившихся въ минувшемъ году въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ неосновательныхъ толковъ по предмету неблагопріятныхъ, будто бы, отношеній къ намъ Германскаго правительства, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, отъ 3 декабря прошлаго года, было сообщено что означенныя отношенія не могутъ подать

поводу ни къ какимъ опасеніямъ. Несмотря на столь рѣшительное заявленіе со стороны правительства, означенные толки стали вновь повторяться въ газетахъ, въ особенности послѣ кровавой расправы которой подверглись участники неудачнаго рущукскаго возстанія. Свою неумѣренность и пристрастіе нѣкоторыя газеты простерли до того что не задумались возложить на Германское правительство и на его агентовъ въ Болгаріи отвѣтственность за самую расправу, совершившуюся въ Рущукѣ.

Правила нравственности обязываютъ всякаго, рѣшающагося формулировать столь тяжелое обвиненіе, предъявить и достаточныя доказательства въ подтвержденіе онаго. За отсутствіемъ же такихъ доказательствъ не представляется возможности провести границу между обвиненіемъ и праздными злословіемъ, которое столько же несовмѣстно съ достоинствомъ уважающаго себя органа печати, сколько и съ достоинствомъ частнаго лица.

Полученныя Императорскимъ правительствомъ свѣдѣнія о послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи находятся въ явномъ противорѣчіи съ упомянутыми выше газетными толками. Представленія въ пользу участниковъ рущукскаго возстанія были сдѣланы германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Софіи тотчасъ по полученіи имъ извѣщенія о смертномъ приговорѣ произнесенномъ надъ участниками возстанія. Баронъ Тильманъ не можетъ нести ни малѣйшей отвѣтственности за ту послѣдовательность съ которою смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Съ другой стороны, хорошо извѣстно что еще до полученія указаній отъ своего начальства, германскій вице-консулъ въ Рущукѣ вступался за осужденными; благодаря его заступничеству, быль, между прочимъ, исключенъ изъ числа послѣднихъ русскій подданный Большаковъ.

Ввѣряя защиту своихъ интересовъ германскимъ агентамъ въ Болгаріи, Императорское правительство имѣло вполнѣ достаточныя причины поступить такимъ образомъ, и отзывы газетъ старающихся дискредитировать эту мѣру въ глазахъ читающей публики лишены всякаго основанія.

Считаемъ должнымъ объясниться.

Мы со своей стороны никогда не думали лично обвинять германскихъ консуловъ въ Болгаріи. Мы указывали только на фальшивое относительно болгарскихъ событій положеніе нынѣшней Европы и особенно Германіи, претендующей на первенствующую роль между державами и состоящей въ особенныхъ союзныхъ къ Россіи отношеніяхъ. Что касается германскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Болгаріи, то какова бы ни была политика ихъ правительства, они служатъ

ей вѣрно и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ не порицанія, а похвалы. Мы не можемъ сочувствовать и желать успѣха политикѣ которой служатъ англійскіе и германскіе агенты, но не можемъ не отдать имъ справедливости въ вѣрности и усердіи съ какимъ они исполняютъ свой долгъ. Припомнимъ участь Арнима, бывшаго германскимъ посломъ во Франціи, который вздумалъ имѣть свои мнѣнія, несогласныя съ политикой главнаго руководителя германскихъ дѣлъ. Онъ былъ обвиненъ измѣнникомъ и истертъ въ порошокъ.

Въ какомъ отношеніи германскіе консульскіе агенты должны находиться къ болгарскимъ событіямъ? Безо всякаго сомнѣнія, они считаютъ своимъ долгомъ соотвѣтствовать требованіямъ Германіи, а не Россіи. Въ сообщеніи сказано что правительствомъ получены о послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи свѣдѣнія находящіяся въ противорѣчіи съ газетными толками. Но отъ кого правительство могло бы получить въ настоящее время свѣдѣнія, которыя давали бы основаніе высказываться столь рѣшительнымъ образомъ? Русскихъ представителей теперь въ Болгаріи не имѣется и всѣ сношенія съ ней нашего правительства прерваны. Откуда же увѣренность что сужденія высказанныя въ русской печати касательно ненадежности охраны русскихъ интересовъ германскими консулами не имѣютъ основанія?

Когда наше правительство нашлось вынужденнымъ отозвать своихъ представителей изъ Болгаріи, потребовалось довѣрить которой-либо изъ державъ наблюденіе за русскими интересами въ этой странѣ, что могло заключаться только въ охранѣ русскихъ подданныхъ и лицъ имѣющихъ право на покровительство Россіи. Германскій генеральный консулъ въ Софіи, какъ тогда сообщалось, затруднился (и конечно не безъ основанія) взять на себя такое порученіе. Императорское правительство обратилось ко Французскому, которое, какъ офиціально заявлялъ тогдашній глава кабинета, г. де-Фрейсине, охотно принимало на себя эту обязанность. Затѣмъ послѣдовала перемѣна; охрана русскихъ подданныхъ въ Болгаріи окончательно передана была Германіи. Во время этихъ колебаній, вотъ какъ высказывались въ Берлинѣ:

„Самая замѣчательная черта разрыва дипломатическихъ „сношеній между Россіей и Болгаріей есть передача защиты „русскихъ подданныхъ Франціи, а не Германіи, какъ перво„начально предполагала Россія. Въ ряду посредническої роли

„Германіи, очевидно, не входило принятіемъ подобнаго про-
„тектората непосредственно запутываться въ болгарскія дѣла,
„такъ какъ въ Болгаріи рѣчь идетъ не о защитѣ спокойной,
„неполитической иностранной колоніи, которая довольна бу-
„детъ если ее оставятъ въ покоѣ: на самомъ дѣлѣ Русскіе въ
„Болгаріи составляютъ безъ сомнѣнія въ данную минуту ре-
„волюціонный элементъ, и рѣчь идетъ скорѣе о защитѣ бол-
„гарскаго правительства отъ русскихъ чужестранцевъ чѣмъ
„о защитѣ послѣднихъ отъ болгарскаго правительства. Поло-
„женіе въ какомъ находятся теперь отношенія между Россіей
„и Австро-Венгріей также безъ сомнѣнія налагаетъ на гер-
„манскую политику нѣкоторую сдержанность.“

Такъ отозвалась одна изъ самыхъ вліятельныхъ берлинскихъ газетъ, *National-Zeitung*, органъ сильной партіи, на которую теперь главнымъ образомъ опирается руководитель германской политики. Итакъ, вотъ мнѣніе которое въ Германіи недвусмысленно и рѣшительно высказывалось. Никакого правительственнаго сообщенія, въ противномъ смыслѣ, германскій канцлеръ не дѣлалъ.

Напротивъ, не задолго до того, въ непосредственномъ органѣ канцлера, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, вотъ что было сказано:

„Собраніе“ (признанное Россіей незаконнымъ и ей враждебное) „съ достойнымъ одобренія спокойствіемъ и осмотритель-
„ностію продолжаетъ свои занятія стараясь уклониться ото
„всего что можетъ вести къ затрудненіямъ, а въ Бургасѣ
„образуется очагъ волненій, дѣятельность коего даетъ поводъ
„къ *опасеніямъ*. По частнымъ свѣдѣніямъ, тамъ устроено pro-
„nunciamento въ пользу русскаго дѣла: одна рота мѣстнаго
„гарнизона перешла на сторону *бунтовщиковъ*.“

При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія въ Германіи, при такихъ воззрѣніяхъ въ ея политическихъ сферахъ, можно ли было не опасаться за русскіе интересы поступавшіе подъ охрану германскихъ консуловъ, которые обязаны видѣть бунтовщиковъ и революціонеровъ въ вѣрныхъ Россіи Болгарахъ, а въ узурпаторахъ и врагахъ Россіи—нормальное правительство? Обращаемся къ суду справедливости и здраваго смысла: можно ли, не кривя совѣстію, сказать что не было основанія опасаться такого рода охраны русскихъ интересовъ?

Какъ на особенную заслугу германскихъ консуловъ предъ Россіей указываютъ на то что отъ казни былъ избавленъ

одинъ русскій подданный, г. Больманъ! Но и кромѣ г. Больмана были и еще русскіе подданные, о которыхъ послѣдовалъ заявить русскій министръ-резидентъ въ Румыніи, г. Хитрово. Это были люди болгарскаго происхожденія, но точно такіе же русскіе подданные какъ и г. Больманъ. Вотъ характеристическое сообщеніе изъ источника отнюдь не враждебнаго германскимъ консуламъ. Вѣнскій корреспондентъ газеты *Times* пишетъ:

„Въ Вѣнѣ получено частное письмо изъ Рущука въ кото„ромъ значится что тамошній германскій консулъ послалъ „командиру гарнизона записку, увѣдомляя его что генераль„ный консулъ въ Софіи, г. Тильманъ, потребовалъ выдачи „подполковника Филова и поручика Кисимова какъ русскихъ „подданныхъ; но что самъ онъ, консулъ, ничего не требуетъ.“ Такъ ли это или нѣтъ, но это сообщалось не въ русской печати, и конечно не въ укоръ германскому консулу. А наконецъ, и тѣ Болгары которые не числились русскими подданными, развѣ они не заслуживали участія не только съ русской, но и съ общечеловѣческой точки зрѣнія? Они были движимы не какимъ-либо своекорыстнымъ интересомъ, но единственно любовію къ своему отечеству и вѣрностію Россіи, которая его освободила и призвала къ жизни. Развѣ можно ихъ трактовать какъ бунтовщиковъ? Единственнымъ побужденіемъ ихъ было очистить свою родину отъ гаусвѣйшей изо всѣхъ революцій, отъ узурпаторовъ и измѣнниковъ, отъ нигилистовъ въ полномъ значеніи этого слова, солидарныхъ съ нашими динамитчиками. Было ли въ германской печати хоть одно слово сожалѣнія объ этихъ жертвахъ по истинѣ честнаго дѣла? Напротивъ, въ нижнихъ этажахъ этой печати, какъ въ газетахъ *Berliner-Tageblatt* и *Volkszeitung*, раздавалось звѣриное ликованіе; а въ канцлерскихъ органахъ повѣствовалось злорадно о возстаніяхъ въ Силистріи и Рущукѣ, о ихъ schnelle Unterdrückung und prompte Bestrafung, и нигдѣ ни полслова сожалѣнія. Какъ же ожидать чтобы германскіе консулы въ Болгаріи были иного чувства и мнѣнія?

Знакомъ ли составитель сообщенія съ циркулярною депешей Императорскаго кабинета обнародованною по случаю отозванія русскаго представительства изъ Болгаріи? Изъ этого дѣйствительно правительственнаго документа онъ можетъ видѣть какъ Императорское правительство смотритъ на теперешнее положеніе Болгаріи. Пусть же онъ рѣшитъ, сходствуетъ ли

воззрѣніе Императорскаго правительства съ воззрѣніями германскаго, его органовъ и агентовъ. Пусть онъ подумаетъ и скажетъ, безопасно ли и надежно ли было, при столь рѣзкой противоположности воззрѣній, довѣрить германскимъ агентамъ заступничество за русскіе интересы въ Болгаріи? Вотъ еще убѣдительный фактъ: Болгарскіе эмиссары, воспользовавшись преждевременными несчастными возстаніями въ Рущукѣ и Силистріи, ими же по всѣмъ признакамъ умышленно вызванными, захватили массу людей, подозрительныхъ въ ихъ смыслѣ, за преданность Россіи, замкнули ихъ въ тюрьмы и предали варварскимъ истязаніямъ. Къ кому обратились эти несчастные моля о заступничествѣ? Къ германскому ли консулу, на котораго указала имъ русская дипломатія? Нѣтъ, они предпочли обратиться ко французскому консулу. Помощь имъ оказалъ г. Флешъ, а не г. фонъ-Тидеманъ. Французскому консулу они были обязаны облегченіемъ своей участи; если его усилія были не вполнѣ успѣшны, то слѣдуетъ объяснять это противодѣйствіемъ, или по крайней мѣрѣ несочувствіемъ его коллегъ.

Говорятъ будто новое сообщеніе дипломатическаго вѣдомства было вызвано письмомъ князя Бисмарка, который, предоставляя своимъ газетамъ писать все что имъ угодно о Россіи, будто бы жаловался на отзывы русскихъ газетъ о германскихъ консулахъ, грозя отозвать ихъ изъ Болгаріи. Какъ бы хорошо было, въ интересахъ Россіи, еслибы онъ дѣйствительно отозвалъ своихъ агентовъ изъ Болгаріи!

III.

Князь Бисмаркъ и Франція.

Моск. Вѣд. № 62, 3 марта.

Въ то время какъ князь Бисмаркъ амурничалъ съ папой,—*amoreggia con il Papa*,—съ Квириналомъ шли дѣятельные переговоры касательно „обезпеченія мира“. Достовѣрно извѣстно что на дняхъ возобновленъ союзъ между Германіей, Австро-Венгріей и Италіей, несмотря на противодѣйствіе здравомыслящихъ элементовъ послѣдней страны. Относительно условій имѣется нѣсколько версій. Толки сводятся къ тому что союзъ имѣетъ въ виду двѣ случайности: волервыхъ, войну

Россіи съ Австро-Венгріей, вовторыхъ—Германіи съ Франціей. Въ первомъ случаѣ Италія обязуется помогать Австро-Венгріи, и за то получаетъ провинцію Роверето съ Тріентомъ. Въ случаѣ войны Германіи съ Франціей, Италія обязуется помогать Германіи; въ возмездіе за сіе обѣщается ей также не мало. По словамъ *Трибуны*, Италія въ послѣднемъ случаѣ получитъ Тунисъ и Константину; по словамъ *Diritto*, Савойю, Ниццу и часть Прованса. Притомъ Германія и Австро-Венгрія обязуются оказать „дипломатическую" поддержку Италіи на случай захвата Триполи.

„Вотъ что̀ называется, замѣчаетъ по этому поводу *Indépendance Belge*, продавать шкуру медвѣдя еще не убивъ его." Естественно возникаютъ слѣдующіе вопросы: а что̀ если соединеннымъ арміямъ не повезетъ въ войнѣ съ Россіей, тѣмъ болѣе что, по оглашеніи сущности новаго договора, Италія не рѣшится оставить безъ защиты свою границу съ Франціей и двинуть всѣ свои доблестныя войска на помощь Австріи. Другой вопросъ: что̀ если Франція одержитъ верхъ, такъ какъ Россія, по всему вѣроятію, не дозволитъ Германіи оставить безъ войскъ свою восточную границу? Генералъ Буланже минувшимъ лѣтомъ лично осматривалъ италіянскую границу. Затѣмъ произведена была примѣрная оборона альпійскихъ проходовъ. Оказалось что для отраженія Италіи съ этой стороны достаточно 30—40 тысячъ войска. Еслибы Франціи пришлось выставить и 100.000, это не ослабило бы существенно ея военныхъ силъ, и очень немного уменьшило бы ея шансы въ войнѣ съ Германіей. Итакъ, если Франція одержитъ верхъ надъ Германіей, при какомъ интересѣ останется Италія пристегнувшаяся къ Германіи? Не удивительно если этотъ жалкій союзъ, разчитанный на подачки, усилитъ оппозицію въ Италіи, и едва ли онъ укрѣпитъ тронъ короля Гумберта, во всякомъ случаѣ едва ли усвоитъ ему титулъ il re galantuomo.

Во французской печати интриги князя Бисмарка въ Квириналѣ, естественно, обратили на себя вниманіе, и еще съ лѣта идутъ толки о роли Италіи. Прежде всего, конечно, обращается вниманіе на военныя силы Италіи. Въ январѣ генералъ Рикотти, италіянскій военный министръ, заявилъ будто Италія въ пятнадцать дней можетъ выставить 500.000. Тогда же газета *Matin* (№ отъ 23 января) опровергла это хвастливое завѣреніе точными данными. Въ пѣхотной ротѣ италіянскихъ

войскъ содержится всего по 80—90 человѣкъ вмѣсто 250. Въ эскадронѣ кавалеріи состоитъ по 70—80 лошадей, вмѣсто 150. Въ артиллеріи, каждая батарея, вмѣсто 8 пушекъ, считаетъ только по 4, и лишь рѣдкая по 6 пушекъ. Новыя ружья (системы Витали) еще только готовятся (начальная скорость пули 435 метровъ, бьетъ на 1.000 и даже на 2.000 метровъ). Санитарное состояніе италіянской арміи очень плохое. О боевыхъ качествахъ италіянской арміи свидѣтельствуютъ необычайные успѣхи въ бояхъ съ Расъ-Алулой. Италія, по словамъ *Matin*, пожалуй можетъ выставить и 500.000, но съ необычайными усиліями и не скорѣе какъ въ мѣсяцъ, то-есть когда война можетъ быть уже рѣшена. Мы уже приводили (№ 44 *Mock. Вѣд*) разчетъ г. Шефле, бывшаго австрійскаго военнаго министра, по коему выходитъ что Германія и Австро-Венгрія могутъ выставить въ поле 4.084.684 солдатъ, а Россія и Франція 5.762.400, то-есть на 1.677.716 человѣкъ болѣе чѣмъ Австрія и Германія вмѣстѣ, и примѣрно, болѣе на 1.000.000 чѣмъ Германія, Австро-Венгрія и Италія всѣ вмѣстѣ. Предвидѣли ли иниціаторы Германо-Австро-Италіянскаго союза возможность совмѣстныхъ и единовременныхъ дѣйствій Франціи и Россіи? Если да, то любопытно бы знать что̀ обязалась дѣлать Италія въ *этомъ* случаѣ...

Подобные разчеты значительно успокаиваютъ Французовъ. Это, однако, не мѣшаетъ имъ быть въ убѣжденіи что война „на носу“. Сдержанность французской печати въ послѣднее время была поразительная, но не безъ причины. Дѣло въ томъ что до сихъ поръ не былъ принимаемъ въ разчетъ одинъ важный факторъ въ войнѣ съ Германіей, именно положеніе Бельгіи. Бельгія страна нейтрализованная; но Французы упустили было изъ виду что имъ приходится имѣть дѣло съ „желѣзнымъ канцлеромъ“ который перескакиваетъ черезъ всякія преграды. Французская мобилизація была разчитана *не* на эту границу. Въ нѣсколько дней и даже недѣль не передѣлаешь мобилизаціоннаго плана для болѣе чѣмъ двухмилліонной арміи съ огромнымъ количествомъ снарядовъ и всякихъ припасовъ. Нападеніе черезъ Бельгію внесло бы страшный сумбуръ во французскую армію еслибъ оно, добавимъ, случилось мѣсяцемъ или двумя ранѣе. Теперь этотъ недосмотръ поправленъ. Генеральный штабъ лихорадочно работаетъ надъ новымъ мобилизаціоннымъ планомъ. Работы эти уже близятся къ концу. Говорятъ, въ новомъ планѣ приняты

въ соображеніе и Бельгія, и Италія, и Англія, и Швейцарія. Въ Тунисѣ, противъ Сициліи, рѣшено укрѣпить первоклассный военный портъ Бизертъ, гдѣ могли бы собраться морскія силы Франціи. Итакъ, послѣднія недѣли не пропали даромъ у Французовъ. Въ этотъ-то переходный періодъ, когда Франція была въ опасности, Россія оказала ей существенную помощь однимъ своимъ *veto*. Это единогласно признаютъ всѣ французскія газеты безъ различія партій. Вспоминается и то что еще въ 1875 году Россія спасла Францію отъ окончательнаго разгрома. Но Французовъ тревожитъ опасеніе, какъ бы не произошло перемѣны въ положеніи Россіи. Что же? если они дорожатъ сближеніемъ съ Россіей, то имъ слѣдовало бы не давать канцлеру, неистощимому на выдумки, протѣсниться между ими и Россіей и постараться сблизиться съ нею на какомъ-либо серіозномъ дѣлѣ,—а этого пока не видно. Вѣдь нельзя же считать что Французы сдѣлали что-нибудь для серіознаго сближенія съ Россіей тѣмъ что ихъ консулъ попросилъ облегченія участи болгарскихъ патріотовъ...

Посмотрите, какъ эффектно начинается политическое обозрѣніе № 70 (отъ 11 марта) берлинской *Post*, органа весьма близкаго къ имперскому канцлеру: „супруга русскаго посла, „дама высокопочитаемая въ лучшемъ обществѣ Берлина, праздновала вчера (то-есть 10 марта) день своего рожденія. Къ „вечернему чаю, въ салонѣ графини, появился имперскій „канцлеръ, князь Бисмаркъ, отъ души поздравилъ ее и самымъ „любезнымъ образомъ бесѣдовалъ полчаса съ присутствовавшими дамами. Этотъ визитъ, послѣдовавшій за конференціей съ посломъ, der einer *Conferenz mit dem Botschafter folgte*“ (курсивъ подлинника), „есть событіе вызвавшее заслуженное „вниманіе. Мы освѣдомились далѣе что статсъ-секретарю „графу Герберту Бисмарку пожалованъ высокій русскій орденъ „Бѣлаго Орла. Таковое свидѣтельство милости Императора „Всероссійскаго, какъ разъ предъ днемъ рожденія императора „Германскаго, является примѣчательнымъ знакомъ отношеній Россіи къ Германіи“. Какъ все это характеристично, начиная съ самой газеты гдѣ вышеприведенныя строки напечатаны! *Post*, это именно тотъ лесъ изъ канцлерской своры котораго должность всегда была рычать по адресу Россіи пока его сестрица, *Сѣверо-Германская Газета*, хранитъ дипломатическое молчаніе,—это та газета которая еще наканунѣ съ ядовитымъ ехидствомъ отзывалась о Россіи и о болгар-

скихъ событіяхъ. И посмотрите какъ хорошо составленъ букетъ для поднесенія европейской публикѣ: канцлерскій визитъ къ посольшѣ въ день ея рожденія, любезная получасовая *causerie* съ дамами, тутъ же конференція съ княземъ, наконецъ тутъ же орденъ графу Герберту наканунѣ 90-лѣтняго юбилея императора Вильгельма,—все пошло въ дѣло, и все это перевязано лентой „отношеній Россіи къ Германіи". Замѣтьте что Французамъ дается знать объ интимныхъ отношеніяхъ канцлера къ Россіи въ то самое время когда Россіи дается чувствовать что тотъ же канцлеръ готовъ вступить въ сдѣлку съ Французами и передѣлать карту Европы. Любезная causerie съ Россіей, обѣщаніе ей способствовать усмиренію могущественныхъ Муткурова и Стамбулова, даже позволеніе повоевать съ Австріей,—и въ то же время наступательный и оборонительный договоръ съ тою же Австріей и Италіей чтобы смирить Россію!

Съ прискорбіемъ видимъ мы что благодаря „тройственному союзу" авторитетъ Россіи поколебался, что враждебная ей политика, которой Россія сама способствовала, оторвала отъ нея тѣ страны, за независимость которыхъ она пролила столько своей крови, независимость которыхъ дорога для нея,—конечно не въ отчужденіи отъ нея, но въ согласіи съ нею, такъ какъ единовѣрные ей народы Востока принадлежатъ къ одной съ нею системѣ и могутъ сохранять самыя основы своего національнаго существованія только въ тѣсномъ союзѣ съ нею. Но возстановить свое значеніе на Востокѣ она можетъ не иначе какъ сама собою. Пособіе Германіи или Австро-Венгріи не только не возстановитъ ея авторитета, но уронитъ его еще болѣе. Это не поправитъ ея дѣлъ на Востокѣ, это будетъ только дальнѣйшею ступенью упадка, это будетъ палліативою которая только усилитъ зло. Мы держимся мнѣнія которое повидимому соотвѣтствуетъ видамъ нашего правительства, судя по офиціознымъ заявленіямъ въ *Politische Correspondenz* и *Le Nord*: какъ ни прискорбно намъ видѣть смуту на Востокѣ, лучше воздержаться отъ всякаго вмѣшательства если мы почему-либо не считаемъ удобнымъ теперь же дѣйствовать самостоятельно, не прибѣгая къ компромиссамъ съ чуждыми Востоку державами, которыя направляются туда лишь съ цѣлію хищеній и которыхъ каждый шагъ тамъ есть уронъ достоинству

Россіи и ущербъ ея интересамъ. Всѣ инсинуаціи о дѣлежѣ Балканскаго полуострова—дѣло лукавое и къ добру не ведущее. Россія не помышляетъ о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ на Востокѣ. Еслибъ она вздумала поглотить эти народности, она разстроила бы только свой организмъ и осталась бы опять одинокою въ мірѣ. Ей нужны, напротивъ, самостоятельные, крѣпкіе организмы на Востокѣ, лишь бы родные ей, соединенные съ нею основнымъ для всякаго народа началомъ, вѣрою. Восточная церковь, вотъ та глубокая внутренняя связь которая соединяетъ эти народы съ Россіей, — связь, которую не цѣнятъ должнымъ образомъ верхогляднные наблюдатели. Она остается во глубинѣ своей дѣйственною несмотря на политическія неурядицы, на незрѣлость и сумбуръ интеллигенціи. Да развѣ и въ самой Россіи поверхность ея народа соотвѣтствуетъ глубинѣ? Развѣ мы сами не страдаемъ отъ чуждыхъ намъ доктринъ и понятій, которыя дѣлаютъ насъ слѣпыми и вносятъ смуту въ наши дѣла? Лишь бы только мы сами пришли въ себя и стали бы мыслить и дѣйствовать самостоятельно, съ сознаніемъ своихъ истинныхъ силъ,—дѣла на Востокѣ исправятся и наши отношенія къ этимъ народностямъ опредѣлятся должнымъ образомъ....

Что касается Австро-Венгріи, то мы безо всякихъ договорныхъ условій можемъ находиться въ наилучшихъ къ ней отношеніяхъ если она откажется отъ притязанія быть Балканскимъ государствомъ и отвергнетъ политику захватовъ и хищеній на Востокѣ. Иначе между ею и Россіей искренняго лада быть не можетъ, и столкновеніе между ними рано или поздно послѣдуетъ неизбѣжно, послѣдуетъ роковымъ образомъ. Это не мнѣніе наше; это сила вещей.

IV.

Военныя силы Германіи.

Моск. Вѣд. № 71, 12 марта.

Недавно вышла въ Берлинѣ небольшая брошюра *Werden wir siegen?* изданная спеціально военнымъ книгопродавцемъ Маттлеромъ. Авторъ брошюры пожелалъ скрыть свое имя, но по слогу и по манерѣ, какъ замѣчаютъ въ нѣмецкой

печати, „легко узнать одного изъ старшихъ офицеровъ арміи“. Газеты на перерывъ рекомендуютъ чтеніе этой брошюры всѣмъ „кому только близокъ вопросъ поставленный ею“ Брошюра, внушительно досказываетъ критикъ *Крестовой Газеты*, содержитъ въ себѣ „*goldene Worte und ernste Mahnungen*“.

Германская печать и нѣмецкіе публичные и парламентскіе ораторы говорили въ послѣднее время съ такою завосчивою запальчивостью что ernste Mahnungen для нихъ могутъ быть весьма полезны. Они можетъ-быть, хоть и въ иной формѣ, еще болѣе полезны для нѣмецкихъ офицеровъ, особенно высшихъ чиновъ.

Побѣды всегда кружили голову прусской арміи; это ея историческая слабость. И этой слабости всегда потворствовали сосѣди, сами того не замѣчая увлекавшіеся прусскими образцами. Послѣ побѣдъ Фридриха II вся Европа подражала Пруссакамъ: копировали ихъ обмундированіе, ихъ внутреннюю и внѣшнюю дисциплину, ихъ уставы, ихъ вахтъ-парады. Въ каждой мелочи прусской службы видѣли вѣрный рецептъ побѣдъ. Правда, старый Фридрихъ въ тихомолку смѣялся надъ пріѣзжавшими въ Берлинъ иностранными офицерами, но его шутки пропадали безслѣдно. Прусскіе офицеры были въ модѣ. Во Франціи не стѣснялись давать полки заѣзжимъ туда прусскимъ поручикамъ. Прусскія военныя книги и серіозныя, многотомныя, и мелкія вздорныя брошюрки раскупались и читались нарасхватъ. И никто не замѣчалъ что и прусская армія, и ея военная литература таили въ себѣ зародышъ тяжкой болѣзни, немного лѣтъ спустя поставившей Пруссію на край гибели. Внѣшность была предпочтена внутреннему содержанію, форма убивала духъ. Тактика и стратегія обратились въ фантастическіе рецепты побѣдъ; ихъ хотѣли основать на началахъ *математики* (Вентурини) и даже прямо на элементарной геометріи (Бюловъ). Изъ предмета мышленія военныя науки, теряясь въ мелочныхъ правилахъ, обращались въ предметъ задалбливанья. Путаница всѣхъ военныхъ понятій дошла наконецъ до того что признавали возможнымъ выигрывать войны одними маневрами безъ сраженій, которыя были объявлены „стратегическою ошибкой“.

Это была эпоха за которою сидя въ Кончанскомъ слѣдилъ нашъ Суворовъ, окрестившій всю прусскую военную школу кличкой „бѣдныхъ (pauvres) академиковъ“ не понимавшихъ

сущности войны, запутавшихся въ маршахъ и контръ-маршахъ. Но Суворовъ былъ Русскій: его побѣды считались *удачами*, его сужденія—*чудачествами*. То ли дѣло „ученые“ Нѣмцы Вейротеръ, Бюловъ, Фуль! Имъ вѣрили еще и въ 1812 году, въ началѣ похода, несмотря на разгромъ Пруссіи 1806 года. Вѣрили и въ Германіи, и въ Россіи.

Войны 1866 и 1870 годовъ, одержанныя тогда Пруссіей побѣды произвели впечатлѣніе, во многомъ напоминающее впечатлѣніе побѣдъ Фридриха II. Все бросилось подражать „прусской системѣ“ и такъ же точно подражать въ мелочахъ, во вѣшности, въ формахъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія прусскій поручикъ Пирхъ написалъ книжку о равненіи баталіона, прослылъ геніемъ и получилъ въ командованіе французскій полкъ; въ наши дни мечтанья прусскаго военнаго писателя Шерфа считались верхомъ мудрости; по одной изъ главъ его перваго труда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, были выкроены чуть не всѣ строевые уставы европейскихъ армій. Всякая нѣмецкая военная книжка, всякій листокъ нѣмецкаго военнаго журнала считались послѣднимъ словомъ науки, чему сейчасъ же нужно подражать, что̀ сейчасъ же нужно „проводить въ жизнь“. Прусская армія принимала все это увлеченіе какъ должное уваженіе къ ея „доказанному“ превосходству и непобѣдимости. Ѣздило по Европѣ нѣмецкое самохвальство, критиковало или точнѣе порицало всѣ арміи: онѣ де не доросли до прусской, онѣ даже „ни ходить и равняться хорошенько не умѣютъ“. Нашъ Скобелевъ выставлялся зарвавшимися берлинскими учеными стратегами не больше какъ за Haudegen. Въ нѣмецкой литературѣ есть не мало книгъ трактующихъ нашъ балканскій походъ, дѣйствія Радецкаго, маневры Гурко какъ рядъ поразительныхъ ошибокъ. Всѣ эти вздорныя писанья не остались и не могли остаться безъ вліянія на духъ германской арміи, испорченный того же легкаго и опаснаго высокомѣрія какъ послѣ Фридриха II.

По цѣлой Европѣ ходили и ходятъ военныя басни прусскаго издѣлья. Страхъ предъ прусскимъ уланомъ 1870 года обратился въ сказку о превосходствѣ прусской конницы предъ всѣми и во всѣхъ отношеніяхъ; а забыто что эта конница едва не упустила Базена изъ-подъ Меца, что она прозѣвала маршъ цѣлой арміи Мак-Магона къ сѣверу, что въ день сраженія при Гравелоттѣ „несравненная“ нѣмецкая

конница такъ-таки и не знала гдѣ непріятель: на сѣверѣ или на востокѣ отъ прусскаго бивака.

Пущена была и до сихъ поръ повторяется басня будто въ моментъ мобилизаціи Мольтке вынулъ изъ портфеля заранѣе составленный планъ кампаніи противъ Французовъ и исполнилъ его во всѣхъ деталяхъ. Эту басню не истребило даже насмѣшливое опроверженіе въ офиціальномъ описаніи войны 1870 года.

Безспорно что въ 1870 году прусскіе генералы явили много распорядительности и умѣнья, но забыто что большей части этихъ генераловъ уже нѣтъ на свѣтѣ, и что оставшіеся въ живыхъ постарѣли на цѣлыхъ семнадцать лѣтъ. Уже и тогда не молодые, они теперь такъ же дряхлы какъ прусскіе вожди кампаніи 1806 года. Мимо проскользнуло года два назадъ сказанное мѣткое словцо одной англійской газеты что „Берлинъ есть городъ очень старыхъ стариковъ".

Не хорошо и опасно презрительно относиться къ противнику, считать его ничтожествомъ; но также дурно преувеличивать его силу и способности.

За противникомъ, за сосѣдомъ арміей должно слѣдить, но не слѣдуетъ хватать и принимать за звонкую монету ея самооцѣнку.

Суворовская присказка объ академикахъ можетъ и теперь оправдаться какъ и въ 1806 году. Отмѣтимъ однако что въ Германіи есть не мало людей тревожно прозрѣвающихъ возможность такого оборота, несмотря ни на крѣпости, ни на гельгофитъ, ни на магазинныя ружья...

V.

Нейтралитетъ Бельгіи.

Моск. Вѣд. № 75, 16 марта.

Вопросъ о нейтралитетѣ Бельгіи въ случаѣ войны между Франціей и Германіей породилъ цѣлую литературу и постоянно обсуждается въ органахъ періодической печати Бельгіи, Германіи и Франціи *. Высказываемыя по этому поводу

* Вотъ выдающіяся сочиненія по этому вопросу: *La Situation militaire de la Belgique*, генерала Бріальмона, военнаго министра Бельгіи; *La France par rapport à l'Allemagne, étude de géographie militaire*, майора бельгійскаго генеральнаго штаба Пеки (Peny),

(а также по вопросу о нейтралитетѣ Голландіи, Даніи и Швейцаріи) сужденія весьма интересны и поучительны. Никто не вѣритъ чтобы, въ случаѣ войны, было обращено какое бы то ни было вниманіе на писанные трактаты, гарантирующіе на бумагѣ нейтралитетъ Бельгіи, Голландіи, Даніи и Швейцаріи, особенно первой.

Бельгія всегда выставлялась какъ образцомъ того чего можетъ достигнуть дипломатія. По этому образцу предлагали устроить и Корею, и Египетъ, и нашу Польшу, и даже чуть ли не прибалтійскія губерніи. Но оказывается что никто не признаетъ значенія за писанными трактатами, гарантирующими нейтралитетъ Бельгіи. Въ Германіи прямо высказывается что, если потребуется, князь Бисмаркъ нисколько не задумается нарушить нейтралитетъ Бельгіи. Французы также не скрываютъ что и они не расположены церемониться. Для обѣихъ странъ прежде всего выгодно перенести театръ военныхъ дѣйствій на чужую территорію, и притомъ богатую. Вовторыхъ, для обѣихъ странъ большой соблазнъ перенести въ Бельгію театръ войны, потому что эта граница съ обѣихъ сторонъ наиболѣе уязвима. Нѣмцы съ этой стороны не сильнѣе Французовъ. Послѣдніе уже отчасти исправили свой промахъ, передѣлавъ планъ мобилизаціи; вѣроятно и Нѣмцы тоже спохватились, убѣдясь что не они одни могутъ дѣйствовать наступательно. Низовья Рейна издавна были театромъ историческихъ событій. При Людовикѣ XIII и Людовикѣ XIV, во время войны за испанское наслѣдство и пр., именно на территоріи нынѣшней Бельгіи рѣшались важнѣйшіе политическіе вопросы. Здѣсь же, при Ватерлоо, въ 1815 году, окон-

---

2 тома; *La Défense de la Belgique*, полковника бельгійской службы Cambrelin; *La Neutralité de la Belgique et de la Suisse en cas de guerre entre l'Allemagne et la France*, полковника Фердинанда Леконта, изданіе *Nouvelle Revue*; *Déploiement stratégique probable des forces allemandes sur la frontière française* и *La frontière française du Nord devant l'invasion allemande*, французскаго инженеръ-капитана L. Kreitmann; *Die Politische und Militärische Lage Belgiens und Hollands in Rücksicht auf Frankreich und Deutschland*, прусскаго капитана Fritz Hoenig; *La Défense de la Belgique au point de vue national et européen*, директора канцеляріи бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Emile Banning, въ сотрудничествѣ (какъ сообщаетъ *Journal des Débats*) самого короля Леопольда II.

чилъ свою карьеру и Наполеонъ I, побѣжденный соединенными арміями Веллингтона и Блюхера. Извѣстный Тьеръ, въ одной изъ своихъ рѣчей, прямо высказалъ: „Долина Мааса *для Франціи* есть истинный путь для открытаго нападенія на сѣверъ Германіи". Въ *Géographie Militaire* г. Théophile Lavallée прямо заявляетъ: „Страна лежащая между Шельдой и Самброй есть истинный путь для нападенія французскихъ войскъ со стороны сѣвера. Завладѣніе этою областью предоставляетъ нападающему среднее теченіе Мааса... Это *обязательный* театръ для французскихъ вторженій; здѣсь нѣтъ ни одного уголка который не былъ бы орошенъ французскою кровью: половина нашей военной исторіи прошла тамъ." Нѣмцы ничуть не вѣрятъ чтобы Французы могли придавать хотя малѣйшее значеніе трактатамъ гарантирующимъ нейтралитетъ Бельгіи. Что Бельгія будетъ театромъ войны, „это тѣмъ болѣе вѣроятно, читаемъ въ *Deutsche Heeres-Zeitung*, что нашимъ сосѣдямъ крайне выгодно избрать Бельгію театромъ войны, какъ въ чисто военномъ отношеніи, такъ и въ денежномъ и соціально-политическомъ. Для Французовъ, конечно, заманчиво перенести войну изъ собственныхъ владѣній въ Бельгію, столь богатую всякими средствами. Къ тому же пространство отъ Монса до морскаго берега совершенно не защищено, а лока эта старинная военная дорога открыта для Французовъ, серіозная опасность угрожаетъ не только Бельгіи, *но и Германіи*. Бельгійцамъ необходимо (?) укрѣпить эту линію, такъ какъ Германія, увѣренная (?!) что Бельгія сумѣетъ отстоять неприкосновенность своей территоріи, сравнительно *мало укрѣпила* нижній Рейнъ отъ Кельна до голландской границы." Въ виду этого, *Militär-Zeitung* предусмотрительно совѣтуетъ Бельгіи укрѣпить свою границу со стороны Франціи. Но увы! Бельгійцы не особенно внимаютъ этимъ совѣтамъ, на что горько жалуется *Heeres-Zeitung*. * Всѣ эти укрѣпленія, съ „негодованіемъ" говоритъ эта газета, „направлены главнымъ образомъ *противъ Германіи*, а вовсе не противъ Франціи. По окончаніи укрѣпленій (уже одобренныхъ ** бельгійскою палатой) достулъ на бельгійскую терри-

* № 14, отъ 16 февраля 1887, стр. 107.

** Палата разрѣшила расходъ въ $19^1/_2$ милліоновъ франковъ на военныя издержки и укрѣпленіе крѣпостей; дѣйствительно, главное вниманіе обращено на германскую границу. По проекту

торію сдѣлается невозможнымъ для Германіи, между тѣмъ какъ для Франціи останутся открытыми около лодудюжины дорогъ между Монсомъ и моремъ, по которымъ Французы во всякое время могутъ вступить въ Бельгію"... „Военная исторія учитъ насъ что луги изъ Монса, Илерна, Дорника служили всегда операціонными линіями." Французская армія можетъ вторгнуться по этимъ лугамъ въ Бельгію. „Мы надѣемся поэтому что вновь назначенный въ Бельгію германскій военный агентъ настоитъ на томъ чтобъ эти луги были замкнуты съ запада для Франціи."

Корреспондентъ *Matin* (отъ 19 марта) сообщаетъ однако что, несмотря на эти свѣдѣнія, Германія уже начала завоевывать Бельгію и, по обычаю, *мирнымъ путемъ*, точь-въ-точь какъ и *нашу* западную окраину. Приведемъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя мѣста изъ этой корреспонденціи, тѣмъ болѣе что это и для насъ не лишено интереса „Въ Брюсселѣ, Антверпенѣ, Гентѣ, наконецъ во всѣхъ большихъ городахъ, вы не можете сдѣлать шага по улицѣ не слыша нѣмецкой рѣчи. Со всѣхъ сторонъ на вывѣскахъ выступаютъ тевтонскія окончанія, и *Bierhallen*, которыхъ раньше было немного размножаются съ быстротой поистинѣ поражающею.... Германія на луги къ аннексіи Бельгіи, и эта аннексія производится мирнымъ, но вѣрнымъ образомъ", а именно слѣдующимъ. Съ 1870 года въ Бельгіи замѣчается особенный наплывъ Нѣмцевъ. Сначала они являлись сюда „для усовершенствованія во французскомъ языкѣ", но брались и за разныя занятія. А такъ какъ это имъ было нужно лишь для практики въ языкѣ, то они или брали очень дешево, или же служили просто даромъ. Такимъ образомъ они втерлись почти во всѣ торговые дома, разузнали все, вошли въ силу. Съ этой поры деко-

---

генерала ванъ-деръ-Смиссена, предполагается довести бельгійскую армію до такого положенія чтобъ она могла выставить въ поле 175.000 человѣкъ изъ состава активной арміи, запаса и ополченцевъ. Контингентъ ежегоднаго набора опредѣленъ въ 16.000. Срокъ службы 13 лѣтъ: 7 лѣтъ въ дѣйствующей арміи, 3 года въ запасѣ и 3 года въ ополченіи. Для этого генералъ ванъ-деръ-Смиссенъ предлагаетъ: 1) ввести обязательную общую воинскую повинность; 2) отмѣну наемныхъ охотниковъ; 3) обложеніе сборомъ въ 50 франковъ въ годъ всѣхъ неслужащихъ въ арміи, но состоятельныхъ лицъ; 4) организацію запаса арміи.

раціи перемѣнились. Смирные, услужливые, честные Нѣмцы вдругъ стали непокорными. Спохватились Бельгійцы, но ужь было поздно. „Тевтоны воспользовались наивною довѣрчивостью ихъ бывшихъ хозяевъ. Они стали *au courant* ихъ дѣлъ", т.-е. узнали всѣ секреты касательно фабрикаціи, сбыта фабрикатовъ и проч. Теперь Бельгія переполнена Нѣмцами, которые, конечно, уже не работаютъ даромъ или за безцѣнокъ. Но и это не все. Бисмарку, по словамъ корреспондента *Matin*, очень понравился Антверпенъ. Этотъ портъ, по его мнѣнію, вовсе не былъ бы въ тягость Германіи, такъ же какъ и нѣкоторые другіе. Полезно для Германіи,—*стало-быть*..., и предъ этимъ „стало-быть" дрожатъ всѣ мелкіе сосѣди Германіи, дѣлающіе безпримѣрныя усилія чтобы предотвратить роковой исходъ. Бельгія, какъ уже сказано, выбивается изъ силъ чтобы хоть сколько-нибудь оградить штыками свой бумажный нейтралитетъ. То же самое дѣлаютъ: Данія, Голландія и Швейцарія, коимъ перспектива попасть въ германскій желудокъ, видимо, не особенно нравится. Въ Даніи военная коммиссія ландстинга уже приняла правительственный проектъ о кредитѣ въ 54.071.200 кронъ (крона 34 к. золотомъ) на работы по укрѣпленіямъ Копенгагена, Амаги, Шарлотензунда и пр.

Въ Швейцаріи лихорадочно работаютъ чтобы приготовиться на случай войны. Предположено выставить въ этомъ случаѣ армію въ *300.000 человѣкъ*. Швейцарія такимъ образомъ даетъ намъ примѣръ милитаризма неслыханный до сихъ поръ нигдѣ.

Но какъ и не дрожать всѣмъ этимъ мелкимъ лташкамъ при видѣ огромнаго коршуна готоваго пожрать ихъ? Еслибы появился другой Гёте, онъ конечно написалъ бы не менѣе знаменитое произведеніе чѣмъ его *Reineke-Fuchs*, воспользовавшись сладкою рѣчью г. Бисмарка къ г. Лессепсу (см. *Моск. Вѣд.* № 70, корреспонденцію изъ Парижа) „Въ тотъ день, сказалъ онъ, когда наши силы уравняются (то-есть силы Франціи и Германіи), мы станемъ друзьями". Стало-быть, требуя увеличенія военныхъ силъ Германіи, князь Бисмаркъ хотѣлъ лишь *сравняться* съ Франціей, то-есть сознавалъ ея военное превосходство? Еслибы такъ, мелкія страны не всполошились бы...

VI.

Къ чему ведетъ повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ.

Моск. Вѣд. № 68, 9 марта.

Воинственный задоръ въ европейскихъ руководящихъ сферахъ смѣнился политическимъ затишьемъ и вмѣсто бряцанія оружіемъ начинается экономическая борьба на хлѣбныхъ пошлинахъ. Правительства взапуски удорожаютъ питаніе для своихъ населеній, не соображая какъ отразится это на благосостояніи трудящагося люда. Во Франціи принято палатой депутатовъ повышеніе пошлины на пшеницу съ 3 франковъ съ квинтала до 5 франковъ, что̀ составитъ 20½ металл. коп. на пудъ, равняющихся при нынѣшнемъ курсѣ 37 коп. кредитнымъ. Въ Германіи, по свѣдѣніямъ берлинскихъ газетъ, предполагается въ непродолжительномъ времени внести въ рейхстагъ проектъ объ удвоеніи хлѣбныхъ пошлинъ повышаемыхъ съ 30 до 60 марокъ съ тонны, что̀ составитъ 30 металлическихъ копѣекъ на пудъ, равняющихся въ кредитной валютѣ, при нынѣшнемъ курсѣ, 55 копѣйкамъ. Смотря на сосѣдей, даже Англія начинаетъ поговаривать о возстановленіи у себя хлѣбныхъ пошлинъ... Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ создаются для нашей земледѣльческой производительности новыя затрудненія и препятствія въ сбытѣ ея продуктовъ.

Мы не имѣемъ права сѣтовать на распорядки чужихъ странъ. Признавая полную самостоятельность каждаго правительства въ его домашнихъ вопросахъ, не лишнимъ считаемъ обратить вниманіе нашихъ читателей и на оборотную сторону вопроса о хлѣбныхъ пошлинахъ: кому онѣ причинятъ большій убытокъ, намъ ли, поставщикамъ хлѣба на иностранные рынки, или его иностраннымъ потребителямъ? Хлѣбныя пошлины поднимаются правительствами для охраны своего земледѣлія отъ иностранной конкурренціи, крайне понижающей хлѣбныя цѣны на европейскихъ рынкахъ; прямая цѣль повышенія хлѣбныхъ пошлинъ заключается въ поднятіи цѣнъ на хлѣбъ, чѣмъ предполагается поддержать падающую въ средней и западной Европѣ земледѣльческую производительность, охранить землевладѣльцамъ неприкосно-

венность ихъ земельной ренты. Но какъ бы ни были высоко подняты хлѣбныя пошлины, очевидно что съ каждымъ годомъ сокращающееся, вслѣдствіе прироста населенія, количество удобной для земледѣлія земли въ Европѣ не въ состояніи удовлетворить требованія ея населенія въ продуктахъ земледѣлія; безъ привоза иностраннаго хлѣба, западноевропейскія государства ни въ какомъ случаѣ обойтись не могутъ и слѣдовательно повышеніе пошлинъ на хлѣбъ будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ не воспрещеніе иностраннаго ввоза, а только обостреніе борьбы между конкуррентами, въ которой побѣда останется на сторонѣ предлагающаго продуктъ лучшаго качества и по болѣе дешевой цѣнѣ. Что касается качества хлѣба, то не можетъ быть сомнѣнія что въ этомъ отношеніи побѣда окажется на нашей сторонѣ, ибо превосходныя качества нашего хлѣба засвидѣтельствованы многочисленными опытами. По качествамъ хлѣбныхъ товаровъ мы имѣемъ преимущества предъ нашими конкуррентами. Что касается цѣнъ, то нельзя не признать что въ этомъ отношеніи мы уступаемъ нашимъ конкуррентамъ, которые, продавая хлѣбъ по одинаковой съ нами цѣнѣ, берутъ барыши когда мы терпимъ лишь убытки. Но при оцѣнкѣ этого факта нельзя упускать изъ виду то обстоятельство что наши конкурренты пользуются въ хлѣбной торговлѣ всѣми извѣстными въ настоящее время улучшеніями, значительно удешевляющими для потребителей стоимость хлѣба. Наша же хлѣбная торговля до сихъ поръ ведется примитивнымъ способомъ, при массѣ излишнихъ накладныхъ расходовъ. Устраненіе ненормальныхъ условій, нѣтъ сомнѣнія, облегчитъ нашему хлѣбу борьбу съ конкуррентами и откроетъ, и при высокихъ хлѣбныхъ пошлинахъ, доступъ на иностранные рынки. Все это такъ обстоятельно разработано во многочисленныхъ за послѣднее время изслѣдованіяхъ по хлѣбному вопросу и такъ знакомо публикѣ что находимъ излишнимъ вдаваться въ подробности. Очевидно что со введеніемъ улучшеній въ нашу хлѣбную торговлю хлѣбъ нашъ всегда найдетъ сбытъ на иностранныхъ рынкахъ одержавъ верхъ надъ соперниками, которые уже напрягли всѣ свои силы въ хлѣбной торговлѣ. Слѣдовательно, повышеніе иностранными государствами хлѣбныхъ пошлинъ вовсе не такъ страшно какъ представляется на первый взглядъ и, кто знаетъ, не послужитъ ли оно средствомъ къ *возвращенію* утраченнаго нами господствующаго положенія *на европейскихъ* рынкахъ.

Высокія хлѣбныя пошлины не могутъ долго продержаться. Будучи странами главнымъ образомъ промышленными, государства средней и западной Европы не могутъ долгое время удерживать очень высокія цѣны на хлѣбъ. Если во Франціи, напримѣръ, цѣна на хлѣбъ поднимется на всю величину хлѣбной пошлины составляющей 5 франковъ на квинталъ (6,1 пуда), чего, кстати замѣтимъ, тамъ и домогаются, то ежегодная переплата Франціи за потребляемый ея населеніемъ хлѣбъ, сравнительно со странами не имѣющими хлѣбныхъ пошлинъ, составитъ 380 милліоновъ франковъ. Переплачивая ежегодно столь крупную сумму за хлѣбъ, населеніе этой страны должно будетъ выручать эту переплату повышеніемъ, въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ, цѣнъ на свои фабрикаты, составляющіе главный предметъ внѣшней торговли этой страны. Повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ будетъ имѣть для Франціи послѣдствіемъ вздорожаніе продуктовъ ея обрабатывающей промышленности, что станетъ препятствіемъ къ успѣшному сбыту ихъ на международныхъ рынкахъ. Еще тяжеле должно отразиться на Германіи предполагаемое въ этой странѣ удвоеніе хлѣбныхъ пошлинъ. Въ случаѣ удвоенія нынѣ существующихъ въ Германіи хлѣбныхъ пошлинъ, ея населенію придется переплачивать въ годъ до 60 марокъ съ тонны хлѣба, что составитъ ежегодную переплату для всей страны около 575 милліоновъ марокъ, которыя она должна будетъ покрывать удорожаніемъ, на соотвѣтственную сумму, продуктовъ своей промышленности, для коихъ немыслима будетъ, при такихъ обстоятельствахъ, конкурренція на иностранныхъ рынкахъ съ продуктами другихъ промышленныхъ странъ, пользующихся болѣе дешевымъ хлѣбомъ. Вообще говоря о вошедшемъ нынѣ въ моду чуть не ежегодномъ повышеніи хлѣбныхъ пошлинъ, нельзя не согласиться съ г. Paul Leroy Beaulieu, который фактически доказываетъ что повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ во Франціи „нанесетъ чувствительный ударъ французской промышленности потому что на всемірномъ рынкѣ побѣда достанется тому изъ конкуррирующихъ народовъ который сумѣетъ пріобрѣсти нужные ему предметы пропитанія по болѣе дешевой цѣнѣ“. Истина эта очевидна для всѣхъ; потому-то и надо ожидать что вводимыя нынѣ страшно высокія хлѣбныя пошлины долго не продержатся, и наше земледѣліе не только не потерпитъ отъ этого, но окрѣпнувъ *въ борьбѣ* съ конкуррентами прочно утвердится на *европейскихъ рынкахъ*.

Нельзя конечно отрицать временныхъ затрудненій причиняемыхъ нашей хлѣбной торговлѣ повышеніемъ иностранными государствами хлѣбныхъ пошлинъ, подъемъ кошъ, вслѣдствіе небрежнаго отношенія нашихъ финансовыхъ доктринеровъ къ нуждамъ земледѣлія, застаетъ насъ врасплохъ, къ борьбѣ не подготовленными. Надо сознаться что временно мы понесемъ потери, и потери значительныя, отъ временнаго сокращенія сбыта нашего хлѣба на иностранные рынки. Но это удручающее обстоятельство является вмѣстѣ съ тѣмъ и добрымъ указаніемъ намѣчающимъ путь нашей экономической политики: иностранцы не желаютъ имѣть дешеваго хлѣба,— зачѣмъ же намъ покупать ихъ дорогіе товары? У насъ оказывается избытокъ дешеваго хлѣба, ищущаго потребителей. Вмѣсто того чтобъ ожидать отъ иностранныхъ правительствъ разрѣшенія доставлять дешевое пропитаніе ихъ населеніямъ, очевидно, будетъ практичнѣе и выгоднѣе для насъ обратить эти избытки хлѣба на прокормленіе нашего трудящагося люда въ фабричной и заводской промышленности. При надлежащемъ развитіи всѣхъ отраслей народнаго труда, развитіе земледѣльческой производительности будетъ обезпечено внутреннимъ потребленіемъ; остается только желать чтобы не затянулся предполагаемый пересмотръ нашего таможеннаго тарифа.

VII.

Насмѣшки кредитнаго рубля надъ игроками.

Моск. Вѣд. № 87, 28 марта.

Въ *Politische Correspondenz*, извѣстной сообщеніями отъ разныхъ правительствъ въ видѣ газетныхъ писемъ, высоко официозное письмо отъ *особеннаго корреспондента* изъ Берлина (см. *Московскія Вѣдомости* № 64) передаетъ воззрѣнія тамошнихъ руководящихъ сферъ. Въ Берлинѣ недовольны подозрительностію русской печати по отношенію къ берлинской политикѣ. *Особый корреспондентъ* предостерегаетъ Россію, грозя ей большими невзгодами. *Ее де разорятъ на ея валютѣ, и русскія населенія на себѣ почувствуютъ весь вредъ „панславистскихъ“ тенденцій ея печати.*

А вотъ, по ироніи рока, выходитъ наоборотъ. *Населенія*-то и не почувствовали вреда. Напротивъ, чѣмъ болѣе роняютъ

нашу кредитную валюту въ Берлинѣ, тѣмъ льготнѣе, по волѣ судебъ, становится нашимъ населеніямъ. У народа явились деньги, пошли въ ходъ товары домашняго производства, на фабрикахъ закипѣла работа. Правда, паденіе курса тяжело отзывается на нашихъ финансахъ, по причинѣ нашей заграничной задолженности, отзывается на зажиточныхъ классахъ нуждающихся въ предметахъ иностраннаго производства; но на *населенія*, на массы народа, которыя живутъ земледѣліемъ, эта злая игра производитъ обратное дѣйствіе. Вслѣдствіе паденія нашей кредитной валюты, нашъ хлѣбъ такъ подешевѣлъ за границей что съ нимъ не сладитъ никакая конкурренція и никакія таможни его задержать не могутъ: онъ перепрыгиваетъ чрезъ самыя высокія пошлины. Дѣло въ томъ что иностранные потребители нашихъ продуктовъ платятъ чуть не полтину за рубль, а у насъ населеніе получаетъ тѣмъ не менѣе рубль какъ рубль. И вотъ наши продукты пошли въ ходъ. Нашъ хлѣбъ продается, и у населеній явились деньги.

Этотъ крупный фактъ не могъ пройти незамѣченнымъ нашими сосѣдями. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* уже требовала чтобы Германія еще выше подняла пошлины для противодѣйствія массовому привозу русскаго зерна, особенно ржи, *вызванному неслыханнымъ паденіемъ цѣнности рубля*; *Kreuz-Zeitung* тоже озабочена *разорительными послѣдствіями вытекающими отсюда для нѣмецкаго сельскаго хозяйства*... Не куріозъ ли? Изъ Берлина угрожали разореніемъ Россіи на ея валютѣ, а *разорительныя послѣдствія отъ паденія цѣнности нашего кредитнаго рубля* оказываются не для русскаго, а для *нѣмецкаго сельскаго хозяйства*.

И на этотъ разъ нѣмецкія газеты не сочиняютъ. Дѣло въ томъ что при низкомъ вексельномъ курсѣ на наши кредитные рубли германскимъ хлѣботорговцамъ выгоднѣе покупать хлѣбъ не у своихъ нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ, которымъ они должны бы платить 100 за 100, а именно въ Россіи, гдѣ, уплачивая кредитными рублями, они имѣютъ въ свою пользу разницу вексельнаго курса. Отсюда настоянія нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ и газетъ о необходимости новыхъ, болѣе высокихъ таможенныхъ пошлинъ для огражденія нѣмецкаго труда отъ наплыва русскаго хлѣба вслѣдствіе паденія цѣнности русскаго рубля. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на тотъ фактъ что когда возникаетъ вопросъ объ огражденіи русской промышленности отъ иностранной, таможенныя

пошлинѣ подвергаются знаемѣ; но когда рѣчь идетъ не о Россіи, а о Германіи, таможенные „боевые хлѣбные законы“ являются вполнѣ естественными и цѣлесообразными *для огражденія* нѣмецкаго сельскаго хозяйства отъ массоваго привоза хлѣба изъ Россіи.

Скажутъ что если нѣмецкимъ сельскимъ хозяевамъ невыгодно продавать свой хлѣбъ не по настоящей цѣнѣ, то русскимъ населеніямъ должно быть еще разорительнѣе брать за свой хлѣбъ вмѣсто настоящаго рубля во 100 копѣекъ рубль обезцѣненный до 60—55 копѣекъ. Но не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія то весьма важное обстоятельство что кредитный рубль, разъ онъ возвратился въ русскіе предѣлы, имѣетъ цѣну не въ 60—55, а именно во 100 копѣекъ. Крестьянину, напримѣръ, чтобъ уплатить подати, рѣшительно все равно высоко или низко цѣнится нашъ кредитный рубль въ Лондонѣ или Амстердамѣ. Онъ знаетъ только что съ души приходится, напримѣръ, 12 рублей, и ему нужно главнымъ образомъ заботиться о пріобрѣтеніи означеннаго *количества* рублей, а о качествѣ ихъ у него нѣтъ даже и вопроса. И это приложимо не къ уплатѣ только податей. Нужно ли кому купить билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, дровъ, молока, хлѣба, яицъ, масла, вездѣ во всей Россіи знаютъ только кредитный рубль во 100 коп. При всевозможныхъ вексельныхъ курсахъ, въ булочныхъ съ незаламатыхъ временъ бѣлые хлѣбы постоянно продаютъ по 5 к., или по 20 бѣлыхъ хлѣбовъ на рубль, причемъ никому и въ голову не приходитъ наводить справки о предъявляемомъ кредитномъ рублѣ: не вернулся ли онъ только-что изъ-за границы, гдѣ его цѣнили не во 100, а только въ 50 коп. При такомъ значеніи вексельнаго курса на нашихъ внутреннихъ рынкахъ, какое же основаніе *„русскимъ населеніямъ* чувствовать на себѣ весь вредъ паденія цѣнности кредитнаго рубля и *панславистскихъ* тенденцій печати“?

Вотъ что, между прочимъ, пишутъ намъ изъ Дмитровскаго уѣзда (Московской губерніи) по поводу угрозы „особеннаго“ корреспондента изъ Берлина:

„Для наглядняго разъясненія совершенной безмысленности означенной угрозы, предлагаемъ сравнительную таблицу какъ вексельныхъ курсовъ *высокихъ* и *низкихъ*, такъ и цѣнъ по какимъ *русскія населенія*, при различныхъ перемѣнахъ вексельнаго курса, продаютъ или покупаютъ главнѣйшіе жизненные

припасы, какъ-то: муку, соль, крупу, мясную и рыбную провизію, масло, чай, сахаръ и другіе предметы домашняго обихода. А чтобы каждый имѣлъ возможность лично провѣрить приводимыя нами данныя, возьмемъ періодъ времени всѣмъ хорошо извѣстный, именно послѣднія 7—8 лѣтъ.

„За эти годы наши вексельные курсы, особенно въ *среднемъ* годовомъ выводѣ, представляли почти непрерывное паденіе. По таблицѣ вексельныхъ курсовъ, взятой изъ всеподданнѣйшаго доклада министра Финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1886 годъ, нашъ вексельный курсъ на Парижъ за послѣднія семь лѣтъ былъ:

	Высшій.	Низшій.	Средній.
Въ 1880 году.....	272	268½	270¼
„ 1881 „	276	255⅞	265¹⁵/₂₄
„ 1882 „	264½	248¾	256½
„ 1883 „	254½	245½	250
„ 1884 „	267	244½	255¾
„ 1885 „	268¾	243	255⅞
„ 1886 „	—	—	249

„Въ текущемъ году вексельные курсы на наши кредитные рубли, какъ извѣстно, упали еще болѣе, до небывалыхъ размѣровъ.

„Еслибы благосостояніе русскихъ населеній зависѣло отъ усмотрѣнія иностранныхъ биржъ, слѣдовало ожидать что съ 1880 года *русскимъ населеніямъ* становилось жить все труднѣе и труднѣе, потому что при паденіи вексельныхъ курсовъ въ кредитномъ рублѣ оставалось все менѣе и менѣе копѣекъ, на которыя нельзя пріобрѣсти что можно купить на цѣлый рубль. А между тѣмъ на дѣлѣ, въ самой жизни, видимъ совершенно противоположное.

„Вотъ сравнительная таблица цѣнъ на жизненные припасы и другіе предметы домашняго обихода * при вексельныхъ курсахъ:

---

* Желѣзныя дороги и вообще нынѣшніе пути сообщенія сглаживаютъ различіе цѣнъ на тѣ или другіе предметы на очень далекія разстоянія, тѣмъ не менѣе мы лично имѣемъ въ виду цѣны собственно нашей мѣстности (въ Дмитровскомъ уѣздѣ), по какимъ мы сами покупали тотъ или другой товаръ, причемъ № или сортъ товара разумѣется одинъ и тотъ же какъ при *высокомъ*, такъ и при *низкомъ* вексельномъ курсѣ.

	а) *высоко* въ 1860—1881 годахъ.		б) *низко* въ настоящее время.	
	Р.	К.	Р.	К.
Пудъ муки ржаной	1	70	—	80
„ крупчатой	4	—	2	60
„ говядины	5	60	4	40
„ соли	—	80	—	40
Фунтъ икры паюсной	1	40	1	20
„ чаю	2	—	2	16
„ сахару	—	22	—	12½
„ масла подсолнеч.	—	17	—	18
„ „ коровьяго	—	30	—	24
„ свѣчъ стеариновъ	—	30	—	22
„ керосину	—	7	—	3
Мѣра крупы гречневой (ядрицы)	2	10	1	70
„ овса	—	65	—	40
Пудъ сѣна	—	55	—	25
Сажень дровъ березов.	6	—	5	—
„ „ осиновыхъ	4	25	3	70

„Итакъ, когда за границей цѣнили нашъ кредитный рубль сравнительно высоко, въ Россіи на него можно было пріобрѣсти мало; а когда изъ Берлина угрожаютъ разорить Россію на ея валютѣ, *русскія населенія* за тотъ же кредитный рубль пріобрѣтаютъ по многимъ статьямъ почти вдвое. * Спросите крестьянина, подвощика, извощика, какъ они смотрятъ на нынѣшнія цѣны на всѣ жизненные продукты, и вы получите отвѣтъ: нынче, слава Богу, жить можно, все дешево, не то что лѣтъ пять-шесть тому назадъ. Еслибы подобнымъ образомъ разсуждали обыватели Пруссіи, берлинскія руководящія сферы конечно указывали бы на это какъ на очевидное доказательство ихъ благосостоянія.“

Не имѣютъ русскія населенія никакого побужденія сѣтовать и на то что при паденіи вексельнаго курса крайне возвышаются цѣны на всѣ заграничные товары. Россійская Имперія такая *самодостаточная* величина что несмотря на многочисленные промахи и ухищренія нѣкоторыхъ нашихъ финансистовъ, совершенно удобно можетъ обойтись почти *безо всякаго ввоза заграничныхъ товаровъ*, довольствуясь исключительно своими произведеніями, тогда какъ, напримѣръ,

* Сколько намъ извѣстно, въ текущемъ году вздорожалъ только чай.

Англія при подобномъ условіи умерла бы съ голода. Паденіе вексельнаго курса, затрудняя ввозъ иностранныхъ товаровъ въ наши предѣлы, въ нѣкоторомъ смыслѣ исправляетъ ошибки нашей таможенной системы и въ этомъ отношеніи *русскимъ населеніямъ* приноситъ болѣе пользы чѣмъ вреда.

Весь вредъ паденія цѣнности кредитнаго рубля обнаруживается собственно при уплатѣ заграничныхъ долговъ. Многіе милліоны русскихъ сбереженій погибаютъ при этомъ для страны совершенно безвозвратно... Но не слѣдуетъ забывать что нынѣшнія повышенія и пониженія вексельныхъ курсовъ въ большинствѣ случаевъ простая биржевая игра и, какъ всякая игра, представляетъ ровно столько же шансовъ на выигрышъ, сколько и на проигрышъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ искусства игроковъ. Заграничные банкиры доселѣ выигрывали; но очень часто только потому что и въ Россіи учили: „чѣмъ хуже тѣмъ лучше“. Но игра измѣнится если за спиной у играющихъ не будетъ суфлеровъ. Стóитъ вовремя поймать нѣсколькихъ зарвавшихся банкировъ чтобъ отбить охоту и у другихъ. Нѣкоторые опыты въ этомъ отношеніи уже дѣлались и давали прекрасные результаты. Вотъ что̀ между прочимъ было отмѣчено въ № 28 *Московскихъ Вѣдомостей*: „Особенно сильный натискъ Берлинскою и Лондонскою биржами былъ сдѣланъ на наши цѣнности 21 и 22 января: спекуляція надѣялась распространить давленіе и на наши биржи и уронить всѣ наши цѣнности Еслибъ этотъ маневръ удался, наши потери были бы громадны. Но связи съ берлинскими гешефтмахерами, къ счастію нашему, значительно ослабѣли въ послѣднее время, и наши биржи и банки поосвободились отъ берлинскаго ига. Петербургъ дѣйствовалъ 22 января самостоятельно и, не раздѣляя пессимистическаго взгляда германскихъ спекулянтовъ, по крайней мѣрѣ не находя его основательнымъ относительно русскаго рынка, попробовалъ самъ отъ себя диктовать цѣны, и держа таковыя все время выше берлинскаго уровня, *заставилъ Берлинъ поднять черезчуръ пониженный уровень русскаго рубля и русскихъ цѣнностей.*“

Но дѣло конечно не въ этомъ одномъ. До недавняго времени наши финансисты увѣряли „русскія населенія“ что иностранные банкиры, особенно же берлинскіе, прямые наши благодѣтели. Давно ли въ Петербургѣ собирался съѣздъ иностранныхъ банкировъ, на которомъ придумывались и предлагались

Россіи разныя комбинаціи? Указывая на громадныя выгоды какія Россія получила бы отъ этихъ комбинацій, *National-Zeitung* оканчивала свою статью, подъ заглавіемъ „Die Russische Valuta“, слѣдующими словами: „Германскія финансовыя силы готовы помочь Русскому правительству въ осуществленіи его предначертаній къ облегченію страны и *къ открытію новыхъ источниковъ благосостоянія*. Не отвергать этой помощи, не упускать благопріятныхъ обстоятельствъ денежнаго рынка, вотъ завѣтъ лолечительной государственной мудрости, отъ котораго Русскому правительству не слѣдуетъ уклоняться *въ интересахъ благосостоянія Имперіи*“... Подобными рѣчами оправдывалась вредная для Россіи финансовая политика.

Теперь наши благодѣтели сняли съ себя маску и, вмѣсто лопеченій объ „интересахъ благосостоянія Имперіи“, грозятъ „разорить Россію на ея валютѣ“, если она будетъ вѣрна своимъ національнымъ интересамъ.

Спасибо за эти разъясняющія дѣло угрозы. Прямыя угрозы для Россіи не страшны. Избавилъ бы ее Богъ отъ ложныхъ друзей, а со врагами она и сама справится.

Итакъ, г. *особенный корреспондентъ* изъ Берлина, можетъ видѣть самъ что *первая* его угроза „разорить Россію на ея валютѣ“ не только не достигаетъ своей цѣли, но, надѣемся, послужитъ къ достиженію противоположныхъ результатовъ. Не предвидѣлъ ли этого самъ „особенный корреспондентъ“ лугавшій насъ на первомъ планѣ курсовыми бурями, а на второмъ—революціонными? А что если мы будемъ лосмышленѣе и поймемъ какъ слѣдуетъ бороться противъ этого калуснаго зла?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ФЕХНЕРЪ

НЕКРОЛОГЪ.

Московская старая евангелико-лютеранская община Св. Михаила лишилась своего пастора, Андрея Ивановича Фехнера.

Сынъ петербургскаго аптекаря перваго разряда, русскаго подданнаго, покойный родился 16 августа 1825 года; высшее образованіе получилъ на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета. По окончаніи (1848) курса со степенью кандидата теологіи, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ (6 января 1851) былъ поставленъ въ викарнаго пастора (zum Pfarr-Vicar) Царскосельской евангелико-лютеранской церкви и вскорѣ (съ 28 февраля) утвержденъ въ должности самостоятельнаго пастора. Около этого времени лютеранскій приходъ, находившійся въ сосѣднемъ Павловскѣ, присоединился къ Царскосельскому, и Фехнеръ сталъ пасторомъ той и другой общины. Въ бытность въ Царскомъ Селѣ онъ преподавалъ Законъ Божій воспитанникамъ лютеранскаго исповѣданія въ Александровскомъ малолѣтнемъ кадетскомъ корпусѣ, вплоть до упраздненія (16 сентября 1860 года) заведенія, а потомъ (съ 1863 года) въ петербургскихъ школахъ, 1ой гимназіи и такъ-называемой Введенской прогимназіи. По предложенію министра Внутреннихъ Дѣлъ, онъ былъ назначенъ (23 октября 1865 года) засѣдателемъ петербургской духовной евангелико-лютеранской консисторіи. Между тѣмъ

умеръ пасторъ Московской Михайловской кирки Эразмъ Шталь, и церковный совѣтъ общины, согласно утвержденнымъ 14 декабря 1839 года правиламъ избранія пасторовъ для обѣихъ столицъ Имперіи, избралъ (13 марта 1867 года) Фехнера въ старшіе пасторы (zum Pastor primarius) своей церкви. Совѣтъ приглашалъ его на слѣдующихъ условіяхъ: сверхъ обычныхъ доходовъ съ прихожанъ, онъ будетъ получать восемсотъ рублей серебромъ ежегоднаго жалованья, которое ему будутъ выдавать по четвертямъ года изъ церковной кассы, пользоваться готовою квартирой съ отопленіемъ и получитъ триста рублей на переѣздъ въ Москву. Но такъ какъ, по обычаю общины, частные доходы новаго пастора за первый годъ службы почти цѣликомъ отдавались вдовѣ и семьѣ его предмѣстника, то Фехнеру было увеличено его ежегодное жалованье до тысячи двухъ сотъ рублей, выдававшихся по-мѣсячно. Количество жалованья было вскорѣ еще увеличено, и въ послѣдніе годы своей службы онъ получалъ до тысячи шестисотъ рублей, не считая различныхъ единовременныхъ пособій, выдававшихся церковнымъ совѣтомъ то „на литературныя занятія,“ то „на поправленіе здоровья“ и другія потребности; суммы эти иногда были по нѣсколько тысячъ рублей. Нельзя не указать на эту заботу совѣта обезпечить своего пастора, чтобы частные доходы не были для него главными, а тѣмъ болѣе единственными средствами существованія и не ставили его предъ своими прихожанами въ униженное и зависимое положеніе.

Исполняя обычныя обязанности соединенныя со званіемъ пастора, Фехнеръ состоялъ засѣдателемъ Московской духовной лютеранской консисторіи и давалъ уроки Закона Божія то въ реальномъ училищѣ своей общины, то въ IV кадетскомъ корпусѣ. За служебную свою дѣятельность онъ получилъ ордена до *Св. Владиміра* 4й степени включительно.

Но собственно для русскаго общества Андрей Ивановичъ былъ дорогъ по своимъ ученo-литературнымъ занятіямъ. За весь продолжительный періодъ существованія пасторовъ въ Москвѣ, запавшихъ сюда еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, это былъ наиболѣе научно-образованный пасторъ, съ которымъ по силѣ научныхъ интересовъ, сохраняемыхъ во всю жизнь, можетъ быть сопоставленъ лишь пасторъ Иванъ Готфридъ Грегори, извѣстный устроитель нѣмецко-русскаго

придворнаго театра при Алексѣѣ Михайловичѣ * и вмѣстѣ съ тѣмъ первый примѣръ того чтобы московскій пасторъ занимался научнымъ изученіемъ данныхъ изъ русской исторіи и въ частности исторіей инов'ѣрныхъ общинъ въ Москвѣ. До сихъ поръ московскими протестантскими общинами интересовались и сообщали свѣдѣнія объ ихъ исторіи нѣкоторые изъ петербургскихъ пасторовъ — въ прошломъ вѣкѣ Гротъ **, въ настоящемъ Юнгблутъ *** и Дальтонъ †*; но не знакомые непосредственно съ устройствомъ Москвы и удаленные отъ ея архивовъ, они, естественно, не могли быть ни всегда точными, ни возможно полными въ своихъ разказахъ; изъ ихъ сочиненій относительное значеніе для исторіи московскихъ кирокъ сохраняетъ еще трудъ Грота, несмотря на его сравнительную давность. По мѣрѣ силъ и средствъ изгладить этотъ пробѣлъ выпало на долю пастора Фехнера.

Вскорѣ по переходѣ его на службу въ Москву приближалось трехсотлѣтіе существованія въ Москвѣ его лютеранской общины. Возникла мысль чтобы ко дню юбилея (въ 1876 году) явился историческій трудъ о ней; за осуществленіе задачи принялся Фехнеръ. На пріобрѣтеніе книгъ, копированіе рукописнаго матеріала и другія потребности совѣтъ выдалъ ему пособіе въ 1.500 рублей. Не стѣсняемый въ средствахъ, Фехнеръ повелъ работу съ необыкновенною энергіей и настойчивостью. Онъ перезнакомился съ московскими учеными дѣятелями по русской исторіи, между прочимъ съ С. М. Соловьевымъ, М. П. Погодинымъ, Н. А. Поповымъ, Н. С. Тихонравовымъ, архимандритомъ Амфилохіемъ, завелъ сношенія съ нѣкоторыми жившими въ другихъ городахъ, перерылъ массу книгъ въ Румянцевскомъ музеѣ и вошелъ въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Плодомъ

---

* О немъ у проф. Н. С. Тихонравова, *Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра*. М. 1873, и въ нашихъ изслѣдованіяхъ: *Генералъ Николай Бауманъ. Изъ быта Ново-Иноземской слободы въ XVIII вѣкѣ*. М. 1884; *Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ*. М. 1886, гл. II.

** Grot, *Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche*. St.-Petersburg u. Leipzig, 1797, I—III.

*** Jungblut, *Die Gründung der evangelisch-lutherischen Kirchen in Russland*. St.-Petersburg. 1855.

† Dalton, *Geschichte der Reformirten Kirche in Russland*. Gotha, 1865.

подготовительной работы явилась у него рѣдкая, относящаяся къ данному вопросу библіотека и масса отрывочнаго печатнаго и рукописнаго матеріала. Такъ, напримѣръ, Погодинъ далъ ему копію съ розыскнаго дѣла объ извѣстномъ мистикѣ Квиринѣ Кульманѣ, сожженномъ въ Москвѣ въ первые мѣсяцы по свержепіи царевны Софьи; эта копія осталась у него за смертію Погодина и принесена имъ въ даръ Румянцевскому музею*. Проф. Тихонравовъ сообщилъ ему экземпляръ своей не бывшей въ продажѣ брошюры о Кульманѣ; Фехнеръ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ. Архимандритъ Амфилохій дѣлился съ нимъ своими мнѣніями относительно найденныхъ въ стѣнѣ московскаго Данилова монастыря надгробныхъ памятниковъ, взятыхъ съ перваго въ Москвѣ иноземнаго кладбища; академикъ А. А. Куникъ присылалъ ему книги изъ библіотеки Академіи Наукъ, и т. д. За собираніемъ матеріала и одновременно съ тѣмъ шла работа надъ добытымъ. Здѣсь во всей силѣ, даже едва ли не болѣе чѣмъ въ собираніи, обнаружились присущія автору качества, столь дорогія для ученаго изслѣдователя: терпѣніе, осторожность и безпристрастіе. Считая преждевременнымъ составлять собственно *исторію* протестантскихъ общинъ въ Москвѣ, онъ бралъ факты отдѣльно, но бралъ ихъ не на вѣру, а съ возможно тщательнымъ изслѣдованіемъ источниковъ — ученый пріемъ, особенно необходимый въ данномъ предметѣ. Дѣло въ томъ что первоначальныя судьбы московскихъ протестантскихъ общинъ, за утратой существовавшихъ прежде архивныхъ данныхъ вслѣдствіе пожаровъ и другихъ причинъ, могутъ быть до нѣкоторой степени возстановлены по преимуществу лишь по извѣстіямъ находящимся въ сочиненіяхъ такъ-называемыхъ иностранныхъ писателей о Россіи. Но если и въ настоящую пору иностранныя извѣстія о Россіи не отличаются точностію, то прежде бѣглость и тенденціозность ихъ были самымъ обычнымъ явленіемъ. Вотъ что, напримѣръ, сообщали пасторъ Беръ и его тесть Буссовъ о лютеранской кирхѣ временъ Бориса Годунова: когда Борисъ позволилъ московскимъ Нѣмцамъ выстроить въ Нѣмецкой слободѣ кирку, то „они выстроили, къ славѣ Господа Бога, такую церковь что затѣмъ самъ царь

* О свойствахъ этой копіи и судьбѣ ея см. въ предисловіи къ издаваемымъ нами *Памятникамъ къ исторіи протестантства въ Россіи*, т. I.

предпочелъ эту нѣмецкую kirky многимъ своимъ церквамъ для похоронъ въ ней брата Датскаго короля, герцога Ивана" *. Эта kirka, на самомъ дѣлѣ, была небольшая, деревянная и довольно убогая, и можно ли серіозно говорить о ея красотѣ и великолѣпіи когда въ Москвѣ были величественные кремлевскіе соборы и церковь Василія Блаженнаго? Герцогъ Иванъ Датскій, нареченный женихъ Ксеніи Годуновой, былъ похороненъ въ ней просто потому что иновѣрцевъ у насъ тогда не только не хоронили при православныхъ храмахъ, но даже не впускали ихъ туда и для простаго осмотра. ** А между тѣмъ о такой славѣ kirki сообщили лица долго жившія въ Москвѣ, Беръ же и самъ служилъ при ней ласторомъ: что же сказать объ извѣстіяхъ писателей которые заѣзжали въ Россію на короткое время или и совсѣмъ не были въ ней, а писали по слухамъ?! Поэтому стремленіе Фехнера провѣрять встрѣчаемыя имъ свѣдѣнія составляетъ особую его заслугу. Въ послѣдствіи, подробно ознакомившись съ его критическими замѣтками, я спросилъ его что послужило ему руководствомъ въ выработкѣ его критическаго метода; онъ назвалъ мнѣ статью академика Куника о хроникѣ Буссова. *** „Она точно озарила меня какимъ-то свѣтомъ", отозвался онъ о ней съ увлеченіемъ и совѣтовалъ мнѣ изучить ее возможно внимательнѣе.

О каждомъ фактѣ онъ писалъ на особой карточкѣ, гдѣ, въ отдѣлѣ примѣчаній, точно и подробно означалъ источники и пособія и свои критическія сужденія. Факты онъ рѣдко излагалъ отъ себя, а чаще приводилъ буквально слова наиболѣе достовѣрнаго первоисточника и выписывалъ документы in extenso. Карточки раскладывалъ въ особыхъ ящикахъ, въ извѣстномъ порядкѣ, въ хронологической послѣдовательности фактовъ. Такъ мало-по-малу у него набирался провѣренный и снабженный примѣчаніями матеріалъ къ исторіи

* Conr. Bussowii *Chronica* въ *Rerum Rossicarum Scriptores exteri*, II, 11.

** См. объ этомъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ: „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго", *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1883, IX; *Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода*. М. 1884, гл. III.

*** A. Kunik, *Aufklärungen über Konrad Bussow und die verschiedenen Redaktionen seiner moskowischen Chronik* въ *Bulletin de la Classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg*. 1851, VIII, №№ 20—24.

московскихъ лютеранскихъ общинъ; сюда же попало много и такого что имѣло лишь косвенное отношеніе къ данной исторіи. Оставалось только къ этой своеобразной лѣтописи составить введеніе, снабдить ее нѣкоторыми приложеніями и указателемъ и издать все это въ печати, что Фехнеръ и сдѣлалъ къ юбилейному году своей общины. Трудъ явился подъ заглавіемъ: *Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau* (M. 1876, I—II).

Хотя раньше и послѣ выхода даннаго сочиненія Фехнеръ напечаталъ нѣсколько статей и брошюръ, но эта *Хроника* есть главный его трудъ. Она тотчасъ же обратила на себя серіозное вниманіе русской и иностранной критики. На страницахъ *Православнаго Обозрѣнія* профессоръ Н. А. Поповъ писалъ о ней: „Книга пастора Фехнера представляетъ собою не только обильный матеріалъ для исторіи евангелическихъ общинъ, возникшихъ въ Москвѣ постепенно въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, но и значительныя поправки и дополненія къ прежнимъ сочиненіямъ имѣвшимъ въ виду исторію лютеранской церкви въ Россіи, и въ этомъ отношеніи она представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу по церковной исторіи вообще и отчасти по исторіи русскаго просвѣщенія.“ Впрочемъ, замѣчаетъ тотъ же критикъ, „не слѣдуетъ и преувеличивать научнаго значенія которое можно приписать сочиненію пастора Фехнера: оно во всякомъ случаѣ не дастъ прагматическаго изложенія внутренней, собственно религіозной исторіи лютеранства въ Россіи; оно есть только сводъ критически-провѣренныхъ извѣстій о внѣшней судьбѣ евангелическихъ общинъ въ Россіи.“ Другой рецензентъ, профессоръ А. Г. Брикнеръ, такъ отозвался объ этомъ трудѣ въ *Сборникѣ государственныхъ знаній* (т. V): „Изданная пасторомъ Фехнеромъ въ Москвѣ *Лѣтопись евангелическихъ приходовъ въ Москвѣ* заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ не только для исторіи протестантовъ, но и для исторіи иностранцевъ въ Россіи вообще. Авторъ съ изумительнымъ прилежаніемъ собралъ изъ разныхъ источниковъ множество данныхъ относящихся къ этому предмету и сгруппировалъ эти данныя въ хронологическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ заглавіе труда *Лѣтопись* и пр. вполнѣ соотвѣтствуетъ формѣ книги. Нельзя отрицать что такой способъ изложенія богатаго матеріала заключаетъ въ себѣ для автора значительное удобство, что разработка собранныхъ данныхъ въ такомъ видѣ не представляла

особенныхъ затрудненій. Авторъ ограничился сопровожденіемъ своихъ выписокъ разными критическими замѣчаніями. Самые эксцерпты же сообщаются въ сыромъ видѣ. Отъ настоящей разработки матеріала авторъ, какъ видно изъ предисловія, отказывается, замѣчая что для превращенія всего матеріала въ связный разказъ ему не доставало времени. Нельзя не пожалѣть о томъ что г. Фехнеръ избралъ эту форму для составленія своей книги, въ настоящемъ видѣ не заслуживающей названія книги. Какъ видно изъ критическихъ, иногда весьма обширныхъ и подробныхъ, замѣтокъ автора по поводу разныхъ спорныхъ вопросовъ затронутыхъ въ текстѣ, онъ былъ бы вполнѣ въ состояніи заняться разработкой предмета, создать настоящій историческій трудъ, написать монографію. Чрезъ это выигралъ бы трудъ г. Фехнера и тѣмъ что вмѣсто двухъ большихъ томовъ весь матеріалъ въ разработанномъ видѣ безъ сомнѣнія помѣстился бы въ одномъ томѣ меньшаго объема.—Главная заслуга изданія заключается въ полнотѣ собраннаго матеріала. Начитанность автора замѣчательна. Онъ принимаетъ въ соображеніе самые разнообразные источники, ему извѣстны всевозможныя брошюры, отчасти составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость; множество статей напечатанныхъ въ разныхъ издававшихся когда-то русскихъ журналахъ не ускользнуло отъ его вниманія. Въ рѣдкихъ случаяхъ писатели не спеціалисты, собирая историческій матеріалъ, отличаются такою добросовѣстностью, такимъ знаніемъ дѣла, такою полнотою свѣдѣній."

Самъ авторъ хорошо понималъ что его трудъ еще только подготовительная работа для исторіи. Свою *Хронику* онъ въ шутку сравнивалъ съ возомъ сѣна, гдѣ можно найти и разнообразные красивые цвѣты и простую траву. При всемъ томъ масса провѣреннаго научною критикой матеріала, точное указаніе литературы и умѣлая оцѣнка прежде написаннаго по данному предмету, научное подведеніе итоговъ изъ прежде явившагося составляетъ неотъемлемую заслугу даннаго сочиненія. Тѣ факты которые занесены въ его трудъ, дѣйствительно, можно почти всегда принять на вѣру; пріемы какіе примѣнены при ихъ обоснованіи, дѣйствительно, почти всегда соотвѣтствуютъ цѣли. Здѣсь можно многое узнать, есть чему поучиться.

Года за два до появленія названнаго сочиненія я принялся за изученіе исторіи западноевропейскихъ вѣроисповѣ-

данній въ Россіи. Книга Фехнера была какъ нельзя болѣе мнѣ кстати; во многихъ случаяхъ она должна была лежать въ основаніи моихъ дальнѣйшихъ изысканій. Это побудило меня по переходѣ на службу въ Москву лично познакомиться съ ея авторомъ, а это оказалось тѣмъ удобнѣе-что наши квартиры располагались очень близко, въ районѣ той же прежней Нѣмецкой Слободы. Несмотря на разность лѣтъ, народности, вѣроисповѣданія и характера образованія, мы съ первыхъ же бесѣдъ нашли общее въ спеціальныхъ историческихъ интересахъ. Человѣкъ кабинетныхъ занятій и нелюбитель всякой праздной общественной болтовни, Фехнеръ съ необыкновенною радостью встрѣтилъ меня какъ изучающаго тотъ же предметъ, надъ которымъ онъ провелъ лучшіе годы своей умственной жизни; для меня же онъ дорогъ былъ какъ лицо, болѣе и точнѣе всѣхъ другихъ знакомое съ даннымъ предметомъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ мы не знали „визитовъ", ни праздничныхъ поздравленій, а ходили одинъ къ другому смотря по надобности: то чуть не каждый день, а то и въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ не болѣе разу, и подолгу вели свои бесѣды. Изъ его кабинета, уставленнаго книгами, мы иногда выходили въ столовую къ вечернему чаю; семья его и гости вели свои бесѣды, у насъ шелъ свой разговоръ; затѣмъ мы возвращались на прежнее мѣсто; бывало и такъ что семья, не желая отвлекать его отъ дѣла, которое доставляло ему удовольствіе и такъ занимало его, подавала намъ чай прямо въ кабинетъ. Случалось что наши бесѣды часовъ съ шести-семи вечера заходили далеко за полночь. При разставаніи мы иногда шутили, спрашивая себя: еслибы сейчасъ узнали о насъ, положимъ, Стефанъ Яворскій или Биронъ, что бы подумали они? Тутъ мы припоминали соотвѣтственные случаи изъ исторіи. Въ такомъ положеніи, стоя у дверей, мы однажды очень долго проговорили о Дмитріи Тверитиновѣ, не сойдясь во взглядахъ на источникъ его религіозно-общественнаго вольнодумства.

Но вопросовъ религіозно-догматическихъ мы не позволяли себѣ касаться. Обыкновенно не разсуждали и о предметахъ современныхъ, гдѣ бесѣда могла потерять спокойный характеръ. По своемъ возвращеніи со съѣзда пасторовъ, бывшаго въ Дерптѣ, Фехнеръ, разказывая мнѣ о постановленіяхъ съѣзда, незамѣтно отклонившись въ сторону, сталъ нѣсколько хвалебно изображать формы дерптской жизни, и я

подшутилъ надъ нимъ: „Смотрите, Андрей Ивановичъ, впередъ въ прибалтійскія губерніи отпускать я васъ не буду, а то вы пожалуй у меня опять онѣмечитесь". Намекъ онъ понялъ, улыбнулся, и мы опять воротились къ дѣламъ съѣзда. Насъ собственно связывали интересы исторіи, ихъ мы по преимуществу и держались. На первыхъ порахъ нашъ разговоръ вращался около *Хроники*. Всѣ неясности, недомолвки, сомнительныя мѣста въ ней, все это такъ или иначе подвергалось нашему общему обсужденію; затѣмъ перешли къ указанной въ ней литературѣ предмета, по преимуществу къ иностраннымъ писателямъ о Россіи. Значительную долю записокъ Буссова, Олеарія и нѣкоторыхъ другихъ мы прочли вмѣстѣ, сопровождая комментаріями и стараясь отыскать въ нихъ то достовѣрное, что можетъ быть принято безо всякихъ колебаній. Я высказывалъ свои замѣчанія по преимуществу съ общеисторической точки зрѣнія, именно, насколько соотвѣтствуютъ передаваемые случаи характеру эпохи, Фехнеръ—съ точки зрѣнія самихъ авторовъ; мы старались выяснить обстоятельства при которыхъ писали они, подвергали критикѣ текстъ, различныя изданія, переводы. Благодаря этой сложной работѣ, мы иногда приходили къ выводамъ для насъ первоначально непредвидѣннымъ. Особенно много хлопотъ принесъ намъ изданный въ 1883 году въ Берлинѣ сборникъ документовъ изъ второй половины XVII вѣка, подъ заглавіемъ: *Relation du voyage en Russie fait en 1684* par Laurent Rinhuber. Рингуберъ былъ нѣкоторое время учителемъ школы въ Нѣмецкой Слободѣ и сотрудникомъ пастору Грегори по устройству придворнаго театра, поэтому показанія находящіяся въ данномъ сборникѣ и касающіяся быта иноземцевъ въ Россіи пріобрѣтали серіозную важность; но онъ, какъ и Грегори, былъ человѣкомъ партіи, и это заставляетъ относиться къ ихъ словамъ съ осторожностью. Когда получена былъ нами экземпляръ книги, мы, помню, просидѣли за ней нѣсколько вечеровъ сподрядъ. Счастливый въ своихъ архивныхъ поискахъ, я приносилъ Фехнеру и новые, неизвѣстные до того архивные и другіе рукописные документы, но, конечно, только такіе въ сужденіяхъ о которыхъ онъ могъ быть компетентенъ и безпристрастенъ. Такъ мы не могли разсматривать съ нимъ, напримѣръ, полемическихъ сочиненій противъ протестантства или документовъ о католикахъ. Помню какое впечатлѣніе произвело на него мое

сообщеніе о документахъ полученныхъ мною отъ декана здѣшняго католическаго костела. Равнымъ образомъ, стараясь изслѣдовать каковы были въ дѣйствительности историческіе факты изъ быта протестантовъ въ Россіи, мы никогда не разсуждали на тему: какими они бы должны были быть. Много, напримѣръ, разсмотрѣно нами бывшихъ случаевъ взаимнаго отношенія между православно-русскими и иноземцами-протестантами; но я никогда не заговаривалъ о томъ хороши ли эти случаи и каковы должны быть отношенія между нами и протестантами; не касался также вопроса общей характеристики иноземцевъ, группировки ихъ по степени пригодности у насъ, и того, каково должно быть ихъ положеніе въ Россіи. Разговоры о подобныхъ принципіальныхъ вопросахъ, почти такъ же, какъ и вопросы религіи, могли бы привести насъ развѣ къ разладу. Здѣсь у Русскаго должна быть *своя* точка зрѣнія, свой царь въ головѣ.

Благодаря такому modus vivendi, установившемуся безъ уговора, взаимныя отношенія наши пріобрѣтали все бо́льшую и бо́льшую прочность. Если иногда, послѣ бесѣдъ, Андрей Ивановичъ замѣчалъ: „вотъ еслибы теперь начать мнѣ составлять свою *Хронику*“, и тотчасъ заносилъ на особыхъ приклеенныхъ листочкахъ поправки и дополненія въ имѣвшійся у него особый печатный экземпляръ этого труда; то еще чаще приходилось сознавать мнѣ пользу нашихъ общихъ работъ. Разсмотрѣнные въ нихъ факты я могъ послѣ того излагать съ большею увѣренностію и объективностію. Не разъ также я уговаривалъ Андрея Ивановича приняться за связное, прагматическое изложеніе имѣвшихся въ его *Хроникѣ* фактовъ о московскихъ лютеранскихъ общинахъ, указывая ему, какъ это облегчило бы публикѣ пользованіе его книгой и какъ мало согласныя извѣстія, находившіяся теперь въ ней, лали бы сами собой. „Нѣтъ, это меня не привлекаетъ,“ обыкновенно отзывался онъ на это: „я люблю работу надъ отдѣльнымъ фактомъ, надъ отдѣльнымъ извѣстіемъ; процессъ устраненія какихъ-либо недоразумѣній въ нихъ, добываніе историческаго зерна, мое прямое удовольствіе, и чѣмъ больше приходится за этимъ процессомъ перерыть различныхъ книгъ и сдѣлать различныхъ справокъ, тѣмъ пріятнѣе.“ Дѣйствительно, нельзя бывало не удивляться его терпѣливости при веденіи такого кропотливаго дѣла, такъ свойственной нѣмецкимъ ученымъ и весьма часто недостающей нашимъ. Запасшись этимъ терпѣніемъ онъ совѣтовалъ нерѣдко и мнѣ.

— Погодинъ какъ-то говорилъ мнѣ что надобно печатать все что ни попадется, потому что самыя ошибки и неполнота побуждаютъ другихъ къ дальнѣйшей работѣ и помогаютъ добиться истины; нѣтъ, это не совсѣмъ такъ: тогда наберется много мусора, затрудняющаго путь изслѣдователю. Надобно печатать только когда сдѣлалъ надъ матеріаломъ все возможное, и въ достовѣрности чего убѣжденъ вполнѣ; истину, одну истину, говаривалъ Фехнеръ.

Прошлою зимой Фехнера постигла тяжкая болѣзнь легкихъ, и наши ученыя бесѣды должны были прекратиться. Время отъ времени я заходилъ къ нему чтобы навѣстить больнаго. Въ эту осень ему стало нѣсколько полегче; онъ началъ вставать съ постели и могъ нѣсколько читать. По минованіи карнавала я зашелъ къ нему; онъ читалъ какое-то письмо.

— Посмотрите что пишутъ мнѣ изъ деревни, сказалъ онъ:— нѣтъ въ ней порядочнаго помѣщенія, остановились проѣздомъ въ крестьянской избѣ, но заснуть не могли: грязь, духота, клопы, тараканы... И это въ Россіи, гдѣ есть дорогостоящіе академіи, университеты, театры. Чѣмъ платятъ они народу, на гроши котораго содержатся, если не помогаютъ ему даже устроиться поопрятнѣе, почеловѣчески?“

— Вы, Андрей Ивановичъ, попутчя отозвался я ему,— нынѣ слишкомъ мрачно настроены. Отвѣтьте тому кто вамъ пишетъ что въ нашихъ деревняхъ лѣтомъ обыкновенно не спятъ въ избахъ и сами крестьяне и что они, вмѣсто избы, отправляясь бы спать прямо на сѣновалъ: будьте увѣрены, заснутъ не хуже чѣмъ въ любой городской гостиницѣ. А вы лучше посмотрите, что пишутъ о нашихъ старыхъ знакомыхъ.

Я подалъ ему журналъ *Russische Revue*, гдѣ находилась подробная критическая статья на мою послѣднюю книгу: „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“. Мы начали читать ее; глаза Андрея Ивановича оживились, но статья была велика, страницъ около 40, и я, замѣтивъ что это можетъ утомить его, оставилъ ему книгу. Чрезъ нѣсколько дней онъ позвалъ меня „по дѣлу“. Оказалось что Академія Наукъ прислала ему мое сочиненіе для составленія требующейся рецензіи. Такая честь со стороны высшаго ученаго учрежденія очевидно крайне радовала старика.

— Вотъ и Академія Наукъ обратила на меня вниманіе, сказалъ онъ мнѣ.

— Какой отвѣтъ пошлете вы ей? спросилъ я.

— Да думаю написать что я въ состояніи рецензировать одну первую половину, о протестантахъ, предметъ же второй половины, о католикахъ, мнѣ знакомъ мало; и что если Академія, несмотря на это, снова поручитъ мнѣ разборъ, то я готовъ исполнить ея порученіе.

Два черезъ два онъ снова посылалъ за мной. Онъ лежалъ въ постели блѣдный, ослабѣвшій.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Измучился я за эти дни; сталъ я внимательно читать вашу книгу, и совсѣмъ запутался сна: все видится мнѣ то ваша книга, то моя, припоминается вся прежняя работа; безсонница, бредъ, страшная головная боль... Докторъ рѣшительно запретилъ мнѣ читать.

Это была послѣдняя вспышка научно-историческихъ интересовъ; ослабѣвшій организмъ уже не могъ переносить ее. Облегченіе здоровья было не надолго; больному мало-по малу опять дѣлалось хуже, и 4 марта сего года, въ 5 часу вечера, Андрея Ивановича не стало.

Мы зашли къ нему, когда его тѣло было приготовлено къ погребенію. Кругомъ тѣснилась печальная, довольно многочисленная его семья. Онъ оставилъ послѣ себя жену, двоихъ сыновей и шесть дочерей. Старшій сынъ его служитъ офицеромъ, второй учится въ классической гимназіи; двѣ дочери выданы замужъ, за преподавателей, остальныя еще не пристроены. Онъ былъ добрый семьянинъ: семья была предметомъ теплыхъ его попеченій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжительное обращеніе съ русскою средой и внимательное знакомство съ нашею отечественною исторіей положили на него особый отпечатокъ. Въ немъ замѣтна была какая-то особая простота, мягкость, общительность, благожелательность къ Россіи. Устною русскою рѣчью онъ владѣлъ свободно, могъ довольно правильно и писать. О нашихъ ученыхъ дѣятеляхъ на поприщѣ русской исторіи, изъ которыхъ со многими, какъ мы видѣли, онъ былъ знакомъ лично, всегда отзывался съ неподдѣльнымъ уваженіемъ. Похоронить себя завѣщалъ онъ просто, безъ рѣчей и вѣнковъ, везти на кладбище безо всякой пышности.

ДМ. ЦВѢТАЕВЪ.

КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ РОССІИ *

Статистика поземельной собственности въ Россіи. Изд. Гл. Ст. Ком. Вып. I — VIII.
Paul Leroy-Beaulieu. *La Propriété foncière à l'étranger et en France.*

V.

Статистическія данныя о нѣмецкомъ землевладѣніи отличаются большою свѣжестью. Они изданы въ 1883 и 1884 годахъ, и хотя не обнимаютъ лока всей территоріи Германской имперіи, но и теперь даютъ уже довольно вѣрное представленіе объ аграрныхъ условіяхъ этой страны, такъ какъ содержатъ уже свѣдѣнія о $^4/_5$ всей ея площади (слишкомъ 40 милл. гектаровъ). Аграрная статистика крупнѣйшаго изъ нѣмецкихъ государствъ, королевства Пруссіи, издана вполнѣ. А такъ какъ Пруссія широкою лентой тянется отъ крайнихъ восточныхъ предѣловъ до крайнихъ западныхъ, то мы такимъ образомъ получаемъ ясное понятіе о постепенномъ измѣненіи характера земледѣльческой культуры отъ береговъ Нѣмана до франдузско-бельгійской границы. Мы уже сказали выше что статистика нѣмецкаго землевладѣнія построена на своеобразномъ основаніи, не на числѣ владѣльцевъ и не на

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

величинѣ имѣній, а на пространствѣ отдѣльныхъ хозяйствъ, включая сюда и городскія имущества. Такимъ образомъ, если у одного и того же лица ло нѣсколько имѣній или домовъ въ томъ же округѣ или городѣ, эти имѣнія и дома считаются особо. Далѣе, если въ помѣстьи нѣсколько хуторовъ, каждый изъ нихъ считается какъ бы отдѣльнымъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, очевидно что число владѣльцевъ недвижимой собственности въ Германіи значительно ниже тѣхъ цифръ какія даютъ намъ статистическія таблицы для числа хозяйствъ. Система эта имѣетъ свои неудобства. Она не снабжаетъ насъ точными данными о распредѣленіи земельной собственности въ каждой области, такъ какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, напримѣръ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, имѣнія довольно крупны, а фермерскіе участки, на которые они разбиты, не особенно велики. Аграрная статистика вообще не въ состояніи добиться точныхъ цифръ о числѣ земледѣльцевъ, такъ какъ одно и то же лицо можетъ владѣть собственностью въ разныхъ частяхъ страны. Но принимая за исходную точку каждое отдѣльное владѣніе, она все-таки отражаетъ на себѣ распредѣленіе земли, тѣмъ болѣе что въ каждомъ мелкомъ округѣ она большею частію складываетъ вмѣстѣ участки и парцеллы принадлежащіе одному и тому же лицу. Нѣмецкая система значительно уступаетъ въ точности тому порядку исчисленія который принятъ въ остальныхъ государствахъ. Нельзя не пожалѣть и о томъ что городская собственность соединена въ одну таблицу съ сельскою. Это вполнѣ понятно тамъ гдѣ, какъ во Франціи, за единицу принято недвижимое имущество обложенное однимъ окладомъ. Въ Германіи, гдѣ, напротивъ, все вниманіе обращено на земледѣльческія хозяйства, этого неудобства слѣдовало избѣгнуть. Оно, впрочемъ, въ нѣкоторой степени можетъ быть устранено если мы выкинемъ изъ таблицы мельчайшіе участки, представляющіе собою, въ большинствѣ случаевъ, городскіе дома. Нѣмецкая система имѣетъ, впрочемъ, и свою хорошую сторону. Она даетъ наглядную картину сельско-хозяйственнаго производства, что̀ не можетъ быть достигнуто аграрною статистикой прочихъ государствъ. Въ то же время, указанное выше неудобство для нѣмецкой статистики менѣе ощутительно чѣмъ для всякой иной, потому что въ Германіи фермерство развито слабо, и хозяйство въ большинствѣ случаевъ ведется самимъ владѣльцемъ. Стало-быть, оно большею частію *совпадаетъ съ размѣромъ имѣнія.*

Германія представляетъ слѣдующіе четыре района, довольно рѣзко отличающіеся другъ отъ друга какъ по распредѣленію собственности, такъ и по характеру культуры. Первый изъ нихъ, восточный, обнимаетъ собою шесть прусскихъ провинцій: Силезію, Познань, Восточную и Западную Пруссію, Померанію, Бранденбургъ и Мекленбургскія герцогства. Здѣсь не только свыше 50% территоріи находятся въ рукахъ крупнаго землевладѣнія, но вообще число собственниковъ не велико, то-есть измельчанія собственности не замѣчается вовсе. Вся, или почти вся земля находится въ рукахъ помѣщичьяго класса или зажиточныхъ крестьянъ. На ряду съ этимъ преобладаютъ и обширныя хозяйства, свыше 200 гектаровъ въ каждомъ. Господствующій видъ культуры плодосмѣнный, съ чередованіемъ зерновыхъ хлѣбовъ, картофеля и кормовыхъ травъ, съ коротким періодомъ залежи. На сѣверѣ, въ Помераніи и Мекленбургѣ, эта форма хозяйства переходитъ въ пастбищную, съ длиннымъ періодомъ залежей и съ широкимъ развитіемъ овцеводства. Второй районъ, средній или переходный, занимаетъ Прусскую Саксонію, Шлезвигъ-Гольштейнъ, Ганноверъ, Ольденбургъ, Вестфалію, Гессенъ-Нассау, Саксонское королевство и Тюрингскія княжества. Здѣсь крупная собственность все еще сильно распространена, занимая отъ 30 до 40% всей площади, но размѣры культуры уже преимущественно средніе, отъ 50 до 200 гектаровъ на хозяйство. Притомъ здѣсь, на ряду съ крупными землевладѣльцами, встрѣчается довольно много мелкихъ, такъ что собственность гораздо болѣе раздроблена чѣмъ въ предыдущей полосѣ. Земледѣльческая культура въ этой области очень разнообразна: довольно экстенсивная, съ преобладаніемъ выгоннаго хозяйства, на сѣверѣ, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и въ неплодородной части Ганновера, такъ-называемой Люнебургской степи, она по направленію къ югу постепенно переходитъ къ высокому интенсивному плодосмѣну безъ ларового поля и съ большимъ разнообразіемъ воздѣлываемыхъ растеній. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саксоніи, особенно въ окрестностяхъ Дрездена и Эрфурта, хозяйство даже принимаетъ тотъ характеръ какой оно имѣетъ въ сосѣдствѣ съ Парижемъ,—воздѣлываются преимущественно овощи и даже садовыя растенія. Такъ, близъ двухъ упомянутыхъ городовъ цѣлыя десятины заняты цвѣточными плантаціями; на самой южной окраинѣ района встрѣчается и винодѣліе. Напротивъ, сѣверо-западная

его окраина, граничащая съ Голландіей, представляетъ совершенно дикую мѣстность, гдѣ среди полувысохшихъ торфяныхъ болотъ лишь кое-гдѣ видны обработанные лоскутки земли; все остальное пространство вѣчно остается подъ тощимъ пастбищемъ. Третій районъ—по преимуществу область винодѣлія. Въ составъ его входятъ Рейнская провинція, Гессенъ-Дармштадтъ, Альзасъ-Лотарингія, Баварскій Пфальцъ, Баденъ и Виртембергъ. Этотъ районъ полосой неодинаковой ширины тянется вдоль обоихъ береговъ Рейна. Отличительный характеръ его заключается почти въ полномъ отсутствіи крупной собственности; за исключеніемъ нѣсколькихъ имѣній медіатизованныхъ князей, она здѣсь вовсе не встрѣчается. Фермерство также мало развито какъ въ восточной Пруссіи, потому что небольшіе объемы мелкихъ владѣній не позволяютъ устраивать фермы для отдачи ихъ въ аренду. Здѣсь, совершенно такъ же какъ и въ Англіи, величина имѣнія нисколько не соотвѣтствуетъ состоянію владѣльца. Очень богатые люди являются собственниками всего нѣсколькихъ гектаровъ, на которыхъ разбиты парки или сады. Преобладающими являются здѣсь мелкія и среднія крестьянскія хозяйства, значительная часть которыхъ до крайности измельчены. Культура здѣсь высоко интенсивная; рядомъ съ винодѣліемъ развито хмелеводство и воздѣлываніе плодовыхъ деревьевъ, посаженныхъ вдоль дорогъ или посреди хлѣбныхъ полей. Наконецъ, четвертый и послѣдній районъ составляетъ королевство Баварія, на пространствѣ коего встрѣчаются всѣ формы землевладѣнія и всѣ виды культуры. По своему характеру, эта область всего ближе подходитъ къ сѣверному переходному району. Вдоль долины Майна, въ Верхней и Нижней Франконіи, гдѣ преобладаетъ винодѣліе, наиболѣе распространена мелкая крестьянская собственность, какъ въ западной Германіи, но наряду съ нею, особенно на востокѣ, на границѣ Богеміи, встрѣчаются и большія дворянскія имѣнія. Здѣсь, такъ же какъ и въ западной Германіи, крестьяне живутъ въ большихъ селеніяхъ, и потому хозяйство ихъ полосное. По мѣрѣ удаленія къ югу, собственность становится крупнѣе, культура экстенсивнѣе, и подворное разселеніе крестьянъ дѣлается господствующимъ. Въ горной части Баваріи, граничащей съ Тиролемъ, встрѣчается альпійское выгонное хозяйство, и главнѣйшее занятіе жителей составляетъ скотоводство.

Обратимся теперь къ цифрамъ. На всей изслѣдованной площади 40.875.000 гектаровъ имѣется всего самостоятельныхъ хозяйствъ 5.276.344, такъ что на долю каждаго изъ нихъ среднимъ числомъ приходится около 8 гектаровъ. Если принять во вниманіе что число собственниковъ должно быть нѣсколько менѣе этой цифры, потому что во многихъ имѣніяхъ находится по нѣсколько хозяйствъ, то мы увидимъ что средній размѣръ землевладѣнія Германіи лишь немногимъ мельче чѣмъ въ Англіи, гдѣ онъ равняется 13 гектарамъ. Изъ этого однако еще вовсе нельзя заключить что по своему характеру нѣмецкое землевладѣніе сколько-нибудь походитъ на англійское. Изъ общаго числа, слишкомъ 5 милліоновъ хозяйствъ имѣютъ площадь до одного гектара 2.300.000, и отъ 1 до 10 гектаровъ— 2.300.000; такъ что мелкихъ хозяйствъ всего 4.600.000, или 91%, что свидѣтельствуетъ уже объ очень значительномъ распространеніи мелкой культуры. Бо́льшая часть этихъ хозяйствъ лежитъ въ западной Германіи, гдѣ, какъ мы замѣтили выше, поземельная собственность крайне измельчена. Такимъ образомъ, между двумя этими экономическими явленіями, хотя они далеко не покрываютъ другъ друга, существуетъ въ Германіи несомнѣнная связь. Площадь заключающуюся въ двухъ уломанутыхъ группахъ мелкихъ хозяйствъ можно приблизительно опредѣлить въ $12^1/_2$ милл. гектаровъ; стало-быть на долю средней и крупной культуры остается приблизительно 28.320.000, или 69%. Если мы эту послѣднюю площадь раздѣлимъ на число среднихъ и крупныхъ хозяйствъ, то-есть на 676.344, то получимъ въ среднемъ выводѣ по $41,_7$ гектаровъ на каждое, что̀ составляетъ какъ разъ типическій размѣръ самостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ (Vollbauern-Hof) въ восточной и средней Германіи. Цифра эта опять довольно близка къ той которую мы получили выключивъ изъ общаго числа англійскихъ собственниковъ всѣ микроскопическіе участки и взявъ средній размѣръ владѣнія остальныхъ. Но это кажущееся сходство опять убѣждаетъ насъ какъ шатки и обманчивы выводы построенные на среднихъ статистическихъ вычисленіяхъ. Въ Англіи, несмотря на довольно скромные размѣры средняго имѣнія, бо́льшая половина всей территоріи состоитъ изъ латифундій, сравнительно немногочисленныхъ. Напротивъ, въ Германіи такихъ латифундій почти вовсе нѣтъ, и полученная нами средняя цифра въ самомъ дѣлѣ близко подходитъ къ наиболѣе распространенному *типу нѣмецкаго* хозяйства.

Нѣмецкая аграрная статистика даетъ еще одно любопытное указаніе. Она распредѣлила всѣ сельско-хозяйственныя эксплуатаціи на группы, смотря по тому находится ли вся ихъ площадь въ непосредственномъ завѣдываніи владѣльца, или онъ сдаетъ ихъ частью, либо въ цѣлости съемщикамъ. Изъ этихъ данныхъ оказывается что около 3 милліоновъ хозяйствъ цѣликомъ эксплуатируются самими владѣльцами; затѣмъ въ 946.000 менѣе половины, а въ 547.000 болѣе половины всей площади сдается въ аренду; наконецъ, около 830.000 въ полномъ объемѣ находятся въ рукахъ арендаторовъ. Отсюда ясно что арендованіе земли въ Германіи гораздо менѣе развито чѣмъ въ Англіи, и что въ большинствѣ имѣній хозяйство ведется непосредственно самими владѣльцами. Это обстоятельство кладетъ совершенно особый отпечатокъ на характеръ нѣмецкаго землевладѣнія. Замѣчательно, между прочимъ, что даже въ той части Германіи гдѣ имѣнія всего крупнѣе, то-есть въ восточной половинѣ Пруссіи, фермерство распространено сравнительно мало. Такимъ образомъ, нѣмецкій помѣщикъ вовсе не походитъ на англійскаго ландлорда, получающаго лишь доходы съ имѣнія въ видѣ подати фермеровъ и занятаго, главнымъ образомъ, общественными дѣлами. Нѣмецкій землевладѣлецъ, даже крупный, въ большинствѣ случаевъ настоящій сельскій хозяинъ, производитель сырья. Несмотря на то что крупная собственность въ Германіи до сихъ поръ въ значительной степени осталась въ рукахъ дворянства, этотъ классъ не подходитъ подъ типъ земельной аристократіи, а представляетъ собою общественную группу, обладающую лишь среднимъ достаткомъ и отдающую свое время промышленнымъ занятіямъ.

Въ нижеслѣдующихъ двухъ таблицахъ читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ аграрной статистикѣ собственно Прусскаго королевства, по которому статистическія работы приведены къ окончанію. Въ первой изъ нихъ содержатся данныя о распредѣленіи хозяйствъ на группы по ихъ пространству; во второй—указаніе на общую площадь занимаемую каждою изъ этихъ группъ. Данныя эти распредѣлены по отдѣльнымъ провинціямъ. Городъ Берлинъ съ его правительственнымъ округомъ въ эти таблицы не включенъ, такъ какъ въ этомъ округѣ находятся лишь имущества городскія и подгородныя.

ЧИСЛО ХОЗЯЙСТВЪ (ВЪ ГЕКТАРАХЪ).

НАЗВАНІЕ ПРОВИНЦІЙ.	Ниже $0_{,02}$	До $0_{,05}$	До $0_{,2}$	До 1	До 2	До 5	До 10	До 20	До 50	До 100	До 200	До 500	До 1.000	Сверхъ 1.000	ИТОГО.
Вост. Пруссія	2.561	5.754	19.742	53.482	19.824	26.146	15.881	15.523	20.588	5.479	1.552	1.214	369	64	188.179
Зап. Пруссія...	1.002	3.782	17.909	44.216	14.358	15.491	10.864	10.458	10.261	3.245	1.123	890	376	51	134.026
Познань	544	1.743	18.054	59.104	14.905	20.224	18.419	18.183	10.243	1.642	757	1.199	639	129	165.785
Померанія....	2.783	7.635	26.056	48.787	21.944	21.277	14.119	11.597	10.032	2.169	758	1.288	748	82	169.275
Бранденбургъ	1.694	7.706	40.512	82.201	31.658	33.348	20.904	19.527	17 643	3.706	758	913	454	77	261.101
Силезія.....	2.076	7.655	32.877	90.426	55.992	85.197	45.520	26.280	16.054	1.719	1.043	1.495	298	44	366.616
Саксонія.....	1.356	5.896	43.124	103.516	36.089	37.061	23.425	16.963	13.998	2.680	730	638	171	34	285.681
Шлезв.-Гольштейнъ.....	4.250	14.472	28.588	17.976	11.130	16.475	11.141	10.650	15.926	5.424	731	310	58	2	137.133
Ганноверъ ...	2.527	11.039	41.330	86.809	53.342	60.404	28.110	22.545	19.143	2.867	442	162	19	—	328.739
Гессен.-Насс.	1.445	4.967	20.829	56.817	32.834	44.709	21.792	11.200	4.129	360	220	65	2	—	199.369
Вестфалія....	3.520	22.312	69.615	72.082	45.626	44.880	19.975	15.267	10.086	1.370	197	75	4	—	305.009
Рейнская.....	9.464	39.992	85.888	126.219	68.686	83.891	44.821	18.322	6.665	1.138	215	31	—	—	485.332
Гогенцоллерн.	219	271	559	1.811	1.990	4.078	1.929	973	347	25	9	1	—	—	12.212
Итого	33.441	133.224	445.083	843.446	408.378	493.181	276.900	197.428	155.115	31.824	8.535	8.281	3.138	483	3.038.457

ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ ХОЗЯЙСТВЪ, ВЪ ГЕКТАРАХЪ.

НАЗВАНІЕ ПРОВИНЦІЙ.	Менѣе 0,05	До 0,05	До 0,12	До 1	До 2	До 5	До 10	До 20	До 50	До 100	До 200	До 500	До 1.000	Сверхъ 1.000	ИТОГО.
Восточн. Пруссія	81	191	2.319	23.452	30.940	98.547	132.713	271.852	762.983	410.935	242.594	462.686	326.334	128.064	2.893.641
Западная Пруссія	13	135	2.209	20.560	22.585	60.007	95.706	185.748	385.470	254.176	184.155	366.505	323.177	121.700	2.022.146
Познань	9	73	2.339	26.729	23.122	74.294	147.756	286.457	332.579	127.785	125.467	493.344	559.024	261.500	2.460.478
Померан.	35	287	3.184	25.580	32.590	79.237	116.697	199.885	372.855	166.444	134.913	576.327	681.454	157.839	2.547.527
Бранденбургъ.....	45	330	5.354	45.516	53.606	141.083	200.518	384.668	705.465	294.340	154.292	460.952	425.294	151.179	3.022.642
Силезія...	41	376	4.375	50.090	84.884	308.578	360.540	429.312	529.655	134.791	211.919	633.018	279.304	96.058	3.122.941
Саксонія	61	303	5.901	54.722	54.143	132.778	185.623	277.407	526.533	216.757	123.683	257.992	134.866	45.785	2.016.554
Шлезв.-Гольшт...	135	651	3.903	9.844	19.383	60.995	92.806	175.648	583.390	413.059	110.029	113.461	45 046	5.380	1.633.730
Ганноверъ.....	59	524	5.793	53.323	96.303	278.963	314.055	546.737	1.003.884	286.474	85.445	66.000	15.443	—	2.753.003
Гессенъ-Нассау....	24	203	2.793	33.204	51.119	164.393	167.226	175.866	128.667	30.042	35.527	26.302	1.204	—	816.570
Вестфал..	87	982	8.409	47.803	88.519	214.395	222.623	336.387	422.571	125.783	39.070	57.954	5.484	—	1.569.569
Рейнская	273	1.716	11.740	78.563	122.924	343.218	390.550	315.983	246.577	90.498	35.425	16.321	—	—	1.653.788
Гогенцоллернъ	17	18	114	1.411	3.343	15.205	15.416	15.821	10.661	2.573	1.638	229	—	—	66.446
Итого...	830	5.789	58.433	470.297	683.461	1.971.693	2.442.429	3.601.773	6.011.290	2.553.657	1.484.157	3.531.091	2.796.630	967.505	26.579

Съ перваго взгляда на эти таблицы нельзя не замѣтить преобладающаго мѣста занимаемаго хозяйствами средняго размѣра, какъ по числу этихъ хозяйствъ, такъ и по общей ихъ площади. Прежде всего мы попросимъ читателя откинуть первые три ряда цифръ, въ которыхъ значатся хозяйства до 0,2 гектара включительно. Мы, вѣроятно, не особенно ошибемся предположивъ что сюда входятъ исключительно городскія и подгородныя имущества, то-есть такія въ которыхъ никакой земледѣльческой культуры не производится. Такихъ хозяйствъ всего 611.748, съ общею площадью въ 65.052 гектаровъ; стало-быть число собственно земледѣльческихъ хозяйствъ выразится цифрой 2.426.709, съ общею площадью въ 26.513.983 гектаровъ. Если мы это пространство разобьемъ на три группы, причемъ мелкую культуру составятъ хозяйства до 10 гектаровъ включительно, среднюю отъ 10 до 200, а крупную хозяйства свыше 200 гектаровъ, то получимъ слѣдующую таблицу:

	Число хозяйствъ.	Общая площадь	Процентъ общ. площ.
Мелкія хозяйства	2.021.905	5.567.880	21%
Среднія „	392.902	13.650.877	51,5%
Крупныя „	11.902	7.295.226	27,5% *

Такимъ образомъ, нѣсколько болѣе половины всей территоріи Пруссіи занято хозяйствами средняго размѣра, а остальная половина дѣлится почти поровну между крупными и мелкими. Это процентное отношеніе по провинціямъ значительно измѣняется. Въ восточной половинѣ королевства крупныя хозяйства занимаютъ очень видное мѣсто, причемъ колебаніе между отдѣльными провинціями не особенно замѣтно: они составляютъ здѣсь около $^1/_3$ всей площади. Въ средней части страны, въ Саксоніи, Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Ганноверѣ и Вестфаліи, роль крупныхъ хозяйствъ уже значительно слабѣе, на занимаемую ими площадь приходится отъ 7 до 22% и хозяйствъ свыше 500 гектаровъ встрѣ-

* Мы здѣсь нѣсколько отступаемъ отъ предложеннаго нами выше разграниченія. Слѣдовало бы для отдѣльныхъ частей Прусскаго королевства принять не одинаковыя нормы отдѣльныхъ группъ земледѣльческихъ хозяйствъ, такъ какъ характеръ культуры въ этой странѣ сильно измѣняется по направленію съ востока къ западу. Не дѣлаемъ этого чтобы не утомлять читателя слишкомъ подробнымъ вычисленіемъ.

чается уже очень мало. Наконецъ въ Рейнской провинціи и Гессенѣ, гдѣ сильно развито винодѣліе, крупныя хозяйства почти вовсе исчезаютъ: въ первой изъ этихъ областей они занимаютъ лишь 16.321 rekt., а во второй 27.506. Отсюда мы конечно еще не въ правѣ дѣлать никакихъ выводовъ о степени развитія крупнаго землевладѣнія, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ прусскихъ областей, и въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и въ Ганноверѣ, крупныя имѣнія разбиваются на довольно мелкія фермы. Но такъ какъ въ Пруссіи фермерство развито довольно слабо, и большинство имѣній либо въ цѣломъ своемъ составѣ, либо въ большей части своей площади находятся въ прямомъ завѣдываніи владѣльца, то понятія объ отдѣльномъ имѣніи и о самостоятельномъ хозяйствѣ въ Пруссіи сходятся довольно близко. Во всякомъ случаѣ, отличительною чертой аграрнаго строя Пруссіи служитъ тотъ фактъ что роль землевладѣльца здѣсь почти всегда совпадаетъ съ ролью сельскаго хозяина. Форма культуры здѣсь не разошлась, какъ въ Англіи, съ формой землевладѣнія. Потребность въ мелкихъ и среднихъ хозяйствахъ выразилась не въ видѣ арендованія земли небольшими участками, а посредствомъ размноженія самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, изъ числа которыхъ многія достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ. Ниже мы увидимъ подъ вліяніемъ какихъ историческихъ причинъ сложились эти порядки. Здѣсь мы отмѣтимъ лишь тотъ несомнѣнный фактъ что въ Германіи размѣры культуры и землевладѣнія идутъ рука объ руку и что, стало-быть, тѣмъ нормальнымъ типомъ земледѣльческаго хозяйства который въ каждой области Германіи сложился подъ вліяніемъ экономическихъ условій опредѣлилъ и распредѣленіе поземельной собственности. Конечно, и политическія событія играли тутъ не маловажную роль, но трудно было бы только ими объяснить современный намъ характеръ германскаго землевладѣнія, такъ какъ онъ находится уже въ слишкомъ замѣтной связи съ характеромъ обработки почвы. Тамъ гдѣ воздѣлываются болѣе цѣнныя растенія и стало-быть выгодна мелкая культура, крупныя имѣнія почти вовсе исчезли. Вмѣсто того чтобы разбивать свои земли на мелкіе участки и раздавать ихъ арендаторамъ, прежніе владѣльцы предпочли распродать ихъ. Наоборотъ, гдѣ удержалась крупная культура, значительная часть земли осталась въ рукахъ дворян-

ства, и оно здѣсь не ограничилось полученіемъ доходовъ путемъ отдачи въ аренду, но непосредственно занялось хозяйничаньемъ. Вотъ почему нѣмецкіе крупные землевладѣльцы представляютъ собою классъ по преимуществу мѣстный, не стекающійся въ столицы и не привыкшій къ роскошной жизни. Роль крупной политической аристократіи ему не по плечу, но за то онъ въ значительной степени, по крайней мѣрѣ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи и въ Баваріи, удержалъ за собою вліяніе на мѣстныя земскія дѣла.

Единицы земледѣлія и сельскохозяйственной культуры замѣтно расходятся только въ промежуточныхъ областяхъ страны, гдѣ болѣе крупныя имѣнія обыкновенно разбиваются на фермы средняго размѣра, слѣдуя и здѣсь преобладающему типу хозяйства. Такимъ образомъ, въ этихъ областяхъ крестьянскій дворъ довольно обширнаго размѣра (40—50 гектар.) является главнымъ представителемъ земледѣльческой культуры либо въ роли самостоятельнаго землевладѣльца, либо въ качествѣ арендатора помѣщичьей земли.

VI.

Въ нашей литературѣ не разъ высказывалось мнѣніе будто существуетъ особый, свойственный германской расѣ, общественный строй, основанный на преобладаніи земельной аристократіи и на порабощеніи народнаго труда. Согласно съ этимъ взглядомъ, имѣется будто бы тѣснѣйшая связь между развитіемъ крупной собственности, съ одной стороны, и подневольнымъ состояніемъ народныхъ массъ, съ другой, то-есть процвѣтаніемъ крѣпостнаго права въ Средніе Вѣка и обезземеленіемъ сельскихъ классовъ въ настоящее время. Между тѣмъ этотъ взглядъ какъ нельзя лучше опровергается сопоставленіемъ двухъ странъ населенныхъ германскимъ племенемъ, Англіи и Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, по ходу развитія въ нихъ общественныхъ и аграрныхъ отношеній обѣ эти страны представляютъ полнѣйшій контрастъ. Нигдѣ въ началѣ Среднихъ Вѣковъ государственная власть не является столь могущественною какъ въ Англіи; нигдѣ, наоборотъ, она не оказалась столь слабою какъ въ Германіи. Весь ходъ англійской исторіи велъ къ постепенному ослабленію этой власти и къ упроченію независимости землевладѣльческаго

класса, въ рукахъ котораго въ началѣ XVIII вѣка сосредоточилось все мѣстное управленіе. Въ Германіи случилось какъ разъ обратное. Попытка къ объединенію, сдѣланная императорами изъ дома Гогенштауфеновъ, окончилась неудачей. Но за то на развалинахъ императорскаго могущества утвердились, во многихъ мѣстныхъ, центрахъ отдѣльныя династіи, сила которыхъ оказалась тѣмъ значительнѣе чѣмъ уже былъ кругъ ихъ дѣятельности. Исторія Германіи повела не къ образованію самостоятельнаго дворянства, обладающаго политическимъ могуществомъ, но къ полному торжеству государственной власти имперскихъ князей въ ущербъ самостоятельности земскихъ сословій. Въ настоящее время этотъ процессъ завершился тѣмъ что мелкія нѣмецкія государства въ свою очередь подчинились центральной императорской власти. Одновременно съ этимъ, аграрное устройство въ той и другой странѣ шло тоже въ противоположномъ направленіи, и притомъ какъ будто наперекоръ развитію политическихъ порядковъ. Норманское завоеваніе наложило на земельныя отношенія въ Англіи отпечатокъ полнѣйшаго насилія. Свободное крестьянство въ этой странѣ почти исчезло. За то крѣпостное право здѣсь всегда было слабо, потому что норманскіе короли не выпустили изъ своихъ рукъ права мѣстнаго суда, вездѣ на материкѣ Европы присвоеннаго себѣ крупными владѣльцами. Ранее установленіе гражданской свободы въ Англіи потому и совершилось что бароны въ своей борьбѣ противъ королевской власти имѣли нужду въ содѣйствіи простаго народа и должны были поэтому признать его гражданскую равноправность. Упраздненіе крѣпостничества, однако, ничуть не помѣшало сосредоточенію почти всѣхъ земель въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Обезземеленіе сельскаго населенія произошло какъ разъ въ той странѣ гдѣ крѣпостное право было всего слабѣе. Въ Германіи, напротивъ, настоящаго завоеванія не было вовсе, и уже въ началѣ Среднихъ Вѣковъ число свободныхъ крестьянъ было очень значительно. За то съ теченіемъ времени крѣпостное право здѣсь не только не ослабѣло, но постепенно усиливалось до начала XVIII вѣка, когда развитію его положили предѣлъ нѣмецкіе государи, въ особенности прусскіе короли. Здѣсь, стало-быть, усиленіе произвола дворянъ-землевладѣльцевъ на счетъ крестьянъ, живущихъ въ ихъ сосѣдствѣ, шло рука объ руку съ утратой этими же дворянами

политической самостоятельности. Такимъ образомъ, оказывается что никакого спеціально германскаго типа общественнаго устройства на дѣлѣ не существуетъ, и вовсе нѣтъ предполагаемаго взаимодѣйствія между распредѣленіемъ политической власти и характеромъ земельной организаціи.

Принято думать что крѣпостная зависимость сельскихъ классовъ—продуктъ средневѣковаго уклада, возникшій изъ завоеванія и окрѣпшій благодаря феодализму. Мнѣніе это какъ нельзя болѣе ошибочно. Германскіе завоеватели Западной Римской имперіи нашли въ ней крѣпостные порядки уже вполнѣ созрѣвшими. На земляхъ крупныхъ собственниковъ Италіи и Галліи жили многочисленные крестьяне-арендаторы, связанные со своими господами самыми разнообразными условіями, но во всякомъ случаѣ лишенные права свободно покидать эти земли. Можно положительно сказать что, при арендованіи земель, наиболѣе распространеннымъ типомъ была не свободная ихъ съемка, а постоянное наслѣдственное держаніе земли съ обязательнымъ отбываніемъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Въ такихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ находились люди трехъ родовъ: рабы поселенные на земляхъ своихъ господъ и строго отличавшіеся отъ домашнихъ рабовъ обязанныхъ личною службой; вольноотпущенные, которымъ давалась гражданская свобода и, сверхъ того, земля, но подъ условіемъ чтобъ они производили въ пользу хозяина извѣстную работу; и наконецъ, свободные люди, coloni, не имѣвшіе однако права безъ согласія владѣльца освобождаться отъ наложенной на нихъ арендной платы деньгами или натурой. Всѣ эти виды наслѣдственной аренды были установлены не закономъ, а обычаемъ, и мы узнаемъ о нихъ не изъ законодательныхъ памятниковъ, а изъ дошедшихъ до насъ сочиненій и писемъ римскихъ авторовъ конца имперіи, преимущественно Колумеллы, Авзонія и Сидонія Аполлинариса. Общею ихъ чертой была прочность аренды, не дозволявшая владѣльцу отнимать землю у крестьянина, который въ свою очередь не имѣлъ права отъ нея отказаться. Какъ видно, не только понятіе о крѣпостномъ правѣ было готово, но имѣлись налицо всѣ его разновидности. Дѣло въ томъ что крѣпостное право явилось не какъ результатъ насилія, но какъ естественная потребность въ работѣ, съ одной стороны, и въ землѣ, съ другой, то-есть какъ санкція прочности взаимныхъ отношеній

хозяина и наемщика. Въ этихъ порядкахъ нѣмецкіе дружинники измѣнили очень немногое. Они просто перенесли на себя права и обязанности прежнихъ владѣльцевъ. Понятіе о рабствѣ въ томъ строгомъ видѣ какъ оно выработано было римскимъ законодательствомъ исчезло тоже вовсе не вслѣдствіе природнаго отвращенія Германцевъ отъ этого института, но подъ вліяніемъ христіанства. Въ самой Германіи, гдѣ не было римскихъ владѣльцевъ, такіе же порядки установились когда въ этой странѣ Карломъ Великимъ было введено нѣчто похожее на государственное устройство. Но такъ какъ среди полудикихъ еще нѣмецкихъ племенъ не успѣло образоваться поземельной аристократіи и обширныхъ владѣній съ помѣщичьею запашкой, то бо́льшая часть земель находилась здѣсь въ непосредственномъ пользованіи свободныхъ крестьянъ. Мы уже сказали выше что вся часть Германіи лежащая между Эльбой и Рейномъ, строго говоря, иноплеменному завоеванію никогда не подвергалась. Войны Карла Великаго съ Саксонцами были только войнами между родственными племенами, и побѣдители ограничились подчиненіемъ Германіи своей государственной власти, не отбирая земель у побѣжденныхъ. Что германскія племена вошедшія въ составъ монархіи Карла Великаго смотрѣли на своихъ побѣдителей, Франковъ, какъ на соплеменниковъ, видно уже изъ того что во всѣхъ народныхъ легендахъ Карлъ Великій является настолько же природнымъ германскимъ государемъ какъ и Франкскимъ королемъ. Этотъ характеръ его завоеваній на правой сторонѣ Рейна выступитъ особенно ярко если мы приломнимъ что̀ произошло по ту сторону Эльбы, въ мѣстностяхъ заселенныхъ славянскими народностями. Здѣсь не только при Карлѣ Великомъ, но вплоть до XII вѣка шло непрерывное покореніе туземцевъ, и благодаря тому что эти туземцы были иной вѣры и иного происхожденія, они утратили и свою народность, и свои земли. Настоящее покореніе съ полнымъ уничтоженіемъ независимости побѣжденныхъ совершается только тамъ гдѣ происходитъ борьба между народами разнаго племени, или по крайней мѣрѣ такими которые уже успѣли значительно разойтись въ своихъ національныхъ особенностяхъ, какъ напримѣръ Англосаксы и Норманы. Послѣдній актъ водворенія Нѣмцевъ на славяно-литовскихъ земляхъ, актъ, о которомъ сохранились точныя свѣдѣнія, было образованіе воен-

ныхъ государствъ на берегу Балтійскаго моря духовными рыцарскими орденами. Здѣсь, какъ мы достовѣрно знаемъ, завоеватели не только присвоили себѣ отъ мѣстнаго населенія бо́льшую часть земель, но самое это населеніе было въ значительной степени истреблено мечомъ. То же несомнѣнно происходило на всемъ пространствѣ между Эльбой и Вислой, гдѣ къ концу Среднихъ Вѣковъ уже совершенно исчезла славянская рѣчь. Опустошеніе которому подверглась восточная часть телерешней Германіи и объясняетъ намъ почему въ ней такъ развилась крупная собственность и почти совершенно исчезли большіе поселки. Черезъ всѣ Средніе Вѣка идетъ сюда волна переселеній изъ западной Германіи. Крестьяне заманивались сюда, въ виду недостатка рабочихъ рукъ, разными льготными условіями, преимущественно во владѣніяхъ маркграфовъ Бранденбургскихъ. Мы врядъ ли ошибемся утверждая что коренная причина отличія въ аграрномъ устройствѣ западной и восточной Германіи кроется въ этнографическихъ условіяхъ. Тамъ гдѣ низшіе классы принадлежали къ иному племени чѣмъ благородное сословіе, власть ломѣщиковъ тяготѣла надъ ними гораздо болѣе чѣмъ въ остальной Германіи. Но если это обстоятельство повело къ обезземеленію туземцевъ, или къ обращенію ихъ въ крѣпостное состояніе, то оно, въ свою очередь, создало необыкновенно благопріятныя условія для крестьянъ переселившихся изъ западной Германіи. Вотъ почему во всѣхъ земляхъ по правую сторону Эльбы, на ряду съ рыцарскими имѣніями, образовался многочисленный классъ зажиточныхъ собственниковъ-крестьянъ. Вотъ почему также здѣсь почти исключительно выработался типъ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ и поселенія деревнями являются лишь исключеніемъ.

Во всей западной Германіи, лежащей между Эльбой и Рейномъ, отношенія между господствующимъ классомъ и крестьянствомъ были несравненно мягче чѣмъ въ восточной части. Ошибочно полагаютъ что въ Средніе Вѣка все крестьянское населеніе Западной Европы было поголовно обращено въ крѣпостное состояніе, то-есть подвергалось обязательнымъ повинностямъ денежнымъ и натуральнымъ, зависѣвшимъ отъ усмотрѣнія ломѣщика. Волервыхъ, значительная часть крестьянства, а въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ въ Ганноверѣ и Франконіи, даже большинство его всегда оставалось граждански

и крестьянъ стали примѣнять римскія понятія права, и притомъ не такъ какъ они установились фактически къ концу существованія имперіи, а согласно позднѣйшему законодательству. Вслѣдствіе этого, въ случаѣ возникновенія спора, суды большею частью признавали крестьянъ простыми арендаторами, а владѣльцамъ предоставляли право сгонять ихъ съ земельныхъ участковъ.

Еще болѣе тяжкій ударъ былъ нанесенъ крестьянству Тридцатилѣтнею войной, во время которой въ Германіи господствовалъ произволъ солдатскихъ шаекъ, и благодаря этому всегда оказывался правымъ тотъ въ чьихъ рукахъ была вооруженная сила. Въ эту мрачную эпоху не только вся страна была опустошена вдоль и поперекъ, не только число ея жителей сократилось болѣе чѣмъ на половину, но долгое господство всеобщаго произвола совершенно деморализовало все тогдашнее общество и пріучило благородное сословіе къ полному неуваженію законныхъ правъ крестьянства.

Къ этой бѣдѣ присоединялась еще другая. Со времени реформаціи окончательно сложилась и окрѣпла власть самостоятельныхъ имперскихъ князей, и Вестфальскимъ миромъ эта власть была формально признана какъ основаніе политическаго устройства Германіи. Владѣтельные князья воспользовались этимъ для постепеннаго устраненія земскихъ чиновъ отъ участія въ управленіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы вознаградить дворянство за отнятыя у него политическія права, они предоставили ему распоряжаться съ полнымъ самовластіемъ въ своихъ имѣніяхъ, то-есть, другими словами, предоставляли крестьянъ на полную его волю. Это усиленіе соціальнаго господства привилегированнаго сословія, въ то время когда пала его политическая самостоятельность, было явленіемъ общимъ для всей континентальной Европы въ началѣ XVII вѣка. Нѣчто подобное произошло и у насъ въ Россіи. Семнадцатый вѣкъ и былъ временемъ настоящаго развитія крѣпостнаго права въ Германіи. Къ этой эпохѣ относятся многочисленные случаи насильственнаго изгнанія крестьянъ съ участковъ которыми они владѣли по обычному наслѣдственному праву (Legung der Bauernhöfe). Такъ дѣло продолжалось до второй четверти XVIII вѣка, когда нѣкоторые изъ нѣмецкихъ государей, въ особенности же короли прусскіе, усилились настолько что могли уже вмѣшиваться во взаимныя отношенія господъ и крестьянъ не опасаясь болѣе сопротивленія

дворянства. Сперва былъ положенъ предѣлъ обезземеленію рядомъ указовъ запрещавшихъ сносъ крестьянскихъ усадебъ; потомъ, со второй половины XVIII вѣка, было приступлено къ признанію крестьянскихъ земель неотъемлемыми и къ постепенному выкупу крестьянскихъ повинностей. Послѣдняя мѣра была примѣнена сперва только къ коронным землямъ, и лишь съ начала текущаго столѣтія постепенно распространилась на всѣхъ крестьянъ поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. При этомъ былъ признанъ обязательнымъ только выкупъ барщины и натуральныхъ повинностей, чѣмъ и было упразднено собственно крѣпостное право, такъ какъ крестьянамъ была дарована личная свобода. Выкупъ земель былъ предоставленъ обоюдному соглашенію, вслѣдствіе чего онъ подвигался очень медленно и былъ законченъ лишь въ пятидесятыхъ годахъ.

Изо всего сказаннаго читатель легко можетъ объяснить себѣ причины того различія какое существуетъ теперь въ распредѣленіи земельной собственности въ разныхъ областяхъ Германіи. Въ западной ея половинѣ, гдѣ крестьянское сословіе было многочисленно и бо́льшая часть дворянскихъ земель была въ рукахъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, выкупъ неминуемо долженъ былъ привести къ чрезвычайному сокращенію дворянской земельной собственности. Въ добавокъ, такъ какъ въ западной Германіи земли были цѣннѣе и крестьяне зажиточнѣе, выкупная операція шла гораздо быстрѣе чѣмъ на сѣверо-востокѣ, тѣмъ болѣе что дворяне охотно соглашались на уступку своихъ земель за высокую цѣну, а крестьяне были въ состояніи за нихъ заплатить. Наоборотъ, гдѣ населеніе было рѣже и земля менѣе производительна, гдѣ издавна установились обширныя владѣльческія запашки и обработка наемнымъ трудомъ, выкупъ отнялъ у дворянства гораздо меньшее пространство земель, ибо число крестьянъ-арендаторовъ было не такъ велико. Таково было положеніе Баварскаго королевства и восточныхъ областей Пруссіи.

На этомъ ходъ развитія аграрныхъ порядковъ въ Германіи не остановился. За послѣднія сорокъ лѣтъ тамъ совершается процессъ вызванный необыкновеннымъ промышленнымъ ростомъ въ половинѣ текущаго вѣка, процессъ, который лучше всего можно характеризовать словами „вторженіе города въ деревню“. Въ немъ выразился одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ фазисовъ всемірнаго историческаго явленія—постепенно

успѣвающійся перевѣсъ движимаго богатства надъ земельнымъ. Избытокъ городскихъ капиталовъ естественно сталъ искать себѣ помѣщенія въ деревнѣ, либо въ видѣ ссуды подъ залогъ сельскихъ имуществъ, либо въ формѣ покупки ихъ. И то, и другое неизбѣжно вело къ обезземеленію двухъ исконныхъ сельскихъ классовъ въ пользу городскихъ капиталистовъ. Въ Германіи задолженность дворянскихъ и крестьянскихъ земель одинакова, хотя причины ея не одинаковыя для каждаго изъ этихъ сословій. Крестьянскіе участки облагаются ипотекой именно вслѣдствіе того что владѣльцы ихъ до крайности дорожатъ землей. Заемъ подъ залогъ крестьянской земли вызывается либо покупкой новаго участка, либо необходимостью удовлетворить сонаслѣдниковъ деньгами, дабы спасти отъ раздѣла отцовское наслѣдство. Какъ бы то ни было, почти всѣ крестьянскія земли въ Германіи, особенно въ западной ея части, въ настоящее время обременены ипотекой. Въ связи съ постояннымъ измельчаніемъ собственности, вслѣдствіе раздѣла по наслѣдству, крестьянское землевладѣніе несомнѣнно обезцѣнивается и становится все болѣе легкою добычей для ростовщиковъ. Спекуляція на крестьянскія земли, большею частію съ тѣмъ чтобы перепродавать купленные участки еще болѣе мелкими лоскутками, приняла за послѣднія двадцать пять лѣтъ широкіе размѣры. Почти въ такой же степени задолжала и дворянская собственность. Жалующіеся у насъ въ Россіи на задолженность нашего землевладѣнія едва ли подозрѣваютъ что въ Германіи, гдѣ не слышно жалобъ на разореніе дворянства, трудно отыскать хоть одно имѣніе не заложенное въ земельномъ банкѣ. Правда, займы эти совершаются не затѣмъ чтобы прожить полученныя деньги, а преимущественно для сельскохозяйственныхъ улучшеній. Тѣмъ не менѣе, они тяжело ложатся на землевладѣніе и едва ли не составляютъ главной причины все учащающагося перехода имѣній въ руки капиталистовъ, зачастую Евреевъ. Мотивомъ этихъ покупокъ также главнымъ образомъ служитъ желаніе выгадать отъ перепродажи имѣнія дробными участками (Abschlachten der Güter), но рядомъ съ нимъ сильную роль играетъ здѣсь тщеславное желаніе стать владѣльцемъ юнкерскаго помѣстья. Понятно что приливъ городскихъ капиталовъ повелъ къ сильному вздорожанію земли, особенно въ эпоху промышленной горячки (1862—1874), и сей, въ свою очередь, послужилъ для бывшихъ владѣльцевъ

изъ дворянъ лишнимъ побужденіемъ къ распродажѣ ихъ. Пока городскіе капиталисты стремились въ деревни, земледѣльцы прельщались высокими цѣнами и слѣпили реализаціей своей поземельной собственности. Изъ сельскаго класса они превратились въ городской и стали простыми рентьерами. У многихъ дворянскихъ семействъ въ южной Германіи сохранились лишь небольшіе участки земли подъ загородными дачами и садами. Въ то же время обезземеленныя крестьянскія семьи увеличили собою тотъ наплывъ сельскихъ рабочихъ въ города, благодаря которому за послѣднія двадцать лѣтъ такъ сильно возросло городское населеніе.

Такимъ образомъ, между городомъ и деревней происходитъ усиленный обмѣнъ, къ несомнѣнному вреду обоихъ. Это нездоровое явленіе было прямымъ результатомъ либеральнаго ученія о необходимости мобилизовать земельную собственность, которое съ начала текущаго вѣка отразилось на законодательствѣ всѣхъ государствъ материка Европы. Благодаря ему, при введеніи крестьянской реформы въ Германіи повсюду были отмѣнены средневѣковые порядки наслѣдованія крестьянскихъ дворовъ, ограждавшіе ихъ отъ раздѣла. У насъ многіе думаютъ что рыцарскія имѣнія и крестьянскіе подворные участки нѣмецкимъ закономъ признаны заповѣдными, по крайней мѣрѣ въ той части Германіи гдѣ не былъ примѣненъ французскій Code Civil. Мнѣніе это совершенно ошибочно. Ни для дворянскихъ имѣній, ни для крестьянскихъ земель, нигдѣ въ Германіи не существуетъ обязательнаго единонаслѣдія. Не существуетъ также признанной англійскимъ закономъ нераздѣльности имѣнія въ тѣхъ случаяхъ когда наслѣдодатель не оставилъ завѣщанія. Современное гражданское нѣмецкое право установляетъ лишь свободу посмертнаго распоряженія имуществомъ, причемъ завѣщатель имѣетъ право установить порядокъ наслѣдственнаго преемства, то-есть субституцію. Благодаря этому, значительная часть дворянскихъ имѣній въ самомъ дѣлѣ переходитъ по смерти владѣльца либо къ старшему въ родѣ (майорать), либо къ слѣдующему по старшинству наслѣднику (сеньйоратъ). Для крестьянскихъ земель, какъ мы уже замѣтили, были отмѣнены изданныя въ разное время постановленія, въ силу которыхъ онѣ признавались заповѣдными; но явный вредъ проистекающій отъ постепеннаго измельчанія этихъ земель, съ одной стороны, и въ особенности отъ перехода ихъ въ руки

спекулянтовъ, съ другой, вызвалъ въ германской литературѣ за послѣдніе годы сильное движеніе въ пользу законодательной защиты земельной собственности. Крайнее измельчаніе парцелль было предметомъ сѣтованій агрономическаго свойства, такъ какъ дробность и черезполосность владѣнія крайне неудобны для веденія хозяйства. Но сѣтованія этого рода вызывали, въ свою очередь, возраженія, причемъ обыкновенно указывалось на цвѣтущее состояніе мелкихъ подгородныхъ хозяйствъ. Возраженія эти не особенно вѣски, такъ какъ выгодами мелкой подгородной культуры могутъ пользоваться далеко не всѣ мѣстности. Нельзя не признать что гораздо большее значеніе имѣютъ доводы иного рода. Съ соціальной точки зрѣнія далеко не все равно въ чьихъ рукахъ находится земельная собственность, владѣютъ ли ею люди дорожащіе землей какъ наслѣдствомъ предковъ, или она переходитъ къ такимъ владѣльцамъ для которыхъ она значитъ не болѣе какъ любая мѣновая цѣнность. Доводы этого рода одинаково примѣнимы и къ крестьянскому, и къ дворянскому землевладѣнію. Первое имѣетъ государственную важность не только какъ матеріальное обезпеченіе значительной части рабочаго класса, но еще какъ средство сохраненія за этимъ классомъ той осѣдлости съ которою связаны наслѣдственныя качества необходимыя для прочности государственнаго строя и для пополненія войска здоровымъ элементомъ; второе нужно чтобъ имѣлся достаточный контингентъ образованныхъ и матеріально обезпеченныхъ лицъ для пополненія должностей по мѣстному управленію. Въ этой роли классъ издавна сидящій на своихъ земляхъ не можетъ быть замѣненъ пришлымъ городскимъ людомъ. Такимъ образомъ, оказывается что ученіе о мобилизаціи собственности, смотрящее на землю исключительно какъ на мѣновую цѣнность, совершенно упускаетъ изъ виду нематеріальную сторону землевладѣнія, ту связь человѣка съ землей которая, съ одной стороны, вызываетъ привязанность къ ней хозяина, а съ другой, благодѣтельное нравственное дѣйствіе прочности и преемственности владѣнія.

Мы не будемъ здѣсь подробно излагать многочисленные проекты нѣмецкихъ публицистовъ касательно способовъ придать болѣе прочности землевладѣнію: отсылаемъ читателя къ написаннымъ по этому поводу брошюрамъ Лоренца Штейна и Фогельзанга. Основная идея проведенная

въ этихъ брошюрахъ слѣдующая: средневѣковой порядокъ, ограждавшій земельную собственность отъ раздѣла и отчужденія и отвергнутый современною наукой какъ не либеральный, преслѣдовалъ не одну только эгоистическую цѣль созданія привилегированнаго положенія земельныхъ собственниковъ. Онъ имѣлъ и другую полезную сторону—сохраненіе для общества необходимаго ему класса людей. Цѣль эта могла бы быть достигнута такими мѣрами которыя не дозволяли бы дробленія крестьянскаго участка далѣе извѣстнаго минимума и признавали бы его неотчуждаемымъ. Непремѣннымъ условіемъ этого авторы означенныхъ брошюръ признаютъ то чтобы владѣлецъ „сидѣлъ“ на своей землѣ, то-есть велъ бы на ней хозяйство. То же условіе непосредственнаго завѣдыванія имѣніемъ могло бы быть примѣнено и къ болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ, причемъ имѣніе даннаго размѣра признавалось бы заповѣднымъ въ силу закона. Далѣе оба названные автора цѣлымъ рядомъ мѣръ стремятся освободить земельную собственность отъ лежащаго на ней бремени ипотечнаго долга, и затѣмъ, ограждая ее отъ экспропріаціи въ будущемъ, все-таки въ нѣкоторой мѣрѣ сдѣлать ей доступнымъ земельный кредитъ. Въ этомъ отношеніи, предлагаемыя мѣры не всегда практичны и отчасти страдаютъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Но главная основная мысль здѣсь—признаніе государственнаго значенія земельной собственности. Въ нѣкоторой степени, движеніе о которомъ мы говоримъ привело уже къ фактическимъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1881 году Прусскимъ ландтагомъ былъ принятъ законопроектъ Виндтгорста о возстановленіи заповѣдности для крестьянскихъ подворныхъ участковъ въ провинціи Вестфаліи, причемъ эта заповѣдность является лишь факультативною, то-есть отъ каждаго владѣльца зависитъ подчинить ей свой участокъ. Въ послѣдствіи эта мѣра частными законодательными постановленіями была распространена на провинціи Ганноверъ, Шлезвигъ-Гольштейнъ, Саксонію, Бранденбургъ и Силезію.

VII

Ни въ одной изъ европейскихъ странъ не было обнародовано столько официальныхъ работъ о земельной статистикѣ и не вышло въ свѣтъ столько книгъ посвященныхъ этому

вопросу какъ во Франціи. И именно это богатство фактическаго матеріала и литературы по занимающему насъ вопросу показываетъ какъ трудно добиться истины касательно распредѣленія земельной собственности, и какая осмотрительность необходима здѣсь при составленіи выводовъ. Изслѣдователи французскаго землевладѣнія крайне расходятся между собой и въ приводимыхъ ими цифрахъ о числѣ собственниковъ въ настоящее время, и при рѣшеніи вопроса какое вліяніе оказала на распредѣленіе собственности революція 1789 года. Происходитъ это главнымъ образомъ вотъ почему: офиціальныя таблицы издаваемыя министерствами финансовъ и земледѣлія содержатъ свѣдѣнія двоякаго рода: во первыхъ, о числѣ имуществъ подлежащихъ въ каждой отдѣльной общинѣ поземельному налогу, и во вторыхъ, о числѣ лицъ занятыхъ разными отраслями сельскохозяйственной профессіи. Финансовое управленіе во Франціи приняло за правило что на всѣ недвижимыя имущества принадлежащія одному лицу въ предѣлахъ той же общины (commune) выдается одинъ окладной листъ (code foncière). Но на практикѣ это правило соблюдается не всегда, и сборщики податей зачастую составляютъ особые листы на каждый отдѣльно отмежеванный участокъ, потому что за написаніе каждаго такого листа они получаютъ извѣстное вознагражденіе. Такимъ образомъ, особыми имуществами признаются не только отдѣльные небольшіе хутора принадлежащіе одному и тому же лицу, но иногда и мельчайшія парцеллы, которыхъ у мелкихъ собственниковъ изъ крестьянъ бываетъ очень много. Другой поводъ къ ошибкамъ возникаетъ изъ того что на постройки (propriété bâtie) составляются особые листы, потому что онѣ „подлежатъ уплатѣ спеціальнаго налога, такъ-называемаго сбора съ оконъ и дверей“ (portes et fenêtres). Такимъ образомъ, строенія находящіяся на извѣстномъ участкѣ являются какъ бы особымъ имуществомъ, что вноситъ въ вычисленія не малую путаницу. Недавно лишь, кажется въ 1881 году, правительство распорядилось чтобы впредь въ окладные листы земельнаго налога всегда вносилась и застроенная площадь, причемъ окладъ налога на строенія (portes et fenêtres) считался бы совершенно отдѣльно. Статистическія таблицы о сельскихъ профессіяхъ издаваемыя министерствомъ земледѣлія сообщаютъ данныя еще менѣе достовѣрныя. Въ нихъ включаются въ особыя графы владѣльцы

хозяйничающіе сами безъ наемныхъ рабочихъ; хозяева содержащіе наемныхъ батраковъ; затѣмъ сдающіе свою землю въ аренду; далѣе фермеры, половники (metayers), прикащики, постоянные работники, поденщики и т. д. Къ полученнымъ цифрамъ прибавлялось среднее число лицъ на каждое семейство, что давало въ результатѣ полную наличность сельскаго населенія Франціи. Но какого-либо вывода на основаніи этихъ таблицъ о числѣ собственниковъ сдѣлать нельзя. Съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ графахъ оказываются лица владѣющія землей и не имѣющія ее вовсе; съ другой стороны, самые мелкіе собственники, помимо своего хозяйства занятые по найму, почему-то не включаются министерствомъ въ число землевладѣльцевъ. И вотъ, главные изслѣдователи французскаго землевладѣнія, Леонсъ де-Лавернь, Моро де-Жоннесъ, Легуа и другіе до того расходятся въ опредѣленіи числа поземельныхъ собственниковъ что приводимыя ими цифры колеблются отъ 4 до 9 милліоновъ. При такомъ разногласіи не удивительно что не легко рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ размножилось число собственниковъ вслѣдствіе революціоннаго переворота.

Мы не станемъ утомлять читателя подробнымъ изложеніемъ противорѣчивыхъ взглядовъ французскихъ экономистовъ о распредѣленіи земельной собственности во Франціи. Представимъ лучше окончательный выводъ къ которому пришелъ въ своей любопытной книгѣ* новѣйшій изслѣдователь вопроса, начальникъ статистическаго бюро министерства финансовъ, А. де-Фовилль. Почтенный авторъ сообщаетъ намъ офиціальныя цифры о числѣ имуществъ подлежащихъ земельному сбору, изданныя Французскимъ правительствомъ съ 1815 по 1884 годъ. Изъ этихъ цифръ оказывается что въ текущемъ столѣтіи, вплоть до 1875 года, число этихъ имуществъ постоянно возрастало, и притомъ возрастало несравненно быстрѣе чѣмъ населенность страны. Другими словами, дробность земельной собственности не только увеличилась въ силу наслѣдственныхъ раздѣловъ согласно закону установившему равноправность наслѣдниковъ, но и помимо этого, вслѣдствіе отчужденія имуществъ мелкими участками. Г. де-Фовилль старается ослабить значеніе этого факта, ссылаясь на то обстоятельство что земли

* *Le morcellement*, par A. de Foville.

(мельчайшихъ собственниковъ (до двухъ гектаровъ включительно) занимаютъ лишь немного болѣе $^1/_{10}$ всей поверхности Франціи, и что стало-быть измельчаніе не можетъ оказывать особенно вредныхъ послѣдствій на сельское хозяйство страны. Въ то же время онъ объясняетъ значительное возрастаніе числа окладныхъ имуществъ измѣненіемъ пріемовъ употреблявшихся при составленіи статистическихъ таблицъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать что мобилизація собственности, явившаяся результатомъ законодательства временъ революціи и первой имперіи, значительно повліяла на измельчаніе французскаго землевладѣнія, и если это явленіе обнаружилось особенно сильно среди наиболѣе мелкихъ собственниковъ, то оно во всякомъ случаѣ доказываетъ что какъ разъ среди этой категоріи владѣльцевъ собственность наименѣе устойчива.

Всѣхъ имуществъ подлежащихъ окладу состояло:

Въ 1815 году.....	10.083.751.
„ 1835 „	10.893.528.
„ 1875 „	14.061.294.

Какъ видитъ читатель, число окладныхъ листовъ возросло почти на 40%. Если приломнить что въ 1871 году Франція лишилась двухъ провинцій, уступленныхъ Германіи, то этотъ ростъ окажется еще болѣе значительнымъ. Послѣ 1875 года, движеніе это, повидимому, остановилось. Свѣдѣнія обнародованныя въ 1884 году даютъ цифру окладовъ въ 14.221.000, то-есть за девять лѣтъ число ихъ возросло уже только на 159.706. За послѣдніе два года (1883 и 1884) замѣчается даже абсолютное сокращеніе *. Г. де-Фовилль приписываетъ это явленіе сельско-хозяйственному кризису, значительно понизившему доходы землевладѣльца. Онъ вообще полагаетъ, и по нашему мнѣнію вполнѣ правильно, что высокія хлѣбныя цѣны и связанныя съ ними высокія цѣны на землю способствуютъ размноженію мелкихъ владѣльцевъ; наоборотъ, въ періоды сельско-хозяйственнаго застоя у нихъ обнаруживается нѣкоторое стремленіе къ распродажѣ своихъ участковъ.

Мы уже замѣтили выше что число окладныхъ листовъ далеко не соотвѣтствуетъ числу владѣльцевъ, даже если будетъ признана за единицу при вычисленіи община (commune), какъ принято во французской официальной статистикѣ,

* Въ 1882 году—14.336.000; въ 1883 году—14.240.000; въ 1884 году—14.221.000.

такъ какъ сборщики податей, вопреки закону, не записываютъ въ одинъ общій окладной листъ всѣхъ имуществъ принадлежащихъ одному лицу. Но это обстоятельство можно было бы, пожалуй, оставить безъ вниманія, такъ какъ подобное отступленіе отъ правила врядъ ли происходитъ особенно часто. Гораздо существеннѣе два другіе факта: вопервыхъ, одно лицо можетъ владѣть имуществами въ двухъ или въ нѣсколькихъ общинахъ, почему число собственниковъ по необходимости гораздо меньше числа имѣній. Условіе это впрочемъ общее для аграрной статистики всѣхъ европейскихъ странъ, такъ какъ нѣтъ почти никакой возможности привести въ извѣстность личность владѣльцевъ имѣній въ разныхъ частяхъ страны. По нашему мнѣнію, въ этомъ и не представляется особенной надобности, такъ какъ дробность землевладѣнія зависитъ не отъ того кому принадлежатъ отдѣльные участки, а отъ того, сколько такихъ участковъ и какъ они велики. Вовторыхъ, существуетъ не мало имѣній черезъ которыя проходитъ пограничная черта отдѣляющая общины одну отъ другой, вслѣдствіе чего такія имѣнія, представляющія нераздѣльное цѣлое, въ статистическихъ выкладкахъ совершенно напрасно дробятся. Можно утвердительно сказать что въ такомъ положеніи находятся большинство крупныхъ помѣстій, тѣмъ болѣе что они обыкновенно расположены вдали отъ селеній и, стало-быть, на самой границѣ общинной территоріи. Это неудобство могло бы быть устранено еслибы за единицу при вычисленіи былъ принятъ цѣлый департаментъ. Конечно, это обстоятельство не особенно чувствительно вліяетъ на общій итогъ владѣній, такъ какъ крупныхъ помѣстій во Франціи не много. Но оно тѣмъ не менѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ, значительно умаляетъ средніе выводы о крупной собственности во Франціи, такъ какъ почти каждое изъ крупныхъ помѣстій въ статистическихъ таблицахъ оказывается раздробленнымъ.

Какъ бы то ни было, г. де-Фовиль приходитъ къ заключенію что, вопервыхъ, число самостоятельныхъ имѣній во Франціи меньше числа окладныхъ листовъ, а число собственниковъ еще значительно меньше первой изъ этихъ цифръ. Почтенный авторъ, однако, не находитъ возможнымъ согласиться съ тѣми вычисленіями которыя низводятъ число владѣльцевъ до четырехъ или до пяти милліоновъ, и полагаетъ его приблизительно въ восемь милліоновъ. Особыхъ

мотивовъ для своего вывода онъ намъ не даетъ, вслѣдствіе чего мы вынуждены оставить этотъ выводъ на его отвѣтственности, признавая, впрочемъ, полную компетентность его въ данномъ вопросѣ. Повторимъ здѣсь, однако, что при опредѣленіи долей крупнаго, средняго и мелкаго землевладѣній, число отдѣльныхъ имуществъ несравненно важнѣе числа собственниковъ. Знать послѣднее интересно лишь потому что оно даетъ возможность судить о числѣ семействъ обладающихъ земельною собственностью хотя бы въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи Франція занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду большихъ европейскихъ странъ.

Распредѣленіе французскихъ собственниковъ на группы читатель усмотритъ изъ слѣдующей таблицы:

Размѣръ имуществъ.	Число имуществъ.	Площадь въ гектар.	Процентъ къ общей площади.
0— 2 гект.	10.426.368	5.211.456	$10_{,53}$
2— 10 „	2.787.015	12.264.989	$24_{,80}$
10—100 „	812.175	19.556.077	$39_{,55}$
100—200 „	31.567	4.338.240	$8_{,77}$
Свыше 200 „	17,676	8.017.542	$16_{,21}$
Итого.....	14.074.801	49.388.304	

Читателя конечно поразитъ что общій итогъ имуществъ (14.074.801) не вполнѣ совпадаетъ съ приведенною выше цифрой, хотя обѣ онѣ относятся къ тому же 1884 году. Разногласіе это объясняется тѣмъ что въ эту таблицу не вошли городскія имущества Парижа и 364 мелкія общины въ департаментахъ верхней Савойи и Корсики, гдѣ сравнительная площадь отдѣльныхъ имуществъ не была приведена въ извѣстность. Первыя двѣ группы въ нашей таблицѣ представляютъ собою мелкую собственность, третья—среднюю, а двѣ послѣднія крупную; причемъ мы сдѣлали два подраздѣленія, дабы опредѣлить число самыхъ мелкихъ владѣній (ниже 2 гект.) и самыхъ большихъ (свыше 200). Въ своей классификаціи мы не вполнѣ послѣдовали за г. Фовилемъ, который считаетъ среднее землевладѣніе отъ 6 гект., а крупное отъ 50. Принявъ такую группировку для Франціи мы сильно уклонились бы отъ нормъ допущенныхъ нами для прочихъ странъ. Конечно, земельная собственность во многихъ французскихъ департаментахъ болѣе производительна и представляетъ большую цѣнность чѣмъ въ Германіи и даже чѣмъ въ Англіи; но такъ

какъ: мы имѣемъ дѣло съ цѣлою страной, и во Франціи встрѣчаются области съ низкою производительностью и съ довольно экстенсивною культурой, то мы предпочли отвести на долю мелкаго землевладѣнія всѣ участки до 10 гектаровъ, а за низшій предѣлъ крупнаго принять 100 гектаровъ. Если теперь мы сложимъ съ одной стороны первыя двѣ группы, а съ другой двѣ послѣднія, то получимъ слѣдующій выводъ:

Мелкое землевладѣніе.....	17.476.445 гект. или	$35_{,28}$%
Среднее „ „	19,556.077 „ „	$39_{,63}$%
Крупное „ „	12,355.782 „ „	$25_{,02}$%

Если мы сравнимъ эти итоги съ тѣми которые получили для земледѣльческихъ хозяйствъ Прусскаго королевства, то тотчасъ замѣтимъ слѣдующія два существенныя отличія, характеризующія распредѣленіе собственности во Франціи. Мелкое землевладѣніе занимаетъ здѣсь болѣе $^1/_3$ всей территоріи, тогда какъ въ Пруссіи оно лишь немногимъ больше $^1/_5$-ей части; за то число мелкихъ владѣльцевъ значительно больше, и стало-быть эта категорія собственности гораздо болѣе измельчена чѣмъ въ Германіи. Раздѣливъ общую сумму гектаровъ въ каждой изъ приведенныхъ группъ на число имѣній, получимъ слѣдующія среднія цифры: $1_{,21}$ для мелкой собственности, $24_{,07}$ для средней, $250_{,0}$ для крупной и $3_{,5}$ для цѣлой страны, или для всѣхъ трехъ группъ взятыхъ вмѣстѣ. Среднія цифры, какъ мы неоднократно замѣчали, вообще не имѣютъ большаго значенія, но въ данномъ случаѣ онѣ довольно любопытны, и вотъ почему: средній размѣръ имуществъ въ группѣ мелкой собственности опускается очень низко; между тѣмъ въ группѣ крупныхъ владѣльцевъ онъ сравнительно высокъ. Это показываетъ что размноженіе владѣльцевъ во Франціи особенно замѣтно въ первой изъ этихъ группъ, и что въ этой странѣ измельченіе собственности въ самомъ дѣлѣ достигло крайняго предѣла. Выведенныя нами среднія цифры для цѣлой страны ($3_{,5}$ гектаровъ) довольно сильно колеблются между отдѣльными департаментами: крайніе предѣлы этого колебанія представляютъ департаменты Сѣверный ($1_{,67}$) и Ландъ ($15_{,87}$). * Если мы просмотримъ списокъ французскихъ департаментовъ расположенныхъ въ возра-

* Департаментъ Сены, то-есть Парижъ и его пригороды, мы исключаемъ, такъ какъ здѣсь, строго говоря, земледѣльческихъ хозяйствъ вовсе нѣтъ.

стающей прогрессіи средняго размѣра имѣній, то убѣдимся что чѣмъ гуще населеніе, чѣмъ цѣннѣе земля и интенсивнѣе культура, тѣмъ сильнѣе измельчена собственность. Сравнительно крупныя цифры встрѣчаются либо въ гористыхъ департаментахъ, либо въ тѣхъ гдѣ почва непроизводительна, стало-быть въ наименѣе богатой части страны. Такимъ образомъ, мелкая собственность преимущественно захватила въ свои руки наиболѣе цѣнныя земли.

Мы должны, однако, предупредить читателя что приведенная классификація не даетъ вполнѣ вѣрнаго понятія о дѣйствительности. Происходитъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, окладные листы составляются одинаково и для имѣній съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, и для городскихъ и сельскихъ домовъ, при которыхъ никакого хозяйства нѣтъ. Послѣдніе, независимо отъ сбора съ „дверей и оконъ“ (portes et fenêtres), обложены земельнымъ налогомъ соотвѣтственно занимаемой ими поверхности. Между тѣмъ такихъ имуществъ во Франціи насчитывается 6.557.946. Изъ этого числа по крайней мѣрѣ $^2/_3$ представляютъ собою лишь дома въ городахъ и селеніяхъ и дачи, или виллы, занимающія въ большинствѣ случаевъ менѣе одного гектара и не имѣющія никакой, даже огородной, культуры. Эти дома, по занимаемой ими площади, относятся къ группѣ мелкихъ владѣній, и они-то главнымъ образомъ и доводятъ число послѣднихъ до громадной цифры слишкомъ 13 милліоновъ. Между тѣмъ, по своей цѣнности они зачастую превышаютъ крупныя помѣстья, а потому включеніе ихъ въ группу мелкой собственности вноситъ въ разчеты не малую путаницу. Мы будемъ поэтому совершенно правы если вычтемъ $^2/_3$ этихъ застроенныхъ имуществъ, то-есть приблизительно 4.300.000, изъ группы наиболѣе мелкихъ имѣній (до 2 гектаровъ), * которыхъ такимъ образомъ окажется уже немного болѣе 6.100.000. Это, конечно, еще очень крупная цифра, и средній размѣръ каждаго изъ этихъ земельныхъ участковъ все-таки будетъ еще очень не великъ. Но и здѣсь необходима оговорка: даже за исключеніемъ городскихъ домовъ и загородныхъ дачъ, не всѣ мелкіе участки во Франціи представляютъ собою малоцѣнные

* Остальныя 2 м. 300 т. застроенныхъ имуществъ представляютъ собою тѣ дома при которыхъ ведется хозяйство, то-есть это помѣщичьи и крестьянскія усадьбы.

лоскутки земли, по отношенію къ которымъ справедливо можно сѣтовать на измельчаніе собственности. Въ мѣстностяхъ гдѣ развито винодѣліе, въ особенности же гдѣ производятся наиболѣе цѣнные сорта винъ, то-есть въ департаментахъ Жиронды, Côte-d'Or, Соны и Луары-и-Роны, доходность, а стало-быть и цѣнность виноградниковъ достигаетъ такихъ громадныхъ размѣровъ что владѣть 10—20 гектарами земли значитъ быть очень богатымъ человѣкомъ. Въ такихъ мѣстностяхъ размѣръ собственности не только не даетъ правильнаго понятія о состоятельности владѣльца, но даже можно прямо утверждать что тутъ самые мелкіе собственники люди вполнѣ достаточные. Есть, наконецъ, другой видъ очень мелкой и въ то же время очень цѣнной собственности. Это фруктовые и цвѣточные сады, производящіе дорогіе сорты плодовъ и растеній и очень распространенные въ окрестностяхъ Парижа, въ восточной части Нормандіи, въ Турени и на берегу Средиземнаго Моря, въ департаментахъ Вара и Приморскихъ Альпъ. Такимъ образомъ, въ очень многихъ случаяхъ, понятіе о мелкомъ собственникѣ и о человѣкѣ нуждающемся далеко не покрываютъ другъ друга. Что нашъ разчетъ не лишенъ основанія, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго. Въ 1873 году были обнародованы свѣдѣнія о числѣ собственно земледѣльческихъ хозяйствъ имѣвшихся во Франціи; таковыхъ оказалось всего 3.977.781. Если мы теперь вычтемъ 4.300.000 городскихъ и деревенскихъ домовъ уже не изъ цифры имуществъ обложенныхъ окладомъ, а изъ цифры 8 милліоновъ собственниковъ допускаемой г. де-Фовилемъ, то получится цифра очень близкая къ только-что приведенной нами. И это совершенно понятно. Земельные собственники очень часто имѣютъ по нѣсколько помѣстій или участковъ, домовладѣльцы же, наоборотъ, очень рѣдко имѣютъ болѣе одного дома. Такимъ образомъ оказывается что значительное разногласіе въ опредѣленіи числа землевладѣльцевъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того что одни изслѣдователи включаютъ въ это число владѣльцевъ домовъ, а другіе принимаютъ въ разчетъ однѣ сельскохозяйственныя эксплуатаціи.

Вторая причина неточности нашихъ выводовъ относится къ группѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Какъ мы уже сказали, очень многія большія помѣстья пересѣкаются границами общинъ и вслѣдствіе того попадаютъ разомъ въ два или даже въ три окладные листа. Вслѣдствіе этого, средній размѣръ

крупной собственности во Франціи нѣсколько выше, а число крупныхъ владѣльцевъ нѣсколько меньше приведеннаго нами. Послѣдняя ошибка едва ли очень значительна, потому что если съ одной стороны многія имѣнія попадаютъ два раза въ окладъ, за то они, будучи раздроблены, зачастую оказываются уже въ группѣ среднихъ владѣній. Въ концѣ концовъ, стало-быть, площадь занимаемая крупнымъ землевладѣніемъ на самомъ дѣлѣ нѣсколько больше той какую намъ даютъ статистическія таблицы и почти приближается къ тому мѣсту какое занимаютъ крупныя хозяйства въ Пруссіи. Если мы сравнимъ Францію не съ цѣлымъ Прусскимъ королевствомъ, а только съ западными его провинціями, то окажется, вопреки общему убѣжденію, что въ этой части Германіи крупная собственность уцѣлѣла гораздо менѣе чѣмъ въ демократической Франціи. Впрочемъ и этотъ послѣдній выводъ мы должны ослабить оговоркой, схожею съ тою какую мы только-что сдѣлали для французскаго мелкаго землевладѣнія: въ прирейнской Пруссіи земля тоже представляетъ огромную цѣнность, и есть мѣстности гдѣ она доступна, даже въ самомъ маломъ объемѣ, лишь очень богатымъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, на берегахъ Рейна есть не мало имѣній всего въ нѣсколько десятковъ гектаровъ принадлежащихъ биржевымъ царькамъ или высшей аристократіи.

Г. де-Фовилль полагаетъ что ошибка въ опредѣленіи площади крупнаго землевладѣнія во Франціи происходящая отъ принятія за единицу вычисленія общинной территоріи довольно значительна. Онъ приводитъ, въ видѣ примѣра, одно помѣстье въ 400 гектаровъ лежащее въ пяти общинахъ и потому разомъ попадающее въ пять окладовъ. Г. де-Фовилль, какъ мы уже сказали, не совсѣмъ основательно причисляетъ къ группѣ крупной собственности всѣ имѣнія свыше 50 гектаровъ. Имѣнія эти въ общей сложности занимаютъ площадь въ 17.415.599 гектаровъ, или 35,27% всей территоріи Франціи. Г. де-Фовилль полагаетъ что цифра эта гораздо ниже дѣйствительной, что на самомъ дѣлѣ крупная собственность въ указанномъ размѣрѣ обнимаетъ собою цѣлую половину Франціи. Это едва ли справедливо. Въ двухъ или въ нѣсколькихъ общинахъ лежатъ обыкновенно лишь крупныя имѣнія, а при томъ размѣрѣ который указанъ г. де-Фовилемъ, то-есть при минимумѣ въ 50 гектаровъ, врядъ ли особенно много помѣстій дѣйствительно принадлежащихъ къ разряду крул-

ныхъ, окажутся раздробленными на участки, размѣръ которыхъ менѣе 50 гектаровъ. Вѣрнѣе было бы предположить что доля участія въ земельной собственности имѣній превышающихъ 100 гектаровъ должна быть усилена на счетъ площади тѣхъ размѣръ которыхъ колеблется между 50 и 100 гектарами. Какъ бы то ни было, намъ приходится сдѣлать еще одну оговорку: въ числѣ имуществъ подлежащихъ земельному налогу насчитываются не одни только владѣнія частныхъ лицъ, но и земли принадлежащія общинамъ и департаментамъ. Такихъ земель всего 4.627.963 гектаровъ, а въ большинствѣ случаевъ онѣ конечно состоятъ изъ крупныхъ участковъ. Такимъ образомъ, оказывается что площадь какую даетъ статистика для крупной собственности сильно преувеличена, такъ какъ общинныя и департаментскія земли никоимъ образомъ нельзя приравнивать къ личному землевладѣнію.

Крупная собственность распредѣлена во Франціи очень неравномѣрно. Въ статистическихъ таблицахъ изданныхъ въ 1884 году содержится указаніе на то какую долю общей площади въ каждомъ департаментѣ составляютъ имѣнія во 100 гектаровъ и болѣе. Есть департаменты гдѣ они занимаютъ болѣе 50% территоріи, есть и такіе гдѣ они опускаются ниже 10%. Департаменты гдѣ крупная собственность наиболѣе развита составляютъ двѣ группы. Одна изъ нихъ тянется отъ Альпійской цѣпи къ Средиземному Морю и затѣмъ вдоль прибрежья идетъ къ Пиренейскимъ горамъ; другая занимаетъ середину Франціи и лежитъ вдоль лѣвыхъ притоковъ Луары и средняго теченія этой рѣки. Напротивъ, наиболѣе слабое развитіе крупнаго землевладѣнія, кромѣ Парижа и окружающаго его, въ видѣ кольца, департамента Сены и Уазы, замѣчается преимущественно въ департаментахъ лежащихъ вдоль Британскаго канала и Атлантическаго прибрежья, отъ бельгійской границы вплоть до устья Шаранты и вдоль теченія Гаронны. Остальная Франція занимаетъ среднее мѣсто. Любопытно въ этомъ сопоставленіи особенно слѣдующее: оказывается, за весьма немногими исключеніями, что тѣ департаменты гдѣ немного крупныхъ имѣній какъ разъ тѣ самые которые являются наиболѣе консервативными и на выборахъ обыкновенно даютъ большинство монархическимъ депутатамъ. Сюда относятся Фландрія, Пикардія, Артуа, Нормандія. Бретань

и вся западная Франція. Напротивъ, тѣ департаменты гдѣ крупная собственность занимаетъ видное мѣсто, какъ весь юго-востокъ и средняя группа, то-есть департаменты Шера, Альэ, Ньевры и т. д., отличаются наиболѣе радикальнымъ направленіемъ. Добавимъ къ этому что параллельно съ крупнымъ землевладѣніемъ идетъ обыкновенно и самое мелкое, то-есть гдѣ уцѣлѣло наиболѣе крупныхъ помѣстій тамъ встрѣчается и наибольшее измельчаніе крестьянскихъ земель. Такимъ образомъ, оказывается что населеніе является наиболѣе консервативнымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ собственность значительно раздроблена, но лишь до извѣстной степени, то-есть гдѣ имѣется налицо многочисленное зажиточное крестьянство. Съ политической точки зрѣнія этотъ выводъ не лишенъ интереса.

Крупнаго хозяйства, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ размѣрахъ какіе мы видѣли въ Германіи, во Франціи нѣтъ вовсе, за исключеніемъ развѣ одного его вида, именно хозяйства лѣснаго. Кромѣ обширныхъ лѣсныхъ насажденій, разводимыхъ казной на склонахъ Юры и Альповъ, кромѣ уцѣлѣвшихъ еще кое-гдѣ общинныхъ лѣсовъ, всѣ наиболѣе крупные землевладѣльцы считаютъ своею обязанностью не только беречь, но и разводить лѣсъ. Нѣкоторые изъ владѣльческихъ лѣсовъ достигаютъ почтенныхъ размѣровъ, 300 и болѣе гектаровъ. Они встрѣчаются не только въ мѣстностяхъ съ довольно низкою культурой, напримѣръ въ Бретани и Ландахъ, но и въ департаментахъ гдѣ цѣнность земли высока, какъ Уазы, Сены и Марны, Эндра и Луары и т. д. Это похвальное рвеніе тѣмъ болѣе замѣчательно что во Франціи даже высокоствольный лѣсъ цѣнится несравненно ниже иныхъ угодій, пашень и въ особенности луговъ. Стоимость гектара строеваго лѣса колеблется между 1.500 и 2.000 фр., между тѣмъ какъ для пашень и луговъ высшія нормы достигаютъ 3.500 и 4.000 франковъ. Читателю желающему познакомиться съ подробностями сельскаго хозяйства во Франціи можемъ указать любопытныя статьи помѣщаемыя уже нѣсколько лѣтъ сряду г. Бодрильяромъ въ *Revue des deux Mondes*. Собственно земледѣльческая культура нигдѣ во Франціи не превышаетъ размѣровъ отъ 100 до 150 гектаровъ на одно хозяйство. Крупные землевладѣльцы, въ большинствѣ случаевъ, ведутъ хозяйство лично только на одномъ, много на двухъ хуторахъ. Остальную часть своихъ земель, за исключеніемъ

лѣсовъ, они разбиваютъ на участки, сдаваемые въ аренду либо фермерамъ, либо половникамъ; почему эти участки обыкновенно значительно меньше собственно землевладѣльческихъ фермъ и рѣдко превышаютъ 50 — 60 гектаровъ. Независимо отъ этого, въ самыхъ крупныхъ помѣстьяхъ очень распространена отдача въ аренду не полныхъ хозяйствъ, а лишь отдѣльныхъ угодій: пашень, виноградниковъ, луговъ, причемъ размѣръ этихъ участковъ опускается гораздо ниже. Благодаря этому, средній размѣръ фермерскихъ участковъ достигаетъ всего 14,4 гектаровъ, а половническихъ хозяйствъ 13,7. Фермерство и половничество встрѣчаются почти исключительно въ крупныхъ помѣстьяхъ. Средніе и мелкіе собственники въ огромномъ большинствѣ случаевъ ведутъ хозяйство отъ себя. Это видно уже изъ того что средній размѣръ хозяйствъ состоящихъ въ личномъ завѣдываніи владѣльцевъ опускается до 6 гектаровъ, несмотря на то что какъ разъ къ этой группѣ относятся самые обширные хутора въ большихъ помѣстьяхъ.

Въ этихъ скромныхъ предѣлахъ французское хозяйство представляетъ однако многія разновидности. Главное мѣсто въ немъ занимаетъ собственно зерновая культура, встрѣчающаяся вездѣ болѣе или менѣе спорадически, но преобладающая главнымъ образомъ въ двухъ обширныхъ районахъ: въ восточной Франціи отъ праваго берега Сены вплоть до бельгійской границы съ одной стороны, до береговъ Роны и до предгорьевъ Юры и Альповъ съ другой, и въ центральной области идущей отъ Парижа къ югу-западу до Севеннскихъ горъ и до береговъ Гаронны. Въ промежуткѣ между этими двумя районами лежитъ подгородная мѣстность окружающая Парижъ съ преобладаніемъ огородной, садовой и цвѣточной культуръ, Сѣверо-восточный уголъ Франціи, департаменты: Уазы, Сомы, Эны, Сѣверный и Па-де-Кале, представляютъ собою область промышленной культуры, гдѣ хлѣба уступаютъ главное мѣсто фабричнымъ растеніямъ, свекловицѣ, табаку, льну и коноплѣ. Восточная половина Нормандіи, департаменты нижней Сены и Кальвадосъ на ряду съ зерновою культурой производятъ въ огромномъ количествѣ овощи и плодовыя деревья; затѣмъ весь сѣверо-западъ, вдоль прибрежья Британскаго канала и Океана, то-есть западная Нормандія, Бретань и бывшія провинціи Менъ и Анжу, мѣстности обладающія преимущественно влажнымъ климатомъ, ведутъ главнымъ образомъ

пастбищныя хозяйства, благодаря тому что здѣсь скотъ можетъ оставаться круглый годъ на вѣчно зеленѣющихъ лугахъ. Винодѣліе встрѣчается во Франціи повсюду къ югу отъ Парижа. Но его настоящую область составляетъ южная часть страны, начиная отъ линіи пересѣкающей Францію отъ Бордо до Лiона и къ сѣверу отъ этого города, вдоль теченія Соны. Здѣсь виноградники занимаютъ уже свыше 20% всей площади, хотя очень высокую цѣнность они представляютъ лишь въ немногихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ полуостровѣ образуемомъ устьемъ Гаронны и Океаномъ и въ долинахъ Соны и Роны. Наконецъ, въ самомъ центрѣ страны, въ гористой мѣстности идущей отъ Оверни на югъ къ Средиземному Морю, тянется обширное, безлѣсное, вулканическое плоскогорье, отличающееся своимъ безплодіемъ и очень отсталою культурой. Такой же безплодный оазисъ образуетъ собою печальная мѣстность занимающая южную часть департамента Жиронды и весь департаментъ Ландъ, гдѣ на сыпучихъ пескахъ съ большимъ трудомъ были разведены обширные сосновые лѣса. Впрочемъ весь югъ Франціи, несмотря на распространенность въ немъ винодѣлія (сильно пострадавшаго отъ филлоксеры), далеко не повсемѣстно отличается высокою степенью культуры. На ряду съ виноградниками и плодовыми садами, здѣсь встрѣчаются и безплодныя земли съ очень низкою урожайностью, гдѣ изъ зерновыхъ хлѣбовъ высѣвается исключительно овесъ, и даже у мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ все хозяйство ограничивается плантаціями каштановыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Все сказанное слѣдуетъ, конечно, понимать лишь какъ указаніе на преобладающій видъ культуры, такъ какъ въ этомъ отношеніи строгаго однообразія быть не можетъ, и зерновое хозяйство, какъ мы уже замѣтили, распространено въ большей или меньшей степени во всѣхъ частяхъ страны. Какъ на общее правило можно указать лишь на то что французское земледѣліе нигдѣ не сложилось въ форму крупныхъ хуторовъ, даже тамъ гдѣ преобладаетъ выгонное хозяйство. Эта форма земледѣльческой эксплуатаціи не вызвала здѣсь, какъ въ Англіи, сосредоточенія земли въ крупныя хозяйственныя единицы, главнымъ образомъ потому что во Франціи скотъ держится преимущественно для производства не мяса, а молочныхъ продуктовъ. Обширныя стада встрѣчаются лишь какъ исключеніе, а нѣсколько коровъ могутъ содержаться круглый годъ на выгонѣ даже при очень небольшомъ хозяйствѣ.

Фермерство существуетъ во Франціи такъ же давно какъ въ Англіи, но сложилось оно совершенно въ иную форму. Французскій фермеръ не коренной мѣстный житель, а пришлый человѣкъ, снимающій землю исключительно съ промышленными цѣлями. Вотъ почему, несмотря на довольно продолжительные сроки арендъ, эти фермеры составляютъ элементъ въ высшей степени подвижной и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ передаютъ свое хозяйство сыновьямъ. Во Франціи вовсе нѣтъ тѣхъ исконныхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ которые въ Англіи и Германіи представляютъ собою потомковъ прежнихъ крѣпостныхъ. Французскіе крестьяне прежде сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ давно пріобрѣли эти земли въ собственность и отрѣшились ото всякихъ отношеній къ землевладѣльцамъ. Французское фермерство вполнѣ носитъ на себѣ характеръ мобилизаціи земли, которая во Франціи развилась гораздо сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Не только фермеры передаютъ свои участки въ иныя руки, не только крупное и среднее землевладѣніе подверглось со времени революціи совершенной перетасовкѣ, даже крестьянскія земли переходятъ отъ одного владѣльца къ другому гораздо чаще чѣмъ гдѣ-либо. Страннымъ образомъ, переходъ земель по куплѣ-продажѣ особенно сильно распространенъ именно въ группѣ мелкихъ владѣльцевъ. Несмотря на извѣстное пристрастіе французскаго крестьянина къ землѣ, на его охоту ломѣщать въ нее свои сбереженія, земельная собственность обнаруживаетъ меньшую устойчивость именно среди крестьянства.

По свѣдѣніямъ 1873 года, всѣхъ фермерскихъ хозяйствъ во Франціи насчитывалось 831.943, и они занимали площадь въ 11.959.354 гект., то-есть немногимъ менѣе $^1/_4$ всей поверхности страны.

Совершенно иной характеръ имѣетъ половничество (métayage). Эта запоздалая форма сельскохозяйственной эксплуатаціи, совершенно незнакомая въ Англіи и Германіи, до сихъ поръ сильно распространена во всѣхъ странахъ населенныхъ романскимъ племенемъ. Въ Италіи она примѣняется даже къ такой высокой интенсивной культурѣ какъ винодѣліе. Во Франціи, гдѣ доходность виноградниковъ гораздо выше чѣмъ въ Италіи, ничего подобнаго, конечно, нѣтъ, и наличность половническихъ хозяйствъ въ ней всегда является признакомъ низкаго уровня земледѣлія. Но именно

поэтому нельзя не удивляться что такая форма культуры столь распространена во Франціи. Свѣдѣнія 1873 года даютъ всего 319.450 половническихъ хозяйствъ, съ общею площадью ихъ въ 4.366.253 гектаровъ. Условія половничества весьма различны, но общая ихъ черта заключается въ томъ что уплата владѣльцу за пользованіе землей всегда производится натурой, причемъ на его долю, смотря по степени производительности земли, поступаетъ отъ одной четверти до двухъ третей урожая. Но стоитъ замѣтить что этимъ вознагражденіе хозяина земли не ограничивается: независимо отъ выдачи ему части урожая зерномъ и соломой, половникъ зачастую обязывается отработать на помѣщика извѣстное число дней и отпускать ему различные продукты своего хозяйства, какъ-то: телятъ, куръ, яйца, молоко и т. д., словомъ, половничество очень близко подходитъ къ прежнимъ крѣпостнымъ отношеніямъ. Само собою разумѣется что на такія условія соглашаются лишь наименѣе зажиточные крестьяне, и съ другой стороны, что эта форма хозяйства примѣняется въ широкихъ размѣрахъ лишь въ тѣхъ имѣніяхъ гдѣ на обработку не затрачено капитала, то-есть гдѣ не существуетъ интенсивной культуры. Вотъ почему половничество сильно распространено лишь въ мѣстностяхъ сравнительно бѣдныхъ, какъ въ Бретани, въ юго-западномъ углу страны и въ гористыхъ департаментахъ чрезъ которые проходятъ цѣпи Севенновъ и Альповъ. Но исподволь, на отдѣльныхъ наименѣе плодородныхъ участкахъ эта форма культуры встрѣчается почти повсемѣстно.

Относительно сроковъ арендованія, половничество тоже сильно отличается отъ фермерства. Съ одной стороны, по контракту половникъ арендуетъ землю иногда на очень непродолжительные сроки, на 3—6 лѣтъ; это большею частью бываетъ тамъ гдѣ половники являются съемщиками лишь небольшихъ участковъ имѣнія, то-есть гдѣ половничество играетъ лишь второстепенную роль. Съ другой стороны, гдѣ половничество господствующая форма хозяйства, условія большею частью безсрочныя, какъ у англійскихъ tenants at will. Эта категорія половниковъ находится уже въ постоянныхъ отношеніяхъ ко владѣльцу, отношеніяхъ установившихся издавна, еще съ дореволюціоннаго времени. Здѣсь, въ самыхъ небогатыхъ областяхъ Франціи, поземельная собственность обнаруживаетъ наименьшую подвижность. И крупные

землевладѣльцы и крестьяне являются, если можно такъ выразиться, болѣе осѣдлыми. Въ этихъ мѣстностяхъ, болѣе чѣмъ въ остальной Франціи, земля уцѣлѣла въ прежнихъ рукахъ, и несмотря на рядъ совершившихся революцій, уцѣлѣли также старинныя патріархальныя отношенія между крупными владѣльцами и крестьянами-съемщиками.

VIII.

Въ экономической литературѣ было много споровъ о томъ какъ повліяла революція на распредѣленіе земельной собственности во Франціи. Казалось бы, на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Всѣ обширныя имущества церкви, занимавшія $^1/_5$ территоріи страны, и добрая треть земель дворянства были конфискованы и распроданы, и притомъ распроданы на скорую руку, по неимовѣрно низкимъ цѣнамъ. Дешевизна происходившая отъ чрезмѣрнаго предложенія дѣлала эти земли доступными для всѣхъ покупателей, и конечно бо́льшая ихъ часть перешла въ руки крестьянъ, тѣмъ болѣе что въ то революціонное время люди богатые скрывали свои деньги, стараясь всего болѣе чтобъ о нихъ забыли. Стало-быть, ясно что революціонный поворотъ былъ не только, какъ выражается Тэнъ, громадною перетасовкой собственности, но вдобавокъ онъ повелъ къ чрезвычайному ея раздробленію. И результаты этого переворота налицо. Собственность во Франціи въ самомъ дѣлѣ измельчена до крайности. А такъ какъ мы знаемъ что болѣе половины земель до революціи принадлежало церкви и дворянству, стало-быть собственникамъ крупнымъ, то это измельчаніе слѣдуетъ приписать революціи.

Такъ обыкновенно и думали въ началѣ столѣтія. Конфискація имѣній, введенное во время революціи новое наслѣдственное право—вотъ, какъ думали тогда, два источника раздробленія земельной собственности. Но съ шестидесятыхъ годовъ мнѣніе это стало измѣняться. Въ исторической наукѣ проявилось стремленіе непосредственно знакомиться съ подлинными документами рисующими бытъ минувшаго времени. Одно за другимъ появились изданія матеріаловъ касающихся экономическаго строя дореволюціонной Франціи, и на основаніи этихъ матеріаловъ стали убѣждаться что собственность

была крайне измельчена уже до революціи. Одинъ изъ новѣйшихъ экономистовъ, Леонсъ де-Лаверьь, прямо высказалъ мысль что революція въ этомъ отношеніи не причинила никакой существенной перемѣны. То же мнѣніе мы встрѣчаемъ и у Зибеля, въ первомъ томѣ его *Geschichte der Revolutionszeit*. Въ настоящее время такое мнѣніе стало господствующимъ. Замѣчательно, между прочимъ, что его очень придерживаются экономисты охранительнаго направленія, старающіеся этимъ путемъ умалить заслуги революціи въ глазахъ тѣхъ кто смотритъ на нее съ точки зрѣнія освобожденія земледѣльческаго класса отъ средневѣковаго гнета.

Но какъ же объяснить что земли, предлагавшіяся въ такомъ количествѣ и стало-быть столь дешево, не подверглись раздробленію? Объясняется это именно дешевизной. При низкихъ цѣнахъ легко было купить разомъ цѣлое дворянское или церковное помѣстье, а люди денежные, хотя бы изъ самихъ крестьянъ, все-таки имѣли въ этомъ отношеніи преимущество предъ бѣдняками. Такимъ образомъ, распродажа земель пошла на пользу буржуазіи и наиболѣе зажиточной части крестьянства, а не всей массы народа. Изслѣдователь, на котораго мы обыкновенно ссылаемся, г. де-Фовилль, не принадлежитъ къ числу сторонниковъ этого мнѣнія. Хотя онъ признаетъ что во многихъ мѣстностяхъ Франціи землевладѣніе было очень измельчено и до революціи, полагаетъ однако что число собственниковъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія ровно удвоилось, то-есть возросло съ четырехъ до восьми милліоновъ.

Чтобы разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ надо отдать себѣ хоть сколько-нибудь ясный отчетъ въ распредѣленіи собственности во Франціи до 1789 года. Мы имѣемъ по этой части довольно многочисленныя, но и очень отрывочныя свѣдѣнія. Общей земельной статистики въ то время не велось вовсе. Матеріалы которыми мы обладаемъ состоятъ, во-первыхъ, изъ документовъ касающихся отдѣльныхъ провинцій или даже только общинъ, какъ-то, изъ реестровъ поземельныхъ книгъ, отчетовъ провинціальныхъ интендантовъ, поземельныхъ окладовъ отдѣльныхъ общинъ, приходовъ, имѣній и т. п.; во-вторыхъ, изъ сочиненій тогдашнихъ изслѣдователей. Въ числѣ послѣднихъ, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ извѣстное путешествіе Артура Юнга, объѣхавшаго Францію до революціи. Все это вмѣстѣ взятое даетъ намъ очень пеструю и не

совсѣмъ отчетливую картину о тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Наше представленіе о немъ довольно сходно съ тѣмъ какое мы получили бы о теперешнемъ положеніи нашего отечества еслибы наши свѣдѣнія о немъ ограничивались губернаторскими отчетами, мимолетными впечатлѣніями заѣзжихъ путешественниковъ и отрывочными данными о нѣсколькихъ уѣздахъ или даже губерніяхъ. При такихъ условіяхъ мы бы очень рисковали создать себѣ крайне одностороннее мнѣніе и слишкомъ обобщить нѣкоторые единичные факты. Такъ, напримѣръ, изъ сочиненія Юнга мы узнаемъ что мелкая собственность была вообще очень распространена и что ей принадлежала цѣлая треть тогдашней Франціи. Но Юнгъ, очевидно, могъ судить объ этомъ лишь по частнымъ наблюденіямъ, такъ какъ онъ, конечно, не былъ въ состояніи собрать общія статистическія данныя. Затѣмъ самое понятіе о мелкой собственности до того неопредѣленно что на отзывѣ Юнга нельзя дѣлать какіе-либо выводы. Болѣе точныя свѣдѣнія мы получаемъ изъ поземельныхъ окладныхъ книгъ, въ настоящее время изданныхъ въ большомъ числѣ. Свѣдѣнія эти несомнѣнно указываютъ на крайнее измельчаніе собственности, едва ли даже меньшее чѣмъ въ настоящее время. Съ другой стороны, мы знаемъ что пятая часть всѣхъ земель находилась во владѣніи церкви, а около двухъ третей принадлежало дворянству, что какъ будто указываетъ на преобладаніе крупнаго землевладѣнія. Очень обширную площадь занимали въ то время и владѣнія общинъ. Сбивчивость нашихъ сужденій слѣдуетъ, какъ намъ кажется, приписать тому что мы не уяснили себѣ какъ должно понимать слово „собственность“ когда мы говоримъ о тогдашней Франціи. Если мы всѣ земли состоявшія во владѣніи крестьянъ, жившихъ изъ рода въ родъ въ помѣстьяхъ дворянства и монастырей, будемъ причислять къ послѣднимъ, совершенно игнорируя фактъ наслѣдственнаго пользованія крестьянъ, мы конечно значительно расширимъ область тогдашней крупной собственности въ ущербъ мелкой. На самомъ же дѣлѣ тогдашнее крестьянство, какъ, впрочемъ, въ цѣлой Европѣ XVIII вѣка, далеко не представляло однородной массы. Не говоря уже о вполнѣ свободныхъ мелкихъ собственникахъ, тогдашнее крестьянство состояло изъ трехъ разнородныхъ группъ: во-первыхъ, изъ фермеровъ арендовавшихъ земли частныхъ собственниковъ и церковныя по срочнымъ контрактамъ; во-вторыхъ, изъ крестьянъ постепенно освободившихся изъ крѣпостной

зависимость и платившихъ дворянамъ-помѣщикамъ строго опредѣленныя повинности (redevances), которыя тотъ не могъ по своему произволу возвышать: наконецъ, втретьихъ, изъ настоящихъ крѣпостныхъ (serfs), обязанныхъ въ пользу помѣщика денежными и натуральными повинностями, въ томъ числѣ барщиной (corvée). Послѣднія были очень разнообразнаго свойства. Крестьяне не только платили за землю, но еще вносили извѣстную сумму въ случаѣ принятія наслѣдства, при женитьбѣ сына и замужествѣ дочери и, сверхъ того, былъ обязанъ, конечно за извѣстную плату, молоть хлѣбъ не иначе какъ на господской мельницѣ, бить масло на господской маслобойнѣ (droits de mouture et de pressoir) и т. д. Но и эта, наиболѣе подневольная, группа крестьянъ далеко уже не представляла собою крѣпостныхъ въ полномъ смыслѣ слова. Въ XVIII столѣтіи они пользовались уже почти полною гражданскою свободой, могли вступать въ различныя сдѣлки, покупать и продавать недвижимую собственность, заключать браки не испрашивая разрѣшенія владѣльца, словомъ, зависимость ихъ была скорѣе политическаго чѣмъ гражданскаго свойства; притомъ очень многіе изъ нихъ въ теченіе XVII и особенно XVIII вѣка откупались отъ своихъ повинностей по взаимному соглашенію и становились полноправными собственниками. Французское дворянство, благодаря роскоши и мотовству, всегда нуждалось въ деньгахъ и потому охотно вступало въ подобныя сдѣлки. Помѣщичьи заплатки во Франціи никогда не были обширны, за исключеніемъ западныхъ провинцій, Пуату, Мена и Анжу, гдѣ большинство помѣщиковъ жили на своихъ земляхъ. Французское дворянство не отличалось охотой къ сельскому хозяйству и бо́льшую часть своихъ земель отдавало въ аренду. Фермерство было тогда едва ли не болѣе распространено чѣмъ въ настоящее время. При такихъ условіяхъ, барщина не могла быть особенно тяжелою. Положеніе крестьянъ было затруднительнымъ, съ одной стороны, вслѣдствіе многочисленныхъ добавочныхъ сборовъ взимавшихся владѣльцемъ при каждомъ удобномъ случаѣ; съ другой, вслѣдствіе крайней необезпеченности когда ихъ постигало несчастіе, пожаръ, неурожай или наводненіе. Французскіе дворяне-землевладѣльцы очень отличались и отъ англійскихъ ландлордовъ, и отъ русскихъ помѣщиковъ. Они смотрѣли на своихъ крестьянъ какъ правительство небольшой и притомъ бѣдной страны смотритъ

на своихъ подданныхъ, взимая налогъ со всякой гражданской сдѣлки, облагая сборомъ каждый предметъ потребленія. Въ рукахъ помѣщика были полиція и судъ, и эти отправленія власти были главнымъ источникомъ доходовъ. Въ то же время помѣщикъ нисколько не считалъ себя обязаннымъ входить въ нужды крестьянъ и помогать имъ въ случаѣ бѣды. Если прибавить къ этому высокомѣрное и унизительное обращеніе, то станетъ понятнымъ отчего ненависть крестьянъ къ дворянству во Франціи была гораздо сильнѣе чѣмъ въ Германіи или у насъ, несмотря на то что во Франціи крестьяне были несомнѣнно свободнѣе.

Другую группу крестьянъ, обязанныхъ лишь опредѣленною денежною повинностью, мы въ правѣ разумѣть какъ настоящихъ землевладѣльцевъ. Они держали свои земли наслѣдственно и не были подчинены ни добавочнымъ сборамъ, ни барщинѣ. Согнать ихъ съ участковъ которыми они владѣли помѣщикъ не имѣлъ права, и лишь въ случаѣ накопленія недоимокъ эти участки подвергались продажѣ съ аукціоннаго торга. Крестьяне эти стало-быть уже до революціи были вполнѣ свободными людьми; отъ своихъ прежнихъ средневѣковыхъ повинностей они постепенно откупились, и достаточно было имъ сдѣлать еще одинъ шагъ, выкупить лежавшій на нихъ ежегодный денежный сборъ, чтобъ окончательно сравняться съ полноправными владѣльцами. Отъ этого сбора они разомъ освободились благодаря революціи, совершенно также какъ и остальные крестьяне освободились, благодаря ей, отъ феодальныхъ обязанностей. Если мы ихъ всѣхъ признаемъ за новыхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣтшихъ собственность только со времени революціи, то мы конечно должны будемъ прійти къ заключенію что число мелкихъ собственниковъ во Франціи очень сильно возросло въ самый моментъ переворота. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ они стали землевладѣльцами уже гораздо ранѣе, то въ освобожденіи ихъ отъ прежнихъ повинностей не слѣдуетъ видѣть приращенія числа мелкихъ собственниковъ.

То же слѣдуетъ сказать и о крестьянахъ приписанныхъ къ церквамъ, монастырямъ и капитуламъ. Вообще говоря, ихъ положеніе было значительно легче положенія крестьянъ помѣщичьихъ. Но, въ аграрномъ отношеніи, едва ли между тѣми и другими существовали особенныя отличія.

Перейдемъ теперь къ землямъ находившимся въ непосредственномъ распоряженіи свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ.

Эти-то земли и подверглись конфискаціи, такъ какъ участки на которыхъ были поселены крестьяне просто сдѣлались ихъ собственностью. Какъ мы уже замѣтили, бо́льшая часть этихъ земель была въ арендѣ у фермеровъ и стало-быть тоже находилась въ крестьянскихъ рукахъ, такъ какъ фермеры почти исключительно набирались изъ земледѣльческаго класса. Фермы эти были очень не велики, едва ли даже не меньше чѣмъ въ настоящее время. Земледѣльческая культура во Франціи издавна приняла мелкіе размѣры. Но независимо отъ этого, было бы очень ошибочно полагать будто всѣ дворянскія и церковныя имѣнія были сами по себѣ крупныя. Напротивъ, судя по многочисленности французскаго дворянства (свыше 80.000 семействъ) и по бѣдности значительнаго числа его членовъ, слѣдуетъ полагать что въ средѣ высшаго французскаго сословія насчитывалось не мало мелкихъ землевладѣльцевъ. Что же касается церковныхъ имуществъ, то бо́льшая часть ихъ состояла изъ отдѣльныхъ угодій, разбросанныхъ иногда очень мелкими лоскутками, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти имущества доставались не посредствомъ покупки или пожалованія королями, а были завѣщаны церкви разными частными лицами, въ томъ числѣ простыми крестьянами. Стоитъ познакомиться съ любою изъ поземельныхъ окладныхъ книгъ или съ реестрами владѣній какого-нибудь аббатства чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Итакъ, раздробленность имѣній и еще болѣе измельчаніе хозяйствъ достигли во Франціи высокой степени уже до революціи. Въ какой же мѣрѣ распродажа земель церкви и дворянства увеличила эту раздробленность? Относительно первыхъ отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ совершенно различенъ, смотря по тому, число ли и распредѣленіе участковъ примемъ мы во вниманіе, или напротивъ число лицъ пріобрѣтшихъ эти участки на торгахъ. Мы уже сказали что церковныя имущества представляли не сплошныя помѣстья, а образовывались большею частью изъ мелкихъ угодій лежавшихъ отдѣльно другъ отъ друга. Эти угодья и поступили въ распродажу какъ отдѣльныя имущества. Но эта участь постигла лишь хозяйственныя земли, пашни, луга и т. д. Другая часть достоянія церкви, состоявшая изъ лѣсовъ, послѣ конфискаціи остается за казной до сихъ поръ. Такимъ образомъ, пошла съ молотка лишь половина церковныхъ земель, то-есть вѣроятно около 4 милліоновъ гектаровъ. Земли эти перешли въ *новыя руки* почти въ томъ же видѣ въ какомъ онѣ были и

прежде, то-есть лишь небольшая часть ихъ подверглась раздробленію. За то сильно размножилось число владѣльцевъ, такъ какъ одинъ отвлеченный собственникъ, римско-католическая церковь, замѣнился нѣсколькими сотнями тысячъ лицъ.

О распродажѣ дворянскихъ земель мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія. При обсужденіи въ 1825 году законопроекта о вознагражденіи эмигрантовъ, коммиссія палаты депутатовъ вошла въ подробное разсмотрѣніе торговъ состоявшихся на эти земли съ 1792 по 1799 годъ. Оказалось что проданныя имущества распадаются на двѣ группы, почти одинаковыя по размѣру. Съ 12 преріаля III года республики было принято чтобы на всѣхъ торгахъ точно опредѣлялась доходность продаваемаго имущества въ 1790 году, то-есть до его конфискаціи. Число участковъ распроданныхъ съ этихъ поръ опредѣляется въ 81.455, и цѣнность ихъ приблизительно была равна 600 милліоновъ франковъ. Почти той же суммѣ равнялась продажная стоимость тѣхъ 370.612 участковъ которые были раскуплены до упомянутаго срока. * Поэтому есть нѣкоторое основаніе предполагать что обѣ эти группы имѣній занимали почти одинаковую площадь, несмотря на огромную разницу въ числѣ состоявшихся продажъ. Изъ сопоставленія обѣихъ цифръ можно заключить что во вторую эпоху революціи, послѣ террора, дворянскія имѣнія продавались уже болѣе крупными участками. Можетъ-быть наиболѣе цѣнныя изъ нихъ до 9 термидора вовсе не находили покупателей, такъ какъ въ то страшное время люди со средствами едва ли показывались на торгахъ. Впрочемъ, какъ разъ самыя большія имѣнія не были распроданы вовсе, а затѣмъ уже Наполеонъ и Людовикъ XVIII возвратили ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Какъ бы то ни было, цифра состоявшихся продажъ (452.067) ясно показываетъ что, вообще говоря, дворянскія земли поступали въ продажу очень небольшими участками. Если мы припомнимъ что дворянству до революціи принадлежало отъ 13 до 15 милл. гектаровъ, а продано было около $^1/_3$ его земель, то окажется что на каждый отдѣльный участокъ приходится кругомъ не болѣе 10 гектаровъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно что революція дала

* Для этихъ имуществъ пришлось ограничиться продажными цѣнами, очевидно, много низшими чѣмъ дѣйствительная, нормальная стоимость, такъ какъ доходы съ нихъ не были приведены въ извѣстность.

сильный толчекъ дробленію собственности, и что общее число землевладѣльцевъ въ 1792—99 годахъ увеличилось по крайней мѣрѣ на 700.000. Конечно, не правы тѣ кто утверждаютъ что благодаря революціи это число удвоилось. Но едва ли можно согласиться и съ тѣми кто думаютъ что распродажа имѣній не повліяла сколько-нибудь ощутительно на процессъ дробленія.

Итакъ, вотъ каковъ будетъ нашъ окончательный выводъ. Подавляющее большинство тѣхъ слишкомъ 10 милл. земельныхъ участковъ которые насчитывались по регистраціи 1815 года уже было налицо при старомъ дореволюціонномъ порядкѣ. Значительною частью дворянскихъ имѣній и тогда уже фактически владѣли поселенные на нихъ крестьяне, и революціонный переворотъ сдѣлалъ лишь то что эти крестьяне были освобождены ото всякихъ повинностей. Затѣмъ, изъ остальныхъ земель дворянства, состоявшихъ въ его прямомъ распоряженіи, около 4 милл. гектаровъ и почти такая же площадь церковныхъ земель подверглись распродажѣ, а большею частію перешли въ руки мелкихъ скупщиковъ изъ крестьянъ и мелкихъ обывателей. Но этотъ процессъ едва ли не совершился бы въ такой же мѣрѣ и безо всякихъ потрясеній, точно также какъ онъ происходилъ въ Германіи, благодаря распродажѣ земель спекулянтами. Это всего лучше подтверждается ходомъ развитія земельныхъ отношеній во Франціи въ текущемъ столѣтіи. Читатель уже знаетъ что сравненіе поземельныхъ окладовъ 1815 и 1884 годовъ показываетъ умноженіе окладныхъ имуществъ слишкомъ въ 40%, именно съ 10.083.751 до 14.221.000. Особенно сильно подвинулся этотъ процессъ въ промежуткѣ времени отъ 1826 по 1875 годъ, то-есть именно въ эпоху наиболѣе быстраго роста экономическаго благосостоянія Франціи. Здѣсь размноженію числа окладныхъ имуществъ на 37% соотвѣтствовалъ приростъ населенія всего въ 15%. Стало-быть, это приращеніе нельзя даже приписать вліянію закона о равномъ дѣлежѣ наслѣдства, такъ какъ законъ этотъ можетъ объяснить лишь такое размноженіе числа имуществъ которое шло бы въ уровень съ увеличеніемъ числа жителей. Итакъ, при дѣйствіи однѣхъ экономическихъ причинъ совершилось болѣе радикальное измельчаніе собственности чѣмъ во время насильственнаго, революціоннаго переворота. Событіе это принимаетъ на нашихъ глазахъ грандіозные размѣры лишь потому что оно совершилось быстро и насильственно.

Еслибы ходъ развитія земельныхъ отношеній былъ предоставленъ естественному теченію и во время революціи были бы лишь сняты съ земли средневѣковыя путы безо всякой экспропріаціи земель дворянства и духовенства, едва ли мирное экономическое развитіе не привело бы Францію къ тому же положенію въ какомъ мы застаемъ ее теперь. Дѣло въ томъ что земля, въ концѣ концовъ, переходитъ въ руки тѣхъ кто кладетъ въ нее знаніе и капиталъ и добивается отъ нея сравнительно бо́льшихъ результатовъ. Крупный собственникъ, оставляющій свои земли безъ обработки и стало-быть ограничивающійся небольшимъ доходомъ, рано или поздно уступитъ мѣсто классу мелкихъ хозяевъ прилежно воздѣлывающихъ землю и умѣющихъ получать съ нея высокіе урожаи. Форма землевладѣнія и степень дробленія собственности, конечно, во многомъ зависятъ отъ законодательства и отъ политическаго строя. Но едва ли не въ большей мѣрѣ обнаруживаетъ на нихъ вліяніе характеръ самой культуры. Собственность дробится и мельчаетъ не потому только что гражданскій законъ установилъ равноправность наслѣдниковъ, но главнымъ образомъ потому что на сторонѣ мелкой собственности и мелкой культуры обнаруживается перевѣсъ въ трудолюбіи и въ успѣхѣ. А таково было именно положеніе дореволюціонной Франціи. Всѣ тогдашніе экономисты, и Буагильберъ, и Тюрго, и аббатъ С.-Пьеръ, единогласно свидѣтельствуютъ что обработка земель у мелкихъ собственниковъ была несравненно тщательнѣе и лучше чѣмъ у крупныхъ владѣльцевъ. Артуръ Юнгъ прямо говоритъ что обиліе пустырей было отличительнымъ признакомъ крупныхъ помѣстій. Французское дворянство мало заботилось о своихъ земляхъ, и рано или поздно, даже помимо революціи, оно бы ихъ лишилось. Естественное вздорожаніе земельной собственности послужило бы приманкой для ея распродажи. Въ настоящее время уцѣлѣвшіе крупные землевладѣльцы во Франціи обнаруживаютъ несравненно болѣе заботливости и умѣнія чѣмъ ихъ дореволюціонные предшественники. Хотя и теперь обширныя залатки представляютъ во Франціи довольно рѣдкое явленіе, но въ настоящее время крупное землевладѣніе стоитъ въ уровень съ требованіями національнаго хозяйства. Революціонный переворотъ послужилъ для него спасительнымъ урокомъ.

(*До слѣд. №.*)

К. ГОЛОВИНЪ.

ДѢТИ СОЛНЦЕВЫХЪ*

Изъ записокъ институтки двадцатыхъ годовъ.

Blonde enfant qui deviendras femme,
Pauvre ange qui perdra ton ciel.
Leconte de Lisle.

Катя Солнцева или Екатерина Дмитріевна, какъ ее съ этихъ поръ чаще будутъ называть, убаюканная качкой экипажа, спала крѣпкимъ сномъ. Она не проснулась въ то время какъ экипажъ остановился у первой станціи, не слышала какъ выпрягли усталыхъ и впрягли свѣжихъ лошадей, какъ опять поѣхали, опять остановились. Она спала и во снѣ еще разъ переживала отрывочныя сцены прощанья съ Маріной Ѳедоровной, съ подругами, съ матерью и всѣми дорогими, близкими ей. Она проснулась отъ слезъ которыя текли по ея щекамъ и успѣли уже смочить наволочку ея подушки. Проснувшись, она, не открывая глазъ, достала изъ лежавшаго подъ ея подушкой мѣшечка или такъ-называемаго ридикюля носовой платокъ, утерла имъ глаза и лицо, перевернула подушку и, не взглянувъ ни на свою сосѣдку, ни вокругъ себя, продолжала лежать, машинально вслушиваясь въ однообразный

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1. и 3.

звукъ колокольчика, который, какъ будто торопясь, все начиналъ какую-то фразу, начиналъ, обрывалъ и снова начиналъ. Катя стала подбирать слова той фразы которую начиналъ колокольчикъ: „туда, туда, да... туда, туда, да...“ повторяла она. Какъ это глупо! сказала она про себя: нечего вслушиваться, ничего не услышишь.

Туда, туда, да... неотвязно стояло въ ея ушахъ.

Туда, туда, далеко, далеко отъ нихъ, отъ мамы, отъ Марины Ѳедоровны, отъ Александры Семеновны, ото всѣхъ, ото всѣхъ, ото всего далеко, и что̀ тамъ будетъ?... Будетъ что̀ Господь судилъ, сказала она вдругъ почти громко и перекрестилась.

Старушка, сосѣдка ея, спала крѣпко и безпрестанно громко всхрапывала...

Катя полежала еще съ минуту, закрывъ лицо руками, еще и еще перекрестилась; потомъ, прижавъ руки ко лбу и скрестивъ пальцы, казалось, стала молиться. Долго оставалась она въ такомъ положеніи. Сосѣдка ея зашевелилась и что-то забормотала. Катя открыла глаза, осмотрѣлась, сѣла и стала внимательно вглядываться въ лицо старушки. Это было доброе, старое, морщинистое лицо, обрамленное густою, помятою рюшью чепца, лицо удивительно похожее на милое, съ рожденія знакомое ей лицо старой няни Мариши.

Еслибъ эта была такая же добрая какъ наша Мариша! Вѣдь вотъ это все она, конечно, напекла, подумала Катя, смотря на переполненную разными печеньями корзинку.— Она воображаетъ что я могу все это съѣсть.

Катя весело улыбнулась.

И сколько онѣ надавали всего! Милая мама! Милая Александра Семеновна! А гдѣ же пакетикъ Марины Ѳедоровны? вспомнила она. Куда эта старушка положила его?

Катя раздвинула коробки и свертки аккуратно установленные у ея ногъ, но пакетика Марины Ѳедоровны не нашла.

Какъ она здѣсь все хорошо устроила, точно въ люлькѣ, и вытянуться отлично можно; жаль только что ужасно жарко, даже душно. Спустить развѣ стекло? подумала она и подняла было уже руку, но тотчасъ остановилась.

Нѣтъ, старушка пожалуй воздуха боится, простуды. Обидится только...

Катя достала носовой платокъ, протерла запотѣвшее стекло и нѣсколько минутъ смотрѣла на дорогу. Широкое, гладкое шоссе, канавка поросшая запыленною по краямъ травой, далѣе пространство покрытое неровною короткою травой, кочки да кустарникъ, мѣстами рѣдкій мѣшаный лѣсокъ, мѣстами вдали густая сосновая куща... Тихо, однообразно... вотъ тянется обозъ, лошади понуривъ головы, лѣниво перебирая ногами, тащатъ тяжело наваленные возы. Одинъ, два, три, четыре, считаетъ Катя. „О, какъ этой рыженькой тяжело,“ думаетъ она, проводивъ глазами малорослую рыжую лошаденку, впряженную въ высоко наваленный и укрытый рогожами возъ, промежъ заднихъ колесъ котораго, спиной къ лошадямъ, какъ-то примостился мужиченко въ запыленныхъ, высокихъ сапогахъ и, несмотря на лѣтнюю пору, въ тулупѣ накинутомъ на плечи. За этимъ возомъ цѣлая вереница такихъ же возовъ, съ такъ же медленно, лѣниво передвигающими ноги усталыми, разношерстными лошадьми. Вонъ на самомъ верху одного высокаго воза лежитъ, раскинувшись, лицомъ кверху, загорѣлый, бородатый вощикъ и спитъ. Русая голова его шевелится изъ стороны въ сторону.

Какъ онъ не упадетъ,—удивительно! И какъ онъ не боится тамъ лежать, думаетъ Катя, слѣдя глазами за возомъ до тѣхъ поръ пока онъ сколько-нибудь виденъ.

Миновали обозъ, пошла опять ровная дорога съ правильно насыпанными кучами битаго камня: опять безмолвныя поля и кустарникъ, да изрѣдка высокіе верстовые столбы.

Наконецъ экипажъ остановился предъ одноэтажнымъ, окрашеннымъ бѣлою краской строеніемъ, на крылечкѣ котораго стоялъ человѣкъ небольшаго роста, очень полный, почти квадратный, съ заспаннымъ, одутловатымъ лицомъ и встрепанными волосами. Его короткій сюртукъ съ ясными пуговицами откровенно говорилъ о томъ что онъ, сюртукъ, также какъ и самъ хозяинъ его не были знакомы со щеткой.

Пожилой слуга спустился съ козелъ и торопливо подошелъ къ стоявшему на порогѣ заспанному квадратному человѣчку и, вынувъ изъ сумки какую-то бумагу, подалъ ему.

— Лошадей нѣтъ, процѣдилъ сквозь зубы, не глядя на бумагу, заспанный человѣкъ, продолжая смотрѣть въ пространство, поверхъ головы говорившаго съ нимъ.

Слуга развернулъ другую бумагу и, указывая на нее пальцемъ, сталъ что-то энергично объяснять.

Заспанный человѣкъ стоялъ равнодушно, точно не слыша. Вдругъ будто что-то коснулось его слуха и онъ, какъ бы очнувшись, перевелъ свои сонные глаза на говорившаго съ нимъ, протянулъ руку, взялъ изъ рукъ слуги бумагу и, уставивъ на нее свои съ трудомъ глядѣвшіе изъ-за опухшихъ вѣкъ глазки, съ досадой заговорилъ.

— Распоряженіе почтъ-директора! Хорошо вамъ говорить: распоряженіе! А гдѣ я ихъ возьму, когда онѣ всѣ въ разгонѣ? Четыре тройки подъ почту пошли, три подъ курьерскія, подорожныя двѣ; одна тутъ барыня ругательски ругалась, а моя что ли въ чемъ вина? Подъ прокурора тройка... высчитывалъ онъ, загибая свои коротkіе, жирные пальцы. Я бы и радъ, да нѣтъ ихъ; что же тутъ подѣлаешь? Мнѣ что? Корысть что ли какая проѣзжихъ задерживать?

Смотритель махнулъ рукой и отвернулся.

— Обождите часокъ, сказалъ онъ чрезъ минуту. — Пока чайкомъ позайметесь, авось и лошади подойдутъ. Сейчасъ будетъ готовъ самоваръ, а молоко есть и парное и съ устоемъ. Онъ заговорилъ почти ласково.

Слуга попробовалъ было убѣдить смотрителя.

— Помилуйте, началъ онъ,—наше дѣло подневольное, сами знаете. Вѣдь мнѣ въ отвѣтѣ быть, а не кому другому. Приказано быть въ Москвѣ на четвертыя сутки, а при такихъ задержкахъ въ семь дней развѣ, да и то врядъ ли доплетешься. Баринъ подумаетъ я ямщиковъ не поощрялъ, распорядиться не сумѣлъ, а я и на водку не хуже барина даю, и ужь какъ стараюсь, изъ силъ просто выбиваюсь...

Смотритель, не дослушавъ Евсѣя Никитича, медленно повернулся и, усердно занявшись чисткой своего носа, направился въ комнату. Евсѣй, оставивъ бумаги въ рукахъ смотрителя, подошелъ къ каретѣ.

— Авдотья Егоровна! сказалъ онъ, отворивъ дверцу.—Какъ вы думаете, не напиться ли здѣсь чайку? Лошадей нѣтъ, придется ждать.

Старушка проснулась, сѣла и начала суетливо оправляться, приговаривая:—хорошо, хорошо, вотъ грѣхи-то тяжкіе какъ заспалась, совсѣмъ закачало.

— Заспались! Ужь не раньше ли солнца хотите вставать? сказалъ Евсѣй Никитичъ, скорчивъ улыбку.

— Барышня, а вы, милая, ужь проснулись? обратилась

старушка къ Катѣ.—Хотите ноги размять? Евсѣй Никитичъ, отвори-ка съ той стороны, выпусти барышню.

Евсѣй отворилъ дверцу, спустилъ подножку и протянулъ руку чтобы помочь Катѣ выйти, но она какъ птичка обрадовавшаяся свободѣ легко выпрыгнула, отбѣжала нѣсколько шаговъ, остановилась и, вдыхая полною грудью свѣжій утренній воздухъ, оглядѣлась на всѣ стороны.

Станція,—бѣленькое, низенькое строеніе съ маленькими, не выше аршина окнами,—стояла одиноко на пригоркѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи вытянулись въ линію пять-шесть сѣренькихъ избушекъ, крытыхъ соломой. За станціей начинался отлогій спускъ къ рѣкѣ, противоположный берегъ которой былъ довольно крутъ. Поле, зеленое поле тянулось на далекое пространство во всѣ стороны. Воздухъ былъ свѣжій, влажный отъ рѣки и отъ сильной росы. Вездѣ тишина и безмолвіе; только неугомонные лѣтухи перекликаясь выводили на всѣ лады свое кукареку...

Авдотья Егоровна вылѣзла изъ кареты и подошла къ Катѣ.

— Я пойду вамъ чайку приготовлю, хотите? спросила она ласковымъ голосомъ.

— Пожалуста, только я бы умылась прежде и поправилась немножко, сказала Катя,—а то какъ-то не по себѣ.

— И благо, матушка, вотъ и займемся каждый своимъ дѣломъ, я чайкомъ, а вы туалетомъ. Тутъ вѣрно найдется какая-нибудь дѣвка. Пойдемте-ка въ горницу, я разыщу, а то и я вамъ помогу.

— Никитичъ, внеси-ка барышнинъ дорожный мѣшокъ въ горницу, сказала старушка и пошла скорыми, мелкими шагами къ крыльцу, но Катя опередила ее.

— Посмотрите, какой восходъ! сказала она съ восторгомъ, останавливая старушку за плечо.—Посмотрите, солнце выкатилось изъ-за холмика точно багровый шаръ. Какой удивительный свѣтъ тамъ, за рѣкой, а что за воздухъ!

Катя открыла ротъ и стала съ видимымъ наслажденіемъ вдыхать воздухъ.

— Вотъ невидаль, матушка! А вы тамъ въ заперти и не видывали какъ солнышко встаетъ, сказала старушка смѣясь.

— Знаете, нянечка, если мы здѣсь долго останемся, пройдемте туда, за рѣку; пожалуста, душенька, сказала Катя, заглядывая въ глаза старушкѣ.—Можно?

— И что̀ тамъ за рѣкой, матушка! Охота вамъ идти такую даль. Дома у насъ не то еще увидите, право. Да и что̀ намъ тутъ лопусту время терять, а впрочемъ... сказала вдругъ старушка, какъ бы одумавшись,—дѣло ваше молодое, дѣтское, порѣзвиться хочется. Напьемтесь чайку, ну, а тамъ ложалуй и сходимъ.

Старушка вошла въ домъ, разыскала молодую, краснощекую, босоногую бабенку, прислугу смотрителя, распорядилась чтобъ она принесла воды и дала бы барышнѣ въ чемъ-нибудь умыться, а сама, прибравшись на скорую руку, стала хлопотать у чайнаго стола, на которомъ уже стоялъ большой, сомнительной чистоты самоваръ, двѣ крынки съ молокомъ, чайникъ съ отбитымъ кончикомъ носа и три большія фаянсовыя чашки съ алаловатыми гирляндами фантастическихъ цвѣтовъ. Самоваръ громко шипѣлъ и клокоталъ закипая. Авдотья Егоровна, переходя отъ стола къ окошку и отъ окошка къ столу, устанавливала на немъ разнообразныя съѣдобныя вещи, которыя Евсѣй Никитичъ или Евсѣй, дворецкій и довѣренное лицо Вадимовыхъ, принесъ изъ кареты въ цѣлой дюжинѣ разныхъ корзинокъ.

Чай уже былъ заваренъ, яйца на которыя старушка два раза наливала кипящую ключомъ воду успѣли свариться какъ разъ въ смятку, пирожки, жареный цыпленокъ, сливочное масло, ветчина, лососная икра и разныя леченья смотрѣли такъ заманчиво что аллетитъ старушки разыгрался, а Кати еще не было. Авдотья Егоровна стала каждую минуту посматривать на дверь и наконецъ въ нетерпѣніи встала, но въ эту минуту Катя свѣжая, умытая, гладко причесанная, въ чистомъ, не залыленномъ и смятомъ въ дорогѣ воротникѣ и бѣлоснѣжныхъ рукавчикахъ вошла въ комнату и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ остановилась.

Комната просторная, но низенькая, съ маленькими окошками и выбѣленными стѣнами показалась ей въ первую минуту полною народомъ. У самой двери, на диванѣ, съ деревянною, покатою спинкой и жесткимъ сидѣньемъ, обитымъ черною волосяною матеріей, лежалъ ворохъ подушекъ и въ безпорядкѣ набросаннаго верхняго платья; тамъ же, между подушекъ, сидѣлъ заспанный, растрепанный, хорошенькій ребенокъ лѣтъ двухъ на видъ. Въ ногахъ его, согнувшись, въ самой неудобной позѣ лежала молодая, лѣтъ двадцати пяти, очень

лоная, валлывшая жиромъ женщина. Ея огромное бѣло-розовое лицо съ лунцовыми толстыми губами бросалось каждому входившему въ глаза. На столѣ передъ диваномъ лежали кучей залыленныя шлялы, косыночки, большіе платки, какіе-то узелки разной величины, стояла лодуоткрытая дорожная шкатулка, обтянутая оленьею, желтовато-сѣрою шкурой, бутылка съ виномъ, валялись куски бѣлаго хлѣба, кожаный полосатый, красный съ синимъ мячикъ, лошадка, козликъ и другія игрушки русскаго издѣлія. Далѣе, у близко придвинутаго къ окну небольшаго столика сидѣлъ ложилой человѣкъ. Его длинные, прямые, ровно остриженные и примазанные русые волосы, рѣдкая рыжеватая бородка и длинноло̀лый сюртукъ не лозволяли сомнѣваться въ томъ что онъ ѣдетъ по какому-нибудь коммерческому дѣлу. Въ ту минуту какъ Катя вошла, ложилой человѣкъ цѣдилъ въ чайникъ воду изъ большаго мѣднаго самовара и говорилъ что-то очень внушительно стоявшему предъ нимъ съ пустымъ стаканомъ въ рукахъ молодому здоровенному парню, остриженному въ скобку и одѣтому въ длинную поддевку, съ трудомъ натянутую поверхъ свѣтло-розовой ситцевой рубахи.

Старушка Авдотья Егоровна расположилась въ самомъ концѣ комнаты у узкаго, длиннаго, накрытаго лестрою клеенкой стола.

— Сюда, сюда, матушка, ложалуйте, ужь я заждалась васъ, сказала она, завидѣвъ Катю,—локушайте-ка. Ваша маменька и тетенька (тетенькой Авдотья Егоровна называла Александру Семеновну) и няня наказывала мнѣ смотрѣть чтобы вы кушали безпремѣнно. Отвѣдайте вотъ этого лирожка съ визигой и съ рыбой.

— Мнѣ еще ѣсть не хочется, сказала Катя подходя къ столу,—но чаю или молока я выпью съ удовольствіемъ. А вы сами, няня, отчего же не льете?

— Я васъ налою сначала, а потомъ и себя ублаготворю. До чаю я страсть какая охотница, сказала Авдотья Егоровна, добродушно смотря на Катю.

— Садитесь, няня, будемъ лить вмѣстѣ. Это Маринкаго или вашего печенья? спросила Катя, дотрогиваясь до перваго, ближе другихъ лежавшаго къ ней пирога.

— Это все ваши тамъ надавали, сказала старушка, трахнувъ головой и улыбнувшись.—Я своихъ лирожковъ ужь и не доставала. Куда ихъ?...

— Садитесь же, няня, и скажите пожалуста, вопервыхъ, какъ васъ звать?

— Да какъ хотите, милая. Зовутъ меня по старой памяти иногда няня, иногда Дуняша, Авдотья, Авдотья Егоровна,— кому какъ по сердцу придется.

— А этого человѣка, который съ нами ѣдетъ?

— Это Евсѣй Никитичъ, дворецкій нашъ. Господа зовутъ его Евсѣемъ.

— Мою будущую воспитанницу, начала Катя медленно, какъ бы что-то соображая—зовутъ... постойте, не говорите, поторопилась она остановить открывшую уже для отвѣта ротъ Авдотью Егоровну,— я хочу сама догадаться. Надя, Нѣтъ?

Катя смотрѣла въ глаза улыбавшейся Авдотьи Егоровны.

— Лиза? конечно Лиза, Лиля, правда?

— Немножко не угадали, сказала старушка, смѣясь.—Нашу барышню зовутъ Лина, по настоящему Александра. Она родилась какъ разъ на царицу Александру. Баринъ хотѣлъ назвать ее въ честь своей матушки, ну а Софья Григорьевна пожелали дать ей имя въ честь царицы Александры.

— Лина, повторила въ раздумьи Катя,—Лина, а я была увѣрена что она Надя, черноглазая, краснощекая, хохотунья и умница.... Скажите, обратилась она къ Авдотьѣ Егоровнѣ,— что она живая, веселая или спокойная?

— Наша Линочка-то, какъ бишь, Александра Павловна, я все еще не могу отвыкнуть звать ее Линой, какъ маленькую, понравилась Авдотья Егоровна,—это не дитя, а ангелъ Божій, сказала она серіозно и съ особенною теплотой,— красота писаная, взглянетъ глазками—подаритъ, а улыбнется— на душѣ весело станетъ.

— Слава Богу! сказала Катя вздохнувъ.—А я ужасно боялась. Значитъ, продолжала она тотчасъ же,—самого monsieur Вадимова зовутъ?...

Она посмотрѣла въ глаза Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Павелъ Михайловичъ, сказала старушка.

— Madame Вадимову—Софья Григорьевна, а дѣвочку—Саша, Лина, Ина, Aline, стала подбирать Катя,—Сандра, какъ называлъ маленькій братъ Нади Вязиной свою сестренку Сашу. Сандра—правда это мило? спросила она взглянувъ опять на Авдотью Егоровну.

— А нашего молодаго барина Григорій Павловичъ—мой воспитанникъ, продолжала, не отвѣтивъ на вопросъ Кати, Авдотья Егоровна самодовольно съ особенною гордостью,—до семи лѣтъ ходила за нимъ; съ перваго дня няньчила и выняньчила же молодца! Красавецъ, здоровый, рослый, кровь съ молокомъ и умница!

Говоря это Авдотья Егоровна сіяла всѣмъ лицомъ.—И до сихъ поръ чествуетъ свою няню, мой голубчикъ. Никогда не забываетъ свою старуху.

— Онъ ужь большой? спросила Катя.—Старше сестры?

— Куда же! Линочкѣ въ апрѣлѣ десять лѣтъ исполнилось, а Григорію Павловичу двадцать одинъ, двадцать второй пошелъ. Ужь онъ на государевой службѣ четвертый годъ состоитъ. Господи! Просто глазамъ не вѣрится, давно ли кажется на карачкахъ ползалъ, а теперь ужь въ генералы глядитъ... Что жь вы въ сухомятку, барышня?

Авдотья Егоровна торопливо налила чашку чаю и подавая ее Катѣ сказала:—Вотъ сливки, а то можно и варенья достать, хотите? Тетенька шесть банокъ дали; въ ящикѣ уложено... И какъ онѣ только по васъ скучать будутъ, и не дай Богъ! сказала Авдотья Егоровна, ласково смотря на Катю.—Ужь какъ онѣ просили меня беречь васъ и холить, а няня ваша до слезъ обрадовалась когда узнала что барыня ваша изъ Солнцевыхъ. Одна кровь, говоритъ, не обидитъ нашу голубушку.

— Какъ одна кровь? Кто изъ Солнцевыхъ? спросила съ неподдѣльнымъ изумленіемъ Катя.

— Да наша барыня, Софья Григорьевна, а какъ? повторила старушка, да вотъ какъ, я вамъ сейчасъ разскажу. Вашъ дѣдушка... нѣтъ, постойте, сказала старушка съ глубокомысленнымъ видомъ,—вашъ, ужь не знаю какъ онъ вамъ доводится, прадѣдушка что ли, Григорій Михайловичъ Солнцевъ былъ два раза женатъ. Первая его жена была не знаю чьихъ, чужая какая-то, а вторая Ксенія Ивановна, наша К—ская, Щуровыхъ господъ. Вотъ Дмитрій Григорьевичъ, вашъ дѣдушка или прадѣдушка, былъ отъ перваго брака, а Наталья Григорьевна, бабушка нашей барыни Софьи Григорьевны, отъ втораго. Вашъ прадѣдушка получилъ отъ своихъ родителей...

И пошла старушка пересчитывать, кто, когда и за кого вышелъ замужъ, кто на комъ женился, какія кому имѣніи

достались, какія кому въ приданое пошли, кто упрочилъ свое состояніе, кто весь въ долгахъ, а кто и совсѣмъ разорился.

— Вотъ вашъ дѣдушка Ѳедоръ Дмитріевичъ, не тѣмъ будь ломянутъ, царство ему небесное, сказала Авдотья Егоровна вздохнувъ,—какія угодья отъ своихъ покойныхъ родителей получилъ, тысячъ шесть душъ и какихъ устроенныхъ! А что казны!...

Авдотья Егоровна махнула рукой и потрясла неодобрительно головой.

— Натальѣ Григорьевнѣ, бабушкѣ нашей барыни, продолжала она послѣ длинной паузы,— достались въ приданое только Илюшино, да Спасское. Замужъ выдали ихъ за Вязмитинова помѣщика, барина разумнаго, настоящаго хозяина. Послѣ свадьбы уѣхали наши молодые господа въ Вязмитиновское Укромное. Когда до нихъ потомъ дошли вѣсти о томъ что ихъ братецъ, вашъ дѣдушка-то, совсѣмъ разорился и имѣнія его, одно за другимъ, съ молотка идутъ, онѣ не захотѣли чтобы то имѣніе въ которомъ родились онѣ сами и умерли ихъ родители въ чужія руки достались, вотъ онѣ вдвоемъ съ барином и задумали купить Покровское и *выкупили* его уже изъ третьихъ рукъ. Да... и что за имѣніе это Покровское!

Старушка подняла глаза къ потолку.

— Домъ—что твой дворецъ. Въ ранжереяхъ самые рѣдкостные фрукты: сливы, персики, виноградъ, фиги; въ саду—цвѣты со всѣхъ странъ собраны; скотъ весь заморскій вылисанъ изъ далека; какія коровы, какіе бараны! И не разкажешь всего! Купить-то они его купили, но сами въ немъ никогда не живали... Отъ нихъ оно перешло къ Григорію Александровичу..

— Какъ это вы все знаете и какъ всѣхъ ихъ помните, сказала Катя, со вниманіемъ слушавшая старушку.

— Еще бы не помнить, матушка, вѣдь мой дѣдъ былъ дворовымъ Ивана Кирилловича Щурова и достался въ приданое Ксеніи Ивановнѣ, матушкѣ Натальи Григорьевны, а бабка моя была Солнцевыхъ господъ изъ Покровскаго. Когда Наталья Григорьевна уѣзжала съ молодымъ мужемъ изъ Покровскаго въ Укромное, дѣда и бабку моихъ отправили съ ними. Мать моя родилась уже въ Укромномъ, которое послѣ смерти Григорія Александровича, сына Натальи Григорьевны, досталось Софьѣ Григорьевнѣ.

— А Покровское? спросила съ особенною живостью Катя.

— Покровское? Оно по завѣщанію родителя перешло къ сыну ихъ Сергѣю Григорьевичу, брату Софьи Григорьевны.

— Какъ это странно! сказала въ полголоса Катя. — А вы были когда-нибудь въ Покровскомъ? спросила она Авдотью Егоровну.

— Много разъ прежде, а послѣдніе годы ужь я все больше при домѣ остаюсь.

— А сами они, Вадимовы, бываютъ тамъ когда-нибудь?

— Бываютъ, какъ же, сказала старушка.—Каждый разъ какъ ѣдутъ въ баринову вотчину, заѣзжаютъ къ братцу погостить. Теперь тоже, слышно, собираются заѣхать туда, да и они у насъ не разъ и по долгу гащивали.

Катя молча, медленно, какъ бы машинально, откусывала маленькіе кусочки пирога.

— Ахъ ты, Господи! сказала вдругъ Авдотья Егоровна всплеснувъ руками и живо вставая со стула,—я заболталась, вы заслушались, а о чаѣ-то мы и забыли совсѣмъ. Позвольте вашу чашечку, я вамъ горяченькаго подолью. Покушайте, матушка, да и ѣхать пора.

Старушка оглянулась.

— И куда этотъ Евсѣй Никитичъ запропастился, пора бы и закладывать.

Взявъ съ окна пестрый муслинъ-де-леневый платокъ, она накинула его на плечи и вышла изъ комнаты.

Катя выпила залпомъ свой остывшій чай, встала и скорыми шагами подошла къ окну, у котораго, на полу, стоялъ ея дорожный мѣшокъ, достала небольшой кожаный портфельчикъ, чернильницу, перо и перочинный ножичекъ, придвинула стулъ къ окну, положила портфель, открыла его, поправила кончикъ очиненнаго для нея на дорогу Мариной Ѳедоровной гусинаго пера и принялась писать.

„Родные, дорогіе мои, писала она. Я обѣщала вамъ писать съ первой же остановки, да еслибъ и не обѣщала, вы конечно были увѣрены заранѣе что я напишу вамъ, не могу непописать, хотя бы для того чтобы сказать вамъ и повторить много, много разъ, какъ я всѣхъ васъ люблю, какъ благословляю мою милую маму, добрую, дорогую Александру Семеновну, Андрея Петровича, какъ хотѣла бы взглянуть въ ясные, черные глаза *школьника* Левы, посмотрѣть какъ-то живется первые дни на волѣ Варѣ. Мнѣ вчера, когда я

уѣхала отъ васъ, было такъ тяжело, одну минуту напало на меня такое отчаяніе, такой страхъ, что я готова была выскочить изъ экипажа и бѣжать, бѣжать къ вамъ... но вдругъ, сама не знаю какъ, уснула крѣпкимъ сномъ и видѣла васъ всѣхъ и Марину Ѳедоровну... Сегодня такъ свѣтло, свѣжо, такъ ясно въ природѣ и у меня на душѣ. Старушка съ которою я ѣду такъ ласкова, такъ добра ко мнѣ; разказы ея о моихъ будущихъ seigneurs et maîtres такъ успокоительны что я прошу васъ, не безпокойтесь обо мнѣ, но только каждый день благословите меня. Не странно ли что Вадимовы, къ которымъ я постулаю, какимъ-то образомъ намъ съ родни, и Покровское, въ которомъ родился папа и о которомъ онъ говорилъ въ первый разъ наканунѣ того дня какъ оставилъ насъ, Покровское, увидѣть которое, хотя бы во снѣ, было моею мечтой, принадлежитъ брату Mme Вадимовой, и я съ ними чрезъ нѣсколько дней, можетъ-быть, поѣду туда? Скажите, не странно ли это? Благодарю васъ всѣхъ, дорогіе мои, за все, за все, и за массу всякой всячины которую вы надавали мнѣ. Благодарю Маришу за ея хлопоты, за ея труды, которыхъ было не мало и въ особенности за ея заступничество предъ Авдотьей Егоровной, которая, можетъ-быть по ея милости, сдѣлалась сразу моимъ другомъ. Писать буду, Богъ дастъ, часто, часто. До свиданья.

„Преданная и любящая васъ, ваша

„Катя С.“

Катя отложила написанный листокъ и взяла другой.

„Я пишу вамъ, глубокоуважаемая Марина Ѳедоровна, этотъ разъ только для того чтобы сказать вамъ то чего я никогда не могла, не умѣла высказать словами, и что̀ казалось мнѣ такъ легко и просто каждый разъ когда я думала о васъ, казалось просто и теперь, въ ту минуту какъ я писала первыя слова моего письма, и что̀, къ сожалѣнію, оказывается такъ же трудно и невозможно и чего я не умѣю выразить и теперь въ письмѣ. Я бы хотѣла сказать вамъ какъ глубоко чувствую, какъ высоко цѣню ваши заботы, ваши уроки, ваше терпѣніе, вашу доброту и снисходительность, какъ искренно люблю васъ, какъ чувствую и сознаю что недостаточно всей любви, преданности и благодарности на которую я способна, чтобы сколько-нибудь отблагодарить васъ. Могу васъ увѣрить въ одномъ, Марина Ѳедоровна, дорогая моя, если позволите такъ назвать васъ, что помню каждое слово ваше и

лостараюсь чтобы правила ваши были въ продолженіе всей жизни правилами любящей васъ и благодарной.

„Е. Солнцевой."

Странно, какъ часто недостаетъ словъ для выраженія чувства, даже иногда для выраженія простой мысли, думала Катя пробѣгая глазами написанное, и какъ часто самое чувство выраженное словами дѣлается какимъ-то плоскимъ. Она сложила письмо и опять взяла перо.

„Душка Вазнина, Надя!

„Какъ правда что человѣкъ предполагаетъ, а располагаетъ Богъ! Представь себѣ что мнѣ не удалось исполнить даже начало задуманной и задолго до выпуска рѣшенной на вчерашній день программы. Мнѣ не удалось не только поѣхать въ крѣпость, но я не успѣла ни наговориться, ни наглядѣться на мою дорогую, бѣдную маму; время пролетѣло такъ быстро, вечеръ подкрался такъ незамѣтно, такъ скоро, что мнѣ кажется будто я изъ института попала прямо въ дорожную карету катящуюся по дорогѣ въ Москву. Не огорчайся впрочемъ и скажи Вилькенъ и Чавиновымъ что хотя я не могла сдержать слова даннаго всѣмъ вамъ и себѣ самой, не помолилась въ день выпуска у гробницы прикрывающей прахъ усопшей, но для насъ всегда живой, ангела Императрицы, но я говорила о ней дома и мы рѣшили что мама, Александра Семеновна и Варя завтра же поѣдутъ въ Павловскъ и по дорогѣ, въ деревняхъ, закажутъ набрать какъ можно болѣе незабудокъ, выберутъ ихъ, сплетутъ длинную, длинную широкую гирлянду въ полъ-аршина ширины по крайней мѣрѣ и ею обовьютъ подножіе гробницы, а на гробницу положатъ отъ всѣхъ насъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ лилій. Варя пріѣдетъ наканунѣ сказать вамъ когда это будетъ; я узнаю позднѣе всѣхъ конечно, но молиться буду за нее вмѣстѣ съ вами, я увѣрена, потому что я молюсь каждый разъ какъ вспомню о ней, а вспоминаю я ее много разъ на день, чаще прежняго, кажется. Я теперь ѣду, ѣду, бѣгу отъ васъ все дальше и дальше... Что за вздоръ я пишу!.. Въ настоящую минуту я, полросту, сижу уже болѣе двухъ часовъ на станціи въ восьмидесяти, кажется, верстахъ отъ Петербурга и пишу сидя у маленькаго окотечка. Предъ моими глазами..."

Катя подняла глаза и посмотрѣла въ окно. Лицо ея озарилось шаловливою улыбкой, и она продолжала писать.

„....на сухой, пыльной, кое-гдѣ поросшей травой площадкѣ стоитъ какой-то неуклюжій, огромный экипажъ, немножко

далѣе, вправо карета въ которой я ѣду. Изъ отворенной дверки ея торчатъ латки старушки няни которая сопровождаетъ меня. Она, по всей вѣроятности, достаетъ что-нибудь съѣдобное, такъ какъ на столѣ, гдѣ мы, то-есть я и она недавно пили чай, начинаютъ появляться новыя корзиночки и узелки. Она намѣревается меня кормить и не подозрѣваетъ что я съ своей стороны замышляю сейчасъ, какъ кончу письмо къ тебѣ, вести ее на другой берегъ рѣки. Не знаю долго ли еще насъ продержатъ здѣсь, на станціи. Шарообразный, вывалянный въ пуху человѣкъ, раза два появлявшійся въ комнатѣ и вызывавшій шумъ, крики, просьбы и убѣжденія путешественниковъ, говоритъ всѣмъ и на все самымъ спокойнымъ, сонным, чуть слышнымъ голосомъ:— „нѣтъ лошадей“, и при этомъ каждый разъ разводитъ такъ смѣшно своими короткими ручками что я насилу удерживаюсь отъ улыбки. Знаешь что онъ мнѣ напоминаетъ...“

Въ эту минуту въ комнатѣ вдругъ раздался чей-то рѣзкій, громкій, сердитый голосъ. Катя живо повернула голову. Въ дверяхъ стоялъ заспанный, съ измятымъ, залывшимъ жиромъ лицомъ и встрепанными, густыми, темными волосами, все тотъ же круглый, въ потертомъ, давно нечищенномъ, еле сходящемся на груди, сюртукѣ съ ясными луговицами, смотритель станціи.

— Долго *ты* еще намѣренъ меня мучить, скажи пожалуста, кричала, подступивъ къ нему, очень полная женщина въ полосатой голубой блузѣ и маленькомъ бѣломъ чепцѣ на макушкѣ.—Я жь тебѣ русскимъ языкомъ говорю, что я должна, во что бы то ни стало, быть завтра къ вечеру въ Осташковѣ, а *ты* держишь меня здѣсь битыхъ девать часовъ.

— Нѣтъ лошадей, сами знаете, вѣдь вы ходили искать; не въ карманъ же я ихъ спряталъ, въ самомъ дѣлѣ. Посмотрите въ книгѣ, тамъ все извѣстно. Вѣдь говорятъ вамъ четыре тройки подъ почту пошли, три подъ курьерскія, началъ смотритель, какъ бы отвѣчая хорошо затверженный урокъ.

— Эту сказку я ужь не разъ отъ тебя слышала. Мошенники, проворчала барыня въ сторону. Что жь твои лошади до слѣдующей станціи почту девять часовъ тянутъ что ли. Двадцать-то три версты, а! Я жаловаться буду. Гдѣ книга? крикнула барыня, ужь совсѣмъ выведенная изъ терпѣнія спокойствіемъ смотрителя и сдѣлала шагъ впередъ.

Смотритель полятился.

Барыня, размахивая рукой предъ самымъ его лицомъ, визгливо крикнула.—Ироды! Мерзавцы! Послушай, если ты сейчасъ же не велишь запрягать лошадей, я жалобу напишу.

— Пишите, что жь! говорятъ вамъ, всѣ въ разгонѣ. Откуда же я ихъ возьму для васъ. Вотъ ждутъ же другіе.

Смотритель слегка приподнялъ плечи.

— Книга тамъ вонъ: пишите.

Онъ лѣниво показалъ коротким, толстымъ какъ обрубокъ, пальцемъ въ уголъ комнаты гдѣ стоялъ столъ съ письменными принадлежностями, круглою, оловянною чернильницей, песочницей, нѣсколькими очиненными и уже не мало потрудившимися перьями, что можно было видѣть по ихъ черным и загнутымъ кверху концамъ, и перелистенная, толстая въ листъ обыкновенной писчей бумаги, книга, пронизанная краснымъ шнуромъ, концы котораго были припечатаны красною сургучною печатью къ послѣдней страницѣ, и медленно, ни на кого не взглянувъ, вышелъ.

— Ну скажи на милость, что же это такое? заговорила разкраснѣвшаяся отъ жара и досады барыня, обращаясь къ бывшимъ въ комнатѣ такимъ же злополучнымъ путешественникамъ какъ и она.—Взятку, что ли, этому бегемоту нужно? Такъ говорилъ бы просто, а то девять часовъ слишкомъ морить, а мнѣ вотъ какъ необходимо быть въ Осташковѣ завтра.

Барыня провела по горлу пальцемъ.

— Вы обывательскихъ возьмите въ такомъ разѣ, посовѣтовалъ пожилой рыжеватый купецъ.—Надежнѣе будетъ и разчетъ плёвый.

— Да гдѣ же ихъ взять обывательскихъ и какъ это сдѣлать? спросила барыня, подходя къ совѣтчику.

Во время этого разговора, маленькій мальчикъ, долго сидѣвшій смирно на диванѣ, среди груды наваленныхъ пожитковъ, началъ возиться, перекладывать вещи съ одного мѣста на другое, трясти ихъ, дѣлать изъ нихъ комочки, воображая что складываетъ ихъ. Наконецъ ему вздумалось взлѣзть на самый высокій лукъ, на сложенныя другъ на друга подушки. Это ему удалось, и онъ, довольный и гордый успѣхомъ, сталъ поворачивать свою веселую рожицу изъ стороны въ сторону, но видя что никто не обращаетъ на него вниманія, вдругъ задумалъ стать на верхней подушкѣ во весь

ростъ. Это оказалось не такъ легко исполнимымъ, и бѣдный мальчуганъ не успѣлъ установиться на ножкахъ какъ полетѣлъ головой внизъ, ударился объ уголъ стола и, не крикнувъ, растянулся на полу.

Барыня въ голубой полосатой блузѣ вскрикнула, схватилась руками за голову и, закрывъ глаза, остановилась на мѣстѣ какъ прикованная.

Катя мигомъ вскочила со стула, подбѣжала къ лежавшему на полу ребенку, подняла его и, видя что онъ, какъ говорится, „зашелся“ и еще не можетъ кричать, подбѣгая съ нимъ къ растерявшейся матери, заговорила успокоивающимъ голосомъ:

— Ничего, ничего, посмотрите, онъ не убился, только испугался. Дайте воды скорѣе, пожалуста воды!

Мальчикъ наконецъ закричалъ что было силы.

— Не плачь, милый, посмотри что я тебѣ дамъ, бомбошки, отличныя, и сколько ихъ, смотри, сказала Катя и, поднеся ребенка къ окну, достала изъ лежавшаго на окнѣ мѣшечка горсточку карамелекъ и старалась положить ихъ въ кулачки кричавшаго мальчика.

— Дайте же воды! сказала она потомъ громко, окинувъ взглядомъ всѣхъ присутствовавшихъ.

— Приложите ему платокъ ко лбу, посовѣтовалъ купецъ.

Толстая барыня въ голубой блузѣ стала торопливо, дрожащими отъ волненія руками искать платокъ въ сѣромъ замшевомъ мѣшечкѣ съ мѣдною монетой, запасенною на дорогу для „чайковъ“ лицикамъ, но не сразу нашла его.

— Да потрите его прежде хорошенько о полъ, ногой-то, ногой, носкомъ наступите на него, да и трите.

Барыня послушно нагнулась къ полу, положила на полъ мѣдный платокъ, наступила на него носкомъ и стала возить его по полу.

— Не въ примѣръ лучше подошвой башмака, вмѣшалась молодая бабенка, прислуга смотрителя.—У насъ по крайности всегда, какъ дитя набьетъ себѣ рогъ, Марья Ивановна станетъ башмакъ и прижметъ ему, рогъ-то, подошвой, и ничего, только потомъ синякъ останется, а не больно. Вотъ окомлясь Егорушка...

Катя, видя что никто нейдетъ за водой, послѣшно вышла изъ комнаты съ мальчикомъ на рукахъ и, вернувшись черезъ минуту съ полнымъ ковшомъ воды, намочила свой носовой платокъ, свернула его и, приложивъ къ ушибленному лбу

ребенка, одною рукой придерживала платокъ на мѣстѣ, другою развертывала леденцы одинъ за другимъ.

— Посмотри-ка какой красненькій, говорила она веселымъ, оживленнымъ голосомъ, а этотъ-то,—этотъ желтый, этотъ опять красный, ай-ай-ай, а этотъ черный совсѣмъ. Попробуй, который изъ нихъ вкуснѣе. Я думаю этотъ, сказала Катя, приложивъ къ открытому рту ребенка кончикъ малиноваго леденца.

Мальчикъ, не переставая плакать, позволилъ Катѣ держать леденецъ въ его ротикѣ. Проглотивъ сладкую слюну, онъ на минуту замолкъ.

— Держи его, держи крѣпче въ ручкѣ и пойдемъ туда, сказала Катя и показала на окно у котораго лисала.

— Что мы тамъ достанемъ! Ого-го какую штуку! Только не плачь!

Она спустила мальчика на полъ и, придерживая на его лбу мокрый платокъ, повела его къ окну. По дорогѣ она остановилась у стола на которомъ расположилась къ завтраку Авдотья Егоровна, и увидѣвъ листокъ газетной бумаги, оторвала клочокъ, сложила бумагу квадратикомъ въ нѣсколько разъ, вернулась съ мальчикомъ на прежнее мѣсто, опустила сложенную бумажку въ воду, сдѣлала другой квадратикъ, тоже опустила въ воду, потомъ достала первый, уже намокшій, и приложивъ его ко лбу мальчика, сказала:

— Вотъ такъ, самъ будетъ держаться, не трожь только ручками и пойдемъ доставать славную штуку.

Развлеченный мальчуганъ пошелъ за Катей, посасывая леденецъ и держась за ея платье.

Катя привела его къ своему дорожному мѣшку, стала на колѣни и, продолжая говорить, искала чего-то. Мальчикъ присѣлъ подлѣ нея на корточки и съ любопытствомъ заглядывалъ въ мѣшокъ. Онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своей новой знакомки.

— Ага! Вотъ она, наконецъ-то! Держи, смотри не урони, сказала она, подавая мальчику фарфоровую баночку.

Мальчикъ, руки котораго были заняты леденцами, помоталъ головой и отмахнулъ руку Кати.

Катя открыла баночку и, поднося ее къ носу своего маленькаго паціента, сказала:

— Понюхай-ка, понюхай.

Мальчикъ понюхалъ.

— Вотъ такъ, дитя. Этимъ мы потомъ ломажемъ лобикъ и не будетъ бобо. Такъ?

— Какая вы добрая и какъ вы умѣете обращаться съ ними, а такія еще молоденькія сами, сказала ласковымъ голосомъ полная барыня, подходя къ Катѣ и протягивая ей мѣдный патакъ.—Приложите, прибавила она.

— Теперь ужь не надо. Компрессъ, я думаю, и удобнѣе и дѣйствительнѣе, отвѣчала Катя.

— Ну, что ты? спросила барыня, нагнувшись къ сыну и цѣлуя его. — И какъ это онъ пошелъ къ вамъ, удивляюсь, онъ такой дикій. Не уронивъ, крикнула она, увидѣвъ что мальчикъ, собравъ леденцы въ одну ручонку, въ другую взялъ баночку.

— Это что такое? спросила барыня, дотрогиваясь рукой до банки.

— Это pommade divine. Теперь мы еще нѣсколько разъ перемѣнимъ бумажку на лбу, потомъ ломажемъ вотъ этимъ, и не будетъ знака или будетъ самый маленькій.

— У васъ вѣрно много братьевъ и сестеръ моложе васъ, и вы вѣрно много нянчились съ ними и любите ихъ?

— Нѣтъ, сказала Катя.—Я только вчера вышла изъ института. Я тамъ провела девять слишкомъ лѣтъ.

— Удивительно! Я бы этому никакъ не повѣрила, сказала барыня съ сомнѣніемъ въ голосѣ.—Вы такъ находчивы, такъ ловки. Вотъ у меня четверо дѣтей, а я всегда въ первую минуту какъ что случится, такъ растеряюсь что себя не помню. Недавно еще, предъ моимъ отъѣздомъ, одна изъ моихъ дѣвочекъ, Любочка, пяти лѣтъ, поскользнулась она,—положила руку на валикъ тарманки, а Витя не видѣлъ вѣрно и сталъ вертѣть. Я тутъ же стояла съ ними. Любочка взвизгнула такимъ отчаяннымъ голосомъ что всѣ сбѣжались, я какъ увидѣла ее страшные, испуганные глаза и ручку которую до запястья втянуло между валикомъ и гребнемъ, сама закричала благимъ матомъ, выбѣжала изъ дѣтской, спустилась съ лѣстницы и не помню совсѣмъ что далѣе было, гдѣ я была и что... Чрезъ нѣсколько минутъ меня стали искать. Я слышу голоса, понимаю что меня ищутъ и не могу подать голоса, не могу даже спросить жива ли Любочка, трясусь какъ въ лихорадкѣ. И какъ вы думаете, гдѣ меня нашли? спросила она, глядя въ глаза Кати.

Катя удивленно взглянула на барыню.

— Ну, да, да. Я спрашиваю, какъ вы думаете, гдѣ меня нашли?

— Не знаю, отвѣчала Катя смѣясь.

— Вѣдь гдѣ же нибудь я была? спросила барыня настойчиво.

— Конечно, отвѣчала Катя конфузясь.

— Ну такъ гдѣ, какъ вы думаете?

— Право, я не знаю и не могу догадаться, сказала Катя, весело смотря въ маленькіе, вопросительные глазки бѣло-розовой, полной барыни.

— И не можете, правда. Даже если я вамъ скажу, не повѣрите.

Барыня обвела глазами всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ, какъ бы вызывая общее вниманіе и, помолчавъ съ минуту, продолжала, улыбаясь всѣмъ лицомъ.

— Я забилась между стѣной и большимъ бѣлевымъ шкафомъ. Какъ я туда попала, въ такую узкую щель, сказала она, показывая руками разстояніе между стѣной и шкафомъ и оглядывая себя,—ни тогда не понимала, ни теперь объяснить себѣ не могу. Чтобы вылустить меня оттуда, должны были позвать лакея и повара, и тѣ съ трудомъ отодвинули махину, которая, кажется, ни разу не сдвигалась съ тѣхъ поръ какъ была туда поставлена.

— А рука вашей дѣвочки?

— Рука? ничего. Гувернантка, которая въ это время всегда уходитъ въ свою комнату, услышала крикъ Любы, прибѣжала, повернула ручку шарманки въ обратную сторону и, конечно, рука тотчасъ освободилась, правда, порядкомъ поцарапанная. Послали сейчасъ же за докторомъ, онъ посмотрѣлъ и велѣлъ дѣлать компрессы. Ничего.

— Да, сказала Катя,—хорошо что гувернантка догадалась, а то бѣдной дѣвочкѣ пришлось бы пожалуй ждать чтобы докторъ освободилъ ея руку. Какая мука такой крошкѣ! Вы бы должны были постараться побѣдить въ себѣ эту удивительную слабость, прибавила она потомъ.

— Куда-а! сказала барыня, махнувъ рукой.—Я бы и рада побѣдить, но это выше моихъ силъ. Я бы Богъ знаетъ что дала чтобы не быть такою трусихой.

— Трусихой? сказала Катя, недовѣрчиво посмотрѣвъ на барыню,—а я напротивъ думала что вы ужасно храбрая.

— Храбрая? Потому что я кричала на этого скота? сказала барыня смѣясь.—Съ ними нельзя иначе. Вы еще дитя, вы конечно и не можете знать что это̀ за отлѣтый народъ. Хоть бы говорилъ прямо что ему сорвать хочется, каждый проѣзжій зналъ бы по крайней мѣрѣ...

Барыня съ перваго слова о смотрителѣ стала горячиться.

— А то для сильныхъ и важныхъ проѣзжихъ лошади у него сейчасъ найдутся, только женщинъ, да безобидныхъ людей держитъ, мерзавецъ, по полусуткамъ, а почему? потому-что кулака не видитъ.

Катя сконфуженно глядѣла на барыню и ничего не возражала.

Вдругъ послышался отдаленный звонъ колокольчика, стукъ колесъ и потомъ во всю прыть приближающейся къ станціи тройки. Всѣ засуетились. Полная барыня, легко ступая мягкими туфлями, живо подошла къ окну и, высунувшись въ него по поясъ, съ минуту всматривалась и вслушивалась.

— Вотъ помяните мое слово, сказала она, обернувшись въ комнату,—это непремѣнно какой-нибудь генералъ или баринъ у котораго на козлахъ сидитъ либо денщикъ, либо взятый по протекціи изъ почтамта почтальйонъ съ здоровеннѣйшими кулаками, по бѣгу лошадей слышно, и для него лошади будутъ. Можно объ закладъ побиться.

— Помилуйте, сударыня, откуда же ему, на самомъ дѣлѣ, взять ихъ, сказалъ, укоризненно покачавъ головой, купецъ.— Мы сами всѣ стойла обшарили, и кромѣ одной больной кобылы ничего не нашли.

Барыня, высунувшаяся опять въ окно, казалось, не слышала возраженія купца.

Къ подъѣзду подкатила и остановилась тройка поджарыхъ лошадей, запряженныхъ въ небольшую дорожную карету. Бѣдные кони, расширивъ ноздри, тяжело вдыхали воздухъ и пофыркивали, низко опуская головы. Мокрые бока ихъ тряслись, ноги стояли нетвердо.

— Эхъ, умаялись, сердечныя! сказалъ съ соболѣзнованіемъ купецъ.—Гнали ихъ, видно, безъ милосердія.

Не успѣлъ экипажъ остановиться какъ съ козелъ его соскочилъ слуга въ военной ливреѣ и почти бѣгомъ бросился къ крыльцу на которомъ уже стоялъ смотритель, не спускавшій глазъ съ подъѣзжавшей кареты. Ямщикъ не торо-

лась слёзъ съ козелъ и расправляя затекшія ноги подошелъ къ коренному, ткнулъ его кулакомъ въ морду и потеръ ему ноздри. Два парня, неизвѣстно откуда явившіеся, точно изъ земли выросли, живо отстегнули постромки, вскинули ихъ на спины пристяжнымъ; одинъ изъ нихъ взялъ пристяжныхъ подъ уздцы и медленно повелъ отъ экипажа, другой сталъ привычною рукой разматывать ремни. Менѣе нежели черезъ минуту дуга была снята, коренникъ выпряженъ, и на мѣсто его ложилой ямщикъ молча подвелъ, повернулъ, осадилъ и вставилъ въ оглобли бодраго, сильнаго мерина. Все дѣлалось скоро и въ полнѣйшей тишинѣ, только колокольчикъ подъ дугой позванивалъ коротким, отрывистымъ звономъ. Ямщикъ влѣзъ на козлы; колокольчикъ залился и черезъ минуту экипажа какъ не бывало.

Въ комнатѣ поднялся шумъ. Барыня кричала. Кулецъ, такъ довѣрчиво отнесившійся къ словамъ смотрителя, громко высказывалъ свое негодованіе, молодой кулчикъ въ узкой поддевкѣ вторилъ своему принципалу. Евсѣй Никитичъ ходилъ усовѣщивать смотрителя, Авдотья Егоровна только ложимала плечами и приговаривала: „креста на этихъ людяхъ нѣтъ!“

Наконецъ, потерявъ терпѣніе, полная барыня подошла къ столу, открыла шнуровую книгу, прочла первую страницу, прочла двѣ-три жалобы такихъ же какъ они огорченныхъ проѣзжихъ и рѣшительно стала писать. Кулецъ нѣсколько разъ обошелъ весь домъ, дворъ и конюшни, но смотрителя нигдѣ не нашелъ. Катя подъ шумокъ дописала начатое письмо.

Черезъ часъ все въ комнатѣ пришло въ движеніе. Открывались и закрывались поставцы, ящики, корзины, увязывались мѣшки, выносились подушки и узлы всѣхъ объемовъ. Всѣ торопились, толкались, извинялись и слѣпили уложить и умять все это поудобнѣе въ экипажахъ. Перезнакомившіеся пріѣзжіе прощались и высказывали другъ другу самыя теплыя пожеланія.

— Рада буду служить вамъ чѣмъ могу за вашу ласку моему мальчику, говорила задушевнымъ голосомъ толстая барыня, обнимая и цѣлуя Катю.—Если вамъ когда-нибудь что-нибудь понадобится, пошлите прямо въ Осташково, къ Фіонѣ Петровнѣ Башевой. Гриша, поцѣлуй красавицу тетю.

Гриша обнималъ ручонками шею Кати и прикладывалъ свое личико къ ея щекѣ, и Катѣ было „ужасно“ жаль разставаться

со своими случайными знакомыми. Поцѣловавъ въ четвертый разъ толстую Фіону Петровну и почти вырвавшись изъ объятій ласковаго мальчика, она вскочила въ карету. Евсѣй Никитичъ захлопнулъ дверку.

— Я вотъ всегда говорю что наша Линочка въ рубашкѣ родилась, сказала Авдотья Егоровна, когда Катя сѣла на свое мѣсто.—Баринъ души въ ней не слышитъ, мамаша страсть какъ балуетъ, гувернанка которая у насъ была какъ дочь родную ее нѣжила, потомъ взяли какую-то проходимку, да славу Богу скорехонько выпроводили; теперь Богъ послалъ васъ, дай вамъ Богъ здоровья. Посмотрю я на васъ, вы сами совсѣмъ дитя, а какъ умѣете тихо, да ласково уговорить и какъ все знаете, словно пожилой человѣкъ, право. Вы и нашу голубушку не обидите, ужь я вижу, сказала старушка улыбаясь.

— А гдѣ же ваша прежняя гувернантка? спросила Катя.

— Замужъ выдали, матушка, отвѣтила старушка, гордо подавъ голову.—И васъ, Богъ дастъ, выдадимъ. Хорошаго да богатаго муженька выберемъ. Софья Григорьевна и приданое ей справила и сама посаженною матерью была. Егоръ Павловичъ хорошій баринъ, не молодой, правда, да что въ нихъ, въ вѣтрогонахъ-то...

Катя покраснѣла. Авдотья Егоровна, какъ бы не замѣчая этого, продолжала.

А какъ я боялась, покаюсь теперь. Какъ увидѣла васъ, такъ у меня сердце и ёкнуло. Ну, думаю, ужь и гувернанка, нечего сказать, стóитъ везти. За самой еще няньку приставить надо, куда ей дитя поручить.

— Богъ милостивъ, нянечка, сказала Катя серіозно,—авось съ помощію Его и сумѣю. Если Лина такая хорошая дѣвочка, какъ вы говорите, намъ легко будетъ подружиться. Я дѣтей очень люблю и у меня ихъ было сорокъ человѣкъ, сорокъ маленькихъ друзей.

— Сорокъ? Мать моя, Пресвятая Богородица! и вы съ ними справлялись?

Катя улыбнулась.

— И какъ легко справлялась. Правда, я была только помощницей классной дамы, но я была постоянно съ ними, и мы другъ друга очень любили. Говорятъ, впрочемъ, что сорокъ человѣкъ въ классѣ зачастую легче вести нежели одну въ

частномъ домѣ, но Богъ не безъ милости, да и во всякомъ случаѣ вѣдь это дѣло всегда поправимое. Если госпожа Вадимова найдетъ что я не гожусь въ воспитательницы ея дѣвочки, или я увижу что мнѣ будетъ не по силамъ, мы разойдемся дружески и все тутъ.

Послѣднія слова Катя договорила неровнымъ, грустнымъ голосомъ.

Такъ, то болтая съ Авдотьей Егоровной, то мечтая о будущемъ или думая о своихъ и своемъ прошломъ, ѣхала Катя Солнцева до Москвы, куда, по случаю задержекъ на станціяхъ, она прибыла только на седьмыя сутки.

На послѣдней станціи, несмотря на раннее утро и убѣжденія Авдотьи Егоровны не выходить изъ экипажа, послать еще, Катя привела свой туалетъ въ порядокъ, смыла, сколько было возможно, пыль, причесала волосы, перемѣнила запыленные воротничекъ и рукавчики, подтянула сѣрый, подъ цвѣтъ платья, ременный поясъ и, не дожидаясь пока запрягутъ лошадей, сѣла въ экипажъ. Когда лошади тронулись, она перекрестилась и принялась серіозно и внимательно смотрѣть на дорогу. Ей казалось что лошади ѣдутъ ужасно медленно и верстовые столбы стоятъ какъ-то особенно далеко другъ отъ друга.

— Еще двѣ версты, сказала Катя вдругъ, обращаясь къ Авдотьѣ Егоровнѣ, которая преспокойно спала и не слышала ея смущеннаго голоса.

— Авдотья Егоровна! мы сейчасъ въ Москвѣ, одна верста осталась, повторила она, когда мелькнулъ послѣдній столбъ.— Авдотья Егоровна!

Катя коснулась лица старушки, и нагнувшись къ ней, чуть слышно произнесла:

— Мы пріѣхали, голубушка, вставайте.

— Ну и слава Богу, сказала старушка, зѣвая и крестясь.

Въѣхали въ Тріумфальныя Ворота, Авдотья Егоровна выглянула въ окно и стала креститься.

Благослови Господи! сказала Катя про себя и нервно прижала рукой сильно, болѣзненно забившееся сердце.—Теперь менѣе нежели черезъ часъ рѣшится моя судьба. Что-то будетъ? думала она, и какъ это пойдетъ! Помоги Господи!

Она стала смотрѣть на широкую улицу по которой ѣхали, на длинные заборы, низкіе домики, лабазы, лавки съ безло-

рядочно наставленными и навваленными предъ ними кулями, досками, кадками, корытами, лестрою деревянною посудой, корзинами зелени и повѣшенными за ноги на дверяхъ тушами.

Проѣхали площадь, завернули въ улицу, гдѣ-то громко ударилъ колоколъ. Катя перекрестилась.

— Шш матушка, что вы! Развѣ можно креститься при первомъ ударѣ? сказала старушка, схвативъ Катю за руку.

Катя посмотрѣла съ удивленіемъ въ испуганные глазки Авдотьи Егоровны и спросила:

— Отчего же нѣтъ?

— Отчего? повторила Авдотья Егоровна укоризненно.— То-то отчего? И чему васъ тамъ учатъ, право, какъ подумаешь. Никогда ты не крестись при первомъ и второмъ ударѣ.

Старушка въ волненіи сказала Катѣ даже *ты*.

— Никогда, помилуй Богъ! Старые люди насъ молодыхъ учили что бѣсы, которые послѣ полуночи хороводятся на этой грѣшной землѣ, какъ заслышатъ первый колоколъ, къ ранней обѣднѣ, такъ и замечутся какъ опалѣлые, а тѣмъ часомъ кто перекрестится къ тому и прильнутъ.

— Что вы, няня, какой вздоръ! сказала Катя засмѣявшись.

— Вздоръ? повторила старушка нахмурившись.—Вздоръ! Ну, коли вы умнѣе насъ дураковъ, вамъ и книги въ руки, сказала она обиженно и презрительно посмотрѣла на Катю.

Катя поняла что, не желая, оскорбила старушку и дѣтскимъ движеніемъ обхвативъ шею Авдотьи Егоровны обѣими руками, поцѣловала ее то въ одну, то въ другую щеку.

Авдотья Егоровна не сразу смиловалась.

— Нечего озорничать; отстаньте, точно маленькая; да лустите же, говорила она, жмурясь и разнимая руки Кати.

— Не лущу, пока вы не скажете что не сердитесь на меня. Право, душечка, я не хотѣла васъ обидѣть, я только удивилась.

— Удивилась?... Удивилась, такъ нечего было зубоскалить Не дурному чему учу...

— Няня, милая, вѣрю и благодарю васъ, сказала Катя весело,—только подумайте: какъ же это можетъ быть? черти замечутся и въ попыхахъ пристанутъ къ тому именно кто первый оградитъ себя отъ нихъ крестнымъ знаменіемъ? Что-то не такъ, милая; подумайте сами...

— Старики-то поумнѣе насъ съ вами были, да такъ учили, такъ такъ оно и есть, значитъ, сказала Авдотья Егоровна и

отвернулась къ окну. — Вотъ завернемъ сейчасъ, и пойдетъ Поварская, тутъ и нашъ домъ, сказала она чрезъ минуту, не оглядываясь на Катю.

Еще минута, и лошади, круто завернувъ, вдругъ остановились предъ запертыми воротами высокой желѣзной рѣшетки, ограждавшей съ улицы красивый двухъэтажный каменный домъ съ одноэтажнымъ флигелемъ по правую и садомъ по лѣвую сторону.

Авдотья Егоровна, которая смотрѣла въ окно, получивъ довольно сильный толчокъ, откинулась назадъ и съ удивленіемъ произнесла: Что же это такое? Неужто уѣхали?

Евсѣй Никитичъ живо слѣзъ съ козелъ.

Въ ту же почти минуту съ маленькаго подъѣзда флигеля сошелъ пожилой человѣкъ, не то дворникъ, не то садовникъ. Онъ шелъ торопливо, махалъ руками и что-то кричалъ, подходя къ воротамъ.

— Отчего у васъ ворота еще заперты? крикнулъ Евсѣй.— Вѣдь ужь скоро девять.

— Ждали господа, ждали васъ, и серчали, и безпокоились, говорилъ пожилой человѣкъ, не отвѣчая на вопросъ дворецкаго, а суетливо вкладывая ключъ и не попадая въ скважину,—и не дождавшись уѣхали. Вамъ, Евсѣй Никитичъ, приказано, какъ пріѣдете, не мѣшкая, ѣхать въ Затишье. Барыня гнѣвались и не дай Богъ!

— А развѣ я виноватъ что запоздали? сказалъ обиженнымъ тономъ Евсѣй Никитичъ.—Эти аспиды держатъ тебя безъ нужды по нѣсколько часовъ на станціяхъ. Просишь, просишь, словно истуканы каменные. Я что жь могу? Ужь я и подорожную, и почтамтскую бумагу показывалъ, все одно. „Нѣтъ лошадей“, а лошади по закутьямъ попрятаны. Лѣшій ихъ возьми!

Евсѣй Никитичъ съ досады плюнулъ.

— А обо мнѣ, Михеичъ, какое распоряженіе? спросила Авдотья Егоровна, вылѣзая изъ экипажа.

— И вамъ ѣхать словно говорили, отвѣчалъ нерѣшительно Михеичъ.

— Какъ ѣхать? Вѣдь барыня тогда говорили мнѣ здѣсь оставаться, а Агашѣ ѣхать.

— И Агашу взяли. Да вы бы вошли, Авдотья Егоровна. Тамъ лучше все скажутъ. Ѳедоту баринъ наказывалъ какъ чему быть.

Авдотья Егоровна, забывъ о Катѣ, пошла скорыми, мелкими шагами къ дому. Евсѣй Никитичъ и пожилой человѣкъ отворившій калитку, продолжая говорить, послѣдовали за ней.

Катя все время внимательно вслушивалась и всматривалась въ говорившихъ. Ей казалось что оба ея спутника были и смущены, и недовольны сюрпризомъ. Въ торопливыхъ шагахъ Авдотьи Егоровны и въ озабоченномъ видѣ съ которымъ Евсѣй Никитичъ, разспрашивая Михеича, шелъ по усыпанной краснымъ пескомъ широкой дорожкѣ, окружавшей овальную, сплошь засѣянную пестрыми тюльпанами, клумбу, красовавшуюся среди двора, Катѣ чувствовалось то безпокойство и разочарованіе которыя она сама испытывала. Она провожала уходившихъ глазами пока они скрылись за дверью.

Не обидно ли, подумала она. Вѣдь какъ на зло! И здѣсь не удается сдѣлать того что такъ хотѣлось. Да, Марина Ѳедоровна была права: „дѣлай не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ“ Отчего только всѣ другіе могутъ заранѣе и планы составлять и приводить ихъ въ исполненіе, а мнѣ стоитъ только задумать что-нибудь чтобы никогда, никогда не удалось. Надо мнѣ только всею душой пожелать чего-нибудь чтобы вышло совсѣмъ наоборотъ. Сколько лѣтъ, да... съ двадцать восьмаго года... Двадцать девятый, тридцатый, тридцать первый, тридцать второй, тридцать третій, тридцать четвертый, считала она по пальцамъ, — шесть лѣтъ. Почти шесть лѣтъ думала о томъ что въ день выпуска, непремѣнно, во что бы то ни стало, поѣду въ Крѣлость и у самой гробницы государыни помолюсь... и не удалось. Теперь думала Москву увидѣть, ея ламатники, святыни, и тоже... Онѣ говорили: „счастливица“. Что если и тамъ у нихъ, у этихъ Вадимовыхъ, и вообще въ жизни меня ждетъ такое же счастіе?.. Впрочемъ, правда, во многомъ до сихъ поръ я была счастлива какъ никто... Папа, мама, Александра Семеновна, Марина Ѳедоровна, она... Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ папа, мама, она, всѣ они которые составляли свое счастіе, всѣ они были причиной и страшнаго, непоправимаго горя... Да, въ самомъ важномъ — одно горе...

И предъ Катей сидѣвшею въ дорожномъ экипажѣ у запертыхъ воротъ дома Вадимовыхъ стали проноситься картины изъ ея дѣтской и институтской жизни. Ей живо представился послѣдній вечеръ проведенный съ отцомъ, его ласки, его разсказъ, потомъ наводненіе и томительная, безпокойная ночь,

похороны отца, болѣзнь матери, день поступленія въ институтъ, пребываніе въ лазаретѣ, подруги, участіе Марины Ѳедоровны, шалости Вари, первый при ней пріѣздъ императрицы Маріи Ѳедоровны. Она вспомнила ту радость и волненіе которыя при вѣсти о пріѣздѣ государыни охватили ее, точно также какъ и всѣхъ воспитанницъ, кромѣ двухъ наказанныхъ, одной безъ передника и одной маленькой съ приплетеною на спинѣ тетрадкой, вспомнила ихъ ужасъ, отчаяніе и мольбы о прощеніи, вспомнила какъ madame Адлеръ, съ раскраснѣвшимися щеками и особенно блестящими глазами, не совсѣмъ твердымъ голосомъ вызвала ее и Варю и подвела ихъ къ государынѣ, какъ государыня прикоснулась своею рукой въ перчаткѣ до ея подбородка, приподняла ея лицо и, посмотрѣвъ ей въ глаза, сказала: „cette enfant sera digne de son père", какъ при этихъ словахъ у ней, Кати, забилось сердце и захватило духъ отъ умиленія и благодарности, какъ ей хотѣлось и заплакать, и засмѣяться, и прильнуть губами къ рукѣ государыни, какъ она не посмѣла сдѣлать этого и какъ ей потомъ выговаривала за это maman. Конечно, maman думала что я безчувственная, что я не сумѣла оцѣнить, не сумѣла даже понять какъ милостиво было со стороны императрицы сказать именно такъ: „digne de son père"... Значитъ она считала нашего папу достойнымъ человѣкомъ. Дорогой папа! Онъ сумѣлъ бы оцѣнить ея ангельскія слова. Я тогда же готова была умереть за нее... Какъ потомъ всѣ въ институтѣ смотрѣли на нее, Катю, какъ на какую-то особенную, освященную, и какъ многіе завидовали ей. Да... Она была моимъ, нашимъ ангеломъ-хранителемъ... Еслибы не она, по какому-то внушенію свыше, Варѣ пришлось бы плохо... Она..

— Ну, матушка, извините, замѣшкалась, сказала Авдотья Егоровна отворивъ дверку и всовывая какой-то насилу пролѣзавшій тюкъ.—То да другое, и не видѣли какъ время ушло.

Катя вздрогнула. Она была такъ далека отъ настоящаго, такъ занята своими мыслями и воспоминаніями, что удивилась не менѣе Авдотьи Егоровны когда узнала что прошло уже столько времени.

— Вы плакали, голубушка? продолжала старушка, всматриваясь въ лицо дѣвушки.—Извините, милая. Признаться, я и не готовилась ѣхать въ Затишье. Барыня думали оставить меня при домѣ; вышло иначе; ну и пришлось мнѣ одно убрать,

другое захватить съ собой. Вотъ шубенку надо было достать про случай. Какъ знать, можетъ поздно возвращаться будемъ. Вы сердитесь? спросила она, ставъ на подножку и положивъ свою костлявую, покрытую крупными веснушками руку на плечо Кати.

— Что вы? За что сердиться? И не думала... Я даже не замѣтила... говорила Катя съ какимъ-то мягкимъ, особенно добрымъ выраженіемъ въ глазахъ и во всемъ лицѣ.

— Я васъ не позвала въ домъ, красавица моя, сказала Авдотья Егоровна, цѣлуя ее въ плечо,—потому что не къ чему, право. Что за радость новому человѣку входить въ опустѣлый домъ. Я и сама-то страсть этого не люблю. Поѣдемте, матушка, покушаете на первой станціи; теперь еще рано.

— Поѣдемте; я ѣсть не хочу, сказала Катя.

Евсѣй Никитичъ растолкалъ ямщика, который развалясь на козлахъ слалъ крѣпкимъ сномъ. Оба, и Евсѣй Никитичъ, и ямщикъ, ушли во дворъ и вернулись съ какими-то тюками. Добрыхъ полчаса укладывали они, увязывали и уминали новую поклажу, пока наконецъ уложили такъ что можно было сидѣть не совсѣмъ скорчившись.

Поѣхали опять изъ улицы въ улицу. На почтовомъ дворѣ перепрягли лошадей. Поскакала свѣжая тройка и скоро очутилась за Рогожскою заставой...

— Сколько времени мы будемъ еще ѣхать? спросила Катя Авдотью Егоровну, когда экипажъ тронулся.

— Теперь не долго. И сутокъ не проѣдемъ, отвѣчала Авдотья Егоровна.

И дѣйствительно, на слѣдующія сутки, около трехъ часовъ пополуночи, тарантасъ подъѣзжалъ къ Затишью, имѣнію Вадимовыхъ. Ночь была свѣтлая, ясная, теплая. Лошади спустились къ рѣкѣ и побѣжали по бревенчатому мосту черезъ узкую, мелкую рѣчонку. Экипажъ катился съ шумомъ и подпрыгивая.

— Эй-э-эхъ, голубчики, не выдай! крикнулъ ямщикъ, хлестнувъ коренного и завертѣвъ кнутомъ надъ головой; онъ приподнялся будто собираясь ударить съ розмаха по пристяжнымъ, но онѣ, не дожидаясь удара, дружно подхватили и, словно летя, понеслись въ гору. У Кати захватило духъ.

—Какъ чудно! сказала она съ восторгомъ, обернувшись къ старушкѣ.—Я еще никогда не ѣздила такъ шибко!

— Вотъ подождите, Софья Григорьевна васъ лихо покатаетъ, и ужь вотъ угодите вы ей если скажете что любите такую ѣзду. Баринъ сердится на нее и зачастую бранится. „Что ты? о трехъ головахъ что ли“? говоритъ, а барыня только посмѣивается и ничего,—не боится. Лихачку и не приведи Богъ взять маменькѣ съ собой. Авдотья Егоровна махнула рукой и неодобрительно продолжала:—Да и впрямь не дѣло; смолоду была сорви голова и горячка наша барыня. Она и верхомъ ѣздитъ, только товарищей нѣтъ. Самъ баринъ не ѣздитъ съ ней, не любитъ, и она все больше одна. То-то обрадуется теперь компаньонкѣ.

Авдотья Егоровна засмѣялась.

Катя не слушала ея. Она смотрѣла на дорогу, вслушивалась въ частый, ровный стукъ лошадиныхъ копытъ о сухую землю, въ заливавшійся колокольчикъ, въ ночную тишину и съ наслажденіемъ вдыхала чистый, свѣжій воздухъ.

Взобравшись на невысокую крутую горку, лошади побѣжали легкою рысцой по широкой аллеѣ и, постепенно замедляя бѣгъ, скоро пошли почти шагомъ. Раздался чей-то отрывистый повелительный мужской голосъ. Въ отвѣтъ ему, почти тотчасъ же послышался сонный, старческій, затѣмъ стукъ отдергиваемаго засова, скрипъ воротъ, и рѣзкій, короткій, будто испуганный лай или скорѣе визгъ собачонки, затѣмъ громкій, внушительный, отдаленный лай другой, третьей, четвертой собаки, слѣвшихъ со всѣхъ сторонъ на зовъ товарки; наконецъ оглушительный лай цѣлой своры разношерстыхъ четвероногихъ сторожей.

— Цыцъ! чего? Своихъ не узнали! крикнулъ сторожъ отворившій ворота, замахиваясь палкой на псовъ.

— Полканъ, Полкашка, Тулякъ, тпш! Эхъ дурни! крикнулъ Евсѣй Никитичъ, почмокивая губами.

Собаки, узнавъ голосъ, вдругъ перемѣнили сердитый, угрожающій лай на веселый, заискивающій и подпрыгивая съ визгомъ передъ козлами побѣжали то рядомъ съ экипажемъ или лошадьми, то забѣгая впередъ возвращались и почти висли на мордахъ лошадей.

Авдотья Егоровна забыла усталость и, живо передвигаясь, заглядывала то въ одно, то въ другое окно и весело говорила:

— Спятъ, всѣ спятъ, и Агаѳья вотъ еще не вставала, а она у насъ вѣдь ранняя пташка, пояснила она, взглянувъ на *Катю*.

— Это телятникъ, сказала она, показывая на длинное, низенькое строеніе подъ соломенною крышей.—Тамъ все ея, Агаѳьины-то, воспитанники! Это вотъ людская, видите, бѣлая тамъ. А-а-а! Колодезь новый. Это что?

Авдотья Егоровна высунулась черезъ Катю и прищуривъ глаза стала внимательно во что-то всматриваться.

Еще минута, и экипажъ, миновавъ широкое крыльцо барскаго дома съ двумя сидящими львами по сторонамъ, остановился у маленькаго крылечка. Евсѣй Никитичъ живо соскочилъ съ козелъ, подошелъ къ дверкѣ, отворилъ ее и, снявъ картузъ, сказалъ:—Съ пріѣздомъ, барышня, дай Богъ счастливо и долго оставаться.

— Спасибо, сказала Катя, съ благодарностью посмотрѣвъ на слугу, съ которымъ почти не сказала ни слова во время дороги.

Она стала торопливо оправляться и собирать свои разбросанныя вещи.

— Не безпокойтесь, матушка, все принесутъ, сказала Авдотья Егоровна.—Вылѣзайте, вылѣзайте, въ добрый часъ!

Катя вышла изъ кареты и нерѣшительно остановилась.

— Идите, идите, сказала старушка, вылѣзая вслѣдъ за ней. Да вы, матушка, не чуждайтесь, сказала она, похлопывая Катю по плечу.—Пойдемте, не о чемъ теперь задумываться, ляжьте, милая, хорошенько отдохните. Утро вечера мудренѣе.

Авдотья Егоровна вошла на крыльцо, поднялась нѣсколько ступенекъ, отворила дверь въ маленькую прихожую, черезъ которую прошла въ корридоръ и, поманивъ Катю, сказала:

— Сюда, сюда, вамъ теперь хорошенько уснуть надо. Завтра Софья Григорьевна сами вамъ комнату укажутъ, а теперь я васъ въ *гостейной* уложу; вамъ тутъ ближе всего ко мнѣ будетъ.

Она отворила одну изъ запертыхъ дверей.

— Это вотъ моя комнатка, сказала она указывая на противоположную дверь.—Подождите, я вамъ сейчасъ все устрою.

Старушка, не раздѣваясь, какъ была, въ дорожномъ платьѣ, стала хлопотливо осматривать комнату; она подошла къ кровати, къ умывальнику, попробовала заперта ли дверь въ сосѣднюю комнату, потомъ вышла и черезъ минуту вернулась съ бѣльемъ и ведромъ воды. Живо, привычными руками надѣла она чистыя наволочки на подушки, накрыла тюфякъ чистою простынею, положила стеганое бѣлое одѣяло съ

подметанною подъ него простыней, налила воды въ рукомойникъ, принесла дорожный мѣшокъ Кати и, прощаясь, сказала:

— Ну, теперь, кажется, все исправно. — Спокойной ночи, моя голубушка, пріятнаго вамъ сна на новосельѣ! Завтра дадутъ вамъ поспать подолже; ложитесь съ Богомъ, я и сама пойду.

— Прощайте, нянечка, спасибо вамъ, сказала Катя, провожая Авдотью Егоровну. Подойдя къ двери она обняла старушку и поцѣловала ее въ щеку.

— Ложись, моя хорошая, сказала Авдотья Егоровна, отвѣчая на ласку Кати,—ложись, Христосъ съ тобой, да не забудь, если что̀ понадобится, я здѣсь. Она указала на дверь своей комнаты.

Катя притворила свою дверь и съ любопытствомъ осмотрѣлась. Небольшая, довольно высокая, почти квадратная комната съ двумя окнами. Стѣны выкрашены сѣрою краской въ два тона, панель темнѣе верхней части; лѣпной работы потолокъ, крашеный лакированный полъ, наполовину закрытый темнозеленымъ съ сѣрыми разводами ковромъ, темнозеленыя саржевыя занавѣски съ длинными кистями на окнахъ и дверяхъ, туалетъ краснаго дерева съ овальнымъ въ рѣзной рамѣ зеркаломъ, небольшая конторка, нѣсколько креселъ съ деревянными спинками и мягкими сидѣньями, обитыми темнозеленою шерстяною матеріей, широкое вольтеровское кресло съ маленькимъ круглымъ столикомъ по одну сторону и низенькою табуреткой по другую и рѣзная, краснаго дерева кровать, съ высоко-взбитымъ пуховикомъ и подушками. Въ углу изразцовая печь наполовину накрытая высокимъ экраномъ со вставленною въ него картиной, вышитою шерстями и шелкомъ; картина представляла садъ, въ саду подъ тѣнью фантастическаго дерева красовалась зеленая скамейка, на скамейкѣ молодая барышня съ зачесанными кверху волосами, въ бѣломъ платьѣ съ розовымъ поясомъ и у ногъ ея молодой человѣкъ съ черными кудрями, въ башмакахъ, темно-голубыхъ чулкахъ и въ черной короткой мантіи.

На столикѣ у кресла лежалъ дорожный мѣшокъ Кати. Увидѣвъ его, она рѣшила что пора ложиться, подошла къ столику, открыла мѣшокъ, достала все необходимое и занялась своимъ туалетомъ. Расчесывая косу и безжалостно вырывая спутавшіеся волосы, она подумала о Варѣ, которая славилась своею легкою рукой и умѣньемъ причесывать и послѣдніе годы

всегда оказывала ей эту услугу. Отъ Вари мысли ея перешли къ матери. Она заплела свою косу и заложивъ руки на спину и крѣпко сжавъ ихъ, стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Гдѣ-то въ корридорѣ пробило четыре часа, половина пятаго, пять. Катя все ходила взадъ и впередъ. Ея красивое, молодое лицо было серіозно; на чистомъ, дѣвственномъ лбу рисовались непривычныя, легкія морщинки.

— Господи! дай мнѣ Ангела Хранителя вразумить, наставить и поддержать меня на пути назначенномъ Тобой, вдругъ вылилось изъ ея переполненной души. Она остановилась, подняла глаза къ образу и, ставъ на колѣни, тихо продолжала молиться.

Черезъ полчаса она лежала въ постели. Въ головѣ у ней шумѣло, каждая жилка билась отчетливо, ей казалось что она все еще ѣдетъ. Она ясно чувствовала качку экипажа, слышала звонъ колокольчика, топотъ лошадей и все то что въ продолженіе нѣсколькихъ дней убаюкивало ее, и подъ этотъ шумъ она, неожиданно для себя самой, уснула крѣпкимъ освѣжающимъ сномъ.

Въ восьмомъ часу утра Авдотья Егоровна заглянула къ Катѣ. Катя спала, а солнце освѣщало всю комнату и одинъ изъ лучей его весело игралъ на постели, на лицѣ, въ волосахъ Кати, касался стѣны, убѣгалъ и опять возвращался къ ней.

Старушка любовно посмотрѣла на дѣвушку и, подойдя на цыпочкахъ къ окну, осторожно спустила темносиню штору, потянулась, а лучъ продолжалъ играть на подушкѣ и въ волосахъ Кати. Старушка спустила другую стору, оправила чтобы не было щели и тихо, тихо вышла изъ комнаты.

II.

Авдотья Егоровна заглянула въ дѣвичью—всѣ спали. Подойдя къ дѣтской, она осторожно пріотворила дверь.

— Малаша, здравствуй! прошелтала она, просунувъ голову.

— Авдотья Егоровна!.. голубушка!.. Наконецъ-то! заговорила высокая, немолодая, худощавая женщина съ длиннымъ лицомъ и маленькими, какъ коринки, черными глазами, живо вставъ съ постели, на которой она, совсѣмъ одѣтая, сидѣла и вязала чулокъ.

Женщины обнялись, поцѣловались по русскому обычаю и сѣли рядомъ на постели Меланьи.

— Ну что, какъ вы тутъ поживаете? Что новаго? спросила Авдотья Егоровна шепотомъ.

— Новаго? повторила Меланья.—Чего, чего, а новостей у насъ не занимать стать. Что ни день, то новость. Всего и не упомнишь сразу. Чай слышали уже что Степаниду на скотный отправили? спросила она, приближая лицо свое къ лицу Авдотьи Егоровны.

— А-а-а! произнесла Авдотья Егоровна съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.—Степаниду? Какъ же такъ?

— Кто его знаетъ какъ. Позвали ее къ барынѣ; вышла она оттуда, лица на ней нѣтъ; сѣла за пяльцы, ни съ кѣмъ ни слова, а въ обѣдъ велѣли ей снять платье и башмаки, одѣть замасленую юлку и толстую рубаху и спровадили на скотный. Не ждала, не гадала она такой напасти.

Авдотья Егоровна покачала головой.

— А Максимку, продолжала Меланья еще тише,—повезли въ городъ въ солдаты сдавать.

— Ну, этому по дѣломъ,—непутевый съ измальства былъ, сказала старушка, махнувъ рукой.—Только Степаниду...

Она опять покачала головой,

— Кто жъ теперь замѣсто нея рисунки подбирать станетъ?

— Дашку Егрошкину изъ Несвятаго помнишь? мордастая такая, поясняла Меланья,—такъ она. Ловкая, говорятъ, дѣвка,—ничего что молода. Она, сказываютъ, шесть лѣтъ въ ученьи была и за выучку ея страсть что денегъ переплатили. За то и мастерица, сказываютъ.

— Посмотримъ, произнесла Авдотья Егоровна, и сжавъ губы и подперевъ рукой голову, она задумалась.

— Какъ пріѣхали сюда, все расправы, да расправы, продолжала Меланья.—Данилка наговариваетъ барину, Андревна мурчитъ барынѣ. Точно за приказаніемъ придетъ вечеромъ, а сама шепчетъ, шепчетъ. Всѣ такъ ужь и знаютъ, такъ и ждутъ, а на утро и стрясется надъ кѣмъ-нибудь бѣда нежданная...

Обѣ женщины сидѣли съ минуту молча и пригорюнившись.

— А самъ-то онъ, начала снова Меланья.—Воръ преестественный... докащика только на него нѣтъ... силу забралъ у барина, боятся его теперь всѣ... да авось, Богъ дастъ, не на долго...

Меланья тряхнула головой и, положивъ свою руку на руку Авдотьи Егоровны, она совсѣмъ близко пригнулась къ ней.

— Давно пора этому сулостату шею свернуть.

— Свернетъ ты!... сказала съ сомнѣніемъ и какъ бы съ укоризной Авдотья Егоровна и опять замолчала.

— Оленькѣ вчера косу отрѣзали и въ затрапезье нарядили, продолжала Меланья.—Ревьемъ реветъ дѣвка, глазъ не осушаетъ.

Авдотья Егоровна всплеснула руками.

— Оленька! почти крикнула она забывшись.

Оленька была ея крестница и любимица.

— Когда же это она? Съ кѣмъ? спросила она въ волненіи.

— Ивашка конторскій. Только она запирается.

— Чтобъ ему, окаянному, ни дна, ни покрышки! произнесла старушка со злобой.—Пойду посмотрю на нее сердечную, прибавила она тотчасъ же и, вставъ съ постели, направилась къ двери.

— Авдотья! Дотька! Няня! послышался вдругъ веселый, дѣтскій голосъ, и изъ-за бѣлаго кисейнаго полога высунулись сначала двѣ голыя, загорѣлыя ручки, потомъ растрепанная головка дѣвочки лѣтъ восьми, девяти на видъ.—Ты куда? Я слышу разговариваютъ и не думаю что это ты!

— Золотая ты моя! Красное мое солнышко! Свѣтикъ ты мой ясный! проговорила Авдотья Егоровна, вдругъ перемѣнивъ тонъ и выраженіе лица и весело подходя къ кроваткѣ.

Дѣвочка обхватила шею няни руками и, крѣпко прижимаясь къ ней, сказала:

— Здравствуй, Дотька. Какая ты гадкая! Малашу больше любишь чѣмъ меня. Цѣлый часъ съ ней сидишь шу-шу-шу, да шу-шу-шу, и не думаешь ко мнѣ подойти, а я-то тебя жду жду... Что жь привезла ты гувернантку? спросила она, отклонивъ отъ себя старушку и смотря ей въ лицо.

— Привезла, милая, привезла, и губернанку привезла, и любимыхъ вашихъ пряниковъ и лепешечекъ медовыхъ, всего привезла, говорила Авдотья Егоровна, цѣлуя руки, шею и ноги дѣвочки. — Постойте, матушка, я сейчасъ принесу. Я боялась подойти къ вамъ какъ бы, думаю, не разбудить васъ, моя красавица.

— А какая она, твоя гувернантка? Хорошенькая? Говори, Дотька, милая, да говори же скорѣе, какая ты право! Гдѣ она?

Дѣвочка была въ эту минуту видимо заинтересована только новою гувернанткой и въ нетерпѣніи тормошила Авдотью Егоровну и сама не давала этимъ ей говорить.

— Говори, а сами ротъ зажимаете, сказала Авдотья Егоровна и, отведя руки дѣвочки отъ своего лица, она стала цѣловать то одну, то другую теплую ручку.

— Ну, какая же она? Какъ наша Матильда или какъ Михневыхъ Бертале?..

— Что вы, Богъ съ ними, съ этими вашими нехристами. Нѣтъ, милая, эта вамъ больше всѣхъ понравится. Она и молодая, и красавица, и умница. Да вотъ увидите, скажете спасибо, а гостинчики я вамъ принесу сейчасъ.

Авдотья Егоровна высвободилась изъ объятій дѣвочки, торопливо вышла изъ комнаты и чрезъ нѣсколько минутъ вернулась съ порядочнымъ свертком въ рукахъ.

— Вотъ эти конфетки были совсѣмъ горяченькія, когда я ихъ для моей красавицы покупала, сказала она, развязывая свертокъ и вынимая пряники, — а лепешечки такъ просто таяли во рту. Покушайте, моя ненаглядная, только смотрите чтобы маменька какъ не провѣдали, сохрани Богъ. Онѣ меня со свѣту сживутъ, скажутъ: какъ смѣешь ничкать. Я ихъ лучше у себя спрячу, а вамъ какъ захочется полакомиться, вы и придете къ своей нянѣ.

Дѣвочка отломила кусокъ конфетки: „немножко крѣпко“, сказала она, откусывая сколько могли захватить ея зубы, „но ничего, вкусно“. И она стала ѣсть съ аппетитомъ здороваго, проголодавшагося ребенка, не переставая въ то же время разспрашивать няню о гувернанткѣ.

— Ужь скажете спасибо, милая, такая гувернанка что другой такой днемъ съ огнемъ не найдешь, хоть весь свѣтъ обойди, сказала Авдотья Григорьева. — Замѣсто старшей сестры вамъ будетъ. Веселая, добрая и какая красавица!

Она выставила губы впередъ и мотнула головой.

— Да, милая, красавица,—высокая, стройная, румяная, коса до полу, талья вотъ такая...

Авдотья Егоровна составила мизинцы и большіе пальцы другъ съ другомъ и показала небольшой кругъ.

— Полюбите вы ее, это вѣрно, только бы папенькѣ да маменькѣ она понравилась.

— А гдѣ она теперь? что дѣлаетъ? спросила дѣвочка, поднявъ личико и не переставая жевать.

— Спитъ голубушка какъ царевна въ той сказкѣ, помните? Бѣлая, румяная, начала Авдотья Егоровна тѣмъ мѣрнымъ, понижеинымъ голосомъ, какимъ она обыкновенно разказы-

вала сказки,—темная коса, какъ змѣя, съ подушки сползла и на полу кольцами вьется, а солнышко вокругъ нее такъ и играетъ, радуется на нее, то въ личико ей заглянетъ, то по бѣлымъ ручкамъ пробѣжитъ, то за изголовье спрячется.

— Пойдемъ къ ней, я хочу на нее посмотрѣть, сказала дѣвочка рѣшительно.

— Одѣвайтесь, милая, прежде. Какъ же такъ-то идти, сказала Авдотья Егоровна, покачавъ головой.

— Сейчасъ одѣнусь, сейчасъ; только ты смотри не уйди куда-нибудь, проговорила дѣвочка.—Постой-ка лучше, надѣвай чулокъ на твою любимицу, а я свою буду обувать. Кто скорѣе?

Дѣвочка живо схватила лежавшіе на стулѣ чулки и, подбросивъ одинъ изъ нихъ передъ Авдотьей Егоровной, стала торопливо, не расправивъ, надѣвать другой на ногу.

— А которая моя любимица? Я, милая, что-то ужь и не приломню, сказала Авдотья Егоровна, цѣлуя ноги дѣвочки и не давая ей обуваться.

— Правая моя, а твоя всегда была лѣвая, сказала дѣвочка, пряча лѣвую ногу подъ себя.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя! крикнула старушка, смѣясь и приподнимая упиравшуюся дѣвочку.—Такъ нельзя, милая. Какъ были маленькія и тогда-то вы были у-у какія хитрухи.

Въ дѣтской началась возня и сталъ ломинутно раздаваться веселый, серебристый, дѣтскій хохотъ, совершенно заглушавшій короткій, отрывистый смѣхъ и калускную воркотню старушки. Няня стаскивала надѣтый дѣвочкой на правую ногу чулокъ и старалась во что бы то ни стало обуть скорѣе лѣвую, дѣвочка отбивалась, выхватывала у няни или стаскивала чулокъ съ лѣвой ноги и какъ могла далеко отбрасывала его.

— Маменька идутъ! догадалась крикнуть Меланья.

Смѣхъ и возня мигомъ прекратились. Дѣвочка легла и, удерживаясь отъ смѣха, послѣпно натянула на себя одѣяло и стала прислушиваться, стараясь различить шаги за дверью, а Авдотья Егоровна, кое-какъ собравъ пряники, второпяхъ сунула ихъ вмѣстѣ съ разорванною бумагой и веревочкой подъ тюфякъ дѣвочкиной постели, пригладила рукой одѣяло, сдула крошки, оглядѣла все ли въ порядкѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, стала у кровати. Лицо ея было спокойно, степенно и подобострастно.

По корридору кто-то дѣйствительно проходилъ.

— Мимо прошли! сказала Меланья, махнувъ рукой вслѣдъ удалявшимся шагамъ и отходя отъ двери.—Одѣвайтесь, барышня, пора, погода отличная. Пожалуйте ножку, я васъ обую.

— Нѣтъ, пусть моя няня меня обуваетъ сегодня. Ты вѣдь не моя няня, сказала дѣвочка, сдѣлавъ гримаску и вскочивъ на ноги, она стала прыгать на постели и, вдругъ крѣпко обхвативъ шею Авдотьи Егоровны, лоджала ноги и повисла на ней.

— Полно, матушка, не шалите; маменька услышитъ, онѣ вернутся и мнѣ достанется, помните какъ тогда... Будемъ лучше смирнехонько, да скорехонько одѣваться, сказала Авдотья Егоровна, гладя дѣвочку по спинѣ и цѣлуя ея плечи. Одѣнемтесь и пойдемъ посмотрѣть что̀ дѣлаетъ новая гувернантка.

— Да, да, да, пойдемъ, а то ее позовутъ къ маменькѣ, и я ее увижу ужь тамъ, сказала дѣвочка, ложась и протягивая одну ногу Меланьѣ, другую нянѣ.

— Скорѣе, скорѣе, командовала она черезъ минуту, притопывая ногой.—Малаша, давай юпку, няня, застегивай лифъ, да не колайся, пожалуста. Умоюсь ужь потомъ, рѣшила она, застегивая на луговку кушакъ своего розоваго ситцеваго утренняго калотика и, схвативъ Авдотью Егоровну за руку, она, прыгая и таща ее за собой, выбѣжала изъ комнаты.

— Ну, куда? Вѣдь не знаете даже куда идти и чего торопиться? ворчала съ напускною досадой старушка, едва поспѣвая за дѣвочкой.

— А ты, говори куда; ну, Дотька, какая ты право! Будь паинька, не куражься, убѣждала дѣвочка, тряся и потягивая руку своей бывшей няни.

— Вонъ тамъ въ зеленой, да не егози такъ, разбудишь ее. Она, бѣдная, умаялась съ дороги.

Дѣвочка приложила палецъ къ губамъ и пошла на цыпочкахъ. У двери зеленой комнаты она остановилась, дала Авдотьѣ Егоровнѣ пройти первой и, не выпуская ея руки изъ своей, нерѣшительно пошла за ней. Войдя въ комнату, она вдругъ остановилась и потянула няню назадъ.

— Что-о? Александра Павловна, трусишь? шепнула Авдотья Егоровна, нагнувшись къ самому уху дѣвочки.

Дѣвочка сконфуженно посмотрѣла на нее.

— Неправда, сказала она, сдѣлавъ шагъ впередъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, матушка, ничего, она не страшная, *только* идите тихонько.

Авдотья Егоровна пошла впередъ. Дѣвочка шла рядомъ съ ней и, стараясь ступать неслышно, дѣлала большіе шаги, нагибалась всѣмъ корпусомъ впередъ и крѣпко сжимала руку старушки.

Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. Солнце смотрѣвшее черезъ синія сторы не освѣщало ее, но разливало ровный, мягкій бѣловатый, особенно пріятный для глазъ свѣтъ. Авдотья Егоровна остановилась у постели и выдвинула дѣвочку впередъ.

Лина приподнялась на цыпочки и съ серіознымъ, нахмуреннымъ лицомъ стала всматриваться въ спящую дѣвушку. Вдругъ она просіяла и, поднявъ улыбавшееся лицо на няню, прищурила глаза и одобрительно закивала ей.

Авдотья Егоровна погрозила пальцемъ и потянувъ ея руку, показала на дверь.

Лина опять закивала въ знакъ согласія, но вмѣсто того чтобъ уйти, она вдругъ, отпустивъ руку Авдотьи Егоровны, почти подбѣжала къ постели, приподнялась на носки и крѣпко поцѣловала свою новую гувернантку въ губы. Черезъ секунду, розсвая отъ волненія, она въ припрыжку выбѣжала изъ комнаты и остановившись за дверью, стала, напрягая слухъ и стараясь догадаться, что тамъ дѣлается.

Катя разбуженная поцѣлуемъ открыла глаза и къ удивленію своему увидѣла стоявшую передъ ней Авдотью Егоровну.

— Здравствуйте, матушка, какъ почивали? что во снѣ видѣли? спросила Авдотья Егоровна и, не дождавшись отвѣта отъ несовсѣмъ проснувшейся дѣвушки, старушка продолжала:—Ужь не взыщите, это васъ наша воструха разбудили. Пристаютъ—пусти, да пусти посмотрѣть какую привезла гувернанку, я ихъ привела, а онѣ чмокъ васъ въ губки и убѣжали.

— Напрасно убѣжала. Это было очень мило, это самая лучшая встрѣча какую можно было желать. Позовите ее, голубушка, сказала Катя, улыбаясь и садясь на постели. Какая должна быть добрая дѣвочка эта Лина, подумала она.

Лина, услышавъ голоса, заглянула въ комнату.

— Вонъ она, сказала Авдотья Егоровна, показывая на дверь пальцемъ.—Барышня, Александра Павловна! пожалуйте сюда, васъ мамзель хочетъ видѣть.

— Спасибо вамъ, дѣточка, за привѣтствіе, сказала Катя громко.—Дайте же и мнѣ васъ поцѣловать. Подите сюда.

Дѣвочка спряталась за дверью и стала, не шевелясь и *притаивъ дыханіе.*

Авдотья Егоровна, видя что она нейдетъ, пошла было къ двери, но Лина, заслышавъ ея шаги, бросилась опрометью по коридору.

— Потуда ее видѣли, сказала Авдотья Егоровна, махнувъ рукой.—Шалунья! Душа ребенокъ! добавила она, возвратясь къ кровати.

— Жаль что она ушла, сказала Катя.—Я бы очень хотѣла познакомиться съ ней первой.

— Да вы не вставайте, милая, проговорила Авдотья Егоровна.—Усните еще хоть полчасика, вѣдь рано. Господа выходятъ къ чаю только въ девять часовъ, а я сейчасъ скажу чтобы вамъ водицы принесли. У насъ вода холодная, ключевая. Если вамъ что понадобится, прикажите Глашкѣ, добавила Авдотья Егоровна, выходя изъ комнаты.

Когда черезъ нѣсколько минутъ горничная дѣвушка вошла съ водой для умыванья, Катя слала сномъ беззаботнаго ребенка.

—

— Ѳедька, барыня въ столовой? крикнулъ изъ сада лодный, средняго роста господинъ въ лѣткемъ, бѣломъ со свѣтлоголубыми полосками демикотоновомъ ловко сшитомъ костюмѣ и ярко красномъ, изъ легкой шелковой матеріи, небрежно завязанномъ большимъ бантомъ шарфѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, не изволили выходить, отвѣчалъ лакей убиравшій что-то на террасѣ.

— А самоваръ поданъ?

— Поданъ-съ.

— Такъ скажи Аннушкѣ чтобы доложила барынѣ что я прошу чаю.

Господинъ подошелъ къ лѣстницѣ террасы. Поставивъ ногу на первую ступеньку и снявъ съ головы фуражку, онъ отеръ носовымъ платкомъ лобъ, провелъ рукой по довольно длиннымъ, сильно серебрившимся волосамъ, и посмотрѣвъ вверхъ, крикнулъ вслѣдъ уходившему лакею:

— Да послать ко мнѣ Авдотью, слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣтилъ молодой, здоровый, круглолицый, расторопный лакей въ сѣрой съ серебряными луговицами куртке, въ башмакахъ, высокихъ чулкахъ, короткихъ панталонахъ и красномъ черными полосками жилетѣ.

— Барынъ, сказалъ онъ громкимъ шепотомъ, суетливо вбѣгая въ столовую,—Авдотью Егоровну требуютъ.

— Въ буфетѣ уже дожидается, сказалъ спокойнымъ голосомъ ложилой буфетчикъ, обходя столъ и поправляя, то-есть равняя стулья самымъ тщательнымъ образомъ.

— Ѳедька, остолопъ! скажи ты мнѣ на милость когда ты научишься дѣло дѣлать. Все-то у васъ криво, косо, не полюдски; не посмотри только за вами, черти! сказалъ буфетчикъ съ досадой.

— Wo ist das Land wo die Zitronen blühn, говорилъ речитативомъ Павелъ Михайловичъ Вадимовъ, медленно поднимаясь по лѣстницѣ.—Im dunklem Laub... А-а! а ты опять проспала сегодня; хороша, нечего сказать! Обѣщала съ отцомъ гулять и обманула, сказалъ онъ увидѣвъ Лину, которая сбѣгала по ступенькамъ лѣстницы ему на встрѣчу.

— Я... маленька... начала было Лина, поднося руку отца къ губамъ и цѣлуя ее.

— То-то маленька, передразнилъ ее Павелъ Михайловичъ.— Вотъ постой, пріѣхала теперь новая гувернантка, задастъ она тебѣ пфеферу, научитъ вставать съ пѣтухами.

— Не научитъ, сказала дѣвочка краснѣя и искоса посматривая на отца.

— Посмотримъ, сказалъ Павелъ Михайловичъ и тотчасъ же продолжалъ:—Dahin, dahin, möcht ich mit dir, o, mein geliebter ziehn... Тутъ Авдотья? спросилъ онъ войдя на террасу.

Ѳедька, мигомъ очутившійся подлѣ барина, отрапортовалъ что Авдотья давно дожидается и, принявъ отъ него шляпу и тросточку, подбѣжалъ къ настежь отпертой двери и неизвѣстно для чего сталъ придерживать рукой одну изъ ея половинокъ пока Павелъ Михайловичъ и Лина проходили.

— Пошли ее въ столовую. Лина, бѣги къ maman, скажи что уже десятый часъ, сказалъ Павелъ Михайловичъ, входя въ столовую.

Въ столовой, высокой, большой, съ рѣзными дубовыми стѣнами и широкими, настежь открытыми въ садъ, окнами, было прохладно. Прихотливо разставленныя въ кадкахъ роскошныя растенія образовали мѣстами уютные уголки, мѣстами красовались въ видѣ огромныхъ букетовъ, а множество разноцвѣтныхъ розановъ, геліотроповъ и резеды, артистически подобранныхъ и со вкусомъ расположенныхъ, оживляли картину и наполняли комнату благоуханіемъ.

Павелъ Михайловичъ сѣлъ за столъ на которомъ усердно кипѣлъ самоваръ и стояли только-что испеченные домашніе

хлѣбцы, крендельки и сухарики, возбуждавшіе своимъ свѣжимъ, теплымъ, „вкуснымъ", какъ говорятъ дѣти, запахомъ аппетитъ даже у неголоднаго человѣка, хрустальныя кружки съ молокомъ и сливками, фарфоровыя кадочки съ варенцомъ, простоквашей, мелко протертымъ творогомъ и всякими подходящими къ этимъ яствамъ приправами.

Буфетчикъ поставилъ предъ нимъ подносъ съ только-что привезенною нарочнымъ почтой, но Павелъ Михайловичъ не взглянулъ на подносъ, а удобно расположившись въ креслѣ, откинулся на спинку его и окинулъ взглядомъ столъ, цвѣты, прислугу, чинно стоявшую въ ожиданіи приказанія и казалось остался всѣмъ доволенъ.

— Я велѣлъ послать Авдотью, сказалъ онъ, ища глазами Ѳедьку. Въ эту самую минуту дверь изъ буфета осторожно отворилась и въ ней показалась Авдотья Егоровна. Старушка была очень ряшливо одѣта въ гладкое темное платье, черный фартукъ и бѣлый съ оборочками чепецъ, завязанный у подбородка. Она, отворивъ дверь, низко поклонилась, затѣмъ подошла къ рукѣ, которую Павелъ Михайловичъ протянулъ ей.

— Здравствуй, старая! сказалъ онъ ласково.—Гдѣ это вы запропастились? Я ужь думалъ не сбѣжала ли ты съ Евсѣемъ. Ну что̀, привезла ты гувернантку своей барышнѣ?

— Привезла, батюшка, сказала Авдотья Егоровна со спокойною серіозностью.

— Смотри, если плохую привезла, я тебя вмѣстѣ съ ней по этапу назадъ отправлю.

— Воля ваша, сказала Авдотья Егоровна серіозно.—Я везла ту которую дали.

— Да дали-то тебѣ хорошую?

— Не могу знать: по мнѣ всякая хороша.

— Вотъ и врешь! сказалъ Павелъ Михайловичъ.—А Бюффа, которую черезъ три дня выпроводили, была по-твоему тоже хороша?

— Бюфу одобрить нельзя, это точно, отвѣтила Авдотья Егоровна.

— Ну, а эту ты одобряешь?

— Почему же не одобрить? отвѣтила старушка уклончиво.

Лина, вернувшаяся съ отвѣтомъ матери, стояла у кресла отца и, не сморгнувъ, смотрѣла на свою няню.

Что жъ это съ Дотькой. Вѣдь она и правда хорошая. Мнѣ она совсѣмъ не такъ говорила о ней, подумала дѣвочка и, ставъ за спину отца, она покачала головой и чуть-чуть погрозила старушкѣ пальцемъ.

Авдотья Егоровна стояла, сложа на животѣ руки и склонивъ немного голову на бокъ. Она отлично видѣла укоризненное движеніе дѣвочки, но продолжала стоять спокойно и не сводя глазъ съ лица барина.

— Да на видъ она по крайней мѣрѣ какова? продолжалъ допрашивать Павелъ Михайловичъ.

— Ничего-съ, отвѣтила Авдотья Егоровна.

— Ничего-съ не отвѣтъ, что она харь? На тебя похожа? А?

— Не могу знать, сами изволите увидѣть.

— Тьфу ты! отъ тебя никогда толку не добьешься, сказалъ Павелъ Михайловичъ съ досадой.

— Quelle idée aussi de demander son opinion, сказала вошедшая Софья Григорьевна слегка недовольнымъ тономъ.— Отчего вы такъ долго ѣхали? спросила она Авдотью Егоровну, протягивая мужу красивую, бѣлую, со множествомъ колецъ на пальцахъ руку.

— Собирается куда-нибудь? спросилъ Павелъ Михайловичъ, поздоровавшись съ женой и оглядывая ее.

— А что? хорошо? спросила Софья Григорьевна, поправляя на тальѣ бантикъ.

— Великолѣпно! но...

Павелъ Михайловичъ хотѣлъ сказать „немножко молодо“, но не сказалъ, а повторилъ:—но... я спрашиваю, ты ѣдешь куда-нибудь?

— Можетъ-быть; я еще не рѣшила, сказала Софья Григорьевна, садясь и оправляя непослушныя складки своей юпки.

— Отчего вы такъ долго были въ дорогѣ? повторила она, обернувшись къ Авдотьѣ Егоровнѣ, которая стала за ея стуломъ въ ожиданіи когда ей можно будетъ подойти къ ручкѣ.

— Въ лошадяхъ вездѣ были задержки, сказала Авдотья Егоровна, нагибаясь и цѣлуя руку Софьи Григорьевны.— По часамъ на каждой станціи стояли. Ужь мы и Христомъ Богомъ молили, и говорили что гнѣваться господа будутъ, а имъ и дѣла нѣтъ, жди и все тутъ.

Авдотья Егоровна громко вздохнула, попятилась нѣсколько шаговъ, подперла лицо рукой и съ выраженіемъ покорности остановилась.

— А гдѣ ты помѣстила ее? спросила Софья Григорьевна старушку.

Авдотья Григорьевна объяснила гдѣ она помѣстила гувернантку и какими соображеніями руководствовалась помѣщая ее именно въ той комнатѣ.

— Хорошо, сходи же за ней и скажи что мы уже за чаемъ и провода ее сюда.

— Maman, могу я за ней пойти? спросила Лина, готовая при первомъ словѣ матери бѣжать.

— Reste tranquille! сказала Софья Григорьевна, нахмуривъ брови.—Пора тебѣ понимать, какъ себя вести; кажется ужь не маленькая. Такъ проводи ее сюда, повторила она, взглянувъ на Авдотью Егоровну.

Старушка вышла.

Катя была уже одѣта и въ волненіи ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая, какъ войти и что сказать monsieur и madame Вадимовымъ.

— Вотъ и прекрасно что вы ужь одѣты! Ахъ, красавица! сказала Авдотья Егоровна, разведя руками и останавливаясь предъ Катей.—Настоящая краля!

Старушка съ восторгомъ оглядѣла дѣвушку, одѣтую въ простенькое, гладкое суроваго батиста платье, перетянутое въ таліѣ одноцвѣтнымъ муаровымъ поясомъ. Неужто васъ Гляшка такъ причесала? спросила она, любуясь ею.

Катя была дѣйствительно хороша. Высокая, граціозная въ каждомъ движеніи, съ рѣдкимъ по нѣжности и прозрачности румянцемъ на лицѣ, съ роскошными не легко укладывавшимися на маленькой головѣ широкими косами блестящихъ волосъ, она не могла пройти не замѣченною. Въ этотъ же день ея всегда спокойные, вдумчивые глаза, казавшіеся особенно оживленными, и волненіе, которое она не могла побороть, придавали ей особенную красоту.

— Нѣтъ, я сама, сказала она, поправляя лежавшую довольно низко петлю,—только не держатся, ужь я кажется пятнадцать шпилекъ положила, все спускаются, противныя. Она достала изъ коробочки еще шпильку и подколола непослушную петлю. Я никогда не умѣла причесываться, сказала она, опуская руки.

— А я васъ не разбудила потомъ-то, теперь иду и думаю вы спите, а барыня васъ зовутъ, какъ быть?...

— Нѣтъ, сказала Катя, я послѣ васъ уснула какъ убитая, но только на минуту, и когда проснулась, почувствовала что совсѣмъ отдохнула.

— Ну, и слава Богу. Теперь пойдемте въ столовую. Тамъ господа ждутъ васъ чай пить.

Благослови Господи! произнесла Катя мысленно, поднявъ глаза на образъ и, слегка поблѣднѣвъ, сказала:—пойдемте.

Подходя къ столовой, Авдотья Егоровна остановила ее.

— Да, милая, постойте, я было и забыла вамъ сказать: вы смотрите не проговоритесь какъ-нибудь что Линочка была у васъ.

— Какъ? Отчего? спросила Катя съ неподдѣльнымъ удивленіемъ, останавливаясь и взглядывая въ лицо Авдотьи Егоровны.

— Отчего?... да оттого, милая что Александрѣ Павловнѣ у-ууу какъ за это достанется, а мнѣ ужь конечно не сдобровать. Линочка вотъ теперь хотѣла за вами бѣжать, такъ маменька такой окрикъ на нее задали что не приведи Богъ. Смотрите же, милая, не забудьте. Обмолвитесь, такихъ дѣлъ надѣлаете....

Авдотья Егоровна махнула рукой.

— Да какъ же, сказала Катя сконфуженно,—сама дѣвочка чаконецъ....

— Сама-то Линочка? Богъ съ вами, будьте покойны. Наша барышня не такая, она ангелъ, я вамъ говорила, она и виду никогда не подастъ....

Авдотья Егоровна отворила дверь въ столовую и пропустила Катю.

Катя была такъ смущена предостереженіемъ Авдотьи Егоровны и ея послѣдними словами что, войдя въ столовую, остановилась. Всѣ фразы которыя она обдумала и приготовилась сказать никуда теперь не годились. Она не могла ни дружески, какъ къ знакомой, подойти къ дѣвочкѣ, ни сказать родителямъ какъ она тронута лаской ихъ милой дочери, а для чего-то она должна была начать знакомство гадкою, вовсе не нужною, ложью. Она молчала, вполнѣ сознавая что ей надо что-нибудь сказать, но что? Какъ это глупо, и что можетъ быть тягостнѣе и непріятнѣе такого положенія, да и вообще что можетъ быть непріятнѣе первой встрѣчи съ людьми которымъ надо показаться не *дурой, и вдругъ такія* условія.

Павелъ Михайловичъ первый увидѣлъ Катю. Замѣтивъ ея смущеніе, онъ привсталъ съ своего мѣста и, слегка наклонивъ голову, весело проговорилъ:—Enfin vous voilà, mademoiselle, soyez la bienvenue. Vous vous faites joliment désirer.

— Я выѣхала въ день выпуска, отвѣтила по-французски Катя, краснѣя до корней волосъ.

— Prenez place, сказала коротко Софья Григорьевна, отвѣчая наклоненіемъ головы на поклонъ Кати и указывая ей на приготовленный для нея приборъ. Votre élève, прибавила она и, снявъ съ чайника салфетку, стала наливать чай.

Сердце Кати сжалось. Не такого пріема ждала она, не на такой падѣялась, не о такой встрѣчѣ мечтала послѣдніе дни. Но какъ ни тяжело ей было, она сознавала что не можетъ, не должна показать своего разочарованія и огорченія, сознавала что должна побѣдить себя, и изъ приличія сказать что-нибудь, но что? „Точно идіотка, точно я, въ самомъ дѣлѣ, никогда людей не видѣла,“ думала она, крѣпко сжимая свои руки.

— Дорога васъ вѣрно очень утомила, обратилась къ ней Софья Григорьевна.

— О, нѣтъ, напротивъ. Я такъ отлично отдохнула сегодня что готова снова проѣхать столько же, сказала Катя, обрадованная что можетъ наконецъ прекратить неловкое молчаніе.

— Вы когда именно выѣхали? спросила Софья Григорьевна.

Катя, отвѣчая Софьѣ Григорьевнѣ, чувствовала что почему-то краснѣетъ, сердилась за это на себя, старалась говорить какъ можно спокойнѣе и видимо волновалась.

— Лина, что же ты не поздороваешься со своею воспитательницей, съ mademoiselle Catherine? если не ошибаюсь, сказалъ Павелъ Михайловичъ, смотря на Катю,—Екатерина, а по батюшкѣ? спросилъ онъ.

Катя отвѣтила. При первыхъ словахъ отца, Лина покраснѣла, пагнулась надъ своею чашкой и, медленно потягивая молоко, стала болтать ногами, заплетать ихъ объ ножку стула и безпокойно посматривать то на отца, то на Катю.

„Бѣдная дѣвочка!“ подумала Катя. „Ее конечно мучитъ то что она должна почему-то скрывать самую простую, естественную и милую свою выходку. Хотѣла бы я знать, для чего это нужно старушкѣ.“

— Здравствуйте, дѣточка, сказала она, протягивая Линѣ руку.—Надѣюсь, мы будемъ друзьями. До сихъ поръ я, въ

этомъ отношеніи, была очень счастлива. У меня много, много маленькихъ друзей.

— Лина! сказалъ Павелъ Михайловичъ, смотря пристально на дочь.

Лина взглянула на Катю изподлобья и нерѣшительно положила свою руку въ ея.

— Я вамъ какъ-нибудь покажу что мнѣ написали и нарисовали на ламять мои маленькія друзья. Покажу вамъ и ихъ портреты. Тамъ есть одна головка очень похожая на васъ.

— Mademoiselle! Une des conditions, сказала Софья Григорьевна: jamais un mot de russe.

Она сдѣлала сильное удареніе на jamais и въ подтвержденіе провела по воздуху пальцемъ отъ своего лица въ пространство.

— Я постараюсь и, надѣюсь,—буду помнить ваше замѣчаніе, но еслибы когда-нибудь я обмолвилась, пожалуста не сочтите мою разсѣянность за невниманіе къ вашимъ словамъ, сказала Катя, краснѣя.

— Я бы предпочла чтобы ни обмолвокъ, ни разсѣянности не было, сказала Софья Григорьевна и тотчасъ же прибавила:—Хотите еще чаю?

Катя поблагодарила и отказалась.

— Готова ты, Лина? спросила мать.

Получивъ утвердительный отвѣтъ дочери, Софья Григорьевна обратилась къ Катѣ.

— Вы бы теперь шли погулять. Дома вы будете къ половинѣ втораго; мы обѣдаемъ въ два. Вещи ваши перенесутъ въ комнату Лины. Вы, конечно, помѣститесь съ ней. Когда вы устроитесь, я приду посмотрѣть на вашъ порядокъ.

Слава Богу! Кончилась пытка, подумала Катя, вставая изъ-за стола.

— Куда должны мы идти гулять? спросила она, обращаясь къ Софьѣ Григорьевнѣ.

— Куда хотите, все равно; не ходите только къ пруду, по дорогѣ къ мельницѣ. Впрочемъ Лина знаетъ куда; она вамъ покажетъ. Конечно, не отдаляйтесь слишкомъ отъ дома, чтобы быть на мѣстѣ вовремя. Какъ услышите звонокъ, спѣшите домой. Мы никогда никого не ждемъ.

Катя взяла Лину за руку и, поблагодаривъ Софью Григорьевну за чай, вышла изъ столовой.

— Возьмемте шляпы или зонтики. Вы вѣдь въ шляпѣ гуляете? спросила она дѣвочку,—и пойдемте гулять. Покажите мнѣ вашъ садъ, ваши любимыя прогулки. Покажете? Да?

Лина мотнула въ знакъ согласія головой и молча пошла рядомъ съ Катей, крѣпко держась за ея руку. Когда подошли къ зеленой комнатѣ, Катя хотѣла высвободить свою руку, Лина вдругъ бросилась ей на шею, крѣпко поцѣловала ее и скоро, скоро, не оглядываясь, пошла по коррридору впередъ.

— Что за странное дитя! подумала Катя, глядя ей вслѣдъ. Лина! крикнула она, куда же вы уходите? Вѣдь я къ вамъ дороги не найду. Подождите минутку, я только шляпу возьму.

Катя вбѣжала къ себѣ, наскоро достала изъ картонки большую, съ широкими полями шляпу итальянской соломы съ ярко красными лентами и, не поглядѣвъ въ зеркало, надѣла ее. Завязывая ленты на ходу, она почти бѣжала вслѣдъ за скрывшеюся на поворотѣ дѣвочкой.

Войдя изъ коррридора въ какую-то незнакомую ей комнату, она остановилась въ нерѣшимости.

Удивительное дитя, подумала она опять, оглядываясь во всѣ стороны.

— Я здѣсь! вдругъ услышала она въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.—Малаши нѣтъ, а я не могу достать шляпу, сказала Лина жалобнымъ голосомъ, стоя на порогѣ дѣтской комнаты.

Катя вошла въ дѣтскую, достала шляпу Лины, и черезъ нѣсколько минутъ новая гувернантка и ея маленькая воспитанница шли по саду, оживленно и дружески разговаривая.

— Пойдемте теперь туда. Вонъ на той полянкѣ бабочекъ много, говорила живо дѣвочка.—Mademoiselle тамъ поймала разъ вотъ такую...

Лина обернула ладонью руку и показала пальцемъ другой руки что бабочка равнялась ея кисти.

— Право... сказала она, поднявъ голову и заглядывая Катѣ въ лицо. Чудную!

— Parlez français, ma chère, напомнила ей Катя, трудно сказать который уже разъ во время прогулки.

— Ахъ! сказала дѣвочка съ гримаской нетерпѣнія.—Je ne sais pas comment dire; на рукѣ не укладывалась, je vous jure, Mademoiselle.

— Я вамъ вѣрю, дитя, для чего вы божитесь? сказала Катя, неодобрительно покачивая головой.

— Когда мы ее потомъ на булавку посадили, она билась, билась и такъ „громко“ вздрагивала. Вечеромъ мы о ней совсѣмъ забыли; сидимъ, Mademoiselle мнѣ читаетъ „*La Belle et la Bête*“, я вышиваю; тогда я готовила мамѣ скамейку подъ ноги, въ подарокъ къ сентябрю, къ ея именинамъ; вдругъ мы слышимъ фррр! фррр! Мы обѣ вздрогнули. Я говорю: вѣрно птичка влетѣла, а Mademoiselle говоритъ: это дурной знакъ, кто-нибудь въ домѣ умретъ навѣрное. Мы стали искать птичку, подошли къ столу, а тамъ бабочка такъ и шуршитъ. Она и на другой день все еще шевелилась.

— И вамъ не было жаль ее? Какъ это ужасно! Скажите, для чего вы это дѣлали?

— Для чего? спросила дѣвочка съ удивленіемъ. Какъ для чего? Мы съ Mademoiselle дѣлали une collection. Это очень весело. У меня, вы не видѣли? надъ столомъ deux grands cartons. На одной бабочки, почти все разныя, на другой жуки, букашки. Есть прелесть какіе.

— Для чего вы собирали эту коллекцію. Учились чему-нибудь?

— Нѣтъ, это послѣ уроковъ, когда мы гуляли, сказала наивно дѣвочка.

— И вы сами ихъ сажали на булавки? спросила Катя.

— Сама-а, еще бы! сказала Лина, поднявъ на гувернантку удивленное личико.

Катя выпустила руку дѣвочки изъ своей руки.

— Не можетъ быть! Вы только храбритесь. Не можетъ быть, чтобъ эти крошечныя руки занимались такою работой.

— Отчего? спросила дѣвочка смѣясь.

Катя ничего не отвѣтила и прогулка продолжалась нѣсколько минутъ въ молчаніи.—„Вотъ и разгадай ее, думала Катя. Въ первую минуту я была увѣрена что это дѣвочка съ чувствомъ, за чаемъ она показалась мнѣ такою бездушною дурочкой, потомъ въ коррридорѣ эти нѣжности, точно она поняла что вела себя не какъ слѣдуетъ и извинялась, теперь опять смѣется тому что бабочка долго мучилась... Дѣломъ занимали ее, нечего сказать...“

— Mademoiselle, не сердитесь, душечка, вдругъ сказала дѣвочка шепотомъ, обвивая рукой талію Кати и пряча на ея груди свое лицо. Не сердитесь, я больше никогда, никогда не буду. Даю вамъ честное слово.

— Я не сержусь, душенька, и не имѣю права сердиться. За что же? Мнѣ только очень жаль что есть маленькія дѣти которыя мучатъ животныхъ, и никогда не подумаютъ о томъ что всѣ эти крошечныя творенія тоже созданія Божіи, и что этимъ крошечнымъ созданіямъ такъ же больно какъ и имъ, маленькимъ дѣвочкамъ.

— Я вамъ говорю что больше не буду, повторила дѣвочка такъ рѣшительно и съ такою искренностію что Катя рѣшила: Нѣтъ, она положительно добрая, хорошая дѣвочка.

Лина водила Катю изъ аллеи въ аллею обширнаго, тѣнистаго сада. Показывала ей горки, бесѣдки, мостики, цвѣтники, свои любимые цвѣты на клумбахъ. Свела ее къ парникамъ, показала баню, показала гдѣ садовникъ складываетъ падалицы, объяснила что „въ капустѣ“ самыя вкусныя яблоки и разсказала какъ она, если ночью бываетъ сильный вѣтеръ, встаетъ рано, рано, когда всѣ еще спятъ и ходитъ съ няней въ капусту. „Мы тамъ цѣлый подолъ яблокъ наберемъ и принесемъ къ себѣ; самыя лучшія, самыя большія, чистыя, няня отберетъ мнѣ, а остальныя себѣ возьметъ.“

— Развѣ для того чтобы съѣсть хорошее яблоко надо непремѣнно встать до зари? спросила Катя, смѣясь.

Лина кивнула утвердительно головой.

— Еще бы! А то раньше насъ всѣ подберутъ. Яковъ самъ до нихъ, кажется, большой охотникъ. Разъ, въ прошломъ году, былъ такой страшный вѣтеръ что всѣ вѣтки на деревьяхъ трещали, няня и говоритъ: вотъ силу-то яблокъ намъ навалитъ, пойдемте завтра подбирать. Я говорю: пойдемъ. Она разбудила меня рано, рано; мы прибѣгаемъ: ни одного, какъ нарочно. Искали, искали—ни вотъ такого, сказала Лина, сдѣлавъ пальцами маленькій кружокъ.—Няня и говоритъ: лостой же, старый хрычъ, мы тебѣ отплатимъ. Посмотрите, матушка, въ эту сторону, какъ завидите что кто идетъ, крикнете, а сама осмотрѣлась, никого нѣтъ, она схватилась за вѣтку вотъ этой самой яблони и давай трясти. Яблоки такъ и посыпались. Мы набрали ихъ цѣлую кучу, бѣжимъ домой, а на дворѣ лала. Няня испугалась, взяла меня за руку и мы лобѣжали назадъ, да кругомъ, черезъ садъ въ людскую и домой. У меня потомъ долго, долго сердце билось такъ громко что няня даже испугалась.

— Такъ вы это тихонько встаете? Вамъ не позволено?

— Конечно, отвѣтила дѣвочка совершенно просто.

— Развѣ вамъ не даютъ яблокъ.

— Нѣтъ, даютъ. Мы съ папà ходимъ иногда утромъ передъ чаемъ и потомъ каждый день, когда онъ проснется послѣ обѣда. Онъ самъ снимаетъ для меня и для maman сливы, яблоки, груши, вишни, я собираю ягоды. Тогда можно ѣсть сколько хочешь, только въ комнаты брать ничего нельзя. А такъ вкусно ѣсть ихъ когда ляжешь въ постель или когда проснешься утромъ, сказала дѣвочка, прищурясь и заглядывая въ глаза Кати.

Катя только покачала головой, но ничего не сказала.

Да, думала она, со мной, совершенно ей чужою, она такъ проста, такъ откровенна, а со своими родителями, которые, по словамъ Авдотьи Егоровны, любятъ и балуютъ ее, она можетъ-быть скрытна, чтобы не сказать лжива. Что̀ этому причиной? Разспрашивать ее или говорить съ ней теперь объ этомъ не слѣдуетъ, рѣшила Катя: лучше со временемъ, когда она привыкнетъ ко мнѣ. Только можно ли будетъ измѣнить, исправить это? Кажется, тутъ главное вліяніе папы. Странно, вѣдь эта Авдотья Егоровна сама по себѣ такая хорошая, добрая, участливая женщина, и суда по ея словамъ, она всѣмъ имъ предана; а какъ она ужасно портитъ дитя которое она обожаетъ, это видно. Съ какою теплотой она говорила о ней тогда, въ дорогѣ... Удивительно только какъ они сами не видятъ этого?

— Вы слышали когда-нибудь эхо? спросила вдругъ Лина.

— Нѣтъ.

— Хотите послушать? Вотъ у насъ тамъ, Лина показала рукой въ даль,—если скажешь что-нибудь, засмѣешься или чихнешь, кто-то начинаетъ повторять и повторяетъ, повторяетъ. Разъ, вечеромъ, мы: я, Ина, Коко, ихъ гувернантка и мадмуазель, мы пришли туда и кричали разныя разности. Сначала намъ было смѣшно, а потомъ сдѣлалось такъ страшно что мы со всѣхъ ногъ домой бѣжали. Коко ночью, говорятъ, кричалъ ужасно и насплетничалъ объ этомъ своей maman; она пріѣхала къ намъ жаловаться; вышла такая исторія! Всѣмъ досталось. Хотите?

— Съ удовольствіемъ, сказала Катя.

— Такъ побѣжимте подъ горку, я вамъ покажу.

Лина взяла руку Кати и, прыгая предъ ней, стала тащить ее внизъ.

— Постойте, Лина, минутку. Посмотрите, какой отсюда прелестный видъ.

— Я ужь это тысячу разъ видѣла, сказала дѣвочка, не останавливаясь;—пойдемте лучше туда, а то ложалуй скоро домой позовутъ. Да смотрите, не скажите maman что мы тамъ были?

— Опять! Ахъ, душенька! И что̀ у васъ на все какъ прилѣвъ: „не говорите maman“. Отчего же не сказать?

— Оттого что намъ достанется. Maman не велитъ сюда ходить.

— Не велитъ? Такъ зачѣмъ же мы идемъ?

— Чтобы вамъ показать, какъ тамъ кто-то много, много разъ повторитъ каждое ваше слово, какое бы вы ни сказали, и такъ чисто, точно человѣкъ.

— Нѣтъ, Лина, сказала Катя,—мы туда пойдемъ въ другой разъ, когда ваша maman позволитъ, и знаете что̀ я вамъ скажу? Мы ужь начнемъ съ того что будемъ дѣлать только то что̀ лала и maman желаютъ, и постараемся какъ можно скорѣе забыть этотъ некрасивый прилѣвъ: „не скажите maman.“

Лина покраснѣла, нахмурилась и, сорвавъ какую-то травку, стала общипывать. Катя продолжала весело:—Ну, да объ этомъ послѣ; теперь скажите мнѣ, вы умѣете отличать рожь отъ пшеницы, ячмень отъ овса, ленъ отъ конопли?

— Еще бы! сказала коротко дѣвочка, не взглянувъ на Катю.

— Такъ, пожалуста, покажите мнѣ. Я вѣдь умѣю отличать только яблоки отъ грушъ, да и то не деревья, а только фрукты, и вишни отъ малины. Пойдемте въ поле. Туда можно? Вамъ maman позволяетъ?

— Можно, отвѣтила неохотно Лина.

— Ну, въ запуски, кто скорѣе? сказала весело Катя, дѣлая видъ что не замѣчаетъ неудовольствія дѣвочки.—Становитесь рядомъ.

Катя сама стала рядомъ съ Линой и взяла ее за руку.

— Посмотримъ, умѣете ли вы бѣгать. Ну, Лина, скорѣе. Разъ, два, три! крикнула она, захлопавъ въ ладоши и подавшись впередъ, будто собираясь бѣжать.

Лина, увлеченная Катей, побѣжала. На минуту Катя опередила ее, но Лина со смѣхомъ и визгомъ нагнала ее, удержала за платье, опередила и, отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, обернулась и крикнула задыхаясь: „я, я, я!“

— Посмотримъ! крикнула Катя, и въ одинъ мигъ перегнала дѣвочку, но тотчасъ же незамѣтно убавила скорость и

дала дѣвочкѣ прійти первою. Обѣ, и воспитательница, и воспитанница, раскраснѣвшіяся и запыхавшіяся, сѣли на траву.

— Я первая, сказала дѣвочка, обнимая своими горячими руками шею Кати и цѣлуя ее.

— Что жь дѣлать? Вы помоложе. Было время, сказала Катя, вздыхая и покачивая головой,—да, было время, когда и я очень скоро бѣгала, теперь состарѣлась.

Лина весело засмѣялась и, цѣлуя ее, сказала:

— Неправда, неправда, вы вовсе не старая. А знаете, еслибы мы тамъ засмѣялись такъ громко, вы бы услышали сколько людей засмѣялись бы еще громче, и еслибъ это было вечеромъ, вы бы тоже испугались, ларн держу.

— Бы-бы-бы, повторила Катя, передразнивая дѣвочку,—я бы пожалуй и попробовала, да и попробуемъ вмѣстѣ какъ-нибудь, если будетъ можно, добавила она смѣясь.

— А у васъ въ институтѣ бѣгаютъ въ запуски? спросила Лина.

— О, да! И еще какъ! И въ запуски бѣгаютъ, и скачутъ на веревочкѣ, перегоняя другъ друга, и въ жмурки играютъ, и въ четыре уголка, и въ коршуна, и въ разбойниковъ, пересчитывала Катя.

— Ого! Такъ у васъ должно-быть превесело!

— У васъ нѣтъ родныхъ или подругъ въ какомъ-нибудь институтѣ? спросила Катя.

— Нѣтъ.

— Такъ вы никогда ни въ одномъ институтѣ не бывали?

— Никогда, сказала дѣвочка, помотавъ головой.

— Когда вернемся въ Петербургъ, я свезу васъ въ „нашъ“ институтъ. Вы увидите сколько тамъ маленькихъ дѣвочекъ и познакомитесь съ ними.

— Меня не пустятъ, сказала дѣвочка, заглядывая Катѣ въ глаза и видимо желая увѣренія въ противномъ.

— Со мной пустятъ, я вамъ обѣщаю, только на одномъ условіи; впрочемъ, объ этомъ условіи я вамъ скажу послѣ, когда мы болѣе познакомимся. Теперь пойдемте въ поле гдѣ рожь посѣяна, сказала Катя вставая,—покажите мнѣ прежде рожь, потомъ пшеницу и овесъ.

— А вы мнѣ покажете какъ у васъ въ институтѣ въ разбойниковъ играютъ?

— Непремѣнно, первый же разъ какъ у васъ соберется достаточно дѣтей, сказала Катя. Такъ идемъ?

что входили черезъ другую дверь. — Лина, оставивъ Катю, подошла къ матери, сдѣлала реверансъ Лидіи Ивановнѣ и стала здороваться съ дѣвочками. Ихъ было четыре. Всѣ онѣ были глубокія брюнетки, всѣ на одно лицо и всѣ одинаково одѣты въ голубыя, лѣтнія платья и красныя камалейки вышитыя черными сутажемъ.

— Баринъ дома? спросила Софья Григорьевна Евсѣя, стоявшаго у двери.

— Идутъ-съ, отвѣтилъ Евсѣй, распахивая дверь на террасу и принимая отъ торопливо входившаго Павла Михайловича фуражку и тросточку.

— Mille pardons, mesdames, сказалъ Павелъ Михайловичъ, радушно здороваясь съ гостями и, кивнувъ женѣ головой, прибавилъ:—Я кажется первый разъ пользуюсь допускаемымъ quart d'heure de grâce. Милости просимъ, прибавилъ онъ, указывая на столъ и обводя всѣхъ глазами.

Дѣти засуетились. Каждой изъ нихъ хотѣлось занять мѣсто рядомъ съ маленькою хозяйкой, но Евсѣй, подойдя къ Катѣ, стоявшей въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, сказалъ:

— Возлѣ Александры Павловны, барышня, и отодвинувъ стулъ, онъ далъ ей пройти, потомъ, придвинувъ стулъ и приподнявъ младшаго, шестилѣтняго сына Черницкой, помогъ ему сѣсть на высокую подушку, приготовленную для него на дѣтскомъ креслѣ подлѣ матери.

— C'est votre nouvelle gouvernante? спросила довольно громко Дубово-Черницкая, слегка наклоняясь къ Софьѣ Григорьевнѣ и поворачивая къ ней свое полное, съ выдавшимися щеками, красноватое лицо, съ маленькими черными глазами, толстыми губами и широкимъ разрѣзомъ рта, такъ-называемаго до ушей, открывавшаго очень дурные зубы и вслухтія красныя десны,—Etes vous contente d'elle?

— Elle vient d'arriver, ma chère, отвѣчала Софья Григорьевна, разливавшая супъ.

— Dieu, quel port de reine! Право не къ лицу гувернанткѣ. Признаюсь, даже смѣшно, сказала Черницкая, саркастически улыбаясь и косясь на Катю, лицо которой вдругъ покрылось яркимъ румянцемъ. Должно-быть фффь какъ занята собою. Не мѣшало бы начать съ того чтобы пособить ей немного слѣси, продолжала она, почувствовавъ вдругъ какую-то необъяснимую антипатію къ молодой дѣвушкѣ.

— Elle nous est très bien recommandée, сказала Софья

Григорьевна тихо, и чтобы прекратить ея замѣчанія, тотчасъ же спросила мужа, гдѣ онъ былъ и что его задержало.

— Отгадай, сказалъ Павелъ Михайловичъ шутливо.

— Встрѣтился съ кѣмъ-нибудь и, по обыкновенію, заговорился, сказала Софья Григорьевна.

— Да, но съ кѣмъ?

— Не знаю и отказываюсь отгадывать. У меня сегодня голова болитъ.

— Жаль, личность очень интересная, въ особенности для тебя, а я не скажу кто.

— Я знаю, сказала Лина, нагнувъ голову на сторону и хитро прищурившись.

— Ахъ не знаешь, поддразнилъ ее Павелъ Михайловичъ.

— Знаю, Михинъ, который баню строилъ. Я видѣла какъ онъ съ вами сюда пришелъ, сказала дѣвочка, конфузясь и болтая ногами.

— Вотъ и имѣй послѣ этого секреты, сказалъ шутливо Павелъ Михайловичъ, громко засмѣявшись.—Ты вотъ за отцомъ подсматривать умѣешь, а не умѣешь видѣть что твоя наставница ничего не кушаетъ.

Катя, къ которой повернулись лица всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, вспыхнула.

— Я съѣла почти весь супъ, сказала она.

— А пирожка не тронули? Я вѣдь вижу.

— Mademoiselle, вмѣшалась Лидія Павловна, засмѣявшись и показавъ всѣ десны,—привыкла ѣсть съ супомъ черный хлѣбъ съ тараканами.

Черницкая сказала это, особенно отчеканивая каждый слогъ и самодовольно обводя глазами всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ.

Дѣти дружно захохотали.

Катя покраснѣла до ушей, растерянно взглянула на Софью Григорьевну и Павла Михайловича и нетвердымъ отъ волненія голосомъ сказала:

— Такого хлѣба я еще не пробовала.

— Ну, ужь позвольте вамъ не повѣрить. Всѣмъ извѣстно и de longue date, что васъ кормятъ хлѣбомъ и кашей съ тараканами. Сами барышни объ этомъ разказываютъ.

— Не знаю, кто можетъ это разказывать, но могу васъ увѣрить что это ложь.

— Нѣтъ, не ложь, сказала Черницкая задорно и возвышая голосъ,—не ложь и за доказательствомъ ходить не далеко.

Таничка Альбина, обратилась она къ Софьѣ Григорьевнѣ,— была у насъ вчера, и мы помирали со смѣху, слушая ея разсказы и анекдоты. Она показывала все свое начальство въ лицахъ. Quelle charmante personne et combien d'esprit!

— Я не знаю Альбиной, но думаю что это должна быть одна изъ тѣхъ личностей которыя легко забываютъ все хорошее: всѣ ласки, всѣ заботы о нихъ, всѣ радости которыя онѣ имѣли, и всегда будутъ помнить того злополучнаго таракана, волосъ или мочалку которые разъ, какъ-нибудь случайно, попали въ ихъ хлѣбъ, сказала Катя съ горячностью.

— Такъ видите, вы же сами сознаетесь что не только таракановъ, но волосы и мочалки ѣли въ хлѣбѣ, сказала Черницкая, смѣясь, — но почему-то не хотите чтобъ объ этомъ вспоминали.

— Не только не признаю этого, но повторяю что это ложь и говорю вмѣстѣ съ тѣмъ что подобная случайность, какъ тараканъ въ хлѣбѣ, возможна вездѣ, и въ заведеніи, гдѣ готовятъ на нѣсколько сотъ человѣкъ, и у васъ въ домѣ...

— Ну, ужь извините, за свой домъ я вамъ отвѣчаю.. Quelle insolence! сказала Черницкая, обернувшись къ Софьѣ Григорьевнѣ, и высоко поднявъ плечи, она изобразила удивленіе.

— То-есть, я хочу сказать во всякомъ частномъ домѣ, поспѣшила поправиться Катя. — Только зачѣмъ говорить объ исключительномъ случаѣ, какъ о дѣлѣ вседневномъ? Вѣдь это по меньшей мѣрѣ не честно.

— Скажите пожалуста, спросила вдругъ Черницкая, перегнувшись черезъ столъ и смотря въ лицо Кати, — вашъ батюшка былъ экономъ въ институтѣ?

Катя, не подозрѣвая въ вопросѣ скрытаго смысла, отвѣчала совершенно просто:

— Нѣтъ, никогда. Мой отецъ служилъ при графѣ У—ѣ. Его давно уже нѣтъ, съ двадцать четвертаго года.

Недовольная тѣмъ что ея острота пропала даромъ, Лидія Павловна поправилась на стулѣ, точно ей было неловко сидѣть, подалась грудью впередъ и, осклабясь, уже раскрыла ротъ чтобы сказать еще новую колкость, но Павелъ Михайловичъ, давно порывавшійся остановить ея нападки на Катю, спросилъ ее, правда ли что она покупаетъ Метьевскаго кучера, красавца Ѳому.

— Да, но... начала Лидія Павловна и, вдругъ взвизгнувъ, вскочила со стула.—Что ты дѣлаешь? крикнула она на сына, отряхая платье и поспѣшно вытирая его салфеткой.

Эдя, сидѣвшій рядомъ съ матерью, смотрѣлъ испуганно на тарелку, соскользнувшую ему въ колѣни и на сулъ лившійся съ его колѣнъ на полъ и на платье матери.

— Молодому человѣку рано еще сидѣть за большимъ столомъ, его надо въ дѣтскую, сказалъ недовольнымъ голосомъ Павелъ Михайловичъ.

Это маленькое происшествіе дало разговору другое направленіе. Лидія Павловна, разсердившаяся на сына и недовольная замѣчаніемъ Павла Михайловича, молчала или отвѣчала односложными словами на вопросы хозяевъ. Эдя косился на Павла Михайловича и робко посматривалъ на мать, ожидая ея прощенія и ласки. Дѣвочки, понижая голоса, о чемъ-то переговаривались. Катя была оставлена въ покоѣ. Она была смущена и ужасно недовольна собою.

Что я ей сдѣлала. Очевидно, она за что-нибудь сердится, вѣрно я сдѣлала какую-нибудь неловкость. Я не поклонилась ей отдѣльно, но... меня не представили ей, а общій поклонъ я сдѣлала войдя въ столовую, думала она, не слушая что говорилось вокругъ нее.

— Mademoiselle, вы непремѣнно возьмите пирожнаго; это самое вкусное, самое мое любимое изъ пирожныхъ. Только посмотрите, этотъ Эдя, посмотрите, что онъ дѣлаетъ, онъ намъ ничего не оставитъ, вотъ противный, шептала Лина, нагнувшись къ Катѣ.

— Хорошо, хорошо, непремѣнно возьму чтобъ узнать вашъ вкусъ, отвѣчала Катя, стараясь улыбнуться.

— Il faut avouer il n'y a que les Françaises, услышала она.— Какъ онѣ находчивы, умны, сколько въ нихъ игривости, какъ онѣ умѣютъ занять дѣтей, какъ умѣютъ всему придать жизнь. Онѣ не станутъ сидѣть сфинксами...

Опять мнѣ, подумала Катя: и что я ей сдѣлала?

Обѣдъ кончился. Взрослые остались пить кофе, а дѣти, и съ ними Катя, поблагодаривъ за обѣдъ, вышли на террасу.

Дѣти, сбившись въ кучку, заспорили о томъ во что играть. Одна изъ Черницкихъ, узколобая, съ китайскими глазками и широкими скулами, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, настаивала на томъ чтобъ играть въ „чумичку“, сестры соглашались, но Лина и Эдя громко протестовали, увѣряя что это самая глупая и не интересная игра, и что надо играть въ „разбойники“. „Въ разбойники! въ разбойники!“ кричалъ Эдя, зажимая себѣ уши „при первомъ словѣ которой-нибудь изъ сестеръ, или я совсѣмъ не играю“.

— Рѣшили играть въ „разбойники“, и дѣти предводимыя Линой обступили Катю.

— Mademoiselle, вы будете играть съ нами? Покажите намъ какъ играть въ разбойники. Пойдемте играть! Что же, вѣдь такъ скучно стоять! говорили они всѣ въ одно время. Душечка, вы обѣщали показать какъ играть въ разбойники, шептала Лина, вѣшаясь на шею Кати.

— Хорошо, хорошо, съ удовольствіемъ, только васъ не достаточно, говорила Катя.

Чтобы пополнить недостатокъ играющихъ, позвали изъ дѣвичьей нѣсколькихъ дѣвушекъ, и шумная, веселая игра началась. Дѣти играли съ такимъ увлеченіемъ, веселье ихъ было такъ искренно, смѣхъ такъ заразителенъ, выраженіе удовольствія и благодарности Лины такъ задушевны, что гнетущее чувство съ которымъ Катя вышла изо-за стола мало-по-малу разсѣялось, и она, дѣлая видъ что сама принимаетъ живое участіе въ игрѣ, поддерживала въ дѣтяхъ необыкновенное оживленіе.

Наступило время ужина, а дѣти и слышать не хотѣли о прекращеніи игры, и только когда послѣ третьяго появленія лакея пришелъ самъ Евсѣй и объявилъ что маленька и маменька гнѣваются и приказываютъ идти кушать, Лина, а за ней и гости рѣшились идти въ столовую, гдѣ между ними начались разборки, споры, смѣхъ и хвастовство однѣхъ передъ другими.

Усаживаясь въ коляску, всѣ Черницкіе единодушно объявили матери что такъ весело имъ еще никогда не было. Лина провожавшая гостей шептала Катѣ, прижимаясь къ ней: —merci, душечка. Вотъ чудно то было! Какъ жаль что день кончился. Онѣ всѣ мнѣ теперь завидуютъ. Вава говоритъ: какая твоя гувернантка прелесть, а у нихъ.... Лина сморщилась, вытянула губки и покачивая отрицательно головой сказала: —заѣцая, онѣ ее терпѣть не могутъ...

— Bonne nuit, ma chère, сказала Софья Григорьевна Катѣ подошедшей съ Линой чтобы проститься. Она взглянула на Катю изъ-за книги которую читала лежа на диванѣ.—Очень жаль что вамъ не удалось сегодня устроиться, сказала она.— Разберите ваши вещи завтра пораньше. Если вамъ что-нибудь понадобится, пошлите за Авдотьей, она вамъ и поможетъ и покажетъ какъ лучше и удобнѣе расположиться. Лина должна вставать въ шесть часовъ, не забудьте пожалуста чтобъ она была готова къ прогулкѣ отца. Вы не проспите;

надѣюсь вѣдь вамъ не привыкать вставать въ шесть часовъ. Прощайте. Пала вышелъ погулять, ложись, сказала она цѣлуя дочь,—да смотри не проспи завтра. Кстати, ma chère, обратилась она къ Катѣ,—вы читать любите.

— Очень, отвѣтила Катя.

— И можете читать вслухъ? По-французски? Не скоро устаете?

— О нѣтъ! Я съ дѣтства привыкла читать по нѣсколько часовъ сряду.

— Вотъ и прекрасно. Я васъ попрошу какъ-нибудь почитать мнѣ. Теперь уходите, пора. Лина совсѣмъ слитъ.

— Неправда, я не сплю, и даже не хочу спать, сказала въ полголоса Лина, кладя свое лицо на Катину руку за которую она держалась своими обѣими.—Пойдемте душечка, чего мы тутъ стоимъ, шептала она, нетерпѣливо подергивая Катю.—Могу ли пособить вамъ разбираться? Спросила она, тотчасъ же по выходѣ изъ комнаты, ласкаясь къ Катѣ и заглядывая ей въ глаза.

— Спасибо; но послушайте, Лина, какъ это вы сказали на замѣчаніе вашей maman: неправда, развѣ ваша maman можетъ говорить неправду?

Катя покачала укоризненно головой.

Лина подняла на нее свое удивленное лицо.

— Конечно неправда, когда я и не „думаю“ хотѣть спать.

Катя вздохнула и не сказавъ болѣе ни слова дошла до дѣтской, гдѣ Меланья готовила постель Лины.

— Подушки и постельное бѣлье есть у васъ? спросила Меланья обернувшись къ Катѣ,—или барскія положить?

— Подушки мои были въ каретѣ, а бѣлье не далеко, въ дорожномъ мѣшкѣ, тамъ... Я сейчасъ достану, сказала Катя, увидѣвъ что вещи ея составлены въ углу комнаты.

— Какъ достанете, я постелю, сказала Меланья недовольнымъ тономъ, и, подойдя къ Линѣ, стала молча растегивать ея платье.

— Будете вы разбирать свои вещи теперь? спросила Лина.

— Нѣтъ, не буду. Мы ихъ завтра вмѣстѣ разберемъ.

— Правда? Вы меня не обманете?

— Я никогда не обманываю, сказала Катя какимъ-то улавшимъ голосомъ.—Ложитесь, душенька.

Пока Меланья раздѣвала, разувала и укладывала Лину, Катя стояла у ея постели.

— Mademoiselle, сдѣлаете вы о чемъ я васъ попрошу? спросила Лина.

— Если это возможно, съ удовольствіемъ, отвѣтила Катя.

— Говорите мнѣ *ты*.

— Хорошо, а вы не называйте меня Mademoiselle, а Catherine, Катерина Дмитріевна, какъ хотите.

— Катерина Дмитріевна. Хорошо, сказала дѣвочка и, выскочивъ изъ-подъ одѣяла, подбѣжала къ подножію своей кровати, обхватила шею Кати и, пригнувшись къ ея уху, прошептала:—Я васъ буду очень, очень любить, Катерина Дмитріевна; только скажите, зачѣмъ вы такая скучная теперь.

Катя крѣпко поцѣловала дѣвочку въ обѣ щеки, уложила ее и, прикрывъ одѣяломъ, отошла къ своей, еще не сдѣланной постели, предъ которой, глядя въ пространство, стояла Меланья со сложенными на груди руками и пасмурнымъ, сердитымъ лицомъ.

Катя торопливо открыла дорожный мѣшокъ, достала простыни и наволочки, подала ихъ Меланьѣ и, видя что женщина не желаетъ говорить съ ней, отошла къ стоявшему у окна столику. Меланья сдѣлала постель и, не сказавъ ни слова, вышла изъ комнаты. Катя сѣла у стола, положивъ на него локти и опустивъ въ руки лицо, долго сидѣла, крѣпко сжимая ими виски. Вдругъ она беззвучно и горько зарыдала...

III.

27 іюня 1834 года.

„Дорогіе мои мама, Александра Семеновна, Андрей Петровичъ,—Вы меня браните, я знаю, но знаю тоже что главнымъ образомъ вы сильно обо мнѣ безпокоитесь. Перваго я не заслуживаю, потому что, пріѣхавъ въ Москву только на седьмыя сутки, вмѣсто четвертыхъ, и не заставъ Вадимовыхъ, уѣхавшихъ наканунѣ, мы получили приказаніе, не останавливаясь, ѣхать въ имѣніе monsieur Вадимова, куда добрались еще черезъ сутки. Не написала вамъ тотчасъ же по пріѣздѣ потому что, пріѣхавъ ночью, я никого не видѣла, слѣдовательно ничего не могла сообщить вамъ, кромѣ того что пріѣхала благополучно. Думала что напишу вамъ послѣ свиданія, въ первый же вечеръ, но... но помня правило Марины Ѳедоровны: не поддавайся первому влеченію не написала. Не стану писать и сегодня, отложу еще на нѣсколько

дней описаніе моихъ впечатлѣній въ Затишьѣ, пока осмотрюсь. Теперь же спѣшу только сказать вамъ что я на мѣстѣ и совершенно здорова. Варю прошу, когда будетъ въ институтѣ, передать Маринѣ Ѳедоровнѣ что ей я буду писать когда справлюсь съ собой и разберусь въ массѣ тѣхъ разнородныхъ мыслей которыя, вдругъ нахлынувъ, затуманили мою голову. Пожалуста, не ищите въ моемъ глупомъ письмѣ поводовъ къ безпокойству. Увѣряю васъ что я совершенно здорова, даже нисколько не утомилась въ дорогѣ. Здѣсь же я нашла волшебный замокъ, роскошный садъ, прекрасныя прогулки, и всѣ тѣ удобства которыя можетъ дать только большое, большое богатство. Напишите мнѣ поскорѣе. Мнѣ такъ необходимо, если не увидѣть васъ, то хотя узнать о васъ, моихъ родныхъ, отъ васъ самихъ, чтобы согрѣть душу и получить душевное спокойствіе, безъ котораго жизнь невозможна. Варя и Лёва напишутъ мнѣ тоже, надѣюсь. Благословите меня, дорогіе мои.

„Катя С.“

* губ. * уѣзда.
Затишье.

Катя написала это письмо рано утромъ на третій день своего пребыванія въ Затишьѣ, но прошла и вторая недѣля со дня ея пріѣзда въ имѣніе Вадимовыхъ, а тяжелое чувство, одолѣвшее ее къ концу перваго дня, не уменьшалось, несмотря на то что привязанность ея къ маленькой воспитанницѣ росла съ каждымъ днемъ. Лина, со своей стороны, полюбила свою „новую гувернантку“ съ необыкновенною страстностью. Она слушалась ее, запоминала каждое ея слово, ласкалась къ ней, не отходила отъ нея и не отпускала ее отъ себя ни на шагъ, разсказывала ей всѣ свои прошлыя маленькія шалости, столкновенія съ гувернантками, ссоры съ няней и, не стѣсняясь, осуждала своихъ родителей.

— Папа скажетъ то такъ, то здакъ; его никогда не поймешь, никогда не знаешь что̀ дѣлать, ворчала она съ досадой, когда на второй день пріѣзда Кати, вставъ въ шесть часовъ, она вмѣстѣ съ ней, придя торжественно къ кабинету отца, узнала отъ стараго камердинера что папенька приказали идти гулять безъ нихъ, они не выйдутъ сегодня, а велѣли заложить Бураго и ѣдутъ куда-то послѣ чая.

— Ли-ина! остановила ее Катя,—какъ можешь ты такъ говорить? У твоего папа могутъ быть дѣла которыхъ онъ ни для какой прогулки отложить не можетъ.

— Дѣла! У него всегда дѣла! А еслибъ я не пришла, и онъ, и maman непремѣнно бранили бы и меня и васъ. Это ужь всегда такъ! Maman сердится, сама не зная чего! говорила она другой разъ, выходя отъ матери съ заплаканными глазами.—Она сама велѣла отдать Даниловой Аксюткѣ мое голубое платье, которое было залито виномъ, а теперь сердится, говоритъ: „попробуй другой разъ распоряжаться чѣмъ-нибудь не спросясь!“ Я и не думала распоряжаться и никогда не отдала бы его Аксюткѣ, потому что ея отецъ воръ и слѣтникъ.

— Лина! Лина! сказала только Катя, но вѣрно лицо ея выразило болѣе, такъ какъ дѣвочка бросилась къ ней на шею и, цѣлуя ее, прошептала:—Простите, ну, простите, я вамъ никогда больше ничего не скажу.

„Это ужасно. И отчего могутъ происходить такія странныя отношенія между добрымъ, ласковымъ, готовымъ броситься на шею каждому мало-мальски доброму существу, ребенкомъ и родителями которые несомнѣнно любятъ его, добры къ нему, ласковы и кажется не обижаютъ его, по крайней мѣрѣ, сколько я могу судить“, думала Катя. „Какъ тутъ быть? Поговорить съ madame Вадимовой? Но какъ скажешь? и когда? Все гости, гости, или ихъ самихъ дома нѣтъ, а за обѣдомъ и за чаемъ Софья Григорьевна какъ-то вовсе и не замѣчаетъ меня. Оставить такъ?... Какое же это будетъ воспитаніе?“

Такія мысли осаждали Катю послѣ каждой вспышки дѣвочки, послѣ каждой ея выходки или разказа. Катя думала, передумывала какъ ей взяться за дѣло, что̀ дѣлать, на чемъ остановиться, и не находила отвѣта.

— Ляжемъ скорѣе, дружечекъ, я ногъ подъ собой не чувствую, сказала она разъ, бросаясь въ кресло у постели Лины. — Воображаю, какъ ты должна устать!

— Завтра поспимъ подольше, ничего, отвѣчала дѣвочка,— а какъ мнѣ Володя ногу ушибъ. Знаете, я думаю синякъ будетъ, продолжала она, ставя ногу на стулъ и потирая коленку.

— Ничего, матушка, пройдетъ, до свадьбы заживетъ, сказала Меланья, нагибаясь и цѣлуя коленку Лины.

— Заживетъ-то заживетъ, а смотри, синякъ будетъ навѣрное. За то, какъ ему потомъ досталось. Онъ загналъ насъ въ лѣсокъ. Деревья тамъ такъ близко другъ къ другу стоятъ. Я бѣгу, слышу онъ за мной. Я бросилась въ самую гущу, *схватила* вѣтку, подняла ее, пробѣжала, да какъ опущу ее, *а она со* всего розмаха ему по лицу.

Лина залилась такимъ звонкимъ, веселымъ смѣхомъ что Катя не могла не улыбнуться, а Меланья, схвативъ ее на руки, стала цѣловать.

— Раздѣвайте ее скорѣе, душенька, сказала Катя усталымъ голосомъ,—право пора.

Лина тотчасъ же замолкла и, тороля Меланью, стала сама раздѣваться. Черезъ десять минутъ она, уже одѣтая на ночь и умытая, стояла съ Катей передъ кіотомъ и громко, отчетливо читала молитвы.

Отпустивъ Меланью и простившись съ дѣвочкой, Катя стала послѣдно укладываться. Добравшись до подушки, она уснула крѣпкимъ, сладкимъ сномъ. Вдругъ ее разбудилъ шорохъ въ комнатѣ. Она послѣдно сѣла на постель, и думая что Линѣ что-нибудь понадобилось, хотѣла уже окликнуть ее, какъ вдругъ ея слуха коснулся явственный звукъ ложки о глиняную посуду, чавканье и сдержанный смѣхъ.

Катя прислушалась.

— Не шалите, матушка, кушайте скорѣе, неравно маменька зайдутъ, шептала, какъ показалось Катѣ, Авдотья Егоровна.

— Ну, вотъ еще! Не зайдетъ! отвѣчала Лина такъ же шепотомъ.

Раздался звонкій щелокъ, точно чѣмъ-нибудь твердымъ ударили по тѣсту, затѣмъ послышался загалушаемый смѣхъ.

— Лина, что ты дѣлаешь? спросила Катя громко.

— Ѣмъ. Хотите? Чудесно! сказала Лина, высовываясь изъза пологá.

— Что ты ѣшь?

— Попробуйте. Вы никогда еще не ѣли такой прелести.— Дотька, подай Катеринѣ Дмитріевнѣ.

— Ахъ ты шалунка! сказала Авдотья Егоровна, вставая съ постели дѣвочки и показываясь изъ-за слущеннаго пологá съ небольшимъ котелкомъ и серебряною ложкой въ рукахъ.

— Попробуйте, матушка, можетъ понравится. Нашу Александру Павловну ничѣмъ не корми, давай только нянина пирожнаго, сказала она, подходя къ Катѣ, повидимому ни мало не сконфуженная.

— Благодарю васъ, я ужинала, совершенно сыта и въ постели никогда не ѣмъ, отвѣчала Катя.

— Только попробуйте, утѣшьте дитя; что вамъ трудно что *ли, матушка. Не* поганое, не бойтесь. Это липовый медъ,

яблочки чистенькія, отборныя, и ржаной хлѣбъ, стертые вмѣстѣ и залеченые въ духовой.

— Катерина Дмитріевна, goutez, c'est bon, bon, bon! Пальчики оближете, заговорила Лина.—У насъ никогда не бываетъ такого вкуснаго пирожнаго.

— Лина, ваша maman знаетъ что̀ вы дѣлаете или тоже: не говорите maman? спросила Катя по-французски.

Лина потупилась и ничего не отвѣтила. Авдотья Егоровна, поймавъ слово „maman", сообразила что Катя собирается жаловаться матери.

— Нѣтъ, милая, Катерина Дмитріевна шутитъ, не станетъ она маменьку всякими дрязгами безпокоить, начала успокоительно старушка.—Что ей за радость, если мою красавицу накажутъ, а мнѣ, старухѣ, запретятъ къ моей ненаглядной въ комнату ходить. Катерина Дмитріевна, матушка, неужто вы такъ-таки и пойдете на насъ жаловаться? сказала она потомъ.

— Что вы, няня, какія жалобы!.. Только, милая... начала Катя.

Авдотья Егоровна не дала ей договорить.

— Ну, вотъ видите же, я говорю что не похоже это на нашу Катерину Дмитріевну, сказала она.—Не станетъ она такимъ ехидствомъ заниматься. Что̀ ей? Жаль что ли чужаго добра? Было бы дитяти пріятно.

— Нѣтъ, милая, сказала Катя серіозно. — Пожалуста, я васъ прошу чтобъ этого никогда больше не было. Лина сыта, она отлично поужинала и въ постели ѣсть не должно, потому-что это и безпорядочно, и нездорово, и даже грѣшно.

— Ну, вотъ еще! проворчала Авдотья Егоровна, нахмурившись.—Чего, чего только не придумаютъ, грѣшно! Грѣшно младенцу кушать когда ему кушать хочется.

— Кушать ей не хочется, остановила Катя Авдотью Егоровну.—Это только баловство, милая. Вы сама знаете. А грѣшно это потому что она дѣлаетъ это тихонько отъ отца и матери, которые для ея же пользы никогда не позволятъ ей этого.

— Ну, милая, что̀ они въ ребенкѣ-то смыслятъ! произнесла Авдотья Егоровна съ особенною интонаціей.—Не ихнее это и дѣло, по истинѣ сказать. Я вамъ скажу, продолжала она чрезъ минуту,—не первато, слава Богу, няньчила: сытому ребенку и слится лучше. А Богу помолится и еще разъ, не

худое дѣло. Перекреститесь, матушка, сказала она, возвращаясь къ Линѣ, и, подойдя къ кроваткѣ, шепнула въ самое ухо дѣвочки:—лопотчуй ее!

Лина покачала отрицательно головой.—Уходи, сказала она отрывисто.—Я спать хочу.—И повернувъ къ Авдотьѣ Егоровнѣ свое нахмуренное личико, она повторила съ гримаской нетерлѣнія: — Уходи! Слышишь, уходи, закрылась одѣяломъ и повернулась къ нянѣ спиной.

— Все какъ бы только ребенка разстроить! проворчала старушка, махнувъ съ досады рукой и, не скрывая своего неудовольствія, медленно пошла изъ комнаты.

— Авдотья Егоровна! окликнула Катя уже переступавшую порогъ старушку.

Авдотья Егоровна остановилась и молча повернула голову.

— Голубушка, я бы никакъ не хотѣла обидѣть васъ... Подождите... Подите сюда, проговорила Катя.

— Что тамъ? Обидѣть? Не привыкать къ обидамъ-то! проговорила Авдотья Егоровна, не двигаясь съ мѣста.

— Подите сюда, милая, пожалуста. Мнѣ очень, очень надо съ вами поговорить, продолжала Катя съ волненіемъ.

— До разговоровъ ли теперь, матушка. Уже ночь, а у меня еще бѣлье на утро не выдано.

— Одну минутку. Пожалуста, вернитесь.

Старушка поставила на стулъ у двери котелокъ съ „своимъ пирожнымъ“ и неохотно, медленно, шаркая башмаками, подошла къ кровати Кати.

— Сядьте, милая, сказала Катя, сидѣвшая на постели въ ожиданіи Авдотьи Егоровны.

— Ничего, я и постою. Мнѣ вѣдь долго нельзя.

Катя не стала настаивать и, не зная какъ приступить къ тому что ей давно хотѣлось сказать старушкѣ, она нерѣшительно проговорила.

— Вѣдь вы Лину любите?

Авдотья Егоровна на минуту подняла свои, несмотря на досаду, добрые, кроткіе глаза, недоумѣвающе и вопросительно посмотрѣла на Катю и, не отвѣтивъ, отвернула отъ нея голову.

— Я и не сомнѣваюсь что вы ее любите, произнесла Катя,—зачѣмъ же вы завѣдомо портите ее? Учите ее лгать, обманывать тѣхъ людей которые должны быть для нея ближе всѣхъ на свѣтѣ, отъ которыхъ у ней не

можетъ и не должно быть ничего скрытаго, къ которымъ она должна смѣло идти со всякою просьбой, которымъ можетъ высказать всякое желаніе...

— Да... Поди-ка, сунься... съ желаніемъ, проворчала Авдотья Егоровна.—Скажи она только что хочетъ въ постели яблоко скушать, чего кажется проще, и-и-ишь, Божей мой, что̀ изъ этого выйдетъ! Желаніе! А дитя скушаетъ цѣлый латокъ и ни гугу... Худаго отъ этого никому, а дитяти радость.

— Да, но если родители запрещаютъ что-нибудь, они знаютъ почему запрещаютъ.

— Зна-а-а-ютъ! протянула Авдотья Егоровна, мотнувъ головой и скорчивъ презрительную улыбку.

— Они знаютъ что это вредно, что...

— Вздоръ, матушка, кушай благословясь, никакого вреда не будетъ, проговорила вдругъ старушка, обращаясь къ Линѣ сидѣвшей въ своей кроваткѣ и глядѣвшей на Катю.

— Хорошо, допустимъ даже, хотя это и несправедливо, допустимъ, сказала Катя,—что они безъ основанія, такъ просто не желаютъ этого, развѣ мы имѣемъ право наставлять ребенка противъ нихъ.

— Кто же, матушка, станетъ наставлять дитя противъ Богомъ данныхъ ему родителей, перебила Катю Авдотья Егоровна.—Что̀ вы? Что̀ вы? Да съ чего вы взяли чтобъ я стала Линочку противъ папеньки и маменьки наставлять. Ко мнѣ и Павелъ Михайловичъ и Софья Григорьевна всегда съ довѣріемъ были, а вы вотъ... старушка стала всхлипывать,—безъ году... недѣлю... Она не договорила и, подавъ фартукъ, стала кончикомъ его утирать глаза и громко сморкаться.

Катя сконфузилась. Вотъ вѣдь... думаешь, выходитъ такъ просто, хорошо, такъ ясно, а станешь говорить, никуда не годится. Какъ бы это объяснить ей такъ чтобъ она поняла, думала она, съ жалостію смотря на плачущую Авдотью Егоровну.

— Милая моя, послушайте, начала было Катя, вздохнувъ.

— Что̀ слушать-то? Довольно наслушалась. Много благодарна. Не чаяла отъ васъ услышать этого, говорила Авдотья Егоровна плача.—Пусть ребенка спросятъ когда... когда я его... такимъ богомерзкимъ дѣламъ... наставляла... я имъ всегда говорила, пусть скажутъ, онѣ не маленькія, всегда говорила имъ: папеньку и маменьку почитать надо, Господь велѣлъ,

а вотъ теперь; я ли своимъ господамъ съ моимъ усердіемъ не служила... до-жи-и-ла...

Авдотья Егоровна не могла болѣе говорить.

— Боже мой! заговорила Катя, волнуясь и стараясь сдержать волненіе,—милая, поймите что я потому только и говорю съ вами что вижу, какъ вы вашимъ господамъ преданы и какъ Лину любите. Говорю потому что этого нельзя такъ оставить. Правда, вы никогда не говорили и не скажете ей словами: не слушайся отца или мать.

— Помилуй меня Богъ отъ такого грѣха! Да я скорѣе себѣ языкъ откушу...

— Да... а на дѣлѣ...

Катя запнулась и искала словъ, боясь чтобы прямое объясненіе не вызвало новой вспышки со стороны старушки.

— А на дѣлѣ выходитъ что добрая, хорошая, сердечная дѣвочка почему-то чуждается своихъ родителей, безпрестанно обманываетъ ихъ, скрываетъ отъ нихъ каждый свой поступокъ, не разсуждая даже хорошъ или дуренъ этотъ поступокъ. Развѣ неправда что Лина смотритъ на своего отца и въ особенности на мать, какъ на лугало...

— Какъ это, вы, матушка, не гоже про господъ говорите, сказала Авдотья Егоровна, качая изъ стороны въ сторону головой,—лугало?! Ай, ай, ай, лугало!

— Какъ же не лугало, милая, повторила Катя,—когда что бы ни дѣлалъ ребенокъ, ему крикнутъ: маменька идетъ! и она вся съежится, не знаетъ куда ей спрятаться. Развѣ это неправда? Скажите сами? Развѣ не правда что, случись съ Линой что-нибудь, она придетъ разказать свое горе вамъ, Меланьѣ, мнѣ, пожалуй даже Евсѣю, да кому хотите, только не Софьѣ Григорьевнѣ и Павлу Михайловичу? Почему это?... Скажите, кто по вашему имѣетъ болѣе всѣхъ право на ея откровенность? Кто правильнѣе всѣхъ можетъ объяснить ей все то что ей необходимо знать? Кто болѣе всѣхъ ее любитъ? Наконецъ, кого болѣе всѣхъ она должна любить?..

— Ну ужь кто любитъ-то болѣе, про то одинъ Господь знаетъ. Я ее съ рожденія на свои руки приняла, я за ней ходила, что съ ней безсонныхъ ночей провела... начала Авдотья Егоровна.

— Видите, милая, перебила старушку Катя, стараясь говорить какъ можно мягче,—только не научили ее что самые лучшіе, самые вѣрные, самые надежные друзья, совѣтчики,

ломощники и утѣшители ея, это ея родители. Не пріучили ее во всемъ обращаться къ нимъ однимъ, а напротивъ... Хочется ребенку съѣсть что-нибудь,—дадутъ, не соображая можно ли дать, а только скажутъ: маменькѣ не говори. Захочетъ гулять тамъ гдѣ запрещено, поведутъ: молчи только, маменькѣ и папенькѣ не проговорись; ушиблась, та же исторія. Кричитъ, шалитъ ребенокъ: ай! папенька или маменька идетъ! Какъ же привыкаетъ ребенокъ съ самыхъ первыхъ дней пробужденія сознанія смотрѣть на своихъ родителей? И можетъ ли онъ смотрѣть на нихъ иначе, а не какъ на пугало? Разсудите сами.

Авдотья Егоровна молчала, усердно перебирая пальцами конецъ фартука, складывала его мелкими складками, распускала и опять складывала.

— По-моему, не можетъ, сказала Катя.

— Христосъ съ вами, милая, сказала Авдотья Егоровна укоризненно бросивъ на Катю бѣглый взглядъ и тотчасъ же опустивъ лицо, она опять занялась складываніемъ и распусканіемъ складочекъ на концѣ своего фартука.

— Вѣдь вотъ даже вамъ, продолжала Катя, — я увѣрена, было бы обидно еслибы Лина вмѣсто васъ пошла разказать свое горе или свою радость кому-нибудь другому, или пошла бы, помимо васъ, просить какой-нибудь услуги у Меланьи. Вы бы...

— У Меланьи? перебила Катю Авдотья Егоровна. — Что ей Меланья-то? она презрительно улыбнулась.—Я ее холила, няньчила, берегла, а она бы послѣ того пошла ко всякой проходимкѣ, прости Господи, къ Малашкѣ, которую приставили къ моей барышнѣ не за заслугу какую, а потому что Ѳедосьѣ Степановнѣ Богъ по душу послалъ. Кого было къ ключамъ приставить? Посудили, порядили господа промежъ себя и позвали меня. Ты, Дуняша, стара становишься, говорятъ,—пора тебѣ должность послокойнѣе, будь ты замѣсто Ѳедосьи. Я какъ взвою, — а Линочка-то, моя ненаглядная, какъ же безъ меня останется? Отчего безъ тебя? говорятъ барыня, дай имъ Богъ здоровья, запрету тебѣ никогда нѣтъ. Мы твою службу всегда помнимъ. Когда захочешь, приходи въ дѣтскую. Ты вѣдь ея няней останешься, а ходить за ней, пусть ходитъ Меланья.

Старушка говорила это съ гордостію и съ достоинствомъ.

— А она бы, моя барышня-то, стала теперь свою няню, да на Меланью промѣнивать!

— Конечно такъ, подтвердила Катя,—я и говорю что вамъ было бы обидно. Ну, подумайте теперь, каково же отцу и матери, когда ихъ дитя закрываетъ отъ нихъ свою душу, боится ихъ и со всѣми своими нуждами обращается къ чужому человѣку, къ нянѣ, которая...

— Къ чужому? Ужь извините, матушка, не чужая я ей... сказала Авдотья Егоровна, — я для моей радости жизни не пожалѣю. Всю кровь капля по каплѣ за нее отдамъ...

— Не въ томъ дѣло, голубушка, произнесла Катя, но уже запинаясь и вздыхая. — Я говорю только, если это обидно вамъ, то каково должно быть родителямъ, если ихъ дитя ищетъ совѣта, защиты и участія въ чуж... то-есть помимо ихъ. Развѣ, еслибъ они знали что Лина, когда ей захочется чего-нибудь, или что-нибудь у нея болитъ или она ушибется, вмѣсто того чтобъ идти къ матери...

— Э-э-э! чего выдумали! протянула Авдотья Егоровна, мотнувъ головой,—со всякимъ дѣломъ дитя къ папенькѣ али къ маменькѣ иди! Да до того ли имъ-то, самимъ господамъ! Попробуй я только со всякимъ пустякомъ дитя къ маменькѣ пускать, скажутъ онѣ мнѣ спасибо? А ты дура зачѣмъ къ дѣтямъ приставлена? спросятъ. И вправь...

Долго еще говорила старушка на этотъ ладъ, но Катя уже не слушала ее. „Не умѣю я говорить. Нѣтъ у меня дара убѣжденія, думала она. — Вѣдь я чувствую и какъ глубоко чувствую что все это не такъ, а какъ ей растолковать? Какъ заставить ее понять, что̀ именно необходимо для пользы дѣвочки. Будь у меня этотъ даръ, какъ у Марины Ѳедоровны напримѣръ, что-нибудь да вышло бы, а такъ, сколько ни говори... Знаю только одно, думала она, что папа и мама были бы огорчены до глубины души еслибы кому-нибудь изъ насъ вздумалось въ чемъ-нибудь для насъ, дѣтей, важномъ обратиться за совѣтомъ не къ нимъ прямо, а къ Маришѣ или къ кому бы то ни было. Да этого и быть не могло...“

— Такъ прощайте, милая, услышала она.

— Прощайте, Авдотья Егоровна. Не сердитесь на меня и обдумайте хорошенько о чемъ мы говорили, сказала Катя.—Я увѣрена что вы согласитесь что Лина должна болѣе всѣхъ любить своихъ родителей, не должна бояться ихъ, должна довѣрять имъ и они, чтобы воспитывать ее правильно, должны знать ее. А развѣ они ее знаютъ?

Старушка молча, добродушно покачала головой.

— Ложитесь-ка, спите лучше, сказала она отходя отъ постели Кати.—Говоритъ, не сердитесь. Я и не сержусь. Что на нее сердиться, еще совсѣмъ дитя. Хоть и умна, слова нѣтъ, а все же не смышленая еще, говорила про себя Авдотья Егоровна идя по корридору.

Послѣ этого разговора совъ совсѣмъ отлетѣлъ отъ Кати и она, думая и передумывая о каждомъ словѣ своемъ, о каждомъ возраженіи старушки и о томъ что̀ и какъ она завтра же скажетъ ей чтобъ убѣдить ее, потому что *убѣдить ее* необходимо, пролежала до пяти часовъ.

На слѣдующій день въ шесть часовъ Меланья разбудила ее.

— Вставайте, барышня; баринъ приказали закладать кабріолетъ. Евсѣй говоритъ, васъ и барышню хотятъ съ собой взять кататься.

— Ахъ, хоть бы часокъ еще, хоть полчасика, думала Катя, потягиваясь.—Что̀ можетъ быть лучше сна когда спать хочется, сказала она, зѣвая до слезъ и протирая глаза.—Лина, Лина, вставай! Кататься съ папой поѣдемъ!

— Правда? спросила дѣвочка сонным голосомъ.

— Меланья говоритъ что ей Евсѣй сказалъ и что кабріолетъ уже закладываютъ.

— Малаша, ты не врешь? спросила дѣвочка садясь на постели.

— Зачѣмъ врать, барышня, отвѣчала Меланья.—Я вошла въ буфетъ за чайникомъ, Евсѣй и говоритъ: разбуди скорѣе Катерину Дмитріевну, скажи баринъ берутъ ихъ и барышню съ собой кататься. Приказали барышнину подушку на сидѣнье положить и скамеечку подъ ноги поставить.

— А! тогда правда, вскрикнула Лина.—Катерина Дмитріевна, душечка, встаемте скорѣе, заговорила она черезъ минуту,—а то папа не будетъ ждать. Онъ вѣдь такой! Ничего не скажетъ, а потомъ, если мы хоть немножко опоздаемъ, уѣдетъ одинъ или велитъ отложить; самъ куда-нибудь уйдетъ, а потомъ и будетъ дразнить. Хорошо что Евсѣй такой умникъ. А видѣли вы какъ онъ у меня вчера тарелку подмѣнилъ? вдругъ вспомнивъ вчерашній обѣдъ, спросила дѣвочка съ улыбкой освѣтившей все ея лицо.—Никто и не замѣтилъ. Папа заговорился, а онъ и подмѣнилъ.

Лина засмѣялась и, подозвавъ Меланью, которая стала ее торопливо одѣвать, продолжала:

— Вотъ умникъ-то этотъ Евсѣй! Вы знаете, я не могу ѣсть этого противнаго пастернаку; вы тоже, кажется, его не

долюбливаете, а лала его ужасно любитъ и думаетъ что всѣ должны его любить. Сколько уже разъ мнѣ отъ лала за этотъ ластернакъ доставалось. „Не брать у барышни тарелку лока она всего не съѣстъ!“ повторяетъ лала каждый, каждый разъ.—Я иногда сижу, сижу надъ тарелкой, глотаю, глотаю ло кусочку, не могу, назадъ идетъ, а лала не вѣритъ. Такъ уже давно теперь Евсѣй и караулитъ. Какъ только лала засмотрится, онъ хвать мою тарелку и поставитъ чистую. Разъ, кажется, лала заподозрилъ и вдругъ говоритъ: „Евсѣй, зачѣмъ ты взялъ барышнину тарелку? она еще не докушала“, а Евсѣй говоритъ: „скушали-съ“. „Покажи тарелку“. У меня такъ сердце и замерло. Ну, думаю, и мнѣ, и ему теперь достанется, а Евсѣй и показываетъ чью-то тарелку, на которой только маленькій кусочекъ гренка остался. „Вотъ молодецъ! сказалъ лала. За то я тебя угощу смоленскими конфетами“... А *вы* кушали когда-нибудь смоленскія конфеты? остановившись на мгновеніе, спросила Лина подходя къ Катѣ?

— Иди, умывайся скорѣе. Я сейчасъ готова, сказала Катя утирая лицо полотенцемъ.

— Я спрашиваю, кушали вы смоленскія конфеты?

— Нѣтъ, не ѣла.

— Хорошо, когда намъ въ августѣ или въ сентябрѣ пришлютъ, я вамъ цѣлый ящикъ подарю, сказала Лина.

Катя поцѣловала Лину.

— Прибавь только, если мама и лала позволятъ, сказала она улыбаясь и еще разъ поцѣловала дѣвочку.

Въ семь часовъ обѣ дѣвушки вышли изъ дѣтской.

— Паленька въ саду, по липовой аллеѣ пошли, бѣгите на встрѣчу, сказалъ Евсѣй, увидѣвъ торопливо подходящихъ къ кабинету барышень.—Отсюда ближе, прибавилъ онъ, отворяя дверь въ садъ.

Лина схватила Катю за руку и обѣ побѣжали.

— Наконецъ-то! крикнулъ Павелъ Михайловичъ еще издали, увидѣвъ бѣгущихъ. — Катерина Дмитріевна, править умѣете?

— Никогда не случалось, отвѣчала Катя подходя и здороваясь съ Павломъ Михайловичемъ.

— Какъ же это! А вотъ ваша воспитанница умѣетъ. Она меня катаетъ иногда, сказалъ Павелъ Михайловичъ, слегка ущипнувъ щечку Лины, которая цѣловала его руку.—Хотите я васъ научу?

— Благодарю васъ, только лучше нѣтъ. Боюсь оказаться безтолковою ученицей, а мнѣ бы этого вовсе не хотѣлось.

— А вы любите кататься?

— Скажите да, да, да, шептала Лина, засматривая въ глаза Кати и крѣпко сжимая ея руку.

— Очень, только мнѣ не случалось пользоваться этимъ удовольствіемъ.

— Отлично! Я хочу свозить васъ сегодня въ Сосновку. Возьмите какія-нибудь pardessus на случай, только скорѣе, сказалъ Павелъ Михайловичъ и повернулся къ дому.

Катя скорыми шагами пошла обратно по аллеѣ. Лина послѣдовала за нею.

— Съ папа очень весело ѣздить. Мы непремѣнно куда-нибудь заѣдемъ, вотъ увидите, заговорила дѣвочка черезъ минуту, прерывисто дыша отъ скорой ходьбы.—Можетъ-быть на ласѣку, медъ ѣсть. Тамъ у Тихона есть сынъ дурачокъ, такой смѣшной; а можетъ-быть на мельницу. На мельницѣ такія чудныя ягоды, крупныя, какъ нигдѣ. Или въ Сосновскую ткацкую, говорила она, едва поспѣвая за Катей, торопливо шедшею въ дѣтскую и такъ же торопливо возвращавшеюся съ накидками и зонтиками къ главному подъѣзду гдѣ ихъ дожидался Павелъ Михайловичъ, выговаривавшій что-то кокюху, который держалъ подъ уздцы запряженную въ кабріолетъ красивую караковую лошадь, нетерпѣливо стоявшую у подъѣзда.

— Садитесь, Катерина Дмитріевна, здѣсь справа; справа, если хотите учиться править, сказалъ Павелъ Михайловичъ.

— Я отказываюсь учиться, сказала Катя.

— Пустяки, садитесь! повторилъ Павелъ Михайловичъ, усаживая Лину на собственно для нея сдѣланную подушку и поправляя подъ ея ногами скамеечку.—Ловко? Не вылетишь? Ну, куда же мы ѣдемъ? спросилъ онъ ни къ кому собственно не обращаясь и занявъ мѣсто рядомъ съ Катей, взялъ вожжи въ руки.—Куда же? повторилъ онъ повернувъ голову и глядя на Лину вопросительно.

— Вы сказали въ Сосновку, только, я думаю, лучше бы на ласѣку. Туда дорога такая хорошенькая, сказала Лина особенно пѣвучимъ голосомъ и смотря на отца заискивающими глазами.

— Хорошенькая!? Много ты понимаешь.

Павелъ Михайловичъ поправилъ въ рукахъ вожжи и слегка

тронувъ ими бока выхоленной лошади, щелкнулъ языкомъ. Кабріолетъ неслышно покатился.

— Мы куда, лапочка? спросила черезъ секунду Лина нагибаясь къ отцу.

— Отгадай! сказалъ Павелъ Михайловичъ, весело посмотрѣвъ на дѣвочку и пустивъ лошадь скорѣе.

— Какое наслажденіе скорая ѣзда! сказала Катя. — Я первый разъ испытала это чувство когда ѣхала къ вамъ; мы неслись въ гору такъ что духъ захватывало. Это было чудесно.

— А-а! и вы тоже. Всѣ женщины „обожаютъ“ бѣшеную ѣзду, сказалъ Павелъ Михайловичъ смѣясь.

— Я думаю не только женщины, но вообще всѣ люди, здоровые, конечно, а слабогрудые и вообще слабенькіе, разумѣется, не могутъ находить въ этомъ удовольствія.

— Я тоже люблю скоро ѣздить, вмѣшалась Лина,—а maman какъ любитъ! Только maman меня теперь не беретъ съ собой. Разъ...

— Моя благовѣрная въ этомъ отношеніи ужь совсѣмъ сумасшедшая женщина, перебилъ Лину Павелъ Михайловичъ.— Она опасности не признаетъ. Я ни дочь съ нею не пускаю, ни самъ не ѣзжу; боюсь, сказалъ онъ, смѣясь всѣмъ своимъ красивымъ лицомъ.

— Maman и верхомъ ѣздитъ, въ амазонкѣ, въ высокой шляпѣ, такъ красиво! прелесть! какъ на картинкѣ, если смотрѣть издали, сказала дѣвочка съ восторгомъ.

— Если смотрѣть издали... повторилъ Павелъ Михайловичъ,—а вблизи? спросилъ онъ посмотрѣвъ прямо въ глаза Кати.

— Вблизи?! спросила дѣвочка.—Вблизи я вижу что это maman.

— А вы дальнозорки или близоруки? сказала Катя, обращаясь къ Линѣ. „Какіе у него добрые глаза, думала Катя; странно что я никогда этого не замѣчала; впрочемъ, онъ сегодня совсѣмъ не тотъ Павелъ Михайловичъ, какъ всегда“, и лицо ея при этой мысли дышало такимъ счастіемъ и довольствомъ что Лина смотря на нее сказала:

— Катерина Дмитріевна, вамъ весело, не правда ли? Мнѣ тоже очень весело.

Катѣ было дѣйствительно весело. Она забыла и безсонную ночь, и непріятный разговоръ съ Авдотьей Егоровной, и всѣ тревожныя мысли уже почти мѣсяцъ не дававшія ей покоя,

забыла все, и всѣмъ существомъ своимъ наслаждалась прекраснымъ утромъ, катаньемъ и новизной своего положенія: ледъ казалось растаялъ, и хозяинъ дома, который до сихъ поръ такъ обидно и такъ недружелюбно, какъ ей казалось, смотрѣлъ на нее, даже не примѣчалъ ея присутствія, вдругъ сталъ обращаться съ нею такъ просто, такъ естественно.

Кабріолетъ катился быстро по намѣченной колеѣ, между нескончаемыхъ полосъ высокой, золотистой, полнымъ колосомъ налившейся ржи. Колосья наклоняясь точно привѣтствовали гостей и, прикасаясь ко взмыленнымъ бокамъ лошади и къ рукамъ счастливыхъ, довольныхъ собой и всѣмъ Божьимъ міромъ сѣдоковъ, слегка щекотали ихъ.

— Могу я сорвать одинъ колосъ? спросила Катя.

— Хоть сотню, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе и... если вы сможете это, сказалъ весело Павелъ Михайловичъ.—Я не остановлю лошадь...

Катя ухватилась за одинъ стебелекъ; онъ вырвался и быстро заколыхался будто поддразнивая. Катя поймала другой, третій. Лина стала тоже пробовать, но при быстрой ѣздѣ вырвать стебель оказывалось не такъ легко какъ думалось. Нѣсколько разъ и Катя и Лина напрасно повторяли попытки. Неудача каждый разъ вызывала улыбку снисхожденія на лицѣ Павла Михайловича, любовавшагося шалостью, веселью, смѣхомъ и оживленными лицами Лины и Кати.

— Вотъ! вдругъ произнесла торжественно Катя, высоко подымая руку съ длиннымъ стеблемъ.

— Катерина Дмитріевна! Oh le bonheur! le bonheur! вскрикнула Лина, захлопавъ въ ладоши и вставъ на ноги.

— Лина, сидите смирно! испуганно сказала Катя, схвативъ Лину за руку.—Какая ты неосторожная! прибавила она, принуждая ее сѣсть.

— Чего вы испугались? сказала Лина удерживая руку Кати и разсматривая стволъ.—Дайте мнѣ посмотрѣть. Два! два! и еще какіе полные! Посмотрите! Вѣдь вотъ право, нарочно пойдешь, ищешь, ищешь, иногда цѣлый часъ проходишь, въ глубь зайдешь, и нѣтъ, нѣтъ счастія, вамъ оно само въ руки далось. Вы счастливица, только смотрите, не потеряйте его, сказала дѣвочка серіозно.

— Гдѣ счастіе, гдѣ? Покажите мнѣ. Мнѣ нужно счастіе. Я его поймаю и буду держать крѣпко, крѣпко, подъ трема

замками чтобы не ушло, заговорила улыбаясь Катя, вырывая у Лины стебелекъ, который отъ розмаха руки перекинулся за плечо, и когда Катя подняла его, на стеблѣ вмѣсто двухъ полныхъ колосьевъ оставался одинъ съ высыпавшимися до половины зернами.

— Ахъ! что вы сдѣлали?! увидя это вскрикнула Лина, всплеснувъ руками.—Что вы сдѣлали! Вѣдь два колоса на одномъ стебелькѣ—это счастіе. Вы должны были пожелать что-нибудь очень хорошее, и все, все исполнилось бы непремѣнно.

Съ минуту длилось молчаніе.

— Что жъ дѣлать! сказала наконецъ Катя уже далеко не такъ весело какъ прежде.—Вѣрно мое счастіе именно такое, и она, сорвавъ полупустой колосъ, заткнула его себѣ за крѣпко стянутый поясъ.—Первый же разъ какъ мы пойдемъ въ поле, я опять поищу, сказала она, стараясь казаться веселою.

Павелъ Михайловичъ, все время не спускавшій глазъ съ Кати, въ эту минуту протянувъ руку живо выхватилъ изъ-за пояса Кати колосъ и, перекинувъ его черезъ свою голову, сказалъ:—но ужъ такого искалѣченнаго счастія я вамъ не желаю и не допущу его. Мы лучше поищемъ новаго, настоящаго.

Онъ посмотрѣлъ въ лицо Кати долгимъ взглядомъ.

— Зачѣмъ же вы отняли у меня и то маленькое счастіе которое было мнѣ назначено? сказала Катя, повернувъ лицо и пристально смотря въ ту сторону куда полетѣлъ колосъ, какъ бы надѣясь еще увидѣть его.

— Затѣмъ чтобы постараться дать вамъ больше, то котораго вы стóите, сказалъ Павелъ Михайловичъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Дай Богъ! сказала Катя.—Какой вы, право, добрый! Я уже и то на половину счастлива тѣмъ что полала къ вамъ, и что Лина привязалась ко мнѣ.

Павелъ Михайловичъ отвернулся, поправилъ въ рукѣ вожжи и, ослабивъ поводья, далъ лошади пройтись шагомъ.

— Катерина Дмитріевна, ваши родители еще живы? вдругъ спросилъ онъ.

— Мама, слава Богу, а отца давно нѣтъ. Онъ утонулъ во время наводненія въ Петербургѣ, отвѣчала Катя и лицо ея мгновенно измѣнилось. Изъ беззаботнаго, такъ недавно дышавшаго дѣтскою радостью и весельемъ, оно вдругъ сдѣла-

лось серіознымъ, строгимъ, приняло опять то озабоченное, безпокойное выраженіе, которое почти не оставляло ее со дня пріѣзда ея въ имѣніе Вадимовыхъ.

Павелъ Михайловичъ, видя какое впечатлѣніе произвелъ на Катю его вопросъ, досадовалъ на себя, но тѣмъ не менѣе продолжалъ разспрашивать ее объ ея родныхъ и, узнавъ что дѣдъ ея былъ обладателемъ Покровскаго, сначала очень удивился, потомъ чему-то очень обрадовался и вдругъ заговорилъ съ особеннымъ оживленіемъ.

— Очень радъ, очень радъ! Удивительно какъ это ни мнѣ, ни женѣ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца не пришло въ голову спросить васъ изъ какихъ вы Солнцевыхъ. Теперь, какъ вы ни отговаривайтесь, а я, по праву родственника, дѣлаюсь вашимъ учителемъ, сказалъ онъ.—Согласны учиться править?..

— Благодарю васъ, сказала Катя,—но увѣряю васъ что я плохая ученица и заранѣе увѣрена что не пойму этой науки или надоѣмъ вамъ прежде нежели пойму.

— Это ужь мое дѣло. Отъ васъ же требуется только согласіе брать уроки, сказалъ Павелъ Михайловичъ.

— Катерина Дмитріевна, душечка, отчего вы не хотите? Попробуйте, это очень, очень весело, сказала Лина.

— Можно мнѣ поправить, хоть немножко, палочка? вдругъ обратилась она заискивающимъ и вмѣстѣ нерѣшительнымъ голосомъ, точно не надѣясь на исполненіе ея просьбы къ отцу.

— Пожалуй, пересядь, отвѣчалъ къ ея радости Павелъ Михайловичъ и, остановивъ лошадь, онъ спрыгнулъ на землю.

— Лина! Держи! сказалъ онъ передавая дочери вожжи.—Не натягивай, пусти совсѣмъ свободно. Тпру-у, тпру-у! успокоивалъ онъ лошадь.

— Катерина Дмитріевна! отсюда, отсюда, съ этой стороны, тутъ удобнѣе. Дайте руку.

Катя встала и только собралась поставить на подножку свою ногу, какъ Павелъ Михайловичъ приподнялъ ее за талію, поставилъ на дорогѣ къ сторонкѣ, тотчасъ повернулся къ дочери, снялъ ее съ подушки, пересадилъ, и поставивъ ей подъ ноги скамейку, повернулся чтобы помочь Катѣ сѣсть, но Катя, не дожидаясь его приглашенія или помощи, быстро заняла мѣсто Лины. Павелъ Михайловичъ тоже вошелъ въ экипажъ и кабріолетъ снова покатился.

Лина, гордясь своимъ умѣньемъ править, то и дѣло поворачивала голову къ Катѣ и объясняла ей, какъ и какимъ пальцемъ надо держать вожжу, какъ подтянуть и какъ освободить, поворачивая лошадь или мѣняя аллюръ...

Было уже половина десятаго, когда кабріолетъ подъѣхалъ къ дому. Софья Григорьевна сидѣла въ столовой предъ кипѣвшимъ самоваромъ и въ нетерпѣніи посматривала на дверь.

Софья Григорьевна была женщина не молодая (ей было далеко за сорокъ), но прекрасно сохранившаяся, замѣчательно красивая въ молодости и съ дѣтства привыкшая къ похваламъ, восторгамъ и поклоненію знавшихъ ее мущинъ; она не могла примириться съ очевидностью и не хотѣла сознаться даже себѣ самой что пора ея молодости давно миновала и свѣжесть и нѣжность ушли навсегда. Она обманывала себя, и всѣми средствами старалась обмануть другихъ. Всегда, даже въ деревнѣ, вычурно причесанная, съ легкимъ искусно наведеннымъ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, перетянутая въ рюмочку, одѣтая по послѣдней модѣ, всегда въ легкіе, свѣтлые цвѣта, она на первый взглядъ казалась еще двадцатипятилѣтнею красавицей. Любуясь собой въ зеркало и теперь, какъ во дни молодости, она, по привычкѣ прежнихъ, давно минувшихъ лѣтъ, ставила рядомъ съ собой каждое знакомое ей лицо молодой женщины или дѣвушки, которыхъ находила красивыми. Еще три, четыре года назадъ подобныя сравненія заставляли ее только гордо и самодовольно улыбнуться; за то послѣдніе годы у ней всегда щемило сердце, и она старалась затушевать въ своей памяти хорошенькую головку, назойливо становившуюся рядомъ съ ней. Такою назойливою, непріятною для нея головкой была за послѣднее время новая гувернантка, о которой она избѣгала говорить, старалась даже не думать и которая, несмотря на то, неотвязно стояла предъ ней.

Beauté du diable, говорила она себѣ въ утѣшенье: молодость и свѣжесть, больше ничего, ровно ничего! И тотчасъ же начинала разбирать каждую наимельчайшую черту лица молодой дѣвушки. „Trop belle pour une gouvernante“, приходили ей на память слова сказанныя Черницкой. Trop belle. это правда, думала она, и въ душѣ ея каждый разъ начинало шевелиться какое-то непріязненное чувство къ Катѣ, которую она въ то же время, по врожденному чувству справедливости, признавала достойною, скромною, образованною, не по лѣтамъ стеленною дѣвушкой и прекрасною гувернанткой.

Подъѣхавъ къ дому, Лина ловко, безъ помощи отца, остановила кабріолетъ у подъѣзда. Конюхъ, давно уже поджидавшій возвращенія господъ, принялъ брошенныя ему Линой вожжи и, посмотрѣвъ на сильно вспотѣвшаго коня, сталъ гладить его умную, съ большими, ясными, черными глазами морду.

Павелъ Михайловичъ, ставъ на землю, протянулъ руку Катѣ. Катя машинально положила въ нее свою и живо соскочила. Павелъ Михайловичъ не сразу выпустилъ ея маленькую руку, но нѣжно сжавъ ее въ своей, пристально посмотрѣлъ въ лицо Кати.

— Благодарю васъ, сказала Катя, отвѣтивъ легкимъ пожатіемъ и высвабаживая свою руку,—благодарю васъ. Какая прелестная прогулка!

— Прелестная, да... сказалъ Павелъ Михайловичъ съ сіяющимъ лицомъ, и сталъ смотрѣть вслѣдъ Кати, ставшей предъ Линой и оправлявшей ея смявшееся платьице.

— Ахъ, какая досада, Лина! Такъ нельзя идти къ maman, вдругъ проговорила Катя. Пойдемъ скорѣе въ дѣтскую, надо тебѣ хорошенько поправиться и перемѣнить чулки, сказала она, и поклонившись Павлу Михайловичу, она, держа Лину за руку, взбѣжала на лѣстницу и бѣгомъ направилась къ дѣтской.

Павелъ Михайловичъ доливалъ уже свой второй стаканъ чая, когда Лина и Катя вошли въ столовую. Софья Григорьевна, холодно встрѣтившая мужа и даже не спросившая его куда ѣздили и почему позднѣе обыкновеннаго вернулись, сидѣла молча, опустивъ голову и наигрывая что-то пальцами на столѣ.

Лина подошла къ матери здороваться. Софья Григорьевна на секунду подняла недовольные сердитые глаза, но увидѣвъ спокойное и серіозное, какъ всегда, лицо Кати, она перевела глаза на Лину.

— Э, это еще что? Александра Павловна, въ какомъ ты видѣ являешься? вдругъ сказала она.—Ужь не моя ли обязанность, mademoiselle, смотрѣть за тѣмъ, чтобы туалетъ вашей воспитанницы былъ въ порядкѣ, по крайней мѣрѣ въ то время когда она сюда приходитъ, продолжала она, обращаясь къ Катѣ.

Катя, которая только-что осмотрѣла, оправила платье, велѣла Меланьѣ перемѣнить чулки и башмаки дѣвочки, сама переплела ея косы и пригладила волосы, окинула взглядомъ

Лину съ головы до ногъ, и не найдя ни малѣйшаго безпорядка, сказала покраснѣвъ:—Мы только-что привели себя въ порядокъ. Я не знаю... продолжала она какъ всегда по-французски.

— Нѣтъ се *мы*, c'est sublime! перебила ее Софья Григорьевна, скрививъ презрительно губы и принужденно засмѣявшись. „Nous", повторила она, вскинувъ сердитые глаза на Катю.— On le voit! Mademoiselle avait le temps de se faire belle, mais elle était trop pressée pous faire attention à la toilette de son élève.

Сказавъ это Софья Григорьевна отвернулась отъ дочери и гувернантки и съ досадой облокотилась на лѣвую руку. Лина сконфуженно и удивленно осмотрѣвъ свои ноги и платье подняла вопросительное личико на Катю которая перевела глаза на отца, внимательно читавшаго газету и чистившаго зубы перышкомъ, и тихонько сѣла на свое мѣсто.

Катя, не успѣвшая еще поздороваться съ хозяйкой, постояла съ минуту и, не дождавшись взгляда Софьи Григорьевны, сдѣлала предъ ней легкій реверансъ и тоже отошла къ своему прибору. Лакей отодвинулъ и придвинулъ ей стулъ, другой подошелъ съ блюдомъ холодной ветчины. Катѣ не хотѣлось ѣсть. Она была обижена и сконфужена и сначала даже хотѣла отказаться отъ завтрака, но молодость взяла свое. Взявъ кусочекъ ветчины, только для того чтобы не показать своего неудовольствія, она взяла на кончикъ вилки крошечный кусочекъ, попробовала и почувствовала вкусъ копченаго мяса которое очень любила, разохотилась, съѣла весь взятый кусокъ, съѣла съ неменьшимъ аппетитомъ горячую котлетку поданную ей затѣмъ, и стала съ наслажденіемъ пить крѣпкій, цвѣточный чай.

— Какъ ты сидишь? крикнула вдругъ Софья Григорьевна на Лину, которая, нагнувшись надъ чашкой и не придерживая ее руками, потягивала по немногу молоко: привычка отъ которой Катя съ перваго дня пріѣзда старалась отучить ее.—И откуда у тебя берутся такія манеры?

Софья Григорьевна передразнила дѣвочку.

Павелъ Михайловичъ нетерпѣливо пожалъ плечами и, отодвинувъ съ шумомъ свое кресло, вышелъ на террасу.

Въ комнатѣ вновь наступила тишина.

— Лина, Лина! крикнулъ чрезъ минуту Павелъ Михайловичъ.

Лина вскочила съ своего мѣста и бросилась къ двери.

ющихъ условіяхъ, такъ, ради лотѣхи убивать, мучить, вообще уничтожать что-нибудь.

— Браво, браво, какое краснорѣчіе! сказалъ вдругъ Павелъ Михайловичъ, хлопая тихонько пальцами одной руки по ладони другой.—Браво Катерина Дмитріевна! Кто былъ вашимъ профессоромъ элоквенціи?

Катя сконфузилась, замолчала, опустила глаза и встрѣтилась взглядомъ съ Софьей Григорьевной.

Софья Григорьевна смотрѣла на нее добрыми, ласковыми глазами, въ которыхъ не было и тѣни того сердитаго выраженія которое, оскорбивъ Катю до глубины души, вызвало въ ней порывъ негодованія и смѣлое возраженіе.

— Я очень рада что она по крайней мѣрѣ ничему дурному Лину не научитъ, сказала Софья Григорьевна мужу, когда Катя и Лина вышли изъ комнаты.

— Да, я думаю, за это можно поручиться, сказалъ Павелъ Михайловичъ, садясь возлѣ жены, которая еще и не прикоснулась къ своей уже давно остывшей чашкѣ чая.

„Милая дѣвушка, умница и какъ хороша“, думалъ онъ съ особенною теплотой, но не сказалъ этого вслухъ, а началъ разказывать какъ онъ случайно, на прогулкѣ, узналъ что послѣдній изъ Солнцевыхъ, владѣвшій Покровскимъ, былъ родной дѣдъ Кати.

— Ужь не думаетъ ли она къ намъ въ родство записываться? сказала вдругъ, не дослушавъ мужа, Софья Григорьевна рѣзко, и, гордо поднявъ голову, продолжала. — Напрасно, мнѣ кажется, и начинать подобные разговоры. Мнѣ ужь давно новость эту Авдотья приподнесла, но я сказала ей чтобъ объ этомъ въ домѣ и помину никогда не было...

— Видите? Что я вамъ говорила, замѣтила Лина, выйдя изъ столовой, обнимая Катю за талію и прижимая къ ней свою голову.—Maman всегда такъ. Накинется ни съ того, ни съ сего, разбранитъ, только никогда ничего не скажетъ и, главное, если скажетъ, то всегда неправду. Ну, теперь гдѣ она видѣла безпорядокъ? Никакого безпорядка нѣтъ, сказала Лина, опять оглядывая себя,—башмаки новые, чулки мы только-что перемѣнили, перемѣнили и поясъ, платье чистое, волосы приглажены: чего она такъ разсердилась?

— Лина, Лина! остановила дѣвочку Катя, покачивая головой.—Подожди, придемъ къ себѣ, осмотримъ все хорошенько

и узнаемъ въ чемъ дѣло. Не можетъ быть чтобы maman сердилась такъ, безъ причины.

— Ну, ужь не можетъ быть! Всегда такъ, сказала Лина, подавъ на Катю недовольное личико.

„Мучительное время эти завтраки и обѣды здѣсь, думала Катя. Сидишь всегда какъ на иголкахъ, двинуться боишься. Когда гости—эти bon mots, эти подсмѣиванья!... А когда одни, кажется еще хуже. У насъ когда мы были дѣтьми время обѣдовъ и чая было всегда лучшее время дня. Всѣ бывало въ сборѣ, каждый разказываетъ о себѣ и пріятное и непріятное, что видѣлъ, что узналъ или прочелъ. Какъ-то всегда все зналъ, зналъ даже кто, что и какъ думаетъ, а тутъ! или сидятъ всѣ молча, насупившись, или острятъ надъ кѣмъ-нибудь и острятъ всегда такъ обидно, и говорятъ такія колкости и вѣдь говорятъ свои остроты и лакости всегда кому-нибудь самому безобидному.“

— Ну что, спросила Лина, придя въ дѣтскую, становясь передъ Катей и поворачиваясь на всѣ стороны.—Не правду я говорю что ничего нѣтъ? Малаша! Малаша! крикнула она, подойдя къ двери.

Послышались по корридору торопливые, дробные шаги, и вскорѣ появилась Меланья.

— Что тутъ на платьѣ? Изволь посмотрѣть хорошенько, сказала Лина сердито.—Одѣнешь Богъ знаетъ какъ, а потомъ за тебя всѣмъ достается.

— Лина, вы осуждаете вашу maman, не имѣя на то никакого права, я ужь это вамъ много разъ говорила, а сами вы справедливо ли поступаете? Стыдно! сказала Катя, и не взглянувъ на дѣвочку, отошла къ своему письменному столику.

Меланья подошла къ Линѣ и, ставъ на колѣни, начала осматривать ея туалетъ.

— Это-то! вдругъ произнесла она,—потирая въ рукахъ небольшое пятно на подолѣ. Это вы объ колесо вѣрно. Въ складкахъ я и не замѣтила его.

— Видите, Лина, развѣ ваша maman не имѣла основанія? поворачивая голову къ дѣвочкѣ, спросила Катя серіозно и грустно.

— Душечка, милочка не сердитесь, никогда не буду; право никогда; даю вамъ слово, только не говорите мнѣ „вы“, залепетала Лина, подбѣгая къ Катѣ, обвивая руками ея шею и стараясь поцѣловать ее въ губы.

— Ты должна извиниться передъ своею maman къ которой была нелочтительна и передъ Меланьей которую несправедливо обидѣла, цѣлуя дѣвочку, тихо сказала Катя.

— Малаша, ты сердишься? Да? спросила Лина, отходя отъ Кати, и, подбѣжавъ къ Меланьѣ, схватила ее обѣими руками за лицо.—Говори же, говори, сердишься? повторила она и чмокнула Меланью въ губы.

— Что вы, дорогая моя. И смѣю ли я сердиться на васъ? сказала Меланья, цѣлуя руки Лины.

— Катерина Дмитріевна, слышите? Малаша не сердится. Она сама говоритъ это.—А про маму... я никогда не буду... Даю честное слово, сказала Лина и опять подошла къ Катѣ.

Въ этотъ день, послѣ полудня, принесли Катѣ изъ конторы двѣсти девяносто одинъ рубль шестьдесятъ шесть копѣекъ. Бумажки были все чистенькія, серебро на рубль шестьдесятъ пять копѣекъ, все новенькое. Считая передъ Катей деньги, конторщикъ спросилъ: вѣдь вы, барышня, семнадцатаго поступили?

— Семнадцатаго я только изъ Петербурга выѣхала, а сюда пріѣхала гораздо позднѣе, отвѣчала Катя.

— Да, но поступили-то вы значитъ семнадцатаго; такъ у насъ и записано.

У Кати замеръ духъ отъ радости. „Сколько денегъ! Сколько денегъ! думала она собирая ассигнаціи и любуясь ими. Господи! благодарю Тебя. Милая моя, дорогая мамочка! И у Левки теперь будетъ новое пальто, на мои первыя деньги. Маритѣ пусть непремѣнно купятъ шерстяное коричневое платье и черкаго лу-де-суа на очипокъ.“

В. (Авторъ повѣсти ОТЧЕГО).

ВОСПОМИНАНІЯ ОФИЦЕРА

О ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ НА ДУНАѢ

ВЪ 1853 И 1854 ГОДАХЪ

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Прибытіе въ дѣйствующую армію. — Мало-Валахскій отрядъ подъ Калафатомъ. — Четати. — Букурештъ. — Журжа. — Фратешти. — Возвращеніе въ Россію.

Представляемыя замѣтки почерпнуты изъ *дневника* веденнаго мною аккуратно въ званіи младшаго офицера, командированнаго изъ гвардіи, по Высочайшему повелѣнію, къ Екатеринбургскому полку, въ кампанію на Дунаѣ въ 1853—54 годахъ. Все извѣстное мнѣ изъ личныхъ моихъ наблюденій или по достовѣрнымъ слухамъ я записывалъ ежедневно. Въ послѣдствіи мнѣ представился случай провѣрить свои замѣтки журналомъ военныхъ дѣйствій 4го корпуса, изъ котораго былъ составленъ почти весь Мало-Валахскій отрядъ.

Отрядъ этотъ первоначально, до переправы на лѣвомъ флангѣ у Браилова и Галаца, приковывалъ общее вниманіе. Въ началѣ кампаніи мы надѣялись на поддержку единовѣрныхъ населеній, особенно Сербовъ, и потому Мало-Валахскому отряду предстояло готовиться къ важнымъ событіямъ. Движеніе наше

къ Калафату было какъ бы прелюдіей къ ожидаемымъ нами дѣйствіямъ за Дунаемъ. Но эти надежды наши на переходъ черезъ Дунай, на взятіе Видина и на движеніе въ верхнюю Болгарію не оправдались.

Четатское сраженіе было единственнымъ выдающимся событіемъ въ судьбѣ войскъ Мало-Валахскаго отряда. Оно выказало въ блестящемъ видѣ стойкость и мужество русскаго солдата, но оно же обнаружило и нѣкоторыя существенныя ошибки.

Мало-по-малу, по мѣрѣ разъясненія политическаго положенія Австріи въ отношеніи къ Россіи, назначеніе Мало-Валахскаго отряда измѣняется. Отъ поддержки насъ Сербами и иными единовѣрными населеніями въ Турціи пришлось отказаться, и Мало-Валахскій отрядъ до апрѣля 1854 года ограничивается удержаніемъ Турокъ со стороны Калафата, занятаго ими тотчасъ по объявленіи намъ войны. Турки, несмотря на свое превосходство въ силахъ, не рѣшались на наступательныя дѣйствія, мы же не считали нужнымъ брать открытою силой укрѣпленный Калафатъ, составлявшій предмостное укрѣпленіе Видина. Послѣ Четатскаго боя, всю зиму, дѣйствія отряда состояли въ неоднократныхъ рекогносцировкахъ и въ мелкихъ стычкахъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ, отрядъ очистилъ Малую Валахію и отступилъ за рѣку Ольту, а выдѣленная изъ него первая бригада 10й дивизіи направлена къ средней части Дуная, причемъ на долю Екатеринбургскаго полка выпала караульная служба въ Букурештѣ, куда въ то время стекались извѣстія со всѣхъ концовъ театра военныхъ дѣйствій. Послѣ снятія осады Силистріи, Турки стали сосредоточивать значительныя силы въ Рущукѣ, намѣреваясь здѣсь форсировать переправу черезъ Дунай. Въ теченіе двухъ дней Соймоновъ съ тремя полками своей дивизіи отстаивалъ занимаемыя имъ позиціи, со стойкостью свойственною русскому солдату, противъ сорока тысячъ, и 25 іюня Екатеринбургскій полкъ былъ двинутъ изъ Букурешта форсированнымъ маршемъ (пятьдесятъ семь верстъ) на подкрѣпленіе Соймонова, въ полной готовности принять на себя отступавшія отъ Журжи ко Фратешти разстроенныя части 10й дивизіи. Здѣсь, на высотахъ Фратешти, въ нѣсколько дней было сосредоточено до шестидесяти тысячъ нашихъ войскъ. Противъ насъ, въ Рущукѣ, собрана была почти вся армія Омеръ-паши.

Въ ожиданіи наступательныхъ дѣйствій Турокъ, поддерживаемыхъ Французами и Англичанами, мы готовы были

встрѣтить ихъ въ укрѣпленной позиціи на высотахъ Фратешти, гдѣ простояли три недѣли, до 14 іюля.

При вынужденномъ политикой обратномъ движеніи въ предѣлы Россіи, Екатеринбургскій полкъ входилъ въ составъ арріергарда.

Судьба, повидимому, берегла Екатеринбургскій полкъ для болѣе грозныхъ событій на Крымскомъ полуостровѣ.

Такова въ общихъ чертахъ канва описываемыхъ мною въ дневникѣ событій.

Четырехмѣсячная тяжелая сторожевая служба на аванпостахъ подъ Калафатомъ, въ зимнее время, меня воспитала Бивачная жизнь дала мнѣ много случаетъ ознакомиться съ духомъ и характеромъ солдата, убѣдиться въ его мужествѣ въ способности переносить тягости при постоянной готовности къ бою, въ его необычайной выносливости. Я полюбилъ армейскаго офицера въ его скромной, сѣрой, неприхотливой обстановкѣ, всегда готоваго идти беззавѣтно на встрѣчу всякой опасности.

Въ Букурештѣ я узналъ какъ велика отвѣтственность начальника, особенно въ военное время, и какъ *много онъ долженъ знать* чтобы стоять на высотѣ своихъ обязанностей при отправленіи полкомъ караульной службы; сталкиваясь съ лицами разныхъ убѣжденій и взглядовъ, я заносилъ въ свой дневникъ многія обстоятельства ускользающія изъ официальныхъ донесеній, однако цѣнныя для русскаго человѣка, какъ потому что знакомятъ его непосредственно съ территоріей и обитателями сосѣдней страны, такъ и потому что могутъ служить для освѣщенія событій имѣющихъ историческое значеніе.

Мнѣ представлялся не одинъ случай основательно ознакомиться не только съ характеромъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, но и съ развитіемъ враждебнаго настроенія Румынъ въ Валахіи подъ вліяніемъ политики Австріи въ началѣ Восточной войны, перенесенной на Крымскій полуостровъ и окончившейся—увы!—паденіемъ Севастополя.

Пишу только то что самъ видѣлъ или испыталъ на себѣ и что могъ узнать изъ тщательно провѣренныхъ показаній людей болѣе чѣмъ я знавшихъ что дѣлается за предѣлами полка, съ которымъ я имѣлъ счастіе отбыть кампанію на Дунаѣ въ 1853—54 году.

—

Трудно описать ту радость съ какою офицеры лейбъ-гвардіи Литовскаго полка приняли вѣсть о Высочайшемъ соизволеніи командировать въ Дунайскую армію трехъ офицеровъ, въ чинахъ капитана, поручика и прапорщика. 13 октября 1853 года общество офицеровъ нашего полка собралось въ квартирѣ командира полка барона Зальца для метанія жребія. Вынутый мною билетикъ былъ съ надписью „командировка". Моей долѣ завидовали всѣ прапорщики.

Сборы были непродолжительны. Съ Петербургомъ меня связывала одна только вынесенная изъ корпуса страсть къ занятію науками: до 13 октября я усердно посѣщалъ лекціи неорганической химіи профессора Зинина. Намѣреніе поступить въ Военную Академію пришлось оставить до возвращенія изъ кампаніи. За то я набилъ свой чемоданчикъ нѣсколькими книгами.

Черезъ двѣ недѣли, въ ласмурное октябрьское утро, при свѣтѣ догаравшихъ фонарей, скромная нетычанка, откуда-то добытая моимъ предусмотрительнымъ товарищемъ по корпусу Владимірскимъ-Семевскимъ *, увлекала изъ погруженнаго въ сонъ Петербурга двухъ юныхъ офицеровъ-прапорщиковъ на Дунай. Я прощался мысленно съ близкими сердцу людьми, приломиналъ наставленія своего опытнаго профессора и въ то же время невольно переносился душой въ страны прославленныя подвигами русскихъ войскъ, предводимыхъ Потемкинымъ, Румянцевымъ, Суворовымъ, Дибичемъ. Наставленія Зинина какъ беречь свое здоровье и чего остерегаться въ боевой жизни, заманчивой для молодаго человѣка своими приключеніями, глубоко запали въ мое сердце; и не напрасны были его предостереженія.

Путешествіе въ позднюю осеннюю пору изъ Петербурга въ Букурештъ не могло быть особенно пріятнымъ. Нагруженный чемоданами, какъ видно подержанный, нашъ экипажъ не былъ особенно удобенъ для быстрой ѣзды.

Путь нашъ лежалъ на Витебскъ, Мозырь, Житоміръ, Могилевъ-на-Днѣстрѣ, Скуляны, Яссы и Фокшаны. Намъ предстояло проѣхать болѣе двухъ тысячъ верстъ, изъ которыхъ вторая половина по дорогамъ нешоссейнымъ. Семевскій желалъ проститься со своимъ отцемъ, помѣщикомъ Великолуцкаго

* Умеръ въ отставкѣ въ 1863 году въ Великолуцкомъ уѣздѣ Псковской губерніи.

уѣзда. Его родные окружили меня ласками и напутствовали какъ роднаго сына. Но не ло луги мнѣ было проститься съ моею матерью; и я не предчувствовалъ что никогда уже болѣе ея не увижу.

Война съ Турками едва начиналась, а уже на трактѣ по Бѣлоруссіи, отъ Витебска до Мозыря, намъ приходилось выслушивать отъ станціонныхъ смотрителей польскаго и еврейскаго происхожденія разныя небылицы о чумѣ въ Валахіи, отъ которой будто бы погибаютъ наши солдаты тысячами, о голоданіи нашихъ войскъ... Вообще я замѣтилъ что въ тылу арміи зловредные люди легко могутъ разносить безнаказанно многія небылицы.

На рѣкѣ Прилети уже шелъ ледъ, и насъ переправили по этой обширно разлившейся рѣкѣ съ большими предосторожностями. Малороссъ ямщикъ своимъ юморомъ и остротами старался развеселить насъ, когда мы, проѣхавъ тысячу верстъ, стали опасаться за прочность нетычанки, глубоко погружавшейся въ болото. Но еще болѣе возмущались мы на станціяхъ придирками Евреевъ, захватившихъ здѣсь все въ свои руки.

За Мозыремъ, вязаго, апатичнаго, загнаннаго Бѣлорусса, котораго забили паны и Евреи, смѣнилъ бодрый, бойкій, хотя и лѣнивый Малороссъ. Въ Житомірѣ мы потеряли цѣлыя сутки на починку сломаннаго колеса. Городъ этотъ видимо обстраивался и украшался подъ заботливымъ управленіемъ губернатора Синельникова.

Въ Волынской и Подольской губерніяхъ мы находили болѣе радушія и гостепріимства, на душѣ становилось веселѣе отъ лучшаго состоянія дорогъ и погоды и отъ видимаго по окреснымъ селамъ довольства. Бойкая четверка (а не шесть лошадей, какъ въ Бѣлоруссіи) быстро приближала насъ къ Бессарабіи, гдѣ насъ ожидали непріятности отъ недостатка лошадей на станціяхъ, притомъ лошадей загнанныхъ, мало кормленныхъ, едва-едва способныхъ тащить экипажъ по растворившемуся отъ дождей черноземy. Въ Бѣльцахъ, 15 ноября, выпалъ снѣгъ, и отъ мороза дорога-грязь обратилась въ груду, по которой насъ трясло немилосердно.

Ночь въ Скуляныхъ мы провели въ заѣзжемъ домѣ Еврейки Дины, расторопной и расторопной хозяйки, заботливо принимавшей ѣдущихъ въ Молдавію офицеровъ и чиновниковъ. Все утро 17го мы провели въ исполненіи разныхъ формальностей и только въ 3 часа пополудни переправились

черезъ Прутъ, и простившись можетъ-быть въ послѣдній разъ съ родиной, поднялись съ помощью воловъ на высокій берегъ Молдавскаго княжества.

Казалось, повѣяло другимъ воздухомъ, на насъ смотрѣли другіе люди, намъ чуждые, хотя по наружности дружелюбные....

Капитанъ-исправникъ и адъютантъ владѣтельнаго князя Молдавскаго въ полной парадной формѣ ожидали пріѣзда нашего коммиссара графа Будберга. Благодаря ихъ протекціи мы скорѣе чѣмъ ожидали попали въ Яссы, на сломанной уже въ третій разъ оси...

Мы не могли воспользоваться радушнымъ пріемомъ Молдаванъ въ Яссахъ, гдѣ для насъ приготовлены были квартиры, и 19 числа, съ крикомъ и гикомъ „гайда“ ямщика, сидѣвшаго на уносной лошади верхомъ, не ѣхали, а мчались по холмистой Молдавіи. Однажды мы очутились въ комическомъ положеніи, когда ямщикъ, сидѣвшій, по обычаю, верхомъ на лошади передняго уноса, ускакалъ впередъ со своею парой, оставивъ насъ среди поля въ большомъ смущеніи. Только версты черезъ двѣ онъ замѣтилъ что за нимъ нѣтъ экипажа! Мы проѣхали Фокшаны, переночевали въ славномъ по имени Суворова Рымникѣ, и въ 8 часовъ вечера 21 ноября, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, достигли Букуреште. Несмотря на многія остановки и затрудненія, мы проѣхали 2.038 верстъ въ три недѣли. (Теперь это громадное для осенняго времени разстояніе проѣзжаютъ въ три, четыре дня!)

Столица Валахіи показалась мнѣ смѣсью европейскаго шика съ азіатскимъ неряшествомъ, рядомъ съ роскошью—нищета. Присутствіе Русскихъ на каждомъ шагу обозначалось военною формой и говоромъ. Командующій войсками на Дунаѣ встрѣтилъ насъ привѣтливо, со словами: „Весьма радъ съ вами служить, приходите обѣдать“. Мнѣ отвели квартиру у г. Александреско, въ лучшей части города, противъ театра. Въ то время много было толковъ объ Ольтеницкомъ сраженіи, о которомъ намъ довелось слышать и по дорогѣ. Въ неудачѣ обвиняли многихъ, главную же причину отбитой атаки большинство объясняло неудовлетворительною рекогносцировкой офицеровъ генеральнаго штаба, увѣрявшихъ будто достаточно двухъ баталіоновъ чтобъ овладѣть карантиномъ и вогнать Турокъ въ Дунай... На дѣлѣ же оказались сильныя замаскированныя батареи, никѣмъ прежде не замѣченныя.

Встрѣча съ товарищами, штабсъ-капитаномъ Талквистомъ и поручикомъ Больдтомъ, бесѣды съ умнымъ и образованнымъ Александреско и чтеніе иностранныхъ газетъ сократили время въ ожиданіи отправленія въ Краіово, гдѣ расположенъ былъ Екатеринбургскій полкъ, къ которому мы, то-есть офицеры л.-гв. Литовскаго полка, были прикомандированы. *

6 декабря у князя Горчакова былъ блистательный балъ, на которомъ присутствовало все высшее букурештское общество: бояре со своими не безупречными куконами и черноглазыми, въ роскошныхъ нарядахъ, куконицами и множество военныхъ чиновниковъ прибывшихъ съ отдаленнаго сѣвера. Среди блестящихъ гвардейскихъ мундировъ всѣхъ полковъ нашей гвардіи и Молдаванокъ сіявшихъ красотой легко забывалось что находишься въ двухъ, трехъ переходахъ отъ непріятеля, къ которому, кажется, мы, Русскіе, со времени Суворова привыкли относиться съ пренебреженіемъ. Забывалось что чрезъ нѣсколько дней, а можетъ-быть и часовъ, придется встрѣтиться съ исконнымъ врагомъ...

Провозглашенный княземъ за ужиномъ тостъ подхваченъ былъ дружнымъ отвѣтомъ, не привычнымъ для румынскаго уха.

Баломъ и закончилось пребываніе гвардейскихъ офицеровъ въ Букурештѣ: чрезъ три дня каждый изъ насъ слѣшилъ къ своему полку.

Мой петербургскій спутникъ отправился въ Пражскій полкъ, а я со штабсъ-капитаномъ Талквистомъ въ Краіово. Выѣхавъ изъ Букурешта на разсвѣтѣ 9 декабря, мы съ немалыми затрудненіями, по дорогамъ едва проѣзжимъ отъ грязи, на четвертый день дотащились до пункта расположенія главной квартиры Мало-Валахскаго отряда.

Мы еще не успѣли ознакомиться со своимъ новымъ положеніемъ въ Екатеринбургскомъ полку и заластись необходимыми для похода принадлежностями, вьюками и лошадьми, какъ весь Мало-Валахскій отрядъ 16 декабря выступилъ по дорогѣ въ Калафатъ, уже *давно* (см. ниже) занятый Турками.

---

* Офицеры 1й гвардейской дивизіи—къ частямъ 12й пѣхотной дивизіи Липранди, 2й гвардейской дивизіи—къ 11й пѣхотной дивизіи Павлова и 3й гвардейской дивизіи — къ 10й пѣхотной дивизіи Соймонова.

Подъ Калафатомъ.

Боелешти, Четатское сраженіе.

Мнѣ приходится нѣсколько вернуться назадъ чтобъ объяснить положеніе занятое нашими войсками на Дунаѣ и вкратцѣ прослѣдить дѣйствія нашихъ войскъ до открытія зимней кампаніи Мало-Валахскаго отряда. *

До открытія кампаніи, 4й корпусъ стоялъ на квартирахъ въ Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ. Движеніе ко границамъ Молдавіи войска этого корпуса начали между 23 мая и 10 іюня. Черезъ рѣку Прутъ перешли въ Скулянахъ и Леово и направились въ Текучъ на рѣкѣ Серетѣ тремя колоннами:

Правая, генералъ-лейтенанта Липранди, изъ 12й пѣхотной дивизіи съ артиллеріей и подвижнымъ артиллерійскимъ паркомъ, переправившись 28 іюня въ Скулянахъ, должна была слѣдовать шестью эшелонами и прибыть въ Текучъ между 10 и 15 іюля.

Средняя, генерала-отъ-инфантеріи Даненберга: 1я сотня Донскаго № 37 полка, 2я бригада 10й пѣхотной дивизіи (Колыванскій и Томскій полки), 11я дивизія съ артиллеріей, Донской № 25й полкъ, 4й Саперный баталіонъ, понтонный паркъ, подвижной артиллерійскій паркъ и подвижной госпиталь, переходитъ рѣку Прутъ между 21 іюня и 3 іюля и прибываетъ въ Текучъ поэшелонно въ первой половинѣ іюля.

Лѣвая колонна, генералъ-лейтенанта Нирода, въ составѣ: 1й бригады 10й пѣхотной дивизіи (Екатеринбургскій и Тобольскій полки), двухъ пѣшихъ батарей (батар. № 1 и легкой № 1), подвижнаго № 10 артиллерійскаго парка, 4й кавалерійской дивизіи съ конною артиллеріей, должна была переправиться въ Леовѣ между 20 и 25 мая и прибыть въ Текучъ 23—30 іюня.

Къ этой же колоннѣ примкнулъ отрядъ Энгельгардта: изъ Донскаго № 37 полка, Шалошникова (кромѣ 1й сотни), пяти баталіоновъ 2й бригады 15й пѣхотной дивизіи и одного

* Здѣсь я слѣдую указанію журнала военныхъ дѣйствій 4го корпуса, съ которымъ я ознакомился въ послѣдствіи, чрезъ десять лѣтъ, когда былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ 4го корпуса.

баталіона Замосцкаго полка съ 25ю казаками, который затѣмъ былъ направленъ на Галацъ, куда и прибылъ 28 іюня.

По прибытіи въ Текучъ, войска слѣдовали въ Букурештъ двумя колоннами.

Лѣвая—графа Нирода, кавалерія 4го корпуса и 1я бригада 10й дивизіи на Лучіу и Митенсу, отдѣливъ одинъ баталіонъ (4й) Екатеринбургскаго полка, два орудія и 50 казаковъ въ Браиловъ.

Правая же колонна—Данненберга, съ остальными войсками 4го корпуса, слѣдовала на Фокшаны и Рымникъ.

Около половины іюля войска наши расположились на тѣсныхъ квартирахъ въ Букурештѣ и его окрестностяхъ, прикрываясь со стороны Дуная, отъ Галаца до Журжи, боковыми и передовыми отрядами.

Въ то время велись еще дѣятельные переговоры. Занятіемъ Княжествъ предполагалось вынудить у Турокъ согласіе на наше требованіе, и потому войскамъ нашимъ предписывалось воздерживаться отъ непріязненныхъ дѣйствій.

Но уже въ началѣ августа князь Горчаковъ нашелъ нужнымъ имѣть небольшой отрядъ въ сторонѣ Малой Валахіи. Въ составъ этого отряда, подъ начальствомъ генералъ-майора Бельгарда, вошли Екатеринбургскій и Тобольскій полки съ соотвѣтственною частью 10й артиллерійской бригады (1я батарея и 1я легкая батарея), гусарскій Ахтырскій принца Фридриха-Карла Прусскаго полкъ и двѣ сотни казаковъ № 37го полка, Шалопникова.

На пути въ городъ Краіово, который предполагалось занять 15 и 17 августа, Бельгарду предписано первоначально остановиться въ мѣстечкѣ Текучѣ, выставивъ аванпосты за рѣку Веде и выславъ двѣ сотни казаковъ въ городъ Руссо-де-Веде; израсходованный сухарный запасъ слѣдовало пополнить здѣсь изъ подвижнаго магазина, который долженъ былъ прибыть въ мѣстечко Текучъ 9 августа. Затѣмъ отрядъ долженъ былъ передвинуться въ городъ Слатино на рѣкѣ Ольтѣ; на случай же появленія непріятеля на лѣвомъ берегу Дуная, въ районѣ 4го корпуса, отъ Зимницы до Силистріи,—принять особыя мѣры охраненія и высылать отъ резервовъ аванпостной цѣпи (бывшихъ у Ольнаки, Негоешти и Гаунети) сильныя партіи въ угрожаемые пункты на Дунаѣ.

Начальникомъ всѣхъ передовыхъ постовъ отъ Браилова до Руссо-де-Веде былъ назначенъ графъ Апрепъ-Эльмптъ, а

начальникомъ авангарда, расположеннаго въ окрестностяхъ Колачени на рѣкѣ Аржисѣ по дорогѣ изъ Букуреште въ Журжу, генералъ-лейтенантъ Соймоновъ (2я бригада 10й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями).

Въ началѣ сентября Мало-Валахскій отрядъ былъ усиленъ Александрійскимъ гусарскимъ князя Варшавскаго полкомъ, конною легкою № 10 батареей и Донскимъ казачьимъ № 38 полкомъ, съ подчиненіемъ начальнику 5й легкой кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенанту Фишбаху, и передвинуть 7 сентября въ мѣстечко Команы на рѣкѣ Ольтѣ; туда же былъ направленъ и 4й баталіонъ Екатеринбургскаго полка. *

Въ ожиданіи разрыва съ Турціей были приняты слѣдующія мѣры: 1) охраненіе Дуная отъ рѣки Веде до озера Мостицы поручено командиру 4го корпуса Даненбергу; 2) авангардъ Соймонова (7 баталіоновъ 10й дивизіи, батарейная № 2 и легкая № 2 батареи и пять сотенъ Донскаго № 10 полка) передвинуть къ Одаю противъ Журжи; 3) въ Будешти, при сліяніи Аржиса съ Дымбовицей, поставленъ отрядъ Нирода (4й баталіонъ Камчатскаго полка, шесть эскадроновъ Ольвіопольскаго полка, легкая № 4 батарея и двѣ сотни Донскаго № 34 полка); 4) въ окрестностяхъ Добрени сосредоточенъ общій резервъ (8 баталіоновъ 11й пѣхотной дивизіи, батарейная № 3 и легкая № 3 батареи, шесть эскадроновъ гусарскаго Наслѣдника Цесаревича полка, конная легкая № 8 батарея) подъ начальствомъ Даненберга.

Между тѣмъ, Турки, со своей стороны, начали стягивать войска къ Рущуку и особенно къ Видину, противъ котораго они заняли, въ половинѣ октября, Калафатъ на лѣвомъ берегу Дуная; значительные непріятельскіе отряды были замѣчены въ Систовѣ (до 10 тысячъ) и въ Плевнѣ (4 тысячи).

Еще 27 сентября въ Рущукѣ и 29 сентября въ Силистріи, при пушечной пальбѣ, прочитанъ былъ фирманъ султана объ объявленіи войны Россіи; 4 октября Турки начали строить батареи противъ Журжи, и командующему войсками на Дунаѣ дано знать отъ Омеръ-паши что съ 12 октября онъ начнетъ военныя дѣйствія.

Войска Мало-Валахскаго отряда съ полученіемъ извѣстія о занятіи непріятелемъ Калафата, гдѣ Турки начали уже

* Этотъ баталіонъ изъ Браилова еще 28 іюля прибылъ въ Букуретъ, откуда 12 сентября пришелъ въ мѣстечко Команы.

укрѣпляться, передвинулись частью къ Каракулу, частью же къ Бырзѣ. Но, получивъ свѣдѣніе о томъ что Турки укрѣплялись въ Калафатѣ и стягивали силы къ верхнему Дунаю, князь Горчаковъ предписалъ генералъ-лейтенанту Фишбаху перейти въ Краіово, гдѣ и размѣстить свой отрядъ по квартирамъ.

Такимъ образомъ, пѣхотная бригада Бельгарда прибыла въ Краіово 29 октября. *

Дунайской пограничной стражѣ въ Малой Валахіи было предписано своимъ начальствомъ (еще 20 октября), чтобы граничары, на мѣстахъ содержимыхъ казачьими аванпостами, подчинялись командирамъ россійскихъ войскъ. При отступленіи же, гдѣ нѣтъ русскихъ войскъ, они должны собираться съ оружіемъ подъ управленіе становыхъ приставовъ.

Жители ближайшихъ къ Дунаю селеній, возбуждаемые турецкими агентами и нѣкоторыми эмиссарами изъ Валахіи, стали враждебно относиться къ русскимъ властямъ, а турецкіе разъѣзды начали появляться у станціи Скрипетулъ и въ районѣ тридцати верстъ отъ Калафата.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ концѣ ноября, когда начальникомъ отряда, на мѣсто Фишбаха, былъ назначенъ графъ Апрелъ-Эльмптъ, прибывшій въ Краіово 29 ноября. Хотя авангардъ Мало-Валахскаго отряда (изъ трехъ эскадроновъ Ахтырцевъ и $2^1/_2$ сотенъ казаковъ), подъ начальствомъ князя Васильчикова, находясь по большой дорогѣ въ Радованѣ (въ одномъ переходѣ отъ Краіова), старался удерживать спокойствіе въ странѣ и производилъ поиски въ различныхъ направленіяхъ, но самое положеніе небольшаго Мало-Валахскаго отряда становилось затруднительнымъ уже потому что Турки стянули въ Калафатъ значительныя силы, и можно было ожидать со стороны Калафата открытія наступательныхъ дѣйствій. Во всемъ нашемъ отрядѣ, въ половинѣ декабря, было не болѣе десяти тысячъ, между тѣмъ какъ у Турокъ въ Калафатѣ полагали до двадцати тысячъ, считая и неугомонныхъ баши-бузуковъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, на подкрѣпленіе Мало-Валахскаго отряда въ половинѣ декабря была двинута вся 12я

* Кромѣ одной роты Екатеринбургскаго полка, расположенной въ селѣ Мафрени, и одного баталіона Тобольскаго полка, оставленнаго въ селѣ Балтоверди.

дивизія съ артиллеріей, двѣ роты 4го сапернаго баталіона и Бугскій уланскій полкъ. Эти значительныя силы могли прибыть въ окрестности Калафата около Новаго Года; только одинъ Одесскій полкъ ожидался около 20 декабря.

Таково было положеніе дѣлъ въ Малой Валахіи, когда, 16 декабря, нашъ отрядъ двинутъ былъ изъ Краіова къ сторонѣ Калафата по двумъ направленіямъ.

Главная колонна: Екатеринбургскій полкъ, батарейная батарея, гусары и часть казаковъ—по большой дорогѣ на *Боелешти*, правая же колонна, подъ начальствомъ Бельгарда: изъ 3 баталіоновъ Тобольскаго полка, 1 эскадрона Александрійскихъ гусаръ, съ частью казаковъ, при 4 орудіяхъ, направлена къ Четати, на рѣкѣ Дунаѣ, верстахъ въ 25 отъ Калафата. Притомъ Бельгарду съ частью Тобольскаго полка поручалось пройти вверхъ по Дунаю къ сторонѣ Груи и обезоружить волновавшихся граничаръ.

Продолжаю разказъ, слѣдуя своему дневнику:

Устроивъ свой багажъ и передавъ на сохраненіе хозяину нашему бояру Б. свои парадныя, не нужныя теперь вещи, мы на саняхъ выѣхали изъ опустѣлаго Краіова въ 7½ часовъ вечера и около полуночи, у Радована, наткнулись на бивачные огни своего полка.

На разсвѣтѣ 17 декабря ударили генералъ-маршъ. Сильный холодъ, а у меня нѣтъ теплаго платья, о немъ я и не позаботился. Меня подчуютъ мамалыгой (въ родѣ каши изъ кукурузной муки). На походѣ представляюсь своему баталіонному командиру Кафтуновичу; онъ узналъ бывшаго воспитанника въ Полоцкомъ корпусѣ, гдѣ онъ служилъ офицеромъ; меня назначаютъ въ 3ю роту, ко штабсъ-капитану Шамраевскому; это коренастый, плотный мущина, съ отрывистою рѣчью и рѣзкими пріемами, большой хлѣбосолъ, любимый солдатами и имѣвшій лучшихъ пѣсенниковъ въ цѣлой бригадѣ.

Нашъ путь лежалъ по стерни покрытой снѣгомъ; переходъ на первый разъ показался мнѣ утомительнымъ; около 5 часовъ, когда уже совершенно стемнѣло, незамѣтно выросли предъ нами землянки села Боелешти; о близкомъ присутствіи деревни можно было догадываться по неугомонному лаю собакъ и какому-то непріятному запаху жженой соломы.

Зю роту назначили на аванпосты къ сторонѣ Калафата, и я со взводомъ прямо съ похода вступаю въ отправленіе

службы, настоящей боевой службы. Я былъ въ корпусѣ, изучалъ тактику; но, признаюсь, старый, бывалый уже въ кампаніяхъ, взводный унтеръ-офицеръ зналъ болѣе меня какъ и гдѣ слѣдуетъ разставить парныхъ часовыхъ; предъ этимъ почтеннымъ солдатомъ, лобывавшимъ въ Венгріи, я чувствовалъ себя круглымъ невѣждой. Онъ-то и позаботился о выгодномъ помѣщеніи пикета близь землянки, гдѣ, у разложеннаго костра, на разостланныхъ шинеляхъ я могъ расправить свои кости; товарищи позаботились прислать чаю и вина.

Вверенный мнѣ взводъ состоялъ изъ людей уже бывшихъ въ кампаніяхъ. Будучи старшимъ по чину, я былъ моложе всѣхъ лѣтами. Казалось, всѣ эти добрые глаза смотрѣли на прапорщика-гвардейца какъ на мальчика, котораго нужно еще обогрѣть и положить спать.... Какая завидная доля имѣть такихъ солдатъ: казалось, это были львы способные растерзать врага и лечь костьми защищая своего офицера.

Нѣсколько разъ въ теченіе ночи я обходилъ свою цѣпь; все тихо, иногда въ срединѣ блеснетъ огонекъ, вѣроятно въ казачьей цѣпи, а можетъ-быть и далѣе, кто-либо достаетъ огня. Ночь тихая, небо безоблачное. Повидимому, все погрузилось въ мертвый сонъ... Мѣрно прохаживаются мои часовые, изрѣдка въ направленіи къ Калафату слышится говоръ, то патруль обходитъ цѣпь и является съ докладомъ что все благополучно... „Будьте покойны, все будетъ благополучно“, слышатся у костра остроты и подшучиванье надъ Туркомъ, „это не то что̀ Венгерецъ“...

18 декабря, пятница. Въ 8 часовъ утра, насъ смѣнили съ аванпостовъ, и наша рота размѣстилась по землянкамъ въ окраинѣ ближайшей къ выѣзду въ Калафатъ, откуда съ часу на часъ можно ждать непріятеля. Представьте себѣ нашу крестьянскую избу опущенную до кровли въ землю, и вы получите понятіе о валахской землянкѣ; спустившись внизъ, вы входите въ обширныя, полутемныя сѣни; въ углу каминъ съ вѣчно горящею соломой, надъ огнемъ виситъ большой котелъ, въ которомъ семья имѣетъ обыкновеніе варить свою мамалыгу; сюда-то временно переселились наши хозяева со всѣмъ своимъ богатствомъ. Отъ входа въ сѣни направо настоящая изба, съ лежанками и едва замѣтныхъ вверху окномъ, оклееннымъ бумагой; здѣсь были уже разложены вещи моего

командира Ш. и мои. Добрый капитанъ уже позаботился устроить и мою постель, живописно разостлавъ рогожи на лежанкахъ.

Съ аванпостовъ я въ тотъ же день попалъ въ новый нарядъ, на дежурство по 1му баталіону; должно-быть хотятъ испробовать во всемъ новичка-гвардейца, да еще такого мелкаго чина, думалось мнѣ. Остаюсь въ шарфѣ, нѣкогда думать о снѣ.

Около полудня ударили тревогу; быстро, въ нѣсколько минутъ, роты 1го баталіона собрались на сборный пунктъ; здѣсь солдаты 3й роты затянули удалую пѣсню, а капитанъ Псіолъ, командиръ 2й мушкетерской роты, большой остракъ, счелъ нужнымъ напомнить своимъ солдатамъ какъ бить Турка... По обыкновенію, онъ говорилъ отрывисто и коротко, дополняя слова жестами. Доставалось отъ него бѣдному командиру 1й гренадерской роты, Колесникову, высокому, тщедушному, въ противоположность тучному и коротконогому Псіолу.

19го, суббота. Опять тревога, слышны пушечные выстрѣлы со стороны Четати (25 верстъ), глухіе, точно кулаками стучатъ въ сосѣднюю дверь. Начальникъ отряда Анрепъ съ кавалеріей и казаками несется по дорогѣ въ Калафатъ, пѣхотѣ приказано быть въ готовности.

Мы начинаемъ серіознѣе думать о своей безопасности, и 3й ротѣ приказано устроить въ деревнѣ баррикады; жители намъ помогаютъ; при помощи ихъ, мы стаскиваемъ телѣги и всякаго рода рухлядь къ выходамъ по дорогѣ въ Калафатъ и Пояны...

Слышанные нами выстрѣлы объясняютъ нападеніемъ Турокъ на Баумгартена въ сел. Четати (на Дунаѣ), который оставался тамъ только съ однимъ баталіономъ, двумя орудіями и горстью казаковъ и гусаръ. Прочія части полка, какъ уже замѣчено, ушли вверхъ по Дунаю для приведенія въ порядокъ волновавшихся граничаръ.

20го, воскресенье. Въ 8 часовъ 3я рота идетъ въ прикрытіе нашей батарейной батареи, расположенной впереди деревни Боелешти, вправо отъ дороги въ Калафатъ. Офицеръ генеральнаго штаба разбилъ укрѣпленіе для батареи, и весь день кипѣла работа, такъ что къ вечеру закрытіе для орудій было почти готово. Въ теченіе дня я познакомился съ артиллеристами, между которыми нашелъ и товарища по Полоцкому корпусу, Сѣдлецкаго; обѣдаю и лью чай у батарейнаго командира Г.

Мы слишкомъ слабы, чтобъ идти на штурмъ Калафата, какъ предполагали еще вчера; предъ нами уже сильное предмостное укрѣпленіе Видина, занятое многочисленною артиллеріей, частью крѣпостною; Калафатскія укрѣпленія, говорятъ, имѣютъ значительную профиль и заняты отрядомъ вдвое сильнѣе нашего. Непріятель сосредоточенъ, а мы разбросаны на протяженіи 30 верстъ... Артиллеристы всегда знаютъ болѣе чѣмъ пѣхотные о томъ что̀ кругомъ дѣлается.

Всю ночь въ прикрытіи провожу время въ постоянномъ бдѣніи: бригадный командиръ Загоскинъ сильно безпокоится за безопасность своихъ орудій. Одна искра, вѣроятно отъ казака курившаго табакъ въ передовой цѣпи по Калафатской дорогѣ, едва не подняла на ноги весь отрядъ. (Какъ можно, однако, допускать такую неосторожность!) Въ два часа ночи начальникъ штаба князь Васильчиковъ повѣряетъ аванпосты. Въ караульной землянкѣ, у разведеннаго огня, навѣщаютъ меня артиллерійскіе офицеры и самъ бригадный командиръ Загоскинъ. Всѣ ждутъ кого-то и чего-то. Всѣ задумчивы, и разговоръ какъ-то не вяжется. Зима, кажется, установилась, холодная ночь прошла спокойно, Турки, противъ ожиданія, насъ не безпокоили.

21го, понедѣльникъ. Въ подкрѣпленіе къ намъ пришелъ Одесскій егерскій полкъ направленный въ Моцецей; теперь Мало-Валахскій отрядъ состоитъ изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ гусарскихъ полковъ, двухъ пѣшихъ и одной конной батареи и около 200 казаковъ, всего 12 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, двѣ сотни и 32 орудія, силой до 12 тысячъ. Войска наши расположились слѣдующимъ образомъ:

Правый отрядъ—въ Четати (въ 25 верстахъ), на берегу Дуная, по дорогѣ изъ Турнъ-Северина въ Калафатъ; здѣсь находится полковникъ Баумгартенъ съ 3 баталіонами Тобольскаго полка, при 6 орудіяхъ легкой № 1 батареи 10й артиллерійской бригады, однимъ эскадрономъ Александрійскихъ гусаръ и сотнею Донскаго № 38 полка, всего около трехъ тысячъ.

Главныя силы—въ Боелешти, по дорогѣ изъ Краіова въ Калафатъ, подъ начальствомъ графа Анрепа-Эльмпта: Екатеринбургскій полкъ, кромѣ двухъ ротъ прикрывающихъ вагенбургъ въ Радованѣ и занимавшихся хлѣбопеченіемъ, батарейная № 1 батарея *, конная легкая № 10 батарея (всего

* Для краткости не буду повторять нумера бригады.

20 орудій), дивизіонъ Ахтырскихъ гусаръ и двѣ сотни № 38 Донскаго полка.

Связью между Баумгартеномъ и Анрепомъ служитъ отрядъ Бельгарда, расположенный правѣе почтовой станціи Сумпетулъ (первой отъ Калафата) въ Моцецеѣ, въ составѣ: Одесскаго полка, съ 6ю орудіями легкой № 1 батареи и дивизіономъ Александрійскихъ гусаръ. Остальная кавалерія отряда расположена въ окрестностяхъ Боелешти, а именно: въ с. Селиче-Круча—Ахтырскіе гусары, съ аванпостами къ селенію Кевей-де-Судъ, прикрывая лѣвый флангъ главныхъ силъ, и въ с. Чарой, верстахъ въ 10 отъ Боелешти, затѣмъ въ тылу Александрійскіе гусары. Трудно понять почему кавалерію поставили въ тылу при такомъ раскинутомъ расположеніи пѣхоты.

Такимъ образомъ, противъ Калафата, занятаго уже, по слухамъ, непріятельскимъ корпусомъ въ 30—40 тысячъ, нашъ Мало-Валахскій отрядъ, силою въ 12 тысячъ, расположенъ такъ что правый флангъ упирается у Четати въ крутой обрывистый берегъ Дуная, между тѣмъ какъ лѣвый флангъ (а именно, главныя силы отряда) отброшенъ назадъ. Разстояніе между правымъ и лѣвымъ флангами нашего расположенія составляетъ до 30 верстъ.

Это расположеніе отряда параллельно Дунаю, послѣ того какъ эта рѣка, сдѣлавъ крутой поворотъ на югъ отъ с. Четати, идетъ мимо Модловиты и Галенца и, пройдя отлогою дугой до Калафата на юго-западъ, поворачиваетъ на западъ мимо Ломъ-Паланки и Цыбра-Паланки. Вся эта часть юго-западной Малой Валахіи, отъ рѣки Данцулъ (на нашемъ лѣвомъ флангѣ) до Дуная у Четати и Калафата, представляется легко всхолмленною открытою равниной, кое-гдѣ покрытою виноградниками, по которой пролегаетъ множество дорогъ въ различныхъ направленіяхъ.

Главная и кратчайшая дорога отъ Краіова въ Калафатъ проходитъ на Боелешти; здѣсь, въ 35 верстахъ отъ Калафата, расположены: 4 баталіона, 12 эскадроновъ, двѣ сотни и 20 орудій, всего до 5 тысячъ.

Другая значительная дорога, отъ Турнъ-Северина къ Калафату, идетъ по самому берегу Дуная, параллельно его изгибамъ. Здѣсь, въ 25 верстахъ отъ Калафата, въ Четати и Моцецеѣ, находятся: 7 баталіоновъ, 12 орудій, 3 эскадрона и 3 сотни. Всего у Баумгартена до 3 тысячъ и у Бельгарда до 4 тысячъ.

У Галенца, въ 10 верстахъ отъ Калафата, обѣ дороги соединяются.

Отъ Боелешти до Четати не менѣе 30 верстъ.

Не входя въ критическій разборъ такого растянутаго расположенія Мало-Валахскаго отряда *, замѣчу только что выдающееся расположеніе Баумгартена, имѣющаго въ Четати много если три тысячи человѣкъ, представляетъ не мало искушенія для Турокъ, занимающихъ сильно укрѣпленную позицію. Непріятель не могъ не знать о приближеніи на подкрѣпленіе къ намъ еще трехъ полковъ лѣхотныхъ и одного кавалерійскаго.

Въ отрядѣ нашемъ 21 декабря уже стало извѣстно о подвигѣ Тобольскаго баталіона и двухъ орудій, отразившихъ 19 числа турецкую кавалерію и баши-бузуковъ. Послѣ такой рекогносцировки непріятеля, усилившей бдительность нашу, при вышеизложенныхъ условіяхъ нашего расположенія нельзя не ожидать со стороны Турокъ какой-либо рѣшительной попытки.

Въ этотъ же день нашъ разъѣздъ захватилъ въ плѣнъ турецкаго капитана.

Въ слѣдующіе дни, 22, 23 и 24 декабря, мы въ Боелештахъ продолжаемъ усердно окапываться батареями. Каменную ограду у церкви полагаемъ приспособить къ оборонѣ; замерзлая земля съ трудомъ подается подъ заступами, постоянно ждемъ тревоги, спимъ не раздѣваясь. Опять слышно нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ съ запада; выстрѣлы эти, говорятъ, были по турецкому разъѣзду, гнавшемуся за казаками до Моцецея. Опять полался плѣнный Турокъ. Съ нимъ обращаются хорошо, кормятъ и поятъ не хуже нашихъ солдатъ.

Продовольствіе солдатъ достаточное, два раза въ недѣлю получается хлѣбъ изъ Радована, каждому выдается по 2 фунта 54 золотн. Запасныхъ сухарей въ ранцѣ по 7 фунтовъ (на четыре

* Въ сочиненіи генералъ-лейтенанта М. И. Богдановича, т. I, стр. 169, весь Мало-Валахскій отрядъ опредѣленъ силой въ 7 тысячъ; въ дѣйствительности же въ немъ было предъ Четатскимъ сраженіемъ не менѣе 12 тысячъ ($10^1/_2$ баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 5 сотенъ, 32 орудія). Во всѣхъ этихъ частяхъ больныхъ было самое ограниченное число, люди продовольствовались хорошо. Ряды были полные. По показаніямъ журнала военныхъ дѣйствій, въ Четатскомъ сраженіи у Бельгарда и Баумгартена было 8 тысячъ.

дня). Ежедневно по полуфунту говядины и по чаркѣ водки; въ котелъ къ ячменной мукѣ стали прибавлять кукурузную; такая кашица очень сытна. Въ землянкахъ люди размѣщены свободно, по пяти и не болѣе семи человѣкъ. Обращеніе наше съ жителями дружеское. На случай тревоги, говядину выдаютъ на руки. Въ лавкахъ Боелешти можно достать сахаръ и разныя невинныя лакомства по цѣнамъ довольно умѣреннымъ. Между тѣмъ, стали открываться большіе запасы спрятанныхъ жителями ячменя и кукурузы.

Населеніе здѣсь представляетъ смѣсь Валаховъ, Сербовъ и Болгаръ, первыхъ вообще мало; между жителями сильно развито шліонство, они очень боятся Турокъ, къ намъ относятся съ недовѣріемъ, но безъ страха. Жители кажутся бѣдными, но у нихъ много скота, особенно свиней. Бояръ своихъ народъ не любитъ, въ судахъ здѣсь много произвола, налоги значительные.

Накануѣ Рождества рота постилась по своей охотѣ; мы окончили средній люнетъ на два орудія. Сегодня же ввезли на другія укрѣпленія 8 орудій: на правую батарею 4 орудія—у выѣзда въ Калафатъ, на лѣвую батарею 4 орудія—у выѣзда въ Пояны, 2 орудія—въ резервѣ у церкви; не достаетъ еще разныхъ внѣшнихъ преградъ. Для прикрытія батарей имѣются маленькіе эполементы. Нашъ 1й баталіонъ, занимавшій внѣшній край деревни къ сторонѣ Калафата и Поянъ, сегодня же перемѣщенъ на противоположный конецъ деревни, а наше мѣсто заняли казаки. Сегодня захватили 30 каруцъ съ сѣномъ, которое Молдаване везли Туркамъ. Поэтому мы стали жечь сѣно бывшее къ сторонѣ Калафата.

Хотя мы укрѣпились, но чувствуемъ себя какъ-то стѣсненными, въ постоянномъ напряженіи и ожиданіи нападенія Турокъ. Снѣгъ довольно глубокій и холода не уменьшаются.

Духъ нашихъ солдатъ превосходенъ; слушая ихъ разсказы о Венгерской войнѣ и разные эпизоды о чьихъ-либо подвигахъ невольно пріобрѣтаешь какую-то самоувѣренность. Теперь они горятъ нетерпѣніемъ „помѣряться“ съ Туркомъ и не скрываютъ этого отъ жителей, которые начинаютъ къ намъ привыкать. Многимъ изъ нихъ извѣстенъ подвигъ Гейсмара (въ кампанію 1827 года), и это передается здѣсь изъ поколѣнія въ поколѣніе. Больныхъ солдатъ очень мало.

Офицеры нашего полка собираются по вечерамъ въ свои кружки, за картами и виномъ; такъ проводятъ они почти

каждый вечеръ, не обращая на Турокъ никакого вниманія. Времени свободнаго здѣсь довольно, и трудно найти чѣмъ убить его.

25го, пятница. Рождество Христово. На разсвѣтѣ, въ семь часовъ утра, насъ разбудили явственно слышанные нами лушечные выстрѣлы со стороны Четати, то отдѣльные, то частые, какъ бы сливающіеся... Всѣ быстро вскакиваемъ какъ были одѣты. Напрягаемъ вниманіе—канонада то стихаетъ, какъ бы замираетъ, то снова усиливается. Что-то щемитъ сердце. Однако не бьютъ тревоги; напротивъ, мы готовимся къ параду, одѣваемся по-праздничному, идемъ поздравлять со днемъ Рождества къ командиру полка Уважному-Александрову: я наряженъ въ парадъ съ 1ю гренадерскою ротой. На всѣхъ возвышеніяхъ высылали солдаты. Отказываются отъ пищи, просятъ вывернуть котлы. Какой праздникъ, когда Тобольцамъ приходится плохо! Выстрѣлы не умолкаютъ, нѣкоторые изъ насъ слышатъ ружейную пальбу. День прекрасный, тихій, воздухъ удивительно спокоенъ, и мы явственно различаемъ неумолкаемую, перекатную пальбу изъ орудій.

10 часовъ. Къ выстроеннымъ противъ церкви тремъ гренадерскимъ ротамъ подходитъ со свитою генералъ-лейтенантъ Фишбахъ (начальникъ кавалеріи), музыка играетъ честь, а мы беремъ на караулъ. Многіе офицеры пошли въ церковь, но большинство осталось дома, съ недоумѣніемъ ожидая тревоги. Томительное ожиданіе; служба въ церкви продолжается спокойно; мое ухо не можетъ оторваться отъ отдаленной лушечной пальбы. Въ 11 часовъ лушечные выстрѣлы особенно участились и какъ бы приблизились къ намъ, ружейная пальба стала явственно замѣтною. Грекъ-полковникъ Соломомъ говоритъ мнѣ: *„вѣдь это изъ пушекъ и изъ ружей стрѣляютъ“*, и отходитъ, ложимая плечами. Начинается молебенъ, пропѣто многолѣтіе императору Николаю и вѣчная память павшимъ въ Отечественную Войну.

Уже болѣе четырехъ часовъ мы напрасно ждемъ тревоги. Говорятъ, прискакалъ отъ Бельгарда казакъ съ извѣстіемъ что Турки въ большихъ силахъ напали на Баумгартена, и что онъ съ Одесскимъ полкомъ въ 9 часовъ выступилъ изъ Моцецея на помощь къ Четати. Лошадь подъ казакомъ тутъ же и пала.

11½ часовъ. Мы проходимъ церемоніальнымъ маршемъ. На площадь въѣзжаетъ графъ Апрелъ-Эльмптъ. Поздоровавшись

съ солдатами, онъ отдаетъ приказаніе и, сопровождаемый казаками, скачетъ по дорогѣ къ Калафату. А солдаты остаются на всѣхъ возвышенностяхъ и смотрятъ къ сторонѣ Четати, гдѣ видѣются клубы дыма.

12 часовъ. Весь отрядъ въ сборѣ на площади, и мы всѣ ускореннымъ шагомъ, почти бѣгомъ, съ первою дрожью, идемъ на выстрѣлы по дорогѣ къ Калафату. Лѣвѣе насъ вскачь несутся казаки, а за ними галомъ Ахтырскіе гусары, имѣя въ хвостѣ конную батарею.

Въ Боелешти остаются 4й баталіонъ нашего полка и два орудія для прикрытія обоза, вьюковъ, 2хъ и 3хъ зарядныхъ ящиковъ.

По мѣрѣ нашего движенія выстрѣлы постепенно замолкаютъ, и послѣ часу, когда мы сдѣлали около шести верстъ, совсѣмъ прекращаются. Все тихо. На 8й верстѣ мы дѣлаемъ привалъ. Проѣхала чья-то коляска, деньщикъ кричитъ: „насъ порубили, баринъ мой пропалъ“.... Это говорилъ деньщикъ генерала Жигмонта. На 10й верстѣ, подъ горой, насъ останавливаютъ. Начинаютъ распространяться тревожные слухи. Хвалятъ Тобольцевъ. Хулятъ Одесцевъ.

3½ часа. Насъ поворачиваютъ назадъ, и въ 6 часовъ мы уже въ своихъ теплыхъ землянкахъ. Но въ какомъ тяжеломъ, грустномъ настроеніи возвращались всѣ, отъ старшаго начальника до послѣдняго солдата! Мы не только не подали помощи Тобольцамъ, но, двинувшись впередъ, какъ бы испугались Турокъ и вернулись въ то время когда, можетъ-быть, слѣдовало гнаться за ними... Все что происходило въ теченіе дня не понятно, и въ простотѣ своего ума я не знаю чѣмъ объяснить себѣ оплошность начальника Мало-Валахскаго отряда. Такъ провелъ Боелештскій отрядъ памятный день Четатскаго сраженія.

26го, суббота. Два раза тревога: первый разъ послѣ пушечныхъ выстрѣловъ со стороны Четати, во второй разъ вслѣдствіе случайнаго выстрѣла часоваго въ аванпостной цѣпи; мы собираемся у батарей. Весь день въ напряженномъ ожиданіи, не раздѣваемся, вещи уложены. Всякій чувствуетъ себя угнетеннымъ нашею неудачей въ день Четатскаго боя. По отряду распространяются противорѣчивые слухи объ этомъ кровавомъ дѣлѣ.

27го, воскресенье. Ночь проходитъ, однако, спокойно; но въ полдень опять раздалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ.

Скоро они замолкли. Говорятъ, Тобольцы разряжаютъ взятыя ими орудія. До сихъ поръ слухи о Четатскомъ сраженіи были до такой степени сбивчивы что невозможно было о немъ дать себѣ отчета. Теперь извѣстія получили опредѣленное выраженіе. Вотъ вкратцѣ добытыя мною извѣстія:

Нападеніе на Тобольцевъ было неожиданное; болѣе думали о праздникѣ чѣмъ о непріятелѣ, офицеры и солдаты надѣялись провести праздникъ Рождества по русскому обычаю. На разсвѣтѣ 25 декабря, предъ фронтомъ дежурной части Тобольскаго полка, у деревни Фонтына-Банулуй, находящейся въ $^1/_4$ верстѣ впереди Четати, и на лѣвомъ флангѣ появилась непріятельская кавалерія, значительная колонна которой стала на дорогѣ изъ Четати въ Моцецей.

Тобольцы, застигнутые врасплохъ, по тревогѣ заняли своими штуцерниками канавы и расположились въ ротныхъ колоннахъ, позади дежурной части, между землянками Фонтына-Банулуй; а резервъ, изъ одного баталіона, сталъ между этою деревней и селеніемъ Четати—на площадкѣ которую, повидимому, торопилась занять турецкая кавалерія.

За непріятельскою кавалеріей, выставившею 10 орудій, шла турецкая пѣхота, которая, подъ прикрытіемъ 12 пѣшихъ орудій, заняла позиціи частію за курганомъ предъ деревней Фонтына-Банулуй, по дорогѣ въ Гуаію, частію же за виноградниками по дорогѣ изъ Четати въ Моцецей.

Противъ такихъ силъ Баумгартенъ могъ выставить только одинъ полкъ съ 6 орудіями.

Двѣ или три непріятельскія атаки были отбиты Тобольцами, но вскорѣ Баумгартенъ вынужденъ былъ отвести разстроенныя роты на другую позицію, на ту именно на которой встрѣчалъ непріятельскую кавалерію 19 декабря. Для отступленія требовалось большое искусство: непріятель тѣснилъ наши роты съ фронта и съ лѣваго фланга; по дорогѣ, особенно въ промежуткѣ между Фонтына-Банулуй и Четати, солдатамъ пришлось работать штыками, а когда Баумгартенъ вышелъ за селеніе Четати, то площадка, окопанная канавами, въ 300 шагахъ за деревней, была уже занята непріятельскою кавалеріей, съ 6 орудіями. Тобольцы стремительною атакой въ штыки прогнали кавалерію и захватили два орудія. Отступленіе Баумгартена по деревнѣ, длиной болѣе версты, стоило большихъ жертвъ; въ артиллеріи вся прислуга была перебита, 4 орудія были оставлены по дорогѣ. Всѣ дальнѣйшія

попытки непріятеля были отражены лѣхотой при содѣйствіи эскадрона Александрійскихъ гусаръ, бросавшихся во флангъ въ то время когда наша лѣхота поражала Турокъ съ фронта. Тобольцы, образовавъ одно сомкнутое каре, прикрывали своею грудью знамена и два орудія, которыя заряжали оставшіеся въ живыхъ лѣхотные офицеры.

Между тѣмъ со стороны Четати Турки выдвинули противъ Тобольцевъ 14 орудій и направили со своего лѣваго фланга, то-есть отъ Дуная, лѣхоту. Взбиравшіеся по крутому берегу Турки были отбиваемы дружными залпами. Завязался упорный и кровопролитный бой, который могъ кончиться совершеннымъ истребленіемъ Тобольцевъ, еслибы не появленіе Бельгарда со стороны Моцецея. Въ 11 часовъ, въ тылу Турокъ раздались пушечные выстрѣлы. *

Бельгардъ приказалъ ударить тревогу тотчасъ когда услышалъ канонаду со стороны Четати и далъ знать Анрепу о своемъ выступленіи на помощь. Отъ Моцецея до Боелешти не менѣе 17 верстъ. Оставивъ ранцы въ вагенбургѣ, Бельгардъ двинулъ свой отрядъ двумя колоннами, одну на Четати, другую на Гунію; это замедляло движеніе, но въ послѣдствіи, уже въ виду Турокъ, обѣ колонны сблизились; Одесцы наступали въ одну линію ротныхъ колоннъ, имѣя въ промежуткахъ артиллерію, прямо на гребень высоты занятой 18 непріятельскими орудіями; за высотой, въ лощинѣ, стояли, прикрытыя гребнемъ ея, колонны турецкой лѣхоты, выславшей впередъ, въ перекопанные канавами виноградники, значительныя цѣпи стрѣлковъ вооруженныхъ нарѣзнымъ оружіемъ. По флангамъ лѣхоты стояла кавалерія съ конными орудіями.

Одесцы, двигавшіеся по совершенно открытой равнинѣ, были встрѣчены убійственнымъ огнемъ на 1.200 шаговъ и въ короткое время, не болѣе какъ въ полчаса, потеряли баталіонныхъ командировъ и значительную часть офицеровъ. Нѣкоторыя роты правой колонны, однако, успѣли дойти до канавъ, выбивая изъ нихъ штыками крѣпко засѣвшихъ турецкихъ стрѣлковъ. Тутъ былъ раненъ полковой командиръ Жигмонтъ. Здѣсь, на правомъ флангѣ, турецкая кавалерія

* Вступленіе Бельгарда въ бой замѣчено нами въ Боелешти по сильно учащеннымъ выстрѣламъ, а до того времени выстрѣлы какъ бы изнемогали.

стала производить атаки. Затѣмъ передовыя роты должны были отступить въ совершенномъ разстройствѣ. На лѣвомъ флангѣ Бельгардъ, несмотря на убійственный перекрестный огонь непріятельской артиллеріи и стрѣлковъ, нѣсколько, разъ бросался въ штыки. Но напрасны были и эти усилія....

Выбить непріятеля изъ сильно занятой позиціи не представлялось никакой возможности. Совершенно разстроенныя роты Одесскаго полка, потерявъ полковаго и баталіонныхъ командировъ и бо́льшую часть офицеровъ, должны были отступить, и Бельгардъ нашелъ необходимымъ вывести полкъ изъ сферы убійственнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня. Однако главная цѣль была достигнута. Бельгардъ притянулъ на себя бо́льшую часть Турокъ. Баумгартенъ былъ спасенъ; роты Одесскаго полка отступали не будучи вовсе преслѣдуемы Турками. Было уже около полудня когда остатки Одесскаго полка были остановлены и начали приходить въ порядокъ; потери оказались громадныя. На правомъ флангѣ, у канавъ, остались цѣлыя груды тѣлъ. О возобновленіи атаки нечего было и думать. Въ это именно время нашъ отрядъ сталъ выходить изъ Боелештъ. Онъ могъ явиться къ мѣсту сраженія не ранѣе четырехъ часовъ пополудни.

Такъ въ общихъ чертахъ, по разказамъ, происходило Четатское сраженіе, стоившее слишкомъ дорого. Въ обоихъ отрядахъ убыло до 2.300 человѣкъ, и въ томъ числѣ болѣе 50 офицеровъ! Одесскій полкъ пострадалъ менѣе чѣмъ Тобольскій. Больше всего потеряла артиллерія. О подвигахъ самоотверженія и личной храбрости офицеровъ и солдатъ много разказовъ, но провѣрить всѣ эти толки очень трудно. По разказамъ очевидцевъ, нельзя сомнѣваться въ стойкости офицеровъ и солдатъ, въ распорядительности и находчивости Баумгартена и въ личной храбрости Бельгарда. Можетъ-быть благодаря такимъ условіямъ оба наши отряда, силой въ семь тысячъ, не были истреблены Турками имѣвшими въ Четатскомъ сраженіи до 18 тысячъ при 30 орудіяхъ.

Турки, узнавъ о выступленіи нашего отряда изъ Боелештъ и будучи сами разстроены, бросили Баумгартена, оставили позиціи противъ Бельгарда и стали быстро отступать на Гунію и Модловиты; при этомъ они оставили первоначально на полѣ сраженія значительное число своихъ убитыхъ.

Бельгардъ, соединившись съ Баумгартеномъ, перешли въ Моцецей, оставивъ Четатское поле сраженія во власть

непріятеля. Тобольцы обнимались и цѣловались съ Одесцами, называя ихъ своими спасителями. На полѣ сраженія, кромѣ убитыхъ, остались многіе раненые: подобрать ихъ наши начальники не считали возможнымъ.

Каждый изъ насъ теперь убѣжденъ что еслибы мы выступили изъ Боелешти по первымъ выстрѣламъ въ Четати, то-есть въ 8 часовъ утра, то къ 12 часамъ мы могли бы появиться въ тылу Турокъ у Модловитъ; во всякомъ случаѣ, наше быстрое наступленіе на сообщенія непріятеля могло бы окончиться полнымъ пораженіемъ Турокъ, и мы, вѣроятно, на ихъ плечахъ ворвались бы въ Калафатъ. Наша же кавалерія могла бы еще къ 11 часамъ поспѣть къ Четатскому бою. Одно ея движеніе на Скрилетулъ могло бы измѣнить весь ходъ Четатскаго боя.

Остановка войскъ двинутыхъ изъ Букурешта имѣла послѣдствіемъ то что поле сраженія, на которомъ было множество раненыхъ, не осталось за нами; въ послѣдствіи оказалось что наши раненые солдаты и офицеры, лишенные возможности двигаться хотя бы на четверенькахъ, были добиваемы Турками.

Видно въ этотъ день на графа Апрела просто нашелъ столбнякъ. Говорятъ будто онъ ожидалъ наступленія на Боелешти сильной непріятельской колонны съ лѣвой стороны, именно отъ селенія Поянъ, гдѣ будто бы находилось до 12 тысячъ Турокъ, а это угрожало потерей сообщенія съ Краіовомъ. Только убѣдившись что Пояны никѣмъ не заняты, Апрелъ двинулся на помощь. Но эту помощь онъ могъ бы оказать четырьмя часами ранѣе, еслибы не оставилъ кавалерію въ тылу за Боелешти, еслибы зналъ что̀ находилось въ Поянахъ, еслибы не потерялъ головы...

Въ бою каждая минута дорога. Не приди Бельгардъ, или опоздай онъ только полчаса, и славнаго Тобольскаго полка, можетъ-быть, не существовало бы. Двинься Апрелъ изъ Боелештъ по первымъ выстрѣламъ съ тремя полками и 20ю орудіями, и оплакиваемыхъ нами громадныхъ потерь не было бы... Въ одинъ день Апрелъ потерялъ всю репутацію храбраго и распорядительнаго авангарднаго начальника.

28—31 декабря. Разговоры о Четатскомъ сраженіи не умолкаютъ. Бельгардъ жедалъ бы, взамѣнъ Одесскаго полка, имѣть Екатеринбургскій. Но развѣ можно такъ жестоко обвинять Одесскій полкъ за то что онъ не могъ пробить лбомъ

густыя массы турецкой лѣхоты, лучше насъ вооруженной и занимавшей крѣпкую позицію? Когда нужно выручать, тогда не выжидаютъ: въ этомъ неувадаемая заслуга Бельгарда, оправданіе Одесцамъ и упрекъ графу Анрелу-Эльмпту. Самъ Бельгардъ разказывалъ въ послѣдствіи что онъ повелъ Одесскій полкъ на такую позицію съ которой едва ли могли бы сбить непріятеля и славные Наполеоновскіе гренадеры. Ему казалось что его любимые Екатеринбургцы справились бы лучше.

Общее мнѣніе въ нашемъ полку такое что Одесскій полкъ въ Четатскомъ дѣлѣ не обнаружилъ достаточнаго мужества... Но такое жестокое обвиненіе несправедливо: кто могъ вести впередъ солдатъ потерявшихъ въ полчаса бо́льшую часть офицеровъ? Да и куда вести?... Слава Богу что непріятель не преслѣдовалъ разстроенныя колонны.

Турки понесли тоже значительныя потери, будто бы до четырехъ тысячъ. Но это не вѣрно, убыль у нихъ была вдвое менѣе нашей.

Для перевозки остававшихся въ живыхъ раненыхъ потребовалось до 300 каруцъ; замѣченъ большой недостатокъ въ перевязочныхъ средствахъ и медикахъ, поэтому многіе раненые, долго не перевязанные, умирали на пути.

Четатское поле сраженія, какъ уже сказано, осталось за Турками, и баши-бузуки заявили себя варварами издѣваясь надъ убитыми; нашихъ павшихъ въ бою солдатъ и офицеровъ они обобрали совершенно. Оставшихся же на полѣ сраженія раненыхъ они ночью добивали. Этого не было бы еслибы мы продолжали свое движеніе до Модловитъ.

Только на другой день, 26 декабря, Тобольскій и Одесскій полки, прогнавъ баши-бузуковъ изъ Четати, похоронили убитыхъ. Но мародеры уже успѣли обобрать ихъ до-гола.

Увѣряютъ что въ Калафатѣ находится до 30.000 Турокъ, что тамъ много выходцевъ изъ Польши и Венгріи. Въ Четатскомъ дѣлѣ наши слышали команды на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Опять увѣряютъ будто у Поянъ, въ день Четатскаго сраженія, стояло 12.000 непріятельскаго войска, готоваго броситься на наши сообщенія еслибъ Анрелъ двинулся на помощь по первому извѣстію о нападеніи на Баумгартена. Такъ ли это?... Кажется, правдоподобнѣе что Анрелъ былъ введенъ въ обманъ донесеніями лазутчиковъ, ибо нашъ казачій разъѣздъ не открылъ въ Поянахъ большихъ силъ

непріятеля. Какъ бы то ни было, но Аврепа нельзя оправдать за распоряженія предшествовавшія Четатокому сраженію, за растянутое расположеніе и разбросанность Мало-Валахскаго отряда, причемъ Баумгартенъ былъ удаленъ на такое разстояніе что подвергался опасности быть раздавленнымъ прежде чѣмъ могъ прійти къ нему на помощь отрядъ изъ Боелештъ. Нельзя же военныя предпріятія, гдѣ льется человѣческая кровь, основывать только на одной непоколебимой стойкости солдата. Подобныя исключенія могутъ быть вынуждены, но ихъ нельзя возводить въ правило.

Обвиняютъ также Баумгартена и Бельгарда. Перваго въ томъ что Тобольскій полкъ былъ застигнутъ врасплохъ; говорятъ что при отступленіи съ первой позиціи имъ не сдѣлано никакого распоряженія о направленіи обозовъ и артиллеріи; послѣдняя поэтому понесла громадныя потери; уцѣлѣло только 17 человѣкъ изъ полубатареи; заряжать пушки и стрѣлять должны были пѣхотные офицеры. Эти страшныя потери артиллерія, главнымъ образомъ, несла при отступленіи, двигаясь по *улицѣ*, между тѣмъ какъ ротныя колонны могли отступать укрываясь земляками.

Бельгардъ изъ Моцепя выступилъ двумя колоннами, дѣлая лѣвою колонной большой обходъ, чрезъ что до крайности замедлялось движеніе правой колонны, Жигмонта, а затѣмъ Одесскій полкъ былъ введенъ въ бой въ *одной линіи ротныхъ колоннъ*, безо всякаго резерва. Мѣстность же была совершенно открытая, и Туркамъ, занимавшимъ всѣ подступы густою цѣпью стрѣлковъ, не трудно было съ превосходными силами отразить растянутую линію ротныхъ колоннъ, не поддержанныхъ никакими резервами; при первомъ же натискѣ полкъ понесъ такія страшныя потери (около тысячи человѣкъ и много офицеровъ) что подался назадъ; только нѣкоторымъ ротамъ, кажется 7й и 8й, удалось ворваться въ канавы; тутъ засѣли штуцерные, въ послѣдствіи погибшіе всѣ до одного. Подобный боевой порядокъ едва ли могъ быть допущенъ на совершенно открытой мѣстности, когда нужно было пройти подъ убійственнымъ огнемъ около версты, а затѣмъ, дойдя до валиковъ, выбивать штыками непріятеля изъ каналъ окружающихъ виноградники. Бельгардъ, очевидно, сильно разчитывалъ на скорый приходъ главнымъ силъ изъ Боелештъ; но тогда зачѣмъ было вести въ атаку роты растянутыя болѣе чѣмъ на версту? Положимъ, удалось бы выбить

турецкихъ стрѣлковъ изъ канавъ; но тогда изъ-за высотъ явились бы сомкнутыя части, и пораженіе было бы полнымъ, ибо наши ротныя колонны некому было поддержать сзади. Бельгардъ долженъ былъ знать что противъ непріятельскихъ войскъ, вооруженныхъ нарѣзнымъ оружіемъ, полкъ могъ выставить только 96 штуцерныхъ! Но оставлю эту критику. Въ данномъ случаѣ, мысль о спасеніи Тобольцевъ преобладала у Бельгарда надо всѣми другими соображеніями, и эта цѣль была имъ достигнута.

Въ штабѣ обвиняютъ не столько Анрепа (во всякомъ случаѣ виновнаго въ нерѣшительности и въ какомъ-то фатальномъ самомнѣніи) сколько общій планъ, на основаніи котораго небольшой Мало-Валахскій отрядъ отданъ былъ на жертву Туркамъ. Дѣйствительно, Турки, опираясь на крѣпость Виддинъ, уже давно утвердились въ Калафатѣ, откуда, будучи прикрыты сильными укрѣпленіями ото всякаго покушенія съ нашей стороны (притомъ многочисленнѣе насъ и лучше вооружены), могутъ постоянно насъ безпокоить, держать постоянно въ тревожномъ состояніи и при малѣйшей оплошности отбросить въ Краіово прежде чѣмъ подоспѣютъ къ намъ всѣ назначенныя подкрѣпленія. Если же наше движеніе впередъ вызвано тревожнымъ состояніемъ умовъ въ Малой Валахіи, то не лучше ли было двинуть насъ изъ Краіова недѣлей позже, то-есть дождаться прихода 12й дивизіи не подъ Калафатомъ, а еще въ Краіовѣ. Въ Краіовѣ, въ тылу нашего отряда, даже не позаботились устроить порядочный госпиталь. При недостаткѣ медиковъ, положеніе нашихъ раненыхъ ужасное, а это весьма вредно дѣйствуетъ на духъ нашихъ войскъ. Такое обстоятельство можетъ повести къ упадку духа, того высокаго военнаго духа который такъ замѣтенъ въ полку гдѣ я имѣю счастіе служить. Пусть знаетъ этотъ великій русскій солдатъ что о немъ думаютъ, что о немъ заботятся и поберегутъ раненаго въ бою...

Вообще всѣ эти дни послѣ Четатскаго сраженія мы находимся постоянно въ тревожномъ состояніи и каждый день ждемъ нападенія. Въ голову приходятъ тревожныя мысли. Впрочемъ, уже подходятъ передовые эшелоны 12й дивизіи. 29 декабря пришли Украинцы, а 2 января соберется вся 12я дивизія. Носятся еще слухи что сюда пріѣдетъ и князь Горчаковъ, что съ нимъ придетъ весь 4й корпусъ, что мы пойдемъ брать Калафатъ штурмомъ. Такимъ образомъ, мы только

еще въ началѣ грозныхъ событій, а между тѣмъ уже подорвано довѣріе къ распоряженіямъ нашихъ генераловъ.

Солдаты хорошо содержатся и готовы съ мужествомъ идти въ бой на бусурмана-Турка, который издѣвается надъ нашими убитыми и добиваетъ раненыхъ, а захваченныхъ казаковъ жаритъ на кострахъ. Правда ли все это, не знаю, но эти слухи сильно держатся между солдатами и поднимаютъ въ нихъ стремленіе къ мести; притомъ Екатеринбургцы должны поквитаться съ Турками за Тобольцевъ.

Меня перевели въ 1ю гренадерскую роту, которую принялъ штабсъ-капитанъ Талквистъ, а прежній командиръ роты, капитанъ Колесниковъ, какъ старшій, отправленъ въ Тобольскій полкъ за штабъ-офицера. Этотъ капитанъ пользуется въ полку общимъ уваженіемъ, и жаль такого командира. Послано туда же въ помощь еще нѣсколько офицеровъ.

Наканунѣ Новаго Года передъ ротой читали приказъ о подвигахъ Тобольцевъ и „храбрѣйшаго“ Баумгартена.

Новый Годъ мы встрѣчаемъ въ полной готовности къ неожиданному нападенію.

1854 годъ.

1 января, пятница. Еще наканунѣ съ вечера у моего прежняго командира Шамраевскаго собрались многіе офицеры встрѣтить Новый Годъ, по армейскому обычаю, водочкой и закуской. Напрасно; прибѣгаетъ изъ полковаго штаба фельдфебель съ приказаніемъ быть въ готовности: у полковаго командира все уложено, а въ канцеляріи собраны всѣ бумаги. Всю ночь, одѣтые, мы ждемъ тревоги. Можетъ-быть это и необходимо чтобы въ эти тревожные дни офицеры были при своихъ частяхъ въ ночное время. Новый Годъ, поэтому, я встрѣчаю на лежанкахъ покрытыхъ рогожей, имѣя шарфъ подъ рукой....

Оттепель и сильный туманъ. Съ 1ю гренадерскою ротой иду въ прикрытіе; приняты всѣ мѣры предосторожности, безпрерывно посылаются патрули отъ насъ и разъѣзды отъ кавалеріи. Промокъ до костей и едва согрѣваюсь у костра въ караульной землянкѣ. Кавалеристы перехватили Валаховъ перевозившихъ на четырехъ каруцахъ водку къ Туркамъ!... Вырученные отъ продажи захваченной водки деньги раздѣлены между ротами Боелештскаго отряда: на каждую пришлось около 4 рублей.

Воскресенье, 3го. Пріѣхалъ Липранди, полки двѣнадцатой дивизіи расположились въ окрестныхъ деревняхъ. Ждемъ еще прихода уланскаго полка, салеръ и казаковъ. Князь Горчаковъ на нѣсколько дней отложилъ свой пріѣздъ... Сужденія и толки о Четатскомъ сраженіи все еще не прекращаются. Нѣкоторые изъ офицеровъ, считавшіеся погибшими, являются ранеными въ тылу нашего отряда. Капитанъ Красницкій, бывшій въ Радованѣ со своею ротой, которая присоединилась теперь къ полку, разказывалъ объ артиллеристѣ Марченкѣ (воспитанникѣ Полоцкаго корпуса), который явился къ нему въ Радованѣ совершенно израненый и просилъ доставить его въ Краіово. Но и тамъ, говорятъ, недостатокъ въ медикахъ... Красницкій увѣрялъ что многіе раненые такъ и не дошли до Радована, умирая по пути.

Понедѣльникъ, 4го. Съ частью людей 3й мушкетерской роты я иду на площадь для приготовленія фашинъ и для приспособленія церковной ограды къ оборонѣ: это нашъ редютъ. Теперь Боелешти укрѣпленъ по правиламъ фортификаціоннаго искусства. На краяхъ деревни устроены люнеты, съ ровиками для стрѣлковъ; улицы баррикадированы, въ церковной оградѣ продѣланы бойницы. Все это сдѣлано пѣхотными солдатами, безо всякаго участія салеръ, руководителями были офицеры: мы дѣлали трассировку и наблюдали за ходомъ работъ. Всѣ кабаки запираются въ 5 часовъ вечера. Здоровье солдатъ въ отличномъ состояніи. Я очень радъ что у меня въ чемоданѣ нѣсколько серіозныхъ книгъ; безъ нихъ можно обратиться въ автомата, особенно тому кто не любитъ, не можетъ или не хочетъ играть въ карты. Безъ офицерскихъ полоекъ не проходитъ ни одного вечера; можно ли, однако, осуждать офицеровъ за такое препровожденіе времени при настоящемъ характерѣ службы и при той степени образованія какое встрѣчается въ средѣ армейскихъ офицеровъ, произведенныхъ большею частью изъ юнкеровъ, давно забывшихъ все чему ихъ учили? Да и откуда взять хотя бы журналъ? Офицеровъ изъ кадетскаго корпуса въ полку здѣсь только четыре человѣка, да и тѣ совершенно сливаются съ остальною массой. Между офицерами отличный военный духъ, и этимъ искупается недостатокъ ихъ образованія.

Вторникъ, 5го. Съ частью гренадерской роты я на аванпостахъ, а другая часть, подъ командой штабсъ-капитана

Талквиста, наряжена въ почетный караулъ для пріема главнокомандующаго.

Несмотря на увеличеніе силъ Мало-Валахскаго отряда, приходится принимать особыя мѣры предосторожности. Кто-то распустилъ слухъ что въ 12 часовъ Турки выступятъ изъ Калафата, и что на разсвѣтѣ они атакуютъ насъ въ Боелештахъ. Всю ночь мои солдаты въ постоянной готовности, держатъ ухо востро, напрягаютъ свои глаза въ темную даль; все спокойно, вездѣ тишина, ни звука, ни свѣта, только Медвѣдица напоминаетъ мнѣ что есть гдѣ-то Петербургъ. Многое передумалось въ эти часы напряженнаго, нервнаго возбужденія. Посмотришь на солдата мѣрно расхаживающаго по аванпостной цѣпи, и спокойно зашагаешь предъ караульною землянкой. Предъ разсвѣтомъ приказываю всѣмъ пикетамъ надѣть ранцы. Мнѣ очень пригодилась черкесская бурка, подаренная докторомъ Бальбіани предъ отъѣздомъ изъ Петербурга; въ ней я разъѣзжаю по своей цѣпи и далеко укутусь за цѣпь къ сторонѣ казачьихъ бекетовъ... Одинъ казакъ на конѣ, другой слѣшенъ.

Иногда, войдя въ землянку чтобы согрѣться, развлекаюсь сидя у огня среди группы солдатъ ведущихъ бесѣду о Кавказѣ и Венгріи; остроты и мѣткія слова обнаруживаютъ въ нихъ прекрасное состояніе духа. О предстоящемъ наладеніи нѣкоторые изъ нихъ говорятъ какъ о желанномъ событіи... Тяжкая аванпостная служба подготовляетъ солдатъ и офицеровъ къ стойкости въ дѣлѣ. Около костра, рядомъ съ солдатами, колошатся маленькія ребята бѣднаго молдаванскаго семейства. Старуха-мать подчуетъ меня мамалыгой со свининой... Вкусно... Наконецъ разсвѣло. Такъ и не дождались наладенія Турокъ до самой смѣны.

Четвергъ, 7го. Къ утру подморозило, бывшій вчера туманъ еще съ вечера разсѣялся. Переводомъ моимъ въ 1ю гренадерскую роту не доволенъ капитанъ Шамраевскій, но я увѣрилъ его что не напрашивался. Это воля старшихъ начальниковъ. Капитанъ, бывало, смотрѣлъ съ умиленіемъ когда я записывалъ что-либо въ свой дневникъ и удивлялся какъ это я могу читать серіозныя вещи.

Въ Боелешти пріѣхалъ сегодня начальникъ штаба Коцебу.

Пошли разные слухи и толки о предстоящемъ наступленіи къ Калафату; для штурма ожидаемъ еще прихода двухъ салерныхъ ротъ и особенныхъ станковъ для установки батарейныхъ орудій чтобы достигать большей дальности. Намъ

предстоитъ овладѣть сперва Поянами и Модловитами, будто бы сильно занятыми непріятелемъ; въ послѣднемъ селеніи Турки укрѣпляются. Въ Калафатъ прибыло еще подкрѣпленіе въ пять тысячъ лѣхоты изъ Софіи. Нѣкоторые изъ офицеровъ утѣшаютъ себя надеждой на миръ вслѣдствіе какихъ-то безпорядковъ въ Константинополѣ... Но если нельзя добиться правды о Четатскомъ сраженіи, то едва ли можно придавать большее значеніе политическимъ слухамъ.

8го, пятница. Капитанъ Колесниковъ возвратился изъ Моцецея и вступилъ въ командованіе своею ротой, а гвардіи штабсъ-капитанъ Талквистъ принялъ 2ю мушкетерскую роту. Теперь моимъ ротнымъ командиромъ Колесниковъ. Но я живу съ Талквистомъ. Колесниковъ разказалъ мнѣ о Четатскомъ сраженіи много любопытнаго. Нашихъ раненыхъ Турки добивали, снимали съ нихъ салоги, аммуницію и хорошія шинели. Къ одному изъ раненыхъ подъѣхалъ какой-то турецкій начальникъ и заговорилъ съ нимъ на польскомъ языкѣ о храбрости русскихъ солдатъ. Вслѣдъ затѣмъ баши-бузуки изрубили этого солдата!... Подобныхъ разказовъ сомнительной достовѣрности я не рѣшился записывать. Въ пріятной бесѣдѣ о подвигахъ и самоотверженіи солдатъ и офицеровъ Тобольскаго полка мы провели весь вечеръ у радушнаго Малоросса Псіола, большаго охотника до *гаданины* (болтовни).

Пользуясь разказами Колесникова, я дополнилъ и исправилъ свои замѣтки о Четатскомъ дѣлѣ. Можетъ-быть удастся мнѣ побывать и на полѣ сраженія.

9го, суббота. Въ прикрытіи артиллеріи на среднемъ люнетѣ. Пріѣхалъ князь Горчаковъ.

10го, воскресенье. Главнокомандующій въ 10 часовъ ѣздилъ въ Моцецей, какъ говорятъ у насъ, ободрить, поздравить и наградить Тобольцевъ за ихъ стойкость и мужество. Одесскій полкъ, по общему мнѣнію, показалъ себя недостаточно стойкимъ. При другихъ условіяхъ, Одесцы показали бы не менѣе мужества чѣмъ Тобольцы; неудачу первыхъ нужно объяснить не трусостью или дурнымъ духомъ въ полку, а обстоятельствами при которыхъ поведена была атака на непріятеля, вшестеро сильнѣйшаго и занимавшаго отличную для обороны позицію *; притомъ и позиція наша была растянута до крайности—болѣе чѣмъ на двѣ версты.

* Говорятъ что турецкія ружья лучше нашихъ. Во всякомъ случаѣ у насъ весьма ограниченное число людей вооруженныхъ штуцерами.

Начальникомъ Мало-Валахскаго отряда будетъ назначенъ Липранди, а Анрепъ удалится въ Букурештъ для другаго назначенія. Говорятъ, Государь не ожидалъ отъ Анрепа такой оплошности въ день Четатскаго сраженія. Но у насъ въ отрядѣ часть вины за Четати свалили также на Фишбаха... Можетъ-быть наша кавалерія не хотѣла или не умѣла собирать точныхъ свѣдѣній о расположеніи непріятеля и своими донесеніями вводила въ обманъ Фишбаха!.. Не безъ причины мы сидѣли болѣе четырехъ часовъ въ Боелештахъ вмѣсто того чтобъ идти на выстрѣлы. Изо всего этого можно вывести что судьба сраженія часто зависитъ отъ маловажныхъ, повидимому, причинъ; кому-нибудь, положимъ взводному вахмистру посланному въ разъѣздъ, вообразилось что Поляны заняты большимъ отрядомъ Турокъ, ему повѣрили, и могло утвердиться мнѣніе о возможности движенія Турокъ на наши сообщенія съ Радованомъ. Но у насъ было 10 свободныхъ эскадроновъ кавалеріи, и вся эта кавалерія находилась въ тылу нашего общаго 30верстнаго расположенія. Вообще наша кавалерія не отличается здѣсь большою дѣятельностью. Ее какъ бы прячутъ. Мы, лѣхотные, болѣе надѣемся на казаковъ.

11—13 января. Снѣгу точно не было, тепло какъ весной. На ночь принимаются предосторожности бо́льшія чѣмъ прежде; деревню окружаютъ непрерывною цѣпью пикетовъ, отъ каждаго баталіона къ пяти часамъ вечера высылается на аванпосты по одной ротѣ. Валахи, а можетъ-быть и Сербы, намъ трудно различить, увѣряютъ что Турки не придутъ въ Боелешти, потому что они боятся Русскихъ (*фрике-домнуле* — боятся, господинъ); они насъ ободряютъ разсказами о подвигѣ Гейсмара, который не только разбилъ здѣсь сильный турецкій отрядъ, но и прогналъ Турокъ за Дунай. Кажется, теперь не тѣ времена. Послѣ Четати мы стали слишкомъ осторожны.

Съ княземъ Горчаковымъ въ Боелешти пріѣхала значительная часть штаба. Бѣдное село можетъ-быть никогда и не видало такой блестящей плеяды генераловъ и штабныхъ. Улицы оживились, почти у каждаго порядочнаго домика встрѣчаются экипажи, многія землянки убраны для свиты коврами и разными боевыми украшеніями. Въ понедѣльникъ (11 числа), въ 3 часа пополудни, главнокомандующій, въ сопровожденіи начальника штаба и большой свиты, объѣзжалъ расположеніе нашего отряда; никто насъ не предупредилъ объ этомъ

объѣздѣ. Всѣ, солдаты и офицеры, выскочили изъ своихъ землянокъ, точно кроты выползли изъ своихъ норъ. Поравнявшись съ нашею землянкой и узнавъ въ штабсъ-капитанѣ Т. и во мнѣ гвардейскихъ офицеровъ, князь Горчаковъ остановился, слѣзъ съ лошади и зашелъ въ нашу землянку. Такое вниманіе было намъ особенно лестно. Коцебу обратился ко мнѣ съ разспросами о службѣ, привыкъ ли я къ отправленію службы на передовыхъ постахъ и т. п.

Мы все еще готовимся къ предстоящему движенію къ самому Калафату, который мы будемъ брать штурмомъ. Но Липранди, говорятъ, не признаетъ необходимости брать штурмомъ столь сильныя укрѣпленія. Тѣмъ не менѣе, мы всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаемъ движенія впередъ. Съ этою цѣлью сдѣлано распоряженіе о приготовленіи достаточныхъ способовъ для продовольствія, придвинуты подвижной госпиталь и артиллерійскій паркъ. Каждый солдатъ долженъ имѣть съ собой манерку съ водой, сухарей на нѣсколько дней, крупы 1 фунтъ, говядины 1 фунтъ, одно полѣно для разведенія костровъ.

Въ ночь на 13 число стою на аванпостахъ съ 1ю гренадерскою ротой. Мои солдаты завидуютъ Тобольцамъ, изъ которыхъ многіе украшены георгіевскими крестами; половина пикета въ готовности, а другая въ землянкѣ согрѣвается у костра. Одинъ юнкеръ получилъ выговоръ отъ старшаго моего унтеръ-офицера за неправильно переданный пароль; выговоръ этотъ былъ выраженъ въ совѣтахъ и скорѣе похожъ на отеческое наставленіе. Солдаты не любятъ юнкеровъ за ихъ небрежность къ службѣ, и слово „дворянчикъ“ на ихъ языкѣ означаетъ недобросовѣстно относящагося ко своимъ обязанностямъ юношу. Въ мою душу глубоко запало безпомощное состояніе вольноопредѣляющихся въ полку, ничему не наученныхъ въ мирное время.

По вечерамъ офицеры, по обыкновенію, гдѣ-либо собираются. Въ середу явились въ нашу землянку бродячіе музыканты, одинъ изъ нихъ сыгралъ русскія пѣсни: „лучину-лучинушку“, „камаринскую“, „пошелъ казакъ за Дунай“. На душѣ становилось и весело, и грустно.

Четвергъ, 14го. Роздали жалованье золотомъ. Я начинаю понимать валахскій языкъ, мой хозяинъ нападалъ на чекоевъ (родъ становыхъ) и жаловался на обременительную дань, увѣряя меня что съ каждаго семейства въ пользу русской казны

платится по 4 гальбина (червонца). Вообще же подати съ крестьянъ здѣсь опредѣляются по степени богатства и по количеству рогатаго скота: бѣдный платитъ не болѣе двухъ гальбиновъ, а богатый до 24 гальбиновъ. Этотъ налогъ (біеръ), по мнѣнію Валаха, обременителенъ для народа.

Пятница, 15го. Сдѣланы всѣ распоряженія по нашему отряду на случай наступательнаго движенія къ Калафату. Весь отрядъ сосредоточивается въ Боелештахъ и Галиче-Маре, куда на усиленіе прибылъ Бугскій уланскій полкъ. Силы нашего отряда опредѣляются теперь въ 26.000, при 86 орудіяхъ, а именно: лѣхоты до 20 тысячъ, кавалеріи до 4 тысячъ и артиллеріи до 2 тысячъ.

Пѣхота: 1я бригада 10й лѣхотной дивизіи—генералъ-майоръ Бельгардъ.

Екатеринбургскій полкъ—Уважновъ-Александровъ.

Тобольскій полкъ—Баумгартенъ.

12я дивизія—генералъ-лейтенантъ Липранди.

1я бригада—Свентицкій.

Азовскій полкъ—Кридеверъ 2й.

Днѣпровскій полкъ—Гриббе.

2я бригада—Левуцкій.

Украинскій * полкъ—Яченко.

Одесскій (не знаю кто назначенъ на мѣсто Жигмонта).

Кавалерія 5й кавалерійской дивизіи—генералъ-лейтенантъ Фишбахъ.

Бугскій уланскій—Гастферъ.

Ахтырскій гусарскій—Салыковъ.

Александрійскій гусарскій—Алопеусъ.

Саперы. Двѣ роты.

Артиллерія.

№ 1 батар.	бат.	12	орудій	10й артиллерій бригады полковникъ Загоскинъ.
№ 1 легкая	„	12	„	
№ 4 батар.	„	12	„	12й артиллерійской бригады полковникъ Нѣмовъ.
№ 6 легкая	„	12	„	
№ 7 „	„	12	„	
№ 8 „	„	10	„ **	
Конная № 10	„	8	„	
Донская № 9	„	8	„	

* Одинъ баталіонъ Украинскаго егерскаго полка и 2 орудія.

** Часть № 8 легкой батареи находится у Островени, на р. Жіе, противъ Iго Ахова.

Казаки. Донской № 38, полковникъ Желтоножкинъ.

Всего 21½ бат., 24 эск., 6 сот. и 86 орудій.

Прежнія распоряженія о запасѣ продовольствія отмѣнены; люди должны имѣть при себѣ продовольствія только на три дня. Для прикрытія вагенбурговъ въ Боелештахъ и Галиче-Маре остаются по одному баталіону при двухъ орудіяхъ.

Съ вечера все успокоилось. Многіе писали письма къ женамъ, составляли духовныя завѣщанія; солдаты надѣли чистое бѣлье. Въ ожиданіи боя, въ которомъ никто изъ насъ не могъ сомнѣваться, я погрузился въ думы, мысленно прощаясь съ близкими сердцу, и съ этими мыслями заснулъ крѣпкимъ сномъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Б.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА СЪ ПРОТЕСТАНТСТВОМЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

I.

Характеръ полемики. — Максимъ Грекъ и его отношеніе къ западно-европейской реформаціи.

Когда западный Европеецъ вступалъ въ предѣлы Московскаго государства, ему сразу бросался въ глаза религіозный складъ русской жизни и преобладающій въ ней церковно-обрядовой характеръ. * При непоколебимомъ убѣжденіи въ правотѣ своихъ вѣрованій, Русскіе отличались необыкновенною набожностію, непосредственною любовью къ обрядности. Внѣ обрядовъ они не представляли и самой религіи. Они приступали съ благоговѣніемъ не только къ освящающимъ человѣка таинствамъ, но и каждый священный предметъ, напоминая имъ о Богѣ, постоянно возбуждалъ въ нихъ молитвенное, благочестивое настроеніе. Проѣзжая или проходя мимо монастыря, церкви, часовни, образа, Московскіе люди непремѣнно останавливались, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, произносили

* *Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ*, Рущинскаго, въ *Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, 1871, III.

краткую молитву и не иначе двигались далѣе какъ исполнивъ этотъ благочестивый обрядъ. Иконы по преимуществу служили обычнымъ предметомъ почитанія и поклоненія. Привычка ко внѣшнимъ формамъ христіанскаго благочестія и простодушное чувство побуждали Русскаго человѣка возможно болѣе окружать себя священными предметами; ему казалось что чрезъ это онъ какъ бы ближе становится къ Божеству. По своей наглядности, икона всего удобнѣе приближала къ нему предметы его вѣры и поклоненія, священныя событія открывала даже неграмотному, и она дѣлалась для Русскаго настолько необходимою принадлежностію религіозной жизни что безъ нея онъ не считалъ возможнымъ совершать молитву, какъ въ церкви, такъ и дома. Съ первыхъ годовъ родители пріучали къ тому дѣтей, ставя ихъ предъ образами и заставляя читать предъ ними молитвы и класть поклоны. Москвитянинъ не хотѣлъ затѣмъ никогда разставаться съ иконой. Отправляясь въ дальній путь или въ военный походъ, онъ бралъ ее съ собой; онъ желалъ чтобы послѣдній взглядъ его падалъ на нее и при отходѣ ко сну. Съ этою цѣлію, въ спальнѣ зажиточныхъ лицъ, у изголовья, имѣлись какъ бы цѣлые иконостасы. Въ каждомъ домѣ, въ переднемъ углу, непремѣнно стоялъ образъ; ставили его также на воротахъ городскихъ стѣнъ, на торгу, перекресткахъ улицъ, въ лавкахъ и т. д. Иконы освящали собою всякое мѣстопребываніе Русскихъ; въ домахъ онѣ были самымъ досточтимымъ предметомъ. При входѣ въ чужой домъ, гость прежде всего обращался къ переднему углу комнаты, къ образу, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и затѣмъ уже здоровался съ присутствующими и вступалъ съ ними въ бесѣду. Прислуга не соглашалась жить у тѣхъ иноземцевъ которые не желали бы имѣть въ своихъ домахъ иконъ. Впрочемъ, заботы объ удаленіи отъ образа всего что̀ могло бы не согласоваться съ его священнымъ свойствомъ побуждало иногда правительство запрещать иновѣрцамъ ставить въ своихъ домахъ иконы; одновременно съ тѣмъ запрещалось русскимъ людямъ жить у иновѣрцевъ. Наши не могли терпѣть ослабленія должнаго уваженія къ своей святынѣ. Окружая ее почетомъ и стараясь хранить ее ближе къ себѣ, они нелицемѣрно молились предъ ней Богу и всѣмъ Его святымъ, молились за себя, за другихъ, за живыхъ и умершихъ.

Съ глубокимъ почитаніемъ священныхъ предметовъ соединялась самая *живая привязанность* ко внѣшнимъ пріемамъ

благочестія, уваженіе къ подвигамъ. Если въ мясоѣдъ и праздники допускалось и извинялось излишество, иногда даже крайне неумѣренное, то посты соблюдались строго. Въ это время не только не употребляли скоромной пищи, но были дни, особенно въ первую и послѣднюю недѣлю Четыредесятницы, когда воздерживались и отъ постной; отъ соблюденія требованій поста не освобождались и больные и даже дѣти. На Великій постъ запирались питейные дома, и кто попадался въ это время въ нетрезвомъ видѣ, того больно наказывали плетьми, водя по улицамъ, и сажали въ тюрьму; виновные въ невоздержаніи отъ супружескихъ удовольствій подвергались тяжкой эпитиміи. Не ограничиваясь постами положенными церковію, многіе налагали на себя воздержаніе въ извѣстные дни добровольно. Служа наглядымъ выраженіемъ набожности, постъ составлялъ необходимую часть религіозной жизни. Высшую степень воздержанія Московскіе люди видѣли въ монашествѣ, полагая что съ поступленіемъ въ монастырь и подчиненіемъ всѣмъ обѣтамъ иночества, всего лучше можно было угодить Богу. И какъ ни много было въ жизни отступленій отъ требованій христіанской нравственности, христіанство представлялось нашимъ предкамъ не въ видѣ какой-нибудь отвлеченной системы, но какъ сила дѣятельная, и по преимуществу въ сферѣ неразрывно связанной съ церковностію.

Встрѣчая такой строй жизни, западноевропейскіе пришлецы испытывали различное впечатлѣніе. Католики находили здѣсь много сходнаго со своею жизнью, и хотя старались обрисовать русскую обрядность въ болѣе темномъ цвѣтѣ за то что Русскіе не хотѣли слышать объ обрядахъ католическихъ, все же между католиками были лица которыя не могли не отдать должнаго уваженія православнымъ Москвитянамъ. Въ своемъ описаніи русскихъ постовъ, Фарберъ прямо выразилъ убѣжденіе что дѣятельною стороной религіозности Русскіе далеко оставляютъ позади себя его единовѣрцевъ. Итакъ, заключаетъ онъ, „помолимся прилежно Богу, чтобъ Онъ положилъ конецъ этой фараоновской гордости нашего сердца и низпослалъ намъ благодать чтобы мы научились добрымъ нравамъ у тѣхъ кого мы называемъ дикарями“.

Со своей стороны и протестанты не могли не признать и не могли не удивляться силѣ религіознаго убѣжденія нашихъ предковъ. „Измучьте сто Русскихъ, умертвите тысячу,

сказалъ ласторъ Гербиній и изъ нихъ едва ли одинъ отладетъ отъ вѣры отцовъ своихъ." Но имъ конечно не могла нравиться привязанность ко внѣшней сторонѣ религіи, къ обрядности. Она, прежде всего, препятствовала близкимъ сношеніямъ ихъ съ Русскими, держала ихъ отъ мѣстнаго населенія въ извѣстномъ отдаленіи. Даже такой, повидимому, незначительный благочестивый обычай что при входѣ въ домъ надобно было сначала помолиться предъ образами, а потомъ заводить рѣчь съ хозяиномъ, ставилъ уже въ тупикъ протестантовъ не признававшихъ иконопочитанія, и сразу дѣлалъ каждаго изъ нихъ чуждымъ, нежеланнымъ гостемъ. Перри горько жалуется что Русскіе обзывали протестантовъ собаками за употребленіе скоромнаго въ постные дни. Наблюдая ихъ образъ жизни, Русскіе видѣли что они живутъ не по православному, не по „христіанскому"; у нихъ не достаетъ освящающей жизнь церковной обрядности, да и существующіе обряды совершаются иначе чѣмъ у православныхъ, а потому неправильны. Безъ правильнаго обряда, разсуждали русскіе люди, не можетъ быть и таинства, и у протестантовъ, слѣдовательно, нѣтъ ни крещенія, ни евхаристіи, ни преемственной іерархіи и т. д. Не исполняя уставовъ церкви, они де не имѣютъ дѣятельной вѣры; отвергая преданіе, правила вселенскихъ соборовъ и учителей церкви, не понимаютъ Священнаго Писанія, не знаютъ истинной вѣры, самовольно ходятъ по влеченію своихъ прихотей. Что же они за христіане? Они не достойны этого названія, они суціе „не-христи".

Такъ отъ вопроса о внѣшней сторонѣ религіи протестантовъ простодушное чувство Русскихъ вело къ заключенію и о внутренней сторонѣ вѣры, къ ея основнымъ пунктамъ. Были, конечно, между Русскими лица знакомыя съ системой даннаго вѣроученія не хуже самихъ лютеранъ и кальвинистовъ, какъ, напримѣръ, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, знавшій его изъ неоднократныхъ и продолжительныхъ бесѣдъ съ протестантами объ ихъ вѣроисповѣданіи, или священникъ Московскаго Успенскаго собора, Иванъ Насѣдка, изучившій Катихизисъ Лютера и сложную противопротестантскую полемическую литературу. Эти лица судили о несостоятельности протестантства съ точки зрѣнія не одной обрядности: Грозный затрогивалъ и отвлеченные исходные пункты протестантскаго вѣроученія, доказывая ихъ односторонность; но для

массы, съ которою всего чаще приходилось вступать протестантамъ въ тѣ или другія сношенія, вопросъ о внѣшности въ религіи имѣлъ ближайшее значеніе. Отсюда то, несвойственное простому наблюдателю, раздраженіе протестантовъ противъ обрядности въ православно-русской Церкви, стараніе ихъ уронить ее въ глазахъ Русскихъ и тѣмъ поднять цѣну своего вѣроисповѣданія и свою собственную. Не ограничиваясь ироническими сужденіями о формахъ церковно-религіозной жизни нашихъ предковъ, они осмѣливались, за иконопочитаніе, самую религію ихъ называть идолопоклонническою. Помимо ближайшихъ практическихъ цѣлей протестантовъ, здѣсь, разумѣется, много значило коренное различіе между вѣроисповѣданіями, православіемъ, которое, при соотвѣтствіи духовно-тѣлесной природѣ человѣка, помогаетъ постигать таинственное чрезъ видимое и признаетъ спасеніе въ одной церкви, и протестантствомъ, этимъ сухимъ религіознымъ раціонализмомъ, произвольно ищущимъ спасенія въ личности. Смысла и достоинства дѣятельной и внѣшней стороны въ религіи, подчиненія церковнымъ преданіямъ и уставамъ протестанты не могли понять и вѣрно оцѣнить. Но они обыкновенно и уклонялись отъ обсужденія вопроса съ принципіальной точки зрѣнія, умалчивали объ основныхъ отличіяхъ въ догматахъ; даже не ставили прямо вопроса вообще о значеніи и происхожденіи видимаго въ религіи: ихъ возраженія, касаясь тѣхъ или иныхъ особенностей, по преимуществу внѣшней стороны вѣры, вращались около частныхъ вопросовъ.

Возраженія немедленно вызывали отвѣты со стороны Русскихъ. Соотвѣтственно нападеніямъ и возраженіямъ, защита трактуетъ о тѣхъ же предметахъ и о тѣхъ же сторонахъ въ нихъ. Нѣтъ ни одного, можно сказать, русскаго богословско-полемическаго трактата въ которомъ не защищалось бы иконопочитаніе, столь дорогое во вседневной жизни русскаго человѣка и потому болѣе всего досаждавшее протестантамъ и оспариваемое ими; затѣмъ идутъ вопросы о постѣ, монашествѣ, почитаніи святыхъ, праздникахъ, поминовеніи умершихъ, мѣстахъ молитвы, лѣтосчисленіи, разсматриваются и таинства, но не столько по существу сколько съ обрядовой ихъ стороны; разъ, въ бесѣдѣ съ пасторомъ Рокитой, Грозный поднялъ споръ до обсужденія нѣкоторыхъ изъ основныхъ пунктовъ протестантской догмы, много говорилъ и объ исходномъ ея пунктѣ, вопросѣ объ оправданіи, однако не

выдѣливъ этого вопроса изъ ряда другихъ, не придавая ему преимущественнаго значенія. Между тѣмъ, еслибы разбору даннаго пункта было отведено должное вниманіе, то не понадобились бы подробныя опроверженія каждаго частнаго вопроса: тогда весьма часто, вмѣсто того чтобы приводить массу текстовъ и другихъ доказательствъ, достаточно было бы указать отраженіе этого односторонняго положенія на другіе догматы или возраженія, благодаря чему обнаружилось бы несоотвѣтствіе ихъ духу ученія, изложеннаго въ Священномъ Писаніи и Преданіи; большія полемическія сочиненія, трактовавшія о нѣсколькихъ предметахъ, получили бы болѣе внутренней системы. Впрочемъ, сами протестанты главнымъ пунктомъ признавали ученіе о Священномъ Писаніи какъ единственномъ источникѣ вѣры и значеніе пункта объ оправданіи начали понимать сравнительно недавно; наша же богословская полемика рѣдко переходила въ наступленіе; она старалась лишь обезсилить дѣлаемыя нападенія, найти доводы противъ возраженій, которыя чаще всего слышались или можно было слышать со стороны протестантовъ.

Вести пренія однако не было любимымъ занятіемъ нашихъ предковъ. Высоту и истинность своихъ вѣрованій они считали внѣ споровъ, ясными до очевидности; въ религіи руководствовались живымъ непосредственнымъ чувствомъ; словопренія и философствованіе, по ихъ мнѣнію, легко приводили бы къ ненужному различію мнѣній, возбуждали бы сомнѣнія и внушали бы суетную гордость разрушающую простоту христіанской вѣры; бесѣда о вѣрѣ веденная безъ опредѣленной цѣли и безъ должной подготовки считалась дѣломъ не благочестивымъ и опаснымъ, способнымъ возбудить соблазны, сомнѣнія. Воздерживаться отъ преній побуждалъ также низкій уровень научнаго умственнаго просвѣщенія, когда по недостатку въ школахъ много было малограмотныхъ въ самомъ духовенствѣ и совсѣмъ незнакомыхъ съ грамотой въ средѣ даже высшаго боярства. Заводить религіозную бесѣду съ иновѣрцемъ можно было развѣ подъ условіемъ если этотъ изъявлялъ готовность принять или принималъ православіе. Лютеранскій пасторъ въ Нижнемъ Новгородѣ какимъ-то образомъ познакомился (въ 30хъ годахъ XVII столѣтія) съ однимъ тамошнимъ монахомъ и часто сходился съ нимъ для разсужденія о религіозныхъ предметахъ. Когда о томъ

донесли патріарху, онъ тотчасъ приказалъ вызвать монаха въ Москву. Если бы не удачно придуманный послѣдними отвѣтъ, не миновать бы ему бѣды. На допросѣ онъ показалъ что лютеранскій пасторъ желаетъ обратиться въ православіе и уже близокъ къ цѣли, и онъ былъ отпущенъ. Дозволяемое въ случаяхъ надобности религіозное бесѣдованіе возлагалось правительствомъ на избранныхъ свѣдущихъ лицъ. Всѣмъ этимъ обусловливалось у насъ ограниченное количество богословскихъ полемическихъ сочиненій. Для такихъ цѣлей, въ Московскомъ государствѣ, или создавались свои сочиненія, или еще чаще пользовались уже готовыми трудами, преимущественно южно-русскою духовною литературой, гдѣ дѣло полемики, благодаря сложившимся тамъ историческимъ обстоятельствамъ, было развито значительно болѣе. Но замѣчательно что оригинальные труды предупредили переводные: вопросъ о протестантствѣ такъ быстро явился что понадобился у насъ немедленный отвѣтъ на него, потребовалось сразу же опредѣлить къ нему свое отношеніе, не дожидаясь когда придетъ голосъ съ юго-западной Руси. Нужное слово было произнесено еще при Грозномъ, когда данный вопросъ впервые далъ себя почувствовать.

Рядъ сочиненій направленныхъ противъ протестантства обыкновенно начинаютъ съ твореній преподобнаго Максима Грека. Но сколько таковыхъ сочиненій написано преподобнымъ Максимомъ, да и вообще имѣлъ ли онъ въ виду Лютера и его дальнѣйшихъ послѣдователей, этотъ вопросъ стоитъ весьма нелрочно. Не задаваясь вопросомъ собственно о числѣ сочиненій, Карамзинъ упоминая объ отношеніи нашихъ богослововъ къ явившейся на западѣ реформаціи замѣтилъ что Грекъ Максимъ написалъ *Слово о лютеровой ереси* или *На Лютеры*. * Поддержавъ это мнѣніе въ своей статьѣ о Максимѣ Грекѣ **, гдѣ одно изъ сочиненій Максима названо *Словомъ о поклоненіи св. иконѣ противъ ялыцагося въ Нѣмцехъ иконоборца Лютора*, преосвященный Филаретъ въ *Обзорѣ русской духовной литературы* утверждалъ что въ числѣ дошедшихъ до насъ сочи-

* Карамзинъ, *Исторія государства Россійскаго*. изд. Эйнерлинга, VII, 120, прим. 341.

** Максимъ Грекъ. *Москвитянинъ*, 1842, № 11, стр. 75, примѣч. (статья безъ подписи автора).

ваній Максима, лять направлено „противъ Лютера", именно: *О поклоненіи святымъ иконамъ; О хулящихъ Божію Матерь; Какой первый грѣхъ въ естествѣ? О рукописаніи, какое дано діаволу; О томъ что человѣческій родъ размножился бы плотскимъ рожденіемъ, хотя бы и не согрѣшилъ Адамъ.* * Это послужило руководствомъ для казанскихъ издателей твореній Максима, которые вслѣдъ за Филаретомъ приписали Максиму также лять сочиненій „противъ лютеранъ". Заглавія ихъ они обозначили точнѣе, соотвѣтственно издаваемому ими тексту: „Слово о поклоненіи святыхъ иконъ противу явльшагося въ Нѣмцехъ иконоборца Лютора; Слово на хульники пречистыя Божія Матере; Сказаніе противу глаголющихъ, яко плотскимъ совокупленіемъ и рожествомъ хотяше множитися человѣческій родъ, аще (бы) и не согрѣшили праотцы; Сказаніе о томъ, который убо первый грѣхъ въ человѣческомъ естествѣ? Сказаніе о рукописаніи грѣховнѣмъ, данномъ діаволу". **

Затѣмъ замѣчается рѣзкій поворотъ. Вмѣсто увеличенія числа противолютеранскихъ сочиненій дѣлается ихъ сокращеніе. Кіевскій изслѣдователь профессоръ А. Никольскій *** нашелъ что съ Лютеромъ и его послѣдователями преподобный Максимъ препирался лишь въ первомъ и первой половинѣ втораго изъ названныхъ выше сочиненій; во второй же половинѣ „Слова на хульники пречистыя Божія Матери" полемистъ обличалъ современныхъ ему русскихъ вольнодумцевъ; третье и четвертое отвѣчало на вопросы занимавшіе юные умы нашихъ грамотѣевъ; послѣднее слово опровергало мнѣніе, которое такъ походило на „болгарскія басни, альбо бабьи бредни", бывшія въ такомъ распространеніи у нашихъ простодушныхъ предковъ и во множествѣ наполнявшія современные Максиму сборники. Не безъ вліянія, быть-можетъ, даннаго взгляда авторъ спеціальной біографіи о Максимѣ

---

* Преосвященный Филаретъ, *Обзоръ русской духовной литературы.* Харьковъ, 1859, I, стр. 197.

** *Сочиненія Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академіи.* Казань, 1859—1860, I, предисловіе издателей, стр. 13.

*** А. Никольскій, *Матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики съверовосточной русской церкви XVI и XVII столѣтій, Труды Кіевск. дух. академ.* 1864, I, 17—30.

Грекѣ, профессоръ В. С. Иконниковъ * пошелъ еще далѣе: онъ и первыя два слова счелъ направленными противъ домашнихъ религіозныхъ вольнодумцевъ, именно жидовствующихъ, хотя первое слово отнесъ сюда лишь гадательно, безъ опредѣленной рѣшительности. Близко къ его мнѣнію стоитъ взглядъ преосв. Макарія.

Въ своемъ обозрѣніи оригинальныхъ твореній Максима, преподобный Макарій такъ характеризуетъ ихъ по содержанію: „Самое видное мѣсто въ ряду всѣхъ этихъ сочиненій занимаютъ догматико - полемическія, написанныя въ защиту вѣры христіанской православной противъ иновѣрцевъ и неправославныхъ: іудеевъ, язычниковъ, магометанъ, армянъ и латинянъ, а также противъ суевѣрій и апокрифовъ, извѣстныхъ тогда въ Россіи". О сочиненіяхъ направленныхъ противъ лютеранъ онъ не упоминаетъ здѣсь. При дальнѣйшемъ анализѣ твореній Максима, о главномъ изъ указанныхъ выше полемическихъ противолютеранскихъ сочиненій Максима „Словѣ о поклоненіи св. иконъ", которое въ казанскомъ изданіи озаглавлено „Слово на люторы", преосв. Макарій замѣчаетъ что оно „равно могло относиться и къ іудеямъ и къ лютеранамъ", а мысль изобличаемая въ концѣ „Слова на хульники пречистыя Божія Матери", которое по началу представляетъ „какъ бы продолженіе" предыдущаго, названа, говоритъ онъ, самимъ Максимомъ „умышленіемъ іудейскимъ" и могла принадлежать только нашимъ іудействовавшимъ еретикамъ. ** Лишь въ изложеніи первоначальныхъ отношеній Русской церкви къ лютеранскимъ идеямъ почтенный авторъ упомянулъ мимоходомъ что „Максимъ Грекъ († 1556) увидѣлъ нужду (какъ бы по поводу ереси Баткина, имѣвшей свое происхожденіе и въ лютеранствѣ и ереси жидовствующихъ) написать сочиненіе и „на Лютора", хотя ограничился въ немъ только защитой православнаго иконопочитанія." *** Такимъ образомъ, у преосвященнаго Макарія нѣтъ прямаго утвержденія, чтобы Максимъ писалъ непосредственно противъ лютеранъ.

---

* Иконниковъ, *Максимъ Грекъ*, *Кіевск. университ. извѣстія* 1865, X, 25.

** Преосвященный Макарій, *Максимъ Грекъ*, *Христіанское Чтеніе*, 1873, іюнь; *Исторія русской церкви*. Спб. 1874, VII, 274—276.

*** Преосвященный Макарій, *Исторія русской церкви*. Спб. 1877, VIII, 403.

Мысль что преподобный Максимъ не имѣлъ въ виду собственно самихъ лютеранъ и не направлялъ противъ нихъ своего пера, до самыхъ послѣднихъ границъ доведена пасторомъ Фехнеромъ. „Во всѣхъ названныхъ лати сочиненіяхъ, возражаетъ онъ,* не упоминается ни имени Лютера, ни названія лютеранъ. Первое сочиненіе, эта опирающаяся по преимуществу на одномъ ветхозавѣтномъ богослуженіи, довольно сильная рѣчь противъ пренебрегающихъ почитаніемъ святыхъ и иконъ, означаетъ еретиковъ придерживающихся вообще раціонализма („еретицы... уловаша бо на разсужденіе ума"). Во второмъ сочиненіи прямо говорится о латинянахъ и Армянахъ, которые хотя и поклоняются съ православными Пресвятой Дѣвѣ и Ея образу, но суть лжемудрствующіе еретики. Если и можно еще послѣ этого соглашаться что Максимъ въ своемъ изобличеніи тѣхъ, которые не почитаютъ образовъ, ни Дѣвы Маріи, желалъ навести мысль на Лютера и его послѣдователей—хотя все-таки остается въ высшей степени страннымъ, почему смѣлый полемистъ не назвалъ своихъ противниковъ, а это однако было необходимо для тѣхъ для кого онъ писалъ:—то какъ положительно утверждать что остальныя три сочиненія слѣдуетъ считать направленными противъ лютеранъ? Содержаніе третьей и четвертой статей, изъ которыхъ послѣдняя всего въ семнадцать строкъ, видно изъ ихъ заглавія. Пятое сочиненіе объясняетъ изреченіе Посланія къ Колоссаямъ (II, 14) о грѣховномъ рукописаніи Адама. Что̀ данныя темы могутъ имѣть общаго съ лютеранствомъ или какъ проникнулось оно ихъ ошибочнымъ рѣшеніемъ?"

Дойдя до полнаго отрицанія, критика снова быстро обращается къ прежнему мнѣнію и доводитъ его также до крайности. Предположивъ всюду „хитрую и прикровенную" протестантскую у насъ пропаганду, г. Соколовъ пришелъ къ мысли что „вообще въ противораціоналистическихъ статьяхъ Максима Грека, написанныхъ противъ хульниковъ святыхъ иконъ и Пресвятой Богородицы (1 и 2), преподобный Максимъ прямо имѣетъ въ виду лютеранство, во всѣхъ остальныхъ словахъ (3 — 5) ведетъ прикровенную борьбу съ его предшественниками и провозвѣстниками." Въ увлеченіи этою

* A. Fechner, *Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau.* Moskau, 1876, I, 30, примѣч.

идеей, Соколовъ простираетъ свои догадки гораздо далѣе: ему кажется, что не только сказанные догматико-полемическіе труды, но „тѣмъ же сокровеннымъ противолютеранскимъ духомъ и направленіемъ проникнуты и сочиненія Максима относящіяся къ нравственности христіанской". Способъ борьбы Максима, причину ея прикровенности нашъ ученый объясняетъ соображеніемъ: „кажется, прелодобный Максимъ держится той тактики что новому, сильному врагу, одержавшему столько побѣдъ на Западѣ, всего цѣлесообразнѣе наносить ударъ тайный, но вѣрно разчитанный, что для предостереженія отъ него православныхъ всего лучше раскрыть и обнажить его козни и ухищренія, скрывая его самого отъ неопытныхъ увлекающихся взоровъ." *

Непримиримость разногласія изслѣдователей вынуждаетъ на новое изученіе *Сказаній* Максима и на сопоставленіе ихъ съ дѣйствительно извѣстными и провѣренными критикой фактами его жизни.

Въ первомъ и наиболѣе важномъ изъ названныхъ его богословско-полемическихъ сочиненій *Словѣ о поклоненіи святыхъ иконъ* ученый авторъ, оспаривая возраженія обыкновенно приводимыя различными иконоборцами, утверждаетъ истину православно-христіанскаго иконолочитанія и разъясняетъ правильный смыслъ его. Самымъ твердымъ основаніемъ своего мнѣнія противники иконолочитанія считаютъ вторую заповѣдь десятословія; съ раскрытія истиннаго ея смысла авторъ и начинаетъ свое *Слово*. Богъ не запретилъ, объясняетъ онъ, творить вообще подобія, а только „всякое", такъ какъ язычники дѣлали подобія волхвовъ, различныхъ тяжкихъ грѣшниковъ, звѣрей, птицъ, гадовъ, нарицали ихъ богами и поклонялись имъ; если же сдѣлается подобіе въ честь и славу Божію, такое безгрѣшно. Заповѣдавъ Моисею не творить всякаго подобія, Господь потому и повелѣлъ ему потомъ сотворить „многія подобія", скинію завѣта, этотъ древній храмъ, золотыя изображенія херувимовъ, двѣ каменныя

* И. Соколовъ. *Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ*. М. 1880, 56—57. За позднѣйшее время сочиненія Максима Грека, со стороны ихъ содержанія, подробно изучалъ И. Преображенскій (*Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ, по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ ему памятникамъ*. М. 1881); но даннаго вопроса онъ не касался.

скрижали, положить ручку съ манной и жезлъ Аароновъ, по стѣнамъ и занавѣсамъ скиніи вышить херувимовъ. Если же противники, „мудрствуя безумная“, возразили бы на это объясненіе что „честныя святыя вещи которыя повелѣлъ Господь сдѣлать Моисею почитать достойно, кланяться же не подобаетъ ничему кромѣ какъ единому Богу“, то имъ отвѣтъ: этимъ вещамъ покланялись святые ветхозавѣтные мужи Моисей, Давидъ, Іона, Даніилъ и Ездра. Ветхозавѣтные мужи покланялись также огненному столпу какъ равно и скиніи, потому что невидимый Богъ, ради людской немощи, облачался въ столпъ и приходилъ въ скинію, имѣя такимъ образомъ вмѣсто ризъ столпъ облачный, вмѣсто селенія небеснаго скинію или иначе церковь. И кромѣ скиніи Господь могъ бесѣдовать съ людьми, но Онъ бесѣдовалъ именно въ ней, желая тѣмъ изначала показать честь и славу божественной церкви. Едва Моисей внесъ въ скинію кіотъ Божій и закрылъ завѣсой, тотчасъ покрыло храмъ облако и изъ храма свѣдѣнія воззвалъ къ Моисею Господь, до того же времени знаменія не было. Сказалъ Господь Соломону: „освяти храмъ сей который ты создалъ, и положу имя Мое тамъ, и будутъ тамъ во вѣки и очи Мои и сердце Мое“. Если самъ Богъ говоритъ что имя, очи и сердце Его въ церкви во вѣки, то ясно что Господь пребываетъ въ ней. Итакъ, гдѣ церковь во славу Вседержителя тамъ и Божіе пришествіе, а гдѣ Божіе пришествіе, то кто можетъ не покланяться? И если достойно покланяться церкви, то какъ не покланяться образу Господа нашего Іисуса Христа, святымъ Его и прочимъ божественнымъ вещамъ, ради которыхъ свята сама церковь?

Мысль автора здѣсь переносится отъ предметовъ ветхозавѣтнаго поклоненія къ новозавѣтнымъ, чрезъ сравненіе и сопоставленіе которыхъ онъ приходитъ къ убѣжденію что вторые соотвѣтствуютъ первымъ и превосходятъ ихъ, почему поклоненіе имъ еще необходимѣе. Вмѣсто скиніи мы имѣемъ церковь во славу Божію, вмѣсто скрижалей—святое писаніе новой благодати, вмѣсто вышитыхъ херувимовъ—образъ Христовъ и святыхъ Его, вмѣсто ручки съ манною—святый хлѣбъ и чашу, въ коей совершается претвореніе въ тѣло и кровь Христову, вмѣсто жезла Аарона—жезлъ Христовъ, пречистый, животворящій крестъ, и прочее. Поклоняясь, мы получаемъ великую пользу; изображеніе Христа вселяетъ въ насъ утѣшеніе, когда мы видимъ Владыку въ плотскомъ,

доступномъ зрѣнію видѣ, и поддерживаетъ въ насъ страхъ Божій; святые образы которыхъ чтимъ мы совершили и совершаютъ великія дѣла предъ Господомъ и многоразлично помогаютъ намъ предъ Нимъ.

Отвергнувъ одинъ доводъ противниковъ, преподобный Максимъ доказываетъ несправедливость другаго ихъ довода, на этотъ разъ опредѣленнѣе называя тѣхъ съ кѣмъ онъ борется. „Еретики“ ссылаются на слова Писанія: „не сотвори себѣ богъ сребрянъ и богъ златъ и не поклонишися имъ“. Но слова Господа относились къ тѣмъ Іудеямъ которые часто уклонялись отъ Бога и строили себѣ идолы, называя ихъ своими богами, мы же творимъ не идолы, не тельцы, не юпцы, но служимъ живому Богу и святымъ Его; любя царя, его хоругвь никто не безчеститъ. Признавъ иконы подобными идоламъ, какъ лжемудрствуютъ противники, пришлось бы и священные ветхозавѣтные предметы, скинію, храмъ и проч. считать идолами, жертвы въ нихъ приносимыя идольскими жертвами—вещи совсѣмъ несродныя. Оттого-то достоинство иконъ чтилось въ христіанской церкви со временъ апостольскихъ и совершались чрезъ нихъ чудеса.

Свою отповѣдь авторъ оканчиваетъ пространнымъ укоромъ противникамъ иконопочитанія, какъ держащимся погибельнаго ученія, и обнаруживаетъ причину ихъ заблужденія: слѣдуя плотскому своему разумѣнію, „уловаша на разсужденія ума“, они, „высокомудрые сердцемъ“, „грѣховные внуки и прелести лица“, по утратѣ должной вѣры не въ состояніи постигнуть истину; сначала не вникаютъ по самонадѣянности, непокорству, лѣности и зависти, потомъ держатся своего ученія чтобы не осрамиться уступчивостью, почему они видя не видятъ, слыша не слышатъ, сердце ихъ суетно, не допускаетъ ихъ до разумѣнія таинъ Божіихъ. Съ такими противниками воли Божіей и святымъ писаніямъ не должно быть, по слову апостола (2 Іоан. стих. 10, 11), ни дружбы, ни тѣлеснаго общенія.

Утвердивъ истину иконопочитанія, преподобный Максимъ посвящаетъ затѣмъ въ защиту собственно достоинства Присподѣвы Маріи цѣлое новое сочиненіе: „Слово на хульники пречистыя Божія Матери“. Свою апологію онъ начинаетъ весьма искусно, чрезъ сопоставленіе. Всѣ богодухновенныя писанія учатъ и повелѣваютъ чтить, кромѣ образа Христа, пречистой Божіей Матери и прочихъ угодниковъ, всѣ

священныя вещи. Такъ явилъ Христосъ, укоряя фарисеевъ за злоупотребленіе клятвой священными предметами (Матѳ. XXIII, 16—20); такъ учитъ примѣръ Корея, Даѳана и Авирона, которые за дерзкое прикосновеніе къ священнымъ предметамъ своими неосвященными руками подверглись небесной казни (Числъ гл. 16): потому что „все, освящено бывше Богови, святыни причащается и честно прочее." Высказавъ это положеніе, авторъ быстро обращается къ прямому предмету своей рѣчи, ставя его еще на большую высоту въ сравненіи съ предыдущимъ: „Какъ, спрашиваетъ онъ, не устрашаются тѣ весьма нецѣломудренные, которые, отметаясь отъ необычайной высоты святыни и славы Пречистыя Богоматери, дерзаютъ говорить: тогда только она была свята и преславна когда носила въ пречистой утробѣ своей Еммануила, а послѣ того, какъ родила и воскормила Его, была какъ одна изъ прочихъ женъ?" Въ опроверженіе того что достоинство ея не умалилось, что по рожденіи она не сдѣлалась опять равною всѣмъ остальнымъ женамъ, а пребыла и будетъ честнѣе и славнѣе не только всѣхъ женъ, но даже небесныхъ силъ-серафимовъ и херувимовъ, Максимъ привелъ многочисленныя предсказанія и прообразованія о Ней въ Ветхомъ Завѣтѣ (Пс. XLIV, 10—11, CIX, 3—4, XLV, 5—6; Дан. II, 34; Исаіи XI, 1; Псал. XLII, 10—16; Быт. XXVIII, 12—13; Исх. III, 2) и свидѣтельство Ея самой о себѣ что-ублажатъ Ее всѣ роды, сослался на событія изъ Ея жизни, чудеса по смерти, чествованіе Ея апостолами и церковію и даже „не только отъ православныхъ, но и отъ всѣхъ вкулѣ зломудренныхъ еретикъ, латинянъ, и армянъ, начиная отъ лѣтъ блаженныхъ апостолъ", привелъ и нѣкоторыя сравненія изъ обычной жизни. Земная царица которая родитъ своему мужу и царю дѣтей не перестаетъ быть и называться царицей и имѣть власть во всемъ царствѣ своего мужа и до самой с в о ей кончины; въ случаѣ ея смерти, ранѣе или позже мужа, погребена бываетъ по-царски и послѣ называется царицей, никто не отнимаетъ отъ нея ея названія. „Если о маловременныхъ и тлѣнныхъ царяхъ сей добрый чинъ соблюдается, какъ же, опять спрашиваетъ проповѣдникъ, избранная ото всѣхъ родовъ Богомъ честнѣйшее жилище царя всѣхъ Христа Бога, Дѣва по рожденіи и живая по смерти, какъ у васъ, богоборныхъ, единою изъ прочихъ женъ вмѣняется, не имѣющею славы, чести и доброты?" Ихъ умышленіе онъ называетъ

іудейскимъ, худу—хулой, согласною и происшедшею отъ иконоборца Копронима, за которую немилуемо постигаетъ горькое мученіе, одинаковое съ Копронимомъ. Онъ убѣждаетъ православныхъ своихъ слушателей, еслибы кого изъ нихъ коснулось подобное злоученіе, отступить отъ него. „Совѣтую вамъ, братіе, кого укололо это горчайшее терніе скверная Колронимова хуленія, полечитесь отступить отъ него скорѣе и отриньте его отъ вашей мысли какъ ученіе иконоборца, суровѣйшаго гонителя православныхъ, умышленіе іудейское, паче же сатанинско, чтобъ и Пречистая Божія Матерь приблизилась къ вамъ и соблюла васъ отъ всякой казни и сподобила стоянія одесную Ея единороднаго Сына.“ *

Обращеніе къ слушателямъ, характеристика ученія и опредѣленіе его источника, дѣлаемыя авторомъ въ этомъ „Словѣ на хульники Божія Матери“, указываютъ что Максимъ не могъ имѣть въ виду непосредственно Лютера или его прямыхъ послѣдователей, которые не держались изобличаемаго въ „Словѣ“ лжеученія о Приснодѣвѣ. Ближе къ лютеранству относится начало „Слова“, гдѣ трактуется о достоинствѣ священныхъ вещей; но и оно не было составлено съ намѣренною цѣлью поразить ученіе протестантовъ: оно употреблено какъ ораторскій пріемъ лучше выяснить достоинство Пресвятой Дѣвы, Матери Христа, чрезъ сопоставленіе съ бездушными вещами, получающими и сохраняющими уже священное значеніе, хотя были лишь посвящены Богу и соприкасались съ другими священными предметами.

Относительно второй половины „Слова“ надобно, поэтому, согласиться со мнѣніемъ профессора Никольскаго и преосвященнаго Макарія, которые также считали ее направленною противъ какой-либо группы современныхъ автору русскихъ раціоналистовъ, по мнѣнію Макарія, какихъ-нибудь „іудействовавшихъ еретиковъ. ** Возможно что кто-нибудь изъ примыкавшихъ къ послѣдователямъ прежней, такъ-называемой, ереси жидовствующихъ и держался подобнаго ложнаго взгляда на достоинство Богоматери. *** Съ указанными авто-

* Печатн. изданіе, I, 485—494, 495—508.

** Никольскій, 26—27; пр. Макарій, VII, 276.

*** Составители „Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки“ (II, отд. 2, стр. 544), впрочемъ, замѣчаютъ: „Повидимому, это лжеученіе занесло къ намъ съ Запада“.

рами нельзя только согласиться о началѣ „Слова“. По мнѣнію г. Никольскаго, * оно написано противъ лютеранъ, со второю частью „Слова“ не имѣетъ ни внутренней, ни внѣшней связи и, по всей вѣроятности, первоначально относясь къ предыдущему сочиненію, то-есть „Слову о поклоненіи святыхъ иконъ“, ошибочно приложено потомъ къ „Слову на хульники Божія Матери“, по недоразумѣнію перваго собирателя сочиненій прелодобнаго. „Какъ бы продолженіемъ“ предыдущаго слова считаетъ данное сочиненіе на хульниковъ Божіей Матери и преосв. Макарій. **

Раздѣлять „Слово“ на двѣ несродныя части нѣтъ основаній. Лишенное внѣшней связи, оно особенно и не нуждалось въ ней, когда строго соблюдена въ немъ связь внутренняя. Авторъ такъ доказываетъ свою мысль: если священны вещи, посвященныя Богу и соприкасающіяся съ образами и т. п. предметами, то во сколько же кратъ должна быть священнѣе Пресвятая Дѣва, имѣвшая во чревѣ и родившая самого Господа? Связь мыслей самая неразрывная. Здѣсь употребленъ авторомъ тотъ его пріемъ какимъ онъ воспользовался во второй половинѣ „Слова“, сопоставляя тамъ земную царицу съ Царицей Небесной. Если же начало „Слова“ составляетъ неразрывное цѣлое съ остальною частью произведенія и служитъ какъ бы введеніемъ къ ней, то значитъ появленіе его, такъ же какъ и второй половины, нельзя объяснить намѣренною цѣлію автора вести борьбу съ лютеранами.

Что касается остальныхъ трехъ „Словъ“ Максима, то въ нихъ совершенно напрасно было бы искать свойствъ указывающихъ на ихъ противолютеранское назначеніе. Остается такимъ образомъ одно „Слово“, первое, „о поклоненіи святыхъ иконъ.“ Содержаніе его можетъ быть сближено съ лютеранствомъ, которое отвергало иконопочитаніе и въ своемъ неправоученіи, между прочимъ, опиралось на основанія опровергнутыя Максимомъ Грекомъ. Но тѣхъ же мыслей объ иконопочитаніи держались и тѣми же доказательствами пользовались Башкинъ и Косой, *** вольномысліе

* Никольскій, 23, 24.

** Макарій, VII, 276.

*** См. напримѣръ опроверженія доказательствъ единомышленниковъ Косого иноком Зиновіемъ. *Истины показаніе къ вопросив-*

которыхъ было дальнѣйшимъ развитіемъ прежнихъ раціоналистическихъ домашнихъ лжеученій и лишь отчасти, быть можетъ, раздутое протестантствомъ. Изъ современниковъ одинъ Курбскій назвалъ это лжеученіе „отродьемъ ересей латорскихъ“, * но и то значительно позднѣе и подъ вліяніемъ выдерживаемой имъ борьбы съ протестантствомъ въ юго-западной Россіи; сами же обвиняемые очень неохотно говорили о своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ и судьи ихъ, жившіе еще подъ впечатлѣніемъ дѣла ереси жидовствующихъ, видѣли здѣсь связь съ предыдущимъ. ** Въ виду этого нельзя опускать безъ вниманія то что въ „Словѣ о поклоненіи святыхъ иконъ“ весь центръ тяжести доказательствъ лежитъ въ раскрытіи смысла ветхозавѣтныхъ изреченій, такъ цѣнимыхъ нашими вольнодумцами; нигдѣ не названо имени Лютера, хотя Максимъ обыкновенно называетъ тѣхъ съ кѣмъ борется; лицъ къ которымъ онъ обращаетъ „Слово“ называетъ просто: „несмысленные разумомъ“, „безумные“, „еретики“, „высокомудрые сердцемъ“, „уловающіе на разсужденія ума“, названія эти онъ легко могъ относить и къ домашнимъ вольнодумцамъ. Пріобрѣтаетъ свое значеніе также одна частность. Разъясняя различіе иконъ отъ идоловъ, Максимъ, между прочимъ, говоритъ: „Аще ли же иконы подобни суть идоломъ, якоже вы мудрствуете, то... и жезлъ Аароновъ прозябшій подобенъ есть твоему жезлу, имже подлираешися“. Не напоминаетъ ли эта черта лицъ въ родѣ тѣхъ „старцевъ“, единомышленниковъ Косого, съ которымъ потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, бесѣдовалъ ученикъ Максима, инокъ Зиновій? Къ тому же, дѣло защиты иконопочитанія у насъ было весьма существеннымъ и помимо поводовъ со стороны протестантства. Если правда что протестантство долго представлялось у насъ по преимуществу ученіемъ иконоборнымъ, то и у домашнихъ отрицателей, начиная со стригольниковъ, этотъ пунктъ занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ: въ оборону православнаго ученія объ иконопочитаніи такъ много и горячо долженъ былъ писать еще Іосифъ Волоцкій.

шьмь о новомь ученіи. Сочиненіе инока Зиновія. Казань, 1863, бесѣды пятая и шестая.

* *Сказанія* князя Курбскаго, I, 177.

** „Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка“, *Чтен. Ист. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ*, 1847, III; статьи объ ересяхъ Башкина и Косого И. Емельянова въ Тр. Кіев. Дух. *Акад.* 1862, II—III.

Обстоятельства жизни самого прел. Максима не заключаютъ въ себѣ указаній на то чтобъ онъ былъ близко знакомъ съ лютеранствомъ или интересовался бы имъ. На Западѣ онъ учился въ такую пору когда едва ли могъ слышать что-нибудь о Лютерѣ, затѣмъ значительное время * жилъ на Аѳонѣ и пріѣхалъ въ Москву 4 марта 1518 года, чрезъ полгода какъ Лютеръ объявилъ свои тезисы; недолго спустя послѣдовали его заключенія въ монастыри, гдѣ ему не было причинъ и условій волноваться протестантствомъ, и скончался онъ въ 1556 году, когда вопросъ о протестантствѣ у насъ, можно сказать, еще только ставился. Между тѣмъ, много было у него поводовъ знакомиться съ религіознымъ раціонализмомъ, на Западѣ съ западнымъ, у насъ съ домашнимъ. Строго держась православныхъ воззрѣній, онъ отрицалъ его законность, почему еслибы пришлось говорить о протестантствѣ, которое въ сущности было плодомъ западнаго раціонализма, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ также высказался бы и противъ него; однако прямо утверждать, чтобъ онъ въ словѣ о защитѣ иконопочитанія имѣлъ въ виду лютеранъ, прочныхъ основаній нѣтъ. Напротивъ, соотвѣтственно съ имѣющимися данными, всего естественнѣе думать что оно написано съ цѣлію вразумленія домашнихъ раціоналистовъ и затѣмъ вскорѣ было примѣнено для пониманія и оцѣнки протестантства, подобно тому какъ нѣкоторыя бесѣды инока Зиновія съ послѣдователями Косого получили потомъ названія бесѣдъ противъ Лютера и Кальвина и вошли въ противолротестантскіе полемическіе сборники. ** Выйдя изъ-подъ пера автора, повидимому, безъ опредѣленнаго заглавія, оно получало его отъ собирателей и переписчиковъ сочиненій Максима которые означали его сообразно со своимъ пониманіемъ и своими цѣлями. Не безъ

---

* По вычисленію В. С. Иконникова (*Кіев. унив. изв.* 1865, № 8, стр. 47—49), около 10 лѣтъ.

** Напримѣръ, „Слово обличительное на ересь новыхъ развратниковъ православныя христіанскія вѣры, Лютора глаголю и Кальвина и на Ѳеодосія черица, рекомаго Косого и еретика. Списано же сіе слово іноком Зиновіемъ богомобезнѣйшимъ Отки пустыни“ (*Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи.* I, 526—527, рукопись XVII вѣка, № 324 по нов. катал.).

причины же въ сохранившихся рукописныхъ сборникахъ данное слово означается различно. *

Вообще, съ полною увѣренностью можно говорить только объ отрицательномъ отношеніи препод. Максима къ западному и домашнему раціонализму и о томъ что одно изъ его сочиненій, *Слово о поклоненіи св. иконъ*, ближайшими же его учениками было употребляемо для борьбы съ лютерантствомъ: въ немъ они видѣли удобное оружіе для защиты истинности православнаго ученія объ иконопочитаніи, отвергаемаго Лютеромъ и его послѣдователями. Вполнѣ ясно и многосторонне опредѣлить непосредственную точку зрѣнія на протестантство выпало у насъ хорошо знакомому съ мнѣніями Максима, государю Ивану Васильевичу IV.

---

* „Слово о поклоненіи святыхъ иконъ противу хвальшагось в Нѣмцехъ иконоборца Лютора“ (рукоп. Румянц. музея, XVI в., разныхъ почерковъ, № CCLXIV, л. 241; Востоковъ: *Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописей Румянцевскаго музея*, 372); „На Люторы и Латину зломудреныхъ, о иконномъ покланяніи“ (рукоп. гр. Толстаго, нач. XVII в., № 195, л. 56; *Описаніе славяно-россійскихъ рукописей гр. Толстова*, отд. II, стр. 347); „Слово о поклоненіи святыхъ иконъ, списано противъ еретикъ“ (*Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи*, I, 493, рукоп. 1660 года, по стар. катал. № 495, по нов. № 310; она послужила основой для печатнаго изданія сочиненій Максима); „На Люторы“ (*Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры*, отд. IV, стр. 207; рукопись вѣроятно 1673—1674 годовъ, по стар. кат. № 1.843, по нов. № 201, л. 288; ею пользовался Карамзинъ). Въ древнихъ рукописныхъ сборникахъ сочиненій Максима, принадлежащихъ Москов. Духовн. Академіи (№ 57, списокъ современный автору), Виленской духовной семинаріи (по нов. катал. №№ 19—20, сборники современные автору), Москов. Синод. библіотекѣ (по нов. катал. №№ 191—194), даннаго слова нѣтъ.

II.

Знакомство и борьба съ протестантствомъ царя Ивана Васильевича Грознаго.—Гансъ Миссенгеймъ, Каспаръ Эверфельдъ и пасторъ Мартынъ.—Сближеніе Грознаго съ ливонскими плѣнными.—Полемика съ пасторомъ Иваномъ Рокитой.—Отзывъ Грознаго о лютеранствѣ Христіану Бокгорну; поступокъ съ пасторомъ въ Кокенгаузенѣ.—Измѣна ливонскихъ плѣнныхъ, дѣйствія докторовъ Елисея Бомелія и Роберта Якова.—Устойчивость взгляда Грознаго на протестантство и значеніе этого.

Еще при жизни Максима Грека, король Датскій Христіанъ III, подъ благовиднымъ предлогомъ заведенія у насъ книгопечатанія, прислалъ (1552) въ Москву своего „типографщика“ Ганса Миссенгейма съ Библіей и другими двумя книгами, содержавшими въ себѣ сущность новаго христіанскаго ученія, вѣроятно, аугсбургскимъ вѣроисповѣданіемъ и катихизисомъ Лютера, предлагая государю что въ случаѣ если новое ученіе будетъ одобрено имъ и московскимъ духовенствомъ, Миссенгеймъ переведетъ на русскій языкъ посылаемыя книги, отпечатаетъ ихъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и тѣмъ окажетъ содѣйствіе къ распространенію даннаго ученія въ Московскомъ государствѣ. Завести типографію Грозный былъ намѣренъ къ пользѣ православной церкви, не ко вреду ей, и потому понятно какой отвѣтъ могъ онъ дать на неожиданное предложеніе: первая, извѣстная въ исторіи попытка явной протестантской пропаганды, оказавшаяся слишкомъ наивною, не имѣла успѣха. *

Иванъ Васильевичъ, весьма начитанный и свѣдущій изъ московскихъ богослововъ своего времени, скоро понялъ протестантское ученіе. Преслѣдуя свои культурныя начинанія и завоевательныя цѣли, онъ приближалъ къ себѣ полезныхъ ему иноземцевъ. Среди нихъ находились лица хорошо знакомыя со своимъ вѣроисповѣданіемъ; съ ними государь часто бесѣдовалъ и объ ихъ вѣрѣ, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ современники утверждали что они намѣренно и настойчиво склоняли его къ протестантству. Перечисляя близкихъ къ нему

* См. мою статью „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго“. *Ж. М. Н. Просв.* 1883, X, 184—185.

иноземцевъ, Вейтъ Ценге * такъ отзывается (20 дек. 1566) объ одномъ изъ нихъ: „Касларъ Эверфельдъ (Caspar Ewerfeld) у великаго князя въ очень большой милости и ежедневно привлекался во всѣ совѣщанія... Государь оштрафовалъ шестьюдесятью тысячами рублей своего митрополита или высшаго епископа за то что этотъ причинилъ насиліе одному Нѣмцу въ дѣлѣ вѣры, и можно бы предполагать что онъ приметъ евангеліе, такъ какъ этотъ Касларъ Эверфельдъ и другіе такъ много и хорошо читали и писали великому князю что была къ тому всякая надежда". Если въ извѣстіи о штрафѣ не все вымышлено: въ поводахъ къ гнѣвамъ Грозный не былъ разборчивъ, за то совсѣмъ несогласны съ дѣйствительностію намеки на склонность Іоанна къ протестантству. Ценге въ Москвѣ самъ не былъ, писалъ со словъ другаго, и весьма вѣроятна догадка что упоминаемый у него Касларъ Эверфельдъ тождественъ съ переводчикомъ Касларомъ изъ Виттенберга, о которомъ потомъ передаетъ Одерборнъ ** что онъ, отрекшись отъ лютеранства, принялъ русское крещеніе и къ досадѣ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ порицалъ свою прежнюю вѣру, увѣряя Іоанна что въ Германіи въ кирхахъ нѣтъ ни уставовъ, ни алтарей, ни обрядовъ. Воздѣйствіе такимъ образомъ обнаружилось здѣсь совсѣмъ не въ томъ направленіи въ какомъ желали протестанты.

Кромѣ устныхъ бесѣдъ съ лицами въ родѣ Каспара, къ пріобрѣтенію свѣдѣній объ иновѣріи служили государю другіе источники. Одинъ кокенгаузенскій пасторъ, вѣроятно изъ числа плѣнныхъ, долженъ былъ письменно изложить ему особенности своего вѣроисповѣданія. По сохранившемуся объ этомъ „Сказанію", Иванъ Васильевичъ велѣлъ разспросить „кусконовскаго попа Мартына о вѣрѣ ихъ". *** Его интере-

* Въ письмѣ изъ Любека къ маркграфу Альбрехту Бранденбургскому, котораго онъ былъ повидимому резидентомъ въ Ганзейскихъ городахъ; письмо издано у Kechner'a, 1,50—55, и въ извлеченіи у Карамзина, *Истор. Гос. Россійскаго*, IX, прим. 166.

** P. Oderborn, *Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita* Witebergae. 1585. E 5.

*** Соловецкой библіотеки, нынѣ библіотеки Казанской духовной академіи, № 604, л. 232—238. Точная копія памятника, по нашей просьбѣ, обязательно сообщена намъ профессоромъ академіи П. В. Знаменскимъ, которому и приносимъ свою искреннюю признательность. Въ рукописи о личности „кусконовскаго попа Мартына",

совали вопросы объ ея догматахъ, церковной службѣ и церковномъ облаченіи, образѣ совершенія обѣдни и причащенія, о заутрени и вечери, церковномъ звонѣ, крещеніи дѣтей, погребеніи и поминовеніи умершихъ. *

Свой отвѣтъ пасторъ изложилъ по-нѣмецки, отвѣтъ перевели на русскій языкъ. Предугадывая отношеніе Грознаго къ Лютеру, онъ совсѣмъ не упоминалъ объ этомъ имени, старался сблизить свое вѣроисповѣданіе съ „церковнымъ“ латинскимъ и не указывать отличія его отъ православнаго; здѣсь конечно много значило и то что лютеранская обрядность въ Ливоніи не успѣла еще вылиться въ окончательную своеобразную форму и во многомъ зависѣла еще отъ прежней, латинской. По неопредѣленности изложенія особенно

впрочемъ, ничего не говорится; полагаемъ что это былъ плѣнный пасторъ, потому что у Одерборна упоминается о бывшемъ въ Россіи плѣнномъ пасторѣ изъ Кокенгаузена. Не можемъ также съ точностію опредѣлить, когда именно дано было Грознымъ порученіе пастору.

* Въ виду своеобразности этихъ любопытныхъ вопросовъ, еще не извѣстныхъ въ печати, мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ. „Велѣлъ государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи, роспросити кусконоскаго попа Мартына о вѣрѣ ихъ: что ихъ вѣра? какъ въ вѣрѣ исповѣдуютца? и какъ у нихъ живетъ церковная служба? и какъ въ церковь входятъ попы служити и какія молитвы, входя въ церковь, говорятъ и какъ въ ризы облачаютца? и каковы у нихъ ризы служебные, и что у нихъ которые ризы именуются и въ какихъ служатъ обѣдню? что ее начало, что на обѣднѣ поютъ и что дѣйство службѣ и что хъ которому дѣйству поютъ или какіе молитвы говорятъ? и како причащаютца сами или кого причащаютъ, и что въ причастіи какіе молитвы говорятъ, какъ причастіе даютъ и какъ бываетъ отпускъ плѣнію? и какъ поютъ заутреню и вечерню? и коли бываютъ въ который день праздники, и какъ у нихъ звонятъ, во всѣ ли дни равно или по великимъ праздникомъ Господьскимъ? и какъ крестятъ дѣти, гдѣ ихъ крестятъ и что поютъ или говорятъ на крещеніи молитвы, или псалмы, или пѣсни, и какъ младенцу обѣтъ къ Богу и отроканіе отъ діавола? и какъ у нихъ бываетъ погребеніе умершимъ, что поютъ и какіе молитвы за умершаго есть ли, или прощеніе или разрѣшеніе во грѣсѣхъ? и какъ у нихъ погребаютъ и какъ умершихъ поминаютъ, на который день по умертвіи, и что поютъ на поминаніе? И живетъ ли у нихъ общее поминаніе въ году по всѣхъ умершихъ, и на которые дни поминаютъ, и что поютъ?“

выдѣляется ученіе объ оправданіи вѣрою, этомъ главномъ лунктѣ протестантской догмы, и совсѣмъ умолчано о святомъ преданіи, авторитетѣ Вселенскихъ соборовъ, значеніи обрядовъ и проч. Главною заботой автора было выставить лютеранъ христіанами.

„Вѣруемъ мы, писалъ ласторъ, въ одного истиннаго всемогущаго Бога, создателя неба и земли и о всемъ промышляющаго, въ Троицу нераздѣльную, въ Отца и Сына и Св. Духа. Его мы чтимъ и молимся Ему, Онъ нашъ избавитель. По нарушеніи первыми людьми, Адамомъ и Евой, Божіей заповѣди, чѣмъ они навлекли на себя и на всѣхъ людей вѣчное проклятіе, Онъ, чтобъ они и ихъ наслѣдники не всѣ погибли на вѣки, обѣтовалъ имъ послать отъ женскаго лона Сѣма, которое сотретъ главу змія, и тому Сѣмени, то-есть во второе лицо Святыя Троицы, мы вѣруемъ со всѣми христіанами.“ Господь Іисусъ Христосъ принялъ человѣческую плоть, пострадалъ, умеръ и воскресъ для нашего спасенія; Онъ хранитъ и обороняетъ Св. Духомъ всѣ Свои христіанскія церкви до самаго Своего втораго пришествія, когда вѣрныхъ спасетъ, противныхъ ввержетъ въ вѣчную муку. „Мы вѣруемъ также въ Бога Св. Духа. Онъ истинно вводитъ въ христіанскую церковь, очищаетъ человѣческія сердца и приводитъ къ правому познанію Божію и правой вѣрѣ и ко всѣмъ христіанскимъ дѣламъ...; а исходитъ Духъ Святый отъ Отца и Сына, и тѣмъ познаніемъ будемъ спасены... Вѣруемъ и въ то что Богъ имѣетъ на землѣ одну христіанскую церковь въ которой слово Божіе пребываетъ чисто, и божественный даръ, причастіе, дано въ ней... Надѣемся также на отпущеніе грѣховъ, зная изъ слова Божія что Богъ, для Христа, Сына Своего единороднаго, насъ помиловалъ и отпускаетъ наши грѣхи, когда мы вѣруемъ въ Его Сына. Въ такой вѣрѣ мы и поживемъ до конца, изъ такой вѣры родятся прямые христіане, добролодвижные въ христіанской жизни. Христосъ избавилъ насъ не для того чтобы намъ жить во всякомъ злодѣйствѣ и чтобы быть христіанами лишь по имени. Спасеніе въ вѣрѣ: добрыя дѣла—плодъ ея и которыя изъ нихъ безъ вѣры, тѣ Богу непріятны. Авраамъ вѣровалъ, и ему Богъ счелъ то во спасеніе. Чтобы надѣяться въ спасеніи на свои добрыя дѣла, нигдѣ не написано; оно возможно, если кто вѣруетъ въ Іисуса Христа, такъ писалъ апостолъ Павелъ къ Тимоѳею (4 гл.), Римля-

намъ (4 гл.) и такъ сказано во многихъ мѣстахъ Писанія. Въ это мы вѣруемъ и о томъ знаемъ; а вѣру утвердилъ Христосъ со своимъ учениками и апостолами.

„А что до церковной службы, церковнаго чина, ризъ, молитвъ и пѣнія по праздникамъ и по всѣмъ днямъ, писать объ этомъ было бы слишкомъ много, объ этомъ подлинно написано въ печатной книгѣ: *Римскій церковный чинъ*. Когда идемъ въ церковь, часу во второмъ или въ третьемъ, пѣть обѣдню, трижды звонятъ въ колокола, въ церкви поемъ всѣ вмѣстѣ, сначала: „Пріиди Боже и Св. Духъ и исполни сердце наше," затѣмъ одинъ или два очередные псалма, молитву: „Господи помилуй," стихъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ." Попъ, стоя у престола въ ризахъ, оборачивается къ людямъ, ограждаетъ ихъ крестомъ, поетъ: „Господь Богъ буди съ вами," а люди отвѣчаютъ ему: „и Святымъ Духомъ." Попъ читаетъ очередное Евангеліе, а въ Рождество Христово, въ Великій День и другіе большіе праздники читаетъ Евангеліе особое, какое положено на праздникъ, и учитъ онъ жить, какъ написано въ Евангеліи. Поется опять очередной псаломъ, а попъ идетъ въ ризахъ къ престолу, начинаетъ пѣть: „Господь Богъ съ вами," и люди ему отвѣчаютъ: „и со духомъ твоимъ." Читается поломъ Евангеліе, полагаемое на Великій Четвергъ; по окончаніи его люди поютъ: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ," и другія пѣсни. Если которые люди приходятъ къ причастію, то, какъ только причастятъ ихъ, поворотясь у престола къ людямъ, начинаетъ пѣть: „Господь Богъ съ вами," люди: „и со Духомъ Святымъ," попъ: „Буди благословеніе Господне на васъ и Божія милость," люди: „Господи, призри лицомъ Своимъ и дай намъ миръ", и прочее. Вечерни у насъ поютъ по большимъ праздникамъ и по воскресеньямъ, причемъ поются псалмы и читаютъ часовникъ, какой псаломъ начнетъ попъ пѣть, люди поютъ съ нимъ тоже. Затѣмъ читается молитва, люди произносятъ „аминь"—это отпускъ. А заутрени и часовъ у насъ не поется. Звонятъ же во всѣ дни у насъ одинаково. По мертвомъ, когда его несутъ изъ дому къ могилѣ, звонъ бываетъ во всѣ колокола, предъ нимъ идутъ попы и робята, поютъ псалмы или стихъ, иногда читаютъ книги и молитвы. О мертвыхъ молимся: „Помилуй его Господи," годоваго же поминовенія въ церквахъ нашихъ не бываетъ. Крещеніе младенцевъ у насъ есть. Кумовья и кумы приносятъ

младенца въ церковь и полъ, спросивши ихъ объ имени младенца, говоритъ: „Иди вонъ, нечистый духъ, дай мѣсто Св. Духу,“ ограждаетъ его крестомъ и читаетъ надъ нимъ молитву по книгѣ. Затѣмъ обращается: „Послушаемъ Святаго Евангелія Марка,“ читаетъ одну главу, благословляетъ младенца: „Богъ тебя благословитъ отнынѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ,“ произноситъ надъ нимъ отреканіе: „отрицается діавола и всѣхъ дѣлъ его,“ кумовья повторяютъ за нимъ то же и читаютъ: „Вѣрую во единаго Бога“ все сполна. По вопросѣ къ кумовьямъ: „хочетъ ли младенецъ креститься?“ и отвѣтѣ ихъ: „хочетъ младенецъ креститься,“ онъ молвитъ ему: „Азъ тебя крещаю во имя Отца и Сына и Святаго Духа,“ трижды взольетъ на него воды или омочитъ въ воду и произноситъ молебенъ: „Могущій Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Который снова родилъ Св. Духомъ и отпустилъ тебѣ всѣ грѣхи, тебя укрѣпляетъ своею милостію къ вѣчному животу. Аминь, аминь.“ Это, по нашему, крещеніе.“

Отвѣтъ кокенгаузенскаго пастора написанъ въ такой формѣ что хотя изъ него трудно было получить какое-либо опредѣленное свѣдѣніе о протестантствѣ, за то онъ и не требовалъ опроверженія, и въ руколиси противъ одного только мѣста, гдѣ говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, сдѣлана замѣтка: „ересь“. Кѣмъ первоначально сдѣлана она, неизвѣстно, но самъ Грозный продолжалъ интересоваться протестантскою догмой и старался составить о ней возможно точное и полное сужденіе, къ чему могли также побуждать его все болѣе и болѣе усиливавшіяся его непосредственныя сношенія съ Ливонцами.

Тотъ же Каспаръ Эверфельдъ, который много говорилъ Грозному о лютеранствѣ, принималъ близкое участіе въ сближеніи государя съ ливонскими дворянами Элертомъ Крузе и Иваномъ Таубе, * дѣло которыхъ тогда имѣло весьма важное значеніе. Первый изъ нихъ, Крузе, человѣкъ не безъ образованія, хорошо владѣвшій перомъ и мечомъ, служилъ у дерпт-

* Наиболѣе полныя ихъ біографіи далъ Dr. Th. Schiemann въ *Characterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunders.* Zweite Titelausgabe, Hamburg u. Mitau, 1885. Научныя требованія сочиненія, къ сожалѣнію, сильно страдаютъ отъ крайней тенденціозности направленной противъ Россіи. Ср. Карамзина, IX, 52, 100—103, 117, 130, 155; и соотвѣтствующія примѣчанія; Соловьева, изд. 3, VI, 241, 247—248, 309; Аделунга, I, 163—174.

скаго епископа въ должности фогта (Stiftvogt). Попавшись въ русскій плѣнъ (6 декабря 1560 года), онъ былъ приведенъ въ Москву и посаженъ въ тюрьму, откуда освободилъ его счастливый случай. У насъ подымались пререканія съ Даніей изъ-за границы въ Эстляндіи. Въ Москвѣ не было человѣка который зналъ бы хорошо страну и Касларъ Эверфельдъ вспомнилъ о Крузе. Его вызвали изъ заключенія и предложили вступить въ русскую службу: кромѣ жизни, ему обѣщали богатыя награды и доставленіе къ нему жены и дѣтей, находившихся въ плѣну въ Нарвѣ. Изъявивъ свое согласіе, Крузе получилъ помилованіе, богатые подарки, годичное жалованье, двѣ усадьбы, 100 крестьянъ и каменный въ Москвѣ домъ; столъ приносили ему съ царской кухни, казначей устроилъ ему всю обстановку; вскорѣ прибыла къ нему и его семья. За все это онъ обязывался нести государю вѣрную службу, характеръ которой ясно обозначился со вступленія къ намъ его энергичнаго сподвижника.

Окружный судья и затѣмъ совѣтникъ дерптскаго епископа Германа, Иванъ Таубе былъ переведенъ (1559 года) въ Россію вмѣстѣ съ епископомъ и частью дерптскихъ гражданъ и жилъ въ Москвѣ и Владимірѣ. Не вынести заключенія, онъ склонился (1563 года) на предложеніе вступить въ русскую службу и былъ щедро награжденъ. „Иванъ Таубе“, объявилъ ему думный дьякъ отъ имени государя, „царь и великій князь, по нашему заступничеству за тебя, пожаловалъ тебѣ все о чемъ просилъ ты. Въ Рязанской области дается тебѣ 1.000 четвертей земли съ тремя стами крестьянъ, въ Дерптскомъ округѣ имѣніе твоего брата Карлебъ и твое родовое имѣніе Фуръ и твои помѣстья въ Рижскомъ округѣ, ты самъ будешь жить по деревнямъ и городамъ на полной свободѣ какъ твой отецъ и прежніе Нѣмцы съ ихъ прежнимъ господиномъ. Годовое содержаніе назначается тебѣ въ 200 рублей, и царь и великій князь велѣлъ выдать тебѣ о томъ жалованную грамоту и деньги со всею обстановкой и одеждой; ты же долженъ съ дерптскими жителями отправиться въ Дерптъ, въ ихъ присутствіи принести присягу въ вѣрности и подданствѣ вмѣстѣ со своею женой, дѣтьми, тестемъ и братомъ. Если они это сдѣлаютъ, ихъ, какъ и тебя, простятъ и пожалуютъ; если же ты не склонишь къ тому дѣтей и жену, то при военныхъ обстоятельствахъ мы не можемъ довѣрять тебѣ, и ты вернешься назадъ.“

Щедрость наградъ и обѣщаній къ Таубе и Крузе была вызвана тѣмъ что эти лица, по мысли Грознаго, должны были стараться увеличить русскую партію въ средѣ своихъ соотечественниковъ. Стѣсненное положеніе страны не находившей нигдѣ союзниковъ, а лишь однихъ претендентовъ, обѣщаніе спокойствія, личной безопасности и сохраненія прежнихъ привилегій тѣхъ кто перейдетъ на сторону Россіи, давали значительный успѣхъ новымъ агентамъ Русскаго правительства. Они искусно заводятъ сношенія съ рыцарствомъ рижскаго архіепископства и Ревелемъ; но занятый шведскимъ гарнизономъ, Ревель всего болѣе противился партіямъ Польши, Даніи и Россіи, и Таубе и Крузе здѣсь сильно ошибались въ своихъ разчетахъ. Выставляя на видъ свои услуги и обѣщая въ будущемъ еще бо́льшія, они сумѣли однако внушить Грозному высокое понятіе объ ихъ усердіи въ службѣ. Онъ возвелъ ихъ въ кругъ высшаго боярства и дозволилъ имъ весьма прибыльную для нихъ продажу вина. Тѣмъ не менѣе надежда на прямое подчиненіе Ливоніи все болѣе и болѣе слабѣла, и царь задумалъ подчинить ее на правахъ вассальныхъ: Таубе и Крузе, внушившіе ему мысль образовать изъ бывшихъ Орденскихъ владѣній королевство, съ королемъ изъ Нѣмцевъ, стоящимъ подъ верховною царскою властью, увѣряли его что при этомъ условіи жители скорѣе предадутся ему, вытѣснятъ Шведовъ и Поляковъ и будутъ со своимъ королемъ его вѣрными подданными. Предложенія, отстраненныя герцогомъ Готардомъ который письма къ нему отъ Таубе и Крузе переслалъ Польскому королю Сигизмунду, были приняты братомъ Датскаго короля, владѣтелемъ Эзеля, Голштинскимъ герцогомъ Магнусомъ. Чтобы формулировать и окончить условія Магнусъ сталъ собираться въ Москву. Одновременно съ тѣмъ, въ началѣ 1570 года, Таубе и Крузе склонили два вольные полка, бродившіе по Ливоніи, вступить въ русскую службу.

Если когда, то именно въ данное время Грозный старался выказывать иноземцамъ свое вниманіе, въ надеждѣ осуществить свои мечты о вассальномъ подчиненіи Ливоніи и какъ бы вознаграждая тѣмъ убыль силъ внутри страны, гдѣ отъ его подозрительности вынесъ (весной 1570 года) разгромъ даже цѣлый Великій Новгородъ. Теперь онъ прямо высказывалъ мысль что онъ „строгъ только къ своимъ, къ чужестранцамъ же милостивъ“, изъ иноземцевъ

явно отдавалъ преимущество протестантамъ предъ католиками и официально обѣщалъ признать за лютеранствомъ, въ сравненіи съ католичествомъ, господствующее положеніе во всей Ливоніи. Когда вопросъ о вѣроисповѣданіи принималъ такой интересъ въ дѣлахъ политическихъ, то естественно что вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же пришлось Ивану Васильевичу всего подробнѣе высказать свой взглядъ и на само протестантское вѣроисповѣданіе. И при всемъ томъ, отдавая политическое преимущество лютеранству предъ католичествомъ, въ догматическомъ отношеніи онъ счелъ его значительно ниже католичества и не придавалъ ему почти никакой цѣны въ сравненіи съ православіемъ. Религіозныя бесѣды съ Каспаромъ и другими не прошли даромъ; доставленное протестантами оружіе нежданно-негаданно направилось противъ нихъ же самихъ. Постигнувъ слабыя стороны протестантства, Іоаннъ съ непоколебимою увѣренностію вступилъ въ торжественное состязаніе о вѣрѣ. Поводомъ къ этому послужила новая попытка къ совращенію его въ иновѣріе.

На Бихавскомъ реформатскомъ соборѣ (1560 года) было положено изъ Польско-Литовскаго королевства снарядить въ Москву двухъ миссіонеровъ. Миссія явилась въ 1570 году, въ посольствѣ короля Польскаго Сигизмунда-Августа.

Съ цѣлію заключенія перемирія между Россіей и Польшей, Сигизмундъ-Августъ прислалъ къ Грозному своихъ большихъ пословъ, воеводу виленскаго Ивана Кротовскаго, радзіевскаго старосту Рафаила Лещинскаго, минскаго кастеляна Николая Тальвоша и королевскаго секретаря Андрея Ивановича. Они держались евангелическаго исповѣданія, Кротовскій принадлежалъ къ общинѣ чешскихъ братьевъ, первые двое были Поляки, двое другихъ Литовцы. Свита отличалась многочисленностью. По тогдашнему обычаю съ послами двигался цѣлый вооруженный торговый караванъ: съ ними было 718 людей, да купеческихъ 643, лошадей 900. Для совершенія богослуженія и поученія въ вѣрѣ братьевъ и евангеликовъ находился проповѣдникъ Иванъ Рокита; у католиковъ былъ пріоръ Джеріо, въ письмѣ къ венеціанскому дожу мрачно изобразившій въѣздъ царя Іоанна въ Москву и его характеръ.

Пасторъ Иванъ Рокита, Чехъ, родомъ изъ Лютомышля, считался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ общины чешскихъ братьевъ, жившихъ въ Польшѣ, гдѣ онъ съ 1569 года до самой смерти въ 1591 году былъ „старшимъ“ этого союза.

въ городахъ Голуховѣ и Козминскѣ. Получивъ образованіе въ Германіи, зная латинскій, нѣмецкій и славянскій языки и отличаясь даромъ слова, онъ не упускалъ случая присутствовать на различныхъ протестантскихъ собраніяхъ и принимать живое участіе въ спорахъ по дѣламъ вѣры. Переговоры веденные въ Польшѣ въ 1555 году о соединеніи реформатовъ, лютеранъ и братьевъ сильно волновали его; былъ онъ на общемъ синодѣ (1557 года) братьевъ въ Слезанѣ, въ Моравіи, въ качествѣ делутата общины на синодѣ въ Голуховѣ, въ Великой Польшѣ, реформатскомъ синодѣ (1560 году) въ Ксенжѣ-Вельскомъ въ Малой Польшѣ и др. Въ сборникѣ церковныхъ пѣсней общины, явившемся въ 1561 году, нѣсколько пѣсенъ принадлежали перу Рокиты. Выдержавъ публичный диспутъ съ антитринитаріями въ Петроковѣ (1564 года) въ присутствіи Сигизмунда-Августа, желавшаго въ точности узнать ученіе той и другой секты, онъ способствовалъ затѣмъ (1567 года) разоблаченію нападеній Ивана Лоренца на ученіе братьевъ.

Кругъ подобной дѣятельности однако не удовлетворялъ его. Ему хотѣлось испробовать свои силы за сѣверовосточною границей, въ предѣлахъ Московскаго государства.

Въ настроеніи чешскихъ братьевъ данной поры было много отличнаго съ настроеніемъ ихъ предшественниковъ. Чешскіе раціоналисты XV вѣка сами искали истинную христіанскую церковь, какъ они понимали ее, и въ своихъ поискахъ снаряжали нарочитыя посольства на Востокъ, въ Іерусалимъ, Египетъ, Константинополь, Московію и пр. Гоненія воздвигнутыя на нихъ государями Габсбургскаго дома, потребовавшими чтобы братья или возвратились въ католичество или соединились съ болѣе умѣренными гусситами, утраквистами, побудили ихъ укрыться въ сосѣднюю Польшу. Къ протестантскому движенію они, естественно, относятся съ полнымъ сочувствіемъ, заводятъ сношенія съ Лютеромъ и Кальвиномъ и усвоиваютъ многое изъ ученія этихъ проповѣдниковъ. Увѣренность въ правотѣ своихъ убѣжденій и желаніе распространять его среди другихъ, принадлежавшія протестантамъ, сообщаются и братьямъ, и они, найдя опору въ нѣмецкомъ протестантствѣ, вмѣсто прежнихъ попытокъ отыскать идеальную христіанскую общину, уже мечтаютъ о пропагандированіи своихъ взглядовъ. На такой почвѣ возникаетъ *религіозная* миссія къ намъ Рокиты, которому сеніоры пору-

чили позаботиться о сближеніи съ Русскою церковію и попытаться склонить въ новое вѣроисповѣданіе самого царя. Послы, съ которыми онъ отправился, конечно, знали о тайномъ порученіи ему. При отправленіи въ Москву онъ, въ письмѣ къ одному изъ членовъ братства, Матвѣю Червенкѣ, выражалъ надежды на успѣхъ своей проповѣди. Указавъ на трудности путешествія, онъ продолжалъ: „меня утѣшаетъ что этотъ народъ говоритъ на славянскомъ языкѣ и, можетъ-быть, благодаря этому обстоятельству, Богъ проявитъ знаніе о Себѣ въ этомъ глубокомъ мракѣ. Наши уже пресытились манною, и ихъ рвеніе къ благочестію охладѣваетъ. Нѣтъ сомнѣнія что царствіе Христово распространится до послѣднихъ предѣловъ міра. До сихъ поръ сѣверъ былъ погруженъ въ глубочайшій мракъ; но если Господу будетъ благоугодно возжечь тамъ нѣкій свѣточъ и распространить царство Христово, то я охотно посвятилъ бы на это всю жизнь. А потому я готовъ служить этимъ Христу, моему Господу, а остальное пусть будетъ какъ будетъ. Когда-то предки наши ходили въ отдаленныя страны искать источниковъ истины, не остались ли они гдѣ въ совершенной чистотѣ; можетъ-быть, и мнѣ Богъ доставляетъ подобный случай: просвѣтить сѣверныя страны, да распространится слава Его и церкви братьевъ. Если считаешь нужнымъ дать какой-нибудь совѣтъ, то прошу тебя, будь такъ добръ, выскажи свое сужденіе, потому что я смотрю на это дѣло не какъ на частное, но какъ на общественное. Остальное да будетъ въ волѣ Божіей.“ *

Встрѣча пословъ позамедлилась: государь производилъ кровавую расправу съ Новгородомъ; надобно было выждать его и держать пословъ въ невѣдѣніи относительно этого дѣла. 10 января 1570 года, князь Семенъ Пронскій, смоленскій воевода, писалъ въ Москву что „до государя идутъ великіе королевскіе послы, панове рада короны Польской и великаго

* *Slovník naučný*, dil VII, str. 619; *Encyklopedya powszechna*, т. XXII, буква R; Ant. Gindely, *Geschichte der Böhmischen Brüder*. Prag, 1857—1858, I—II; *Quellen zur Geschichte der Böhmischen Brüder*. Wien, 1859 (извлеч. у Fechner'a *Chronik*, I, 64—67); Карамзинъ, *Исторія Государства Россійскаго*, изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 99, прим. 329; Ю. Анненковъ, *Гусситы въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ*, въ *Странникѣ* 1878, январь и февраль.—О religiosной миссіи Рокиты Gindely говоритъ: „Er bekam von den Senioren den Auftrag, auf die Bekehrung des Czars bedacht zu sein (*Gesch. d. Böhm. Brüd.* II, 99).

княжества Литовскаго"; грамота объ ихъ встрѣчѣ была послана 1 февраля; 4 мая государь воротился въ Москву „изъ Александровской слободы", и 7 мая велѣно было посламъ представиться во дворцѣ. Пошли обычные переговоры; вмѣсто мира заключили перемиріе на три года. * Въ началѣ же этихъ переговоровъ, именно 10 мая, у Грознаго завязались съ Рокитою жаркія пренія о вѣрѣ. ** Обстановка устныхъ преній была самая торжественная. Они состоялись въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи королевскихъ пословъ и русскихъ бояръ и духовенства; царь сидѣлъ на тронѣ, въ блестящей одеждѣ, Рокита напротивъ него, на убранномъ коврами возвышеніи.

Когда Рокита былъ введенъ съ почетомъ, царь спросилъ его: „кто ты?"

— Я служитель и проповѣдникъ ***) церкви Христовой, отвѣчалъ Рокита.

Пасторъ слишкомъ не ясно опредѣлилъ, къ какой религіозной сектѣ онъ принадлежитъ, почему Грозный, принявъ его за лицо лютеранскаго вѣроисповѣданія, наиболѣе тогда извѣстнаго у насъ, повелъ съ нимъ бесѣду о Лютерѣ и лютеранствѣ, касаясь отчасти и другихъ протестантскихъ толковъ.

„Вы, говорилъ ему Грозный, имѣете обычай хвалиться своею евангелическою вѣрой, а расколы и постоянныя смуты такъ раздѣлили васъ между собою что своими догматами вы

---

* Московск. Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польскаго двора, Статейный списокъ 1570 — 1571 № 9: „Пріѣздъ въ Москву полномочныхъ польскихъ пословъ коренныхъ и литовскихъ воевода иновраславскаго Яна Скратошина, каштеляна минскаго Николая Тавлоша съ товарищи для постановленія на три года перемиріа". Ср. о томъ же св. 1, дѣла 1570 №№ 1 и 4. По Статейному списку, послы были „у государя во дворѣ" 10 и 31 мая, 19 и 24 іюня, размѣнный договорный списокъ помѣченъ 22 іюня.

** О днѣ этихъ преній узнаемъ изъ слѣдующей помѣты на рукописи библіотеки Холмской духовной семинаріи, содержащей письменный отвѣтъ Грознаго Рокитѣ: „Colloquium habitum fuit 1570. Maji 10 die 8 ante Pentecosten". *(Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ*, 1878, № 8, стр. 8).

*** „Казнодѣй". „Kaznodzieja" значитъ собственно проповѣдникъ, „козподѣй"—строящій козни. Грозный, потомъ, какъ увидимъ, воспользовался этимъ словомъ, въ насмѣшку надъ Рокитой и его единомышленниками, употребилъ его во второмъ смыслѣ.

ниспровергли почти всю Европу. Это казалось бы невѣроятнымъ еслибы къ великому нашему удивленію не доходили до насъ почти ежедневныя извѣстія. Мы знаемъ что воззрѣнія вашей секты заключаютъ въ себѣ догматы старыхъ еретиковъ уже прежде отвергнутые и строго осужденные на нѣсколькихъ соборахъ мужами истинно-ученными и истинными христіанами. Удивительно поэтому что вы защищаете сомнительное, что вы приписываете оправданіе одной лишь вѣрѣ, тогда какъ Господь имѣющій прійти судить живыхъ и мертвыхъ воздастъ каждому по дѣламъ его. Если одна только вѣра приноситъ вѣчное блаженство, къ чему тогда этотъ судъ? Къ чему въ Новомъ Завѣтѣ столько разъ внушается намъ о важности дѣлъ?

„Все это величайшія нелѣпости учителей вашихъ Гуса и Лютера, которые расколами и раздорами опутали вселенную; и мы хорошо знаемъ что они произвели эти смуты, дѣйствуя не на основаніи Св. Писанія, а скорѣе по безразсудному влеченію толпы, всегда столько же невѣжественной, сколько и безсмысленно радующейся всякой новизнѣ и всякой перемѣнѣ. И какъ названные отступники отъ древней церкви ни отъ кого не получили законной власти учительства и не прославились никакими знаменіями о которыхъ говорилъ Спаситель нашъ ученикамъ Своимъ такъ и ты не по праву учишь и не можешь совершить никакого чуда и вообще не долженъ почитаться за служителя Евангелія, потому что ты не уполномоченъ для этого дѣла (spartam) законною властію. Мы памятуемъ, что сказалъ троекратно великій, славный Павелъ: „какъ призывать того, въ кого не увѣровали? какъ вѣровать въ Того, о комъ не слыхали? какъ слышать безъ проповѣдующаго? И какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы“ (Рим. X, 14—15)? Размысли теперь, Рокита, кто васъ, жалкихъ, послалъ на проповѣдь, подумай, что вы проповѣдуете, размысли, какими недостойными средствами вы, свиньи, разстраиваете драгоцѣнное спасеніе исповѣдниковъ Спасителя нашего? Живете вы невоздержно, подобно свиньямъ; какъ бы изъ ненависти къ церкви, вы отрицаете и охуждаете различеніе пищи и поста, сохраняющіе бодрость тѣла и крѣпость духа, тогда какъ, напротивъ, Господь столько разъ заповѣдалъ намъ бдѣть и жить воздержно. Что иное ваши молитвы, какъ не пустое и совершенно напрасное бормотаніе? Вы произносите много такихъ обѣтовъ

которые вамъ же самимъ приносятъ вредъ, такъ что они могутъ казаться скорѣе проклятіями. Вы ненавистны и святымъ на небѣ которыхъ вы поносите хулами, разрушаете ихъ храмы и алтари, а они между тѣмъ, обитая въ томъ вѣчномъ небесномъ свѣтѣ, много могли бы принести вамъ пользы своимъ предстательствомъ предъ Господомъ, который ихъ, еще обремененныхъ смертною плотію, такъ возвышалъ что, по ихъ молитвамъ, изгонялъ бѣсовъ и воскрешалъ мертвыхъ. Священнѣйшимъ изображеніямъ ихъ не только не воздаете никакого почтенія, но и извергаете ихъ изъ храмовъ и домовъ вашихъ, тогда какъ имъ слѣдовало всего приличнѣе украшать стѣны каждаго зданія. Такое злодѣйство тѣмъ болѣе должно всѣми считаться важнымъ что вы тутъ какъ бы возносите руку на Самого Бога который въ должный часъ потребуетъ отъ васъ возмездія за безчестіе, а теперь посылаетъ на васъ раздоры и неполправимое смятеніе. А сколько гнуснаго въ томъ что вы, преданные скверному похотямъ, не допускаете у себя честнаго супружества! Священники ваши содержатъ незаконныхъ женъ и толпы любодѣйницъ, при всемъ томъ эти превосходные учители народа проповѣдуютъ о благочестіи. По истинѣ, какъ постигъ гнѣвъ Божій Корея, такъ, несомнѣнно, и ихъ ожидаетъ огонь геены, и они никогда не вкусятъ вѣчной радости Господа."

Царь позволилъ затѣмъ Рокитѣ отвѣчать смѣло и свободно. Тонъ въ которомъ Іоаннъ высказалъ свое мнѣніе о чужомъ вѣроисповѣданіи, однако, не сулилъ Рокитѣ ничего добраго; ласторъ зналъ и о суровомъ нравѣ Іоанна, почему онъ выразилъ опасеніе навлечь на себя гнѣвъ своею рѣчью. Грозный разрѣшалъ ему говорить безъ опасеній, изложить всю сущность евангелическаго ученія, сулилъ большіе подарки если онъ сможетъ „твердыми доводами устранить всѣ сомнѣнія, объяснить запутанное, внести свѣтъ въ то что представляется темнымъ", и обѣщалъ слушать его со всѣмъ вниманіемъ и терпѣніемъ. Подстрекаемый торжественностію обстановки, Рокита произноситъ на славянскомъ языкѣ обширную рѣчь, стараясь бить на эффектъ. Онъ отвѣчалъ на каждую мысль высказанную государемъ противъ протестантовъ; раскрывалъ и защищалъ протестантское ученіе объ оправданіи вѣрою и значеніи добрыхъ дѣлъ, объ отношеніи къ Св. Писанію и Преданію, взглядъ на значеніе Лютера, на чудеса, посты, призываніе святыхъ, почитаніе

[redacted]

иконъ, сулружество, монашество и пр. Защита его часто переходитъ въ восхваленіе протестантскихъ сектантовъ, въ рѣзкое обличеніе католической церкви, въ укоризненные намеки православнымъ; опроверженіе нѣкоторыхъ православныхъ догматовъ отличается крайнею несдержанностію. Своихъ единомышленниковъ онъ идеализируетъ въ противоположность католикамъ, о которыхъ онъ отзывается: „Отъ римской церкви мы отрекались и не признаемъ обрядовъ и ученія людей погибшихъ, которые чтутъ лживыхъ и вымышленныхъ боговъ, воздвигаютъ дерзновенную брань противъ Бога и Спаса Божія, тщетно пытаясь истребить Его слово и имя... Они упрекаютъ насъ въ томъ что у насъ много сектъ и раздоровъ, а между тѣмъ у нихъ постоянная распря съ церковью Восточной, отъ которой они отпали изъ одного только высокомѣрія. Кромѣ того, сколько подраздѣленій въ самомъ католическомъ мірѣ, сколько тамъ этихъ разныхъ обезьянъ древняго стоицизма, этихъ чудовищъ въ калюшонахъ, этихъ братцевъ одѣтыхъ въ черныя рясы, что однако не мѣшаетъ имъ быть до крайности надменными. Они проповѣдуютъ суровыя правила жизни и прикрываются именами святыхъ отцевъ, а на самомъ дѣлѣ волки въ кожѣ агнцевъ, и повинуются божественнымъ законамъ только изъ корыстолюбивыхъ разчетовъ. Это вожди слѣпые, лживые, коварные, порожденія ехиднины, сосуды вычищенные извнѣ, гробы повалленные, внѣ дома ходятъ въ митрахъ, клобукахъ, обличеніи и выказываютъ святость, а дома преисполнены всякихъ мерзостей: лицемѣрія, несправедливости, предаются страстямъ, кривляются, лицедѣйствуютъ, сводничаютъ, играютъ въ кости, мотаютъ деньги, приготовляютъ отравы, оливаются. Не отъ такихъ людей мы принимаемъ посвященіе въ должность проповѣдниковъ, которая даже у язычниковъ считается трудно достижимою и почетной, но отъ общины Христовой.“ Выражая удивленіе что Іоаннъ требуетъ у него чудесъ для подтвержденія истинности его ученія, Рокита говоритъ, между прочимъ: „Не чудо ли что въ сердцахъ нашихъ, какъ въ какомъ-то безсмертномъ храмѣ, обитаетъ святѣйшій Духъ Божій, благодать котораго изгоняетъ мракъ изъ душъ человѣческихъ? Да и теперь, свѣтлѣйшій государь, разсуди, ложалуста, развѣ не великія чудеса творитъ Богъ, ограждая нашу общину отъ наваждений и козней діавола, направляя учителей истины къ тому чтобъ они не только сами

всячески остерегались отступать отъ пути ведущаго на небо, но стремились и всѣхъ навести на этотъ путь? Тотъ же Богъ и меня, ничтожнѣйшаго человѣка, поставилъ предъ лице твоего величества и возжегъ въ душѣ твоей ревность къ благочестію. И если то, что̀ Онъ въ тебѣ произвелъ, благоугодно Ему будетъ укрѣпить и моими устами открыть истину этому народу, то, конечно, мой духъ найдетъ себѣ успокоеніе въ исполненіи священнѣйшей и сладчайшей его воли". Почитаніе и призываніе святыхъ и поклоненіе иконамъ Рокита обозвалъ суевѣріемъ и идолопоклонствомъ и закончилъ свою рѣчь объ иконахъ прямою выходкой противъ нихъ, обращаясь къ нимъ во второмъ лицѣ, какъ къ существамъ одушевленнымъ. *

Какъ ни пространно и, по мѣстамъ, ни дерзко и напыщенно говорилъ ласторъ, Иванъ Васильевичъ сдержалъ свое слово: онъ выслушалъ всю рѣчь не прерывая и, велѣвъ записать ее, обѣщался представить письменное ея опроверженіе. Рокита, между тѣмъ, видя что Іоаннъ ничего тотчасъ не сказалъ ему въ отвѣтъ, принялъ было это за знакъ своей побѣды подумалъ, что произвелъ рѣчью побѣждающее впечатлѣніе, въ чемъ глубоко обманулся. Онъ не понималъ ни характера Іоанна, ни того какъ тѣсна была у насъ связь между православною церковью, народомъ и государствомъ, и какое значеніе имѣло православіе для національнаго и государственнаго развитія Русскихъ. Надѣяться на успѣхъ отъ діалектики и красивыхъ рѣчей могъ только человѣкъ пришлый, не знакомый съ русскою дѣйствительностью.

---

* Вся эта бесѣда изложена у двухъ современныхъ писателей, у Ласицкаго *De Russorum Moscovitarum religione, sacrificiis, nuptiorum ac funerum ritu*, Spirae, 1582, I—II) и Одерборна (*Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis Vita*, a Paullo Oderbornio tribus libris conscripta. Witebergae, 1585, Lib. I, p. E$_5$ и слѣд.); наиболѣе подробное извлеченіе изъ Одерборна, въ переводѣ на русскій языкъ, въ статьѣ Анненкова (*Странникъ*, 1878, февраль). Ласицкій представляетъ ее въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, Одерборнъ въ видѣ двухъ рѣчей. Изложеніе Одерборна, какъ кажется, ближе къ дѣйствительности, служитъ, хотя и не безъ прикрасъ, какъ бы стенографическимъ отчетомъ о бесѣдѣ; въ основу его легла рукопись свидѣтеля спора, Николая Тальвоша, сообщенная имъ Одерборну. Отдавая преимущество данному изложенію, нельзя однако не принимать въ разчетъ и изложенія Ласицкаго, въ которомъ такъ наглядно и сжато формулированы пункты рѣчей.

Изъ устной, полемика превращается въ письменную. Когда было доставлено Ивану Васильевичу письменное изложеніе рѣчи, онъ быстро написалъ довольно подробное опроверженіе и въ дорогомъ парчевомъ переплетѣ, съ украшеніями изъ жемчуга, незадолго до отпуска пословъ, передалъ (18 іюня)* Рокитѣ. Книгу отвезъ ласторъ съ собою, и это послужило поводомъ литовскому евангелику Ласицкому перевести ее на латинскій языкъ и сочинить противъ нея апологію своего ученія, ссылаясь въ свое оправданіе, на примѣръ Лютера, писавшаго опроверженіе мнѣній короля Англійскаго Генриха VIII. **

Въ русскомъ спискѣ опроверженіе Ивана Васильевича на письменную рѣчь Рокиты носитъ заглавіе: „Отвѣтъ государевъ". ***

---

* О времени узнаемъ опять изъ надписи на рукописи Холмской духовной семинаріи, гдѣ читается: „Johannis Basilii magni ducis Moscoviae responsum datum Johanni Rokyta legatorum regis Poloniae S. Augusti concionatori anno 1570 Junii 18 die" (*Холмско-Варшавск. Епарх. Вѣстн.* 1878, № 8, стр. 8). Сообщеніе (Fechner, I, 72), будто бы государь передалъ Рокитѣ свой письменный отвѣтъ 1 мая, на прощальной аудіенціи пословъ, очевидно, основано на какомъ-то недоразумѣніи: до этого времени послы, какъ ясно изъ указаннаго выше статейнаго списка, еще не видали государя.

** Латинскій переводъ письма Ивана Васильевича подъ заглавіемъ: *Huius colloquii litteris mandati, ab eodem duce refutatio, an. 1570 Calend. Maii*, и апологія Ласицкаго: *Verae religionis apologia, falsae confutatio*, изданы въ указанномъ выше сборникѣ Ласицкаго, стр. 11—196; письменный же отвѣтъ Рокиты Ивану Васильевичу не сохранился, если не считать взятою изъ него „рѣчь", помѣщенную у Одерборна.

*** Оно стало извѣстно очень недавно. Еще Рущинскій (*Чт. Им. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1871, III), пр. Макарій (*Истор. Русск. Церкви*, 1877, VIII, 408) и Ю. Анненковъ (*Странникъ*, 1878, III, 347), думали „что это любопытное опроверженіе," какъ и все предшествующее собесѣдованіе царя съ Рокитой, сохранилось „только въ латинскомъ переводѣ". Сообщеніе „Древней и Новой Россіи" (1878 года, № 2, отдѣлъ „Замѣтки и Новости", ср. № 3), что въ библіотекѣ Холмской духовной семинаріи священникомъ Семеновичемъ открытъ русскій списокъ отвѣта царя Ивана Васильевича Яну Рокитѣ, побудило А. Попова издать найденный имъ въ 1874 году и хранившійся у него другой списокъ того же отвѣта. Онъ издалъ его, вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ Ласицкаго, въ *Чт. Им. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1878, кн. II, стр. 1—61, 1—33. Наконецъ отыскался третій экземпляръ отвѣта, въ рукописяхъ Погодина, № 1.597, гдѣ онъ по ошибкѣ озаглавленъ: „Рѣчь великаго царя Ивана къ Максиму Греку-Святогорцу

Опровергая доводы противника, царь вмѣстѣ съ тѣмъ излагалъ православное ученіе о спорныхъ пунктахъ, чтобы лучше ознакомить пастора съ этимъ ученіемъ и такимъ образомъ подробнѣе развилъ мысли, высказанныя и предрѣшенныя имъ въ первой своей устной рѣчи.

Собственно „Отвѣту“ Иванъ Васильевичъ предпосылаетъ введеніе, объясняя въ немъ свои побужденія къ новой бесѣдѣ съ Рокитой. Царь утверждалъ что онъ не хотѣлъ было говорить съ Рокитой о вѣрѣ, какъ о томъ предупреждалъ его и прежде, потому что Рокита ведетъ бесѣду для испытанія, а не ради вѣры. Господь училъ не давать святое псамъ и не метать предъ свиньями бисеръ (Мѳ. VII, 6), то-есть не сообщать и не исповѣдывать божественнаго слова предъ невѣрными и невѣрующими Священному Писанію, какъ предъ недостойными слышать о немъ и какъ такими которые и попираютъ слова и приводятъ въ смятеніе и безчестятъ самого говорящаго; слово спасенія имъ въ погибель; ап. Павелъ такіе писалъ къ Титу: „Еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся, зная что таковой развратился и грѣшитъ будучи самоосужденъ“ (Титу. III, 10—11). Руководствуясь этимъ, а равно обремененный множествомъ государственныхъ дѣлъ, онъ былъ уже намѣренъ совсѣмъ не отвѣчать Рокитѣ; но, не услыша опроверженія, Рокита могъ бы подумать что его собесѣдникъ не понимаетъ свойствъ изліятаго имъ, Рокитою, яда, не умѣетъ отвѣтить и не знаетъ Писанія или согласенъ съ его ученіемъ, или что нѣтъ среди христіанъ разумѣющаго истину въ тайнѣ христіанской. Изъ опасенія подобнаго перетолкованія и въ желаніи обезоружить врага, онъ рѣшается не молчать и отвѣтить по крайней мѣрѣ вкратцѣ.

Опроверженіе состоитъ изъ 14 „словъ“ или отдѣловъ, главъ, быть-можетъ, соотвѣтственно составу и плану письменнаго отвѣта Рокиты. Первыя двѣ главы содержатъ сужденіе о достоинствѣ Лютера и его послѣдователей; въ третьей разобличается противорѣчіе лютеранъ самимъ себѣ, когда они, утвер-

---

(А. Ѳ. Бычковъ, *Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Имп. Публ. Библ.* 76, 526). Самый древній и лучшій изъ нихъ, XVI вѣка, экземпляръ Холмской духовной семинаріи. Описатель его предполагаетъ (*Холмско-Варшавскій Вѣстникъ* 1878, № 8, стр. 10—11) что это быть-можетъ подлинникъ, врученный Іоанномъ Рокитѣ.

ждая будто ведутъ свою проповѣдь отъ древнихъ учителей, отвергаютъ преданіе и чудеса, коими эти учители подтверждали свое ученіе, четвертая разъясняетъ, какое значеніе имѣютъ для христіанъ ветхозавѣтные заповѣди и обряды; пятая разбираетъ ученіе лютеранъ объ оправданіи вѣрою, о дѣлахъ и о Христѣ, Его Матери и Святыхъ въ дѣлѣ нашего спасенія, въ шестой, седьмой и осьмой опять идетъ рѣчь о Лютерѣ и его послѣдователяхъ; девятая защищаетъ постъ, десятая призываніе святыхъ и необходимость литургіи, одиннадцатая развиваетъ мысли объ искушеніи, намѣченныя въ пятой главѣ, въ двѣнадцатой защищается иконопочитаніе, въ тринадцатой монашество, четырнадцатая, заключительная, содержитъ строгое запрещеніе Рокитѣ и его единовѣрцамъ распространять свое ученіе въ предѣлахъ Московскаго государства.

Такъ какъ расположеніе мыслей весьма часто лишено здѣсь стройности и послѣдовательности и еще ярче чѣмъ въ сочиненіяхъ другихъ современныхъ книжниковъ, не знавшихъ систематическаго школьнаго обученія, выступаютъ указанія и повторенія, то постараемся сгруппировать излагаемыя въ *Отвѣтѣ* мысли безъ строгаго соблюденія плана самаго произведенія чтобы тѣмъ удобнѣе обрисовать кругъ вопросовъ обсуждаемыхъ здѣсь авторомъ и его точку зрѣнія на нихъ и выяснить затѣмъ его полемическіе пріемы.

Какъ и въ устной рѣчи, самымъ выдающимся вопросомъ былъ здѣсь вопросъ о самомъ Лютерѣ и его послѣдователяхъ. Лютеръ, по мнѣнію Ивана Васильевича, былъ самовольный похититель учительскаго права и вполнѣ достоинъ своего имени, согласовалъ съ нимъ свою жизнь: онъ по истинѣ Лютеръ, то-есть человѣкъ лютый, свирѣпый, потому что весьма люто устремлялся на краеугольный камень церкви Христа, разорялъ Его божественные уставы, перетолковывалъ ученіе Его учениковъ и апостоловъ и извращалъ установленія святыхъ отцовъ (гл. I). Написавъ будто Лютера избралъ христіанскій соборъ, Рокита долженъ бы указать кто его выбралъ, кто ставилъ и въ какой степени онъ былъ, апостолъ или спископъ. Лютеръ принадлежитъ къ тѣмъ ложнымъ учителямъ о которыхъ писалъ Ап. Павелъ (Посл. къ Римлянамъ, X, 13—15). Какъ же ему учить когда онъ не посланъ и искажаетъ истину (гл. 8)?

По дереву познается плодъ, по учителю его ученики. Подобно Лютеру, всѣ его послѣдователи и проповѣдники лютеранства

учители ложные, не имѣющіе божественнаго посланничества и извратители христіанскаго ученія и церковныхъ уставовъ и преданій. „Какъ сатанаилъ, сверженный съ неба, вмѣсто ангела свѣтла названъ былъ тьмой и прелестью и его ангелы демонами, такъ и вашему начальнику, обращается Іоаннъ къ Рокитѣ и всѣмъ вообще единомышленникамъ Лютера,—имя Люторъ, а вы, его послѣдователи — *козподѣи*, прелестники. Господь указалъ свойства ложныхъ учителей: они суть волки въ овечьихъ кожахъ, подъ смиренною одеждой, подъ неопасною наружностью приносятъ соблазнительное и опасное ученіе; они суціе тати и разбойники, не входятъ во дворъ овчій прямо, но прелазятъ инымъ путемъ, пастырь же овцамъ входитъ дверьми, привратникъ отворяетъ ихъ ему и овцы слушаютъ его голоса (Еванг. Іоан. X, 1—3): такъ и вы, перелѣзши чрезъ преграду божественнаго ученія и ставши на учительскомъ мѣстѣ, Христовыхъ словесныхъ овецъ, которыхъ Онъ искупилъ Своею кровію, крадете и разбиваете точно тати, потому что ни по чьему повелѣнію не пришли чрезъ двери (гл. I). Основаніе церкви, Христосъ послалъ на проповѣдь своихъ Апостоловъ, давъ имъ власть пасти словесное стадо и вязать и разрѣшать отъ грѣховъ, на свое мѣсто и они ставили другихъ, передавая имъ свою власть, а она преемственно доселѣ сохраняется въ церкви. Вашего же Лютера и васъ кто поставилъ (гл. 7)? Самовольно вскочивъ на учительство и войдя не дверьми, вы тати и разбойники“ (гл I). Слушая Лютера и слѣдуя ему, хотя и говорятъ, будто слѣдуютъ Христу и древнимъ писаніямъ, лютеране извращаютъ христіанское ученіе, отвергаютъ церковные уставы и преданія, являются врагами богооткровенной христіанской истинѣ и отсюда самому Христу; они люди антихриста, не достойные называться христіанами. „Называешь себя ты, Рокита, христіаниномъ, опять обращается къ нему государь,—но ты, по слову Апостола (2 посл. Іоанна, 7—11), не христіанинъ, потому что развращаешь Христово ученіе и отметаешь ученія апостоловъ и святыхъ отцовъ (гл. 2). Ты врагъ креста Христова, среди пшеницы сѣешь плевелы и истину претворяешь въ ложь, какъ сказалъ Господь въ Евангеліи: „Вашъ отецъ діаволъ, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое: ибо онъ лжецъ и отецъ лжи“ (Еванг. отъ Іоан., VIII, 44). Вы искажаете Писаніе по своему *желанію*. Ап. Павелъ сказалъ что никто не можетъ положить

инаго основанія кромѣ лежащаго который есть Іисусъ Христосъ. Вы же, обращаясь къ учителямъ ложнымъ и избѣгая истинныхъ священниковъ, учителей, святителей и апостоловъ и какъ бы снова распиная на себѣ Христа, развращаете само Христово повелѣніе и самовластно учите. Тотъ же апостолъ писалъ къ Галатамъ: „Если бы даже мы или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то что̀ мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не то что̀ вы приняли, да будетъ анаѳема“ (Посл. къ Галат. I, 8—9). Но вы отвергли преданіе апостольское и тѣмъ, по апостолу, сами себя проклинаете, почему и мы наводимъ праведный судъ на васъ, какъ на враговъ истины и лоборниковъ нечестія, людей антихриста, то-есть сопротивника. Напрасно лютеране стараются оправдать себя чрезъ сопоставленіе съ Римлянами: латины—соблазнъ, но и они тьма. Если кто выведетъ кого-либо изъ несвѣтлой тюрьмы и затворитъ его въ другой, темной и мрачной: что̀ пользы (гл. 7)? Какъ сатана повсюду прельщаетъ людей, такъ и лютеране со своимъ учителемъ способствуютъ бѣсовской прелести (гл. 8). Нравственность ихъ соотвѣтствуетъ ихъ ученію. Вопреки ученію апостола поступать христіанамъ такъ какъ поступалъ Христосъ (1е посл. Іоанна, II, 6), они все отвергли и уставили жизнь по своимъ прихотямъ (гл. 4). У нихъ творятся всѣ тѣ грѣхи за которые, какъ писалъ апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ (VI, 9—10), виновные не наслѣдуютъ царствія Божія (гл. 6).

Можетъ ли быть истинно ученіе когда таковы учителя? Оно преисполнено лжи. Лютеране учатъ что спасаемся вѣрою чрезъ одно посредство Іисуса Христа. Слова апостола Іакова, примѣры ветхозавѣтныхъ праведниковъ и истинныя заслуги Іисуса Христа въ дѣлѣ нашего спасенія указываютъ какъ это неполно и далеко это отъ истины. „Что̀ пользы, братія моя, писалъ апостолъ Іаковъ, если кто говоритъ что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Можетъ ли эта вѣра спасти его?.. Вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ... И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ... Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, возложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь ли что вѣра содѣйствовала дѣламъ его и дѣлами вѣра достигла совершенства?.. Видите ли что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою одной?“ (Посл. Іакова, II, 14—24). И если апостолъ Павелъ писалъ о вѣрѣ (Посл. къ

Евр. XI, 4—11), а апостолъ Іаковъ о дѣлѣ, распри между ними нѣтъ, но полное согласіе: одинъ подтверждалъ дѣла, другой утверждалъ вѣру, чтобы къ одной пользѣ спасенія человѣка вело то и другое; и въ иныхъ мѣстахъ, въ посланіи къ Римлянамъ (V, 20—21, VI, 1—4), тотъ же ап. Павелъ говорилъ о значеніи дѣлъ для угожденія Господу. Основаніе спасенія, конечно, Господь Іисусъ Христосъ, какъ учитъ Священное Писаніе, и святые отцы, руководствующіе несвѣдущихъ въ пониманіи таинъ. Ап. Павелъ повелѣвалъ укрѣпляться въ благодати Христомъ Іисусомъ и повелѣвалъ и другихъ научать тому (1 посл. Тимоѳ., II, 1—2); и всѣ истинные вожди и наставники не на своемъ основаніи полагали, но приводили къ основанію Христову, потому что начало есть Христосъ. Къ Коринѳянамъ писалъ Апостолъ что „никто не можетъ положить другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ“ (I посл. къ Кор. III, 9—11) и къ Тимоѳею что благодать Господа нашего открылась въ немъ обильно съ вѣрой и любовію во Христѣ Іисусѣ (1 посл. къ Тимоѳ. I, 12—14). Господь Іисусъ есть ходатай къ Богу и Отцу о людяхъ. Свершеніемъ плотскаго смотрѣнія Его разрушается Адамовъ грѣхъ, благодатію Христовой выходимъ изъ купели очищенными ото всякаго грѣха, но человѣкъ обязывается исполнить всѣ Его заповѣди, иначе ему не въ пользу и Христово воплощеніе. Если Владыка столько пострадалъ за рабовъ, какъ же мы не хотимъ соблюдать и совершать Его заповѣди? Господь сказалъ: „Если кто служитъ Мнѣ, и Мнѣ да послѣдуетъ“, и еще: „Не всякій говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго“ (Ев. отъ Матѳ. VII, 21). „Видишь ли какъ Господь не велитъ лѣниться дѣлать благое?“ спрашиваетъ Иванъ Васильевичъ Рокиту, и затѣмъ, указавъ еще нѣсколько невѣрностей въ словахъ Рокиты, продолжаетъ: „А что̀ писалъ ты о воплощеніи Слова Божія, что почался сынъ Слово Божіе отъ Пречистыя Богородицы, то писалъ еретическое. Апостолъ Павелъ говорилъ о семъ къ Филиппійцамъ: „Въ васъ должны быть тѣ же чувства какія и во Христѣ Іисусѣ. Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не хищеніемъ почиталъ быть равнымъ Богу, но уничижилъ Себя Самого, приявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ и по виду ставъ какъ человѣкъ“ (Посл. къ Филипп. II, 5—7). *Видишь ли* что не иной воплотился отъ Пресвятѣя Маріи,

для нашего спасенія заимствовалъ отъ Нея плоть, но единъ Отца Сынъ собезначальный и единосущный, соприсносущное Слово Божіе Отцу и Духу, совершенный Богъ и человѣкъ. Мы знаемъ о страданіи, воскресеніи и вознесеніи Христа и о сѣденіи одесную Отца, но ты о томъ не написалъ... Мы, истинные христіане, вѣруемъ что ходатай къ Богу нашему и Отцу, и начало спасенія и посредникъ о людяхъ Христосъ Богъ, Которому, бывъ спасены Его страданіями, покланяемся со Отцомъ и Пресвятымъ Духомъ во единомъ существѣ и трехъ лицахъ, молимъ Его, славословимъ и превозносимъ во вѣки, просимъ отлущенія грѣховъ, наслѣдія небеснаго царствія и всего полезнаго душамъ и тѣламъ нашимъ, какъ Бога, царя и создателя всѣмъ и все содержащаго въ рукѣ Своей... А что̀ писалъ о ходатайствѣ Божіи и о имени что нѣтъ спасенія и отлущенія грѣховъ о другомъ имени, кромѣ Христова, и о имени Его животъ вѣчный; то и мы такъ вѣруемъ, только мы приводимся къ сему Его учениками, апостолами и богоносными отцами... А что̀ писалъ, что грѣхи отлущаются даромъ по благодати, а не сопряженными дѣлами, что грѣхъ изыдетъ не дѣлами; то прочти слова Господа во Евангеліи: „Кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня“ (Ев. отъ Матѳ. X, 38; отъ Марка, X, 29). Крестъ есть распятіе своихъ мірскихъ желаній и хожденіе за Іисусомъ. А что̀ писалъ, что Богъ Отецъ для заслуги Сына Своего принялъ человѣка въ свою милость и грѣхи отлущаетъ даромъ, то ересь Аріева, потому что тѣмъ представляетъ Сына ниже Отца, повиннымъ, служебнымъ. Сынъ собезначаленъ Отцу, нераздѣленъ и несліянъ, соприсносущенъ Святому Духу, равночестенъ Имъ, а не служебенъ; едина воля и хотѣніе Отца и Сына и Святаго Духа единъ отъ Святой Троицы содѣлалъ человѣкамъ спасеніе со Отцемъ и Духомъ (Ев. Іоанна I, 1—3, XIV, 10, 13, 21; V, 20—23, XV, 26, XVI, 13—15; X, 17—19, XI, 41—42; XIV, 23, XVIII, 1; Посл. къ Филипп. II, 6), потому что гдѣ есть Сынъ, тамъ и Отецъ и Духъ, и гдѣ Духъ, тамъ и Отецъ и Сынъ. По искупленіи насъ, Господь Іисусъ Христосъ сталъ нашимъ ходатаемъ, избавителемъ отъ вѣчныхъ мученій. До Его воплощенія всѣ люди сходили въ адъ, не исключая и праведно пожившихъ, какъ повинныхъ Адамову грѣху; по воплощеніи демоны уже не имѣютъ силы болѣе удерживать въ своей власти праведниковъ: потому что вселившійся въ

насъ Богъ Слово оживляетъ насъ и, освобождая отъ Адамова грѣха, дѣлаетъ выполняющихъ заповѣди Его сопричастными вѣчной жизни (гл. 5); „потому что гнѣвъ Божій и вражда, пребывающіе въ людяхъ отъ Адама до воплощенія, Христовымъ божественнымъ плотскимъ смотрѣніемъ разрушились, побѣждено все: и смерть, и грѣхъ, и діавола держава: Христовою благодатію люди стали самовластны и научены какъ побѣждать князя тьмы вѣка сего и міродержителя, и по исполненіи воли Божіей дѣйствіемъ Святаго Духа становятся наслѣдниками Царствія небеснаго. Самовластно не принимающіе заповѣдей Христовыхъ и самовластно покаряющіеся діаволу сойдутъ въ муку вѣчную, подобно тому какъ до Христова пришествія, когда, ради Божія гнѣва и проклятія Адаму, діаволъ имѣлъ власть надъ всѣми, даже и надъ праведными, и сводилъ души ихъ въ адъ. Придя въ міръ, Іисусъ Христосъ своимъ воплощеніемъ, распятіемъ и воскресеніемъ разрушилъ сію клятву, примиривъ Бога съ человѣкомъ, сдѣлалъ человѣка самовластнымъ, какъ и Адама до преступленія, совершать добро и зло, научилъ какъ исполнять заповѣди Его и Отца и Святаго Духа и быть наслѣдниками небеснаго царствія; при вознесеніи на небо Онъ передалъ это Своимъ ученикамъ и апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь и повелѣвая имъ и другимъ тому научать— вотъ въ чемъ состоитъ ходатайство Господа нашего Іисуса Христа“. Такъ учитъ писаніе, внушаютъ апостолы и святые отцы и такъ поется въ церковныхъ пѣснях. Приведя относящіяся сюда священныя изреченія и пѣсни, царь говоритъ Рокитѣ: „Много тебѣ сказалъ отъ Божественнаго Писанія, но ты о семъ, какъ онагръ, не вѣруешь и, точно аспидъ глухой, затыкаешь уши свои и не слышишь голоса истины, какъ должно вѣровать и заповѣди Христовы совершать и знать, въ чемъ состоитъ ходатайство Господа нашего Іисуса Христа“ (гл. 11).

Уклоненіе отъ истины и непониманіе ея у лютеранъ во многомъ обусловлено тѣмъ что они не относятся съ должнымъ уваженіемъ къ руководству въ пониманіи Писанія и въ дѣлѣ спасенія ученію апостоловъ и св. отцовъ, не воздаютъ имъ должнаго почитанія. „Если не хочешь, изобличаетъ Грозный Рокиту, восхвалять святыхъ отцовъ и святыхъ апостоловъ, слѣдовать ихъ руководству и называть ихъ наставниками въ спасеніи, надобно тебѣ не вѣровать и

[redacted]

ихъ писанію; а если не вѣровать писанію, то откуда узнаешь что есть Богъ, славимый въ Троицѣ, зачѣмъ сошелъ Іисусъ съ неба, волотился, пострадалъ, воскресъ и вознесся на небеса, и то, какъ исполнять заповѣди Божіи. Ученіе отцовъ и апостоловъ озаряетъ свѣтомъ вѣры; почитая ихъ и молясь имъ, и можно вѣровать Писанію и научиться изъ него. И всѣ тѣ которые будутъ подобны тебѣ, надменный, прельщенный діаволомъ, будутъ точно скоты, ничего не разумѣя“ (гл. 11). Нельзя укорять насъ, будто мы боготворимъ апостоловъ и святыхъ. Апостоловъ мы почитаемъ ихъ, какъ учениковъ и посланниковъ Слова Божія, наставниковъ и руководителей въ нашемъ спасеніи; для того мы молимся имъ, да лучше уразумѣемъ ихъ писанія и да имѣемъ ихъ помощниками въ спасеніи. Такъ же почитаемъ страстотерпцевъ, пострадавшихъ за истинное благочестіе и возбуждающихъ въ насъ ревность къ совершенію благочестія; почитаемъ преподобныхъ, какъ исполнителей апостольскаго ученія и направляющихъ насъ на путь благочестія. Болѣе всѣхъ ихъ чтимъ Пречистую Богородицу и Приснодѣву Марію. Она послужила тайнѣ искупленія, вмѣстивши въ себѣ невмѣстимаго Бога; Ею примирились мы съ Богомъ и разрушилась вражда Адамова; имѣя ко Господу дерзновеніе матери, Она восполняетъ благодатію Христовой все недостающее въ насъ. И сей, какъ заступницѣ и предстательницѣ всего рода христіанскаго, молимся и просимъ у Нея помощи, да умолитъ Творца и Сына своего и Бога нашего о нашихъ согрѣшеніяхъ, да подастъ намъ Христосъ Богъ нашъ Ея молитвами получить и принять наслажденіе будущихъ благъ. „Мы вѣруемъ что единъ ходатай нашъ Іисусъ Христосъ; Пречистая Его Богоматерь всѣхъ владычица и ходатаица и заступница всѣмъ христіанамъ; всѣ Апостолы, Пророки и всѣ Святые почитаются какъ служители правдѣ и наши наставники, приводящіе ко Христу, почему поклоняемся и ихъ мощамъ, да найдемъ у нихъ бо́льшую помощь“. Божественный Павелъ учитъ: крестясь единымъ Духомъ, мы крестимся во едино тѣло, составляя его во Христѣ, какъ члены, и страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ всѣ члены, славится одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены и каждый заботится о другомъ. Святые, это высшіе члены, они имѣютъ различные дары къ исцѣленію и наученію (1 посл. къ Коринѳ. XII, 7—30). „А что̀ писалъ Рокита что нѣтъ спасенія и отлученія грѣховъ

о другомъ имени, кромѣ Христова и о имени Его животъ вѣчный; мы такъ и вѣруемъ, только сами Его учениками, апостолами и богоносными отцами къ тому приводимся и наставляемся на истинный путь" (гл. 5).

Почитая святыхъ, должно чтить и священныя изображенія ихъ, иконы. Ссылка Рокиты на слова второй заповѣди десятословія и другія ветхозавѣтныя изреченія о кумирахъ безразсудна; онъ не умѣетъ различить святаго и мірскаго, иконы Христа отъ Аполлонова идола, иконы Богородицы отъ изображенія Діаны. Идолослуженіе—образно и скверно; подобіе же Христово, Пречистыя Его Матери и всѣхъ святыхъ—первообразно и полезно къ спасенію. Въ идолослуженіи—требища, жертвы, пролитіе крови—въ иконопочитаніи; церкви, духовная молитва, сердечная жертва. „Не думай, объясняетъ государь Рокитѣ, что мы боготворимъ сіи: мы поклоняемся, воздавая честь первообразному, но не самому изображенію и не доскамъ кланяемся. Ты ссылаешься на Моисеевъ законъ, и я приведу тебѣ самого Моисея: какъ же онъ сдѣлалъ два золотые херувима во Святая Святыхъ, на завѣсѣ изоткалъ подобіе небесныхъ, сдѣлалъ кивотъ завѣта, окованный золотомъ и въ немъ хранилъ стамну съ манной, прозябшій жезлъ Аароновъ и скрижали завѣта, и всѣмъ этимъ предметомъ поклонялись Іудеи и такъ чтили Святая Святыхъ?" Иконопочитаніе утверждаютъ иконы, происхожденіе которыхъ относится ко временамъ апостольскимъ: нерукотворенный образъ Христа, икона Божіей Матери, написанная Ев. Лукою и пребывающая въ Москвѣ, и другіе; совершенныя чрезъ иконы многочисленныя чудеса, и достоинство изображаемыхъ, Господа Іисуса Христа, симъ образомъ изволившаго воплотиться и спасти насъ, пречистой Его Богоматери, примирившей насъ съ Богомъ, небесныхъ силъ, ходатайствующихъ о насъ, и всѣхъ святыхъ, совершителей заповѣдей Божіихъ, нашихъ наставниковъ, подражая которымъ мы надѣемся сами быть совершенными. „Все это относится къ иконамъ. Скажи же, можешь ли таковое указать объ идолахъ? Нѣтъ, не можешь, потому что поклоненіе иконамъ разнится отъ идольскаго бѣснованія. Да предъ тобой, какъ лесомъ, невѣрующимъ иконному поклоненію, не слѣдовало бы, по Господней заповѣди, и говорить святое," закрѣпляетъ Грозный этотъ рядъ доказательствъ и переходитъ къ разбору другихъ доводовъ Рокиты. Пасторъ указывалъ еще на слова ап.

Іоанна (Перв. Посл. Іоанна Богосл. V, 21), ловлѣвающія хранить себя отъ требъ идольскихъ; царь разъяснялъ что въ нихъ говорится объ идолахъ, а не иконахъ. Рокита приводилъ примѣръ изъ встрѣчи Корнилія съ ап. Петромъ (Дѣян. Ап. X, 25—26) и явленія ангела Іоанну Богослову (Апокалипсисъ, XII, 19); на это царь отвѣчалъ что устраненіе было сдѣлано здѣсь по кротости, подобно тому какъ Господь, сходя съ горы послѣ преображенія Своего, заповѣдалъ ученикамъ Своимъ не сообщать о томъ никому, пока онъ не воскресетъ изъ мертвыхъ. Рокита ссылался на примѣръ ап. Павла и Варнавы, которые возбранили, когда жрецы хотѣли было принести имъ жертвы, но они возбранили потому что жрецы хотѣли почесть ихъ такъ какъ идоловъ, а не какъ должно чтить праведниковъ. Думая найти основаніе въ исторіи, Рокита указалъ на Епифанія Кипрскаго, который разодралъ полотенце, увидѣвъ на немъ изображеніе одного святаго. Повѣсть объ этомъ, оспариваалъ его Грозный, находится у однихъ еретиковъ, истинными христіанами не принимается; напротивъ, извѣстно что на островѣ Кипрѣ, гдѣ Епифаній сдѣлался еписколомъ, совершалось иконопочитаніе, и святые писатели того времени, Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій, прямо учили иконопочитанію (гл. 12).

Утрата лютеранами почитанія святыхъ повела къ тому что они потеряли пониманіе того что̀ написано въ священныхъ книгахъ даже о самой божественной литургіи. „О ней подлинно изложено въ Евангеліи и писаніяхъ, затѣмъ апостолы установили молитвы, а святые отцы какъ творить литургію. Или думаешь, обращается Грозный къ Рокитѣ, что это просто хлѣбъ и вино? Какъ же вспоминать смерть Господню если не творить литургіи?“ Она установлена въ воспоминаніе смерти Господни во оставленіе нашихъ грѣховъ; здѣсь совершается таинство Евхаристіи. (Посл. къ Коринѳ. II, 22—26, Ев. Луки XXII, 19—20, Ев. Марка XIV, 24). „И сего ради, если кто не совершаетъ литургіи тотъ не возвѣщаетъ смерти Господни и есть антихристъ и развратникъ вѣры Христовой“ (гл. 10).

Ложно ученіе лютеранъ и о постѣ. Самъ Господь показалъ примѣръ сорокадневаго поста и побѣдилъ затѣмъ искусителя; Самъ Онъ, на вопросъ учениковъ, почему они не могли изгнать изъ бѣсноватаго бѣса, сказалъ имъ: „Сей родъ изгоняется только молитвою и постомъ“ (Ев. отъ Мате. XVII, 21). Апостолъ Павелъ училъ: „я бѣгу не такъ какъ на

невѣрное, бьюсь не такъ чтобы только бить воздухъ, но усмиряю и порабощаю тѣло мое, дабы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ“ (1 посл. къ Коринѳ. IX, 26—27). „Ради этого и мы постимся, да удержимъ тѣло, поработимъ его духу и примемъ оправданіе отъ Господа. Какъ густыя облака мѣшаютъ видѣть солнце, такъ тѣло обремененное лищей препятствуетъ уразумѣть истинный смыслъ заповѣдей Господнихъ и видѣть праведное солнце Христа.“ Каждый изъ соблюдаемыхъ въ церкви постовъ имѣетъ свое глубокое значеніе и истрезвившійся постомъ способенъ къ совершенію христіанскихъ добродѣтелей (гл. 9).

На вопросъ Грознаго, какъ лютеране преданные похотямъ не имѣютъ у себя законнаго супружества, Рокита уклонился отъ прямаго отвѣта, отъ прямой защиты законности ихъ брака и напалъ на монашество. Уличивъ Рокиту въ уклончивости, Грозный энергично вступился за послѣднее. „Іоаннъ Богословъ въ своемъ Первомъ посланіи училъ что кто вѣруетъ въ Іисуса Христа воплотившагося, тотъ долженъ постулать такъ какъ Онъ постулалъ. А Христосъ жены не имѣлъ и всѣ апостолы женъ не имѣли. Если у Петра была теща и жена, то это было до послѣдованія Христу; послѣдовавъ Ему, сохранялъ онъ чистоту и имѣлъ тещу вмѣсто матери, жену точно сестру. Такъ же и Филиппъ, одинъ изъ семи діаконовъ: онъ имѣлъ четыре дочери родившіяся до вступленія его въ христіанство; затѣмъ онъ пребылъ въ чистотѣ; дочери его остались дѣвственницами, принявши чисто мужское усердіе, сподобились пророческаго дара и вмѣстѣ съ апостолами проповѣдывали слово Божіе. А мироносицы? Совершилось храненіе въ обоихъ полахъ мужскомъ и женскомъ. Въ двухъ чинахъ лежитъ на насъ пребываніе христіанское, дѣвственное и простое, и обѣщавшимся дѣвствовать должно хранить брака и мясъ не по гнушенію, а ради воздержанія, а не давшіе обѣта безбрачія хотя бы и вступили въ бракъ и ѣли мясо, имъ то не возбраняется: потому что не одинъ заповѣди для иноковъ и для мірянъ.“ Затѣмъ приводитъ многочисленныя изреченія Новаго Завѣта (Ев. отъ Матѳ. XIX, 5, 6, 9, 10—12; Посл. къ Римл. XIII, 11—14, 1 Посл. къ Коринѳ. VII, 1—12, 25—28, 32—40; 2 Посл. Петра, II, 9—10; Ев. отъ Матѳ. X, 37—38; Посл. къ Римл. VI, 3—14; 1 Посл. къ Коринѳ. VI 12—20; Посл. къ Галат. VI, 14—18), гдѣ устанавливается, какъ хранить чистоту брачной жизни и какъ воздерживаться

и жить внѣ супружества, причемъ, указавъ преимущество безбрачія, монашества, восклицаетъ: „скажи мнѣ, кто исцѣлялъ недуги, врачевалъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, безвредно пилъ ядъ, изгонялъ бѣсовъ? Не всѣ ли они иноческаго постриженія?“ (гл. 13).

Умаляя и не признавая установленія Новаго Завѣта и церкви, лютеране преувеличиваютъ значеніе Ветхаго Завѣта. Изъ Второзаконія остались обязательными лишь двѣ заповѣди о любви къ Богу и ближнему, подтвержденныя въ Новомъ Завѣтѣ. Вопреки ученію апостола постулать христіанамъ такъ какъ поступалъ Христосъ (1 Посл. Іоанна, II, 6), вы, укоряетъ лютеранъ Грозный, все отвергли и уставили жизнь по своимъ прихотямъ. Удерживая не подтвержденныя постановленія Второзаконія, понадобилось бы соблюдать обрѣзаніе и весь законъ Моисеевъ. „И по сему вы, укоряетъ лютеранъ Грозный, жидовствуете, истиннымъ христіанамъ не подобно“. Христосъ разрушилъ Моисеевъ законъ и положилъ новый, о чемъ сказалъ Іоаннъ Богословъ: „законъ данъ чрезъ Моисея, благодать же и истина произошли чрезъ Іисуса Христа“ (Ев. отъ Іоанна, I, 17). О томъ что Второзаконіе уступило новому закону, училъ апостолъ Павелъ (Посл. къ Евр. VIII, 7; III, 5), а объ обрѣзаніи онъ писалъ къ Галатамъ: „если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа“ (Посл. къ Галат. V, 2). Поэтому, заключаетъ Грозный, кто держится стараго закона и принимаетъ о немъ иначе, чѣмъ въ евангельскомъ ученіи, тотъ отвергается Христа (гл. 4).

Рядомъ съ широковѣщательностью, частыми отступленіями, повтореніями, запальчивостью, рѣзкостью тона, Грозный, надо признать, обнаружилъ богатый по тому времени запасъ свѣдѣній, совсѣмъ не новичка въ борьбѣ, и не поддѣльную ревность къ православію. Имъ затронута и изобличена бо́льшая часть существенныхъ особенностей протестантства: взглядъ на достоинство Лютера и его послѣдователей, ученіе о монашествѣ, постѣ, іерархіи, иконопочитаніи, почитаніи святыхъ и ихъ мощей, значеніи священнаго преданія и святоотеческихъ писаній въ дѣлѣ руководства вѣры, отношеніи между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, достоинствѣ литургіи, значеніи крещенія въ дѣлѣ очищенія насъ отъ грѣховъ и даже объ оправданіи,—вопросъ о которомъ обыкновенно не говорили полемисты и значительно позднаго времени.

Подвергая обсужденію предметы относящіеся и къ обрядовой, внѣшней сторонѣ религіи, не уклоняясь отъ подлитія спора и на почву отвлеченно догматическую, Иванъ Васильевичъ такимъ образомъ широко коснулся протестантскаго ученія, хотя и не вездѣ съ должною полнотой. Изъ важныхъ вопросовъ остались не тронутыми вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа, предопредѣленіи, канонѣ святыхъ книгъ; не ясно поставленъ вопросъ о таинствахъ: ихъ числѣ, значеніи, формѣ. О таинствѣ крещенія сказано лишь вскользь, что изъ купели по крещеніи человѣкъ выходитъ безо всякаго грѣха (гл. 5, стр. 15), что „отъ воплощенія и доселѣ всѣ называемся христіанами и во иное имя не крещаемся, кромѣ какъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (гл. 11, стр. 41). О таинствѣ Евхаристіи можно найти только указаніе, гдѣ говорится что литургія установлена въ воспоминаніе смерти Христовой и что не ходя слушать литургіи, нельзя должнымъ образомъ воспоминать Христову смерть (гл. 10). Что касается до прочихъ таинствъ и формы совершенія ихъ всѣхъ, то у него о томъ не упоминается; о предрѣшеніи въ смыслѣ ихъ недѣйствительности можно догадываться изъ непризнанія богоучрежденности іерархіи у лютеранъ. Въ мысляхъ о монашествѣ сильно отразился современный автору взглядъ. Несмотря на то что ему, какъ свидѣтельствуетъ его обличительное посланіе къ Кузьмѣ, игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, хорошо были знакомы отрицательныя стороны современной ему монастырской жизни, идеалъ монашеской жизни онъ цѣнилъ одинаково съ современниками. Тогда многіе держались убѣжденія что окружающій человѣка міръ, жизненныя отправленія въ ходѣ общественнаго строя, семейныя узы и проч., все это составляетъ препятствіе для нравственнаго усовершенствованія человѣка и исключительнымъ идеаломъ высоконравственной жизни въ умахъ Русскихъ былъ идеалъ монашескій. Монашеская жизнь обыкновенно называлась „Христоволодобнымъ житіемъ; сами монахи—вышняго Іерусалима гражданами“; въ монахахъ народъ видѣлъ спасителей и молитвенниковъ за весь міръ. Увлеченіе иноческимъ идеаломъ доходило до того что многіе оставляли своихъ женъ и уходили въ монастыри, „жены отъ мужей стригались тайно отъ черницъ,“ и митрополитъ Даніилъ и Максимъ Грекъ считали необходимымъ писать о возможности спасенія и въ мірѣ. Черта времени отразилась также

въ трактатѣ о десятословіи. Къ десятословію, какъ законодательному памятнику Ветхаго Завѣта, многіе Русскіе относились недовѣрчиво, и въ представленіи Грознаго о немъ, по справедливому замѣчанію Рущинскаго, какъ бы смѣшивалось все законодательство Моисея: высокій полемистъ „какъ будто не различалъ временныхъ обрядовыхъ постановленій отъ постоянныхъ началъ нравственности; онъ ставилъ тѣ и другія въ такую тѣсную и неразрывную связь что одни казались немыслимыми безъ другихъ, и потому, съ его точки зрѣнія, выходило что если принимать нравственный законъ Моисея, то необходимо удерживать и обрядовый.“ Не различая этихъ двухъ сторонъ въ законѣ Моисея, у насъ вообще относились къ нему строго, тѣмъ болѣе что въ Новомъ Завѣтѣ этотъ законъ представляется недостаточнымъ и его частныя обрядовыя постановленія потерявшими силу. Отчужденность отъ закона Моисея усиливалась ненавистью питаемою Русскими къ Евреямъ и волненіями произведенными ересью жидовствующихъ. Въ послѣднемъ случаѣ получаетъ особенный смыслъ выраженіе Грознаго, когда онъ укоряетъ Рокиту и лютеранъ что они, преувеличивая значеніе закона Моисея, „жидовствующе“ являются. Въ этомъ отношеніи онъ какъ бы видѣлъ въ нихъ единомышленниковъ нашихъ жидовствующихъ.

Составлять полное и спокойное изобличеніе всѣхъ заблужденій лютеранства не было задачей Ивана Васильевича. Пунктъ объ исхожденіи Св. Духа, напримѣръ, былъ достаточно извѣстенъ ему: о немъ писалъ даже ближайшій учитель Ивана Васильевича, Максимъ Грекъ; но въ этомъ ученіи главными виновниками были католики, противъ которыхъ и направлялись предыдущіе трактаты о Св. Духѣ. Нападенію Грознаго подверглись по преимуществу разности бросавшіяся тогда болѣе въ глаза и болѣе занимавшія современниковъ; къ тому же, въ своемъ письменномъ отвѣтѣ онъ слѣдовалъ письменной рѣчи Рокиты. „А что писалъ“, „а что пишешь“—постоянное начало отвѣта Ивана Васильевича. Вмѣсто возможно полнаго и яснаго изложенія своего ученія съ соотвѣтствующими доказательствами, самъ Рокита часто уклонялся отъ прямого отвѣта и на поставленные государемъ вопросы, и царь вынужденъ былъ изобличать его въ томъ. „Писалъ ты о вѣрѣ, молитвѣ и службѣ Божіей, ты смѣшалъ службу со крестомъ и о вечерѣ Христовѣ. И что

писалъ главами отъ Матѳея, и мы знаемъ изъ апостольскаго проповѣданія и изъ преданія Отецъ какъ должно это дѣлать; а спрашивали тебя чтобы ты намъ отвѣтилъ какъ ты то дѣлаешь и учишь, и ты намъ того не сказалъ... А что писалъ о дѣвствѣ и о бракѣ, и ты не то писалъ о чемъ я тебя спрашивалъ. Я тебя спрашивалъ какъ держите дѣвство и бракъ, и блудъ, и ты не о томъ писалъ": такъ неоднократно укорялъ Грозный Рокиту. Въ самыхъ доводахъ государь обыкновенно пользовался тѣмъ же, на чемъ старался обосновать свое ученіе пасторъ. Когда этотъ ссылался на Писаніе, онъ тотчасъ же опровергалъ его словами того же Писанія и при томъ по преимуществу словами той же книги на которую видѣлъ ссылку. Онъ часто говорилъ ему: „ты пишешь отъ Моисея, и мы покажемъ тебѣ изъ Моисея; ты ссылаешься на пророка, а мы отвѣтимъ его словами; ты приводишь слова апостола, прочти къ что пишется у него въ другомъ мѣстѣ, или: прочти что пишется у другаго апостола." Сопоставляя различныя изреченія, онъ приводилъ ихъ не для указанія противорѣчія, но всюду находилъ внутреннее согласіе и тѣмъ оспаривалъ толкованіе своего соперника. Едва Рокита въ отрицаніе иконопочитанія указалъ на житіе Епифанія, гдѣ сообщается что Епифаній будто бы разодралъ полотно на которомъ было изображеніе святаго, Грозный тотчасъ въ отвѣтъ ему: „вспомни и самого Епифанія, если прибѣгаешь къ отеческому ученію, какъ этотъ былъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ много совершалось иконопоклоненіе... и святые того времени Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій учили иконопочитанію". Всюду показываетъ Грозный большую начитанность и живую находчивость, знакомство со Св. Писаніемъ и переводами святоотеческихъ твореній, съ тѣмъ книжнымъ достояніемъ какое тогда было у насъ въ обращеніи. Конечно, далеко не всѣ доказательства приведены имъ съ должною основательностію; изреченіе Св. Писанія онъ нерѣдко примѣняетъ своеобразно, таково, напримѣръ, примѣненіе къ монашеской жизни изреченія Іоанна Богослова (1 Посл., II, 6) объ обязанности христіанъ поступать такъ какъ поступалъ Христосъ. Историческія справки сомнительной достовѣрности у него приводятся одинаково съ указаніями вполнѣ достовѣрными; такъ, въ отдѣлѣ о монашествѣ, уже слишкомъ много насчитано безбрачныхъ лицъ; часто онъ какъ бы не умѣетъ справиться съ запасомъ

своихъ свѣдѣній и загромождаетъ рѣчь множествомъ цитатъ, еще чаще переходитъ отъ одного предмета къ другому чтобы, не докончивъ начатаго, опять обратиться къ предыдущему. Не надо забывать что здѣсь говоритъ человѣкъ не получившій систематическаго школьнаго образованія, самоучка, хотя и въ высшей степени талантливый, но все же лишь начетчикъ, натура нервная, живая. Вмѣстѣ съ различными доказательствами и иногда весьма тонкими соображеніями, имъ употребляются рѣзкія бранчивыя выраженія, каковой пріемъ, впрочемъ, не принадлежалъ ему одному. Бранныя слова были въ обычномъ обращеніи того времени не только у насъ, но и во всей Западной Европѣ, гдѣ они свободно допускались даже въ ученыхъ диспутахъ и богословскихъ спорахъ. Въ то время любили также выводить заключенія изъ названій, и Грозный даетъ здѣсь волю своему остроумію, своей насмѣшливости. Имя „Лютеръ“ онъ произвелъ отъ прилагательнаго „лютый“ и указалъ что такимъ это лицо было въ своей жизни и дѣятельности; опредѣленіе Рокитою себя „казнодзѣемъ“ (проповѣдникомъ) онъ превращаетъ въ „козподѣя“, то-есть строющаго козни, прелестника, иронически прилагая послѣднее названіе ко всѣмъ единомышленникамъ и послѣдователямъ Лютера. Равнымъ образомъ, онъ не ставилъ различенія между опровергаемыми сектами. Такіе пункты, какъ оправданіе человѣка, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ и т. п., дѣйствительно относились къ лютеранамъ и самимъ четкимъ братьямъ; тою же невоздержностію жизни, которую, по словамъ Грознаго, вели единомышленники Рокиты, отвергая бракъ и предаваясь грубому разврату, отличались развѣ адамиты. Здѣсь поэтому получаетъ вообще значеніе не столько аргументація Грознаго сколько его взглядъ, его чувство. Его всюду одушевляетъ твердое и живое убѣжденіе въ истинности православной вѣры; во всѣхъ его словахъ проглядываетъ мысль что въ протестантствѣ слѣдуетъ видѣть незаконное уклоненіе отъ церкви, въ его пастыряхъ—самовольныхъ похитителей учительскаго права, въ послѣдователяхъ—еще менѣе понимающихъ религіозную истину чѣмъ католики. Родоначальникъ ихъ, Лютеръ, толкуя все по своему испорченному разуму, какъ бы ополчился на Христа, ниспровергъ Его установленія, извратилъ ученіе Писанія, апостоловъ и святыхъ отцовъ; обольщенные проповѣдью этого самозваннаго учителя недостойны называться христіанами, потому что *слѣдуютъ* ученію не Христа, а Лютера.

Мнѣніе это не допускало никакихъ уступокъ или сдѣлокъ. Обстоятельства побуждали иногда Ивана Васильевича произносить свое сужденіе съ меньшею рѣзкостью, но не измѣнять его сущности. Не успѣло польское посольство покинуть Москву, какъ прибылъ сюда Голштинскій герцогъ Магнусъ,* добивавшійся осуществить свои ливонскіе интересы. Его встрѣтили со всѣмъ почетомъ, свойственнымъ гостепріимной русской столицѣ, въ первый разъ видѣвшей въ своихъ стѣнахъ такого знатнаго гостя. Грозный царь показывалъ видъ что насколько онъ строгъ къ своимъ, настолько милостивъ къ чужестранцамъ. Ради дорогаго гостя, онъ отпустилъ изъ плѣна нѣсколько тысячъ дерптскихъ гражданъ, одарилъ всю его свиту—совѣтниковъ, дворянъ, слугъ и задалъ ей богатый пиръ, причемъ прямо заявилъ что „теперь онъ любитъ Нѣмцевъ всѣмъ своимъ сердцемъ". Въ одномъ изъ торжественныхъ собраній герцогъ былъ провозглашенъ королемъ Ливоніи и въ залогъ будущаго королевства данъ ему завоеванный русскими войсками городъ Оберпаленъ; за церковно-религіозными и гражданскими законами Ливоніи признана государемъ полная неприкосновенность, въ то самое время какъ на Западѣ шли самыя ожесточенныя религіозныя войны и междуусобія; со своей стороны Магнусъ торжественно призналъ Грознаго своимъ сюзереномъ. Разошедшійся на милости царь промолвилъ, впрочемъ уже не въ торжественномъ собраніи, что онъ недовольствуется однимъ высокимъ званіемъ верховнаго господина надъ новымъ Ливонскимъ королемъ, но желаетъ быть еще и родственникомъ его: вмѣстѣ съ ливонскою короной онъ предложилъ ему руку своей двоюродной племянницы. Свое вниманіе къ гостю Иванъ Васильевичъ обнаружилъ также и тѣмъ что предупредительно выслушалъ проповѣдь его любимаго придворнаго проповѣдника Христіана Бокхорна, причемъ мягко отозвался о Лютерѣ и лютеранствѣ.

По словамъ Одерборна,** царь, въ знакъ своего благоволенія, подарилъ пастору богатую одежду и нѣсколько золотыхъ цѣпей и открыто высказался что ученіе Лютера очень близко къ истинѣ и его можно было бы терпѣть еслибы Лютеръ своимъ краснорѣчіемъ съ которымъ онъ нападалъ на папу не

---

* О пребываніи его въ Москвѣ см. нашу статью „Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій", въ *Ж. М. Н. Пр.* 1878, III кн.

** *Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis Vita*, F_3.

нислроверг древняго церковнаго чина и не запятналъ своихъ познаній въ Св. Писаніи отступничествомъ отъ церкви, снятіемъ монашества и женитьбой на бѣглой монахинѣ.

Данный отзывъ Грознаго о Лютерѣ и лютеранствѣ неоднократно потомъ приводится протестантскими писателями, когда они стремятся доказать благосклонность Грознаго къ протестантству и близость послѣдняго съ православіемъ.* Историческія условія при которыхъ произнесенъ этотъ сравнительно мягкій отзывъ Грознаго не дозволяютъ преувеличивать его значенія: если отстранить изъ него элементы этого вліянія, то въ немъ въ сущности услышится то же что̀ предъ тѣмъ было сказано Иваномъ Васильевичемъ Рокитѣ или что̀ потомъ сказано имъ одному кокенгаузенскому пастору. Лично завоевывая Ливонію, Иванъ Васильевичъ во время непродолжительнаго отдыха (въ августѣ 1577) въ Кокенгаузенѣ какъ-то проѣзжалъ по улицамъ этого города. На пути онъ встрѣтилъ одного пастора и спросилъ чему вѣруетъ и учитъ онъ. Когда пасторъ, излагая свое ученіе объ оправданіи вѣрой чрезъ Христа, приравнялъ Лютера къ апостолу Павлу, Грозный во гнѣвѣ ударилъ его кнутомъ по головѣ, послалъ его къ чорту съ его Лютеромъ и отъѣхалъ отъ него.**

Эта строгость, помимо дерзости пастора, конечно стояла въ связи съ новымъ характеромъ отношеній государя къ Магнусу и Ливонцамъ, вызваннымъ ихъ крайнимъ лукавствомъ. Самые изъ нихъ приближенные къ нему, Таубе и Крузе, предались Полякамъ еще осенью 1571 года. Слишкомъ мало достигая изъ того что̀ наобѣщали государю, они не могли не понимать что почва подъ ними слабѣетъ, особенно послѣ того какъ Магнусъ, приведенный ими подъ Ревель, вынужденъ былъ снять (31 марта 1571) безуспѣшную осаду города

* Peter Petrejus de Erlesunda, *Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow.* Lipsiae, 1620, 662; русск. перев. Шемякина, 431; G. A. S. (Georg Adam Schleusing), *Anatomia Russiae deformatae.* Zittau, 1688, и въ послѣдующихъ передѣлкахъ и сходныхъ съ нимъ экземплярахъ: Theoph. Warmund, *Universa Religio Moscovitica*, 1694, 17, Wendel, *Czaarisches Majestät aus Moscau.* Dresden, 1698, 7; I. G. Pritio, *Moscowitischer oder Reussischer Kirchen-Staat.* Leipzig, 1698, 21; и друг.

** Salom. Henning, *Lifflendische Churlendische Chronica*, изд. *Scriptores Rerum Livonicarum*, II, 269. Bl. 63 a.

и всю вину сваливалъ на нихъ. Іоаннъ поручилъ имъ напасть въ Ливоніи два эскадрона пѣхоты и до 300 стрѣлковъ чтобъ отправить ихъ въ Россію противъ Татаръ. Тамъ часто можно было тогда встрѣтить толпы солдатъ, которыя, обыкновенно не придерживаясь никакой опредѣленной политической цѣли, подъ водительствомъ рыцарей, нападали на кого случалось, на Русскихъ, Поляковъ, Шведовъ и своихъ согражданъ, и всякому готовы были служить за выгодную плату. Съ двоими изъ предводителей такихъ шаекъ, Гансомъ фонъ-Цейсъ и Рейнгольдомъ фонъ-Розенъ, Таубе и Крузе вошли въ соглашеніе. Грозный велѣлъ наймитамъ выступить ко Пскову, куда должны были вести нанимавшіе ихъ агенты. Въ русскихъ предѣлахъ Таубе и Крузе были бы вполнѣ въ рукахъ Іоанна. По подозрѣніе и опасеніе запали въ ихъ души. Нанятыя толпы солдатъ, не получая обѣщанной изъ Москвы платы, выражали неудовольствіе. Свирѣпствовавшій моръ сократилъ русскія войска, многіе бояре разъѣхались по своимъ помѣстьямъ; главная наша опора, Дерптъ, былъ защищенъ нами слабо. Войдя въ соглашеніе съ нанятыми предводителями, Таубе и Крузе задумали захватить его, воспользоваться хранившимся въ немъ богатствомъ и провіантомъ и предать его Полякамъ. Рѣшено было напасть въ воскресенье, 21 октября, въ разчетахъ что наши по случаю праздника не будутъ готовы къ защитѣ, а нѣмецкіе горожане прямо присоединятся къ осаждающимъ. Но при первыхъ же выстрѣлахъ Нѣмцы закрыли свои магазины и двери; никто изъ нихъ не смѣлъ показаться на улицу; на рынкѣ собралась большая толпа Русскихъ, и осаждающіе были оттѣснены съ большимъ урономъ; Таубе и Крузе едва спасли свою жизнь. Когда ихъ измѣна явно обнаружилась, они передаются Сигизмунду-Августу, хвастаясь что имъ извѣстны всѣ тайны Московскаго государя, что они знаютъ средства, какъ помѣшать исполненію его плановъ, и обѣщались добыть Полякамъ Смоленскъ и Полоцкъ; о самомъ царѣ они разславляли самыя ужасныя вещи, называя его теперь „человѣкомъ съ сердцемъ крокодила“. Въ порывѣ негодованія, Іоаннъ шлетъ къ нимъ свои письма, укоряя ихъ въ измѣнѣ и суля имъ милость, если воротятся назадъ; недостигши желаемаго, онъ требуетъ у короля ихъ выдачи въ обмѣнъ на другихъ плѣнныхъ. Отвѣтомъ на отказъ была казнь множества плѣнныхъ Ливонцевъ.

Нѣкоторое время затѣмъ еще мирила Іоанна съ Ливонцами личность плѣннаго Фаренсбаха. * Собирая войско, чтобы предупредить ловторсніе опустошительнаго вторженія Менгли-Гирея, Іоаннъ нуждался въ искусныхъ предводителяхъ и обѣщалъ Фаренсбаху жизнь, свободу и милость, если онъ пойдетъ съ нѣмецкими солдатами противъ Татаръ. Фаренсбахъ согласился, и вскорѣ мы встрѣчаемъ его во главѣ отряда въ 7.000 человѣкъ, обокъ съ главнокомандующимъ Воротынскимъ. Близъ Оки онъ нанесъ непріятелю чувствительный уронъ и своимъ мужествомъ надолго остался памятнымъ у его воиновъ, но потомъ, когда предстоялъ ему походъ въ Ливонію, онъ бѣжалъ въ Вѣну. Слишкомъ шаткою оказалась надежда и на Магнуса, несмотря на женитьбу его на царской племянницѣ; въ пору разговора Грознаго съ кокенгаузенскимъ пасторомъ онъ находился въ явномъ разрывѣ съ нимъ, а затѣмъ и прямо предался Полякамъ. Іоаннъ ищетъ опоры въ дружбѣ съ Англіей и прибывшіе оттуда лейбъ-медики пріобрѣтаютъ теперь у него особое значеніе. Современники отмѣчаютъ между ними Елисея Бомелія и Роберта Якова.

Докторъ Елисей Бомелій (Elisaeus Bomelius) ** родомъ изъ Везеля, въ Вестфаліи, медицинскія знанія пріобрѣлъ въ Кембриджѣ, но болѣе занимался астрологіей. Его слава, какъ астролога, составила ему въ Лондонѣ кругъ почитателей, и архіепископъ посадилъ его въ тюрьму, соглашаясь не иначе свободить его если онъ покинетъ Англію. Савинъ, нашъ посолъ (1570 года) въ Лондонѣ, пригласилъ его за выгодную плату отправиться на службу государю. Бомелій обратился къ Уйльяму Сесилю чтобъ не препятствовалъ его устройству и обѣщалъ за это доставлять ему всевозможныя свѣдѣнія о Россіи и сосѣднихъ странахъ и каждогодные подарки. Въ Лондонѣ были рады сбыть его съ рукъ, и Савинъ взялъ его съ собой. Въ Москвѣ онъ вкрадывается въ довѣріе Іоанна и является здѣсь одною изъ самыхъ мрачныхъ лично-

* О немъ у Schiemann'a, *Charact. u. Sittenb. aus d. balt. Geschichte.* Hamb. u. Mit. 1875.

** *Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества.* XXXVIII, 84, 139; Дж. Горсей, *Записки о Московіи. Библіот. д. чтен.* 1865; Рихтеръ, *Исторія медицины въ Россіи.* I 286—289; Гамель, *Англичане въ Россіи*, 98; Петровъ, *О вліяніи западноевропейской литературы на древнерусскую. Труд. Кіев. дух. акад.* 1872, апрѣль 61—65; Fechner, *Chronik.* I, 77, 81, 95, 97, 106.

стей. Честолюбивый, безчестный и своекорыстный, онъ старался поддерживать свое значеніе, дѣйствуя на суевѣріе и болѣзненную подозрительность Іоанна. Много русскихъ бояръ погибло по его наущеніямъ; для удобства казни онъ составилъ особый ядъ, отъ котораго несчастные помирали въ назначенную Грознымъ минуту; въ самомъ государѣ онъ питалъ мысль о побѣгѣ въ Англію и старался колебать въ немъ религіозно-національное чувство. По словамъ нашей лѣтописи, этотъ „лютый волхвъ Елисей... конечно было отвелъ царя отъ вѣры; на Русскихъ людей царю возложилъ свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи"; его же, конечно, разумѣетъ составленная тогда повѣсть о зломъ чародѣѣ, побудившемъ государя воздвигнуть гоненіе на своихъ подданныхъ и оскорблять ихъ разными печалями.

Успѣхъ его въ сферѣ религіозныхъ мнѣній Грознаго не могъ быть серіознымъ. Рѣзкій отвѣтъ кокенгаузенскому пастору о Лютерѣ ладаетъ на время преимущественнаго вліянія Бомелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его козни вызвали къ нему самую непримиримую ненависть въ народѣ и навлекли суровую кару. Не довольствуясь богатствами нажитыми имъ отъ Русскаго царя, изъ которыхъ значительную долю онъ переправилъ на свою родину, лицемѣръ составилъ заговоръ въ пользу Польскаго короля, за что подвергся (1579 года) мучительной смертной казни. Жена его, Анна, природная Англичанка, по ходатайству королевы Елизаветы была отпущена (1584 года) Ѳедоромъ Ивановичемъ въ отечество; ее отпустили вмѣстѣ съ докторомъ Робертомъ Якобомъ (Robertus Iacobus), извѣстнымъ у насъ болѣе подъ именемъ Романа Елизарьева.

Присланный (1581 года) Елизаветой по просьбѣ государя, онъ по силѣ своего вліянія вскорѣ въ значительной степени замѣнилъ своего предшественника. Бесѣдуя какъ-то съ государемъ, онъ упомянулъ о королевиной племянницѣ Маріи Гастингсъ и тѣмъ началъ дѣло сватовства за нея государя при живой женѣ Маріи Нагой. Явившійся въ Москву съ отвѣтомъ на наше посольство къ королевѣ Англичанинъ Джеромъ Боусъ, при помощи Роберта, пріобрѣтаетъ въ глазахъ государя слишкомъ большое значеніе. Этому кладетъ конецъ лишь неожиданная смерть Грознаго, постигшая его среди переговоровъ о сватовствѣ, убѣжищѣ и англійской торговлѣ. Заносчивость, безтактность и неумѣренныя домогательства

Боуса въ пользу Англійской торговой компаніи во многихъ боярахъ возбудили противъ него крайнюю ненависть, и теперь, послѣ смерти Ивана Васильевича, онъ былъ отлученъ во свояси весьма не почетно. Робертъ Якобъ и другіе англійскіе медики отплыли на одномъ съ нимъ кораблѣ. О своей миссіи къ намъ Боусъ составилъ записки, въ которыхъ, между прочимъ, сообщалъ: „Царь теперь прямо выставлялъ свою любовь къ ея величеству и ея странѣ: такъ онъ прислалъ спросить посла, могутъ ли его проповѣдникъ Mr. Cole и Англичанинъ, царскій докторъ Яковъ, изложить тезисы Англиканской вѣры; посолъ заставилъ этихъ лицъ исполнить это и послалъ тезисы къ царю, который этимъ былъ очень доволенъ и, щедро наградивъ авторовъ, приказалъ прочесть эти тезисы публично предъ многими изъ своей думы и знати". * Записки Боуса носятъ печать хвастливости, преувеличенія; преувеличеніемъ и ложною окраской отличается и данное его сообщеніе. Назидать своихъ чуждымъ вѣроисповѣданіемъ Грозный никогда не имѣлъ въ виду; его дѣйствія не могли идти далѣе свойственныхъ этому пытливому человѣку любознательности и любви къ богословствованію и словопреніямъ. Отдаливъ отъ себя представительныхъ Русскихъ, свѣтскихъ и духовныхъ, и пытаясь наполнить образовавшуюся около него пустоту то опричниками, которыхъ, конечно, едва ли могъ уважать, то умными иностранцами, которые однако преслѣдовали свои эгоистическія цѣли и слишкомъ были далеки отъ интересовъ Россіи, и потому не имѣя съ кѣмъ бы поговорить по душѣ, какъ въ былые годы съ митрол. Макаріемъ или протопоп. Сильвестромъ, Іоаннъ естественно думаетъ иногда занять себя бесѣдой хотя бы съ какимъ-нибудь пасторомъ. Это не мало не препятствовало ему во мнѣніи о чуждомъ намъ протестантствѣ и на границы его распространенія неизмѣнно оставаться вѣрнымъ тому взгляду который съ такою ясностью и рѣшительностію онъ высказалъ въ заключеніе своего письменнаго отвѣта къ пастору Рокитѣ **:

---

* „Посольство Ер. Боуса" въ „Извѣстіяхъ Англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка" (съ англійскаго), 101; Рихтеръ, I, 293—300; наше изслѣдованіе *Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода*. М., 1884, гл. II.

** *Отвѣтъ государевъ*, въ *Чтен. Им. М. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ*, 1878, II, 60—61.

„Мнѣ нельзя не считать тебя еретикомъ, потому что все твое ученіе неправо предъ Христомъ и ученіемъ церкви Христовой; во всемъ ты мудрствуешь противно; ты не только еретикъ, но и слуга антихристовъ діавольскаго совѣта. Ты лишь лютеранинъ и есть еще хуже тебя; но и тебѣ впредь ученія своего въ нашей землѣ не объявлять, и о томъ молю Господа Бога чтобъ Онъ сохранилъ нашъ Россійскій народъ отъ тьмы невѣрія вашего."

Выраженныя имъ мысль и чувство такъ были живы въ немъ что всецѣло переходили у него въ дѣло; произнесенный имъ приговоръ былъ роковымъ и выражалъ мнѣніе общее. Авторитетъ государя былъ высокъ не въ однихъ дѣлахъ гражданскихъ: въ лицѣ государя Русскіе видѣли живаго выразителя и носителя ихъ религіозныхъ вѣрованій и самаго нелицемѣрнаго защитника ихъ религіозныхъ интересовъ. Какъ случилось во времена Василія II, отвергшаго католичество, вторгавшееся было въ лицѣ уніата митрополита Исидора, и народъ призналъ въ этомъ свое собственное рѣшеніе; точно также и теперь, во времена Грознаго. Не всѣ одинаково могли доказывать, но не было тогда большой разности во взглядахъ массы, правительства и ученыхъ. Царь стоялъ лишь впереди, за нимъ и съ нимъ стояли его подданные. Вмѣстѣ съ нимъ они одинаково твердо были убѣждены что протестантамъ не оправдать своего ученія, не совратить православныхъ и что допущеніе распространять его у насъ было бы дѣломъ крайней несправедливости, прямымъ нарушеніемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДМ. ЦВѢТАЕВЪ.

ВЪ ДАЛЬНИХЪ ВОДАХЪ И СТРАНАХЪ*

XXIX. Нагойе.

Уходъ съ Йокогамскаго рейда. — Въ Океанѣ. — Заливъ въ Овари.— Обѣдница на крейсерѣ.—Въ бухтѣ Мія.—Гидротехническія сооруженія.—Пристань.—Въ ожиданіи джекерикшей.—Городъ Нагойе.—Улица Хончо.—Кустарно-промышленный характеръ города.—Яги-бабы.—Англійскія вліянія.—„Hôtel du Progrès“ и его устройство.—Дворикъ и садикъ.—Столовая зала.—Визитъ мѣстныхъ властей.—Типъ новыхъ японскихъ чиновниковъ. — Генералъ Иби. — Замокъ Оариджо и его историческія и художественныя достопримѣчательности. — Башня Текси.—Видъ съ нея на городъ и окрестности.—Учительскій институтъ и мужская гимназія.—Ткацкая школа для дѣвушекъ.—Ткацкія и фарфоровыя фабрики. — Рисовальщики и процессъ разрисовки фарфора.—Кіотская и Гокаевская традиціи живописи.—Производство фаянсовыхъ издѣлій. — Монастырь Сигаси-Хонгандзи.—Ачи-Хаку-Будуканъ, музей Оварійской провинціи.—Обѣдъ данный намъ мѣстными властями.—Нагойскія гейки.—Концертъ на барабанахъ.—Проводы. — Отплытіе изъ Нагойе въ Тоба. — Роковая телеграмма.

28 февраля.

Въ девять часовъ утра крейсеръ *Африка*, подъ флагомъ контръ-адмирала барона Штакельберга, снялся съ якоря на Йокогамскомъ рейдѣ и пошелъ въ заливъ Овари, съ цѣлію посѣтить еще не открытые для Европейцевъ японскіе внутренніе порты Нагойе и Тоба, на что адмиралу было дано отъ Японскаго правительства особое разрѣшеніе.

---

* *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 5, 9, 10 и 12, 1885 1, 2, 3, 6, 7, 10 и 11, 1886 и № 3, 1887.

День сѣренькій, почти безвѣтренный, и погода сырая. Но въ началѣ перваго часа дня, когда мы уже миновали маякъ Тоуруга-саки, надъ горами покидаемыхъ береговъ нѣсколько прояснѣло, такъ что ихъ силуэты открылись предъ нами довольно отчетливо и засверкали подъ лучами невримаго для насъ солнца. Особенно красиво выступали на этихъ горахъ излучистыя жилы снѣга который лежалъ только на кряжахъ и ребрахъ вершинъ, оставляя по сторонамъ темныя, буровато-синія пятна падей и разсѣлинъ. Горы отъ контраста этихъ затѣненныхъ пятенъ съ бѣлыми сверкающими жилами казались намъ какъ бы прозрачными, насквозь свѣтящимися массами горнаго хрусталя и опала. Классическая Фузи-Яма на нѣкоторое время тоже показала изъ-за дымки легкаго тумана свою серебряную вершину, подавляя своею высотой и громадностью всѣ остальныя горы.

Въ семь часовъ вечера, обогнувъ въ двухъ миляхъ маякъ Rock Island, взяли курсъ на SW 80°, а въ половинѣ десятаго открылся въ $8^1/_2$ миляхъ отъ насъ маякъ Омаи-саки. Было довольно прохладно, но со вступленіемъ въ Океанъ вдругъ значительно потеплѣло. Это мы попали теплымъ потокомъ Куро-Сиво, японскимъ Гольфстримомъ, и наслаждались мягкостью и теплотой воздуха какихъ давно уже не испытывали. Вѣтеръ былъ намъ попутный. Небо прояснилось. Полная луна серебрила океанскія волны и тускло озаряла очертанія неровныхъ береговъ тянувшихся справа. Хорошо быть въ морѣ въ такую погоду. Тихо въ воздухѣ, тихо на водахъ, тихо на палубѣ... Команда послѣ вечерней молитвы, пропѣтой хоромъ, отпущена на покой. Стекольчатыя рамы широкаго люка каютъ-компаніи приподняты, тамъ, внутри, ярко освѣщено, и несутся оттуда по морю звуки піанино, пѣніе и говоръ...

Съ разсвѣтомъ намъ предстоитъ проходить узкій входъ въ заливъ Овари, между скалистыми островками и камнями, и такъ какъ описи этихъ внутреннихъ японскихъ береговъ еще не существуетъ, то у насъ заблаговременно озаботились пригласить двухъ свѣдущихъ лоцмановъ, Японца Сайкичи и Американца Флетчера, спеціально знающихъ эту мѣстность. Оба они еще въ Йокогамѣ явились на крейсеръ, вмѣстѣ съ переводчикомъ Нарсэ, молодымъ человѣкомъ, который, не выѣзжая изъ Японіи, очень порядочно изучилъ русскій языкъ и письмо благодаря Токійской школѣ языкознанія. Дѣдъ

этого молодаго человѣка, при правительствѣ сёогуновъ, былъ министромъ финансовъ, отецъ—начальникомъ артиллеріи, а самъ онъ теперь только бѣдный трудящійся юноша, такъ какъ при перемѣнѣ правительства состояніе его отца было конфисковано. Впрочемъ, онъ ни на что не ропщетъ, никого не порицаетъ и вполнѣ мирится со своею скромною долей. Американецъ Флетчеръ—типичная, коренастая, закаленная въ океанскихъ штормахъ фигура съ цѣлою шапкой серебряно-сѣдыхъ кудрей, нависшими бровями и усами, что придаетъ ему нѣкоторое сходство съ головой Ермолова. Рука у него тоже типичная: большая, мускулисто-жилистая, волосатая, твердая рука. Человѣкъ этотъ и выросъ и состарился въ морѣ. Японецъ Сайкичи—самый обыкновенный, ходячій типъ этихъ странъ—вѣчно на палубѣ и вѣчно съ непокрытою головой, въ легенькомъ кимоночкѣ, какая бы ни была тутъ погода, съ добрымъ и вдумчивымъ взглядомъ, заботливо устремленнымъ въ горизонтъ моря. Такова на сей разъ наша „посторонняя публика“, наши случайные, но вполнѣ необходимые спутники.

1 марта.

Предъ разсвѣтомъ, въ 40 минутъ шестаго, открылся маякъ Ироко-саки (Тоба), вслѣдствіе чего взятъ курсъ на NW 24°, на мысъ Ироко-саки. Съ перемѣной курса, засвѣжѣвшій вѣтеръ задулъ намъ въ бортъ, что сразу же вызвало на нѣкоторое время порядочную качку. Посыпались съ полокъ тетрадки, книги, щетки, гребенки, разныя вещи; захлопали не запертыя двери, закачались фотографіи на каютныхъ „переборкахъ“, то-есть стѣнкахъ, раздался зычный распорядительный голосъ стараго офицера, задребезжали туалетныя сткляночки, графины и стаканы, а въ буфетѣ посуда... Но это все явленія давно уже знакомыя, ничего особеннаго въ себѣ не заключающія, кромѣ того развѣ что имѣютъ свойство раньше срока будить офицеровъ и задавать экстренный „авралъ“ (общую работу) вѣстовымъ, которые тотчасъ же кидаются водворять въ каютахъ внезапно нарушенный порядокъ. Въ половинѣ восьмаго, пройдя узкое мѣсто входа, мимо нѣсколькихъ скалистыхъ, кое-гдѣ поросшихъ рѣденькимъ лѣсомъ и вполнѣ пустынныхъ островковъ, мы вступили въ заливъ Овари, и качка вдругъ прекратилась. Какъ началась она внезапно, такъ внезапно же и кончилась, безо всякой *постепенности*.

Къ семи часамъ уже вполнѣ разсвѣло, но даль была покрыта бѣлесоватою мглой, сквозь которую лишь кое-гдѣ, мѣстами, различалъ глазъ, да и то съ трудомъ, неясныя очертанія какихъ-то вершинъ и горныхъ кряжей. Небо слоть заволоклось одноцвѣтною сѣрою тучей, обѣщавшею намъ долгій и скучный, совсѣмъ осенній дождикъ. Широкій заливъ былъ покоенъ и слегка подернутъ самою незначительною рябью, среди которой, впереди и нѣсколько влѣво отъ насъ, рѣзко выдѣлялось изъ общаго сѣро-стальнаго фона воды особое водное пространство, совершенно гладкое какъ стекло, опредѣленно очерченное и матово серебристое. Въ разныхъ направленіяхъ растекались изъ него такія же гладкія серебристыя жилы. Совсѣмъ будто озеро съ ручейками. Это, говорятъ, особыя теченія въ Оварійскомъ заливѣ.

Справа, въ разстояніи около двухъ миль, довольно явственно выступалъ берегъ, мѣстами бѣло-песчаный, мѣстами буро-красноватый и лѣсистый, и сѣрѣло на немъ нѣсколько рыбачьихъ деревнюшекъ. Подъ этимъ берегомъ, въ одномъ направленіи съ нами, дымилъ японскій лассажирскій пароходикъ. Тамъ и сямъ, въ разбродъ по всему пространству залива, виднѣлись паруса рыбачьихъ лодокъ и мелькали ряды движущихся крестиковъ и точекъ: то были стаи дикихъ утокъ, тянувшихъ въ разныхъ направленіяхъ надъ водой. На первый взглядъ, вся эта мѣстность и ея природа, благодаря пасмурному туману, не обѣщали ничего привлекательнаго и казались вполнѣ подъ стать господствовавшей надъ нею сѣренькой осенней погодѣ.

День былъ воскресный; поэтому въ десять часовъ утра подняли молитвенный флагъ (красный крестъ на бѣломъ полѣ) и ударили сборъ на молитву. На *Адмиралѣ* богослуженіе отправляется безъ священника предъ судовою иконой Спаса Нерукотвореннаго, которая помѣщается въ жилой матросской палубѣ. Артиллерійскій „содержатель“ читаетъ по Требнику за дьячка, а нѣсколько офицеровъ и гардемариновъ составляютъ стройный, хорошо спѣвшійся хоръ, и все богослуженіе ограничивается одною, такъ-называемою, *обѣдницей*, при которой присутствуютъ вся свободная отъ вахты команда и офицеры въ вицъ-мундирной формѣ. Чрезъ полчаса обѣдница наша кончилась, а двадцать минутъ спустя, крейсеръ взялъ курсъ въ бухту Мія (NOTN) и уменьшилъ ходъ до 48 оборотовъ. Съ обоихъ бортовъ начали бросать лоты, и въ одинъ-

надцать часовъ дали машинѣ самый тихій ходъ. Между тѣмъ командѣ просвистали „къ вину“, роздали по чаркѣ и затѣмъ спустили ее въ жилую палубу обѣдать. Въ половинѣ перваго, придя въ бухту Мія, остановили машину и отдали правый якорь на глубинѣ пяти саженъ, при жидко илистомъ грунтѣ. Впрочемъ, лоцманъ сказывалъ что можно было бы свободно пройти впередъ еще мили на двѣ, хотя киль и касался бы подъ конецъ глубокаго слоя жидкаго ила; но мы предпочли остановиться на чистой глубинѣ, въ шести миляхъ отъ берега. Весь переходъ въ 223¾ мили совершенъ въ 27 часовъ; шли неполными парами, дѣлая среднимъ числомъ по девяти узловъ въ часъ *.

Едва стали на якорь, какъ пошелъ мелкій, частый, холодный дождь. Окрестности окончательно скрылись изъ виду, и даже ближайшія къ намъ паруса японскихъ лодокъ пропали за дождевымъ пряслом. Но вельботъ для адмирала и паровой катеръ для офицеровъ были уже слущены. Мы слѣпо изготовились къ съѣзду на берегъ и переодѣлись въ статское платье. Вернемся не ранѣе какъ послѣ завтра; поэтому беремъ съ собою бѣлье, сигары, хлѣбъ—изъ опасенія что послѣдняго можетъ и не найтись въ чисто-японскомъ городѣ—беремъ и нѣсколько бутылокъ вина, въ предположеніи что въ Нагойе по части напитковъ кромѣ *саки* ничего не имѣется; беремъ, наконецъ, и адмиральскаго повара, Японца Ѳедора, маракующаго кое-что по-русски, ибо хотя японскій столъ и очень гастрономиченъ по-своему, но—увы!—не по нашему вкусу. Заботитъ только одно: каково-то и на чемъ-то спать придется, такъ какъ въ японскомъ заурядномъ обиходѣ ни кроватей, ни кушетокъ, ни чего-либо иного пригоднаго въ европейскомъ смыслѣ для сна вовсе не существуетъ. Впрочемъ, старый Флетчеръ увѣряетъ что мы найдемъ въ Нагойе гостиницу очень удобную, гдѣ даже готовятъ по-европейски. Это очень утѣшительно; тѣмъ не менѣе, Японецъ Ѳедоръ все-таки сочтенъ человѣкомъ далеко не лишнимъ въ предстоящей намъ экспедиціи. Городъ, говорятъ, славится своимъ фарфоромъ, *фаланью* (cloisonnée) и красивыми женщинами. Посмотримъ.

Паровой катеръ взялъ адмиральскій вельботъ на буксиръ, и мы отвалили отъ борта. Старый Флетчеръ забрался въ

* Maximum 9½, minimum (ночью) 6 узловъ.

носовую часть катера, сталъ во весь ростъ на банкъ, и не взглянувъ даже на компасъ, безмолвнымъ жестомъ указалъ должное направленіе рулевому. Во все продолженіе этого переѣзда, его коренастая, своеобразно-красивая фигура, съ разставленными ногами, съ сигарой въ зубахъ и время отъ времени указующимъ жестомъ, высилась на носу катера.

Не успѣли мы отвалить какъ досадный дождикъ прилустилъ еще сильнѣе. Впереди ничего не видно: поверхность залива, берегъ и небо, все это слилось въ неопредѣленной массѣ дождя и тумана. На разстояніи одной мили *Африка* уже стала казаться намъ блѣднымъ призракомъ судна, а спустя еще нѣсколько времени и вовсе исчезла. Плаваніе наше длилось около полутора часа. Подходя къ устью рѣки, увидѣли двѣ японскія шхуны и семнадцать мореходныхъ *фунѣ* (въ родѣ джонокъ), довольно широко расположившихся на рейдѣ, и въ то же время съ обѣихъ сторонъ обозначились берега. Лѣвый берегъ на нѣсколько верстъ шелъ совершенно ровною полосой, вызвышаясь саженя на три надъ водною поверхностью; изъза верхней его черты въ трехъ-четырехъ мѣстахъ торчало нѣсколько кровель; правильность этой какъ бы нивеллированной черты невольно остановила на себѣ мое вниманіе. Флетчеръ объяснилъ что это плотина сооруженная для защиты низменнаго побережья отъ наводненій, и полоса земли находящаяся за нею прямо отвоевана жителями у моря: она употреблена ими подъ рисовыя поля.

— Японцы, прибавилъ онъ,—не останавливаются ни предъ какими трудностями работы, сколь бы ни была она громадна, лишь бы видѣли въ томъ пользу.

Съ правой стороны, начиная отъ рейда гдѣ стояли фунѣ и вплоть до берега шелъ длинный рядъ высокихъ шестовъ, и вдоль его виднѣлась изъ-подъ воды искусственно сложенная гряда камней ограждающая фарватеръ отъ каменныхъ мелей. Портъ самъ по себѣ, казалось бы, совсѣмъ ничтожный, мелкій, неудобный; но какую заботливость о всякомъ государственномъ и общественномъ добрѣ выказываютъ всѣ эти сооруженія! То ли у насъ?... Японцы не оставляютъ втунѣ ничего что можетъ приносить имъ какую-либо пользу и удобства, и это вы замѣчаете какъ принципъ, практически проводимый въ жизнь вездѣ и во всемъ, начиная съ мелкихъ единоличныхъ нуждъ поселянина и до государственныхъ потребностей первостепеннаго значенія. Эта-то знаменательная

черта и заставляетъ вѣрить въ великую будущность Японіи, нужды нѣтъ что теперь ее чуть не до банкротства довели реформы и европейскіе цивилизаторы. Крѣпкая народная закваска въ концѣ концовъ ее выручитъ.

Наконецъ мы подошли къ пристани, очень прочно сложенной изъ дикаго камня. Здѣсь уже разгружался пассажирскій пароходъ усмотрѣнный нами во время пути въ Оварійскомъ заливѣ. Каменная набережная окаймляла берегъ и ковшъ устроенный по правую сторону отъ пристани, выдающейся, въ видѣ широкаго мола, десятка на три саженъ впередъ, въ устье. Вдоль набережной стояли рядъ деревянныхъ, большею частію двухъэтажныхъ домиковъ японскаго характера. Нижніе этажи, какъ всегда, заняты открытыми снаружи харчевнями, чайными и лавочками съ качающимися по вѣтру деревянными вывѣсками и большими бумажными фонарями; а въ верхнихъ, изъ-за рѣшетчатыхъ балкончиковъ, галлереекъ и раздвижныхъ стѣнъ виднѣлись женскія головки, съ видимымъ любопытствомъ наблюдавшія неожиданный пріѣздъ невѣдомыхъ имъ иностранцевъ. Нѣсколько флаговъ испещренныхъ японскими литерами, по обыкновенію, качались на длинныхъ бамбуковыхъ шестахъ надъ кровлями, и нѣсколько пестрыхъ бумажныхъ змѣевъ, тоже по обыкновенію, высоко взвивались и плавали въ воздухѣ. При поворотѣ съ пристани на набережную, на самомъ берегу сложенъ изъ камня, въ видѣ усѣченной четырехсторонней пирамидки, небольшой, но возвышенный фундаментъ съ каменною же лѣсенкой, и на немъ стоитъ старенькая деревянная часовня съ какимъ-то рѣзнымъ деревяннымъ истуканомъ внутри, за рѣшеткой, похоже какъ и у насъ въ Россіи и Польшѣ, гдѣ тоже у пристаней и на паромныхъ переправахъ чрезъ большія рѣки можно встрѣтить деревянныя часовенки, и мотаются на нихъ такіе же лоскутки и тряпочки выцвѣтшія отъ дождей, пыли и солнца, и такія же прибиты у дверей деревянныя копилки со скважинкой въ крышкѣ для опусканія доброхотной копѣйки.

Чуть сошли мы на берегъ какъ пристань наполнилась любопытнымъ людомъ, который, словно тараканы, изъ разныхъ закоулковъ, щелей и лавченокъ повысылалъ сюда привлеченный нашимъ пріѣздомъ. Тутъ были рыбаки и лодочники въ соломенныхъ буркахъ, носильщики и лодейщики почти голые, торгаши съ какими-то съѣдобными товарами на лоткахъ, бабы, ребятишки и даже нѣсколько разряженныхъ дѣвушекъ;

бо́льшая ча́сть этой публики, защищаясь отъ дождя, распустила надъ собою широкіе зонтики изъ непромокаемой, промасленой бумаги. Здѣсь же адмирала встрѣтили двое полицейскихъ въ своей новой „американской формѣ“. У одного изъ нихъ болталась при бедрѣ сабля въ стальныхъ ножнахъ, что̀ указывало на его чиновничье достоинство; другой же, околоточный-хожалый, держалъ въ рукѣ за ремешокъ коротенькій толстый жезлъ, по просту сказать, скалку, какъ знакъ своей должности. Оба они препроводили насъ въ одинъ изъ ближайшихъ чайныхъ домовъ, прося обождать подъ его навѣсомъ пока хожалый побѣжитъ распорядиться насчетъ дженериксшей. Едва вступили мы подъ гостепріимный навѣсъ чайной, какъ услужливыя незаны не замедлили предстать предъ нами съ обычными присѣданьями и поклонами, держа въ рукахъ круглые лакированные подносики съ миніатюрными чашечками до половины налитыми слабымъ, блѣдно-зеленоватымъ настоемъ японскаго чая. Отъ такого привѣтственнаго угощенія, какъ извѣстно, нельзя отказаться, и мы выпили по глотку, положивъ на подносъ сколько-то мелкихъ денегъ. Черезъ пять минутъ полицейскій нагналъ къ намъ болѣе десятка дженериксшей, причемъ между курамами подялся неизбѣжный гамъ переговоровъ, толковъ и споровъ кому везти и кто имѣетъ на это болѣе права какъ ранѣе прибѣжавшій. Но въ концѣ концовъ всѣ они остались довольны, потому что если кому не хватило пассажира, тому наложили вещей, и вотъ мы тронулись цѣлою вереницей, одинъ вслѣдъ за другимъ, образовавъ длинный поѣздъ, которому предшествовала дженерикша вмѣщавшая въ себѣ полицейскаго чиновника съ саблей, а въ замкѣ слѣдовала другая, въ которой возсѣдалъ околоточный-хожалый съ жезломъ.

Съ набережной мы свернули налѣво и поѣхали по длинной-предлинной улицѣ, которой, казалось, и конца не будетъ. Везли насъ по ней не менѣе полутора часа, и хорошо еще что она шоссирована. Рядъ телеграфныхъ столбовъ съ восемью проволоками терялся въ безконечной перспективѣ этой улицы, называемой Хончо; она здѣсь главная. Сначала по бокамъ ея тянулся непрерывный рядъ низенькихъ домишекъ крытыхъ соломой, иногда обмазанныхъ глиной, иногда просто досчатыхъ и населенныхъ бѣднымъ людомъ составляющимъ обычный контингентъ всѣхъ предмѣстій въ Японіи, какъ и во всемъ мірѣ; но здѣсь каждый такой домишко непремѣнно

является и лавочкой, гдѣ идетъ торговля свѣжею и вяленою рыбой, съѣдобными ракушками, каракатицами и акульимъ мясомъ, которымъ не брезгаютъ японскіе бѣдняки. Въ другихъ лавченкахъ продаютъ фрукты и овощи, какую-нибудь чудовищно раздувшуюся тыкву или бѣлую рѣдьку въ цѣлый аршинъ длиною; въ третьихъ — цѣновки, веревки, дождевые плащи изъ листьевъ бамбука или рисовой соломы, деревянную и соломенную обувь; далѣе — свѣчи изъ растительнаго воска, бумажные фонари и зонтики, старое платье, домашнюю утварь; далѣе—какой-то хламъ, а какой именно и не разберешь въ наваленной кучѣ. Въ перемежку съ подобными лавченками ютятся разныя ремесленныя, увеселительныя и торговыя заведенія. Вотъ, напримѣръ, цирульня, которую сразу узнаешь по увеличеннымъ вдесятеро противъ натуральной величины картоннымъ подкладкамъ подъ дамскіе придворные шиньйоны, да по пучкамъ волосъ и женскихъ косъ развѣвающихся по вѣтру надъ входомъ, вмѣсто вывѣски. Вотъ харчевни и чайныя съ лунсовыми и бѣлыми фонарями разной формы, которые гласятъ своими надписями о прелестяхъ и дешевизнѣ этихъ гостепріимныхъ заведеній. Вотъ мѣняльныя лавки, надъ которыми болтается на бамбучинѣ деревянный кружокъ съ квадратною дырочкой въ серединѣ, изображающій въ огромномъ видѣ мельчайшую монетку *рин*. Вотъ маленькій убогій театрикъ, всего въ три шага шириной, гдѣ плашутъ маріонетки и разыгрываютъ жестокія драмы вырѣзанные изъ картона и раскрашенные герои, а по вечерамъ иногда показываются китайскія тѣни. Зрители толпятся на улицѣ и платятъ за зрѣлище по грошамъ, сколько кому вздумается. Тутъ же, въ ряду съ названными заведеніями, тѣснятся столарныя, жестяно-издѣльныя, бронзовыя, токарныя, портняжныя и разныя иныя мастерскія. Все это торгуетъ, работаетъ, ѣстъ, пьетъ, куритъ и отдыхаетъ, словомъ, живетъ—на улицѣ, на глазахъ у всѣхъ, нараспашку.

Иногда однообразная линія этихъ черныхъ и сѣрыхъ домиковъ прерывалась священнымъ *тори*, за которымъ въ перспективѣ, среди палисадника, виднѣлся фронтонъ маленькой кумирни или синтоской *міа*. Иногда узкій переулокъ уходилъ въ ту или другую сторону, открывая ряды такихъ же убогихъ домиковъ и садиковъ, гдѣ пальма-латанія, фантастически искривленная, суковатая японская сосна или затѣйливо подрѣзанная туя, нарядная камелія въ цвѣту да гибкій

бамбукъ—эти вѣчно зеленыя дѣти Японіи—красиво разнообразятъ собою сѣрый тонъ построекъ, который безъ нихъ былъ бы уже слишкомъ скученъ.

Версты три тянулось вдоль Хончо это предмѣстье, но затѣмъ дома и лавки пошли побогаче, понаряднѣе, и чѣмъ дальше тѣмъ лучше. Между домами стали попадаться каменные и глинобитные съ темно-сѣрыми кафельными стѣнами, выложенными въ косую клѣтку между вылупленными узкими полосами бѣлой штукатурки. Солома на крышахъ замѣнялась гонтомъ или сѣрою черепицей, съ узорчатыми карнизами, гребнемъ и наугольниками. Изъ-за досчатыхъ заборовъ выглядывали опять-таки затѣйливо подстриженныя туи, причудливо округленные померанцы съ дозрѣвающими плодами и иныя деревья. Но и здѣсь точно также въ нижнихъ этажахъ исключительно господствуетъ торгово-промышленный характеръ. Между ремесленными заведеніями преобладаютъ столярныя, токарно-рѣзныя и бондарныя мастерскія, гдѣ производится всевозможная общеупотребительная въ Японіи мебель и домашняя деревянная утварь: низенькіе столики и шкафчики, поставцы и этажерки, миски, лоханочки, бадейки и ведра, помпы, насосы, женерики, домашніе алтари и божницы,—послѣднихъ въ особенности много и, вѣроятно, здѣшніе токари и рѣзчики снабжаютъ ими не одинъ лишь городъ Нагойе. Рѣзная и токарная работа этихъ божницъ, замѣчательно тонкая и тщательная, нерѣдко поражаетъ своею артистичностью и виртуозностью въ отдѣлкѣ мельчайшихъ деталей. Каждая божница—это въ своемъ родѣ очень красивое, цѣльное, законченно-художественное произведеніе. Тутъ же рѣжутся изъ дерева и выставляются для продажи лозолоченныя статуэтки Будды возсѣдающаго на лотосѣ, Авалокитешвары полирующей главу дракона и прочихъ святыхъ буддійскаго пантеона.

Ни фарфоровыхъ издѣлій, ни фазановъ, ни красивыхъ женщинъ, ни вообще всего о чемъ намъ наговорили заранѣе мы на первый разъ здѣсь не встрѣтили. Напротивъ, женщины, напримѣръ, попадались все пребезобразныя, съ гладко выбритыми бровями, вычерненными зубами и выкрашенными въ какую-то бурую краску губами, вслѣдствіе чего ротъ у нихъ казался просто черною дырой, и все лицо принимало старушечье выраженіе, словно бы наша миѳическая баба-яга или вѣдьма выступаетъ вамъ на встрѣчу. Такимъ образомъ

уродуютъ себя женщины замужнія, и я уже раньше говорилъ что это дѣлается изъ принципа, освященнаго древнимъ обычаемъ, въ доказательство своей любви къ мужу и рѣшимости посвятить всю жизнь только домашнимъ семейнымъ обязанностямъ. Въ провинціи обычай этотъ пока еще держится крѣпко, и даже нѣкоторыя дѣвушки, уже не знаю въ силу чего, нерѣдко покрываютъ зубы чернетью.

Добрыхъ верстъ пять, а пожалуй и больше отмахали наши курумà по Хончо прежде чѣмъ добрались до широкаго перекрестка образуемаго полеречною улицей. Здѣсь уже пахнуло европейщиной, но не такою какъ въ Европѣ, а тою особенною, своеобразною европейщиной, которая, вмѣстѣ съ англійскими вывѣсками, верандами, баръ-румами, office'ами и проч., составляетъ неизбѣжную принадлежность всѣхъ городовъ Востока гдѣ лишь завелся „на расплодъ“ хоть одинъ Англичанинъ. Въ Нагойе Англичанъ пока еще нѣтъ и духу, но англійское вліяніе уже замѣтно сказывается: на зданіяхъ телеграфной станціи, почты, полиціи, школъ и прочихъ официальныхъ учрежденій „прогрессивнаго“ характера непремѣнно тычутся въ глаза надъ главными входами англо-японскія вывѣски, и притомъ такъ что англійская надпись занимаетъ первое мѣсто, кидается вамъ въ глаза прежде всего остальнаго, сама, такъ сказать, кричитъ о себѣ, а надпись японская скромно ютится подъ нею начертанная мелкими литерами, да еще въ горизонтальномъ порядкѣ вмѣсто вертикальнаго. Всѣ официальныя зданія въ Нагойе построены уже на европейскій или, точнѣе, англо-колоніальный ладъ, и такихъ зданій на полеречной улицѣ нѣсколько. Я не добился какъ ея названіе, но это, безспорно, лучшая улица въ Нагойе. Это даже не улица, а цѣлый проспектъ, весьма широкій, отлично моссированный, обсаженный съ обоихъ тротуаровъ рядами деревьевъ образующихъ бульвары и замыкаемый съ одного конца затѣйливымъ зданіемъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и губернаторскаго дома, тоже въ англо-колоніальномъ стилѣ.

Передъ зданіемъ полиціи мы на минуту остановились. Адмиралъ, желая сдѣлать визитъ губернатору, просилъ указать гдѣ онъ живетъ; но вышедшій чиновникъ объяснилъ что губернатора въ настоящее время въ городѣ нѣтъ,—уѣхалъ по служебнымъ надобностямъ внутрь своей провинціи, а что вице-губернаторъ сейчасъ самъ прибудетъ съ визитомъ къ *адмиралу.*

Снова сѣли мы въ свои джинрикши и свернули съ бульварнаго проспекта въ одну изъ боковыхъ улицъ, параллельныхъ Ховчо, гдѣ опять пахнуло на насъ японскимъ міромъ не подкрашеннымъ никакою европейщиной.

Но нѣтъ, она уже проникла отчасти и въ этотъ закоулокъ!..

Останавливаются наши курума предъ раздвижною дверью одного японскаго домика, котораго и не отличишь отъ длиннаго ряда остальныхъ точно такихъ же домишекъ,—и соскочившій съ джинрикши полицейскій объявляетъ чрезъ переводчика: „Здѣсь!“

— Что такое „здѣсь“?

— Пріѣхали.

— Куда пріѣхали?

— Въ гостиницу.

Слава Богу, наконецъ-то!.. Любопытно, что за гостиницы въ Японіи. Выхожу изъ джинрикши, подымаю глаза на входъ, и что же?—Надъ входомъ вывѣска, на вывѣскѣ, разумѣется, надпись, но не по-японски, а латинскими литерами, хотя кромѣ Японцевъ здѣсь никто не бываетъ, если не считать рѣдкостныхъ гостей чужестранцевъ, какими, напримѣръ, были мы въ ту минуту, а года за два до насъ Американцы. Читаю: „Hôtel du Progrés.“—Тьфу ты прахъ! Только этого не доставало... „Hôtel du Progrés“ въ Японіи, въ Нагойе, въ провинціальной глуши, рядомъ, съ „Telegraph Office“, „Post-Office“, „Guard-room“ и проч. Но куріознымъ показалось мнѣ не столько самое содержаніе надписи, сколько то что она сдѣлана по-французски. Французскій языкъ, сравнительно съ англійскимъ, нѣмецкимъ и даже русскимъ, составляетъ въ Японіи такую рѣдкость что недавно въ Іокогамѣ учредилось особое общество съ цѣлью распространенія французскаго языка между Японцами, причемъ бельгійскій посланникъ, на торжественномъ обѣдѣ по случаю открытія этого общества, произнесъ цѣлый спичъ въ стихахъ, гдѣ выразилъ что французскій языкъ съ успѣхомъ служитъ Богу, отечеству, народу, свободѣ, прогрессу, наукѣ, поэзіи и прекраснымъ женщинамъ (послѣднее въ особенности), а потому долженъ служить и Японіи.

Посмотримъ однако что это за „Отель Прогресса.“

Переступили порогъ, и входимъ въ нѣчто въ родѣ сѣней или сарайчика съ земляннымъ поломъ. Прямо противъ входа стѣнка, которая направо заворачиваетъ въ узкій корридоръ;

въ этой стѣнкѣ квадратное окно съ матовымъ стекломъ. Стекло, да еще матовое, да еще съ узоромъ—это дѣйствительно прогрессъ для Японіи, гдѣ вмѣсто стеколъ употребляютъ въ окнахъ тонкую бумагу протекучку. Предъ этимъ окошкомъ, на вдѣланномъ въ стѣнку узенькомъ постаментикѣ, утверждены рѣзныя деревянныя фигурки домашнихъ божковъ и духовъ покровителей странствующихъ и путешествующихъ. Одинъ божокъ изображается ѣдущимъ на клячѣ, другой подгоняетъ клячу вѣткой, а третій путешествуетъ сзади пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукѣ, согнувшись подъ тяжестью своей котомки. Передъ этою группой, въ видѣ жертвеннаго приношенія, положена свѣжая вѣточка цвѣтущей камеліи. Налѣво отъ входа сдѣлана приступка, а надъ нею большой и широкій досчатый помостъ, который фута на два возвышается надъ земляннымъ поломъ и сплошь затянутъ сверху мягкими и, какъ всегда, замѣчательно чистыми цѣновками. Около приступки, на землѣ, валялось болѣе десятка разныхъ туфлей, башмаковъ, сандалій и вообще деревянной и соломенной обуви, между которою я обратилъ вниманіе на невиданныя еще мной калоши (*гета*) въ формѣ башмачнаго носка изъ промасленнаго и потому непромокаемаго картона, приколоченнаго къ деревянной сандаліи. Хотимъ всходить на помостъ,—„нѣтъ“, говорятъ, „нельзя: снимайте прежде сапоги“.

— Но какъ же, однако, и гдѣ? Неужели въ этихъ мокрыхъ сѣняхъ?

— Здѣсь, говорятъ:—на то и приступка.

— Но здѣсь грязно, сыро, холодно...

— Какъ угодно, а въ сапогахъ нельзя.

Дѣлать нечего. Вспомнивъ пословицу что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не входятъ, усѣлись мы на досчатый помостъ и кое-какъ стянули съ себя сапоги насырѣлые отъ дождя и уличной слякоти. Предлагаютъ надѣть чистыя, новенькія соломенныя сандаліи (*зори*), на выборъ, какія угодно, объясняя что въ нихъ будетъ мягче ходить. Я попыталася было сдѣлать это, но не тутъ-то было! Носить ихъ не такъ легко, какъ кажется. Наши европейскіе чулки къ такой обуви не подходятъ; тутъ нужны японскіе, у которыхъ большой палецъ, какъ въ нашихъ рукавицахъ, отдѣляется отъ прочихъ. Но кромѣ особыхъ чулковъ, нуженъ еще и особый навыкъ, а то съ непривычки мнѣ стало такъ жестоко

жать и натирать плетешками пальцы что черезъ пять минутъ пришлось бросить зори и ходить въ однихъ тонкихъ чулкахъ по холоднымъ доскамъ наружныхъ галлереекъ.

Изъ сѣней гостиницы одинъ входъ ведетъ въ комнату гдѣ устроенъ общій складъ всякаго хозяйственнаго скарба, кромѣ кухонныхъ принадлежностей. Тутъ въ одномъ углу сложены толстыя ватныя одѣяла замѣняющія постели, въ другомъ—какіе-то сундучки, шкатулки и корзинки, въ третьемъ—комнатные фонари, ночники и длинные деревянные подсвѣчники со шпильками на которыя насаживаются свѣчи изъ растительнаго воска. На полкахъ разставлены подушки. Да, именно *разставлены*, а не разложены, потому что въ Японіи вмѣсто подушки, какъ я уже говорилъ однажды, употребляется *макура*, особый деревянный приборъ, съ виду похожій на стереоскопъ. Но здѣсь и макуры отличались особенною нарядностію; одинъ изъ нихъ были покрыты краснымъ или чернымъ лакомъ, другія расписаны золотыми узорами и картинками, а сбоку у нихъ имѣлся даже выдвижной ящичекъ, куда, если угодно, можно прятать на ночь кольца, деньги, часы или излишнія принадлежности женскаго головнаго убора, въ родѣ черепаховыхъ шпилекъ и гребенокъ.

Другой проходъ изъ сѣней, мимо этой кладовой или скарбовой, ведетъ въ отдѣльныя комнатки для пріѣзжающихъ и въ верхній этажъ, а съ третьей стороны находится проходъ въ кухню, закрытый кубово-синею холщевою занавѣской, на которой бѣлою нитью вышиты какія-то слова и символическіе знаки. Занавѣсь эта не сплошная, какъ у насъ, а раздѣлена на четыре отдѣльныя полотнища, шириной каждое не болѣе полуаршина.

Кухня—чуть ли не самая интересная часть японскаго дома. Это обширная комната съ земляянымъ поломъ. Приподнятый досчатый помостъ проложенъ только вдоль двухъ смежныхъ стѣнъ и притомъ съ одной стороны значительно шире чѣмъ съ другой. У остальныхъ двухъ стѣнъ помѣщаются очаги сложенные изъ кирпичей, иногда изъ дикихъ камней, иногда изъ того и другаго вмѣстѣ. На одномъ изъ очаговъ жарятъ, пекутъ и варятъ, на другомъ всегда кипитъ въ большомъ бронзовомъ чайникѣ или котлѣ вода для заварки чая. Но въ „гостиницѣ Прогресса“ прогрессъ сказался и въ кухнѣ. Здѣсь первобытные очаги уже замѣнены обыкновенными европейскими чугунными плитами, болѣе удобными чтобы варить

сулъ и жарить бифстексы. А бифстексъ, надо замѣтить, принадлежитъ къ проявленіямъ прогресса, такъ какъ Японцы, цѣня въ рогатомъ скотѣ рабочую силу, необходимую имъ и для размиванія рисовыхъ полей, и до сихъ поръ еще въ большинствѣ не употребляютъ въ пищу мяса, хотя на это нѣтъ прямаго запрещенія ни въ ихъ гражданскихъ, ни въ духовныхъ законахъ. По срединѣ кухни стоитъ на высокихъ ножкахъ (высокія ножки тоже прогрессъ) довольно большой круглый столъ, на которомъ обыкновенно производятся всѣ подготовительныя дѣйствія японской стряпни: здѣсь кромится зелень, шелушится лукъ, чистится рыба, ощипываются куры. Въ той части кухни гдѣ находится досчатый помостъ, отъ пола и почти до потолка установлены деревянныя полки съ боковыми стѣнками, совершенно такія же какія бываютъ у насъ для книгъ, только немного глубже. Здѣсь хранятся всѣ кухонныя и столовыя принадлежности: котелки, сковороды, деревянныя лаковыя чашки и миски, фаянсовыя расписныя блюда, фарфоровыя бутылочки для *саки* и чашечки для чая, маленькіе, почти игрушечные столики-коротконожки (*таборо*), лаковые подносы и проч. Фарфоровыя вещи преимущественно съ синимъ, а лаковыя съ золотымъ рисункомъ. Кромѣ большаго складнаго фонаря изъ рыбьихъ пузырей, который по вечерамъ подвѣшивается къ потолку по срединѣ комнаты, виситъ еще надъ очагомъ на стѣнѣ свѣтецъ съ глотикомъ, въ родѣ малороссійскаго каганца, наливаемый масломъ. Впрочемъ, въ послѣднее время керосинъ сильно начинаетъ входить въ Японіи во всеобщее употребленіе и, вслѣдствіе неосторожности и неумѣнья обращаться съ нимъ, служитъ причиной большей части пожаровъ, которые, при здѣшнихъ удобосгараемыхъ постройкахъ, и безъ того были часты, а со введеніемъ керосина еще значительно усилились. Поэтому, ночуя въ японскомъ домѣ, никогда нельзя быть увѣреннымъ что проснешься утромъ такимъ же какъ и легъ, а не сгоришь какъ-нибудь во время сна ночью.

Изъ кухни есть выходъ на крытую сверху деревянную галлерейку, окружающую небольшой внутренній дворикъ, который, какъ я уже говорилъ, является необходимою принадлежностью каждаго японскаго дома, отъ дворца до хижины. Эти дворики—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній японскаго домостроительства, хотя первоначально они и были

заимствованы изъ Китая. На устройствѣ внутренняго дворика сосредоточиваются весь вкусъ, всѣ заботы и попеченія объ изящной сторонѣ домашней жизни. Тутъ, иногда на пространствѣ одной сажени, а то и меньше, сосредоточено все что можетъ тѣшить глазъ и ласкать чувство прекраснаго. Въ каждомъ внутреннемъ дворикѣ вы непремѣнно найдете маленькій бассейнъ выложенный цементомъ или дикимъ камнемъ, изъ разсѣлинъ котораго выползаютъ на поверхность кристально чистой воды красивыя водяныя растенія, лиліи и лотосъ. Прелестно уродливыя, радужныя и золотыя рыбки разгуливаютъ въ этомъ своеобразномъ акваріумѣ. Иногда маленькій краббъ выглядываетъ изъ-подъ камней, иногда черепашка взберется на карнизъ погрѣться на солнышкѣ, а цикада-кузнечикъ, посаженный въ миніатюрную клѣточку подвѣшенную къ какой-нибудь вѣткѣ, каждый вечеръ, когда вокругъ зажгутся пунсовые фонари, оглашаетъ весь дворикъ своимъ неумолкаемымъ стрекотаньемъ. Нерѣдко ему вторятъ, на вѣткахъ же, маленькіе стеклянные колокольчики, къ язычкамъ которыхъ подвязаны бумажныя ленты: вѣтерокъ колеблетъ эти ленты, и колокольчики начинаютъ тихій мелодическій перезвонъ. Черезъ бассейнъ, изъ одной половины дома въ другую, перекинутъ, въ видѣ полукруглой арки, легкій мостикъ изъ палочекъ бамбука или другаго краснаго дерева, украшенный иногда очень изящно точеными, либо рѣзными перильцами. Все остальное пространство дворика засажено камеліями и азаліями, латаніями и саговыми пальмочками, померанцевыми, сливовыми и другими фруктовыми и хвойными деревцами и кустарниками дающими или красивый, или ароматичный цвѣтъ. Тамъ и сямъ по этому садику разставлены фарфоровые вазоны съ болѣе рѣдкими и почему-либо замѣчательными растеніями. Тутъ же, между кустами, гдѣ-нибудь изъ угловъ непремѣнно торчитъ нѣсколько дикихъ камней опутанныхъ побѣгами разныхъ вьюнковъ и одинъ или два фонарика высѣченные изъ камня же въ видѣ грибковъ или небольшихъ монументовъ. Иногда въ тѣни изъ-подъ вѣчно зеленыхъ вѣтвей таинственно выглядываетъ маленькая деревянная кумирня, и въ ней прячется изображеніе домашняго божества, избраннаго хозяиномъ въ покровители дома и семейства. Тутъ же, неподалеку отъ кухни, стоитъ гранитная тумба въ видѣ естественной глыбы, у которой верхушка сточена, и въ ней выдолблена

водоемъ всегда наполненный свѣжею водой для питья, ради чего на тумбу кладется и бамбуковый ковшичекъ съ длинною ручкой, а для поддержанія свѣжести и для нѣкоторой красоты, въ воду обыкновенно опускается нѣсколько вѣточекъ цвѣтущихъ камелій, которыя мѣняются ежедневно вмѣстѣ съ водой. Но во многихъ случахъ подобные водоемы или чаши наполняются проточною водой, проводимою къ нимъ посредствомъ бамбуковыхъ трубъ изъ какого-нибудь родника. Вода изливается въ чашу либо по желобку, либо особо устроеннымъ фонтанчикомъ; а чтобы чаша не переполнялась, изъ нея проведены бамбуковые желоба къ бассейну-аквaріуму, или же къ оросительнымъ садовымъ канавкамъ. Все это въ общемъ носитъ какой-то игрушечный характеръ, словно бы все это устроили очень милыя, умныя и способныя дѣти.

Для умыванья и выливанья грязной воды имѣется во внутреннемъ же дворикѣ, но нѣсколько поодаль (обыкновенно по другую сторону соединительной галлерейки) бассейнъ напоминающій своимъ видомъ древне-греческіе саркофаги. Онъ высѣкается изъ цѣльнаго камня, а иногда бываетъ и бронзовый, или же дѣлается на подобіе камня искусственно, изъ особаго цемента который имѣетъ свойство крѣпнуть со временемъ до степени плотности плитняка. Такіе бассейны обыкновенно украшаются разными рельефно высѣченными надписями, а сдѣланные изъ цемента, кромѣ того, еще и вмурованными въ ихъ наружныя стѣнки фарфоровыми кафлями, на которыхъ изображены разные синіе рисунки. На днѣ бассейна всегда есть отверстіе соединенное съ подземною сточною трубой. А чтобы видъ нечистоты не оскорблялъ глазъ по природѣ чистоплотнаго Японца, въ бассейнъ обыкновенно вкладывается, на два, на три вершка ниже верхняго края, особая покрышка изъ бамбуковыхъ равной величины палочекъ, пронизанныхъ, для связи между собою, съ обоихъ концовъ тонкими прутьями. Мыльная вода стекаетъ въ узкія скважины остающіяся между палочками и такимъ образомъ покрышка бассейна всегда остается въ безукоризненно чистомъ видѣ. Для вытиранія лица и рукъ тутъ же, около, на особой жердочкѣ вѣшается цвѣтное полотенце, большею частію голубое съ какимъ-то бѣлымъ литернымъ знакомъ по серединѣ.

Кромѣ внутренняго дворика, при „Гостиницѣ Прогресса“, какъ и при многихъ другихъ домахъ, имѣется еще особый

садъ. Подобные сады бываютъ разной величины, и въ нихъ соединено въ бо́льшихъ размѣрахъ все что̀ вы можете встрѣтить во внутреннемъ дворикѣ, за исключеніемъ развѣ сточнаго саркофага. Однимъ изъ самыхъ популярныхъ садовыхъ украшеній, кромѣ дикихъ, красиво навороченныхъ камней и гранитныхъ фонарей-монументовъ, являются подстриженныя деревья и миніатюрная Фузи-яма. Въ одномъ изъ наиболѣе любимыхъ уголковъ сада насыпается коническій курганчикъ, которому придаютъ сходство съ контурами знаменитой горы. Узенькая тропинка зигзагами или спиралью вьется по бокамъ кургана къ его вершинѣ, гдѣ обыкновенно помѣщается каменное изваяніе какого-нибудь божка, или торчмя поставленная плита съ высѣченною надписью; то и другое непремѣнно украшено зеленью разныхъ цвѣтущихъ кустарниковъ. Деревянная или каменная скамья поставленная противъ изваянія служитъ обычнымъ дополненіемъ макушки кургана, скаты котораго украшены дикими камнями, а иногда, кромѣ того, глыбами коралловъ и большими раковинами. Изъ ихъ расщелинъ вырываются на просторъ воздуха и свѣта лобѣли всевозможныхъ вьюнковъ, тюльпаны, лиліи, піоны, растущіе рядомъ съ нѣсколькими сортами хвойныхъ кустарниковъ. Фузи-яма обыкновенно служитъ бельведеромъ и любимѣйшимъ мѣстомъ семейныхъ отдохновеній во время солнечнаго заката. Деревья въ садахъ обыкновенно подстригаются, но не всѣ, а лишь нѣкоторыхъ извѣстныхъ сортовъ. Такъ, напримѣръ, ильмъ, кленъ, камфарное дерево, камелія, орѣхъ, оставляются на произволъ природы и нерѣдко достигаютъ громадныхъ размѣровъ; бамбукъ же, акація и боярышникъ въ огородахъ, а померанцы, кипарисы и туи внутри садовъ, всегда подстригаются, причемъ кипарисамъ и туямъ придается форма цилиндровъ, усѣченныхъ конусовъ и башенъ, а померанцамъ—яйцеобразная, шаровидная и кубическая. Операція подстрижки производится съ большимъ искусствомъ, такъ что дерево съ безукоризненною правильностью получаетъ именно ту форму какую задумала придать ему фантазія садовника. Глядя на эти произведенія японской культуры, можно предполагать что идея стриженыхъ аллей и газоновъ французскихъ садовъ XVIII вѣка перешла въ Европу если не изъ Японіи, то вѣроятно изъ Китая; но все же европейскимъ садоводамъ далеко въ этомъ отношеніи до японскихъ искусниковъ. Впрочемъ, верхъ этого искусства вы познаете лишь

когда увидите что Японцы продѣлываютъ со своими соснами. Подпирая иныя вѣтви шестами и распорками, а другія притягивая книзу желѣзными цѣпями, они придаютъ соснамъ самыя прихотливыя, причудливыя, иногда фантастическія формы, вслѣдствіе чего и получаются тѣ искривленные, змѣевидные, иногда въ баранiй рогъ завитые стволы, сучья и вѣтви, изображенія которыхъ мы встрѣчаемъ на японскихъ рисункахъ. Садовники перелетаютъ и связываютъ между собою молодыя вѣточки сосны, причемъ иныя подстригутъ, иныя вовсе обрѣжутъ, и глядишь, вся кривая сосенка усѣяна у нихъ отдѣльными зелеными палками хвойныхъ щелоточекъ, то въ видѣ грибковъ, то въ формѣ зонтиковъ, вѣеровъ, обручей и т. л. Тѣмъ же способомъ, съ примѣненіемъ подстрижки, они придаютъ можжевеловымъ кустамъ форму камней, столовъ и иногда употребляютъ ихъ въ качествѣ бордюра для садовыхъ бассейновъ, клумбъ и дорожекъ. Попадаются иногда хвойные кустарники въ формѣ птицъ (въ особенности журавлей и утокъ) и иныхъ животныхъ, но это уже есть принадлежность болѣе богатыхъ садовъ, да и вообще съ подобными формами встрѣчается чаще въ Китаѣ чѣмъ въ Японіи. Кромѣ исчисленныхъ диковинокъ, японскіе сады всегда бываютъ наполнены разными сортами такихъ (преимущественно фруктовыхъ) деревьевъ которыя даютъ пышный цвѣтъ ранѣе появленія листьевъ. Къ таковымъ относятся японская вишня и японская слива, начинающіе цвѣсти еще въ декабрѣ, затѣмъ абрикосъ, персикъ, миндаль и другіе, названія коихъ я не знаю и которыя встрѣтилъ здѣсь въ первый разъ въ жизни. Еще задолго до непосредственнаго знакомства съ Японіей мнѣ случалось читать и неоднократно слышать порицанія китайскимъ и японскимъ садоводамъ за практикуемое ими насиліе природы растеній и за стремленіе совокупить на ничтожномъ клочкѣ земли миніатюрныя и потому якобы уродливыя подражанія природѣ въ образѣ лотосовъ, скалъ, озеръ и т. л. Что сказать на это? Разумѣется, природа ненасилованная лучше, и я даже думаю что врядъ ли какой народъ во всей своей массѣ способенъ болѣе Японцевъ чувствовать ея красоты: самая природа этой живописной страны невольно учитъ ихъ понимать ея прекрасныя стороны, невольно, такъ сказать, воспитываетъ въ нихъ чувство изящнаго. Но можетъ-быть именно потому-то Японецъ и стремится соединить

окрестъ себя, въ своемъ уголкѣ, даже внутри своего дома, все что̀ можетъ сколько-нибудь, хотя въ миніатюрѣ, напоминать ему прелестную природу его родины. Не выражается ли скорѣе въ этой миніатюрности его кропотливый, усидчиво-трудолюбивый и страстный къ культурѣ характеръ? Японецъ такъ любитъ видъ зелени, цвѣтовъ и деревьевъ что не только изображаетъ ихъ на своихъ чашкахъ и шкатулкахъ, но не оставляетъ и въ домѣ своемъ рѣшительно ни одного клочка земли не занятой строеніями безъ того чтобы не посадить на немъ хотя вѣточку, изъ которой современемъ вырастетъ цѣлое дерево. Мы часто встрѣчаемъ въ японскихъ домахъ какой-нибудь захолустный, второй или третій дворикъ, совсѣмъ глухой, не болѣе какъ въ полтора квадратные аршина величиной, и что̀ же? На такомъ дворикѣ, продравшись между деревянныхъ крышъ на свѣтъ Божій, вырастаетъ цѣлое дерево лавра или камеліи, апельсинное или камфарное, а подъ нимъ, у корня, еще и маленькій цвѣтничекъ устроенъ, и проведена для орошенія выложенная кирпичемъ канавка. Японецъ страстно любитъ зелень, тѣнь, воду, и это понятно въ такомъ климатѣ. Относительно здѣшнихъ садовъ скажу только что они въ своемъ родѣ очень и очень красивы со всѣми этими камнями, маленькими скалами, бассейнами, кумирнями и прочими своими украшеніями. Все это очень оригинально, пожалуй очень куріозно, въ особенности когда вы вдругъ видите дубъ или кедръ какъ бы изъ страны Лиллилутовъ или можжевельникъ свернутый въ фигуру священнаго журавля; но въ то же время это „уродство“ полно такой своеобразной прелести что смотришь-смотришь на него, и глазъ оторвать не хочется.

Весь повседневный обиходъ домашней жизни совершается въ трехъ описанныхъ выше комнатахъ, то-есть въ кухнѣ, скарбовой, которая почти всегда служитъ и семейною спальней, и въ прихожей, замѣняющей собою пріемную и гостиную. Есть еще комната посвященная домашнему алтарю, но она существуетъ не для посторонняхъ; это какъ бы святая святыхъ домашняго очага, которую даже сами хозяева посѣщаютъ только въ случаяхъ богомоленія; потому-то и находится она всегда гдѣ-нибудь въ сторонѣ, не на проходѣ. Такъ какъ прихожая служитъ и гостиной, то посреди нея на цѣновкѣ всегда стоятъ: бронзовый *хибачъ* съ тлѣющими въ золѣ углями, лаковый подносъ съ чайникомъ и чашками и

табакобонъ совсѣми курительными принадлежностями. Вокругъ хибача обыкновенно собираются всѣ домашніе, если не заняты какимъ-либо дѣломъ, а также и посторонніе посѣтители—гости. Опускаясь на колѣни, они садятся на пятки въ общій кружокъ, грѣютъ надъ хибачемъ руки, пьютъ чай и саки, закусываютъ рисовыми сластями, болтаютъ и курятъ, безпрестанно набивая табакомъ свои крохотныя *кизеру* и послѣ одной или двухъ затяжекъ вытряхая изъ нихъ золу, такъ что въ японскомъ кружкѣ только и слышишь пощелкиванье чубучковъ о края пепельницы. Курятъ всѣ, и мущины, и женщины, а нерѣдко и маленькія дѣти.

Всѣ описанныя принадлежности японскаго обихода сполна имѣлись и въ занятомъ нами „Отелѣ Прогресса". Но наибольшій прогрессъ его выразился въ обстановкѣ столовой залы помѣщающейся въ верхнемъ этажѣ. Это собственно не комната, а большая съ двухъ сторонъ открытая веранда съ видомъ на сосѣднія крыши и въ особый садъ принадлежащій тому же дому. На зиму двѣ смежныя открытыя стороны веранды закрываются раздвижными рамами, въ переплеты которыхъ вставлены стекла (большой прогрессъ), а снаружи, въ видѣ балкончика, ихъ огибаетъ особая крытая галерейка. Въ этой столовой полъ застланъ уже не цѣновками, а ковромъ, и стоитъ посрединѣ ея большой столъ подъ коленкоровою скатертью; вокругъ него дюжина европейскихъ стульевъ, а на столѣ фарфоровыя вазы съ цвѣтущими прутьями персика и вѣтвями камелій. Съ потолка спускается европейская лампа; на стѣнахъ какія-то литографіи съ англійскими подписями; въ углу прибита вѣшалка съ кабаньими клыками вмѣсто деревянныхъ колышковъ. Столовый приборъ устроенъ также на европейскій ладъ, даже салфетки есть, хотя коленкоровыя и притомъ очень маленькія. Стаканы и шкалики (вмѣсто рюмокъ) хотя и несуразные, но стеклянные; ножи и вилки, хотя и не совсѣмъ такіе какъ у насъ, неудобные, но по нуждѣ годные къ употребленію. Тарелки... Вотъ ужь чего не ожидали!—Представьте себѣ, въ этой странѣ великолѣпнаго фарфора тарелки вдругъ *англійскія*, фаянсовыя, съ какими-то узорами поддѣланными подъ японскій стиль. И это въ Нагойе, въ Оварійской провинціи, которая на всю Японію славится именно своими фарфоровыми и фаянсовыми издѣліями для повседневнаго употребленія!.. Оказывается что англійскій фаянсъ уже во многихъ мѣстахъ начинаетъ

мало-по-малу вытѣснять свой родной фарфоръ, и причина тому вовсе не въ его дешевизнѣ, и единственно въ увлеченіи новизной и въ ложномъ убѣжденіи будто европейское лучше своего, японскаго. Значитъ, тоже „прогрессъ“ въ своемъ родѣ. Но какъ бы то ни было, а сервировка стола все же нѣсколько насъ утѣшила: уже одно удобство сидѣть привычнымъ манеромъ на стулѣ и ѣсть ложкой и вилкой чего стóитъ! А то не угодно ли кушать на корточкахъ, по-японски? Безъ привычки къ такой позѣ, не пройдетъ и пяти минутъ какъ у васъ невыносимо заломитъ колѣни.

Не успѣли мы еще разложить на полу отведенныхъ намъ комнатъ свои дорожныя вещи, какъ глядимъ—старый Флетчеръ съ сигарой въ зубахъ, въ японскомъ халатѣ и сандаліяхъ, уже разгуливаетъ по галлереѣкѣ внутренняго дворика. Это онъ уже успѣлъ взять японскую ванну и, какъ человѣкъ бывалый и привычный, сразу устроился по-домашнему, то-есть по-домашнему въ японскомъ смыслѣ. Пять минутъ спустя, мы нашли его уже въ прихожей, въ японскомъ кружкѣ: сидитъ себѣ надъ хибачемъ и грѣетъ руки, потѣшая веселою болтовней двухъ красивыхъ дѣвушекъ, хозяйскихъ родственницъ, разсѣвшихся бокъ-о-бокъ съ нимъ, и справа, и слѣва. Одинъ изъ полицейскихъ, конвоировавшихъ насъ до гостиницы, тоже тутъ—сидитъ на корточкахъ у хибача и принимаетъ самое оживленное участіе въ общей бесѣдѣ. Онъ очевидно назначенъ состоять при адмиралѣ въ видѣ почетнаго стража или постояннаго ординарца, почему и расположился у хибача тоже почти по-домашнему, то-есть босикомъ и безъ спеціальныхъ знаковъ своего достоинства, но все-таки въ мундирѣ.

Вскорѣ хозяинъ гостиницы, г. Синаціу или Синаціу-санъ, со множествомъ наипочтительнѣйшихъ согбеній, присѣданій и преклоненій, съ шипѣніемъ втягивая и выдыхая изъ себя воздухъ,—и все это чтобъ усилить видимыя проявленія и знаки своей почтительности,—отчасти торжественно, отчасти какъ-то таинственно доложилъ адмиралу что самъ де вице-губернаторъ, г. Номура, въ сопровожденіи секретаря, экзекутора, переводчика и нѣсколькихъ городскихъ делутатовъ, пріѣхалъ къ гостиницѣ чтобы почтить его превосходительство своимъ визитомъ и желаетъ знать, угодно ли будетъ принять его. Адмиралъ приказалъ просить и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу, какъ требуетъ того здѣшній офиціальный

этикетъ. Минуту спустя они явились. Самъ г. Номура и секретарь съ экзекуторомъ были во фракахъ, остальные въ обычныхъ японскихъ костюмахъ. Вошли они всѣ неслышною походкой, такъ какъ обувь свою оставили внизу, въ сѣняхъ, и надо сказать что эти офиціальные черные фраки съ орденскими знаками, въ соединеніи съ бѣлыми носками вмѣсто галогъ, производятъ на непривычный глазъ довольно своеобразный эффектъ немножко комическаго свойства. Впрочемъ, и мы, со своей стороны, тоже обрѣтались въ безсаложіи. Произошли, разумѣется, достодолжныя взаимныя представленія, рекомендаціи, поклоны со втягиваніемъ въ себя воздуха и съ покряхтываньемъ, руколожатія и опять поклоны, приглашенія садиться, курить, и снова поклоны, и снова покряхтыванія, и наконецъ, при помощи переводчиковъ, кое-какъ разговоръ завязался.

Не въ первый уже разъ приходится мнѣ видѣть японскихъ чиновниковъ новаго покроя, и въ большей части ихъ замѣчалъ я одно характеристическое сходство, которое навѣрно покажется вамъ очень куріознымъ: они ужасно похожи на нашихъ,—знаете, тѣхъ гладко выбритыхъ, прилично причесанныхъ коллежскихъ ассессоровъ и совѣтниковъ съ пріятно-солиднымъ выраженіемъ и нѣсколько геморроидальнымъ цвѣтомъ лица, какихъ вы, конечно, не разъ встрѣчали, особенно въ провинціи, гдѣ этотъ типъ держится крѣпче въ разныхъ губернскихъ правленіяхъ, канцеляріяхъ, казначействахъ и т. п. Нагасакскій вице-губернаторъ, капримѣръ, это типичнѣйшій молодой прокуроръ изъ правовѣдовъ, съ солидностію тона и манеръ, съ выхоленнымъ лодбородкомъ оказывающимъ наклонность къ образованію втораго этажа, и вообще съ основательными видами на будущую служебную карьеру. Такъ точно и здѣсь, въ Нагойе: экзекуторъ, сопровождавшій г. Номура, ни дать ни взять Гоголевскій почтмейстеръ Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ. И манера, и ухватка у него совершенно тѣ же. Всѣ мы такъ и прозвали его сразу почтмейстеромъ. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, такое сходство? Казалось бы, что общаго между нашимъ и японскимъ чиновникомъ, а между тѣмъ типичныя черты одни и тѣ же. Какъ это случилось, я уже не знаю, отмѣчаю лишь фактъ, насчетъ котораго всѣ самовидцы, надѣюсь, будутъ согласны со мною.

Номура-санъ просидѣлъ у адмирала довольно долго, ведя разговоръ, въ которомъ со стороны Японцевъ принимали нѣкоторое участіе только ложилой, сивоголовый экзекуторъ и молодой, но уже вполнѣ чиновничьи-солидный секретарь. Остальные пребывали въ упорномъ молчаніи, покуривая предложенныя имъ папироски. Ихъ шеи были вытянуты и головы слегка нагнуты впередъ, очевидно, ради изображенія офиціальной почтительности и благоговѣйнаго вниманія къ рѣчамъ старшихъ, которымъ они иногда всѣ вразъ поддакивали сдержанными кивками и покачиваньемъ корпуса въ видѣ полупоклоновъ. Объясненія происходили чрезъ посредство нашего Нарсэ и ихняго переводчика, владѣвшаго англійскимъ языкомъ. Между прочимъ, разговоръ коснулся фарфороваго и фаянсоваго производствъ, которыми славится ихъ провинція, и г. Номура, желая тутъ же показать намъ образецъ послѣдняго, послалъ одного изъ делутатовъ къ себѣ домой за мѣдною эмальированною вазой. Вещь, дѣйствительно, оказалась произведеніемъ замѣчательной работы: краски эмали, ихъ подборъ, рисунокъ и шлифовка наружной стороны сосуда, все это вполнѣ изящно и оригинально; цѣна же, сравнительно съ работой, пустячная: что-то около 28 или 30 іенъ. Вице-губернаторъ предложилъ намъ осмотрѣть на другой день мѣстныя фабрики тканкихъ и фаянсовыхъ издѣлій, а также школы и нѣкоторыя другія достопримѣчательности города, за что мы, конечно, отъ души его поблагодарили. Городъ, по его словамъ, не изъ большихъ, имѣетъ только 120.000 душъ населенія, но довольно производителенъ въ промышленномъ отношеніи, хотя по части вывоза и не ведетъ непосредственно заграничной торговли. Произведенія Нагойе сполна расходятся внутри страны, и только фарфоровыя да фаянсовыя издѣлія попадаютъ отчасти къ іокогамскимъ и токійскимъ купцамъ, которые уже отъ себя перепродаютъ ихъ Европейцамъ и Американцамъ.

При прощаніи, адмиралъ и мы всѣ получили приглашеніе къ обѣду, который предположено устроить для насъ завтра въ зданіи мѣстнаго музея.

2 марта.

Часовъ около девяти утра, мы сидѣли за чаемъ, когда Сапаціу-санъ, со вчерашними вывертами и придыханіями, доложилъ о пріѣздѣ бригаднаго генерала Иби-саня. Черезъ

минуту въ столовую вошелъ, въ сопровожденіи адъютанта съ аксельбантами, высокій, статный мущина, лѣтъ около сорока, съ очень умнымъ и симпатичнымъ японскимъ лицомъ, въ черной гусаркѣ, бѣлыхъ лосинныхъ рейтузахъ и высокихъ ботфортахъ, при саблѣ. Онъ просто, по-европейски, поклонился, назвалъ себя по имени и объяснилъ что будучи начальникомъ расположенныхъ въ округѣ войскъ и комендантомъ замка, получилъ отъ вице-губернатора извѣщеніе о желаніи русскихъ гостей осмотрѣть Нагойскій замокъ, а потому поспѣшилъ познакомиться съ адмираломъ лично и предложить ему для этого осмотра свои услуги. Посидѣвъ минутъ около десяти, генералъ Иби откланялся, а вслѣдъ за его уходомъ, на порогѣ появился нашъ милѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ,—на этотъ разъ уже не во фракѣ, а въ черномъ сюртукѣ, но все-таки безъ сапогъ, въ однихъ носкахъ, и любезнѣйшимъ образомъ, потирая свои ручки и покряхтывая, объявилъ что если адмиралу угодно начать осмотръ нагойскихъ достопримѣчательностей, то дженерикши уже ожидаютъ насъ предъ дверьми гостиницы, а онъ, Шпекинъ, будетъ нашимъ путеводителемъ.

Прежде всего поѣхали мы въ замокъ Ориджо опять такимъ же какъ вчера длиннымъ поѣздомъ, въ предшествіи и сопровожденіи полицейскихъ чиновниковъ, Шпекина, секретаря и двухъ переводчиковъ. Пришлось ѣхать на самый конецъ города, вглубь, то-есть въ сторону противоположную пристани Міа, и мы не могли не замѣтить сразу что въ этихъ кварталахъ городъ уже значительно утратилъ свой исключительно промышленный характеръ: здѣсь довольно часто попадаются прехорошенькіе домики съ садиками и палисадниками, но безъ лавочекъ въ нижнихъ этажахъ, и живутъ въ нихъ, все равно какъ и въ Нагасаки на Мума-мачи, семейства богатыхъ горожанъ, купцовъ и фабрикантовъ имѣющихъ свои заведенія особо, самураи, бывшіе и настоящіе чиновники и офицеры, послѣдніе по близости ко своимъ казармамъ. Въ этой же части города расположены и войска, размѣщенныя въ особыхъ казармахъ, которыя очень чистенько и весело выглядываютъ изъ-за подстриженныхъ аллей и газоновъ.

Замокъ окруженъ двумя стѣнами—внѣшнею и внутреннею; обѣ сложены изъ дикаго камня и по массивности являютъ собою сооруженія чуть не циклопическаго характера.

Первая изъ нихъ окружена широкимъ и мѣстами довольно глубокимъ рвомъ, который, въ случаѣ надобности, наполняется водой. Всѣ углы снабжены выступами, дающими каждому фронту фланговую оборону, а сверху стѣны защищены толщей земляного, облицованнаго дерномъ бруствера, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ успѣли вырости и состариться цѣлыя аллеи толстыхъ, искусственно искривленныхъ сосенъ.

По деревянному мосту, лежащему на прочныхъ каменныхъ устояхъ, перешли мы черезъ ровъ и очутились подъ массивными глубокими воротами, при которыхъ слѣва помѣщается гауптвахта. Пѣхотный караулъ сталъ въ ружье и отдалъ адмиралу честь по японскому уставу, причемъ горнистъ на правомъ флангѣ, не труба, но какъ бы собираясь трубить, все время держалъ свой инструментъ передъ губами. Отсюда, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы повернули направо, въ другія такія же точно ворота во внутренней стѣнѣ, за которою находится второй дворъ замка, и здѣсь адмирала встрѣтилъ другой пѣхотный караулъ съ такою же почестью. Противъ этой послѣдней гауптвахты стояло подъ узенькимъ навѣсомъ нѣсколько засѣдланныхъ ординарческихъ лошадей, которыя, въ скучномъ ожиданіи разгона, уныло и покорно предоставляли дождю мочить свои хвосты и чолки. Сдѣлавъ еще одинъ заворотъ, вступили мы, наконецъ, подъ сѣнь высокаго и широкаго портала, фронтонъ котораго украшенъ рѣзьбой. На крыльцѣ встрѣтили насъ адъютанты и ординарцы генерала, держа въ рукахъ свои кепи расшитыя позументомъ, и пригласили слѣдовать за собою. Видя что они не надѣваютъ шапокъ, мы поневолѣ, изъ вѣжливости, несмотря на холодъ и сырость, тоже обнажили головы (почемъ знать, думалось, можетъ оно такъ нужно по какому-нибудь ихъ этикету) и направились вдоль по широкой галлереѣ, которая съ одной стороны смотрѣла въ замковый садъ, а съ другой на нее выходили окна разныхъ канцелярій военно-окружнаго управленія, гдѣ корпѣло надъ европейскими столами десятка три лисарей, одни въ формѣ, другіе въ гражданскихъ кирамонахъ, усердно выводя кистью какія-то каракульки на длинныхъ свиткахъ тончайшей бумаги, а чиновники, такъ же какъ и у насъ порой, читали тѣмъ часомъ газеты, болтали, покуривали и вообще благодушествовали. Пройдя одинъ или два заворота по длинной галлереѣ, мы очутились на порогѣ пріемной залы, гдѣ

встрѣтилъ насъ генералъ Иби со своимъ начальникомъ штаба, въ чинѣ полковника. Здѣсь, посрединѣ обширной комнаты, стоялъ большой круглый столъ подъ зеленою скатертью и вокругъ него около дюжины узенькихъ креселъ, на которыхъ мы и размѣстились „отдохнуть“ по приглашенію любезнаго хозяина. Служители изъ нижнихъ чиновъ въ форменныхъ курткахъ тотчасъ же стали разносить обычное угощеніе чаемъ; табакъ же и японскія папиросы съ *табакокопомъ* уже раньше стояли на столѣ къ нашимъ услугамъ. Эта пріемная комната и служащая какъ бы ея продолженіемъ смежная съ нею веранда съ выходомъ въ садъ—это въ своемъ родѣ chef d'oeuvre японской орнаментаціи: ихъ потолки и верхняя половина стѣнъ украшены рѣзными изъ дерева горельефами, какіе до сихъ поръ довелось мнѣ видѣть только въ Сиба: тотъ же стиль, то же совершенство артистической работы и, быть-можетъ, одинъ и тотъ же мастеръ-художникъ. Точнѣе всего, эти произведенія можно назвать древо-скульптурными фресками, главнымъ сюжетомъ коихъ являются миѳическіе драконы, цвѣты и разныя птицы. Адъютантъ досталъ изъ шкафа вдѣланнаго въ стѣну пріемной комнаты цѣлую серію фотографическихъ снимковъ съ разныхъ зданій и частей Нагойскаго замка, его комнаты, рѣзныхъ потолковъ, расписныхъ плафоновъ, стѣнныхъ фресокъ, ширмовыхъ картинъ и отдѣльныхъ орнаментовъ. Каждый снимокъ уложенъ подъ стекло, въ особый плоскій ящичекъ съ выдвижною крышкой. Полюбовавшись на эти изображенія и отдавъ въ душѣ Японцамъ полную дань уваженія за ихъ умѣнье беречь и цѣнить свою художественную старину, мы, по приглашенію генерала Иби, отправились осматривать замокъ.

Намъ объяснили что замокъ Оариджо построенъ безъ малаго триста лѣтъ назадъ при сёогунѣ Минамото-но-Іэясу, по прозванію Гогензама, * а реставрированъ въ послѣдствіи извѣстнымъ народнымъ героемъ Коно. Знаменитый живописецъ Ханабуса-Иціо расписывалъ стѣнныя ширмы этого дворца, которыя сохранились до сихъ поръ въ томъ же видѣ какъ вышли изъ мастерской художника, почти не утративъ первоначальной свѣжести красокъ—тайна которою владѣлъ этотъ мастеръ, за что произведенія его и цѣнятся теперь очень дорого. Картины эти изображаютъ сцены охоты,

* Правилъ съ 1593 по 1606 годъ.

скачекъ, гимнастическихъ упражненій, воинскихъ лагерей, духовныхъ процессій и придворныхъ выходовъ и пріемовъ удѣльныхъ князей сёогунами. Всѣ вообще залы дворца Одаидзо щеголяютъ своими многочисленными и разнообразными ширмами. Продольные и поперечные столбы, а также балясины и балки въ иныхъ комнатахъ покрыты чернымъ лакомъ, а въ другихъ сохраняютъ натуральный цвѣтъ дерева, которое, впрочемъ, отъ времени приняло почтенную потемнѣлость. Скрѣпленія между всѣми этими деревянными частями украшены бронзовыми наконечниками и розетками, тоже успѣвшими отъ времени подернуться зеленоватымъ налетомъ ярь. Жаль только что за отсутствіемъ мебели, которая не свойственна японской домашней обстановкѣ, эти залы, при всемъ ихъ великолѣпіи, производятъ впечатлѣніе какой-то грустной пустынности. Невольно все кажется что здѣсь не достаетъ чего-то. Задаешь себѣ вопросъ: чего именно?—и чувствуешь что не достаетъ жизни—той жизни которая самой послѣдней бѣдной хижинѣ придаетъ привлекательный видъ домовитости, благодаря разнымъ предметамъ домашней обстановки. Въ одной изъ залъ стоитъ въ углу довольно объемистая деревянная модель большой башни этого замка, извѣстной подъ именемъ Тенси, и это единственный предметъ, на которомъ, за исключеніемъ стѣнныхъ ширмъ и орнаментовъ, вы можете остановить свое вниманіе. Впрочемъ, любезный комендантъ замка предложилъ, вмѣсто модели, осмотрѣть настоящую башню и полюбоваться изъ оконъ ея верхняго этажа видомъ на окрестности.

Мы спустились во внутренній дворъ, къ одноэтажному приземистому зданію массивной постройки, съ большими желѣзными воротами, и войдя въ нихъ, очутились въ какомъ-то темномъ сараѣ, изъ котораго вышли въ другія такія же ворота и направились по узенькому, открытому сверху проходу, мимо двухъ каменныхъ стѣнокъ снабженныхъ стрѣльницами. Въ концѣ прохода высились третьи желѣзныя ворота, устроенныя въ фундаментѣ самой башни Тенси. Этотъ четырехсторонній фундаментъ, въ видѣ усѣченной пирамиды, сложенъ изъ громадныхъ необдѣланныхъ камней и высотой своею почти на одну треть превышаетъ высоту крѣпостныхъ стѣнъ этого замка. На такомъ-то массивномъ основаніи высится четырехсторонняя бѣлая башня съ бойницами и стрѣльницами. Четыре яруса крышъ обыкновеннаго японо-китайскаго

типа, съ широкими и нѣсколько загнутыми кверху полями и наугольниками, дѣлятъ башню на четыре пропорціонально съуживающіеся этажа, изъ коихъ нижній имѣетъ въ основаніи своемъ тысячу, а верхній только сто *татами* (цѣновокъ). * Гребень высокой кровли покрывающій верхній этажъ украшенъ съ обоихъ своихъ концовъ двумя литыми изъ бронзы и позолоченными рыбами *тай*, значительныхъ размѣровъ, съ загнутыми кверху хвостами, что̀ издали очень напоминаетъ бронзовыхъ дельфиновъ, нерѣдко украшающихъ фонтаны и бассейны въ европейскихъ садахъ и паркахъ. Эти рыбы находились на Вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года. Высота всей башни отъ основанія до гребня равняется двадцати пяти саженямъ. При строгомъ соблюденіи пропорціональности во всѣхъ частяхъ постройки, какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, башня Тенси производитъ своимъ видомъ влечатлѣніе вполнѣ стройное, художественное и можетъ служить лучшимъ образцомъ японскаго вкуса и стиля.

Чрезъ калитку массивныхъ желѣзныхъ воротъ вступили мы въ башню и очутились внутри циклопическихъ стѣнъ фундамента, въ полутемномъ громадномъ погребѣ. Здѣсь находится обширная, глубокая цистерна, надъ которой устроены два или три водоподъемные колеса. Она имѣетъ назначеніе снабжать замокъ водой во время осады. Въ первомъ и второмъ этажахъ помѣщаются вещевые склады и арсеналъ, нынѣ впрочемъ разоруженный, въ третьемъ—казарма предназначенная подъ помѣщеніе команды, а въ четвертомъ—складъ металлическихъ патроновъ. Въ этомъ послѣднемъ этажѣ нельзя не обратить вниманія на прекрасныя рѣшетчато-рѣзныя квадратныя паркетки потолка и бронзовые болты скрѣпляющіе различныя части деревянныхъ устоевъ и балокъ. Гайки болтовъ сдѣланы розетками, съ позолоченнымъ узоромъ чрезвычайно изящной работы, въ родѣ тѣхъ что̀ мы видѣли въ парадныхъ залахъ этого замка.

Когда раздвинули створчатые щиты оконъ, служащихъ и бойницами, среди насъ невольно раздались восклицанія:—„Какая прелесть!.. Какая широта кругозора!.. Смотрите, какъ хорошо все это!..“

* Я уже говорилъ раньше что цѣновки выдѣлываются въ Японіи всегда одинаковыхъ размѣровъ, а именно 6′ 3″ въ длину, 3′ 2″ въ ширину и 4″ въ толщину, и что поэтому цѣновка служитъ условною мѣрой при опредѣленіи на планѣ размѣровъ всѣхъ вообще построекъ.

И дѣйствительно, видъ былъ великолѣпенъ.

Какъ съ птичьяго полета, со всѣхъ сторонъ открылись предъ нами городъ Нагойе и Оварийскій заливъ, и вся окрестная страна лодковообразно огибаемая отъ одной части берега до другой отдаленными горами, которыя, постепенно понижаясь къ морю, переходятъ въ пологіе холмы волнистаго рисунка. Наша *Африка* чуть-чуть виднѣлась вдали на громадномъ пустынномъ пространствѣ залива и казалась совсѣмъ миніатюрнымъ суденышкомъ, точно черное пятнышко или муха на огромномъ зеркалѣ. Весь городъ, изрѣзанный правильными четырехугольниками улицъ и пронизанный вдоль безконечною Хончо, лежалъ подъ нашими взорами со своими аспидно-сѣрыми черепичными крышами, флагами, садами, священными рощами, массивными кровлями храмовъ и суставчатыми башнями остроконечныхъ пагодъ. Но любопытнѣе всего было зрѣлище окружающей его обширной равнины: докуда могъ лишь хватить глазъ вооруженный биноклемъ, вся она сплошь представлялась изрѣзанною оросительными каналами и межами рисовыхъ полей, огородами, плантаціями, рощами и садами, между которыми виднѣлись отдѣльно разбросанные въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга хутора, хижины и деревни. Судя по ихъ количеству, населеніе этой равнины должно-быть очень значительно. Узенькія дороги, служащія въ то же время плотинами и вьющіяся между полями отъ жилья къ жилью, большею частію обсажены аллеями деревьевъ, а по сторонамъ ихъ, куда ни глянь, все сплошь обработано и засѣяно самымъ тщательнымъ образомъ. Представьте себѣ что на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ рѣшительно ни одного невоздѣланнаго клочка!.. Люди свѣдущіе свидѣтельствуютъ что точно такимъ же высококультурнымъ образомъ воздѣлана и *вся* Японія, за нѣкоторымъ исключеніемъ сѣверныхъ частей острова Матсмая и острововъ Курильскихъ, гдѣ условія сыраго климата не вполнѣ вознаграждаютъ земледѣльческій трудъ. Не говоря уже о Россіи, врядъ ли найдется что-либо подобное въ самыхъ культурныхъ странахъ Европы, и опять-таки невольно приходишь къ заключенію что не Японцамъ у Европейцевъ, а этимъ послѣднимъ не мѣшало бы научиться у Японцевъ какъ обращаться съ землей и разумно извлекать изъ нея всю возможную пользу.

Простившись съ любезнымъ генераломъ и его офицерами, мы, по предложенію нашего чичероне-экзекутора, поѣхали осматривать учительскій институтъ и мужскую гимназію. Оба эти заведенія помѣщаются въ отдѣльныхъ зданіяхъ колоніальной архитектуры съ примѣсью японскаго характера въ разныхъ деталяхъ и отчасти во внутреннемъ устройствѣ. Директоръ учительскаго института—небольшой сухощавый мущина съ очень интеллигентною физіономіей, въ японскомъ костюмѣ—встрѣтилъ насъ очень любезно, но, къ сожалѣнію, не могъ показать ничего кромѣ стѣнъ, такъ какъ въ этотъ часъ занятій не было, и студенты разпущены въ городъ; стѣны же представляли собой мало любопытнаго, если не считать большой географической карты италіянскаго изданія, на которой границы Японіи, Кореи, Сахалина, Усурійскаго края и даже Камчатки обведены одною краской.

Посѣщеніе гимназіи было нѣсколько удачнѣе. На дворѣ и въ корридорахъ раздавался шумъ дѣтскихъ голосовъ, мы попали какъ разъ въ промежуточную рекреацію между двумя уроками. Директоръ—еще молодой человѣкъ, въ европейскомъ костюмѣ и повидимому большой франтъ—пригласилъ насъ въ конференцъ-залу, гдѣ, по обыкновенію, тотчасъ же были предложены намъ миніатюрныя чашечки съ чаемъ и японскія папиросы. Стѣны этой комнаты были увѣшаны географическими картами и иными пособіями для наглядваго обученія, исключительно на англійскомъ языкѣ, а книжные шкафы наполнены исключительно англійскими изданіями. Мы не встрѣтили на полкахъ не только французской или нѣмецкой, но даже ни одной японской книжки. Говорятъ, будто въ новѣйшихъ японскихъ школахъ всѣ усилія направлены къ тому чтобы какъ можно скорѣе и успѣшнѣе обангличанить учениковъ и порвать въ нихъ нравственныя связи и традиціи съ прошлою Японіей. Насколько въ этомъ правды, я, конечно, не знаю, но сталкиваться съ такими мнѣніями приходилось не однажды. Впрочемъ, быть-можетъ, они принадлежатъ людямъ не сочувствующимъ вообще политическому направленію современнаго правительства Японіи.

Директоръ-Японецъ, прекрасно говорящій по-англійски, объяснилъ намъ что въ гимназіи у него обучаются 190 мальчиковъ. Первоначальное образованіе заключается, главнѣйшимъ образомъ, въ изученіи англійскаго языка, на которомъ поэтому и преподается бо́льшая часть предметовъ гимнази-

ческаго курса. Прежняя классическая система, заключавшаяся въ изученіи китайскаго языка и литературы, нынѣ оставлена и замѣнена изученіемъ языка англійскаго, какъ наиболѣе необходимаго Японцамъ при сношеніяхъ съ Европейцами. Контингентъ учителей гимназіи съ самаго ея основанія состоитъ исключительно изъ однихъ Японцевъ, получившихъ образованіе въ Токійской школѣ языкознанія. Вообще учителей изъ Европейцевъ, такъ же какъ и инструкторовъ въ войска и техниковъ, приглашаютъ только въ случаѣ первоначальной необходимости, на время, пока они не подготовятъ къ учительской должности Японцевъ, которые и замѣняютъ ихъ повсюду при первой возможности. Это и обходится на много дешевле правительству, и даетъ ему возможность замѣщать служебныя должности своими людьми. Курсъ ученія въ гимназіи четырехлѣтній, но классовъ восемь такъ что ученику приходится быть въ каждомъ классѣ по полугоду, а за вычетомъ праздниковъ и каникулъ, на ученье остается по пяти съ небольшимъ мѣсяцевъ. Переводъ въ слѣдующій классъ допускается не иначе какъ по экзамену.

Между тѣмъ рекреація кончилась, и директоръ предложилъ намъ осмотрѣть нѣкоторые классы. Поднявшись во второй этажъ, онъ ввелъ насъ въ просторную аудиторію съ обыкновенною школьною обстановкой и объяснилъ что это младшій, начальный классъ, гдѣ практикуется обученіе англійской азбукѣ и чтенію. Мальчуганы, одѣтые кто въ европейскомъ, а большею частію въ японскомъ костюмѣ, по знаку учителя, всѣ разомъ поднялись съ мѣстъ и затѣмъ, по его командѣ, разомъ отвѣсили посѣтителямъ поясной поклонъ, низко сгибаясь надъ столами, послѣ чего, по командѣ же, разомъ опустились на свои мѣста. Директоръ предложилъ учителю продолжать занятія. Тогда этотъ послѣдній, вооружась длиннымъ бамбуковымъ кіемъ, повернулся къ стѣнѣ, въ которую была вдѣлана громадная аспидная доска съ крупно написанными мѣломъ англійскими складами, и указывая кіемъ на первый слогъ отчетливо выкрикнулъ „бе!“ (англійское *ва*).

— Бе-е-е! цѣлымъ хоромъ и всѣ въ разъ прокричали ученики съ большимъ усердіемъ и единодушіемъ.

— Бе! возгласилъ снова учитель съ тѣмъ же пріемомъ.

— Бе-е-е!! еще громче. отвѣтили мальчуганы.

И такимъ образомъ это „бе“ повторилось съ обѣихъ сторонъ разъ десять прежде чѣмъ перешли къ слѣдующему слогу. Но потомъ оно стало варьироваться: учитель произносилъ по нѣсколько слоговъ, то подъ рядъ, то въ разбивку, тыча въ каждый слогъ своимъ кіемъ, а ученики повторяли за нимъ эти варіаціи речитативомъ, такъ что выходило нѣчто въ родѣ пѣнія, только черезчуръ уже громкаго, вслѣдствіе усердія.

Поблагодаривъ преподавателя, мы перешли во второй классъ, гдѣ десятка два учениковъ упражнялись въ англійскомъ чтеніи. При нашемъ появленіи повторились та же церемонія съ поклономъ по командѣ и то же предложеніе со стороны директора продолжать занятія. Учитель приказалъ мальчикамъ раскрыть на извѣстной страницѣ христоматію, и затѣмъ, по его знаку, весь классъ разомъ поднялся съ мѣстъ, и стоя, разомъ же принялся въ полный голосъ читать какое-то англійское стихотвореніе. Манера этого чтенія напомнила мнѣ наши учебныя команды, гдѣ обучаютъ солдатиковъ точно также мѣрно и въ разъ отчеканивать: „Здравія, желаемъ, вашему, высоко, прево, сходитель, *ству!!!*“

Въ третьемъ классѣ, гдѣ шелъ урокъ географіи, всѣхъ учениковъ было только двѣнадцать. Нѣкто изъ нашихъ спутниковъ предложилъ одному изъ нихъ какой-то вопросъ насчетъ Египта, но живой мальчуганъ только посмотрѣлъ на неожиданнаго экзаменатора недоумѣлыми глазами и ничего не отвѣтилъ, вѣроятнѣе всего потому что не понялъ того японскаго языка на какомъ къ нему обратились.

Показъ методы преподаванія, конечно, не ограничился бы тремя начальными классами, еслибы намъ не предстояло еще многое осмотрѣть въ городѣ, тогда какъ времени на это имѣлось только одинъ день, да и тотъ прескверный, благодаря снѣжно-дождливой погодѣ; поэтому мы поспѣшили поблагодарить директора за его любезность и, откланявшись, поѣхали въ ткацкую школу.

Это послѣднее заведеніе учреждено спеціально для молодыхъ дѣвушекъ, и все обученіе въ немъ ограничивается однимъ только ткацкимъ дѣломъ. Въ очень чистенькомъ японскомъ домикѣ устроены контора и выставка школы, гдѣ всегда можно видѣть образцы ученическихъ работъ по которымъ какой-нибудь фабрикантъ-занимателъ, имѣющій надобность въ ученой мастерицѣ, наглядно можетъ судить о степени знанія и

искусности каждой изъ ученицъ кончающихъ курсъ обученія въ этой школѣ. Открытая галлерея ведетъ изъ конторы въ двухъэтажный длинный баракъ, въ помѣщеніи котораго сосредоточены всѣ отдѣлы обученія, начиная съ сортировки и чески хлопка, сученья нитокъ, ихъ окраски и проч. Мы застали въ баракѣ до пятидесяти молодыхъ дѣвушекъ (ученицы всѣ приходящія), которыя пряли на деревянныхъ станкахъ, подъ руководствомъ двухъ учительницъ и мастеровъ, изъ коихъ одинъ руководилъ отдѣломъ пряжи. Хотя школа легко могла бы обзавестись усовершенствованными станками американской конструкціи и паровикомъ для приводовъ, но работа въ ней производится исключительно на деревянныхъ японскихъ станкахъ, приводимыхъ въ дѣйствіе нажатіемъ ноги, и это потому что школа преслѣдуетъ не индустріальныя цѣли, а имѣетъ задачей только научить небогатыхъ дѣвушекъ прясть и ткать тѣмъ хозяйственнымъ способомъ какимъ придется имъ работать у себя дома, удовлетворяя потребностямъ своего семейства. Поэтому въ школьной мастерской производятся преимущественно бумажныя матеріи, обыкновенно употребляемыя людьми небогатыми и простонародіемъ; искусство же выдѣлывать дорогія шелковыя и парчевыя ткани преподается только желающимъ посвятить себя спеціально этому ремеслу, и такія ученицы обыкновенно поступаютъ потомъ мастерицами на частныя ткацкія фабрики, которыми, между прочимъ, славится Нагойе. Мы видѣли здѣсь два такія заведенія,—одно на 150, другое на 170 станковъ занятыхъ исключительно женщинами, и второе изъ этихъ заведеній выпускаетъ однѣхъ лишь бумажныхъ матерій на 30.000 іенъ ежегодно.

Обѣ ткацкія фабрики помѣщаются въ нѣсколькихъ длинныхъ холодныхъ бараках или, вѣрнѣе сказать, сараяхъ съ земляянымъ поломъ. Въ пасмурные зимніе дни, чтобы дать болѣе свѣта необходимаго при работѣ, раздвигаютъ створчатыя ширмы, замѣняющія съ одной стороны наружную стѣну, и такимъ образомъ мастерицамъ приходится работать на открытомъ воздухѣ, несмотря на зимній холодъ. Но Японцы этимъ не смущаются: они всѣ очень привычны къ холоду и переносятъ его куда лучше насъ, сѣверныхъ жителей. Наши крестьянки при такой температурѣ, полагаю, едва ли были бы въ состояніи заниматься подобною работой. Но это еще что! При ткацкѣ работница все же имѣетъ нѣкоторый

моціонъ, производя механически непрерывное движеніе ногой и руками, что̀ въ извѣстной мѣрѣ поддерживаетъ внутреннюю температуру тѣла на той высотѣ при которой внѣшній холодъ менѣе ощутителенъ, а вотъ, напримѣръ, работа эмальера или живописца по фарфору при такихъ условіяхъ является просто изумительнымъ дѣломъ. Съ особеннымъ любопытствомъ посѣтили мы два заведенія этого рода, и вотъ что̀ видѣлъ я въ мастерской гдѣ занимались разрисовкой фарфора.

Привезли насъ въ довольно помѣстительный домикъ зажиточнаго горожанина, ничѣмъ по наружности не отличающійся отъ множества ему подобныхъ. Входимъ въ прихожую. Здѣсь, расположась въ углу на цѣновкѣ, сидѣлъ на корточкахъ старичекъ, буддійскій монахъ, съ бритою головой, окруженный нѣсколькими фарфоровыми стулками и мисками, и растиралъ въ мельчайшій порошокъ различныя краски при помощи длиннаго, толстаго пестика. Старичекъ съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ и такъ усердно предавался своему дѣлу что, казалось, будто самъ обратился въ какую-то растирательную машину. Въ слѣдующей комнатѣ, которую вѣрнѣе будетъ назвать просторнымъ и свѣтлымъ сараемъ, гдѣ температура едва ли отличается отъ наружнаго воздуха, сидѣли за дѣломъ человѣкъ десять рисовальщиковъ. Сидятъ они на цѣновкѣ на корточкахъ или поджавъ подъ себя скрещенныя ноги какъ наши портные. Предъ каждымъ на полу же стоитъ нѣсколько маленькихъ фарфоровыхъ чашекъ съ особо приготовленными составами разныхъ красокъ и лежатъ различной величины кисти. Одною рукой рисовальщикъ держитъ у себя на колѣнѣ бѣлый фарфоровый сосудъ, а другою, безо всякой поддержки и упора, выводитъ по фарфору тончайшіе рисунки. Глядя какъ работаютъ эти люди въ самой повидимому неудобной обстановкѣ, въ холодномъ сараѣ, гдѣ нашъ братъ и пяти минутъ не высидитъ безъ пальто, поневолѣ удивляешься какъ это возможно работать при такихъ условіяхъ! А работаютъ. Затечетъ нога, рисовальщикъ переложитъ ее на другую ногу или пересядетъ на корточки; закоченѣетъ рука отъ холода, онъ подержитъ ее минуту надъ *хибачемъ*, ухитрясь при этомъ затянуться два раза изъ микроскопической *кизеру* и выпить миніатюрную чашечку чая, и снова за работу. Въ особенности была замѣчательна работа одного юноши лѣтъ семнадцати, который выводилъ арабески золотаго орнамента по бордюру великолѣпной темно-

синей (ultramarine foncé) вазы. Эта работа требуетъ такой математической точности и симметричности въ малѣйшихъ деталяхъ весьма затѣйливаго рисунка что на европейскихъ фабрикахъ ее не нашли бы возможнымъ исполнить иначе какъ по трафарету; здѣсь же этотъ юноша вылисывалъ кистью сложнѣйшій рисунокъ на ламять и просто отъ руки, не опирая даже ребро ладони на орнаментируемый сосудъ. Предъ нимъ не лежало оригинала съ котораго можно было бы срисовывать, какъ дѣлали нѣкоторые его товарищи, рисовавшіе цвѣты и пейзажи. Эта твердость руки, это отчетливое знаніе рисунка и самый способъ рисовки поистинѣ изумительны. Казалось бы, при такихъ условіяхъ такъ естественно дрогнуть рукѣ и провести какую-нибудь невѣрную черточку, такъ легко позабыть какой-нибудь маленькій кудрявый завитокъ, пропустить невзначай какую-нибудь мельчайшую деталь, а между тѣмъ у него ничто не забыто, ничто не пропущено. Въ первую минуту, пока мы не пригляделись къ его работѣ, просто глазамъ не вѣрилось чтобы возможно было сдѣлать это подобнымъ способомъ. Вылисывалъ онъ рисунокъ какимъ-то густымъ и долго несохнущимъ лакомъ цвѣта темной охры, а потомъ сухою кистью наводилъ на него золотой порошокъ, послѣ чего лакъ почти мгновенно высыхалъ, принимая такую плотность что позолоту уже невозможно ни стереть, ни смыть, ни инымъ способомъ снять съ фарфора. Не знаю, самъ ли рисовальщикъ компановалъ этотъ орнаментъ, что-называется „изъ головы“, или же воспроизводилъ его на ламять съ какого-либо существующаго оригинала, во всякомъ случаѣ такой талантъ и такая ламять замѣчательны. И не думайте что этотъ юноша является какимъ-нибудь феноменальнымъ исключеніемъ изъ общаго уровня; нѣтъ, онъ просто хорошій рисовальщикъ, какіе непремѣнно найдутся въ каждой здѣшней мастерской, и эти люди вовсе не считаютъ себя художниками: они простые ремесленники работающіе за поденную плату. И вѣдь за какіе ничтожные гроши (если цѣнить на европейскую мѣрку) все это дѣлается! Лучшій рисовальщикъ, какъ мнѣ сказывали, получаетъ за свой трудъ не болѣе одного іена въ день, а средняя плата отъ 30 до 50 бумажныхъ центовъ. Но при скромныхъ потребностяхъ и неприхотливости этихъ людей, они считаютъ такую плату вполнѣ достаточною, а 30 іенъ въ мѣсяцъ это уже для нихъ чуть не верхъ благополучія.

Рисовальщики пейзажей, цвѣтовъ, животныхъ, бытовыхъ сценъ, а также историческихъ и религіозныхъ сюжетовъ заимствуютъ бо́льшую часть своихъ рисунковъ изъ пятнадцатитомнаго собранія эскизовъ знаменитаго японскаго художника Гоксая или Гоксая, который и не для однихъ Японцевъ можетъ служить достойнымъ изученія образцомъ легкости, изящества и благородства рисунка. Притомъ же Гоксай просто изумительно разнообразенъ. Тѣ украшенія которыя мы встрѣчаемъ на рукоятяхъ ножей и сабель, на футлярахъ курительныхъ трубокъ (*кизеру*), на лучшихъ лакированныхъ шкатулкахъ, на дорогихъ матеріяхъ женскихъ кимоновъ, равно какъ и рисунки украшающіе фарфоровую и бронзовую утварь,—все это принадлежитъ неистощимой фантазіи Гоксая, или непосредственно имъ навѣяно. И замѣчательно что этотъ художникъ во всю свою жизнь не создалъ ничего кромѣ маленькихъ эскизовъ въ самыхъ легкихъ контурахъ; но за то какая ихъ масса, и что̀ это за эскизы, что̀ за контуры, полные жизни и художественной правды!

Чѣмъ болѣе я приглядываюсь къ разнымъ сторонамъ японскаго творческаго генія, тѣмъ болѣе убѣждаюсь какъ справедливъ былъ данный мнѣ совѣтъ не судить о японскомъ искусствѣ и въ особенности о живописи по тѣмъ аляповатымъ образцамъ какіе попадаютъ въ Европу чрезъ руки разныхъ промышленниковъ. Дѣйствительно, произведенія этого сорта та же рыночная работа и дѣлаются *нарочно* для сбыта въ Европу, примѣняясь къ давно уже извѣстнымъ вкусамъ и требованіямъ оптовыхъ закащиковъ Жидовъ-Нѣмцевъ и Американцевъ (самыхъ безвкусныхъ людей въ мірѣ), благодаря которымъ въ Европѣ и установился совершенно фальшивый взглядъ на „японщину“. *Для себя* Японцы рисуютъ совсѣмъ иначе. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстны фарфоровыя чашечки оплетенныя снаружи тончайшею сѣткой изъ бамбуковыхъ волоконъ, а внутри украшенныя изображеніемъ женскихъ головокъ. Надо отдать этимъ головкамъ справедливость, онѣ пребезобразны: длинный вытянутый по птичьему носъ, какого въ дѣйствительности у Японокъ никогда не бываетъ, двѣ косыя щелочки вмѣсто глазъ, какія если и встрѣчаются, то довольно рѣдко, какая-то дулочка обозначающая якобы губы и наконецъ, чрезмѣрно растянутое лицо—все это даетъ весьма ложное понятіе какъ о красотѣ япон-

имѣютъ отдѣльныя обжигательныя печи, такъ-называемыя *ката-мóта*, то-есть главныя, не считая множества печей малыхъ, второстепенныхъ. Производство это идетъ въ Сето-мура издревле, но въ древности тамъ фабриковались только глиняныя издѣлія, такъ какъ жирная глина очень хорошаго качества добывается на мѣстѣ, въ самой деревнѣ. Для разрисовки употребляется у нихъ исключительно синяя краска, добывается въ Отоме-яма, мѣстечкѣ Оварійской провинціи. Въ прежнія времена эта краска была обложена высокою пошлиной, но съ 1868 года, послѣ реставраціонной революціи, пошлину значительно понизили, и съ тѣхъ поръ производство фарфоровой посуды и предметовъ роскоши приняло такіе размѣры что ощутилась потребность даже въ иностранной краскѣ, за недостаткомъ своей. До 1868 года торговля фарфоровыми издѣліями находилась въ завѣдываніи полицейскихъ чиновниковъ князя Овари, и купцы должны были предварительно получать разрѣшеніе отъ самого князя на право закупки фарфора изъ его складовъ. Оварійскія фарфоровыя издѣлія были на европейскихъ выставкахъ 1872 и 1873 годовъ, что еще болѣе способствовало ихъ славѣ и распространенію внѣ предѣловъ Японіи. Въ Сето-мура существуетъ спеціальная школа для изученія фарфороваго дѣла, которая дала уже странѣ много замѣчательныхъ мастеровъ совершенствующихъ какъ технику такъ и вкусъ въ этихъ издѣліяхъ.

Не менѣе фарфороваго дѣла въ Нагойе достойно вниманія производство фалановыхъ издѣлій, фабрику которыхъ мы тоже посѣтили. Въ Европѣ эти издѣлія извѣстны подъ французскимъ названіемъ „cloisonnées“ (перегородчатыя), что собственно означаетъ способъ работы при положеніи эмали посредствомъ металлическихъ перегородокъ. По-японски они называются *суи-хоо*, или сокращено *схо*, въ буквальномъ переводѣ—семь сокровищъ, по числу составныхъ частей и искусствъ входящихъ въ производство вещей этого рода; у насъ же, въ Россіи, названіе ихъ заимствовано отъ Китайцевъ, у которыхъ какъ производство такъ и самые продукты онаго называются *фалань*.

Фабрикація фалани, насколько мы успѣли видѣть ее въ показанномъ намъ заведеніи *Кайо-оша*, заключается въ слѣдующихъ процессахъ работы. Художникъ составляетъ въ рисункѣ проектъ предполагаемой вещи и обыкновенно дѣлаетъ

свой рисунокъ въ двухъ экземплярахъ: на одномъ начерчены во всѣхъ подробностяхъ только черные контуры вещи со всѣми ея предполагаемыми украшеніями; на другомъ эта вещь нарисована красками въ своемъ окончательномъ видѣ. Сообразно данному проекту, отливается или выковывается изъ мѣди (все равно желтой или красной, но послѣдняя въ большемъ употребленіи) какой-нибудь сосудъ, напримѣръ: ваза, чашка, блюдо или тарелка, а то и просто дощечка, или пластинка. * Сосуду придается нѣкоторая шлифовка, послѣ чего художникъ, сообразно составленному имъ проекту, дѣлаетъ на немъ черный рисунокъ одними контурами, но со всѣми подробностями и съ большою тщательностью. Отъ художника сосудъ переходитъ къ рѣщику, который врѣзаетъ данный рисунокъ въ металлъ и затираетъ его чернымъ порошкомъ. Послѣ этого вещь поступаетъ къ проволочнику, на долю котораго выпадаетъ самая кропотливая часть работы. Для этой послѣдней предварительно тянется изъ мѣди (иногда изъ золота) длинная плоская проволока - тесьма, въ родѣ нашей канители, только тверже, толще и нѣсколько шире. Сообразуясь съ рисункомъ врѣзаннымъ въ наружныя стѣнки сосуда, проволочникъ приспособляетъ къ каждой частицѣ контура кусочекъ проволоки, придавая этому кусочку, посредствомъ шильца и щипчиковъ, соотвѣтственную форму и вкрапливаетъ его ребромъ въ желобокъ контура такимъ образомъ чтобъ онъ плотно прилегалъ къ сосѣднему кусочку и держался въ желобкѣ совершено прямо, ровно и прочно. Понятно, какого глазомѣра, точности и кропотливости требуетъ эта работа, по окончаніи которой рисунокъ является уже какъ бы сдѣланнымъ изъ проволоки и рельефируетъ надъ плоскостью сосуда, смотря по размѣрамъ онаго, отъ одной до двухъ десятыхъ сантиметра. Послѣ этого, поверхность сосуда покрывается у Японцевъ какимъ-то красноватымъ, а у Китайцевъ серебрянымъ порошкомъ и обжигается, дабы проволочная тесьма прочнѣе прилаялась къ стѣнкамъ желобковъ. По окончаніи этой послѣдней процедуры, сосудъ уже готовъ для эмальировки и поступаетъ въ новыя руки, къ эмальеру. Эмаль приготовляется здѣсь

* Изъ дощечекъ иногда составляютъ коробки, шкатулки и т. п., а иногда онѣ идутъ на украшеніе разныхъ деревянныхъ подѣлокъ, драгоцѣнныхъ шкафчиковъ, шифоньеровъ и столиковъ.

же, на мѣстѣ, посредствомъ разныхъ химическихъ соединеній подвергаемыхъ дѣйствію огня, послѣ чего разноцвѣтные сплавы толкутся, перетираются въ мельчайшій порошокъ, приводятся въ жидкое состояніе и обращаются въ краски. Весь процессъ производства эмали происходитъ при помощи самыхъ нехитрыхъ, почти первобытныхъ приспособленій. Когда краски готовы, сосудъ утверждаютъ въ горизонтальномъ положеніи на особаго рода верстакѣ, гдѣ онъ имѣетъ свободное вращательное вокругъ своей оси движеніе, которое, по мѣрѣ надобности, можетъ быть придано ему мастеромъ. Этотъ послѣдній, имѣя предъ глазами акварельный проектъ, заполняетъ проволочныя перегородки рисунка жидкою эмалью соотвѣтственныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; эмаль вскорѣ застываетъ и плотнѣетъ, и тогда, не боясь уже что она вытечетъ изъ своихъ полостей, мастеръ поворачиваетъ насколько ему нужно горизонтальную ось верстака, на которой укрѣпленъ сосудъ, и продолжаетъ свою работу при помощи обыкновенной колонковой кисточки, употребляемой для рисованія акварелью. Когда сосудъ уже весь пройденъ эмалью, его оставляютъ сутокъ на двое, иногда и больше, безъ дальнѣйшей обдѣлки, чтобы дать окончательно отлотнѣть всей эмалевой массѣ. Послѣдній процессъ которому подвергается эмальированный сосудъ — это шлифовка, производимая довольно примитивнымъ способомъ: сосудъ просто кладутъ въ корыто наполненное водой и начинаютъ тереть его пензой, потомъ какимъ-то другимъ камнемъ,—кажется, агатомъ,—но въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ разнообразной шлифовки, выходитъ такая чистенькая, гладкая какъ стекло, сіяющая прелестная вещица что глядя на нее остается только восхищаться.

Фалаевыя издѣлія довольно разнообразны, начиная отъ большихъ вазъ двухаршинной величины до маленькихъ заломокъ. Тутъ вы встрѣтите и громадныя блюда съ изображеніемъ цвѣтовъ или священныхъ журавлей по голубому фону,* и бутылки на подобіе тыквы, и графины разнообразныхъ формъ, стаканы, чары и бокалы, блюдца, тарелки, чайные сервизы, пепельницы, шкатулки, словомъ, всевозможные предметы домашней утвари и убранства; но болѣе всего, разумѣется, найдется вазъ и вазочекъ для цвѣтовъ, буketовъ или

* Хорошая голубая эмаль ровнаго тона очень цѣнится.

лодъ лампы, и все это можно пріобрѣсть за очень невысокую цѣну. Такъ напримѣръ, за большую вазу около двухъ аршинъ вышины и три четверти аршина въ діаметрѣ, къ которой прицѣпился одинъ изъ нашихъ спутниковъ, на фабрикѣ по первому слову запросили только полтораста іенъ (на наши деньги, менѣе двухсотъ бумажныхъ рублей), а еслибы начать торговаться, то навѣрное іенъ двадцать еще уступили бы. По-европейски просто не понимаешь изъ-за чего эти люди трудятся! Нагойе своими фаянсовыми издѣліями конкуррируетъ съ фабриками Осака (черная эмаль) и въ особенности Кіото, которыя раздѣляютъ съ нимъ въ этомъ отношеніи свою славу. Лучшія издѣлія нагойскихъ, осакскихъ и кіотскихъ фабрикъ находятся на большой всеяпонской выставкѣ въ Токіо.

Покончивъ съ осмотромъ ремесленныхъ заведеній, путеводители наши повезли насъ осматривать знаменитый въ Японіи храмъ Сигаси-Хонгандзи, находящійся при буддійскомъ монастырѣ того же имени; но я описывать его не стану, такъ какъ читатель уже имѣетъ о немъ общее понятіе изъ прежнихъ моихъ описаній подобныхъ монастырей и храмовъ. Скажу развѣ нѣсколько словъ объ оригинальномъ орнаментѣ главныхъ „священныхъ“ воротъ, ведущихъ изъ перваго двора во второй, внутренній. Орнаментъ карнизовъ и рисунокъ боковыхъ рѣшетчатыхъ стѣнъ этихъ воротъ и ихъ часовень представляютъ ряды ажурно вырѣзанныхъ круглыхъ медальоновъ, въ серединѣ коихъ вставлены равноконечные кресты совершенно такой же формы какая нерѣдко встрѣчается на византійскихъ мозаикахъ и памятникахъ первыхъ вѣковъ христіанства или, ложалуй, чтобъ уяснить вамъ еще нагляднѣе,—какая дана была нашимъ олодченскимъ крестамъ, сохранившимся и доселѣ на шапкахъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Здѣсь эти кресты, разумѣется, не имѣютъ того религіознаго значенія какъ у христіанъ, но замѣчательно что на многихъ индусскихъ храмахъ и памятникахъ, сохранившихся отъ временъ глубочайшей древности, какъ передавали мнѣ самовидцы, встрѣчается иногда точно такой же орнаментъ: безъ сомнѣнія, онъ занесенъ въ Японію изъ Индіи черезъ Китай, вмѣстѣ съ буддизмомъ, какъ и тотъ древнѣйшій орнаментъ что̀ извѣстенъ въ искусствѣ подъ именемъ *меандры*, или подъ болѣе вульгарнымъ названіемъ *à la grecque*, или какъ тѣ ручки и ножки въ видѣ слоновыхъ

головъ съ хоботами, что̀ встрѣчаются на нѣкоторыхъ древнихъ бронзовыхъ вазахъ и священныхъ ѳиміамницахъ Китая и Японіи.

Послѣ осмотра монастыря насъ повезли въ музей, называемый *Аичи-Хаку-Буцуканъ*, гдѣ кстати предстояло намъ и пообѣдать. Музей съ принадлежащими къ нему постройками и садомъ занимаетъ довольно обширный кварталъ. Широкій проѣздъ, обсаженный деревцами и обставленный фонарными столбами довольно изящнаго рисунка, ведетъ мимо широкихъ газоновъ къ подъѣзду главнаго зданія. На газонахъ разбиты отдѣльныя клумбы и грядки ботаническаго сада, который пока еще въ зародышѣ и поддерживается въ большомъ порядкѣ. Каждая группа растеній, преимущественно лѣкарственнаго или фабрично-промышленнаго свойства, занимаетъ отдѣльную клумбу, при которой на тычинкѣ воткнута деревяшка съ обозначеніемъ названія растенія на языкахъ латинскомъ, англійскомъ и японскомъ. Позади главнаго зданія разбитъ японскій садъ съ горками, скалами, озерками и мостиками. Здѣсь построены двѣ сельскія хижины мѣстнаго типа, снабженныя всѣми орудіями и принадлежностями сельскаго домашняго быта, а садъ наполненъ деревцами и растеніями исключительно свойственными Оварійской провинціи.

Насъ попросили наверхъ, въ пріемную. Это была небольшая комната, окруженная наружною галлереей, въ видѣ сплошнаго балкона облегающаго ее съ трехъ сторонъ. Въ пріемной, равно какъ и на этой галлерейкѣ построенной изъ желтой акаціи, первое что̀ не можетъ не кидаться въ глаза— это изумительная чистота и изящество въ соединеніи съ полною простотой отдѣлки. Вся внутренняя отдѣлка исполнена здѣсь изъ теса, безъ красокъ и лака. Лѣвый уголъ комнаты представляетъ какъ бы особое отдѣленіе, величиной въ квадратную сажень. Эта площадка приподнята на одну ступень надъ уровнемъ пола и ограждена по угламъ четырьмя деревянными четырехгранными колонками, соединенными вверху, у потолка, рѣзными планками, въ видѣ карниза. Это альковъ предназначенный для отдохновенія Микадо, который дѣйствительно отдыхалъ въ немъ во время своего пріѣзда въ Нагойе. Альковъ съ двухъ открытыхъ сторонъ завѣшивается деревянными шторами, собранными изъ тончайшихъ бамбуковыхъ спицъ и украшенными шелковыми

шнурами и кистями лилового цвѣта, который, въ соединеніи съ плашевымъ цвѣтомъ теса, производитъ на глазъ очень пріятное впечатлѣніе. Одна изъ наружныхъ стѣнокъ алькова выходитъ на галлерейку въ видѣ небольшаго фонарика, и на ея верхней планкѣ, замѣняющей карнизъ, сдѣланы въ сплошную прорѣзь контуры летящихъ голубей. Чтобы болѣе пояснить какъ это сдѣлано, я попрошу васъ представить себѣ черные сплошь силуэты хотя бы тѣхъ же голубей нарисованные на бѣломъ картонѣ; вырѣжьте все черное прочь, и вы получите листъ картона съ тѣми же, но уже сквозными силуэтами. То же самое сдѣлано въ деревѣ, и выходитъ очень оригинально и изящно. Подлѣ алькова устроена ниша, и въ ней вдѣланы въ стѣну очень затѣйливыя этажерки съ раздвижными створками, украшенными очень тонкою акварельною живописью. Надъ входомъ въ пріемную со внутренней стороны прибита, въ нѣсколько наклонномъ положеніи, продолговатая рама, и въ ней, подъ стекломъ, вложенъ большой листъ бумаги, украшенный бойкою каллиграфическою надписью на золотомъ фонѣ, смыслъ которой—какой-то привѣтственный стихъ или изреченіе. Сѣверная и южная стѣны этого лавильйона выведены изъ кирпича и покрыты дорогимъ цементомъ, жемчужно-сѣроватаго цвѣта съ легкою блесткой, а восточная и западная составлены изъ раздвижныхъ рѣшетчатыхъ рамъ въ прямую клѣтку, затянутыхъ протекучною бѣлою бумагой.

Дѣло и здѣсь, разумѣется, не обошлось безъ отдохновенія, куренія и чаепитія, а между тѣмъ солнце должно было уже скоро садиться. Со всей окрестности, изъ ближнихъ и дальнихъ бонзерій, молелень и храмовъ — отовсюду неслись въ воздухѣ смѣшанные звуки большихъ и маленькихъ колоколовъ, призывавшихъ своимъ мѣрнымъ, протяжнымъ звономъ къ вечернему богослуженію. Надо было торопиться осмотрѣть музей пока нестемнѣетъ, и потому мы попросили нельзя ли приступить къ осмотру немедленно. Директоръ музея, встрѣтившій насъ еще въ минуту нашего прибытія, тотчасъ же согласился на это съ величайшею готовностію: видно, этикетъ-то этотъ насчетъ отдохновеній и чаепитій и самому ему казался скучною церемоніей, а у насъ отъ невольнаго злоупотребленія зеленымъ чаемъ давно уже словно колъ торчалъ въ горлѣ, и мы были рады-радехоньки хоть на сей разъ отъ него отдѣлаться.

Директоръ счелъ нужнымъ предварить насъ что такъ-какъ музей учрежденіе еще новое и даже, можно сказать, новѣйшее, то онъ далеко еще не устроенъ должнымъ образомъ во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, отдѣлы археологическій, историческій и изящныхъ искусствъ совсѣмъ еще не расположены въ должномъ порядкѣ, и вещи ихъ находятся пока въ общемъ складѣ; за то отдѣлы естественно-историческій, сельско-хозяйственный, промышленный и мануфактурный могутъ дать намъ довольно полное понятіе объ естественной и культурной производительности Оварійской провинціи.

Мы спустились внизъ, во дворъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись четыре каменные барака, предназначенные подъ помѣщеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ, и по приглашенію директора, вошли въ баракъ или залу № 1. Здѣсь вся длинная стѣна налѣво была сплошь занята собраніемъ мѣстной флоры. Растенія разобраны, высушены и демонстрированы образцовымъ образомъ не только въ научномъ, но и въ художественномъ отношеніи, потому что въ положеніи каждаго изъ нихъ соблюдены условія краснваго рисунка; всѣ они выставлены въ рамкахъ подъ стекломъ, строго классифицированы и снабжены подробными объясненіями ихъ естественныхъ свойствъ, съ указаніемъ мѣстностей гдѣ наиболѣе водятся и гдѣ собраны. Вся флора Оварійской провинціи сполна имѣетъ здѣсь своихъ представителей. Въ витринахъ занимающихъ середину залы собраны представители мѣстной фауны. Здѣсь помѣщены чучелы звѣрей, птицъ и рыбъ, коллекціи насѣкомыхъ во всѣхъ фазахъ ихъ послѣдовательнаго развитія, земноводныя въ спиртѣ и въ засушенномъ состояніи, мѣстныя раковины и кораллы. Затѣмъ идетъ отдѣлъ сѣменъ, плодовъ и орѣховъ. Плоды консервированы замѣчательно искуснымъ образомъ, равно какъ и грибы, заключенные съ губчатыми наростами въ особую витрину. Далѣе идетъ отдѣлъ мѣстныхъ минераловъ и образцы мѣдныхъ рудъ которыми въ особенности богата провинція Овари. Тутъ же помѣщены куріозные экземпляры ископаемыхъ животнаго царства, окаменѣлости, лесчаники съ оттисками краббовъ, рыбъ, растеній и т. п. Рядомъ—отдѣлъ шелководства во всѣхъ его подробностяхъ; отдѣлъ культурныхъ сѣменъ: рисъ, пшеница, ячмень, просо и т. д. Отдѣлъ табаководства во всѣхъ подробностяхъ культуры этого рода, а также и фабрикаты онаго. Затѣмъ идутъ

морскіе питательные продукты въ сушеномъ видѣ: капуста, треланчи, устрицы, каракатицы, морской клей, замѣняющій такъ-называемыя ласточкины гнѣзда и т. д. Затѣмъ — садоводство и огородничество, съ отлично консервированными образцами плодовъ и овощей, между коими въ особенности замѣчательна рѣдька, бѣлый корень который достигаетъ до полутора аршина длины и трехъ съ половиной вершковъ въ поперечникѣ, а рѣдька, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ улотребительныхъ овощей въ японскомъ простонародьи. Далѣе — отдѣлъ хлопчатобумажной культуры и производства, съ сѣменами всѣхъ мѣстныхъ сортовъ и ватой въ сыромъ и обработанномъ видѣ. Здѣсь въ особенности обращаетъ на себя вниманіе особый видъ ваты рыжаго цвѣта, на ощупь очень похожій на овечью волну. Затѣмъ идетъ отдѣлъ лыковаго производства: рогожи, обувь, плетенья, разныя мелкія поделки и проч. Далѣе восковое дерево и его продукты: восковая масса и свѣчи; засимъ—образцы сорока семи различныхъ мѣстныхъ сортовъ строеваго и столярнаго дерева, въ обрубкахъ, доскахъ и полированныхъ пластинкахъ, и наконецъ, полная коллекція мѣстныхъ земледѣльческихъ орудій и образцы почвы.

Второй баракъ или зала № 2й посвящены домоводству и мануфактурнымъ издѣліямъ. Здѣсь собраны образцы мѣстной деревянной утвари и гончарнаго производства, кровельныя кафли и гонтъ, мѣстный фаянсъ и фарфоръ извѣстной фабрики Иноями и другихъ, бронза и фальшь и въ pendant къ нимъ—цѣлый отдѣлъ образцовъ европейской индустріальной скульптуры (статуэтки, спичечницы и т. п. изъ фарфора, бисквиты и алебастра), коллекція французскаго, англійскаго и нѣмецкаго столоваго и сервизнаго фарфора, хрусталя и мельхіора, а также и европейскія поддѣлки подъ японскій стиль, въ особенности подъ знаменитыя произведенія фарфоровой фабрики Имари. Затѣмъ въ этомъ же бараке слѣдуютъ: отдѣлъ цѣновочнаго производства и плетеныхъ произведеній изъ бамбука, токарное, лаковое и столярное производства; въ числѣ образцовъ послѣдняго замѣчательны вещи съ художественно исполненными инкрустаціями изъ разноцвѣтнаго дерева. Далѣе, писчебумажное производство, вѣера и письменныя принадлежности, шелковыя и бумажныя матеріи и бумажно-газовыя плетенья и вязанья въ родѣ шарфовъ, шалей, платковъ и т. п.; наконецъ красильныя вещества.

[illegible] сохраняется въ значительномъ [illegible] предметъ [illegible] къ которой относится [illegible] мастерамъ [illegible] чтобы [illegible] [illegible] [illegible] для Европейцевъ [illegible] крайне рѣдкихъ гостей [illegible] съ особаго [illegible] [illegible] музей Аино-Хаку-Буцукванъ. Это от- [illegible] для своего собственнаго народа, для обитателей [illegible] и [illegible] провинціи, и [illegible] потому что въ такомъ учрежденіи явилась обще-сознанная народная потребность, удовлетворить которой и взяло на себя прави-тельство. Намъ сказывали что въ тѣ дни когда музей от-крытъ, въ немъ постоянно толпятся посѣтители, въ числѣ которыхъ по крайней мѣрѣ на половину насчитываютъ про-стыхъ [illegible] не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ провинціи. Ходятъ они сюда, тутъ разсматриваютъ, сравниваютъ и заимствуются раз-ными улучшеніями и приспособленіями для своихъ собствен-ныхъ промысловыхъ производствъ и домашняго обихода. Словомъ сказать, музей этотъ не праздная административная затѣя, не мертворожденное дѣло и вовсе не составляетъ со-бою какого-либо особаго исключенія: подобные же музеи, какъ намъ сказывали, частію уже существуютъ, а частію еще заводятся во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ и про-мышленныхъ городахъ Японіи.

По окончаніи осмотра музея, вице-губернаторъ, г. Номура, пригласилъ насъ перейти въ нижнюю залу главнаго корпуса, гдѣ уже былъ готовъ обѣденный столъ. Здѣсь предполагается размѣстить археологическій отдѣлъ, но пока въ углу стоитъ только одинъ бронзовый колоколъ, случайно вырытый изъ земли гдѣ-то въ окрестностяхъ. Онъ носитъ на себѣ буддій-скій характеръ и покрытъ рельефными узорами и фигурами, но до того уже старъ и проѣденъ зеленою ярью что подроб-

ности его рисунковъ во многихъ мѣстахъ какъ кора слились въ неопредѣленную массу.

Обѣденный столъ былъ накрытъ по-европейски, для чего устроителямъ пришлось позаимствоваться изъ „Гостиницы Прогресса“ посудой, стекломъ и прочими принадлежностями, до коленкоровыхъ салфетокъ и скатерти включительно, ибо кромѣ „Прогресса“, во всемъ Нагойе сихъ принадлежностей не имѣется. На столѣ красовались большія фарфоровыя вазы съ цвѣтами. И еще особенность: между каждыми двумя стульями было поставлено на полъ по табурету съ бронзовымъ хибачемъ, наполненнымъ тлѣющими угольями, — это для того чтобъ обѣдающимъ удобнѣе было грѣть себѣ руки и закуривать табакъ, да и вообще нѣсколько хибачей нагрѣвали всю эту комнату даже съ нѣкоторымъ избыткомъ, что̀ въ особенности почувствовалось во второй половинѣ обѣда, когда стало просто жарко.

Наступила та почти неизбѣжная на каждомъ званомъ обѣдѣ минута когда, казалось бы, все уже готово, только садись за столъ, но хозяева какъ будто маются и ожидаютъ еще чего-то прежде чѣмъ взяться за спинку стула и сдѣлать гостямъ послѣднее приглашеніе. Гости обыкновенно въ это время съ тоскливо-любезными улыбками переминаются съ ноги на ногу. Переминались и мы, волнуясь во глубинѣ души „скоро ли?“—какъ вдругъ изъ какихъ-то внутреннихъ раздвижныхъ дверей неожиданно появилось нѣсколько Японцевъ въ черныхъ и сѣрыхъ шелковыхъ кимоно̀хъ. Выступая другъ за другомъ, въ родѣ извѣстныхъ „conspirateurs“ въ опереткѣ Лекока, они неторопливо, совершенно неслышною, но солидно-мѣрною поступью приблизились къ адмиралу, молча поклонились ему въ поясъ, уперевъ ладони въ свои коленки и съ легкимъ шипомъ потянувъ въ себя воздухъ, отчего получился придыхательный звукъ *хи-е*, и затѣмъ молча подали ему свои визитныя карточки. Оказалось что это приглашенные на обѣдъ почетные горожане, въ числѣ которыхъ были и хозяева ремесленныхъ заведеній посѣщенныхъ нами давеча утромъ. Нѣсколько приглашенныхъ чиновниковъ въ черныхъ сюртукахъ находились тутъ еще раньше нашего прибытія и почтительно окружили, нѣсколько сзади, своего принципала вице-губернатора.

Наконецъ г. Номура пригласилъ насъ садиться и занялъ самъ хозяйское мѣсто, посадивъ по правую руку отъ себя

адмирала, а по лѣвую А. П. Новосильскаго. Разговоры происходили чрезъ переводчиковъ, которые поэтому и сѣли рядомъ съ почетными гостями. Такое „вольнодумство“ въ Японіи надо считать большимъ прогрессомъ, такъ какъ въ прежнія, относительно весьма еще недавнія времена переводчики, почитаемые въ служебной іерархіи за чиновъ очень мелкихъ не смѣли пребывать въ присутствіи старшихъ чиновъ иначе какъ распростершись на колѣнахъ ницъ и уткнувшись носомъ въ землю. Такъ ихъ описываетъ и И. А. Гончаровъ въ своей книгѣ *Фрегатъ Паллада*.

Едва прислужники и прислужницы изъ „Гостиницы Прогресса“ успѣли обнести бульйонъ съ пирожками, причемъ, разумѣется, съ непривычки не обошлось безъ купанія пальцевъ, какъ въ залу вошли гуськомъ, одна вслѣдъ за другой, около дюжины прелестныхъ молоденькихъ дѣвушекъ, въ нарядныхъ яркихъ кимонахъ изъ шелковаго газа, съ золотыми пришивками на груди и съ лышными бантами широкихъ поясовъ (*оби*), завязанныхъ сзади очень высоко, почти подъ самыми лопатками. Это, какъ намъ объяснили, спеціальная мода и отличительный признакъ нагойскаго дѣвичьяго костюма, такъ что надѣть такимъ образомъ *оби* значитъ надѣть его *по-нагойски*. Дѣвушки, какъ-то склонясь въ сторону, немножко набокъ, отдали общій, весьма граціозный поклонъ, отчасти похожій на европейскій реверансъ, и разошлись вокругъ стола съ такимъ разчетомъ что между каждыми двумя гостями очутилось по одной дѣвушкѣ. Это были *гейсы* или *гейки*, профессіональныя артистки, пѣвицы и танцовщицы, назначеніе которыхъ—услаждать своими искусствами вечернія досуги чиновныхъ и зажиточныхъ Японцевъ, а также и „золотой“ японской молодежи. *

---

* Но не думайте чтобы въ этомъ было что-нибудь зазорное. Я говорилъ уже что въ гейки нерѣдко идутъ дѣвушки очень почтенныхъ мѣщанскихъ семействъ желающихъ дать имъ свѣтское образованіе и доскъ. Въ большихъ городахъ, какъ Кіото, Токіо и въ нѣкоторыхъ другихъ, при аристократическихъ чайныхъ домахъ существуютъ иногда цѣлые пансіоны, куда недостаточные родители отдаютъ маленькихъ дѣвочекъ, начиная съ восьми и девятилѣтняго возраста; тамъ, подъ надзоромъ особыхъ гувернантокъ и учительницъ, нерѣдко очень почтеннаго возраста, этимъ дѣтямъ преподаются *гирякана*, особая система азбуки и скорописи, составляющая спеціальную принадлежность женскаго образованія, затѣмъ—отечественная много-

Размѣстясь между нашими стульями, около хибачей, наши гейки приняли на себя роль Гебъ и очень усердно подливали намъ въ стаканы. Чуть отвернешься или перекинешься съ кѣмъ-нибудь словомъ, глядь — стаканъ уже дополненъ доверху, и гейка съ лукаво-кокетливою улыбкой подноситъ его вамъ, приговаривая своимъ пѣвуче свѣжимъ голоскомъ: „Дозо

логія и исторія, литература и поэзія вмѣстѣ съ „языкомъ цвѣтовъ" и иною символикой, а главнѣйшимъ образомъ—изящныя искусства: рисованіе и вышиваніе по шелку и по кисеѣ, танцы состоящіе изъ пластически красивыхъ позъ, условной игры вѣеромъ, мимики и классическихъ балетныхъ па, батмановъ и прочей хореографической премудрости; музыка, то-есть умѣніе играть на *самсинѣ* (японская гитара), *гото* (родъ гуслей или цимбалъ), *кокіу* (родъ віолончели со смычкомъ), *бива* (родъ мандолины или торбана) и на разнообразныхъ барабанахъ; наконецъ—пѣніе, въ предметъ котораго входятъ историческія и героическія баллады, нѣжные романсы и юмористическія пѣсенки, сопровождаемыя по большей части соотвѣтствующимъ танцемъ и мимическою игрой. Ученицы, смотря по своимъ наклонностямъ и способностямъ, въ послѣдствіи избираютъ себѣ одно изъ этихъ искусствъ какъ спеціальность и стараются въ немъ усовершенствоваться. Вмѣстѣ съ этимъ въ чайныхъ школахъ усвоивается навыкомъ изящество манеръ, грація движеній и умѣніе поддерживать свѣтскіе разговоры. Японскія гейки по преимуществу славятся своимъ остроуміемъ,—это, такъ-сказать, Француженки крайняго Востока. Но кромѣ подобныхъ чайныхъ школъ высшаго разбора, существуютъ еще особыя учительницы, изъ бывшихъ же воспитанницъ этихъ самыхъ школъ. Иногда онѣ принимаютъ дѣвочекъ на воспитаніе къ себѣ на домъ, а чаще всего сами, за извѣстную плату, ходятъ въ семейные дома и преподаютъ тамъ дочерямъ-подросткамъ всѣ свои знанія и искусства. Дѣвушки этихъ послѣднихъ семействъ, разумѣется, не поступаютъ въ профессіональныя гейки: онѣ хранятъ свои знанія про себя, и нерѣдко, когда въ домашнемъ кругу соберутся гости, выступаютъ предъ ними съ самсиномъ и вѣеромъ, занимая дружескій кружокъ мимическими танцами и пѣніемъ; какой-нибудь молодой человѣкъ въ это время плѣняется молодою искусницей и—глядь—черезъ нѣсколько времени обоюдная судьба ихъ, къ общему удовольствію, разрѣшается законнымъ бракомъ. Впрочемъ и профессіональныя гейки въ большинствѣ своемъ далеко не принадлежатъ къ числу особъ легко доступныхъ. Прежде чѣмъ подарить своею благосклонностію, гейка любитъ всласть помучить человѣка, какъ московская Цыганка былыхъ временъ, влюбить его въ себя, заставить ухаживать за собой, и когда влюбленный, повидимому, готовъ уже на всякія глупости, предъ нимъ нерѣдко поставляется

анатà!.. Дозо!“ *. А сколько было потрачено ими болтовни похожей на птичье щебетанье, и болтовни, судя по тону и улыбкамъ, вѣроятно очень любезной, очень занимательной, очень остроумной, но—увы!—все сіе потрачено было втунѣ, ибо мы по-японски понимаемъ мало, а обращаться за всякимъ словомъ къ переводчику и долго, и скучно. Но помимо языка, остается понятенъ взглядъ, интонація, мина, жестъ, благодаря чему мы не только кое-что понимали, но даже и болтали съ гейками: онѣ по-японски, мы по-русски, онѣ смѣялись, мы тоже, и выходило это превесело. Спросилъ ихъ кто-то: какъ онѣ полагаютъ, кто мы такіе, какой націи?— „О, безъ сомнѣнія, Китайцы!“ отвѣчала бойкая дѣвушка, желая этимъ сдѣлать наибольшій комплиментъ варварамъ-иностранцамъ. Вотъ когда воочію оправдалось сказанное намъ еще въ Йокогамѣ что Нагойе славится красивыми женщинами и щеголяетъ искусными гейками. Въ самомъ дѣлѣ, эти дѣвушки вполнѣ прелестны и даже изящны. Въ особенности выдавалась между ними одна, лѣтъ пятнадцати, обладавшая длинными бархатными рѣсницами, маленькимъ горбатымъ носикомъ и маленькими, словно вишеньки, пунсовыми губками. Ея глубокій томный взглядъ, ея нѣжная бѣлая кожа, и эта

вдругъ самымъ деликатнымъ образомъ крутая диллема: либо сочетайся законнымъ бракомъ, либо ищи себѣ утѣшенія въ другомъ мѣстѣ. Но если гейка влюбится сама, она въ большей части случаевъ очертя голову приноситъ въ жертву своему чувству, все, не заботясь о послѣдствіяхъ, тѣмъ болѣе что по японскимъ взглядамъ, увлеченіе и не ставится въ особый грѣхъ дѣвушкѣ, пока она свободна располагать своею судьбой, то-есть пока не связана съ кѣмъ-нибудь обѣщаніемъ замужества. Но если гейка и увлеклась однажды до серіознаго шага, то это вовсе еще не значитъ что, разочаровавшись рано или поздно въ предметѣ своего увлеченія, она тѣмъ самымъ открываетъ себѣ на будущее время широкую дорогу для дальнѣйшихъ увлеченій легкаго свойства; вовсе нѣтъ: гейки, какъ и московскія Цыганки, любятъ что называется „соблюдать себя“, въ этомъ ихъ престижъ, ихъ магнитная сила. Вообще, онѣ не легко сдаются на предложенія своихъ поклонниковъ. Есть, конечно, исключенія, какъ вездѣ и во всемъ, но большинство ихъ, при всей развязности языка и жеста, неизбѣжной въ вечернихъ собраніяхъ чайныхъ домовъ, держитъ себя очень осторожно. Такъ-то въ мірѣ геекъ бываетъ обманчива наружность, и съ новичками-Европейцами, а въ особенности съ Англичанами, выходятъ иногда изъ-за этого *презабавныя* исторіи.

* Прошу покорно, пожалуста!

лышная прическа изъ *своихъ* волосъ, съ живыми цвѣтами и блестками, и этотъ прозрачно-легкій креловый кимоно, расшитый шелками и золотомъ, гибкая продолговатая шейка, маленькая, изящно выточенная ручка, маленькая ножка,—все это дѣлало ее похожею на прелестную фарфоровую куколку очень тонкой, изящной работы. Есть однако у всѣхъ у нихъ одна маленькая привычка, съ европейской точки зрѣнія не совсѣмъ-то красивая: каждая изъ нихъ, нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и шморгнетъ въ себя носикомъ, вмѣсто того чтобы высморкаться. Впрочемъ, эту привычку замѣчали мы безразлично у всѣхъ Японцевъ и Японокъ, и—что же дѣлать!—къ такимъ маленькимъ недостаткамъ можно быть лока снисходительнымъ.

Въ концѣ обѣда.... Кстати, что сказать объ обѣдѣ? Скажу одно: всѣ его блюда по своему характеру, составу и вкусу оказались намъ очень знакомы. Оно и не мудрено, такъ какъ готовить обѣдъ былъ приглашенъ распорядителями адмиральскій поваръ Японецъ Ѳедоръ, а Ѳедоръ поваръ очень хорошій. Тайну сію онъ и повѣдалъ намъ въ тотъ же вечеръ... Итакъ, въ концѣ обѣда замѣтили мы сквозь бумажную оклейку рѣшетчатой стѣны, выходившей во дворъ музея, что тамъ, за стѣной, все вдругъ освѣтилось краснымъ заревомъ. „Ужь не пожаръ ли?“ подумалось намъ, тѣмъ болѣе что пожары въ японскихъ городахъ такъ часты; но не успѣли мы передать свои тревожныя сомнѣнія нашему переводчику, какъ рамы составлявшія эту стѣну моментально раздвинулись въ обѣ стороны, и намъ осталось только ахнуть отъ неожиданнаго сюрприза. За стѣною находилась еще довольно широкая наружная галлерея; она вся была освѣщена теперь рядами луковыхъ фонарей-балоновъ, а полъ ея затянули сплошнымъ ковромъ. Къ счастію, въ это время погода совсѣмъ перемѣнилась, вѣтеръ улалъ, и воздухъ сталъ мягокъ. Звѣздное синее небо и пальмы-латаніи, посаженныя во дворѣ около галлереи, составили фонъ и декораціи этой импровизованной театральной сцены.

Вдругъ раздались звуки самсиновъ, бивы и тамъ-тама, и наши гейки, которыя успѣли какъ-то незамѣтно выскользнуть предъ тѣмъ изъ столовой, вдругъ показались въ одномъ концѣ освѣщенной галлереи. Вооруженныя вѣерами, онѣ плавно выступали одна вслѣдъ за другою, въ тактъ своей музыки, выдѣлывая легкія *па* и медленно, но свободно и граціозно откидывая руки то въ правую, то въ лѣвую сторону, въ томъ *того какъ это дѣлается* въ „лезгинкѣ“. Выстроясь въ рядъ,

адмирала, а по лѣвую А. П. Новосильскаго. Разговоры происходили чрезъ переводчиковъ, которые поэтому и сѣли рядомъ съ почетными гостями. Такое „польщеніе“ въ Японіи надо считать большимъ прогрессомъ, такъ какъ въ прежнія, относительно весьма еще недавнія времена переводчики, почитаемые въ служебной іерархіи за чиновъ очень мелкихъ, не смѣли пребывать въ присутствіи старшихъ чиновъ иначе какъ распростершись на колѣнахъ ницъ и уткнувшись носомъ въ землю. Такъ ихъ описываетъ и И. А. Гончаровъ въ своей книгѣ *Фрегатъ Паллада*.

Едва прислужники и прислужницы изъ „Гостиницы Прогресса“ успѣли обнести бульйонъ съ пирожками, причемъ, разумѣется, съ непривычки не обошлось безъ купанія пальцевъ, какъ въ залу вошли гуськомъ, одна вслѣдъ за другой, около дюжины прелестныхъ молоденькихъ дѣвушекъ, въ нарядныхъ яркихъ кимонахъ изъ шелковаго газа, съ золотыми пряжками на груди и съ пышными бантами широкихъ поясовъ (*оби*), завязанныхъ сзади очень высоко, почти подъ самыми лопатками. Это, какъ намъ объяснили, спеціальная мода и отличительный признакъ нагойскаго дѣвичьяго костюма, такъ что надѣть такимъ образомъ *оби* значитъ надѣть его *по-нагойски*. Дѣвушки, какъ-то склонясь въ сторону, немножко набокъ, отдали общій, весьма граціозный поклонъ, отчасти похожій на европейскій реверансъ, и разошлись вокругъ стола съ такимъ разчетомъ что между каждыми двумя гостями очутилось по одной дѣвушкѣ. Это были *гейсы* или *гейки*, профессіональныя артистки, пѣвицы и танцовщицы, назначеніе которыхъ—услаждать своими искусствами вечерніе досуги чиновныхъ и зажиточныхъ Японцевъ, а также и „золотой“ японской молодежи. *

---

* Но не думайте чтобы въ этомъ было что-нибудь зазорное. Я говорилъ уже что въ гейки нерѣдко идутъ дѣвушки очень почтенныхъ мѣщанскихъ семействъ желающихъ дать имъ свѣтское образованіе и доскъ. Въ большихъ городахъ, какъ Кіото, Токіо и въ нѣкоторыхъ другихъ, при аристократическихъ чайныхъ домахъ существуютъ иногда цѣлые пансіоны, куда недостаточные родители отдаютъ маленькихъ дѣвочекъ, начиная съ восьми и девятилѣтняго возраста; тамъ, подъ надзоромъ особыхъ гувернантокъ и учительницъ, нерѣдко очень почтеннаго возраста, этимъ дѣтямъ преподаются *гиракана*, особая система азбуки и скорописи, составляющая спеціальную принадлежность женскаго образованія, затѣмъ—отечественная мисо-

Размѣстясь между нашими стульями, около хибачей, наши гейки приняли на себя роль Гебъ и очень усердно подливали намъ въ стаканы. Чуть отвернешься или перекинешься съ кѣмъ-нибудь словомъ, глядь — стаканъ уже дополненъ доверху, и гейка съ лукаво-кокетливою улыбкой подноситъ его вамъ, приговаривая своимъ лѣвуче свѣжимъ голоскомъ: „Дозо

логія и исторія, литература и поэзія вмѣстѣ съ „языкомъ цвѣтовъ“ и иною символикой, а главнѣйшимъ образомъ—изящныя искусства: рисованіе и вышиваніе по шелку и по кисеѣ, танцы состоящіе изъ пластически красивыхъ позъ, условной игры вѣеромъ, мимики и классическихъ балетныхъ па, батмановъ и прочей хореографической премудрости; музыка, то-есть умѣніе играть на *самсинѣ* (японская гитара), *гото* (родъ гуслей или цимбалъ), *кокіу* (родъ віолончели со смычкомъ), *бива* (родъ мандолины или торбана) и на разнообразныхъ барабанахъ; наконецъ—пѣніе, въ предметъ котораго входятъ историческія и героическія баллады, нѣжные романсы и юмористическія пѣсенки, сопровождаемыя по большей части соотвѣтствующимъ танцемъ и мимическою игрой. Ученицы, смотря по своимъ наклонностямъ и способностямъ, въ послѣдствіи избираютъ себѣ одно изъ этихъ искусствъ какъ спеціальность и стараются въ немъ усовершенствоваться. Вмѣстѣ съ этимъ въ чайныхъ школахъ усвоивается навыкомъ изящество манеръ, грація движеній и умѣніе поддерживать свѣтскіе разговоры. Японскія гейки по преимуществу славятся своимъ остроуміемъ,—это, такъ-сказать, Француженки крайняго Востока. Но кромѣ подобныхъ чайныхъ школъ высшаго разбора, существуютъ еще особыя учительницы, изъ бывшихъ же воспитанницъ этихъ самыхъ школъ. Иногда онѣ принимаютъ дѣвочекъ на воспитаніе къ себѣ на домъ, а чаще всего сами, за извѣстную плату, ходятъ въ семейные дома и преподаютъ тамъ дочерямъ-подросткамъ всѣ свои знанія и искусства. Дѣвушки этихъ послѣднихъ семействъ, разумѣется, не поступаютъ въ профессіональныя гейки: онѣ хранятъ свои знанія про себя, и нерѣдко, когда въ домашнемъ кругу соберутся гости, выступаютъ предъ ними съ самсикомъ и вѣеромъ, занимая дружескій кружокъ мимическими танцами и пѣніемъ; какой-нибудь молодой человѣкъ въ это время плѣняется молодою искусницей и—глядь—черезъ нѣсколько времени обоюдная судьба ихъ, къ общему удовольствію, разрѣшается законнымъ бракомъ. Впрочемъ и профессіональныя гейки въ большинствѣ своемъ далеко не принадлежатъ къ числу особъ легко доступныхъ. Прежде чѣмъ подарить своею благосклонностію, гейка любитъ всласть помучить человѣка, какъ московская Цыганка былыхъ временъ, влюбить его въ себя, заставить ухаживать за собой, и когда влюбленный, повидимому, готовъ уже на всякія глупости, предъ нимъ нерѣдко поставляется

анатà!.. Дозо!“ *. А сколько было потрачено ими болтовни похожей на птичье щебетанье, и болтовни, судя по тону и улыбкамъ, вѣроятно очень любезной, очень занимательной, очень остроумной, но—увы!—все сіе потрачено было втунѣ, ибо мы по-японски понимаемъ мало, а обращаться за всякимъ словомъ къ переводчику и долго, и скучно. Но помимо языка, остается понятенъ взглядъ, интонація, мина, жестъ, благодаря чему мы не только кое-что понимали, но даже и болтали съ гейками: онѣ по-японски, мы по-русски, онѣ смѣялись, мы тоже, и выходило это превесело. Спросилъ ихъ кто-то: какъ онѣ полагаютъ, кто мы такіе, какой націи?— „О, безъ сомнѣнія, Китайцы!“ отвѣчала бойкая дѣвушка, желая этимъ сдѣлать наибольшій комплиментъ варварамъ-иностранцамъ. Вотъ когда воочію оправдалось сказанное намъ еще въ Іокогамѣ что Нагойе славится красивыми женщинами и щеголяетъ искусными гейками. Въ самомъ дѣлѣ, эти дѣвушки вполнѣ прелестны и даже изящны. Въ особенности выдавалась между ними одна, лѣтъ пятнадцати, обладавшая длинными бархатными рѣсницами, маленькимъ горбатымъ носикомъ и маленькими, словно вишеньки, пунсовыми губками. Ея глубокій томный взглядъ, ея нѣжная бѣлая кожа, и эта

вдругъ самымъ деликатнымъ образомъ крутая диллема: либо сочетайся законнымъ бракомъ, либо ищи себѣ утѣшенія въ другомъ мѣстѣ. Но если гейка влюбится сама, она въ большей части случаевъ очертя голову приноситъ въ жертву своему чувству, все, не заботясь о послѣдствіяхъ, тѣмъ болѣе что по японскимъ взглядамъ, увлеченіе и не поставляется въ особый грѣхъ дѣвушкѣ, пока она свободна располагать своею судьбой, то-есть пока не связана съ кѣмъ-нибудь обѣщаніемъ замужества. Но если гейка и увлеклась однажды до серіознаго шага, то это вовсе еще не значитъ что, разочаровавшись рано или поздно въ предметѣ своего увлеченія, она тѣмъ самымъ открываетъ себѣ на будущее время широкую дорогу для дальнѣйшихъ увлеченій легкаго свойства; вовсе нѣтъ: гейки, какъ и московскія Цыганки, любятъ что называется „соблюдать себя“, въ этомъ ихъ престижъ, ихъ магнитная сила. Вообще, онѣ не легко сдаются на предложенія своихъ поклонниковъ. Есть, конечно, исключенія, какъ вездѣ и во всемъ, но большинство ихъ, при всей развязности языка и жестъ, неизбѣжной въ вечернихъ собраніяхъ чайныхъ домовъ, держитъ себя очень осторожно. Такъ-то въ мірѣ геекъ бываетъ обманчива наружность, и съ новичками-Европейцами, а въ особенности съ Англичанами, выходятъ иногда изъ-за этого презабавныя исторіи.

* Прошу покорно, пожалуста!

лышная прическа изъ *своихъ* волосъ, съ живыми цвѣтами и блестками, и этотъ прозрачно-легкій креловый кримонъ, расшитый шелками и золотомъ, гибкая продолговатая шейка, маленькая, изящно выточенная ручка, маленькая ножка,—все это дѣлало ее похожею на прелестную фарфоровую куколку очень тонкой, изящной работы. Есть однако у всѣхъ у нихъ одна маленькая привычка, съ европейской точки зрѣнія не совсѣмъ-то красивая: каждая изъ нихъ, нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и шморгаетъ въ себя носикомъ, вмѣсто того чтобы высморкаться. Впрочемъ, эту привычку замѣчали мы безразлично у всѣхъ Японцевъ и Японокъ, и—что же дѣлать!—къ такимъ маленькимъ недостаткамъ можно быть лока снисходительнымъ.

Въ концѣ обѣда.... Кстати, что сказать объ обѣдѣ? Скажу одно: всѣ его блюда по своему характеру, составу и вкусу оказались намъ очень знакомы. Оно и не мудрено, такъ какъ готовить обѣдъ былъ приглашенъ распорядителями адмиральскій поваръ Японецъ Ѳедоръ, а Ѳедоръ поваръ очень хорошій. Тайну сію онъ и повѣдалъ намъ въ тотъ же вечеръ... Итакъ, въ концѣ обѣда замѣтили мы сквозь бумажную оклейку рѣшетчатой стѣны, выходившей во дворъ музея, что тамъ, за стѣной, все вдругъ освѣтилось краснымъ заревомъ. „Ужь не пожаръ ли?“ подумалось намъ, тѣмъ болѣе что пожары въ японскихъ городахъ такъ часты; но не успѣли мы передать свои тревожныя сомнѣнія нашему переводчику, какъ рамы составлявшія эту стѣну моментально раздвинулись въ обѣ стороны, и намъ осталось только ахнуть отъ неожиданнаго сюрприза. За стѣною находилась еще довольно широкая наружная галлерея; она вся была освѣщена теперь рядами луковыхъ фонарей-баллоновъ, а полъ ея затянули сплошнымъ ковромъ. Къ счастію, въ это время погода совсѣмъ перемѣнилась, вѣтеръ улалъ, и воздухъ сталъ мягокъ. Звѣздное синее небо и пальмы-латаніи, посаженныя во дворѣ около галлереи, составили фонъ и декораціи этой импровизованной театральной сцены.

Вдругъ раздались звуки самисиновъ, бивы и тамъ-тама, и наши гейки, которыя успѣли какъ-то незамѣтно выскользнуть предъ тѣмъ изъ столовой, вдругъ показались въ одномъ концѣ освѣщенной галлереи. Вооруженныя вѣерами, онѣ плавно выступали одна вслѣдъ за другою, въ тактъ своей музыки, выдѣлывая легкія *па* и медленно, но свободно и граціозно откидывая руки то въ правую, то въ лѣвую сторону, въ родѣ того какъ это дѣлается въ „лезгинкѣ“. Выстроясь въ рядъ,

лицомъ къ зрителямъ, на срединѣ галлереи, онѣ отдали общій глубокій реверансъ, и стройно перегнувшись нѣсколько назадъ въ станѣ, съ запрокинутыми надъ головой руками, начали медлительно-плавный балетъ по всѣмъ правиламъ классическаго японскаго искусства. Танецъ сопровождался игрой на инструментахъ и пѣніемъ какой-то героической баллады. Музыканты и пѣвицы были одѣты въ болѣе темные цвѣта, и между ними не находилось ни одного артиста-мущины.

Что сказать вамъ о классическомъ японскомъ балетѣ? Онъ такъ же оригиналенъ какъ и все въ Японіи. Есть позы, движенія и группы исполненныя такой своеобразной красоты, такой изящной, плавной граціи, а иногда и драматизма, какимъ, безъ сомнѣнія, позавидовала бы любая европейская балерина и нашла бы чѣмъ позаимствоваться у японскихъ геекъ. Но въ то же время есть другія движенія и позы которыя просто оскорбляютъ европейскій глазъ и эстетическое чувство своею рѣзкостью, угловатостью и вообще некрасивостью. Одна изъ таковыхъ, напримѣръ, заключается въ томъ что танцовщица прыгаетъ какъ-то по лягушечьи, быстро перевернется задомъ напередъ, и сильно стукнувъ объ полъ пятками, широко разставитъ ступни, согнетъ и выставитъ впередъ колѣнки, и какъ-то полуприсядетъ на воздухѣ, да такъ и останется на минуту, — ну, совсѣмъ противно, хоть не глядп!... Точно такъ же и во второмъ танцѣ, который весь исполнялся въ быстромъ темпѣ, подъ оживленное allégro музыкальнаго акомпанимента. Все было шло хорошо: работали у геекъ искристые глазки и живыя улыбки, работали распущенными вѣерами обнаженныя руки, работали ножки, выдѣлывая дробныя, замысловатыя и красивыя *па*; сгибались лебединыя шейки: ходили трепетно плечи и торсъ; и станъ и бедра эластически продѣлывали сладострастно шаловливыя движенія, свойственныя танцамъ рѣшительно всего Востока, какъ вдругъ финалъ.... О, этотъ ужасный финалъ! Никогда я его не забуду. Это была чисто ложка дегтя испортившая бочку меду. Представьте себѣ что онѣ сдѣлали: быстро подобравъ и закрутивъ вокругъ ногъ, по щиколотку, свои кимоны, всѣ вразъ опустились на колѣни, вразъ поклонились до земли зрителямъ и вдругъ стали всѣ кверху ногами!.... Этою неожиданною, экстравагантною позой и закончился отдѣлъ танцевъ. Я не понимаю какимъ образомъ Японцы, люди вообще одаренные въ значительной степени очень чуткимъ чувствомъ изящнаго, могли находить это

безобразіе милымъ, смѣяться и аплодировать. Что до меня, то могу только сказать что это было ужасно некрасиво, неженственно, грубо, и скверное, коробящее впечатлѣніе усиливалось еще оттого что подъ этими по-клоунски подклятыми ногами лежали, прижавшись къ полу щекой, такія прелестныя, свѣжія личики.

Вслѣдъ за балетомъ начался концертъ, напомнившій мнѣ по какой-то аналогіи старую оперетку Зулла *Zehn Mädchen und kein Mann:* тамъ задается молодыми дѣвушками концертъ на девяти деревянно-соломенныхъ инструментахъ; здѣсь намъ предлагали его тоже молодыя дѣвушки на девяти... барабанахъ. Ей-Богу, не сочиняю! Такъ-таки на девяти несомнѣнныхъ, настоящихъ барабанахъ. Вышли девять артистокъ и разсѣлись рядышкомъ на галлереѣ, подложивъ подъ себя ноги. У каждой былъ барабанъ, отличавшійся отъ остальныхъ своихъ сородичей какою-нибудь особенностью устройства и звука. Артистки-барабанщицы начали съ того что стали настраивать въ какой-то, имъ однѣмъ извѣстный тонъ свои инструменты,—нельзя же безъ настройки. Одни изъ этихъ инструментовъ гудѣли какъ турецкіе барабаны, другіе рычали какъ китайскіе гонги, третьи разсыпались рокочущимъ звукомъ дроби просыпанной на металлическое блюдо, четвертые издавали короткій и глухой звукъ, подобный сжатому въ рукѣ колокольчику, пятые, похожіе съ виду на лесочные часы Сатурна, какъ-то гавкали и лаяли совсѣмъ по собачьи, шестые... Но довольно, всего уже не уломню. Знаю только что не безъ нѣкотораго внутренняго ужаса и опасенія за свои уши ожидалъ я начала этого soi-disant „музыкальнаго“ удовольствія. Дѣвицы наконецъ состроились, приняли надлежащія позы предписанныя правилами этого искусства (а именно, руки вооруженныя барабанными палками и скрещенныя къ плечамъ) и, въ ожиданіи момента, уставились глазами на среднюю барабанщицу, по знаку которой и началась наконецъ піеса.

Игра на барабанѣ составляетъ здѣсь такое же искусство какъ и танцы, какъ лѣпіе или игра на гото и самсинѣ; она тоже входитъ въ циклъ предметовъ женскаго всесторонняго образованія. Для игры на барабанѣ существуютъ свои законы, строго выработанныя правила, свои условные жесты, позы, манера какъ когда держать палки, какъ ударять ими отъ плеча, отъ сердца или прямо впередъ отъ груди, какъ бить— pianissimo или fortissimo; словомъ сказать, это цѣлая наука. *Чудно и странно,* разумѣется, съ непривычки слушать

такую жестокую музыку, но прислушавшись, лообвыкнувъ немного, начинаешь находить въ ней что-то смѣшное, какую-то комическую, хотя и довольно нелѣпую веселость, тѣмъ болѣе что гейки дѣйствительно ловко владѣютъ своими инструментами и умѣютъ извлекать изъ нихъ порою самые тихіе, можно сказать почти музыкальные звуки, похожіе на рокотъ журчащаго ручейка и перезвонъ капель льющейся воды. Но за то когда пойдутъ crescendo громолодобные раскаты, китайское рычанье и собачій лай,—тутъ уже требуется сугубое самоотверженіе чтобы не заткуть себѣ уши и не бѣжать безъ оглядки изъ комнаты. И какъ это право такіе маленькіе мальчики могутъ наносить такіе жестоко-сильные удары по барабанной шкурѣ, а такіе нѣжные ушки безвредно выдерживать столь оглушительную лытку!..

Не знаю, знакомо ли этимъ артисткамъ мудрое правило гласящее что „хорошенькаго — понемножку“, но на наше счастье, на сей разъ онѣ, какъ будто руководствуясь онымъ, окончили свой концертъ довольно скоро и удалились со сцены, провожаемыя рукоплесканіями своихъ соотечественниковъ, отъ которыхъ не отставали и мы изъ понятнаго чувства учтивости и благодарности за кратковременность доставленнаго намъ барабаннаго наслажденія. А то вѣдь „въ большомъ количествѣ“ это, какъ и семинарскіе канчуки у Гоголя, была бы „вещь нестерпимая“.

Пользуясь минутой ухода геекъ, мы стали прощаться съ нашими любезными хозяевами и отправились на крыльцо—надѣвать на нижней ступенькѣ галоги оставленные на дворѣ. Процедура эта скучная, утомительная, крайне неудобная, потому что галоги за цѣлый день подъ дождемъ порядочно-таки насырѣли; но ничего не подѣлаешь: таковъ ужь обычай правило вѣжливости и приличія, и хорошо еще что въ ту минуту дождя не было.

Въ тотъ моментъ когда, распростившись окончательно (церемонность требуетъ чтобы гости откланивались по крайней мѣрѣ три раза), мы съѣзжали въ дженерикшахъ со двора, у воротъ раздались вдругъ женскіе крики, сопровождавшіеся маханіемъ луковыхъ фонарей. Оказалось что это все тѣ же гейки и музыканши дѣлаютъ въ нашу честь прощальную манифестацію, а луковый цвѣтъ фонарей, какъ намъ объяснили, означаетъ выраженіе привѣтствія и почести. Такъ закончился у насъ этотъ оригинально проведенный день въ оригинальномъ японскомъ городѣ.

30 марта.

Около трехъ часовъ пополудни мы распростились на пристани Мія съ г. Номура, секретаремъ и нашимъ милѣйшимъ почтмейстеромъ Шлекинымъ и пустились въ море на паровомъ барказѣ присланномъ съ *Африки*. День былъ хотя и солнечный, но сильный порывистый вѣтеръ налеталъ шквалами и доходилъ до степени шторма. Насъ-таки сильно покачивало и обдавало солеными брызгами. Волненіе было, что̀ называется, „здоровое“, такъ что за гребнями волнъ нашей *Африки* сначала почти вовсе не было видно; потомъ, черезъ полчаса лавированія, показались изъ-подъ горизонта ея мачты, а черезъ полчаса и вся она вырисовалась наконецъ вдали предъ нами. Послѣ двухчасоваго бурнаго лавированія, барказъ благополучно присталъ къ ея борту. Судно стояло такъ далеко отъ берега что даже при ясной солнечной погодѣ лишь съ трудомъ можно было отыскать невооруженнымъ глазомъ мѣсто гдѣ раскинулся городъ, да и то въ этомъ случаѣ служила указателемъ башня Тенси, бѣлыя стѣны которой сверкали подъ солнечными лучами.

5 марта.

Утромъ 4 числа крейсеръ снялся съ якоря и пошелъ въ бухту Тоба̀, тоже не открытую для Европейцевъ. Намъ предстояло сдѣлать оттуда сухопутное путешествіе верстъ на пятнадцать вглубь страны, къ знаменитому синтоскому храму, который почитается одною изъ величайшихъ святынь древне-японской національной религіи. Но этому плану не суждено было исполниться. Пришли мы въ Тоба̀ въ тотъ же день къ вечеру. Мѣстный окружной начальникъ со своимъ помощникомъ тотчасъ же посѣтили нашего адмирала на *Африкѣ* и очень обязательно взялись доставить на утро потребное число дженерикшей, которыя должны были ожидать насъ на пристани. И вотъ, сегодня утромъ мы совсѣмъ уже было собрались съѣзжать на берегъ, какъ вдругъ адмиралу подаютъ только-что полученную въ Тоба̀ на его имя секретную телеграмму, вслѣдствіе которой тотчасъ же было отдано приказаніе немедленно сниматься съ якоря и идти въ Іокогаму. То было извѣщеніе отъ нашего посланника изъ Токіо о роковомъ событіи 1 марта.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

СКВОЗЬ ОГОНЬ СТРАСТИ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Посвящается баронессѣ Екатеринѣ Кирилловнѣ Остенъ-Сакенъ, рожденной Зыбиной.

Не сотвори себѣ кумира.

V.

Графиня Вельбольская возвратилась, какъ и уѣхала, почти одновременно съ Баратынцевымъ, въ концѣ октября, съ тою лишь разницей что на этотъ разъ пріѣздъ ея послѣдовалъ нѣсколько дней послѣ. Она привезла съ собою цѣлый арсеналъ туалетовъ и модныхъ новинокъ, намѣреваясь ослѣпить предстоящею зимой Межигорскъ невиданнымъ изяществомъ. Въ воображеніи ея рисовался рядъ празднествъ, выѣздовъ и пріемовъ, гдѣ она, разумѣется, появится царицей. Петръ Петровичъ торжественно обѣщался ей попудить Ольгу Сергѣевну выѣзди изъ своей скорлупы и установить еженедѣльные большіе пріемы. Онъ такъ мало сомнѣвался въ покорности несчастной женщины этой новой затѣѣ что, по согласію

* См. *Русс. Вѣстн.* №№ 1, 2 и 3.

съ графиней, даже заранѣе выбралъ пріемный день—понедѣльникъ, un jour élégant. Пятимѣсячное пребываніе въ благодатныхъ странахъ винограда и розъ, вдали отъ домашней и служебной тяготы, вмѣстѣ съ пройденною поэмой почти юношеской страсти, словно подлили въ нѣсколько остывшую кровь сановника новый притокъ горячей, искрившейся жизни. Соси, по правдѣ говоря, значительно утомила эта сверхъ мѣры затянувшаяся „игра въ страсть“, но выйти изъ намѣченной роли, слуститься съ принятаго пьедестала Анны Карениной не позволяли самолюбіе и разчетъ. Она была довольна немного отдохнуть отъ непрерывнаго поклоненія своего уже слишкомъ „липкаго“, какъ она выражалась про себя, Вронскаго. Сколь не изященъ былъ Петръ Петровичъ, какъ ни выгодно было во всѣхъ отношеніяхъ имѣть его своимъ чичизбеемъ, съ болѣе или менѣе достовѣрною будущностью зачисленія въ законные супруги, Соси не могла забыть двадцати слишкомъ лѣтъ отдѣлявшихъ ее отъ пятидесятилѣтняго красавца. Въ черствомъ, холодномъ сердцѣ этой двадцативосьмилѣтней женщины, ни разу еще не откликнувшемся на иной призывъ кромѣ грубаго разчета выгоды, можетъ-быть подъ случайнымъ воздѣйствіемъ калуской, романтической роли, стало пробиваться смутное сознаніе о чемъ-то неизвѣданномъ, тяжелое чувство неудовлетворенности. Между сатиромъ-мужемъ и Ромео въ генеральскихъ эполетахъ ей невольно представлялся третій образъ, нѣчто въ родѣ таинственнаго Гренадскаго короля, съ вѣчно опущеннымъ забраломъ, фигурирующаго въ легендѣ о Робертѣ Діаволѣ. Образъ этотъ, пока еще туманный, но заманчивый, казалось только и ожидалъ ея велѣнія чтобы воплотиться въ живую, осязательную форму. Предусмотрительная, осторожная Соси со страхомъ прислушивалась къ непрошенному, безпокойному ропоту своего пробуждавшагося сердца, опасаясь чтобъ оно не натолкнуло ее предательскимъ образомъ на „какую-нибудь глупость“, способную перепутать всѣ шашки въ ея заранѣе обдуманной жизненной игрѣ.

Водвореніе Ладожскихъ, совершившееся во время ея пребыванія за границей, не столько обрадовало, сколько смущало графиню. Она слишкомъ хорошо знала характеръ и наклонность Дарьи Николаевны чтобы разчитывать на ея снисхожденіе, въ случаѣ если городская молва или сама Ольга Сергѣевна посвятятъ молодую женщину въ ея отношенія къ

Баратынцеву. Невольная робость, инстинктивный страхъ порока предъ неуязвимою чистотой, овладѣвала ею при мысли о предстоявшей неизбѣжности постоянныхъ встрѣчъ и общенія съ этою Галатеей, словно недоступною для земной грязи. А между тѣмъ установленіе возможно близкихъ отношеній съ Дарьей Николаевной представлялось, по соображеніямъ графини, дѣломъ первостепенной важности. По своему рожденію и связямъ, Ладожская безусловно принадлежала къ самому высшему кругу. Огромное состояніе мужа, несмотря на его служебное подчиненіе Баратынцеву, создавало ей совершенно исключительное положеніе въ провинціальномъ мірѣ. „Этихъ не залугаешь и не удивишь", съ досадой соображала графиня, „волей-неволей, а придется считаться". Она отлично понимала что на мелкую угодливость Ладожскихъ разчитывать не приходилось и что отношеніе къ ней Дарьи Николаевны въ значительной мѣрѣ послужатъ камертономъ для опредѣленія образа дѣйствій цѣлаго кружка дамъ, того именно кружка благосклонностію котораго она болѣе всего должна была дорожить чтобы не утратить своего значенія въ обществѣ. Сознаніе личнаго достоинства не позволяло графинѣ тотчасъ по пріѣздѣ броситься къ Дарьѣ Николаевнѣ, хотя давнишнее знакомство отчасти и могло оправдать подобную послѣтность. Опасаясь возбудить подозрѣніе въ заискиваніи, она порѣшила выждать перваго визита, который, по ея соображеніямъ, Долли, въ качествѣ новоприбывшей въ городъ, обязательно должна была ей сдѣлать. Послѣ десяти дней напраснаго ожиданія, графиня, нѣсколько озабоченная и встревоженная подобнымъ равнодушіемъ своей „старой пріятельницы", какъ она не стѣсняясь выражалась про Дарью Николаевну предъ нахлынувшимъ къ ней съ первыхъ же дней пріѣзда мужскимъ персоналомъ, рѣшилась предпринять такъ-называемую „tournée de rentrée", въ полной увѣренности что разъяснитъ это недоразумѣніе при содѣйствіи княгини Варягиной, пожалуй даже случайною встрѣчей съ самою Ладожской, возымѣвшею странную фантазію оставаться на зиму въ „Загибѣ", à l'autre bout du monde, и потому можетъ-быть какими-нибудь судьбами не провѣдавшей еще о ея пріѣздѣ. Разчетъ оказался неудачнымъ. Княгиня Варягина, вопреки обычному добродушію, приняла ее нѣсколько покровительственно. Она разспрашивала Сосю про поѣздку, про встрѣченныхъ за границей именитыхъ особъ, знакомыхъ и родственниковъ, сообщила

любопытности о внезапномъ отъѣздѣ Лины, вызванномъ настоятельными просьбами ея старой пріятельницы леди Фисъ-Роджерсъ, поставленной въ печальную необходимость отказаться вслѣдствіе собственныхъ недуговъ отъ сопутствованія тяжело захворавшей дочери въ Палермо, куда она рѣшилась ее отправить лишь подъ заботливымъ надзоромъ княжны, но словно намѣренно ни слова не упомянула про Ладожскихъ. На косвенные вопросы о Долли, княгиня отвѣчала, какъ-то уклончиво и неохотно, что племянница намѣрена вести, благодаря трауру по дядѣ, весьма уединенный образъ жизни, мало съ кѣмъ знакомилась и повидимому совершенно отдалась дѣлу благотворительности, которое Баратынцева съ особою охотой свалила на ея плечи.

— Такъ что онѣ, по всей вѣроятности, довольно часто видятся, полюбопытствовала графиня.

— Разумѣется, почти ежедневно, отозвалась княгиня,—Долли неутомима, и благодаря ея энергіи и умѣнію, дѣла нашей „Посильной Полушки“ стали серіозно поправляться и если такъ продолжится, то въ скоромъ времени придутъ въ блестящее состояніе. На праздникахъ она намѣрена устроить для пополненія фонда благотворительный балъ, съ базаромъ, allegri и живыми картинами; я увѣрена что все это какъ нельзя лучше ей удастся.

— Еще бы, съ такими средствами, замѣтила Вельбольская.

— Дѣло не въ средствахъ, поучительно проговорила княгиня,—а въ умѣньи вызывать людей на добрыя дѣла! Въ этомъ отношеніи едва ли кто можетъ поспорить съ Долли, хотя она мнѣ и близкая, но заслуги ея слишкомъ очевидны чтобъ о нихъ умалчивать par fausse modestie.

— Elle est parfaite, заключила графиня, которую этотъ непрошеный панегирикъ въ честь ея обидчицы начиналъ не на шутку раздражать.

Она вернулась домой въ нервномъ состояніи. Ольга Сергѣевна, несмотря на завѣренія Шенберга о прогрессивномъ усиленіи своей пагубной страсти, показалась ей еще далеко не „дышащею на ладонъ“, какъ она себѣ ее представляла; нѣкоторыя дамы мѣстнаго высшаго круга, которыхъ она застала дома, словно сговорились превозносить предъ ней простоту, обходительность и другія качества Дарьи Николаевны. Оказалось что, несмотря на свой трауръ, она уже успѣла познакомиться съ весьма многими, въ противность увѣреніямъ

каягини Варягиной. Послѣ четырехъ часовъ, по обыкновенію явился Петръ Петровичъ, раздушеный, нафабренный, съ молодцевато подвитымъ кокомъ. Свитскіе злодеты придавали еще болѣе блеска его изящной осанкѣ.

— D'où arrivez vous si beau? съ легкимъ оттѣнкомъ иронін встрѣтила его графиня.

— Отъ милѣйшей Дарьи Николаевны Ладожской, отвѣчалъ онъ пріятно улыбаясь.

— Вотъ какъ, язвительно усмѣхнулась Соси,—я заключаю изъ этого похвальной насмѣшности что прекрасная Галатея успѣла уже нѣкоторымъ образомъ завладѣть вашими помыслами!

— Ange adoré, томно проговорилъ генералъ, завладѣвая ея рукою,—lorsqu'on vous aime, le monde n'est qu'un désert ou plutôt un paradis à deux où il n'y a plus de place pour les autres

— Vous me la faites à l'oseille, недовѣрчиво закивала графиня.

— Долгъ вѣжливости вмѣняетъ мнѣ въ обязанность, продолжалъ серіозно оправдываться Баратынцевъ, глубоко польщенный проглянувшимъ, какъ ему казалось, признакомъ ревности,—сдѣлать визитъ Ладожской, которая въ моемъ отсутствіи усердно навѣщала „бѣдную Ольгу“ и, кромѣ того, съ замѣчательною энергіей и знаніемъ дѣла приняла на себя всѣ ея обязанности по благотворительности.

— А знаете ли что ваша „милѣйшая“ Дарья Николаевна задалась кажется вовсе не благотворительною мыслью исключить меня изъ здѣшняго общества, такъ какъ объѣздивъ почти цѣлый городъ не сочла нужнымъ побывать у меня!

— Pas possible, воскликнулъ Петръ Петровичъ,—но впрочемъ вы вѣдь пріѣхали поздаѣе и...

— Это ничего не значитъ, перебила графиня,—я здѣсь давно живу и притомъ отсутствіе мое было лишь временное, слѣдовательно ея долгъ въ качествѣ вновь прибывшей сдѣлать мнѣ первой визитъ. Et puis entre amies on n'y met pas tant de açons que ça: вѣдь я ей ближе чѣмъ кто-либо здѣсь, не говоря разумѣется о Варягиныхъ, такъ какъ еще лѣтъ десять тому назадъ знала ее дѣвочкой au Sacré Coeur, гдѣ мы вмѣстѣ воспитывались.

— Histoires de femmes, мелькнула въ головѣ сановника знаменитая фраза изъ только-что видѣнной въ Парижѣ „герцогини Гербльштейнской“.—Можно будетъ какъ-нибудь намекнуть мужу, произнесъ онъ успокоительно:—онъ славный малый; тутъ по всей вѣроятности простое недоразумѣніе.

— Только пожалуста чтобъ я осталась въ сторонѣ, замѣтила Вельбольская,—а то чего добраго она способна вообразить что я заискиваю; au fond je me fiche d'elle, comme de l'an quarante!

Нѣсколько дней послѣ этого разговора Соси была дома, когда ей доложили о „полковникѣ Ладожскомъ". Въ послѣдности съ которою она приказала „просить", графиня позабыла освѣдомиться: пріѣхала ли вмѣстѣ съ мужемъ и Дарья Николаевна, почти убѣжденная что начальническое внушеніе произвело свое желанное дѣйствіе. Оказалось однако что Юрій Дмитріевичъ не только пріѣхалъ одинъ, но даже послѣ нѣсколькихъ минутъ весьма развязнаго разговора ни слова не уломянулъ о женѣ, словно ея на свѣтѣ не было.

— Il paraît que votre femme se fait invisible, не выдержала наконецъ графиня.

Но Ладожскій ни мало ни смутился такимъ прямымъ вызовомъ на объясненіе. Со спокойною уклончивостью опытнаго свѣтскаго человѣка онъ, не вдаваясь въ откровенность, ловко отдѣлывался общими фразами. Въ нихъ уломиналось и о траурѣ по дядюшкѣ Мстиславскомъ, и о преобладающей склонности Долли къ тихой, уединенной жизни, о „немногихъ интимныхъ" которыми она ограничивала якобы свой кругъ знакомства, словомъ, заключалось все кромѣ опредѣленнаго отвѣта на поставленный вопросъ. Графиня поняла что настаивать далѣе было не прилично и пожалуй даже неосторожно: Дарья Николаевна очевидно рѣшила повернуть ей спину подъ тайнымъ вліяніемъ „старухи". Эта мысль, на которой она теперь окончательно остановилась, съ каждымъ днемъ стала все болѣе и болѣе разъѣдать ея больное самолюбіе. Слишкомъ мелочно-самолюбивая чтобъ освоиться съ сознаніемъ что отношеніе ея къ Баратынцеву, послѣ лятимѣсячнаго скитанія съ нимъ по всѣмъ многолюднымъ уголкамъ Европы, сдѣлались достояніемъ цѣлаго общества и способны были удалить отъ нея честныхъ женщинъ, Вельбольская усмотрѣла въ молчаливомъ протестѣ Дарьи Николаевны лишь намѣреніе нанести ей оскорбленіе, желаніе унизить, опозорить ее передъ другими. Добродушіе и прежнія дружественныя отношенія къ ней молодой женщины такъ не согласовались, казалось ей, съ ея теперешнею „выходкой" что она не задумалась отнести ее къ постороннему вліянію. Кто иной, кромѣ все той же ненавистной ей Ольги Сергѣевны, могъ

имѣть смѣлость и разчетъ надоумить Ладожскую повернуться къ ней спиной безо всякаго осязательнаго повода? Она отлично разчитала этотъ предательскій ударъ, размышляла графиня, увѣренная что ея Питеръ не пойдетъ требовать объясненій отъ Madame Ладожской, рожденной княжны Мстиславской, на которую чуть не молятся всѣ эти невидавшіе ничего лучшаго провинціалы, тогда какъ она сама словно ни въ чемъ не повинная останется „hors du jeu“ и потомъ въ тихомолку закроетъ мнѣ всѣ двери, кончая своими собственными, подъ предлогомъ что я слишкомъ компрометтирована; но я сумѣю вывести всѣ ея штуки на свѣжую воду; мы еще поморяемся, Ольга Сергѣевна, взывала она къ своей невидимой соперницѣ, и посмотримъ кто кого осилитъ! Прежде нежели начать дѣйствовать, графиня признала цѣлесообразнымъ произвести въ непріятельскомъ лагерѣ легкую рекогносцировку чрезъ посредство князя Торжковскаго, продолжавшаго оставаться, какъ онъ выражался, въ роли „вѣрнаго раба“, въ твердомъ упованіи получить еще незамѣщенную должность Нахимцева. Не взирая однако на дипломатическія способности зрѣлаго юноши, двойная миссія его не имѣла ожидаемаго успѣха. На сообщенное имъ подъ видомъ животрепещущей новости извѣстіе о „выходкѣ“ Ладожской, исключившей графиню Вельбольскую изъ списка своихъ визитовъ, Ольга Сергѣевна ограничилась замѣчаніемъ что такъ и слѣдовало ожидать; сама же Дарья Николаевна, при разговорѣ о графинѣ, отдѣлалась молчаніемъ, присовокупивъ, словно мимоходомъ, что она не была у весьма многихъ и не признаетъ за своими посѣщеніями достаточнаго значенія для того чтобы допустить даже мысль что отсутствіе ихъ можетъ кого-либо волновать.

Еще менѣе имѣла успѣха попытка графини растревожить самолюбіе своего супруга въ надеждѣ что, какъ человѣкъ не глупый, онъ изыщетъ какой-нибудь способъ къ миролюбивому разрѣшенію вопроса. Выслушавъ съ обычною флегмой горячіе доводы жены о необходимости во что бы то ни стало возстановить отношенія съ Ладожскими, графъ Михаилъ Павловичъ только промычалъ, покусывая бакенбарды: „quand le vin est tiré faut le boire!“

— Да ты пойми только, mon gros, настаивала графиня,—что всѣ эти людишки при всякомъ удобномъ случаѣ непремѣнно станутъ мнѣ колоть глаза тѣмъ что я не бываю у Ладожской.

Вѣдь, какъ тамъ ни говори, а все-таки ло своему рожденію и по средствамъ они не замедлятъ сдѣлаться „первымъ домомъ“ въ городѣ. Не нынче, завтра послѣдуетъ указъ о передачѣ Юрію Николаевичу титула князя Мстиславскаго, такъ какъ Долли послѣдняя въ родѣ...

— Все это прекрасно, но что же я могу подѣлать коль она, какъ ты говоришь, не хочетъ тебя знать и причемъ собственно я-то тутъ?

— Какъ „причемъ“? вотъ мило! развѣ я не ношу твоего имени, развѣ обида, оскорбленіе нанесенное мнѣ не отражается равнымъ образомъ на тебѣ самомъ!

— Для меня ровно нѣтъ никакого оскорбленія въ томъ что какая-то молодая бабенка не была у тебя съ визитомъ; что же касается самого Ладожскаго, то чортъ ли въ немъ: въ „винтъ“ не играетъ, денегъ въ займы не даетъ, вылить и лоѣсть тоже не мастеръ, совсѣмъ „лядащій человѣкъ“, какъ говорилъ мой староста Терентій...

Графъ расхохотался собственному остроумію.

— Да наконецъ, если уже тебѣ такъ непремѣнно хочется, продолжалъ онъ,—возиться съ этими выжигами, то кто же мѣшаетъ отправиться прямо съ визитомъ къ Ладожской. Вы вѣдь, кажется, давнымъ-давно знакомы и потому стѣсняться разными субтильностями этикета нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе что ты послѣ нея пріѣхала въ городъ.

— А если она не приметъ и не отдастъ визита, въ раздумьи замѣтила графиня.

— И то и другое весьма возможно, невозмутимо подтвердилъ графъ.

— Ну и что же тогда?

— Да ничего.

— Какъ „ничего“! воскликнула Соси, словно ужаленная, подымаясь съ мѣста,—проглотить лубличный позоръ, вынести явное пренебреженіе, это по твоему „ничего“! Mais quel sang avez-vous donc dans les veines?

— Très épais, сострилъ графъ,—Шэнбейнъ видимо не даромъ совѣтуетъ ѣхать непремѣнно на будущее лѣто въ Маріенбадъ.

— Ты невидимому желаешь паясничать, презрительно замѣтила графиня,—но я вовсе не расположена обращать этого дѣла въ шутку: il me faut une reparation éclatante!

— Только Бога ради на меня не разчитывай, остановилъ

ее Михаилъ Павловичъ,—ты знаешь мой неизмѣнный принцилъ: полная свобода каждому, и притомъ я слишкомъ хорошая цѣль, усмѣхнулся онъ, хлопнувъ по своему весьма внушительному, округлившемуся абдомену,—чтобы становиться подъ дуло пистолета.

— Обойдутся и безъ васъ, презрительно уронила графиня и въ тотъ же самый день пустила въ ходъ то что подразумѣвала подъ наименованіемъ les grands moyens.

Баратынцевъ, успѣвшій уже освоиться съ привычками мирнаго, безмятежнаго счастія, былъ непріятно озадаченъ „темными точками“ появившимися на его свѣтломъ небосклонѣ вмѣстѣ съ возвращеніемъ въ Межигорскъ. Душевное настроеніе графини, несмотря на цѣлительные разъѣзды по всевозможнымъ курортамъ, несмотря на его испытанную вѣрность, съ каждымъ днемъ становилось мрачнѣе. Нѣжныя изліянія нерѣдко отравлялись горькимъ упрекомъ, жесткимъ словомъ, порою даже слезами Соси.

— Я была права, говорила она въ такія минуты,—когда хотѣла бѣжать отъ вашей, отъ своей собственной любви. Люди неумолимы: они неспособны понимать, а тѣмъ менѣе прощать истиннаго, глубокаго чувства, переступающаго за границы общепринятаго. Буржуазной морали большинства необходимы условныя, тѣсныя рамки лицемѣрія. Всѣ отвертываются отъ меня, je suis honnie, эта злосчастная поѣздка выдала наши отношенія, компрометтировала меня безвозвратно въ общественномъ мнѣніи.

— Mais mon petit chat idolâtré, мягко урезонивалъ ее генералъ,—вѣдь всѣ предосторожности такъ хорошо были мною приняты что самое безпощадное злословіе не въ силахъ подыскать ничего предосудительнаго. Мы нигдѣ не останавливались въ общей квартирѣ, неизмѣнно соблюдали весь условный декорумъ чисто свѣтскихъ отношеній, кто же осмѣлится послѣ этого утверждать...

— Всѣ знаютъ, говорю я вамъ, перебила графиня,—ваша жена злорадно показывала Торжковскому какой-то нумеръ *Figaro* гдѣ описывали мой туалетъ и наше совмѣстное появленіе на Лоншанскихъ скачкахъ. Неужели вы думаете что Ольга Сергѣевна упустила столь удобный случай разславить о нашей связи по всему городу? Вѣдь она меня ненавидитъ и считаетъ всѣ средства удобными лишь бы затоптать меня въ грязь. Впрочемъ, обвинять ее мнѣ не прихо-

дится: она въ своемъ правѣ... На ея мѣстѣ я можетъ-быть сдѣлала бы то же, или нѣтъ, гораздо хуже, еслибы kto вздумалъ васъ отымать...

— Ange idéal, проговорилъ онъ, припадая къ ея колѣнамъ.

— Но рѣчь не только обо мнѣ, продолжала графиня, останавливая его порывъ,—ваша жена, еслибы дѣйствительно любила васъ такъ какъ увѣряетъ, должна была бы сообразить что постояннымъ разглашеніемъ всякихъ толковъ и сплетень компрометтируетъ не одну меня, а подрываетъ одновременно ваше собственное достоинство и репутацію, умаляя тотъ préstige, которымъ вы должны здѣсь пользоваться въ глазахъ всѣхъ, а особенно вашихъ подчиненныхъ.

— Lolo дала мнѣ слово что никогда и ни съ кѣмъ не станетъ болѣе касаться ни нашихъ отношеній, ни васъ лично.

— Лучшимъ доказательствомъ того, какъ она хорошо его держитъ, язвительно усмѣхнулась графиня,—можетъ служить поведеніе относительно меня гжи Ладожской, нынѣ ея ближайшей, какъ я слышала, валерианы и неразлучной подруги, которая послѣ десяти лѣтъ знакомства не нашла ничего лучшаго какъ повернуть мнѣ спину, безо всякаго видимаго предлога.

— Я уже кое-что намекалъ Ладожскому, замѣтилъ Петръ Петровичъ,—неужели онъ не понялъ? сказать прямо мнѣ разумѣется было неудобно—c'est un homme de notre bord.

— Ну, конечно, нетерпѣливо возразила графиня,—да ничего бы и не вышло, такъ какъ въ результатѣ я получила лишь новое оскорбленіе, онъ былъ у меня, только безъ жены!

— А-а-а, протянулъ нѣсколько растерянно Баратынцевъ.

— Я его не виню, продолжала Вельбольская,—онъ сдѣлалъ все что могъ чтобы загладить поступокъ жены, на которую повидимому не имѣетъ ровно никакого вліянія et qui fait tout à sa tête, особенно я думаю теперь, когда подносятъ ему княжескій титулъ. Вы даже напрасно брали на себя трудъ говорить съ нимъ объ этомъ, имѣя подъ рукою гораздо болѣе простое и вѣрное средство.

— Но какое же?

— Вашу жену: только она одна и можетъ вразумить Ладожскую.

— О если такъ, то ручаюсь что она у васъ будетъ въ теченіе этой недѣли! воскликнулъ обрадованный Баратынцевъ,—Лоло это устроитъ: она у меня теперь стала совсѣмъ ручная.

— Не ручайтесь, улыбнулась графиня, невольно раздѣляя

его увѣренность,—мы, женщины, какъ кошки, умѣемъ иногда тоже подбирать свои когти.

Послѣдствія приведеннаго разговора разумѣется не заставили себя долго ждать. Слишкомъ выдержанный и осторожный чтобы прямо предъявлять Ольгѣ Сергѣевнѣ домогательство о возстановленіи Дарьею Николаевной прежнихъ отношеній къ графинѣ, которое неминуемо повело бы къ обоюднотяжелымъ объясненіямъ, Баратынцевъ нѣсколькими „жалкими словами“ и особеннымъ обиженнымъ видомъ, слишкомъ хорошо ей извѣстнымъ, сумѣлъ вызвать жену на желанное объясненіе. Ея чуткая, затаенная, но не ослабѣвшая нѣжность сама стала допытываться причины омрачавшихъ его заботъ. Петръ Петровичъ, по установившемуся обычаю, ловко перенесъ вопросъ о несдѣланномъ Ладожскою визитѣ на почву враждебной и опасной демонстраціи противъ его собственной особы. Урокъ напѣвтанный Вельбольскою былъ имъ сполна и добросовѣстно повторенъ, даже съ нѣкоторыми добавленіями собственнаго изобрѣтенія. Онъ за послѣднее время успѣлъ настолько подчиниться ея вліянію, или точнѣе вліянію захватившей его въ свои тиски страсти, что могъ смотрѣть на вещи только глазами графини, думалъ и жилъ только ея мыслями.

Ольга Сергѣевна, едва зашла рѣчь о Ладожской, отлично поняла откуда подулъ вѣтеръ.

— Клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, Питеръ, убѣждала она,—что я не только не уговаривала Дарью Николаевну прекратить „съ нею“ знакомство, но напротивъ, не разъ намекала ей что первый визитъ почти обязателенъ и отнюдь не можетъ ее компрометтировать предъ обществомъ, такъ какъ пока всѣ „ее“ здѣсь принимаютъ.

— Компрометтировать! Вотъ странное выраженіе, недовольно повторилъ Баратынцевъ,—полагаю, мой другъ, что ты недостаточно взвѣсила его значеніе: чѣмъ же и предъ кѣмъ можетъ компрометтировать Mme Ладожскую знакомство съ графиней Вельбольскою, такою же свѣтскою женщиной какъ она сама! По моему мнѣнію, простой долгъ вѣжливости обязываетъ ее, не говоря уже объ общепринятомъ въ провинціи порядкѣ, сдѣлать въ качествѣ новоприбывшей первый визитъ женщинѣ своего круга, мужъ которой занимаетъ очень видное положеніе въ мѣстномъ управленіи.

— Позволь, Питеръ, мягко, но съ убѣжденіемъ, возразила Ольга Сергѣевна,—будемъ прежде всего справедливы: Вель-

больская можетъ тебѣ нравиться, это дѣло вкуса; но ставить ее на одну доску съ Дарьею Николаевной—это уже, извини мой другъ, нѣсколько смѣло.

— Въ чемъ же разница? рѣзко спросилъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Словно ты не знаешь, усмѣхнулась Ольга Сергѣевна.

— Нѣтъ, не знаю и не вижу, горячился Петръ Петровичъ,— quand on avance quelque chose il faut le prouver au risque de ne pas être cru sur parole!

Его возбужденіе охватило ее словно тысяча невидимыхъ уколовъ.

— Изволь, если тебѣ такъ желательно слышать непріятныя вещи, съ невозмутимымъ спокойствіемъ проговорила Ольга Сергѣевна, — разница прежде всего въ томъ что Ладожская честная, безупречная женщина, посвятившая всѣ силы, всѣ помыслы своему долгу и добрымъ дѣламъ, между тѣмъ какъ „твоя“ Вельбольская не болѣе какъ авантюристка, женщина безъ принциповъ, готовая броситься на шею каждому pourvu qu'il y mette le prix!

Баратынцевъ позеленѣлъ.

Оскорбленная страсть подмывала его на какую-либо дикую, безобразную выходку. Онъ думалъ одну секунду броситься на спокойно сидѣвшую предъ нимъ беззащитную, больную женщину, раздавить, сломать ее какъ докучный, безсмысленный тормазъ своего счастія, но привычки благовоспитанности взяли верхъ.

— Ты когда-то была снисходительнѣе къ другимъ женщинамъ, бросавшимъ мужей и дѣтей чтобы слѣдовать за мной, усмѣхнулся только онъ ей въ лицо безпощадною усмѣшкой.

Ольга Сергѣевна не смутилась подъ нанесеннымъ оскорбленіемъ.

— Да, подтвердила она, слегка поблѣднѣвъ, и въ голосѣ ея неожиданно послышалась ему невѣдомая, сильная нота,—я дѣйствительно бросила мужа и сына чтобы слѣдовать за тобой, и Господь въ своемъ правосудіи воздаетъ мнѣ теперь по дѣламъ, но разница между мной и этою тварью въ томъ что я пошла за тобою нищею и нищею осталась, такъ какъ не имѣю ничего своего. Если тебя нѣкогда забавляло наряжать меня въ Вортовскіе туалеты, осыпать брилліантами, на то была твоя добрая воля—ты знаешь, я ихъ не требовала.

Не я ли сама десять лѣтъ тому назадъ, когда ты рѣшился заплатить пятьдесятъ тысячъ требуемыхъ Востряковымъ за мою свободу, объявила тебѣ что лучше откажусь отъ тебя нежели сдѣлаться предметомъ постыднаго торга? Твое богатство и положеніе не имѣли для меня ровно никакой цѣны. Если я ими пользовалась, то только потому что не могло быть иначе. Я считала что отдала тебѣ гораздо большее: доброе имя, спокойствіе моей совѣсти. Я оставалась двѣнадцать лѣтъ твоею любовницей, преступною женой, содержанкой, называй какъ хочешь, разъ ты осмѣлился приравнивать меня къ „ней"; но я ничего не продавала и расплачивалась за свое счастіе всѣмъ что только есть дорогаго для женщины. Отчужденіе, людскіе упреки и презрѣніе, мученія совѣсти, я все приняла смѣло и открыто ради моей любви, потому что все это казалось мнѣ ничтожнымъ и мелкимъ сравнительно съ нею, но я не лицемѣрила, не домогалась отъ посторонняхъ того одобренія и уваженія которыхъ они не могли мнѣ дать. Я жила только для тебя и тобой, чуждая всѣмъ, даже и тогда когда получила право открыто называть тебя своимъ...

— Brisons là, перебилъ Петръ Петровичъ, начинавшій ощущать нѣкоторую неловкость предъ правдивою рѣчью этой страдалицы страсти,—я ни въ чемъ тебя не упрекалъ и не упрекаю, напротивъ, всегда цѣнилъ и уважалъ твои чувства, вполнѣ сознавалъ что далеко не всѣмъ дано подняться на такую высоту преданности, но мы кажется совершенно удалились отъ первоначальнаго предмета нашей бесѣды. Мнѣ, ты понимаешь, совершенно безразличны отношенія Дарьи Николаевны Ладожской къ графинѣ Вельбольской, c'est leurs affaires à elles, но я не могу оставаться равнодушнымъ ко всякимъ выходкамъ направленнымъ къ умаленію моего значенія и авторитета. Разъ я приду къ твердому сознанію что въ здѣшнемъ обществѣ заводится интрига въ подобномъ направленіи, я къ крайнему прискорбію поставленъ буду въ необходимость принять самыя энергическія мѣры для ея пресѣченія, и кто бы ни были виновники, сумѣю, даю тебѣ мое слово, призвать ихъ къ порядку!

Ей стало страшно за его ослѣпленіе.

— Ради Бога, Питеръ, не затѣвай смѣшныхъ исторій, попыталась образумить его Ольга Сергѣевна, — можетъ кончиться тѣмъ что все это дойдетъ до Петербурга и твое положеніе поколебается. Я обѣщаю тебѣ, подъ какою хочешь

клятвой, приложить всѣ старанія чтобъ убѣдить Ладожскую сдѣлать „ей“ визитъ, но на возстановленіе интимности разчитывать было бы нелѣпо.

Баратынцевъ вздохнулъ свободнѣе: цѣль, наконецъ, была достигнута.

— Интимность не обязательна, но вѣжливости каждый изъ насъ въ правѣ требовать, закончилъ онъ поучительно, убѣжденный что дѣло улажено.

VI.

Нахимцевъ уже второй мѣсяцъ находился въ отсутствіи. Нѣсколько подробныхъ писемъ полученныхъ отъ него Дарьей Николаевной, свидѣтельствуя объ его неутомимыхъ стараніяхъ къ разысканію слѣдовъ княжны Лины, не заключали къ сожалѣнію никакихъ данныхъ позволявшихъ разчитывать на скорый успѣхъ. Всѣ большіе центры Юга, куда по установившимся предположеніямъ должна была направиться княжна, Кіевъ, Харьковъ, Одесса, были имъ посѣщены и возможно подробно обслѣдованы безо всякихъ результатовъ. Василій Петровичъ не отчаивался и усердно продолжалъ свои поиски въ другихъ, менѣе многолюдныхъ мѣстностяхъ той же полосы, въ надеждѣ что счастливая случайность, предопредѣленіе, или просто инстинктъ поставятъ его наконецъ лицомъ къ лицу съ любимою женщиной. Еще на третій или четвертый день послѣ таинственнаго исчезновенія Лины княгиня Варягина и онъ самъ получили отъ нея короткія письма. Письма эти, написанныя карандашемъ, носили штемпель одной изъ большихъ промежуточныхъ станцій южнаго пути и ничего не могли разъяснить относительно дальнѣйшаго направленія княжны. Еще менѣе содержалось въ нихъ данныхъ для заключенія о дѣйствительной причинѣ ея внезапнаго отъѣзда. Княжна въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ просила мать простить и благословить ея издалека. „Будь спокойна, писала она, я жива и невредима. Я уѣхала потому что нельзя было сдѣлать иначе, но я хочу и буду жить въ надеждѣ что со временемъ, когда будетъ возможно, вернусь опять къ вамъ, моимъ дорогимъ. Пойми только что этотъ странный отъѣздъ, причину котораго ты когда-нибудь узнаешь, не бредня больнаго ума, не взбалмошная затѣя, а тяжелый долгъ, святая обязанность предъ вами и собою.

Это сознаніе только и можетъ облегчить мнѣ всю тяжесть предстоящей разлуки." Въ письмѣ къ Василію Петровичу Лина выражала горячую признательность за его „долгую, испытанную дружбу", упоминала о „великомъ значеніи" оказанной услуги. „Не горюйте слишкомъ объ этой утратѣ, говорила она далѣе о себѣ, и скажите себѣ что та Лина Варягина которую вы любили давно уже не существовала, а теперь совершенно умерла для „всѣхъ", „особенно же для васъ", хотя и будетъ жить безгранично преданный вамъ другъ, пишущій настоящія строки".

Василій Петровичъ никому не сообщалъ о полученіи этого письма. Въ немъ просвѣчивало нѣчто личное, интимное, для него лишь одного цѣнное, чѣмъ онъ не хотѣлъ дѣлиться даже съ близкими Лины. Умерла для „всѣхъ, особенно же для васъ"—какой таинственный смыслъ могъ заключаться въ этихъ немногихъ словахъ, очевидно исчерпывавшихъ въ своей загадочной сжатости всю полноту ея душевныхъ страданій? Отчего же „особенно для него", на любовь котораго она могла завѣдомо опереться во всякой невзгодѣ и случайности? размышлялъ онъ, мучимый потребностью приподнять таинственную завѣсу, опустившуюся надъ его счастіемъ. Подобная оговорка въ устахъ Лины, взвѣсившей очевидно значеніе каждаго написаннаго слова и подчеркнувшей ее какъ бы съ намѣреніемъ сосредоточить его вниманіе на этой странной фразѣ, пріобрѣтала тѣмъ самымъ особое значеніе, являлась намекомъ на какое-то исключительное по отношенію къ нему чувство, такъ какъ иначе пришлось бы въ ней видѣть одно грубое оскорбленіе, чего конечно онъ допустить не могъ. Какія же необычайныя событія, какая безвыходная бѣда способны были понудить княжну оторваться отъ „всѣхъ"—это слово было равно подчеркнуто—въ особенности же отъ него? Чтобъ отвѣтить удовлетворительно на подобный вопросъ, онъ сталъ невольно допытываться въ глубинѣ своего душевнаго сознанія: при какихъ условіяхъ Лина могла бы дѣйствительно сдѣлаться для него совершенно чуждою? Она полюбила, была его первая мысль; но что же изъ того? Еще шесть лѣтъ тому назадъ ее внезапное, неудержимое увлеченіе Ладожскимъ не смогло убить его чувства къ ней, и она это знала какъ знала и то что онъ со свѣтлою улыбкой привѣтствовалъ бы ея счастіе съ другимъ. Но можетъ-быть прежняя любовь разгорѣлась въ ней вновь подъ вліяніемъ ежедневъ-

наго общенія, княгиня вѣдь уломикала что-то о прогулкахъ и кавалькадахъ, и княжна чтобъ осилить свою несчастную, безвыходную страсть рѣшилась бѣжать отъ любимаго человѣка чтобы не быть свидѣтельницей его счастія съ другою. Или самъ Ладожскій, со свойственнымъ ему легкомысліемъ, увлекся Линою, преслѣдовалъ ее своимъ волокитствомъ, оскорбительною настойчивостью и она только искала убѣжища отъ его и своей собственной слабости. Но оба эти предположенія при дальнѣйшемъ размышленіи не удовлетворили Василія Петровича. Гораздо послѣдовательнѣе казалось ему отнести смѣлый поступокъ Лины къ сознательному исполненію ею какого-либо невѣдомаго, но завѣтнаго долга. „Я умерла для всѣхъ," писала она, слѣдовательно этотъ таинственный долгъ навсегда отдѣлялъ ее отъ людей, отъ всего что не имѣло непосредственнаго съ нимъ соприкосновенія. Какой же можетъ быть такой ловелительный, всеисключающій долгъ предъ которымъ блѣднѣютъ даже священныя узы крови, мучительно доискивался онъ въ своемъ сердцѣ. *Оставитъ человѣкъ отца и матерь и прильпится къ женѣ и будутъ два въ плоть едину*, прозвучали ему въ отвѣтъ слова Апостола, и онъ невольно содрогнулся предъ его ясностію. Да, несомнѣнно, только подобный долгъ способенъ былъ понудить Лину оставить отца и матерь, оторваться отъ своего міра и шествовать спокойно въ невѣдомое, какъ новая Руѳь.

Княжна полюбила человѣка иного міра, иной среды и не задумалась послѣдовать за нимъ. Этимъ положеніемъ вполнѣ объяснялось почему она „умерла для всѣхъ, въ особенности же для него", чаявшаго такъ давно слить воедино съ нею свое существованіе. Кто „онъ", гдѣ и при какихъ условіяхъ могла она его встрѣтить, узнать, полюбить—не все ли было ему теперь равно. Одно желаніе, одна молитва освѣщали его омрачившуюся душу—надежда что невѣдомый избранникъ окажется достойнымъ той великой жертвы которую Лина ему приносила.

Утвердившись въ основательности своихъ предположеній, Василій Петровичъ отправился въ путь съ сознаніемъ суетности предпринимаемаго труда. Непредвидѣнный случай могъ конечно натолкнуть его на слѣдъ княжны, но что же затѣмъ? Какія увѣщанія, какіе доводы въ состояніи онъ противупоставить могучему чувству, побудившему ее оставить „отца и матерь" — развѣ его личное, можетъ-быть не менѣе сильное,

чувство, но что же оно значило для нея?! Семейное горе, отчужденіе, огласка, все это конечно было своевременно взвѣшено княжной и не можетъ ее теперь вернуть, если не имѣло силъ удержать. Надежды возлагаемыя Даріей Николаевной на свое воздѣйствіе показались ему призрачными. Она безъ сомнѣнія чистая, глубоко вѣрующая, исполнена духа примиренія и прощенія, но ей ли совладать съ огнемъ безумной страсти, если таковой дѣйствительно охватилъ сердце княжны! Для этого нужно самой пройти сквозь страшное горнило, а ея жизнь сложилась свѣтлою, безмятежною идилліей. Василій Петровичъ такъ боялся остаться совершенно непонятымъ въ своихъ заключеніяхъ что не проронилъ о нихъ ни единаго слова. Кромѣ возможности невольно оскорбить материнскія чувства княгини Варягиной, онъ имѣлъ основаніе избѣгать слишкомъ откровенныхъ объясненій, сознавая себя невольно причастнымъ къ случившемуся вслѣдствіе денежной помощи оказанной Линѣ.

Какъ ни ревностно оберегалась всѣми близкими тайна непонятнаго исчезновенія Лины, оно не прошло однако совершенно безслѣдно среди ладкаго до сплетни провинціальнаго міра. Нашлись скептики не довѣрявшіе этому неожиданному и черезчуръ что-то быстрому отъѣзду въ Сицилію. Межигорскія кумушки не могли не подмѣтить въ теченіе цѣлаго лѣта слишкомъ часто повторявшихся кавалькадъ и прогулокъ княжны съ красавцемъ полковникомъ. Самое приключеніе съ *Османомъ* какими-то судьбами, можетъ-быть по нескромности многочисленной прислуги Юрія Дмитріевича, сдѣлалось достояніемъ многихъ любителей новостей. Варягины, какъ и всѣ, имѣли своихъ недоброжелателей. Княгиня, несмотря на добродушіе и покладливость, умѣла при случаѣ быть и рѣзкою, когда надлежало поставить на мѣсто людей неблаговоспитанныхъ, соприкосновеніе съ которыми является подчасъ неизбѣжнымъ среди губернскихъ дворяковъ. Лина, всегда избѣгавшая слишкомъ быстрой интимности, практикуемой между провинціальными дамами,—интимности весьма часто заканчивающейся не лучше пресловутой дружбы Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ,—почему-то прослыла „гордячкой“, „надменною аристократкой“ во мнѣніи людей любившихъ распространяться на тему о черной и бѣлой кости. При такихъ условіяхъ малѣйшій намекъ на какое-то „пикантное“ приключеніе былъ подхваченъ съ

восторгомъ и комментировался на всевозможные лады. Выросшее на почвѣ предположеній и догадокъ лодъ удобною формой „величайшаго секрета“, переходя изъ устъ въ уста, незамѣтно облеклось въ конкретную форму факта. Большинство стало утверждать что все именно произошло такъ какъ ему казалось, хотя, конечно, никто не могъ бы сказать на чемъ основывалось его убѣжденіе. Въ числѣ особенно интересовавшихся находилась, между прочимъ, и графиня Вельбольская. Не довѣряя грубымъ сплетнямъ, ни предъ чѣмъ не останавливавшимся, графиня тѣмъ не менѣе, какъ она выражалась, чуяла слѣдъ романа. Пущенный по обыкновенію на развѣдку князь Торжковскій собралъ не безынтересные подробности объ эпизодѣ съ *Османомъ*. Призванный тогда въ первой суетѣ услуга медикъ оказался никто иной какъ извѣстный Шѵабейнъ. По пріѣздѣ на дачу Ладожскихъ онъ уже не засталъ ни княжны, ни Ладожскаго, и узналъ отъ прислуги что они за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ отправились въ городъ чрезъ рощу на свѣже-осѣдланныхъ лошадяхъ. Такая торопливость, послѣ случившейся катастрофы, показалась графинѣ весьма знаменательною. „Такъ вотъ онъ какой, этотъ примѣрный супругъ“, пріятно промелькнуло въ ея мысляхъ, и образъ стройнаго красавца, дышащій крѣпостью, здоровьемъ, мужественною силой невольно сталъ выдѣляться на сѣромъ грунтѣ ея думъ. Король Гренадскій приподымалъ свое забрало!

Ему также начинало становиться скучно, блестящему баловню петербургскихъ полу-и великосвѣтскихъ богинь, въ тѣсной средѣ провинціальнаго прозябанія, гдѣ волей-неволей приходилось пройти неизбѣжную стадію военной карьеры. Отъѣздъ Лины оставилъ въ его холодномъ, себялюбивомъ сердцѣ только сожалѣніе объ утраченной возможности пріятной интриги. Дарья Николаевна упорно воздерживалась ото всякихъ объясненій по поводу совершившагося, окуталась такимъ неприступнымъ, леденящимъ холодомъ, такъ глубоко ушла въ свой исключительный міръ что онъ какъ бы невольно сознавалъ это молчаливое отчужденіе и не помышлялъ заявлять о своихъ супружескихъ правахъ. Съ наступленіемъ глубокой осени служебныя занятія по полку стали представлять менѣе интереса, а отдаленность дачи отъ города создавала много неудобствомъ, словомъ, Юрій Дмитріевичъ подчасъ не зналъ чѣмъ наполнить длинный

рядъ свободныхъ часовъ, и когда однажды на утреннемъ пріемѣ у Баратынцевыхъ графиня Вельбольская полунасмѣшливо сказала ему: „venez donc me voir, nous parlerons de vos chagrins de coeur“, онъ съ радостью ухватился за это приглашеніе. Какое въ самомъ дѣлѣ было ему дѣло до ея отношеній къ Баратынцеву! Въ Петербургѣ люди его круга далеко не были такими строгими пуристами и не стѣснялись посѣщать женщинъ завѣдомо содержимыхъ своими любовниками, между тѣмъ какъ тутъ les apparences etaient sauvgardées: графиня живетъ у мужа и пользуется всѣми общественными правами свѣтской женщины. Долли можетъ де имѣть свои основанія избѣгать ея знакомства, но ему смѣшно смотрѣть на вещи чужими глазами и замыкаться въ неподходящій ригоризмъ. Послѣ двухъ-трехъ утреннихъ посѣщеній онъ отважился принять и приглашеніе къ обѣду. Кормила превосходно. Сосси умѣла быть внимательною и радушною хозяйкой. Первоначальныя опасенія оказались совершенно неосновательными: графиня ни разу не уломянула о Дарьѣ Николаевнѣ, словно она для нея не существовала. Ладожскій нашелъ въ Вельбольской при ближайшемъ знакомствѣ тотъ особенно пріятный ему типъ женщины-добраго-малаго къ которому она инстинктивно возвращалась, выходя изъ напускныхъ ролей. Ея живой, поверхностный умъ, ухорски-соленая рѣчь, товарищеская развязность напоминали ему манеры и жаргонъ чистопробныхъ петербургскихъ львицъ.

— Вы видите что чортъ вовсе не такъ страшенъ какъ его малюютъ, разсмѣялась однажды Сосси, когда онъ по начинавшейся привычкѣ завернулъ къ ней въ avant soirée, то-есть между восемью и десятью часами вечера; позднѣе она принимала лишь въ опредѣленные дни, подъ предлогомъ регулярнаго образа жизни.—Я люблю, кормлю, забавляю, и за все это не требую даже, какъ другія женщины, чтобы за мною ухаживали. хотя, кажется, имѣла бы на то нѣкоторое право.

Ладожскій попробовалъ и ухаживать.

— Вы слишкомъ богаты чтобы васъ любить за красоту и слишкомъ красивы чтобы любить за богатство, отшучивалась она отъ его, порою слишкомъ смѣлыхъ, настояній.

— Изберите среднее, улыбался онъ.

— Какъ такъ?

— Aimer moi pour rien ou plutôt pour l'amour.

— „L'amour est enfant de Bohême“... пропѣла въ отвѣтъ

графиня изъ только-что появившейся *Кармен*ъ,—вы слишкомъ „фатальны", а я боюсь неизвѣстнаго... Скажите по правдѣ, куда вы дѣвали Лину Варягину, гарцовавшую тутъ съ вами, какъ я слышала, цѣлое лѣто; est-ce vrai que vous eûtes l'imprudence de lui faire un enfant, malheureux colonel? разсмѣялась она.

— Quelle infamie, je me fais fort de couper les oreilles à quiconque osera me l'affirmer en face, съ нарочитымъ негодованіемъ произнесъ Юрій Дмитріевичъ.

— Рѣжьте, комически покорилась графиня, подставляя ему свое прозрачное ушко, съ продѣтою въ него брилліантовою луговкой.

Но онъ предпочелъ прильнуть жадными губами къ его розовой раковинѣ и золотистымъ завиткамъ выбивавшимся изъ высоко поднятаго натуральнаго шиньйона.

— Всѣ про это говорятъ, продолжала она, словно не примѣчая его дерзости,—хотя я никогда не повѣрю чтобъ у васъ зашло такъ далеко. Лина, мнѣ кажется, слишкомъ умна и осторожна чтобъ отважиться очертя голову... легкое кокетство—иное дѣло, но только безъ серіозныхъ послѣдствій.

— Любовь способна затемнить разсудокъ, возразилъ онъ фатовато,—а женщины, что игроки, способны соблюдать осторожность лишь до извѣстныхъ предѣловъ.

— Вы полагаете, улыбнулась графиня, усмотрѣвшая въ этихъ словахъ косвенное сознаніе,—а признайтесь, вамъ вѣдь очень скучно высиживать свой будущій княжескій титулъ, вдругъ перемѣнила она разговоръ,—куда вы дѣнетесь если мнѣ вздумается васъ прогнать?

Она однако столь же мало помышляла осуществить свою угрозу, какъ и онъ самъ повѣрить въ ея внезапное обращеніе къ добродѣтели. Съ каждымъ днемъ, напротивъ, ихъ сближеніе становилось тѣснѣе подъ воздѣйствіемъ взаимнаго тяготѣнія. Юрій Дмитріевичъ все болѣе уливался нездоровымъ ароматомъ составлявшимъ природную атмосферу этой женщины. Ея легкая покладливая мораль, насмѣшливо недовѣрчивое отношеніе ко всякимъ идеаламъ, ко всему возвышенному и чистому, выходящему изъ круга ея понятій приходилась какъ нельзя болѣе по плечу его собственной нравственной безсодержательности, холодному жуирству. Графиня, съ отличавшею ея смѣтливостію, воспользовалась какъ нельзя лучше своимъ полугодовымъ кочеваніемъ по элегантнѣйшимъ курортамъ Европы, гдѣ вся жизнь разстилается такъ-сказать подъ

открытымъ небомъ, чтобъ усвоить то особое изящество, послѣднее слово котораго долго заключалось въ умѣніи подражать, à s'y méprendre, прославленнымъ кокоткамъ. Роскошь малѣйшихъ мелочей соприкасавшихся съ ея особой, та тонкая, неосязаемая для профановъ роскошь которая проявляется въ подкладкѣ плаффока, ткани чулка или монограммѣ платка, въ умѣніи выбрать соотвѣтственные духи или почтовую бумагу, въ искусствѣ исправить моду, всегда слишкомъ рѣзкую и вульгарную, сообщеніемъ ей отпечатка личнаго вкуса и фантазіи, пріятно щекотала изощренный глазъ и притуплявшіяся внѣшнія чувства Ладожскаго. Вельбольская со своей стороны находила острое, неиспытанное наслажденіе въ близости этого барича, совмѣщавшаго, какъ ей представлялось, съ лоскомъ свѣтскаго человѣка необузданныя страсти дикаря.

Допустить Баратынцева до ревности было бы слишкомъ глупо. По разчету графини, онъ долженъ былъ оставаться, какъ она выражалась, все тѣмъ же michet sérieux, иначе говоря привилегированнымъ содержателемъ, какимъ сдѣлался со времени ихъ поѣздки за границу. Для него она не переставала выступать въ прежней роли Карениной, хотя бы и поступившейся своими безкорыстными, завѣтными принципами въ угоду его настояніямъ. Разсудивъ что вѣрнѣйшій способъ предупредить опасность — смѣло идти ей на встрѣчу, графиня не только не сочла нужнымъ умалчивать объ учащавшихся посѣщеніяхъ Ладожскаго, но представила ихъ Петру Петровичу какъ исключительный примѣръ добросовѣстнаго и благонамѣреннаго отношенія молодаго полковника къ его начальственнымъ намекамъ. Онъ де старается загладить такимъ усердіемъ и любезностію невѣжество своей хажи-жены, открыто заявляетъ предъ цѣлымъ обществомъ о своемъ непричастіи ко всякимъ сплетнямъ и интригамъ направленнымъ къ колебанію его, Петра Петровича, авторитета. Благодаря такой своеобразной постановкѣ вопроса, зародившееся сближеніе не только не вмѣнилось въ вину Юрію Дмитріевичу, но даже зачислилось въ положительную заслугу.

Не всѣ однако отнеслись съ такимъ же благодушіемъ къ усердію Юрія Дмитріевича, которое, разумѣется, не могло долго оставаться тайной для общества. Одни видѣли въ нихъ ловкій пріемъ карьериста, другіе непростительную распущенность и сердобольно сокрушались о Дарьѣ Николаевнѣ.

„Ton mari se dérange — fais attention," замѣтила ей съ обычною откровенностію княгиня Варягина, но Дарья Николаевна только презрительно повела плечами. Ей было не до его унизительныхъ забавъ. Дѣло благотворительности, которому она отдалась всею душой, охватывало ее все болѣе по мѣрѣ удачнаго осуществленія первыхъ попытокъ. Ночлежный пріютъ и дешевая столовая, съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ и безкормицы, едва могли удовлетворять потребностямъ неимущаго населенія; требовалось расширить кругъ дѣятельности обоихъ этихъ учрежденій, основанныхъ первоначально, за недостаткомъ средствъ, въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ. Независимо отъ этихъ заботъ, Дарья Николаевна, неутомимо продолжавшая свои прежнія посѣщенія несчастныхъ, обращавшихся къ „Посильной Полушкѣ", убѣдилась въ необходимости организовать раздачу дровъ. Зима оказывалась жестокою, кучи полуприкрытыхъ дѣтей, встрѣчаемыхъ ею по холоднымъ, сырымъ угламъ гдѣ ютилась городская нищета, надрывали сердце Дарьи Николаевны. Не задумываясь надъ издержками, она устроила наскоро домашнюю мастерскую, пріобрѣла на личныя средства нѣсколько швейныхъ машинъ, необходимые матеріалы и не довольствуясь наемнымъ трудомъ, сумѣла привлечь къ участію и заинтересовать въ этомъ дѣлѣ нѣсколькихъ молодыхъ дамъ. Мало-по-малу около нея сгруппировался цѣлый кружокъ людей воодушевленныхъ ея примѣромъ, гдѣ каждый старался принести посильную пользу. Для удобнѣйшаго обмѣна мыслей и скораго разрѣшенія всякихъ частныхъ затрудненій и вопросовъ, Ладожская признала полезнымъ назначить у себя день для вечернихъ собраній. Въ нихъ не было мѣста для праздныхъ пересудовъ ближняго, ни для неизбѣжнаго въ провинціи „винта". Дамы работали на машинахъ, молодежь помогала имъ въ чемъ могла и умѣла. Несмотря на полное отсутствіе общепринятыхъ развлеченій, серіозный, нѣсколько аскетическій характеръ этихъ собраній, сложившихся безо всякихъ ловидимому усилій со стороны хозяйки дома, никогда никого на оныя не приглашавшей, — межигорскій beau monde, падкій до новизны, сталъ понемногу наводнять гостиныя Дарьи Николаевны. Ея субботній „ouvroir", какъ незамедлили окрестить подходящимъ свѣтскимъ терминомъ эти еще невидалыные пріемы, мало-по-малу становился центромъ тяготѣнія къ которому стремились

разнородныя фракціи общества. Одни являлись изъ суетной погони за „хорошимъ тономъ“, другіе изъ тщеславнаго желанія порисоваться сочувствіемъ къ общественной пользѣ, большинство просто потому что двери были широко открыты, а чарующая привѣтливость и простота Дарьи Николаевны вносила въ эти собранія нѣчто свѣжее и безъискусственное, чего не доставало въ заурядныхъ пріемахъ губернскаго high life.

Въ началѣ декабря общій интересъ еще болѣе оживился, когда по почину хозяйки дома стала обсуждаться программа большаго праздника, предположеннаго ею на святкахъ для пополненія значительно оскудѣвшаго вслѣдствіе прежней неурядицы основнаго фонда „Посильной Полутки“. Хотя организація этого благотворительнаго торжества являлась дѣломъ общественнымъ, тѣмъ не менѣе каждый сознавалъ что успѣхъ его будетъ всецѣло зависѣть отъ умѣнія и расторопности устроителей. Попытки предшествующихъ годовъ были довольно неудачны. Масса публики на которую разчитывали, запуганная высокими цѣнами, а еще болѣе необходимостью соотвѣтственныхъ дорогихъ нарядовъ, уклонялась отъ посѣщенія ежегоднаго благотворительнаго бала-аллегри, устраиваемаго яко бы отъ имени Общества секретаремъ онаго княземъ Торжковскимъ. Широкія издержки по убранству залы, устройству буфетовъ и пріобрѣтенію выигрышей едва окупались выручкой. Ольга Сергѣевна, присутствовавшая въ качествѣ предсѣдательницы за однимъ изъ колесъ, наводила своимъ величіемъ ужасъ на мелкій людъ, и губернскіе сановники, почитавшіе за непремѣнный долгъ оставить свои пять, десять рублей у ея трибуны, не могли восполнить тѣхъ сотенъ и тысячъ которыя складываются изъ копѣечныхъ приношеній массы. Дарья Николаевна, единогласно избранная въ общемъ собраніи вице-предсѣдательницей Общества на мѣсто сложившей съ себя это званіе предъ отъѣздомъ за границу графини Вельбольской, сразу подмѣтила ложную точку отправленія, обусловливавшую главнымъ образомъ неудачу этихъ празднествъ. Вмѣсто того чтобъ устраиваться для массы, которая была способна обезпечить серіозную выручку, они сохраняли исключительно кружковой характеръ. Мысль замѣнить стѣснительный и недоступный для большинства бальный туалетъ простымъ домино и маскою показалась ей вѣрнымъ шагомъ къ достиженію желаемаго многолюдства. Всѣ состоянія и общественныя различія сглаживались подъ

этимъ объединяющимъ костюмомъ. Масса мелкаго люда: лисцы, прикащики, служащіе всякаго рода, никогда бы не отважились показаться въ черномъ фракѣ, допуская даже возможность таковой добыть, но не задумаются повеселиться въ нарядѣ Турка или Цыгана. Еще болѣе пріобрѣтало вѣроятія такое предположеніе въ примѣненіи къ женщинамъ, для которыхъ въ большинствѣ случаевъ, особенно въ среднихъ кругахъ, вопросъ о нарядѣ являлся вопросомъ самолюбія и сводился къ ужасающему афоризму: „явиться не хуже другихъ“.

— Устроимъ такъ чтобы наше присутствіе никого не стѣсняло, говорила Дарья Николаевна,—и предоставимъ каждому бѣдняку полную возможность повеселиться отъ души за тѣ деньги которыя мы отберемъ у него въ пользу еще болѣе несчастныхъ, только при такихъ условіяхъ и возможно разчитывать на полный успѣхъ.

Всѣ единодушно одобрили такой взглядъ; лишь одинъ князь Торжковскій, продолжавшій числиться въ должности секретаря, пробовалъ возражать, ссылаясь на разнузданность дикихъ инстинктовъ толпы, на неудобство соприкосновенія avec la canaille, которое вызоветъ необходимость усиленныхъ полицейскихъ мѣръ.

— Увѣряю васъ что нашей полиціи будетъ вполнѣ достаточно, улыбнулась Дарья Николаевна, оглядываясь на окружавшихъ ея дамъ,—что же касается дикихъ инстинктовъ, то увы! они далеко не составляютъ исключительной принадлежности извѣстнаго слоя общества, а способны проявиться во всякой средѣ подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ и безвѣрія; приличное веселіе, какъ утверждаютъ, хорошій совѣтчикъ, и потому я надѣюсь намъ нечего опасаться съ этой стороны.

Такимъ образомъ, было окончательно рѣшено сообщить готовящемуся празднику возможно общедоступный характеръ, превративъ его въ балъ-маскарадъ, съ аллегри, базаромъ и дамскимъ буфетомъ, причемъ, для избѣжанія всякихъ неудобствъ и стѣсненій, маска была признана обязательною для всѣхъ входящихъ дамъ, за исключеніемъ распорядительницъ и продавщицъ. Прежде всѣхъ многосложныхъ распоряженій и сношеній по предстоящему празднику, Дарья Николаевна признала необходимымъ заручиться одобреніемъ Ольги Сергѣевны. Хотя сія послѣдняя и предоставила ей всецѣло бразды правленія дѣлами Общества, но простая деликатность вмѣняла въ обязанность поставить въ извѣст-

ность обо всемъ предположенномъ номинальную предсѣдательницу. Съ этою цѣлью Дарья Николаевна отправилась къ ней передъ обѣдомъ, когда ослабѣвавшее дѣйствіе логощеннаго утромъ морфія позволяло несчастной женщинѣ пользоваться нѣкоторою свободой умственныхъ способностей. Ольга Сергѣевна съ первыхъ же словъ все одобрила и на все согласилась. Она де полагается на умѣніе, безпримѣрное рвеніе и свѣтскій тактъ своей замѣстительницы и уполномочиваетъ ее дѣйствовать во всемъ по своему крайнему усмотрѣнію.

— У меня къ вамъ только одна просьба, моя дорогая, непремѣнно заключила она,—и я надѣюсь что вы мнѣ въ ней не откажете: отъ этого зависитъ мое спокойствіе и можетъ быть даже служебная карьера вашего мужа.

— Можете ли вы сомнѣваться, протестовала Ладожская, нѣсколько озадаченная страннымъ сочетаніемъ столь разнородныхъ повидимому условій.

— Дайте мнѣ слово что вы исполните, настаивала Баратынцева.

— Но въ чемъ же дѣло? Если только это не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, то я готова отъ всей души вамъ служить, допытывалась молодая женщина, невольно встревоженная такими необычайными прелюдіями, опасаясь опрометчиво обязаться къ чему-либо противному своимъ понятіямъ и правиламъ.

— Сдѣлайте визитъ Вельбольской, она не дастъ „ему“ покоя!

— Кому это? спросила недоумѣвая Дарья Николаевна.

— Да Питеру, онъ страшно возбужденъ и можетъ повредить по службѣ вашему мужу.

Глаза Ладожской вспыхнули сдержаннымъ негодованіемъ.

— Не понимаю что̀ можетъ быть общаго между служебною исправностію Юрія Дмитріевича и моими частными отношеніями къ кому бы то ни было! Если подобное соотношеніе дѣйствительно возможно, то я первая посовѣтую мужу поскорѣе выйти въ отставку чтобы не подвергаться случайностямъ недостойнымъ всякаго сколько-нибудь уважающаго себя человѣка.

Ольга Сергѣевна сообразила свое неудачное вступленіе и слѣшила его поправить.

— Это конечно только одно предположеніе, Питеръ всегда безпристрастенъ и умѣетъ цѣнить людей, путалась бѣдная

женщина,—онъ съ большою похвалой отзывался объ Юріи Дмитріевичѣ, вотъ почему и желательно чтобъ эти добрыя отношенія не охлаждались... Il est très susceptible, не терпитъ противодѣйствія, покушеній на свой prestige. Конечно, вы имѣли полнѣйшія основанія игнорировать „ее“ послѣ всего случившагося, mais par égard pour lui...

— Извините меня за откровенность, Ольга Сергѣевна, спокойно но твердо остановила ее Дарья Николаевна,—такая угодливость, несмотря на все мое уваженіе къ Петру Петровичу, совершенно не согласуется съ моимъ пониманіемъ, не говоря о томъ что я считала бы ее унизительною для себя и оскорбительною по отношенію къ вамъ.

— О что касается до меня, я уже давно со всѣмъ примирилась, тяжело вздохнула Баратынцева,—лучшее доказательство то что я продолжаю и теперь ее принимать.

— На то ваша воля; вы одни имѣете право снисходить и прощать. Но для посторонних—потворствовать скандалу не то ли же самое что одобрять его. Я далека отъ мысли осуждать Петра Петровича, еще далѣе отъ намѣренія бросать камень въ Вельбольскую, старательно избѣгаю и по мѣрѣ возможности предупреждаю вокругъ себя всякіе толки и сплетни, которые не имѣютъ ровно никакого вліянія на мой личный образъ дѣйствій, но право я не въ силахъ, вѣрьте моему слову, даже въ угоду вамъ, снизойти до того чтобы всенародно лгать и притворяться, поддерживая сношенія съ женщиной которую не могу уважать.

— Но что же вамъ значитъ забросить карточку въ такой день когда ее завѣдомо не будетъ дома?

— Для чего она ей, скажите на милость, разъ наши отношенія не могутъ продолжаться по старому? Такая уступка была бы непростительнымъ малодушіемъ, которое незамедлитъ создать кучу усложненій, причемъ ея самолюбію пришлось бы вынести цѣлый рядъ уколовъ. Нѣтъ, все это я давно уже взвѣсила и нашла что откровенность все-таки самый лучшій выходъ.

— Но вы можете безпрестанно встрѣтиться съ нею въ обществѣ, вѣдь она вездѣ бываетъ.

— Я постараюсь избѣгать съ нею встрѣчи въ слишкомъ интимныхъ кружкахъ; что же касается многолюдныхъ собраній, мой трауръ лишаетъ меня пока возможности принимать въ нихъ участіе, но еслибы даже мы и встрѣтились, то

надѣюсь у нея достанетъ такта не требовать отъ меня объясненій, какъ у меня найдется достаточно умѣнія ничѣмъ ее не оскорбить.

— Милая, не упрямьтесь, сдѣлайте это хотя для меня, чуть не со слезами настаивала Ольга Сергѣевна.

— Право не могу, рѣшительно отозвалась Дарья Николаевна,—бываютъ случаи когда поступиться извѣстными правилами значило бы перестать быть самой собою; вы не станете отъ меня этого требовать.

Ольга Сергѣевна умолкла; она поняла что Ладожская вполнѣ права и не могла не почувствовать уваженія къ ея прямотѣ.

— Боже, какъ все это гадко и унизительно! проговорила она сквозь навернувшіяся слезы, сознавая внезапно ту жалкую роль въ которой она сейчасъ выступала предъ нею, упрашивая такъ настоятельно посѣтить любовницу своего мужа.

— Терпите, претерпѣвшій до конца· спасется, шепнула Дарья Николаевна, крѣпко пожимая на прощаніе ея тонкую, исхудалую руку.

VII.

Князь Торжковскій рвалъ и метался во всѣ стороны, волія о тщетности истинныхъ заслугъ и неблагодарности начальства. Вакантная должность Василія Петровича Нахимцева замѣщена была наконецъ другимъ лицомъ, изъ мѣстныхъ, изъ чего князь прямо заключалъ что Баратынцевъ и не помышлялъ ходатайствовать о немъ предъ главнымъ начальникомъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ преимущество непремѣнно бы осталось за нимъ. Князь не ошибался. Петръ Петровичъ, несмотря на свое ослѣпленіе графиней и неудовольствіе противъ Нахимцева, настолько былъ осторожепъ и предусмотрителенъ что не рискнулъ компрометтировать себя рекомендаціей человѣка завѣдомо неспособнаго къ серіозному дѣлу. Мелкая угодливость Торжковскаго, которую тотъ ставилъ себѣ въ особую заслугу, цѣнилась Баратынцевымъ едва ли не наравнѣ съ обязательнымъ усердіемъ домашней прислуги. Онъ привезъ ему, въ знакъ особаго благоволенія, дорогой портъ-сигаръ отъ Клейна и назначилъ къ наступающимъ праздникамъ пятисотрублевое пособіе изъ канцелярскихъ остатковъ, полагая что такимъ образомъ счеты съ нимъ пока достаточно сведены. Сама Вельбольская никогда особенно

горячо не расплывалась за князя, и хотя намекала о его заветномъ желаніи получить должность Нахимцева, но вполнѣ согласилась съ возраженіемъ Петра Петровича qu'il n'était pas un garçon assez sérieux, и такимъ образомъ кандидатура его была похоронена. Ради очищенія совѣсти генералъ все-таки почелъ долгомъ выразить ему легкое соболѣзнованіе по поводу „неудавшихся предположеній", давая притомъ понять что съ его стороны были приложены возможныя старанія.

Торжковскій не поддался однако обольстительнымъ уловкамъ начальнической дипломатіи. Для него повышеніе было вопросомъ насущнаго хлѣба, и онъ отлично зналъ что если-бы Баратынцевъ дѣйствительно „захотѣлъ", то безъ всякаго сомнѣнія и „смогъ" бы доставить ему желанное назначеніе. Единственною и прямою виновницей неудачи была, по его мнѣнію, графиня, не сумѣвшая или просто не пожелавшая вызвать въ генералѣ достаточно энергическое напряженіе воли въ его пользу. Она повидимому признавала удобнымъ извлекать для себя пользу изъ его, Торжковскаго, услугъ, ничего не предоставляя ему въ замѣнъ, но онъ не такъ глупъ чтобы позволить безсовѣстно себя эксплуатировать и сумѣетъ доказать ей какого союзника она безразсудно утратила своею неблагодарностію. Такъ размышлялъ озлобленный князь, переворачивая въ головѣ всѣ удобные способы насолить графинѣ, не подвергая однако своей особы непріятнымъ послѣдствіямъ замышляемаго возмездія.

Задача была не легкая. Возраставшее вліяніе графини начинало мало-по-малу выступать за предѣлы негласнаго, будуарнаго тяготѣнія и выступало все смѣлѣе въ сферѣ чисто служебныхъ, дѣловыхъ интересовъ. Многія назначенія, увольненія и перемѣщенія, какъ гласила городская молва, были дѣломъ ея иниціативы. Въ ранніе утренніе часы въ пріемной ея зачастую можно было наткнуться на такихъ личностей присутствіе которыхъ могло оправдываться лишь искательствомъ.

Она дѣлала замѣтки, принимала докладныя записки, поощряла и обнадеживала, словомъ, вполнѣ входила въ свою новую роль „женщины правительницы", зародившуюся въ ней на обломкахъ Анны Карениной. Нахманъ и Подвысоцкій серіозно разчитывали на ея искусство въ „проведеніи" весьма сомнительнаго проекта объ отчужденіи (яко бы для общественной пользы) части городскихъ земель, до которыхъ имъ

хотѣлось добраться. Дѣла Земельно-Промышленнаго Кредита велись дурно и неряшливо. Они это знали, но предпочитали молчать, убѣжденные что не останутся въ накладѣ, такъ какъ, заручившись извѣстными данными, могли смѣло разчитывать что графъ Михаилъ Павловичъ до полнаго краха успѣетъ еще учесть имъ на сотни тысячъ фиктивныхъ цѣнностей. Противопоставлять этой свѣжей, съ каждымъ днемъ возрастающей силѣ графини, жалкіе остатки и прежде довольно ничтожнаго внѣ домашней сферы вліянія Ольги Сергѣевны, перебѣжать открыто и безповоротно въ лагерь разбитаго на всѣхъ пунктахъ противника казалось князю слишкомъ убогою политикой. Такой крутой поворотъ кромѣ удовлетворенія мелочнаго самолюбія не представлялъ никакой существенной выгоды, могъ даже навлечь на него неумолимый гнѣвъ Вельбольской, а съ нимъ и потерю всего не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ. „Лучше всего притвориться переполненнымъ признательностью и постараться еще глубже проникнуть въ ея довѣріе," порѣшилъ онъ, „въ улоеніи своею силой она становится неосмотрительною, а Ладожскій что-то не съ проста потупляетъ глаза и принимаетъ разсѣянный видъ когда рѣчь заходитъ объ его усердничаніи около прелестной графини—я буду колпакъ если не сумѣю ихъ выслѣдить—и тогда..."

Что будетъ „тогда", онъ даже самъ себѣ не осмѣлился высказать, но, какъ можно полагать, нарисовавшаяся въ его мысляхъ картина настолько соотвѣтствовала завѣтнымъ помысламъ что игривая улыбка освѣтила его безбородое лицо.

Вѣрный такой программѣ, князь усугубилъ свои старанія и услужливость предъ Вельбольскою, являясь къ ней аккуратно ежедневно около завтрака, который, между прочимъ, былъ всегда отличный, не то съ докладомъ, не то за полученіемъ приказаній и порученій. Такимъ образомъ, графиня не замедлила узнать отъ него малѣйшія подробности всего порѣшеннаго у Дарьи Николаевны касательно проектированнаго бала-маскарада.

— Я легко бы могла свести къ нулю всѣ ихъ нелѣпыя затѣи подавъ Петру Петровичу добрый совѣтъ не разрѣшать подобнаго вздора, небрежно замѣтила она,—но во избѣжаніе неминуемой лишкотни воздержусь ото всякаго вмѣшательства и даже намѣрена послать Mme Ладожской бронзовые часы и пару канделябръ для аллегри; пусть это будетъ моимъ мщеніемъ за ея невѣжество и глупыя выходки.

— Вы само великодушіе, восхищался князь, — еслибы всѣ люди способны были руководиться такими возвышенными понятіями, мы скоро вернулись бы къ золотому вѣку.

— А еще смѣютъ утверждать что я зла.

Вошедшій слуга подалъ графинѣ на серебряномъ подносѣ лакетикъ.

— Отъ полковника Ладожскаго, просятъ отвѣта, доложилъ онъ.

— Pardon, обратилась графиня къ своему собесѣднику, пробѣжавъ глазами записку и присѣвъ у помѣщавшагося тутъ же изящнаго письменнаго столика изъ розоваго дерева съ бронзой, написала нѣсколько словъ своимъ размашистымъ, почти мужскимъ почеркомъ. Князь, пристально слѣдившій, не показывая вида, за всѣми ея движеніями, примѣтилъ какъ прежде нежели вложить въ конвертъ наскоро набросанный отвѣтъ, графиня крѣпко прижала его къ свѣжему листку пролускной бумаги изъ розовой тетрадки помѣщавшейся въ дорогомъ бюварѣ вицской инкрустаціи.

— C'est fait, проговорила Вельбольская, вручая отвѣтъ слугѣ,—Ладожскій извиняется что не можетъ по обѣщанію пріѣхать завтракать, я звала его обѣдать: il est très amusant!

Но Торжковскій опять-таки успѣлъ убѣдиться что полученная записка осталась скомканною въ рукѣ графини державшей косовой платокъ, съ которымъ и опустилась въ боковой карманъ утренняго шлафрока. Это обстоятельство показалось ему многозначительнымъ.

— Вы мнѣ такъ и не показали до сихъ поръ вашихъ аланconскихъ кружевъ пріобрѣтенныхъ на распродажѣ у Irma Deligne; говорятъ, это восьмое чудо свѣта, словно приломилъ внезапно князь.

— Что это вамъ вдругъ пришло въ голову? удивилась графиня.

— Я бился объ закладъ съ madame Адлерстремъ что онѣ не могутъ быть такъ стары какъ она утверждаетъ.

— И проиграете; всѣ знатоки признаютъ этотъ волантъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ былъ кулленъ въ Римѣ графомъ Мезонвилемъ и украшалъ одну изъ туникъ покойнаго папы.

— Ради Бога, графиня, сжальтесь надъ моимъ нетерпѣніемъ, вы знаете что я вѣдь тоже кое-что въ этомъ смыслю, умолялъ онъ.

— Извольте, но только вы сами не знаете какую работу мнѣ задаете: придется перебирать всю кружевную шкатулку.

— Хотите я помогу вамъ порыться въ этихъ сокровищахъ?

— Нѣтъ, спасибо, вы только надѣлаете мнѣ безпорядокъ, я и сама справлюсь, отвѣтила она подымаясь.

Едва Вельбольская успѣла скрыться за атласною портьерой, князь осторожно, словно обозрѣвая бездѣлушки разсыланныя кругомъ, незамѣтно подобрался къ письменному столику. Взглядъ его впился въ мозаичный бюваръ лежавшій на его срединѣ.

Смѣло, безъ раздумья, словно любуясь искуснымъ подборомъ разноцвѣтнаго дерева, воспроизводившимъ двухъ пущенныхъ во весь опоръ борзыхъ, Торжковскій наклонился надъ бюваромъ и приподнявъ верхнюю доску опаго мгновенно добрался до свѣжаго листка „промокашки“. Почеркъ графини оставилъ на немъ самый точный факсимиле съ ея отвѣта Ладожскому. Перевернувъ листокъ, князь прочелъ безъ малѣйшаго затрудненія: „Огорчена непредвидѣнною двухдневною разлукой. Въ четвергъ, послѣ двѣнадцати; постараюсь отдѣлаться мигренью, въ случаѣ удачи лампа у втораго окна будуара—буду ждать“.

— Ну, этотъ документикъ необходимо пріобщить къ дѣлу, можетъ со временемъ пригодится, разсудилъ князь, и смѣлою рукой вырвалъ предательскій листокъ изъ розовой тетрадки бювара вмѣстѣ съ соотвѣтственною половинкой, способною выдать похищеніе.

Вернувшаяся минуту спустя графиня застала его углубленнымъ въ разсматриваніе саксонскихъ куколокъ, декорировавшихъ одну изъ стѣнъ. Алансонскій волянъ разумѣется оказался чудомъ: Петръ Петровичъ не даромъ выложилъ за него шесть тысячъ франковъ, „по случаю“.

На другой день послѣ этого эпизода Баратынцевъ, осторожно вскрывавшій остріемъ небольшаго индійскаго кинжала—онъ утверждалъ что прикосновеніе бумаги портитъ ему руки—утреннюю, лично на его имя адресованную корреспонденцію, былъ ошеломленъ анонимною запиской слѣдующаго содержанія: „Васъ безсовѣстно обманываютъ съ Ладожскимъ. Если хотите убѣдиться, то можете это сдѣлать въ ближайшій четвергъ: васъ отошлютъ ранѣе двѣнадцати подъ предлогомъ мигрени, лампа у втораго окна будуара условленный сигналъ. *Преданный другъ*“.

Послѣ первыхъ секундъ почти безсознательнаго изумленія, Петръ Петровичъ скомкалъ письмо въ порывѣ неудержимаго гнѣва. „Это гнусная клевета, подлая интрига“, повторялъ онъ себѣ, стараясь заглушить острое чувство какой-то невѣдомой боли, словно подсмѣивавшейся надъ его усиліями сохранить спокойствіе. Тысяча безумныхъ предположеній кружились у него въ головѣ, и онъ самъ не зналъ, которому вѣрить, на которомъ остановиться. То ему представлялось что полученная записка только хитрое измышленіе Ольги Сергѣевны, отважившейся на это отчаянное, неблаговидное средство въ надеждѣ вернуть его къ себѣ, и онъ собирался, не откладывая долѣе, подняться къ ней на верхъ чтобъ осыпать упреками, раздавить презрѣніемъ виновницу гнуснаго пасквиля. Мысль что она еще въ постели его удержала. То вдругъ казалось, будто грозный сонмъ невѣдомыхъ предателей стремится опутать его и графиню безконечною сѣтью подпольной интриги съ намѣреніемъ разлучить, оторвать ихъ другъ отъ друга, и онъ, какъ сказочный богатырь, былъ готовъ крошить безъ разбора, лишь бы отвоевать свою заколдованную царевну.

— Я покажу имъ, я размечу всѣхъ, кто только осмѣлится къ ней прикоснуться... угрожалъ онъ невидимымъ супостатамъ.

Но вдругъ отрадная мысль, лучъ свѣта, всегда услужливо пробивающійся въ покладливомъ сердцѣ человѣка, блеснулъ успокоительною улыбкою на его искаженномъ злобою лицѣ. Что если эти строки написаны не кѣмъ инымъ какъ самою графиней, съ цѣлію его испытать, убѣдиться въ твердости его вѣры въ ея чистоту и непорочность, въ степени его довѣрія къ ней самой? Не слѣдуетъ ли ему въ этомъ случаѣ, чтобы не обмануть ея ухищреній, показать Сосѣ злосчастную записку, покаяться въ своей святотатственной тревогѣ и затѣмъ бросить въ огонь недостойный пасквиль? „А точность указаній, легкая возможность провѣрить, убѣдиться?“ подсказало вновь подкравшееся сомнѣніе, и опять та же первоначальная боль защемила на сердцѣ, еще мучительнѣе, еще невыносимѣе прежняго.

Для Петра Петровича, вѣдавшаго благодаря счастливымъ случайностямъ жизни лишь спокойную гармонію взаимности чувства, жгучія тревоги ревности были совершенно новымъ, незнакомымъ ощущеніемъ. Онѣ дѣйствовали на его

горячій, сангвиническій темпераментъ подобно ударамъ хлыста. Не взирая на весь жизненный опытъ своихъ пятидесяти лѣтъ, онъ любилъ по юношески, съ пыломъ и иллюзіями достойными истаго романтика, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, несмотря на модный, реально-гривуазный налетъ чужеземной культуры подъ который онъ подлаживался ради условнаго хорошаго тона. Двадцатилѣтнее поклоненіе Ольгѣ Сергѣевнѣ, растаявшее наконецъ въ тихой скукѣ ея слишкомъ ровной привязанности, въ невозмутимомъ постоянствѣ ихъ чувства, оставило въ его сердцѣ цѣлый запасъ нелочатыхъ силъ. Призванный къ жизни искусною рукой графини, этотъ поздній разцвѣтъ пахнулъ на него всею прелестію ранней весны, и онъ закрывалъ глаза предъ наглядным свидѣтельствомъ очевидности, лишь бы наслаждаться свѣтлою фантасмагоріей послѣднихъ отблесковъ закатившейся молодости. И вдругъ это письмо, это грубое какъ сама правда напоминаніе о прожитомъ полувѣкѣ, истраченныхъ деньгахъ, о положеніи, власти, всѣхъ неотдѣлимыхъ теперь отъ него самого, но посторонних для чувства придаткахъ, про которые онъ самъ охотно забывалъ, переселяясь духомъ въ заоблачную обитель сердечныхъ восторговъ! „Нѣтъ, это немыслимо, это клевета или неумѣстная шутка,“ безсмысленно твердилъ онъ, не имѣя силы оторваться отъ скомканнаго листка, дунувшаго бурей на его прихотливые цвѣты; но несмотря на всѣ усилія народившееся сомнѣніе подсѣкало въ корнѣ всѣ попытки успокоить его.

Онъ однако ничего не сказалъ Вельбольской, нашелъ силы и мужество затаить предъ нею обуревавшую его тревогу, трепетно ожидая указаннаго дня чтобъ убѣдиться въ правдоподобіи лущеннаго противъ нея обвиненія. Лишенный возможности, не компрометтируя одновременно себя и любимую женщину, прибѣгнуть къ посторонней помощи или негласному содѣйствію подчиненной ему полиціи, онъ рѣшился на первый разъ удовольствоваться внѣшнею провѣркой тѣхъ наружныхъ признаковъ измѣны на которые указывалъ неизвѣстный авторъ письма. Съ этою мыслію, отправляясь къ графинѣ, по обыкновенію, въ четвергъ вечеромъ, послѣ окончанія докладовъ, то-есть въ десятомъ часу, онъ отослалъ кучера съ приказаніемъ не пріѣзжать за нимъ подъ предлогомъ желанія пройтись пѣшкомъ. Вечеръ прошелъ по обыкновенію въ самой интимной бесѣдѣ, но около полу-

вины двѣнадцатаго графиня позвонила горничную и приказала подать себѣ migren-stift, жалуясь на усиливающійся приладокъ головной боли, тяготѣвшей надъ ней будто бы съ самаго утра. Четверть часа спустя появились ознобъ и невыносимая нервная зѣвота. Соси накинула теплую шаль и попробовала прилечь на кушетку, но и это не принесло желаннаго облегченія.

— Je suis désolée de vous renvoyer, mais je n'y tiens plus, проговорила она наконецъ разбитымъ, страдальческимъ голосомъ, видя что онъ продолжаетъ засиживаться.

Петръ Петровичъ поблѣднѣлъ—надкаминные часы въ сосѣдней гостиной медленно пробили двѣнадцать.

— Не приготовить ли вамъ порошокъ „гуарана“? спросилъ онъ, стараясь изыскать какой-нибудь предлогъ чтобъ остаться, въ надеждѣ еще убѣдиться вопреки очевидности въ добросовѣстности разыгрываемой комедіи,—они вамъ всегда помогали, при этомъ и чашка крѣпкаго чая...

— Нѣтъ, нѣтъ, нетерпѣливо перебила графиня, протягивая ему въ знакъ прощанія свою руку,—ничто не поможетъ; это настоящая, классическая мигрень; только абсолютное спокойствіе способно принести облегченіе—я бѣгу въ постель; до завтраго, мой другъ!

И не слушая его дальнѣйшихъ возраженій, она торопливо приказала появившемуся дворецкому гасить вездѣ огни „когда проводятъ генерала“, такъ какъ Михаилъ Павловичъ рѣдко возвращался изъ клуба ранѣе третьяго штрафа.

„Первая часть доноса оказалась вполнѣ точною“, соображалъ Баратынцевъ, спускаясь съ лѣстницы, „она меня выжила самымъ нахальнымъ образомъ. И какое смятеніе, какой страхъ чтобъ я не остался лишнихъ пять минутъ!“ Кровь стучала ему въ виски, чувство невыносимой боли сжимало сердце при мысли что она сейчасъ станетъ безнаказанно смѣяться надъ его легковѣріемъ со своимъ новымъ любовникомъ, расточая ему тѣ самыя ласки, тѣ же восторги въ исключительности которыхъ онъ видѣлъ до сихъ поръ недосягаемое блаженство. Онъ вдругъ пожалѣлъ о своей выдержкѣ, своей неумѣстной, смѣшной деликатности. Ему теперь хотѣлось вернуться назадъ чтобъ осыпать ее презрительными упреками, довести до слезъ, до раскаянія, выслушать можетъ-быть еще возможное оправданіе, но швейцаръ уже захлопнулъ за нимъ тяжелую дубовую дверь подъѣзда, задулъ лампу

въ прихожей, и страхъ смѣшнаго удержалъ его отъ этого несвоевременнаго порыва.

Сухой, морозный воздухъ тихой безлунной ночи возвратилъ ему понемногу почти утраченное сознаніе дѣйствительности. Баратынцевъ разстегнулъ крючекъ душившаго его воротника и вздохнулъ полною грудью. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подъѣзда, на противоположной сторонѣ улицы, онъ примѣтилъ вытянувшагося въ струнку околоточнаго, видимо поставленнаго тутъ въ избыткѣ усердія для наблюденія за его особой.

— Животныя, пробормоталъ онъ,—лучше бы досматривали гдѣ слѣдуетъ!

И подозвавъ растерявшагося полиціанта, отправилъ его подъ предлогомъ замѣченнаго безпорядка въ одну изъ сосѣднихъ улицъ.

Домъ занимаемый Вельбольскими стоялъ на углу не многолюдной „аристократической“ улицы и небольшаго переулка, въ который выходилъ довольно обширный садъ, прилегавшій къ заднему фасаду. Рѣдкіе масляные фонари, мерцавшіе тусклыми точками, благодаря благоразумной бережливости городской управы, позволяли осторожному наблюдателю, пріютившись въ тѣни противоположнаго темнаго забора, слѣдить за небольшою калиткой продѣланною по всей вѣроятности для удобства прислуги въ каменной, глухой оградѣ графскаго сада. Все это быстро сообразилъ Петръ Петровичъ тонкимъ чутьемъ настороженной ревности, быстро заворачивая въ темный проулокъ, вмѣсто того чтобъ идти, какъ ему надлежало для возвращенія домой, въ противоположную сторону по большой улицѣ. Ожидать ему пришлось не долго. Минутъ чрезъ десять, которыя однако показались ему цѣлою вѣчностію, на потемнѣвшемъ уже фонѣ графскаго дома, со стороны переулка, куда именно выходили туалетный кабинетъ, спальня и будуаръ графини, промелькнулъ одинокій огонекъ, не замедлившій обратиться въ неподвижную звѣзду за кружевною шторой втораго, то-есть ближайшаго къ улицѣ, окошка. Немного спустя съ улицы послышались торопливые шаги, сопровождавшіеся легкимъ звяканіемъ шпоръ, и Ладожскій—онъ узналъ его по фигурѣ и околышу фуражки — укутанный съ носомъ въ бобровую опушку шинели быстро проскользнулъ невдалекѣ отъ него и исчезъ въ калиткѣ сада, словно отворенной ему невидимою рукой. Не

ломня себя, Петръ Петровичъ послѣшно вышелъ изъ своей засады и сильнымъ движеніемъ налегъ на желѣзную скобку. Обнаженная рука почувствовала непріятный обжогъ промерзшаго металла, но калитка не поддалась его усиліямъ. Всѣ предосторожности были повидимому приняты. На потемнѣвшемъ вновь фасадѣ дома не свѣтился больше ни единый огонекъ, и только отблескъ ближайшаго фонаря отражался сквозь цѣльныя стекла на розовомъ подбоѣ, наглухо опущенныхъ, густыхъ драпировокъ знакомой спальни.

Тогда безсильная, тупая злоба, злоба скряги принужденнаго безмолвно созерцать расхищеніе своихъ сокровищъ, засосала сердце Баратынцева, и этотъ бодрый, пятидесятилѣтній мужъ, отецъ почти взрослыхъ дочерей, этотъ величественный и сильный сановникъ заплакалъ какъ школьникъ, отвергнутый пятнадцатилѣтнею кокеткой, у порога той женщины ради которой исковеркалъ свою доцвѣтавшую жизнь.

Могущество страсти, выступившей за предѣлы разсудка, тяжелѣе всего отражается на нравственной, психической сторонѣ порабощеннаго ею существа полнымъ поглощеніемъ его человѣческаго достоинства. Дряблая, обезсиленная воля за извѣстнымъ предѣломъ уже не въ состояніи противопоставить твердый оплотъ бурному потоку чувственности. Напряженные нервы повелительно требуютъ новыхъ, невѣдомыхъ восторговъ. Это общее явленіе исключительно чувственныхъ натуръ повторялось и на Баратынцевѣ. Онъ „зналъ и видѣлъ“, вложилъ перстъ въ зіяющую язву позора, предательства, обмана, и несмотря на все не находилъ силы расторгнуть постыдныхъ узъ, сознавая что безъ нихъ самая жизнь превратится въ скучную канитель ничѣмъ не подслащенныхъ обязанностей. Самыя унизительныя аккомодаціи, самый пошлый обманъ казались ему предпочтительнѣе этого разрыва, одна мысль о которомъ заставляла его теперь содрагаться. Повидимому ничто не перемѣнилось: графиня встрѣчала его обыкновенно съ тою же плѣнительною улыбкой, такъ же мучила и терзала въ минуты ожесточенія измышленными страданіями, такъ же повелительно налагала свою волю, но каждая ея ласка, каждый порывъ вызывали въ немъ, вмѣстѣ со жгучимъ наслажденіемъ, какую-то невѣдомую до того, острую боль причиняемую сознаніемъ своего униженія. Всюду мерещился ему насмѣшливый образъ невидимаго соглядатая. Эти красивыя руки обви-

вались такъ же крѣпко вокругъ *его* шеи: эти пышныя, румяныя губы можетъ-быть еще страстнѣе сливались въ поцѣлуѣ съ *другими*, молодыми устами; *онъ* улилася точно также нѣжнымъ ароматомъ ея мягкихъ, шелковистыхъ волосъ! О этотъ другой съ которымъ онъ „долженъ“ былъ вѣчно ею дѣлиться, съ какимъ бы наслажденіемъ Баратынцевъ прострѣлилъ ему сердце, еслибы не страхъ что его кровь разольется между ними непроходимымъ потокомъ, способнымъ навсегда разлучить его съ „нею“.

Онъ внезапно постарѣлъ и осунулся, снѣдаемый этою ежечасною борьбой между своею страстію и самолюбіемъ. Подобно тѣмъ роскошнымъ, сберегаемымъ въ прокъ плодамъ которые долго сохраняютъ свою свѣжесть въ равномѣрной температурѣ прохладнаго помѣщенія, онъ сталъ блекнуть и съеживаться въ горячей атмосферѣ ненасыщенной страсти. „Il flaire quelque chose,“ соображала графиня, примѣчая подчасъ мрачный огонь его взгляда, внезапные приладки раздражительности и упрямства, смѣнявшіе самыя восторженныя изліянія. На всѣ разспросы о причинахъ такой перемѣны онъ неизмѣнно отвѣчалъ что его тяготитъ сознаніе необходимости дѣлиться ею съ другимъ. „Да съ кѣмъ же?“ настаивала она, пытливо заглядывая ему въ глаза, „вѣдь я твоя, только твоя,“ но онъ дѣлалъ видъ что ревнуетъ ее къ мужу, хотя она и клялась ему что съ графомъ Михаиломъ Павловичемъ у нея сохранились лишь однѣ отношенія de bonne et franche amitié.

Не ускользнула послѣдовавшая въ Петрѣ Петровичѣ перемѣна и отъ чуткаго, переполненнаго къ нему любовію сердца Ольги Сергѣевны. Въ короткіе часы обязательныхъ встрѣчъ за завтракомъ и обѣдомъ, она пристально наблюдала за мужемъ, отмѣчая малѣйшія уклоненія въ его, столь хорошо извѣстныхъ ей привычкахъ и вкусахъ. Онъ теперь сталъ подкрашивать свои лущистыя бакенбарды съ цѣлію невидимому сокрыть пробивавшіяся серебристыя нити, еще круче подвивалъ кокъ, лилъ несравненно больше бургонскаго и противъ обыкновенія началъ позволять себѣ за кофе рюмочку шартрёза или кюрасо, которыхъ всегда остерегался до того времени, утверждая что они его волнуютъ. „Что съ нимъ?“ допытывалась бѣдная женщина у князя Торжковскаго, продолжавшаго, несмотря на свою интимность съ графиней, оставаться въ силу привычки обычнымъ повѣреннымъ сердечныхъ изліяній Ольги Сергѣевны, и разгадавъ изъ прозрач-

ныхъ намековъ *crevé* что ея Питера снѣдаетъ ревность къ болѣе юному и по всей вѣроятности не менѣе счастливому сопернику, вознегодовала на Вельбольскую за то что она осмѣлилась „ему“ измѣнить, почти столь же сильно какъ нѣкогда негодовала за то что она дерзнула его любить. „Безстыжая дрянь,“ заключила она, „такого человѣка не сумѣла оцѣнить! Да неужто онъ до того ослѣпленъ что не примѣчаетъ ея мерзостей?“

Князь соболѣзнуя ссылался на поразительное искусство графини вести параллельно двѣ интриги разомъ, такъ что оба соперника, съ придачей третьяго, мужа, оставались довольны.

— Когда-нибудь однако все это разрѣшится крупнымъ скандаломъ и генералъ отъ нея отвернется, добавилъ онъ утѣшительно.

— Ахъ дай-то Богъ, тяжело вздохнула Ольга Сергѣевна,— только не дожить мнѣ до того!

Силы дѣйствительно начинали ей измѣнять. Отвращеніе къ пищѣ усиливалось съ каждымъ днемъ. Воспаленные продолжительнымъ дѣйствіемъ яда, органы питанія стали работать такъ вяло что малѣйшая неосторожность вызывала жестокія болѣзненныя явленія въ полости желудка. Поля, весьма искусная закройщица, изнемогала надъ постоянною передѣлкой туалетовъ своей госпожи, неприлаживавшихся къ ея словно таявшему съ каждымъ днемъ бюсту.

Петръ Петровичъ „теперь“ все это примѣчалъ, и запоздалая жалость стала пробиваться въ его, словно просвѣтленномъ собственнымъ горемъ, сердцѣ. Тревожно опрошенный имъ Шёнбейнъ, съ невозмутимою флегмой вооруженнаго послѣднимъ словомъ науки эксперта, далъ ужасающіе своею точностью отвѣты. По его заключенію, дѣло было сдѣлано, поворотъ назадъ невозможенъ. Правда что въ Берлинѣ и еще кое-гдѣ организованы спеціальныя заведенія для лѣченія страшной маніи къ разрушительному наркотику, но паціентка де едва ли выдержитъ ихъ суровый régime, организмъ де слишкомъ ослабъ, неспособенъ къ противодѣйствію. Только убивающій его ядъ еще и можетъ поддерживать искусственное напряженіе жизни, которая при лучшихъ условіяхъ протянется года полтора-два. На упреки въ попустительствѣ оракулъ спокойно отвѣтствовалъ общими фразами: онъ де предостерегалъ, давалъ понять, словомъ, отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность, ссылаясь на то что рецептовъ не

подписывалъ, и Ольга Сергѣевна, по всей вѣроятности, пользуясь своимъ положеніемъ, требовала морфій изъ аптеки по личнымъ запискамъ, въ чемъ де не смѣли ей отказать, или имѣла подъ рукой значительный запасъ этого наркотика, вывезенный изъ-за границы.

Да, винить было некого, убійцей ея былъ онъ самъ. Слышался все ясньше Петру Петровичу пробудившійся голосъ долго дремавшей совѣсти; онъ самъ натолкнулъ ее на этого страшнаго утѣшителя, самъ въ глубинѣ своего преступнаго сознанія не разъ ласкалъ мечты о возможности свободы, возможности полнаго, безмятежнаго счастія съ другою на порогѣ ея земнаго разрушенія. И вотъ предъ нимъ теперь мелькнулъ недалекій призракъ этой желанной свободы, этого дучезарнаго счастія, и онъ самъ ужаснулся его насмѣшливо искаженнаго лица. Ладожскій могъ исчезнуть не только изъ Межигорска, о переводѣ его въ другую подвѣдомственную мѣстность „для пользы службы“ онъ вошелъ уже съ представленіемъ, но и съ лица земли, но это обстоятельство не возвратитъ ему его несбыточнаго сна, не сможетъ бросить его вновь исполненнаго юношескимъ пыломъ и довѣріемъ въ объятія любимаго существа, для него лишь трепещущаго молодою любовію.

Снѣдаемый сознаніемъ своей немощи, Баратынцевъ однажды утромъ предъ обычнымъ выѣздомъ къ графинѣ завернулъ по старой привычкѣ попрощаться съ женой. Она уже давно отвыкла отъ наружныхъ знаковъ его вниманія, долго еще замѣнявшихъ отлетѣвшее чувство, и кромѣ урочныхъ появленій за нѣсколько минутъ до завтрака и обѣда никогда не разчитывала на его посѣщенія. Въ обширной гостиной царила, по обыкновенію, полнѣйшая тишина, нарушаемая лишь звонкимъ храпомъ Шарика, пріютившагося у ногъ своей госпожи. Ольга Сергѣевна спала на своемъ любимомъ механическомъ креслѣ съ откидною спинкой и иными комфортабельными приспособленіями, подъ дѣйствіемъ принятаго наркотика. Петръ Петровичъ невольно остановился и сталъ вглядываться въ ея исхудалое, но еще красивое, словно застывшее лицо, по которому, какъ ему показалось, пробѣгала порой отрадная, неземная улыбка. Онъ въ первый разъ созерцалъ ее въ такомъ видѣ и никакъ не могъ постичь откуда снизошелъ на нее этотъ торжественный, блаженный покой, схожій со смертію, но освѣщенный отблескомъ жизненныхъ радостей. Пузырекъ

съ растворомъ морфія и маленькій подкожный шприцъ, забытые тутъ же на рабочемъ столикѣ, случайно попались ему на глаза и дали желанный отвѣтъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, припомнилъ онъ какъ бы очнувшись,—покой забвенія, забвенія „всего“... не испробовать ли? вѣдь это то же что̀ и вино, только дѣйствительнѣе, опрятнѣе?...

И приблизившись онъ протянулъ руку къ лузырьку, но спящая внезапно открыла глаза и остановила на немъ мутный, стеклянный взглядъ. Онъ невольно растерялся, и сталъ тихо укорять ее въ малодушіи, сжимая въ рукѣ захваченный подкожный шприцъ.

— Возьми, у меня ихъ нѣсколько, проговорила Ольга Сергѣевна, не слуская съ него своего загадочнаго взгляда,—„оно“ помогаетъ...

Она улыбнулась, снова владая въ свое блаженное забытье: ей теперь казалось что смерть возвратитъ его ей безраздѣльно.

Онъ попробовалъ...

VIII.

Востряковъ продолжалъ оставаться въ Межигорскѣ, хотя и считался выбывшимъ для Ольги Сергѣевны. Дарья Николаевна признала возможнымъ и даже полезнымъ, согласно просьбамъ юноши, оставить Баратынцеву въ такомъ убѣжденіи для избавленія несчастной женщины отъ новыхъ, совершенно напрасныхъ тревогъ. Возвращая обратно полученные для него сто рублей, Ладожская коротко пояснила что Востряковъ успѣлъ заручиться благодаря счастливой случайности должностію въ другомъ городѣ и, не ожидая результата предпринятыхъ въ его пользу ходатайствъ, внезапно уѣхалъ прежде нежели она успѣла исполнить ея порученіе. Между тѣмъ силы молодаго человѣка настолько казалось возстановились что Дарья Николаевна поручила ему завѣдываніе столовою вмѣстѣ съ кое-какими работами по приведенію въ порядокъ отчетности „Посильной Полушки“, запущенной княземъ Торжковскимъ до хаотическаго состоянія. Вознагражденіе опредѣленное ею за эти труды, нужно впрочемъ замѣтить, весьма добросовѣстно исполняемые Григоріемъ Стелановичемъ, позволяло ему существовать безъ нужды, не угнетая его самолюбія сознаніемъ принимаемой милостыни.

Онъ повидимому совершенно примирился со своею скромною долей и на всѣ предложенія Дарьи Николаевны переговорить откровенно съ Ольгою Сергѣевною или даже самимъ Баратынцевымъ о болѣе прочномъ и видномъ обезпеченіи его участи, отвѣчалъ неизмѣннымъ отказомъ. „Если желаете прогнать меня отсюда, то можете этого достигнуть гораздо проще“, замѣтилъ однажды на ея настоянія по этому поводу, „прикажите—и я исчезну, но обазываться чѣмъ бы то ни было этимъ людямъ свыше моихъ силъ.“ Ладожская пожурила его за такой избытокъ гордости, но въ сердцѣ своемъ не могла не поставить его въ заслугу молодому человѣку. Не взирая на послѣдовавшее повидимому „примиреніе“, она все еще не вполнѣ довѣряла болѣзненно-впечатлительной и самолюбивой натурѣ своего питомца, развившейся подъ вліяніемъ столь неблагопріятныхъ началъ ранняго озлобленія и отчужденности. Многія стороны его психическаго строя продолжали ей оставаться совершенно непонятными, и она со страхомъ вглядывалась въ эти темные уголки, опасаясь внезапнаго появленія какого-нибудь притаившагося въ нихъ чудовища. Всего непріятнѣе поражало ее въ Востряковѣ необычайное самомнѣніе, странно уживавшееся рука объ руку съ напускнымъ униженіемъ, доходящимъ порою безо всякихъ осязательныхъ поводовъ до самоолеванія. Его „я“ постоянно выдвигалось имъ впередъ при всякомъ удобномъ случаѣ, служа какъ бы осью вокругъ которой обращался весь остальной міръ съ его ничтожными интересами. Онъ очевидно услаждался своею добровольною ролью жертвы общественнаго растлѣнія и старательно подчеркивалъ міровое значеніе своего презрѣнія къ человѣчеству и всѣмъ руководящимъ его основамъ. Какъ ни пробовала Дарья Николаевна, при часто повторявшихся теперь, въ силу установившихся дѣловыхъ отношеній, встрѣчахъ, привести его къ болѣе разумному и свѣтлому взгляду на дѣйствительную жизнь, всѣ ея усилія оказывались тщетными. Востряковъ или не хотѣлъ понимать ея доводовъ о благодати смиренія, или аргументировалъ ихъ по своему въ совершенно противную сторону. Порою, словно въ противовѣсъ его постоянному самообожанію, имъ овладѣвало мрачное, угнетающее настроеніе, и тогда онъ смѣшивалъ себя съ грязью, распывался въ преувеличенномъ описаніи своихъ окаянствъ и нравственнаго паденія.

— У него что-то не въ порядкѣ, заботливо сообщила Дарья

Николаевна пользовавшему его во время болѣзни врачу, примѣчая учащающееся проявленіе этихъ странныхъ припадковъ,—то слова не вымолвитъ и смотритъ такъ дико что мнѣ даже становится страшно, то говоритъ безъ устали, словно въ лихорадкѣ... Вы бы его изслѣдовали, только знаете осторожно чтобы не напугать.

Слово „психопатъ“ въ то время не было еще измышлено въ угоду снисходительнымъ присяжнымъ, и добросовѣстный врачъ послѣ нѣсколькихъ внимательныхъ наблюденій озадачилъ Ольгу Сергѣевну неожиданнымъ заключеніемъ что Востряковъ неумѣренно предается крѣпкимъ напиткамъ, крайне вредно отзывающимся на его нервной системѣ, чѣмъ главнымъ образомъ и объясняются всѣ подмѣченныя странности.

— Послѣ перенесеннаго имъ недавно двукратнаго воспаленія легкихъ эта несчастная страсть можетъ свести его въ могилу въ нѣсколько мѣсяцевъ, заключилъ врачъ.

— Боже мой, какой ужасъ! воскликнула Дарья Николаевна,—сказали вы ему это по крайней мѣрѣ?

— Да, говорилъ...

— Ну, и что же онъ, испугался? обѣщалъ одуматься?

— Н-н-нѣтъ, протянулъ мужъ науки,—говоритъ, это мое дѣло, хуже, говоритъ, не будетъ.

Какъ ни было ей совѣстно, но Дарья Николаевна не сочла возможнымъ умолчать предъ Востряковымъ о дошедшемъ до нея ужасномъ слухѣ.

— Не касаясь уже нравственной стороны такого унизительнаго паденія, подумайте, вы вѣдь губите себя безвозвратно, сокращаете свою жизнь, смягчила она приговоръ медика.

— А на что она мнѣ, болѣзненно усмѣхнулся юноша,—развѣ не все равно отъ чего околѣть? Собакѣ—собачья смерть!

— Ваша жизнь только-что начинается, Григорій Степановичъ, кто можетъ знать что будетъ впереди! Вы показали себя вполнѣ пригоднымъ къ честному труду, принялись добросовѣстно и горячо за порученное вамъ дѣло, и какъ ни скроменъ настоящій кругъ дѣятельности, онъ можетъ со временемъ привести васъ къ большему.

— Къ чему же?

— Развѣ я могу знать? это, полагаю, въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть отъ васъ самихъ; не всѣ вѣдь родятся въ сорочкѣ, а большинство людей сами прокладываютъ себѣ дорогу стойкостью и терпѣніемъ—попробуйте и вы.

— Чтобы добиться при лучшихъ условіяхъ становаго пристава или столоначальника въ какомъ-нибудь захудаломъ вѣдомствѣ—стóитъ того!

— Многіе весьма почтенные люди начинали съ меньшаго, мягко возразила Дарья Николаевна,—впрочемъ, вы вѣдь сами не разъ говорили что ищете дѣла, а не отличій; дѣла же на всякомъ мѣстѣ достаточно, лишь бы желать его отыскать. Но оставимъ въ сторонѣ карьеру и службу, развѣ помимо того вамъ не откроетъ доступъ ко всѣмъ высокимъ призваніямъ человѣка; вы можете полюбить, встрѣтить взаимность, сдѣлаться счастливымъ супругомъ, отцомъ семейства...

Она внезапно остановилась, пораженная его громкимъ, неестественнымъ хохотомъ.

— Это я-то... отецъ семейства... счастливый супругъ... кадрывался онъ.

— Что же въ томъ особенно смѣшнаго, спросила Дарья Николаевна, невольно оскорбленная его невѣжливою выходкой.

— Да помилосердуйте, какъ же не смѣшно: человѣкъ на ладонъ дышетъ, по вашей только милости недавно сапогами обзавелся, а вы его уже и въ отцы семейства пожаловали!... Да какой же чортъ за меня пойдетъ, за голыша; попробуйте-ка посватать вашей горничной, такъ и та напаюетъ, лучше за хама пойдетъ лишь бы „при часахъ, да при ломадѣ“ состоялъ.

Тривіальность его рѣчи возмущала всѣ природные инстинкты Дарьи Николаевны. Она умолкла, сожалѣя что подняла этотъ безполезный разговоръ.

— А что до любви, то по этой части мы можетъ-быть тоже человѣческія чувствія имѣемъ, продолжалъ Востряковъ, видимо позируя и поддѣлываясь подъ якобы народный жаргонъ модныхъ театральныхъ героевъ, — въ этомъ запрета нѣтъ, только ништяки, коси его въ себѣ пока „оно“ тебя пришибетъ если ты его не осилишь. А гдѣ тамъ осилить! Въѣлось оно вотъ тутъ, крѣпко ударилъ онъ себя въ грудь,— словно піявка болотная, и сосетъ, такъ сосетъ что порою не знаешь куда отъ него уйти, какъ бы разсудокъ свой схоронить!...

— Вы полюбили женщину которая не можетъ раздѣлить вашихъ чувствъ? съ участіемъ спросила Дарья Николаевна, невольно тронутая этою исповѣдью, заключавшею хотя нѣкоторое оправданіе безумныхъ крайностей несчастнаго юноши.—Это конечно большое горе, но разсудкомъ и волей, а болѣе того смиреніемъ и молитвой можно и его осилить.

— Не знаю, способна ли она не только раздѣлить, какъ вы выразились, но даже понять мое чувство, понижая тонъ проговорилъ Востряковъ, и въ голосѣ его послышалась правдивая нота;—я ей объ нихъ ничего не говорилъ, да разумѣется и не скажу. Лягушка квакающая въ своемъ болотѣ, отвратительный червякъ пресмыкающійся подъ ногами прохожихъ не могутъ быть парой прихотливой ласточкѣ, вѣчно кулающейся въ просторѣ и свѣтѣ, что бы тамъ не говорила госпожа Жоржъ-Зандъ...

„Причемъ тутъ Жоржъ-Зандъ?“ подумала Дарья Николаевна, весьма мало знакомая съ пресловутою проповѣдницей свободы чувства или, точнѣе, чувственности.

— Все это бредни, мечты, сумазбродное шатаніе въ области несуществующаго, я вѣдь это отлично понимаю, горячо продолжалъ Востряковъ, ободренный безхитростнымъ сочувствіемъ своей собесѣдницы,—маркизы да графини въ дѣйствительной жизни не слускаются до нашего брата пролетарія; гдѣ имъ понять что подъ сермягой и коленкоровою рубахой можетъ тоже порою биться честное сердце; онѣ, какъ тѣ римскія патриціанки что кулались при своихъ рабахъ, не удостоиваютъ даже признавать насъ за мущинъ!

— Мнѣ кажется что это не совсѣмъ такъ, возразила Дарья Николаевна,—гораздо проще объяснять невозможность зарожденія серіозныхъ чувствъ между людьми различной среды фактическою трудностью сближенія, обусловливающаго оцѣнку обоюдныхъ достоинствъ, безъ которой немыслимо сколько-нибудь серіозное чувство.

— Такъ ли-съ? усмѣхнулся онъ, пронизывая ее пытливымъ взглядомъ,—стало-быть вы допускаете что при случайномъ сближеніи, открывающемъ возможность подобной оцѣнки, всѣ остальныя общественныя различія и преграды не имѣютъ ровно никакого значенія и что еслибъ, извините за примѣръ, такой оборванецъ какъ я осмѣлился возвести очи на королеву, подобную вамъ, не соображаясь со строфой какого-то слезливаго поэта: „Мнѣ до нея какъ до звѣзды небесной далеко“, вы бы не нашли этого выходящимъ изъ порядка вещей и ничуть не оскорбились бы выраженіемъ его чувствъ?

— Ничуть, убѣжденно отвѣтила Дарья Николаевна,—еслибы только была свободна отъ иныхъ обязанностей и сама его любила.

— А иначе? спросилъ онъ, видимо мѣняясь въ лицѣ.

— Иначе, совершенно спокойно заключила она, понимая наконецъ къ чему клонился весь этотъ странный разговоръ,—я сожалѣла бы о немъ пока онъ молчитъ и стала бы презирать съ той минуты какъ онъ вздумалъ бы высказываться, примѣняя безразлично подобный образъ дѣйствій ко всякому ищущему въ чувствѣ удовлетворенія эгоистической, личной прихоти.

Послѣ приведеннаго разговора, Востряковъ сдѣлался еще угрюмѣе и несообщительнѣе. Дарья Николаевна стала видѣть его лишь мелькомъ, во время своихъ утреннихъ посѣщеній столовой. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ онъ появлялся за полученіемъ необходимыхъ распоряженій, денегъ или представленія отчетовъ, ограничиваясь при этихъ короткихъ свиданіяхъ исключительно дѣловымъ разговоромъ. Глядя порой на его испитое, преждевременно увядшее лицо, на которое болѣзнь и развивавшійся рука-объ-руку съ нею гибельный порокъ съ каждымъ днемъ все рѣзче накладывали свою печать, Дарья Николаевна невольно упрекала себя.

Зачѣмъ было оскорблять его рѣзкою правдой, зачѣмъ было давать понять что онъ разгаданъ, когда можетъ-быть онъ только и жилъ своимъ обманомъ! Не все ли ей было равно какія чувства питаетъ къ ней этотъ несчастливецъ, разъ она сама ничего не могла питать къ нему кромѣ состраданія? Не согрѣшила ли она въ этомъ случаѣ избыткомъ гордости и недостаткомъ истиннаго смиренія—тѣми самыми пороками въ которыхъ укоряла его. Исполненная такихъ мыслей, она пыталась уврачевать неосторожно нанесенную рану: но Вострякокъ словно стоялъ на стражѣ противъ новой оплошности и при малѣйшемъ проявленіи ея прежней дружеской обходительности, замыкался въ аффектированную почтительность, когда не находилъ предлога отплачивать ей холодною дерзостью. Послѣ цѣлаго ряда попытокъ въ этомъ направленіи, она съ грустію отказалась отъ мысли призвать покой и миръ въ его больную душу и рѣшила до времени предоставить ее страданію, облегчить которое была безсильна, въ упованіи что размышленіе и правящая людьми благодать Провидѣнія осѣнятъ ее свѣтомъ истины.

Приближавшіеся праздники приносили съ собою цѣлую вереницу хлопотъ и усложненій. Не взирая на отличавшій ее духъ миротворства, Дарья Николаевна была не въ силахъ предусмотрѣть и предупредить борьбы мелкихъ страстишекъ

и самолюбій, разыгравшейся при распредѣленіи обязанностей на предстоявшемъ благотворительномъ праздникѣ. Оказалось что бо́льшую часть женскаго персонала обуревало желаніе во что̀ бы то ни стало появиться на оном̀ въ активныхъ ролях̀ продавщицы, буфетчицы или просто распорядительницы, лишь бы имѣть возможность блеснуть задуманнымъ туалетомъ, порисоваться на эстрадѣ, словомъ, не быть смѣшанною съ разночинною толпой. Пошли интриговки, обиды, разочарованія. Одинъ напустились на князя Торжковскаго, снисходительно рисовавшагося своимъ мнимымъ значеніемъ; другія, болѣе отважныя, толкнулись къ самой Ольгѣ Сергѣевнѣ, но встрѣтивъ равнодушный отпоръ своимъ попыткамъ, возвращались все къ той же Дарьѣ Николаевнѣ, на которую наканунѣ изливали свое негодованіе и сплетничали. Графиня Вельбольская, поставленная Ладожскимъ au courant всего происходившаго, злобно торжествовала, предрекая заранѣе полное расладеніе всей „затѣи“.

— Вы увидите, они какъ пауки поѣдятъ другъ друга, говорила она съ улыбкой своему новому обожателю.

— Дай Богъ, можетъ-быть это отобьетъ охоту у Долли отдавать все свое время и помыслы, не говоря уже о деньгахъ, такимъ глупостямъ вмѣсто того чтобы заботиться о серіозномъ. Представьте себѣ, вѣдь она еще до сихъ поръ не подумала войти со вселодданнѣйшимъ прошеніемъ о передачѣ мнѣ, ея мужу, титула и герба князей Мстиславскихъ которыхъ она является, какъ вамъ извѣстно, послѣднею отраслью въ женскомъ колѣнѣ!

— Это дѣйствительно непростительная оплошность, нѣсколько иронически улыбнулась графиня, знавшая эту слабую струну Юрія Димитріевича,—чѣмъ же, скажите на милость, оправдываетъ она такую небрежность?

— Разумѣется, вздорами, отвѣчалъ онъ съ презрительною гримасой,—увѣряетъ будто чувство уваженія къ памяти умершаго дяди не дозволяетъ ей ранѣе траурнаго срока входить съ подобнымъ ходатайствомъ, которое по ея понятію, равносильно де непристойному желанію воспользоваться какъ можно скорѣе его земными остатками. Мало того, подъ вліяніемъ какихъ-то нелѣпыхъ идей, она вбила себѣ въ голову что душа его—avez-vous jamais entendu rien de pareil—будетъ не покойна если до опредѣленнаго ей послѣ смерти очищенія кто-либо другой войдетъ такъ-сказать „въ ея кожу“ что ли, и

въ завершеніе всѣхъ этихъ прелестей утѣшаетъ меня тѣмъ что не стóитъ хлопотать о титулѣ которому опять суждено прекратиться вмѣстѣ съ нами; честное слово, мнѣ порой сдается что она не въ своемъ умѣ!

— Tout cela ne serait pas arivé si vous aviez le bon esprit de lui faire un enfant, comme à l'autre...

— Le moyen, презрительно повелъ плечами Юрій Дмитріевичъ,—когда она восплакала до того что все земное стало для нея чуждымъ à part ночлежныхъ домовъ и дешевыхъ столовыхъ! Съ тѣхъ поръ какъ кончина дяди Мстиславскаго предоставила въ ея руки собственное, весьма изрядное состояніе, благотворительная манія Долли не знаетъ болѣе удержа. Подъ предлогомъ что копить не для кого, она всѣ доходы ухлопываетъ на разныхъ оборванцевъ и тунеядцевъ. Боюсь какой-нибудь новой грандіозной затѣи, такъ какъ выѣзжая изъ дома оставилъ ее въ продолжительной конференціи съ этимъ скучнымъ и напыщеннымъ педантомъ Нахимцевымъ.

— Какъ, развѣ онъ опять вернулся? съ нѣкоторою тревогой освѣдомилась Вельбольская,—вѣдь онъ кажется еще мѣсяца два тому назадъ окончательно распрощался съ Межигорскомъ чтобы поселится гдѣ-то въ деревнѣ?

— Не сумѣю вамъ точно сказать, такъ какъ провѣдавъ объ его присутствіи, я даже воздержался выходить къ завтраку. Этотъ господинъ мнѣ былъ всегда глубоко антипатиченъ.

Василій Петровичъ за нѣсколько дней дѣйствительно прибылъ въ Межигорскъ, послѣ продолжительнаго странствованія, съ цѣлію подѣлиться съ кѣмъ слѣдовало результатами своихъ розысковъ княжны Лины. Въ общемъ они были весьма неутѣшительны, такъ какъ сводились къ предположенію что княжна оставила Россію и обрѣтается въ чужихъ краяхъ. Эти свѣдѣнія были имъ добыты совершенно случайно, за послѣднее только время, и представлялись настолько достовѣрными что устраняли всякіе поводы къ дальнѣйшимъ сомнѣніямъ. Исходя изъ предположенія что княжна, поставленная въ необходимость прежде всего озаботиться обезпеченіемъ себѣ необходимыхъ средствъ, по всей вѣроятности не преминетъ воспользоваться основательнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ и нѣкоторою педагогическою сноровкой, пріобрѣтенною въ домашней средѣ, чтобы пристроиться преподавательницей или гувернанткой, Василій Петровичъ главнымъ образомъ сосредоточивалъ свои поиски и справки въ рекомендатель-

ныхъ агентствахъ. Въ одномъ изъ небольшихъ городовъ, расположенныхъ невдалекѣ отъ Румынской границы, куда Нахимцевъ направился на обратномъ пути изъ Одессы, онъ случайно познакомился съ почтенною старушкой, содержавшей долгое время пансіонъ для дѣвицъ и пользовавшейся большимъ уваженіемъ въ средѣ мѣстнаго дворянства. Эта особа сообщила ему что въ числѣ рекомендованныхъ ею за послѣднее время воспитательницъ находилась молодая Англичанка, прибывшая изъ Одессы, какъ разъ около того времени съ которымъ совпадалъ отъѣздъ княжны. На усердные разспросы Василія Петровича, лишившагося несчастнымъ, покинутымъ супругомъ чтобъ оправдать правдоподобнѣе настойчивость своихъ дознаній, старушка обязательно сообщила нѣкоторыя подробности, приведшія его къ предположенію что ломянутая особа была не кто иная какъ княжна Лина, признавшая удобнымъ, благодаря превосходному знанію англійскаго языка, укрыться подъ чужою національностію. Предъявленная въ заключеніи фотографическая карточка княжны признана была представляющею несомнѣнное сходство съ отъѣхавшею особой. „Развѣ что моя была немного постарше, да волосы иначе чесала“, замѣтила словоохотливая дама, внимательно разсмотрѣвъ портретъ съ помощію огромныхъ, старосвѣтскихъ очковъ, но такая оговорка еще болѣе утвердила Василія Петровича въ первоначальномъ предположеніи. Карточка Лины была снята года за три предъ тѣмъ, и княжна дѣйствительно измѣнила изображенную на ней прическу, подчиняясь требованіямъ моды. Первою мыслію Нахимцева было немедленно направиться въ имѣніе графини Т...., къ которой княжна поступила гувернанткой, но по наведеніи дальнѣйшихъ справокъ оказалось что графиня со всею семьей перебралась на зиму въ Канны, гдѣ имѣла небольшее помѣстье. Предпринимать новую, столь отдаленную поѣздку на основаніи однихъ предположеній, которыя несмотря на все свое правдоподобіе могли оказаться и ошибочными, не заручившись предварительно точными свѣдѣніями: дѣйствительно ли княжна Варягина подъ именемъ миссъ Керри поступила въ домъ графини Т... было бы почти безцѣльно. Лина — допуская что это точно была она—могла съ тѣхъ поръ, по какимъ-либо соображеніямъ, оставить домъ графини, и пользуясь свободой заграничной паспортной системы, окончательно загладить свой слѣдъ

перемѣною имени и прозванія. Василій Петровичъ сознавалъ что посильная задача была имъ исполнена. По разысканному имъ слѣду княгиня Варягина при содѣйствіи Дарьи Николаевны имѣла полную возможность войти въ сношенія съ утраченною дочерью или непосредственно поѣздкою въ Канны, или чрезъ графиню Т..., на скромность которой безъ сомнѣнія можно разчитывать, наконецъ въ крайнемъ случаѣ чрезъ посольство. Въ Межигорскѣ Василій Петровичъ разчитывалъ пробыть лишь нѣсколько дней. Всѣ счеты его съ этимъ ненавистнымъ теперь городомъ были покончены, квартира сдана, вещи отправлены, и онъ самъ, усталый и измученный всѣмъ пережитымъ за послѣднее время, чувствовалъ настоятельную потребность покоя и отдыха, которые полагалъ обрѣсти въ деревенской тиши и возвращеніи къ обычнымъ трудамъ.

Дня за два до отъѣзда, возвращаясь ранѣе обыкновеннаго отъ Варягиныхъ, гдѣ ежедневно обѣдалъ, Василій Петровичъ, испуганный мыслію провести вечеръ въ непривѣтливомъ нумерѣ своей гостиницы, вздумалъ забрести въ попавшійся ему по пути городской театръ. Княгиня около восьми часовъ отправилась къ Дарьѣ Николаевнѣ на экстренное совѣщаніе комитета „Посильной Полушки“; несмотря на ея приглашеніе провести вечеръ вмѣстѣ у племянницы, Нахимцевъ предпочелъ уклониться отъ многолюднаго собранія, чувствуя себя мало расположеннымъ къ обмѣну мыслей подъ гнетомъ не покидавшей его со времени возвращенія душевной тоски. Давали какую-то модную, переводную драму. Всѣ мѣста были разобраны, такъ что ему съ трудомъ удалось заручиться лишь довольно неудобнымъ кресломъ третьяго ряда, оказавшимся послѣднимъ отъ прохода. Окинувъ залу, Нахимцевъ примѣтилъ что непосредственно расположенная надъ его головой ложа бенуара оставалась еще пустою, несмотря на начало втораго дѣйствія. Это ничтожное повидимому обстоятельство произвело на него почему-то непріятное впечатлѣніе. Не можетъ быть чтобъ она не была занята, подумалъ онъ, весь театръ биткомъ набитъ, а тутъ сколько свободнаго мѣста; или можетъ еще пріѣдутъ, но кто? Едва успѣлъ онъ поставить себѣ такой вопросъ какъ шумно распахнутыя двери, шорохъ шелковой ткани и бряцаніе оружія оповѣстили его о появленіи запоздалыхъ владѣльцевъ бенуара. По громкой французской рѣчи и повѣявшему аромату геліотропа онъ не повертывая головы угадалъ графиню Вельбольскую въ сопутствіи новаго ея чичизбея, Юріа

Дмитріевича Ладожскаго. Появленіе ихъ въ залѣ произвело нѣкоторую сенсацію, вполнѣ соотвѣтствовавшую желанію графини подчеркнуть свой „выходъ“. Многіе изъ публики съ любопытствомъ направили бинокли на элегантную „парочку“, нѣкоторые пришикнули, возмущенные громкимъ разговоромъ отвлекавшимъ вниманіе отъ сцены, гдѣ героиня піесы въ страстномъ монологѣ изливала свою грусть и разочарованіе по поводу неосмотрительнаго увлеченія женатымъ человѣкомъ, не пожелавшимъ по зрѣлому обсужденію принести ей въ жертву свои семейныя обязанности. Василій Петровичъ прижался насколько было возможно къ наружному борту ложи, въ надеждѣ не быть примѣченнымъ расположившимися въ ней, благодаря довольно значительному возвышенію бенуара надъ уровнемъ партера. Это сосѣдство было ему крайне непріятно. Отношенія къ Соси послѣ ея сближенія съ Баратынцевымъ были имъ окончательно порваны. Онъ считалъ ея причастною къ неблаговидной интригѣ побудившей его оставить службу, и скинулъ со счетовъ одолженныя графу деньги, о возвратѣ которыхъ тотъ и не помышлялъ. Ладожскій съ перваго знакомства шесть лѣтъ тому назадъ въ домѣ графини Идельсдорфъ сталъ ему инстинктивно ненавистенъ, и хотя это чувство значительно сгладилось съ годами, подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ и хладнокровнаго размышленія, но было еще настолько живо что отдаляло его отъ сближенія даже съ Даріей Николаевной, достоинства и сердце которой онъ успѣлъ вполнѣ оцѣнить.

Въ ложѣ между тѣмъ не унимались, и каждое слово доходило до Василія Петровича съ отчетливостію акустическаго провода.

— Taisez vous donc, перебила наконецъ графиня нашептываніе своего кавалера,—et écoutez un peu: c'est exactement votre histoire avec Lina!

Она не безъ цѣли произнесла эти слова, желая уязвить отлично примѣченнаго ею въ близкомъ сосѣдствѣ Нахимцева, присутствіе коего Юрій Дмитріевичъ, сидѣвшій напротивъ ися, слиной къ сценѣ, не могъ подозрѣвать.

— Moins le résultât, оправдывался Ладожскій.

— Blagueur, puisque vous m'avez déjà avoué, que „bébé“ s'est mélé dans la partie!

Онъ только усмѣхнулся, но ничего не отвѣтилъ.

У Нахимцева онѣмѣли конечности и захватило дыханіе, какъ иногда случается въ тяжеломъ кошмарѣ. Пока опускали занавѣсъ надъ лицедѣйнымъ, вымышленнымъ страданіемъ, предъ нимъ живо развертывалась картина тайныхъ мукъ и жгучихъ терзаній другаго, поруганнаго, но дорогаго ему существа. Вотъ она, наконецъ, страшная разгадка непостижимаго событія, столь трудно поддававшагося догадкамъ, обрисовалось у него въ мысляхъ съ безпощадною ясностью, и онъ весь застылъ въ страшномъ ожиданіи чего-то невѣроятнаго, словно оскорбленные своды этой залы должны были содрогнуться и обрушиться на презрѣннаго негодяя, болтавшаго съ продажною женщиной, заранѣе разчитавшаго всѣ шансы полной безнаказанности своего преступленія и теперь, при напоминаніи о немъ, не считавшаго даже нужнымъ надѣвать маску условнаго негодованія. Лина лодъ гнетомъ лозора была схоронена еще вѣрнѣе, чѣмъ въ могилѣ: мертвые воскресаютъ—падшіе не встаютъ.

Дождавшись антракта, Нахимцевъ незамѣтно выбрался изъ театра. Онъ слѣпилъ остаться вдвоемъ, лицомъ къ лицу съ ужасною правдой, раскрывшеюся предъ нимъ словно по велѣнію свыше чтобы призвать его къ возмездію за поруганіе дорогаго существа. Останавливаться предъ ничтожными призраками условнаго приличія, лутаться снова въ области лжи и недомолвокъ казалось малодушнымъ и немыслимымъ. Только сознаніе неопровержимой огласки его преступленія заставитъ Ладожскаго выступить изъ-подъ удобнаго прикрытія лицемѣрныхъ изумленій и отнѣкиваній; но какъ ни твердо было сложившееся убѣжденіе Нахимцева, оно все-таки еще не пріобрѣтало значенія „яличнаго“, пока самъ Ладожскій не признаетъ предъ нимъ основательности гнуснаго намека Вельбольской, не подтвердитъ такъ или иначе предполагаемаго. Привести его къ такому сознанію было задачей не легкою, а между тѣмъ неизбѣжною. Отстраняя по возможности свою личную ненависть и оскорбленіе, Василій Петровичъ хотѣлъ явиться только судьей и притомъ судьей непріятнымъ, сильнымъ сознаніемъ своей правоты.

Ночь тянулась въ тяжеломъ раздумьи. Имѣлъ ли онъ право вновь вызывать къ жизни, хотя бы и для достойной кары, все то что̀ сама Лина признала за лучшее схоронить отъ людей? Какія душевныя побужденія, какой невѣдомый психическій процессъ привелъ ее къ развязкѣ равносильной

самоубійству которое она можетъ-быть лишь отсрочила подъ вліяніемъ священнаго чувства зародившагося въ ней вмѣстѣ съ другою жизнію, на права которой она не рѣшилась посягнуть? Какъ ни поворачивалъ Василій Петровичъ такіе доводы, онъ не въ состояніи былъ подыскать между ними обстоятельствъ сколько-нибудь оправдывающихъ Ладожскаго. Простая, но краснорѣчивая логика фактовъ свидѣтельствовала въ пользу предположенія что завлекши и обольстивъ Лину, ради удовлетворенія преступной прихоти, ловкій ловелась отвернулся отъ своей жертвы при первомъ неудобствѣ, послушный призыву себялюбивой, холодно-разчетливой натуры. Ничтожный заемъ, къ которому княжна очевидно вынуждена была прибѣгнуть чтобъ осуществить свой планъ бѣгства, являлся также весьма вѣскимъ аргументомъ въ подкрѣпленіе основательности подобнаго заключенія. Еслибы внезапное исчезновеніе Лины было временною мѣрой принятою по обоюдному согласію влюбленныхъ, оно произошло бы совершенно при иной обстановкѣ. Ладожскій былъ богатъ и при всей своей скаредности, если не ради любви, то изъ простаго чувства приличія и страха непріятной огласки, не задумался бы пожертвовать ничтожною для него суммой чтобъ укрыть отъ стыда будущую мать своего ребенка. Благовидный предлогъ для отъѣзда, при нѣкоторой ловкости со стороны Лины, могъ всегда быть подысканъ, а княжна настолько дорожила семейными привязанностями что никогда не рѣшилась бы безъ крайней необходимости принести ихъ въ жертву малодушному чувству самосохраненія. Какъ ни тяжело было бы ей на первыхъ порахъ сознаніе неизбѣжной дѣйствительности, всеврачующая благодать искренняго глубокаго чувства — а безъ такового Лина, по его понятіямъ, не могла собою пожертвовать—придала бы ей силы найти иной выходъ. Преступная, но тѣмъ не менѣе живая и крѣпкая связь съ дорогимъ человѣкомъ, въ ея женственномъ, но мощномъ и выносливомъ сердцѣ скорѣе бы закалилась и окрѣпла подъ тяжестью страданія и жертвъ. Стало-быть нужно было глубокое, непоправимое оскорбленіе, внезапное крушеніе всѣхъ женскихъ иллюзій и упованій чтобы понудить Лину разомъ отсѣчь все прошлое, отбросить его какъ негодную ветошь, одно прикосновеніе коей вселяло стыдъ и отвращеніе. Ладожскій, судя по его прошлымъ дѣяніямъ, способенъ былъ обмануть довѣріе любовницы такъ же беззастѣн-

чиво какъ нѣкогда насмѣялся надъ уловленіями невѣсты. Одно лишь соображеніе смущало Василія Петровича и не укладывалось въ общій строй его выводовъ: какимъ образомъ княжна при своемъ трезвомъ умѣ и вынесенномъ опытѣ была способна вновь поддаться увѣреніямъ и клятвамъ разъ уже обманувшаго ее человѣка. Неужели своеволіе дикой, чисто стихійной страсти, глубоко затаенной въ теченіе долгихъ лѣтъ, способно было при первой встрѣчѣ съ этою недостойною личностью заглушить всѣ доводы разсудка, отуманить до такой степени сознаніе чтобъ изгнать изъ него чувство собственнаго достоинства, всосанныя съ молокомъ матери понятія чести и нравственности? Все остальное являлось только естественнымъ послѣдствіемъ этого основнаго положенія и ничуть не противорѣчило общему складу характера Лины, какою ее зналъ Василій Петровичъ, то-есть убѣжденною до фанатизма провозвѣстницей „священнаго права чувства", разумѣя подъ этимъ крайне растяжимымъ терминомъ не пошлый капризъ распущенности, а весь тяжелый искусъ и борьбу непреодолимаго влеченія двухъ существъ разъединенныхъ жизнью.

На утро рѣшеніе его окончательно опредѣлилось и созрѣло. Освѣживъ водой измученную безсонницей и тяжелыми думами голову, Василій Петровичъ, повидимому совершенно спокойный, позвонилъ у подъѣзда элегантной дачи Ладожскихъ. Продолжительный моціонъ подъ утреннимъ морозомъ—онъ отправился изъ города пѣшкомъ—благотворно подѣйствовалъ на разыгравшіеся нервы. Сомнѣнія отлетѣли: онъ теперь былъ вполнѣ убѣжденъ что не переступитъ обратно этого порога безъ того чтобы не заручиться полною правдой какова бы она ни была.

Юрій Дмитріевичъ едва оканчивалъ утренній туалетъ когда ему доложили о прибытіи ранняго посѣтителя. Озадаченный такимъ необычайнымъ визитомъ, онъ сперва отнесъ его на счетъ Дарьи Николаевны, способной, по его мнѣнію, назначать дѣловыя свиданія въ такіе „невозможные часы"—было около десяти—и упрекнувъ камердинера въ недостаткѣ сообразительности, приказалъ ему доложить по принадлежности; но выслушавъ подтвержденіе что господинъ Нахимцевъ „желаютъ видѣться именно съ полковникомъ", недоумѣло повелъ плечами и велѣлъ просить въ кабинетъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, и не шуточному, какъ вы убѣдитесь, если соблаговолите удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ для бесѣды,

съ холодною вѣжливостью произнесъ Василій Петровичъ, дѣлая видъ словно не примѣчаетъ протянутой ему руки, когда Ладожскій, румяный и свѣжій, появился въ кабинетѣ.

Самый тонъ этого вступленія, вмѣстѣ съ неловкостью протянувшейся въ пространство руки, нелріятно кольнули самолюбіе блестящаго красавца.

— Чѣмъ могу служить-съ? небрежно спросилъ онъ, усаживаясь за письменный столъ и захватывая сигару со стариннаго серебрянаго блюда, но не подвигая его своему собесѣднику.

— Я женихъ княжны Александры Павловны Варягиной, медленно проговорилъ Нахимцевъ какъ бы подчеркивая каждое слово. — Но прежде нежели сдѣлаться ея мужемъ, мнѣ бы хотѣлось очистить кое-какіе счеты относительно весьма недавняго прошлаго, полагаю это для васъ достаточно ясно.

— Не совсѣмъ, прежде всего желательно бы знать въ чемъ собственно обвиняетъ меня Лина... виноватъ, ваша нарѣченная?

— Княжна не подозрѣваетъ ни моихъ намѣреній, ни настоящаго посѣщенія. Я со своей стороны, конечно, озабочусь чтобъ оно навѣки оставалось ей невѣдомымъ. Простая случайность, а можетъ-быть и воля Провидѣнія посвятила меня совершенно неожиданно въ печальную тайну: вчера въ театрѣ, сидя подъ бенуаромъ гдѣ вы помѣщались, я слышалъ дословно вашъ разговоръ съ графиней Вельбольской.

— А... понимаю, усмѣхнулся приломинай Ладожскій.

— Что же вы скажете въ свое оправданіе?

— Во-первыхъ, я вамъ скажу, милостивый государь, надменно-поучительнымъ тономъ проскандировалъ Юрій Дмитріевичъ,—что порядочные люди не подслушиваютъ чужихъ разговоровъ, сколь бы ни длинными ушами ни надѣлила ихъ природа, а во-вторыхъ, не пользуются честію дѣвушки какъ предлогомъ для сведенія какихъ-либо личныхъ счетовъ. Такъ какъ вы сейчасъ сами сознались что пожаловали сюда по собственному почину, безъ вѣдома и согласія княжны, то я не признаю за вами права, несмотря на качество претендента или даже жениха, какъ вы утверждаете,—въ чемъ я впрочемъ далеко не увѣренъ,—ставить мнѣ какіе-либо вопросы.

— Поклянитесь мнѣ честью что вчерашній разговоръ не болѣе какъ безстыдная болтовня легкомысленной женщины, что вы сами только изъ фанфаронства и низкаго угодничества не опровергли какъ бы слѣдовало ея гнусной клеветы на княжну—и я готовъ вамъ повѣрить, готовъ удалиться не

требуя дальнѣйшихъ объясненій, невозмутимо продолжалъ Нахимцевъ, словно не удостоивая вниманіемъ вызывающій задоръ его отвѣта.

Спокойствіе его рѣчи невольно подѣйствовало на Юрія Дмитріевича. Онъ раздумывалъ, не лучше ли въ самомъ дѣлѣ разрѣшить это недоразумѣніе, вызванное неумѣстною болтовней графини, которую онъ, впрочемъ, самъ же таинственными недомолвками и намеками намѣренно вводилъ въ обманъ касательно своихъ отношеній къ Линѣ съ цѣлію ослѣпить ее небывалою побѣдой; но привычка рисоваться и задѣтое самолюбіе не замедлили осилить этотъ честный проблескъ.

— Я уже имѣлъ честь вамъ доложить, съ напускною небрежностью замѣтилъ онъ, — что не считаю васъ въ правѣ ставить мнѣ какіе-либо вопросы и не намѣренъ на нихъ отвѣчать; за симъ полагаю что намъ не о чемъ болѣе бесѣдовать.

Онъ поднялся съ мѣста, съ важностью государственнаго мужа заканчивающаго аудіенцію.

— Позвольте, я еще не кончилъ, все такъ же спокойно остановилъ его Василій Петровичъ,—я долженъ прибавить нѣсколько словъ объ одномъ негодаѣ, который, пользуясь безумною привязанностію честной дѣвушки, не довольствуясь тѣмъ что безсовѣстно обманулъ ея лучшія мечты и надежды въ то время когда совершенно свободно могъ располагать собою, не нашелъ ничего лучшаго какъ низвести ее до паденія ради своей преступной прихоти, разчитывая на безнаказанность своего гнуснаго поступка. Негодай этотъ вы!

— Вы забываетесь, закричалъ Ладожскій подымаясь съ мѣста и весь побагровѣвъ подъ оскорбленіемъ,—еслибы вы не были здѣсь въ моемъ домѣ, то за подобную дерзость рисковали бы вылетѣть въ окно!

— Потише, невозмутимо остановилъ его Нахимцевъ,—впрочемъ, я вовсе не для пререканій сюда явился: если въ васъ уцѣлѣла еще хотя капля чести, вы должны понять значеніе и цѣль моего посѣщенія.

— Я готовъ вамъ дать какое угодно удовлетвореніе, съ оттѣнкомъ высокомѣрнаго снисхожденія отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ,—но привыкъ чтобы подобнаго рода дѣла, какъ оно практикуется между порядочными людьми, велись чрезъ посредство третьихъ лицъ.

Нахимцевъ загадочно улыбнулся.

— Вы опять-таки ошибаетесь, продолжалъ онъ,—приравнивая свой поступокъ къ тѣмъ случайнымъ недоразумѣніямъ которыя приводятъ людей на поле чести; о посредничествѣ третьихъ лицъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи: наше съ вами дѣло можетъ разрѣшить только судъ Божій; не знаю понятно ли вамъ что̀ именно я хочу этимъ сказать.

Ладожскій сидѣлъ насупясь предъ письменнымъ столомъ, яркая краска игравшая слерва на его лицѣ смѣнилась блѣдностію, выступившею при послѣднихъ словахъ Василія Петровича.

— Не совсѣмъ; вы кажется предлагаете дуэль на смерть, но какимъ же образомъ обойтись безъ секундантовъ? спросилъ все еще недоумѣвавшій Ладожскій.

— Самымъ простымъ, продолжалъ Нахимцевъ,—вотъ два совершенно ровные билетика; на любомъ изъ нихъ вы можете сами сдѣлать какую угодно условную отмѣтку, обозначающую жизнь или смерть для того кто его вытянетъ. Затѣмъ исполненіе приговора судьбы будетъ совершенно зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія, лишь бы только онъ былъ добросовѣстно исполненъ въ условленный періодъ времени, причемъ для избѣжанія безполезной огласки и толковъ лучше всего обставить таковое исполненіе всѣми признаками нечаяннаго или добровольнаго самоубійства.

Онъ говорилъ чисто дѣловымъ тономъ, словно совершенно позабылъ о своей ненависти къ сидѣвшему противъ него человѣку.

— Вы предлагаете дуэль à l'americaine—это безсмыслица, воскликнулъ Ладожскій, ослабивая охватившее его оцѣпенѣніе.

— Почему же?

— Да потому что дѣлаться пассивнымъ убійцей я вовсе не имѣю охоты, точно также какъ не желаю въ силу глупой случайности jouer un rôle de dupe и пускать себѣ пулю въ лобъ безъ отраднаго убѣжденія даже въ томъ что мой противникъ сдѣлалъ бы то же вытянувъ несчастливый жребій.

— Я предложилъ вамъ самый простой способъ; рискъ будетъ совершенно обоюдный въ ту минуту какъ мы свернемъ эти билетики и станемъ тянуть... вотъ хоть изъ этой вазы, указалъ онъ на роскошный, высокій „клуазоне“ изъ старой японской эмали, помѣщавшійся не подалеко на флорентинской консоли.—Что же касается увѣренности въ добросовѣстномъ исполненіи даннаго слова, то если вы не находите ея въ вашей чести и не довѣряете моей, можно пожалуй установить

гарантіи что ли въ видѣ обоюдныхъ подписокъ, которыя свяжутъ насъ страхомъ общественнаго суда и презрѣнія. Со своей стороны я готовъ вамъ выдать таковую въ какой угодно формѣ, даже не требуя отъ васъ взамѣнъ ничего обратно, такъ какъ въ случаѣ уклоненія отъ принятаго условія за мною остается нравственное право убить васъ какъ собаку!

Ладожскій продолжалъ колебаться.

— Придумайте что-нибудь другое, возразилъ онъ въ надеждѣ оттянуть еще тяжелую расплату, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ безвыходность своего положенія,—мои правила и понятія о чести не позволяютъ мнѣ принять такого страннаго вызова.

— Вы стало-быть не только подлецъ, но и трусъ, проговорилъ Василій Петровичъ, дѣлая шагъ впередъ,—но я сумѣю васъ заставить...

Ладожскій судорожно схватилъ массивное бронзовое пресспапье, но замѣтивъ блеснувшее въ рукѣ у Нахимцева дуло карманнаго револьвера, отшвырнулъ въ сторону свое неблагородное орудіе.—Finissons en, нетерпѣливо произнесъ онъ,—гдѣ ваши бумажки?... я, какъ оскорбленный, оставляю за собою право тянуть первымъ.

И захвативъ со стола синій карандашъ, Юрій Дмитріевичъ написалъ на одномъ изъ чистыхъ, совершенно ровныхъ по формату билетиковъ слово „жизнь“ въ смутной надеждѣ что баловница-судьба не задумается оставить за нимъ этотъ счастливый даръ.

Василій Петровичъ между тѣмъ зажегъ свѣчу въ одномъ изъ шандаловъ стоявшихъ на письменномъ столѣ, и свернувъ аккуратно въ трубочку роковые жеребьи, такъ чтобы внѣшній объемъ ихъ оказался совершенно одинаковымъ на ощупь, прилечаталъ края сургучемъ. Всѣ движенія его отзывались какою-то торжественною методичностію, чуждою однако претензій на эффектъ. Онъ просто сознавалъ что дѣлаетъ въ эти минуты нѣчто важное, непоправимое, отъ чего будетъ зависѣть не только самая жизнь, но и спокойствіе всѣхъ послѣдующихъ минутъ, если Провидѣнію угодно оставить ее за нимъ. Безсознательная растерянность Ладожскаго, захваченнаго имъ въ расплохъ, не могла отъ него ускользнуть. Онъ видѣлъ его трусость, плохо прикрытую фанфаронадами напускнаго достоинства и понималъ какихъ неимовѣрныхъ усилій стоило этому себялюбивому баловню фортуны отважиться на предстоявшую страшную игру.

— Вамъ вынимать, проговорилъ онъ глухо, опуская билеты въ эмалевую вазу снятую съ консоли, закрывать отверстіе коей ловидимому не представлялось необходимости, такъ какъ суживавшаяся шейка, пропуская свободно руку, не позволяла глазу отличить какую-либо случайно подмѣченную примѣту,—срокъ исполненія приговора четырнадцатый день отъ сегодняшняго числа. Вамъ полагаю достаточно этого времени для приведенія въ порядокъ необходимыхъ дѣлъ; если же нѣтъ, назначайте сами.

— Мои дѣла въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, перебилъ Ладожскій,—чего и вамъ желаю, такъ какъ разчитываю заранѣе вытянуть счастливый нумеръ. Фортуна—женщина, а женщины никогда мнѣ въ немъ не отказывали, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ настоящая комедія, съ вызывающею усмѣшкой добавилъ онъ съ видимымъ намѣреніемъ уколоть своего соперника. Онъ начиналъ ощущать приток раздражительной, неудержимой злости предъ неуязвимымъ спокойствіемъ этого человѣка, подавлявшаго его своимъ холоднымъ достоинствомъ, изъ-за котораго выступала непреклонная воля, способная раздавить всякое сопротивленіе. Вывести его изъ себя, задѣть, вызвать на какую-нибудь неприличную, смѣшную выходку чтобъ оставить за собою хотя моментъ торжества, казалось Ладожскому теперь, когда корабли уже были сожжены, наслажденіемъ.

Василій Петровичъ молча стоялъ прислонясь у тяжелаго письменнаго стола, не сводя глазъ съ опущенной въ вазу руки своего соперника. Выходки Ладожскаго не въ силахъ были подорвать для него торжественное значеніе истекающихъ минутъ. Юрій Дмитріевичъ не торопился вынутіемъ жеребья: ему показалось когда Нахимцевъ запечатывалъ билеты что слой сургуча положенный на тотъ гдѣ начертано имъ было завѣтное слово, „жизнь“, былъ нѣсколько гуще нежели на другомъ, и онъ старался осязать это различіе прежде чѣмъ вынуть руку изъ вазы. Наконецъ выборъ окончательно установленъ и свернутая бумажка упала на столъ. Несмотря на предполагаемую удачу, онъ не рѣшался развернуть.

— Оставшійся принадлежитъ мнѣ, проговорилъ Нахимцевъ, примѣчая его нерѣшительность, и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, словно предъ смертію, въ свою очередь опустилъ руку въ вазу...

— „Жизнь“, прочелъ онъ громко нѣсколько секундъ спустя приговоръ судьбы, написанный самимъ Ладожскимъ, совершенно остолбенѣвшимъ предъ неожиданностію,—не забудьте что двадцать восьмаго числа наши счеты должны быть сведены—я буду ожидать!

И почтительно наклонившись предъ осужденнымъ врагомъ, Василій Петровичъ вышелъ изъ кабинета.

IX.

На третій день праздниковъ Рождества зала межигорскаго Благороднаго Собранія сіяла огнями своихъ пяти люстръ съ прибавкою эффектнаго ряда декоративныхъ гирляндъ изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ шкаликовъ, протянутыхъ между боковыми колоннадами, за которыми среди яркихъ драпировокъ и густыхъ купъ зелени стояли прилавки благотворительнаго базара. Между двумя большими входными арками, на возвышеніи покрытомъ бархатными коврами, устроена была трибуна для продажи билетовъ „аллегри“. Разставленные позади ея разнообразные выигрыши заманивали любителей риска блескомъ мельхіора и бронзы, радужными переливами хрусталя и фарфора, игравшими на яркомъ фонѣ алаго сукна. Для предупрежденія безпорядковъ и напора толпы трибуна отдѣлялась отъ остальной части залы прочною балюстрадой, доступъ за которую имѣли только лица участвовавшія въ продажѣ билетовъ. У праваго колеса торжественно засѣдала сама Ольга Сергѣевна, рѣшившаяся по настоянію Дарьи Николаевны, встрѣтившимъ впрочемъ на сей разъ усерднѣйшій отголосокъ и во мнѣніи Петра Петровича, выступить предъ обществомъ и публикой въ первенствующей роли предсѣдательницы Общества. Какъ ни тяжело было слабой, надломленной женщинѣ разстаться послѣ многихъ мѣсяцевъ затворничества съ уютною тишиной своей гостиной и явиться на эту многолюдную, шумную выставку, она собрала послѣднія силы чтобъ отбыть необходимую, какъ ее увѣряли, повинность. Шёнбейнъ, опасаясь нервнаго припадка въ душной атмосферѣ переполненной залы, призвалъ нужнымъ прописать Баратынцевой сильную дозу бромистаго хинина. Непремѣннымъ условіемъ своего участія въ празднествѣ больная поставила: неотлучное

пребываніе подлѣ нея Дарьи Николаевны, вынужденной всдѣствіе подобнаго желанія принять на себя завѣдываніе вторымъ колесомъ „аллегри“, которое она разчитывала сперва предоставить кому-либо изъ наиболѣе высоколоставленныхъ въ губернской іерархіи дамъ, стараясь по мѣрѣ возможности не проявлять своего значенія.

— Я вовсе не желаю выставляться на показъ со здѣшними „кукушками“, безаппеляціонно порѣшила Ольга Сергѣевна;—такъ что если вы, мой дружокъ, не будете вмѣстѣ со мною, то я отказываюсь заранѣе ото всякаго участія.

Кромѣ душевнаго влеченія опредѣлявшаго такое желаніе, Баратынцева, выражая его, дѣйствовала отчасти и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ интимныхъ соображеній которыми не хотѣла откровенно подѣлиться со своею молодою пріятельницей изъ опасенія встрѣтить отказъ. Изъ случайныхъ намековъ Петра Петровича она сообразила что графиня Вельбольская вовсе не намѣрена подчиняться требованіямъ установленной программы и предполагаетъ, несмотря на то что не имѣла никакой активной роли въ распорядкѣ праздника, появиться на оном не въ условленномъ для посторонних домино, а въ бальномъ туалетѣ. Страхъ очутиться какимъ бы то ни было образомъ предъ многочисленною публикой въ сообществѣ этой женщины, или даже простая необходимость обмѣниваться съ нею неизбѣжными привѣтствіями, наводили панику на бѣдную Ольгу Сергѣевну. Она разчитывала что присутствія подлѣ нея Дарьи Николаевны будетъ вполнѣ достаточно чтобъ отгонять „нахальную негодницу“, которая по всей вѣроятности не дерзнетъ, послѣ всего случившагося, приблизиться къ мѣсту охраняемому этимъ ангеломъ чистоты, а если и отважится лично явиться за билетами, то это пройдетъ незамѣтно въ толпѣ и не причинитъ особыхъ неудобствъ.

Поля изощрила въ этотъ вечеръ все свое умѣніе и ловкость чтобы вызвать къ жизни давно забытыя ея госпожей привычки элегантности и женскаго кокетства.

— Nous nous fairons, n'est ce pas, bien belle ce soir, mon ange adoré? замѣтилъ какъ бы мимоходомъ Петръ Петровичъ, встревоженный докладомъ осмотрительной камеристки, опасаясь чтобы жена не нанесла афронта его должностному престижу своею неизмѣнною вигоньею и чепцомъ съ лиловыми лентами.

И могущество воли съ помощію искусныхъ прикрасъ туалета совершили почти чудо, преобразивъ подъ свѣтомъ бальныхъ огней умирающую женщину въ гордую красавицу минувшихъ лѣтъ. Пять брилліантовыхъ звѣздъ облегали подвижною діадемой ея взбитые и приподнятые по модѣ волосы, худоба обнаженной шеи и плечъ скрывалась въ складкахъ дорогаго кружевнаго шарфа, искусно собраннаго подъ ухомъ въ пышный бантъ, приколотый драгоцѣнною брилліантовою стрѣлой и букетомъ ярко-лиловой вербены, оживлявшимъ черты осунувшагося лица. Свѣтло-сѣрое атласное платье, убранное старымъ венеціанскимъ кружевомъ, было прилажено такъ ловко что придавало всей фигурѣ Ольги Сергѣевны, рѣшившейся вернуться къ корсету, обманчивую бодрость, не чуждую врожденной величавости. „Dieu, que vous êtes belle!“ невольно вырвалось у Дарьи Николаевны, заѣхавшей за нею чтобъ отправиться вмѣстѣ къ открытію праздника, на который Петръ Петровичъ, подъ предлогомъ важныхъ занятій, разчитывалъ появиться гораздо позднѣе.

Дѣйствительно, пышное великолѣпіе Ольги Сергѣевны затмѣвало относительно скромный туалетъ молодой женщины, явившейся въ черномъ бархатномъ платьѣ, безо всякихъ украшеній, кромѣ натуральныхъ свѣтло-лиловыхъ гіацинтовъ въ волосахъ и четырехъ рядовъ великолѣпнаго жемчуга, навязанныхъ влаготную, „отейникомъ“, вокругъ безупречно изваянной природою шеи. Озадаченныя представительницы межигорскаго beau monde'а недоумѣвали.

— Наша-то старушка какъ подбодрилась, просто не узнать! замѣчали не безъ зависти многія губернскія львицы, не уяснявшія себѣ точно въ чемъ таился секретъ свободнаго, словно повседневнаго перехода отъ закоптѣлой вигоши и безобразнаго чепца къ атласу и брилліантамъ.

Около двѣнадцати балъ уже былъ въ полномъ разгарѣ. Успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе. Не только танцовальная зала, но и всѣ сосѣднія съ нимъ гостиныя были переполнены непроходимыми толпами пестраго люда въ самыхъ разнообразныхъ нарядахъ, начиная отъ богатыхъ шелковыхъ домино до коленкоровыхъ балахоновъ на доморощенныхъ „Піерро“ и неимовѣрныхъ шароваръ на олереточныхъ Туркахъ. Въ воздухѣ стояла ѣдкая атмосфера, смѣсь пыли, копоти и человѣческихъ испареній, неизбѣжно присущая многолюднымъ собраніямъ. Продавщицы базара торговали такъ успѣшно

что прелестная княжна Тата Варягина, къ крайнему изумленію, распродала въ теченіе двухъ часовъ свою цвѣточную лавочку съ баснословными барышами и, не желая оставаться „не у дѣлъ“, пріютилась на эстрадѣ, гдѣ Ольга Сергѣевна вмѣстѣ съ Дарьей Николаевной, несмотря на содѣйствіе нѣсколькихъ элегантныхъ юношей съ княземъ Торжковскимъ во главѣ, не поспѣвали удовлетворять требованіямъ публики. Очаровательная въ своемъ изящномъ кретоновомъ костюмѣ „bouquetière Louis XV“, милая дѣвушка словно пахнула на скученную внизу толпу наивною граціей своихъ семнадцати лѣтъ, свѣжестью и непринужденностью ликующей молодости. Появленіе ея на чинной, молчаливой эстрадѣ какъ бы смягчило впечатлѣніе навѣянное на робкихъ горделивою величавостью Ольги Сергѣевны и строгою, спокойною красотой Дарьи Николаевны. Молодежь встрепенулась и засуетилась подъ ея командой, старательно разыскивая выпадавшіе выигрыши; множество рукъ потянулось къ ней изъ толпы, ввѣряя ея счастію плоды трудовыхъ сбереженій. Даже Ольга Сергѣевна, начинавшая ощущать сильное утомленіе отъ непривычнаго движенія и шума, нѣсколько оживилась, невольно подчиняясь общему настроенію.

Она уже давно тревожно оглядывалась на входныя арки, смущенная продолжавшимся сверхъ мѣры отсутствіемъ мужа. Какое-то тайное предчувствіе говорило ей что это не съ проста, такъ какъ краеправитель ни подъ какимъ предлогомъ не могъ воздержаться отъ появленія на этомъ праздникѣ. Что же могло его такъ долго задерживать? Конечно „она“. Но неужели, попирая всѣ приличія, онъ отважится появиться предъ громадною толпой вмѣстѣ съ любовницей послѣ того какъ не призналъ умѣстнымъ солутствовать ей, своей женѣ? „Нѣтъ, это немыслимо, успокоивала себя несчастная женщина,—такая бравада общественнаго мнѣнія не можетъ согласоваться съ его взглядами на офиціальное, должностное достоинство, да и сама Вельбольская едва ли рѣшится предстать въ виду всего города рука объ руку со своимъ возлюбленнымъ; у нея все-таки же есть мужъ который, не взирая на свою покладливость, не допуститъ ее до такого всенароднаго посрамленія его имени!...“

Между тѣмъ оркестръ прогремѣлъ ритурнель третьей кадрили. Вспополошившіяся пары сбѣгались со всѣхъ сторонъ и наполняли средину залы, оттѣсняя остальную публику,

которая столпилась вдоль стѣнъ, заслоняя всѣ выходы чтобы посмотрѣть на танцующихъ. Предположенія Дарьи Николаевны вполнѣ подтвердились: разнокалиберная масса держала себя совершенно прилично, словно каждый сознавалъ неумѣстность какихъ-либо неблагопристойныхъ выходокъ, способныхъ нарушить гармонію общаго веселья. Члены-распорядители, принявшіе на себя полицію залы, безцѣльно сновали между группами, не находя случая примѣнять свою власть. Въ числѣ танцующихъ масокъ нашелся импровизованный дирижеръ, увлекавшій остальныхъ своею заразительною, веселою удалью. „Большой кругъ!“ скомандовалъ онъ, и пары закружились пестрыми волнами, заканчивая кадриль поистинѣ „инфернальнымъ“ галопомъ.

Въ это самое время у правой входной арки произошло замѣтное движеніе. „Позвольте, позвольте, господа“, донесился чей-то громкій озабоченный голосъ. Публика шелохнулась и разступилась, открывая проходъ предъ молодцоватымъ полицеймейстеромъ, въ двухъ шагахъ за которымъ слѣдовалъ самъ начальникъ области подъ руку съ графиней Вельбольской.

Всѣ головы оборотились назадъ. Сосѣди была ослѣпительна въ буквальномъ смыслѣ слова. Густая сѣть изъ бѣлаго стекляруса, только еще начинавшаго входить въ моду, покрывала въ видѣ тюника весь передъ ея бѣлаго же шелковаго платья, ниспадая тяжелою бахромой до самыхъ кончиковъ миніатюрныхъ атласныхъ туфель. Корсажъ-кирасса, сплошь затканный тѣсными рядами того же эффектнаго украшенія, обрамлялъ словно огненною оправой пышныя округлости ея крайне обнаженнаго бюста. Незамѣтный слой „бѣлокурой“ пудры искусно положенной на волосахъ придавалъ имъ совершенно пепельный воздушный колоритъ, еще болѣе оттѣнявшій прозрачную нѣжность кожи и блескъ сіянія подведенныхъ глазъ. Высокій шиньонъ придерживался большимъ гребнемъ изъ девяти отборныхъ жемчужинъ съ рубиновыми и брилліантовыми украшеніями въ видѣ геральдической графской короны. Бездѣлица заплаченная Петромъ Петровичемъ пятнадцать тысячъ франковъ во время послѣдняго пребыванія въ Парижѣ.

Небрежно опираясь на руку своего кавалера, графиня съ невозмутимымъ апломбомъ проходила сквозь густые ряды озиравшей ее публики. По временамъ, словно желая загля-

шить звукъ своихъ рѣчей, она подносила пышный букетъ изъ бѣлыхъ чайныхъ розъ, прибывшій въ то же утро съ курьерскимъ поѣздомъ отъ Фомина и устремляла изъ-за него глаза на толпу, желая убѣдиться въ степени произведеннаго эффекта.

Онъ былъ по истинѣ чрезвычайный. Масса публики, не посвященная въ тайны „великихъ міра“, привѣтствовала плотояднымъ шепотомъ появленіе этой соблазнительной вакханки.

— Жена что ли? спрашивали въ недоумѣніи нѣкоторые болѣе простодушные, обманутые признаками интимности. Какое тамъ жена, просто „помпадурша“, замѣчали насмѣшливо посвященные, пользуясь случаемъ щегольнуть излюбленно-либеральнымъ терминомъ.

Ольга Сергѣевна все видѣла, и яркая краска стыда и негодованія пробилась на ея лицѣ сквозь густой слой наложенныхъ косметиковъ. Обида была такъ тяжела и всенародна что Баратынцева не могла отвѣстись къ ней равнодушно, несмотря на всю уступчивость и безразличіе послѣдняго времени. Торжествующій видъ графини, ея эффектный, дорогой туалетъ, вполнѣ оттѣнявшій всю прелесть Соси, еще болѣе уязвили и безъ того страдавшее самолюбіе супруги и женщины. Дарья Николаевна, озабоченная у своего колеса, повидимому не примѣчала или дѣлала видъ что не примѣчаетъ этого скандалезнаго торжества порока. Ей дѣйствительно до той минуты не приходило въ голову что отвага влюбленнаго Баратынцева способна дойти до полнаго забвенія общественныхъ приличій.

Войдя въ залу, Петръ Петровичъ круто повернулъ налѣво къ трибунѣ. Полицеймейстеръ услужливо откинулъ предъ нимъ дверцы балюстрады, толпившаяся у выставки выигрышей молодежь почтительно разступилась, и графиня Вельбольская, оставивъ руку своего кавалера, быстро проскользнула по бархатной настилкѣ прямо къ Ольгѣ Сергѣевнѣ.

— Je vous amène un renfort, chère amie, съ вымученною улыбкою проговорилъ Баратынцевъ, сжимая до боли руку жены,—графиня по „моей настоятельной просьбѣ“—онъ какъ бы подчеркнулъ эти слова—согласилась облегчить твои труды и явилась съ запасомъ свѣжихъ силъ помогать обиранію нашихъ добрыхъ согражданъ.

Баратынцевъ устремился подъ колоннаду съ намѣреніемъ принести щедрыя лепты у прилавковъ продавщицъ благотворительнаго базара. За нимъ двинулись всѣ, кто считалъ себя почему-либо въ правѣ прилѣпляться къ начальству безъ формальнаго къ тому приглашенія. Нѣсколько минутъ спустя, изъ толпы глазѣвшихъ масокъ выдѣлился сухощавый, сутулый „Гамлетъ“, въ лоснящемся костюмѣ изъ порыжѣлаго плиса, въ одномо перехваченномъ въ заштатномъ гардеробѣ случайнаго костюмера. Пройдя нетвердою поступью свободное отъ публики пространство, онъ остановился въ двухъ шагахъ передъ эстрадой и, скрестивъ руки на груди, уставился налитыми кровью глазами на Вельбольскую.

— Вамъ угодно билетовъ? привѣтливо спросила графиня, начинавшая ощущать неловкость подъ этимъ безмолвнымъ осмотромъ.

— Прочь куртизанку дерзнувшую выгонять честныхъ женщинъ!.. долой безстыжую Клеопатру!.. неистово, осипшимъ голосомъ закричалъ незнакомецъ съ театральнымъ жестомъ, срывая маску со своего лица.

Графиня побѣднѣла, окружавшая ее золотая молодежь совершенно растерялась.

Въ то же время, словно въ отвѣтъ на грубый возгласъ незнакомца, раздался пронзительный, отчаянный крикъ, и Ольга Сергѣевна рухнулась безъ чувствъ на стоявшее позади кресло. Она тотчасъ узнала Гришу по его поразительному сходству съ покойнымъ отцомъ и не въ состояніи была осилить охватившаго ее внезапнаго ужаса.

„Гамлетъ“ былъ дѣйствительно не кто другой какъ знакомый читателю Востряковъ. Онъ давно наблюдалъ изъ толпы за трибуной и, объяснивъ по-своему удаленіе Даріи Николаевны, воспламенился внезапно мыслію отомстить за свою „царицу“. Бѣднаго еще съ утра находился подъ дѣйствіемъ алькоголя, окончательно помутившаго его голову въ душной температурѣ бальной залы.

Пока суетились около Ольги Сергѣевны, долго не оправлявшейся отъ обморока, пока оторопѣвшая полиція успѣла сообразить въ чемъ дѣло и допытывалась отъ свидѣтелей происшествія: кто виновникъ неслыханнаго скандала, Востряковъ благодаря маскѣ успѣлъ воспользоваться общею сумятицей чтобы выбраться благополучно не только изъ залы, но изъ самаго дома Собранія. Возраставшая гилерестезія

мозга представляла несчастному юношѣ сотни лалачей и сбирровъ гнавшихся ло его лятамъ, и онъ бѣжалъ въ своемъ лицедѣйскомъ нарядѣ, не обращая вниманія на смѣхъ толлившихся вдоль улицы извощиковъ, на жестокій морозъ щилавшій его икры сквозь тонкую ткань бумажныхъ чулокъ, чтобъ укрыться отъ занесенныхъ на него воображаемыхъ стилетовъ. Когда лодъ утро, согласно строжайшимъ приказаніямъ самого Петра Петровича, лоднятой на ноги полиціи удалось признать личность дерзкаго оскорбителя и разыскать его мѣстожительство, бѣднаго Гришу вынули еще теллаго изъ летли, но не смогли уже призвать къ жизни. Онъ ловѣсился лри первомъ стукѣ въ двери его комнаты чтобъ избѣжать лытокъ инквизиціоннаго трибунала, какимъ представлялась его разстроенному воображенію камера мирового судьи.

Въ ту же самую ночь, случайно, разряжая карабинъ, ранилъ себя въ бокъ Юрій Дмитріевичъ Ладожскій. Шёнбергъ утверждалъ что рана принадлежитъ къ разряду наиопаснѣйшихъ и что только необыкновенная эластичность реберъ спасла больнаго отъ неизбѣжной смерти, такъ какъ выстрѣлъ послѣдовалъ прямо ло линіи сердца. Полковой врачъ, призванный для консультаціи, почтительно улыбнулся передъ приговоромъ мѣстнаго „свѣтила“, лотребованнаго ло настоянiямъ самого лаціента, но въ сторонкѣ шелнулъ Дарьѣ Николаевнѣ что „царалина“ заживетъ безслѣдно черезъ двѣ недѣли.

— Подлецъ, проговорилъ Василій Петровичъ, когда извѣстіе о чудесномъ избавленіи блестящаго полковника отъ угрожавшей ему неминуемой опасности разнеслось ло городу,—такъ и зналъ что стулерничаетъ!

Онъ выѣхалъ на слѣдующій же день изъ Межигорска, предоставляя Провидѣнію призвать къ отвѣту трусливаго негодая. Пылъ лерваго негодованія улегся, и онъ считалъ себя исполнившимъ свой долгъ относительно ламяти Лины.

X.

Прошло два года. На С—ой лароходной лристани Общества „Сура и Кама“, въ числѣ лассажировъ лрибывшихъ съ однимъ изъ лервыхъ рейсовъ ло открытіи судоходства, находился мущина среднихъ лѣтъ, свѣжій лицомъ и бодрый

наружностію, несмотря на значительную сѣдину пробивавшуюся въ его окладистой бородѣ. Спустившись на берегъ, онъ взялъ пролетку и умѣстясь на ней съ небольшимъ багажемъ, состоявшимъ изъ уютнаго чемодана, дорожнаго мѣшка и свертка съ пледомъ, приказалъ возницѣ ѣхать прямо на вокзалъ Московской желѣзной дороги. Хотя до отхода поѣзда оставалось еще слишкомъ два часа, Василій Петровичъ—это былъ не кто иной какъ нашъ старый знакомый—предпочиталъ съ разу пристроиться на мѣстѣ, не останавливаясь въ незнакомомъ городѣ, представлявшемъ для него мало интереснаго. Все это время онъ безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ и теперь пробирался на Вѣнскую всемірную выставку, откуда по совѣту врачей намѣренъ былъ проѣхать къ Карлсбадскимъ водамъ. Два года усидчивой жизни, исключительно посвященные обработкѣ капитальнаго труда по любимой отрасли науки, нѣсколько утомили его силы и вызвали легкіе припадки унаслѣдованной болѣзни печени. Онъ чувствовалъ потребность отдыха, обновленія, и не сомнѣвался что перемѣна мѣста, временное отвлеченіе отъ обычныхъ занятій и, уже испробованное прежде, благодатное дѣйствіе цѣлебныхъ источниковъ возвратятъ бодрость его крѣпкой, нелоченой натурѣ.

На станціи желѣзной дороги царила еще полнѣйшая тишина. Буфетъ былъ закрытъ, и Нахимцевъ, поручивъ свои ложитки сторожу, вышелъ изъ пыльной и душной залы на платформу, весело освѣщенную лучами весенняго солнца. Хорошо было у него на душѣ. Радостно предвкушая наслажденіе покоемъ и отдыхомъ, онъ присѣлъ на одну изъ разположенныхъ вдоль наружной стѣны скамеекъ и сталъ глядѣть на чирикающихъ воробьевъ, юрко перепархивавшихъ по черной грязи проходовъ, отдѣлявшихъ рельсовые пути. По временамъ пернатые смѣльчаки взлетали на теплый асфальтъ платформы въ надеждѣ вѣроятно раздобыть случайныя крохи обраниваемыя здѣсь заласканными пассажирами. Мало-по-малу мысли Василія Петровича сосредоточились и, какъ зачастую случается съ людьми очень занятыми и внезапно очутившимися на полной свободѣ, стали сводить итоги за весь прожитый періодъ времени. Онъ имѣлъ право быть довольнымъ собой. Богатый запасъ собранныхъ прежде матеріаловъ былъ имъ разработанъ сполна до мельчайшихъ подробностей и вылился въ стройную форму вполнѣ законченнаго труда. Въ

его дорожномъ мѣшкѣ покоилась объемистая рукопись, собственноручно переписанная, обнимающая около двухсотъ листовъ убористаго письма, то-есть добрый печатный томъ, которую онъ чрезъ два дня передастъ въ редакцію первостепеннаго журнала, гдѣ, онъ зналъ заранѣе, она встрѣтитъ сочувственный пріемъ. Серіозный гонораръ принесетъ ему осязательное доказательство производительности его трудовъ. Несмотря на полнѣйшее обезпеченіе и безкорыстіе, онъ не могъ еще отрѣшиться отъ какого-то наивнаго чувства гордости при каждой подобной получкѣ. Эти деньги, пріобрѣтенныя непосредственнымъ, тяжелымъ личнымъ усиліемъ казались ему несравненно болѣе цѣнными и буквально „собственными“. Василій Петровичъ глубоко уважалъ тотъ органъ гдѣ помѣщалъ свои труды, вслѣдствіе твердаго сознанія что руководившіе имъ люди являлись носителями честнаго знамени, истинно народнаго начала. Въ тиши своего захолустья онъ не разъ рвался къ нимъ душой и помыслами, восторгаясь какъ юноша мощною силой изливавшеюся изъ-подъ ихъ пера по поводу болѣзненныхъ уродствъ начинавшихъ уже разлагать весь общественный строй. Ему казалось что и для нихъ не безполезно его посильное содѣйствіе укрѣпленію расшатываемаго со всѣхъ сторонъ зданія дорогихъ традицій и завѣтныхъ вѣрованій.

Одно неотвязное воспоминаніе нерѣдко смущало мирный покой его установившейся жизни. Какъ ни старался Василій Петровичъ доказывать себѣ призрачность всякихъ надеждъ, печальный образъ княжны Лины возставалъ предъ нимъ вѣчно живой изъ праха прошлыхъ лѣтъ, словно подсмѣиваясь надъ его усиліями схоронить его какъ дорогой, но отжившій кумиръ. Случилось, правда, обстоятельство невольно возстановлявшее повидимому расторгнутую связь съ прошлымъ. Въ исходѣ перваго года по переселеніи въ деревню, Нахимцевъ былъ озадаченъ полученіемъ денежнаго пакета на сто рублей. По вскрытіи конверта, носившаго штемпель Московскаго почтамта, въ немъ кромѣ денегъ и чистаго листа почтовой бумаги, служившаго имъ обложкой, не оказалось ни единой строчки разъясняющей хотя бы имя таинственнаго подателя. Адресъ былъ написанъ весьма обстоятельно и четко, твердою но совершенно незнакомою рукой. Точно такая же получка повторилась полгода спустя, и затѣмъ опять, за нѣсколько дней до его отъѣзда изъ деревни, съ тою лишь разницей что

изящною прозрачностію, да сочетаніе знакомыхъ „razsko“ выступило ясиѣе, подтверждая первоначальныя догадки.

Онъ все еще сомнѣвался, опасаясь случайнаго сходства, страшась довѣриться невѣроятному счастію.

— Нѣтъ ли у васъ помельче: у меня не будетъ сдачи, раздалось изъ-за трельяжа.

— Княжна! произнесъ онъ настолько явственно, припадая лицомъ къ самому окошку, что его восклицаніе могло достигнуть по назначенію не возбуждая вниманія слѣдовавшей за нимъ публики.

— По отходѣ поѣзда, у бокового крыльца, проговорила Лина, нисколько не теряясь предъ неожиданностью этой встрѣчи и, спокойно принявъ другую меньшаго достоинства ассигнацію, вручила ему сдачу вмѣстѣ съ билетомъ до ближайшей станціи. Она поняла что онъ не можетъ уѣхать.

Цѣлою вѣчностію протянулись для Василія Петровича эти три четверти часа, отдѣлявшія его отъ княжны. Что онъ ей скажетъ, съ чего начнетъ! Грудь, казалось, готова была разорваться подъ напоромъ неломѣраго, внезапно ворвавшагося въ нее счастія. Онъ едва сообразилъ чего хочетъ отъ вего услужливый сторожъ явившійся напомнить о порученномъ багажѣ и совершенно забылъ что въ этомъ багажѣ находится дорогое дѣтище его усидчивыхъ дней и безсонныхъ ночей. Лина, живая, прежняя Лина, сейчасъ появится предъ нимъ, сизойдетъ на землю изъ области обманчивыхъ сновъ и невѣроятныхъ мечтаній! Но вдругъ тяжелое напоминаніе дѣйствительности коснулось холодною рукой его воскресшаго, разцвѣтшаго сердца. Нѣтъ, не Ладожскій—обстановка княжны явно свидѣтельствовала что счеты съ нимъ на вѣки покончены—способенъ теперь снова стать между ними, не тотъ „другой“ ради котораго она не задумалась пожертвовать всѣми привязанностями жизни, а новый, невѣдомый счастливецъ на преданность котораго она можетъ-быть оперлась.

Какъ ни взволнованъ былъ Василій Петровичъ, забота о спокойствіи любимой женщины инстинктивно побудила его къ осторожности. Опасаясь привлечь нескромное вниманіе служащихъ, или просто прохожихъ, онъ предпочелъ поджидать княжну въ небольшемъ скверѣ, разбитомъ противъ самаго вокзала, откуда можно было свободно наблюдать за ея выходомъ. Весь багажъ былъ предварительно сложенъ на *пролетку*, оставленную невдалекѣ.

Поѣздъ уже четверть часа какъ ушелъ, прибывшая публика успѣла разъѣхаться, окрестность вокзала понемногу опустѣла, стали расходиться и служащіе, а Лина все еще не появлялась..

— Боже, неужели обманетъ? тревожно вопрошалъ себя Василій Петровичъ, и сердце его обрывалось при одномъ предположеніи о подобномъ исходѣ. Еще часъ тому назадъ онъ спокойно вспоминалъ о ней какъ о чемъ-то далеко отошедшемъ, а теперь лишняя четверть часа повергала его въ смятеніе, граничащее съ отчаяніемъ. Правда, въ этотъ часъ успѣло воскреснуть цѣлое прошлое, словно княжна какъ сказочная фея вспрыснула живою водой прахъ прожитыхъ лѣтъ и завядшихъ надеждъ.

Но вотъ наконецъ и она... остановилась на подъѣздѣ и окинула кругомъ все тѣмъ же царственно-спокойнымъ взглядомъ.

— Я здѣсь! едва не вырвалось у Василія Петровича, но княжна его замѣтила, оттадала и медленно направлялась къ скверу.

— Простите что такъ замѣшкалась: Нужно было свести счеты, провѣрить наличность, сдать деньги, проговорила она совершенно просто, дружески протягивая ему обѣ руки.

Онъ не смѣлъ прильнуть къ нимъ лоцѣлуями, опасаясь вызвать неудовольствіе, и только судорожно сжималъ въ своихъ похолодѣвшихъ рукахъ, повторяя безсвязно отрывки неслагавшейся рѣчи: — княжна... какъ я счастливъ!... какъ счастливъ! возвращалось помимутно, словно откликъ необъятнаго блаженства.

— Не княжна, а госпожа Ѳомина, поправила его съ улыбкой Лина.

— Вы замужемъ?!

Ей стало жалко мучительной боли отразившейся на его лицѣ.

— Нѣтъ... то-есть овдовѣла, добавила она съ усиліемъ.

Василій Петровичъ вздохнулъ полною грудью.

— Мы однако не можемъ здѣсь оставаться, замѣтила Лина,— пойдемте ко мнѣ, багажъ можете оставить въ *Московской гостиницѣ*, въ двухъ шагахъ отсюда; жалѣю что не въ состояніи за тѣснотой предложить вамъ сколько-нибудь сноснаго пріюта, тѣмъ болѣе что я живу не одна.

— Я вовсе не намѣренъ васъ чѣмъ-либо стѣснять, слѣшилъ

выраженіе, появлявшееся въ минуты раздраженія и тревоги. Золотистые волосы, причесанные совершенно гладко, вѣчались все тою же роскошною косой, закрученною высоко надъ красивымъ затылкомъ. Она не сняла своего скромнаго чернаго шерстянаго платья, довольствуясь свѣжимъ воротничкомъ и рукавчиками, противуполоставлявшими свою блестящую бѣлизну цвѣтущей свѣжести ея лица, слегка уже оттѣненнаго янтарнымъ тономъ перваго загара. Василій Петровичъ не въ силахъ былъ одолѣть чувства спокойной, умиротворявшей душу прелести, навѣянной на него ото всего ея существа. Это была уже не прежняя волнующая и кипучая страсть, угнетавшая разсудокъ и сердце вѣчно сдержанными порывами, а нѣчто новое, мягкое и отрадное, вызывавшее довѣріе и надежду, словно улыбка краснаго ребенка,—не жаркій полдень, а ясный восходъ съ его живительною свѣжестью.

— Съ чего же мы начнемъ, спросила Лина, подвигая ему стаканъ крѣпкаго чая, онъ замѣтилъ это вниманіе къ его привычкамъ,—вы конечно изъ деревни и ничего не знаете про Межигорскъ?

Василій Петровичъ испытывалъ томительную неловкость подъ ея прямымъ, довѣрчивымъ взглядомъ. Борьба между призрачнымъ страхомъ оскорбить ее откровенною правдой и жалкою необходимостью изворачиваться обоюдною, недостойною, завѣдомою ложью была непродолжительна.

— Прежде чѣмъ отвѣчать на ваши вопросы и дѣлиться подробностями своей собственной жизни, началъ онъ серіозно послѣ легкой паузы, изъ деликатности избѣгая титула на который она не признавала болѣе своихъ правъ,—я считаю долгомъ порядочнаго человѣка не утаивать предъ вами, Александра Павловна, что мнѣ „все извѣстно...“

Рѣчь его невольно оборвалась на этихъ словахъ отъ нахлынувшаго волненія.

— То-есть что именно? спросила княжна, останавливая на немъ спокойный, нѣсколько озадаченный взглядъ.

— Все, повторилъ онъ тономъ способнымъ не оставить въ ней малѣйшаго сомнѣнія относительно значенія этого страшнаго слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовавшимъ что это „все“ ничтожно предъ его уваженіемъ къ ней.

Она молчала, но отблескъ словно внезапной боли мелькнулъ на ея подвижномъ лицѣ. Въ его голосѣ ей послышалась одна обидная жалость.

— Вы конечно поймете, продолжалъ Нахимцевъ,—что не праздное любопытство побудило меня допытываться той тайны ради которой вы пожертвовали всѣмъ дорогимъ въ жизни. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи мнѣ нечего оправдываться предъ вами. Случай, или можетъ-быть точнѣе воля Провидѣнія поставила меня въ возможность призвать къ отчету негодяя злоупотребившаго вашимъ довѣріемъ. Имѣлъ ли я на то право—не знаю. Въ тѣ минуты я не разсуждалъ и предлагая ему жизнь за жизнь полагалъ что не оскорбляю вашей памяти. Не скрою отъ васъ что такая отвага, по нѣкоторымъ причинамъ о которыхъ вамъ не трудно догадаться, въ то время не особенно многаго мнѣ стоила, а потому и не можетъ быть вмѣняема мнѣ вами въ какую-либо заслугу. Я просто тяготился жизнію и, считая малодушіемъ самовольное прекращеніе ея, безъ сожалѣнія принялъ бы тотъ жеребій который, словно въ насмѣшку, судьба назначила моему противнику. Подчинялась ея рѣшенію, я принялъ жизнь какъ достойное искупленіе за свою гордыню, но Ладожскій обманулъ меня точно такъ же какъ обманулъ нѣкогда и васъ. Онъ живетъ, къ величайшему стыду того, кто поклялся своею честію и вашею памятью убить его какъ бѣшенаго звѣря въ случаѣ уклоненія отъ приговора „суда Божія“. Вотъ въ чемъ я дѣйствительно виноватъ предъ вами столько же сколько и предъ самимъ собой.

— Ладожскій умеръ нынѣшнею зимой, тихо произнесла княжна,—онъ былъ убитъ *Османомъ*, своимъ любимымъ конемъ; объ этомъ было въ газетахъ.

— Царство ему небесное, набожно перекрестился Василій Петровичъ,—стало-быть, такъ или иначе, приговоръ Провидѣнія все-таки свершился.

Наступила минута молчанія, словно душа покойнаго красавца, вызванная звукомъ его имени, тихо пронеслась между ними, отряхнувшая земные грѣхи.

— Теперь и я могу васъ слушать съ мирною совѣстію и спокойнымъ духомъ, весело промолвилъ Василій Петровичъ. Гора тяжелыхъ признаній свалилась съ его плечъ и онъ спокойно отдавался блаженству охватывавшаго его тихаго счастія.

Княжна подняла на него печальный, но уже довѣрчивый взглядъ.

— Что говорить, добавила она просто,—вы сами все знаете: я ушла отъ людей чтобы казнить себя за недостойное

чувство, но Господь сжалился надо мной: оно исчезло вмѣстѣ съ тѣмъ кто не сумѣлъ и не могъ на него отвѣтить.

— Знаю, горячо перебилъ онъ ее,—но за этимъ отважнымъ рѣшеніемъ кроется цѣлая поэма мученій и геройства, тяжелыхъ сомнѣній и душевнаго разлада, словомъ, вся ваша многострадальная, мученическая жизнь двухъ истекшихъ годовъ; неужели вы не захотите ею подѣлиться съ безпредѣльно преданнымъ другомъ, въ сердцѣ котораго мельчайшая подробность встрѣтитъ откликъ и сочувствіе!

И въ надеждѣ вызвать ея откровенность онъ сталъ излагать подробности предпринятыхъ послѣ ея отъѣзда поисковъ, ярко обрисовалъ свое душевное настроеніе въ означенное время, послѣдовательный рядъ надеждъ и разочарованій волновавшихъ его въ каждой новой мѣстности вплоть до встрѣчи съ бывшею содержательницей женскаго пансіона, убѣдившею его окончательно что разыскиваемая особа находится за предѣлами Россіи. Онъ говорилъ свободно, безо всякаго смущенія и вычурностей, не стѣсняясь когда приходилось выражать опредѣленно свои личныя, задушевныя чувства, какъ говорятъ съ дорогимъ, снисходительнымъ другомъ, способнымъ найти интересъ во всемъ сообщаемомъ. Лина слушала его съ видимымъ удовольствіемъ, останавливая по временамъ на нѣкоторыхъ подробностяхъ, требовала разъясненія обстоятельствъ и событій, которыя онъ случайно опускалъ, стремясь вылить всю душу, всѣ помыслы и ощущенія волновавшіе его со времени разлуки.

Княжна искренно смѣялась при повѣствованіи о двойникѣ-Англичанкѣ, введшемъ его въ заблужденіе. Ничего подобнаго въ дѣйствительности съ нею не было, и лишь случайное сходство могло вызвать недоразумѣніе. Уѣзжая изъ Межигорска, она заранѣе намѣтила цѣль своего направленія. Ирина Ивановна, ея старая, любимая няня, прожившая почти полвѣка около нѣсколькихъ поколѣній Варягиныхъ, лѣтъ десять какъ поселилась въ С.... подлѣ старшей дочери, находившейся замужемъ за однимъ изъ служащихъ при тамошней желѣзной дорогѣ. Не переставая обмѣниваться съ нею по временамъ хотя и рѣдкими но теплыми, сердечными письмами, Лина вспомнила объ этой испытанной преданности и не задумалась искать подлѣ нея пріюта и помощи въ минуту бѣды. Благодаря патріархальности мѣстной администраціи, а отчасти и общему уваженію какимъ пользовался зять

Иринушки, ей удалось безъ особенныхъ усложненій прослыть за племянницу сей послѣдней, Ѳомину, оставшуюся за смертію мужа безо всякихъ средствъ къ существованію. Тотъ же добрый и обязательный Соколовъ, такъ звали зятя Ирины Ивановны, пристроилъ ее кассиршей, съ окладомъ около пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, благодаря которому она могла существовать безъ нужды, не обременяя ничѣмъ своихъ нежданныхъ благодѣтелей. Въ послѣдствіи нѣсколько уроковъ по иностраннымъ языкамъ настолько увеличили ея достатокъ что дали возможность произвести извѣстныя уплаты на погашеніе заключеннаго предъ выѣздомъ займа. Деньги она дѣйствительно отправляла намѣренно изъ различныхъ пунктовъ, расположенныхъ по той же желѣзнодорожной линіи, пользуясь услугами Соколова, который, въ качествѣ контролера, совершалъ безпрестанныя поѣздки.

— Вы видите что во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни предполагаемыхъ вами страданій, еще менѣе какого-либо геройства, заключила Лина.— Господь былъ ко мнѣ гораздо милостивѣе нежели я того заслуживала.

Въ ея словахъ слышалось неподдѣльное искреннее смиреніе, чуждое рисовки.

Все существенное, казалось, было сказано, все прошлое исчерпано до дна. Они оба словно смутно это сознавали и не слѣшили нарушать послѣдовавшаго молчанія. Углублаться далѣе въ область интимныхъ сердечныхъ ощущеній, не затрогивая едва закрывшихся ранъ, было невозможно, а слѣды ихъ могли оказаться чувствительнѣе нежели казалось.

— Тата на этихъ дняхъ выходитъ замужъ, приломнила Лина.

— Въ Межигорскѣ?

— О нѣтъ, мама, послѣ смерти батюшки, переселилась въ Петербургъ. Дѣла по имѣнію, слава Богу, поправились съ проведеніемъ желѣзной дороги, и за расплатой съ кредиторами, осталось еще тысячи четыре чистаго дохода; сестра выходитъ за двоюроднаго брата Идельсдорфа; впрочемъ, вы должны помнить его еще по N.—Лина невольно покраснѣла при этомъ нечаянномъ намекѣ на далекое прошлое.—Онъ теперь служитъ въ лейбъ-гусарахъ. Мама писала обо всемъ этомъ Иринушкѣ.

— Такъ что ваше пребываніе здѣсь все еще остается тайной для близкихъ? спросилъ онъ.

— И надѣюсь, еще останется на нѣкоторое время, тихо вздохнула Лина,—теперь я не имѣю права помышлять о себѣ.

— Княжна, началъ онъ рѣшительно, не чувствуя болѣе силъ играть въ равнодушіе и сознавая его фальшь,—тому назадъ уже скоро два года я пережилъ страшную ночь, результатомъ которой явилось рѣшеніе повидимому меня, по натурѣ весьма мирнаго человѣка, требовать настоятельно жизни другаго человѣческаго существа. Отправляясь съ молитвой на смертный для меня бой, я далъ себѣ клятву что если Провидѣніе сохранитъ мнѣ жизнь, я посвящу ее вамъ, если только вамъ суждено будетъ встрѣтиться и вы захотите ее принять. Простите что я высказываю столь внезапно и откровенно эти чувства, но они для васъ не могутъ быть новостію, и не сегодня, завтра я все-таки долженъ былъ это сдѣлать.

Странная усмѣшка пробѣжала по лицу княжны. Она молча, крѣпко пожала его руку, и сдержанныя слезы блеснули въ ея глазахъ.

— Благодарю васъ... благодарю отъ души, проговорила она стараясь осилить свое волненіе,—такъ какъ увѣрена что въ вашихъ словахъ не можетъ быть и тѣни неискренности, иначе они были бы худшимъ изъ оскорбленій. Вы конечно не сознаете сами значенія той жертвы которую мнѣ теперь предлагаете, но какъ ни велика она, я ни при какихъ условіяхъ не должна и не могу ее принять, именно потому что подобное предложеніе, послѣ всего случившагося, можетъ быть „только жертвой“, для васъ по крайней мѣрѣ. Повѣрьте что вовсе не ложное самолюбіе и не избытокъ гордости побуждаютъ меня смотрѣть на него съ этой точки зрѣнія. Нѣтъ, я не преувеличиваю ни мѣры своего нравственнаго паденія, ни великодушія вашего поступка, а только стараюсь поставить ихъ въ прямое, безыскусственное отношеніе. Есть вещи которыя не забываются и не прощаются. Послѣ стольких лѣтъ величайшей, чистѣйшей изъ преданностей съ вашей стороны я не могла бы вернуться къ вамъ лишь жалкимъ отребьемъ развѣнчаннаго кумира которому вы поклонялись. „Вашей Лины“ нѣтъ, я вамъ это сказала еще тогда, въ Межигорскѣ, повторила въ письмѣ отправленномъ на другой день отъѣзда, и какъ бы я ни хотѣла, я не въ силахъ вамъ ее возвратить. Я прошла сквозь огонь безумной, унижающей страсти и оставила въ немъ лучшую часть своего существа!...

Нахимцевъ молча слушалъ, не спуская съ нея глазъ, взвѣшивая въ напрягшемся въ эту рѣшительную минуту

сознаніи, каждое слово, каждый изгибъ мысли въ ея гордой, наболѣвшей душѣ.

— Быть вѣчно подлѣ васъ, раздѣлять вашу жизнь, продолжала она словно торопясь покончить,—съ постоянною тѣнью этого неизгладимаго прошлаго, съ ежеминутнымъ сомнѣніемъ что оно тайно разъѣдаетъ вашу душу, подтачиваетъ покой, охлаждаетъ довѣріе и ласку, да развѣ это мыслимо!.. Нѣтъ, Василій Петровичъ, попробовала она улыбнуться,— оставьте мнѣ по крайней мѣрѣ печальное утѣшеніе завѣдомо имѣть до конца дней хотя одну любящую, всецѣло принадлежащую мнѣ душу и не отымайте вѣры въ то что вы станете уважать испытанную во полрежнему чистую Лину такъ же какъ готовы были сейчасъ любить и простить падшую, еслибъ это было на самомъ дѣлѣ...

Внезапнымъ свѣтомъ осѣнилъ его этотъ тихій, покорный упрекъ, одинаково чуждый гордости и самоуничиженія. Онъ упалъ къ ея ногамъ, исполненный мучительнаго раскаянія въ своихъ нечестивыхъ сомнѣніяхъ...

— Не оттолкните безумца, простите маловѣрнаго, возмнившаго въ своей гордынѣ что имѣетъ право прощать, когда слѣдовало лишь просить о помилованіи.

— Встаньте, спокойно произнесла княжна,—вамъ не въ чѣмъ предо мною виниться, вы—„прощены“... Я ждала васъ и только съ вами могла возвратиться въ міръ живыхъ.

—

Въ исходѣ сентября того же года почтовый поѣздъ, направлявшійся изъ-за границы, подходилъ около трехъ часовъ дня къ платформѣ Межигорской станціи. Въ числѣ проѣзжавшихъ пассажировъ находился Василій Петровичъ Нахимцевъ съ женой. Послѣ свадьбы, совершенной въ Висбаденѣ, въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, они провели два мѣсяца въ очаровательныхъ окрестностяхъ Итальянскихъ озеръ, затерянные среди окружавшаго многолюдства въ уютномъ оазисѣ одинокой виллы, и теперь торопились въ С—ю деревню. Толпа генераловъ и другихъ должностныхъ лицъ въ парадныхъ мундирахъ и множество дамъ въ траурныхъ нарядахъ, наводнявшая платформу, еще издали привлекла вниманіе пассажировъ поѣзда.

— Что такое? спросилъ Василій Петровичъ у стоявшаго на подножкѣ вагона кондуктора.

— Тѣло супруги начальника здѣшней области, генеральши

Баратынцевой, препровождаютъ въ Москву для погребенія, пояснилъ тотъ.

— Бѣдная Ольга Сергѣевна! проговорили въ одинъ голосъ молодые супруги.

Послышались крики какой-то команды, скрипъ и звяканіе прицѣпляемаго вагона, за которыми раздалось унылое пѣніе послѣдней литіи и четверть часа спустя поѣздъ тронулся, увозя вмѣстѣ съ живыми бренные остатки несчастной страдалицы. Какая-то женщина съ чернымъ кружевнымъ вуалемъ торопливо юркнула въ вагонъ, гдѣ помѣщались Нахимцевы, вмѣстѣ съ послѣднимъ звонкомъ.

— Здравствуйте, Поля! привѣтствовала ее въ общемъ коридорѣ спальнаго вагона Александра Павловна Нахимцева.

— Ахъ, ваше сіятельство, простите, извинилась благовоспитанная камеристка,—такъ уже давно не имѣла счастія видѣть что право не узнала сразу, къ тому же и замучилась за все это время время, еле на ногахъ держусь.

Глаза у нея дѣйствительно были красны отъ слезъ или безсонницы, лицо осунувшееся и усталое.

— Зайдите на минуточку, пригласила ея Лина въ свое особое отдѣленіе,—мой мужъ, пояснила она указывая на Василія Петровича,—да присядьте же и разкажите какъ все это случилось.

— Благодарю покорно, почтительно проговорила бывшая камеристка покойной, скромно присаживаясь на кончикъ дивана,—послѣдніе три мѣсяца, послѣ отъѣзда генерала за границу, Ольга Сергѣевна можно сказать почти уже не вставали съ постели. Исхудали онѣ такъ что, повѣрите-ли-съ, я одна перекладывала ихъ на кушетку когда приходилось освѣжать бѣлье. Кушать почитай что совсѣмъ перестали, бывало даже отвертывались къ стѣнкѣ какъ только покажешься съ подносомъ. Докторъ Шѣабейнъ вздумалъ было для поддержанія силъ прибѣгать къ этому, изволите знать, искусственному питанію,—она закраснѣлась,—да и это не долго помогло. Очень уже, какъ онъ говорилъ, разрушилъ имъ желудокъ этотъ самый морфинъ который онѣ все потребляли послѣдніе года. Сна тоже почитай совсѣмъ не было...

— А гдѣ же генералъ? спросила Лина,—его не видно было на вокзалѣ.

— Они-съ на морскихъ купаніяхъ въ Біаррицѣ, съ графиней Вельболь'кой, если изволите помнить-съ. Докторъ Шѣабейнъ

телеграфировалъ имъ туда нѣсколько разъ о состояніи генеральши, но они все выражали надежду что больная оправится и просили только поддерживать силы до ихъ возвращенія. Что уже тамъ было поддерживать, прости имъ Господи! грустно усмѣхнулась она,—попробовали давать мускусъ, да только одно мученіе изъ того выходило. Какъ скончалась, просто не знали что и дѣлать: денегъ всего оказалось въ домѣ двѣсти рублей, барышни извѣстно почти еще дѣти, разпорядиться не могутъ, хоть плачь! Только третьяго дня получили переводъ на три тысячи съ приказаніемъ совершить торжественное отпѣваніе въ соборѣ и отправить тѣло въ Москву, согласно послѣдней волѣ покойницы, для погребенія подлѣ родителей въ Троицкой Лаврѣ. Князь Торжковскій всѣмъ распоряжались, а мнѣ приказано сопровождать его.

— Кто же изъ близкихъ находился послѣднее время кромѣ васъ при покойной?

— Да никто-съ, барышень онѣ не приказывали впускать, кромѣ какъ въ принятые часы. говорили что нервы имъ раздражаютъ, а сестрица ваша Дарья Николаевна Ладожская, какъ изволите знать, почитай вотъ уже скоро пятый мѣсяцъ какъ уѣхали на поклоненіе ко Гробу Господню, такъ что послѣдній годъ никто и не заглядывалъ.

Поля замолкла и тихо вздохнула.

— Вы устали, моя милая, простите что такъ долго васъ утруждала, отпустила ее Лина,—ложитесь скорѣй отдохнуть, да передайте мнѣ вашъ билетъ, я предупрежу оберъ-кондуктора чтобы васъ не тревожили: вамъ нужно еще много силъ для предстоящихъ заботъ и трудовъ.

— О чемъ ты задумалась, моя дорогая? спросилъ Василій Петровичъ жену, когда они опять остались вдвоемъ, примѣчая сосредоточенный видъ Лины.

— Ахъ, милый, разказъ этой преданной Поли невольно наводитъ на безотрадныя мысли: стóитъ ли жить, чувствовать и любить, если всѣ наши привязанности и страданія не оставляютъ въ дорогихъ намъ существахъ иного слѣда какъ этотъ одинокій гробъ, несущійся теперь вслѣдъ за нами. Вѣдь бѣдная Ольга Сергѣевна тоже любила и любила горячо!

Онъ крѣпко прижалъ ея къ своей груди и тихо добавилъ.

— Да, любила, несомнѣнно, но возлюбила не Создателя въ его твореніи, а тварь паче Бога, вотъ почему и самая любовь ея отцвѣла безслѣдно, какъ пустой колосъ на плодородной нивѣ.

И только? замѣтятъ быть-можетъ читатель или скорѣе читательница, склонные исчерпывать ad finem судьбы всѣхъ разнообразныхъ личностей, причастныхъ къ разсказу автора. Хотя жизнь, какъ синонимъ вѣчнаго движенія, никогда не даетъ въ опредѣленный моментъ вполнѣ законченныхъ развязокъ, мы можетъ-быть удовлетворимъ любопытству нѣкоторыхъ присовокупивъ что Межигорскій банкъ Взаимно-Земельно-Промышленнаго Кредита закончилъ свое недолголѣтнее существованіе, подобно многимъ другимъ своимъ собратамъ, торжественнымъ крахомъ, не отразившимся впрочемъ никакими непріятными послѣдствіями на благоденствіи графини Вельбольской, успѣвшей сдѣлаться тѣмъ временемъ madame Баратынцевою, то-есть законною супругой хотя и опочившаго отъ дѣлъ, но все еще весьма виднаго сановника. Князь Торжковскій добился наконецъ столь желаннаго ключа и даже поправилъ свои обстоятельства выгодною женитьбой. Такія личности выигрываютъ во всемъ, кромѣ мнѣнія порядочныхъ людей,—но что̀ имъ до того!

ДМИТРІЙ ПОЗНЯКЪ.

1884—1886.

ЧТО ТАКОЕ АБИССИНІЯ

И

ЧЕГО ХОТЯТЪ ОТЪ НЕЯ ИТАЛІЯНЦЫ

Абиссинія или Хабешъ нѣкогда играла довольно видную роль въ исторіи Африки. По всей вѣроятности, такъ или иначе ей опять придется выступить на политическую сцену, если судить по тому насколько она уже теперь останавливаетъ на себѣ вниманіе политическаго міра. Въ виду этого, интересно познакомиться съ ея географическимъ положеніемъ, физическими богатствами, нѣкоторыми этнографическими и бытовыми особенностями ея обитателей.

Абиссинія находится на восточномъ берегу Африки и почти прилегаетъ къ Красному Морю въ его юго-западномъ углу, противъ Дахлакскаго архипелага, состоящаго изъ маленькихъ и низенькихъ острововъ. Она занимаетъ со всѣхъ сторонъ круто обрывающееся плоскогорье въ среднемъ отъ 6 до 7 тысячъ футовъ выше уровня моря. Это плоскогорье состоитъ изъ многихъ равнинъ, то богатыхъ лѣсомъ, то безлѣсныхъ, но всегда покрытыхъ богатыми травами. Попадаются возвышенности достигающія 8 и даже 10 тысячъ футовъ. Между этими возвышенностями встрѣчаются совершенно плоскія плато, хорошо орошенныя и покрытыя прекрасною растительностью. Эти же плато, въ случаѣ войны съ

сосѣдями (что часто случается въ тѣхъ мѣстахъ), служатъ естественными крѣпостями для занимающихъ ихъ жителей. Дорогъ въ нашемъ смыслѣ въ Абиссиніи нѣтъ, а есть только рѣдко попадающіяся тропинки, часто идущія уступами и, конечно, едва удобныя для верховой ѣзды и караваннаго движенія. О колесной ѣздѣ въ Абиссиніи, разумѣется, и рѣчи быть не можетъ, когда даже въ безспорно болѣе культурной странѣ, какъ Персія, колесное сообщеніе впервые введено всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и совершается лишь на нѣсколькихъ стахъ верстахъ. Даже самое слово колесо отсутствуетъ въ абиссинскомъ языкѣ. Сравнительно, самая торная дорога есть та которая ведетъ изъ Массовы въ центръ Абиссиніи. Кромѣ того, есть и другіе тракты съ горными проходами, напримѣръ, трактъ чрезъ Буагитъ переходитъ даже за снѣговую линію. Бо́льшая часть Абиссиніи покрыта дѣвственными первобытными лѣсами, въ которые еще не ступала нога человѣка и ни до чего не дотрогивалась всесокрушающая рука его, движимая ненасытною алчностью наживы. Здѣсь водятся во множествѣ и бродятъ цѣлыми стадами слоны, составляя приманчивый предметъ охоты изъ-за цѣнной слоновой кости. Есть кабаны, тоже бродящіе стадами. Множество хищниковъ кошачьей породы: отъ царственнаго льва, разъ на всегда занявшаго для себя извѣстныя мѣста, до тигра, леопарда, лантеры и мелкаго барса. Змѣи громадныхъ размѣровъ до боа включительно, который тамъ держится навѣрно нѣсколько иначе чѣмъ въ нашихъ зоологическихъ садахъ и акваріахъ. Тамъ встрѣчается и такое явленіе какого не описывалось даже и Меинъ-Ридомъ: на западъ отъ Гондара, то-есть въ области знаменитаго озера Цана, попадаются цѣлыя стада дикихъ быковъ, которые опаснѣе хищныхъ звѣрей, потому что сами нападаютъ на человѣка. Это конечно въ сильной степени свидѣтельствуетъ о дикости самой страны и маломъ участіи человѣка въ культивированіи ея. Едва ли нужно говорить о богатствѣ растительности абиссинскихъ лѣсовъ: за лианами и другими ползучими растеніями переплетающими все что только попадается на встрѣчу, растетъ бананъ, финиковая пальма, ананасъ, кофейное дерево, превосходный плодъ котораго по достоинству не уступаетъ мокскому, рощи всевозможныхъ сортовъ лимоновъ, апельсиновъ и мандариновъ, а въ этихъ рощахъ цѣлыя міріады обезьянъ, прыгающихъ съ дерева на дерево съ самыми разнообразными

крпками. По берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ растутъ гигантскій сахарный тростникъ и другія растенія самыхъ разнообразныхъ видовъ. Само собой понятно какъ при подобной растительности должно быть богато царство пернатыхъ. Полугаи всевозможныхъ сортовъ, бѣлые фазаны, цецарки, дикія куры, миріады утокъ, лѣвчіе голуби, дикіе страусы, держащіеся стадами въ ровныхъ долинахъ, орлы, изъ которыхъ замѣчателенъ встрѣчающійся только въ Абиссиніи золотой орелъ; въ долинахъ же встрѣчаются вѣнценосцы, въ родѣ нашихъ дрохвъ, замѣчательные тѣмъ что у нихъ на головѣ густой сѣрый вѣнецъ съ золотыми перышками, который развѣвается при движеніи этихъ птицъ. Вѣнценосцы составляютъ любимый предметъ охоты для леопардовъ. Кромѣ того, есть еще всевозможные виды птицъ отъ громадныхъ до птицы-мухи (колибри) включительно. Вообще въ абиссинскихъ лѣсахъ встрѣчается такое невѣроятное множество дичи что человѣку нашихъ странъ трудно себѣ и представить. Если имѣть съ собой достаточное количество охотничьихъ приласовъ, то можно цѣлые годы безо всякаго труда питаться ею и никогда не нуждаться въ пищѣ. Надо прибавить что Абиссинцы совсѣмъ не ѣдятъ дичи и, слѣдовательно, не бьютъ ея. Насколько внутренность Абиссинскаго плоскогорья богата водой, растительностью и животными, настолько плоское побережье Краснаго Моря безводно, пустынно и бѣдно во всѣхъ отношеніяхъ. Это мертвая земля и совершеннѣйшій контрастъ центральной Абиссиніи.

Абиссинія вообще богата водой. Цѣлая масса рѣкъ и ручьевъ съ замѣчательно быстрымъ теченіемъ изобилуютъ водой во время періодическихъ дождей и быстро мелѣютъ въ другое время. Нужно ли говорить что въ такой гористой странѣ рѣки по большой части съ порогами? Есть также озера, изъ которыхъ самое замѣчательное озеро Цанъ, въ трехъ дняхъ пути отъ Гондара, девять миль въ длину и отъ двухъ до семи въ ширину. Оно единственное изъ озеръ Абиссиніи въ которомъ не водятся крокодилы, по причинѣ его сравнительно холодной воды; за то гиппопотамы цѣлыми стадами занимаютъ его берега и бо́льшую часть дня находятся въ освѣжающей ихъ водѣ. Изъ Цана вытекаетъ Голубой Нилъ, правый притокъ самого старика Нила.

Почти экваторіальное положеніе страны и разнообразіе ея строенія заставляютъ, конечно, предполагать и разнообразіе

климата. Вслѣдствіе значительной возвышенности Абиссиніи, ея климатъ вообще умѣренный и пріятный, а въ зимнее время въ нѣкоторыхъ высокихъ горныхъ пунктахъ бываетъ даже очень холодный. Въ среднемъ, температура Абиссиніи не падаетъ ниже 17° и не поднимается выше 37°, за то лѣтняя жара на побережьи Краснаго Моря, напримѣръ въ Массовѣ, доходитъ до 53°, а въ Таджурѣ до 60°. Абиссинцы избѣгаютъ этого побережья, не перенося такой температуры.

Что касается самого Абиссинскаго народа, то относительно его происхожденія нѣтъ точныхъ данныхъ. Нѣкоторые полагаютъ что вслѣдствіе какихъ-то причинъ изъ Аравіи вышло одно арабское племя, перешло на западный берегъ Краснаго Моря, вдалось внутрь настоящей Абиссиніи и подчинило себѣ низшія туземныя племена. Едва ли это впрочемъ такъ. Есть преданія что Магометъ послалъ въ Абиссинію 120 арабскихъ семействъ, съ тѣмъ чтобъ они обращали туземцевъ въ мусульманство. Потомки этихъ Арабовъ будто бы нынѣшніе Галлаи, дѣйствительно исповѣдующіе исламъ. Допустимъ что это преданіе вѣроятно, но оно относится къ началу VII вѣка, тогда какъ мы знаемъ что уже въ началѣ III вѣка между Абиссинцами распространялось христіанство. Объ этомъ, впрочемъ, мы еще скажемъ нѣсколько словъ въ политической исторіи Абиссиніи. Замѣчательно что преобладающій среди Абиссинцевъ типъ, особенно среди господствующаго класса, чисто кавказскій: при среднемъ ростѣ * и довольно тонкой стройной фигурѣ (толстяковъ въ Абиссиніи нѣтъ), продолговатое лицо съ прямымъ острымъ носомъ, живыми выразительными глазами, правильнымъ, довольно большимъ ртомъ, тонкими губами и замѣчательно бѣлыми и ровными зубами. Что касается волосъ на головѣ, то по большей части ихъ брѣютъ; только убившій льва, мусульманина или Англиза (Англичанина) заплетаетъ себѣ косички изъ волосъ. Женщины до десяти лѣтъ брѣютъ всю голову, оставляя только вокругъ ея бахрому изъ волосъ: отъ десяти лѣтъ до перваго ребенка брѣютъ маковку, а послѣ ребенка запускаютъ всѣ волосы. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Абиссиніи, эти черты смѣняются жесткими волосами, изогнутымъ носомъ и даже толстыми

* Только Гаджамцы составляютъ поразительное исключеніе, потому что встрѣтить между ними человѣка въ сажень ростомъ вовсе не рѣдкость, и ихъ женщины ростомъ не уступаютъ мущинамъ.

губами, что прямо указываетъ на примѣсь негритянской крови. Это и неудивительно, благодаря существовавшей тысячи лѣтъ торговлѣ невольниками. Этимъ, конечно, объясняется и разность въ оттѣнкахъ цвѣта кожи отъ почти бѣлаго до совершенно чернаго.

Всего населенія въ Абиссиніи считается отъ 10 до 12 милліоновъ. Оно живетъ въ деревняхъ и городахъ. Деревни состоятъ изъ лачугъ крытыхъ соломой, а въ городахъ есть даже низкіе двухэтажные каменные дома и обыкновенно много церквей и монастырей. Главнымъ средствомъ жизни для туземцевъ служитъ земледѣліе: сѣютъ пшеницу, даже рожь, кукурузу, хлопчатникъ, табакъ и проч. Въ годъ получаютъ двѣ жатвы. Въ городахъ каждую недѣлю бываетъ одинъ базарный день, напримѣръ, въ Адуа суббота, въ Аксумѣ, въ трехъ часахъ разстоянія отъ Адуи, пятница, въ Гондарѣ — четвергъ. Окрестные жители привозятъ на базаръ: перецъ, хлѣбъ, муку пшеничную и рисовую, стоящую на наши деньги 15 коп. за пудъ. Пригоняется также скотъ, стоящій на наши деньги баснословно дешево: напримѣръ, корова отъ 3 до 5 рублей, быкъ рублей 5, и за 5 же рублей можно купить очень порядочную лошадь, а за 10 уже совсѣмъ хорошую. Катырь (мулъ), какъ вообще на Востокѣ, стоитъ дороже лошади: отъ 15 до 20 рублей за штуку, потому что онъ сильнѣе лошади и лучше ея годенъ для перевозки тяжестей. Баранъ внутри страны стоитъ 40 и 50 коп., а ближе къ берегу Краснаго Моря даже около 2 р. Торговлей занимаются сами Абиссинцы, но, напримѣръ, въ Амгарѣ она находится въ рукахъ Евреевъ, которые называются Фалашанами и, подобно туземцамъ, совершенно черные, но безъ пейсовъ и ходятъ нагими. Замѣчательна удивительная живучесть ихъ типа, сохранившагося и при такихъ условіяхъ въ своей первоначальной чистотѣ: взглянувъ на лицо, нельзя не сказать что это Еврей. Евреи, напримѣръ въ Гондарѣ, и самые искусные ремесленники, какъ-то: кузнецы, плотники, маляры и пр. Можно съ извѣстною вѣроятностью принять что Евреи пришли въ Абиссинію послѣ разрушенія Іерусалима. Начиная съ X вѣка по Р. Х. они имѣли свои права и привилегіи, со своими собственными выборными, которыхъ родъ производили отъ Давида, но съ начала нынѣшняго столѣтія ихъ привилегіи нарушены, и они подчинены абиссинскимъ властямъ. Абиссинцы не пускаютъ къ себѣ европейскихъ торговцевъ. Гондаръ надо считать

центральнымъ пунктомъ абиссинской торговли. Мѣстное производство ограничивается выдѣлкой кожи и тканьемъ грубыхъ матерій, въ родѣ пестрой шаммы (красное съ бѣлымъ), которая, въ видѣ пледа, употребляется вмѣсто единственной верхней одежды. Иностранная торговля ведется черезъ Массову и Таджуру на Красномъ Морѣ. Главные предметы для вывоза суть золото, слоновая кость, носорожьи рога, черепаха, страусовое перо, воскъ и гумми, кожи, кофе замѣчательнаго качества, считаемый знатоками выше мокскаго. Вмѣсто всего этого, они получаютъ преимущественно бумажныя матеріи, платки, въ небольшомъ количествѣ шелковыя матеріи, писчую бумагу, бритвы, холодное и огнестрѣльное оружіе (т.-е. преимущественно ружья заряжающіяся съ дула), бисеръ, ртуть и многое другое. Весь этотъ рынокъ находится главнымъ образомъ въ рукахъ Италіянцевъ, Нѣмцевъ и Англичанъ, сбывающихъ туда весь бракъ своихъ дутыхъ фабрикъ и заводовъ.

Жизнь Абиссинца крайне проста, а потребности его болѣе чѣмъ ограниченны, почему онъ не нуждается въ работѣ и не любитъ ея. Все его хозяйство лежитъ на женщинѣ. Абиссинецъ-христіанинъ даже не знаетъ ремеслъ, которыми преимущественно занимаются магометане и Евреи. Ѣдятъ Абиссинцы очень скромно, и въ пищѣ вообще замѣчательно умѣренны. Для бѣдныхъ главную пищу составляетъ хлѣбъ въ видѣ огромныхъ тонкихъ лепешекъ, густо посыпаемый толченымъ краснымъ перцемъ, такъ какъ соли они совершенно не знаютъ. Кухни, котловъ, посуды и другихъ кухонныхъ принадлежностей у Абиссинцевъ совсѣмъ нѣтъ, и конечно нѣтъ вареныхъ кушаній и разныхъ соусовъ. Мясо они ѣдятъ куриное, бараньe и козлиное; для чего сначала рѣжутъ его на кусочки, бросаютъ ихъ на раскаленные уголья и поджариваютъ; за то бычье мясо ѣдятъ сырымъ, и вслѣдствіе этого, конечно, страдаютъ солитеромъ и другими подобными болѣзнями. Въ жаркихъ долинахъ царствуютъ гнилыя лихорадки, дизентеріи и даже сильныя нервныя болѣзни. Абиссинцы пьютъ молоко, но не пьютъ чая, хотя онъ растетъ у нихъ въ дикомъ состояніи. За то у нихъ есть напитокъ *теч*, въ родѣ нашего меда, очень крѣпкій и опьяняющій; они его пьютъ съ чайными листьями изъ большихъ роговыхъ стакановъ, вмѣстимостью съ нашъ полуштофъ. Напитокъ этотъ хранится въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ. Угощаютъ имъ слѣдующимъ образомъ: одинъ

слуга наливаетъ въ стаканъ, а другой подноситъ его, но прежде чѣмъ предложить, складываетъ особымъ образомъ пальцы своей руки въ видѣ желобка, отливаетъ себѣ изъ стакана часть напитка, льетъ въ доказательство того что отравы нѣтъ, и затѣмъ уже подаетъ стаканъ тому кого угощаютъ. Бывали, конечно, примѣры что слуга и угощаемый одинаково умирали отъ отравы.

Замѣчательно что въ послѣднее время Европейцы стали ввозить абсентъ и вермутъ, которые абиссинская знать льетъ ужасно. Расъ-Алула, главнокомандующій всѣхъ войскъ, очень любитъ шампанское. Словомъ, къ Абиссинцамъ начинаетъ проникать не цивилизація поднимающая и облагораживающая умъ и сердце, а цивилизація въ видѣ спаиванія спиртными напитками, убивающая и оскотинивающая ихъ, и безъ того скудныхъ духовнымъ достояніемъ. Абиссинцы отличаются замѣчательнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ, храбры, способны, самолюбивы и обидчивы, и въ то же время очень хитры, вѣроятно вслѣдствіе царящаго тамъ рабства. Несмотря на то что дѣтямъ не даютъ никакого воспитанія, они все же почитаютъ своихъ родителей.

Современная Абиссинія составлена изъ четырехъ провинцій, почти самостоятельныхъ царствъ со своими отдѣльными правителями: Тигре, Амхары, Шоа и Гаджама. Тигре занимаетъ сѣверо-восточную часть Абиссиніи по рѣкамъ Марабу и Такацце съ главными городами Адуей, Аксумомъ и Антало. Амхара есть центръ Абиссиніи, со столицей государства Гондаромъ, главнымъ мѣстопребываніемъ Абиссинскаго царя Ивана. Шоа составляетъ южную часть царства и имѣетъ главнымъ городомъ Анкоберъ. Въ провинціи Тигре, въ городѣ Азмарѣ, находится вице-король Расъ-Алула, главнокомандующій всѣхъ абиссинскихъ войскъ, который имѣетъ полную свободу дѣйствій, а въ Гаджамѣ негусъ Текле-Микотъ, въ Шоа негусъ Менелекъ. Царь Иванъ имѣетъ титулъ „негусъ негусисъ“, царь царей, царь Эѳіопскій, Богомъ поставленный. Онъ коронуется въ Аксумѣ, то-есть помазуется мѵромъ и возлагаетъ на себя корону. Говорятъ что золотому кувшину, въ которомъ хранится мѵро, нѣсколько тысячъ лѣтъ. Абиссинскій *негусъ негусисъ* чтитъ только нашего Царя первымъ и сильнымъ царемъ въ мірѣ, а другихъ не считаетъ за царей. Въ Адуѣ и Гондарѣ у него есть дворцы, конечно, по нашимъ понятіямъ, не только скромные, но и бѣдные;

самый большой изъ нихъ состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ и внутри увѣшанъ шелковыми матеріями. У Расъ-Алулы глиняныя стѣны ничѣмъ не покрыты, и только полъ устланъ хорошими индійскими коврами. За Менелекомъ Шоаскимъ замужемъ дочь царя Ивана, очень богатая и энергическая женщина. Всѣ другіе цари подвластны царю Ивану, который иной разъ по два года не живетъ въ Гондарѣ, своей столицѣ, а проводитъ время на охотѣ около озера Ашенги. Костюмъ негуса составляютъ рубашка (особая роскошь среди Абиссинцевъ), панталоны, сверху шелковая тамма; ходитъ онъ босой. Царь Иванъ очень религіозенъ; онъ имѣетъ званіе священника и самъ служитъ по ночамъ. Онъ такой фанатикъ что недавно, обращая мусульманъ Галлаевъ въ христіанскую вѣру, бо́льшую часть ихъ вырѣзалъ. Европейцевъ принимаетъ сидя во дворцѣ. Когда принималъ Англичанъ, то велѣлъ имъ раздѣть и безъ шлялъ посадить на дворѣ, а самъ сидѣлъ во дворцѣ и разговаривалъ съ ними чрезъ переводчика, то-и-дѣло перебѣгавшаго отъ царя къ гостямъ, а отъ гостей къ царю. Никто не смѣетъ первый заговорить съ царемъ. Переводчикъ, приблизившись къ нему, наклоняется, касаясь обѣими руками пола, и ждетъ пока царь прикажетъ говорить или спроситъ самъ. Во время разговора, царь закрываетъ свое лицо таммой; такъ какъ и на головѣ его есть какой-то шелковый платокъ спускающійся на лобъ, то можно видѣть только глаза его. Сказавъ фразу, онъ постоянно плевался, въ знакъ своего пренебреженія къ Англичанамъ. Расправа его съ преступниками короткая: смертная казнь черезъ повѣшеніе, для чего около дворца или ставки царя поставлено нѣсколько десятковъ висѣлицъ.

Начало исторической жизни Абиссиніи, какъ и большей части другихъ странъ, теряется во мракѣ. Очень возможно что болѣе близкое знакомство съ ней дастъ и болѣе точныя свѣдѣнія, но теперь намъ приходится дѣлать свои заключенія лишь на основаніи очень немногихъ данныхъ. По нѣкоторымъ памятникамъ, особенно въ городѣ Аксумѣ, и по десяткѣ обелисковъ въ немъ, нельзя не заключить что Абиссиніи нѣкогда была извѣстна египетская и даже болѣе поздняя греческая культура, занесенная, вѣроятно, сирійскими колоніями созданными Александромъ. Греки и Евреи, нѣтъ никакого сомнѣнія, вліяли на развитіе нѣкоторой гражданственности въ Абиссиніи. Евреи, вѣроятнѣе всего, прибыли сюда послѣ

разрушенія Іерусалима. Вѣрнѣе всего что съ этимъ переселеніемъ Евреевъ связано преданіе о Менелекѣ царѣ, сынѣ Соломона, и царицѣ Савской. Какъ бы тамъ ни было, но въ III вѣкѣ въ Абиссинію было введено христіанство; затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ религіозныхъ войнъ. Замѣчательно что руководителями Абиссиніи въ X вѣкѣ стали люди признававшіе іудейскую вѣру, и это удивительное явленіе продолжалось до 1268 года. Въ XVI столѣтіи странѣ угрожала опасность отъ Ислама; прибывшіе изъ Индійскаго Океана Португальцы вовремя помогли Абиссиніи, но въ то же время привезли съ собой іезуитовъ, которые внесли раздоръ своимъ властолюбіемъ. Въ началѣ XVII вѣка римскимъ папой былъ возведенъ въ патріаршій санъ Альфонсъ Мендецъ и посланъ въ Абиссинію, гдѣ, между прочимъ, ему приписываютъ основаніе нѣсколькихъ монастырей. Въ 1634 году католики однако были изгнаны изъ страны, Абиссинцы снова обратились къ Коптамъ за патріархомъ, и съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи не было замѣтныхъ перемѣнъ. За то непрерывно продолжались внутреннія раздоры между правителями провинцій, искавшими самостоятельности. Такое положеніе дѣлъ въ началѣ нашего столѣтія кончилось тѣмъ что власть негуса, царя, сильно пошатнулась, самъ негусъ Саглу Денгель былъ низверженъ и содержался какъ бы въ плѣну въ Гондарѣ, гдѣ онъ исполнялъ обязанности верховнаго судьи. Съ 1831 года возвышаются въ Амхарѣ Расъ-Али, въ Тигре, какъ независимый князь, Убіэ и въ Шоа Захеля-Зелассе. Но скоро это политическое положеніе страны принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Во время войны Амхары съ сосѣдями замѣчательно выдѣлился своею храбростью нѣкто Казай, сынъ одного родственника дембейскаго правителя. Онъ такъ понравился Расъ-Али что тотъ выдалъ за него свою дочь и поставилъ его подъ покровительство своей матери, очень вліятельной женщины того времени, Зонзоро Меннесъ. Казай, однако, скоро повздорилъ съ ней, взялъ ее въ плѣнъ и напалъ на правителя провинціи Дембеи. Противъ него вышелъ самъ тесть Расъ-Али, былъ разбитъ и долженъ былъ бѣжать къ сосѣдямъ. Это было въ 1853 году. Съ тѣхъ поръ Казай сдѣлался единственнымъ повелителемъ всей Амхары и средняго Хабеша, лежащаго между рѣками Такацце и Голубымъ Ниломъ. Одна завѣтная мысль одушевляла его: во что бы то ни стало объединить всю Абиссинію подъ своею властью, чего

достигнуть, конечно, было не легко. Но молодой Казай былъ замѣчательно уменъ и находчивъ: онъ очень ловко воспользовался издавна ходившимъ въ народѣ преданіемъ что появится нѣкогда царь Ѳеодоръ, который сдѣлаетъ страну великою, а народъ счастливымъ; что онъ изгонитъ магометанъ и завладѣетъ Меккой. Какъ умный человѣкъ, онъ прекрасно понималъ что тотъ правитель пользуется большею властью чью сторону держитъ верховный абунъ (старшій епископъ). Въ то время этотъ абунъ жилъ въ Адуѣ, главномъ городѣ провинціи Тигре, правитель которой Убіе, благодаря вліянію католическаго духовенства, относился къ нему и ко всему своему духовенству съ крайнимъ пренебреженіемъ. Тогда Казай предложилъ абуну перейти къ нему въ Гондаръ. Абунъ согласился перемѣнить свою резиденцію, но подъ условіемъ что Казей выгонитъ изъ своей страны всѣхъ католическихъ миссіонеровъ пріѣхавшихъ обращать Абиссинцевъ въ римское католичество. Когда это условіе было исполнено, абунъ переѣхалъ въ Гондаръ и тѣмъ, конечно, политически возвысилъ Казая, который своими пріемами очень напоминаетъ нашего Ивана Калиту. Расположивъ къ себѣ духовенство и собравшись съ силами, онъ покорилъ гордаго Убіе, а его область присоединилъ къ себѣ. Это была очень важная и рѣшительная побѣда, послѣ которой Казай провозгласилъ себя Ѳеодоромъ, царемъ Эѳіопскимъ. Потомъ ему было уже не трудно завоевать и послѣднюю важную область Шоа. Такимъ образомъ, съ 1856 года эти четыре отдѣльныя области, Амхара, Гаджамъ, Тигре и Шоа образовали одно цѣлое, именно настоящую Абиссинію, съ царемъ Иваномъ во главѣ, бывшимъ главнокомандующимъ царя Ѳеодора, какъ нынче Расъ-Алула у царя Ивана. Въ довершеніе переворота, Ѳеодоръ запретилъ многоженство и торговлю невольниками.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ абиссинскомъ духовенствѣ и религіи чтобъ окончить нашъ очеркъ. Абиссинія страна по преимуществу христіанская, хотя въ ней есть не мало магометанъ и даже язычниковъ. Явное распространеніе христіанства началось въ ней съ III вѣка, хотя тайное, можетъ-быть, и раньше. Говорятъ, впрочемъ, что первымъ абиссинскимъ абуномъ былъ Фрументій, поставленный во епископа патріархомъ Александрійскимъ Аѳанасіемъ. Съ тѣхъ поръ александрійскіе патріархи рукополагаютъ абуна

для Абиссиніи, взимая за это, на наши деньги, отъ 20 до 50.000 рублей. Послѣ того какъ Халкидонскій соборъ въ 451 году отлучилъ отъ церкви Александрійскаго патріарха Діоскора за приверженность его къ Евтихію, основателю секты монофизитовъ, Абиссинская церковь попрежнему осталась при своемъ абунѣ, ставленникѣ Діоскора. Резиденція Абуна въ Гондарѣ, но ему также подчинены церкви Гаджама, Тигре и Шоа. Его власть ограничена только властью царя, но часто бывала страшною и для послѣдняго. Въ дѣлахъ вѣры онъ неограниченный авторитетъ. Ему подчинены *комуры*, которые непосредственно должны слѣдить за священниками, отправленіемъ богослуженія и церковными нуждами. Въ Абиссиніи есть еще одно важное духовное лицо *Эчеге*. Онъ собственно настоятель одного важнаго, всею Абиссиніей чтимаго монастыря въ Шоа, Дебры-Либаноса и, сверхъ того, ему подчинены всѣ монастыри и все черное духовенство въ Шоа. Въ дѣлахъ вѣры, по своему авторитету, эчеге стоитъ не ниже абуна. Вообще свѣтское и черное духовенство въ Абиссиніи очень многочисленно, но невѣжественно и крайне бѣдно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ очень чтимыхъ народомъ монастырей, какъ-то: Дебры-Либаноса въ Шоа, Св. Стефана въ странѣ Ешу, Дебры-Дамо въ Тигре и нѣкоторыхъ другихъ. Путешественники утверждаютъ что вся религіозность Абиссинцевъ наружная, что подъ ней скрываются грубое язычество и пустыя церемоніи. Насколько вообще это вѣрно, не знаемъ, но думаемъ что въ этихъ утвержденіяхъ, при извѣстной ихъ предвзятости, есть нѣкоторая доля правды. Библія высоко чтится, но народъ не понимаетъ ея, такъ какъ она переведена для нихъ на эѳіопское нарѣчіе. Крещенію предшествуетъ обрѣзаніе, совершаемое надъ дѣтьми обоего пола отъ третьяго до восьмаго дня послѣ рожденія. Самый актъ крещенія состоитъ въ молитвѣ, погруженіи въ воду, благословеніи, обращеніи новорожденнаго на всѣ четыре стороны, дуновеніи и ломазаніи мѵромъ. Причащеніе совершается подъ двумя видами. Хлѣбъ употребляется квасный.

Въ виду всего вышеизложеннаго нельзя не сдѣлать вывода что Абиссинія еще мало культурная страна и въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть для насъ большаго значенія. Въ чемъ же ея важность? Въ ея географическомъ положеніи, естественныхъ богатствахъ и религіи. Этимъ только и можно объяснить почему сначала Египетъ, то-есть Англія, а потомъ

Италія желаютъ такъ или иначе подчинить ее своему вліянію и вмѣстѣ съ этимъ завладѣть ея рынкомъ. И дѣйствительно, съ открытіемъ Суэзскаго канала Красное Море сдѣлалось международнымъ, вѣрнѣе европейскимъ, и Абиссинія, по ея положенію, какъ самостоятельное государство, призвана играть очень важную роль въ политической жизни того народа который сумѣетъ сдѣлать ее своею союзницей. Такое значеніе Абиссиніи, какъ всегда, прежде всѣхъ поняли и оцѣнили Англичане. Въ 1875 и 1876 годахъ, конечно не безъ подстрекательства Англичанъ, Египетское правительство впервые начало дѣйствовать активно противъ Абиссиніи. Абиссинцы искусно завели египетскую армію въ долину Мараба, не доходя мѣстечка Гундета, замѣчательнаго львами и удавами. Вооруженные только холоднымъ оружіемъ, они два дня бились съ хорошо вооруженною египетскою арміей, вырѣзали всѣхъ до одного человѣка, отбили у Арабовъ до 30 тысячъ ружей системы Ремингтона, взяли до 100 орудій разныхъ калибровъ, полевыхъ и горныхъ, и сами потеряли убитыми и ранеными не менѣе 30 тысячъ человѣкъ, такъ что въ этой долинѣ, покрытой огромными камнями и колючими растеніями, еще и до сихъ поръ грудами валяются кости египетскихъ воиновъ. Легко представить себѣ какъ различно было тогда одушевленіе обѣихъ сторонъ. Для Арабовъ это былъ только капризъ хедива, желавшаго покорить Абиссинію и попробовать сдѣлать ее магометанскою, а для Абиссинцевъ это былъ вопросъ о существованіи, потому что онъ касался ихъ религіи съ которою они прожили пятнадцать вѣковъ. Понятно почему они дрались какъ львы.

Послѣ такого ужаснаго пораженія Египтянъ, Англичане повели дѣло совершенно иначе: они начали постепенно натравлять на Африку Италіянцевъ и обѣщали имъ, устами покойнаго Биконсфильда на пресловутомъ Берлинскомъ конгрессѣ, содѣйствіе въ пріобрѣтеніи Триполи. Послѣ неудачнаго зондированія въ этомъ смыслѣ, Италіянцы остановились на Абиссиніи, найдя вдругъ что тамъ затронуты ихъ интересы, ихъ будущее и пр. Разчетъ Англичанъ, очевидно, вѣренъ. Коль скоро Италіянцы покорятъ себѣ Абиссинію, они волей-неволей станутъ сосѣдями Судана и, слѣдовательно, во всякій критическій для Англичанъ моментъ могутъ отвлечь часть суданскихъ силъ. Конечно, Англія никогда не допустила бы въ Красное Море другую, болѣе сильную чѣмъ Италія державу, напримѣръ Францію. Во всякомъ случаѣ странно что

Итальянцы не замѣтили ловушки поставленной имъ Англичанами въ Массовѣ: занимая Массову, они тѣмъ самымъ пошли на столкновеніе съ Абиссинцами, не имѣющими другаго выхода въ море кромѣ Массовы, черезъ которую идетъ вся ихъ отпускная торговля съ Европейцами. Когда, въ 1885 году, магдійцы на всѣхъ пунктахъ били египетское войско, а съ нимъ конечно и Англичанъ, послѣдніе весной послали въ Абиссинію посольство, которое просило помощи у Расъ-Алулы, приглашая его идти въ Кассалу и освободить сидѣвшее тамъ египетское войско и 2—3 баталіона Англичанъ осажденныхъ магдійцами. Расъ-Алула потребовалъ милліонъ франковъ, 15 тысячъ ружей, 10 милліоновъ патроновъ, 2 тысячи ящиковъ абсенту и Массову. Англичане приняли условія и уже черезъ нѣсколько недѣль доставили все обѣщанное Расъ-Алулѣ, заключивъ съ нимъ формальный договоръ. Неизвѣстно почему, но Расъ-Алула пошелъ на Кассалу осенью и, конечно, опоздалъ: Кассала уже была взята, и весь гарнизонъ вырѣзанъ. Чтобы походъ не былъ совершенъ напрасно, Расъ-Алула кстати напалъ на магдійцевъ, разбилъ ихъ, отнялъ оружіе и, согласно договору съ Англичанами, пошелъ занимать Массову, которая уже была занята Итальянцами. Надо полагать что Англичане, заключая съ Расъ-Алулой договоръ, заранѣе имѣли въ виду не исполнить его, потому что они вскорѣ послѣ того убѣдили Итальянцевъ занять Массову (все еще принадлежащую Египту), для чего обязались безплатно перевезти туда итальянское войско и цѣлый годъ содержать его. Итальянцы приняли условія и заняли Массову. Въ виду этого Расъ-Алулѣ ничего не оставалось дѣлать какъ вернуться назадъ. Можно себѣ представить теперь какъ пріятно стало имя Англичанъ для абиссинскаго слуха. Но вернемся къ Массовѣ, судьба которой очень замѣчательна. До 1850 года она принадлежала Мехмету-Али Египетскому; въ этомъ году она отошла обратно къ Турціи, которой принадлежала прежде и отъ которой получала своего губернатора. Затѣмъ, въ 1865 году, она снова отошла къ Египту за $2^1/_2$ милл. піастровъ ежегодной платы. Она собственно находится не на берегу моря, а на двухъ маленькихъ островахъ Дахлекъ, лежащихъ въ небольшомъ, вдающемся въ берегъ заливѣ. На островахъ, въ самой Массовѣ, нѣтъ никакихъ зданій, кромѣ губернаторскаго домика и складовъ, за то по берегу моря, противъ острова, раскинулось нѣсколько сотъ шалашей изъ плетенокъ, въ которыхъ

насчитывается до трехъ тысячъ жителей, условія существованія которыхъ самыя неблагопріятныя: нѣтъ ни рѣкъ, ни озеръ, ни колодцевъ, словомъ, ни капли воды, а дожди идутъ только очень короткое время; вотъ тогда-то жители собираютъ дождевую воду въ цистерны и пробавляются ею цѣлый годъ, до слѣдующихъ дождей. Для итальянскаго войска спеціальный пароходъ опрѣсняетъ морскую воду. Температура въ Массовѣ никогда не падаетъ ниже 40°, а лѣтомъ поднимается до 53° и стоитъ такъ цѣлые мѣсяцы! Если у туземцевъ это мѣсто считается невыносимымъ, то для Европейцевъ оно убійственно и, конечно, сдѣлается для Итальянцевъ громаднымъ кладбищемъ, на которомъ они уже похоронили до восьми тысячъ человѣкъ! Въ самой Массовѣ Итальянцы устроили укрѣпленный лагерь, гдѣ стоятъ четыре баталіона, то-есть приблизительно около 2.500 человѣкъ; затѣмъ въ деревушкѣ Манкулѣ (часъ разстоянія отъ Массовы), гдѣ находится протестантская и католическая миссіи, стоятъ два баталіона пѣхоты и двѣ роты артиллеріи, то-есть около двухъ тысячъ человѣкъ, и въ третьемъ мѣстѣ, часахъ въ четырехъ отъ Манкула, есть еще одинъ баталіонъ; такимъ образомъ всего около шести тысячъ человѣкъ.

Въ виду совершеннаго недостатка воды и убійственнаго климата Массовы, Итальянцы хотятъ двинуться въ горы, гдѣ воды въ изобиліи, и гдѣ климатъ лучше и умѣреннѣе; но Абиссинцы хорошо понимаютъ это и не хотятъ пустить ихъ туда. Если Итальянцы привезутъ въ Массову еще столько же войска, все-таки ничего не сдѣлаютъ, потому что нужно 200.000 войска чтобы взять Абиссинію, имѣющую навѣрно не меньше 100.000 войска вооруженнаго англійскими ружьями, частью магазинными, частью ремингтоновскими. Абиссинцы, конечно, поведутъ партизанскую войну, что имъ очень удобно, такъ какъ они обходятся безъ обозовъ, а каждый беретъ себѣ лишь нѣсколько фунтовъ муки и можетъ довольствоваться ими очень долгое время, несмотря на свою удивительно неутомимую подвижность. Вообще, на основаніи всего предыдущаго, можно предсказать, не будучи пророкомъ, что дѣло Итальянцевъ въ Абиссиніи будетъ проиграно. Чтобы занять Абиссинію, обративъ ее въ свою провинцію, Италіи нужно было бы сдѣлать надъ собой страшное усиліе и напречь всѣ свои силы матеріальныя и нравственныя, на что она едва ли способна, и говоря

откровенно, едва ли окупились бы подобныя съ ея стороны жертвы. Вступая въ Абиссинію съ оружіемъ въ рукахъ, она, конечно, будетъ имѣть въ Абиссинцахъ самыхъ заклятыхъ и непримиримыхъ враговъ себѣ. Впрочемъ, что намъ до Итальянцевъ, когда дѣло Абиссиніи во многихъ отношеніяхъ касается ближе всего насъ самихъ. Можетъ-быть думающая за насъ дипломатія наша серіозно взглянула на этотъ вопросъ и уже до нѣкоторой степени благопріятно для насъ рѣшила его? Вотъ въ томъ-то и дѣло что она, со своей универсальной точки зрѣнія, не нашла ни одного возраженія въ защиту африканскихъ полуварваровъ Абиссинцевъ предъ европейскими „не-варварами“, Англичанами и Итальянцами. Мы не созданы предвидѣть и опережать событія, а можемъ только слѣдовать за ними, идя въ хвостѣ за другими народами. Вотъ почему другіе всегда выигрываютъ, а мы всегда оказываемся въ проигрышѣ. Теперь мы находимся съ Абиссиніей въ слѣдующихъ отношеніяхъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ царь Абиссинскій Иванъ обратился къ намъ съ просьбой, которая состояла въ томъ чтобы мы прислали ему одного нашего епископа для Абиссиніи и нѣсколько церковной утвари для абиссинскихъ церквей. Просьба ничтожная и легко исполнимая, но мы не внялией и даже не отвѣтили на нее, нарушивъ самое первое условіе простой вѣжливости. Одно важное духовное лицо говорило по этому случаю что царь Иванъ могъ бы самъ пріѣхать за епископомъ, и тѣмъ обнаружило полное незнаніе восточнаго этикета, которому подчинены каждый шагъ и каждое движеніе властителя. Смѣшно сказать, ничего не видя, царь Абиссинскій поѣдетъ къ намъ за епископомъ! Другіе утверждаютъ что преданія нашей церкви не позволяютъ намъ исполнить просьбу царя Абиссинскаго. Неужели преданія нашей церкви таковы что запрещаютъ намъ заботиться о распространеніи ея свѣта? Возможно ли это? Съ чѣмъ это сообразно отталкивать людей которые стремятся къ соединенію съ нашею церковью? Мы, впрочемъ, смотримъ на Абиссинію съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ и ея политическаго для насъ значенія. Давъ своего епископа, мы черезъ то самое завязали бы непосредственныя сношенія съ Абиссинскою церковью и Абиссинскимъ народомъ. Можетъ-быть, иной подозрительный скептикъ спроситъ насъ, въ чемъ же тутъ важность для насъ, Русскихъ? А вотъ въ чемъ. Въ то время какъ другіе европейскіе народы, напримѣръ Французы въ Алжирѣ, Англичане

въ Египтѣ и на Красномъ Морѣ, Италіянцы теперь въ Массовѣ, вступили въ Африку врагами, съ огнемъ и мечомъ, пролили столько крови туземцевъ и употребляли противъ нихъ столько хитрости, обмана, подкуповъ и другихъ недостойныхъ средствъ, какъ сами Абиссинцы добровольно протягиваютъ руку и, какъ друзей и единовѣрцевъ, приглашаютъ принять участіе въ ихъ жизни. По всему видно что мы еще не понимаемъ всей важности для насъ этого явленія, но рано или поздно простая логика вещей должна будетъ привести насъ къ этому сознанію. Намъ ничего не стоило бы послать туда елисковла и церковныя принадлежности, а съ ними вмѣстѣ нѣсколько свѣтскихъ людей, изъ которыхъ одни могли бы быть инструкторами для абиссинскаго войска, другіе могли бы заняться печатаніемъ и приведеніемъ въ порядокъ нѣкоторыхъ ихъ книгъ, такъ какъ абиссинскія книги до сихъ поръ еще литутся, а не печатаются, наконецъ третьи могутъ быть полезными руководителями еще слабо развитой политической жизни Абиссиніи. Такимъ образомъ, безо всякихъ жертвъ съ нашей стороны, безъ пролитія крови и употребленія іезуитскихъ средствъ, мы пріобрѣли бы огромный новый рынокъ съ десятью по крайней мѣрѣ милліонами единовѣрнаго намъ народа, имѣли бы эти десять милліоновъ нашими друзьями и союзниками. Съ прорытіемъ Суэзскаго канала значеніе Краснаго Моря и Абиссиніи увеличилось, равно какъ увеличилась и уязвимость тѣхъ кто въ этомъ каналѣ больше всѣхъ заинтересованъ. Въ Абиссиніи есть кое-какія ремесла, но нѣтъ никакой фабричной промышленности. Поэтому можно заранѣе считать обезпеченнымъ сбытъ въ ней всевозможныхъ фабричныхъ товаровъ. Уже съ одной этой стороны непростительно отталкивать отъ себя добровольно идущую въ наши объятія Абиссинію съ ея десятью слишкомъ милліонами населенія. Другіе народы, напримѣръ Французы въ Тонкинѣ, изъ-за менѣе важныхъ выгодъ приносятъ огромныя жертвы, а мы безо всякаго труда не хотимъ протянуть руку и сказать ласковое слово ради собственной же выгоды. Удивительное отсутствіе чуткости ко своимъ національнымъ интересамъ!

Вообще едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать что кто станетъ располагать силами Абиссиніи въ союзѣ съ ней, тотъ будетъ господствовать надъ Краснымъ Моремъ и даже до нѣкоторой степени держать ключъ отъ Египта.

ЕВГЕНІЙ БѢЛОЗЕРСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. А. ФЕТУ.

Я помню минуты: средь жизненной прозы,
Измученъ суровой житейской борьбой,
Читалъ я твои вдохновенныя грезы
И вновь умилялся душой.
Слетали ко мнѣ золотыя видѣнья...
Волшебное лѣнье
Ласкало мой слухъ.
Какъ будто жемчугъ
Лилися созвучья, сверкая...
И дивныя слышались сказки,
И райскія краски
Сіяли, играя...
Душистыя сыпались розы.
Звучали лобзанья, и искрились слезы,
И слышался шолотъ березы,
И нѣжныя чудились лени...
Какъ легкія тѣни
Отвсюду слеталися грезы
Толпа за толпой...
Отъ жизненной прозы
Какъ грудь наболѣвшая ныла,
Средь нихъ позабыться душой
Отрадно мнѣ было
Въ суровой житейской борьбѣ.
За эти минуты спасибо тебѣ!

АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

Читаю на его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ 10 апрѣля

Тому ужь больше чѣмъ полвѣка,
На разныхъ русскихъ широтахъ,
Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
За высшій жребій человѣка
Считая чудный даръ стиховъ,
Имъ предались невозвратимо...
Имъ рано старыхъ мастеровъ,
Поэтовъ Греціи и Рима
Далось почуять красоты;
Бывало, нѣжный лучъ Авроры
Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы,
Румяня ветхіе листы,—
Они сидятъ, ловя намеки,
И ихъ восторгъ растетъ, растетъ,
По мѣрѣ той какъ трудъ идетъ,
И сквозь разобранныя строки
Чудесный образъ возстаетъ...
И старики, съ своихъ высотъ,
На нихъ, казалося, взирали,
И улыбались межь собой,
И ихъ улыбкой ободрали...
Тѣ трое были... милый мой,
Ты понялъ?.. Фетъ и мы съ тобой...

Такъ отблескъ первыхъ впечатлѣній
И тотъ же стиль и тотъ же вкусъ
Въ порывахъ первыхъ вдохновеній
Нашъ уготовили союзъ.
Другъ друга мы тотчасъ признали
Почти на первыхъ же шагахъ,
И той же радостью въ сердцахъ
Успѣхъ другъ друга принимали.
Въ полустолѣтье жь нашихъ Музъ,
Провозгласимъ мы тостъ примѣрный
За поэтическій, нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

А. МАЙКОВЪ.

БИБЛІОГРАФІЯ

Книги вышедшія въ свѣтъ за послѣдній мѣсяцъ.

Въ С.-Петербургѣ:

Памятники древней письменности и искусства. *Исторія и описаніе Святой Земли и святаго града Іерусалима.* Сочиненіе блаженнѣйшаго Хрисанѳа, патріарха Іерусалимскаго, 1728 года, переведенное съ ново-греческаго на славяно-русскій діалектъ. Съ посвященіемъ автора государю и самодержцу Всероссійскому императору Петру II. Сообщилъ архимандритъ Леонидъ. XIV+188 стр. 8 д. л.

Памятники древней письменности и искусства. *Житіе преподобнаго Власія инока.* Памятникъ словено-болгарской письменности IX вѣка, изъ рукописной четьи-минеи XV вѣка (бывшей Троицкой). Сообщилъ архимандритъ Леонидъ. VIII+22 стр. 8 д. л.

Миніатюры Евангелія Гелатскаго монастыря XII вѣка. Н. Покровскаго. Съ 18 рисунками. 57 стр. 8 д. л.

О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи. По поводу книги П. Н. Петрова и рецензіи А. П. Барсукова. Дмитрія Кобеко. 24 стр. 8 д. л.

Исторія города Рима въ Средніе Вѣка. Съ латаго вѣка до шестнадцатаго. Фердинанда Грегоровіуса. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Савина. Четвертый томъ. XII+301 стр. 8 д. л.

Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи. В. В. Латышева.

Война Россіи съ Турціей 1806—1812 года. Томъ II. 1808 и 1809 годы. Князь Прозоровскій и князь Багратіонъ. Составлено по Высочайшему повелѣнію Генеральнаго Штаба генералъ-майоромъ А. Н. Петровымъ. III+575 стр. 8 д. л.

Русская портретная галлерея. *Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями.* Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Выпускъ XVI. Изданіе А. С. Суворина. 4 д. л.

Скивскія древности. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. 193 стр. 8 д. л.

Новгородъ и Псковъ по лѣтописямъ, съ дополненіями по другимъ источникамъ. Составилъ Д. Прозоровскій. 177+91 стр. 8 д. л.

Переписныя книги Ростова Великаго второй половины XVII вѣка. Изданіе А. А. Титова. XXIII+92+V стр. 8 д. л.

Василій Никитичъ Татищевъ. Очеркъ его дѣятельности по горной части. В. П. Безобразова. 37 стр. 8 д. л.

Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1686—1750). Н. Попова. 64 стр. 8 д. л.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I, часть 1я. Бытовая и семейная жизнь Бѣлоруса въ обрядахъ и пѣсняхъ. XXVI+585+4 стр. 8 д. л.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра Народнаго Просвѣщенія за 1883 годъ. 257 стр. 8 д. л.

Очеркъ пограничной части Карской области. Князя В. И. Масальскаго. 35 стр. 8 д. л.

Указатель къ изданіямъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и его отдѣловъ съ 1876 по 1885 годъ. 75+20 стр. 8 д. л.

Записки по гидрографіи издаваемыя Главнымъ Гидрографическимъ Департаментомъ. Выпускъ первый. 48+V+50 стр. 8 д. л.

Орографическій очеркъ Памирской горной системы. Н. А. Сѣверцова. Съ портретомъ автора, 29 рисунками, съ политипажами и картами. XIX+383 стр. 8 д. л.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, издаваемые подъ редакціей члена Общества И. Бородина. Томъ XVII. Выпускъ второй. 8 д. л.

Описаніе и общій планъ дачныхъ мѣстностей по Финляндской желѣзной дорогѣ: Лѣснаго, Коломягъ, Удѣльной, Шувалова, Парголова и Левашова. Составилъ Н. Федотовъ. 64 стр. 12 д. л.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главною редакціей генералъ-лейтенанта Леера. Томъ III. Выпускъ второй (Елена—Индія). Стр. 161—320. 8 д. л.

Ежегодникъ Военно-Юридической Академіи. Съ программами вступительнаго экзамена. Составленъ подъ редакціей начальника Академіи. Учебные 1884—85, 1885—86 годы. №№ 7 и 8. Въ неофиціальной части статья: *Рукописные и первоначальные законы Петра Великаго,* съ приложеніемъ снимковъ подлинной руколиси Артикула Воинскаго. XI+217+96+41 стр. 8 д. л.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Томъ II. Органы управленія. Изданіе третье, исправленное. VII+495 стр. 8 д. л.

Конспектъ лекцій по военно-административнымъ законамъ. Профессора Военно-Юридической Академіи П. Лузанова. Издатель лейтенантъ Шидловскій. 13+419 стр. 8 д. л.

Права и обязанности военныхъ судовъ въ иностранныхъ національныхъ водахъ. Сочиненіе Ф. Перельса. Переводъ съ нѣмецкаго. IV+69 стр. 8 д. л.

Нѣсколько словъ о гербовыхъ пошлинахъ и о налогѣ на наслѣдственныя имущества. Составилъ нотаріусъ І. Борткевичъ. 44 стр. 4 д. л.

Статистическій сборникъ свѣдѣній по земельному кредиту въ Россіи. Выпускъ I. Изданіе комитета съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита. 221 ст. 2 д. л.

Внѣшняя торговля по европейской границѣ 1886. Изданіе Департамента Таможенныхъ Сборовъ. 4 д. л.

Къ вопросу объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ почвеннаго комитета. Проф. В. В. Докучаева. 31 стр. 8 д. л.

О дѣятельности фабричной инспекціи. Отчетъ за 1885 годъ главнаго фабричнаго инспектора Л. Т. Михайловскаго. 97+217 стр. 8 д. л.

С. Н. Кривенко. *Физическій трудъ какъ необходимый элементъ образованія.* Второе изданіе. II+300 стр. 8 д. л.

Китайско-русскій словарь. Д. А. Пещурова. XVI+224 стр. 8 д. л.

Краткій военно-техническій русско-французско-турецко-персидскій словарь съ русскою транскрипціей восточныхъ словъ. Составленъ въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ Азіатскаго Департамента VII + 202 стр. 8 д. л.

Японскій переводчикъ. Изданіе военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. IV + 80 стр. 8 д. л.

Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, bearbeitet von Otto Böhtlingk. Siebenter Theil. Ersle Lieferung. 160 s. in 4°.

Ausführlicher christlicher Katechismus der orthodox-katholischen orientalischen Kirche. VI + 148 s. in 8°.

Bibliographie analytique des ouvrages de Monsieur Marie-Félicité Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Pétersbourg, 1824—1879. LXII + 703 p. in 8°.

Die Stadtschulen während der Regierung der Kaiserin Katharina II. Von graf D. A. Tolstoi. Aus dem russischen übersetzt von P. v. Kügelgen. 200 s. in 8°.

Verzeichniss der 1844—1887 veröffentlichten Schriften von. Dr Wenzel Gruber. 52 s. in 4°.

Сборникъ задачъ по химіи съ объясненіями ихъ рѣшеній. Составилъ С. В. Павлушко. 107 стр. 8 д. л.

Учебникъ по словесности. Андрея Филонова. Изданіе пятое. IV + 305 стр. 8 д. л.

Грамматика латинскаго языка. Этимологія и синтаксисъ въ объемѣ гимназическаго курса. Составилъ И. Виноградовъ, преподаватель Императорскаго Гатчинскаго Николаевскаго Сиротскаго института. X + 546 стр. 8 д. л.

А. С. Пушкинъ. *Стихотворенія.* Изданіе В. Лепехина. 240 стр. 8 д. л.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе А. С. Суворина второе, исправленное и дополненное. Т. III. 283 + XV стр. 12 д. л. 30.000 экз.

Сочиненія А. Пушкина. Т. II. 280 + 256 стр. 8 д. л.

Л. А. Мей. *Полное собраніе сочиненій.* Томъ 2й. (Лирическія стихотворенія.) VI + 349 стр. 8 д. л.

С. Надсонъ. *Литературные очерки* (1883 — 1886). Съ портретомъ автора. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 8 д. л.

Коть-Мурлыка. *Повѣсти, сказки и разсказы.* Томъ I. 319 стр. 8 д. л.

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ. Сцены изъ жизни богатырей: 1) Алешинъ грѣхъ; 2) Владиміръ-князь тѣшится; 3) Залава

Путятишна; 4) Илья Богатырь. Николая Нѣжаты. 313 стр. 8 д. л.

К. Н. Батюшковъ. *Сочиненія.* Изданы П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями составленными имъ же и В. И. Салтовымъ. Томъ I. XXVII+360+457. 1 портретъ, 2 рисунка и 1 факсимиле. 8 д. л.

Графъ Л. Н. Толстой какъ художникъ и мыслитель. Критическіе очерки и замѣтки А. Скабичевскаго. 234 стр. 8 д. л.

П. Полетаевъ. *Интриги и казни изъ исторіи XVIII столѣтія.* 150 лѣтъ назадъ. Биронъ и Волынскій. Историческій романъ временъ Анны Іоанновны. 2е изданіе. 280 стр., два портрета и одинъ рисунокъ. 8 д. л.

Въ собачьемъ обществѣ. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. М. Н. П. 31 стр. 8 д. л.

Огурцы, дыни, арбузы и тыквы. Описаніе породъ и уходъ за ними въ паркахъ, огородахъ и на поляхъ (баштанахъ) и о разведеніи шампиньйоновъ. Л. А. Черноглазова и Н. И. Кичунова. Съ 50 рисунками. III+157 стр. 8 д. л.

И. П. Архиловъ. *О фальсификаціи винъ.* 116 стр. 8 д. л.

По вопросу о замѣнѣ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ деревянныхъ шпалъ желѣзными поперечинами. В. М. Кардовича. Съ чертежами. 4 д. л.

С. К. Джевецкій. *О сопротивленіи воздуха въ примѣненіи къ полету птицъ и аэроплановъ.* 42 стр. 8 д. л.

Треніе въ машинахъ и вліяніе на него смазывающей жидкости. Н. Петрова. 124 стр. 8 д. л.

В. Флоринскій. *Домашняя медицина.* Лѣчебникъ для домашняго употребленія. Изданіе 3е. XXVII+586+IV стр. 8 д. л.

Руководство къ физіологіи, изданное Dr Л. Германномъ. Томъ третій. Часть первая, 1 половина. Изданіе Главнаго Военно-Медицинскаго управленія. 518 стр. 8 д. л.

Патологическая анатомія возвратной горячки въ эпидемію 1885—86 годахъ въ С.-Петербургѣ. Диссертація на степень доктора медицины В. О. Пушкарева. III+33 стр. 8 д. л

Къ вопросу о лѣченіи нѣкоторыхъ болѣзней фаллопіевыхъ трубъ чревосѣченіемъ. Диссертація на степень доктора медицины Оскара Шлезингеръ. 176 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о вліяніи времени дня на жизненную емкость легкихъ и силу вдоха и выдоха. Матеріалы для клиническихъ

методовъ изслѣдованія. Диссертація на степень доктора медицины Гавріила Ѳедорова. 269 стр. 8 д. л.

Матеріалы къ вопросу о разстройствахъ въ сферѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ нервной системы и полякъ зрѣнія при менструаціи. Клиническое изслѣдованіе. Диссертація на степень доктора медицины Льва Финкельштейна. 230 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о вліяніи русской бани на отдѣленіе молока у кормилицъ. Диссертація на степень доктора медицины В. Колесинскаго. 24 стр. 8 д. л.

—

Въ Москвѣ:

Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Въ связи съ древне-русскою письменностію и живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ. Изслѣдованіе Е. В. Барсова. Съ новыми неизвѣстными приложеніями. Томъ I. XXII+462+16 стр. 8 д. л.

Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVIII вѣковъ, собранные К. П. Побѣдоносцевымъ. VI+294 стр., 8 д. л.

Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Выпускъ пятый. Радонежская десятина (Московскаго уѣзда). В. и Г. Холмогоровыхъ. 219 стр. 8 д. л.

Этюды о Ж. Ж. Руссо. *Ж. Ж. Руссо во Франціи (1741—1762).* А. С. Алексѣева, профессора Московскаго Университета. XII+350+XX стр. 8 д. л.

Артуръ Шопенгауеръ. *Лучи свѣта его философіи.* Перев. съ нѣмецкаго Н. Маракуева. 320 стр., 8 д. л.

Современныя задачи. II. *Воспитаніе и образованіе.* Графа П. А. Валуева. 50 стр. 8 д. л.

Экономическіе провалы. По воспоминаніямъ съ 1837 года. В. А. Кокорева. 36 стр., 8 д. л.

Ф. Баръ. *Организація сельскихъ имѣній и абсентеизмъ.* 115 стр. 8 д. л.

Какъ выгоднѣе крестьянамъ землю обрабатывать. Разсказалъ А. И. Костаревъ, снабдилъ добавленіями и примѣчаніями В. Н. Маракуевъ. 40 стр. 8 д. л.

Уженіе рыбы. *Рыбы средней Россіи*, ихъ образъ жизни и способы уженья. Съ 15 рисунками. 103 стр. 8 д. л.

Ив. Каблуковъ. *Глицерины или трехатомные спирты и ихъ производныя.* 157 стр. 8 д. л.

Культура земляники. Составлено по Goeschke, Duxour. Lebeuf. 32 стр.

Сочиненія А. С. Пушкина. Біографическій очеркъ составленъ А. Сосницкимъ. Портретъ гравированъ художникомъ Яновымъ. Изданіе А. А. Карцева. LXXX + 1.260 + 128 стр. 8 д. л.

Стихотворенія А. В. Кольцова. 9е изданіе. Солдатенкова. 167 стр. 8 д. л.

Графъ Л. Н. Толстой. *Дѣтство и Отрочество.* Съ 26 рисунками Ж. Ру и Беннета. Изданіе журнала *Вокругъ Свѣта.* 305 стр. 8 д. л.

Н. Гоголь. *Сорочинская ярмарка.* Народное изданіе. 48 стр. 8 д. л.

Разказы изъ русскаго быта. *Три клада.* Е. Михайловой. 31 стр. 8 д. л.

Путешествія и приключенія на сушѣ и на морѣ. *Капитанъ Трафальгаръ.* Романъ. А. Лори. 260 стр. 8 д. л.

Дѣтскія піесы. Е. Н. Селивановой. 116 стр. 8 д. л.

Сборникъ автографовъ русскихъ писателей. Въ помощь бѣднымъ дѣтямъ. 40 стр. 4 д. л.

Гр. Джаншіевъ. *Перлъ Кавказа. Боржомъ и его окрестности.* VII + 70 + III стр.

Греческая этимологія по Кэги. Составилъ И. Страховъ, преподаватель Лицея Цесаревича Николая. VI + 148 стр. 8 д. л.

Александръ Еше. *Нѣмецкій синтаксисъ.* XVI + 128 стр. 8 д. л.

Планы объяснительнаго чтенія. Опытъ объясненія образцовъ русской литературы, для начальнаго обученія. Составилъ В. Виноградовъ. Изданіе второе. 160 + III стр. 8 д. л.

Ариѳметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Никульцевъ. Изданіе второе. 272 стр. 8 д. л.

Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы. Составилъ Андрей Поповъ. Седьмое изданіе. VII + 583 стр. 8 д. л.

Клиническія лекціи проф. Цимсена. Переводъ подъ редакціей Dr Д. Дубелира. Лекція II. Холера и ея лѣченіе. 35 стр. 8 д. л.

О піуріи (гнойной мочи) и ея лѣченіи Dr Ульцмана въ Вѣнѣ. Переводъ врача П. А. Лезина. Съ 10 рисунками. 63 стр. 8 д. л.

По поводу ученія о Базедовой болѣзни. Диссертація на степень доктора медицины Георгія Дурдуфи. 131 стр. 8 д. л.

Полная экстирпація раково-перерожденной матки чрезъ влагалище въ 30 случаяхъ. Диссертація на степень доктора медицины С. С. Заяицкаго. 132 стр. 8 д. л.

Матеріалы къ опредѣленію физическаго развитія и болѣзненности въ сельскихъ школахъ Рузскаго уѣзда, Московской губерніи. Земскаго врача Н. Ф. Михайлова. 42 стр. 8 д. л.

Медицинскій отчетъ родильнаго пріюта Голицынской больницы въ Москвѣ за 1886 годъ. К. Иноевса. 68 стр. 8 д. л.

—

Въ Вильнѣ:

Учебная книга Священной исторіи для еврейскаго юношества. (Отъ сотворенія міра до Нееміи включительно). Для употребленія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и въ еврейскихъ училищахъ. Составили М. Вольтеръ и В. Л. Кагавъ 172 стр. 8 д. л.

—

Въ Варшавѣ:

Краткая исторія 39го пѣхотнаго Томскаго Е. И. В. Эрцгерцога Лудвига Виктора полка. Для нижнихъ чиновъ составилъ поручикъ Плескановскій. 50 стр. 8 д. л.

Замѣчанія на сочиненіе Франца Миклошича Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen von Franz Miklosisch. Wien 1886. Составилъ Ст. Микуцкій. 103 стр. 8 д. л.

—

Въ Кіевѣ:

Собраніе проповѣдей протоіерея Н. Ѳаворова, заслуженнаго ординарнаго профессора богословія и настоятеля церкви въ Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра. IV+470 стр. 8 д. л.

Анализъ газовъ. П. Алексѣева, профессора университета Св. Владиміра, съ 31 рисунками въ текстѣ, X+126 стр. 8 д. л.

Сосудо-двигательная нервная система. Студента Ю. Лауденбаха. 72 стр. 8 д. л.

Практическое руководство къ воздѣлыванію цикорія. Составилъ М. Фризъ. Перевелъ съ нѣмецкаго С. Богдановъ. 42 стр. 8 д. л.

—

Въ Казани:

Бурханы—священныя изображенія буддистовъ-Монголовъ. Н. Остроумова. 71 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о годѣ Рождества Христова. А. Некрасова. 30 стр. 8 д. л.

—

Въ Воронежѣ:

Двадцатипятый юбилей изданія „Филологическихъ записокъ“. Юбилейный сборникъ. 66 стр. 8 д. л.

Конспектъ географіи всеобщей, русской и элементарной математической. Изданіе второе. Составилъ Александръ Ильинскій. 145+III стр. 8 д. л.

—

Въ Ярославлѣ:

О гражданскомъ бракѣ. Н. С. Суворова. Профессора Демидовскаго юридическаго лицея. 91 стр. 8 д. л.

—

Въ Дерптѣ:

Сборникъ „изъ области русской словесности“. № 6. *Повѣсти Александра Сергѣевича Пушкина* („Выстрѣлъ, Барышня-крестьянка, Дубровскій“). Приспособилъ для класснаго чтенія въ IV и III. Г. Г. фонъ-Эльцъ. 90 стр. 12 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

I.

Наша дипломатія обличаемая Бисмаркомъ въ измѣнѣ долгу.

Моск. Вѣд. № 101, 13 апрѣля.

Варшавскій Дневникъ сказалъ между прочимъ (№ отъ 20 марта): „Берлинскій конгрессъ и толканіе Австро-Венгріи на „Балканскій Востокъ, поддержка захватовъ этой державы на „Балканскомъ полуостровѣ, поштатнули довѣріе русскаго об„щественнаго мнѣнія къ германской дружбѣ...“ Эти слова были подхвачены *Сѣверо-Германскою Газетой*, которая возвращается къ нимъ теперь по прошествіи почти трехъ недѣль. Органъ князя Бисмарка говоритъ: „Утвержденія *Вар„шавскаго Дневника* исходятъ изъ ложныхъ историческихъ „предположеній. Поддержка восточной политики Австріи „начинается вовсе не съ Берлинскаго трактата и произошла „не отъ Германіи, а отъ князя Горчакова. Еще задолго до „Германскаго конгресса князь Горчаковъ сдѣлалъ восточной „политикѣ Австріи тѣ уступки которыя *Варшавскій Дневникъ* „теперь приписываетъ Германскому правительству и выстав„ляетъ какъ причину недовѣрія общественнаго мнѣнія Россіи „къ Германіи.“

Столь тяжкаго обвиненія и съ такою горькою иронією русская дипломатія никогда еще не слыхала. По смыслу

словъ *Варшавскаго Дневника*, такъ рѣшительно опровергаемыхъ газетой князя Бисмарка, выходитъ что русская дипломатія сама толкала Австрію на Балканскій полуостровъ, сама возбуждала ея аппетиты, сама натравляла ее на русскіе интересы. Чтобъ очистить себя предъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, руководитель германской политики слагаетъ весь грѣхъ на русскую дипломатію. Жестокій урокъ для русскихъ дипломатовъ!

Но обвиняя русскую дипломатію въ такихъ грѣхахъ, выставляя ее способною къ такимъ ужасамъ, почему же князь Бисмаркъ и его органы удивляются что русскіе люди иногда тревожатся, въ виду нѣкоторыхъ Zugeständnisse со стороны дипломатіи призванной бодрствовать надъ русскими интересами?

Теперь наша очередь вступиться за русскую дипломатію. Нѣтъ, князь Горчаковъ не толкалъ Австрію на Востокъ. Мы понимаемъ намекъ *Съверо-Германской Газеты*, но Рейхштадтскіе переговоры были ведены уже послѣ того какъ на Балканскомъ полуостровѣ возбуждены были смуты. Князь Бисмаркъ хорошо знаетъ кѣмъ они были возбуждены и въ чемъ состоитъ программа политики Австро-Венгріи, установленная графомъ Андраши, который мыслилъ и дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ германскимъ канцлеромъ. Эта программа графа Андраши недавно была высказана имъ съ полною откровенностію въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ. Она клонится просто-на-просто къ вытѣсненію Россіи съ Востока, что̀ и исполняется до сихъ поръ съ большимъ успѣхомъ. Русская дипломатія не была виновницей этой программы, не она ее выдумала; она только не оказала ей должнаго противодѣйствія. Вмѣсто того чтобъ относиться съ должнымъ вниманіемъ къ интересамъ своей страны, князь Горчаковъ быть-можетъ оказывалъ несоотвѣтствующее долгу русской дипломатіи вниманіе къ чужимъ, *собственно-австрійскимъ*, или вѣрнѣе, *собственно-германскимъ* интересамъ, потому что политика Австріи, послѣ ея разгрома, не есть ея самостоятельная политика, а несомнѣнно навязана ей нынѣшнимъ руководителемъ Германіи, которому графъ Андраши служилъ только орудіемъ. *Zugeständnisse* сдѣланные княземъ Горчаковымъ въ Рейхштадтѣ свидѣтельствуетъ лишь о томъ что наша дипломатія склонна подчиняться чужимъ воззрѣніямъ и исполнять чужіе планы, и что она недостаточно цѣнитъ и

ясно понимаетъ ввѣренные ея охранѣ интересы. Что касается Рейхштадтскаго соглашенія, то оно утратило всякое значеніе послѣ кровопролитной войны, и если Австро-Венгрія захватила Боснію и Герцеговину подъ страннымъ титуломъ, то единственно въ силу Берлинскаго трактата.

Дѣло идетъ о Востокѣ. Какое значеніе имѣетъ Востокъ для Россіи, въ чемъ ея связь съ нимъ? На Балканскомъ полуостровѣ нѣтъ русской территоріи, но тамъ есть то что̀ для Русскаго народа важнѣе всего; тамъ есть то на чемъ и государственное величіе Россіи зиждется, и въ чемъ источникъ ея жизни таится. Востокъ дорогъ для Россіи потому что онъ связанъ съ нею единствомъ вѣры. Что̀ влекло Русскій народъ на Востокъ? Единственно Восточная церковь, которая единитъ съ нимъ христіанскіе народы Востока. Россія не искала тамъ стяжаній; она ничего тамъ не пріобрѣла; она проливала кровь за вѣру освобождая единовѣрные ей народы и обезпечивая ихъ самостоятельное существованіе, хотя, къ великому и для себя и для нихъ несчастію, русская политика во все продолженіе истекающаго столѣтія сбивалась съ пути, теряла почву, руководилась чужими понятіями и была болѣе иностранною чѣмъ русскою политикой, потому недостаточно ограждала самостоятельность спасенныхъ ею народовъ отъ хищеній и вліяній со стороны. На Балканскомъ полуостровѣ она призвана не къ тому чтобъ охранять русскую территорію, которой тамъ нѣтъ; она призвана тамъ единственно къ тому чтобы служить оплотомъ Восточной Церкви, которой измѣнить она не можетъ нигдѣ и ни въ чемъ. Изъ трехъ великихъ символовъ: „за Вѣру, Царя и Отечество“, на Востокѣ Русскій народъ съ царемъ во главѣ бился за вѣру, которая создала и Русскій народъ, и Русское государство, и Русское отечество. Если это основное начало поколебается, поколебается все. Россія не можетъ дѣлиться на Балканскомъ полуостровѣ съ какою бы то ни было державой. Онъ весь долженъ принадлежать, безъ различія племени, населяющимъ его единовѣрнымъ Россіи народамъ, въ предѣлахъ каждаго.— народамъ составляющимъ съ Россіей одну систему, одинъ міръ, гдѣ каждый только и могутъ они уберечь себя и сохранить свою національность. Неприкосновенность Востока едва ли не важнѣе и не дороже для Россіи чѣмъ нерушимость границъ ея государственной территоріи. Всякая уступка здѣсь чужой силѣ, изъ какихъ бы то ни было видовъ, всегда будетъ

вольнымъ или невольнымъ, сознательнымъ или безсознательнымъ съ ея стороны предательствомъ, которое ослабитъ и локолеблетъ ее въ самыхъ основахъ ея существованія.

Чего добраго? Быть-можетъ дождемся мы и того что берлинскіе политики будутъ слагать съ себя вину за ходъ и нынѣшнихъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ на Zugestăndnisse русской дипломатіи. Будьте же однако справедливы господа берлинскіе политики: не русская дипломатія изобрѣла чудовищный планъ вытѣсненія Россіи изъ Болгаріи, какъ не она изобрѣла вытѣсненіе ея изъ Румыніи, изъ Сербіи, и обращеніе этихъ странъ, столь обильно орошенныхъ русскою кровію, въ цитадели противъ Россіи, въ притоны враждебныхъ ей интригъ. Довольно будетъ ужь и того если берлинская политика иронически скажетъ что наша дипломатія была ей пособницей.

Моск. Вѣд. № 116, 29 апрѣля.

Германскій канцлеръ въ краткихъ, но сильныхъ замѣткахъ своей газеты, *Norddeutsche Allgemeine*, продолжаетъ метать разженныя стрѣлы противъ русской дипломатіи, виновной собственно въ томъ что давалась ему въ обманъ и покорствовала ему до самозабвенія. Дѣлаетъ это онъ въ видахъ очищенія себя предъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ! Не напрасно ли? Еслибы въ Россіи еще кто-либо ошибался въ свойствахъ его политики, то эти удивительныя выходки должны положить конецъ всякому сомнѣнію. Уликъ не смущаютъ берлинскаго политика. Онъ вовсе не считаетъ нужнымъ прикрывать обманъ. Онъ ставитъ русскому общественному мнѣнію въ обязанность принимать явную неправду за правду и вѣрить его слову, quia absurdum. Съ высокомѣрнымъ глумленіемъ онъ приглашаетъ *Варшавскій Дневникъ* и *С.-Петербургскія Вѣдомости*, именуя ихъ офиціозными органами, справиться въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ текстомъ секретныхъ трактатовъ и депешъ. Онъ какъ бы полагаетъ что самый ходъ событій и ихъ результаты недостаточно свидѣтельствуютъ о свойствахъ его политики. Мы очень рады, однако, что можемъ до нѣкоторой степени удовлетворить его требованію касательно документальныхъ справокъ. Мы не имѣемъ доступа въ архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; а само оно ничего не возражаетъ чрезъ свои органы на тяжкія нареканія которыми срамитъ нашу дипломатію ея другъ и отвѣтственный руководитель герман-

ской политики. Между тѣмъ мы получили изъ Вѣны сообщеніе отъ свѣдущаго дипломата, теперь уже не состоящаго на службѣ, но бывшаго при дѣлахъ въ то время и въ томъ мѣстѣ къ которымъ относится возбужденная *Сѣверо-Германской Газетой* полемика. Считаемъ нелишнимъ оговорить только одно мѣсто въ помѣщаемомъ вслѣдъ за симъ письмѣ С. С. Татищева. Онъ говоритъ: „Что въ 1877 году должно было „произойти соглашеніе между Россіей и Австріей, объ этомъ „давно догадывались въ Европѣ, такъ какъ нельзя было допу„стить чтобы правительство наше повторило ошибку 1854 года „и рѣшило двинуть за Дунай совокупность нашихъ военныхъ „силъ не заручившись по меньшей мѣрѣ нейтралитетомъ со„сѣдней державы, которая, благодаря географическому поло„женію своему, въ состояніи была бы простою демонстраціей „въ тылу русской арміи задержать ея наступательное движе„ніе.“ Но Русское правительство, которому Пруссія была обязана всѣми своими успѣхами, не имѣло ли права разчитывать на взаимность со стороны Пруссіи? Россія допустила разгромъ Даніи въ 1864 году, разгромъ Германскаго Союза въ 1866 году. Наконецъ, не Россія ли остановила Австрію, на которую разчитывалъ Наполеонъ III начиная войну съ Германіей? Не была ли засвидѣтельствована эта великая услуга Россіи въ торжественныхъ изъявленіяхъ благодарности императоромъ Германскимъ и его полководцами послѣ разгрома Франціи, обманутой политикою своего императора? Могла ли бы Австрія угрожать съ тылу русской арміи, не будучи увѣрена въ Германіи и въ ея измѣнической относительно Россіи политикѣ? Не была ли, напротивъ, Австрія, грозившая Россіи на Востокѣ, сама орудіемъ Бисмарковой политики, совершенно солидарною съ ней на Балканскомъ полуостровѣ?

Сѣверо-Германская Газета считаетъ русское общественное мнѣніе до такой степени глупымъ что надѣется увѣрить его будто русской дипломатіи зачѣмъ-то понадобилось толкать Австрію въ сферу русской политики и натравлять ее на русскіе интересы? Зачѣмъ было бы это нужно князю Горчакову? Довольно и того что наша дипломатія не осмѣлилась потребовать отъ Германіи обезпеченія своего тыла, хотя все значеніе ея въ Европѣ держалось лишь добровольно вассальными отношеніями къ ней Россіи.

Изумительно нахальство съ какимъ *Сѣверо-Германская Газета* утверждаетъ, обращаясь къ Россіи, будто самыя

смуты въ Босніи были возбуждены русскою интригой. Кому неизвѣстно что сѣмена броженія въ Босніи и Герцеговинѣ брошены были знаменитою поѣздкой императора Франца-Іосифа по смежной Далматіи, и что смуты въ Босніи начались въ 1875 году, вскорѣ послѣ того какъ Россія остановила ударъ снова занесенный германскими вопителями надъ Франціей? Что смуты въ Босніи не были въ видахъ русской политики, это лучше всего явствуетъ изъ усилій которыя дѣлалъ тогдашній посолъ нашъ въ Константинополѣ, графъ Игнатьевъ, чтобъ умиротворить эти провинціи не возбуждая европейскаго вопроса. Благодаря своему авторитету въ Константинополѣ и вліянію на султана Абдулъ-Азиза, нашъ посолъ успѣлъ расположить его къ принятію мѣръ которыя прекратили бы волненія. Къ несчастію, князь Горчаковъ дался въ обманъ нашимъ средне-европейскимъ друзьямъ, и несмотря на готовность султана сдѣлать все чего бы ни потребовала Россія въ пользу взволнованныхъ населеній, вызвалъ европейское дѣйствіе и поднялъ Восточный вопросъ согласно съ видами враждебной намъ интриги. Международная консульская коммиссія, нота графа Андраши, — и вотъ пожаръ вспыхнулъ на всемъ Востокѣ, что̀ и требовалось нашимъ друзьямъ. Въ Босніи было много эмиссаровъ изъ Австріи, но изъ Россіи никакого „эмиссара Аксакова", о которомъ повѣствуетъ органъ князя Бисмарка, тамъ не бывало. Точно также не причастна этому дѣлу и мнимая партія Каткова. *Московскія Вѣдомости* того времени почти въ каждомъ нумерѣ своемъ умоляли только прекратить эту жестокую и гнусную дипломатическую игру, которая сопровождалась ужасами приводившими міръ въ содроганіе. До необходимости обнажить мечъ Россія была доведена именно европейскимъ концертомъ, въ который ея дипломатія была вовлечена коварствомъ нашихъ средне-европейскихъ друзей.

Не то ли же самое творится и теперь?

Для вящаго одураченія злополучнаго русскаго общественнаго мнѣнія выступилъ и вѣрный соумышленникъ германскаго канцлера, бывшій австро-венгерскій канцлеръ графъ Андраши. Между газетой этого послѣдняго, *Пештскимъ Млойдомъ*, и *Сѣверо-Германскою Газетой* возгорѣлась якобы полемика. Мадьярскій графъ сопровергаетъ показанія своего германскаго друга и руководителя: никакихъ де соглашеній между Россіей и Австро-Венгріей предъ войной не было. Не Россія

де, а Австро-Венгрія потребовала конгресса послѣ войны. На конгрессѣ она де настояла на занятіи Босніи и Герцеговины, несмотря на сопротивленіе русскихъ уполномоченныхъ и на поддержку ихъ княземъ Бисмаркомъ, который ночью де предъ засѣданіемъ конгресса посылалъ своего сына къ графу Андраши убѣждать его отказаться отъ Босніи и Герцеговины. И забавнѣе всего при этомъ то что *Пештскій Ллойдъ* ссылается въ удостовѣреніе этого факта на умершаго Гаймерле, при жизни и здравіи самого графа Андраши, отъ котораго несомнѣнно исходитъ эта статья начиненная документальными справками. Эта грубая мистификація, имѣющая видъ полемики, клонится къ той же цѣли обмануть наше легковѣріе относительно Бисмарковской политики. Требуется убѣдить насъ что какъ теперь, такъ и въ то время Австрія не была солидарна съ Германіей въ своей политикѣ на Востокѣ, что князь Бисмаркъ между Россіей и Австріей склонялся болѣе на сторону Россіи, и что Австрія лишь благодаря энергіи ея представителей на конгрессѣ настояла на занятіи Босніи и Герцеговины, причемъ графу Андраши требовалось также очистить себя предъ Мадьярами отрицаніемъ всякаго предъ войной соглашенія съ Россіей, что̀ нисколько не вредитъ цѣлямъ Бисмарковской кампаніи въ *Сѣверо-Германской Газетѣ*.

Но даемъ мѣсто обличительному письму г. Татищева.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СПРАВКИ.

Вѣна, 18 (30) апрѣля 1887 года.

Сильное возбужденіе вызвали въ здѣшнихъ дипломатическихъ кругахъ неожиданныя разглашенія *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* о тайныхъ переговорахъ происходившихъ между Россіей и Австро-Венгріей наканунѣ послѣдней войны.

Полемизируя съ русскими газетами, органъ нѣмецкаго канцлера, въ доказательство того что де не Германія, а сама Россія толкнула Австрію на Востокъ, сперва намекнулъ на уговоръ состоявшійся между Петербургомъ и Вѣной по вопросу о занятіи Австрійцами Босніи и Герцеговины, а потомъ и указалъ на время его заключенія, условія и участниковъ, грозя дальнѣйшими разоблаченіями, въ томъ случаѣ если русская печать не послѣшитъ признать въ Германіи

безкорыстнаго и преданнаго друга и вѣрнѣйшую союзницу Россіи и принести ей дань признательности за оказанныя намъ на Берлинскомъ конгрессѣ благодѣянія.

Что въ 1877 году должно было произойти соглашеніе между Россіей и Австріей, объ этомъ давно догадывались въ Европѣ, такъ какъ нельзя было допустить чтобы правительство наше повторило ошибку 1854 года и рѣшилось двинуть за Дунай совокупность нашихъ военныхъ силъ, не заручившись по меньшей мѣрѣ нейтралитетомъ державы которая, благодаря географическому положенію своему, въ состояніи была бы простою демонстраціей въ тылу русской арміи задержать ея наступательное движеніе. Но въ чемъ именно заключалось означенное соглашеніе, этого не знали и знать не могли, потому что переговоры о немъ велись въ строжайшей тайнѣ, и какъ въ Россіи такъ и въ Австріи были извѣстны лишь весьма ограниченному числу лицъ. Въ тайну уговора обѣими договаривающимися сторонами былъ однако тогда же посвященъ третій членъ союза — Берлинскій дворъ, разумѣется подъ условіемъ соблюденія этой тайны. Съ тѣхъ поръ ни Русское, ни Австро-Венгерское правительства не сочли умѣстнымъ огласить свою сдѣлку, что не удержало нынѣ германскаго канцлера отъ обнародованія довѣренной ему тайны.

Статьи официознаго берлинскаго листка являются не только нарушеніемъ элементарныхъ политическихъ приличій, но и тѣмъ что Французы называютъ *abus de confiance*, въ строжайшемъ смыслѣ этого выразительнаго слова. Что же сказать о нихъ, какимъ названіемъ заклеймить, если взять во вниманіе что онѣ извращаютъ смыслъ передаваемыхъ событій и все дѣло представляютъ въ ложномъ свѣтѣ, то-есть именно въ такомъ какой требуется для достиженія цѣли берлинской политики? Цѣль эта, какъ вы вѣрно и справедливо замѣтили *, заключается въ томъ чтобы всю вину свалить съ больной головы если не на совсѣмъ здоровую, то въ данномъ случаѣ все же неповинную голову русской дипломатіи.

„Рѣчь идетъ“, — утверждаетъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, „о русско-австрійскомъ уговорѣ безъ соучастія и вѣдома Германіи, условленномъ уже въ 1876 году и въ январѣ 1877 года утвержденномъ въ формѣ трактата. Уже въ то время—и слѣдовательно задолго до Турецкой войны—приве-

* См. передовую статью № 101 *Московскихъ Вѣдомостей* 1887 года.

денная въ послѣдствіи въ исполненіе относящаяся до Босніи и Герцеговины сдѣлка состоялась непосредственно между Австріей и Россіей и, какъ уже сказано, безъ соучастія и вѣдома Германіи. Переговоры окончившіеся заключеннымъ тогдашнимъ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ трактатомъ велись подъ руководствомъ и отвѣтственностію князя Горчакова и при прямомъ участіи извѣстныхъ русскихъ государственныхъ людей, которые силятся нынѣ возмутить согласіе обѣихъ странъ тѣмъ что ищутъ навязать, въ глазахъ русскаго общественнаго мнѣнія, вовсе тому непричастной нѣмецкой политикѣ отвѣтственность за событія вызванныя ими самими." И далѣе: „Берлинскому кабинету по собственному побужденію никогда не пришло бы на мысль заняться созваніемъ конгресса Восточнаго вопроса ради, и вопросъ о томъ въ чьихъ рукахъ находятся Боснія и Герцеговина всегда былъ лишенъ интереса для нѣмецкой политики". *

Внимательно вчитываясь въ эти строки, не знаешь чему болѣе удивляться: мѣдному ли лбу ихъ автора, или разчету его на наивное легковѣріе того что̀ принято называть общественнымъ мнѣніемъ Европы. Въ статьяхъ берлинскаго офиціоза, равно какъ и въ комментаріяхъ къ нимъ его кельнскаго собрата, что̀ ни слово, то ложь, что̀ ни выводъ, то дерзкій обманъ, злонамѣренное искаженіе истины.

Кому же какъ не Бисмарку принадлежитъ первая мысль о распространеніи сферы австрійской мощи на Востокѣ? Не онъ ли, задолго до насильственнаго вытѣсненія Австріи изъ Германіи, совѣтовалъ первой перенести центръ тяжести монархіи Габсбурговъ изъ Вѣны въ Буду?** Не онъ ли, тотчасъ послѣ разгрома 1866 года, уполномочилъ баварскаго дипломата графа Тауфкирхена предложить Вѣнскому двору содѣйствіе свое къ пріобрѣтенію „компенсаціи" въ балканскихъ земляхъ за тѣсное сближеніе съ Германіей и возобновленіе съ нею прежнихъ союзническихъ отношеній?*** Не онъ ли, наконецъ, повторилъ эти же самыя предложенія послѣ паденія имперіи Бонапартовъ во Франціи, съ которою, руководимая рукой Бейста, Австро-Венгрія едва не связала судебъ своихъ? †

---

* *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* отъ 15 (27) апрѣля 1887.

** Графъ Рехбергъ графу Кароли 16 (28) февраля 1863.

*** Баронъ Бейстъ графу Вимпфену 7 (19) апрѣля 1867.

† Графъ Бейстъ императору Францу-Іосифу, августъ 1871.

Любопытнѣе всего что, обѣщая Австріи отстаивать противъ Россіи политику ея на Востокѣ, онъ въ то же время обнадеживалъ ее приступленіемъ самой Россіи къ союзу обѣихъ имперій.

И приступленіе это—я едва не сказалъ преступленіе—взаправду совершилось въ Берлинѣ въ сентябрѣ 1872 года. Цѣлью тройственнаго соглашенія провозглашено было исключительно поддержаніе въ Европѣ мира и монархическаго порядка. Но смѣю увѣрить *Сѣверо-Германскую Всеобщую Газету* что ни тогда, ни въ послѣдующіе три, даже четыре года, ни изъ Берлина, ни изъ Вѣны намъ и не намекали на какія-либо австрійскія вожделѣнія на Востокѣ.

При всемъ своемъ умственномъ превосходствѣ надъ большинствомъ современныхъ государственныхъ людей, князь Бисмаркъ не создаетъ событій, онъ только умѣетъ ловко пользоваться ими въ примѣненіи къ своекорыстнымъ своимъ цѣлямъ. Такъ вспыхнувшее въ концѣ 1875 года герцеговинское возстаніе послужило ему средствомъ для осуществленія программы положенной въ основаніе частнаго союза Германіи съ Австріей. Удивлялись неуслѣху всѣхъ мѣръ принимаемыхъ сообща тремя императорскими дворами для умиротворенія возставшихъ балканскихъ областей. Но какъ же могло быть иначе если изъ трехъ союзниковъ только одинъ искренно желалъ этого умиротворенія, прочіе же два преслѣдовали совершенно иныя цѣли? Для нихъ возстаніе Босніи и Герцеговины должно было привести къ переходу ихъ подъ власть Австрійцевъ. Но что мѣра эта не была рѣшена на свиданіи въ Рейхштадтѣ явствуетъ изъ того что полгода спустя Константинопольская конференція опредѣлила, сливъ обѣ области въ одну, предоставить ей право внутренняго самоуправленія подъ верховною властью Порты. Подъ такимъ постановленіемъ конференціи, подписаннымъ уполномоченными всѣхъ великихъ державъ, приложили свои подписи и два австро-венгерскіе представителя. *

Когда неудачный исходъ константинопольскихъ совѣщаній выдвинулъ на очередь вопросъ о войнѣ Россіи съ Турціей, въ предвидѣніи этой случайности дѣйствительно возникли между дворами Петербургскимъ и Вѣнскимъ оживленные,

* Приложеніе Д къ протоколу 1го засѣданія Константинопольской конференціи отъ 11 (23) декабря 1876 года.

но строго довѣрительные переговоры. Призванный по служебному моему положенію принимать въ нихъ дѣятельное, хотя и подчиненное участіе, я и теперь, послѣ разоблаченій *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, не считаю себя въ правѣ приподнимать покровъ столько лѣтъ скрывавшій ихъ отъ непосвященныхъ взоровъ. Но я не нарушу ни долга присяги, ни профессіональной дипломатической скромности если засвидѣтельствую что состоявшееся въ началѣ 1877 года соглашеніе между Петербургомъ и Вѣной во многомъ и весьма существенномъ разнится отъ условій перечисленныхъ въ статьяхъ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*. Еслибы соглашенію этому было суждено достигнуть полнаго осуществленія, то можно смѣло ручаться что Балканскій полуостровъ не представлялъ бы нынѣ печальнаго зрѣлища кровавыхъ смутъ, раздора и подчиненія чужеземнымъ и иновѣрнымъ вліяніямъ, а значеніе Россіи посреди его населеній на вѣки утвердилось бы на основаніяхъ широкихъ и незыблемыхъ. *

Какъ бы то ни было, но это *состоявшееся безъ соучастія и вѣдома Германіи* австро-русское соглашеніе быть-можетъ именно потому и не было никогда приведено въ исполненіе. Вскорѣ послѣ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши, происходившаго въ Зальцбургѣ въ сентябрѣ 1877 года, тотчасъ послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, Вѣнскій дворъ началъ обнаруживать стремленіе освободиться отъ принятыхъ на себя предъ нами обязательствъ, а по подписаніи предварительныхъ условій нашего мира съ Турціей и вовсе отрекся отъ нихъ. Въ промежутокъ времени между Санъ-Стефанскимъ договоромъ и собраніемъ конгресса въ Берлинѣ, возобновились переговоры Петербурга съ Вѣной, но привели они лишь къ отрицательному результату. Уѣзжая на конгрессъ, графъ Андраши ограничился тѣмъ что выразилъ нашему послу сожалѣніе что между нимъ и нами не успѣло состояться „предварительное соглашеніе“. **

Какая же была роль Германіи между двумя не ладившими союзниками, примиреніе противоположныхъ интересовъ которыхъ составляетъ, по увѣренію нѣмецкаго канцлера, главную задачу ея политики? Князь Бисмаркъ пальцемъ не шевельнулъ

* Оставляемъ это сужденіе, которое не имѣемъ возможности провѣрить, на отвѣтственности автора. *Ред.*

** Новикову князю Горчакову 29 мая (10 іюня) 1878.

для улаженія австрорусскихъ несогласій. На просьбы наши повліять въ примирительномъ смыслѣ на Вѣнскій дворъ, онъ насмѣшливо отвѣчалъ послу нашему въ Берлинѣ: „Отчего бы „вамъ и не дать зарваться Австріи, если уже ей этого такъ „хочется, въ западной части Балканскаго „полуострова“. * Извѣстенъ дальнѣйшій способъ исполненія имъ на конгрессѣ обязанностей „честнаго маклера“. Чтобъ ясно увидать въ чью пользу обратилось его посредничество достаточно и гласныхъ постановленій Берлинскаго трактата, не говоря уже о тайныхъ протоколахъ служащихъ ему дополненіемъ.

Такъ ли поступила Россія относительно Пруссіи въ 1864 году, въ 1866, въ 1870—71?

Все это, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно и *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, и въ особенности ея вдохновителямъ, а потому, распространяя завѣдомо ложныя свѣдѣнія о важномъ эпизодѣ современной политической исторіи, они очевидно разчитываютъ лишь на испытанное долготерпѣніе русской дипломатіи да на непреодолимое отвращеніе ея къ гласности, даже когда рѣчь идетъ объ опроверженіи взведенной на нее клеветы. Но вѣдь всякому терпѣнію есть предѣлы, и вызовъ дерзко брошенный въ лицо нашему дипломатическому вѣдомству тѣми кого оно такъ долго и упорно считало лучшими своими друзьями можетъ наконецъ побудить его въ свою очередь обнародовать имѣющійся въ его распоряженіи обильный историческій матеріалъ, несомнѣнно обличающій лживость и недобросовѣстность берлинскихъ инсинуацій.

Въ доказательство того какъ много выиграла бы русская дипломатія въ общественномъ мнѣніи не одной Россіи, но и всего славянскаго міра, рѣшившись на такой шагъ, приведемъ слѣдующія строки изъ депеши, подписанной, за болѣзнью государственнаго канцлера, статсъ-секретаремъ Гирсомъ, послу нашему въ Вѣнѣ, всего за шесть недѣль до открытія Берлинскаго конгресса, по поводу притязаній Вѣнскаго двора на западныя Балканскія земли: „Владѣніе этою территоріей обез„печило бы за Австро-Венгріей слишкомъ преобладательное „военное и политическое положеніе. Она до такой степени „тяготѣла бы съ одной стороны надъ Сербіей, съ другой „надъ Черногоріей что въ сущности оба эти княжества были „бы просто окружены со всѣхъ сторонъ ея владѣніями (de-

* Убри князю Горчакову 4 (16) апрѣля 1878.

„viendraient de simples enclaves). Всякое развитіе было бы „возбранено имъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. „А между тѣмъ будущность ихъ—это будущность всѣхъ пле„менъ славянскихъ. Сила обстоятельствъ можетъ заставить „насъ согласиться на отсрочку ихъ полнаго освобожденія, но „мы не считаемъ себя въ правѣ компрометтировать ихъ суще„ствованіе въ будущемъ." * Такое рѣшеніе Императорскаго кабинета представитель его при Берлинскомъ дворѣ имѣлъ довести до свѣдѣнія и нѣмецкаго канцлера, и самого императора Вильгельма, поставивъ ихъ судьями между нами и Австріей. „Мы знаемъ", писалъ при этомъ статсъ-секретарь Гирсъ тайному совѣтнику Убри, „какую цѣну придаетъ князь Бисмаркъ „охранѣ интересовъ Австріи. Но мы убѣждены что онъ имѣетъ „въ виду ея интересы законные и гласные (ses intérêts légiti„mes et avouables), а не задніе мысли, которыя могутъ скры„ваться подъ желаніемъ усилить усложненія настоящей мину„ты. Мы думаемъ что сдѣлали все возможное для удовлетво„ренія справедливыхъ требованій Вѣнскаго двора. Намъ не„льзя идти далѣе не переступивъ за предѣлы уступокъ сов„мѣстимыхъ съ нашимъ достоинствомъ и съ требованіями „нашего собственнаго положенія." **

Жаль что у нашей дипломатіи не оказалось достаточно настойчивости и выдержки чтобы примѣнить эти хорошія слова на дѣлѣ. На Берлинскомъ конгрессѣ она отступилась отъ нихъ и, отуманенная обѣщаніемъ Бисмарка явиться безпристрастнымъ посредникомъ между Россіей и Австріей, интересы коихъ одинаково де дороги ему, безпрекословно подчинилась третейскому рѣшенію „честнаго маклера".

Могъ ли бы однако руководитель нѣмецкой политики, еслибы даже и хотѣлъ, проявить въ этомъ дѣлѣ полное безпристрастіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ извѣстной книгѣ Dr Буша, *Unser Reichskanzler*, не безъ основанія считающейся откровеніемъ политическихъ ученій князя Бисмарка. Вотъ что читаемъ на стр. 447 ч. I этого сочиненія:

„Всякій разумный и безпристрастный человѣкъ размышляющій о сущности вещей въ средѣ сорокадвухмилліоннаго населенія Германіи предпочелъ бы для насъ оставаться на хорошей ногѣ одновременно съ Россіей и Австріей. Но если,

* Гирсъ Новикову 20 апрѣля (2 мая) 1878.
** Гирсъ Убри 21 апрѣля (3 мая) 1878.

какъ нынѣ, мы вынуждены выбирать между обоими сосѣдями, то неослѣпленнымъ взорамъ не долго придется колебаться въ рѣшеніи. Отнюдь не одни національные мотивы совершенно опредѣленно указываютъ намъ на Австро-Венгрію. Среди тамошняго населенія насчитывается десять милліоновъ Нѣмцевъ; Мадьяры по вѣскимъ причинамъ всѣ стоятъ на нашей сторонѣ, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ; Поляки въ Галиціи и не помышляютъ о томъ чтобы стать Русскими; даже Чехамъ не мерещится ничего подобнаго, за исключеніемъ дюжины „непримиримыхъ", много шумящихъ, но лишенныхъ всякаго значенія. И даже еслибъ Австрія была вполнѣ славянскою державой, то и тогда слѣдовало бы отдать ей предпочтеніе при выборѣ. Россія сама по себѣ достаточно сильна, и мы въ качествѣ союзниковъ можемъ принести ей мало пользы. * Австрія же сильно заинтересована въ нашей дружбѣ. И наоборотъ: она можетъ служить намъ опорой въ политикѣ, первую и высшую цѣль которой составляетъ обезпеченіе мира вселенной. ** Если Австро-Венгрія и Германская имперія соединятся во имя этой цѣли и, въ глазахъ тѣхъ кто замышляетъ нарушеніе мира, станутъ спина къ спинѣ, какъ необъятное карре посреди европейскаго материка, то едва ли возмогутъ нигилистическіе политики высшаго стиля въ Московіи предпринять осуществленіе своихъ плановъ."

Мнѣніе это хотя и сложилось въ головѣ нѣмецкаго канцлера, но принадлежитъ далеко не ему одному. „Око", увѣряетъ Dr Бушъ, „раздѣляется неизмѣримымъ большинствомъ въ мыслящей части Нѣмецкаго народа. Только немногіе изъ владѣющихъ здравымъ разсудкомъ германскихъ государей разсуждаютъ иначе. Также и между высшими членами Прусскаго двора мнѣніе это насчитываетъ, какъ слышно, много рѣшительныхъ сторонниковъ." ***

Все это было ясно какъ день и не долго оставалось тайной даже для благодушной русской дипломатіи. Князь Горчаковъ возвратился изъ Берлина глубоко разочарованный въ прусской искренности и дружбѣ, и потерялъ въ нихъ всякую вѣру когда между дворами Берлинскимъ и Вѣнскимъ стала проявъ-

---

* Драгоцѣнное признаніе, которое не мѣшало бы наизусть затвердить русскимъ дипломатамъ.

** Читай: Утвержденіе преобладанія Германіи въ Европѣ.

*** Moritz Busch: *Unser Reichskanzler*, I p. 480.

ляться полная солидарность въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ на Востокѣ. Это сначала какъ будто удивляло его, что видно изъ слѣдующаго мѣста одной изъ его депешъ къ нашему послу въ Берлинѣ: „Нѣмецкіе агенты, правда, воздерживаются отъ враждебной намъ инициативы, предоставляя ее своимъ австро-англійскимъ товарищамъ, и ограничиваются тѣмъ что слѣдуютъ за ними изъали, но кончаютъ тѣмъ что идутъ по ихъ слѣдамъ. Не таково содѣйствіе на которое мы имѣли право разчитывать и которое, по нашему мнѣнію, Германское правительство могло бы и должно было бы намъ оказывать въ интересѣ самого дѣла совершеннаго подъ его руководствомъ." * Но черезъ три недѣли въ письмахъ канцлера къ тому же дипломату звучитъ уже меланхолическая нота. „Вы замѣтьте", жалуется онъ, „все болѣе и болѣе обнаруживающееся стремленіе всѣхъ нѣмецкихъ агентовъ ко сближенію съ ихъ австро-венгерскими товарищами, къ дѣйствію заодно съ ними во всѣхъ восточныхъ дѣлахъ. Это даже не то чего можно было ожидать отъ „честнаго маклера", тѣмъ болѣе на что мы были въ правѣ надѣяться отъ нашихъ старинныхъ отношеній съ Пруссіей." ** Выводъ отсюда былъ простъ, и князь Горчаковъ не поколебался выразить его въ письмѣ точно и опредѣленно. Онъ писалъ послу нашему въ Вѣнѣ: *„Мнѣ нечего вамъ и говорить что въ нашихъ глазахъ соглашеніе трехъ императоровъ расторгнуто фактически поведеніемъ нашихъ двухъ союзниковъ въ отношеніи къ намъ. Въ настоящее время наше главное дѣло закончить ликвидацію прошлаго и впредь искать опоры мнѣ въ самихъ себѣ."* ***

Такъ кончился тройственный союзъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ возстановленъ на Берлинскомъ съѣздѣ 1872 года. Послѣдняя Русско-Турецкая война обличила всю его несостоятельность, доказала призрачность началъ положенныхъ въ его основаніе, такъ же точно какъ война Севастопольская разсѣяла его первообразъ: пресловутый Священный Союзъ. Но странное дѣло! Между тѣмъ какъ въ первый разъ потребовалось шестнадцать лѣтъ чтобъ изгладить изъ памяти нашей дипломатіи тягостныя впечатлѣнія измѣны тѣхъ кого она считала преданнѣйшими нашими друзьями и

* Князь Горчаковъ къ Убри 6 (18) февраля 1879 года.

** Князь Горчаковъ къ Убри 26 февраля (10 марта) 1879.

*** Князь Горчаковъ Новикову 2 (14) февраля 1879.

вѣрнѣйшими союзниками, такія же впечатлѣнія улетучились вторично въ несравненно кратчайшій срокъ: и году не прошло со времени приведеннаго нами заявленія князя Горчакова, какъ тройственный союзъ, подобно фениксу, уже возникъ изъ собственнаго пепла.

Нужно ли спрашивать какіе были его плоды за послѣдній восьмилѣтній періодъ его существованія? Чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству, достаточно указать на Балканскій полуостровъ и на оттѣсненіе нашего вліянія изъ Румыніи, Сербіи, Болгаріи. Мы не говоримъ уже о Западной Европѣ, гдѣ враги нашихъ союзниковъ едва не стали и нашими врагами, и гдѣ Россія обрѣла друзей лишь съ той минуты когда, руководимая Державною Волей, она высвободилась изъ-подъ опутывавшихъ ее сѣтей и снова стала сама собою. Дай Богъ чтобъ она сумѣла сохранить свою самостоятельность, отстоять ее отъ посягательствъ лести или угрозы, и чтобы зловѣщій призракъ столь долго омрачавшій ея политическій небосклонъ исчезъ съ него навсегда.

Опасность еще не миновала. Статьи *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, послужившія исходною точкой нашихъ разъясненій, доказываютъ что сосѣди наши не скоро примирятся съ положеніемъ созданнымъ Россіей ея уклоненіемъ отъ стѣснительныхъ связей. Быть-можетъ, намъ снова станутъ указывать на возобновленіе расторгнутаго союза какъ на *единственное* средство обезпечить миръ Европы. Но тогда, наученные опытомъ, мы въ правѣ будемъ назойливымъ искателямъ дружбы и единенія съ нами отвѣтить словами величайшаго изъ ораторовъ древняго Рима: Pacem nolo, quia infida!

С. ТАТИЩЕВЪ.

II.

Германскія вооруженія.

Моск. Вѣд. № 89, 30 марта.

Въ только-что вышедшемъ германскомъ офиціальномъ *Статистическомъ Временникѣ* опубликованы результаты переписи населенія произведенной въ 1885 году и послужившей поводомъ къ усиленію численнаго состава арміи на 40.000

человѣкъ. Только теперь, когда результаты переписи дѣлаются всѣмъ и вполнѣ извѣстны, можно понять почему оппозиція такъ настойчиво противилась усиленію арміи, и почему на послѣднихъ выборахъ за оппозиціонныхъ кандидатовъ, оставшихся, благодаря избирательному маневру правой, въ меньшинствѣ, было подано *болѣе половины* избирательскихъ голосовъ.

Усиленіе арміи не популярно и не можетъ быть популярно въ Германіи. Правительство утверждало что оно не налагаетъ на населеніе тягостей свыше давно установившейся нормы. Въ основу опредѣленія численной силы арміи была де взята цифра населенія по переписи 1875 года; между тѣмъ за послѣднія десять лѣтъ населеніе значительно увеличилось, такъ что взять больше не значитъ свыше мѣры обременять населеніе; норма остается прежняя: 1% общей численности населенія.

Численность населенія съ 1875 года дѣйствительно увеличилась. Въ 1875 году она была 42.700.000; по переписи 1880 года 45.234.061, а по переписи 1885 года 46.855.704. Повидимому, правительство поступало совершенно правильно увеличивая численность арміи пропорціонально росту населенія, а между тѣмъ на дѣлѣ оказывается совершенно иное.

Тягости военной службы несетъ исключительно мужское населеніе, точно такъ же какъ оно есть и настоящій плательщикъ податей. Между тѣмъ въ Германіи мужское населеніе возрастаетъ медленнѣе нежели женское, особенно за послѣднее время. Такъ въ 1880 году мущинъ въ Германіи было 22.185.433 человѣка, а въ 1885 году оказалось 22.933.664 человѣка, то-есть всего на 748.231 болѣе, тогда какъ женское населеніе, составляющее болѣе половины общаго числа жителей, увеличилось на 873.412 человѣкъ. Въ процентахъ приростъ мужскаго населенія составляетъ 3,4, а женскаго 3,8; правительство же увеличивало армію пропорціонально среднему приросту, составляющему 3,6.

Этого мало. Съ 1875 по 1880 годъ, по офиціальнымъ даннымъ, населеніе увеличилось на 5,9%, тогда какъ въ пятилѣтіе съ 1880 по 1885 годъ только на 3,6%. „Эта разница, какъ замѣчаетъ офиціозная *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, обусловлена сильною эмиграціей, размѣры коей были особенно велики въ періодъ съ 1881 по 1884 годъ.“ Эта эмиграція, о которой въ свое время было очень много толковъ,

была вызвана тяжелыми экономическими условіями и чрезмѣрностью налоговъ какъ государственныхъ, такъ въ особенности общинныхъ. Такимъ образомъ выходитъ что населенію было несравненно легче содержать 427 тысячъ войска въ періодъ съ 1875 по 1880 годъ нежели за послѣднія пять лѣтъ, а между тѣмъ, въ силу новаго военнаго закона, Германіи приходится содержать не 427, а 468 тысячъ. Оппозиція и говорила что такое увеличеніе несообразно съ податными силами и средствами населенія. Размѣръ арміи опредѣляемый германскою конституціей въ 1% общей численности населенія впервые указанъ Адамомъ Смитомъ, но онъ не можетъ быть признаваемъ за безусловный законъ: при однихъ обстоятельствахъ такая норма не обременительна, при другихъ она можетъ сдѣлаться невыносимою.

Но и этого мало. По штатамъ мирнаго времени, составъ арміи опредѣленъ былъ до сихъ поръ въ 427.000 человѣкъ, но въ эту цифру не входили ни вольноопредѣляющіеся, ни офицеры. На самомъ дѣлѣ нѣмецкая армія была значительно сильнѣе. По переписи 1885 года, военнослужащихъ въ Германіи оказалось 462.561 человѣкъ; къ этой цифрѣ новый законъ добавляетъ еще 40.000, такъ что теперь Германія будетъ въ дѣйствительности содержать въ мирное время подъ ружьемъ слишкомъ 502 тысячи человѣкъ, во всякомъ случаѣ свыше нормы которая опредѣлена Адамомъ Смитомъ какъ „крайняя“ въ смыслѣ обременительности.

Школьное ученіе, дающее право поступленія на правахъ одногодниковъ, сверхъ общаго штата, развивается въ Германіи со значительною быстротой. Не дальше какъ въ прошломъ году начальство гимназій и другихъ школъ дающихъ права на поступленіе одногодниками, отказывая въ пріемѣ „множеству“ малолѣтнихъ, сочло нужнымъ обратиться къ родителямъ съ увѣщаніемъ избирать для ихъ дѣтей другія карьеры и профессіи, помѣщая малолѣтнихъ въ школы низшихъ сортовъ. Итакъ, въ Германіи замѣчается наплывъ одногодниковъ; этотъ наплывъ есть прямой результатъ желанія облегчить для себя тягость отбыванія воинской повинности; но облегченіе одного увеличиваетъ тягость другому, если армія возрастаетъ свыше извѣстной нормы, какъ это случалось теперь въ Германіи: увеличивается *обязательный* составъ войскъ, а съ нимъ выростетъ и число одногодниковъ, такъ что численность арміи перейдетъ даже и за 502 тысячи чело-

вѣкъ. Воинская повинность, такимъ образомъ, съ увеличеніемъ численности арміи становится болѣе обременительною не только прямо, но и косвенно: она отрываетъ отъ обычнаго труда большее число лицъ, и въ то же время заставляетъ населеніе расходовать на пріобрѣтеніе „лишнихъ" знаній большія суммы денегъ чѣмъ бы слѣдовало, такъ какъ многіе стремятся къ уровню образованія „не отвѣчающему ни ихъ средствамъ, ни ихъ положенію". Такъ судятъ теперь въ Германіи указывая что одногодичеcкая льгота невыгодно отзывается на профессіональномъ образованіи, отвлекая отъ него излишне много силъ и заставляя массу молодыхъ людей получившихъ среднее образованіе терять время. Зло заключается въ томъ что одногодники не входятъ въ общую численность арміи и въ счетъ контингента взимаемаго съ населенія.

Все это подробности не лишенныя значенія сами по себѣ, но онѣ имѣютъ еще и тотъ интересъ что лучше всякихъ другихъ данныхъ поясняютъ что̀ разумѣлъ фельдмаршалъ Мольтке говоря что „вооруженія Европы достигли крайняго предѣла, на которомъ долго удержаться нельзя, не рискуя разореніемъ". Германія, дѣйствительно, достигла этого послѣдняго предѣла... О другихъ она судитъ по себѣ. Становятся понятными и постоянныя парламентскія заявленія о необходимости сокращенія сроковъ службы до двухъ лѣтъ. По закону, германскій солдатъ служитъ три года; de facto онъ остается подъ знаменами два года четыре мѣсяца; такимъ образомъ, сократить срокъ службы безъ значительнаго увеличенія годоваго контингента,—увеличенія въ Германіи совершенно невозможнаго,—значило бы на самомъ дѣлѣ *уменьшить составъ арміи по штатамъ мирнаго времени.* Вотъ чего слѣдовательно добиваются теперь въ Германіи всѣ, тогда какъ правительство съ подтасованнымъ рейхстагомъ заботится, напротивъ, объ увеличеніи численности арміи. Этимъ и объясняется почему оно такъ тревожно относится ко всякому увеличенію арміи сосѣда. Германіи приходится тратиться свыше силъ чтобы не отстать отъ другихъ. Ей хотѣлось бы задержать естественный ростъ сосѣда и такимъ образомъ сохранить за собою несоотвѣтствующее дѣйствительнымъ силамъ военное могущество и политическое значеніе. Если сосѣди сгорбятся, Германія будетъ казаться выше ростомъ, а въ этомъ, по понятіямъ ея государственныхъ

людей, и все дѣло: „Не важно, говорили въ парламентѣ германскіе министры,—не важно каковы въ дѣйствительности наши силы, важно чтобы сосѣди считали ихъ крупнѣе своихъ“, по численности ли, по внутреннимъ ли качествамъ. Вѣра во внутреннія качества германской военной силы въ послѣдніе годы начала колебаться; осталось увеличивать численную силу во что бы то ни стало, жить свыше средствъ. Отвѣтственный руководитель германской политики если и не говоритъ этого открыто, то сознаетъ что жить выше средствъ значитъ идти къ вѣрному банкротству. Взять на себя отвѣтственность за это никто не рѣшится, но въ такомъ случаѣ надо свалить вину на сосѣдей: такъ теперь и постулаютъ офиціальные и офиціозные органы Германскаго правительства, обвиняя сосѣдей въ аггрессивной политикѣ направленной де противъ мирной и безобидной Германіи.

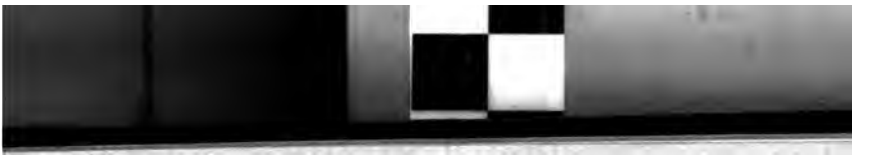
Моск. Вѣд. № 102, 14 апрѣля.

Въ *National-Zeitung* отъ 22 апрѣля находимъ подробныя и весьма интересныя свѣдѣнія „о дополнительномъ бюджетѣ“ военнаго вѣдомства и выдержки изъ объяснительныхъ къ нему записокъ. Отъ имперскаго парламента требуютъ 176.085.950 марокъ, изъ коихъ только 18.658.019 составляютъ „обыкновенные“ расходы, вызываемые увеличеніемъ мирнаго состава арміи и формированіемъ новыхъ полковъ, баталіоновъ и батарей; остальныя 156.677.931 марокъ составляютъ расходы которые въ германскомъ бюджетѣ принято называть „единовременными“, хотя это названіе не точно. Дѣйствительно, по бюджету „на улучшеніе и усиленіе“ крѣпостей требуется 29.500.000 марокъ, тогда какъ изъ объяснительной записки можно усмотрѣть что стоимость необходимыхъ работъ исчислена во 130.800.000 марокъ, на покрытіе коихъ раньше было подъ разными наименованіями ассигновано 16 милліоновъ пятьсотъ тысячъ марокъ, такъ что вновь придется ассигновать 114.300.000. Такимъ образомъ, на крѣпостныя работы, включая и долю приходящуюся на Баварію, потребована только *четвертая часть* необходимой суммы. На улучшеніе желѣзныхъ дорогъ „въ смыслѣ военномъ“ требуется 36.314.000 марокъ, тогда какъ весь необходимый расходъ по этому предмету въ объяснительной запискѣ исчисленъ въ 67.270.592. Изъ этихъ фактовъ прямо слѣдуетъ что и въ будущемъ году отъ рейхстага потребуютъ или дополнительныхъ ассигнованій, или

усиленія статьи единовременныхъ расходовъ нормальнаго бюджета въ суммѣ отнюдь не меньшей нежели 66 милліоновъ марокъ.

Изъ единовременныхъ расходовъ настоящаго бюджета остается затѣмъ сумма въ 90.863.000 марокъ, цѣликомъ предназначаемая на снабженіе вновь формируемыхъ частей оружіемъ, аммуниціей, лошадьми, а также на измѣненіе походнаго снаряженія всей арміи и постройку казармъ. Это сумма очень большая, но не она остановитъ вниманіе за предѣлами Германіи, а тѣ 65.814.000 марокъ кои требуются для крѣпостей и желѣзныхъ дорогъ и составляютъ часть всей предусматриваемой на этотъ предметъ надобности, достигающей почти 200 милліоновъ марокъ.

Итакъ, въ чемъ же заключается „самая суть“ представленнаго рейхстагу дополнительнаго бюджета? Онъ свидѣтельствуетъ что для усиленія своей боевой готовности Германія рѣшилась израсходовать, въ два-три года, свыше 300 милліоновъ марокъ, независимо отъ ежегоднаго увеличенія своего военнаго бюджета на 19 милліоновъ. Этими цифрами объясняется и та странная на первый взглядъ настойчивость которую проявило правительство въ прошломъ, распущенномъ рейхстагѣ. Тотъ, называемый „оппозиціоннымъ“, рейхстагъ вотировалъ усиленіе арміи на 40.000 человѣкъ; вотировалъ бы и необходимую на это сумму, 80 или 90 милліоновъ марокъ; но правительству нужно было вовсе не то: нужно было почти четыреста милліоновъ, а между тѣмъ нечего было и думать чтобы требованіе это было удовлетворено. Оставалось только распустить палату подъ предлогомъ что она вотировала усиленіе арміи на три года, а не на семь, какъ хотѣло правительство. Что важнѣе, на то и тратятъ больше. Цифры дополнительнаго бюджета, съ объяснительными къ нимъ записками, доказываютъ что въ глазахъ правительства не столько важно усиленіе численности войскъ, сколько усиленіе крѣпостей и желѣзныхъ дорогъ, вызываемое измѣненіемъ военной техники сосѣдей и развитіемъ у нихъ сѣти путей ведущихъ къ границамъ. „Успѣхи артиллерійской техники, значится въ прусской объяснительной запискѣ, обусловливаютъ обширныя и капитальныя измѣненія въ постройкѣ крѣпостей“. Мощная артиллерія, мелинитъ, гельгофитъ, возможность бросать снаряды въ крѣпость сверху, напримѣръ съ аэростатовъ, дѣйствительно, заставляютъ инженеровъ о многомъ подумать



и можетъ-быть измѣнить всю систему отказавшись отъ камня, неудобнаго и ненадежнаго при телерешнихъ средствахъ артиллеріи. Объ этомъ въ германской печати рѣчь ведется уже давно; приломнимъ что когда во Франціи шли опыты съ мелинитомъ нѣмецкая печать, даже спеціальная, не безъ гордости высказывала что нѣмецкіе инженеры сумѣютъ противуполставить новому орудію разрушенія вполнѣ надежныя средства обороны. На эти-то средства главнымъ образомъ и требуется телерь сумма во 130 милліоновъ марокъ.

Второе по значенію мѣсто отводится желѣзнымъ дорогамъ. „Значеніе этихъ путей со времени войнъ послѣднихъ десятилѣтій болѣе чѣмъ прежде оцѣнено и сосѣдями“, сказано въ запискѣ. Быстрота и точность въ дѣлѣ сосредоточенія ко границѣ войскъ зависитъ отъ числа и силы ведущихъ къ ней линій, а это требуетъ, по сужденію берлинскихъ стратеговъ: „1) чтобы къ данному пункту границы было проложено достаточное число прямыхъ путей; 2) чтобы на этихъ путяхъ было положено по двѣ пары рельсовъ, въ видахъ облегченія возврата порожнихъ, отработавшихъ вагоновъ; 3) чтобы въ извѣстныхъ пунктахъ заблаговременно были построены военныя платформы и грузовыя вѣтви“. Все это сдѣлано вполнѣ или въ значительной мѣрѣ сосѣдями Германіи, особенно де Франціей, противъ которой направлена и бо́льшая часть проектируемыхъ телерь въ Германіи сооруженій. Въ тѣхъ извлеченіяхъ изъ объяснительныхъ записокъ къ дополнительному бюджету кои появились въ печати, о Россіи не упоминается вовсе, но не потому чтобы въ нѣмецкихъ военныхъ кругахъ не цѣнили какъ слѣдуетъ русскую желѣзнодорожную сѣть. Напротивъ. Еще въ прошломъ году объяснительная записка къ военному законопроекту указывала на громадное развитіе русской желѣзнодорожной сѣти чуть не вдвое сократившей періодъ мобилизаціи. Въ Германіи сдѣланному Россіей придавали и придаютъ значеніе большее нежели сдѣланному Франціей, а потому и мѣры направленныя на восточный фронтъ были приняты ранѣе. Недавно еще *Крестовая Газета*, перомъ компетентнаго спеціалиста, засвидѣтельствовала что все требуемое для обезпеченія прусско-русской границы сдѣлано уже полтора года тому назадъ.

Toujours en vedette! говорилъ Фридрихъ II. Германія не только держится этого правила сколько можетъ, но идетъ далѣе: она въ мирное время ведетъ борьбу съ сосѣдями,

отвѣчая на каждое ихъ улучшеніе, на каждый рубль ихъ военной затраты—двумя.

Что жь, претендовать ли на это? Такая борьба обходится сосѣдямъ во всякомъ случаѣ дока дешевле нежели Германіи, и это понимаютъ въ Берлинѣ. Графъ Мольтке не даромъ говорилъ что напряженіе вооруженій достигло крайняго предѣла за которымъ взрывъ неизбѣженъ; еще менѣе онъ могъ шутить замѣчая что „наканунѣ войны ни реформъ, ни улучшеній принимать нельзя". Эти слова свидѣтельствуютъ что не дальше какъ зимой въ Берлинѣ, несмотря на воинственный задоръ нѣмецкой печати, и мысли не допускали чтобы кто-нибудь теперь или скоро напалъ на Германію. Она стало-быть имѣетъ время спокойно исполнить всѣ теперешніе проекты и такимъ образомъ поставить свою боевую готовность внѣ сомнѣній.

Берлинъ разчитываетъ быть сильнѣе сосѣдей, но вѣдь и они не могутъ остановиться. Тогда что? Или Германіи придется снова затрачивать сотни милліоновъ, или сдѣлать рѣшительный шагъ чтобы развязаться съ безконечными затратами.

Еще недавно всѣ европейскія арміи плелись по слѣдамъ германской; для ней это было выгодно. Тратя менѣе другихъ и кичась якобы „несравненнымъ превосходствомъ своихъ войскъ", германская политика умѣла пользоваться этимъ для удовлетворенія, какъ выразился князь Бисмаркъ, „своего законнаго своекорыстія". Теперь обстоятельства измѣнились; каждая армія старается сказать „свое" слово, идти своими путями, указанными ей исторіей. Не усиленіе сосѣднихъ вооруженій, не нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ на которыя увеличились въ послѣдніе годы ихъ арміи, а именно ихъ рѣшимость выйти изъ-подъ нѣмецкой ферулы, заставили Германію тратить сотни милліоновъ, въ попыткахъ снова стать во главѣ военнаго дѣла, овладѣть положеніемъ „перваго учителя". Таковъ смыслъ германскихъ военныхъ реформъ и всѣхъ требуемыхъ ими прямыхъ и дополнительныхъ кредитовъ.

Моск. Вѣд. № 106, 18 апрѣля.

Въ германскомъ рейхстагѣ 25 апрѣля обсуждался *дополнительный* военный кредитъ, составляющій свыше 50% нормальнаго бюджета. Палата видимо была настроена далеко неблагопріятно; положеніе военнаго министра казалось не совсѣмъ

ловкимъ. Онъ попытался было выйти изъ затрудненія рѣшительною постановкой вопроса. „Законопроектъ, который предстоитъ обсудить, началъ онъ, вообще долженъ поразить всѣхъ своею громадностью.“ „Правда“, крикнули ему съ лѣвой. „Я былъ убѣжденъ, продолжалъ генералъ Шеллендорфъ, что не заяви я самъ объ этомъ, мнѣ пришлось бы выслушать это замѣчаніе *со всѣхъ сторонъ палаты*“, тѣмъ де болѣе что лечать готова смотрѣть на дополнительный бюджетъ какъ на прямой результатъ увеличенія численности германской арміи. Противъ этого взгляда, въ дальнѣйшемъ развитіи своей рѣчи, и возсталъ министръ, объяснивъ что усиленіе арміи вызвало сравнительно ничтожные расходы и при томъ меньше нежели первоначально предполагало и заявляло правительство. Остальныя четыреста милліоновъ марокъ, которыя придется издержать въ три-четыре года, необходимы по совершенно де инымъ соображеніямъ: Германія должна развить свою стратегическую готовность.

Министръ своею откровенностію разчитывалъ произвести благопріятное впечатлѣніе, предупредивъ разныя „неудобныя“ замѣчанія; но это-то именно и не удалось. Уже ораторъ національ-либераловъ, г. Беннигсенъ, замѣтилъ что законопроектъ слабо мотивированъ, что обсужденіе его въ особой коммиссіи совершенно необходимо, и что въ результатѣ громадныхъ займовъ на „единовременныя“ въ теченіе четырехъ лѣтъ ассигнованія получится постоянное увеличеніе государственнаго бюджета, примѣрно на 35 милліоновъ, въ видахъ погашенія займа и платежа процентовъ, что и приводитъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ „постоянныхъ“ расходовъ на армію къ ежегодному новому обремененію государственной казны въ размѣрѣ 50 или 60 милліоновъ. Коммиссіи, которой будетъ предложено обсудить законопроектъ, слѣдуетъ смотрѣть въ оба и подумать изъ какихъ источниковъ взять средства на такое увеличеніе расходовъ. Если все свалить на матрикулярные взносы, то у Пруссіи окажется дефицитъ въ 48 милліоновъ. Оппозиціонный ораторъ, „вольномыслящій“ Рикертъ, обратилъ вниманіе на самую щекотливую сторону дѣла. Онъ пожелалъ знать почему правительство только теперь, въ новой палатѣ, выступило съ „дополнительнымъ“ бюджетомъ, а умолчало объ этихъ требованіяхъ предъ выборами. Такого же рода вопросъ поставилъ и соціалъ-демократъ г. Шумахеръ, прямо было заговорившій о выборахъ. Президентъ палаты

замялъ неудобную тему замѣтивъ что „вопросъ о выборахъ не относится къ дополнительному бюджету“. Итакъ, со стороны оппозиціи правительство выслушало упреки прямо въ обманѣ. Правая, министерская сторона палаты была конечно деликатнѣе, но и тутъ не обошлось безъ непріятностей. Депутатъ имперской партіи, г. Дельбрюкъ, засвидѣтельствовалъ даже о „довѣріи къ правительству“, но тутъ же заговорилъ о необходимости разсмотрѣть каждое требованіе по существу и по статьямъ, заключивъ такими словами: „въ принципѣ мы не станемъ противодѣйствовать, но мы посмотримъ нѣтъ ли тутъ *департаментскаго* патріотизма, лишнаго рвенія чиновниковъ министерства административныхъ соображеній приведшихъ къ чрезмѣрному требованію на то или другое.“ За г. Дельбрюкомъ поднялся г. Рихтеръ, вожакъ вольномыслящихъ, и ясно далъ понять что̀ слѣдуетъ разумѣть въ сдержанныхъ и вѣжливыхъ фразахъ правой. На техническіе успѣхи артиллеріи многое слишкомъ легко можно свалить: „пусть артиллерія сдѣлаетъ хоть одинъ шагъ впередъ, сейчасъ и рѣшатъ что такія-то крѣпости надо срыть, а другія перестроить. Кто поручится что чрезъ короткій промежутокъ времени намъ опять не заявятъ что всѣ наши крѣпости опять де надо перестроить“; то же съ казармами, то же съ желѣзными дорогами въ южной Германіи. Правительство постулатъ де слишкомъ роскошно, ничѣмъ не стѣсняясь, не думая о положеніи плательщиковъ налоговъ, которое рѣшительно невыносимо. Необходимо чтобъ оно, это требовательное правительство, подумало теперь что наступила пора рѣшительной реформы въ системѣ налоговъ: пора покровительства аграріямъ миновала. Это послѣднее замѣчаніе было особенно щекотливо; оно намекало отчасти даже на своекорыстіе вліятельныхъ сферъ и многихъ воротилъ правой; оно было тѣмъ щекотливѣе что въ этомъ пунктѣ уже давно сходятся оппозиція съ національ-либералами.

Парламентскіе отчеты составляются въ Германіи съ большою осторожностію; въ нихъ вычеркивается все неудобное; рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ часто искажаются до неузнаваемости; но если, несмотря на все, проскользнуло въ отчетъ столько выраженій недовольства и „изумленія“, то это свидѣтельствуетъ несомнѣнно что недовольство слишкомъ распространено и слишкомъ глубоко. А на этой почвѣ совсѣмъ другой характеръ и значеніе нежели прежде можетъ

имѣть брошенный правительству оппозиціей двойной упрекъ въ обманѣ: обманомъ было умолчаніе о заявленныхъ теперь требованіяхъ предъ выборами; „обманъ (это крикнулъ Шумахеръ) и то что разказываютъ о силѣ армій другихъ державъ".

Если оппозиція обвиняла въ обманѣ, если обвиненіе это было несправедливо, то на обязанности сторонниковъ правительства, правой, было доказать несправедливость нападокъ. Но что дѣлаетъ правая? Отдѣлывается шуткой по первому обвиненію и косвенно подтверждаетъ второе, допуская возможность лишнихъ требованій вслѣдствіе особаго *департаментскаго патріотизма*, то-есть своекорыстныхъ, забывающихъ государственные интересы разчетовъ военнаго министерства.

Законопроектъ переданъ въ коммиссію. Что она сдѣлаетъ, въ какой мѣрѣ сократитъ дополнительный бюджетъ, какія законодательныя „компенсаціи" предложитъ, это другой вопросъ; но для правительства уже теперь должно быть ясно что дополнительный бюджетъ можетъ быть принятъ только нехотя, и что рейхстагъ и въ новомъ своемъ составѣ вовсе не входитъ въ разчеты дипломатовъ и не хочетъ содѣйствовать „эффекту" показнаго, полнаго будто бы единодушія Германіи и ея готовности на всяческія жертвы. Пренія 25 апрѣля снова показали что имперскій канцлеръ строитъ на зыбкой почвѣ. Еще шагъ и терпѣніе плательщиковъ налоговъ пожалуй лопнетъ. И выходитъ что шила въ мѣшкѣ не утаишь.

III.

Запугиваніе союзами.

Моск. Вѣд. № 90, 31 марта.

Въ Италіи происходило нѣчто „совершенно невѣроятное" съ одной стороны какъ будто и кризисъ, съ другой—какъ будто и нѣтъ. Нѣсколько недѣль назадъ, получивъ незначительное большинство, г. Делпретисъ заявилъ что этого ему мало и подалъ въ отставку. Послѣ длинныхъ переговоровъ и исканій г. Делпретисъ снова беретъ портфель перваго министра и получаетъ еще меньшее большинство, но заявляетъ что ему теперь уже и этого достаточно. Однако и такая покладливость не помогала: „нѣчто въ родѣ кризиса" длилось

попрежнему. „Весьма куріозенъ переживаемый нами политическій періодъ“,—такъ характеризовалъ 28 марта положеніе дѣлъ римскій корреспондентъ *Journal des Débats*. „Есть министерство фунгирующее вполнѣ законно, но его органы каждое утро заявляютъ что оно временное.“ Разрѣшилось ли такое положеніе при новомъ составѣ кабинета?

Въ новомъ кабинетѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія обстоятельства. Волервыхъ, назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Крисли. Этотъ „палермскій делутатъ“ извѣстенъ какъ одинъ изъ выдающихся вождей оппозиціи и членъ такъ-называемой оппозиціонной „пентархіи“ (Крисли, Каироли, Цанарделли, Баккарини и Никотера). На г. Крисли уже давно указывали, но король ни за что не хотѣлъ допустить его въ составъ кабинета. Теперь же въ кабинетъ попалъ не только г. Крисли, но и другой членъ „пентархіи“, Цанарделли, назначенный министромъ юстиціи. * Въ то же время принята отставка наиболѣе угоднаго королю министра, графа Робилана, который завѣдывалъ иностранными дѣлами.

Мы уже указывали неоднократно на значеніе происходящаго въ Италіи за послѣдніе мѣсяцы. Возобновленіе союза съ Германіей и Австро-Венгріей въ высшей степени непопулярно въ Италіи. Еслибы пришлось поставить вопросъ объ этомъ союзѣ на обсужденіе палаты, то нѣтъ сомнѣнія что такое предложеніе провалилось бы самымъ позорнымъ образомъ. Но дѣло въ томъ что въ Италіи король можетъ заключать союзы безъ разрѣшенія палаты; въ данномъ случаѣ, несмотря на явную оппозицію большинства, король воспользовался своими правами и подписалъ союзъ, при участіи услужливаго Робилана. Это-то обстоятельство и осложнило положеніе которое помянутый корреспондентъ *Journal des Débats* характеризуетъ такъ: „союзъ *долженъ быть* принятъ всякимъ министромъ, потому что онъ подписанъ королемъ“. Въ виду этого, отставка графа Робилана и пріемъ въ составъ новаго кабинета гг. Крисли и Цанарделли имѣютъ особо

* Собственно, въ новый кабинетъ попали четыре министра изъ оппозиціи: кромѣ двухъ помянутыхъ, министръ публичныхъ работъ, г. Саракко, и военный, генералъ Бертоле-Віале, также принадлежатъ къ оппозиціи. Но оба эти министра малоизвѣстны, и потому назначенію ихъ нельзя придавать серіознаго значенія. На замѣну генерала Рикотти генераломъ Бертоле-Віале всюду смотрятъ лишь какъ на смѣну одного „служаки“ другимъ.

важное значеніе. Нельзя думать что составленіемъ новаго „коалиціоннаго“ министерства всѣ затрудненія уже уладжены: напротивъ; это скорѣе начало новыхъ затрудненій чѣмъ окончаніе старыхъ. Нѣмцы, по словамъ корреспондента *Journal des Débats*, не теряютъ надежды уловить и г. Крисли, и полагаютъ что „можно столковаться съ нимъ и такъ же какъ и съ небомъ (намекъ на лапу) примириться“. Что лично съ гг. Крисли и Цанарделли Нѣмцы, пожалуй, могутъ столковаться и найти *способы* пріобрѣсть ихъ личное расположеніе, это можно допустить, но будетъ ли толкъ изъ этого? Двухъ человѣкъ умаслить еще возможно, но какъ заставить всю страну считать черное бѣлымъ и идти въ разрѣзъ существеннѣйшимъ стремленіямъ и нуждамъ? Какъ заставить великую державу идти на послуги чужимъ интересамъ? Тѣмъ болѣе что всюду, а слѣдовательно и въ Италіи, вовсе не безызвѣстно кому и на что понадобилась Италія.

Въ *Fortnightly Review* и также во французской *Nouvelle Revue* появилась весьма интересная статья, озаглавленная *Будущность Австро-Венгріи*, за подписью „бывшій министръ“, подъ какovымъ псевдонимомъ пишетъ извѣстный англійскій государственный дѣятель сэръ-Чарлзъ Дилкъ. Авторъ весьма мрачно смотритъ на будущность Австро-Венгріи. Несмотря на угрожающія рѣчи министровъ, Австро-Венгрія, по словамъ г. Дилка, ничего на свѣтѣ не боится болѣе чѣмъ войны съ Россіей которая можетъ окончиться полнымъ разрушеніемъ монархіи Габсбурговъ. Положеніе усложняется еще тѣмъ что славянскія населенія Австро-Венгріи „питаютъ къ германской расѣ смертельную ненависть“. Въ свою очередь, между Нѣмцами есть тяготѣніе къ Германіи. Думаютъ поправить дѣло, хоть отчасти, давъ уступки Славянамъ, то-есть образовавъ изъ двойственной, Нѣмецко-Мадьярской, монархіи тройственную — Нѣмецко-Мадьяро-Славянскую. Но это легче сказать чѣмъ сдѣлать, а постоянныя столкновенія съ Чехами доказываютъ что вражда славянской части населенія Австро-Венгріи къ нѣмецкой и мадьярской, несмотря даже на ихъ уступки и авансы, скорѣе усиливается чѣмъ ослабѣваетъ. При такихъ условіяхъ, малѣйшій рискованный шагъ можетъ повлечь къ полному распаденію Габсбургской монархіи: Славяне отойдутъ къ Россіи, Нѣмцы къ Германіи, южныя провинціи къ Италіи. Въ случаѣ войны съ Россіей, Франція будетъ держать въ респектѣ

Германію и не дастъ ей заступиться за Австрію. Въ виду такой страшной опасности, Австро-Венгрія, какъ утопающій, хватается за соломинку, за Италію, причемъ готова, по выраженію сѣръ-Чарлза, даже на „жестокія униженія“, выбирая изъ двухъ золъ меньшее и предлагая Италіи свои провинціи въ случаѣ войны съ Россіей. Но въ случаѣ распаденія Австро-Венгріи, эти провинціи сами собой неизбѣжно отошли бы къ Италіи, и потому послѣдняя существенно заинтересована не въ томъ чтобы поддерживать Австро-Венгрію, а чтобы содѣйствовать ея распаденію, и въ этомъ Италія заинтересована болѣе чѣмъ всякая другая держава. Сохраненіе Австро-Венгріи выгодно лишь для Германіи, „для коей существованіе Австро-Венгріи необходимо“. „Когда исчезнетъ Австрія, продолжаетъ сѣръ-Чарлзъ Дилкъ, Германія останется одна между Франціей и Россіей, такъ какъ Италія тогда не шелохнется. Это знаетъ не только канцлеръ, это не безъизвѣстно и Нѣмецкому народу.“ Такимъ образомъ, распаденіе Австро-Венгріи было бы тяжкимъ ударомъ для Германіи. Война съ Россіей, въ случаѣ пораженія Австро-Венгріи, оставленной Германіей въ силу необходимости, прямо ловлекла бы гибель монархіи Габсбурговъ; въ случаѣ нерѣшительнаго исхода, Италія за услуги получила бы огромный кусокъ, что̀ тоже было бы началомъ распаденія. Въ обоихъ случаяхъ война съ Россіей для Австро-Венгріи смерть, и тяжкій ударъ для Германіи. За послѣдніе дни отношенія между послѣднею державой и Франціей особенно обострились по слѣдующимъ причинамъ.

Моск. Вѣд. № 96, 8 апрѣля.

Morning Post на дняхъ сообщила будто Турція уже вступаетъ въ тройной союзъ, который вскорѣ ставетъ де четвернымъ. Англійская газета указываетъ и на характеръ увѣщаній дѣлавшихся или дѣлаемыхъ султану. По обычаю, это *argumentum baculinum*: Турціи грозятъ что если она откажется примкнуть къ тройному союзу, то Италія займетъ Триполи. Впрочемъ, эти угрозы не особенно страшны даже для султана. Вопервыхъ, исторія съ колоніями на Красномъ Морѣ значительно отбила у Италіянцевъ охоту къ новымъ подобнымъ приключеніямъ. Вовторыхъ, противъ послѣдняго союза возстаетъ вся страна. Въ газетѣ *Италія*, отъ

15 апрѣля, по поводу слуховъ о присоединеніи Турціи къ тройному союзу, помѣщена весьма любопытная передовая статья. Газета доказываетъ что быть изолированнымъ лучше и выгоднѣе чѣмъ быть связаннымъ какими бы то ни было союзами. Какъ на самый рѣзкій примѣръ газета указываетъ на Францію, которая съ 1870 года была до сихъ поръ совершенно изолированною. „Партизаны политики союзовъ съ ужасомъ смотрятъ на ея положеніе. Быть изолированною,—что̀ можетъ быть хуже для страны? Однако, во всякомъ случаѣ, нельзя удержаться отъ замѣчанія что такое изолированное положеніе имѣетъ и нѣкоторыя выгоды. До 1870 года въ колоніяхъ Франціи считалось до 3 милліоновъ жителей. Извѣстно ли сколько считается ихъ нынѣ? *Двадцать семь милліоновъ.* Не считая Конго (однако, и здѣсь Французамъ принадлежитъ огромная территорія), при своемъ изолированномъ положеніи Франція смогла пріобрѣсти Тунисъ, Тонкинъ, Аннамъ, Мадагаскаръ, т.-е. увеличить свои владѣнія на территорію вчетверо или впятеро бо́льшую самой Франціи и пріобрѣсти 24 милліона новыхъ подданныхъ, тогда какъ въ самой метрополіи всего 38 милліоновъ жителей.

„Что̀ больше могла бы дать имъ политика союзовъ? Намъ (то-есть Италіи) она дала лишь чисто *моральныя* выгоды“... то-есть скорѣе убытки чѣмъ выгоды.

„Англія также всегда была изолированною. Но ея изолированное положеніе причинило ли ей какой-либо ущербъ, помѣшало ли ей обдѣлывать свои дѣла, занять Кипръ и Египетъ?

„Россія, наоборотъ, была вынуждена принять Берлинскій трактатъ и трехъ союзницъ. Но только Австрія воспользовалась компликаціями послѣднихъ лѣтъ, занявъ Боснію и Герцеговину“.

Указавъ затѣмъ что и Греція несмотря на то что не примыкала ни къ какимъ союзамъ, тѣмъ не менѣе получила отъ послѣдней войны выгоду, *Италія* замѣчаетъ:

„Итакъ, оказывается что вовсе не такъ страшно, какъ думаютъ, быть въ сторонѣ отъ великихъ комбинацій коихъ центромъ служитъ Берлинъ.“

Моск. Вѣд. № 92, 2 апрѣля.

Слухи о заключеніи германо-австро-италіанскаго союза, или о возобновленіи его на новыхъ основаніяхъ, возникли лишь въ январѣ текущаго года.

Министерству Депретиса, или лучше сказать политикѣ графа Робилана, оказывалась усиленная поддержка извнѣ, со стороны Германіи и Австро-Венгріи. Короля Гумберта и Италіанскій народъ убѣждали въ необходимости сохранить существующій кабинетъ и отнюдь не отлускать графа Робилана, единственнаго де министра способнаго обезпечить будущую судьбу Италіи закрѣпленіемъ ея союза съ Германіей и Австріей. Съ уходомъ Робилана, такъ твердили тогда въ Берлинѣ и Вѣнѣ, его мѣсто заступитъ г. Криспи, явный другъ Франціи, готовый растроить соглашеніе Италіи съ сѣверными державами.

Неизвѣстно съ точностью когда именно закрѣпленъ былъ тройственный союзъ съ Италіей, но по многимъ признакамъ можно догадаться что это совершилось въ Берлинѣ, въ тамошнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, вскорѣ послѣ переселенія туда князя Бисмарка и въ самый разгаръ послѣдней выборной агитаціи въ Германіи. Несомнѣнно также что князь Бисмаркъ не довѣрилъ переговоровъ объ этомъ союзѣ представителю Германіи при Квириналѣ, г. Кейделю, а велъ ихъ непосредственно съ графомъ Лонеемъ, представителемъ Италіи въ Берлинѣ. Г. Кейдель даже обидѣлся и вышелъ въ отставку. Въ первыхъ числахъ марта новый международный договоръ очевидно уже былъ подписанъ, такъ какъ въ то время редакторъ *Германскаго Имперскаго Указателя* получилъ увѣдомленіе „писанное авторитетною рукой“ и возвѣщавшее что императоръ Вильгельмъ пожаловалъ графу Робилану орденъ Чернаго Орла. Бѣдный редакторъ долженъ былъ напечатать на другой день это извѣстіе, оказавшееся лишь предвосхищеніемъ воли престарѣлаго императора. Два чрезъ два *Имперскій Указатель* долженъ былъ опровергнуть напечатанное имъ извѣстіе съ оговоркой что декорированіе графа Робилана орденомъ послѣдуетъ лишь 22 марта, то-есть въ день рожденія императора Вильгельма.

Но офиціальная берлинская подтасовка нужна была для другой цѣли. Она вызвана была явнымъ желаніемъ поддержать кабинетъ Депретиса въ его борьбѣ съ большинствомъ

лалаты; это была попытка удержать графа Робилана въ должности давленіемъ извнѣ. Обычная taktika князя Бисмарка на сей разъ не удалась. Вотумъ италіянской лалаты отъ 15 марта побудилъ графа Робилана удалиться.

„Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, Мавръ можетъ уйти", вотъ kakой возгласъ раздается теперь въ столбцахъ австро-венгерскихъ офиціозныхъ газетъ. Огорчаясь отставкой графа Робилана, *Пештскій Ллойдъ* вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ не то Италіянцевъ, не то Мадьяръ увѣреніями что союзъ Италіи съ Австріей и Германіей до того естественъ, до того вытекаетъ самъ собою изъ политическаго положенія Аппенинскаго полуострова, что его слѣдуетъ де считать незыблемымъ и нерушимымъ при всякомъ министерствѣ въ интересахъ самого Италіянскаго народа. Мадьярскій листокъ внезапно открылъ даже въ г. Кризи тевтонскія симпатіи и надѣется что добившись снова министерскаго кресла тотъ наконецъ вполнѣ проникнется воззрѣніями графа Робилана.

Надежды *Пештскаго Ллойда* нѣсколько омрачились за послѣднее время съ открытіемъ что новый тройственный союзъ не только лока не воодушевляетъ никого въ Италіи, но и смущаетъ Турцію. „Общественное мнѣніе и руководящій имъ здравый смыслъ, высказалъ на дняхъ офиціозный органъ Порты, *La Turquie*, не можетъ никакъ взять въ толкъ исключительно мирныя цѣли того союза въ который вступила Италія: несообразность этой цѣли бросается въ глаза. Всѣ разсуждаютъ такъ: Италія не находится ни въ положеніи Германіи, ни въ положеніи Австро-Венгріи; никто не имѣетъ притязаній отнять у нея какую-либо часть ея государственной территоріи. Ясно слѣдовательно что Италія должна была выговорить себѣ какое-либо вознагражденіе на случай если отъ нея потребуется тяжкая жертва, какъ посылка арміи на помощь Австро-Венгріи или Германіи. Именно эта статья о вознагражденіи дѣлаетъ вопросъ интереснымъ, въ особенности для тѣхъ на чей счетъ вознагражденіе обусловлено. Австро-Венгрія конечно не желаетъ уступить Италіи за ея поддержку спорную часть территоріи у Адріатическаго побережья или итальянскій Тироль; Италія со своей стороны и руками, и ногами отбивается отъ замысла отобрать у Франціи Савойю и Ниццу. Въ чемъ же секретъ этого союза и какъ узнать, хотя приблизительно, идею лежащую въ его основѣ?"

Не ожидали въ Пештѣ подобной постановки вопроса со стороны турецкаго органа, потому и отвѣтъ послѣдовалъ далеко неудовлетворительный. *Пештскій Ллойдъ* пытается затереть вопросъ слѣдующимъ ехидным замѣчаніемъ: „То что умалчивается въ статьѣ *La Turquie* гораздо понятнѣе чѣмъ то что въ ней высказывается. Турція очевидно боится что ей самой придется поплатиться чѣмъ-либо на случай если Италія явится чьею-либо помощницей въ европейской войнѣ; Турція боится что она вынуждена будетъ сдѣлать нѣкоторыя уступки Италіи въ Албаніи или на сѣверномъ берегу Африки. Этотъ страхъ Турціи совершенно объясняется испытаніями вынесенными ею въ послѣдніе годы". Дѣйствительно, объясняется...

Моск. Вѣд. № 99, 11 апрѣля.

Кельнская Газета подробно доказываетъ что если Россія не вступитъ въ тѣсное соглашеніе съ Германіей и Австро-Венгріей, то она погибла, такъ какъ де ей одной не устоять противъ Англіи.

Англійское правительство или, точнѣе сказать, министерство лорда Солсбери, дѣйствительно ведетъ политику прямо и открыто враждебную Россіи. Въ Болгарскомъ вопросѣ эта политика не остановилась даже предъ возмутительнѣйшими интригами. Если эти интриги имѣли успѣхъ, если мы благодаря имъ испытали столько горькихъ разочарованій на Балканскомъ полуостровѣ, то все это произошло не отъ того что мы стояли *внѣ* союза съ Германіей и Австріей: увы! мы были въ тѣснѣйшемъ съ ними концертѣ. Это всѣмъ извѣстно, какъ и то что оба наши союзника были на сторонѣ англійской интриги и дѣйствовали съ нею заодно. Политика маркиза Солсбери потому только и была опасна намъ что ее поддерживала политика нашего „вѣрнаго союзника" князя Бисмарка. Еслибы мы остались одни лицомъ къ лицу съ лордомъ Солсбери и не принуждены были состоять въ концертѣ съ Германіей, мы давнымъ давно разорвали бы сѣти англійской интриги опутавшей Болгарію,—и „болгарскаго вопроса" не было бы.

„Германская дружба", ограждающая будто бы насъ отъ происковъ Англіи, ясно обнаружилась еще въ другомъ отношеніи. Какъ извѣстно, въ сентябрѣ 1883 года г. Гладстонъ, стоявшій въ то время во главѣ Англійскаго правительства,

искалъ сближенія съ Россіей. И что же? Именно съ того времени, т.-е. съ сентября 1883 года, началась въ органахъ „желѣзнаго канцлера“ та систематическая травля на г. Гладстона, которая преслѣдовала его до самаго его паденія. Нигдѣ это паденіе не было встрѣчено съ такими ликованіями какъ въ Германіи, привѣтствовавшей появленіе у кормила Англіи открытаго врага Россіи, лорда Солсбери, съ великимъ восторгомъ. Перемѣна кабинета произошла въ то время въ Англіи исключительно на почвѣ Ирландскаго вопроса, который конечно для Германіи представлялъ гораздо менѣе интереса чѣмъ вопросъ болгарскій. Почему же для князя Бисмарка такъ пріятно было паденіе г. Гладстона и появленіе лорда Солсбери? Дѣло въ томъ что г. Гладстонъ былъ гораздо миролюбивѣе по отношенію къ Россіи чѣмъ вѣрный преемникъ антирусскихъ традицій покойнаго лорда Биконсфильда. Къ тому же и не онъ ли, вступая въ управленіе, крикнулъ обращаясь къ Австро-Венгріи: „руки прочь“? Можно съ увѣренностью сказать что еслибы г. Гладстонъ остался, то болгарскія дѣла приняли бы иной ходъ чѣмъ теперь, при лордѣ Солсбери, который, тотчасъ при своемъ вступленіи на постъ англійскаго премьера, открыто заявилъ о своей солидарности съ Австро-Венгріей и Германіей. Это было въ іюлѣ прошлаго года, а въ августѣ мы уже видѣли въ Болгаріи послѣдствія этой entente cordiale Англіи съ бисмарковскою Германіей, считающеюся нѣкоторыми наивными публицистами *Journal de St.-Pétersbourg* „вѣковою“ союзницей Россіи...

Интересно еще и то что когда англійскою политикой управлялъ невраждебный Россіи г. Гладстонъ и когда онъ во внутренней своей политикѣ старался всѣми мѣрами облегчить тяжкое положеніе Ирландцевъ, ладивъ для этой цѣли съ главой ирландскихъ націоналистовъ, г. Парнелломъ, то въ Ирландіи слѣдовали убійства за убійствами и динамитные взрывы за взрывами. Въ интересахъ Ирландцевъ было прекращеніе террора коль скоро Англійское правительство вступало съ ними на почву мирныхъ переговоровъ. А между тѣмъ убійцы и динамитчики дѣйствовали какъ разъ на руку заклятому врагу своему лорду Солсбери. Наконецъ г. Гладстонъ палъ, и лордъ Солсбери, ставъ премьеромъ, открыто объявилъ войну ирландскимъ гомрулерамъ. Можно было ожидать новой, еще болѣе сильной серіи убійствъ и взрывовъ; но теперь о нихъ не слыхать.

Впрочемъ, Англія переживаетъ теперь страшный кризисъ, и не намъ бояться столкновеній съ нею. Быть-можетъ наступаетъ именно пора намъ съ нею развѣдаться,—и тутъ ужъ не Бисмарку ломочь или ломѣшать намъ. Вздумаетъ ли онъ ломѣшать намъ, его схватитъ сзади Франція, а ломочь—чѣмъ онъ намъ ломожетъ противъ морскихъ силъ Англіи еслибъ и захотѣлъ?

Кстати, никогда еще этотъ роковый для Англіи Ирландскій вопросъ не возбуждалъ политическихъ страстей до такой ярости какъ въ настоящее время.

Съ одинаковою силой растетъ ловсемѣство какъ агитація въ смыслѣ репрессивныхъ мѣръ въ Ирландіи, такъ и агитація противъ политики лорда Солсбери. Эти агитаціи раздѣлили всю Великобританію на два непримиримые лагеря, и происходящая между ними борьба отодвинула на задній планъ всѣ остальные вопросы какъ внѣшней такъ и внутренней политики.

Между тѣмъ, ни тотъ ни другой лагерь не можетъ предложить такого средства которое было бы способно рѣшить Ирландскій вопросъ удовлетворительнымъ для Англіи образомъ. Дарованіе Ирландіи парламентской автономіи, за которую теперь такъ стоитъ г. Гладстонъ, будетъ конечно только первымъ шагомъ къ раздробленію „Британской имперіи“. На эти неминуемыя послѣдствія *гомрула* съ убѣдительностію указываютъ противники г. Гладстона, какъ консерваторы такъ и либеральные „уніонисты“. Но и они своими репрессивными мѣрами не устранятъ, а напротивъ того обострятъ Ирландскій вопросъ и отодвинутъ лишь на нѣкоторое время рѣшеніе его въ смыслѣ политической автономіи Зеленаго острова.

Несмотря на ту безплодность на которую обречены всѣ старанія какъ г. Гладстона такъ и лорда Солсбери, стремящихся столь различными путями къ разрѣшенію Ирландскаго вопроса, между ними завязалась ожесточенная борьба, за перелетіями которой слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ все населеніе Соединеннаго Королевства; и борьба эта успѣла уже за послѣднее полугодіе произвести полный переворотъ въ политическихъ устояхъ старой Англіи.

Уже одно разложеніе двухъ „великихъ“ партій, одинъ расколъ партіи виговъ, подготовленный послѣдними двумя избирательными реформами, но осуществившійся лишь на почвѣ Ирландскаго вопроса, въ достаточной степени свидѣтельству-

етъ о томъ что традиціонная политика Англіи пришла къ своему концу и уступила мѣсто безлочвенной, континентальной политической системѣ отвлеченнаго доктринерства, которая конечно будетъ только содѣйствовать дальнѣйшимъ смутамъ, расколамъ и разложенію...

Англійскій парламентъ успѣлъ уже утратить, подъ вліяніемъ Ирландскаго вопроса, всю оригинальность чолорнаго собранія „досточтимыхъ“ представителей городовъ и весей Великобританіи, чтобы превратиться въ арену тѣхъ доселѣ спеціально континентальныхъ сценъ которыя извѣстны подъ названіемъ „парламентскихъ скандаловъ“.

Съ одной стороны, мы видимъ правильно организованную систему парламентскаго „обструкціонизма“, изобрѣтающаго тысячу уловокъ чтобъ охранить права меньшинства палаты и по крайней мѣрѣ затормозить до послѣдней крайности обсужденіе какого-нибудь законопроекта не угоднаго этому меньшинству. А съ другой стороны, противъ этого обструкціонизма растетъ парламентское насиліе, предоставляющее большинству палаты право во всякое время зажать ротъ ненавистнаго ему меньшинства.

Послѣдствіемъ являются небывалыя доселѣ сцены въ палатѣ общинъ, сопровождающіяся неслыханными въ парламентской исторіи Англіи криками „долой спикера“ (предсѣдателя) и взаимною руганью между членами парламента, какъ напримѣръ та сцена когда предъ вторымъ чтеніемъ билля о репрессивныхъ мѣрахъ въ Ирландіи парнеллитъ Гили и либералъ Секстонъ публично назвали въ лицо полковника Сандерсона, ирландскаго протестанта, „лжецомъ и трусомъ“ и обѣщались „поколотить“ его послѣ засѣданія.

Такъ какъ противники билля о репрессивныхъ мѣрахъ находятся въ меньшинствѣ въ палатѣ общинъ, и обструкціонизмъ ихъ поэтому затрудненъ, то они рѣшились перенести, сверхъ того, свою агитацію изъ парламента въ народъ. Они устраиваютъ съ этою цѣлью митинги, на которыхъ принимаются резолюціи противъ репрессивной политики въ Ирландіи. Консерваторы, конечно, возмущаются противъ де такого „демагогическаго шарлатанства“, замѣчая основательно что вся парламентская система не имѣетъ смысла если народъ призывается къ незаконному участію въ политикѣ помимо своихъ законныхъ представителей въ парламентѣ. Но тѣ же консерваторы, тѣмъ не менѣе, принуждены созывать контръ-

митинги, на которыхъ тотъ же якобы „народъ“ принимаетъ резолюціи противъ гг. Гладстона и Парнелла.

Какъ разъ въ это время въ Лондонъ съѣхались для официальной конференціи представители всѣхъ англійскихъ колоній. Англійскія газеты не скрываютъ своей досады на то что этимъ делегатамъ приходится присутствовать въ метрополіи при такомъ „возмутительномъ скандальномъ зрѣлищѣ“, ясно показывающемъ какъ постепенно разлагается трещащая во всѣхъ своихъ основахъ „старая Англія“.

IV.

Германія съ Франціей.

Моск. Вѣд. № 90, 31 марта.

Германское правительство наполняетъ Альзасъ-Лотарингію войсками. По свѣдѣніямъ *Journal des Débats*, съ 1 апрѣля въ Альзасъ-Лотарингіи расположено нѣмецкихъ войскъ: 59 баталіоновъ пѣхоты, 44 эскадрона кавалеріи, 21 батарея полевой артиллеріи, 7 баталіоновъ и одна рота лѣшей артиллеріи, 2 баталіона саперовъ и 1 баталіонъ обоза. Все это составляетъ цѣлую армію расположенную на самой французской границѣ. Большое раздраженіе вызываютъ во Франціи суровыя мѣры принимаемыя Нѣмцами въ Альзасъ-Лотарингіи. Каждый день обыски, аресты, высылки, безо всякихъ объясненій. Уже выработанъ проектъ прямаго присоединенія Reichsland'a къ Пруссіи. Особенно куріозенъ случай съ г. Антуаномъ, делутатомъ отъ Меца. Онъ выпровоженъ за границу безо всякихъ объясненій, прачемъ ему объявлено что онъ не можетъ даже проѣздомъ быть въ Альзасъ-Лотарингіи. Чтобы прибыть въ Берлинъ, г. Антуанъ долженъ ѣхать чрезъ Бельгію или иначе, но никакъ не чрезъ тѣ мѣста, представителемъ коихъ онъ состоитъ въ рейхстагѣ. Это, кажется, еще небывалый случай въ парламентской практикѣ, и если только г. Антуана не выпроводятъ изъ Берлина и оставятъ засѣдать въ рейхстагѣ, то куріозъ будетъ чрезвычайный.

Обѣ стороны усердно ловятъ „шліоновъ“, и не проходитъ недѣли чтобы кого-нибудь не поймали по ту или

другую сторону Рейна. Но особенное впечатлѣніе произвело сдѣланное въ Парижѣ открытіе что одинъ изъ чиновниковъ военнаго министерства продавалъ секретные документы „одной иностранной державѣ“. Генералъ Буланже воспретилъ французскимъ военнослужащимъ брать себѣ въ услуженіе даже кухарокъ и горничныхъ изъ Нѣмокъ, * а потому открытіе что и сами военно-служащіе могутъ продавать важныя тайны произвело сильное впечатлѣніе. Надъ „измѣнникомъ“ (имя его Эйролль) былъ наряженъ военный судъ, и въ газетахъ появилось офиціальное сообщеніе что виновность Эйролля несомнѣнно доказана и уликами, и собственнымъ его сознаніемъ. Газеты стоящія близко къ генералу Буланже (*France*, *Evènement*, *La France*, *Militaire* и пр.) добавили что Эйролль продавалъ тайны не кому иному, а германскому военному агенту капитану Шварцгофу, тому самому который сдѣлалъ ужь черезчуръ подробное донесеніе и о морскихъ маневрахъ въ Тулонѣ, что̀ доказываютъ де черновыя („Konzepten“, какъ выражаются деликатно Нѣмцы) этого донесенія.

Эти разоблаченія вызвали небывалое ожесточеніе нѣмецкихъ газетъ. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* (№ 157, отъ 3 апрѣля) помѣстила статью необычайной рѣзкости. Газета доказываетъ что французскихъ шліоновъ въ Германіи ловятъ не рѣже чѣмъ нѣмецкихъ во Франціи, и особенно возмущается тѣмъ что Французы по части шліонства ничуть не отстаютъ отъ Нѣмцевъ, хотя и обвиняютъ послѣднихъ не только прямо, но даже офиціозно. 13 (25) декабря французское военное министерство напечатало въ газетахъ предостереженіе чтобъ онѣ не сообщали излишнихъ подробностей касательно военнаго дѣла, причемъ было указано и на „черновую“ капитана Шварцгофа. Не отрицая самаго существованія донесенія и черновой съ него, нѣмецкая газета, припоминая это

* Говорятъ что поводомъ къ сдѣланному генераломъ Буланже распоряженію чтобъ офицеры не брали прислуги изъ „иностранцевъ“, то-есть Нѣмцевъ, послужило слѣдующее обстоятельство. Въ семью одного высшаго офицера поступила горничною на очень выгодныхъ условіяхъ весьма услужливая и расторопная Нѣмка. Хозяева не могли нахвалиться ею. Но оказалось будто это была жена одного изъ офицеровъ Германскаго генеральнаго штаба, и будто въ отсутствіе хозяевъ она любопытствовала знать содержаніе письменнаго стола своего „хозяина“...

обстоятельство, возмущается тѣмъ что Французы добыли эту черновую. „До сихъ поръ международныя приличія требовали чтобы шпіонство не доходило до вторженій въ чужіе лисьменные столы; если же случались подобные *промахи* (*Wenn dergleichen Missgriffe vorkamen*), то о нихъ одна сторона умалчивала, другая же ихъ игнорировала. Французскій военный министръ далъ первый примѣръ тому чтобы подобный пріемъ (Griff), благодаря коему онъ познакомился съ черновыми чужихъ посольствъ, класть въ основу официознаго сообщенія."

Еще рѣзче высказывается берлинская *Post*, органъ Бисмарка. Перечисляя списокъ французскихъ шпіоновъ изловленныхъ въ Германіи (начиная съ извѣстнаго, разбиравшагося въ Лейпцигѣ, дѣла на дняхъ умершаго польскаго писателя Крашевскаго), газета возмущается что Французы осмѣлились обвинить германскаго военнаго агента въ томъ что онъ покупалъ кое-что у Эйролля. Что же касается статьи газеты *Paris*, высказавшейся за совершенное упраздненіе военныхъ агентовъ, то *Post* заявляетъ что на это можно отвѣтить лишь отозваніемъ германскаго посла и тѣмъ довести сношенія между Франціей и Германіей „до степени сношеній между *аванпостами*".

Органъ германскаго канцлера, ложалуй, напрасно опасается такой перспективы: и теперь отношенія почти *аванпостныя*...

Моск. Вѣд. № 105, 17 апрѣля.

Случай со Шнебеле чуть не сталъ событіемъ первостепенной политической важности. Дѣйствительно, арестъ его, при отношеніяхъ между Германіей и Франціей, есть явленіе совершенно выходящее изъ ряда. Французскій подданный, занимающій довольно видное мѣсто на государственной службѣ, кавалеръ Почетнаго Легіона, обвиняется Германіей въ измѣнѣ ей, арестуется, заковывается въ кандалы и сажается въ острогъ! Любопытно что обвиненіе иностранныхъ подданныхъ въ измѣнѣ Германіи не случайное явленіе. Съ 1874 года, въ германскій уголовный кодексъ включена такъ-называемая „статья Дюшена" (Duchêne). Это 91 статья германскаго уголовнаго кодекса, гласящая: „къ иностранцамъ, виновнымъ въ преступленіяхъ и проступкахъ предусмотрѣнныхъ статьями 87, 89 и 90, *должны примѣняться* обычаи военнаго времени. Если же они

совершили эти дѣйствія во время пребыванія на территоріи союза или находясь подъ покровительствомъ Германской имперіи или одного изъ союзныхъ государствъ, то къ нимъ примѣняются наказанія опредѣленныя въ статьяхъ 87, 89 и 90."

Въ трехъ послѣднихъ указанныхъ статьяхъ перечисляются слѣдующія преступленія: „(87) сношенія съ чужестраннымъ правительствомъ, съ цѣлью возбудить его къ войнѣ съ Германіей." „(89) содѣйствіе непріятельской странѣ въ военное время." „(90) передача непріятелю крѣпостей, содѣйствіе непріятелю, возбужденіе солдатъ къ дезертирству или бунту, шпіонство."

Статья 91 называется такъ по имени перваго лица къ коему была примѣнена, бельгійскаго журналиста Дюшена, дозволившаго себѣ, въ 1874 году, въ одной изъ брюссельскихъ газетъ, нелочтительные отзывы о Германіи и ея правительствѣ. Въ другой разъ, она была примѣнена въ 1879 году, въ Баденѣ, гдѣ разбиралось (и, конечно, кончилось обвиненіемъ) дѣло объ одномъ цюрихскомъ журналистѣ, швейцарскомъ подданномъ. Выходитъ что являться на германскую территорію, въ силу помянутой статьи, далеко небезопасно: никто не можетъ знать не приговоренъ ли онъ какимъ-нибудь судомъ за государственную измѣну Германіи...

Вотъ до чего дошло наушходоносорство бисмарковской Германіи!

Кромѣ того, возникаетъ еще нѣсколько вопросовъ. На какомъ основаніи, въ *мирное* время Германія считаетъ возможнымъ примѣнять къ иностранцамъ законы *военнаго* времени? Въ силу примѣненія 87 статьи къ 91, сношенія чужестранца съ чужестраннымъ же правительствомъ съ цѣлью возбудить его къ войнѣ съ Германіей, составляютъ наказуемое, по законамъ военнаго времени, государственное преступленіе даже въ томъ случаѣ если эти сношенія велись не на германской территоріи, ибо послѣдній случай оговоренъ особо. Стало-быть, всѣ чиновники французскаго военнаго министерства, всѣ офицеры, всѣ представители Франціи при союзныхъ германскихъ государствахъ, могутъ быть трактуемы какъ измѣнники Германіи? Стало-быть, всякій Французъ, написавшій своему Альзасъ-Лотарингскому родственнику совѣтъ перейти во французское подданство будетъ подстрекателемъ къ дезертирству, считается, въ силу 90 статьи, государственнымъ измѣнникомъ Германіи, а въ силу 91 статьи подлежитъ отвѣт-

ственности? Что̀ Германское правительство разумѣетъ подъ *шпіонствомъ*? Есть ли въ томъ шпіонство, когда иностранецъ, находясь внѣ Германіи, станетъ собирать свѣдѣнія о Германіи? По смыслу 91 статьи выходитъ что это есть шпіонство. Но въ такомъ случаѣ всѣ служащіе въ министерствахъ военномъ и иностранныхъ дѣлъ всѣхъ странъ, вступая на почву Германіи, рискуютъ быть арестованными. Изъ телеграммы князя Бисмарка, сообщенной графомъ Лейденомъ г. Флурану, видно что арестъ г. Шнебеле произведенъ по рѣшенію верховнаго суда въ Лейпцигѣ. Изъ этого ясно что германскіе суды могутъ постановлять приговоры объ иностранныхъ подданныхъ *заочно* и не входя въ сношенія съ правительствами, подданные коихъ судятся въ Германіи? Наконецъ, еслибы приговоръ Лейпцигскаго суда былъ извѣстенъ французскому полицейскому коммиссару, то конечно онъ не пошелъ бы на германскую территорію. Если же онъ пошелъ, это значитъ что приговоръ не былъ сообщенъ ему, значитъ что приговоръ былъ тайный. Это весьма напоминаетъ тѣ времена когда римскіе сенаторы обвиняли въ измѣнѣ карѳагенскихъ генераловъ, или прежній обычай турецкихъ султановъ сажать пословъ иностранныхъ державъ въ „семибашенный замокъ“ еще до объявленія войны. Такія оригинальныя понятія интересны и не для одной Франціи.

Вотъ до какой нездоровой аномаліи дошло высокомѣріе бисмарковской Германіи благодаря тому что ей удалось взгромоздиться на Россію.

Не менѣе любопытны и обстоятельства ареста г. Шнебеле. 23 апрѣля, президенту совѣта министровъ, г. Гобле, доставлены бумаги оказавшіяся въ квартирѣ г. Шнебеле послѣ его ареста и присланныя префектомъ. Изъ этихъ бумагъ оказывается что г. Шнебеле часто былъ по разнымъ дѣламъ вызываемъ пограничными германскими властями. Между прочимъ, найдены два письма г. Гауча (Gautsch), германскаго полицейскаго коммиссара въ ближайшемъ пограничномъ пунктѣ Ars-sur-Moselle. Въ этихъ двухъ письмахъ, г. Гучъ формально приглашалъ г. Шнебеле по неотложному дѣлу; послѣднее письмо писано въ день ареста. Поводомъ къ вызову послужила постановка пограничнаго столба съ германской стороны. Обыкновенно на франко-германской границѣ ставится одинъ столбъ на средства обоихъ государствъ. На сторонѣ столба обращенной къ Германіи пишется D. 'Deutschland', на

сторонѣ же обращенной ко Франціи F (France). Въ Паньи было два столба по обѣ стороны пограничной линіи. На французской сторонѣ желѣзный столбъ, утвержденный на постаментѣ изъ камня и цемента; на германской, простой деревянный (Нѣмцы народъ экономный) столбъ вбитый въ землю. За нѣсколько дней до ареста г. Шнебеле, нѣмецкій деревянный столбъ улалъ. Такъ какъ пограничные столбы, по принятому правилу, могутъ быть возстановлены только въ присутствіи коммиссаровъ отъ обоихъ смежныхъ государствъ, то нѣмецкій коммиссаръ, г. Гаучъ, и пригласилъ французскаго, г. Шнебеле, присутствіе коего при постановкѣ столба было необходимо по обязанности службы. Если такъ, то арестъ г. Шнебеле былъ коварно устроенною заранѣе засадой; можетъ-быть и самый столбъ-то былъ нарочно ловаленъ Нѣмцами.

Самыя обстоятельства при коихъ произведенъ арестъ также не лишены значенія. На г. Шнебеле напали переодѣтые агенты; при борьбѣ не обошлось безъ лобоевъ; затѣмъ на французскаго чиновника надѣли *кандалы*. Видѣвшіе г. Шнебеле, когда его вели агенты уже скованнаго, утверждаютъ что одежда его была вся изорвана. Но всего важнѣе вопросъ о томъ *гдѣ* арестованъ г. Шнебеле. По произведенному съ французской стороны слѣдствію г. Шнебеле арестованъ *на французской* территоріи, о чемъ свидѣтельствуетъ уже и то что его фуражка найдена здѣсь. Это же подтверждаютъ и очевидцы которые были допрошены прокуроромъ. Дѣло въ томъ что, будучи схваченъ, г. Шнебеле успѣлъ отбиться отъ Нѣмцевъ и перебѣжать на французскую территорію, гдѣ его догнали и взяли. Если это такъ, то арестъ французскаго чиновника на французской же территоріи становится тяжкимъ нарушеніемъ международнаго права. Послѣднія свѣдѣнія удостовѣряютъ что арестъ былъ именно на французской территоріи. Куріозно что теперь уже и Нѣмцы *отчасти* признаютъ этотъ фактъ. По словамъ *Kölnische Zeitung*, при арестѣ г. Шнебеле улалъ такъ что *голова* его была на французской территоріи, а прочія части тѣла на Германской.

23 апрѣля вечеромъ, г. Флуранъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ третье свиданіе по этому дѣлу съ представителемъ Германіи въ Парижѣ, графомъ Лейденомъ (за выѣздомъ посла Мюнстера въ Берлинъ). Графъ Лейденъ заявилъ что имъ получена отъ князя Бисмарка депеша, въ коей значится

что въ Берлинѣ еще точно не установлено гдѣ именно арестованъ г. Шнебеле, на французской или на германской территоріи. Князь Бисмаркъ сообщитъ де объ этомъ тотчасъ же какъ германскія власти, со своей стороны, разъяснятъ этотъ вопросъ. Изъ этого ясно что князь Бисмаркъ въ принципѣ нисколько не сомнѣвается въ своемъ правѣ арестовать иностранныхъ подданныхъ, даже состоящихъ на государственной службѣ, за измѣну противъ Германіи; онъ сводитъ весь вопросъ лишь къ тому чтобы такіе „измѣнники“ были арестованы на германской территоріи.

Такіе взгляды на международныя отношенія заслуживаютъ серіознаго вниманія, помимо своей необычайной оригинальности, и вопросъ объ арестѣ одного чиновника изъ частнаго дѣлается общимъ и принципіальнымъ. Почему Германія присвоила себѣ право судить иностранныхъ подданныхъ за нерасположеніе къ Германіи? Совмѣстимо ли это съ здравымъ смысломъ? Вездѣ принято за неизмѣнное правило что всѣ дѣла о чужестранныхъ подданныхъ, проживающихъ на своей родинѣ или служащихъ тамъ, доводятся до свѣдѣнія правительства этой страны, съ требованіемъ предать его суду на основаніи законовъ его отечества. Если г. Шнебеле въ чемъ виноватъ, то слѣдовало сообщить о томъ Французскому правительству и потребовать преданія его суду. Если все дѣло сводится къ излишнему усердію агентовъ, то международныя приличія требуютъ чтобъ арестованный былъ немедленно же отпущенъ съ извиненіемъ. Но на эти основныя правила приличія Берлинскимъ правительствомъ не обращено вниманія, что̀ признаютъ даже его лондонскіе и вѣнскіе друзья.

Переходя отъ общихъ вопросовъ къ частному, о значеніи этого случая спеціально въ отношеніяхъ Франціи къ Германіи, нельзя не отмѣтить прежде всего что французскому терпѣнію было поставлено жестокое испытаніе. Нельзя также не отмѣтить необычайной сдержанности какъ правительства, такъ и печати во Франціи. Первое повело дѣло дипломатическимъ путемъ, воздерживаясь отъ рѣзкихъ заявленій. Газеты, конечно, свободнѣе, но и онѣ соблюдаютъ замѣчательную сдержанность. Вотъ что̀, между прочимъ, читаемъ въ № *Matin* отъ 24 апрѣля:

„Даже въ странахъ гдѣ у насъ мало друзей, единогласно признается что пріемы употребленные при арестѣ г. Шнебеле не допустимы... Этотъ случай, являющійся посмѣ столькихъ

другихъ, можетъ послужить къ точному опредѣленію обоюднаго положенія обѣихъ странъ. Отношенія вотъ уже три мѣсяца существующія между Франціей и Германіей не могутъ продолжаться такъ безконечно. Отъ этого страдаютъ обѣ націи, а вмѣстѣ съ ними и вся Европа... Франція искренно и единодушно желаетъ мира.. Г. Бисмаркъ увѣряетъ что и онъ желаетъ мира, что онъ трудится только для мира. Но его дѣйствія опровергаютъ его слова. Онъ заставляетъ думать что ему пріятно быть атакованнымъ Франціей, что онъ ожидаетъ, что онъ надѣется на нападеніе... Все что̀ онъ дѣлаетъ для поддержанія мира состоитъ въ томъ что онъ строитъ крѣпости и льетъ пушки!

„Если Германія желаетъ войны, пусть же объявляетъ ее! Но пусть она откажется отъ мелкихъ продѣлокъ, недостойныхъ ни ея, ни насъ... Господа Нѣмцы! стрѣляйте же первые! Честная война лучше нечестнаго мира... Пора выбирать. Оба правительства должны объясниться. Случай удобный... Если мы достаточно благоразумны чтобы желать мира, то это потому что мы и достаточно сильны чтобы принять войну.“

Всѣ эти случаи очень напоминаютъ подобные же предъ войной 1870—1871 годовъ. Обстановка очень походитъ. Но есть признаки что Французы уже начинаютъ терять терпѣніе. Предполагавшееся представленіе *Лоэнгрина* (Вагнера) въ Парижѣ отмѣнено. Ходятъ слухи что правительство хочетъ, въ случаѣ если Германія тотчасъ же не освободитъ г. Шнебеле, созвать палаты въ экстренную сессію. Любопытно что нѣмецкіе картографы уже заносятъ Бельгію въ границы Германіи. Посмотримъ какъ удастся имъ это на дѣлѣ...

---

28 апрѣля князь Бисмаркъ сообщилъ французскому послу въ Берлинѣ, г. Эрбету, что уже данъ приказъ объ освобожденіи г. Шнебеле, въ виду того что послѣдній явился вслѣдствіе офиціальнаго приглашенія германскаго коммиссара и арестованъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Вернувшись въ Парижъ, г. Шнебеле былъ принятъ г. Гобле. Правительство рѣшило перевесть его на другое мѣсто и оставить на службѣ до октября сего года, когда кончается срокъ для выслуги полной пенсіи, которая и будетъ дана г. Шнебеле съ ноября.

V.

Афганскій вопросъ въ Петербургѣ.

Моск. Вѣд. № 92, 2 апрѣля.

На дняхъ въ Петербургъ изъ Асхабада прибылъ состоявшій при начальникѣ Закаспійскаго края, генералѣ Комаровѣ, г. Лессаръ. Еще ранѣе прибылъ предсѣдатель русскаго отдѣла разграничительной съ Афганистаномъ коммиссіи полковникъ Кульбергъ. Почти одновременно, для печалованія объ интересахъ Афганскаго эмира, прибыли изъ Лондона полковникъ Риджвей и капитанъ Барро.

Какъ извѣстно, дѣло разграниченія Россіи съ Афганистаномъ тянется вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, съ 1872 года. Россія съ самаго начала выражала полную готовность покончить дѣло сразу и миролюбиво. Еслибы русскія предложенія въ то время были приняты Англіей, то дѣло давно было бы покончено на гораздо болѣе выгодныхъ для Англіи условіяхъ чѣмъ на какія она уже согласилась. Но Англія и тогда была также сговорчива какъ всегда и столь же искренна и миролюбива какъ нынѣ. Переговоры затянулись, а между тѣмъ Англія усердно занялась тѣмъ чтобы создать намъ какъ можно болѣе затрудненій въ Средней Азіи, въ той надеждѣ, конечно, что мы все что намъ предложатъ будемъ вынуждены принять. Но разчетъ не оправдался, и всѣ затрудненія окончились къ невыгодѣ лишь тѣхъ кто ихъ подстроилъ. Въ Хивѣ, Бухарѣ, Мервѣ, всюду гдѣ только ни показывался русскій штыкъ и казакъ, мы блистательно вышли изъ затрудненій. Послѣ этого Англія оказалась гораздо уступчивѣе: дѣло пошло быстрѣе, и въ прошломъ году почти вся граница была уже окончательно опредѣлена, кромѣ лишь незначительныхъ пунктовъ. Въ настоящее время въ Петербургѣ будутъ покончены именно эти вопросы, коихъ не успѣли рѣшить на мѣстѣ. По словамъ англійскихъ газетъ, полковникъ Риджвей и капитанъ Барро будутъ поддерживать требованія эмира Афганскаго, или точнѣе, приписываемыя эмиру Англичанами. Эмиръ де требуетъ чтобы демаркаціонная линія отъ Дукхая къ Аму-Дарьѣ, на протяженіи приблизительно 20 миль, тянулась въ прямомъ направленіи; а Россія желаетъ не чтобъ

эта линія шла въ южномъ направленіи. Разница въ томъ что при направленіи желательномъ для Русскихъ, къ Россіи отошла бы долина Хаміаба. Эта долина сама по себѣ не важна, такъ какъ она на половину пустынна, да и особаго стратегическаго значенія не имѣетъ; но вопросъ здѣсь принципіальный, ибо разъ уступивъ, придется уступить и въ другой. Главное затрудненіе въ слѣдующемъ: До недавняго времени азіятскіе владѣтели имѣли самое смутное понятіе о границахъ. Даже теперь шахъ Персидскій врядъ ли могъ бы указать вполнѣ точную границу своихъ владѣній на востокѣ и сѣверо-востокѣ. Это потому, вопервыхъ, что здѣсь много пустынь, гдѣ никто не живетъ, владѣнію коими никто не придавалъ до сихъ поръ значенія и которыя иногда нѣсколькими владѣтелями считались каждымъ за свои. Китай, до послѣдняго времени, считалъ Бирманію въ числѣ подвластныхъ ему странъ, а Корею и до сихъ поръ считаетъ. Но ни Бирманія, ни Корея такой зависимости не признавали; это, однако, вовсе не мѣшало всѣмъ жить въ добромъ согласіи. Въ Средней Азіи, гдѣ не было ни одного крупнаго государства, путаница была еще больше. Многіе беки считали себя независимыми, хотя ханы въ своихъ титулахъ перечисляли и эти бекства. Многія племена и ихъ беки одновременно числились за нѣсколькими ханами. То же самое и теперь. Очень можетъ быть что эмиръ Афганскій и считалъ спорныя мѣста въ числѣ своихъ владѣній, но и владѣтели Мерва дѣлали то же самое; вѣроятно, и Бухарскій эмиръ, по крайней мѣрѣ предъ своими подданными, хвалился что онъ владѣтель вселенной. Такимъ образомъ, путаница выходитъ совершенно естественно; но насколько такія притязанія уважительны, это другой вопросъ. Въ данномъ случаѣ было бы небезполезно указать Англичанамъ на примѣръ данный ими же, и не особенно давно. Несомнѣнно что Китай имѣлъ на Бирманію гораздо бо́льшія права чѣмъ эмиръ Афганскій на спорныя мѣстности. Однако, обратили ли Англичане вниманіе на права Китая?...

Дѣло здѣсь даже не въ спорныхъ пунктахъ. Россіи вовсе не важны какихъ-нибудь 200—300 квадратныхъ верстъ. Но всякая уступка была бы вредна. Можемъ ли мы разчитывать что даже давъ Англичачамъ или Австрійцамъ „на водку“, мы пріобрѣтемъ хоть бы только наружную вѣжливость?

Отъѣздъ изъ Лондона полковника Риджвея и капитана Барро англійскія газеты сопровождали весьма недвусмысленными совѣтами. Достаточно указать на статью торійской газеты *Standard*, органа нынѣшняго англійскаго премьера. Вотъ ея сущность. Коварная Россія хочетъ де сперва присосѣдиться къ Индіи, а потомъ напасть на нее. Между Индіей и Россіей необходимъ барьеръ, и такимъ барьеромъ служитъ Афганистанъ. Слѣдовательно, Англія должна всѣми мѣрами поддерживать эмира Афганскаго и помочь ему обсчитать Россію. Въ концѣ концовъ все-таки это де не поможетъ, а потому нужно чтобы сама Индія была въ состояніи противостоять нашествію варваровъ. „Впрочемъ, добавляетъ газета, не слѣдуетъ сомнѣваться въ способности Индіи обороняться. Только внѣ нашихъ границъ намъ грозятъ осложненія и разочарованія."

Но если за Индію нечего опасаться, такъ о чемъ же и толковать? Вѣроятно, въ самой Индіи есть что-либо неладное, если Англичане ужь такъ усердно агитируютъ и въ Азіи, и въ Европѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдніе дни *Агентство Рейтера* работало очень усердно и сообщило Европѣ массу интересныхъ извѣстій. Смыслъ этихъ телеграммъ таковъ:

Русскіе агенты взбунтовали подданныхъ эмира Афганскаго, Гилзаевъ. Они возстали и бьютъ войска эмира... Караулъ! Эмиръ убитъ! Нѣтъ, онъ живъ, онъ все преодолѣлъ и повѣсилъ своего дядю. Нѣтъ, нѣтъ: дѣла эмира плохи: Гилзаи убили губернатора маруфскаго когда тотъ шелъ на помощь эмиру. Инженеръ Пейнъ ѣдетъ въ Афганистанъ. Гилзаи овладѣли Келатъ-и-Гилзаемъ и идутъ на Кандагаръ. Все погибло! все спасено!! все пропало!!! и т. д.

Неоднократно доводилось намъ указывать на значеніе вѣстей объ Афганистанѣ. Наши замѣчанія подтверждаются и изъ другихъ источниковъ. Въ *Journal des Débats* (отъ 7 апрѣля) находимъ интересную корреспонденцію извѣстнаго путешественника по Средней Азіи, г. Bonvallot. Сущность его сообщенія одна и та же. Эмиръ благоволитъ Англичанамъ; населеніе не терпитъ „рыжихъ дьяволовъ", а потому не расположено и къ эмиру. Въ этой корреспонденціи г. Бонвалло сообщаетъ что когда англійскіе члены афганской разграничительной коммиссіи прибыли во владѣнія эмира, то послѣдній не рисковалъ пускать ихъ дѣлать хоть бы два-три шага по

своимъ владѣніямъ, безъ „почетнаго“ конвоя. Дѣло въ томъ что Афганцы, въ противномъ случаѣ, непремѣнно убили бы друзей эмира. Для объясненія послѣдняго возстанія въ Афганистанѣ вполнѣ достаточно этого факта, и не зачѣмъ выдумывать легенду о русскихъ агентахъ наводившихъ де всю Среднюю Азію.

Изо всего этого ясно насколько миролюбіе Англичанъ искренне и, слѣдовательно, насколько мы обязаны быть предупредительными и уступчивыми при начавшихся переговорахъ.

Во всей этой исторіи такъ и приломинается стихъ Энеія:

.... Ecce Acherusia templa,
Quo neque permanent animae, neque corpora nostra,
Sed quaedam *simulacra*...

То съ востока, то съ юга, то съ запада, намъ являются именно такія „привидѣнія“, simulacra, то въ видѣ Афганскаго эмира, то въ видѣ Баттенберга, „pauvre prince“. Афганскій эмиръ врагъ Россіи *malgré lui*,—*simulacrum*. Принцъ Баттенбергъ тоже *simulacrum*, привидѣніе, орудіе интриги. Эти привидѣнія двигаются, говорятъ, агитируютъ, дѣйствуютъ; но намъ должно обращать вниманіе не на эти привидѣнія, а на тѣхъ кто, въ своемъ волшебномъ фонарѣ, выставляетъ намъ ихъ на видъ, замѣняя одну картину другою.

Моск. Вѣд. № 98, 10 апрѣля.

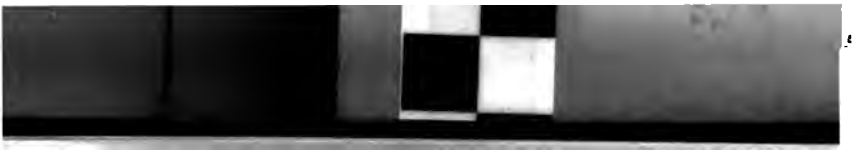
Берлинскій корреспондентъ *Journal des Débats*, въ телеграммѣ отъ 16 апрѣля, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія касательно того почему русско-англійская разграничительная съ Афганистаномъ коммиссія собрана именно въ Петербургѣ, и вовторыхъ, какіе доводы Англичане намѣрены выставить въ пользу Абдуррахмана при предстоящемъ рѣшеніи вопроса о спорныхъ пунктахъ на Афганской границѣ.

„Россія, сказано въ телеграммѣ, не можетъ отказаться отъ спорнаго пункта, *не роняя своего престижа, столь необходимаго* въ интересахъ великой державы въ Азіи. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ надѣяться что вопросъ этотъ будетъ весьма легко разрѣшенъ въ Петербургѣ, гдѣ чисто мѣстныя соображенія и вопросы второстепенной важности не могутъ оказывать на лицъ ведущихъ переговоры столь же сильное вліяніе какое они оказывали на нихъ въ Азіи, на самомъ мѣстѣ гдѣ происходитъ борьба.“

Не менѣе интересны и доводы которые Англичане хотятъ представить Русскимъ. „Англичане, дипломатически представляя собою Афганистанъ, возразятъ что хотя спорный пунктъ *конвенціи и былъ присужденъ Россіи*, но тѣмъ не менѣе два года назадъ былъ занятъ Афганцами. Пользуясь тѣмъ что границы еще не были окончательно обозначены, *Афганцы проникли въ земли отошедшія къ Россіи*, а затѣмъ прогнали изъ Коджа-Салеха состоящихъ въ русскомъ подданствѣ Туркменъ-кочевниковъ, вмѣстѣ съ ихъ стадами."

Все это, по крайней мѣрѣ, очень ясно, но насколько будетъ убѣдительно именно въ Петербургѣ, это еще вопросъ. Во всякомъ случаѣ небезполезно приломать нѣкоторыя изъ дѣйствій Англичанъ, особенно за послѣднее время. Любопытно прослѣдить, насколько сами они слѣдуютъ ими же проповѣдуемымъ правиламъ, и какъ примѣненіе этихъ правилъ разнообразится смотря по тому съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Всѣмъ еще памятенъ бирманскій походъ, затѣянный Англичанами. Причиной нападенія Англичанъ на Бирманію послужила, какъ извѣстно, претензія одного англійскаго торговца, заявившаго будто Бирманцы причинили ему нѣкоторые убытки. Бирманскій король выразилъ готовность дать вознагражденіе: заплатить всѣ убытки и исполнить всѣ законныя требованія Англичанъ. Тѣмъ не менѣе, Англичане предприняли походъ въ Бирманію, завладѣли ею, прогнали короля. Завоеваніе Бирманіи сопровождалось такими жестокостями что даже англійскія газеты приходили въ ужасъ; да и теперь безпорядки въ Бирманіи подавляются съ тою же безпощадною строгостію. Не менѣе интересно происшедшее на дняхъ столкновеніе съ республикой Гаити. Англичане заявили притязаніе на маленькій островокъ близъ острова Гаити. Затѣмъ, не входя ни въ какія разсужденія, они послали президенту этой республики, г. Саломону, ультиматумъ, требуя чтобы чрезъ пять дней спорный островъ былъ отданъ Англіи или уплаченъ за него милліонъ долларовъ, грозя въ противномъ случаѣ бомбардировать пять главныхъ портовъ острова Гаити. Конечно, на предложенія Гаитскаго правительства передать дѣло на разборъ третейскаго суда не было бы обращено никакого вниманія. Но, къ счастію, въ эту исторію вмѣшалась Франція, и дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ. Бомбардировать Англичане не стали, а вмѣсто одного милліона долларовъ (то-есть около пяти милліоновъ франковъ)



стали про... Афганистанѣ пресловутый
Но видя сил... ...ine Zeitung, считаетъ
платить и эту ... ...ог.. По его словамъ,
судъ. Если Франц... ...тами, каковыми
ликѣ Гаити, то, нѣтъ ... богословія и
запія тѣмъ что признает... ...то обстоя-
ку Гаити вполнѣ правою. ...гайствуютъ
...что му-
Еще любопытнѣе послѣдовав... ...нять
съ Венесуэлой. Объ этой исторіи ... что
даютъ слѣдующія свѣдѣнія. Какъ извѣ... ...ія
на, въ Южной Америкѣ, примыкаетъ къ ре...
элѣ. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ Англичане завели ...
учрежденія, надъ коими нѣкоторое время развѣвался англ...
скій флагъ. Затѣмъ Англичане въ этихъ мѣстахъ завел...
полицію и своихъ судей, которые стали судить даже ...
ныхъ республики. Все это дало Англичанамъ право захва...
устья Ориноко, одной изъ главныхъ и важнѣйшей во всѣхъ
отношеніяхъ рѣки Южной Америки. Правительство ре...
блики, увидя что дѣло плохо, стало протестовать. Но ту...
былъ вопросъ о захватѣ устьевъ одного изъ самыхъ обшир-
ныхъ бассейновъ Южной Америки, бассейна Ориноко. По
этому Англичане на всѣ эти протесты коротко отвѣчали
отказомъ. Теперь президентъ республики, Diego B. Urbaneja,
обращается „ко всѣмъ цивилизованнымъ націямъ міра“ съ
просьбой обратить вниманіе на „грабительскія дѣйствія“ (actes
de dépouillement) правительства Великобританскаго.* Трудно
пока сказать, обратитъ ли вниманіе какая-нибудь *сильная*
держава на протестъ президента Венесуэлы. Если нѣтъ, то
исходъ этой исторіи можно предсказать: Англія захватитъ
все что̀ сочтетъ полезнымъ для себя, да еще разыграетъ нѣчто
въ родѣ сцены изъ Гоголевскаго *Ревизора:* „что̀, архиплуты,
протобестіи, надувалы морскіе,— *жаловаться?!*“ И въ наказаніе
за жалобу, конечно, послѣдуетъ примѣрное возмездіе.

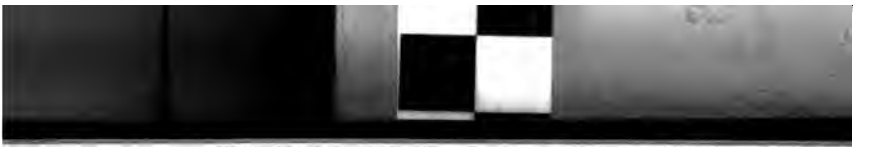
Вѣроятно, въ виду такого образа дѣйствій Англіи, на дняхъ
въ Гатемалѣ принятъ торговый и дружественный трактатъ
между пятью республиками Центральной Америки. Согласно
этому трактату, всѣ эти пять республикъ обязались дѣйство-
вать за дно въ случаѣ столкновенія съ какою-нибудь ино-
страннею державой, то-есть съ Англіей. Причина такого

* См. *Le Mémorial Diplomatique*, № отъ 16 апрѣля, стр. 250.

соглашенія понятна. Дѣло въ томъ что по Центральной Америкѣ проводится Панамскій каналъ, обладаніе коимъ далеко не безвыгодно, особенно для Англіи. Памятуя участь Суэзскаго канала и близь лежащаго Египта, республики прилегающія къ каналу Панамскому уже предвидятъ свою горькую судьбу. Онѣ знаютъ что положенія международнаго права приводятся Англичанами только для другихъ и притомъ болѣе сильныхъ, а для слабѣйшихъ у нихъ имѣется единственный аргументъ: бомба. Только такой аргументъ и для самихъ Англичанъ убѣдителенъ и признается ими за самый законный. Послѣднія французскія газеты приводятъ любопытныя подробности совѣщанія между французскимъ посломъ въ Лондонѣ, г. Вадингтономъ, и министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Флураномъ. Какъ извѣстно, Англичане подняли недавно страшный вой изъ-за Новс-Гебридскихъ острововъ, чуть не угрожая Франціи даже войной. Но вскорѣ обстоятельства измѣнились. Пошли слухи что Франціи нападеніе Германіи не особенно страшно и что она совсѣмъ не настолько изолирована, какъ полагали. Какъ разъ въ это время Франція, не уступая въ новогебридскомъ вопросѣ, поднимаетъ вопросъ объ Египтѣ и Суэзскомъ каналѣ. И что же оказывается?

Вотъ что сообщилъ г. Вадингтонъ г. Флурану: Англія допускаетъ слѣдующее рѣшеніе вопроса о Новыхъ Гебридахъ. Французы *de facto* получаютъ Новогебридскіе острова въ собственность, только изъ деликатности они должны не объявлять о томъ официально. Точно также Англичане согласны и нейтрализовать Суэзскій каналъ. Даже въ вопросѣ объ Египтѣ, изъ-за котораго Англія еще такъ недавно готова была угрожать Франціи войной, она оказывается теперь уступчивою. Конечно, если дѣла Франціи перемѣнятся, то и разговоръ будетъ другой...

Вотъ любопытная страница въ исторію международнаго права, такъ диктаторски предлагаемаго намъ въ руководство. Особенно куріозно то обстоятельство что разбойническія дѣйствія Афганскаго эмира, которыя для самихъ Англичанъ несомнѣнно дали бы поводъ къ примѣрному наказанію виновнаго, намъ, Русскимъ, выставляются въ доказательство его права. Нахальство такъ очевидно что и въ Петербургѣ врядъ ли согласятся съ этими доводами...



Послѣдніе безпорядки въ Афганистанѣ пресловутый г. Вамбери, въ мюнхенской *Allgemeine Zeitung*, считаетъ исключительно дѣломъ русскихъ интригъ. По его словамъ, весь Афганистанъ переполненъ русскими агентами, каковыми г. Вамбери считаетъ бухарскихъ студентовъ богословія и муллъ-таджиковъ. Въ вину Россіи ставится и то обстоятельство что жители Шахрисябзя и Хивы ходатайствуютъ о принятіи ихъ въ русское подданство. Помимо того что мусульмане сами агитируютъ въ пользу Россіи и просятъ принять ихъ въ русское подданство, Россія виновата еще и въ томъ что на владѣніе Афганистаномъ есть, безо всякаго уже старанія Россіи, два опасные для Абдуррахмана претендента. Одинъ изъ нихъ, Искандеръ-ханъ, сынъ павшаго въ 1862 году Ахметъ-Джана, котораго очень любили его подданные, Герацы, и который палъ въ борьбѣ съ Достъ-Магометомъ. Послѣ гибели отца, Искандеръ-ханъ и братъ его, Нувасъ-ханъ, долго томились въ тюрьмѣ, въ Гератѣ; Нувасъ-ханъ умеръ въ тюрьмѣ отъ дурнаго обращенія, а Искандеръ-хану удалось бѣжать въ Бухару. Затѣмъ онъ поступилъ въ русскую военную службу. Когда попалъ въ Лондонъ, то Англичанамъ удалось де сначала поколебать его русскія симпатіи, но ненадолго. Теперь Искандеръ-ханъ вернулся де въ Россію и снова сталъ на нашу сторону, почему Русскіе и держатъ де его про запасъ на случай свержения Абдуррахмана. Г. Вамбери увѣряетъ что эти разчеты теперь неосновательны. Вопервыхъ, объ Искандеръ-ханѣ и Нувасъ-ханѣ въ Гератѣ давно де позабыли. Вовторыхъ, жители Герата теперь де большіе друзья Англичанъ и враги Русскихъ. Въ послѣднемъ, однако, очень сильно можно усумниться... Другой претендентъ—Эюбъ-ханъ, проживающій нынѣ въ Персіи, на содержаніе коего Персидскому шаху Англичане даютъ ежегодно по 12.000 фунт. стерл. Эюбъ-ханъ, по мнѣнію г. Вамбери, гораздо опаснѣе Искандеръ-хана, такъ какъ въ Афганистанѣ всѣ еще помнятъ какъ онъ колотилъ Англичанъ, какъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ. До сихъ поръ въ Афганистанѣ объ Эюбъ-ханѣ ходятъ разказы какъ о героѣ, и если ему удастся вырваться изъ Тегерана и пробраться въ Афганистанъ, то дѣла Англичанъ тамъ могутъ де оказаться въ плохомъ положеніи, а Русскихъ въ отличномъ. Г. Вамбери полагаетъ что такая комбинація составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей новаго русскаго посланника въ Тегеранѣ, князя Долгорукова, который, какъ

извѣстно, состоитъ генералъ-майоромъ, что также очень подозрительно для г. Вамбери. На основаніи всего сказаннаго, несомнѣнно де что Россія затѣваетъ въ Азіи войну, а Европа должна де обратить на это самое серіозное вниманіе по слѣдующимъ причинамъ. Англія сторонница тройственнаго союза, (Германія, Австрія, Италія) столь опаснаго де и непріятнаго для Россіи. Россія же хочетъ де забрать Афганистанъ, а потомъ и Индію. Въ виду такой опасности, Англіи необходимо отвратить ее осложненіями въ Европѣ; а такъ какъ Германія, Австро-Венгрія и Италія солидарны съ Англіей, то такая война несомнѣнно де превратится въ европейскую, и вотъ почему: чтобы двинуть массу войскъ, снарядовъ, провіанта и проч. въ глубь Азіи, у Россіи есть въ настоящее время лишь одинъ путь—чрезъ Одессу и Батумъ къ Баку, далѣе по Каспійскому морю и, наконецъ, по Закаспійской дорогѣ (г. Вамбери позабылъ что Волга также впадаетъ въ Каспійское море). Англія можетъ перерѣзать Россіи этотъ путь, *перенеся войну въ Черное Море*, для чего необходимо, конечно, втянуть въ войну и Турцію, то-есть отождествить войну изъ-за Индіи и Герата съ войной изъ-за Константинополя. Опасность войны на Черномъ Морѣ будетъ де страшна для Россіи пока она не будетъ имѣть другаго пути въ глубь Азіи, который нельзя перерѣзать, то-есть до постройки желѣзной дороги отъ Владикавказа чрезъ Петровскъ къ Баку. А такъ какъ эта дорога скоро окончена быть не можетъ, то ясно что Англія должна употребить всѣ усилія чтобы перерѣзать линію Одесса-Батумъ.

VI.

Болгарская смута и наши друзья.

Моск. Вѣд. № 97, 9 апрѣля.

Стоиловъ, получивъ наравнѣ съ министрами другихъ самостоятельныхъ государствъ право пользоваться для своихъ заявленій столбцами издающейся при австро-венгерскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ *Политической Корреспонденціи*, поспѣшилъ опровергнуть въ этомъ листкѣ распространенныя другими газетами извѣстія, будто онъ ищетъ еще новыхъ аудіенцій у графа Кальноки и намѣревается затѣмъ отправиться въ Юденбургъ для свиданія съ принцемъ

Александромъ Баттенбергомъ. Онъ не опровергалъ только одного, упорно держащагося слуха, что онъ остается въ Вѣнѣ *надолго*, какъ уполномоченный представитель болгарскаго регентства при Вѣнскомъ дворѣ.

Отчего Габсбургскому дому и не принимать Стамбуло-Муткуровскихъ пословъ? Чтò можетъ препятствовать ему причислить и ихъ къ аккредитованному при Гофбургѣ дипломатическому корпусу? Министры императора Франца-Іосифа уже выдали г. Стоилову и всѣмъ софійскимъ лжерегентамъ аттестатъ политической зрѣлости; отчего не стать имъ и hoffähig? Заслуги же приписываемыя въ Вѣнѣ софійскимъ узурпаторамъ заключаются въ слѣдующемъ: Стоиловъ командированъ былъ въ Вѣну для ознакомленія Европы съ безвыходнымъ положеніемъ въ которомъ очутилась Болгарія. Народъ Болгарскій не можетъ де больше переносить свое неопредѣленное и неустроенное положеніе. Если требованія Болгарскаго народа не будутъ удовлетворены, если державы будутъ имъ противиться, то Стоиловъ долженъ былъ повѣдать міру что народъ (несчастный народъ!) твердо рѣшился стряхнуть съ себя иго зависимости отъ воли державъ, что онъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ чтобы провозгласить Болгарію самостоятельнымъ королевствомъ и избрать себѣ короля. Вотъ чтò возвѣщали берлинскія и вѣнскія газеты о миссіи Стоилова до пріѣзда его въ Вѣну. И вотъ графъ Кальноки принялъ въ продолжительной аудіенціи болгарскаго посланца, урезонилъ его и, о чудо! избавилъ Европу отъ величайшей опасности, отъ уничтоженія силы Берлинскаго трактата. Стоиловъ, послѣ бесѣды съ австро-венгерскимъ министромъ, успѣлъ предупредить регентовъ, а эти послѣдніе съ „испытанною энергіей“ пріостановили готовившееся въ Софіи, въ день рожденія принца Александра провозглашеніе его королемъ Болгаріи. Дѣло ограничилось только поздравительною телеграммой отъ болгарской „патріотической лиги“ въ Югенгеймъ и отвѣтною телеграммой принца Баттенберга.

Какіе же, спрашивается, резоны приводилъ графъ Кальноки, укрощая въ лицѣ Стоилова разбойничью шайку въ Болгаріи? „Вѣнскій кабинетъ, сказалъ онъ, будетъ строго держаться Берлинскаго трактата: онъ будетъ противиться всякому нарушенію этого трактата (со стороны другихъ державъ?) пока регентство будетъ поступать вполнѣ согласно

съ его постановленіями. Изъ вашихъ словъ я заключаю что регентство, *которое до сихъ поръ поступало столь благоразумно*, намѣрено теперь оставить ту твердую почву на которой оно до сихъ поръ стояло". Далѣе графъ Кальноки доказывалъ что вторичное избраніе Баттенберга немыслимо, такъ какъ послѣдній и самъ не согласится принять избраніе, что продленіе собраніемъ полномочій регентства на три года также не можетъ состояться безъ предварительнаго согласія на это всѣхъ державъ. Увѣряя далѣе Стоилова что ни одна держава не станетъ теперь вести войны изъ-за Болгаріи, австро-венгерскій министръ окончилъ свою рѣчь слѣдующимъ внушеніемъ: „Мы можемъ лишь дать вамъ одинъ добрый совѣтъ: будьте терпѣливы и ждите. Помогайте общимъ дѣйствіямъ державъ своимъ *благоразумнымъ и умѣреннымъ управленіемъ. Ничѣмъ не раздражайте и не вызывайте Россію*, а главное не нарушайте Берлинскаго трактата."

Не нарушать Берлинскаго трактата! Но онъ разорванъ филиппольскимъ переворотомъ. Россія напрасно протестовала противъ разбоевъ, которые допускались, восхвалялись и творились союзными державами ей.

Не раздражайте и не вызывайте Россію! Но кто вызываетъ Россію, ничтожный ли Стоиловъ, агентъ болгарскаго лжеправительства, дерзающаго вступать въ переговоры съ представителями великихъ державъ лишь въ увѣренности на ихъ благоволеніе и свою безнаказанность, или тотъ министръ императорской и дружественной Россіи державы, который вступаетъ съ нимъ въ переговоры о томъ какъ бы вѣрнѣе обмануть Россію?

Кто этотъ Стоиловъ, кто тѣ властители отъ имени которыхъ онъ явился на Ballplatz въ Вѣнѣ для совѣщаній съ графомъ Кальноки?

„Покидая Болгарію, принцъ Александръ Баттенбергъ вручилъ управленіе страной регентству составленному изъ лицъ имъ самимъ выбранныхъ и нѣкоторыя изъ коихъ уже ранѣе того заявили себя слѣпою враждой къ Россіи," вотъ что было заявлено въ циркулярной депешѣ разосланной С.-Петербургскимъ Императорскимъ Кабинетомъ къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ и напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 28 ноября 1886 года. „Условія при которыхъ образовалось регентство, сказано далѣе въ циркулярѣ, лишали его значенія законнаго правительства." Объясняя

затѣмъ въ чемъ заключалась миссія генерала Каулбарса въ Софію, циркуляръ продолжаетъ: „Выразивъ по прибытіи генерала Каулбарса въ Софію готовность обсудить мѣры къ возстановленію нормальнаго порядка, регенты и ихъ министры отказались вскорѣ послѣ того послѣдовать совѣтамъ генерала, ссылаясь при этомъ на законы страны, которые сами они безнаказанно игнорировали и главнымъ нарушеніемъ коихъ служило ихъ собственное присутствіе во главѣ правительства. Вслѣдъ затѣмъ было приступлено въ Болгаріи и Восточной Румеліи къ выборамъ въ Великое Народное Собраніе, причемъ для обезпеченія торжества своей собственной партіи и для устраненія отъ выборовъ всѣхъ несочувствовавшихъ имъ Болгаръ регенты не преминули принять самыя возмутительныя мѣры воздѣйствія на населеніе.“

Излагая далѣе причины побудившія Императорскій Кабинетъ отозвать изъ Болгаріи генерала Каулбарса и всѣхъ своихъ агентовъ, циркуляръ говоритъ: „ничтожное меньшинство, захватившее власть, считаетъ себя въ правѣ по своему личному усмотрѣнію распоряжаться судьбой Болгарскаго народа и обращать его въ оружіе революціонныхъ страстей, гибельно дѣйствующихъ на общественную нравственность.“

Это буквальная выписка изъ циркулярной депеши С.-Петербургскаго Кабинета, въ свое время полученной конечно и Вѣнскимъ.

А австро-венгерскій министръ находитъ, напротивъ, что это незаконное регентство, дѣйствовавшее возмутительными способами, поступало до сихъ поръ какъ нельзя лучше, и приглашаетъ его продолжать идти тѣмъ же мудрымъ путемъ. Спрашивается, возможно ли было Россіи дѣйствовать въ концертѣ съ державами которыя видятъ въ нынѣшнихъ болгарскихъ правителяхъ пособниковъ себѣ именно противъ Россіи?

Моск. Вѣд. № 105, 17 апрѣля.

Болгарскіе лжеправители не только разсылаютъ часто своихъ членовъ и коммиссаровъ на „развѣдочныя“ поѣздки по Европѣ, но и сами, то въ одиночку, то вкупѣ, объѣзжаютъ Болгарію и Восточную Румелію съ какими-то особенными, никогда достаточно не выясненными цѣлями. Эту манію путешествовать они переняли еще отъ принца Александра Баттенберга. Незадолго до Филиппопольскаго переворота принцъ

этотъ блуждалъ по Болгаріи, а въ самый день 6 сентября 1885 года находился въ Варнѣ, гдѣ, запершись на телеграфной станціи, велъ какіе-то таинственные переговоры неизвѣстно съ кѣмъ о томъ слѣдуетъ ли ему стать во главѣ румелійскаго движенія или нѣтъ. Въ послѣдствіи, когда принцъ уже открыто призналъ себя главой румелійской революціи и издалъ самовольный приказъ объ избраніи въ Румеліи представителей въ Болгарское народное собраніе, онъ также лично пустился въ объѣздъ незаконно присоединенной имъ турецкой провинціи, захвативъ съ собою своего тогдашняго министра юстиціи, г. Радославова. Тогда пущена была впервые въ ходъ, для успѣха пропаганды, лалочная команда, и въ первый же разъ народъ отвѣтилъ на призывъ его въ вольныя сборища для избранія кандидатовъ избіеніемъ послѣднихъ. Когда затѣмъ, въ августѣ прошлаго года, регенты оставленные въ Болгаріи удалившимся Баттенбергомъ почуяли что по волѣ благопріятствующей имъ „Европы“ власть останется въ ихъ рукахъ, они поспѣшили отрядить въ столицы этой Европы трехъ своихъ посланцевъ на развѣдки, и едва они успѣли возвратиться во свояси, какъ уже новый гонецъ ихъ снова очутился въ Вѣнѣ, гдѣ онъ до сихъ поръ ожидаетъ инструкцій дальнѣйшаго своего маршрута. Тѣмъ временемъ, одинъ изъ членовъ регентства, Живковъ, ѣздилъ съ какою-то таинственною миссіей въ Бургасъ, тотъ же Радославовъ объѣзжалъ другія мѣста Болгаріи, и наконецъ въ самые послѣдніе дни остальные два члена регентства, Стамбуловъ съ Муткуровымъ, также пустились въ путь.

Нѣтъ сомнѣнія что эти разъѣзды властителей и ихъ агентовъ вызваны смятеніемъ овладѣвшимъ ими вслѣдствіе тревожныхъ извѣстій о возникшемъ въ болгарскомъ народѣ движеніи, прорывающемся то тамъ, то здѣсь и видимо враждебно направленномъ противъ ихъ власти. Какъ ни пристрастна англійская и средне-европейская печать къ телеграфнымъ правителямъ Болгаріи, какъ ни старается она убѣдить общественное мнѣніе въ непоколебимости ихъ авторитета, она слишкомъ болтлива чтобы не сообщать время отъ времени свѣдѣній о затрудненіяхъ встрѣчаемыхъ регентами при подавленіи замышляемыхъ противъ нихъ заговоровъ не только въ народныхъ массахъ, но и въ войскахъ. Въ нѣкоторыя газеты проскользнуло даже извѣстіе что регенты поспѣшили оставить теперь Софію, опасаясь возстанія въ столицѣ во время пасхальной недѣли.

Какъ бы то ни было, а Стамбуловъ съ Муткуровымъ гостили въ Филиппополѣ, гдѣ ихъ чествовалъ не то что народъ, не то что мѣстное общество, а проживающій въ томъ городѣ англійскій генеральный консулъ г. Джонсъ, пригласившій ихъ на банкетъ, въ домъ англійскаго консульства.

И вотъ телеграфъ разнесъ по Европѣ вѣсть изъ Филиппополя о томъ что въ спичѣ произнесенномъ на этомъ банкетѣ г. Джонсъ не только восхвалялъ независимость и воинскія доблести Болгарскаго народа, но и славилъ Европу „*поощряющую Болгаръ* твердо противостоять требованіямъ русскаго колосса". Въ Европѣ „покачали головой", узнавъ о такой нескромности г. Джонса, какъ удостовѣряетъ *Пештскій Ллойдъ*. Въ Берлинѣ даже испугались словъ г. Джонса. *Крестовая Газета* поспѣшила прочесть нотацію англійской дипломатіи дозволяющей своимъ агентамъ распространять невѣрныя свѣдѣнія о поощреніи оказываемомъ будто бы Европой дѣйствіямъ Болгарскаго регентства. Тогда и въ Лондонѣ сознали что г. Джонсъ поступилъ слишкомъ откровенно и г. Фергюсонъ, 26 апрѣля, былъ вынужденъ заявить въ палатѣ общинъ что англійскій консулъ въ Филиппополѣ въ своей рѣчи на банкетѣ вовсе не упоминалъ о Россіи.

Пусть такъ. Для насъ не имѣютъ никакого значенія слова г. Джонса, говорилъ ли онъ о Россіи и объ ея отношеніи къ Болгаріи или нѣтъ, для насъ важно что мнимое или дѣйствительное содержаніе его рѣчи не безъ умысла, и конечно не безъ вѣдома самого оратора, было сообщено къ свѣдѣнію Европы, важно знать, какъ отнеслись среднеевропейскія императорскія правительства къ выходкѣ англійскаго дипломатическаго агента, считая ее достовѣрною. Разумѣется, ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Пештѣ не могли понравиться выходки англійскаго enfant terrible, прямо обличающія „Европу" и ея нынѣшняго маклера. „Гдѣ и когда обнаружились слѣды европейскаго поощренія болгарскаго регентства?" кричитъ *Пештскій Ллойдъ*? „Развѣ Европа тронулась пальцемъ когда въ ноябрѣ прошлаго года генералъ Каульбарсъ самымъ рѣзкимъ, самымъ *звѣрскимъ* способомъ, домогался поставить Болгарію подъ ярмо Россіи?"

Очевидно что все болгарское дѣло есть дѣло „Европы", средне-европейскихъ императорскихъ правительствъ и Англіи,

причемъ эта послѣдняя дѣйствовала „открыто и прямо", а союзныя намъ правительства—*прикровенно*. Англійскій консулъ блистательно подтвердилъ то что нами высказывалось.

Съ самаго дня Филиппопольской революціи враждебныя Россіи дѣйствія Англіи творились въ Болгаріи открыто, ободряя обезумѣвшихъ болгарскихъ измѣнниковъ; не менѣе дѣятельна, въ томъ же враждебномъ Россіи смыслѣ, была политика другихъ державъ, которыя хотя и маскировали свои дѣйствія, но въ поддержкѣ которыхъ заключалась вся сила болгарскихъ узурпаторовъ. Только Франція держалась въ сторонѣ, протестуя противъ воліющихъ несправедливостей.

Нельзя не обратить вниманія на сообщеніе сербской газеты *Одъекъ*, которымъ объясняется внезапная перемѣна персонала Сербскаго правительства въ русскомъ смыслѣ. Причиною этой перемѣны, по объясненію *Одъекъ*, было освобожденіе отъ германской диктатуры, благодаря возвращенной Россіей свободѣ дѣйствій, и слухамъ о ея возможномъ союзѣ съ Франціей.

VII.

Два отзыва о Русскомъ народѣ.

Моск. Вѣд. № 103, 15 апрѣля.

Нашъ парижскій корреспондентъ неоднократно обращалъ вниманіе на единогласіе французской печати всѣхъ оттѣнковъ въ выраженіи симпатій къ Россіи и признательности къ ея Государю. Извѣстно какой контрастъ представляетъ въ этомъ отношеніи нѣмецкая печать; какія клеветы и инсинуаціи ежедневно появляются въ безчисленныхъ германскихъ газетахъ, и съ какимъ рвеніемъ она толчетъ въ грязь все русское, все что дорого и свято русскому сердцу. Съ какимъ остервенѣніемъ нѣмецкіе политики эксплуатировали покушеніе 1 марта!

Впрочемъ, ежедневная печать иногда невольно, въ пылу полемики, увлекается больше чѣмъ быть-можетъ сами авторы того желали бы. Но что сказать о періодическихъ изданіяхъ выходящихъ ежемѣсячно или еженедѣльно, гдѣ излагаются доктрины, гдѣ говоритъ не страсть, а развивается мысль,—если и тутъ проявляется при всякомъ случаѣ та же глубокая

ненависть къ Россіи? Князь Бисмаркъ бомбардируетъ нашу дипломатію жалобами по поводу всякаго протеста противъ его политики появляющагося въ независимомъ органѣ русской печати, хотя бъ она не заключала въ себѣ ничего ни оскорбительнаго, ни даже враждебнаго Нѣмецкому народу. Что еслибы, въ отвѣтъ на подобныя жалобы, русскіе дипломаты, въ свою очередь, представили князю Бисмарку подборъ обращиковъ того какъ ежедневно вся германская печать третируетъ уже не то или другое направленіе нашей политики, а самый народъ Русскій, его духъ, его нравы, его существо?

Недавно въ *Gegenwart*, какъ извѣстно, одномъ изъ самыхъ солидныхъ періодическихъ изданій Германіи, помѣщена статья озаглавленная: „Ist Russland *noch* zu Europa zu rechnen?“

Нѣмецкій политикъ разсуждаетъ: „Россія въ послѣднее время болѣе чѣмъ когда-либо заставляетъ о себѣ говорить. Ея вмѣшательство (!) въ болгарскія дѣла, ея политика внушаемая такъ-называемою славянскою идеей, состоящею въ прямомъ *восхваленіи бунтовщиковъ и революціонеровъ*... все это привлекло къ Россіи вниманіе Запада и заставило даже рѣшающихъ вождей европейской политики принять открыто враждебное положеніе по отношенію къ Россіи. Но когда читаешь интересныя рѣчи которыя германскій канцлеръ въ послѣднее время держалъ о внѣшней политикѣ, то невольно является вопросъ, найдетъ ли его несомнѣнное *великодушіе* къ Русскому правительству (Grossherzigkeit gegen die russische Regierung) надлежащій отголосокъ въ Русскомъ народѣ?“

Авторъ въ отчаяніи признаетъ что вопросъ этотъ слѣдуетъ рѣшить отрицательно. Увы, Русскій народъ не признаетъ великодушія Бисмарка, „по отсутствію образованія въ Русскомъ народѣ. Громадное большинство не умѣетъ ни читать, ни писать и вовсе не знаетъ того что происходитъ на свѣтѣ. А такъ-называемые образованные? Къ нимъ слѣдуетъ относить прежде всего Нѣмцевъ балтійскихъ провинцій и живущихъ въ Москвѣ, Петербургѣ и на главныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ... Но эти Нѣмцы могутъ *только скорбѣть, видя какъ первый представитель Нѣмецкаго правительства относится къ правительству которое попираетъ ногами его соотечественниковъ!*“ Не правда ли прелестно? Остзейскіе соотечественники Бисмарка скорбящіе о его великодушіи къ Русскому правительству!

„Къ образованнымъ нужно причислить еще Евреевъ живущихъ въ торговыхъ городахъ, но о русскихъ Евреяхъ можно сказать: ubi pecunia ibi patria. Остаются высокообразованные или только грамотные Русскіе, большею частью изъ высшихъ сословій; но по крайней мѣрѣ 99 процентовъ этихъ Русскихъ такъ надуты московско-фанатическою высокомѣрною печатью что они, въ своей манiи величія, не считаютъ себя обязанными благодарить за любезности (Aufmerksamkeiten) приходящія съ Запада, кромѣ развѣ изъ Франціи, и до того проникнуты ненавистью à la Skobeleff къ Нѣмцамъ что ничто ихъ не поколеблетъ... Вотъ тотъ Русскій народъ съ которымъ Европѣ приходится считаться, такъ какъ онъ составляетъ единственную аудиторію въ Россіи для иностранныхъ политиковъ!“ Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разчитывать на благодарность подобной аудиторіи профессору Бисмарку за его великодушіе?

Авторъ затѣмъ переходитъ къ ближайшему разбору состава этихъ слушателей. „Какъ только перетягнетъ Рижско-Витебскую желѣзную дорогу, говоритъ онъ, тотчасъ же исчезаютъ всѣ условія для европейской цивилизаціи: ни сознанія права въ общественной жизни, ни понятія о справедливости въ частной, нѣтъ слѣдовъ правды, искренности и вѣрности въ личныхъ сношеніяхъ, нѣтъ уваженія къ честному труду. Грабежъ, хищеніе и лихоимство общи всѣмъ чиновникамъ безъ исключенія. Подобно азіятскому рабу, Русскій работаетъ только съ одною цѣлью: наслаждаться какъ можно больше“... Слѣдуютъ нѣсколько страницъ примѣровъ хищеній; затѣмъ авторъ отъ чиновниковъ переходитъ къ народу: „Тургеневъ сказалъ: Русскій народъ самый лживый въ мірѣ; кто осмѣлится обвинить во лжи великаго поэта? Общественныя отношенія заключаются только въ желаніи напакостить сосѣду... Никто никому не довѣряетъ... Масса крестьянъ есть стадо, въ которомъ каждый каждаго обкрадываетъ и обманываетъ. Никто не видитъ зла въ этомъ, такъ какъ всѣ мыслятъ по-азіятски, а не по-европейски. Въ высшихъ классахъ совершенно то же, только въ болѣе утонченной формѣ. Въ Петербургѣ (утверждаетъ обитатель высоконравственнаго Берлина) всѣ по пальцамъ считаютъ число любовниковъ, которыхъ каждая замужняя женщина обязательно имѣетъ... Бракъ—лотерея на наслажденіе. И откуда могутъ на этой почвѣ вырости правда и вѣра? Едва четверть процента населенія

посѣщаютъ школы; религіознаго преподаванія вовсе нѣтъ. Сословіе духовенства заботится только о наслѣдственной передачѣ своихъ приходовъ дѣтямъ. Затѣмъ, священникъ стоитъ на той же ступени варварства что и его окружающіе: онъ пьянствуетъ съ ними, мошенничаетъ и воруетъ вмѣстѣ съ ними и даже при всякомъ случаѣ старается перещеголять ихъ. *О ночныхъ грабежахъ совершаемыхъ попами при помощи церковныхъ служителей разсказываютъ чудеса*"...

„При полномъ отсутствіи основъ для цивилизаціи въ Россіи, неудивительно что у Русскаго народа нѣтъ ни науки, ни искусствъ. Верещагинъ достаточно ярко представилъ Европѣ русское варварство... Изящная литература? *Мертвыя Души* и *Ревизоръ* Гоголя, лучшія произведенія русской литературы, даютъ вѣрное изображеніе русской дикости и испорченности. Изъ современныхъ романовъ есть только одинъ прелестный, именно *Лоринъ* графа Валуева, да и онъ чистое дитя Запада.

„Политическія партіи? Но панславистьі и нигилисты это одна и та же партія. Славянская идея и динамитныя бомбы тождественны. Восточная политика Россіи есть только симптомъ революціонныхъ стремленій: это должны уразумѣть die Herren Katkow und Genossen".

„Въ перспективѣ Россія имѣетъ профиль стараго сфинкса. Петербургъ представляетъ глаза, а Остзейскія провинціи остальныя черты европейскаго, т.-е. человѣческаго, образа Россіи. Затѣмъ по Литовской границѣ слѣдуетъ грудь съ лапами выдвинутыми къ Германіи, что уже проявляетъ азіятскую натуру (?). Все что находится болѣе назадъ, къ востоку и югу, показываетъ ясныя очертанія азіятскаго хищнаго звѣря. Нѣтъ сомнѣнія что, въ виду господствующихъ въ данную минуту стремленій, для блага Россіи и спокойствія Европы было бы лучше если бъ *эта фигура стояла въ обратномъ смыслѣ*: европейское лицо съ сознательною силой къ Каспійскому морю, а спина къ Европѣ". Словомъ, для блага Нѣмцевъ необходимо, по словамъ автора, чтобы Россія обернулась къ нимъ... спиной! Да вѣдь „die Herren Katkow und Genossen" на это сѣтовать не будутъ!

Глубокомысленный сотрудникъ *Gegenwart*, впрочемъ, великодушно признаетъ что Россія все-таки имѣетъ историческую миссію: „возстановить и обезпечить старыя сухопутныя сообщенія между Европой и Индіей. Это не легкая задача, и нѣкоторое время Россія полагала что для этого ей необхо-

димо обезпечить за собою морской путь чрезъ Дарданеллы... *Но этого не дозволяютъ интересы политическіе, обусловливающіе европейское равновѣсіе, и Россія врядъ ли когда-нибудь добьется этой цѣли,*—тѣмъ болѣе что ея эгоистическая близорукая *политика послѣднихъ лѣтъ* (?) обратила во враговъ тѣхъ, чья дружба одна и придавала ея претензіямъ на Балканскомъ полуостровѣ призракъ права. Если Россія нуждается въ свободномъ выходѣ на море, пускай она ищетъ его въ Персидскомъ заливѣ или на берегахъ Индіи."

Итакъ, Россія имѣла призракъ права на Балканскій полуостровъ только благодаря дружбѣ Германіи и Австріи. Но „ея политика послѣднихъ лѣтъ", то-есть участіе въ тройственномъ союзѣ, превратила этихъ друзей во враговъ, и намъ о Дарданеллахъ даже мечтать болѣе нечего. Нѣмцы великодушно предоставляютъ намъ роль будочниковъ, охраняющихъ торговый путь между Берлиномъ и Калькуттой, и для этого совѣтуютъ намъ совершенно перемѣнить фронтъ: перенести наши лица, то-есть Остзейскія провинціи, къ Каспійскому морю и обратиться къ Германіи противоположною частью.

Не знаемъ согласятся ли остзейскіе Нѣмцы перебраться въ Туркестанъ. Что же касается обращенія спиной къ Германіи,—то на это согласиться можно.

А у насъ есть еще дипломаты которые скорбятъ о кончинѣ тройственнаго союза, между тѣмъ какъ сами Нѣмцы признаютъ что этотъ союзъ превратилъ нашихъ друзей въ нашихъ враговъ и лишилъ насъ даже призрака права на Балканскомъ полуостровѣ!

Кстати. Только-что полученная книжка (отъ 15 апрѣля) *Revue des Deux Mondes* содержитъ статью извѣстнаго писателя, г. Анатоля Леруа-Больё *La religion, le sentiment religieux et le mysticisme en Russie.* Авторъ этого труда основательно изучалъ наше отечество и всѣмъ извѣстенъ обширный трудъ его *Empire des tsars et les Russes.* Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ вышеупомянутой статьи.

„Соціализмъ, анархизмъ, или, говоря общѣе, революціонный духъ, есть старшій сынъ невѣрія, справедливо говоритъ г. Анатоль Леруа-Больё. Вѣру въ небо замѣняютъ земныя утопіи. Въ наше время, между вопросами религіозными и соціальными всюду существуетъ соотношеніе явное даже для неопытныхъ глазъ, и съ каждымъ поколѣніемъ это соотношеніе

будетъ все очевиднѣе. Лишенные земныхъ надеждъ, народныя массы стремятся къ единственной открывающейся для нихъ компенсаціи. Утративъ вѣру въ вѣчное блаженство, онѣ требуютъ земныхъ наслажденій, и революціонный соціализмъ занимаетъ у нихъ мѣсто религіи. При исчезновеніи религіознаго чувства, борьба классовъ становится рокомъ; соціальный порядокъ, предъ разнузданными страстями, не имѣетъ другой гарантіи кромѣ силы."

Невѣріе и послѣдствія его — вотъ ужасная, неизлѣчимая язва разъѣдающая западно-европейскія государства и грозящая имъ страшною катастрофой. Это не разница денежныхъ курсовъ которая можетъ быть всегда поправлена; это *основа жизни*, опорный пунктъ ея; и эти-то основы, по свидѣтельству французскаго писателя, глубоко потрясены на Западѣ, послѣдствіемъ чего является съ каждымъ днемъ все большее и большее разложеніе общества.

Поколебаны ли эти жизненныя основы въ Россіи? Нѣтъ, отвѣчаетъ авторъ. „У Русскихъ, въ теченіе многихъ столѣтій, религія остается главною, единственною опорой общества. Въ народномъ сознаніи заключается великое препятствіе для революціи. Все тяжелое зданіе русскаго могущества зиждется на привязанности, на уваженіи, на любви къ Царю. Но это народное чувство исходитъ изъ церкви."

Русскій мужикъ имѣетъ „невидимую сдержку, болѣе сильную чѣмъ всякая полиція и бюрократія,—вѣру. Безъ этой вѣры, Россія уже изо всѣхъ странъ Стараго и Новаго свѣта, была бы наиболѣе революціонною, наиболѣе потрясенною."

Приступы тяжкой болѣзни, которою страдаетъ извѣстная часть „интеллигенціи" авторъ объясняетъ единственно утратой вѣры. „На Востокѣ Европы, также какъ и на Западѣ, ослабленіе религіознаго чувства имѣло одни и тѣ же результаты. Мѣсто оставшееся по утратѣ вѣры христіанской пустымъ наполняется духомъ утопій и соціалистическихъ мечтаній. Культъ невидимаго замѣщается культомъ грубой реальности, обѣтованія небеснаго Іерусалима—призракомъ гуманитарнаго рая."

Русскіе религіозны по существу, а не вслѣдствіе доводовъ ума. Поэтому, даже тѣ несчастные люди которые думаютъ что отбросили вѣру, въ сущности лишь замѣняютъ Бога—кумиромъ и всякимъ другимъ подобіемъ которымъ служатъ съ тою же горячностью какъ другіе Богу.

„Россія, свидѣтельствуетъ французскій изслѣдователь, долго изучавшій Россію и хорошо знающій нашъ языкъ, есть почти единственная въ Европѣ страна, гдѣ народъ сохранилъ чувство невидимаго, гдѣ онъ чувствуетъ себя дѣйствительно въ общеніи съ надземнымъ міромъ."

„Русскій народъ есть народъ христіанскій не по внѣшности только, но по существу, по духу, по сердцу. Въ религіи мужика, какъ бы покрытой слоемъ грубости и невѣжества, часто найдете религіозное чувство во всей его благородной чистотѣ. Подъ этимъ полуязычествомъ, подъ заблужденіями странныхъ сектъ, проявляется христіанскій духъ тѣмъ что онъ имѣетъ наиболѣе внутренняго, ему исключительно свойственнаго, такъ какъ онъ почти никогда не проявляется въ народныхъ массахъ большей части западныхъ странъ. Изо всѣхъ современныхъ народовъ, въ русскомъ наиболѣе встрѣчаются качества отличающія христіанство ото всѣхъ другихъ религій, каковы милосердіе, человѣколюбіе и, что рѣдко можно встрѣтить среди простаго народа на Западѣ, духъ аскетизма, самоотреченія, нестяжательность, готовность къ жертвѣ. Плохо понимая богословскія ученія, мужикъ понимаетъ ученіе и заповѣди Христа; своимъ сердцемъ онъ чувствуетъ духъ этого ученія. У него душа христіанская. Изъ-подъ примѣси суевѣрій и ржавчины сектъ просвѣчиваетъ евангельское золото."

„Это пониманіе Евангелія, это расположеніе проникаться христіанскимъ чувствомъ, какъ кажется, составляютъ часть національнаго генія, зависятъ отъ тайнаго сродства христіанской вѣры съ основою русской души. Въ извѣстномъ своемъ парадоксѣ, Тертулліанъ (учитель церкви конца III и начала IV вв.) говоритъ что душа по природѣ христіанка (anima natura christiana). Если когда-либо это было справедливо, то въ особенности по отношенію къ Россіи. Между Евангеліемъ и Русскою натурой есть какое-то соотвѣтствіе (conformité), и даже трудно рѣшить что принадлежитъ собственно вѣрѣ и что—народному темпераменту. Всѣмъ извѣстно что упавъ на русскую землю, среди лѣсовъ и степей, таинственное сѣмя Евангелія пало не на безплодную почву. Терніи язычества и шипы суевѣрія не помѣшали этому сѣмени возрасти здѣсь и дать самые нѣжные цвѣты, самые лучшіе плоды. Этотъ народъ, который иными изъ его сыновъ ставится внѣ христіанства, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые сохранили идею святости; это высокое чувство, столь чуждое

народнымъ массамъ Запада, у Русскихъ стало народнымъ и живымъ, вмѣстѣ со всѣмъ что̀ оно имѣетъ высокаго и необычнаго для насъ. Русскій крестьянинъ есть почти единственный въ Европѣ, который ищетъ жемчужину Евангельской притчи и цѣлуетъ руку которая находитъ ее. Онъ любитъ крестъ; онъ не только на тѣ носитъ крестъ, мѣдный или киларисный, онъ радуется нося его въ своемъ сердцѣ. Онъ понимаетъ цѣну страданія и ощущаетъ его благодать. Онъ чувствуетъ дѣйственность покаянія, ему сладостна горечь искупленія грѣха. Одною изъ приманокъ увлекающихъ Русскій народъ въ разныя секты бываетъ желаніе пострадать за истину, жажда гоненій и мученичества."

„Странное явленіе представляетъ современная русская литература. Почти цѣликомъ принадлежащая скептикамъ и вольнодумцамъ, она въ нѣкоторомъ смыслѣ есть одна изъ религіознѣйшихъ въ Европѣ. Тайная основа ея, часто даже безсознательно, есть христіанская. Романисты прежде всего заняты душей, совѣстью, міромъ душевнымъ; они съ тревожною заботливостью ищутъ разрѣшенія задачи жизни и таинственныхъ судебъ человѣчества. Вопреки ихъ раціонализму, религіозное чувство проникаетъ всюду, даже туда откуда его гонятъ. У нихъ христіанство какъ бы улетучивается. Къ нимъ можно примѣнить одно изъ прекрасныхъ сравненій одного нашего мыслителя: подобно сосудамъ которые пролитаны еще исларившимися благовоніями, русская литература, равно какъ и русская душа, часто бываетъ пролитана чувствомъ исчезнувшей вѣры. Изъ народа какъ отъ земли поднимается до холодныхъ литературныхъ слоевъ нѣчто въ родѣ религіознаго исларенія."

VIII.

Университетскій вопросъ въ Германіи.

Моск. Вѣд. № 104, 16 апрѣля.

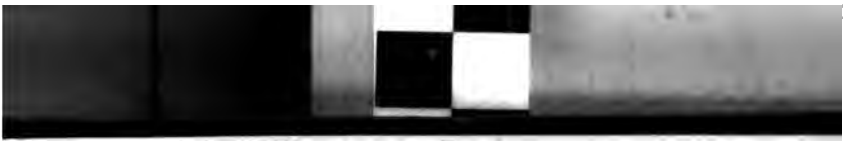
Въ только-что вышедшей книжкѣ нѣмецкаго педагогическаго журнала *Zeitschrift für das Gymnasialwesen* помѣщена интересная статья извѣстнаго педагога В. Шрадера, озаглавленная *Къ реформѣ университетовъ*. Г. Шрадеръ, авторъ классическаго сочиненія *Erziehungs-und Unterrichtslehre*,

прослужилъ всю свою жизнь на педагогическомъ поприщѣ, занимая высшіе посты въ учебной администраціи, и пользуется несомнѣннымъ авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ средняго и высшаго образованія. Поэтому не удивительно что его статья обратила на себя особое вниманіе въ германскомъ учебномъ и ученомъ мірѣ, гдѣ теперь съ такимъ оживленіемъ обсуждается вопросъ объ улучшеніи университетскаго преподаванія, въ особенности на юридическомъ факультетѣ, съ которымъ и въ Германіи не придумаютъ что сдѣлать.

Для насъ статья г. Шрадера имѣетъ, кромѣ того, еще тотъ интересъ что почтенный авторъ ея предпосылаетъ своему обсужденію о желаемой реформѣ германскихъ университетовъ довольно обстоятельное изложеніе совершившейся у насъ университетской реформы, высказывая при этомъ и свой взглядъ на нее.

Касаясь прежде всего вопроса который и у насъ игралъ выдающуюся роль въ дѣлѣ университетской реформы,—именно вопроса о томъ должно ли правительство регулировать организацію университетскаго образованія,— г. Шрадеръ утверждаетъ что дѣло правительства именно и состоитъ въ томъ чтобъ „удерживать университеты отъ односторонностей и блужданій по окольнымъ путямъ если эти односторонности и блужданія могутъ причинить ущербъ государственнымъ интересамъ.“ „Правительству“, говоритъ г. Шрадеръ, „предлежитъ вступаться въ университетскія дѣла съ цѣлью помощи и надзора, въ особенности потому что правительство имѣетъ право требовать отъ университетовъ той полноты преподаванія которая необходима для предварительнаго образованія лицъ поступающихъ на государственную службу.“ Въ виду этихъ соображеній, г. Шрадеръ приходитъ къ тому выводу что „вліяніе правительственной власти на университеты должно проявляться главнымъ образомъ въ опредѣленіи экзаменныхъ требованій и въ назначеніи университетскихъ преподавателей.“

Переходя къ подробному разсмотрѣнію реформы Русскихъ университетовъ, совершившейся на основаніи закона 3 августа 1884 года, г. Шрадеръ начинаетъ естественнымъ образомъ съ изображенія того крайняго упадка къ которому привелъ наши университеты злополучный Головнинскій уставъ 1863 года. Уставъ этотъ г. Шрадеръ считаетъ образцомъ „необдуманности“ и предостерегаетъ нѣмецкіе университеты



отъ тѣхъ „необыкновенныхъ опасностей которыя навлекаются на высшія образовательныя заведенія страны подобными необдуманными мѣропріятіями (welch ungemeine Gefahren durch übereilte Anordnungen für die höchsten Bildungsanstalten eines Landes heraufbeschworen werden)."

Какъ на самые существенные недостатки прежняго состоянія университетовъ, г. Шрадеръ указываетъ въ особенности, во-первыхъ, на то обстоятельство что „профессорская коллегія фактически пополнялась собственнымъ выборомъ безъ рѣшающаго участія правительства," а во-вторыхъ, на то что „въ томъ случаѣ когда студенты и проявляли какую-нибудь научную дѣятельность, они ограничивались лишь заучиваніемъ литографированныхъ лекцій своихъ преподавателей." Но не меньшее зло, по мнѣнію г. Шрадера, заключалось и въ томъ что „испытанія производились поверхностно и съ чрезмѣрною снисходительностью, стипендіи распредѣлялись неправильно, а дисциплина среди студентовъ пришла въ упадокъ, вслѣдствіе слабости профессоровъ и ихъ популярничанья". Неудивительно послѣ того что „среди студентовъ проявлялись грубыя возмущенія, развѣтвлялась нигилистическая и анархическая пропаганда, усиливалась безнравственность, лекціи посѣщались небрежно, а приготовленіе къ испытаніямъ отличалось механичностью".

Шрадеръ весьма естественно приходитъ въ ужасъ отъ этихъ, столь знакомыхъ намъ, явленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изумляется тому, не менѣе намъ извѣстному, факту что находились люди упорно защищавшіе до послѣдней минуты эти безобразія. „Въ высшей степени странно", говоритъ почтенный педагогъ, „что большинство ректоровъ и профессоровъ не сочувствовали реформѣ, желавшей конечно усилить вліяніе государства и ограничить академическую необузданность, и закрывали глаза предъ зловредными послѣдствіями прежней организаціи или же старались утѣшить себя лустыми фразами". „Но еще поразительнѣе, продолжаетъ онъ, тотъ фактъ что Государственный Совѣтъ, несмотря на прежній горькій опытъ, почти постоянно присоединялся ко мнѣнію этого большинства въ томъ фактически уже опровергнутомъ упованіи будто дарованная университетамъ свобода сама сумѣетъ исцѣлить свои собственные недуги. Тѣмъ выше слѣдуетъ цѣнить тотъ фактъ что, несмотря на это сопротивленіе, министръ Деляновъ, опираясь на небольшое по числу,

но разумное (einsichtig) меньшинство, провелъ свои реформы, и что реформы эти удостоились одобренія Государя."

Приведя затѣмъ главныя основанія реформы 1884 года, г. Шрадеръ указываетъ на условія при которыхъ только и можно разчитывать на успѣхъ этого важнаго преобразованія. Нѣтъ сомнѣнія что г. Шрадеръ вполнѣ правъ если онъ главнымъ условіемъ преуспѣянія нашихъ университетовъ ставитъ то требованіе чтобы состоящіе на государственной службѣ профессора „искреннѣе посвящали себя государственнымъ интересамъ (den russischen Beamten, auch den Professoren gezieme unbefangenere Hingabe an den Staatszweck)." Дѣйствительно, если до сихъ поръ наши университеты не пришли еще въ полное нормальное положеніе послѣ совершившагося преобразованія, то въ этомъ виновата, кромѣ новизны дѣла, та намѣренная небрежность и та часто нескрываемая антипатія съ которою относятся къ новому закону тѣ именно люди которые яростно противодѣйствовали его введенію и которымъ приходится быть его исполнителями. Эти люди дѣлаютъ все что̀ отъ нихъ зависитъ (а отъ нихъ при данныхъ условіяхъ зависитъ почти *все*) чтобы дискредитировать новый уставъ въ глазахъ своихъ товарищей, студентовъ, общества и даже правительства! Иные профессора, вовсе не исполняя возложенныхъ на нихъ обязанностей или же намѣренно исполняя ихъ небрежно и превратно, содѣйствуютъ такимъ образомъ дезорганизаціи университетскаго преподаванія, а затѣмъ со злорадствомъ и ликованіемъ указываютъ встрѣчному и поперечному на „прелести новаго устава". Другіе стараются раздуть тѣ временныя неудобства которыя присущи всякому новому дѣлу чтобы затѣмъ притворно возмущаться ими какъ „коренными недостатками новаго положенія". Третьи, наконецъ, встревоженные въ своемъ прежнемъ *dolce far niente*, жалуются на то что новый уставъ взвалилъ на нихъ геркулесовскую работу. Мы уже не говоримъ о недобросовѣстности нѣкоторыхъ профессоровъ которые кричатъ будто „правительство принизило науку", выдавая тотъ *минимумъ* научныхъ знаній которыхъ правительство *требуетъ* отъ кончающихъ курсъ въ университетѣ студентовъ за какой-то *максимумъ* научнаго уровня, далѣе котораго правительство будто бы *запрещаетъ* идти студенту въ его университетскихъ занятіяхъ. Дѣйствительно, эти люди, отстаивавшіе съ такимъ „убѣжденіемъ" тѣ университетскія

безобразія которыя привели почтеннаго г. Шрадера въ изумленіе, не могли такъ скоро перемѣниться и дорости до сознанія что имъ слѣдуетъ „искренно лосвящать себя *государственнымъ* интересамъ.“ Они мечтаютъ лишь о томъ чтобъ, изъ чисто эгоистическихъ видовъ, возвратить университеты къ тому времени когда они, подъ охраной устава 1863 года, по вѣрному опредѣленію г. Шрадера, „противорѣчили интересамъ государства, руководились духомъ касты и лишь въ слабой степени служили цѣлямъ науки“.

Г. Шрадеръ указываетъ еще на другія условія которыя могутъ содѣйствовать преуспѣянію новой реформы и которыя въ сущности находятся въ прямой зависимости отъ вышеуказаннаго коренного условія добросовѣстнаго, искренняго и симпатическаго содѣйствія новому уставу со стороны профессоровъ. Это, во-первыхъ, „установленіе правильной и постоянной традиціи во всей университетской организаціи“ и, во-вторыхъ, „самостоятельное развитіе историко-филологическихъ наукъ, способныхъ создать достаточно богатую научную литературу для дальнѣйшихъ занятій русскихъ студентовъ“.

При этихъ условіяхъ, предсказываетъ г. Шрадеръ, „можетъ явиться желанный плодъ новаго устава: *нравственное возрожденіе студентовъ*. Серіозная воля, добросовѣстная предусмотрительность и твердое убѣжденіе законодателя вполнѣ заслужили этотъ плодъ; но, само собою разумѣется, сразу онъ не созрѣетъ.“

Никто и не могъ ожидать чтобы плодъ этотъ „сразу созрѣлъ“; но требуется чтобы садовники которымъ поручевъ уходъ за этимъ плодомъ *содѣйствовали*, а не *противодѣйствовали* постепенному его созрѣванію.

Впрочемъ, „правильная и постоянная традиція“, о которой говоритъ г. Шрадеръ, установится у насъ лишь когда впервые будутъ произведены тѣ государственные экзамены, организація которыхъ должна лечь въ основаніе всего новаго университетскаго зданія. Пока студенты не будутъ знать по опыту *чего* отъ нихъ будутъ требовать на этихъ экзаменахъ и пока они будутъ находиться въ неизвѣстности о томъ *какъ* будутъ производиться эти экзамены, они естественнымъ образомъ будутъ находиться въ неопредѣленномъ положеніи, которое конечно легко могутъ эксплуатировать въ свою пользу сторонники прежнихъ безобразій. Первый государственный

экзаменъ приведетъ въ ясный и прочный порядокъ все что до сихъ поръ является еще неопредѣленнымъ и колеблющимся въ организаціи нашего университетскаго преподаванія.

Необходимо поэтому чтобы система государственныхъ экзаменовъ, которая нынѣ служитъ предметомъ обсужденія въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, была организована на прочныхъ основаніяхъ и по зрѣло обдуманнымъ соображеніямъ, такъ какъ она будетъ регулировать всю дальнѣйшую жизнь нашихъ университетовъ и отъ нея будетъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ университетской реформы.

Но еще важнѣе чѣмъ организація государственныхъ экзаменовъ будетъ для судьбы русскихъ университетовъ выборъ тѣхъ лицъ которымъ правительство поручитъ высокое право и многотрудную обязанность быть экзаминаторами молодыхъ людей кончившихъ курсъ университетскаго ученія. Въ дѣлѣ назначенія этихъ экзаминаторовъ всякая ошибка со стороны правительства можетъ имѣть роковое значеніе. Производство экзаменовъ должно находиться въ рукахъ людей вполнѣ серіозныхъ, преданныхъ правительству и, по выраженію Шрадера, „искренно посвятившихъ себя государственнымъ интересамъ“.

При разрѣшеніи вопроса о наилучшей организаціи экзаменовъ для насъ имѣетъ особый интересъ рѣчь произнесенная 12 марта н. ст. знаменитымъ германскимъ юристомъ Рудольфомъ Гнейстомъ въ засѣданіи Берлинскаго Юридическаго Общества и напечатанная, въ видѣ статьи, въ *National-Zeitung* (въ №№ отъ 18, 19 и 22 марта). Маститый ученый касается въ своей статьѣ, точно такъ же какъ и г. Шрадеръ, вопроса о реформѣ юридическаго факультета въ Германіи. Этотъ факультетъ имѣетъ въ германскихъ университетахъ почти такое же ненормальное положеніе какъ и у насъ. По свидѣтельству профессора Гнейста, читающаго уже около пятидесяти лѣтъ въ Берлинскомъ университетѣ, въ Германіи есть студенты принадлежащіе къ различнымъ корпораціямъ и считающіе „дѣломъ чести“ *никогда* не посѣщать аудиторіи; „всѣ эти студенты, говоритъ профессоръ Гнейстъ, принадлежатъ преимущественно къ юридическому факультету“. Но и тѣ студенты-юристы которые посѣщаютъ университетскія аудиторіи работаютъ плохо и поверхностно. Этотъ общепринятый грустный фактъ очень заботитъ всѣхъ серіозныхъ людей въ

Германіи, и появилась уже цѣлая литература, предлагающая различныя средства къ его устраненію.

Профессоръ Гнейстъ весьма основательно указываетъ на одинъ изъ главныхъ источниковъ этого зла. Источникъ этотъ—слабость и небрежность экзаминаторовъ. А небрежность эта происходитъ, по мнѣнію г. Гнейста, отъ того что члены этихъ коммиссій смотрятъ на свою обязанность какъ на какую-то тяжелую и притомъ плохо оплачиваемую обузу, не влекущую за собой никакой серіозной отвѣтственности. Къ тому же назначеніе членовъ этихъ коммиссій подвергается такимъ случайностямъ что въ составъ ихъ входятъ иногда лишь узкіе спеціалисты по какимъ-нибудь очень ограниченнымъ научнымъ вопросамъ, не имѣющіе достаточной компетентности для производства *общенаучнаго* экзамена, которымъ должны подвергаться молодые люди кончающіе университетскій курсъ. Къ тому же для серіознаго экзамена необходима хорошая педагогическая опытность, которую не могутъ пріобрѣсти должнымъ образомъ случайно назначаемые по очереди члены испытательныхъ коммиссій. При этихъ условіяхъ единственная традиція которая вырабатывается въ этихъ коммиссіяхъ есть традиція слабости и небрежности, имѣющія своимъ естественнымъ послѣдствіемъ постепенное пониженіе юридическихъ занятій въ германскихъ, преимущественно прусскихъ университетахъ.

Единственнымъ выходомъ изъ этого ненормальнаго положенія, профессоръ Гнейстъ считаетъ „учрежденіе постоянной коллегіи изъ небольшаго числа отборныхъ экзаминаторовъ по призванію (ein ständiges Kollegium besetzt mit einer kleinen Elite von Examinatoren von Beruf)“. Коллегія эта, по его мысли, должна бы состоять примѣрно изъ одного или двухъ предсѣдателей и шести постоянныхъ членовъ, къ которымъ могли бы быть присоединяемы шесть добавочныхъ членовъ какъ для экзаменовъ по отдѣльнымъ спеціальностямъ, такъ и для составленія „пробнаго“ контингента экзаминаторовъ изъ котораго правительство могло бы выбирать вновь назначаемыхъ постоянныхъ членовъ. Такимъ образомъ, установится полезная традиція и не заведется вредной рутины. Предсѣдатели и постоянные члены должны получать отъ правительства постоянное годовое содержаніе, тогда какъ добавочные члены могли бы получать суточное вознагражденіе по мѣрѣ своихъ занятій. Вознагражденіе постоянныхъ

положить начало этой необходимой традиціи, безъ которой академическая свобода можетъ привести насъ еще къ худшимъ результатамъ чѣмъ въ Германіи.

IX.

Напраслина на нашъ кредитный рубль.

Моск. Вѣд. № 108, 20 апрѣля.

Всѣ видятъ, одни радуясь, другіе скорбя, небывалое паденіе нашего вексельнаго курса, доходящее до 44,5% ниже пари. Въ концѣ минувшаго года и въ началѣ нынѣшняго, вексельный курсъ нашъ держался еще на 239 сантимовъ на Парижъ, 192¾ пфениговъ на Берлинъ и 22 11/16 пенсовъ на Лондонъ. Въ половинѣ текущаго апрѣля, нашъ вексельный курсъ стоялъ уже на Парижъ 223 сантимовъ, на Берлинъ 179 пфениговъ и на Лондонъ 21⅛ пенсовъ. Итакъ, въ три съ половиной мѣсяца вексельный курсъ нашъ упалъ на 7%. Полуимперіалы прежняго чекана, продававшіеся въ первыхъ числахъ января на Петербургской биржѣ по 8 р. 72 к., не продаются 17 апрѣля и по 9 р. 31 к. За полуимперіалы новаго чекана, которые отдавались 2 января продавцами по 8 руб. 45 коп., покупатели напрасно предлагаютъ 14 апрѣля 9 р.: на такую цѣну не находится продавцовъ; эти полуимперіалы не отдаются дешевле 9 р. 4 коп. Вообще, какъ относительно золота, такъ и переводовъ на золото, нашъ кредитный рубль въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ упалъ на 7%, доставивъ новый поводъ торжествовать нашимъ финансовымъ доктринерамъ, видящимъ исцѣленіе финансовыхъ недуговъ страны въ огненной казни кредитныхъ билетовъ. Наблюдая обнаружившееся послѣ Восточной войны паденіе нашего вексельнаго курса, господа эти, прикрываясь мантіей учености, авторитетно заявляли: вся наша бѣда отъ избытка кредитныхъ билетовъ; сожгите часть ихъ, и вексельный курсъ *непремѣнно* поднимется. Лжедоктринерство одержало верхъ надъ здравымъ смысломъ, и начались аутодафе. Однако нашъ вексельный курсъ, вслѣдствіе этого, не только не повысился, но упалъ еще болѣе. Недостаточно ходко идетъ истребленіе кредитныхъ билетовъ, говорили не смущаясь наши финансовые мудрецы, и для вящаго торжества измышленной ими доктрины

продолжали усиленно обременять государственный бюджетъ золотыми займами, заключаемыми на веденіе войны съ кредитными билетами. Не мало израсходовано средствъ на эту войну, имѣвшую плачевные результаты: обремененіе Государственнаго Казначейства значительнымъ ежегоднымъ платежомъ процентовъ по займамъ и новое паденіе векселькаго курса. Но такъ какъ наши финансовые доктринеры не имѣютъ очей чтобы видѣть, то конечно и нынѣшнее паденіе векселькаго курса и кредитнаго рубля они направятъ къ торжеству своего лжеученія. Посмотрите, скажутъ они, какъ низко упалъ нашъ векселькый курсъ,—а отчего? не оттого ли, скажутъ они, что новый министръ Финансовъ не сторонникъ сожженія кредитныхъ билетовъ?

Отдадимъ справедливость этимъ господамъ: они послѣдовательны въ проведеніи абсурда; но тѣмъ болѣе нельзя дозволить имъ продолжать издѣвательство надъ наукой и выдавать нелѣпости за ея окончательные выводы. Какого качества ихъ ученость, это видно уже изъ того что они проморгали важный, привлекающій къ себѣ всеобщее вниманіе вопросъ о биметаллизмѣ,—который въ дѣйствительности и есть ключъ къ изслѣдованію причины паденія нашего векселькаго курса. Не дерзость ли требовать во имя науки столь дорого стоящаго Россіи безсмысленнаго сожженія кредитныхъ билетовъ, когда здравый смыслъ и непререкаемые факты свидѣтельствуютъ что паденіе нашего векселькаго курса и утрата кредитнымъ рублемъ значительной части его металлической цѣнности обусловливается не столько паденіемъ цѣнности кредитнаго рубля сколько значительнымъ пониженіемъ цѣны серебра, составляющаго нашу денежную единицу? Обезцѣненіе серебра, вотъ основная причина нашихъ финансовыхъ затрудненій.

Съ начала января текущаго года нашъ векселькый курсъ и кредитный рубль на золотую валюту, какъ сказано выше, упали на 7%. Но рядомъ съ этимъ паденіемъ кредитнаго рубля на золото оказывается странный фактъ повышенія его на столько же процентовъ на серебро. Когда кредитный рубль предлагался въ началѣ января за $59{,}_{18}$ золотыхъ копѣекъ, онъ выручалъ только 69 серебряныхъ копѣекъ; нынѣ за кредитный рубль не даютъ болѣе $55{,}_{25}$ золотыхъ копѣекъ, а между тѣмъ на него можно купить уже не 69 серебряныхъ копѣекъ, какъ въ январѣ, а 74. Такимъ образомъ, изъ бирже-

АПРѢЛЬ.

Стр.

Крупное землевладѣніе въ Западной Европѣ и въ Россіи. Гл. V—VIII. *К. Ѳ. Головина*..... 433

Дѣти Солнцевыхъ. Изъ записокъ институтки двадцатыхъ годовъ. Гл. I—III. *В.* (Автора повѣсти *Отчего*)... 480

Воспоминанія офицера о военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ въ 1853 и 1854 годахъ. Изъ дневника. *П. Б.*... 565

Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ. Гл. I—II. *Д. В. Цвѣтаева*.... 600

Въ дальнихъ водахъ и странахъ. Гл. XXIX. *В. В. Крестовскаго*..... 659

Сквозь огонь страсти. Романъ. Часть вторая. Гл. V—X. *Д. М. Позняка*..... 716

Что такое Абиссинія и чего хотятъ отъ нея Италіянцы. *Е. Бѣлозерскаго*..... 801

Стихотворенія: I. А. А. Фету. *Анатолія Александрова*.— II. Я. П. Полонскому. *А. Н. Майкова*..... 817

Библіографія. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ. 819

Современная лѣтопись. I. Наша дипломатія обличаемая Бисмаркомъ въ измѣнѣ долгу.—II. Германскія вооруженія.—III. Залугиваніе союзами.—IV. Германія съ Франціей.—V. Афганскій вопросъ въ Петербургѣ.—VI. Болгарская смута и наши друзья.—VII. Два отзыва о Русскомъ народѣ.—VIII. Университетскій вопросъ въ Германіи. — IX. Налраслина на нашъ кредитный рубль..... 828

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Бухгольцы въ Италіи. *Юліуса Штинде.* Переводъ съ нѣмецкаго. Окончаніе.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03064 2613